

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

The Bryansk State University Herald

№ 2
2014

ИСТОРИЯ / ПРАВО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

HISTORY / LAW
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS

ББК 74.58

В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (2014): История. Право. Литературоведение. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2014. 425 с.

Редакционная коллегия:

А.В. Антюхов – ректор БГУ, доктор филологических наук, профессор; **(отв. редактор номера);**
М.Я. Блох – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка МПГУ;
С.Ф. Блуменау – доктор исторических наук, профессор БГУ
И.А. Биккулова – кандидат филологических наук, профессор БГУ;
А. Н. Ветошко – кандидат исторических наук, доцент БГУ;
С.Я. Гехтляр – доктор филологических наук, профессор БГУ;
И. Джамбов - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария;
С. В. Евтеев – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО;
Р. О. Курпниеце – доктор филологических наук, доцент Отделения Русистики и Славистики Латвийского университета;
Б. А. Ланин – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы ФГНУ;
М. Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри, Люблин, Польша;
С.Г. Малинников – кандидат философских наук, доцент БГУ;
С.И. Михальченко – доктор исторических наук, профессор БГУ **(отв. редактор по направлению «История»);**
В.И. Макаров – доктор филологических наук, профессор БГУ;
В.П. Ранчинский – кандидат исторических наук, профессор БГУ;
Г.Н. Россихина – кандидат филологических наук, профессор БГУ **(отв. редактор по направлению «Языкознание»);**
А.В. Шаравин – доктор филологических наук, профессор БГУ. **(отв. редактор по направлению «Литературоведение»);**

Editorial board:

A. V. Antyukhov - BSU Rector, Doctor of Philology, professor;(managing editor);
M. Ja Bloch – Doctor of Philology, professor, head department of English grammar of MPGU;
S.F. Blumenau - Doctor of Historical Sciences, professor BSU;
I.A. Bikkulova – Candidate of Philology, professor BSU;
A.N. Vetoshko - Candidate of Historical Sciences, the associate professor BSU;
S. Ya. Gekhtlyar - Doctor of Philology, professor BSU;
I. Dzhambov - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria;
S. V. Evteev – Candidate of Philology, professor, head department of German MGIMO;
R. O. Kurpniyetsa – Doctor of Philology, associate professor Rusistiki and Slavic philology of the Latvian university;
B. A. Lanin – Doctor of Philology, professor, head of the laboratory of literature FGNU;
M. Leshek - Doctor of Philology, university of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland;
S.G. Malinnikov - Candidate of Philosophy, associate professor BSU;
S. I. Mikhalchenko - Doctor of Historical Sciences, professor BSU (research area is history, managing editor);
V. I. Makarov - Doctor of Philology, professor BSU;
V.P. Ranchinsky- Candidate of Historical Sciences, professor BSU;
G. N. Rossikhina - Candidate of Philology, professor BSU(research area is linguistics, managing editor);
A. V. Sharavin - Doctor of Philology, professor BSU (research area is science of literature, managing editor);

В этом выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы по основным направлениям исследований ученых университета в области истории, литературоведения, языкознания.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс 47075

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Абраменко М. Е.</i> МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ И ОХРАННОЙ ЗОНЫ ТЫЛА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»(1941-1944)	13
<i>Агеев С.Е.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ РУССКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ.....	19
<i>Алексейчикова Н.Н.</i> ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ОТКЛОНЕНИЙ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ БЕЛОРУС- СКИХ ГОРОЖАН В XVI-XVIII ВВ.....	22
<i>Блохин В.Ф., Косарев С.И.</i> РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ КОНЦА 1870-Х ГГ	26
<i>Вильданова Р.К.</i> РОЛЬ УФИМСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТОРМЫШ» В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА В 1914-1918 Г Г.	31
<i>Гаврин Д.А.</i> БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В АВГУСТЕ 1914 Г.	34
<i>Гогорян К. Э.</i> ПРОТОИЕРЕЙ М. Ф. РАЕВСКИЙ И СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «РУССКАЯ ОСНОВА» В ВЕНЕ (1867-1873)	38
<i>Горбачев В.Г.</i> НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЗМ В ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ	44
<i>Гришин А.В.</i> СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К РАПАЛЛО ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.	47
<i>Дворецкий Е.В., Козлов К.В.</i> ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩНЫЕ СОВЕТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫМИ ШКОЛАМИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX –НАЧАЛЕ XX ВВ.	51
<i>Зозуля С.Ю.</i> К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В 1920-Х ГГ.: СОЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КАФЕДРЫ В НЕЖИНЕ.....	55
<i>Зверева К. О.</i> ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ ГОРОДОВ СИРИИ В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД	60
<i>Ковеля В.В.</i> «ЗАВЕРШАЮЩАЯ» КНИГА ИСТОРИКА М.Н. ТИХОМИРОВА.....	63
<i>Косихина С.С.</i> СТЮАРТОВСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В АНГЛИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ КРОМВЕЛЯ	67
<i>Куликова С.Г.</i> “ВЫГОДНЫЕ ГЕШЕФТЫ”: К ИСТОРИИ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРОЕКТА “НАЦИОНАЛИЗАЦИИ” ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	71
<i>Лентиков А.Н.</i> ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧ. XIX ВВ. В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ “ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА”.....	77
<i>Максимов А.И.</i> «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ДНЕВНИКАХ П.А.ВАЛУЕВА (1861-1864 ГГ.).....	84
<i>Малашенко И.В.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕОРИЙ.	89

<i>Манухин А.А.</i>	ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КУРСОВ США И РОССИИ В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.....	94
<i>Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.</i>	МЕМОУАРЫ Е.В.СПЕКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX В.	98
<i>Молодов О.Б.</i>	ПРОЦЕДУРА РЕГИСТРАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В 1940-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	101
<i>Мороз И.А.</i>	ПРОБЛЕМЫ АССОРТИМЕНТА И КАЧЕСТВА ТОВАРОВ В СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛЕ В 50-60Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	104
<i>Овчинников В. М.</i>	ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ АБСОЛЮТИЗМА ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЛЮДОВИКА XIV.....	110
<i>Пилюсова М.М.</i>	ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗЕМСКОЙ ПОЛИТИКИ (1860-Е ГГ.).....	114
<i>Прилуцкий В.В.</i>	ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЮЖНОГО СЕКЦИОНАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ XIX В. В США.....	119
<i>Психомахова А.Р.</i>	ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	124
<i>Разгонова А.В.</i>	ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕОДОЛЕНИЕ МИГРАНТОФОБИИ.....	126
<i>Русаковский В.К.</i>	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВЕНСТВА В НАКАЗАХ 1789 Г....	128
<i>Сагимбаев А.В.</i>	СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОЛОНИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИНДИИ НА РУБЕЖЕ 1910-1920-Х ГГ.....	136
<i>Соловьев Р.А.</i>	РЕФОРМА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В 1953-1964 ГГ. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УВОЛЬНЯЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....	140
<i>Федоров М.А.</i>	ПАРАДИГМА ОБРАЗНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ.....	145
<i>Шевель А. А.</i>	КРИЗИС СО СТРЕЛКОВЫМ ОРУЖИЕМ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОПЫТКИ ЕГО РЕШЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ РЫНКАХ.....	148
<i>Шендриков Е.А.</i>	БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 40-Й АРМИИ В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖА В АВГУСТЕ 1942.....	151
<i>Шинаков Е.А.</i>	ТРИ ПЕРВЫХ УПОМИНАНИЯ РУСОВ (РОСОВ)КОНЦА 30 – НАЧАЛА 40-Х ГГ. IX В. В МЕЖДУНАРОДНОМ АСПЕКТЕ.....	158
<i>Шувалов А.А.</i>	МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА В КОНЦЕ 1917 – ВНАЧАЛЕ 1918 ГГ.....	165
<i>Южаков В.П.</i>	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 – 1955 ГГ.....	168
<i>Ярыгин В.В.</i>	ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В США И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1888 Г.....	172

ПРАВО

<i>Азаров Д.В.</i>	О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	180
<i>Выскребенцева М.Ю.</i>	ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МИНИСТРОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ	184
<i>Закалюжная Н.В.</i>	СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ЗАЕМНОГО ТРУДА	188
<i>Зырянова И. А.</i>	К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	192
<i>Лановая Г.М.</i>	МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА	195
<i>Лиджаев К.В.</i>	ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ВИДУ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.....	200
<i>Оксамытный В.В.</i>	ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ	206
<i>Пономарева В. П.</i>	ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ГОРОДЕ ХАРБИНЕ 1920-1937	209
<i>Титченков В.А.</i>	СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ПЕРЕВОДА НА ДРУГУЮ РАБОТУ	214
<i>Цветков А.В., Соиников С.А.</i>	ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧ-НОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА.....	219

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бельская А. А.</i>	«ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»	224
<i>Бушунов А.Ю.</i>	ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЧУЖОГО ТЕКСТА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ В. ЕРМАКОВА «ОСАДОК ДНЯ»).....	231
<i>Волга А.Н</i>	СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ АВТОБИОГРАФИЗМА В ПОСЛАНИЯХ АНДРЕЯ КУРЬСКОГО РАЗНЫМ ЛИЦАМ	233
<i>Волкова А.Г.</i>	ЖАНР ДРАМАТИЧЕСКИХ ГОМИЛИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ЭНКОМИЙ БОГОРОДИЦЕ ПРОКЛА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО)	236
<i>Вороничев О. Е.</i>	О КАЛАМБУРООБРАЗУЮЩЕМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНВЕРСИИ.....	239
<i>Иванов К.Г.</i>	МОТИВ КАЗАЧЬЕГО БЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ТУРОВЕРОВА	242
<i>Илюточкина Н.В.</i>	ПРОСТРАНСТВО САДА В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»	249
<i>Кургузова Н.В.</i>	МОТИВ БОЛЕЗНИ В ДЕВИЧЬИХ РУКОПИСНЫХ РАССКАЗАХ.....	254
<i>Ломакина С.А.</i>	СВОЕОБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ В «ДЕРЕВЕНСКОМ» ПРОСТРАНСТВЕ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО (К ТИПОЛОГИИ ХАРАКТЕРА)	258
<i>Макаров В.И.</i>	А.А. ШАХМАТОВ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА.....	261
<i>Михеичева Е.А.</i>	ЛЕОНИД АНДРЕЕВ - ДАНИИЛ АНДРЕЕВ: МИССИЯ «ВЕСТНИЧЕСТВА».....	266
<i>Моспанова Н.Ю.</i>	ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ	270

<i>Сарин Е.И.</i>	СПЕЦИФИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПОУЧЕНИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.....	274
<i>Семенюк Ю.В.</i>	К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ «ЖИТИЯ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО» НА «ЧТЕНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ» НЕСТОРА.....	279
<i>Скибина О.М.</i>	В. Л. КИГН-ДЕДЛОВ И А. П. ЧЕХОВ: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	281
<i>Склема Т.В.</i>	БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ОБРАЗЕ ДАНА АСПИДА АНТИХИСТА В РОМАНЕ «ПСАЛОМ» Ф. ГОРЕНШТЕЙНА.....	287
<i>Сопова А. С.</i>	РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА В МЕДИЙНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА)	289
<i>Фролов А.В.</i>	ДИХОТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ В ПАРАДИГМЕ ОБЩЕНАУЧНОГО ПРОГРЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ДАЛЕКАЯ РАДУГА»).....	293

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Айрапетян Р.Р.</i>	КОНТЕКСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМОВЫХ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ PUTTING	299
<i>Алборова А.А., Раздубев А.В.</i>	СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ И НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМ КИНОИНДУСТРИИ И НАНОТЕХНОЛОГИЙ).....	306
<i>Ахтаева Л.А.</i>	К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДИСКУРСА И НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЕГО ТИПОЛОГИИ: НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ СПЕЦИФИКИ ЭЛЕКТРОННОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	312
<i>Быков А.А.</i>	О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛЕНГА СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ.....	319
<i>Гукосьянц О.Ю.</i>	СПОСОБЫ МАСКИРОВКИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОММУНИКАНТОВ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧАТОВ	322
<i>Гехтляр С.Я.</i>	О СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОМ В ИСТОРИИ И БЫТОВАНИИ РУССКОГО СЛОВА.....	329
<i>Гришечкина А.М., Пичевская А.И.</i>	ОБУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АББРЕВИАТУР В ПОДГОТОВЛЕН- НОЙ/НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ.....	333
<i>Дмитриева М.Н., Сафонова Н.В.</i>	ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРРОГАТИВОВ В ДРЕВНЕНЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ.....	340
<i>Евтеев С.В.</i>	ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА.....	342
<i>Икатова И.И., Россихина Г.Н.</i>	КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРВИЧНОГО КОНТАКТОУСТАНОВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	344
<i>Кадар М.М.</i>	НАМЕКИ В РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ ДОМИНИРОВАНИЯ	348
<i>Кожанов А.А.</i>	НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ: ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	351
<i>Лавошников Ю. А.</i>	ТЮТЧЕВСКАЯ МЕТАФОРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ В. Я. БРЮСОВА.....	357
<i>Ливанова А.Н.</i>	ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ МАЛОГО ЯЗЫКА.....	360

<i>Маханова Г.Е.</i>	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СКУКА» СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ СТРУКТУРНЫМИ СХЕМАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПИСЬМАХ А.П.ЧЕХОВА.....	363
<i>Милютина Ю.В.</i>	ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ БИТЬ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ.....	368
<i>Овчинникова Н.Д.</i>	О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПЕРВИЧНОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ЖАНРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	370
<i>Оганова А.А.</i>	ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ-НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТОВ «PROFESIÓN» И «ПРОФЕССИЯ» В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	374
<i>Покора В.Н.</i>	ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЛЕКСИКОНОВ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА XIX-XX ВЕКОВ.....	377
<i>Раздубев А.В.</i>	НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	382
<i>Россихина М.Ю.</i>	НЕМЕЦКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН XIX И XXI ВЕКОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....	388
<i>Фонарев А.В.</i>	ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА.....	392
<i>Хасанова З.С., Милетова Е.В., Бугаенко Н.П.</i>	НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	397
<i>Чернышенко А.Г., Алимуратов О.А.</i>	ПРИКЛАДНАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ.....	408
<i>Чугунова С.А.</i>	ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ: СОМАТО-ЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	415
<i>Щенникова Н. В.</i>	РУССКИЙ ИДИОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИОПАССИВНОГО ЗАЛОГА.....	420

CONTENT

HISTORY

<i>Abramenka M. E.</i>	MEDICAL CARE TO THE POPULATION IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE GENERAL OKRUG BELARUS AND THE OFF-LIMITS ZONE OF THE REAR OF THE ARMY GROUP "CENTER" (1941-1944).....	13
<i>Ageev S.E.</i>	HISTORIOGRAPHY OF ACTIVITY OF PRIVATE RUSSIAN INDUSTRIALISTS OF SECOND HALF OF XIX-TH CENTURY IN TERRITORY OF THE CENTRAL RUSSIA	19
<i>Aleksejchikova N.N.</i>	THE IMPACT OF SOCIAL DEVIATIONS IN FAMILY LIFE OF THE BELARUSIAN CITIZENS IN THE XVI-XVIII CENTURIES	22
<i>Blohin V.F., Kosarev S. I.</i>	THE OPINIONS OF THE RUSSIAN PERIODICALS ABOUT THE FOREIGN POLICY OF ENGLAND IN THE LATE 1870S.....	26
<i>Vildanova R.K.</i>	THE ROLE OF THE «TORMYSH» NEWSPAPER FROM UFA IN THE DEMOCRATIC TRANSFORMATION OF THE TURKIC SOCIETY IN 1914-1918.....	31
<i>Gavrin D.A.</i>	FIGHTING ACTIVITY OF RUSSIAN CAVALRY ON SOUTHWEST FRONT IN AUGUST, 1914.....	34
<i>Gogoryan K. E.</i>	ARCHPRIEST MIKHAIL RAEVSKY AND STUDENT SOCIETY «RUSSKAYA OSNOVA» IN VIENNA (1867-1873).....	38
<i>Gorbachyev V.G.</i>	NATIONAL PATRIOTISM IN THE PARTY LIFE IN BRYANSK REGION	44
<i>Grishin A.V.</i>	SOVIET RUSSIA AND GERMANY ON THE WAY TO RAPALLO SEEN BY BRITISH AND AMERICAN HISTORIANS OF THE COLD WAR PERIOD.....	47
<i>Dvoreckiy E.B., Kozlov K.V.</i>	EPARCHICAL SCHOOL COUNCILS IN THE SYSTEM OF CHURCH SCHOOL MANAGEMENT IN RUSSIA AT THE END OF XIX-AT THE BEGINNING OF XX CENTURY.....	51
<i>Zozulya S.Yu.</i>	TO THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC INSTITUTIONS IN THE SOVIET UKRAINE IN 1920S.: CREATING THE RESEARCH DEPARTMENT IN NEZHYN.....	55
<i>Zvereva K.O.</i>	DOMESTIC TRADE SYRIA CITIES IN OTTOMAN PERIOD	60
<i>Kovelya V.V.</i>	THE "CLOSING" BOOK OF HISTORIAN M.N. TIKHOMIROV	63
<i>Kosihina S.S.</i>	STEWART OPPOSITION IN ENGLAND IN THE CONDITIONS OF CROMWELLS REGIM	67
<i>Куликова S.G.</i>	"FAVOURABLE DEALS": TO HISTORY OF THE CONSERVATIVE PROJECT "NATIONALIZATION" OF THE ELECTROTECHNICAL ENTERPRISES OF THE MOSCOW PROVINCES OF SECOND HALF XIX - THE BEGINNINGS OF XX CENTURIES	71
<i>Lentikov A.N.</i>	THE VIEWS OF THE RUSSIAN SCHOLARS WHO UPHELD A RESTATEMENT OF NATURAL LAW ON THE ISSUE OF FREEDOM AND EQUALITY IN FRANCE AT THE END OF XVIII – THE BEGINNING OF XIX CENTURIES.....	77
<i>Maksimov A.I.</i>	«THE POLISH QUESTION» IN P.A. VALUEVA'S DIARIES (1861-1864).....	84
<i>Malashenko I.V.</i>	THE STUDY OF ELECTORAL BEHAVIOR: A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN AND DOMESTIC THEORIES.....	89
<i>Manukhin A.A.</i>	IDEOLOGICAL PREREQUISITES OF U.S.-RUSSIAN FOREIGN POLICY CLASHES IN THE EARLY 2000 S	94

<i>Mikhailchenko S.I., Tkachenko E.V.</i>	
MEMOIRS BY E.V.SPEKTORSKY AS THE SOURCE ON THE HISTORY OF THE UNIVERSITY OF WARSAW LATE XIX-EARLY XX CENTURY.....	98
<i>Molodov O. B.</i>	
PROCEDURE OF REGISTRATION OF ORTHODOX PARISHES IN 1940th (ON THE ARCHIVAL MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION).....	101
<i>Moroz I.A.</i>	
PROBLEMS OF PRODUCT RANGE AND QUALITY OF GOODS IN THE SOVIET TRADE IN THE 50-60s OF THE XX CENTURY.....	104
<i>Ovchinnikov V.M.</i>	
THE MAIN TENDENCIES IN DEVELOPMENT OF THE MILITARY-POLITICAL DOCTRINE OF AN ABSOLUTISM IN FRANCE IN LOUIS XIV BOARD.....	110
<i>Pilusova M. M.</i>	
REFLECTION IN PERIODICALS OF THE STATE ZEMSKY POLICY (1860th).....	114
<i>Prilutskiy V.V.</i>	
IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE SOUTHERN SECTIONALISM IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY IN THE UNITED STATES.....	119
<i>Psihomahova A.R.</i>	
THE BASIC STAGES OF DEVELOPMENT OF THE SECULAR EDUCATION ON CAUCASUS IN SECOND HALF XIX CENTURY.....	124
<i>Razgonova A.V.</i>	
FORMATION OF CULTURE OF INTERETHNIC RELATIONS AND OVERCOMING THE MIGRANT PHOBIA.....	126
<i>Rusakovskiy V.K.</i>	
ECONOMICAL DEMANDS OF CLERGY IN THE GENERAL CAHIERS OF 1789.....	128
<i>Sagimbaev A.V.</i>	
SPECIFICS OF FORMATION OF ANTI-COLONIAL MOVEMENT IN A CONTEXT OF EVOLUTION OF THE BRITISH POLICY IN INDIA AT A BOUNDARY OF THE 1910-1920th.....	136
<i>Solovev R.A.</i>	
REFORM OF ARMED FORCES OF THE USSR IN 1953-1964 OF THE PROBLEM OF SOCIAL ADAPTATION OF DISMISSED MILITARY MEN.....	140
<i>Fedorov M.A.</i>	
THE PARADIGM OF THE FIGURATIVE UNDERSTANDING OF THE CATEGORY TIME IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT IN ENGLAND.....	145
<i>Shevel A.A.</i>	
RUSSIAN ARMY'S SMALL WEAPON CRISIS DURING THE FIRST WORLD WAR AND EFFORTS OF ITS DECISION AT ENGLISH AND AMERICAN MARKETS.....	148
<i>Shendrikov E.A.</i>	
BATTLE ACTION OF THE 40 th ARMY IN VORONEZH AREA IN AUGUST, 1942.....	151
<i>Shinakov E.A.</i>	
FIRST THREE MENTIONS OF "RUS" ("ROS") IN THE END OF 30-TH – BEGINNING OF 40-TH YEARS OF IX-TH CENTURY IN INTERNATIONAL ASPECT.....	158
<i>Shuvalov A.A.</i>	
MATERIAL WELL-BEING OF RUSSIAN OFFICER CORPS MEMBERS AT END OF 1917 – BEGINNING OF 1918.....	165
<i>Jgakov V.P.</i>	
USE OF WORK OF PRISONERS OF WAR AT THE ENTERPRISES OF THE TYUMEN AREA IN 1943 - 1955 S.....	168
<i>Yarygin V.V.</i>	
THE PARTY-POLITICAL CONFRONTATION IN THE USA AND PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 1888.....	172

LAW

<i>Azarov D.V.</i>	ABOUT SOME ASPECTS OF PARLIAMENTARY CONTROL IN RELATION TO JUDICIAL POWER ON THE LEVEL OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	180
<i>Vyskrebentseva M.Y.</i>	DEFINITION AND TYPES OF POLITICAL RESPONSIBILITY OF MINISTERS IN THE HISTORY OF DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL THOUGHT.....	184
<i>Zakaluzhnaya N.V.</i>	SYSTEM OF COORDINATION IN THE FIELD OF CONTRACT AND AGENCY LABOUR	188
<i>Zyryanova I.A.</i>	TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF CORRUPTION OFFENSE IN ELECTORAL PROCESS.....	192
<i>Lanovaya G.M.</i>	THE MECHANISM OF ACTION OF CRIMINAL LAW.....	195
<i>Lidzhaev K.V.</i>	PROBLEMS OF REALIZATION OF THE INSTITUTE CRIMINAL PROCEEDINGS IN MIND THE NEW DISCOVERED EVIDENCE	200
<i>Oksamytnyj V.V.</i>	LEGAL COMPARATIVE AS DIRECTION SOVRE-MENNOJ OF THE LEGAL SCIENCE.....	206
<i>Ponamoreva V.P.</i>	LEGAL HERITAGE OF LAW DEPARTMENT IN THE CITY OF HARBIN 1920-1937	209
<i>Titchenkov V.A.</i>	OF REGULATION OF TEMPORARY TRANSFER TO ANOTHER JOB BY AN AGREEMENT OF THE PARTIES	214
<i>Tsvetkov A.V.</i>	TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL BASIS OF CITIZENS' HEALTH PROTECTION FROM THE EFFECTS OF PASSIVE SMOKE AND CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION.....	219

SCIENCE OF LITERATURE

<i>Belskaya A.A.</i>	“PUSHKIN’S TEXT” IN THE I.S. TURGENEV’S NOVEL “NOBEL NEST”	224
<i>Bushunov A.J.</i>	CAUSES AND METHODS OF USING THE “ANOTHER’S TEXT” IN THE CURRENT LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF V. ERMAKOV’S BOOK “THE PRECIPITATE OF THE DAY”).....	231
<i>Volga A.H.</i>	METHODS OF INTRODUCING AN AUTOBIOGRAPHISM IN ANDREY KURBSKY’S LETTERS TO DIFFERENT PEOPLE	233
<i>Volkova A.G.</i>	THE GENRE OF DRAMATIC HOMILIES IN BYZANTINE LITERATURE (ENCOMIUM TO OUR LADY BY PROCLUS OF CONSTANTINOPLE).....	236
<i>Voronichev O.Ye.</i>	ABOUT PUNFORMING POTENTIAL OF LEXICAL GRAMMATICAL TRANSFORMATION AND INVERSION	239
<i>Ivanov K.G.</i>	MOTIVE OF THE COSSACK LIFE IN CREATIVITY N. TUOVEROVA	242
<i>Ilyutochkina N.V.</i>	GARDEN SPACE IN I.S. TURGENEV’S NOVEL «RUDIN»	249
<i>Kurguzova N.V.</i>	THE DISEASE MOTIVE IN GIRL'S MANUSCRIPT STORIES	254
<i>Lomakina S.A.</i>	ORIGINALITY OF CULTURAL PARADIGMS IN «VILLAGE» AREA BY GLEB USPENSKIY (ABOUT TYPOLOGY OF CHARACTER).....	258
<i>Makarov V.I.</i>	A.A. SHAKHMATOV ABOUT MISSION OF THE PERSON.....	261
<i>Miheicheva E.A.</i>	LEONID ANDREEV – DANIIL ANDREEV: “MESSENGER’S” MISSION.....	266

<i>Mospanova N.J.</i>	FEATURES OF FUNCTIONING OF EPITHETS IN RUSSIAN MAGIC FAIRY TALE	270
<i>Sarin E.I.</i>	SPECIFICITY OF THE AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE IN VLADIMIR'S LECTURE MONOMOVE	274
<i>Semenuk J.V.</i>	TO THE ISSUE OF THE INFLUENCE OF VYACHESLAV CHESHKYS BEING ON READING ABOUT BORIS AND GLEB BY NESTOR.....	279
<i>Skibina O.M.</i>	VLADIMIR KIGN-DEDLOV AND ANTON CHEKHOV: THE STORY OF LITERARY CONNECTIONS	281
<i>Sklema T.V.</i>	IMAGE OF "THE FOOD OLD WOMAN" IN THE STORY "FROM KOSHELOCHKAYA" F.GORENSHTEYNA.....	287
<i>Sopova A. S.</i>	RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE IN THE MEDIA VIEW SOCIAL PROBLEMS (BASED ON THE MATERIAL OF A. I. SOLZHENITSYN'S PUBLICISTICS OF THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY).....	289
<i>Frolov A.V.</i>	THE DICHOTOMY OF MAN AND MACHINE IN THE PARADIGM OF A GENERAL SCIENTIFIC PROGRESS (BASED ON THE NOVEL BY A. AND B. STRUGATSKY «REMOUT RAINBOW»).....	293

LINGUISTICS

<i>Airapetyan R.R.</i>	THE CONTEXTUAL REALIZATION OF THE FRAME MODELS OF THE ENGLISH VERBS OF PUTTING	299
<i>Alborova A.A., Razduev A.V.</i>	A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE HUMANITIES AND SCIENTIFIC-PRODUCTION TERMINOLOGY SYSTEMS (DRAWING ON THE EXAMPLE OF THE TERMINOLOGY SYSTEMS OF FILM INDUSTRY AND NANOTECHNOLOGY).....	306
<i>Akhtayeva L.A.</i>	DISCOURSE AND SOME CRITERIA OF ITS TYPOLOGY: ON THE WAY TO UNDERSTANDING THE SPECIFICITY OF ELECTRONIC MATHEMATICAL DISCOURSE	312
<i>Bykov A.A.</i>	SOME LEXICO-SEMANTIC AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF MODERN GERMAN YOUTH SLANG.....	319
<i>Gukosyants O.Yu.</i>	SOME METHODS OF THE COMMICANTS' GENDER IDENTITY MASKING IN THE ENGLISH CHAT-ROOMS	322
<i>Gehljar S.J.</i>	ABOUT SOCIALLY-MORAL IN HISTORY AND AN EXISTING OF RUSSIAN WORD.....	329
<i>Grishechkina A.M., Pichevskaja A.I.</i>	TRAINING TO USE OF ABBREVIATIONS IN PREPARED/UNPREPARED SPEECH OF STUDENTS.....	333
<i>Dmitrieva M.N., Safonova N.V.</i>	LANGUAGE MEANS OF ARGUMENTATION (ON THE MATERIAL OF THE TREATISE IN TRANSLATION BY NOTKER TEUTONICUS).....	340
<i>Evteev S.V.</i>	LINGVOCULTURAL MODEL OF TRANSLATION.....	342
<i>Ikatova I.I., Rossihina G. N.</i>	CONCEPTUAL BASICS OF PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS OF THE INITIAL CONTACTMAKING IN THE ENGLISH CULTURE	344
<i>Kadar M.M.</i>	HINTS IN THE STRATEGY OF DOMINATION	348

<i>Kozhanov A.A.</i>	AMBIGUITY: POLYSEMY AND A HOMONYMY IN A LEGAL LANGUAGE (ON A MATERIAL OF GERMAN LANGUAGE).....	351
<i>Lavoshnilova J.A.</i>	TYUTCHEV'S METAPHOR AS AN IMPORTANT PART OF V. BRYUSOV'S POETICS	357
<i>Livanova A.N.</i>	AN ATTEMPT OF MAKING A LEARNERS' DICTIONARY OF A MINOR LANGUAGE.....	360
<i>Mahanova G. E.</i>	REPRESENTATION CONCEPT "BOREDOM" SPECIALIZED BLOCK DIAGRAMS IN ART PROSE AND LETTERS A.P. CHEHOV	363
<i>Miljutina J.V.</i>	THE LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE VERBAL COMPONENT TO BEAT IN BRYANSK DIALECTS	368
<i>Ovchinnikova N.D.</i>	THE FORMS OF ACTUALIZATION OF PRIMARY COMPRESSION UNDER GENRE TRANSFORMATION IN ENGLISH PUBLICISTIC TEXTS.....	370
<i>Oganova A.A.</i>	HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ANALYSES OF THE REPRESENTATIVES OF THE CONCEPTS «PROFESIÓN» AND «ПРОФЕССИЯ» IN SPANISH LANGUAGE AND RUSSIAN LANGUAGE	374
<i>Pokora V. N.</i>	REFLECTION OF GENDER DIFFERENCES IN THE VOCABULARY OF THE GERMAN YOUTH LANGUAGE LEXICONS IN THE XIX-XXth CENTURIES	377
<i>Razduev A.V.</i>	SOME PECULIARITIES OF NANOTECHNOLOGY TERMINOLOGY TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	382
<i>Rossikhina M.Y.</i>	GERMAN YOUTH SLANG IN THE XIXth AND XXIth CENTURY: SEMANTICS AND WORLD-BUILDING COMPARATIVE RESEARCH.....	388
<i>Fonaryov A.V.</i>	SOME PECULIARITIES AND MAIN TYPES OF SOCIOPOLITICAL LEADERSHIP	392
<i>Khasanova Z.S., Miletova Ye.V., Bugayenko N.P.</i>	SOME PARAMETERS AND CHARACTERISTICS OF ENGLISH-LANGUAGE SPECIALIZED ART CRITICISM DISCOURSE.....	397
<i>Chernyshenko A.G., Alimuradov O.A.</i>	THE FUNCTIONAL ASPECT OF THE APPLIED TERMINOLOGY SYSTEM: A TERMINOLOGICAL COMPONENT OF THE ENGLISH MEDIATION DISCOURSE.....	408
<i>Chugunova S.A.</i>	TIME IN LANGUAGE AND MIND: SOMATOCENTRIC APPROACH.....	415
<i>Schennikova N.V.</i>	RUSSIAN IDIOM OF THE ENGLISH LANGUAGE: MIDDLE VOICE SPECIFICITY	420

ИСТОРИЯ

УДК 614.2. (476 «1941/1944»)

**МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ И ОХРАННОЙ ЗОНЫ ТЫЛА
ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»(1941-1944)**

М.Е. Абраменко

В статье раскрывается одна из сторон повседневной жизни населения Генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» в годы немецко-фашистской оккупации. Показана деятельность системы медицинской помощи населению на базе уцелевших лечебных учреждений прежнего здравоохранения, но уже подконтрольных оккупационной власти. Раскрыты некоторые формы этой работы в условиях постоянной угрозы и насилия. Автором обоснованно делается вывод о неизбежности краха этой системы, поскольку она была несовместима с фашистской доктриной войны, базирующейся на прямом физическом истреблении населения СССР.

Ключевые слова: советское здравоохранение, немецко-фашистская оккупация, лечебно-профилактические учреждения, медицинские кадры, коллаборационизм, медицинская помощь, здоровье.

О существующем медицинском обслуживании населения на оккупированных территориях можно говорить с большой долей условности. В мирный период оно предполагает наличие системы мероприятий, включающей в себя охрану здоровья населения и поддержание общественной гигиены и санитарии. Все это возможно в условиях функционирования государства, но государственные устои на оккупированной территории были разрушены. Уничтожена была и система здравоохранения, существовавшая здесь до войны и перед которой стояла задача сбережения народонаселения.

Как известно, оккупанты перед собой ставили совсем другие цели. Характер фашистской оккупационной политики, тщательность подготовки в ее проведении, выселение и онемечивание, планируемое физическое истребление населения раскрывают многочисленные планы и директивы немецкого командования как накануне войны, так и в ходе установления «нового порядка». Определяя рамки жизнеустройства местного населения, Гитлер цинично разглагольствовал, что его культуру следует держать на возможно низком уровне. Прирост местного населения нужно ограничивать. Немецким врачам, за редким исключением, необходимо избегать оказания ему медицинской помощи. Не стоит заниматься профилактическими прививками и проводить дезинфекцию среди этих людей [1, С.31-33].

Историками довольно неплохо раскрыта тема организации медико-санитарных служб в партизанских отрядах и соединениях. И это объяснимо. Медицинские службы обслуживали в первую очередь своих бойцов и командиров, обеспечивая тем самым необходимую боеспособность, и в целом со своей задачей справились успешно. В немалой степени благодаря этому партизанское движение, представляющее собой наиболее сознательную и патриотическую часть населения, сыграло свою важную роль в изгнании оккупантов с захваченных территорий.

В научном обращении немного пока работ, раскрывающих повседневную жизнь населения в условиях оккупации. Ведь только в Беларуси под оккупацией оказалось около 8 млн. человек и лишь небольшая часть его, и то только в разгар народного сопротивления, пользовалась услугами партизанских медиков [2, С.458]. Между тем существующая система охраны здоровья является гарантом жизнедеятельности человека в отдельности, так и одним из факторов, обеспечивающих само существование государства. И, безусловно, важно то, как, в каких условиях осуществлялась медицинская помощь населению оккупированных территорий. Тем более, что интерес современных исследователей все более привлекает тема повседневного бытия людей, их социального самочувствия в таких необычных, экстремальных ситуациях. В этой области практически не было исследований по организации медико-санитарной службы в лечебно-профилактических учреждениях, находившихся под контролем оккупационных властей. Представляет интерес характер их взаимоотношений с управленческими структурами оккупантов, какого рода услуги и на каких условиях оказывалась медицинская помощь нуждающимся в уцелевших больницах и амбулаториях. Небезынтересен и кадровый потенциал этих учреждений.

В начальный период войны, Министерство по делам оккупированных восточных областей, несколько корректируя первоначальные планы, образовало «Генеральный округ Беларусь», составлявший примерно четвертую часть всей довоенной территории республики и входивший в рейхскомиссариат «Остланд». Остальная часть была разделена между другими административными единицами. Восточная часть Беларуси, как и западные области России, были отнесены к области армейского тыла группы армий «Центр». Эта оперативная область сухопутных войск в свою очередь делилась на зону непосредственно армейского района боевых действий от 20 до 50 км. глубиной и тылового района групп армий «Центр». Здесь была установлена военная администрация, во главе с командующим тылом армий «Центр» М. фон Шенкендорфом. При его штабе действовал командующий войсками СС и полиции Э. фон Бах - Залевский. В восточной части Беларуси командующему тылом подчинялась сеть территориально-полевых комендатур (всего – 11), а им в свою оче-

редь – многочисленные местные комендагуры (всего – 23), которые создавались во всех городах и районных центрах [3, С.280]. Стремясь максимально подчинить себе население, нацисты создавали органы так называемой «новой русской администрации», к работе в которой они привлекали лиц, готовых сотрудничать с ними. Захватчики отлично сознавали, что только при действии органов местного самоуправления можно успешно использовать потенциал оккупированной территории.

Провал «блицкрига», затянувшаяся война и растущее народное сопротивление вынуждали оккупантов предпринимать более изощренные политические маневры. Не отказываясь от репрессий, усиливая их, оккупационные власти пытались создать видимость осуществления проектов будущего устройства России и других независимых от Советов и коммунистов государственных образований. Это вызвало к жизни такие формы как существование гражданской администрации в Генеральном округе Беларусь. Свое место в этом ряду занимает так называемое Локотское самоуправление. В этих образованиях ставка делалась на коллаборационистов.

В Генеральном округе гауляйтер Беларуси В. Кубе следуя курсу немецкого командования, по собственной инициативе проводил более продуманную тактику лавирования в среде местного населения. Она отличалась от деятельности других наместников Гитлера на оккупированных территориях, позволяла трактовать цели оккупантов не столь прямолинейно. Тем, не менее, он всегда руководствовался принципом: «Все, что ты делаешь для Германии – хорошо, остальное плохо» [4, С.569]. В. Кубе поддерживал развитие белорусского национализма, оценивая уровень его в Беларуси чрезвычайно низким и не боясь его значительного развития. Исходя из этого, он начал предпринимать определенные шаги по созданию крупных массовых организаций, распространяя, тем самым, иллюзии относительно возможности создания основ будущей государственности Беларуси.

Как известно, установив «новый порядок» – жестокую систему эксплуатации мирного населения, оккупанты отравили на слом, существовавшую до войны систему профилактической медицины, заключавшейся в оптимальной организации труда и быта людей. Но, исходя из необходимости предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний среди личного состава немецких воинских частей, оккупационные власти разрешили работу лечебных учреждений. В том же нуждалось и население, занятое на предприятиях и привлеченное к обслуживанию различных учреждений и служб. Уже летом 1941 г. в Минске жителям была доведена информация: «Всем инженерам, врачам и людям других интеллигентных профессий, которые остались в городе, вернуться на работу в свои учреждения. За отказ – тюрьма или высылка в Германию» [5, Д.104. Л.11].

В октябре 1941г. были изданы распоряжения рейхскомиссариата «Остланд», относящиеся к сфере здравоохранения. Была учреждена Палата здоровья, целью которой являлся охват лиц, принадлежащих к союзу служащих здоровья. Второе распоряжение регламентировала нормы деятельности медицинских работников в рейхскомиссариате. Т.е. все медицинские работники ставились на строгий учет. В Генеральном округе Беларусь была организована своя Палата здоровья, деятельность которой регулировалась уставом. Наряду с окружным отделом охраны здоровья, такие же отделы, сохранившие свои прежние названия, были созданы при городских и районных управах. Штаты здраводелов были небольшими: при заведующем отделом – враче, состояли два дезинфектора и один статистик. В дальнейшем вместо отделов были введены должности городских и районных врачей [5, Д.15. Л.9].

Эти по сути жеструктуры здравоохранения провели работу по утверждению регламента деятельности медицинского персонала, установили нормы обслуживания для лечащих врачей, протяженность их рабочего дня. Велась работа по усилению их ответственности за выдачу справок и бюллетеней по нетрудоспособности, за точность врачебных удостоверений, в которых указывался диагноз заболевания и возможность лица занимать должность, соответствующую состоянию здоровья. Эти требования лишь упорядочили административные функции. Такое административное рвение вызывалось ужесточением мер против партизан.

Сложнее все оказалась с оказанием медицинской помощи населению. В результате военных действий и потерь во время оккупации значительно уменьшилось в сравнение с довоенным временем сеть медицинских учреждений. В Минском окружном комиссариате имелось 9 больниц (бывших районных и г. Минска). За исключением Минска не было санитарно-эпидемиологических станций, перестали функционировать диспансеры разных направлений, детские больницы и женские консультации. В самом Минске функционировали три больницы, действовали железнодорожная и инфекционная больницы, работали 4 амбулатории и несколько аптек. Не хватало лекарств, дезинфицирующих средств, перевязочного материала, инструментария.

Плачевным было состояние районных сельских больниц. Больные имели плохое питание, сами больницы не имели необходимого количества врачей и медицинского персонала. Минский окружной комиссариат имел в округе 68 врачей, 38 зубных, 66 фельдшеров, 38 медсестер. На районы округа приходилось по 7–9 врачей. На более близкие к линии фронта районы врачей приходилось еще меньше. Это связано с тем, что медицинский персонал был в большинстве эвакуирован. Так же в большинстве случаев были вывезены оборудование и инструменты. Так, из 2627 рабочих и служащих по Почепскому району Орловской области были зарегистрированы 1 врач, 14 фельдшеров, 6 акушеров, 2 медсестры. Даже на территории Локотского самоуправления, отличавшегося более слаженной инфраструктурой, работали 51 врач, и 179 медсестер. То есть, один специалист с высшим медицинским образованием приходился более чем на 11 тыс. жителей округа [5, Д.387. Л.8; 6, С.72].

Низкая оплата койко-дня, которая взималась с больного в размере одной марки, не давала возможности обеспечивать бюджет. Посещение амбулатории при больнице приносило в кассу больницы 60 пфенигов, повторное 40, что было также недостаточно. Свести концы с концами помогали сохранившиеся земельные

участки при больницах, которые с большими проблемами засеивались.

Была также сильно сокращена аптечная сеть. В Могилеве, в период с 1941 по 1944 гг. работало две аптеки для гражданского населения города (47 тыс. жителей) и Могилевского района (82 тыс. жителей). Они также обслуживали и соседние районы. Кроме этих учреждений работали аптеки в ряде районных центров. Аптечный склад Могилева обслуживал районы Могилевской фельдкомендатуры и районы Оршанской, Гомельской и Чериковской комендатур. Аптечный склад обладал старыми запасами и только один раз были получены медикаменты из Минска. Наценка на товар составляла 350%. В самом Минске выбор лекарств был немного богаче. В местных аптеках имелось до 165 наименований лекарств и здесь сказывалось функционирование химфармзавода, в адрес которого через главных врачей и обращались работающие аптеки [7, С.60-67]. Этот минимум лекарственных и медицинских средств позволял оказывать населению кое-какую лечебную помощь.

Сохранившие дееспособность лечебные учреждения обеспечивали население частичной помощью, которая уже не являлась общедоступной и за ее получение была установлена плата. Ее размер зависел от вида медицинского пособия, места жительства и работы больного. Так, приказ Минского городского комиссариата от 29 октября 1941г. предусматривал оплату за койко-день «для работников государственных учреждений 8 руб., крестьян и работников частных учреждений – 10 руб, кустарей и торговцев – 12 руб. Прием у врача-терапевта стоил от 1 до 3 руб., удаление аппендицита – 80 руб., гинекологические операции – 100 руб. [8, С.27-29].

Некоторые данные сохранились о работе Минских городских амбулаторий, в частности 1-й Сторожевской амбулатории, относящейся к отделу здравоохранения Минского городского комиссариата. Штат ее осенью 1943 г. составлял 13 врачей, 9 медицинских сестер, и 9 человек обслуживающего персонала. В октябре врачами амбулатории было принято 2686 больных, а выручка составила 30565 руб., в ноябре было принято 5212 больных, а выручка составила 75515 руб. За эти два месяца приема больных примерно треть вырученной суммы была перечислена в кассу финансового отдела городской управы. Сами же врачи зарплату получали в марках, обслуживающий персонал в рублях. Так, главврач получал в месяц – 90 марок, врачи по 35, бухгалтер – 60. Одна марка равнялась 10 рублям, а продукты питания еще надо было найти [9].

В докладной записке бургомистру Могилева от медико-санитарного отдела и отдела образования городской управы (сентябрь 1942г.) говорилось: «В Могилеве в лечебных учреждениях работают 44 врача и 120 человек среднего медицинского персонала, в школах города работает 160 учителей. Материальное положение очень плохое. Хлеба в июле-августе не получали, зарплаты низкие, а в условиях спекуляции купить продуктов невозможно» [10, С.300]. В этих условиях жители городов вынуждены были распродавать, обменивать на продовольствие личные вещи и имущество, разводить огороды на пустырях и кладбищах.

Полиция безопасности СД из занятых восточных областей докладывало своему руководству в Берлин в июле 1942 г. о положении в крупных населенных пунктах и приводила также данные о существующих ценах на рынках на некоторые виды продовольствия [11, Д.947. Л.104].

Продовольствие	Установл. цена	Действующая	Довоенная
Молоко, 1 л.	2 рубля	15-25	2-2,5
Масло, фунт	10 рублей	120	10-15
Яйцо, 10 шт.	5 рублей	40-70	5-6
Хлеб, 1 кг.	1 рубль	до 12	1
Куры, 1 шт.	10 рублей	65	10

Туфли женские стоили 1200-1500 рублей. Понятно, что предоставление этой информации не вызвано заботой о стабилизации рынка, она отражала существующее положение населения на оккупированной территории.

С более решительными шагами немецкой администрации по созданию коллаборационистских организаций стала все более активно заявлять о себе Белорусская народная самопомощь. Фонды, которые лежали в основе деятельности БНС, состояли из членских взносов, пожертвований лиц и организаций, налогов с доходов предприятий, массово-культурной работы. Организация взяла под свой патронаж работу некоторых амбулаторий и аптек, организовывала столовые для своих членов и неимущего населения, выдавала помощь деньгами и продуктами. БНС присутствовала на всех уровнях администрации, имела на территории генерального округа свои рабочие группы, из которых два человека отвечали за «охрану здоровья». Ее расходы покрывались месячными кредитами немецкой гражданской администрации, сумма которых в 1943г. достигла 170 тыс. марок. Помощь поступала в организацию из других источников: за счет «репрессивно-регулируемых мероприятий». Это значило за счет немецкого террора. Эта организация была втянута в уничтожение евреев, ибо на уровне своих первичных ячеек БНС получала часть вещей, что в большом количестве поступали после зачисток гетто [12, С.135].

На имеющиеся средства БНС организовала работу ряда поликлиник, где жители получали консультации и в отдельных случаях бесплатные лекарства. Возможность получения бесплатного лекарства нуждающимся, реализовывалась также через сеть аптек БНС. В Минске аптеками было выдано 4053 единицы различных лекарств, из них 595 бесплатно [13]. Эту информацию на очередном съезде организации в мае 1942 г. доводил до своих соратников-коллаборационистов сам глава БНС Ермаченко. Учитывая характер проводимого мероприятия и другие обстоятельства, информация вряд ли является достоверной.

Более откровенны в оценке деятельности БНС сами оккупанты. В очередном донесении в Берлин айнзатцгруппа-2 в разделе «Здравоохранение среди русского населения на территории групп армий «Центр»» инфор-

мировала о многочисленных заболеваниях, которые представляют угрозу вермахту. Отмечалось, что наблюдается рост туберкулеза в Борисове, возросли желудочно - кишечные заболевания по всей территории. В Полоцке с 20.08. по 20.09.1942г. было отмечено 152 случая заболевания чесоткой и это связано с неработающими банями.

Завершается отчет выводом о том, «что вопреки заявлениям БНС о широком влиянии этой организации на белорусское население в действительности это не имеет места. Влияние БНС очень ограничено и простирается в первую очередь на имеющиеся высокие слои» [11, Д.947. Л.221].

Городские жители чтобы найти средства на оплату лечения и избежать голодной смерти, вынуждены были в обязательном порядке устраиваться на работу. Здесь в дело вступала еще одна общественная организация. Сопровождаемое широкой пропагандистской шумихой, началось создание профсоюзов по нацистскому лекалу. Что бы привлечь людей активнее вступать в члены организации особый акцент делался на представление льгот, в частности, предоставлении медицинской помощи. В случае болезни или несчастных случаев, происшедших на работе, член профсоюза получал бесплатную лечебную помощь, обеспечение лечебными средствами. Для обслуживания новоявленных членов профсоюза назначались местные медицинские работники, не евреи. Выплата больным пособий производилась городскими или районными управами из средств отделов попечения. На деле все это осуществлялось в урезанном, куцем виде. А с ухудшением для немцев ситуации на фронтах и гибелью ряда видных коллаборационистов, опекавших в т. ч. профсоюзы планы оккупантов провалились.

Продолжая политику заигрывания с населением оккупированных территорий и укрепления видимости создания государственных структур, существовавших до войны, захватчики предприняли попытку введения страховой медицины. Она внедрялась посредством отчисления 3 % от заработной платы в фонде больничных касс. Однако она нашла практическое воплощение только в некоторых населенных пунктах западных регионов, где имелся подобный опыт в предвоенный период. К примеру, за март 1944г. Пинская больничная касса перечислила городской поликлинике за оказание медицинской помощи 4603 карбованца (Пинск относился к рейхскомиссариату Украина). А число застрахованных жителей в Гродно в Белостокской страховой кассе в декабре 1943 – мае 1944 колебалась от 578 до 609 человек [14, С.14].

В декабре 1941г. Кубе было подписано распоряжение по социальному страхованию. В Брянском, Смоленском, Орловском округах подобные распоряжения были подписаны в декабре 1942г. В распоряжении были изложены правила отчисления с предприятий. Любопытно, что основу было положено распоряжение СНК СССР от 23 марта 1937 г., правда размеры отчислений были гораздо ниже, и текст постановления служил предприятиям ориентиром для облегчения подсчетов процентов, На это нацеливала прилагающаяся инструкция [15].

Подобная работа проводилась и в западных областях России. Здесь также в соответствии с принятыми распоряжениями в структурах Брянской, Смоленской, Орловской управ создавались отделы социального обеспечения. Созданные при них комиссии выявляли нуждающихся в социальной помощи, порой их просьбы удовлетворялись. В Генеральном округе и тыловой зоне силами отделов здравоохранения и социального обеспечения, начали создаваться врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК). На территории Локотской автономии, имевшей особый статус, ВТЭКи были организованы в каждом из восьми районов [6, С.76]. В Генеральном округе в силу большей слаженности и опеки БНС деятельность по установлению инвалидности граждан развернулась особенно бурно.

Так, Руденский райздрав докладывал, что с мая по август 1942г. освидетельствование на установление инвалидности прошло 318 человек, Узденская больница приняла 940 человек, из них признано инвалидами 123, в Минском районе признано инвалидами – 537, Червеньском – 260. Своя врачебно-экспертная комиссия для оценки здоровья населения была учреждена и в Минске. Она состояла из 3 врачей: терапевта, хирурга, невропатолога, и представителя опеки. В конце концов, местные оккупационные власти объявили о прекращении работы этих комиссий, так как обеспечивать инвалидов пенсиями никто не собирался. И как городской врач не аргументировал полезность и необходимость работы комиссий их дальнейшее существование было признано бессмысленным [16, С.73].

При городских и районных управах, осуществлявших повседневное хозяйственное руководство подотчетной территорией, образовывались отделы по разным направлениям, в зависимости от масштабов района. В соответствии с этим количества отделов в управах могло быть разным, но наряду с наиболее щедро финансируемыми полицейскими и дорожными отделами всегда были и отделы здравоохранения. К примеру, структура Смоленской городской управы состояла из 7 отделов с подотделами, в т. ч. и отдела здравоохранения. Последний состоял из двух подотделов: санитарного и фармацевтического. Про существование лечебного отдела, как видно, речи не идет. Задача отдела состояла в создании условий для оказания медицинской помощи русскому населению города и прилегающих районов. Уже осенью 1941 г. была открыта аптека и больница. Стала функционировать и хирургическая лечебница, необходимость в которой была крайне велика. Контроль со стороны оккупантов осуществлялся немецким врачом [17, С.25].

Структуры так называемого здравоохранения, как в Генеральном округе, так и на территории охранной зоны группы армий «Центр», были призваны выполнять лишь главную поставленную им задачу по недопущению инфекционных заболеваний на территории, что грозило снижением уровня боеспособности частей вермахта. С целью предупреждения эпидемии среди войск, оккупационные власти требовали строгого учета инфекционных заболеваний среди населения. В Минске, других центрах (гебитах) проводились совещания с представителями районных отделов здравоохранения, на которых объявлялся характер проводимых мероприятий, представители

районов получали задачи по составлению еженедельных, ежемесячных, ежеквартальных отчетов о движении инфекционных больных. В конце 1941г. районные отделы получили от Округного отдела здоровья прививочный материал против сыпного тифа для прививок в каждом районе пяти медицинских работников, работающих на ликвидации эпидемии. Каждый отдел был обязан отчитаться, кому персонально из медработников они были сделаны. Эти прививки получали районные врачи, заведующие больницами, врачи, медсестры, фельдшеры и дезинфекторы. Лечение больных в Минской инфекционной больнице было бесплатным. При лечении других сопутствующих заболеваний оплата проводилась на общих основаниях. При выявлении инфекционных заболеваний устанавливался карантин. Этот комплекс мер строго выполнялся в начальный период войны, и, в конце войны, немцы уже сами сознательно и преступно распространяли инфекционные болезни среди населения с целью ослабить наступающий порыв Красной Армии [18; 19, С.15-19].

К санитарно-профилактическим мероприятиям относилось плановое обследование отдельных групп населения на предмет выявления болезней, проверки профпригодности. Так, к примеру, районный доктор Смолевичского района информировал округного доктора о проведенном медосмотре в школах района. Им самим и привлеченными медицинскими работниками было проверено санитарное состояние 35 школ. Было обследовано 2254 ученика. Наряду с анализом заболеваний, как и в старых довоенных справках, появились новые негативные обстоятельства. Ни в одной из проверенных школ не оказалось баков для питьевой воды. Многие школы разрушены, сгорели. В некоторых на постое расквартированы оккупанты. Среди школьников обнаружено поголовное заболевание на стригущий лишай и педикулез [5, Д.15. Л.9].

В феврале 1943г. было проведено аналогичное медицинское обследование школ № 1, № 2, № 3 г. Брянска. Здесь кроме проверки врачом был проведен инструктаж классных санитаров, прочитана лекция о личной гигиене [6, С.76]. Понятно, что на деле эти мероприятия не были вызваны заботой оккупантов о генофонде местного населения.

Медицинские работники участвовали в осмотрах граждан на вербовочных и пересыльных пунктах.

Как на временное недоразумение смотрели оккупанты на хозяйственные усилия местных коллаборационистских властей, когда те пытались планировать хозяйственные бюджеты с тем, что бы как-то улучшить состояние учреждений здравоохранения. Так, Борисовский округной комиссариат (гебит) запланировал бюджет на 222 тыс. руб., из которых на охрану здоровья выделялось 16 тыс. руб, из них 13,5 тыс. шло на питание, остальные деньги должны были быть переданы на санитарно-фельдшерские пункты [20]. Большая часть средств шла на содержание полиции и дорог. Деятельность городских и районных управ в первую очередь была направлена на безусловное выполнение воли оккупационных властей. Главным здесь было решение проблемы борьбы с партизанами и одновременно решавшаяся задача ограбления территорий.

Со временем все большее внимание на внутривойсковую ситуацию на оккупированной территории оказывало партизанское движение. Если в конце 1941г. в партизанских отрядах Беларуси насчитывалось всего 6 врачей, то уже к началу 1944г. их количество достигло 538. Практически все они пришли в медико-санитарные службы партизанских соединений или из военных – окруженцев, или из лечебных учреждений, подконтрольных оккупантам [21, С.12; 22, С.333].

Все более с проблемой нехватки медицинских работников сталкивались немецкие власти. В связи с положением на фронтах дефицит врачей стал наблюдаться как в частях вермахта, так и на оккупированной территории. Встал вопрос создания высшего медицинского образовательного учреждения. Тем более, что эта идея вполне соответствовала несбыточным надеждам коллаборационистов о возрождении белорусской государственности. Ухудшение санитарно-медицинского обслуживания в тыловых районах армий группы «Центр», приближение фронта и недостаточные противоэпидемические мероприятия инициировали обращение военных властей к гражданскому управлению оккупированными территориями об открытии медицинского института в Могилеве. Выбор места был обоснован лучшей, по сравнению с Минском, материальной базой. А. Розенберг, министр по делам оккупированных восточных областей, согласился 23 апреля 1943 г. на открытие медицинского института. Он отметил, что количество студентов будет соответствовать потребностям Генерального округа и восточной части Беларуси, так же будет удовлетворена потребность группы армий «Центр».

После всех организационных мероприятий, в институте в середине августа 1943г. начались занятия. Но в связи с приближением фронта он был передислоцирован в Ново-Вилейку, где состоялся первый и последний выпуск из 44 врачей [23, С.24].

Таким образом, несмотря на незначительные в общем то различия в организации оккупационного управления территорий Генерального округа и охранной зоны, медицинская помощь осуществлялась в возможно полной форме для лиц, сотрудничавших с фашистским режимом, и была недоступной для подавляющей части населения проживающего на оккупированной территории. Существующая модель оказания медицинской помощи являлась составной частью системы геноцида и уничтожения советских граждан.

Фашистская агрессия не только прервала развитие здравоохранения, но и поставила население оккупированных территорий на грань выживания. Можно отметить, что действовали административные органы, функционировали, хотя и значительно сократившиеся лечебные учреждения, в 2-х медицинских училищах готовились кадры среднего медицинского персонала вместо 32 довоенных школ, действующих в республике. Но все это оккупационные власти вынуждены были допустить в пределах, необходимых для поддержания стабильной медико-эпидемиологической ситуации. Законодательные и практические мероприятия в сфере здравоохранения в

большей степени были направлены на контроль за состоянием здоровья лиц, деятельность которых была нужна оккупантам и обеспечивала выпуск и поставки продукции для нужд рейха.

При всем при этом продолжалась политика разрушения материальной базы здравоохранения, показывающая истинные планы захватчиков относительно судьбы мирного населения.

Все это не могло не привести к негативным сдвигам в состоянии здоровья населения. Не расшифровывая эти отрицательные тенденции по отдельным заболеваниям, на фоне общего истощения организма они протекали тяжело, атипично. Показатель смертности в 1945 г. в сравнении с 1940г. возрос в 2 раза, а показатель рождаемости по отношению к 1939 г. снизился также в 2 раза [24, С.5].

Основная масса населения, дети оказались вне зоны внимания действующей на тот период системы оказания медицинской помощи, которая фактически была близка к развалу. Таковы итоги оккупационного режима как в Генеральном округе Беларусь, так и обширной охранной зоне тыла группы армий «Центр», включавшей в себя территорию восточной части Беларуси и западных областей России.

The article covers one of the sides of every-day life of the population of Belarus General okrug and the off-limits zone of the rear of the army group "Center" during the German fascist occupation. It describes the activities of the system of rendering medical aid to the population on the premises of medical institutions spared but controlled by the occupants. The article presents forms of this activity in an atmosphere of threats and violence. The author made a conclusion about the inevitable downfall of the system, as it was not compatible with the fascist doctrine of the war, whose aim was to exterminate the peoples of the USSR.

Key words: Soviet public health, German fascist occupation, medical and prevention occupation, medical staff, collaborationism, medical aid, health.

Список литературы

1. Туронок, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй/ Ю. Туронок// Минск. 1993.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т./Рэд. кал.: М. Касцюк (гал.рэд.) [і інш.]. Мінск. Экаперспектыва. Т.5.
3. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч./Ч.2. Мінск. 1995.
4. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі/ Ю. Туронак// Вільна. 2008.
5. Национальный Архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф.393. Оп.1.
6. Ермолов, И.Г. Здравоохранение и социальная политика на оккупированной территории РСФСР / И.Г. Ермолов // Вопросы истории. 2010. №10.
7. Миронова, Т.И. Аптечные работники Могилевщины в годы Великой Отечественной войны/ Материалы 10-й Республиканской научно - практической конференции по истории медицины и здравоохранения. Минск, 23 сент. 2004// Минск. РНМБ. 2004.
8. Тищенко, Е.М. Деятельность медицинских учреждений Белоруссии в период фашистской оккупации / Е.М. Тищенко // Здравоохранение Белоруссии. 1992. №7.
9. Государственный архив Минской области. Ф.1039, Оп. 1, Д.243, Л.73,101.
10. Беларусь в годы Великой Отечественной войны/ Минск. Бел ТА. 2005.
11. НА РБ. Ф.1440. Оп.3.
12. Кьяры, Б. Штодзеннасць за лініяй фронту «Акупацыя, калабарацыя, супраціў Беларусі (1941-1944гг.)» / Б. Кьяры// Мінск. 2005.
13. НА РБ. Ф.1450. Оп.3. Д.953. Л.117-120.
14. Ермак, Е.И., Тищенко, Е.М. Попытка введения медицинского страхования в Беларуси в 1943г./С.И. Ермак. Материалы 10-й Республиканской конф. по ист. мед. и здравоохран.// Минск. РНМБ. 2004.
15. НА РБ. Ф.384. Оп.2. Д.17. Л.71.
16. Абраменко, М.Е. Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М.Е. Абраменко // Гомель. 2005.
17. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалев // М. 2011.
18. НА РБ. Ф.1450. Оп.2. Д.51. Л.23,24
19. Беляцкий, Д.П. Эпидемические особенности и противоэпидемическая защита в период Белорусской наступательной операции / Д.П. Беляцкий // Здравоохранение Белоруссии. 1983. №7.
20. НА РБ. Ф.391. Оп.1. Д.30. Л.7.
21. Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии / И.А. Инсаров // Здравоохранение Белоруссии. 1964. №7.
22. Беларусь в годы Великой Отечественной войны / Минск. БелТА. 2005.
23. Шлотц, Е.А. Мойсенюк. Нацистская пропаганда и медицинское образование / Е. Шлотц. Материалы 10-й Республиканской научн. практ. конф. по ист. мед. и здравоохран. Минск, 23 сент. 2004 // Минск. РНМБ. 2004.
24. Тищенко, Е.М. Последствия немецко-фашистской оккупации Белоруссии /Е.М. Тищенко // Здравоохранение Белоруссии. 1986. №7.

Об авторе

Абраменко М.Е. – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета довузовской подготовки Гомельского государственного медицинского университета.

УДК 930.1(С)

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ РУССКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

С.Е. Агеев

В статье рассматривается историография деятельности русских промышленников С. И. Мальцова, Т.С. Морозова

Ключевые слова: частные промышленники XIX века; заводчики С.И. Мальцов, Т.С. Морозов; Мальцовский промышленный округ.

Последняя четверть XIX века явилась эпохой фабрично-заводского капитализма в России, это был период сколачивания новых больших состояний частными предпринимателями, причем не вследствие векового наследования капитала с дворянских усадеб с крепостными, а за счет их труда, терпения, организаторских способностей и напористой энергии.

Новые русские предприниматели не были временщиками. Они считали себя не только хозяевами своих заводов, но, имея глубокие национальные корни, радели об интересах народа и государства, вкладывая немалые средства в развитие инфраструктуры заводских поселений и городов.

В плеяде отечественных предпринимателей одними из ярких промышленников являлись заводчики Сергей Иванович Мальцов¹ и Тимофей Саввич Морозов,² чьи значительные заслуги перед отечеством признавались уже современниками. Заводы и предприятия этих частных предпринимателей были «маяками» в российской промышленности. Сергей Иванович Мальцов являлся одним из начинателей отечественного паровозостроения, а Тимофей Саввич Морозов был «локомотивом» российской текстильной промышленности. Интересна в этом отношении, и историография деятельности этих передовых предпринимателей.

Изучению истории становления и развития русской частной промышленности в последней четверти XIX века посвящены многие работы историков и экономистов.

Всю историографию изучения деятельности русских промышленников можно разделить на следующие этапы: дореволюционный, советский и постсоветский.

В дореволюционной России уже сложились благоприятные условия для изучения промышленного предпринимательства, так как в конце XIX столетия крупные российские торговые, торгово-промышленные, промышленные и кредитные учреждения стали издавать официальные публикации по истории своих предприятий. Эти публикации как правило были приурочены к юбилейным датам указанных предприятий [16][23][24]. По содержанию эти труды в основном имели однообразные темы и рубрики, иногда дополняемые материалами, освещающими благотворительность самих предпринимателей.

В частности, историография по исследованию деятельности заводчиков С.И. Мальцова и Т.С. Морозова в дореволюционный период была представлена отдельными работами В.И. Немировича-Данченко [13], А.П. Субботина [18], В.П. Литвинова-Фалинского [10], Г. Шульце-Гевеи [22], Н.И. Кареева [8].

Так член Вольного Экономического Общества А.П. Субботин отмечал, что история Мальцовских заводов изучена плохо, было лишь несколько газетных корреспонденций и сообщений в научных обществах [19: с.5-95]. А.П. Субботин в своих работах так же не делал глубокий анализ состояния дел на заводах С.И. Мальцова, но в работах его содержится целый ряд интересных наблюдений. Так он, заметил, что многие рабочие на заводах не в первом поколении оторваны от земли и единственным источником существования для них являлась заработная плата, он подчеркнул высокую квалификацию Мальцовских рабочих и передовые техническое оснащение предприятий. Так же А.П. Субботин впервые ввел термин «Мальцовский заводской район» обозначив им предприятия С.И. Мальцова [19: с.5-95].

Взгляды А.П. Субботина разделял профессор Петербургского университета Н.И. Кареев. В заметке, написанной им для Энциклопедического словаря, дана подробная экономико-географическая характеристика Мальцовского фабрично-заводского округа, приведены сведения о наиболее крупных предприятиях, размерах выпуска продукции, разработке полезных ископаемых, способах доставки сырья и готовых изделий [8: с.510-511].

В дореволюционной литературе Никольская мануфактура Т.С. Морозова также не стала предметом специального исследования, однако при этом особый интерес представляет комплексное сравнительное исследование немецкого автора Г. Шульце-Гевеи, которое почти сразу было переведено и издано на русском языке. Оно содержит много важных данных по производительности труда, потерям и издержкам производства, к сожалению способы произведенных подсчетов Г. Шульце-Гевеи не раскрыл [22].

К сожалению указанные публикации не нашли глубокого систематического анализа деятельности самих заводчиков.

¹Мальцов Сергей Иванович (1810-1893) – русский промышленник из рода Мальцовых, генерал-майор (1849), почетный член Общества содействия торговли и промышленности.

²Морозов Тимофей Саввич (1823-1889) – русский купец и промышленник из старообрядческого рода купцов и промышленников, соучредитель Московского и Волжско-Камского банков, председатель Московской биржи (1868-1876), руководитель крупнейшей текстильной мануфактурой в дореволюционной России.

После октября 1917 года, по идейным причинам, изучение истории деятельности заводчиков С.И. Мальцова и Т.С. Морозова, как и всей истории частной промышленности было приостановлено на долгие годы.

Советская историография при изучении делового мира частных предпринимателей в дореволюционной России делает основной акцент на анализе социально-экономических процессах, связанных с непреодолимым антагонизмом классов, не проводя при этом глубокого изучения функционального, экономического и социокультурного направления деятельности промышленников и их предприятий.

После революции к теме развития Мальцовского промышленного округа обращались исследователи Г.Ф. Серебряков, Парадизов П.П. и С.С. Дозорцев.

В 1928 году в издательстве Мальцкомбината вышла книга Г.Ф. Серебрякова «Развитие промышленности Мальцовского округа», в ней был подробно освещен лишь период 1917-1927 гг. Дореволюционная история округа изложена кратко и поверхностно, без ссылок на источники. Наиболее освещены в этой работе сведения о социальном положении рабочих в начале XX века. [17]

Мысль о необходимости комплексного изучения промышленного предпринимательства Мальцовых впервые высказал П.П. Парадизов, который подчеркивал, что история Мальцовских заводов является частью истории капиталистического развития России. Наличие высокой технической базы было, по мнению П.П. Парадизова, одной из причин того, что после отмены крепостного права заводы не пришли в упадок, а стали на путь дальнейшего развития. Несмотря на это, П.П. Парадизов был убежден, что именно «на рубеже до- и пореформенной России следует искать корни того глубокого экономического кризиса, который поразил позднее Мальцовское товарищество» [14:с.114]. К сожалению, работа П.П. Парадизова по неизвестным причинам осталась незавершенной. Попытки разыскать дополнительные сведения об авторе не имели успеха.

С.С. Дозорцев в 70-х годах XX века возобновил исследования истории Мальцовских заводов, прерванную в 30-х годах после работ Г.Ф. Серебрякова и П.П. Парадизова. По истории Мальцовского округа С.С. Дозорцев опубликовал ряд научных работ [3:с.176-187] [4:с.39-47] [5:с.48] [7:с.278-283], а также успешно защитил кандидатскую диссертацию [6].

Советская историография не обделила своим вниманием промышленников Морозовых и созданную ими Никольскую мануфактуру, которая стала предметом отдельного анализа историков В.Я. Лаверычева и А.М. Соловьевой [9].

В указанных работах советского периода деятельность заводчиков рассматривалась исключительно с точки зрения получения прибыли и сверхприбыли для удовлетворения своих эгоистических буржуазных интересов. В результате довлеющей советской классовой идеологии изучение предпринимательской созидательной деятельности не проводилась и методологии по этому направлению не разрабатывалось.

Более того сами понятия «предприниматель», «заводчик» и «частный промышленник» являлись синонимами социально чуждыми явлениями и крайне редко использовались в официально историко-экономическом лексиконе. В результате функции предпринимателя или частного промышленника как рачительного хозяйственного творческого человека и как следствие генератора всего дела не являлись предметом исследования советских историков.

В последние годы исследования по становлению и развитию Мальцовских заводов описаны в монографиях и исторических трудах: Ульяновой Г.Н. [20:с.31-38] [21: с.5-46], Арсеньева Н.М., Макушева А.А. [1] [2] [11], а так же во многих публикациях директора Кировского (Калужская область) историко-краеведческого музея А.А. Бауэра [12].

Наиболее полное и качественное научное исследование в постсоветский период по Никольской мануфактуре Морозовых провела И.В. Поткина [15].

В своей научной работе «На олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797 – 1917» И.В. Поткина приходит к выводу, что именно фирма является важнейшим социальным институтом и народнохозяйственной единицей на уровне которой формируется качественные составляющие общих параметров социально-экономического развития региона и отрасли.

В перечисленных работах современные исследователи затрагивают экономические, социальные, социокультурные и другие аспекты развития Мальцовских и Морозовских предприятий на основе вновь выявленных и опубликованных архивных материалов.

Однако в целом история предпринимательской деятельности и промышленного хозяйства заводчиков С.И. Мальцова и Т.С. Морозова не получили более детального освещения в отечественной историографии. К сожалению большинство вышеперечисленных работ было издано в те исторические периоды, когда исследования различных аспектов производилось очень тенденциозно, в русле господствующих на тот момент в исторической науке методологических и теоретических направлений.

В настоящий момент при возможности использования разнообразия теоретико-методологического содержания можно свести к минимуму субъективизм при исследовании истории предпринимательской деятельности промышленников С.И. Мальцова и Т.С. Морозова.

С.И. Мальцов и Т.С. Морозов были предпринимателями новой поры и чувствовали свою силу не только в экономике. Они стремились воспроизвести определенную культурную среду, быт, образ жизни, соответствующие их внутренним устремлениям и душевным порывам.

Будучи патриотами и передовыми предпринимателями России эти заводчики, одни из первых в стране

оценили колоссальные возможности отечественной промышленности и русского рабочего, что позволило им стать лидерами производства в своих промышленных отраслях.

С.И. Мальцов и Т.С. Морозов как главы крупных фирм представляют огромный интерес в свете исследования частнопредпринимательской промышленности России во второй половине XIX века.

А обращение к опыту былой созидательной деятельности этих передовых русских промышленников может более детально постичь сущность модернизационных процессов в России того времени, а также спрогнозировать пути дальнейшего развития частной промышленности в современной России.

In article the historiography of activity of the Russian industrialists S. I. Maltsov, T.S. Morozov is considered

Key words: *private industrialists of the XIX century; factory owners S. I. Maltsov, T.S. Morozov; Maltsovsky industrial district.*

Список литературы

1. Арсентьев Н.М., Макушев А.А. «Хрустальные короли России». Москва. «Наука», 2002. 304 с.
2. Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Российские предприниматели Мальцовы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. 260 с.
3. Дозорцев С.С. Акционерное общество мальцовских заводов// Брянский краевед. Вып.5. Брянск, 1973. с.176-187.
4. Дозорцев С.С. Мальцовские рабочие // Блокнот агитатора. Брянск, 1973. №10 с.39-47.
5. Дозорцев С.С. К истории российского империализма (Мальцовский округ в конце XIX нач. XX вв.) Брянск, 1973. №10 с.48.
6. Дозорцев С.С. Особенности развития монополистических предприятий в промышленности России (по материалам Мальцевского и Брянского акционерного обществ): Рукоп. диссерт. канд. ист. наук. –Л.1973. 199 л. (Кировский исторический краеведческий музей, КП № 1001).
7. Дозорцев С.С. Мальцовские заводы и российские монополии// Брянский краевед. Вып.7. Брянск, 1974. с.278-283.
8. Кареев Н.И. Мальцовский заводской округ// Энциклопедический словарь: изд-во Брокгауза и Ефрона. СПб.,1896. Т.18а. С. 510-511.
9. Лаврычев В.Я., Соловьева А.М. Боевой почин русского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. 270 с.
10. Литвинов-Фалинский В.П. Шелковая промышленность в России. СПб.,1902.
11. Макушев А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII начала XX века: индустриальное наследие / А. А. Макушев. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. 380 с.
12. «Мальцов и история развития Мальцовско-промышленного района. Сборники материалов историко-краеведческих конференций. Ч. 1,2. Брянск,1994,1998.
13. Немирович-Данченко В.И. Америка в России Русская Мысль. М.,1882. 448 с.
14. Парадизов П.П. Мальцовские заводы в XVIII-XIX вв. (к истории промышленного капитализма в России) / П.П. Парамонов // История пролетариата СССР. вып. 2. М., 1930. С. 114.
15. Поткина И.В. На олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917. М.: Издательство Главархива Москвы, 2004. 384 с. ил. (Московская монография)
16. Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое общество. СПб, 1880. 42 с.
17. Серебряков Г.Ф. Развитие промышленности Мальцовского округа: (исторический очерк): Мальцкомбинат, 1928. 81 с.
18. Субботин А.П. Мальцовский заводской район: История и настоящее экономическое положение. СПб: типография Северного Телеграфного Агентства, 1892. 96 с.
19. Субботин А.П. Мальцовский заводской район// Экономический журнал. 1892. Кн. 5.С. 3-95.
20. Ульянова Г.Н. Взгляды Сергея Ивановича Мальцова по общественным вопросам // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч.1. Брянск. 1994. С. 31 38.
21. Ульянова Г.Н. Мальцовы: 200 лет на российском рынке // Мальцовский мир. Научный сборник. Выпуск 1. Киров: Людиновская городская типография, 1999. С.5-46.
22. Шульце-Геверниц Г. Крупное производство в России. Московского-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. М., 1899. 118 с.
23. 25-летие товарищества нефтяного производства «Братьев Нобель». 1879-1904. СПб., 1904.
24. К 50-летию со дня основания Товарищества «Брокар и К^о». Краткая история. М., 1915.

Об авторе

Агеев С.Е. – соискатель 3-го года обучения кафедры Отечественной истории Гуманитарного института МГПУ.

УДК 03.29

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ОТКЛОНЕНИЙ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГОРОЖАН В XVI-XVIII ВВ.

Н.Н. Алексейчикова

Статья направлена на исследование проблемы употребления крепких спиртных напитков в XVI – XVIII вв. жителями городов белорусских земель. В статье нашли отражение те негативные последствия, которые оказывало увлечение спиртными напитками, начиная от межличностных и имущественных противоречий и заканчивая преступлением в семье. Автором также показывается отношение наших предков к проблеме алкоголизма, т.е. как смотрели на данную проблему люди, попавшие в алкогольную зависимость, а также как к ней относились их родственники.

Ключевые слова: семья белорусских горожан в XVI-XVIII вв., алкоголь и межличностные отношения в семье, алкоголь и имущественные разногласия между родственниками; алкоголь и измена, алкоголь и развод.

Повседневная жизнь жителей белорусского города XVI–XVIII вв. является мало изученной темой. На сегодняшний день в белорусской исторической науке существуют работы, отражающие отдельные вопросы воспитания детей, содержащие отдельные зарисовки быта жителей белорусских земель [3, 4, 5, 6, 14, 15, 16, 20, 21]. К сожалению, ни одна из этих работ не обращается к проблеме влияния алкоголя на семейную жизнь жителей белорусских городов, а также как том, какое влияние на взаимоотношения между различными категориями родственников оказывало употребление спиртных напитков.

Изучение архивных материалов XVI – XVIII вв. позволяет утверждать, что белорусские горожане временами чрезмерно увлекались употреблением спиртных напитков. Под влияние данной пагубной привычки попадали не только мужчины, но женщины, и даже несовершеннолетние дети. Вот, что пишет по этому поводу посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, мемуарист и этнограф XVI в. своем произведении «О нравах татар, литовцев и москвитян»: *«Нет в городах литовских более часто встречающегося дела, чем приготовление из пшеницы пива и водки. Берут эти напитки [и] идущие на войну и стекающиеся на богослужения. Так как люди привыкли к ним дома то стоит им только отвезти в походе непривычной для них воды, как они умирают от боли в животе и расстройства желудка. Крестьяне, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кушают дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волюнки. Вот почему случается, что, когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя <...> У нас же не столько власти (magistratus), сколько сама неумеренность или потасовка, возникающая во время пьянки, губят пьяниц. День [для них] начинается с питья огненной воды. «Вина, вина!» – кричат они еще в постели. Пьется потом эта вот трава мужчинами, женщинами, юношами на улицах, площадях, по дорогам; а отравившись, они ничего после не могут делать, кроме как спать; а кто только пристрастился к этому злу, в том непрестанно растет желание пить...»* [17, с. 49–50]. Следует отметить, что во многом описанная ситуация подтверждается и актовыми книгами городских магистратов: *«въ дому Семена Юшковича, у въ избе знашли есмо а столе ряжку меду, который мед пилъ Ивашко Лавриновичъ а Осипъ Шинкаръ складу меского и две жонки, которых есми знать не могъ...»* [9, с. 329]. Пристрастие к спиртным напиткам было обусловлено сложившимися в рассматриваемый период традициями. Алкогольные напитки, такие как водка, мед и пиво, употреблялись во время приема пищи [20, с. 39]; различных семейных праздников: *«выложилъ на веселье меду, пива...»* [2, с. 416], *«маю горелку у доме своем не для жадное продажы, але есми курил горелку для веселя сына своего»* [9, с. 485], *«в прошлом 1572 году, будучи очень пьяным во время крестин у своего пана...»* [12, с. 438]; когда в дом приезжали гости: *«Поладя, жона Семена Юшковича, поведила, ижъ дей я тотъ медъ не на шынкъ сытила была, але на приездъ приятелей муа моего, котрые мели быть въ тыхъ часехъ у дому мужа моего...»* [9, с. 334–335]; да и просто вечером после рабочего дня: *«онъ (Марк Иванович Сыса, мещанин полоцкий – А.Н.), пятого Февраля сего года (18 февраля 1683 г. – прим. Н.А.), вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошъ водки, пришелъ домой...»* [8, с. 275]. Вино, мед и водку³ использовали также в качестве лекарств [22, с. 44]. Это оказывало значительное влияние жизнь белорусских горожан в целом, и семейную в частности.

Пагубная привычка зачастую наносила значительный урон семье – вела к растрате имущества. Брестский мещанин Стефан Стагивко из-за своего пагубного пристрастия к алкоголю разбазаривал имущество своей семьи. Проблема оказалась настолько острой, что его супруга Александра вынуждена была обратиться в суд для констатации данного факта: *«Ja Alexandra Jerofeiewna zanoszę do wmsć protestacyę tę, iż na tak wiele wniesienia mego, sam wniosła za swego męża stephana Staciwkę, potracił to, to iest: tkankę perlową, kosztowała trzydzieści złotych, pas ieden pozłotisty – dziesięć kop litewskich, drugi pas mały srebrny niepozłocisty – sześć kop litewskich, pierścionków dwa, po dwu czerwonych w każdym – czterdzieści złotych gotowych wziął; to nie wiem gdzie podziewał, potracił, popił...»* [1, с. 406]. Подобное обращение в суд было продиктовано тем, что в последующем женщина, отстаивая свои имущественные права, могла потребовать от своего супруга вернуть ей ее собственность⁴, либо же обратиться в суд с просьбой признать главу семьи неправоеспособным и назначения для

³ Водка на белорусских землях начала распространяться в XVI в. [22, с. 23]

⁴ В XVI–XVIII вв. несмотря на то, что семья носила патриархальный характер, приданное являлось собственностью супруги и без ее разреше-

него куратора: «*żona utratnego męża, rodzicy, powinni, krewni, przyjaciele starają się, aby takiego do urzędu pozwali. Tam gdy stanie, ta żona z przyjacieli przyczyny rozpraszania i utracania jego powiedzieć i okazać (...)* sędzia, urząd gdy obaczy i wyrozumie, iż tu użyteczniej dać kuratora...»⁵ [23, s. 83].

Схожая ситуация сложилась и в семье могилевского мещанина Ониска Игнаровича: «*Postawiliście oczywiście Aganę Tymoszkówna Oniskową, będącą na telego a umie zdrowa (...)* по своей доброй воли (...) тые слова сознала, иж она мужу своему Ониску Игнаровичу, хочечи быти во всем послушною, обецуется з ним употливе жити, не пити, з дому ничего не выносити, а руки от чужого добра гомовати...» [18, л. 78 обр.]. Как видим, пристрастие к алкоголю толкало женщину не только на растрату собственного имущества, но приводило к преступному деянию – краже чужого имущества, подтверждением чего, на наш, взгляд служит ее собственное высказывание, сделанное в суде: «*руки от чужого добра гомовати...*». Последнее приводила к частым семейным скандалам, которые сопровождались рукоприкладством со стороны мужа: «*також и муж ее помененый (...)* моее бити не обецуется».

Растрата имущества, связанная с чрезмерным увлечением алкоголем, являлась причиной многочисленных конфликтов не только между супругами, но и другими категориями родственников. 1 сентября 1578 г. могилевский мещанин Косца подал жалобу в суд на своего пасынка Гришку: «*...жаловал и оповелад учтивы Косца на Гришка Черковича, пасынка своего, а на Хому, сестреница того пасинка его, о томъ, иж дей нет ведома для которой причины збили и змордовали, будучи у дому сполномъ н(а)шомъ. А Гришко с Хомою (...) поведили, иж есми его не били, ани о томъ бои ведаемъ, одно если з нег(о) зняти сермягу матки своей для того, штоб не пропил, бо итак речей много матки н(а)шой позатиял. А уряд выслухавши жалоб и отпору сторонъ, обачаючи то, иж тот пасынок и сестреница в молодых летех, а мешкаючи в одномъ дому и в одномъ хлебе, шарпали господара своего, яко отца, с тых причин уряд за вину дал их посажать до меского везенья.» [2, с. 52 – 53]. Как видим, в данном случае сын и племянник, защищая имущественные интересы своей матери и тети, прибегли к насилию над отчимом, который из-за своей пагубной привычки, неоднократно продавал вещи своей супруги, а вырученные деньги пропивал. Однако, он являлся не только главой семьи, но и кормильцем несовершеннолетних пасынков, поэтому суд встал на защиту его прав. В рассматриваемое время, оскорбление родителей, а уж тем более нанесение им каких-либо телесных повреждений, считалось одним из тягчайших преступлений и подлежало непременно наказанию: «*Аще ли сынъ бьет отца или мать, да казнят его волостелскою казнью, а митрополиту в домъ церковный такій отрок...*» [7, с. 89].*

В 1578 г. пьянство привело к имущественным разногласиям между родными братьями, которые осуществляли совместные торговые операции: «*учтивы Данило Саньковичъ жаловалъ на учтывого Еска Санковича, брата своего штож дей мне з нимъ посполу ездячи по торгомъ и вже назад до дому едучи, заехали есмо до приятеля его до Стася на ночь, то пакъ тамъ ночовавши и вже хочечи до дому ехати, нижли онъ без ведомости моей пошол до слодолы похмелятсе, што я доведавши, иж он пошол пить, побеглемъ у погоню за нимъ, штобы се тамъ не забавил, а до домов своих оmeshьканя не учинили, нижлимъ его учинити не моглемъ и за семъ се вернулъ назадъ; а кгдамыъ до возовъ прышол, нашол возы порушаны и взято з воза моего готовых п(е)н(я)зей копъ одиннадцать и гриши трыдцать, якожемъ я заразем тамъже з нимъ до того врядника на того свояка его жалобу чинилъ и зложити ми с права ему се од того отприсегнуть, нижли он теперь, яко будучи мне братомъ и посполу есми з собою ездил и торговали, тое шкоды моее половицы мне платити не хочеть...*» [2, с. 18–19].

Временами алкоголь становился причиной непоправимой трагедии. Так в Полоцке в 1683 г.: «*онъ (Марк Иванович Сыса – А.Н.), пятого Феврала сего года, вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошъ водки, пришесть домой и попросилъ у покойной жены своей Полонеи есть; она ему есть не дала. Тогда онъ, Маркъ Сыса, свернувши вожжи сталъ ее бить, потомъ, когда она перестала просить его, видя, что она слишкомъ избита, поднялъ съ земли и положилъ на лавке, а самъ пошелъ за молокомъ для дитяти, между же тем она умерла (...)* Истець Кукса (...) просилъ, чтобы Маркъ Сыса былъ четвертованъ, загубивъ две души, потому что жена его была беременна...» [8, с. 275, 276]. Как видим, ссора между супругами, возникавшая на бытовой почве, под влиянием алкоголя переросла в преступление – убийство.

В 1634 г. вдовой осталась могилевская мещанка Дося, жена Матюши Богдановича: «*Матюша, будучи подпилымъ, вступилъ былъ и до менканья исподнего, где Кгдаля жидъ живетъ и шинкъ выдаетъ, увойти хотель; а же до того Кгдали мешканья двери сеньные южъ завалены были, тотъ преречоный Матюша, до тыхъ дверей поколотившисе, а не могучи до того мешканья его, жида Кгдали, увойти, пошоль былъ до вышъшого мешьканья, где онъ, панъ Иванъ, живетъ, и толко што на кганьки его, пана Ивана, онъ Матюша, вступилъ не ведати хто зъ мешканья его, пана Ивана, выпадъши зъ верху кганокъ, окрутъне нелютостиве того Матюшу въ голову, надъ рогомъ, подле чупрыны, вдарилъ, кости прочъ не мало выбил, съ чого певне живъ не будетъ...*». Дальнейшее разбирательство дела не позволяет с уверенностью установить виновного в смертельном ранении, поскольку свидетели подтвердили и поручились за непричастность к этому обвиненного могилевского мещанина Ивана Отрошковича [10, с. 523–527].

Употребление спиртных напитков не способствовало укреплению брачных уз и в плане верности супругов. Так, в 1617 г. в суде могилевского магистрата рассматривалось дело между Чурилой Артемовичем и его от-

ния муж не имел права распоряжаться им по своему усмотрению [25, с. 70].

⁵ Перев. с польск.: «жена, родители, родственники, друзья утратного мужа должны такого призвать к уряду. Когда жена и друзья станут перед урядом они должны сообщить о причинах, приведшие к утрате и доказать это (...) судья, уряд когда увидят, что это соответствует действительности должен назначить для такого человека куратора...».

цом, Артемом Повязским, последний склонил к сексуальной связи свою невестку: «*скоро до избы жона моя прышла, (Артем Подвязский – Н.Н.) москалика по огонь послалъ, и скоро москаликъ пошоль, онъ се зъ нею увъ избе зосталъ, тамъ же я до избы по мало ускочывыи окномъ, отца своего на жоне своей зосталъ и в жону свою взявши, троху прибылъ; она се мне признала до того, ижъ дей мене отецъ пьяную о запустахъ звелъ и отъ того часу зъ нимъ мешкивала...*» [10, с. 344–345]. Как видим, не последнюю роль в неверности супруги сыграло то обстоятельство, что она находилась в нетрезвом состоянии. Алкоголь явился причиной супружеской неверности в и семье Романа Казкевича: «*Жаловался славутный пан Павел Кузевка, посполитый могилевский <...> о том, что Роман Козакевич, мещанин могилевский и неучтивая Анастасия Мелешкова, шинкарка, совершили чужеложство <...> против которых жаловался <...> такими словами <...> в 1750 году <...> нерадница Настасья <...> 23 января пришла вечером пьяная до Райя и легла спать в коморе; в это же время пришел Ромка, немного задержавшись в скорости ушел у Семену Бутоме на крестины, где немного побыв, вернулся вновь к Райю и войдя в комору, закрыл двери, где на кровати спала Анастасия (и совершил прелюбодеяние – А.Н.)» [12, с. 292–293]. Из приведенного отрывка видно, что женщина находилась в состоянии алкогольного опьянения, мужчина также, скорее всего не был достаточно трезв, поскольку незадолго до совершенного преступления⁶ побывал на семейно празднике, кресьбинах, у могилевского мещанина Семена Бутомы. К счастью семья не распалась, потому что супруга Романа Казакевича не только нашла силы простить изменника, но и вступилась за него перед судом: «*А так мы, городской уряд <...> отмечем, что обвиненный Роман Козакевич, имеющий годную и почтливую венчанную жену и рожденный от нее детей, за совершенный теперь поступок с неучливой Анастасией Мелешковой, шинкаркой, должен был быть наказан публичной позорной казнью, однако уважая слезы жены и детей <...> и его раскаяние, от публичного наказания освобождаем, за совершенные выстук, оскорбляющий Бога и противный людям, должен заплатить 30 битых талеров на городской могилевский гарнизон и дать две скрыне стекла на окна для судебной избы...*» [12, с. 292–293].*

В рассматриваемое время злоупотребление алкоголем приводило к распаду семьи (расторжению брака): «*я, Яков Андреевич Сопозко <...> чиню ведомо и сознаю самъ на себе симъ моимъ добровольнымъ розводнымъ листомъ, ижъ я знаючи тотъ грехъ на себе, же мешкаючи въ свете, жаднымъ способомъ отъ пьянства завстягнутись и погановати не могу, зачымъ умыслемъ и статечне то у себе постановиль одменити животъ мой на животъ законный, на покуту до монастыра, на поратованне души моее, а маючи на сесь часъ въ стане малъженскомъ учтивую Катерину Самуелевну, которую я южъ тымъ моимъ роспустнымъ житемъ, стративши отчизну мою и самую оголотиль и до убозтва привель пре то<...> симъ листомъ моимъ зъ малженства и обовязковъ шлюбныхъ вызволяю и волную чиню вечными часы...*» [11, с. 521]. Как видим, мужчина осознает, что его болезнь наносит серьезный урон семье, а потому высказывает желание, посвятить свою дальнейшую жизнь служению богу, чтобы избавиться от своего порока.

Чрезмерное использование алкогольных напитков в пищу не только подрывало здоровье жителей белорусских городов, деформировало межличностные взаимоотношения между супругами и другими родственниками, но и приводило к летальному исходу: «*Федор Иванович Оришаница, пришедъши до насъ, уряду, скаржилъ на Любу Юзефовну, жидовку и не сестру его, Д(о)ню Ивановну, которая у нее летъ десять служила, здорова, не давши намъ справу, яко умерла, и не ознакомиши, жебы я братъ, зъ братьею и зъ покровными, учтивее, ведле звычайу хрестіанского, оную похавалъ <...> сынъ змерлое Дони, Гришкно Андреевичъ, зъ бабкою своею, Парасею, и зъ тетъкою, Марушною Оришаничиною <...> въ ночи пришедъши, нашоломъ матъку свою умерлую <...> а взявши тело, яко до ютрени зазвонено, отъвезлисмо на Гвоздовку въ свитаню, и для неславы, же зъ горелки умерла, кгдажъ и отецъ нашъ первой сего также зъ горелки змеръ, не даючи знать до церкви, выкопавъши ямъку <...> зъ братомъ, тарасомъ Анъдреевичомъ, и Феоромъ и Якимомъ Ивановичами, дядками и Марушною, сестрою, и невесткою Марею Ясковою, ввирнувши въ рогожу а прыкрывши дошъкою, похавали...*» [11, с. 372–373]. Как видим, подобная смерть считалась позором для членов семьи усопшего, а потому ее пытались всяческими путями скрыть, вплоть до похорон без участия священника.

Исследование архивных документов показывает, что проблема алкоголизма стояла довольно остро в исследуемых период. Свидетельством чему являются с одной стороны многочисленные зароки горожан об отказе употреблять алкоголь: «*ставши очевисто Лука павлович Овечкинъ, мещанин могилевский сознатье свое до книгъ мескихъ тыми словы учинилъ, ижъ дей не маю пити отъ даты сего сознатья моего до свята фалебного Великодня <...> такъ въ корчме. Яко тежъ и въ вольнымъ питью, а где бымъ, препомневши сего сознатья моего, где кольвекъ пити мелъ, теды, волно и моцно будеть мене тесью моему взяти кромъ жадного права, взявши до везенья меского посадити, и зъ уряду корати водле подобанья своего...*» (1596 г.) [10, с. 224]; «*Постановивши се очевисто мещанин могилевский Дмитр Сашкович сознание свое добровольное до книгъ мескихъ могилевскихъ тыми словы учинил ижъ дей што заходили на мене жалобы од розныхъ <...> мещан Могилевскихъ в кривдахъ ихъ ижъ што я взявши отъ нихъ <...> пропиваломъ <...> записомъ моимъ добровольное записую ижъ не маю жадного напитку такъ меду пива горелки пить и в корчму ажъ до рожеству Христова Пришлого...*» (1624 г.) [19, л. 78]. С другой – ужесточение контроля за изготовлением спиртных напитков со стороны местных органов власти: «*абы никто горелки в своем доме не мелъ*» [9, с. 462], а также наличие наказания в виде тюремного заключения за распитие

⁶ В рассматриваемое время прелюбодеяние считалось не только греховным, но и преступным. Оно ставилось в один ряд с такими преступлениями как убийство и изнасилование [24, с. 199]

спиртных напитков и как следствие нарушение общественного порядка: «*Повстановившисе на уряде войтовства Могилевскаго учтивы Максымъ Овхимовичъ, а Иля Грушъковичъ, а Жданъ Оникивичъ, мещане Могилевские выручили з везенья за дозволенъемъ уряду стороны жоны его и детей Овтушъка Шостаковича Кравца для лотровства его, за которого прырекли, же маеть вжо супокойне жить и вжо маеть перестать того лотровства (пить) чинити по (то) есть пиянства, костьрства, збытковъ вишелякихъ под виною тремя рублями гриши на врьд (...) а если бы его где лотруючи зостали, будетъ имъ волно взять и до везенья его войтовскаго осадить...*» [2, с. 9]. Для пьяниц и дебоширов в качестве наказания практиковалось:

1) изгнание из города: в 1577 г. Ивашко Жак записал в книги могилевскаго магистрата следующее объявление «...на которую часторот жалобы и скарги до вьраду доходили, за тым што он у в опилство и в распустность се вдавши, людей добрых ни в чом ему невинных лаеть, соромитит и словы неучтивыми до-сожает, звлаца моцью речи некоторые чужьи беретъ на рынку и марне их тратит, ку шкоде людей, іакож и на тот час у Аверка Семеновича, товариша своего, скуру іаковичю взявши, в корчме на меду запил (...) иж естбых се дей через час того марнотраца еще важил, а от него ескромити и погамовати а не пристойного потрovenого питя поперестати и тым живота своего поправити не хотел, а над то бы в тое, чого той час доброволне отступую вдавал, тогды за которым своволенством моим (...) вьрад местсой, где колвек трафи, поймати и кату в моц подати, а без милосердя и жадного отпуску у стола на рынку показавши увязати и хлостами, іако дного злодея карати, а потом с посполства вылучивши з места выгнати...» [13, с. 266–267].

В 1579 г. из города был изгнан могилевский мещанин Федор Нестерович: «*Марына Жыдкаая (...) жаловала на Федора Нестеровича о том, иж он у мене у дому моемъ пившы, сукман ч(е)ског(о) серый (...) идучы з дому моего украл, которог(о) я назавтрей у него пытала и перейму давала золотый, а он сукмана мне отдать не хотел, то пак я, взявши з уряду Яна цехмистра, пошотышы у домъ его, нашла сукню свою на передклетти захованый, мокрый, прикрытый, што и Ян цехмистръ созналъ (...) А сторона отпорная Федор Нестеровичъ самъ доброволне знал се, иж з дому ее тую сукню узал был, идучы до дому своего, для тог(о), же был в одной кошули, нижли не смел ее отнести, боючысе, жебы не били (...) а так врьд, выслужавши жалобы и оттору стороны, згоджаючысе водлуг порадку права майдебурског(о), ижъ еще был в летех молодых тот Федор и для тог(о) о горло ему не пришло (...) сказали, абы его у прекгли в рынку мистръ дубцы скаралъ, яко одного злочыницу, и з места выбил...*» [2, с. 412–413]. Здесь мы сталкиваемся не просто с алкоголизмом, а с алкоголизмом детским, повлекшим за собой преступление – кражу. Приговор, вынесенный Федору Нестеровичу, являлся не столько результатом злоупотребления алкоголем, сколько результатом совершенного им преступления.

2) заключение под стражу: «*Повстановившисе на уяде войтовства Могилевскаго учтивы Максымъ Овхимовичъ, а Иля Грушъковичъ, а Жданъ Оникивичъ, мещане Могилевские выручили з везенья за дозволенъемъ уряду стороны жоны его и детей Овтушъка Шостаковича Кравца для лотровства его, за которого прырекли, же маеть вжо супокойне жить и вжо маеть перестать тог лотровства чинити по (то) есть пиянства...*» (1578 г.) [2, с. 9].

Исследование актовых книг позволяет сделать следующие утверждать, что в XVI – XVIII вв. в белорусских городах существовала проблема алкоголизма, данной пагубной привычке были подвержены не только мужчины, но и женщины, а также несовершеннолетние дети. Чрезмерное увлечение спиртными напитками в рассматриваемое время нарушало спокойствие семейной жизни: вспыхивали конфликты между супругами и ближайшими родственниками, приводило супружеской неверности и к распаду семьи, а иногда становилось причиной преступления.

This article is directed on study of the problem of the use strong alcohol drink in XVI - XVIII ages inhabitant city Byelorussian lands. In it opens that harmful influence, which rendered alcohol on relations between relative. Negative consequences of the abuse alcohol drink are shown in article. Amongst them possible to name interpersonal and property contradictions between relative, and crimes, which were made relative on attitude to one another. The Author appears the attitude our limit to problem of the alcoholism, what looked at given problem people, which have fallen into alcoholic dependency, what their relatives to her pertained.

Key words: family of the Belarussian citizens in the XVI-XVIII centuries, alcohol and the interpersonal relations in a family, alcohol and property disagreements between relatives; alcohol and change, alcohol and divorce

Список литературы

1. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. Т. 6: 1) Акты Брестскаго гродскаго суда (поточные), 2) Акты Брестскаго подкоморскаго суда, 3) Акты Брестской магдебургіи, 4) Акты Кобринской магдебургіи, 5) Акты Каменецкой магдебургіи. Вильна: Тип. Губернскаго Правленія, 1872. 673 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578–1580). Вильна: Тип. Губернскаго Правленія, 1915. 664 с.
3. Бардах Ю. Штуды з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: ТАА «Типографія ПОЛІТМАГ», 2002. 459 с.
4. Беларусы: у 9 т. Т. 5: Сям'я [пад рэд. В.К.Бандарчыка і інш.]. Мінск: Бел. навука, 2001. 375 с.
5. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. [пад рэд. В.К.Бандарчыка]. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 248 с.
6. Дзербіна Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу. Мінск: Тэхналогія, 1997. 175 с.
7. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв./сост. Я.Н.Щапов. М.: Наука, 1979. 239 с.

8. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676 – 1771 гг. [под ред. Созонова и др.]. Витебск, тип. Губ. правл., 1975. 409 с.
9. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 7: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1577–1591 гг. [под ред. Созонова]. Витебск, тип. Губ. правл., 1876. 517 с.
10. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591 – 1634 гг. [под ред. Созонова]. Витебск: Тип. Губ. правл., 1877. – 530 с.
11. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 9: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635 – 1646 гг. [под ред. Созонова]. Витебск, тип. Губ. правл., 1878. 546 с.
12. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 15: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1706 г. Акты, извлеч. из книг Могилевского магистрата за 1747 – 1756 гг./под ред. Созонова. Витебск, тип. Губ. правл., 1884. 528 с.
13. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 32: Акты первой книги Могилев. магистрата за 1577 – 1578 гг. [под ред. Д.И.Довгялло]. – Витебск, тип. Губ. правл., 1903. 289, 292 с.
14. Калачова, И.И. Народныя традыцыі і звычаі выхавання. Этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі. Мн.: НІА, 1999. 179 с.
15. Марзалюк І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2003. 324 с.
16. Марзалюк І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы. Мінск: Веды, 1998. 260 с.
17. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян [Перевод В. И. Матузовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич]. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151, [3] с.
18. НГА РБ. Ф. 1817. Оп. 1. Ед.хр. 10: Актовая книга Могилевского магистрата 1628 г.
19. НГА РБ. Ф. 1817. Оп. 1. Ед.хр. 9: Актовая книга Могилевского магистрата за 1624 г.
20. Сліж Н.І. Шляхецкая сям'я ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI – XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага падзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё: аўтарэф. дыс. .... канд. гіст. навук: 22.03.2002./Н.І.Сліж; Інстытут гіст. Нацыянал. акадэм. навук Рэспублікі Беларусь. Мн., 2002. 24 с.
21. Сям'я і сямейны быт беларусаў [пад рэд. В.К.Бандарчыка і інш.]. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. 256 с.
22. Baranowski B. Polska karczma, restaracja, kawiarnia. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. 248 s.
23. Groicki B. Obrona sierot i wdów. Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. 345 s.
24. Groicki B. Tytuły prawa majdeburskiego od Obrządku i do Artykułów, pierwiej po polsku wydanych, w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych z tego prawa majdeburskiego przydane. Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1954, s.
25. Kuchowicz Z. Człowiek polskiego baroku. Łódź: Wydaw. Łódzkie, 1992. 395 s.

Об авторе

Алексейчикова Н.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин УО «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

УДК 947.081.4

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ КОНЦА 1870-х гг.

В.Ф. Блохин, С.И. Косарев

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00229 а.

В статье рассматривается позиция российской периодической печати в отношении участия Англии в решении Восточного вопроса, обострившегося во второй половине 1870-х гг. На материалах российской прессы, активно вступившей в одну из первых своих «информационных войн», показаны особенности отношения двух государств к развернувшимся событиям на Балканах, к проблемам формирования общественного мнения в России и Англии.

Ключевые слова: Восточный кризис, периодическая печать, внешняя политика России, общественное мнение, военная реформа, русско-турецкая война.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась крупнейшим событием военной истории России второй половины XIX столетия, проверкой преобразований в военной сфере, начатых реформами Д.А. Милютин. Однако победа в ней была трудной не только из-за многочисленных проблем, обусловленных незавершенностью преобразований, недостаточной подготовкой российской армии или сложностями условий ведения военных действий,

но и в результате активного воздействия на ход войны политики ряда европейских государств, прежде всего Англии и Австро-Венгрии. Не принимая непосредственного участия в военных операциях, эти страны играли самую активную роль в войне, оказывая не только материальную, но в первую очередь моральную и психологическую помощь Османской империи.

Политика нейтралитета, избранная правительством Англии в расширявшемся военном конфликте, вызвала значительное количество отзывов в российской печати, которая активно вступила в одну из первых своих международных информационных войн, используя все возможности, предоставляемые ей господствовавшим в России цензурным режимом. Периодическая печать обеих стран не просто регистрировала происходившие события, но и пыталась активно вмешаться в их ход, направлять их течение. Исторической специфике отношений между двумя державами в Восточном кризисе 1870-х гг., нашедшей отражение на страницах тогдашних российских газет, посвящена данная статья.

Изучение печати как средства самовыражения и ключевого звена во взаимосвязи общества и правительственных структур до сих пор относится к числу малоизученных проблем в отечественной историографии. Причиной тому выступает не столько отсутствие внимания современных исследователей к этой проблематике, сколько объемность материалов печати, долгое время не подвергавшейся серьезному изучению в отечественной научной литературе.

Российскую прессу в соответствии со взглядами на английскую внешнюю политику, а еще точнее – на позицию Англии в отношении Восточного вопроса, с некоторой долей условности можно разделить на несколько направлений. Разница в позициях российских изданий в проблемах внешней политики во многом являлась следствием или их приближенности к официальной власти, или же отчужденности от нее. Можно еще выделить четвертый вид изданий, редакторов которых мало интересовали российско-английские отношения, но острота этой проблемы в середине 1870-х гг. заставляла их углубляться в нее, чтобы не только сохранить читательскую аудиторию, но, по возможности, ее и преумножить. По этому поводу очень точно высказалась газета «Русское обозрение»: «Русская печать, осторожная, даже робкая относительно станových и исправников, говорящая о губернаторах исключительно только по поводу наград и повышений, – иронизировал корреспондент издания, – проявляет неудержимую ретивость, смелость, даже *свободомыслие* (выделено в тексте. – Авт.) по части европейских порядков и правителей» [1]. Об этом же поводу иронизировала «Русская правда»: «...в большинстве наших газет за недостатком вопросов внутренних поднялась ныне такая туча вопросов внешних, такой неожиданный разгул дипломатии и внешней политики...» [2].

Весной 1877 г. в российской печати активно обсуждалась позиция нейтралитета, декларируемая английским правительством. Говоря о ней, газета «Сын Отечества» заявляла: «Положение, занимаемое этой державой, составляет настоящую *черную точку* на политическом горизонте. Сколько раз ее министры уверяли, что не хотят вступаться за Турцию, что нет возможности спасти того, кто твердо решился на самоубийство – и все-таки ни на минуту не покидали своей роли присяжных защитников этой державы перед лицом целой Европы. Если все старания дипломатии уладить миролюбиво Восточный вопрос остались бесплодными, то больше всего виноваты в этом министры ее британского величества...» [3].

По мнению «Петербургской газеты»: «Под маской нейтралитета Англия наносит нам более вреда, чем могла бы нанести в войне. В последнем случае, она сама подвергалась бы потерям, и торговля ее понесла бы чувствительный ущерб, тогда как теперь она имеет возможность вредить безнаказанно и даже сообщать о движениях наших войск неприятелю» [4].

В январе 1877 г., когда война между Россией и Турцией уже «висела в воздухе», «у Порты вдруг оказалось много денег, новые орудия и скорострельные ружья». «Уже и теперь, – отмечала в начале апреля 1877 г. «Петербургская газета», – английские моряки назначены на турецкие судна; английские генералы и офицеры будут командовать турецкими войсками. Сама же Англия покуда еще колеблется принять определенное положение в возникшей распре. Скорее всего, что она прямого участия в войне не примет, а будет драться за спину турок» [5]. «Биржевые ведомости» в передовой от 1 мая 1877 г. заявляли о том, что английская политика к Восточному вопросу находится на перепутье, но ее такое состояние, вряд ли будет длительным, поскольку будет сложно «провозглашать строгий нейтралитет на словах, а на деле оказывать всяческую материальную помощь Турции» [6].

Следует отметить то обстоятельство, что накануне и с началом русско-турецкой войны взаимные подозрения возникли не только у Англии и России. Недоверие явилось в это время определяющим мотивом в политике европейских государств по отношению друг к другу – Германии к Франции, Австрии к Италии, Англии к России и союзу трех императоров. Читатель европейских газет выступал в роли пассивного потребителя готовых оценок, истин, которые, казалось, не требовали дополнительных доказательств.

Рассуждая по этому поводу, газета «Голос» привела эпизод, произошедший с австрийским государственным деятелем графом Кауницем, который зло пошутил над всеведением газет и над верой публики в содержание их публикаций. Когда его попросили прокомментировать одну из актуальных на тот момент политических проблем, он с улыбкой ответил: «Ей-богу, я ничего пока не знаю об этом. Я еще не успел прочесть вчерашних газет» [7].

По свидетельству современников и на основе материалов периодической печати можно сделать вывод о том, что психологическое оружие, острием которого выступала пресса европейских государств, сумело нанести серьезные удары по господствовавшим в Европе представлениям времен, предшествующих этому круп-

ному военному конфликту. Публицист «Петербургской газеты» констатировал: «Что видят в борьбе между Россией и Турцией наши заграничные «благосклонники»? Одни – стремление России к расширению своих владений, другие – осуществление теорий панславизма, третьи – уступку общественному мнению, четвертые – но всех мнений не перечислить, и только немногие имеют истинное понятие о значении настоящей войны» [8].

В начале того же 1877 г. в среде российских периодических изданий были сторонники точки зрения о возможности и даже необходимости союза России и Англии в Восточном вопросе. Так, газета А.С. Суворина «Новое время», утверждала, что если бы две эти страны объединили усилия, «то они могли бы не замечать остальной мир». Издание утверждало, что для России «государство, с которым союз был бы прочнее всех других – это Англия. <...> Полюбовное размежевание (*интересов.* – Авт.) тут было бы возможно, если бы они были сведены к простейшему выводу относительно Босфора и если бы английскому обществу могло быть внушено доверие к политике России» [9].

По мнению публициста еще одной петербургской газеты «Биржевые ведомости», которая также в то время исходила из необходимости русско-английского союза, дружеские отношения с Англией в перспективе должны были способствовать дальнейшему развитию России и совершенствованию ее политической системы. «Биржевые ведомости» отмечали: «Англия более чем какая-либо другая держава в мире является представительницей принципов свободы в сфере политики и торговли, представительницей парламентской системы, стремлений к открытиям и изобретениям, – одним словом, представительницей идей и принципов, развитие которых обуславливает собою улучшение судеб человечества» [10]. Даже газета «Гражданин», отличавшаяся резкостью суждений и нарочитой патриотической направленностью, в начале апреля 1877 г. вынуждена была признать, что, несмотря на политически-враждебное отношение английского правительства к России, англичане много сделали «на пользу истины и света в деле родственных нам народностей Балканского полуострова» [11].

Однако большинство крупных российских газет не разделяло мнения «Нового времени» и скептически смотрело на возможность создания русско-британского союза, исходя из разности взглядов ведущих английских политиков, отражавших в свою очередь настроения значительной части общества: «В Англии, несмотря на множество голосов в пользу совместного действия с Россией, дело едва ли может пойти так далеко, если принять во внимание разрозненность мнений нынешнего кабинета, в котором лорд Биконсфильд представляет элемент положительно враждебный интересам восставших провинций (*имеются ввиду славянские территории, входившие в состав Порты.* – Авт.), лорд Дерби проповедует политику невмешательства и бездействия и лишь два члена кабинета, лорд Норткот и Карнарвон высказались за обуздание Турции и принуждению ее к уступкам в пользу восставших провинций» [12]. Позднее эта же газета определила линию, проводимую премьер-министром Великобритании лордом Биконсфильдом в Восточном вопросе как «политику неожиданностей»: «много шума, много тревоги и неопределенность цели» [13].

Более определенно высказывалась «Петербургская газета»: «Если война России еще не объявлена, то потому лишь, что Англия не находит еще момент для этого благоприятным; зато с другой стороны, она не колеблется нарушать нейтралитет, поддерживая Порту советами и деньгами и угрожая Персии. Мы думаем, что пора положить предел такому коварству, и удивляемся некоторым органам нашей журналистики, заботящимся более об интересах английских, чем о русских» [14].

Большинство российских газет сугубо отрицательно относились к главе британского кабинета: «Нам постоянно твердили, что английский народ нам дружелюбен и готов даже помогать бороться с турками, вот только этот злодей Биконсфильд все портит... Не будь его, все бы пошло, как по маслу. И лорд Биконсфильд сделался у нас таким же пугалом, какими некогда были Наполеон I, Наполеон III и Пальмерстон» [15].

Обладая несомненным литературным талантом, Бенджамин Дизраэли (с 1876 г. граф Биконсфильд) даже в своих литературных произведениях развивал теорию «героя», которому «всё позволено», превратив свою литературную работу в средство пропаганды собственных социально-политических взглядов. Российская печать, отдавая должное талантам английского политика, постоянно делала акцент на наличие у него его русофобских взглядов: «Биконсфильд, которому никто не может отказать в остроумии, сказал однажды в насмешку о Гладстоне, что у него только один недостаток: он весь состоит из совершенств. Можно смело сказать, что сам Биконсфильд не страдает этим недостатком» [16].

Английская политика в Восточном вопросе и особенно позиция лорда Биконсфильда, основанная на «бессердечном эгоизме», вызывала резкую критику на страницах «Голоса», который последовательно отражал позицию российского Министерства иностранных дел. Газета писала: «Один держится на стороне поддержки известной династии, другой хочет осуществить свои законодательные планы и такое раздробление политических целей порождает уединение отдельных держав, так как дипломаты не сходятся в своих желаниях; такое разъединение целей делает невозможным сильные коалиции, которые, подняв знамя прогресса, энергически могли бы защищать идеи, приносящие благо и спокойствие человечеству» [17].

Оригинальным выглядело суждение газеты «Сын Отечества», пытавшейся показать отсутствие единства во взглядах не только в английском парламенте: «На 100 англичан не найдется и десяти, желающих войны с Россией, между тем как есть по крайней мере 30, которые постоянно стояли за союз с Россией против турок. Но на 100 англичан найдется, вероятно, 50, которые не любят турок, но точно так же не любят и русских; есть около 20, которые ненавидят русских, но не питают такого же чувства к туркам, между тем как можно насчитать по крайней мере 30, которые ненавидят турок и желают русским всякого успеха. В числе

последних находятся самые серьезные и энергичные люди в Англии. Более всего страшит их мысль, что Россия не покончит навсегда с турецким владычеством в Европе» [18].

Устойчивой темой публикаций в российской периодической печати являлась проблема британских и российских интересов на Востоке. По словам «Гражданина»: «Вообще Турция – это клиент Англии, слабый, изнемогающий под бременем политического и финансового кризиса, но у него есть громадное недвижимое имущество, которым она желала бы завладеть одна, без участия континентальных государств, в особенности без участия России. Эта держава ненавистна для Англии потому, что она видит в ней слишком опасную соперницу в делах Юго-Востока, слишком заинтересованную судьбой славянских народов Турции» [19]. «С-Петербургские ведомости» уточняли: «Турция необходима для Англии не только как средство помешать России овладеть Константинополем и Дарданеллами, но как выгодный клиент, как рынок для сбыта своих произведений» [20]. «Британская дипломатия не переставала хлопотать в пользу Турции, поощряла ее друзей, пугала ее врагов, вербовала ее союзников или, по крайней мере, удерживала ее противников от участи в борьбе против нее», – констатировали «С-Петербургские ведомости» [21].

Сразу после начала военных действий со стороны России на территории Турции английское правительство заговорило о мирной конференции. Ссылаясь на английскую печать, «Сын Отечества» сообщал о специальной программе, разработанной в политических кругах Англии в целях примирения враждующих сторон. Смысл ее сводился к ограничению возможного усиления российского влияния на Константинополь, Босфор, Суэцкий канал и Персию, но предоставления ей свободы действия на Балканском полуострове.

Газета «Гражданин» пыталась показать принципиальное отличие России и Англии в деле присоединения новых территорий: «Англия приобретает земли не вследствие необходимости обеспечения своей политической независимости, как Россия, <...> а потому владения ее никогда не могут слиться с ней. Кроме того, непреодолимая преграда этому слиянию была сама политика Англии в отношении к своим колониям. Политику эту поистине нельзя назвать государственной политикой. Итак, Англия вместе с колониями своими, хотя и заключает почти в 2½ раза больше народонаселения, чем Россия, но, не составляя одного с ними целого, представляет политическую силу, в отношении к Европе, только лишь сосредоточенную в Соединенном королевстве – силу, которая далека от того, чтобы во всех отношениях соперничать с политическим могуществом России» [22].

По мнению «С-Петербургских ведомостей»: «Англия для вмешательства в Восточные дела имеет известные практические права: она давно укрепила за собой право захватов всего, что "плохо лежит", отстаивая, вместе с тем, свою позицию державы, преобладающей на морях, свое немаловажное участие в судьбах Востока и, наконец, свои вполне реальные интересы на Балканском полуострове» [23]. Свое видение проблемы отношений двух государств высказали и либеральные московские «Русские ведомости»: «Заставляя Россию отказаться от Баязета, Англия ссылается на то, что через этот город проходит торговый путь из Трапезунда в Персию. Но ведь у Англии есть своя дорога в Персию через Суэцкий канал. Распоряжаясь в Турции, как у себя дома, Англия хочет владеть и другой дорогой через Баязет. Почему же России не дозволяется иметь таких же претензий на торговый путь, какие высказывает Англия? Почему именно она обязана уступать, а не Англия? Почему не распределить обеих дорог одну – через Баязет – оставить за Россией, другую – через Суэц – за Англией? Почему при первой угрозе мы готовы смириться и уступить всякому заносчивому притязанию?» [24].

Летом 1877 г. отношения между двумя странами накалились до предела. «Англия собирается занять Константинополь своими войсками! Англия посылает свой флот в Галлиполи! Англия выписывает из Индии пятидесятитысячный корпус войск! Англия не может допустить, чтобы русские заняли Константинополь! Вот слухи, которые сыплются со всех сторон и усердно повторяются европейской печатью, преимущественно же туркофильскими английскими газетами» [25].

По поводу кризисной ситуации осенью того же года высказывались «Биржевые ведомости»: «Нет, Англия в войну ввязываться не хочет, так как англичанам вовсе нежелательно жертвовать своим имуществом и жизнью. Необходимо поэтому действовать дипломатическим путем, хлопотать о сформировании коалиции, которая могла бы остановить северного колосса и указать ему предел» [26]. Россия оказалась в довольно обычном для нее положении, когда помимо явного и непосредственного противника в войне в лице Турции существовали тайные враги, пытавшиеся действовать против нее дипломатическим путем. По утверждению «С-Петербургских ведомостей»: «Британская дипломатия не переставала хлопотать в пользу Турции, поощряла ее друзей, пугала ее врагов, вербовала ее союзников или, по крайней мере, удерживала ее противников от участи в борьбе против нее» [21].

Газета «Сын Отечества» видела причину активизации политики Англии на Востоке в пассивности самой России: «Неоспоримой истиной является то, что довольно продолжительное бездействие российского правительства и русской армии на границах с Турцией было истолковано ее противниками как признак слабости и неверия в собственные силы. В итоге был достигнут обратный эффект и военное столкновение было ускорено. Союзники Порты настаивали на отказе от уступок и поощряли их к военным действиям [27]. В середине января 1878 г. газета «Новое время» констатировала: «В настоящую минуту все наши отношения к Англии сводятся к вопросу: может ли Россия допустить высадку небольшого английского отряда, под какой бы то ни было дипломатической формулой, на полуострове Галлиполи, в Константинополе или в другой части Турции, лежащей в районе наших военных действий, не признавая такой высадки за открыто враждебное действие. От разрешения этого вопроса будет зависеть развязка дальнейших наших отношений к Англии, и больше того – мир Европы или общеевропейская война» [13].

Тема возможной войны с Англией к началу 1878 г., а особенно в момент наибольшего обострения англо-русских отношений в марте-апреле этого же года, обрела практически легальные формы в печати. «Гражданин» иронизировал по поводу ситуации, сложившейся в отношениях между Россией и Турцией: «Война, как бал: знаешь с кем его откроешь, да не знаешь с кем придется танцевать последний танец» [28].

Наконец, весной 1878 г. перспектива новой войны стала почти для всех очевидной, что не замедлило проявиться в публикациях российских газет. «Мир или война? Тысячу раз в день вы слышите этот вопрос. Спрашивает извозчик, спрашивает сановный вельможа. Ни тот, ни другой не получают ответа по той простой причине, что неоткуда взять этот ответ, – заявляла газета «Гражданин». – Лондонский наш посол граф Шувалов прибыл в воскресенье вечером, и сегодня уехал обратно в Лондон <...> он привез, так сказать, суть своих долгих бесед с Беконсфильдом и Салисбюри, вместе со своим собственным образом понимания этих разговоров и выводом из них» [29]. «Сын Отечества» с тревогой сообщал: «...как известно из газет, во всех английских арсеналах усиленно продолжают вооружения, на всех верфях кипит неустанная деятельность, и все показывает, что Англия к чему-то, по-видимому, готовится. К чему же, как не к войне с Россией» [30].

В то же время высказывались предположения относительно возможного развития событий. «Со дня на день ждут, что Англия объявит нам войну, и ждут, кажется, напрасно, так как *одна* Англия войны нам не объявит. Англия воюет за свой счет и на свой риск только с какими-нибудь ост-индскими народами, с абиссинцами, с ашантиями, вообще с племенами дикими, плохо вооруженными, недисциплинированными, с которыми она может воевать наверняка. Но за последние шестьдесят лет мы не припомним войны, которую бы вела Англия одна с которою-нибудь из цивилизованных сильных держав. Это не в ее нравах и даже не в ее силах. Англия хочет воевать с Россией – это очевидно. Но она *начнет* войну только тогда, когда заручится каким-нибудь союзником, будь то Австрия, или Турция, или какая-нибудь новая коалиция» [31].

«Новое время» по поводу возможной войны имело свою точку зрения: «Позволительно спросить, в самом ли деле кто-либо в России испугался мнимой войны с Англией, и мы теперь положительно утверждаем, что серьезно никто не верил в эту войну, не мог ее вообразить, так как сведущим людям должны быть известны скромные размеры вооружений Англии. Если тем не менее общее стремление к Царьграду было остановлено, то это надо приписать тому, что в нас самих не хватило духу сделать последний шаг, который взвалил бы на нас задачу обновления Востока в широких рамках» [32].

Ожидание новой войны, охватившее население России, вскоре перекинулось на Европу. «Сын Отечества» констатировал: «В Берлине, наконец, отчаялись в созвании конгресса и считают войну между Англией и Россией неизбежной. С этой мыслью все уже начинают мириться, как с роковой, ничем неотвратимой необходимостью, и главная забота европейских дипломатов состоит теперь в том, чтобы локализовать войну и не допустить до участия в ней Австро-Венгрии» [33]. Высказывался по этому поводу и «Гражданин»: «Начинать весьма рискованную (ибо это была бы война на жизнь и смерть всего русского народа и всех славян с двумя... *правительствами*: кабинетом Дизраэли и кабинетом Андраши) и, во всяком случае, совершенно бесплодную как для Англии, так и для Австрии войну с Россией из-за границ вассальной Турции Болгарии или ничтожных урезок земли в пользу Черногории, Сербии в Европе и России в Малой Азии – не решатся ни Беконсфильд, ни Андраши чем бы ни кончился конгресс» [34]. «Новое время» в свою очередь заявляло: «Европа сознает, что война между Англией и Россией в то же время означает войну между другими европейскими державами, быть может, от одного конца Европы до другого, и потому часто выступала посредницей, успокаивала воинственного лорда Беконсфильда» [13].

Даже в июле 1878 г. уже после завершения Берлинского конгресса некоторая часть российской периодической печати продолжала говорить о необходимости и неизбежности новой войны. По этому поводу «Биржевые ведомости» заявляли: «Ежедневно вы можете прочесть в «Московских ведомостях», «Современных известиях», «Новом времени» и других подобных им юродствующих органах пространные рассуждения о том, что Берлинский трактат не должен и не может повести, да и не поведет, к замирению Европы, что европейская война вспыхнет не нынче-завтра и что это будет величайшим несчастьем для России. Тщательно подыскивают они всякие признаки, указывающие, по их мнению, на столь любезный для них оборот дела» [35]. В то же время газета справедливо отмечала, что многие склонны во всех бедах, принесенных войной, обвинять периодическую печать, что совершенно неверно. «Вся серьезная часть нашей печати была не за войну, а против войны. Почти все наши выдающиеся литературные деятели, стяжавшие себе почетное имя и имеющие за собой известные заслуги, группируются около так называемых наших толстых журналов, служащих лучшими выразителями серьезной русской мысли и общественного мнения. <...> «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Слово» и «Дело» ни одним словом не обмолвились ни за овладение проливами, ни за завоевание Константинополя, ни за внедрение в славянские земли русской цивилизации. В этих журналах вернее всего отразилось мнение просвещенной части русского общества, которое было всегда против войны» [36].

The article follows the opinions of the Russian periodical press about the British participation in the decision of the Eastern Question, which exacerbated in the second half of the 1870s. It represents the main special features of the attitude of Russia and England to the events unfolded in the Balkans, to the problems of the formation of public opinion in these two states. The article shows the role of the periodicals in one of the first "information warfare" between Russia and England on the base of materials of the Russian press.

Key words: Eastern crisis, periodicals, Russian foreign policy, public opinion, military reform, the Russian-Turkish war.

Список литературы

1. Русское обозрение. 1877. № 3-4. 22 января.
2. Русская правда. 1879. № 131.
3. Сын Отечества. 1877. № 100. 4 мая.
4. Петербургская газета. 1877. № 105. 23 июня.
5. Кто наши враги? // Петербургская газета. 1877. № 65. 6 апреля.
6. Биржевые ведомости. 1877. № 95. 1 мая.
7. Марков Е. С кем нам воевать? // Голос. 1877. № 101. 13 апреля.
8. За что проливается русская кровь? // Петербургская газета. 1877. № 106. 24 июня.
9. Новое время. 1877. № 317. 15 января.
10. Британские интересы в нынешнем кризисе // Биржевые ведомости. 1877. № 210. 25 августа.
11. Вопрос минуты // Гражданин. № 14. 14 апреля.
12. Новое время. 1877. № 311. 9 января.
13. Новое время. 1878. № 675. 14 января.
14. Петербургская газета. 1877. № 71. 6 мая.
15. С-Петербургские ведомости. 1878. № 73. 14 марта.
16. Сын Отечества. 1878. № 59. 14 марта.
17. Голос. 1865. № 212.
18. Сын Отечества. 1878. № 2. 4 января.
19. Островский И. Причины вражды Англии к России // Гражданин. 1878. № 14. 8 апреля.
20. С-Петербургские ведомости. 1877. № 83. 24 марта.
21. С-Петербургские ведомости. 1878. № 3. 3 января.
22. Гражданин. 1878. № 8-9. 25 февраля.
23. С-Петербургские ведомости. 1878. № 84. 25 марта.
24. Русские ведомости. 1878. № 146. 11 июня.
25. Набат в Англии // Петербургская газета. 1877. № 119. 13 июля.
26. Биржевые ведомости. 1877. № 291. 14 ноября.
27. Сын Отечества. 1877. № 103. 7 мая.
28. Бланк. Нейтралитет ли Англии или война с нею из-за Турции? // Гражданин. 1877. № 45-48. 30 декабря.
29. Мир или война? // Гражданин. 1878. № 18. 6 мая.
30. Сын Отечества. 1878. № 45. 23 февраля.
31. С-Петербургские ведомости. 1878. № 82. 23 марта.
32. Русское общество в 1878 году // Новое время. 1879. № 1021. 1 января.
33. Сын Отечества. 1878. № 62. 17 марта.
34. Мир с Турцией, Англия и Австрия // Гражданин. 1878. № 10. 7 марта.
35. Биржевые ведомости. 1878. № 197. 19 июля.
36. Биржевые ведомости. 1878. № 211. 2 августа.

Об авторах

Блохин В.Ф. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», blohin.val@yandex.ru
Косарев С.И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», kosarev@inbox.ru

УДК 070(091)(470.57)“19”

РОЛЬ УФИМСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТОРМЫШ» В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА В 1914-1918 Г.Г.

Р.К. Вильданова

В данной работе впервые публикуются материалы уфимской газеты «Тормыш» (Жизнь), касающиеся национального движения тюрко-татар в период 1914-1918 гг. По цитатам из аналитических статей главного редактора газеты Закира Кадыри мы можем судить об основных политических взглядах лидеров тюркского движения, о мотивах постепенного отказа татарской буржуазии и интеллигенции от идеи сохранения монархии и переходе России к федеративной республике.

Ключевые слова: татарская пресса, национальное движение мусульман в предреволюционный период, национально-культурная автономия, джадидизм.

В Волго-Уральском регионе татарская национальная печать появилась в начале XX века и охватывала период между 1905 и 1918 годом. Утверждение в 1905 году «Временных правил о повременных изданиях», упрощивших порядок приобретения издательского права, отмена предварительной цензуры, дали возможность свободного обсуждения на страницах газет актуальных вопросов общественно-политической жизни тюркских

народов страны. Не случайно большинство национальных лидеров сразу же стали издателями или постоянными корреспондентами газет (Ю. Акчура и С.-Г. Алкин - «Казан мухбире», Р. Фахретдинов – «Вақыт», «Шура», Р.Ибрагимов – «Ульфат», братья Максуди - «Юлдуз», отец и сын Баязитовы - «Нур» и т.д.). С идеологической точки зрения, татарские газеты и журналы включали в себя широкий спектр вопросов национальной жизни, противоположными полюсами которого были кадимизм и джадидизм.

Одним из ярких представителей мусульманской прессы по праву считается уфимская газета «Тормыш» (Жизнь) и её редактор Закир Кадыров (Кадыри), проявивший себя как блестящий журналист, просветитель и общественный деятель, внесший весомый вклад в становление татарской национальной печати.

Уфа в начале 20 века являлась одним из важнейших центров духовной жизни мусульман, здесь располагалось Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), здесь, в том числе, были сосредоточены интеллектуальные силы тюркской нации в лице самых образованных представителей народа – священнослужителей. Здесь же затем был сформирован костяк российской мусульманской элиты – научной, политической, творческой. В Уфе, в отличие от Казани, к концу 19 века мусульманское население составляло более 57%. Не случайно в 1917 г. именно Уфа была выбрана местом расположения Национального Собрания (Миллет меджлисе) и Национального правительства (Милли идаре) в объявленной в 1917 году территориальной автономии - штате «Идель-Урал». В связи с этим, в период революционных событий 1917-1918 гг. неизмеримо возрастает роль единственной в Уфе газеты на татарском языке «Тормыш» и личности её редактора Закира Кадыри.

Основу татарской прессы предреволюционного периода составляли буржуазно-либеральные издания, к которым относилась и «Тормыш», издававшаяся с октября 1913 г. до апреля 1918 г. В первом же номере «Тормыш» Закир Кадыри (ещё не будучи её редактором), начинает печататься с циклом статей «Наши медресе» [1], в которых повествует об истории и традициях исламского просвещения и необходимости изменений в современных условиях. Какие бы общественные темы не поднимались, основным выводом З. Кадыри был призыв татар к образованию, стремлению двигаться вперёд на примере достижений цивилизованных наций.

Газета работала в непростой политической ситуации, связанной с Балканской войной, затем 1 Мировой войной и, наконец, Февральской и Октябрьской революциями. Правительство России «не слышало» требований мусульман о равноправии, были ужесточены избирательные права, обострена антиисламская пропаганда, пресекались все попытки решить национальные проблемы. Все эти острейшие вопросы находили продолжение в редакционных статьях «Тормыш». Корреспондентами её отдельных публикаций были лидеры тюркского джадидского движения С. Максуди, Г. Исхаки, С. Рамеев, Ш. Бабич, З. Камали, М. Бигиев, К. Мотыйги, М. Солтангалеев, С. Джантурин, Ш. Мухамедьяров и др.

Возглавив газету, З. Кадыри обратился к защите интересов тюркских народов, поддержал оппозиционно настроенную к национальной политике правительства мусульманскую фракцию Государственной Думы. Политическая позиция Кадыри совпадала с позицией прогрессивно настроенных лидеров национального движения, в вопросе государственного устройства он являлся унитаристом, т.е. стоял за создание общетюркской национально-культурной автономии в составе России. Кадыри был уверен в правильности выбранного мусульманскими либералами движения за реформы в духовной и культурной жизни тюркского населения и в феврале 1914 г. с энтузиазмом писал: «В течение всего пяти-десяти лет наша нация проявила себя в разных областях знаний. Родилась новая литература. Наш язык, очистившись от привнесённого сора, стал понятным обычным людям. Это говорит о том, что нам не грозит ни поглощение другой нацией, ни вымирание. Впереди новые времена, но мы переживем и их. Потому что мы сейчас – нация. Нация, имеющая национальное достоинство не затеряется в этом мире... Прогресс, осуществленный нами под началом великой России, притягателен и для других народов, раздумывающих о присоединении к ней» [2].

Первые же попытки мусульман заявить о своих интересах (будь то литература, пресса или частные собрания), стремление объединить родственные народы на основе общей религии, языка, традиций и дать им стимул для развития, были названы панисламизмом, хотя правильнее было назвать новое модернизационное движение тюркизмом. Уфимское губернское жандармское управление в 1909 г. характеризует «политическое прошлое» З. Кадыри как «панисламиста» [3]. Особенно обострились обвинения в период Балканской войны 1912-1913 гг. Закир Кадыри ответил на них аналитической статьёй «Вопросы панисламизма», в которой многочисленными фактами доказал отсутствие у мусульман мира объединительного движения. Он считал, что «проявлением панисламизма наши противники считают призыв мусульман к приобщению к ценностям мировой культуры, развитию собственной науки, литературы, просвещения, соответствующих требованиям времени» [4].

О том, что «Тормыш» поддерживала джадидистов (сторонников реформ), говорят обличительные публикации газеты, в частности, против создания консервативной мусульманской партии «Сырат уль-муस्ताким» [5] или назначения на должность муфтия ОМДС защитника интересов царского правительства С. Баязитова, за которую на газету был наложен огромный по тем временам штраф в размере 1 000 рублей [6]. В 1915 г. в «Тормыш» была развёрнута полемика по поддержке мусульманами Прогрессивного блока, которую подытожил З. Кадыри: «Блок, отказавшись включить хотя бы 2-3 дополнительных положения в свою программу, проявил свое нежелание считаться с религиозными и политическими чаяниями и запросами 25-миллионного мусульманского населения. Мало того, проигнорировал желание депутатов-мусульман войти в блок и не пригласил их в согласительную комиссию. Для блока, созданного из представителей российских прогрессивных партий, предложение мусульманских депутатов оказалось неожиданным и даже нежелательным. Блок не признает и не

хочет признать нас равноправными гражданами России»[7].

Наиболее ярким в истории «Тормыш» стал 1917 год – сложный период дискуссий, многочисленных съездов, достижений и компромиссов в переходе от идеи экстерриториальной национально-культурной автономии к территориальному татарскому штату «Идель-Урал». В это время невозможно переоценить роль газеты «Тормыш», ежедневно публиковавшей как документы, решения, проекты новых законов, так и острую полемику по важнейшим вопросам национального строительства. Её передовицы пестрили призывами и лозунгами: «Да здравствует народная исполнительная власть, объединенная республика!», «Да здравствует национально-культурная автономия!», «Для существования каждой нации нужны собственная литература и культура!»[8], В этот бурный период газета, во главе с З. Кадыри, освещала самые волнующие политические темы: о «Формах государственного устройства»[9], итогах 1 Всероссийского мусульманского съезда в Москве[10], обсуждала проблемы возникших территориальных автономий и раскол общетюркского движения [11], основным автором которых (часто анонимно) был главный редактор газеты.

Внутриполитическая обстановка лета-осени 1917 г. заставила либералов пересмотреть свои позиции, взгляды их заметно «левели». Происходил постепенный поворот от идеи тюркизма к идее татаризма. З. Кадыри, оставаясь в партии тюркистов в Национальном парламенте и не прощаясь с идеей общетюркского единства, всё-таки приветствует федеративное устройство России и работает над созданием штата «Идель-Урал» для мусульман внутренней России и Сибири. И вот уже Кадыри заявляет: «Если в Поволжье и на Южном Урале тюркское население не составляет абсолютного большинства, то они должны создавать штаты. Сегодня это первостепенный по значимости вопрос. Необходимо иметь в Национальном собрании две фракции: тюркистов и татаристов. Для тюрко-татар Поволжья и Южного Урала видится приемлемым вариант совместного проживания с другими народами (русскими, чувашами, черемисами) по типу штатов и считаю необходимым и своевременным сейчас проведение конференции всех этих народов. Мы призываем и башкирских братьев присоединиться к этой идее»[12]. Воодушевлённая революциями и обещанными свободами «Тормыш», благодаря активному участию З. Кадыри в политической работе, являлась своеобразным первоисточником происходивших в Уфе событий. Именно её публикациями пользовались остальные газеты страны, рассказывая о деятельности Национального Собрания и Национального Управления штата [13].

В течение 1917–1918 гг. татарская нация вышла на уровень создания национального правительства и парламента национально-культурной автономии, а также принятия её Конституции. Созданный штат «Идель-Урал» рассматривался как один из субъектов федеративного государства. Штат, как и всю Россию, предполагалось создавать в форме парламентской республики. Национальное собрание приняло «Основные положения о национально-культурной автономии мусульман внутренней России и Сибири». В решениях были зафиксированы основные положения штата, основанные на демократических принципах: равноправие всех народов республики, независимость от Центра духовной, культурной и религиозной жизни татарского народа, выборность всех органов управления и передача российскому парламенту общих для страны дел (почта, телеграф, ж/д, транспорт, уголовные и гражданские права, налоги и т.д.).

Однако, подобная децентрализация совсем не устраивала пришедших к власти большевиков. Начиная с апреля 1918 г. в Уфе завершился период сосуществования Советов и национальных автономных органов. Указом Советского правительства в апреле 1918 г. ликвидируется так радостно и торжественно объявленный Штат «Идель-Урал». Позиция З. Кадыри, противостояние его газеты «Тормыш» Советам не прошло незамеченным. В результате, 29 апреля 1918 г. издание газеты «Тормыш», как и многих свободных национальных изданий, было запрещено Уфимским Мусульманским комиссариатом. На смену им пришла новая пролетарская пресса.

Тем не менее, за годы своего недолгого существования, татарская пресса сыграла огромную роль в модернизации мусульманского общества России первой четверти 20 века. К наиболее информированным и уважаемым изданиям Уральского региона нужно, наряду с оренбургскими «Вақыт» и «Шура», по праву отнести и уфимскую газету «Тормыш». Концепция издания была обозначена самой редакцией: «Все, что направлено на обновление татарского общества, включая и религиозно-мировоззренческие искания, борьбу с ложными понятиями в исламе, возникновение женского вопроса и новых способов обучения и воспитания, национальная культура, национальная история, решение политических, общественных и научных вопросов - все это, сделанное в весьма короткое время, есть наши национальные дела»[14]. Это слова Закира Кадыри – яркого просветителя, журналиста и общественного деятеля, вынужденного эмигрировать из страны в 1919 г. Его имя, после десятилетий забвения, только начинает вводиться в научный оборот.

«The Turmush» (The Life) - the Russian Tatars' newspaper - was launched in 1913 in Ufa and in 1914-1918 was headed by one of the notable leaders of the intellectual reform movement Zakir Kadiri. Most of "The Turmush" base was made up of analytical articles expressing Muslim identity and solidarity that gradually had been leading the Tatar bourgeoisie and intellectuals in crucial time for Russia to favour a republican form of government rather than monarchic system of ruling. After almost one hundred years it has become possible to rediscover Zakir Kadiri's name and for the first time ever to have his media work translated into Russian.

Key words: *The Tatar media, Muslim national reform movement in pre-revolutionary time, a national-cultural autonomy, djadidizm.*

Список литературы

1. Тормыш. – 1913. – 18 октября – 24 ноября.
2. Тормыш. – 1914. – 9, 12 февраля.
3. ЦГИА РБ. Ф. И -187. О. 1. Д. 133. Л. 181.
4. Тормыш. – 1914. – 14, 19, 21, 23, 26 февраля.
5. Тормыш. – 1914. – 21 марта.
6. РГИА РФ. Ф. 821. Оп. 133. Д.608. Л. 50.
7. Тормыш. – 1915. – 16, 17, 20 декабря.
8. Тормыш. – 1917. – 23 июня.
9. Тормыш. – 1917. – 28 марта – 13 апреля.
10. Тормыш. – 1917. – 31 мая.
11. Тормыш. – 1917. – 23 ноября.
12. Тормыш. – 1917. – 23 ноября.
13. Тормыш. – 1917. - № 756-784.
14. Тормыш -1914. – 12 февраля.

Об авторе

Вильданова Р.К. – аспирантка, помощник президента Ульяновского государственного университета.

УДК 94(47).083/357

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В АВГУСТЕ 1914 Г.

Д.А. Гаврин

В статье рассматривается боевая деятельность русской кавалерии Юго-Западного фронта в сражениях с австрийскими войсками в августе 1914 г. Русская кавалерия внесла важный вклад в победу русской армии в Галицийском сражении.

Ключевые слова: кавалерия, сражение, армия, фронт, наступление, атака.

В начальный период Первой мировой войны на Восточном фронте, получивший название маневренного, кавалерийские соединения русской армии оказали существенное влияние на общий ход боевых действий. На Юго-Западном фронте русской армии, где России противостояли, главным образом, войска Австро-Венгрии, в августе – сентябре 1914 г., происходили наиболее активные боевые действия с участием кавалерии. Кульминационным этапом данного периода является грандиозная по масштабу и продолжительности Галицийская битва (5 августа – 8 сентября 1914 г.), в которой русская конница сыграла важную роль.

В начале августа 1914 г. перед Юго-Западным фронтом была поставлена задача разгрома Австро-Венгрии. Русские войска сосредотачивались в четырех армиях вдоль границы. Верховное командование русской армии главной целью боевых действий в Галиции ставило концентрическое наступление с активными действиями против флангов с целью отрезать противника от Кракова и р. Днестр. Австрийцы, в свою очередь, хотели силами двух армий нанести главный удар между Вислой и Бугом в северном направлении с целью выйти в тылы Юго-Западного фронта и перерезать русские коммуникации в Польше.

Кавалерийские соединения Юго-Западного фронта с начала мобилизации и до перехода русской армии в наступление блестяще выполнили поставленные перед ними задачи – действия русской конницы перед началом Галицийской битвы позволили русскому командованию скрыть группировку и сосредоточение своих войск. В результате нескольких столкновений с австро-венгерской кавалерией русская конница вытеснила противника вглубь его территории. Это позволило обеспечить скрытность развертывания русских армий в приграничной полосе.

В августе – сентябре 1914 г., в ходе Галицийской битвы русская кавалерия, которая не могла вести огневой бой на равных с неприятельской пехотой, использовалась командованием в качестве подвижных резервов. Имея возможность быстрого маневрирования, кавалерия давала возможность своей пехоте отдохнуть и занять более выгодные условия для сражения.

4-й русской армии под командованием генерала от инфантерии А.Е. Эверта пришлось принять на себя основной удар 1-й австро-венгерской армии генерала В. Данкля. Именно действия конницы предотвратили разгром 19-го армейского корпуса 5-й армии, при этом ликвидировала угрозу окружения всей армии в сражении под Томашовом 13-21 августа [1, с. 312]. Здесь отличилась 1-я Донская казачья дивизия под командованием генерал-лейтенанта А.Д. Кузьмин-Короваева, которая с помощью оптимального сочетания искусного маневра и меткой стрельбы спасла от окружения и уничтожения 19-й армейский корпус генерала от инфантерии В.Н. Горбатовского.

Существенным недостатком было то, что конница Юго-Западного фронта действовала разрозненно – отдельными кавалерийскими дивизиями, действовавшими совместно с армейскими корпусами. Отсутствие кавалерийских корпусов сильно сковывало действия кавалерии, делая ее придатком пехотных дивизий, поскольку одна отдельно взятая кавалерийская дивизия не могла добиться такого впечатляющего успеха, кото-

рый решил бы судьбу целого сражения. Так, в сражении 17 августа 1914 г. на р. Гнилой Липе, когда 10-й корпус захватил высоты западного берега р. Гнилой Липы у д. Бржуховице и прорвал фронт австрийцев, в прорыв бросилась 10-я кавалерийская дивизия. Переправившись через Гнилую Липу, кавалерия нагнала отходящих австрийцев и обрамила их в бегство по направлению к Свиржу. Затем дивизия атаковала в конном строю колонны австрийцев, следовавшие от Бржуховице на Свирж. Развернувшие пять линий пехоты австрийцы не могли устоять против энергичной атаки и побежали на подходящие части 10-го корпуса. В этом бою 10-я кавалерийская дивизия взяла 4 гаубицы и много пленных. На этом действия этой дивизии завершились, так как не были поддержаны находившимися недалеко двумя другими русскими дивизиями [2, с. 247].

Конница необходима на растянутых флангах для увеличения разрыва фронта противника. Но массовые атаки на неприятельскую пехоту уже были невозможны в силу развития техники. Пехота придает коннице устойчивость при обороне, и достижение более решительного успеха при атаке – комбинированный бой родов войск. В связи с этим, русское командование в первых же операциях старалось использовать кавалерию в спешенных боевых порядках как средство усиления общего огневого фронта.

По мнению ряда исследователей, в мировую войну конница всех воюющих сторон вступил с вооружением, мало отвечающим условиям ведения огневого боя. Поэтому стратегическая разведка конницы не дала тех результатов, которые ожидались командованием, когда конница встречала даже небольшие пехотные части противника. В 1914 г. и позднее крупные кавалерийские массы часто использовались в качестве оперативных резервов командования. Используя подвижность конницы, австрийское и русское командования направляли кавалерийские корпуса в угрожаемые районы, обычно в прорыв или на фланги армий, где они обычно в спешенных строях сдерживали наступающую пехоту противника. Так было в боях у Равы-Русской, под Томашовом и в ряде других сражений [3, с.59].

Кавалерия часто использовалась в качестве пехотного прикрытия для удержания важных позиций в общем фронте наступающих (или обороняющихся) русских частей. В некоторых случаях такой подход оправдывался недостатком пехотных соединений для выполнения поставленной задачи. В сентябре 1914 г., на заключительном этапе Галицийского сражения русская 8-я армия генерала от кавалерии А.А. Брусилова была вынуждена сдерживать контрудар сразу двух австро-венгерских армий – 3-й и 2-й, продвигавшихся на помощь окружаемой 4-й австрийской армии. Пехоты не хватало, и спешенная конница занимала окопы вперемешку с пехотинцами. Своевременная поддержка 12-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенанта А.М. Каледина спасла от поражения 24-й армейский корпус генерала от кавалерии А.А. Цурикова, оборонявшийся против вдвое превосходящих сил противника. Девятнадцать эскадронов сражались в спешенном строю, еще пять эскадронов в конной атаке отбросили назад 38-ю гонведную дивизию, заходившую в тыл русским [4, с.112].

В сражениях при Гнилой Липе и Золотой Липе генерал А.М. Каледин применил ту же тактику, прикрывая фланги корпусов 3-й армии генерала от инфантерии Н.В. Рузского. Каледин в сражении при р. Гнилой Липе 16 августа 1914 г. по своей инициативе, спешив всю дивизию и заняв своей артиллерией позицию, предотвратил прорыв значительных сил противника и продержался до подхода утром 17 августа пехотного полка [4, с.115].

21 августа русские армии Юго-Западного фронта перешли в общее контрнаступление, перехватив инициативу. В тот же день, Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Н.И. Иванов, определяя задачи командующим армиями, в своем оперативном приказе особо отметил: «Всем армиям иметь кавалерию ближе к противнику, которой всемерно развивать самые энергичные действия в его тылу и на флангах» [5, с.11]. После поражения австрийцев конница должна была довершить разгром неприятеля преследованием. Преследование врага необходимо было вести на широком фронте. Русские генералы собирали все силы в кулак и ждали открывающейся возможности для массовой атаки. «Кулак» – сосредоточенная на узком фронте кавалерийская дивизия. Однако штаб Юго-Западного фронта не сумел сформировать такие большие конные соединения в ходе Галицийской битвы.

М.Д. Бонч-Бруевич, в то время – генерал-квартирмейстер 3-й армии – вспоминал: «Еще в самом начале Львовской операции я обратил внимание на странный обычай конницы – отходить на ночлег за свою пехоту. В действиях трех кавалерийских и одной казачьей дивизий, входивших в состав 3-й армии, не было заметно той решительности, которую следовало проявить. Вероятно, это происходило потому, что конницу придали армейским корпусам, а не собрали в кулак, как это следовало сделать. Должно быть, мы переоценивали и боевые свойства конников» [6, с.27]. При такой тактике отбитые австрийцы даже при наличии большого числа кавалеристов отходили не замеченными. Соприкосновение с противником утрачивалось, преследование не было организовано.

В начальный период войны на Юго-Западном фронте, произошло самое большое конное сражение Первой мировой войны: столкновение в открытом бою двух дивизий – русской и австро-венгерской. В ходе сосредоточения русская конница сумела сделать это скрытно от неприятельской кавалерии, осуществлявшей ближнюю разведку и пытавшейся пробиться сквозь русские заслоны в приграничных боях. 5 августа части 8-й армии генерала А.А. Брусилова перешли через реку Збруч, являвшуюся русско-австрийской границей. Они были встречены незначительным сопротивлением застав австрийской пехоты и остатками конной дивизии, только что разбитой у Городка, причем у австрийцев на Збруче никаких резервов не оказалось. Несколько большее сопротивление русские встретили при форсировании р. Серет, особенно у городов Тарнополь и Чортков. Немногочисленные австрийские войска, оказавшиеся тут, были разбиты. Было взято несколько орудий, пулеметов и пленные. Вслед за этим более серьезный бой разгорелся на р. Коропец, но и тут противник бежал; была захвачена почти вся его артиллерия и боеприпасы, а также много пленных. При допросе они пока-

зали, что столкновение с русскими оказалось для них неожиданным [7, с.85].

Таким образом, противник, ожидавший встретить перед собой восточнее Львова одну русскую армию – 3-ю, оказался перед перспективой борьбы с двумя русскими армиями – 3-й и 8-й. Недооценка темпов развертывания русской армии стала одной из основных причин поражения 3-й австрийской армии в сражении на Двух Липах.

Н.Н. Головин писал о результате деятельности русской кавалерии на начальном этапе Галицийской битвы: «езде наша кавалерия имела успех и оттесняла австро-венгерскую конницу с громадными потерями. Постоянный боевой успех нашей конницы и приводит к тому, что глаза австро-венгерского высшего командования оставались все еще завязанными, в то время как наше высшее командование уже могло увидеть действительную обстановку» [8, с. 268].

Активные действия конницы Юго-Западного фронта помогли скрыть сосредоточение русских войск от неприятеля. 7-10 августа вдоль всей русско-австрийской границы происходили конные бои. Это были уже не мелкие стычки разъездов, а рукопашные сражения крупных соединений. Наиболее известным стало одно из самых больших кавалерийских сражений Первой мировой войны у деревни Ярославиче 8 августа 1914 г.

24 июля 1914 г. 10-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера перешла русско-австрийскую границу в районе г. Збаража. Выбив из Збаража австрийские войска, дивизия Келлера устремилась в направлении Львова, продвигаясь в авангарде войск 10-го армейского корпуса 3-й русской армии.

7 августа русские 9-я кавалерийская дивизия под командованием генерала князя К.С. Бегильдеева и 10-я кавалерийская дивизия под командованием графа Ф.А. Келлера атаковали австрийские заслоны из ландштурмистов и жандармов, чтобы захватить переправы через реку Серет у местечка Залошице. 10-я кавалерийская дивизия форсировала р. Серет у д. Вертелка (южнее Залошице), сбив неприятельские заставы и появилась к вечеру того же дня в тылу города. Австрийцы оставили Залошице и отступили на запад. 10-я кавалерийская дивизия расположилась на ночлег в д. Биалогловы; 9-я дивизия стала в самом Залошице. На следующий день, 8 августа, к месту переправы подошла австрийская 4-я кавалерийская дивизия генерала Э.-Р. фон Зарембы, которая вместе с пехотой численностью около батальона попыталась выбить русских из этого района.

10-я кавалерийская дивизия выступила из д. Биалогловы по дороге на Бзовицу-Беремовце, намереваясь пересечь железную дорогу Золочов-Зборов в районе ст. Плугов – ст. Зборов. Разведка была выслана на фронте Золочов-Зборов-Езерна. Генерал Келлер получил от разъезда донесение о том, что со стороны Золочова близ д. Ярославиче замечена большая колонна австрийской кавалерии,двигающаяся наперерез пути следования русской 9-й кавалерийской дивизии. Генерал Келлер принял решение свернуть всей дивизией с первоначального направления и идти на помощь 9-й дивизии, стремясь охватить противника с юга. Для прикрытия этого маневра были выдвинуты два эскадрона 10-го гусарского полка, из состава которых впоследствии было выделено прикрытие к артиллерии. Пройдя в северо-западном направлении без дорог около 5 километров и обогнув северную окраину д. Ярославиче, авангард дивизии вступил в бой с австрийской пехотой [9, с.18].

Граф Келлер решил принять бой, несмотря на неравенство в силах: кроме пехоты, у генерала Зарембы было восемь эскадронов. Пять сотен 1-го Оренбургского казачьего полка атаковали австрийскую пехоту и обрвали ее в бегство. После этого между русскими и австрийцами началось кавалерийское сражение.

Конные массы выстроились друг напротив друга в линию с двух сторон узкой ложины. У австрийцев было шесть эскадронов во второй линии, а у генерала Келлера резервов уже не было: кроме пяти сотен оренбургских казаков, дравшихся вместе с пехотой, еще одна сотня казаков в это время заходила неприятелю в тыл, чтобы занять переправу. Два эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка находились в боевом охранении и не успели принять участия на начальном этапе боя. Таким образом, в полном составе генерал Келлер имел только 1-ю бригаду генерал-майора В.Е. Маркова: 10-й драгунский Новгородский полк и 10-й уланский Одесский полк. 3-й Донской артиллерийский дивизион обеспечивал артиллерийскую поддержку 10-й кавалерийской дивизии [9, с.23].

Граф Келлер решительно атаковал превосходящие силы противника – он всегда придерживался такого подхода, не разделяя склонности многих русских кавалерийских начальников «беречь» конницу, не допуская ее до боя. После построения друг напротив друга конные массы бросились навстречу друг другу. В рукопашной рубке приняло участие около трех тысяч всадников с обеих сторон. Вторая линия австрийцев прорвала русские ряды. Долгому сопротивлению русских, несмотря на численное превосходство неприятеля, в значительной степени способствовало то обстоятельство, что австрийская конница не имела на вооружении пик. Австро-венгерские всадники стали заходить с тыла русским линиям. Так как у графа Келлера резервов не осталось, то он бросился в бой сам вместе с взводом Оренбургских казаков, составлявших его конвой, группой штабных офицеров ординарцев.

Австрийцы продолжили теснить русских, и в бою назрел перелом. В критический момент боя начальник конвоя генерала Келлера сотник Цензин из револьвера застрелил командира прорвавшейся австрийской группы, и противник смешался. В этот момент на флангах конной массы успех окончательно склонился на сторону русских. Австрийцы дрогнули и, преследуемые русской конницей и конной артиллерией, отступили в полном беспорядке, оставив нам трофеи и пленных.

В то время, когда главные силы 10-й кавалерийской дивизии сблизились с австрийской 4-й кавалерийской дивизией, 1-й Оренбургский казачий полк атаковал деревню Ярославиче, расположенную для русской стороны на левом фланге. Когда всадники рубились друг с другом, оренбуржцы выбили из Ярославиче австрийский пехотный батальон. В критический момент кавалерийской схватки граф Келлер сам бросился в рукопашную схватку. Вышедшие из боя с пехотой оренбургские казаки атаковали австрийцев во фланг, с ходу

взяв конную батарею [10, с. 148].

Русские преследовали австрийцев до берегов р. Стрыпа – около двух километров. Австрийский генерал Заремба попытался повторить подвиг графа Келлера и лично возглавил атаку 15-го драгунского полка, но произошло это, когда русские уже переломили исход боя. Момент контратаки был выбран неудачно и победа досталась русским войскам.

В сражении у Ярославлице невзирая на численное превосходство неприятеля, имевшего в своих рядах двадцать эскадронов против всего десяти русских, графом Келлером была одержана блестящая победа. В плен было взято 250 австрийских кавалеристов и 400 пехотинцев, а в качестве трофеев захвачено 300 лошадей, 8 артиллерийских орудий с передками и зарядными ящиками, несколько пулеметов и документы штаба 4-й австрийской кавалерийской дивизии. Потери самой русской 10-й кавалерийской дивизии составили 150 человек убитыми и ранеными [10, с.151]. Большую часть потерь (особенно пленными) австрийцы понесли в период бегства.

Важнейшей предпосылкой успеха в бою под Ярославлицами стали не только отличная выучка русских кавалеристов, но и выдающаяся роль их командира графа Ф.А. Келлера – одного из лучших кавалерийских военачальников своего времени. В бою под Ярославлицами генерал Келлер проявил свойственные ему удивительное присутствие духа, ясность мысли, скорость принятия решений.

Главным результатом этого сражения было то, что русская конница сумела очистить себе дорогу в глубину неприятельского расположения. Не имея перед собой неприятельских конных заслонов (изрубленных под Ярославлице), русская 10-я кавалерийская дивизия через несколько дней сумела добыть информацию о перегруппировке неприятельских сил, которая позволила русскому командованию 3-й и 8-й армий вырвать победу в сражении на Двух Липах. Добытые конницей 12 августа сведения о движении 12-го австрийского корпуса, не дошли вовремя до командования 10-м русским корпусом вследствие плохой работы связи. 13 августа 10-я кавалерийская дивизия первая завязала бой с наступающими колоннами австрийцев, замедлила их движение и удержала до подхода своей пехоты тактически важный рубеж ручья Гнилая Липа [11, с.117].

Сражение у Ярославлице является ярким примером того, как победа в небольшом конном бою становится залогом победы общевойсковой армии в большом сражении. Позднее именно 10-я кавалерийская дивизия отличилась в ходе Галицийской битвы. Дивизия Келлера сыграла решающую роль в окончательном разгроме австрийской группы Кёвесса накануне сражения на реке Гнилая Липа 3-й и 8-й русских армий с австрийской 3-й армией генерала Р. Брудермана и группой Кёвесса. 16 августа 12-й армейский корпус 3-й австрийской армии потерпел поражение от частей русской 8-й армии генерала А.А. Брусилова. Генерал Г. Кёвесс попытался собрать войска, наладить оборону арьергардами и возобновить сражение, не позволяя русской 8-й армии оказать поддержку 3-й армии генерала Н.В. Рузского. Русская 10-я кавалерийская дивизия оказалась на месте раньше, чем перемешавшиеся собственные части. Сильно выдвинутыми вперед батареями русская конница вызвала панику у противника. Быстро и в беспорядке неслись войска и обозы между колонн бежавшего населения. Преследование австро-венгерских войск после 16 августа вела только 10-я кавалерийская дивизия, которая захватила около 500 пленных и шесть орудий. Остальная русская конница в составе двадцати кавалерийских дивизий фактически бездействовала. За Галицийскую битву генерал граф Ф.А. Келлер был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

В августе 1914 г. на Юго-Западном фронте после первых боевых столкновений явно проявилось качественное превосходство в боевой подготовке русской конницы над кавалерией противника. Обычно австрийцы старались избегать столкновений с русскими кавалеристами, уклонялись от массовых конных схваток и в большинстве случаев переходили к пешему бою [12, с.122].

В боевой деятельности русской кавалерии Юго-Западного фронта в начальный период Первой мировой войны выявились следующие тенденции. Небольшие кавалерийские соединения совершали стремительные атаки на неприятеля, показывая при этом выдающуюся отвагу и презрение к смерти. Основным видом конного боя был так называемый «шок» – удар по противнику конной массой с использованием холодного оружия – сабли и пики.

Верховное командование русской армии не использовало в полной мере потенциальные возможности кавалерии. В общевойсковом бою кавалерийские части чаще всего были вспомогательным средством и почти не участвовали в крупных сражениях наравне с пехотой и артиллерией. Иногда совершались конные атаки на неприятеля небольшими соединениями (не больше полка), чтобы прикрыть отход пехотных частей. Конница являлась самым дорогим родом войск и кавалерийские начальники старались беречь вверенных им людей и конский состав вплоть до пренебрежения выполнением поставленной задачи. Действия конницы зачастую носили ограниченный, локальный характер. В 1914 г. на Юго-Западном фронте не было сражений с использованием больших конных масс. Совершив прорыв и отбросив неприятеля, командование не использовало кавалерию для преследования отступающего противника. Тем не менее, русская кавалерия сыграла важную роль в боевых действиях на Юго-Западном фронте и нанесла существенный удар австро-венгерским войскам в ходе битвы за Галицию в августе – сентябре 1914 г.

This article deals with the operations of Russian cavalry in South-West front in battle with Austrian troops in August 1914. Russian cavalry made great contribution to victory of Russian army in the battle of Galicia.

Key words: *cavalry, battle, army, front, offensive, attack.*

Список литературы

1. Керсновский А.А. История русской армии. В четырех томах. Том 3. М.: Голос, 1994. С.312
2. Коленковский А.К. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940.
3. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976.
4. Мельников Н.М. А.М. Каледин герой Луцкого прорыва и донской атаман. М.: Книжный клуб «Книголек», 2013.
5. Оськин М.В. Галицийская битва. Август 1914. М.: Цейхгауз, 2006.
6. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957.
7. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013.
8. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.
9. Сливинский. А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. Сербия, 1921.
10. Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой Мировой войне. М.: Вече, 2009.
11. Шацкилло В.К. Последняя война царской России. М.: Вече, 2010. С.117
12. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974.

Об авторе

Гаврин Д.А. – доцент Сибирской пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, gavr-deni@yandex.ru.

УДК 327/94(4)

ПРОТОИЕРЕИ М. Ф. РАЕВСКИЙ И СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «РУССКАЯ ОСНОВА» В ВЕНЕ (1867-1873)

К.Э. Гогорян

В статье рассматривается создание и функционирование студенческого общества «Русская основа» в Вене, вклад отца М. Ф. Раевского, протоиерея русской посольской церкви в Вене, в его развитие, связь данного общества со Славянским Благотворительным Комитетом, находящимся в Москве. Исторические факты анализируются в контексте политических отношений между Россией и Австрией и национальных вопросов.

Ключевые слова: протоиерей М. Ф. Раевский, «Русская основа», посольское духовенство, панславизм, русофильство, студенческое движение, австро-русские отношения.

В настоящее время история Русской православной церкви за рубежом в синодальный период – это тема, которая только начинает рассматриваться. Изучение посольского духовенства – особой категории, отличавшейся от данной группы внутри страны, чаще всего касается определенного региона, т. к. в зависимости от международных отношений и внутренней обстановки в стране менялись и задачи деятельности находящегося там при русском посольстве священника.

Посольские священнослужители, подчинявшиеся одновременно и Синоду, и Министерству Иностранных Дел, отличались от духовенства внутри страны и по уровню образования, и по материальному положению, т. к. являлись не только церковными деятелями, но и представителями своей страны за рубежом. Их занятия часто имели разнообразную политическую и культурную сторону, а служение не ограничивалось религиозными проблемами.

Так, специфика Австрии заключалась, в первую очередь, в многонациональном составе империи, которая во второй половине XIX века стала «тюрьмой народов» для борющихся за свои права наций. Поэтому деятельность находившегося на службе в Вене при посольской церкви протоиерея Михаила Федоровича Раевского касалась, главным образом, помощи славянам, находившимся в монархии Габсбургов.

Отец Михаил, служивший при посольской церкви в Вене с 1843 года, во многом был примечательной личностью, чье влияние оказалось значительным и разнообразным. Находясь при русском посольстве в Австрии более сорока лет, он не только исполнял свои прямые церковные обязанности, но и вел активное сотрудничество с местным славянским населением. Среди корреспондентов священника находилось более тысячи человек, многие из которых являлись выдающимися общественно-политическими деятелями, учеными или представителями духовенства самых различных славянских национальностей. Так, постепенно Михаил Федорович занял совершенно особое место в общественных и научных связях русской интеллигенции и австрийских славян, которое отражало пересечение некоторых национальных идеологий двух стран. Посольский священник сумел стать для славянского населения Австрии не просто представителем русской православной церкви за рубежом, а безотказным ходатаем и помощником для всех, кто искал поддержку у России. Пользуясь своим двойственным положением, связывающим его как с высшими церковными, так и с дипломатическими кругами, он анализировал местную обстановку и информировал о ней российских политических деятелей, сам оставаясь в тени происходящих событий. Также отец

Михаил сотрудничал с созданными в Москве и Петербурге Славянскими благотворительными комитетами для помощи собратьям за границей, которые регулярно обращались к священнику для выполнения своих поручений. Именно благодаря таким широким связям Раевского, его отзывчивости и ответственности, русские общества смогли проводить активную благотворительную деятельность в империи Габсбургов, в которой незаменимым звеном между своими соотечественниками и славянами Австрийской империи стал священник посольской церкви.

Обширный круг общения отца Михаила составляли не только выдающиеся славянские деятели и ученые, но и обычные венские студенты. Именно им шли денежные пожертвования из России и уделялось пристальное внимание. Осознавая важность данной социальной группы и благотворность оказываемого на студентов идейного влияния Раевского, русские общества возложили на священника задачу воспитания любви к России и русской культуре в славянской молодежи.

Студенчество как социальную группу и его отношения с венским протоиереем интересно рассматривать под определенным углом: этот общественный слой является той частью интеллигенции, которая отражает, впитывает в себя все разнообразие социальных проблем и идей, живя своей яркой насыщенной общественной жизнью, наталкивается на все существующие подводные камни и проблемы страны. При этом данная группа очень подвижна, т.к. подвержена разнообразным влияниям, оказываемым на неё.

Университетская Вена второй половины XIX века со своим многонациональным студенчеством не стала в этом смысле исключением: сколько национальностей и движений в тот момент формировалось внутри страны, столько и студенческих объединений и организаций создавалось для пропаганды и защиты своей идентичности. Польское «Огниско» и чешский «Академический сполек», еврейская «Кадима» и сербская «Зора», болгарский «Болкан» и хорватский «Звонимир» [1] - все эти студенческие группы свидетельствуют не только о высокой организации венской общественной жизни, но и о тех национально-идейных противоречиях, которые её составляли. Именно национальный фактор стал главным критерием создания студенческих организаций в Вене второй половины XIX века, что показательно: главными задачами таких сообществ было противодействие происходившей ассимиляции и развитие собственной национальной идеи.

Из всего разнообразия студенческих обществ Михаила Федоровича Раевского интересовали больше всего национальные объединения русинов – группы, чья идентичность только формировалась, притом часто под противоположными влияниями. Одна её часть чувствовала связь с Россией, другая – боролась за полную независимость «малороссийского народа», третья – соглашалась с властью Австрийской империи, четвертая – подвергалась влиянию соседнего польского населения. Поэтому для русской общественности было важным поддерживать русское направление мысли русинов. Для выполнения этой задачи в конце 1867 года было создано общество «Русская основа», одну из главных ролей в организации которого сыграл протоиерей Михаил Раевский.

Неофициальный русофильский кружок, куда вступали испытывающие симпатии к России студенты, складывался вокруг Раевского постепенно благодаря его влиянию в славянских кругах и оказываемой учащимся материальной помощи. Несколько раз в неделю у отца Михаила собиралась славянская молодёжь, чтобы послушать рассказы о русских славянофилах: Хомякове, Аксакове, Самарине и Погодине, почитать стихи на славянских языках и спеть народные песни. «Кто попадал туда, чувствовал себя членом великой славянской родины», - писал посетивший одно из таких собраний галицкий живописец и поэт Корнило Устиянович [2, с. 7].

Важно, что на данных встречах присутствовали представители различных национальностей: не только наиболее близкие России галицкие и венгерские русины, но и имеющие некоторые разногласия с ней чехи и поляки. Религиозное единство зачастую определяло положительное отношение Раевского к своим единоверцам, однако он контактировал со славянами другой конфессиональной принадлежности и оказывал поддержку им, умея сотрудничать и со своими единомышленниками, и с оппонентами.

Неофициальные студенческие встречи, организованные Раевским, носили просветительский характер: целью собраний должно было стать знакомство славянской молодежи с основами русской культуры. Иногда для дискуссий или лекций привлекались известные личности из России, путешествующие или проживающие за границей. К примеру, во время пребывания в Вене ученого-лингвиста Федора Ивановича Буслаева Михаил Федорович собрал русскоязычных студентов для знакомства с ним. Сам академик вспоминает эту встречу так: «Чешской и словацкой молодежи набралось человек с десять, и за русским самоваром, угощаясь ароматическим русским чаем, они с восторгом прослушали несколько отрывков, прочтенных мною из былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, о Садке - богатом госте и Ваське Буслаеве» [3, с.438].

Подобные неофициальные собрания вызывали опасения у австрийских властей, и Раевский сообщает, что после одной из встреч его посетил полицейский чиновник для сбора сведений, с целью узнать, кто именно присутствовал там [3, с. 440]. Венский высший орган Тайной полиции – Центральный информационный комитет - многие годы следил за протоиереем русской посольской церкви из-за подозрений в политической пропаганде, а самые главные из них пришлось именно на 60-е годы, когда деятельность Раевского стала наиболее активной. Собирались сведения, с представителями каких славянских национальностей встречается и общается священник и кто входит в круг его доверенных людей [4, с. 54].

Однако, несмотря на существовавший в Австрии политический контроль, именно в 60-е годы такая активная деятельность Раевского стала возможна благодаря введению некоторых конституционных норм. Опубликованные в 1860 г. Октябрьский диплом и в 1861 Февральский патент уже вводили свободу установления обществ и свободу печати, что способствовало появлению различных просветительских организаций – чита-

лен, матиц, кружков. Декабрьская Конституция Австро-Венгрии 1867 года закрепила эти права и добавила новые, касающиеся религий, национальностей и политических обществ. Теперь атмосфера была относительно благоприятной, чтобы оформить русофильский студенческий кружок протоиерея в официальное объединение – общество «Русская основа».

Организация его открытия была поручена публицисту и общественному деятелю, проживающему в Вене и пропагандирующему русофильские идеи, Осипу Николаевичу Ливчаку, который в данный период времени был одним из самых приближенных к Раевскому людей и издавал галицко-русский журнал «Славянская заря», финансируемый из Москвы [4, с. 54]. Именно Ливчак выступил инициатором создания «Русской основы» и обозначил её идеологические установки в своей речи, произнесенной на открытии. Она выражала главные идеи общества в ораторском призыве: «Братья Славяне! Сознание в недостаточности нашего народно-литературного образования – вот главное побуждение, которое внушило нам мысль соединить свои силы для основания упомянутого нашего заведения. Вам известно, милые братья, в каком духе воспитываются славянские поколения в публичных заведениях в Австрии. Из собственного опыта мы знаем, что нас - Славян - воспитывают в духе либо немецком, либо каком-нибудь другом, но только не в народном, славянском» [5, с. 354].

Таким образом, как и многие другие студенческие организации Австрии того времени, «Основа» носила национально-академический характер: должна была воспитать венскую молодежь в народном славянском духе для противостояния онемечиванию. Студенческое объединение опиралось на опыт тех неофициальных встреч, что уже состоялись у Раевского в предыдущие годы, и во многом повторяло их логику и цели. Сам протоиерей Михаил Федорович Раевский тоже видел задачу общества подобным образом: «Цель его состоит в поддержании в русском юношестве (имеются ввиду венские русины – К. Г.) русского духа и распространении через него русского языка и русских понятий в других славянских студентах, обучающихся в Вене» [6].

Именно русский язык и литература рассматривались Раевским и московскими славянофилами как главный способ приобщения к славянской культуре, избавления от предрассудков, связанных с представлениями о России. С одной стороны, такая культурная миссия не включала в себя конкретных политических целей, но, с другой стороны, некоторые студенты и славянские деятели считали, что впоследствии русский язык сможет выполнять ту объединяющую роль для славян, которую на данный момент играл немецкий [4, с. 85]. Студенты ориентировались на Россию, потому что она была единственным существовавшим в тот момент славянским государством, и в этом был свой политический подтекст. Однако сами основатели ограничили главные задачи общества именно просветительской функцией. Культурное сплочение славянского мира, по их мнению, должно было состояться вопреки политическим сложностям. Как сказал в своей речи на открытии Иосиф Ливчак, общество должно было «путем науки стремиться к истине - к истине русской - к истине славянской», ведь именно с помощью просвещения можно было «разоблачить... то солнце правды, которое закрыли облака людских интриг, называемых "политикой"» [5, с. 356].

Хотя главные цели и идеи были поставлены, 1867 год стал датой основания русофильского общества лишь формально. Реально организовать официальный студенческий кружок оказалось сложнее, поэтому постоянно действовать он начал лишь с ноября 1868 года [7, Л.2].

Именно материальные аспекты деятельности «Основы» оказались самыми сложными для организации. Если подробнее разбирать, как функционировали такие кружки того времени, то первая возникающая при этом проблема – место собраний. Чаще всего это была пригородная гостиница, т. к. встречаться там было относительно дешево. Иногда дискуссии проводились в различных ресторанах и кофейнях, и только у самых богатых обществ хватало средств на то, чтобы постоянно арендовать для собраний одну или две комнаты [8, с. 598].

«Основа» в этом смысле не стала исключением: после появления у нее официального статуса студенческого общества было необходимо собственное место собраний – квартира посольского священника уже не подходила для поставленных задач. Отдельное помещение для собраний «Русской основы» удалось снять уже в 1868 году при помощи финансирования Московского Славянского Благотворительного Комитета: Раевский самостоятельно выбирал место для аренды – в первые годы существования общество занимало «комнату и небольшой кабинет за 30 гульденов в месяц» [7, Л. 6], но потом в пределах этой суммы было найдено более просторное помещение, хотя и удаленное от центра. Количество участников сообщества разрасталось, и вскоре даже этого более просторного места не хватало для слушателей.

Второй организационный вопрос касался того, как проходили собрания студенческих обществ. Все они делились на обычные, запланированные в установленное время еженедельно, и чрезвычайные – для решения срочных проблем, принятия новых членов и ухода кого-то из общества. Обычные собрания состояли из двух частей. Сначала решались практические вопросы – слушались отчеты о денежном состоянии общества, поступлении новых книг, далее прочитывались письма от других обществ или частных лиц, высказывались заявления и предложения от участников. Вторая часть собрания была непосредственно посвящена научно-развлекательным студенческим делам. Там зачитывали отрывки из книг, декламировали стихи, пели песни [8, с. 596]. Именно таким образом были устроены собрания «Русской основы», где по вечерам читались отрывки из самых интересных статей, рефераты на различные научные темы и шли дискуссии об интересных книгах. [7, Л. 3].

Среди должностей, необходимых для функционирования любого общества, выделялись несколько. Главная из них – президент, являвшийся представителем общества во вне, назначавший чрезвычайные собрания, подписывавший все документы от имени общества и вообще следивший за порядком. Президентом «Русской

основы» был выбран единогласно Р. О. Гумецкий, который взял на себя руководящую роль. Президент также привлекал в общество новых членов: ему поручалось печатать объявления и высылать приглашения [7, Л. 3].

Две другие важные должности - кассир и библиотекарь – были непосредственно связаны с Раевским. Деньги общества состояли из средств Славянского благотворительного комитета, а книги собирались протоиереем лично.

У остальных венских обществ библиотека чаще всего формировалась непосредственно его участниками и не была слишком богатой, однако из-за поставленной литературно-просветительской задачи для «Основы» именно русские книги должны были сыграть решающую роль. Поэтому трудами Раевского была собрана «порядочная русская библиотека», среди которой присутствовали такие классики, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, а также 15 томов «Истории» Карамзина. Постоянно присылались свежие газеты и журналы из России: студенты могли ознакомиться с «Московскими ведомостями», «Голосом», «Русскими ведомостями». Любые книги и газеты из обширной библиотеки можно было взять на дом [7, Л. 5].

Кроме этого, важными аспектами деятельности сообщества являлись регулярно проходившие лекции русского языка и литературы, для чего нанимались специальные преподаватели из Галиции или приезжие из России [7, Л. 3]. К примеру, с русской классикой студентов познакомил находившийся в Вене Петр Дмитриевич Боборыкин, русский писатель и журналист, не разделявший славянофильских взглядов, но при этом с энтузиазмом откликнувшийся на предложение прочитать в «Русской основе» курс лекций [9, с. 203].

Из двух типов обществ: закрытых и открытых – «Основа» принадлежала к последнему. Русинская организация была рада сотрудничеству со студентами иных национальностей и проводила совместные собрания с другими объединениями (они оговаривались предварительно специальными депутатами с приглашениями), где обсуждались общеславянские литературные и культурные вопросы [8, с. 594].

Поэтому на совместной встрече основных славянских студенческих обществ Вены: Чешского академического спелека, Моравы, Юга, Татрана и Зари, прошедшей в марте 1869 года, делегаты «Основы» тоже играли активную роль. Здесь обсуждался вопрос об объединении некоторых студенческих организаций и создании общеславянского общества подобного типа [10, с. 3]. К тому времени общенациональным объединением являлась лишь «Славянская беседа», но она была довольно незначительной организацией, удаленной от основной массы учащейся молодежи [8, с. 590].

На данном собрании, участниками которого стали почти все крупные студенческие общества, пожалуй кроме отказавшихся от приглашения поляков из «Огниско», уже стало ясно, что главную объединяющую роль может сыграть именно русский язык. К примеру, приглашения были напечатаны на всех славянских наречиях, но самый первый, более крупный шрифт, достался русскому [10, с. 4]. А общеславянский праздник Кирилла и Мефодия, прошедший накануне этой встречи, привлек внимание всех обществ к торжественному богослужению в русской посольской церкви, сопровождавшемуся сплывающей проповедью отца Михаила о единстве славянского мира [11].

И хотя уже работал специальный комитет для будущего создания общеславянского общества, постепенно эту объединяющую роль стала играть сама «Русская основа», где все желающие могли выучить русский язык и ознакомиться с русской литературой. Поэтому национальный состав изначально русинского общества стал постепенно все больше расширяться.

Уже к 1870 году туда входили не только русины, которых насчитывалось около 30 человек, но и около 80 словенцев и 200 чехов. В последних отец Михаил видел угрозу: по его мнению, чешские участники преследовали политические цели – они не просто хотели изучать русскую литературу, но также желали завладеть обществом. Однако такой многонациональный состав свидетельствовал об общеславянском характере «Основы», помогал пропагандировать идеи славянской взаимности и мог сделать общество реальным центром для объединения всех славянских студентов [7, Л. 6].

При этом у самого священника всегда существовали национальные приоритеты, которые непосредственно отражались на деятельности общества: главной его заботой стали «наиболее нуждающиеся» галицкие и угорские русины, немного меньше внимания им уделялось словакам, а потом уже шли все остальные славянские национальности [12, с. 80].

Как мы видим, «Русская основа» стала функционировать на двух уровнях: первый, играющий более важную роль для его основателей, был посвящен объединению венских студентов «русской» национальности (галичан, буковинцев, угророссов, проживающих в Вене) и их литературному образованию. Второй же уровень подразумевал более обширную деятельность и касался общения представителей всех славянских народов и их знакомства с культурой России, что делало «Основу» возможным общеславянским центром.

В конце концов, деятельность подобной организации, включавшая объединение венских славян различных национальностей и активную помощь российской стороны в этом, воспринималась австрийским правительством как пропаганда идей панславизма – не только этнического и культурного единства славян, славянской взаимности, но и их политического объединения во главе с Россией. Ставший пугалом для немецкого правительства, панславизм был главной причиной подозрений в том, что Раевский – русский шпион, поэтому венская полиция внимательно относилась к обществу и его организаторам.

Однако русская общественность, в том числе и пребывавший на службе в чужой стране священник посольской церкви, долгое время старалась помочь своим «славянским братьям», угнетаемым немцами и мадьярами, но связанным с Россией общей исторической судьбой, в чем русские благотворители не видели какой-

либо политической цели, но считали это живым воплощением идеи славянской взаимности.

Именно поэтому в России уделялось особое внимание обществу «Русская основа». Идеи эволюция пореформенного славянофильства привела к внешнеполитическим интересам относительно славянского населения Османской империи и империи Габсбургов, сочувствию к «славянским племенам». Под влиянием таких идей и создавался Славянский благотворительный комитет в Москве, изначальной целью которого была помощь студентам-болгарам, обучавшимся в России.

Теперь же при поддержке протоиерея русской посольской церкви московская организация, членами которой были И. С. Аксаков, М. П. Погодин, А. Ф. Гильфердинг, значительно расширила свою деятельность и могла проводить благотворительные студенческие мероприятия за границей – в Австрии, центре зарубежного славянства. Поэтому секретарь Славянского комитета Нил Попов считал развитие деятельности «Русской основы», о которой заботился Раевский, «самой важнейшей из... заслуг перед русскими благотворителями» [13, с. 375].

Ради выполнения поставленных целей – воспитать людей, «хорошо знающих Россию и русский народ» [13, с. 372] – из Московского Славянского Благотворительного Комитета шло непрерывное финансирование. К 1870 году Комитет израсходовал на распространение русского языка среди славянских студентов в Вене 1600 рублей, из которых значительные суммы выделялись именно «Основе». Всего же Славянские Комитеты ежегодно до 1873 года перечисляли в пользу «Основы» по 500 рублей. Отдельные суммы выделялись для учителей и стипендиатов и на чрезвычайные расходы общества [14].

Насколько была значительна сумма в 500 рублей на то время для цен Австрии? По курсу того времени Раевский обменивал эти деньги примерно на 770 гульденов. Около 300 гульденов в год уходило на аренду квартиры, 20 гульденов требовалось для разовой печати объявлений об обществе. По 30 гульденов платили за лекции преподавателям, что в год выходило в сумму более 300 гульденов [7, Л3].

Смета расходов священника и отчеты о потраченных суммах московскому комитету показывают, что Раевский свободно распоряжался предоставленными деньгами и старался просчитать все необходимые расходы на общество, чтобы уложиться в предоставленную благотворителями сумму. Именно его аккуратность в денежных делах гарантировала стабильное функционирование русофильского кружка.

Общество «Русская основа» просуществовало подобным образом несколько лет, однако пропаганда русской культуры, так волновавшая австрийские власти, продолжалась недолго. Уже с 1873 года студенческая организация стала приходить в упадок из-за внутренних разногласий, чему было несколько причин. Многонациональный состав стал первым камнем преткновения. «Основа», в целом, ориентировалась на самые нуждающиеся национальные объединения – русинов и словаков, но имела в своем составе политически активных чехов и словенцев в большинстве, что было одной из причин идеологического раскола общества.

Другим фактором, который привел к распаду, стало то, что идентичность самой важной для Раевского «русской» национальности только формировалась, и здесь важную функцию выполнял яркий лидер и его влияние. Изначально главную объединяющую роль в обществе играл сам протоиерей посольской церкви, мечтавший, что галицкие русины будут ориентироваться на Россию, но когда появилась еще одна личность, пропагандировавшая украинский национализм, – бывший профессор Киевского университета, ученый, публицист и фольклорист Михаил Петрович Драгоманов, – в обществе стали побеждать украинофильские настроения [1, с. 241].

Внутренние противоречия этих двух направлений русинской идентичности давали о себе знать еще при создании «Основы» в 1868 году, когда украинская партия желала присоединиться к новообразованному обществу, но хотела скорректировать его главные установки в свою пользу. Тогда она оказалась в меньшинстве, и те, кто не хотел принимать русский характер общества и изучать русский язык, просто удалились [8, с. 599]. Теперь же, спустя несколько лет существования общества, украинофильские идеи смогли перевесить.

Это стало большим расстройством для Раевского, который окончательно разочаровался в деятельности «Основы». Направленную священнику просьбу «предохранить это общество от падения» [13, с. 375], так как заслуги по устройству принадлежат именно ему, не суждено было выполнить, и после 1873 года упоминания общества постепенно исчезают из его переписки, а уже в 1875 не значатся в смете его расходов.

Без отца Михаила «Основа» постепенно раскалывается на несколько частей, соответствовавших существовавшим национальным течениям. Другой личности, способной сплотить студентов, не нашлось: Иосифу Ливчаку к тому времени уже пришлось уехать в Россию в связи с усилившимся давлением австрийских властей. Главная часть русинских студентов перешла на сторону Михаила Драгоманова, эмигрировавшего из Российской империи из-за обвинений в сепаратизме и сформулировавшего идеи культурного и литературного развития малых национальностей, возрождения украинской литературы. Подобная деятельность помогла ему приобрести круг поклонников среди галицких русинов и переманить своих новых сторонников, которые раньше входили в кружок Раевского, в другую студенческую организацию – русско-украинское товарищество «Січ» [1, с. 241].

Так «Русская основа» превратилась в место разворачивавшейся во второй половине XIX века дискуссии среди русинов между русофилами и украинофильцами (или, так называемыми, старорусинами и народниками). Изначально она возникла именно на уровне языковых проблем, и в данный период в Австрии появлялось множество литературных образовательных обществ в противовес друг другу, посвященных подобной культурной борьбе.

Противостоять украинофильской партии попыталась оставшаяся русофильская часть студентов, организовавшись в новое объединение «Молодая Русь», однако именно тогда, воспользовавшись шатким положением, венская полиция официально закрыла бывшую «Русскую основу» [1, с. 241].

Попытки возродить русинское сообщество все же предпринимались и в дальнейшем, но теперь вместо многонациональной организации студенты смогли образовать лишь небольшой клуб галичан – «Буковина» - литературно-научную группу численностью около 40 человек, спокойно просуществовавшую последующие 20 лет [1, с. 236].

Русинская «Буковина» успешно контактировала с другими национальными студенческими организациями, поддерживала слабое словацкое общество «Тагран» и вступало в открытую конфронтацию только с польским «Огниско». Однако объединить множество славянских национальностей с симпатиями к России уже не входило в её цели.

Подобные ей интеллектуальные группы были очень подвижны: их участники часто меняли стороны, вступали последовательно в различные общества и вели дискуссии. К примеру, как вспоминает приехавший из России студент Виктор Александрович Гольцев (будущий журналист, доцент Московского университета), он изначально примкнул к украинофильской «Січи», потом склонился на сторону «Русской основы», а когда общество закрылось, примкнул к новообразованной «Буковине» [15, с. 173]. Но, несмотря на нестабильность подобных организаций, можно сделать вывод, что именно культурно-образовательные общества играли значительную роль в формировании национальной идентичности славян во второй половине XIX века.

Деятельность славянских обществ, продолжавших функционировать после «Русской основы», скорее, создавала идейные предпосылки движению «неославизма», главным постулатом которого было то, что культурное общение славян должно проходить на принципах автономии и равноправия.

Так межнациональная борьба империи Габсбургов нашла свое отражение в студенческих обществах. Идея объединения разных славянских наций, ориентированных на Россию, которую пропагандировала «Русская основа», потерпела поражение, ведь, несмотря на языковую и культурную близость, интересы разных славянских наций не совпадали, так как положение отдельных славянских народностей было весьма несхожим. В конце концов, славянское сообщество попыталось избавиться от доминирующего влияния России.

Деятельность «Русской основы» показательна именно тем, что при удачном стечении обстоятельств и постоянном финансировании она смогла быть общеславянским центром лишь несколько лет. Внутренние противоречия между формирующимися нациями взяли верх и раскололи «всеславянское единство» на несколько противоположных фракций, а политические разногласия оказались важнее, чем культурное сходство.

The article deals with the establishment and functioning of the Student Society «Russkaya Osnova» in Vienna, the contribution in its development of archpriest Mikhail Raevsky, who was a dean of embassy church in Vienna, the relationship of the society with Slavic Committee in Moscow. Historical facts are analyzed in the context of political relations between Russia and Austria, and national issues.

Key words: archpriest Mikhail Raevsky, «Russkaya Osnova», embassy clergy, Pan-Slavism, Russophilia, student activism, Austria–Russia relations

Список литературы

1. Славянские студенческие общества в Вене. (Характеристика их жизни и деятельности) // Славянское обозрение, 1894.
2. Устиянович К. Михаил Раевский и российский панславизм. Воспоминания пережитого и передуманного. Львов. 1884.
3. Буслаев Ф. И. Мои досуги. М. 2003
4. Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с Зарубежными славянами. СПб. 2013
5. Речь О.Н. Ливчака. Произнесена 29 декабря 1867 при открытии венского общества «Русская основа» // Славянская заря. 1867 № 11.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), Ф. 1750, Оп. 1. Д. 72. Л. 27.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки Ф. 608. Оп. 1. 3361 ед. хр.
8. Кудрявцев А. Славянские общества в Вене // Русский Вестник, 1868. № 12
9. Боборыкин П. Д. За полвека. М. 2003
10. Собрание славянских студентов в Вене // Современная летопись Московских ведомостей. 1869. №9
11. Раевский М. Ф. Слово к славянам в день празднования тысячелетия пришествия Кирилла и Мефодия в землю славянскую. // Православное обозрение. 1863. Т. 11
12. Киселькова Н. В. Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50-е - 70-е гг. XIX в.: по материалам архива М.Ф. Раевского. М. 2008
13. Зарубежные славяне и Россия. М. 1975
14. ГАРФ. Ф. 1750, оп. 1. Д. 72. Л. 26-32.
15. Из воспоминаний и переписки В. А. Гольцева // Русская мысль. 1905 №4

Об авторе

Гогорян К.Э. – аспирантка кафедры отечественной истории XIX века исторического факультета МГУ имени Ломоносова, pellegrinna@gmail.com

УДК 329.01/06 (471.333)

НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЗМ В ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Г. Горбачев

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью партий и движений национал-патриотической ориентации. Автор рассматривает несколько потоков данного политического направления.

Ключевые слова: Брянская область, национал-патриотизм, политическая партия, политический процесс, регион.

Специфическую нишу партийно-политического спектра Брянщины занимают партии и движения, которые принято относить к национал-патриотическим объединениям. В основе этого политического направления лежит триединое основание: *духовность, державность, патриотизм*. На наш взгляд, в рассматриваемой нише партийного спектра Брянской области можно выделить *четыре потока*, отличающиеся друг от друга.

Первый – это *умеренный* («просвещенный») патриотизм. Для него характерна установка на сохранение культурных оснований русской нации, ее религии (православие), языка, традиций, нравственных принципов. «Просвещенные» патриоты подчеркивают свое неприятие идеологий крайнего толка – коммунизма, фашизма и т.п. Они ищут пути развития российского общества в недрах народной жизни (в «почве»), подчеркивая идею соборности (религиозное единение православных людей).

Второй – это *радикальный* («агрессивный») национал-патриотизм. Ему свойственно стремление найти врагов русской нации – внутри общества и за его пределами. Его сторонники считают себя «истинными патриотами», «русскими националистами», ставя во главу угла при оценке человека его национальную принадлежность и отстаивая идею «чистоты» русской нации.

Третий – это *государственный* («казенный») национал-патриотизм. Его носителями стали политические объединения, созданные по инициативе тех или иных группировок властвующей элиты общества. Для этой формы патриотизма доминирующей является идея *великодержавия*, акцент на укреплении государственных начал в жизни общества.

Четвертый поток – *левоориентированный* национал-патриотизм, характерный для политических сил коммунистической и близкой к ним ориентации. В данном случае имеют место попытки соединить идею социализма с идеей патриотизма, поставить патриотизм на службу партийным установкам.

Одними из первых национал-патриотическую проблематику попытались осваивать партии левой ориентации – брянские коммунисты и социалисты. Так, в октябре 1992 года большой ряд объединений (обкомы СПП, РКРП и ВКПБ, областной совет ветеранов войны и труда, комитет по защите Курильских островов, ассоциация любителей российской культуры и словесности «Единение») учредили общественное движение *«Патриотическая Брянщина»* (ПБ). Создатели движения поставили своей задачей сплочение всех патриотических сил для борьбы за возрождение могущественной России, которая смогла бы стать объединяющей силой для всех республик бывшего Советского Союза [1, с.1].

Летом 1995 года «ПБ» участвовала в учредительной конференции *Полесского движения патриотических сил*, прошедшей на территории Новобелицкого района г.Гомеля (Беларусь). На ней были представлены многочисленные общественные объединения из Брянской, Черниговской и Гомельской областей [2, с.2].

Кроме «Патриотической Брянщины», в нашем регионе были созданы несколько небольших национал-патриотических объединений разного толка. Некоторые из них активно сотрудничали с «ПБ», а другие старались дистанцироваться от нее и действовать самостоятельно. К числу таковых следует отнести *Брянский комитет общественности по защите Курильских островов*, *«Союз офицеров СССР»*, *«Антинаатовский союз»*, движения *«За Родину!»*, *«Русь»*, *«Отчизна»*, *«Честь и Родина»*, *движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки*, *Российскую народно-республиканскую партию*.

Названные нами выше объединения содержат в своих программных и иных материалах все три составляющие национал-патриотизма – установку на любовь к своей Родине, укрепление государственности, стремление к возрождению военно-политической мощи страны. У одних группировок более выражены одни ориентации, а у других преобладают иные. Что касается, например, «Патриотической Брянщины», то она изначально была привержена традиционным идеологическим ценностям бывшего советского общества и ориентировалась, соответственно на них. Другие перечисленные нами объединения «левого» национал-патриотического толка в меньшей степени ориентированы на такие ценности, имеют иные предпочтения.

На наш взгляд, наибольшее выражение ценности национал-патриотизма получили в тех партиях и движениях, которые дистанцировались от левой идеологии и старались действовать самостоятельно. Все блоки национал-патриотического мировоззрения (духовность, державность, патриотизм) представлены в них наиболее полно и рельефно, теоретически обоснованы. По сути дела, в данном случае имеет место «просвещенный» национал-патриотизм, опирающийся на соответствующую национальную теоретическую и идеологическую традицию.

К числу объединений подобного толка следует отнести, в частности, *Российское христианско-демократическое движение* (РХДД). На Брянщине отделение этого движения в политическом плане в 90-е годы активно сотрудничало с местными либерал-реформаторами, входило (до ноября 1991 года) в состав

движения «Демократическая Россия».

В национал-патриотической нише активно проявил себя *Русский национальный собор* (РНС). Брянское областное отделение этого общественно-патриотического объединения было учреждено на конференции в конце декабря 1992 года. В качестве важнейших были сформулированы такие цели, как развитие национального самосознания, объединение русских людей на основе соборности, возрождение государственности великой России. РНС выступил также за формирование подлинно национальной оппозиции, подготовку «национально мыслящих» кадров для народного хозяйства, органов управления и средств массовой информации [3, с.2].

Русский национальный собор подчеркивал, что подлинное возрождение России сможет произойти лишь на ее национальной духовной почве. «Русскость» человека определяется не цветом и составом его крови, а содержанием духовного мира. Ведущую роль в возрождении национальной духовности призвана сыграть православная церковь как подлинная хранительница христианских гуманистических принципов и идеалов. В связи с этим брянские активисты Собора собирали средства на восстановление храма Христа Спасителя в Москве, помогали возрождению церкви Преображения в Бежицком районе Брянска.

Говоря о необходимости возрождения и развития подлинно русской духовной культуры, Собор подчеркивал свою удаленность от идеологий крайнего толка – коммунистической и национал-социалистической (фашизм), крайне отрицательное отношение к ним. Собор критически относился также и к партиям, которые исповедуют либеральную и социал-либеральную идеологию. Предметом его критики являлась, прежде всего, демократия как идея и принцип. Один из активистов брянской организации РНС – А.И.Юрин – уверял, размышляя о современной российской действительности, что «... результат демократии печальный. Демократия как таковая – это обман, опиум для народа» [4, с.7]. В связи с этим для России более приемлемо, по убеждению идеологов РНС, прямое народное представительство в форме соборов (собраний).

К РНС примыкало и взаимодействовало с ним «*Русское подворье*» – коммерческое предприятие с духовным уклоном. Оно было инициатором ряда больших общественных мероприятий (например, устроило приезд в феврале 1993 года в Брянск членов редакции оппозиционной газеты «День» и депутатов Верховного Совета РСФСР), а с лета 1994 года выпускало газету «Правое дело». В октябре 1997 года в нашей области образовалось региональное патриотическое движение «*Славянское единство*». В качестве первоочередной оно поставило себе задачу установить деловые связи с подобными движениями в Москве, Киеве и Минске, объединить всех «энтузиастов славянства».

В середине мая 1998 года в Брянске состоялась учредительная конференция регионального отделения движения «Духовное наследие». Оно ставило задачу активно способствовать защите здорового ядра русской национальной культуры от разрушительного влияния со стороны негативных процессов и явлений, имеющих место в современном обществе, распространять государственно-патриотическую идеологию. Изначально данное движение активно сотрудничало с «Патриотической Брянщиной», поддерживалось областной администрацией.

К числу национал-патриотических объединений умеренного толка следует, на наш взгляд, отнести общественно-патриотическое движение *Конгресс русских общин* (КРО). В платформе этого объединения тоже имели место все три составляющие российского национал-патриотизма: духовность, державность и патриотизм. Нынешний этап в истории России однозначно был определен им как «трагедия» и «всеобщий кризис», в ходе которого страна якобы превращается в «обезлюдившее пространство». Конгресс исповедовал свой основной политический лозунг: «Русские, объединяйтесь! Мы у опасной черты!».

В качестве основного звена для вывода страны из всеобщего кризиса КРО предложил идею сильного государства, способного обеспечить эффективную самоорганизацию общества и его надежную безопасность, превращение России в «мировую державу». Сильное государство под контролем общества было провозглашено главной стратегической целью Конгресса. Ставилась также задача восстановить роль России и как всемирной «державы духа» путем органичного соединения ее традиционных духовных ценностей с достижениями современной культуры [5].

На принципы умеренного, «просвещенного» патриотизма ориентировалось также и учрежденное в декабре 1998 года всероссийское политическое общественное объединение «*Отечество*». В ее «Манифесте» идет речь о «державном величии» и «сильном государстве» как основе российской национальной идеологии. Данное объединение заявляло о своем удалении как от сторонников возврата к коммунистическим порядкам, так и от творцов «дикого рынка» в стране. Свобода человека должна быть сопряжена с могуществом государства, власть – с чувством гордости за свою страну [6]. В Брянской области имели место активные попытки создать региональную организацию «Отечества» и придать ей роль главного оппонента структурам компартии.

Как и во всяком общественно-политическом движении, в национал-патриотической нише имеются и радикальные формы своего проявления («крайний», или «агрессивный» патриотизм). Примером этого может быть, в частности, национально-патриотический фронт «*Память*». Это объединение стало активно проявлять себя еще в бывшем Советском Союзе в 80-е годы с началом перестройки. Созданное Д.Д.Васильевым, во главу угла оно ставило задачу борьбы с международным сионизмом и космополитизмом. Борьба с ними и возрождение русского православия – вот два важнейших направления деятельности «фронта».

Публично «Память» заявила о себе через газету «Брянский рабочий» в июне 1992 года в связи с известной проблемой Курильских островов. В обращении этой организации правительство России характеризовалось как «антинародное», для которого русские люди – не субъект права, а всего лишь «скотское стадо для пастуха».

Текст документа завершался предупреждением: «Скоро ВЫ будете эмигрантами на своей земле» [7, с.1]. Активисты и сторонники этого объединения выступали обычно с радикально-национальных позиций, пытаясь найти внешнего «врага» России, некую «мировую закулису».

К числу национал-патриотических объединений крайнего толка следует, безусловно, отнести и движение «Русское национальное единство» (основатель и главный идеолог - А.П.Баркашов). Это движение сформировалось в 1990-91 гг. на волне радикального крыла упомянутой нами выше «Памяти». Оно создало развитую идеологическую платформу, издавало в ряде крупных городов страны газету «Русский порядок» (ее разовый тираж, например, в 1997 году – около 500 тысяч экземпляров), располагало отлаженной структурой организаций, включая и военизированные группы.

Сторонники РНЕ появились в Брянске в 1994 году. Называя себя «русскими националистами», брянские активисты движения настаивали на радикальных методах защиты интересов русских людей. В частности, они неоднократно выступали с инициативой перед местной властью о выселении из Брянска лиц кавказского происхождения, которые якобы являются источником повышенной криминальности. Из всех национал-патриотических объединений РНЕ отличалось наибольшим радикализмом.

В «нулевые» годы организованная деятельность РНЕ в Брянске и области значительно ослабла, хотя ее некоторые внешние признаки иногда все же имели место (например, размещение своей символики, разного рода надписи на зданиях и иных объектах), о чем иногда заходила речь в местной печати [8, с.2]. В июне 2013 года Бежицким районным судом (г.Брянск) книга А.П.Баркашова «Азбука русского националиста» и газета РНЕ «Русский порядок» были отнесены к изданиям экстремистского содержания.

Говоря о национал-патриотической нише партийного спектра Брянщины, нельзя не сказать и об ЛДПР – «партии Жириновского». Она действует в той нише партийно-политического спектра, где активно используются очень живучие реликты великодержавного («имперского») сознания, оскорбленного и униженного распадом великого Советского Союза. Активная эксплуатация ностальгии по имперскому прошлому нынешней России всегда помогала ЛДПР добиваться успехов на парламентских выборах в 1993, 1995, 1999 и последующие годы. В своей действительности ЛДПР всегда многолика, облачаясь, в зависимости от обстоятельств и своих соображений, в самые разные «одежды» – в либеральные, центристские, в национал-патриотические и даже «третьей силы». Но ее основной стержень – идея великодержавности, в которой очевидно следующее: первенство государства над личностью, власти над обществом.

Национал-патриотическая ниша партийного спектра Брянской области представлена и иными объединениями: политические партии «Российский общенародный союз», Концептуальная партия «Единение», «Родина», «Патриоты России», «ВОЛЯ», общественные движения «СПАС», «Движение против нелегальной иммиграции». В Брянской области были созданы региональные отделения и иных партий соответствующей ориентации: «Евразия», «Национально-державная партия России», «Евразийская партия – Союз патриотов России», «Интернациональная Россия», «Национально-патриотические силы Российской Федерации», «Национально-консервативная партия России», Партия национального возрождения «Народная воля», «За нашу Родину». Некоторые из них («Родина», «Патриоты») имели даже своих депутатов в органах представительной власти.

В социальных сетях имелись сведения о таких структурах, как «Национально-демократическая партия», «Партия национально-освободительного движения», «Партия народной свободы», и иных. Этим объединениям пока не удалось заметным образом проявить себя в политической жизни региона, но, на наш взгляд, в последние несколько лет активизируются те объединения, которые выдвигают патриотические лозунги, что важно иметь в виду [9].

В ноябре 2005 года в Брянске состоялся I (объединительный) съезд «патриотических сил Брянской области». Его участниками были движение «СПАС», «Брянское вече», «Движение в поддержку армии», «Честь имею», «Народный контроль», местные казаки, - всего более 200 делегатов из 27 объединений. В повестке дня стояло объединение патриотических организаций региона и координация совместных действий для возрождения Брянщины. Но реального объединения в итоге так и не состоялось (в силу очень разнородного состава участников, неопределенности замыслов создаваемой конструкции, различного отношения к региональной власти, мировоззренческих и иных причин) [10, с.2].

В сентябре 2012 года в нашей стране возник «Изборский клуб», объединивший аналитиков, экспертов и общественных деятелей государственно-патриотического направления (Изборск – это древний город в Псковской области. – В.Г.). Клуб возглавил известный российский писатель, главный редактор газеты «Завтра» А.А.Проханов. 9 июня 2013 года в Брянске состоялся «круглый стол» по теме «Изборский клуб: русские стратегии» с участием Проханова и представителей местной общественности. Со временем образовалось Брянское представительство Изборского клуба. Деятельность представительства была направлена на осуществление аналитических, информационных, просветительских проектов по разным направлениям (история, экономика, геополитика и иное). При брянском представительстве клуба образован аналитический центр - «Копье Пересвета». «Изборский клуб» исповедует приверженность идеям патриотизма, государственности, ценностям православной культуры [11, с.1].

Национал-патриотическая ниша партийного спектра Брянской области – достаточно насыщенная с точки зрения количества ее представителей, вполне активная и заметная в регионе. По своему содержанию она неоднородна, несет потенциал достаточно острых внутренних противоречий. Но, на наш взгляд, деятельность партий и движений национал-патриотического направления в силу предпосылок разного рода будет иметь

перспективы своего дальнейшего существования. Развитию этой ниши будут способствовать православные корни отечественной культуры и морали, расположением Брянской области на стыке трех славянских государств – России, Беларуси, Украины. В последние несколько лет в нашем регионе наблюдается явное оживление деятельности партий и движений, относящихся к национал-патриотическому направлению в политике.

The article touches upon the issues related to the activity of national patriotic parties and movements. The author considers several currents of the given political vector.

Key words: *Bryansk region, national-patriotism, political party, political process, region.*

Список литературы

1. Возродим великую державу! Обращение инициативной группы политических партий, общественных организаций и движений ко всем жителям области // Брянский рабочий. 1992. 10 окт.
2. Хандожко А. Построим дом на славянском поле / А.Хандожко // Брянский рабочий. 1995. 29 авг.
3. Никонов В. Затишье после митингов / В.Никонов // Брянский рабочий. 1993. 4 февр.
4. Разговор с соборянином (интервью) // Брянское время. 1994. № 37.
5. Никто КРОМЕ нас с вами! / М., «Белый парус». 1995. 46 с.
6. Лужков Ю., Владиславлев А. Народная партия в современном мире / Ю.Лужков, А.Владиславлев // Свободная мысль. 2001. № 10. С. 4-11.
7. Обращение Брянского отделения национально-патриотического фронта «Память» // Брянский рабочий. 1992. 9 июня.
8. Лебедев С. Особенности НАЦИОНАЛЬНОГО досуга / С.Лебедев // Брянский рабочий. 2009. 28 апр.
9. Ткаченко В.В. Патриотическое воспитание молодежи / В.В.Ткаченко // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 133-140.
10. Курденко С. Когда в товарищах согласья нет... / С.Курденко // Брянское обозрение. 2005. 25 нояб.
11. Проханов А. Брянские святоносцы / А.Проханов // Завтра. 2013. № 42.

Об авторе

Горбачев В.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, *vlati.gor@yandex.ru*.

УДК 947.087

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ НА ПУТИ К РАПАЛЛЮ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.

А.В. Гришин

В статье рассматривается подход американских и британских историков к оценкам истории подготовки и заключения Рапалльского договора, а также сама дипломатическая история Советско-Германского договора 1922 года. Рассматривается ситуация на международной арене в начале 1920-х годов. Анализируются позиции сторон и мотивы, побудившие дипломатов к заключению договора. Изучаются взгляды американских и британских историков периода Холодной войны на советско-германские отношения начала 1920-х.

Ключевые слова: *Советская Россия, Германия, Ленин, Чичерин, Мальцан, советско-германские отношения, концессия, дипломатия, международные отношения, историки, Генуэзская конференция, Ллойд Джордж, Рапалльский договор, Кеннан, Фишер, Кохан.*

Ни один из авторов, работы которых посвящены истории внешней политики Советской России, не может обойти стороной ее революционный аспект, ее направленности на развитие мировой революции в ведущих капиталистических странах. Страной, которая в этом плане упоминается в первую очередь, является Германия. При этом практически все историки подчеркивают, что неосуществленные надежды на скорое разрастание “революционного костра” заставили советских лидеров, в первую очередь В.И. Ленина, скорректировать свой идеологический и внешнеполитический курс. На первом месте и после окончания Гражданской войны оставалась проблема обеспечения безопасности единственного социалистического государства в капиталистическом мире. Поэтому, как полагают авторы коллективного труда по истории советско-германских отношений в эпоху Веймарской республики, Ленину пришлось заменить политико-идеологический подход к мировой революции на прагматичный подход к внешней политике [10, p.73].

Говоря о подходе В.И. Ленина к возможному советско-германскому сближению, Л. Кохан утверждает, что советский лидер пытался “угнаться за двумя зайцами одновременно”: “он пытался осуществить возобновление дружеских отношений с германской буржуазией и в то же время старался получить поддержку германских рабочих”. Выступая против обременительных условий Версаля, Советы зарабатывали поддержку страдающих от них простых людей, а предлагая германской буржуазии перспективы выгодной торговли Ленин заинтересовывал ее в

продолжении существования советского государства. Кроме того, он, таким образом, усиливал бы конфликт среди капиталистических держав [14, p.39-40].

Выделяя причины германо-советского сближения, Дж. Кеннан упоминает в первую очередь экономический фактор: Россия нуждалась в налаживании торговли с Западом, а Германия была ведущей промышленной державой на континенте и располагалась так, что могла обеспечивать Россию всем необходимым. Кроме того, автор проводит мысль о том, что России было легче договориться с Германией, т.к. от последней можно было ждать гораздо меньше осложнений, связанных с проблемой долгов и претензий, чем от стран Антанты [11, p.209].

Импульс к налаживанию нормальных отношений между Россией и Германией был дан с подписанием англо-советского Торгового соглашения. Однако, в 1921 году к этому фактору добавлялись еще два, связанные с отношениями между Германией и ее победителями, которые придавали стимул желанию Германии сблизиться с Россией: во-первых, проблема репараций, сумма которых была огромна, и действий союзников, в частности Франции, угрожавших серьезными санкциями против Германии; во-вторых, проблема Верхней Силезии, которую союзники отняли у Германии и, поделив, отдали часть территории вновь образованной Польше. Выделяя эти два фактора, Хейг и соавторы как бы вменяют в вину произошедшее советско-германское сближение, которого так боялись союзники, самим лидерам союзных держав [10, p.76]. Такую же мысль можно проследить и в работе Дж. Кеннана [11, p.210].

Л. Кохан полагает, что чисто теоретически, не существовало причин, по которым русские не могли бы работать с Францией или Англией в том же ключе, как они были готовы вести дела с Германией, но дело в том, что только последняя решилась наладить отношения с Россией [14, p.40]. С ним не совсем согласен У. Кейлор, считающий, что в начале 20-х годов совершенно не существовало возможности для сближения между Францией и Россией, чему было три причины: идеологическое неприятие большевизма на Западе, поведение России при выходе из Мировой войны и существование огромного царского долга французским вкладчикам [13, p.115-116]. Немецкие правящие круги таких причин не имели. В январе 1921 г. д-р Симонс, министр иностранных дел Германии, показал, что он был так же свободен в желании работать с Советами, как и они с ним: “Коммунизм как таковой это не причина, почему германский республиканец и буржуазное правительство не должны торговать с Советским правительством” [14, p.40].

6 мая 1921 г. было заключено Предварительное соглашение между Германией и Советской Россией, положения которого свидетельствовали о сильном сближении между двумя странами. Как считают Хейг и его соавторы, признавая консульские и торговые представительства Советской России, которые должны были быть открыты по условиям соглашения, единственными представителями России на территории Германии, немецкое правительство давало *юридическое* признание Советскому правительству [10, p.76]. Кохан говорит, что в Москве соглашение было расценено как новый дипломатический успех, но то же самое могли сказать и в Германии [14, p.43]. Автор замечает, что соглашение было подписано на следующий день после получения ультиматума союзников о репарациях, и в этих обстоятельствах советско-германское соглашение являло собой предупреждение миру, что при сильном давлении на Западе, Германия всегда могла “постучать в ворота Востока” [14, p.42].

Вначале советско-германское сближение имело под собой преимущественно экономическую основу. Вторая половина 1921 г. стала свидетелем предварительных переговоров по нескольким из смешанных компаний и концессий, которые впоследствии стали образцом российско-германской торговли. Возрос оборот германо-советской торговли: доля Германии во внешнеторговом обороте России возросла с 25% в 1921 г. до 32,7% в 1922 г., отодвинув Великобританию на второе место [16, p.60].

К экономическим факторам добавлялись чисто политические. В частности, уже упоминавшийся раздел Верхней Силезии, расцененный в Германии как крайне несправедливый. Кохан отмечает, что вслед за этим последовали важные изменения в составе МИД Германии: пост главы Восточного отдела оставил человек, который симпатизировал белым русским эмигрантам, а его место занял барон фон Мальцан, “передовой представитель восточной ориентации” [14, p.44], которого британский посол в Берлине лорд Д’Абернон называл “умнейшим человеком” на Вильгельмштрассе со времен войны [3, p.39].

В конце 1921 – начале 1922 гг. широко обсуждаемой в международных политических кругах темой было создание некоего международного консорциума, который должен был оказать действенную помощь в восстановлении экономики России. Существовало несколько проектов и вариантов создания такого консорциума, но общим в них было то, что они предполагали координацию действий союзников по восстановлению России. Как отмечает Кохан, Советскую сторону эта идея не устраивала, поскольку она предпочитала вести отношения с капиталистическими государствами на двусторонней основе [14, p.45]. К тому же, не исключался вариант того, что одним из участников предполагаемого консорциума могла стать Германия [7, p.237-240], с которой только начали налаживаться хорошие отношения. Чтобы не допустить подобного, необходимо было разбить единый фронт союзников, и именно с этой целью советская делегация во главе с Чичериным, направлявшаяся в Геную, прибыла в Берлин. Задачей этой остановки была попытка прийти к заключению двустороннего договора, который выводил Советскую Россию из политической изоляции и признавал, наконец, ее существование де-юре.

Переговоры начались, и уже вскоре немецкие и российские эксперты были заняты составлением проекта договора. По утверждению Л. Фишера, ссылающегося на личные беседы с Чичериным, Литвиновым, а так же с высокопоставленным чиновником германского МИДа Гаусом, основные положения документа, который впоследствии стал всем известен как Рапальский договор, были согласованы там и тогда – в Берлине [7, p.242].

Барон фон Мальцан выступал за скорейшее заключение договора. Однако Ратенау настоял на том, что договор должен быть отложен. Советская делегация, со своей стороны, желала подписать договор уже сейчас. В таком случае союзники были бы поставлены перед свершившимся фактом еще накануне Гenuи. А историки полагают, что любое советско-германское соглашение, облаченное в форму договора еще накануне Гenuэзской конференции, серьезно бы подорвало, если бы совсем не сорвало конференцию, но это был фактор, который не волновал Советы так, как он беспокоил немцев [10, p.78]. Тем не менее, оценивая результат берлинских переговоров, Кохан говорит, что они усилили позицию русских: они ехали в Гenuю практически с готовым договором, получив от Германии если не союзные отношения, то задатки дружбы; теперь они не должны были противостоять единому фронту капиталистов [14, p.50]. Утверждая, что Советское правительство возлагало мало надежд на достижение взаимопонимания с союзниками, Фишер полагает, что, участвуя в конференции, РСФСР ничего не теряла, а целью теперь являлось, по крайней мере, заключение договора с Германией [7, p.243].

Однако берлинский визит советских дипломатов был не единственным советско-германским совещанием накануне Гenuи. В январе-феврале 1922 г. небольшая российская делегация в составе Радека, Красина и Раковского посетила Берлин. Они обсуждали российскую линию на предстоящей конференции и даже угрожали Германии восстановлением в полном объеме российско-французских отношений, включая использование Россией права требовать репарации с Германии. Статью 116 Версальского договора, предполагающую последнее, Кеннан называет “наиболее эффективным орудием для давления на немцев – орудием, которым Союзные правительства сами любезно снабдили” русских. Автор говорит, что Советское правительство на деле не собиралось пользоваться своим правом на репарации, так как оно отвергало их в принципе, однако немцы не были уверены, выдержит ли Москва давление союзников с требованием выплатить долги за счет Германии. Поэтому, “Статья 116 висела в 1921 г. над головой Германии как Дамоклов меч” и, если ничего не изменить, Гenuэзская конференция могла “опустить этот меч вниз” [11, p.213]. Кеннан утверждает, что русские, с целью отколоть немцев от остального западного сообщества еще накануне конференции, решили полностью использовать предоставленную им возможность и распустили слух о том, что Франция предлагала России экономическую помощь и кредиты, которые будут предоставлены за счет Германии [12, p.45]. Учитывая все это, легче для понимания становится поведение германской делегации в Гenuе.

Гenuэзская конференция открылась 10 апреля, но, уже спустя несколько дней, Ллойд Джордж “сыграл на руку” Чичерину: пригласив его для переговоров на свою виллу, дал ему превосходную возможность усилить давление на немцев. Советский нарком вряд ли надеялся, что они приведут к какому-либо соглашению, а использовал их скорее как средство для того, чтобы напугать немцев перспективой урегулирования отношений России с союзниками без оглядки на Германию.

В то время как на вилле д'Альберти шли переговоры, германская делегация находилась в состоянии чрезвычайной нервозности – существовали подозрения, что Россия подтвердит свои права на положения статьи 116 Версальского договора. Это означало бы не только ухудшение финансового положения Германии, но и её полную изоляцию. Германская делегация испытывала информационный голод, с ней никто не шел на контакт [12, p.46].

Германская делегация не была едина. С одной стороны – Вальтер Ратенау, который все еще надеялся прийти с Антантой к некоему *modus vivendi* в вопросах о репарациях. С другой – фон Мальцан, желавший иметь союзником именно Россию, чувствуя, что объективные условия способствовали именно такой расстановке сил. Выделяя эти условия, Дарк пишет, что ими были отверженность двух стран и их неприятие Версальского договора [4, p.37]. Фонтейн добавляет к ним осознание предполагаемой выгоды от экономического сотрудничества [8, p.60].

Когда переговоры на вилле д'Альберти зашли в тупик, Чичерину стало ясно, что необходимо срочно закончить переговоры с немцами, пока Германская делегация не будет в свою очередь приглашена к Ллойд Джорджу [14,52]. В ночь на воскресенье телефонный звонок разбудил Мальцана. Звонивший советский дипломат предлагал немцам приехать в 11 утра в отель “Сант Маргарет” для возобновления берлинских переговоров. Глава русского отдела Вильгельмштрассе поднял всю делегацию, и началось знаменитое “пиджамное совещание”, продолжавшееся до трех часов утра. Вирт стал на сторону Мальцана, а Ратенау ничего не мог им противопоставить. Утром они позвонили Г.В. Чичерину и дали свое согласие [7,250]. Характерно, что немцы предприняли попытку проинформировать обо всем англичан, но не смогли связаться с Уайзом, с которым поддерживали контакт [11, p.220]. В Рапалло переговоры между Чичериным и Ратенау начались с обсуждения общих принципов договора, а затем Литвинов, Мальцан и Гауз удалились для написания уже конечного текста. В пять вечера договор был готов, а через полтора часа Чичерин и Ратенау скрепили подписями этот исторический документ.

По договору, заключенному 16 апреля 1922 года, оба правительства взаимно отказывались от возмещения расходов и убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Германское правительство не требовало возратить национализированную промышленность бывшим германским собственникам при условии, что Советская Россия не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Дипломатические и консульские отношения между странами немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании торговых и хозяйственных отношений и благожелательно идти навстречу обоюдным хозяйственным потребностям. Было обусловлено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами [17, с.223-224].

Новость о договоре потрясла конференцию. Союзники не знали как повести себя в создавшейся ситуации. Они не скрывали своего раздражения и беспокойства в связи с договором, и, как считает У. Меддикотт, в

сопоставлении со случившимся провал их собственных требований к России был гораздо более впечатляющим [15, p.28-29]. По словам Л. Фишера, договор отобрал у Антанты одно из самых её эффективных орудий против Москвы и Берлина: давление посредством изоляции [7, p.251]. Кохан, в связи с договором, проводит мысль, что Великобритания и Франция были очень напуганы угрозой своим позициям в связи с союзом двух “изгнанников” Европы и приводит отрывок из выступления Ллойд Джорджа в Палате Общин по возвращении с конференции, в котором тот намекал на опасность вооружения Германии и России при взаимной поддержке [14, p.53]. Хейг и соавторы подчеркивают, что раздражение в связи с договором среди западных политиков было вызвано особенно тем, что они подозревали существование в нем секретных статей [10, p.78]. И хотя никаких секретных статей или приложений о военно-техническом сотрудничестве Рапалльский договор не содержал, К. Макдермотт и Дж. Агню в своей книге, посвященной, надо оговориться, истории Коминтерна, утверждают прямо обратное [18, с.46], что лишний раз дает повод для размышлений о компетентности и профессионализме некоторых англо-американских историков.

То, что Рапалльский договор потряс лидеров союзных держав, не кажется удивительным. Гораздо более интересным является то, что такой же эффект он произвел и в Германии. Вот что засвидетельствовал в своих мемуарах сотрудник Восточного отдела МИД Германии и будущий посол в СССР Г. Дирксен: “Он (Рапалльский договор – А.Г.) произвел громадную сенсацию в МИДе, поскольку Мальцан вел все переговоры в одиночку во время конференции в Женеве (так в тексте – А.Г.) ... Министерство было ошеломлено. Я уверен, что оно вряд ли было осведомлено о том, что происходило” в Женеве [5, p.39].

Оценка договора у большинства англо-американских авторов, как правило, едина и скупа: его подписание было гораздо важнее его условий [1, p.75], договор вывел и Россию, и Германию из международной изоляции [9, p.131; 16, p.59; 6, p.38]. Интересна постановка вопроса у Дж. Кеннана – он вначале рассматривает значение Рапалло для Запада: потеря сотрудничества Германии как возможного партнера в совместном западном подходе к российскому коммунизму. Рапалло, по его мнению, также означало, хотя западные государственные деятели и не осознали этого сразу, что их политика объединения вопроса долгов и претензий и проблемы признания была окончательно подорвана. Что касается значения Рапалло для России, то Кеннан говорит о договоре как о первой крупной победе советской дипломатии. Рапалльский договор с успехом расколол Западное сообщество по вопросу отношения к России. На благоприятных для Москвы условиях Рапалло внесло важный поворот в проблему признания и восстановления торговых отношений между Россией и Западом [11, p.222]. Другие авторы говорят о договоре как о “триумфе советской дипломатии”, поскольку он обеспечил России первым официальным признанием великой державы, взломал экономическую и политическую изоляцию, созданную для России Западом и предоставил возможность получить германскую помощь в строительстве Красной Армии и превращении ее в одну из самых современных в Европе [10, p.79; 12, p.47]. Интересно, что значение Рапалло для Германии Хейг и соавторы сводят в основном именно к выгодам последовавшего военного сотрудничества, хотя говорят и о политико-экономических выгодах [10, p.79].

Гораздо далее в анализе значения подписания Рапалльского договора идет Л. Кохан. При всем том большим значением, которое договор сыграл для подписавших его сторон, автор утверждает, что в начале “ни русские, ни немцы не осознавали всех последствий того, что они наделали” [14, p.54], и только будущее должно было определить масштабы произошедшего [14, p.59]. Договор означал совершенно разные вещи для сторон его подписавших [14, p.58]. Для Германии он представлял собой “оружие нападения”, дававшее возможность вести активную внешнюю политику по борьбе с Версальской системой. Для России договор играл скорее оборонительный характер: он автоматически предотвращал создание какого-либо единого капиталистического фронта, враждебного по отношению к Советской России, поскольку, что бы ни случилось, Германия всегда была бы недостающим звеном в таком проекте. Другими словами, Германия была нейтрализована, и, как подчеркивает историк, после 1922 г. Советы никогда не просили ничего от Германии, кроме нейтралитета [14, p.59].

Рапалльский договор имел еще одну очень важную политическую сторону. Самим своим существованием он подразумевал то, что Советская Россия не станет вести в отношении Германии политики, направленной на разжигание революции в этой стране, в стране, на которую изначально возлагались самые большие революционные надежды, в которой существовала самая большая компартия после российской.

The article deals with the approach of American and British historians to evaluations of history of preparation and conclusion of the Rapallo Treaty itself and the diplomatic history of the Soviet-German treaty of 1922 either. The situation on the international area in the early 1920s is considered. The positions of the parties and the motives which prompted diplomats to contract the treaty is under analysis. The views of American and British historians of the of the Cold War period on the Soviet-German relations in the early 1920s are examined.

Key words: *Soviet Russia, Germany, Lenin, Chicherin, Maltzan, Soviet-German relations, concession, diplomacy, international relations, historians, Genoa Conference, Lloyd George, the Treaty of Rapallo, Kennan, Fischer, Kochan.*

Список литературы

1. Carr E.H. International Relations between the Two World Wars, 1919-1939.-London: Macmillan, 1948.
2. D'Abernon E.V. An Ambassador of Peace. Pages from the Diary of Viscount D'Abernon (Berlin, 1920-1926). Vol. I: From Spa (1920) to Rapallo (1922). With Historical Notes by M.A. Gerothwohl.-London: Hodder and Stoughton, 1929.
3. D'Abernon E.V. An Ambassador of Peace. Pages from the Diary of Viscount D'Abernon (Berlin, 1920-

- 1926). Vol. II: The Years of Crisis. June 1922 – December 1923.-London: Hodder and Stoughton, 1929.
4. Dark E.P. The World Against Russia?-Sydney: The Pinchgut Press, 1948.
  5. Dirksen H. von. Moscow, Tokyo, London: Twenty Years of German Foreign Policy.-London, N.Y., Melbourne, Sydney, Cape Town: Hutchinson & Co. (Publishers) LTD, 1951.
  6. Donnelly D. Struggle for the World. The Cold War: 1917-1965.-N.Y.: St. Martin's Press, 1965.
  7. Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of Relations Between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917-1929.-N.Y.: Vintage Books, 1960.
  8. Fontain A. History of the Cold War: From October Revolution to the Korean War, 1917-1950.-N.Y.: Pantheon Books, 1968.
  9. Grenville J.A.S. The Major International Treaties, 1914-1973. A History and Guide with Texts.-London: Methuen, 1974.
  10. Haigh R.H., Morris D.S., Peters A.R. German-Soviet Relations in the Weimar Era: Friendship from Necessity.-Aldershot: Gower Publishing Company Limited, 1985.
  11. Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin.-Boston; Toronto: Little Brown and Co., 1961.
  12. Kennan G. Soviet Foreign Policy, 1917-1941.-Princeton: Van Nostrand, 1960.
  13. Keylor W.R. The Twentieth Century World: An International History.-N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1984.
  14. Kochan L. Russia and the Weimar Republic.-N.Y.: Bowes and Bowes, 1954.
  15. Medlicott W.N. British Foreign Policy Since Versailles.-London: Methuen, 1940.
  16. Newman W.J. The Balance of Power in the Interwar Years, 1919-1939.-N.Y.: Random House, 1968.
  17. Документы внешней политики СССР.-Т.В.: 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г.-М.: Госполитиздат, 1961.
  18. Макдермотт К., Агну Дж. Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000.

Об авторе

Гришин А.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и право» Брянского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

УДК 94 «18/19»(470.32):281.92

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩНЫЕ СОВЕТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫМИ ШКОЛАМИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX –НАЧАЛЕ XX ВВ.

Е.В. Дворецкий, К.В. Козлов

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ подведомственным вузам в 2014 году (код проекта 327).

Статья посвящена деятельности Епархиальных училищных советов – организаций, осуществлявших руководство церковными школами в пределах епархий. Подробно рассматриваются организационно-правовые основы деятельности Епархиальных училищных советов, формирование их состава, особенности взаимоотношений между председателем и членами, а также взаимодействие с другими епархиальными управленческими структурами – Духовными консисториями.

Ключевые слова: *Епархиальный училищный совет, епархиальный архиерей, vicarный епископ, Духовная консистория, церковно-приходская школа*

Во второй половине XIX – начале XX века одной из ключевых образовательных инноваций стало формирование системы церковных школ. Исторический опыт деятельности данных образовательных учреждений до настоящего времени представляет интерес для исследователей и практиков, занимающихся решением задач включения конфессиональных учебных заведений в образовательное пространство современной России. Создание церковных школ являлось инициативой приходского духовенства в контексте реализации общегосударственной задачи обеспечения широкой доступности начального образования. Координация этой деятельности осуществлялась епархиальными властями, которые создавали отдельные управленческие структуры, призванные обеспечить успешную реализацию установок Синода на создание сети церковных школ. Опыт отдельных епархий по созданию системы управления церковными школами был обобщен в «Положении об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г., утверждение которого стало началом нового этапа в формировании системы церковного образования. Успешной реализацией данного «Положения» во многом должно было способствовать установление государственного финансирования церковно-школьной администрации на основании Высочайше утвержденного 5 июня 1895 г. мнения Государственного совета [1, с. 61-62].

Согласно «Положению об управлении школами церковно-приходскими и грамоты», общее руководство организацией деятельности церковных образовательных учреждений и, в том числе, финансирование, осуществлял Синод, при котором в 1885 г. был создан Училищный совет – центральный орган церковно-школьной администрации. В состав Училищного совета, штаты которого были утверждены одновременно с

«Положением об управлении школами церковно-приходскими и грамоты», входили председатель, 9 постоянных членов, наблюдатель церковных школ Российской империи и его помощники. Председатель избирался Синодом из числа присутствующих архиереев. Кроме постоянных членов в состав Училищного совета могли также включаться и почетные члены.

В епархиях общее руководство церковными образовательными учреждениями осуществлял епархиальный архиерей. Главным административным учреждением, руководившим в епархии организацией деятельности церковно-приходских школ и школ грамоты являлся Епархиальный училищный совет.

Сфера деятельности Епархиальных училищных советов в «Положении» 1896 г. была определена достаточно широко и неопределенно: «заведывает школами церковно-приходскими и грамоты в епархии, заботясь, по указаниям епархиальных преосвященных, о благоустроении существующих и об открытии и содержании новых школ» [2, с. 387]. И, согласно, определению Синода от 14 августа – 3 сентября 1887 г. в Епархиальные училищные советы поступали денежные средства из государственной казны, которые должны были расходоваться на строительство школьных зданий, закупку учебной и учебно-методической литературы и заработную плату законоучителям и учителям церковных школ [3, с. 403].

В состав Епархиального училищного совета входили 9 постоянных членов, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты и представитель от Министерства народного просвещения, как правило, кто – либо из местного учебного начальства. В число 9 постоянных членов могли входить как священнослужители, так и светские лица, причем соотношение тех и других определялось епархиальным архиереем, утверждавшим их в этой должности. Кроме этого, согласно определению Синода от 17-26 августа 1894 г., если церковные школы епархии субсидировались земством, то в состав Епархиального училищного совета входили 2 представителя от земства. Эти представители выбирались Губернским земским собранием из числа обязательно православных гласных сроком на 3 года и утверждались епархиальным архиереем [3, с. 404].

Светские члены Епархиального училищного совета, согласно указу Синода от 22 декабря 1897 г., получали право на чинопроизводство. При назначении на эту должность им присваивался VII класс (надворный советник), и они могли дослужиться до VI класса (коллежского советника) [4, с. 43].

На основании определения Синода от 13 мая – 2 июня 1909 г., изданного по итогам работы Всероссийского миссионерского съезда в Киеве, епархиальные миссионеры также назначались членами Епархиальных училищных советов, а уездные миссионеры – их уездных отделений. Делалось это для того, чтобы миссионеры имели возможность «ознакомления с постановкой Закона Божия в церковных и вообще начальных школах» [5, с. 263]. Кроме постоянных членов в состав Епархиальных училищных советов входили почетные, а также сверхштатные члены. Почетные члены выбирались самим Советом из числа лиц, оказывающих благотворительную помощь церковным школам. Сверхштатные члены назначались епархиальным архиереем «в видах пользы школьного дела», причем их количество не должно было превышать количества постоянных членов. Так, обер-прокурор К.П. Победоносцев своим циркулярным отношением от 2 августа 1897 г. рекомендовал епархиальным преосвященным приглашать в число сверхштатных членов кого-либо из чиновников местного управления государственными имуществами, «сочувствующих делу распространения начальных народных школ духовного ведомства» [3, с. 403-404].

В структуре Епархиального училищного совета для решения срочных дел могла создаваться школьная комиссия, в состав которой входили председатель Совета и два члена, избравшиеся Советом из числа постоянных членов [2, с. 388].

Возглавлял Епархиальный училищный совет председатель, который назначался на эту должность епархиальным архиереем, из числа священнослужителей с высшим богословским образованием. Утверждался председатель Синодом. Сложившейся традицией стало назначение председателем Епархиального училищного совета викарного епископа, что, с одной стороны, придавало статусную весомость его решениям, но, с другой, влекло за собой определенные сложности, связанные с его непосредственной деятельностью. Так, председатель Курского епархиального совета, ректор духовной семинарии Я. Новицкий в письме к В.И. Шемякину от 14 апреля 1905 г. указывал: «Назначение викария епископа Иоанникия председателем Епархиального училищного совета – усилит авторитет Епархиального училищного совета, придаст больше твердости и устойчивости его определениям, оживит притоком новых лиц самую деятельность Совета довольно таки вялую в последние годы» [6, Д.86. л.290 об.].

По всей видимости, назначение Иоанникия (Ефремова) председателем Курского епархиального училищного совета готовилось еще до его хиротонии во епископа Белгородского, которая состоялась 3 июля 1905 г. Причем, епископ Иоанникий (Ефремов) был первым викарием, после создания Белгородского викариатства. Вторым викарием – епископ Рыльский Иоасаф (Романов) был хиротонисан 26 марта 1906 г. [7, с.709- 710]

Официальное назначение епископа Иоанникия (Ефремова) председателем Курского епархиального училищного совета состоялось 29 сентября 1905 г. А по предложению епископа Курского Питирима (Окнова), в виду того, что епископ Иоанникий (Ефремов) будет находиться в г. Белгороде, а в Курск приезжать в среднем 1-2 раза в месяц, в Епархиальном училищном совете была создана школьная комиссия, которую возглавил теперь уже бывший председатель совета протоирей Я. Новицкий [8, с. 422-423].

Утверждался викарный епископ в должности председателя Епархиальных училищных советов Синодом, причем утверждение не являлось формальной процедурой. Так, епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в начале 1898 г. ходатайствовал перед Синодом о назначении своего викария – епископа Остро-

гожского Иосифа (Соколова) председателем Воронежского епархиального училищного совета. К.П. Победоносцев в письме от 18 января 1898 г. на его ходатайство ответил следующее: «Преосвященный Иосиф едва ли, в особенности, к этому делу способен. Будучи епископом Брестским, он, смею сказать, там уронил свое звание, что архиепископ Литовский неоднократно и усиленно просил и молил освободить от него епархию. Наконец, Синод, дабы избежать решительного увольнения его на покой, - лишь в виде милости, перевел на викариатство Воронежское» [9, с. 56].

Отвечая на это письмо К.П. Победоносцева, епископ Анастасий (Добрадин) в письме от 23 января 1898 г. отмечал: «Преосвященный Иосиф вот уже более полугода несет обязанности председателя успешно и с полным усердием. При таком положении замена его другим лицом кажется мне делом весьма затруднительным и неудобным» [9, с. 56]. Второе письмо Анастасия (Добрадина) не повлияло коренным образом на сложившуюся ситуацию, о чем сообщил ему сын – П.А. Добрадин в письме от 8 февраля 1898 г.: «Ответ Ваш обер-прокурору, как и следовало ожидать, не понравился, и в Училищном совете решено дело поставить так, как бы этот вопрос и не возбуждался, то есть представления Вашего о Преосвященном Иосифе они не утверждают. Но и нового представления от Вас не ждут; Вы же со своей стороны не должны возбуждать и пусть все останется, как и теперь есть» [9, с. 57].

Трудности в исполнении викарными епископами обязанностей председателей Епархиальных училищных советов составляла, прежде всего, их занятость своими непосредственными обязанностями. Так, епархиальный наблюдатель церковных школ Орловской епархии А. Георгиевский, характеризуя деятельность епископа Елецкого Митрофана (Афонского) в должности председателя Епархиального училищного совета, в письме к наблюдателю церковных школ А.М. Ванчакову от 10 апреля 1908 г. указывал: «Отсутствие правящего епископа Серафима, сосредоточение всех дел епархиального управления в лице преосвященного Митрофана, председателя Епархиального училищного совета, несомненно, отражается на работе последнего» [6, Д. 109. л. 202]. А в письме от 11 октября 1908 г. А. Георгиевский тому же адресату уже прямо писал: «Об отводе в Кишиневскую епархию епископа Серафима я не очень сожалею. На первых порах он много работал для блага Орловской епархии, а затем, в течение 1 ½ последнего года мало жил в Орле и, взвалив всю тяжесть его на викария. Последний по сему не мог посвящать много времени и внимания Епархиальному училищному совету» [6, Д. 109. лл. 211 – 211 об.].

В основу системы церковно-школьного управления были положены общие организационные принципы, подобных структур. Прежде всего, сочетание принципов единоначалия (в назначении председателя и его дальнейшей деятельности) и коллегиальности (в процедуре обсуждения и принятия решений). Но в ситуации, когда председателем Совета являлся викарный епископ, а его членами – священники, в своем пастырском служении подчиненные епископу, формировалась почва для возникновения, зачастую неразрешимого конфликта между Советом и председателем. Так, епископ Воронежский Анастасий (Добрадин), ходатайствуя о назначении епископа Иосифа (Соколова) председателем Воронежского епархиального училищного совета, в ответ на опасение К.П. Победоносцева в письме от 23 января 1898 г. о возможности складывания конфликтной ситуации, писал: «Выраженное Вашим Высокопревосходительством соображение о стеснительности для членов Совета свободы выражать свои мнения в присутствии председателя Преосвященного, в применении к здешнему Совету позволяю себе не разделять, основываясь на хорошо известных мне личных качествах здешних членов» [9, с. 56]. Но, по всей видимости, подобная ситуация сложилась во взаимоотношениях преемника Иосифа (Соколова) – епископа Острогожского Владимира (Шимковича) и членов Епархиального училищного совета. Епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской епархии П. Никольский в письме к В.И. Шемякину от 7 января 1907 г. работу Совета описывал следующим образом: «Чрезвычайная трудность работы вследствие давления со стороны Преосвященного председателя Воронежского епархиального училищного совета. Ни одно собрание не обходится без такого постановления, которое нельзя иначе объяснить, как только игнорированием со стороны председателя всяких мнений, высказанных не им, а кем-либо из членов, особенно же епархиальным наблюдателем» [6, Д.62. л. 20]. И, кроме того, как указывает далее П. Никольский: «Канцелярия Совета поставлена неудовлетворительно, так как определение писцов обуславливается ... голосовыми средствами, потому что писцы обязательно должны быть певчими в хоре Пресвященного председателя Совета» [6, Д.62. л. 21].

В Тамбовской епархии, по оценке епархиального наблюдателя А. Левочского, конфликтная ситуация в Совете между председателем – ректором духовной семинарии и остальными членами сложилась по другой причине. В письме к В.И. Шемякину от 8 января 1902 г. он писал: «Отец ректор не изменяет себе ... он с радостью говорил в своей среде, что «наверное его скоро освободят» от Училищного совета ... А жаждет он его, очевидно, с нетерпением. Просто это человек не от мира сего и по временам представляется грешным судить его. Но дело наше от этого страдает. Не имея прав, не можем заменить председателя, а для председателя «хоть потоп». Много всегда есть неотложных дел, а они лежат. Собрания не соберешь, потому что о. Ректору «некогда» или не любо ... Я хотел бы троих из учителей переместить из одноклассных во второклассные школы, но не имею права. Завтра буду просить об этом Владыку, и по многим другим вопросам хочу просить непосредственно его» [6, Д.122. лл. 96-96 об.].

Епархиальные училищные советы являлись самостоятельными административными учреждениями, осуществлявшими свою работу параллельно с деятельностью Духовных консисторий - церковно-административных органов, посредством которых епархиальные архиереи руководили епархиями. И Епархиальные училищные советы, так или иначе, должны были соприкасаться в своей деятельности по организации церковных школ с Духовными консисториями. Но проблема заключалась в том, что отсутствовала четкое разграничение функций между Консисториями и Советами.

Епархиальный наблюдатель церковных школ Тамбовской епархии А. Левочский в письме к В.И. Шемякину от 4 октября 1898 г. в числе прочих проблем в епархии указывал на «недоразумения», возникавшие между Духовной консисторией и Епархиальным училищным советом, которые заключались в том, что «Духовная консистория принимала решение об открытии церковно-приходских школ, а Епархиальному училищному совету предлагалось назначить учителя» [6, Д.27. л. 129 об.].

Воронежский епархиальный наблюдатель А. Матюшенский, оставляя в 1904 г. свою должность, в одном из последних писем к В.И. Шемякину от 28 мая 1904 г., отношения, сложившиеся между Духовной консисторией и Советом в Воронежской епархии описывал следующим образом: «...все, касающееся церковных школ здесь восходит в Консисторию и Епархиальный училищный совет не имеет самостоятельных функций. Разумеется, Консистория дает себя чувствовать более отрицательно: все мероприятия Совета в большинстве случаев кассируются, особенно если дело касается изыскания местных денежных средств» [6, Д.61. л. 136 об.].

Преемник А. Матюшенского П. Никольский в письме к В.И. Шемякину от 18 июля 1905 г. указал еще на одну сторону взаимоотношений Духовной консистории и Епархиального училищного совета. В этом письме в числе прочего он описывает факт избения учащегося Никитовской второклассной школы заведующим священником С. Азаровым, который «должен быть уволен, тем более что он не особенно умен». И, как указывает автор далее: «Но может ли Епархиальный училищный совет уволить приходского священника? Вот в таких случаях и пожалеешь, что заведующими не назначаются бесприходные священники, положение которых зависело бы от Епархиального училищного совета, а не от Духовной консистории» [6, Д.62. лл. 11-11 об.]. Таким образом, подобной ситуацией создавалось двойное подчинение школ и священников, как пастырей, подчиненных церковной администрации, так и педагогов, подчиняющихся решениям Епархиального училищного совета.

Большое количество трудностей вызывало отсутствие четкой регламентации организационной деятельности Епархиальных училищных советов. Прежде всего, это выражалось в отсутствии определенных сроков заседаний Советов, которые, как правило, созывались «по мере скопления дел», как это происходило, например, в Тамбовском Епархиальном училищном совете [6, Д.27. лл. 127 об.]. П. Никольский в письме к В.И. Шемякину от 7 января 1907 г. указывал, что в течение 1906 г. было всего 9 заседаний Воронежского епархиального училищного совета, и в Совете «поэтому гора бумаг, причем бумаги не только не читаются, а иногда даже кратко не просматриваются, а лишь мелькают перед членами Совета, сопровождаясь коротенькими репликами председателя или делопроизводителя» [6, Д.62. л. 21]. Согласно отзыву П. Никольского в письме от 18 июля 1905 г. В.И. Шемякину, в этом плане ситуация в Совете в 1906 г. не сильно изменилась по сравнению с 1905 г., когда «при массе бумаг, «рассматривающихся» Советом, и при неожиданном приглашении на Совет, иногда в самый день заседания, не успеваешь предварительно познакомиться с вопросами и бумагами, подлежащими обсуждению» [6, Д. 62. л. 12.]. Деятельность школьной комиссии Воронежского епархиального училищного совета он также оценивал невысоко: «Постановления комиссии иногда фиктивно: готовый журнал рассылается только для подписи 2-3 членам Совета» [6, Д. 62. лл. 21]. И, по всей видимости, такое положение дел было не только в Воронежском епархиальном училищном совете в 1900-е гг. Епархиальный наблюдатель церковных школ Тамбовской епархии А. Левочский в письме к В.И. Шемякину от 4 октября 1899 г. в числе прочего предлагал «установить сроки для заседания Совета» [6, Д. 27. л. 130].

Делопроизводство в епархиальных училищных советах зачастую не было поставлено на должном уровне. Объяснялось это, прежде всего, большим количеством служебной переписки, циркулирующей в системе церковно-школьного управления. Так, епископ Курский Питирим (Окнов) на вечернем заседании 29 сентября 1905 г. Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета, уездных наблюдателей и благочинных по поводу уменьшения канцелярской переписки заявил: «Усердно прошу как можно меньше переписки. Если возможно, даже и препроводительных рапортов не писать, а препроводить то, что нужно» [8, С. 431].

Кроме этого, небольшая оплата труда делопроизводителя Епархиального училищного совета являлась причиной того, что эту должность занимали как дополнительную к основной работе. И как следствие, делопроизводители не всегда справлялись с достаточно большим объемом канцелярской работы. Так, делопроизводитель Курского епархиального совета, преподаватель духовной семинарии Ф.И. Булгаков «вследствие усиленных занятий по Епархиальному училищному совету» заболел чахоткой [6, Д. 86. л. 187]. Организация делопроизводства в Епархиальном училищном совете отражала характер его работы, так как он был не постоянно действующий, а периодически собираемый для принятия решений административный орган. И именно поэтому, делопроизводство носило эпизодический характер, то есть подготовка заседаний, оформление решений и т.д. Реально судить об объеме делопроизводства нет возможности, так как фонды епархиальных училищных советов в своем подавляющем большинстве не сохранились.

В целом, в деятельности Епархиальных училищных советов в полной мере нашло отражение двойственность церковно-школьного управления как системы включенной в управленческие конструкции Русской Православной церкви, а также как системы, решавшей самостоятельные задачи по организации деятельности церковных образовательных учреждений. Деятельность Епархиальных училищных советов сопровождалась рядом специфических особенностей связанных с указанным выше обстоятельством. Во-первых, председателем Епархиальных училищных советов по сложившей практике назначался викарный епископ как представитель правящего архиерея, который согласно каноническим обязанностям, возглавлял дело духовного образования и катехизации в епархии. Следствием подобной практики стала диспропорция в сочетании принципов

единоначалия и коллегиальности. Это было связано с тем, что рядовые члены совета – приходские священники, не всегда могли принимать активное участие в обсуждении проблем и подготовке итогового постановления. Как крайнее проявление подобной ситуации являлось складывание конфликта между председателем и членами совета. Во-вторых, отсутствовало разграничение управленческих полномочий между Духовными консисториями и Епархиальными училищными советами в отношении приходских священников возглавлявших церковные школы. В-третьих, регламентация организационной деятельности Епархиальных училищных советов зачастую было связано с степенью занятостью председателя, а делопроизводство осуществлялось в епархиальной канцелярии.

The article is concerned with the diocesan school boards work – the organizations which preside church schools within the dioceses. The detailed information about the organizational and legal bases of the diocesan school boards, the formation of their composition, the special aspects of the relationships between the chairman and the members, as well as interaction with other diocesan administrative structures - Theological consistories is given.

Key words: *the Diocesan school board, diocesan bishop, suffragan bishop, the Theological consistory, church school.*

Список литературы

1. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884- 1909 г.). СПб., 1909. 821 с.
2. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию/Сост. А. С.Пругавин. СПб., 1898. 785с.
3. Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных с разъяснениями из решений Правительственного Сената, указов, определений и постановлений Святейшего Синода, ведомственными разъяснениями и алфавитно-предметным указателем / Сост. Н.Е. Серебренников. СПб., 1914. 457 с.
4. Сборник узаконений и распоряжений о церковной школе ведомства православного исповедания/ Сост. Ф.Федоров. СПб., 1907. 447 с.
5. Определение Святейшего Синода от 13 мая – 2 июня 1909 г. «Об отношении миссии к учебным и просветительным учреждениям» // Церковные ведомости. 1909. № 26.
6. РГИА. Ф. 803. Оп. 12.
7. Смолич И.К. История Русской церкви. 1700-1917: В 2 т. М., 1996. Т.1. 798 с.
8. Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета, уездных наблюдателей церковных школ Курской епархии и благочинных с 27 по 31 сентября 1905 г.// Курские епархиальные ведомости. 1905. № 41. ч. оф. С. 417-432.
9. Александр (Кременецкий), архимандрит. Речь, читанная в Воронежском церковном историко-археологическом собрании в годовщину со дня смерти Высокопреосвященнейшего Анастасия архиепископа Воронежского и Задонского, 1 мая 1914 года// Воронежская старина. 1914. Вып. 13. С. 51-75.

Об авторах

Дворецкий Е.В. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, DEV@bsu.edu.ru

Козлов К.В. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, kozlov@bsu.edu.ru

УДК 930.1(477.25)

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В 1920-х гг.: СОЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КАФЕДРЫ В НЕЖИНЕ

С.Ю. Зозуля

В исследовании рассматривается процесс создания в Нежине в начале 1920-х гг. одного из первых в Советской Украине профессионального исследовательского учреждения – Нежинской научно-исследовательской кафедры истории культуры и языка. Выделены и проанализированы составляющие данного процесса: причины и предпосылки, этапы, местный научный потенциал; определены персоналии, причастные к появлению указанного научного учреждения.

Ключевые слова: *историография, система научно-исследовательских учреждений, Нежинская научно-исследовательская кафедра истории культуры и языка, Нежинская высшая школа.*

Процесс исторического познания, претерпевший качественные, прежде всего теоретико-методологические, изменения в течение последних двух десятилетий, побуждает к поиску новых и переосмыслению уже приобретенных знаний. Следовательно, дальнейшие исследования планомерно и методично заполняют «белые пятна» на пути такого познания.

История исторической науки вызывает постоянный интерес у исследователей. Современная историография накопила значительное количество трудов, посвященных, в частности, истории развития исторической

науки в течении первого десятилетия существования советской власти на территории современной Украины. Это время ознаменовано бурным развитием исторической науки и становлением системы научных учреждений, первенство среди которых принадлежит, несомненно, Всеукраинской Академии наук. Однако, параллельно, в рамках курса огосударствления научно-исследовательской работы, шло развитие другой вертикали – подчиненных Главному управлению профессионального образования НКП УССР (Укрглавпрофобра) научно-исследовательских институтов и кафедр.

Первым – и долгое время единственным – исследованием, посвященным изучению научно-исследовательских учреждений исторического профиля в УССР межвоенного периода является статья Н.В. Комаренко, в которой были лишь очерчен круг таких заведений и охарактеризованы их деятельность в целом [см.: 14]. Уже на современном этапе, после распада СССР, данная тематика вошла в сферу изучения национальной историографии постсоветских государств, прежде всего украинской. Современные украинские исследователи начали изучать как различные заведения, входящие в структуру этих учреждений в целом, так и отдельные аспекты их деятельности. Среди прочих, следует указать штудии О.Б. Богдашиной, С.П. Падун, А.В. Прыня, В.И. Ульяновского, О.В. Юрковой, изучавших деятельность украинских исторических учреждений 1920-х – начала 1930-х гг. [см.: 1; 2; 21; 22; 28; 34].

Относительно существования подобного учреждения в Нежине в современной историографии также есть определенный массив исследований. Так, еще в начале 1990-х гг. появились обзорные исследования В.М. Бойко и А.Д. Бойко [см.: 3–5]. Тогда же началось изучение отдельных аспектов ее существования в трудах черниговских исследователей В.В. Ткаченко, О.Б. Коваленко и А.Н. Острянка [см.: 13; 17; 18; 26; 27]. Само собой, о деятельности в рамках указанного научно-исследовательского учреждения в Нежине упоминается также в биографических исследованиях его сотрудников [см.: 6; 20; 33]. Различные эпизоды и аспекты деятельности нежинских ученых, объединенных в 1920-х гг. участием в работе указанной кафедры, исследованы в работах С.Ю. Зозули [детальнее библиографию см.: 32].

Однако, ни в указанных исследованиях определенных аспектов деятельности нежинского научно-исследовательского учреждения 1920-х гг., ни в обобщающих работах относительно деятельности как отдельных учреждений, так и в целом системы научно-исследовательских учреждений системы Укрглавпрофобра причины и предпосылки создания упомянутой кафедры в Нежине до сих пор не исследовались. Также в контексте создания данного научно-исследовательского учреждения в Нежине в историографии еще не анализировался сложившийся в начале 1920-х гг. в Нежине штат научных кадров, наличие которого сделало возможным создание и дальнейшее существование упомянутого учреждения. Также подробно не изучался механизм подготовки и собственно создания кафедры, не анализировались особенности этого процесса, роль в нем местных и общегосударственных факторов. Именно исходя из понимания этого и осуществлено дальнейшее изложение материала в данном исследовании.

Начало формирования в УССР системы научно-исследовательских учреждений непосредственно связано с реформированием системы высшего образования в советской Украине в начале 1920-х гг. [32, л. 1]. Дореволюционные университеты и приравненные к ним в статусе учебные заведения рассматривались советской властью как «рассадники буржуазных идей» [32, л. 19], где научная работа не согласовывалась с учебным процессом, была целиком неконтролируемой, поскольку осуществлялась профессорами по своему усмотрению [32, л. 2]. Новая система высшего образования должна была оставить вузам только образовательную функцию: подготовку специалистов в различных отраслях соответствующей квалификации для народного хозяйства, а также учителей средних школ и техникумов [32, л. 20]. Решение же научных проблем и подготовка кадров для высшей школы были возложены на создаваемые научно-исследовательские институты (далее – НИИ) и научно-исследовательские кафедры (далее – НДК).

Одновременно с унифицированным преобразованием всех высших учебных заведений УССР в институты народного образования (далее – ИНО), начали возникать и первые НИИ и НДК. Так, во второй половине 1921 г. в Харькове таковых было создано 38; в других городах советской Украины велась подготовительная работа по созданию таких учреждений. Всего в следующем 1922 г. планировалось довести количество научно-исследовательских учреждений в УССР до 100, из которых одна НДК должна была появиться в Нежине [23, с. 119].

Однако, считать инициативу организационного оформления профессиональной научной работы в Нежине в начале 1920-х гг. исходящей исключительно со стороны руководящих советских органов не совсем корректно. Многолетний процесс реорганизации Историко-филологического института князя Безбородка в Нежине (далее – ИФИН), сменив несколько вариаций, в середине 1920 г. закончился созданием Нежинского научно-педагогического института (далее – ННПИ) [17, с. 32]. Согласно уставу вновь созданного института отныне здесь должны были готовить специалистов для различных отраслей народного хозяйства, в т.ч. и для научной работы, а каждый из 4-х факультетов – гуманитарный, физико-математический, естественный и педагогический – должен был решать также отдельные научные задачи [30, л. 291]. Кроме того, по инициативе директора ННПИ проф. П.В. Тихомирова была создана специальная комиссия по учреждению при нежинском институте Научной академии, которая должна была объединить преподавателей, ведущих активные научные изыски, и обеспечить подготовку молодых научных кадров (правда, «в ближайшее время только по разряду гуманитарных наук» [30, л. 259]). К сожалению, эта идея осталась нереализованной из-за непризнания существования самого ННПИ со стороны НКП УССР. В конце 1920/1921 учебного года вопрос об организации научной работы в ННПИ снова приобрел актуальность. На заседании Совета Института 21 мая 1921 г. проф. В.И. Резанов предложил создать при институте Акаде-

мио теоретических знаний, отметив целесообразность разработки ее устава только после «выяснения положения истории и филологии в плане предметов преподавания в высшей школе» [7, л. 21 об.]. Выяснить эти вопросы поручили проф. П.В. Тихомирову, проф. В.П. Новодворскому и В.Р. Фохту, которые должны были отчитываться в Харькове о работе Института. Вместо этого из Харькова они привезли известие о ликвидации ННПИ и организации на его основе Нежинского института народного образования (далее – НИНО) [7, л. 24 об.].

Фактическое понижение статуса учебного заведения в Нежине и лишение его права на научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу вызвало вполне понятное недовольство среди преподавателей вновь созданного НИНО. Так, на заседании Совета Института в июне 1921 г. один из преподавателей – С.М. Никонов – констатировал, что приравненное в дореволюционное время по статусу к университету высшее учебное заведение в Нежине отныне без научных функций становилось, разве что, немного выше учительской семинарии; в институте же нужно «не только практическое, но и теоретическое образование» [7, л. 25]. Такое положение дел объясняет энтузиазм, с которым встретили в НИНО предложение Отдела подготовки работников образования НКП СССР от 6 июня 1921 г. о предоставлении мотивации относительно ведения научной работы в Нежине [31, л. 2]. Тогда же со стороны Укрглавпрофобра поступило предложение создать в Нежине отдельную НДК [10, л. 1].

В течение лета 1921 г. состоялось 5 совещаний профессоров НИНО, на которых детально обсуждались возможные пути организационного оформления научных штудий в Нежине [31, л. 2]. В результате этого на последнем из указанных совещаний 22 августа 1921 г. были окончательно утверждены предложения к Укрглавпрофобру по созданию в Нежине на базе местного института Ассоциации научно-исследовательских кафедр в составе трех НДК во главе с тогдашним ректором НИНО проф. П.В. Тихомировым [31, л. 2 об.].

Мотивацией к созданию НДК античной культуры, кроме апеллирования к сложившейся местной исследовательской традиции, стало также понимание актуальности исследования античной тематики в современной мировой науке еще со времени Великой французской революции и важности знания классических языков для развития науки, общества и т.д. [31, л. 3]. Задекларированные направления будущих исследований по римской словесности и истории древнего мира, истории философии, греческой словесности и византийской истории, базировались как на достаточной источниковой базе (фондах Фундаментальной библиотеки бывшего ИФИН, почти полностью укомплектованных тематической научной периодикой дореволюционного времени), так и на имеющихся интеллектуальных силах – каждое из направлений должен был возглавить опытный специалист – профессор И.И. Семенов, П.В. Тихомиров, И.Г. Турцевич [31, л. 3].

Исследование проблем истории Украины преподавателями ИФИН и ННПИ, превратившееся в течение 1910-х гг. в отдельное научное направление, дифференцировавшись от исследований «отечественной» истории [19, с. 12] (в общеимперском понимании этого термина), сделали возможным прогнозирование создания в пределах упомянутой Ассоциации НДК отдельной научно-исследовательской кафедры украинской истории с направлениями исследований: история Украины; древнерусская история и археология; российская и украинская история нового времени, – персонально закрепленными за профессорами Г.А. Максимовичем, В.Г. Лякоронским и М.Н. Бережковым [31, л. 3 зв.]. Кроме имеющихся интеллектуальных сил – преподавателей-ученых, перспективной студенческой молодежи – необходимость создания этой НДК мотивировалась богатой историографической и источниковой базой: имеющимися книжными и рукописными фондами той же Фундаментальной библиотеки ИФИН, материалами архивов Нежина, Чернигова, Киева и т.д. [31, л. 4].

Отдельно должна была появиться НДК русско-украинской филологии, вобрав в себя богатые, более, чем сорокалетние традиции славистических штудий профессуры ИФИН [24, с. 108–130]. Будущие филологические исследования этой кафедры должны были опираться на исследования ведущих нежинских профессоров-филологов: по истории русской и западной литературы проф. В.И. Резанова, а также по русскому и украинскому языкознанию, украинской литературе, церковнославянскому языку проф. А.С. Грузинского [31, л. 4]. Учитывалось и наличие мощного кадрового резерва – нескольких преподавателей, активно занимавшихся научной работой и более десяти способных выпускников ИФИН, ННПИ и дореволюционных Нежинских высших женских курсов [31, л. 4 об.].

Однако, еще в начале июля 1921 г. НКП УССР дал понять, что утвердит в Нежине и будет финансировать только одну НДК. Решением Малой Коллегии НКП СССР от 2 июля 1921 г. Черниговскому губернскому отделу народного образования было предложено сократить один или два из имеющихся в губернии трех (Черниговского, Нежинского и Глуховского) ИНО, параллельно рассмотрев возможность образования одной НДК [7, л. 24 об.]. Этим объясняется решение Бюро НИНО от 8 сентября 1921 г. ходатайствовать перед Укрглавпрофобром о создании единой НДК при Институте, но в составе трех секций, которые отвечали бы направлениям деятельности отдельных научно-исследовательских кафедр предполагаемой ранее Ассоциации [8, л. 2].

Осенью 1921 г. процесс создания НДК в Нежине несколько затормозился. НКП УССР медлил с ее утверждением, решая более неотложные дела – в его структуре происходила ротация подразделений, в частности, в состоянии утверждения находился вновь созданный Научный Комитет Укрглавпрофобра (далее – НК), в подчинении которого отныне должны были находиться все создаваемые научно-исследовательские учреждения советской Украины [15, с. 106–107]. Правда, руководство НИНО – а также отдельные его профессора – делали спорадические попытки «продвинуть» дело. Так, в конце 1921 г. ректор Института проф. П.В. Тихомиров после поездки по делам в Харьков докладывал на заседании Бюро НИНО, что дело с образованием НДК находится на рассмотрении Укрглавпрофобра, а также об обсуждении с председателем НК С.Ю. Семковским кандидатур на

руководящие должности будущей кафедры в Нежине [9, л. 2]. Очевидно, определенные вопросы относительно создания НДК в Нежине в академических кругах Киева обсуждал проф. В.Г. Ляскоронский, куда – по его словам – он был командирован в середине июня 1921 г. «для переговоров о создании научно-исследовательской кафедры и вербовки на эту кафедру специалистов по древней истории и филологии» [12, л. 2]. Но информацию о том, действительно ли такие переговоры происходили пока проверить не удалось.

В начале 1922 г. профессором НИНО А.С. Грузинским была составлена для НК докладная записка «Научная жизнь в Нежине», в целом идентичная составленной полугодом ранее проф. В.И. Резановым мотивации относительно создания в Нежине уже упоминаемой Ассоциации научно-исследовательских кафедр. Однако, данный новый документ апеллировал к созданию в Нежине единой НДК истории культуры [31, л. 29–30]. Автор данной записки также был основным докладчиком на заседании НК 27 января 1922 г., где было принято решение о создании в Нежине отдельной НДК; определено ее название, утверждены структура и предварительное штатное расписание [31, л. 26]. Так, в представлении в Укрглоавпрофобр руководителем кафедры предлагалось утвердить проф. П.В. Тихомирова, руководителями секций профессоров В.И. Резанова, В.Г. Ляскоронского и П.В. Тихомирова; действительными членами профессоров М.Н. Бережкова, А.С. Грузинского, Г.А. Максимовича, И.И. Семенова, И.Г. Турцевича; научными сотрудниками преподавателей НИНО Н.К. Вольнского, В.А. Заболоцкого и К.Л. Неверова; единственным аспирантом с момента создания кафедры должен был стать В.А. Михальский [11, л. 6]. На этом же заседании НК А.С. Грузинский предлагал создать в составе кафедры четвертую секцию – педагогическую. Но из-за отсутствия документально оформленной мотивации относительно ее создания столичные научно-образовательные функционеры это предложение нежинского ученого отклонили [11, л. 6].

Точкой в процессе образования НДК в Нежине стало утверждение решения НК на заседании Малой Коллегии Укрглавпрофюора 17 февраля 1922 г. Докладчиком этот раз был руководитель НК С.Ю. Семковский, и по его представлению собрание постановило «науково-дослідчу кафедру історії культури та мови в Ніжині затвердити з 1.ІІ. у складі 3-х секцій, скоротивши її особовий склад до одного завідувача та одного дійсного члена на кожну секцію» [11, л. 2].

Таким образом, после почти двухлетней подготовки, оживленного обсуждения форм и содержания будущей научно-исследовательской работы, а также опираясь на огромный опыт такой работы в стенах нежинского высшего учебного заведения, с 1 февраля 1922 г. Нежинская научно-исследовательская кафедра истории культуры и языка официально начала свое существование, превратившись в течении последующего десятилетия десятилетие в центр профессиональных и любительских (краеведческих) научных исследований на территории Южной Черниговщины и Северной Полтавщины – Нежинского, Конотопского, Борзнянского, Роменского и Прилуцкого округов УССР.

В целом, можно смело констатировать, что научно-исследовательская кафедра в Нежине стала первым профессиональным научно-исследовательским учреждением советского периода на территории Левобережной Украины, которое фактически заложило фундамент современного развития научных исследований в рассматриваемом регионе.

The study examined the process of creating in Nizhyn in the early 1920s the one of the first in the Soviet Ukraine professional research institution – Nizhyn Research Department of History of Culture and Language. The are isolated and analyzed the components of this process: the causes and background, stages, local scientific potential; defined personalities involved in the emergence of the scientific establishment.

Key words: *historiography, the system of scientific research institutions, Nizhyn Research Department of the History of Culture and Language, Nizhyn Higher School.*

Список литературы

1. Богдашина О.М. Головні напрямки науково-організаційної та громадсько-політичної діяльності Харківської науково-дослідницької кафедри історії української культури ім. Д.І. Багалія (1921–1934 рр.) // 36. наук. пр. викладачів та аспірантів іст. ф-ту / Харк. держ. пед. ін-т ім. Г.С. Сковороди. Вип. 1. X., 1993. С. 76–88.
2. Богдашина О.М. Діяльність Харківської науково-дослідницької кафедри історії української культури імені академіка Д.І. Багалія (1921–1934 рр.). X.: ХДПІ, 1994. 195 с.
3. Бойко В.М., Бойко О.Д. Досвід та уроки діяльності Ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури та мови по здійсненню політики українізації // Література і культура Полісся. Вип. 4. Ніжин, 1994. С. 47–52.
4. Бойко О.Д. Дослідницька кафедра Ніжинського інституту народної освіти // Сіверянський літопис. 1998. № 5. С. 120–127.
5. Бойко О.Д. Ніжинська науково-дослідна кафедра історії, культури та мови в історичному контексті // Література і культура Полісся. Вип. 4. Ніжин, 1994. С. 38–46.
6. Верба І.В., Самофалов М.О. Історик Кость Штеппа: людина, вчений, педагог. К.: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2010. 195 с.
7. Государственный архив Черниговской области, ф. Р-6121, оп. 1, д. 11, 32 л.
8. Государственный архив Черниговской области, ф. Р-6121, оп. 1, д. 13, 104 л.
9. Государственный архив Черниговской области, ф. Р-6121, оп. 1, д. 276, 2 л.
10. Государственный архив Черниговской области, ф. Р-6121, оп. 1, д. 279, 25 л.

11. Государственный архив Черниговской области, ф. Р-6121, оп. 1, д. 281, 311 л.
12. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, ф. 90, ед. хр. 2, 12 л.
13. Коваленко О., Острянюк А. Розгром Ніжинської історичної школи // Спеціальні історичні дослідження і України: Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А. Смоляка; Ін-т історії України НАН України. Вип. 10. Ч. 2. К., 2000. С. 341–351.
14. Комаренко Н.В. Утворення та діяльність історичних кафедр на Україні в 20-х роках // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Вип. 4. К., 1971. С. 33–48.
15. Научный Комитет Укрглавпрофобра // Наука на Украине. 1922. №1. С. 106–107.
16. Острянюк А. Ніжинська історична школа в українській історіографії кінця XIX – першої третини XX ст. // Література та культура Полісся. Вип. 18. Ніжин, 2002. С. 75–82.
17. Острянюк А. Ніжинська історична школа: доба розквіту (20-і – початок 30-х рр. XX ст.) // Сіверянський літопис. 2000. № 5. С. 31–38.
18. Острянюк А. Ніжинська науково-дослідна кафедра історії культури і мови: нові джерела чи історія по-новому? // Література і культура Полісся. Вип. 21. Ніжин, 2003. С. 110–112.
19. Острянюк А.М. Ніжинська історична школа: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 / НАН України, Ін-т укр. археол. та джерелознав. ім. М.С. Грушевського. К., 2001. 17 с.
20. Павленко Л.А. Науково-педагогічна та громадська діяльність Євгена Рихліла: автореф. дис. ... канд. істор. наук: 07.00.01 / Чернігов. Нац. пед. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. Чернігів, 2008. 18 с.
21. Падун С.П. З історії розвитку науково-дослідної кафедри українознавства при Катеринославському (Дніпропетровському з 1926 р.) інституті народної освіти (1921–1930 рр.) // Історична наука: проблеми розвитку: Матеріали Міжнародної наукової конференції (17–18 травня 2002 р.). Секція «Новітня історія України». Луганськ, 2002. С. 87–91.
22. Принь О.В. Наукове товариство на Донеччині: міфи та реалії XX століття // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 24. К., 2013. С. 214–221.
23. Розкладка науково-дослідницьких кафедр УРСР // Наука на Украине. 1922. № 1. С. 119.
24. Самойленко Г.В. Нежинская филологическая школа. 1820–1990. Нежин, 1993. С. 108–130.
25. Семковский С. Задачи научно-исследовательских кафедр // Наука на Украине. 1922. № 1. С. 7–8.
26. Ткаченко В.В. Краєзнавча діяльність ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури та мови у 20-х рр. // Література та культура Полісся. Вип. 1. Чернігів, 1990. С. 103–104.
27. Ткаченко В.В. Проблеми історії України в дослідженнях Ніжинської науково-дослідної кафедри історії культури та мови (20-ті рр.) // Історія України: Дослідження та інтерпретації: Тези VI республіканських суспільно-політичних читань. К., 1991. С. 104–105.
28. Ульяновський В.І. Київська науково-дослідна кафедра історії України академіка М.П. Василенка: Нові матеріали // Україніста: Архівні студії. Вип. 1. К., 1997. С. 5–54.
29. Центр пам'яткознавства (1991–2010): Бібліогр. покаж. / гол. ред. О.М. Титова, упор.: Титова О.М., Колосок Б.В., Бичковська Г.М.; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. Ніжин: Вид-во НДУ імені Миколи Гоголя, 2011. С. 50–55.
30. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. Р-166, оп. 1, ед. хр. 826, 326 л.
31. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. Р-166, оп. 2, ед. хр. 464, 269 л.
32. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. Р-166, оп. 3, ед. хр. 405, 461 л.
33. Шевченко А.Ю. М.Н. Петровський та його внесок в українську історичну науку 20-х – початку 50-х рр. XX століття: автореф. дис. ... канд. істор. наук: 07.00.06 / Дніпропетр. нац. ун-т. Дніпропетровськ, 2003. 18 с.
34. Юркова О. Діяльність науково-дослідницької кафедри історії України М.С. Грушевського (1924–1930). К.: Інститут історії України НАН України, 1999. 433 с.

Об авторе

Зозуля С.Ю. – старший науковий співробітник Центру пам'яткознавства (Україна, Нежин), *petryuk2@ukr.net*

УДК 956.91

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ ГОРОДОВ СИРИИ В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД

К.О. Зверева

В статье подробно рассматривается внутренняя торговля Сирийских городов – Дамаска, Халеба, Хомса, Александретты. Основные товары потребления и торгово-ремесленные товарищества, так же не остались в стороне. Большой интерес представляют торговые отношения с бедуинами. Делается вывод о том, что внутренняя торговля Сирии в османский период носила локальный характер: каждый крупный город выступал не только центром ремесла, но и торговли.

Ключевые слова: таифа, цех, базар, купец, Дамаск, Халеб.

Вплоть до XVII в. Восток значительно опережал Запад по уровню экономического и культурного развития. Основным показателем преимущества Востока над Западом была торговля, искусству которой Запад обучался у Востока. Торговля и торговцы несли с собой не только новые товары, они являлись главным фактором взаимодействия цивилизаций, одним из основных направлений формирования современной цивилизации. Международные торговые обмены являлись и являются поныне двигателем развития экономики. Именно поэтому торговля и торговцы Востока и стали объектом исследования.

В XI–XVII вв. активная торговая деятельность европейских купцов способствовала выдвиганию тех городов, которым суждено было стать связывающими звеньями между Западом и Востоком в международной левантской торговле. Такими городами были Дамаск и особенно Халеб. Халеб уже в XI–XII вв. был крупным торговым городом и столицей княжества-эмирага. Симеон Лехази так писал о нём: «В нем есть торговые люди из Индии и купцы из всех мест, и какие только пожелаешь шелка, там найдешь» [11]. Халеб в это время стал основным рынком для всего Ближнего Востока. Своей оживленной торговлей и ремеслом, благоустроенными рынками, многочисленностью горожан и приезжих торговцев этот город вызывал чувство восхищения. Французский консул Луи Д'Арвэ в 1683 г. описывал Халеб как «самый большой, красивый и богатый город во всей империи (Османской – К.З.) после Каира и Константинополя». Оказавшись на перекрестке мировых торговых путей, Халеб изначально возник как торговый центр реэкспортной торговли [9, с. 63–68].

Рынки Халеба «широкие и вместительные, ... они включают в себя все виды городских ремесел. Все они имеют деревянные крыши, ... Каждый из этих рынков привлекает взоры своей красотой и повергает путешественника в изумление. Каждый ряд лавок примыкает к единому складу, в который вставлены деревянные навесы удивительной резьбы. Когда они открываются, то делаются видны лавки самого прекрасного вида» [3].

Каждый ремесленник стремился открыть свою лавку-мастерскую ближе к оживленным местам торговли. Когда число лавок на базарах росло – это вызывало разного рода проблемы, особенно территориальные. Поэтому мастера придерживались своего профессионального ряда. Названия каждому ряду давались в соответствии с ремеслом. Например «Сук аль-Бзурия» (зерновой рынок), «Сук аль-Абазин» (рынок тазов) и т.п. Внутри каждого из рядов устанавливалась четкая иерархия, законы которой для всех ремесленников были обязательны [13, с. 103].

В городах в качестве основной организационной формы выступало торгово-ремесленное товарищество «таифа» (община или цех, гольдия). Понятие таифа является довольно широким, охватывает не только торгово-ремесленные товарищества, но и сельские общины. В XVI–XVII вв. торгово-ремесленные товарищества имели довольно единообразную структуру, которая определялась цеховым уставом.

Торгово-ремесленное товарищество обладало монополией каждое в сфере своей деятельности. Для каждого цеха устанавливалось точное количество лавок и мастерских. Все они обязаны были работать в строго установленных местах. Каждый цех производил только определенные виды товаров и услуг, обслуживал жителей только своего района. Например, в Халебе было четыре товарищества мясников, по одному на каждый округ [4, с. 187–199]. Деятельность ремесленных цехов в городах империи была тщательно регламентирована. Регламентация касалась всех ступеней производства, а также процесса реализации готовой продукции. Вмешательство государства в жизнь ремесленников было настолько тщательным, насколько это было возможно. Об этом свидетельствует тот факт, что центральные власти определяли даже размеры кусков ткани [7, с. 103].

Открытие Суэцкого канала в 1869 г., а затем и Хиджазской железной дороги в 1908 г. ускорило перемещение товарных потоков в обход Халеба. Торговле города был нанесён ущерб. Оживление реэкспортной торговли началось с развитием речного судоходства по Евфрату. Грузы от Басры – крупнейшего порта Персидского залива по Шагт эль-Арабу и Тигру стали доставляться до Багдада. Отсюда они перебрасывались гужевым транспортом на Евфрат и на мелких судах поднимались вверх вплоть до Джарабулуса, откуда караванами доставлялись в Халеб. Такой маршрут сокращал время доставки товаров, но значительно уступал по объемам. Поэтому полностью возродить прежнюю роль торговли Халеба так и не удалось [9, с. 66].

Между тем Халеб не был единственным крупным коммерческим центром империи; можно назвать несколько подобных городов; таких как Дамаск, Багдад, Каир, Измир, Салоники. Значительно большим был объем торговых операций в Стамбуле [6, с. 52].

Важным торговым центром был и Дамаск, который, как на это указывает еврейский паломник Моше из Бассола, превосходил даже Венецию. Однако Дамаск несколько отставал от Халеба уже в первой четверти XVI

в. своей торговой активностью. По сведениям Симеона Лехаца (начало XVII в.), Дамаск был богатым и благоустроенным городом. На рынках этого города Симеон видел «разнообразные шелковые ткани, тафту, узорчатые ткани, ... , атлас, вязаные пояса, ... , тонкое полотно и другие невиданные вещи, названия и цены которых знают только купцы; оттуда вывозят также много шелка» [11].

Дамаск был крупным торговым центром всего Ближнего Востока с Индией и Египтом. Громадные караваны верблюдов тянулись в Дамаск со всех сторон: его многочисленные постоянные дворы, где купцы складывали свои товары и даже торговали, были постоянно наполнены товарами и вьючными животными. Сюда со всех концов света ежедневно съезжались мусульмане-паломники. Это давало городу возможность расширять свои рынки [5]. Роль Дамаска в торговле состоит скорее в том, что там накапливаются товары, приобретаемые у бейрутских импортеров, и оттуда передаются дальше к потребителям [10, с. 230-232].

В Дамаске есть два главных базара: «Сук-Тауил» (длинный базар) сохранил все черты древнего Востока, другой – «Сук-аль-Хамидийе» (базар Хамидийе), уже к середине XIX в. принарядился по европейскому образцу, но также сохранил восточный колорит [8, с. 76].

В промышленном центре Сирии г.Хомсе также имеются древние рынки, наиболее привлекательным из них является шелковый базар [8, с. 83].

В городе Хаме расположенном на реке Оронт в 47 км к северу от Хомса рынки верхнего города более значительны и красивы, чем нижнего, и там можно найти все ремесла и все товары. Они прекрасно расположены в совершенном порядке и удобстве [3].

Порт Александретта служил морскими врагами Халеба. Между этими двумя городами постоянно существовала и наземная и воздушная связь (почтовые голуби). Между портом и Халебом постоянно передвигались торговые караваны. Конкуренция была настолько жестокой, что часто караван, доставлявший в Александретту товары из Халеба, тут же отправлялся обратно с полученным товаром [9, с. 65].

На еженедельных базарах, размещавшихся в городах и крупных селах, концентрировалась торговля между горожанами и жителями деревень, бедуинами и оседлым населением. Пятничные базары в XIX в. были уже установившейся традицией для большинства районов империи.

Большую роль в хозяйственной жизни, вместе с базарами, играла ярмарочная торговля. Первоначально ярмарки обслуживали главным образом внутреннюю торговлю. Специфика ярмарок заключалась в том, что они получили наибольшее развитие в тех районах, где уровень сосредоточения населения и экономической жизни был низок. Как только города и связанная с ними торговля вырастали до определенных размеров, крупные торговцы оседали в них. Они предпочитали поддерживать контакты со своими торговыми партнерами в других городах не лично, а через своих агентов или профессиональных посредников. В этом смысле ярмарки хорошо сочетались с караванной торговлей. Так как участники караванной торговли располагали незначительными возможностями складирования своих товаров, ограниченной информацией относительно ситуации на рынках и малым запасом времени, которое они могли провести на одном месте.

Самой большой была ярмарка, устраивавшаяся в период паломничества в Мекку. Как говорит итальянский путешественник Лудовико ди Вартема, который в 1503 г. пустился в путь в Мекку с караваном, туда отправлялись «частью... ради торговли, а частью ради паломничества» [1, с. 115].

Особенностью постоянно действующих ярмарок Османской империи было то, что их патронировали вакуфные учреждения. Как правило, земля, на которой устраивались крупные ярмарки, находилась в собственности религиозных учреждений, что способствовало развитию их торгового потенциала, благодаря гарантии большей безопасности от произвола местных властей, а также строительству вакуфными смотрителями различных рыночных помещений, складов, постоянных дворов, колодцев, бань и столовых.

В XVI в. ярмарки служили главным образом развитию экономических связей внутри Османской империи, но в XVIII в. ситуация заметно меняется. Крупнейшие ярмарки фактически трансформировались в «механизм распределения импортируемых европейских товаров» [6, с. 49-50].

Большой интерес представляют торговые отношения городов с бедуинами. Центрами этой торговли являлись города, расположенные на границах пустынь и предпустынных зон с зонами оседлого земледелия. Таковыми в Леванте выступали Халеб, Хомс, Хама и Дамаск, в меньшей степени также в ней участвовали Зале, Тивериада, Сафед, Эль-Халиль. Бедуины, как правило, доставляли на рынок продукты животноводства: живой скот (верблюдов, овец, коз, лошадей), шерсть, шкуры, масло, также кисломолочные продукты, яйца диких птиц. За это они получали хлеб, чай, кофе, сахар, табак, другие колониальные товары, огнестрельное оружие и припасы, ткани и другие изделия.

Торговля оседлой зоны с пустынной производилась по заведенному в каждой провинции порядку. Как правило, отдельные бедуинские шейхи или семейные кланы бедуинов устанавливали отношения с определенным купцом в Халебе, Хомсе или Дамаске. Бедуины приводили к этому купцу животных и другие продукты и брали в обмен необходимые им предметы. Но существовал и свободный рыночный обмен. В базарные дни бедуины прибывали в город и сами искали наилучшие условия торговой сделки. Часто купцы, занимающиеся продажей скота, сами отправлялись к бедуинам в пустыню, и там совершали сделки [10, с. 235-236].

Внутренняя торговля в Сирии вплоть до середины XX в. имела гораздо меньшее значение и меньшие размеры, чем в других странах, потому что большинство населения удовлетворяло большую часть своих потребностей изделиями собственного производства. Как правило, оно обращалось к торговцу только за самым необходи-

мым - одеждой, табаком, чаем, сахаром, рисом, кофе, солью. Но эти потребности были столь малы, что один единственный торговец, с маленькой лавочкой, мог снабжать целую деревню, иногда даже несколько деревень всем необходимым. Внутренняя торговля более значимого масштаба имела место только в городах. Городское население получало часть необходимых ему продуктов, в особенности овощи, фрукты, птицу, яйца, дрова, молочные продукты непосредственно от окрестных крестьян, которые приходят с этими продуктами в город [10, с. 235-236].

Вплоть до начала XX в. в сирийских городах не существовало различия между крупной и мелкой торговлей. Были торговцы, которые в одно и то же время продавали крупные партии экспортерам, а в своих лавках вели торговлю в розницу. Крупные производители продукции очень часто сами вступали в непосредственные отношения с купцами. Например, еврейские и немецкие владельцы апельсиновых плантаций и еврейские возделыватели миндаля у Яффы, были объединены в торговые синдикаты и через них сбывали свои продукты на внутренний и внешний рынок [10, с. 235-236].

Наряду с местными купцами, в XVIII – XIX в. На рынках сирийских городов нарастала активность иностранных торговцев, получавших от османских властей через консулов своих держав ряд привилегий. Как писал путешественник, оставшийся неизвестным: «Все иностранцы в Турции свободнее вольных птиц в поднебесье, а потому вся торговля Сирии, как внешняя, так и внутренняя, находится в их руках. Немногие из местных жителей под именем поверенных принимают участие в их обширных торговых делах; еще меньшее число туземцев, состоящих под покровительством иностранных консульств, пускают свои капиталы в отдельные обороты; и те и другие трудятся с успехом, потому что находятся вне притеснений; иностранец может все, а туземец – ничего; христиане и мусульмане равно не могут считать своё нажитое имущество неотъемлемою собственностью» [12].

Существенной помехой развитию торговли была религиозная рознь между различными конфессиями, между многочисленными религиозными сектами, а также междоусобная борьба среди феодалов. Накапливаемые отдельными семейными кланами крупные средства инвестировались либо в приобретение земли, либо в торговлю. Другого более выгодного применения национальный капитал в Сирии не находил, поскольку промышленное производство занимало узкую сферу в экономике страны и требовало новых, современных знаний, было связано с дополнительными рисками. Несмотря на то, что иностранные торговцы сужали поле деятельности для местного купечества, но их деятельность имела одну положительную черту. Они учили местное купечество ставить коммерческую выгоду выше религиозных и этнических предрассудков, преодолевать религиозную косность и сближать Запад с Востоком.

Таким образом именно торгово-купеческие слои Леванта формировали светскую надэтническую и надконфессиональную идеологию Левантийского единства. Уже к концу XIX в. торгово-экономическая конкуренция между иудейской, мусульманской и христианской общинами уступила место разделению сфер экономической деятельности и установлению отношений политического и экономического партнерства между семейными кланами. Показателями их богатства, и в начале XX в., оставалась собственность на землю и недвижимость в городах [2, с. 15].

Растущая зависимость Сирии от мирового рынка вела к расширению экспортно-импортных операций и образованию слоя торговой буржуазии. Сирийское купечество к концу XIX в. стало значительной, финансовой силой в стране. Однако существовавшая в стране система высоких пошлин, отсутствие удобных дорог, средств связи и единых мер веса и длины, трудности в получении дешевого кредита, обращение неполноценной монеты, отсутствие безопасности личности и имущества – все это затрудняло ведение торговых дел.

Анализ внутренней торговли Сирии в османский период показывает, что вплоть до начала XX в. она носила локальный характер. Разумеется, внутренние торговые обмены существовали, но в силу неразвитости коммуникаций, и прежде всего дорожной сети, вплоть до конца XIX в. единый национальный рынок в османской Сирии отсутствовал. Каждый город, выступавший центром ремесла и торговли, в своих внешних торговых связях был в большей мере ориентирован на рынки, лежащие за пределами Сирии, в том числе и европейские. Ярмарочная торговля имела спорадический характер, крупные ярмарки устраивались за пределами Сирии.

Во внутренней торговле Сирии конца XIX в. сохранились рудименты феодальных порядков, сохранявшихся в обществе, в том числе феодального способа производства в экономике, традиционных морали и этики в общественных отношениях, внутренней расколотости общества Сирии на этнические, конфессиональные и родоплеменные группы. Развитие торговли сдерживалось низкой покупательной способностью населения, его основной массы - крестьян (феллахов), лишь спорадической включенностью в торговые обмены жителей пустынь. Городская торговля, достигнув определенного уровня, в конце XIX в. развивалась медленно. Одной из причин её замедления был отток в эмиграцию огромной массы городского христианского населения Сирии, наиболее образованного, открытого внешнему миру покидавшего Османскую империю в поисках лучшей жизни.

The article is in detail considered domestic trade of the Syrian cities – Damascus, Haleb, Homs, Alexandretta. The main goods of consumption and trading and craft associations is don't stand aside. The main interest is represented by trade relations with bedouins. The conclusion that domestic trade of Syria during the Turkish period had local character is drawn: each large city acted not only the craft center, but also trade.

Key words: *community, market, merchant, Damascus, Haleb.*

Список литературы

1. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 2. М.: Прогресс, 1986.
2. Зеленев Е.И. Османизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии второй половины XIX – начала XX веков: Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1990.
3. Ибн Джубайр. Путешествие [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Jubeir/frameset5.htm>.
4. Иванов Н.А. Арабо-османский цех в XVI – XVII вв. // Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. 1990.
5. Кондурушкин В. Дамаск [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XX/1900-1920/Konduruskin/text2.htm>
6. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.
7. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. (Исторические очерки). М.: Наука, 1990.
8. Прошин Н.И. Сирия. М.: Мысль, 1979.
9. Ранчинский В.П. Хaleb в конце XIX - начале XX вв.: от экономического автономизма к объединению с Сирией. // Вестник Брянского государственного университета. 2006. № 2.
10. Руппин А. Современная Сирия и Палестина / пер. с немец. Пг.: Кадима, 1919.
11. Симеон Лехаци. Путевые заметки [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Lechaci/pred.phtml?id=823>.
12. Ст-н Н. Путевые заметки о Сирии и Палестине (1844-1847 гг). [Электронный ресурс] // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1840-1860/St-n/frameset.htm>.
13. Темкин Г.Е. Удивительные донумы: десять рассказов о Сирии. М.: Наука, 1987.

Об авторе

Зверева К.О. – аспирант, ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», christina56@yandex.ru

УДК 930.2

«ЗАВЕРШАЮЩАЯ» КНИГА ИСТОРИКА М.Н. ТИХОМИРОВА

В.В. Ковеля

Статья посвящена истории создания одного из крупнейших трудов академика М.Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии». Особое внимание в ней отводится выявлению тех идейных веяний, которые оказали влияние на творчество историка и были воплощены в его книге. Также в статье дана оценка значимости этой работы ученого для отечественной исторической работы в целом.

Ключевые слова: история исторической науки, идейные влияния, «Россия в XVI столетии», С.Ф. Платонов, М.Н. Тихомиров.

В 1962 г. вышла в свет книга М.Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии», которую ученица и биограф ученого Е.В. Чистякова назвала «завершающей». В своей монографии автор подвел итог той многолетней работе по сбору и накоплению историко-географического материала, которую он вел долгое время. Историческая география всегда интересовала ученого, и он придавал большое значение географическим условиям как одному из факторов развития общества. В этом историк часто противоречил установленным канонам марксистской методологии, но, несмотря на них, в своих трудах старался показать влияние географической среды на историю народов России.

Подробно место и роль исторической географии в трудах Тихомирова представил в своей статье И.П. Шастольский[9]. Он проследил развитие этой темы в основных работах ученого. К этому же вопросу обращался на научной конференции «Исторический источник: Человек в пространстве» в Москве в 1997 г. С.О. Шмидт[10]. Общий анализ фундаментального в отношении этой темы труда Тихомирова «России в XVI столетии» был произведен Е.В. Чистяковой[8, с. 112-121]. Она показала тот методологический подход, который воплотил в книге автор. В нашей же статье мы обратимся к истокам интереса Тихомирова к теме исторической географии в целом, и географии России в XVI в. в частности, выявим те идейные влияния, которые действовали на историка на разных этапах его творческого пути и затем отразились в его книге.

Формирование Тихомирова как историка начиналось на историко-филологическом факультете Московского университета, и здесь же были заложены основные принципы и методы работы ученого, определялся спектр научных интересов. В университете он имел возможность слушать лекции многих талантливых ученых своего времени, в том числе крупнейшего специалиста по исторической географии М.К. Любавского. Впоследствии в воспоминаниях Тихомиров о нем писал: «Большой ученый... отличался большими знаниями, но читал невероятно скучно»[1]. В результате такой манеры чтения курс профессора пользовался малым интересом у слушающей публики. Только действительно увлеченный студент готов был посещать этот курс. Поэтому тот факт, что Тихомиров продолжал ходить на лекции профессора, даже оставшись единственным слушателем, – показателен. Представляется, что это был первый шаг в направлении к принятию идеи о значимо-

сти географического фактора в истории развития общества.

1920-е гг. дали Тихомирову возможность на практике применить те теоретические знания, которые он получил от университетских преподавателей, что укрепило его интерес к исторической географии и роли природно-географического фактора в истории. О краеведческой деятельности историка в этот период написано довольно много, поэтому здесь следует отметить только тот факт, что основной материал собирался ученым непосредственно в полевых условиях. Конечно, полученные сведения затем проверялись и дополнялись письменными свидетельствами, но идея о том, что географический фактор оказывал существенное влияние на исторический процесс, крепко засела в голове ученого и теперь была подтверждена фактическим материалом. Находясь в полевых условиях, Тихомиров стремился максимально точно зафиксировать собранные сведения, старался локализовать на местности летописные села и города, восстановить планы их застройки. Впоследствии историк считал необходимым для понимания исследуемых событий увидеть ту местность, где они разворачивались, о чем свидетельствует тот факт, что при написании своей книги «Древнерусские города» он посетил более 70-ти из упоминаемых им населенных пунктов [6].

Параллельно с полевыми исследованиями историк на протяжении ряда лет активно работал с письменными свидетельствами XVI в., среди которых особое значение он придавал писцовым книгам и сотным выпискам, разнообразному актовому материалу, хозяйственным документам, дополнительные сведения черпал из летописей, путевых записок, сказаний. Таким образом, в результате огромной исследовательской работы на протяжении нескольких десятков лет у Тихомирова собрался значительный историко-географический материал по XVI в. Для обработки этого колоссального объема информации и написания книги потребовалось 13 лет. Из воспоминаний Чистяковой известно как историк создавал свой труд: «Выписки из источников и литературы скапливались постепенно, в отдельных папках, а когда он чувствовал, что их достаточно, все работы откладывались, и начиналось оформление текста главы» [8, с. 114].

Что же побудило ученого заняться именно исторической географией XVI в.? А. М. Дубровский, бывший аспирант Чистяковой, вспоминает, что Елена Викторовна говорила, ссылаясь на слова самого Тихомирова, что книга С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуги» [4] подтолкнула историка написать собственную книгу по исторической географии XVI в.

Тихомиров весьма высоко оценил этот труд ученого, признавая за автором «большой талант, эрудицию и яркость» [7, с.4]. В большей степени историка заинтересовала первая глава этой книги «Области Московского государства», в которой Платонов дал краткий обзор тех отчасти условных административно-территориальных образований, которые сложились в Российском государстве к концу XVI в. [7, с.4]. Ввиду отсутствия книг, посвященных историческим областям, составляющим Российское государство в XVI в., необходимость этой главы была очевидна. Нужно было перед началом изложения событий Смутного времени сформировать представление у читателя, о тех территориях, которые входили в состав России, их особенностях, определивших впоследствии ту роль, которую сыграли эти регионы в период Смуги. Для Платонова было важно показать, каково было положение различных областей страны в преддверии грядущих социальных потрясений.

Историк сознательно отказался от изложения материала по общепринятой схеме административно-территориального деления XVI в.: волость – уезд. Это не соответствовало поставленной им цели, а также потребовало привлечения огромного источникового материала, что в итоге привело бы к тому, что полученный результат вышел за границы одной главы. Поэтому Платонов решил дать обзор русских городов как центров определенной округи и проводников воли центральной власти на места, сгруппировав их по 7 крупным областям (Поморье, Замосковные города, города от «немецкой украины», города от «литовской украины», города заокские, украинные и рязанские, понизовые города, «Дикое Поле»). Подобное административно-территориальное деление имело под собой конкретные основания: «Замечено было и то, что подобная административная группировка сообразовалась с естественной, житейской группировкой городов, обращая в военный или финансовый округ такой район, который имел уже единство или в историческом воспоминании или в реальных условиях жизни. Можно сказать, более: даже и тогда, когда не было нужды на деле объединять одною властью города и местности известного района, их объединяли общим названием: считали за особую часть государства все те места, которые в каком-либо отношении были обособлены историей или природою» [4, с. 7]. Особенно примечательна последняя часть цитаты, в которой Платонов приходил к выводу, что природные условия оказывали значимое влияние на исторический процесс. Более определенно об этом он сказал, когда раскрывал факторы, сформировавшие эти огромные территориальные единицы: «На пространстве от студенной тундры и горного “Камня” (Уральских гор – прим. В.К.) до богатого чернозема “дикого поля”, - нынешней средней России, - под влиянием политических причин, природных условий и хода колонизации создано несколько значительных областей, особенности которых, создаваемые московской властью, были ею положены в основание официального деления страны» [4, с. 7].

Платонов разработал следующую схему для характеристики выделенных округов:

1. естественные границы региона с привязкой их к географическим и/или этническим ориентирам,
2. его административно-территориальное устройство,
3. основные водные и сухопутные пути, имеющие значения для развития территории,
4. ключевые для экономики края города и поселения вдоль торговых путей,
5. остальные города региона, соотнося их с более крупными центрами, к которым они тяготели,

6. особенности социальной структуры городов,
7. характер господствующего землевладения (частное, государственное, монастырское).

Проанализировав этот план рассмотрения каждой области, становится очевидно, что Платонов дал природно-климатическую, территориально-административную картину края, но его социально-экономическая характеристика осталась незавершенной. Автор ограничился только краткими наблюдениями о том, что хозяйственное развитие региона во многом определялось природно-климатическими условиями. Так, в отношении Поморья он писал: «По условиям климата и почвы, пашня и покос на севере не везде были возможны и почти нигде не были исключительным видом хозяйственного труда»[4, с. 18]. Развивая эту мысль он продолжал: «Так обстоятельства создавали жителю Поморья двойственную физиономию - промышленника и земледельца, пахаря и в то же время солеvara, рыболова, зверолова и т. п. Чем далее на север, тем заметнее становился элемент промышленный; чем гуще было инородническое население, тем слабее была способность и склонность к земледелию»[4, с. 19]. Подобные замечания указывают на специфику региона, но не позволяют сделать вывод о степени развития той или иной отрасли хозяйства, господство которой определялось природными факторами.

Ученый связывал экономическое развитие региона, прежде всего, с интенсивностью торговли в нем, сосредоточением которой являлись города. Именно поэтому особое внимание он уделял торговым путям, которые пронизывали рассматриваемую область, тем самым определяя уровень развития ее основных центров. Сельская округа оказалась вне поля зрения историка.

Для создания более полной картины разнородности различных частей России накануне Смуты Платонов попытался выявить главную специфику социального состава городов этих областей, которая в ряде случаев также определялась природно-географическим или геополитическими факторами. Так, в том же Поморье не было практически служилого населения, потому как «слишком много стоило бы правительству содержание помещика и его конной дворни в стороне, где из 10 лет только 4 было урожайных и где к тому же полевая конница не была пригодна, потому что враг или приходил на ладьях по морю и рекам, как “свейские” и “каянские немцы”, или держался в лесах и топях, пустоша страну “изгоном”, как делали инородцы на востоке»[4, с. 19]. Поэтому здесь нужна хорошая крепость и «пеший стрелец или пушкарь», содержание которого обходилось дешевле, и он мог совмещать службу и промысел. Совершенно другими по своему социальному составу были замосковские города, где было множество боярских и монастырских слобод и большое разнообразие служилого люда (стрельцы, дворяне, дети боярские)[4, с. 37]. На территории «дикого поля» «хозяйничала иная среда – загадочная, хотя и очень известная среда “польских”, т.е. полевых казаков»[4, с. 76]. Эти наблюдения историка наиболее ценны, так как с одной стороны они объясняли различную степень участия этих регионов в событиях Смуты, с другой же стороны - в них автор наметил возможное дальнейшее направление исследования вопроса.

Вероятно, именно поэтому работа Платонова привлекла внимание Тихомирова, имевшего давний интерес к исторической географии. Высоко оценив идею предшественника, историк решил продолжить и существенно расширить его исследование. Тихомиров отказался от принципа территориального деления России на 7 крупных областей. Для удобства рассмотрения каждой отдельной земли он сгруппировал их по географическому принципу в 5 условно-выделенных районов: 1) Центральная Россия, 2) Поморье, 3) Западные области, 4) Южные области, 5) Нижнее Поволжье и Закамье. Ввиду прикладного значения такого выделения, общей характеристики каждого из них историк не дал. Зато во II главе книги «Территории России» Тихомиров представил общую картину складывания российских территорий в XIV-XVI вв., а также колонизации новоприобретенного Поволжья, что позволило представить процесс объединения земель Российского государства в динамике.

Тихомиров не был склонен к теоретизации исторической географии, как отрасли исторической науки, и предпочитал изложение конкретных фактов по данной теме, однако он счел необходимым поместить в свою книгу главу «Феодальное устройство России». В ней он достаточно доказательно обосновывал мысль, что в XVI в. государство по-прежнему оставалось сугубо феодальным, и говорить о каких-либо подвижках в сторону новых капиталистических отношений в это время было бы неуместным. Этот вывод, по мнению Тихомирова, был ключевым для понимания всего устройства Российского государства в XVI в., и дальнейшие главы книги без понимания этой специфики оказались бы бессмысленны. Актуальность этой темы подогревалась также острой дискуссией о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, инициированной статьей М.В. Нечкиной в журнале «Вопросы истории» в конце 1950-х[3]. Необходимо было определить временные рамки этих стадий. Сам автор явно склонялся к тому, чтобы соотнести начало «нисходящей» стадии феодализма с XVII в. Важность поставленного вопроса признали все, но вот с определением того рубежа, который разделит бы хронологически две эти стадии феодальной формации, некоторые были не согласны. Так, А.М. Сахаров в своей статье «К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России» пришел к следующему выводу: «Результаты изучения социально-экономического развития России в период позднего феодализма говорят о возникновении примерно с XVII в. многих новых явлений. Но это не дает, на наш взгляд, решительно никаких оснований для того, чтобы утверждать, что с момента зарождения новых, буржуазных связей в XVII в. феодальная система вступила в свою “нисходящую” стадию»[5, с. 106]. Были и те, кто считал, что начало этой стадии следует отнести к XV-XVI вв. Среди них можно выделить смоленского историка Д.П. Маковского и его киевского коллегу В.А. Голобуцкого. Последний в своей статье «О начале “нисходящей” стадии феодальной формации», ссылаясь на труды авторитетных советских историков С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова и ряда других, доказывал, что «высокий уровень развития ремесла и торговли», процесс складывания всероссий-

ского рынка и превращения натурального хозяйства в товарное однозначно определили началом «нисходящей» стадии феодализма XV-XVI вв.[2]. Однако в дальнейшем позицию Маковского и Голобуцкого раскритиковали. Тихомиров не принимал участия в этих спорах, но, очевидно, разделял позицию Нечкиной, а тот факт, что на него ссылался Голобуцкий, требовал от историка высказать собственное мнение. Видимо и из этих соображений в книге появилась глава о феодальном устройстве государства в XVI в., первый параграф которой был неслучайно посвящен высказываниям В.И. Ленина о Московском царстве XVI в., тем самым историк хотел идеологически укрепить свою точку зрения и обезопасить себя от критики[7, с. 33-34].

Тихомиров в этой главе показал существование в Российском государстве XVI в. нескольких видов удельных владений: принадлежащих великим князьям из московского правящего рода, владений татарских царевичей, уделов служивых князей, княжеских и боярских вотчин, церковных и монастырских земель. Более того, историк обратил внимание на то, что крестьянские и городские общины также оставались в значительной степени замкнутыми и обособленными. Так, он писал: «Крестьянская община в XVI столетии еще сохраняла многие черты древней верви Киевской Руси»[7, с. 62]. Далее он продолжал: «Крестьянский “мир” еще сохранял свою обособленность от феодала-землевладельца»[7, с. 63]. Так же и городское население не было едино, ввиду существования «обельных» слобод. Общий же вывод автора был таков: «Существование единой власти русского “самодержца” в XVI столетии не уничтожило остатков феодальной раздробленности России, где еще сохранялись княжеские уделы крупные княжеские, боярские и церковные вотчины, поместные черносошные земли, жившие на разных правах и по своим внутренним установлениям»[7, с. 34].

В последующих главах Тихомиров перешел к рассмотрению отдельных земель, уездов, наиболее значимых городов, их округ и посадов, составляющих эти огромные районы страны. При рассмотрении отдельных русских земель историк, отталкиваясь от схемы Платонова, существенно ее дополнил. В результате она приобрела следующий вид:

1. Общая характеристика края/земли:

- 1) его точные границы;
- 2) природно-географические особенности (климат, рельеф местности, водные ресурсы и т. д.);
- 3) степень освоения человеком (количество городов, сел, монастырей).

2. Хозяйственно-экономическая характеристика сельской округи:

- 1) уровень развития сельского хозяйства, промыслов;
- 2) характер господствующего землевладения;
- 3) положение крестьян в крае.

3. Социально-экономическая картина в основных городах региона:

- 1) внешний вид города (система укреплений, храмы и монастыри, административные здания, рыночная площадь, улицы);
- 2) социальный состав населения;
- 3) уровень и направленность экономического развития городского поселения.

Схема, предложенная Тихомировым, оказалась сложнее, чем у Платонова, и предполагала более полное освещение различных территорий. Ученый не ограничился рассмотрением только крупных центров (городов) края, но также дал общий обзор его территорий в целом. Историк существенно расширил хозяйственно-экономическую характеристику регионов, которая практически отсутствовала у Платонова. Тихомиров проанализировал природные условия края как фактор, способствующий или препятствующий занятию тем или иным видом хозяйственной деятельности, тем самым ему удалось показать уровень развитости различных отраслей хозяйства (земледелия, скотоводства, огородничества, различных промыслов). После обзорно-географической и хозяйственно-экономической картины края, Тихомиров переходил к рассмотрению собственно исторической географии. Он выделял те административно-территориальные единицы, которые включал рассматриваемый регион, и давал довольно подробный список тех ключевых населенных пунктов, которые его составляли, с указанием их экономической и стратегической важности. Наиболее крупные города, по истории которых сохранилось достаточно много сведений, рассматривались отдельно по выше приведенной схеме. Важно, что при выявлении социального состава населения города Тихомиров стремился показать его во всей полноте, а не только специфические особенности его социальной структуры, как у Платонова. Расширение социально-экономической составляющей в характеристике территорий было не случайно. Марксистская методология предписывала историкам особое внимание предавать уровню развития социально-экономических отношений, но, вероятно, и сам Тихомиров полагал, что без этой действительно важной составляющей характеристика различных частей страны была бы не полной. Именно поэтому Тихомиров существенно расширил количество тех параметров, по которым производил анализ исторических областей России XVI в., что позволило ему создать более глубокую и многоаспектную историко-географическую картину страны.

Из воспоминаний Чистяковой знаем, что когда этот монументальный труд вышел в свет, его автор был очень рад. В это время Тихомирову уже было 69 лет, он болел и боялся, что не успеет закончить свою многолетнюю работу, продолжавшуюся всю творческую жизнь историка.

Многие факторы повлияли на создание этой книги. Это и увлеченность ученого исторической географией, зародившаяся еще в студенческие годы после курса лекций Любавского и развившаяся в ходе полевых и архивных поисков. Это и труд Платонова, который предложил фактически план для создания работы по ис-

торической географии России XVI в. Это, возможно, и те идейные поиски которые происходили в советской исторической науке в 1940-50 гг. Тем самым, Тихомиров, опираясь на опыт своих предшественников, только отчасти затронувших эту тему, смог создать настоящую историко-географическую энциклопедию России XVI в., которая остается актуальной до сих пор.

The article is devoted to the history of one of the largest works of academician M.N. Tikhomirov "Russia in the XVI century". Particular attention is given to identifying those ideological trends that have influenced the work of the historian and put them in his book. Assessed the significance of this work scientist for the national history of work in General.

Key words: *history of historical science, ideological influence, "Russia in the XVI century", S.F. Platonov, M.N. Tikhomirov.*

Список литературы

1. Архив РАН (АРАН). Ф.693.Оп.2. Д. 40. Л. 135. Воспоминания М.Н. Тихомирова.
2. Голобуцкий В.А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории. М., 1959. № 9. С. 123-137.
3. Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. М., 1958. № 7. С. 86-108.
4. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1995.
5. Сахаров А.М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // Вопросы истории. М., 1959. № 1. С. 98-107.
6. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
7. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
8. Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893-1965). М., 1987.
9. Шастольский И.П. Историческая география в трудах М.Н. Тихомирова // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 218-224.
10. Шмидт С.О. М.Н. Тихомиров как историк-географ // Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М., 2012. С. 313-314.

Об авторе

Ковеля В.В. – Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, kovelya@yandex.ru

УДК 94 (04)«16»

СТЮАРТОВСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В АНГЛИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ КРОМВЕЛЯ

С.С. Косихина

В статье предпринимается попытка анализа роялистского движения в Англии в 1653-1658 гг., выявления присущих ему черт и особенностей, определения тенденций развития, характеристики идеологических установок его лидеров и эволюции их взглядов по мере усиления репрессивной составляющей в деятельности правительства.

Ключевые слова: *военная диктатура, Стюарты, роялисты, кавалеры, протекторат, подполье, делинквенты.*

Существование непримиримой партии приверженцев Стюартов явилось одной из причин установления режима военной диктатуры в Англии в 1653 г., а также постоянным источником политической нестабильности в последующий период. В отношении победителей-индепендентов к побежденным делинквентам в политическом курсе Кромвеля отчетливо прослеживались две тенденции. Первая из них, оформившаяся еще в республиканский период, нашла отражение в работах Марчмонта Нидхэма. Она базировалась на оценке роялистов как врагов и предателей английского народа, заслуживавших высшей меры наказания. «Когда республика рождается из пламени гражданских войн, - писал Нидхэм, - преступно не делать никаких различий между людьми и предоставлять побежденным равные права с победителями. Это не только нарушит политическое равновесие в стране, но и убьет республику, ...вергнет Англию в смуты и кровопролитие» [1, р. 57]. Нидхэм считал подавление роялистов «вооруженной рукой» единственно разумным способом борьбы с ними, подчеркивая, что в случае возвращения в Британию сына казненного короля англичанам придется расплачиваться «кошельком, поместьями и имуществом» [1, р. 21].

Противоположных взглядов придерживался Джеймс Гаррингтон – лидер республиканцев в 1656-1658 гг. Недопустимость политической дискриминации делинквентов он аргументировал следующим образом: «Республиканцы, лишаящие политических прав какую бы ни было партию, недостойны своего высокого звания. Единственный принцип, на основе которого может быть построено благоденствие республики, - справедливость». В то же время он указывал: если сторонники монархии не прекратят враждебной государству деятельности, то право и обязанность победителей – лишить их возможности участвовать в управлении [2, р. 67].

В душе Кромвель сочувствовал взглядам Гаррингтона. Им было произнесено много добрых слов о «ду-

хе примирения и выздоровления» как наиболее необходимом для процветания Англии условия. Однако, будучи трезвым политиком, он не мог принять на вооружение ни одну из предложенных теорий. Тактика правительства в отношении побежденной, но не окончательно разбитой роялистской партии определялась сложившейся политической конъюнктурой на каждом этапе борьбы, степенью активности монархистов, формами и методами их деятельности.

Основу партии сторонников Стюартов к окончанию революции по-прежнему составляла земельная аристократия и джентри, хотя уже в предыдущие годы между ними произошел раскол. Часть бывших роялистов оказалась в парламентском лагере. Политическое кредо делинквентов – реставрация дома Стюартов любой ценой – осталось неизменным [3, р. 6-7]. Во взглядах на средства достижения поставленной цели единства среди роялистов не наблюдалось.

К 1653 г. в партии выделились два крыла: так называемых «активных» и «благонамеренных». Разрыв между ними определялся более глубокими причинами, нежели расхождения в вопросах тактики. По мнению авторитетного британского специалиста Д. Андердауна, за разделением на фракции тех, кто активно участвовал в заговорах, и тех, кто ограничивался пассивным выжиданием и сочувствием, прослеживалось столкновение интересов крупных землевладельцев с интересами тех, «кто большого количества земли не имел» [3, р. 85-95, 323]. Типичный роялист-заговорщик принадлежал к числу младших сыновей аристократических фамилий или к малоземельным джентри, имевшим «чести больше, чем наследства». Им было нечего терять в случае провала. В случае успеха они рассчитывали выиграть больше всех, получив награду от благодарного короля. Для большей части участников роялистского подполья готовность подвергнуться риску была обратно пропорциональна степени их материальной обеспеченности [3, р. 76].

В партии кавалеров также существовало деление между «старыми» роялистами – участниками гражданских войн и новым пополнением, влившимся в движение в 50-х гг. XVII в. Последние привнесли в движение не только решительность, но и определенную безответственность, авантюризм, непоследовательность [4, р. 120, 161, 302].

Общее руководство подпольем номинально осуществлял Карл II, находившийся в эмиграции в Голландии. Фактически же этим занимались те или иные лица из его ближайшего окружения. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет выделить три эмигрантских роялистских центра. Основной задачей «партии Лувра», сформировавшейся вокруг королевы-матери, было достижение компромисса со всеми или любой партией парламента для восстановления монархии в возможно короткий срок [5, v. 1, р. 94, 122]. Данный курс отражал сомнения в способности роялистов добиться власти посредством вооруженного восстания. В оппозиции к «луврским оппортунистам» находилась группа «твердых» роялистов во главе с Э. Гайдом. Последний был против альянса с пресвитерианами и шотландцами, ратовал за опору на «старых» роялистов, развертывание подпольной борьбы и терпеливое ожидание событий, которые «приведут к монархии умеренных людей всех партий» [4, р. 220, 234]. Менее определенной в своих взглядах была придворная фракция «рубак» – политических авантюристов, группировавшихся вокруг принца Руперта – двоюродного брата короля. Их объединяла неприязнь к двум вышеуказанным группировкам, выражавшаяся в обструкции всему, что те выдвигали [5, v. II, р. 12, 28, 115].

Создание сети роялистских подпольных организаций в Англии завершилось в общих чертах в республиканский период. Наиболее существенный недостаток – отсутствие внутри страны руководящего центра – был устранен в 1653 г. с созданием организации «Запечатанный узел». Основные принципы деятельности центрального органа партии делинквентов и стоявшие перед ним задачи излагались в «Инструкциях», составленных Карлом II весной 1654 г. Они сводились к следующему: руководить деятельностью роялистского подполья в Англии; препятствовать реализации «бессмысленных и отчаянных попыток» и «неосуществимых предприятий»; вести подготовку к всеобщему восстанию в случаях, когда политическая обстановка обеспечивает шансы на успех [4, р. 81]. Уместно обратить внимание, что параграф 6 «Инструкций» предлагал руководителям подполья предпринимать шаги к сближению с бывшим противником. При этом ставка делалась на пресвитериан. Указанное обстоятельство не означало отказа «благонамеренных» от бескомпромиссной тактики. Оно гармонично вписывалось в рамки поставленной Э. Гайдом задачи: добиться такой политической ситуации, в которой «умеренные» если и не будут союзниками в восстании, то по крайней мере не встанут в оппозицию. Письма Гайда пестрят призывами к сторонникам короля «быть осторожными», предостерегают от всякого поспешного действия [4, р. 410, 411, 414]. Через посредство «Запечатанного узла» эмигрантский центр мог контролировать «горячие головы», удовлетворяя их желание действовать видимостью приготовления к активной борьбе. В целом же анализ работы «Узла» приводит к выводу: он не справился ни с одной из поставленных перед ним задач [3, р. 97].

Трудности работы в условиях подполья, отсутствие крепких организаций, частые аресты (в превентивном порядке) членов «Узла», их скептическое отношение к активной подпольной деятельности, внутренние распри и недоверие к эмигрантскому руководству привели к отходу от центрального органа рядовых заговорщиков и целых низовых организаций, к утрате влияния «Узла» на события. Иллюстрацией указанного процесса явился заговор под руководством полковника Джона Джерарда в мае 1654 г., непосредственная цель которого – убийство протектора и план были разработаны в тесном контакте с фракцией «рубак».

Гайд в переписке с государственным секретарем Николасом категорически отверг причастность «твердых» роялистов к авантюристической затее Джерарда. «Уверю Вас, – писал он, – что я ничего не знал ни о

каком подобном плане, что король тоже не знал ничего...» [4, p. 247].

В процессе подавления заговора правительство впервые продемонстрировало тактику, направленную на пресечение массовых роялистских акций: им были использованы агенты-provokatory, проведена «сплошная зачистка» членов партии, не принимавших участия в выступлении и даже не подозревавших о нем [5, v. II, p. 368-372]. На практике была подтверждена действенность слов Кромвеля: «Убийство – дело отвратительное, и я первый никогда не начну его; но если кто-нибудь из партии короля покусится убить меня и не успеет в этом, то я открою убийственную войну и истреблю все семейство. У меня есть орудия для исполнения моей воли, стоит мне только захотеть употребить их» [6, p. 79].

Следствием упадка влияния «Запечатанного узла» являлось создание в июле 1654 г. нового руководящего органа – «Партии действия». Как следует из названия организации, в ее состав вошли сторонники открытой вооруженной борьбы с режимом протектората. Их курс характеризовался стремлением заручиться поддержкой пресвитериан и недовольных офицеров армии [5, v. III, p. 47, 55, 185]. В этом усматривался определенный политический реализм «Партии действия». Пик активности нового руководящего органа относился к периоду, последовавшему за роспуском первого парламента протектора, когда перед ней открылась реальная перспектива союза с республиканцами, раздраженными насильственными мерами Кромвеля.

Информация о подготовке «Партией действия» в марте 1655 г. восстания, его планах, конспиративных квартирах и пр. была доведена до сведения лорда-протектора задолго до начала событий [4, p. 201, 206, 235]. Указанное обстоятельство, а также факт быстрого и успешного разгрома повстанцев позволили современникам сделать вывод, который не без основания разделяется многими историками: восстание было инспирировано лордом-протектором [3, p. 331]. Безусловно, миф о непосредственно грозящей роялистской угрозе был выгоден Кромвелю: он давал возможность оправдания – в прошлом – роспуска парламента, которому приписывалось возобновление гражданских смут, в будущем – ужесточения мер финансового и политического репрессирования.

Одно из основных обстоятельств, обусловивших низкую результативность роялистского движения, – отсутствие союзников. «Партии действия» не удалось заключить альянс с оппозиционными режиму протектората силами. Эту мысль подчеркнул Кромвель в речи на открытии парламента 17 сентября 1656 г. Протектор указал на наличие широкого фронта «недовольных», которые, хотя и не приняли непосредственного участия в восстании, сочувствовали кавалерам. К ним он отнес пресвитериан, левеллеров и милленариев. Было подчеркнуто, что вышеперечисленные партии строили планы совместных действий, намеревались свергнуть страну «в смуту и кровопролитие», однако, вследствие значительности внутренних разногласий не смогли прийти к соглашению [6, p. 81].

Неудачные попытки восстаний, организованных стюартовской оппозицией в первый период протектората, привели к изменению тактики в 1656-1658 гг. Разочарование в возможности успеха всеобщего восстания, угасание надежд на интервенцию, нарастание противоречий в среде гражданских и военных приверженцев протектората подвели «активных» членов партии кавалеров к мысли о необходимости физического устранения Кромвеля. В 1656-1658 гг. роялистами был организован ряд покушений на главу правительства [v. IV, p. 29, 76-94; v. V, p. 390-398, 412-430]. Характерно, что убийство протектора расценивалось не как самоцель, а как решающий фактор в деле вовлечения всех недовольных в восстание против режима военной диктатуры [4, p. 321]. Это дает основание заключить, что в 1656-1658 гг. вожди роялистского подполья полностью не отказались от прежней тактики – всеобщего вооруженного восстания. Достаточно вспомнить события, развернувшиеся после смерти лорда-протектора, чтобы согласиться с мнением Ч. Ферса: «Вопрос об убийстве Кромвеля обнаруживал одновременно и силу и слабость протектората. Все – и друзья, и враги видели: судьба режима во многом зависит от жизни одного человека и не имеет каких-либо иных прочных оснований» [7, p. 40]. Сходная мысль звучала в письме Генри Кромвеля государственному секретарю Дж. Терло от 30 июня 1658 г.: «Не зависит ли спокойствие страны единственно от жизни Его Высочества и преданности армии, которую он создал и которой командует? Право же, помимо перста божьего (если я что-нибудь понимаю в делах Англии), только жизнь моего отца мешает страшному кровопролитию» [5, v. VII, p. 218].

Цель правительства – ослабление партии роялистов и разгром наиболее активной ее группировки – достигалась двояким способом. С одной стороны, Кромвель стремился привлечь в число союзников представителей старой английской аристократии, делинквентов, уставших от борьбы и предпочитавших пусть незаконное, но стабильное правление кровопролитию и гражданской войне. Протектор пролонгировал акты об амнистии, принятые еще Долгим парламентом, облегчил положение католиков, пригласил для участия в работе палаты лордов крупных представителей английской знати. Характерно, что меры финансового репрессирования имели существенные последствия для менее состоятельных роялистов, из рядов которых рекрутировалось «активное» крыло партии. Исследование источников приводит к выводу: многим сторонникам Стюартов, особенно богатым, удалось избежать выплаты штрафов и 10-процентного налога, конфискации поместий путем перепродажи их друзьям и родственникам [4, p. 201, 206, 235].

С другой стороны, по отношению к роялистам, стоявшим на непримиримых позициях, широко применялись меры политической и финансовой дискриминации. Первая конституция протектората «Орудие управления» лишила делинквентов активного и пассивного избирательного права на 10 лет [8, v. II, p. 412]. Принятая тремя годами позже «Покорнейшая петиция и совет» ужесточила требования: сторонники Стюартов лишались политических прав на неопределенный срок [8, v. II, p. 716]. Исключение допускалось для тех, кто сумел доказать преданность парламента и протектору.

Пробным камнем в вопросе испытания «преданности» новому режиму являлось отношение кавалеров к политике децимаций, обязавшей всех роялистов, имевших годовой доход более 100 фт. ст., выплачивать его 1/10 часть для поддержания новой милиции [8, v. III, p. 323]. От уплаты налога освобождались собственники, представившие доказательства своего лояльного отношения к режиму. Изучение поданных ими исков и официальных ответов на них позволяет заключить: лишь незначительное количество делинквентов было признано «благонадежными» [5, v.IV, p. 208, 319, 364, 445, 608]. Большая часть кавалеров хотя и не принимала активного участия в подпольной деятельности, но и не желала мириться с господством армии, занимала выжидательную позицию.

Эффективность вышеназванных мер подкреплялась актами, призванными ограничить роялистскую деятельность. Парламентом неоднократно принимались решения по выселению делинквентов из Лондона и ограничению их права на свободу передвижения, по разоружению и запрещению мероприятий, предполагавших большие скопления народа [5, v. III, p. 624, 630, 649; v. IV, p. 337; 8, p. 611]. На кавалеров возлагалась моральная и материальная ответственность за поведение слуг [5, v. IV, p. 364]. Вводились штрафы за крамольные слова, высказывавшиеся в адрес лорда-протектора, ужесточался акт о цензуре [5, v. III, p. 247].

Комплекс экономических и политических мероприятий, направленных против роялистов, явился одной из причин низкой результативности движения сторонников реставрации Стюартов. Обращает внимание тот факт, что указанные мероприятия ослабляли партию кавалеров в политическом и финансовом отношении, но не предполагали ее полного разгрома и окончательной ликвидации. Самоочевиден вывод: в условиях катастрофического сужения социальной базы протектората, особенно в 1656-1658 гг., политические группы, победившие в революции и получившие от нее существенные материальные дивиденды, сделали ставку на ослабленную партию роялистов. Этот процесс обуславливался глубоким пониманием общности интересов незначительного, но влиятельного меньшинства крупных собственников, находившихся ранее в противоположных лагерях, обеспокоенных ростом политического радикализма в английском обществе. К нему закономерно подводила тактика «твердых» роялистов, рассчитанная на усиление противоречий протектората и его внутренний кризис. К нему же подводила и тактика правительства, ориентированная на подрыв сил партии сторонников Стюартов, ликвидацию ее активного крыла, рост разногласий в среде эмигрантского руководства. В совокупности это способствовало складыванию политических и материальных предпосылок реставрации.

The paper focuses on the analysis of the royalist movement in England in the years 1653-1658, identifying its inherent traits and characteristics, determining trends, describing leaders' ideological attitudes and the evolution of their opinions in response to the aggravation of the government's repressive actions.

Key words: *military dictatorship, Stuarts, royalists, cavaliers, protectorate, underground, delinquents.*

Список литературы

1. Nedham M. The Excellencie of a Free State; Or the Right Constitution of a Commonwealth. L., 1656. 246 p.
2. Harrington J. The Commonwealth of Oceana. L. : G. Routledge & sons, 1887. 281 p.
3. Underdown D. Royalist Conspiracy in England. 1649-1660. New Heaven : Yale univ. press, 1960. 374 p.
4. Clarendon State Papers, collected by Edward, earl of Clarendon / Ed. R. Scrope, T. Monkhouse. Oxford : Clarendon printing-house, 1786. V. III. 750 p.
5. Thurloe J. A Collection of State Papers of John Thurloe with a complete index to each volume by T. Birch. L. : T. Woodward & C. Davis, 1742. V. I-V, VII [Электронный ресурс] // British History Online : [электрон. библиотека]. [2012]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/catalogue.aspx?gid=101> (дата обращения: 01.03.2014).
6. Carlyle T. The Letters and Speeches of Oliver Cromwell. N.Y. : The Continental Press, 1903. V. II. 450 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://archive.org/stream/oliercromwellsle02cromuoft#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 12.04.2014).
7. Firth C.H. The Last Years of Protectorate. L. : Longmans, Green & Co, 1909. V. I. 341 p.
8. Acts and ordinances of the Interregnum, 1642-1660: in 3 vol. / ed. C.H. Firth, R.S. Rait. – L.: Wyman & Son, 1911. – V. II-III. [Электронный ресурс] // British History Online [Электронная библиотека]. – URL: <http://www.british-history.ac.uk/source.aspx?pubid=606> (дата обращения: 20.03.2014)

Об авторе

Косихина С.С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Амурского государственного университета (г. Благовещенск), декан факультета международных отношений, kosikhina.sveta@yandex.ru

УДК [329.11+330.34](470)18/19

**“ВЫГОДНЫЕ ГЕШЕФТЫ”: К ИСТОРИИ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРОЕКТА
“НАЦИОНАЛИЗАЦИИ” ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

С.Г. Куликова

Автор статьи на основе анализа архивных документов рассматривает реализацию проекта «национализации» электротехнических предприятий, предложенного московскими земцами-консерваторами в начале XX в. Комплексный анализ исторических источников позволил не только оценить перемены в мировоззрении консерваторов с учётом динамики развития рыночных отношений, но и существенно скорректировать устоявшиеся оценки возможностей местного самоуправления.

Ключевые слова: земство, земцы-консерваторы, электротехника, Московское губернское земство, вторая половины XIX – начало XX веков.

Иностранное предпринимательство было важнейшей составляющей социально-экономического развития имперской России. Особенно продуктивной была немецкая экономическая интеграция в русскую экономику. Мощным толчком к усилению иностранных инвестиций в промышленность стал «промышленный переворот» второй половины XIX века [10, с. 124]. Политика наибольшего благоприятствования со стороны властей прослеживалась в отношении к германским инвестициям, что вполне объясняется многовековыми культурными связями между государствами [17, с. 108-126]. Ярким примером германских инвестиций в русскую экономику является деятельность компании «Сименс и Гальске».

Промышленное предприятие Сименсов было основано в Берлине в 1847 г. инженером-изобретателем Вернером Сименсом, его двоюродным братом Иоганном Георгом Сименсом и механиком Иоганном Георгом Гальске. Успех проекта 1852 г. по прокладке подземной телеграфной линии между Петербургом и Ораниенбаумом, позволил инвестировать денежные средства в создание российского отделения фирмы по сборке и ремонту немецких телеграфных аппаратов в Петербурге. В 1879 г. Сименсы открыли в России завод по производству углей для дуговых ламп и телеграфных кабелей с гуттаперчивой изоляцией, а спустя два года основали предприятие по выпуску электротехнического оборудования. Успешному развитию бизнеса компании «Сименс и Гальске» способствовало приобретение в 1883 г. лицензии на использование в России ламп Эдисона [11, с. 3-288].

Возможно, этот факт не получил бы широкого резонанса, если бы не ряд «блистательных презентаций» – на открытии выставки Айвазовского в Москве и иллюминации Кремля на торжествах по случаю коронации Александра III [26]. Первым проектом городской электрификации стала замена газовых горелок «искусственным светом» на участке от Аничкова моста до Большой Морской улицы 30 декабря 1883 г.: 1200 свечей были заменены 32 дуговыми лампами. «Блистательное мероприятие» возымело эффект: на следующий год кампания «Сименс и Гальске» получила выгодный заказ на электрификацию Зимнего дворца. В 1885 г. купец 1-ой гильдии К. Сименс был избран председателем Петербургского частного коммерческого банка. Это событие можно считать важной вехой институционализации интересов главы компании в России, который к этому времени принял российское подданство и вступил в брак с русской подданной М. Капер. Участие в конкурсе на освещение Петербурга заставило кампанию братьев Сименс объединиться с Deutsche Bank. Результатом объединения явилась созданная в 1886 г. акционерная компания «Общество электрического освещения» с уставным капиталом в 1 млн. руб. [43, с. 735].

Цель обозначена в ст. 3 «Устава...»: освещение «электричеством улиц, фабрик, заводов, магазинов и всякого рода других мест и помещений» [50, л. 2]. Согласно ст. 4 «Устава» общество намеревалось «приобретать в собственность ... или арендовать недвижимые имущества» для организации деятельности заводов и помещений для электрических станций. Стратегия развития компании целиком зависела от воли К. Сименса, владевшего 82,5% акций [3, с. 784]: по смыслу ст. 9 «Устава» компания была закрыта для внешнего воздействия – в ней неизменно действовал принцип, согласно которому акции распределялись между «учредителем и приглашёнными им к участию в предприятии лицами, по взаимному соглашению» [3, с. 784]. В случае выпуска акций преимущественными правами на их приобретение пользовались первые акционеры. Отмечу, что при установке осветительных приборов с домовладельцев бралась расписка в том, что собственником источника освещения является акционерная компания, при том, что цены за установку, как и ежемесячные платежи, были достаточно высокими. Например, установка дуговой лампы уличного освещения составляла 450 руб., а ежемесячный платеж за услуги равнялся 4 руб. Для сравнения хромовые сапоги стоили 2 руб., мешок картошки – 1 руб., килограмм говяжьей вырезки 1 сорта – 17 коп., пуд белого хлеба – 2 руб., а съём одного метра жилой площади на месяц равнялся 20 коп. [25, с. 771-828].

Неудивительно, что на первых порах деятельность компании не приносила дохода: в течение 1889 – 1893 гг. акционеры не получили дивиденды. В 1895 г. компании удалось заключить концессионный договор с Московской городской управой сроком на 50 лет на электрификацию «любых районной Москвы». Этот договор стал поистине переломным моментом: на следующий год интерес неподдельный к ней проявили швейцарские капиталисты, а спустя ещё два года – в 1898 г. К. Сименс заключил договор с «Обществом электрической промышленности в Базеле», благодаря которому уставной капитал фирмы возрос до 8 млн. руб., причём около половины указанной суммы внесли швейцарские банки, оставшуюся часть – немецкие [1, с. 122-124]. «Благодаря целесо-

образным техническим и административным мерам» [27, с. 1] происходило быстрое расширение кабельной сети Москвы и Петербурга, результатом чего стало заявление компании в 1904 г. о готовности участвовать в сделках, связанных с поглощением, для чего были внесены изменения в ст. 2 «Устава», согласно которым компания получала право приобретать на территории России заводы и фабрики, а так же электростанции [28, с. 5].

Согласно подсчётам исследователя Барышника М.Н., деятельность предприятия в период с 1905 по 1913 гг. была весьма успешной, к 1914 г. при балансовой стоимости активов в 76 млн. руб., акционерный капитал достиг 50 млн. руб. – это были самые высокие показатели среди русских энергетических фирм [1, с. 134-135].

В преддверие Первой мировой войны на базе «Общества электрического освещения 1886 г.» оформился концерн, включающий четыре дочерних фирмы: Московское общество «Электропередача», Русское акционерное общество электрических районных станций (Карельский перешеек), Общество Згерского электрического завода (Петроковская губерния), Общество Шуваловского электрического освещения (Петербург) [42, с. 850]. Фактически на территории Российской империи возник иностранный монополист.

Уже в период 1907-1910 г. в Московской городской управе зреет недовольство таким положением вещей, вылившееся в постановку вопроса «о мерах борьбы с Обществом электрического освещения» [64]. Аналогичная ситуация складывается и в Московском губернском земском собрании, где после революции 1905 – 1907 гг. усиливается влияние «правых» [34, л. 84 – 97; 35, л. 3 – 11; 45, л. 1 – 50; 46, л. 1 – 57; 47, л. 41 об. – 42; 48, л. 1 – 1 об.; 49, л. 1 – 1 об., 14]. В воспоминаниях Ф.В. Шлиппе упоминается имя их «вождя» – председателя Московской уездной управы Н.Ф. Рихтера [55, л. 3, 4, 8, 9, 12], которого «правая группа ввела в председатели губернской земской управы на место Ф.А. Головина, избранного председателем Государственной думы» [58, л. 207 об. – 229; 53, л. 2 – 71]. В свою очередь Рихтер «подобрал себе состав управы» в лице А.Е. Грузинова, В.А. Выборни, М.М. Людоговского, М.А. Нарожницкого, С.К. Родионова и Ф.В. Шлиппе [61, с. 80; 62, с. 179]. Члены управы придерживались «правых» и крайне «правых» воззрений. Так, председатель Дмитровской уездной земской управы и член Московской губернской земской управы Александр Евграфович Грузинов [57, л. 1, 2, 3, 5 – 7; 55, л. 3, 4, 8, 9, 12] был членом «Союза 17 октября», члены Серпуховской уездной земской управы Александр Владимирович Выборни [61, с. 80; 55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 57, л. 1] и Можайской уездной земской управы Михаил Михайлович Людоговский [36, л. 1 – 38; 55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 57, л. 1; 29, с. 369] отличались крайне «правыми» взглядами. Взгляды помощника предводителя дворянства Клинского уезда, члена Клинской уездной земской управы Михаила Александровича Нарожницкого [55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 57, л. 1; 60, с. 50 – 55] характеризует следующий факт: во время Гражданской войны служил помощником начальника отделения министерства внутренних дел в правительстве А.И. Деникина. Известный архитектор, реставратор, один из мастеров московского модерна и церковной архитектуры Сергей Константинович Родионов [55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 33, с. 46 – 80; 14, с. 211 – 212; 2, с. 141] прославился тем, что в 1916 г. был избран председателем Русско-Славянского союза «Славянские трапезы». Фёдор Владимирович Шлиппе [56, л. Л. 2 – 100 об.; 57, л. 1, 4; 54, л. 1 – 3; 59, л. 1 – 6] – предводитель дворянства Верейского уезда, гласный Верейского уездного земского собрания после эмиграции из России в 1921 г. являлся активным членом «Русской монархической организации» эмигрантских кругов Германии. «Правая» по составу Московская губернская земская управа имела свою экономическую программу, в центре которой находилась идея создания «национальной» экономики, опирающейся на собственные средства и ресурсы [18, с. 32 – 43]. Идеи всесторонней защиты отечественной экономики от иностранной экспансии набирают популярность в среде консерваторов ещё в конце XIX в. [21; 7, с. 55].

В начале XX в., когда доля иностранного капитала в экономике России составляла около трети всех оборотных средств функционирующих в стране, консерваторы начинают ратовать за «национализацию» российской промышленности [18, с. 39; 19, с. 47].

В январе 1911 г. Государственная дума по инициативе «Союза 17 октября» признала желательным изменение акционерного законодательства. В Российской империи со времён Николая I, а именно с 6 декабря 1836 г. действовал разрешительный порядок открытия акционерных обществ, именуемых тогда «компаниями на акциях» [39]. В соответствии с инициативой «Союза 17 октября» все компании получали наименование «акционерные общества», но изменения должны были коснуться не столько наименования, сколько порядка утверждения (теперь он становился явочным) и деятельности (в случае необходимости предусматривался механизм принудительного отчуждения недвижимых имуществ у частных владельцев), кроме того, устав компании должен был утверждаться лично императором (порядок предусматривал получение концессии – особого разрешения на ведение предприятия), и, наконец, деятельность компаний строго регламентировалась техническими правилами в отношении электротехнических сооружений и обязанностью перед началом эксплуатации электрических общественных предприятий заключать контракты с органами местного самоуправления. Фактически «октябристы» не скрывали идею «муниципализации» электротехнической сферы, причём наиболее выигрышным считали концессионный метод ведения электротехнического хозяйства, при котором органы самоуправления уступают своё право на ведение деятельности частному предпринимателю на определенных условиях, оговорённых в договоре, при этом срок концессии мыслился в диапазоне от 10 до 60 лет, после чего имущество предприятия переходит в собственность органов местного самоуправления безвозмездно [6, с. 216-218]. Эта тенденция была общемировой: в Германии, например, 90% электротехнических предприятий были муниципальными, в США – более 40%.

Несмотря на то, что проект, вплоть до 14 октября 1913 г., «ходил по кабинетам», идея была принята на вооружение Московской губернской земской управой. Весьма показательным в этом отношении является проект

«национализации» общества «Электропередача» 1913 – 1914 гг. 21 ноября 1913 г. общество «Электропередача» обратилось к Московскому губернскому земству с предложением заключить договор по снабжению электрической энергией промышленных заведений Московской губернии [55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 50, л. 3; 51, л. 62].

Несмотря на положительное заключение финансовой комиссии Московского губернского земства в лице П.И. Авцына, В.А. Ржевского и С.И. Бакастова, признавшей «преимущества» использования электрической энергии для «промышленности Московской губернии» [55, л. 3, 4, 8, 9, 12; 52, л. 2], Московская губернская земская управа, подвергнув детальному юридическому анализу текст договора, зафиксировала опасность зависимости промышленности губернии от акционерного общества. Эта опасность была вполне оправданной, так как по смыслу проектируемого соглашения «все свои предприятия в уездах Московской губернии» должны были передаваться «в собственность Московского акционерного общества «Электропередача» [51, л. 26 – 59]. Московскую губернскую земскую управу насторожило настоятельное требование общества о предоставлении ему преимущественного права на прокладку электрических воздушных проводов и подземных кабелей по дорогам общего пользования, находящимся в ведении земства [50, л. 3 – 4]. Губернской земской управе удалось доказать Московскому губернскому земскому собранию, что заключение договора «даст в руки Общества могучее орудие влиять на распространение отдельных видов промышленности в Московской губернии» посредством «отказа в предоставлении электрической энергии отдельным потребителям или предоставлении электрической энергии отдельным потребителям на различных условиях» [31, с. 1-8; 44, л. 31].

Идею зависимости русской промышленности от германского империализма подхватили периодические издания, активно муссировавшие вопрос о ликвидации германского общества [37]. Периодика рисовала в сознании обывателей страшные картины: «Перед Москвою стоит окутанная плащом фигура в маске, и, Бог знает, какой камень спрятан у этой фигуры под её плащом», далее сообщалось, что акционерное общество и «раньше прикрывало дымкой все свои дела» и даже в официальных отчётах «ухищрялось прятать все свои концы в воду», деятельность компании предстала перед читателем в виде «лабиринта», в котором царит «туман, превосходящий своей густотой пресловутые лондонские туманы» [41].

Председателю управы Н.Ф. Рихтеру удалось добиться встречи с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым и поставить вопрос о правомерности деятельности общества, находящегося под влиянием Deutsche Bank. Итогом встречи стал визит швейцарского посланника Эдуарда Одье к С.Д. Сазонову, который вынужден был предоставить документы, подтверждающие, что из 80 тысяч акций – 50 тысяч принадлежат швейцарским подданным [38].

Данное обстоятельство не смогло переломить сложившуюся ситуацию. Избранный вместо Н.Ф. Рихтера председателем Московской губернской земской управы Ф.В. Шлиппе – его ближайший соратник по убеждениям, 21 мая 1915 г. представил главноначальствующему г. Москвы генерал-адъютанту кн. Ф.Ф. Юсупову доклад «о ходатайстве губернского земства по ликвидации предприятий акционерного Общества «Электропередача»», в котором обратил внимание «на недопустимость положения, при котором в самом центре России предприятия огромного значения для всей промышленности находятся в руках немцев» [24].

Учитывая тот факт, что Россия находилась в Первой мировой войне, опасения земцев становятся вполне понятными. Эти опасения опирались на нормативно-правовую базу, а именно на Высочайший указ Правительствующему Сенату от 28 июля 1914 г. «О правилах коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года», прекративший «действия всяких льгот и преимуществ, предоставленных подданным неприятельских государств договорами или началами взаимности» и ряд постановлений правительства конца августа 1914 г., согласно которым предусматривалась ликвидация торгово-промышленных предприятий, принадлежавших неприятельским подданным. Согласно положениям Совета министров от 22 сентября 1914 г. и 1 июля 1915 г., воспрещалось совершение на имя подданных тех государств, которые находятся в положении войны с Россией, всякого рода актов об установлении и переходе права собственности, права залога, владения и пользования недвижимыми имуществами, в частности вытекающими из договора найма или аренды, а также право участвовать в торгах на упомянутые имущества, одновременно устанавливался надзор за поступлением и расходованием денежных средств акционерными обществами, образованными в неприятельских государствах и допущенными к производству операций в России [40, с. 22 – 25; 5].

С подачи Ф.В. Шлиппе Московское губернское земство «стоящее в силу закона, на страже интересов населения Московской губернии, должно иметь преимущественное право не только на поддержание ходатайства о прекращении деятельности общества «Электропередача», но и на приобретение предприятия, столь важного и имеющего в будущем решающее значение в развитии промышленности губернии» [31, с. 7]. Так, акционерное общество признанное «фиктивно» русским (а на деле – немецким) планировалось подвергнуть «национализации», то есть изъятию из «германских рук» с последующим приобретением предприятия общественным учреждением. Однако, было бы ошибочно полагать, что вопрос о «национализации» акционерного общества был вызван действием чрезвычайного законодательства, возникшего в условиях Первой мировой войны. Фактически мы имеем дело с реализацией на практике теоретических построений русского консерватизма – «правая» по своему составу земская управа реализовывает идеи, высказанные в отношении к иностранному капиталу в русской экономике апологетами консервативной мысли. Консерваторы всегда воспринимали иностранный капитал в качестве основного врага государства, правые и вовсе требовали «положить предел дальнейшим завоеваниям международным капиталом русского труда и естественных богатств России» [22; 23]. С особой остротой требование «национализации» капитала зазвучало ещё накануне выборов в I Государственную думу: программ-

ные заявления «Русского собрания» и «Союза русских людей» содержали пункты об освобождении финансовой и экономической политики России «от иностранных бирж и рынков» [30, с. 131; 32, с. 139].

Особую тревогу монархистов вызывало сосредоточение капитала в руках инородцев. «Правые» опасались, что в условиях трансформации политической системы Российской империи к модели конституционной монархии, экономическое преобладание «инородцев» приведет к их политическому доминированию [20, с. 113 – 127]. С целью недопущения финансово-экономической зависимости от иностранного капитала они предлагали ограничить его присутствие и способствовать переходу промышленности, финансов и торговли в «русские руки» путем «национализации» кредита и создания законодательной базы, обеспечивающей преимущества русским предпринимателям. Серьезным тормозом развития промышленности консерваторы считали монополии и предлагали принять против них ряд ограничительных мер на государственном уровне. Ведущую роль в развитии экономики консерваторы отводили государству, а не частному предпринимательству. Неудивительно, что инициатором введения специальных мер в отношении электротехнических компаний стали именно консерваторы, в том числе служащие в земстве.

Московские земцы-консерваторы подготовили ходатайство перед правительством, в котором ссылались на высокую эффективность эксплуатации местными властями общепольных (коммунальных) предприятий и зарубежный опыт, при котором не менее половины электростанций принадлежит муниципальной власти. 16 декабря 1914 г. Совет министров рассмотрел представление министра торговли и промышленности по ходатайству московского земства о прекращении деятельности «Общества 1886 г.», в итоге было создано Особое межведомственное совещание под председательством сенатора И.Е. Ильяшенко с участием представителей органов местного самоуправления и торгово-промышленных организаций, которое пришло к выводу о необходимости принятия «соответственных мер» к обществу «в видах пресечения последнему возможности направлять свою деятельность во вред государственным интересам» [8, л. 14]. Отмечалось, что «решительность и энергия ... должны быть проявлены и в деле освобождения России от почти бесконтрольного, донныне, хозяйствования германских капиталов в области акционерной промышленности» [8, л. 17 об.]. Постановление правительства было утверждено Николаем II 1 июля 1915 г. [5], 30 декабря 1916 г. император утвердил положение о ликвидации дел общества «Сименс и Гальске» в России [4]. В состав временного правления акционерного общества

«Электропередача» входили представители ряда министерств: внутренних дел, военного, морского, финансов, торговли и промышленности, юстиции, а так же представители Московской городской думы и Московского губернского земского собрания. Фактически компания была муниципализована.

Временное правление имело полномочия обязать «неприятельское» акционерное общество, действующее на основании утверждённых в России уставов, продать свои акции, в случае отказа список неприятельских акций публиковался в общероссийских газетах с указанием, что акции являются погашенными. При ликвидации компании «Сименс и Гальске» 40% акций досталось государству, 18% – городскому самоуправлению г. Москвы, 13% – земству.

Возникает закономерный вопрос о том, насколько была оправдана такая позиция консерваторов по отношению к иностранным инвестициям в экономику России и исходила ли реальная угроза национальной экономике от иностранных инвесторов? Каково было отношение Германии к инвестициям в экономику иностранных государств? Исследователь Дьяконова И.А. считает, что Германия отчётливо понимала, что заграничное инвестирование «служит укреплению родины», «создаёт резерв на случай эвентуальной войны и кризисов» [10, с. 122]. Эта исследовательская позиция не нова, ещё в 30-х гг. XX в. историк Л.Я. Эвентов отмечал, что немецкий капитал «обслуживал интересы своей национальной индустрии путём открытия в России филиалов крупных германских промышленных объединений – электрических, химических, машиностроительных» [63, с. 26]. Современные либеральные историки напротив отрицают «полуколониальную зависимость от иностранного капитала», указывают, что на уровне государственной политики для держав такого ранга, как Россия, даже огромный по масштабам импорт капитала не порождает проблем зависимости от стран-доноров [9, с. 33]. Между тем, в России начала XX в. насчитывалось 32 акционерных общества созданных германскими инвесторами, основной капитал которых составлял 203,5 млн. руб. [13, с. 10]. Учитывая, что доходная часть государственного бюджета России в 1913 г. составляла 3417,4 млн. руб. [1, с. 119-138; 12, с. 40-45], доля немецкого капитала составляла менее 6%, однако в сфере электротехники вложения немецкого капитала составляли 85% от общей суммы капитала! [16, с. С. 74-81].

Иностранный капитал играл двоякую роль в жизни Российской империи. С одной стороны, предприятия, построенные на западные инвестиции явились катализатором технического прогресса, с другой стороны Россия накануне Первой мировой войны попала в зависимость от иностранного капитала, причём зависимость эта могла пошатнуть политические устои империи, именно эту опасность и узрели русские консерваторы. Кроме того, московские земцы-консерваторы чётко осознавали, что установление контроля над электрическими предприятиями со стороны государственной или местной власти является потребностью времени, так как по сути своей пользование естественной монополией исключает конкуренцию, а потому публично-властное регулирование является гарантией от злоупотреблений частными предпринимателями своим монопольным положением.

The author of the article on the basis of the analysis of archival documents considers the implementation of the project «nationalization» of electrotechnical enterprises, proposed by the conservatives in the beginning of the XX century A comprehensive analysis of historical sources has allowed not only to assess the changes in the Outlook of the conservatives taking into account the dynamics of development of market relations, but also to substantially improve well-established assessment of the possibilities of local self-government.

Key words: *Zemstvo, Zemstvo-conservatives, electrical engineering, Moscow province Zemstvo, the second half of XIX - beginning of XX centuries.*

Список литературы

1. Барышников М.Н. SIMENS в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. №2. С. 119-138.
2. Важенин А.Г., Галкин П.В. Московское земство в начале XX века: из опыта регионального самоуправления / А.Г. Важенин, П.В. Галкин. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 176 с.
3. Высочайше утверждённое положение Комитета министров об утверждении Устава Общества электрического освещения // Собрание узаконений. 1886. №81. Ст. 784.
4. Высочайше утвержденное положение Совета министров о введении временного управления и о ликвидации дел обществ Сименс и Гальске и Сименс-Шуккерт // Собрание узаконений. Отдел II. 1917. №16. Ст. 118.
5. Высочайше утвержденное положение Совета министров о предоставлении Совету министров особых полномочий в отношении акционерных обществ, действующих на основании утвержденных в Империи уставов // Собрание узаконений. Отдел II. 1915. №205. Ст. 1609.
6. Говоренкова Т.М. Читаем Велихова вместе / Т.М. Говоренкова. М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999. 322 с.
7. Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887-1898 гг. / К.Ф. Головин. СПб.: Б/и, 1899. 274 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 7. Д. 3.
9. Донгаров А.Г. Иностраннный капитал в России и СССР / А.Г. Донгаров. М.: «Международные отношения», 1990. 170 с.
10. Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / И.А. Дьяконова. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.
11. Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт / В.С. Дякин. Л.: Наука, 1971. 288 с.
12. Ежегодник Министерства финансов. Пг.: Б/и, 1915. Вып. 1915 года. С. 40-45.
13. Зив В.С. Иностраннные капиталы в русских акционерных предприятиях. Германские капиталы / В.С. Зив. Пг.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1915. Вып.1. 106 с.
14. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е-1917 годы): илл. биограф. словарь / Гос. науч.-исслед. Музей архитектуры им. А.В. Щусева и др. М.: КРАБиК, 1998. С. 211-212.
15. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М.: РОССПЭН, 1997. 329 с.
16. Ионичев Н.П. Россия и Германия: из области экономических отношений. // Вестник финансовой академии при Правительстве Российской Федерации. 2003. №1 (25). С. 74-81. Сайт Финансовой Академии при Правительстве Российской Федерации. URL.: [http://www.fa.ru/dep/vestnik/Documents/Vestnik1\(25\)2003.pdf](http://www.fa.ru/dep/vestnik/Documents/Vestnik1(25)2003.pdf).
17. История предпринимательства в России. Книга 2: Вторая половина XIX начало XX веков. / Рук. проекта Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2000. 575 с.
18. Куликова С.Г. Консервативный вариант капиталистической модернизации в России второй половины XIX начала XX века: нереализованные возможности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. №5. 2012. С. 32-43.
19. Куликова С.Г. «Не губить Россию в ядовитых объятьях капиталистического строя»: социокультурные последствия российской модернизации второй половины XIX начала XX вв. глазами консерваторов и националистов // Вестник Брянского государственного университета. История. Литературоведение. Право. Языковедение. Раздел: История. 2012. №2. С. 47-51.
20. Куликова С.Г. Русский консерватизм второй половины XIX начала XX веков: в поисках идеального общества / С.Г. Куликова. Гагарин: Полимидр, 2013. 217 с.
21. Московские ведомости. 1884. 5 мая. // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884. Сайт PDF-Библио. URL.: <http://book-old.ru/BookLibrary>.
22. Московские ведомости. 1906. 9 апреля. Сайт «Газетные старости». URL.: <http://сокуренок.рф>.
23. Московские ведомости. 1906. 13 апреля. Сайт «Газетные старости». URL.: <http://сокуренок.рф>.
24. Московская хроника // Русские Ведомости. 1915. 21 мая. Сайт «Газетные старости». URL.: <http://сокуренок.рф>.
25. Молоховец Е. Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Е. Молоховец. СПб.: Тип. 1-ой СПб. Трудовой артели, 1914. Ч. 1. 828 с.
26. Музей истории МОСЭНЕРГО: официальный сайт. URL.: http://www.mosenergo-museum.ru/History_of_Mosenergo/Historical_Review/15641.
27. Отчёт Общества электрического освещения 1886 г. в Санкт-Петербурге за шестнадцатый операционный год, с 16 мая 1902 по 15 мая 1903 г. СПб: Б/и., 1903. С. 1.
28. Отчёт Общества электрического освещения 1886 г. в Санкт-Петербурге за восемнадцатый операционный год, с 1 января по 31 декабря 1904 г. СПб: Б/и., 1905. С. 5.
29. Памятная книжка Московской губернии на 1904. / Под ред. Б.Н. Пенкина. М.: Московский столичный и губернский статистический комитет, 1903. 700 с.
30. Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и

доклада Вигте. СПб.: ННШ, 1906. 130 с.

31. Постановления Московского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1915. 370 с.

32. Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1.: 1905-1910. 720 с.

33. Родионов К. Рассказы о пережитом // Москва. 1991. №7. С. 46-80.

34. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 191. Оп. 1. Д. 3454.

35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 279. Оп. 2. Д. 229.

36. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 98. Д. 40.

37. Русские Ведомости. 1914. 9 декабря. PDF-файл. Сайт: Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». URL.: <http://imwerden.de>.

38. Русские Ведомости. 1914. 14 декабря. PDF-файл. Сайт: Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». URL.: <http://imwerden.de>.

39. Свод законов Российской империи: Свод законов гражданских с примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавления. СПб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1900. Кн. IV: Об обязательствах по договорам. Глава VI: О товариществах. Ст. 2126-2198.

40. Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в годы I Мировой войны в России (чрезвычайное законодательство) // Вестник ВолГУ. 2000. – Вып. 3. Сер. 5: Политика. Социология. Право. С. 22-25.

41. «Удивлённый». «Ещё раз об Обществе электрического освещения 1886 г.» // Московские Ведомости. 1914. 8 декабря. С. 5.

42. Устав Московского акционерного Общества «Электропередача» // Собрание узаконений. 1913. Отдел II. №161. Ст. 850.

43. Устав Общества электрического освещения 1886 года // Собрание узаконений. Отдел II. 1903. №30. Ст. 735.

44. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 78.

45. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 689.

46. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 690.

47. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 691.

48. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 1293.

49. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 1362.

50. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 1364.

51. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 1369.

52. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 2. Д. 1392.

53. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 14. Д. 179.

54. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 14. Д. 189.

55. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 14. Д. 195.

56. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 14. Д. 209.

57. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 14. Д. 212.

58. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 184. Оп. 15. Д. 457.

59. Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. 189. Оп. 2. Д. 6.

60. Шаханов А.Н. Главы Московской власти в марте-октябре 1917 // Московский журнал. История государства Российского. 2005. №8. С. 50-55.

61. Шлиппе Ф.В. Автобиографические записки, 1941-1946 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. [Т. XVIII]. С. 25-167.

62. Шлиппе Ф.В. «Построить здоровую Россию на основах сильного крестьянства» // П.А. Столыпин глазами современников / Под общ. ред. П.А. Пожигайло; ред. колл. К.И. Могилевский, В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, Фонд

изучения наследия П.А. Столыпина, 2008. С. 178-203.

63. Эвенгов Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 26.

64. Электричество // Раннее Утро. 1910. №4. С. 4.

Об авторе

Куликова С.Г. – кандидат исторических наук, доцент, капитан полиции, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Московского областного филиала Московского университета МВД России.

УДК 94(100)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧ. XIX ВВ. В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ “ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА”.

А.Н. Лентиков

Статья посвящена изучению взглядов представителей дореволюционной науки права на понимание свободы и равенства во Франции в конце XVIII – нач. XIX вв. Рассматривается вопрос взаимосвязи правопорядка и правосознания, на основании чего поднимается проблема ограничения государственной власти. Дается характеристика закреплённых в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. принципов свободы и равенства как неотъемлемых атрибутов прав человека. Исследуются изменения во взаимоотношениях между личностью и обществом. Обосновывается предположение о необходимости должного уважения к правам и свободам личности, что в конечном итоге способствует преобразованию всего социального строя. **Ключевые слова:** Старый порядок, Великая французская революция, российская школа “возрожденного естественного права”, европейская традиция права, Декларация прав человека и гражданина 1789 г.; права личности.

Из поколения в поколение ученые разных стран и народов прилагали свои усилия для того, чтобы всесторонне изучить первую французскую революционную эпоху, выявить в ней всё то ценное и непреложное, что могло бы послужить фундаментом для развития человечества. В результате таких скрупулёзных поисков складывались научные коллективы, а иногда даже целые школы. Общеизвестно, что в дореволюционной России сложилась и длительное время существовала так называемая “русская историческая школа”. Труды учёных данной научной школы имели успех как у себя на родине, так и за её пределами. Между тем, “русская историческая школа” имела своих достойных оппонентов, прежде всего, в лице теоретиков права и практикующих юристов. Выходя за рамки обычной научной полемики, такого рода критические дискурсы помогали исследователям углубить и концептуализировать свои взгляды на природу и сущность явлений, выработать весьма оригинальные подходы к решению общетеоретических проблем в области социально-гуманитарных наук. В этой связи в рамках исследования Французской революции выглядят вполне закономерным и оправданным наш интерес к трудам дореволюционных теоретиков права. В настоящей статье будут проанализированы взгляды следующей группы учёных: В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, И.А. Покровского и Е.Н. Трубецкого.

Бесспорно, мы можем только согласиться с мнением П.И. Новгородцева о том, что «господство абсолютизма власти и полное бесправие права, полная беспомощность правовых идей» [9, с. 127] составляли наиболее характерные черты Старого порядка. Кроме того, Новгородцев отметил, что это явление проистекало не из-за «отсутствия законов, напротив, их было слишком много» [9, с. 127], а имело место несоответствие законов «правовому сознанию общества» [9, с. 127], в результате чего властные предписания времён Старого порядка «не пользовались уважением граждан» [9, с. 127]. Таким образом, «это была эпоха, когда всюду царствовал безграничный произвол, эпоха, когда сильны были только противозаконные начала» [9, с. 127-128].

Характеризуя институты власти Старого порядка, Новгородцев писал, что «власть стремилась тогда к полному абсолютизму, она стремилась все захватить в свои руки и всем управлять безгранично. Такое безграничное, ничем не сдерживаемое владычество власти можно назвать централизованным произволом» [9, с. 128]. Поэтому от новых институтов власти ждали создания новых форм защиты личности «от произвола и деспотизма, от стеснительной опеки, от старых неравенств. Правовое государство явилось разрешением этой задачи» [10, с. 281]. С учётом всей дальнейшей дискуссии в рамках настоящей статьи здесь следует особо выделить пронизательное умозаключение Новгородцева о том, что «по своему содержанию это была задача отрицательная. Сбросить старые цепи еще не значит создать новую жизнь. Это не значит также предохранить личность от новых цепей, которые могут быть наложены на нее ходом событий» [10, с. 281].

Между тем, Новгородцев не остановился на простой констатации приведённых фактов. Развивая свою мысль глубже, автор “Кризиса современного правосознания” разъяснял, что «если бы надо было найти некоторую общую идею, одухотворяющую старое представление о правовом государстве, то такой идеей следует, конечно, признать понятие о естественной гармонии общественных отношений. Для оптимистически настроенной и радостно возбужденной мысли XVIII века все начала общественной жизни представляются находящимися в естественном и гармоническом соотношении, обеспечивающем их легкое осуществление в жизни. Равенство и свобода, общественное благо и личный интерес, справедливый закон и народная воля, требова-

ния права и подчиняющаяся им действительность, все это понятия близкие, родственные и настолько покрывающие друг друга, что в разумно устроенном государстве они связаны между собою неразрывной связью и неизбежно предполагают одно другое» [10, с. 17].

Из этих рассуждений вытекает, что одна из наиболее могущественных просветительских теорий – теория Ш.-Л. Монтескье – содержала в себе всё те же недостатки, что и другие работы представителей классической естественно-правовой школы. Тем не менее, по верному замечанию Е.Н. Трубецкого, «неприменимая в чистом виде теория разделения властей, исправленная позднейшей конституционной практикой, лежит в основе всех европейских культурных государств. Она составляет краеугольный камень политической свободы, с отнятием коего все здание рушится. Монтескье впервые систематически развил это учение о разделении властей, заключающееся в зародышевом состоянии уже в трактатах Локка. В этом состоит его главная, бессмертная заслуга, в этом заключается его пророческое значение по отношению к современной культурной Европе» [14, с. 223].

Вместе с тем, мы вполне разделяем точку зрения Новгородцева о том, что «завершителем той критической работы, которая была выполнена просветительной философией, следует признать Руссо. В своей критике общественных основ он идет далее Вольтера и Монтескье. Его произведения представляют горячий протест против всяких учреждений, против всей культуры» [11, с. 175]. По его справедливому замечанию, «ошибка Руссо состояла в том, что первобытное состояние он представлял себе в столь же прикрашенном свете, в сколь мрачном смотрел на культурное» [11, с. 176]. Однако отмеченная подмена понятий не помешала работам Ж.-Ж. Руссо снискать огромный успех во французском обществе. Как далее указывал Новгородцев в работе «Учения Нового времени XVI-XVIII вв.» главный мотив произведений Руссо покоился на проповеди равенства и являлся «верным отражением стремлений эпохи» [11, с. 179]. Тем не менее, по словам Трубецкого, «тот положительный идеал, который он противопоставил старым порядкам, должен быть признан односторонним и несостоятельным. Противоречия учения Руссо наглядным образом отразились в самой революции, в деяниях Конвента, которые проводили на практике его начала. Во имя свободы они создали систему террора, а его массовыми казнями идея равенства выродилась у них в жестокий демократический деспотизм» [14, с. 230].

Разумеется, было бы слишком упрощённо объяснять стремление французского общества к свободе и равенству только лишь результатам работы просветителей, хотя нельзя ни в коем случае умалять значение такой теоретической подготовки. Ведь на французское общество в то время сильное культурное влияние оказывал заклятый противник и конкурент Франции – Англия. По замечанию Новгородцева, «благодаря сношениям с Англией идеи свободы и равенства развились и во Франции» [9, с. 134]. Можно вполне обоснованно утверждать, что знакомство с английскими порядками послужило «одним из первых толчков в стремлении к радикальным переменам всего строя французского общества» [9, с. 135]. По этой причине, как писал этот историк права, это была «эпоха, когда каждая новая политическая или философская доктрина обращалась как бы в разрывной снаряд, брошенный для разрушения Старого порядка. Вся Франция ждала новых перспектив, и вот под влиянием всех тогдашних доктрин и сложилось представление о близкой картине счастливого будущего. Эти мысли о близкой гармонии жизни укреплены были тремя вождями политической и общественной жизни – Вольтером, Руссо и Монтескье» [9, с. 139].

Вместе с тем, ссылая на работу М.М. Ковалевского «О происхождении современной демократии», Новгородцев пришёл к выводу, что «стремление к равенству составляет оригинальнейшую черту Французской революции. Другие стороны политической жизни, как личная свобода, свобода слова и печати, веротерпимость, и ранее, ещё в XVII в., объявлялись основами разумно устроенной гражданственности. Английские “Декларация” и “Билль о правах” 1648 и 1689 гг. представляют уже собою систематическое выражение начал гражданской свободы. Французское революционное движение, главным образом, направляется недовольством общественными различиями и страстью к равенству» [11, с. 179]. Ввиду этого, согласно Б.А. Кистяковскому, «Декларация прав человека и гражданина подействовала в XVIII столетии как политическое откровение» [5, с. 458], вызвав «всеобщий восторг и более всех других принципов XVIII столетия воодушевляла людей на борьбу за новый государственный строй и новый правовой порядок» [5, с. 458-459]. В результате, Новгородцев усматривал смысл Декларации прав человека и гражданина 1789 г. в охране живой человеческой личности [7, с. 535].

По вполне оправданному замечанию В.М. Гессена, «в абсолютном государстве индивид – объект власти; в государстве конституционном – субъект прав. Там он – подданный; здесь – гражданин; как гражданин, он является правовым субъектом, субъектом публичных обязанностей и прав» [2]. По этой причине, например, интересны разъяснения Гессена о том, что «сами термины “подданный”, “подданство”, означавшие в старом праве полноправную зависимость бесправного индивида от всемогущей власти, исчезают из конституционного права современных государств. Во Франции термин “sujet” не встречается уже в монархической конституции 3/14 сент. 1791 г. Хартия 1814 г. снова возвращается к этому термину, конституция 1830 г. отказывается от него вновь» [2]. Ко всему прочему хотелось бы подчеркнуть, что суть и содержание идеи личности в истории права подробно раскрыты в методологической работе Новгородцева «Из лекций по общей теории права» [8, с. 106-108].

Естественно, «отношение между властью и гражданином – правовое отношение, отношение публичного права: правам власти соответствуют обязанности, её обязанностям – права гражданина» [3, с. 13]. Прежде всего, по мнению Гессена, это касается так называемых прав свободы, так как «правовое государство признает за индивидом определенную сферу свободы – сферу, за пределы которой вмешательство государственной власти не имеет и не может иметь места» [2]. Близкую точку зрения отстаивал Кистяковский, утверждая, что «личность, главным

образом, выражается в ее проявлениях, ее функциях, ее деятельности. Совокупность этих необходимо присвоенных всякой личности проявлений, выражающих внутреннее содержание личности, и составляет неотъемлемое право личности. В Великую французскую революцию они были провозглашены в Декларации прав человека и гражданина. Эти права человека и гражданина составляют границу всякой правовой государственной власти, так как власть не может их нарушить» [6, с. 10].

Гессен полагал, что «в государствах старого режима некоторые из таких проявлений, признаваемые неотъемлемым атрибутом человеческой личности, являлись объектом наиболее энергичных административных воздействий; именно такие проявления берутся современными конституциями под свою защиту, объявляются неотъемлемым правом человека и гражданина. В этом – значение и смысл так называемой Декларации прав, составляющей интегральную часть огромного большинства конституций» [2]. Основной принцип, который она несет, заключается в воззрении на права лиц, не как на дар или милость государства, а как на «неотъемлемую принадлежность человеческой природы» [7, с. 535] и «необходимое самоограничение» [7, с. 535] государства. Похожую точку зрения отстаивал и И.А. Покровский, поднимая в своей работе «Основные проблемы гражданского права» вопрос «о взаимоотношении между личностью и государством с точки зрения пределов власти этого последнего» [12].

По мнению Гессена, «постоянное вторжение нетерпимого абсолютизма в область религиозных убеждений влечет за собой признание религиозной свободы; цензурный режим абсолютизма, систематическое противодействие, оказываемое им естественному стремлению людей к объединению, к совместной и организованной деятельности, влечет за собой признание свободы слова, права союзов и собраний и т.д., и т.д. Таким образом, возникает каталог политических свобод: свобода вероисповедания, печати, свобода личности, союзов и собраний, передвижения, свобода промыслов и занятий и т.д. Каждая такая “свобода” является частичным проявлением, особо гарантированным конституцией, одного и единого права – права общегражданской свободы» [2]. Наряду с этим Гессен акцентировал внимание на том факте, что «Французская декларация 1793 г. объявляет “равенство”, наряду со свободой, безопасностью и собственностью, естественным, неприкосновенным и неотъемлемым правом человека и гражданина» [2].

Тем не менее, как верно заметил Кистяковский, «сравнительно скоро, однако, отношение к принципам Декларации прав человека и гражданина совершенно изменилось: восторг и воодушевление сменилось полной холодностью» [5, с. 459]. Пытаясь разобраться в такой резкой перемене общественных настроений по отношению к Декларации прав человека и гражданина 1789 г., Новгородцев обращал внимание на то, что «в XVIII веке не могло возникнуть столь тягостного для последующего времени вопроса о противоречии равенства и свободы, почему они считались неразрывными и находящимися в естественной гармонии. Устранение старого гнета само по себе было задачей столь огромной важности, что мысль как бы останавливалась перед величиной этой задачи, удовлетворялась возможностью ее осуществления и не шла далее представлявшихся ей при этом пределов. Казалось, что, свергнув старые стеснения и провозгласив равенство всех как граждан, достигнут вместе с тем полного совершенства общественных форм и полного счастья отдельных лиц» [10, с. 254]. Вместе с тем, ознакомившись с трудами Ф. Олара, историк права соглашался с ним в том пункте, что «по существу Декларация прав 1789 года содержала в себе все демократические и социалистические принципы, которые в настоящее время могут быть выведены из идеи прав личности. Но справедливо также и то, что эти принципы совершенно не сознавались в то время. Достаточно вспомнить, что Национальное Собрание стояло за систему цензового избирательного права и против всеобщего голосования. Еще более отрицательно и враждебно относилось оно к попыткам вывести из Декларации прав социалистические требования. Таким образом, если мы попытаемся определить, каково было действительное значение провозглашенных в Декларации 1789 года прав, мы должны будем сказать, что эта Декларация практически несколько не расширила того содержания свободы, которое связывалось с представлением о ней как о равенстве всех перед законом и достигалось отменой прежних несправедливостей и привилегий. Деятели Национального Собрания, очевидно, казалось, что с этой отменой отпадут вообще всякие стеснения и неравенства и получит полную силу основное положение Декларации: “Люди рождаются свободными и равными в правах”» [10, с. 257].

Хотя эти начала и были провозглашены в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и закреплены в Конституциях, но уже в конце XVIII века, по замечанию Новгородцева, «понятию о равенстве как о равноправии было противопоставлено иное представление, вытекавшее из требования равенства материального. Наиболее яркое выражение это представление нашло себе в учении Бабёфа и его последователей, составивших заговор для проведения своих мыслей в жизнь. Требуя безусловного материального равенства, бабувисты считали необходимым, чтобы у всех были равны не только имущественные условия, но и умственный уровень. С этой целью признавалось необходимым свести к наименьшей мере все потребности – как материальные, так и умственные – и, установив одинаковый для всех уровень жизни, устранить все, что его превышает» [10, с. 312]. Таким образом, Новгородцев пришёл к вполне закономерному выводу о том, что «трудно представить себе более полное проведение начала равенства; но здесь же становится ясным и совершенное противоречие такого одностороннего понимания этого начала с требованиями личности» [10, с. 313].

Интересную точку зрения высказывал по этому поводу Кистяковский, утверждая, что «ожидания и надежды, которые возлагались на провозглашение Декларации прав, не осуществились. Декларации прав уже давно были провозглашены, а государственно-правовая жизнь шла каким-то своим собственным путем; иногда даже казалось, что бесправие несколько не уменьшилось, несмотря на провозглашение декларации прав.

С другой стороны, принципы, заключающиеся в декларации прав, постепенно стали общими местами и само собой понятными истинами. Их идейное содержание, возбуждавшее раньше самые возвышенные душевные переживания, начало казаться с течением времени чрезвычайно простым, ясным и обыденным. Никто теперь не сомневается в том, что нормальное существование и развитие общества и государства невозможно без свободы личности, слагающейся из личной и домашней неприкосновенности, свободы передвижения, свободы профессий, без свободы совести и ее разветвлений – свободы слова и печати, свободы собраний и союзов; наконец, оно невозможно без политических прав граждан и без их предпосылки – учреждения народного представительства, ибо среди политических прав наиболее важное значение имеет избирательное право» [5, с. 459]. В результате чего, по мнению автора, «к принципам Декларации прав установился совершенно будничным, чисто утилитарный взгляд на провозглашенные декларацией свободы и права» [5, с. 459].

Однако было бы неправильно все неудачи претворения в жизнь провозглашенных Великой Французской революцией начал свободы и равенства списывать лишь на неспособность последовательно и неукоснительно осуществлять и придерживаться принципов свободы и равноправия, закреплённых в конституционных актах. Не подлежит никакому сомнению отмеченный Кистяковским факт, что «вся история западноевропейских конституционных государств заключается, как в попытках со стороны передовых элементов общества вполне осуществить принципы Декларации прав, так и в постоянной борьбе с ними со стороны враждебных им сил – представителей Старого режима, старавшихся совершенно упразднить их» [5, с. 461]. Более того, «тотчас после провозглашения Декларации прав во время Великой французской революции обнаружилось, что принципы ее невыгодны социально и экономически могущественным классам. Поэтому они всеми силами пытались бороться с этими принципами, чтобы по возможности ослабить их применение в жизни, а вместе с тем приспособить конституционное государство к своим интересам» [5, с. 461]. По этой причине мы можем вполне справедливо заметить, что далеко не все слои населения французского общества конца XVIII – начала XIX столетий стремились к полному и безоговорочному претворению в жизнь принципов свободы и равенства, не говоря уже о том, чтобы познать саму суть и содержание принципов, провозглашённых Декларацией прав человека и гражданина 1789 года.

Так, исследуя последствия свободы, не сочетавшейся с равенством и не признающего над собой общего закона в истории права Франции, Новгородцев обращал внимание на то, что «суверенная власть, вместо того, чтобы быть органом равного для всех права, являлась только символом всемогущества, увлекалась идеалами полицейского государства и поддерживала неравенства, которые облегчали ей господство в жизни. Классическую картину этого вырождения суверенитета представил Токвиль в своем изложении “Старого порядка”» [7, с. 521-522]. Провозглашение прав и свобод человека, по точному замечанию Покровского, «не обозначало еще в устах деятелей Великой революции признания того, что государственная власть принципиально в чем-либо ограничена. Напротив, с практическим индивидуализмом у них соединялась мысль об абсолютном верховенстве народа, о неограниченности народной воли по отношению к индивиду. Все декларации прав были направлены против органов власти, но не против самой власти, не против власти народа; все они имели своей целью гарантировать свободу политическую, а не свободу индивидуальную» [12]. Как результат, это означало замену абсолютизма монарха на абсолютизм народа, где «общая воля» народа была снабжена всей непрерываемостью и непогрешимостью абсолютного разума, а признанное ею “общее благо” – само собою разумеющеюся, абсолютной этической ценностью» [12]. Поскольку, «раз став на ту точку зрения, что индивид не цель, а только средство в интересах целого, мы утрачиваем всякие принципиальные сдержки и можем докатиться до дна» [12].

По выше обозначенным причинам, не вызывает никаких удивлений, что, как отметил Кистяковский, первая французская конституция «полна противоречий» [5, с. 461]. Так как, «с одной стороны, ей предшествует в качестве введения декларация прав, а с другой, в противоположность принципам декларации, ею устанавливаются ценз, непрямые выборы и деление граждан на участвующих в законодательстве путем избрания представителей и не участвующих» [5, с. 461-462]. Как утверждал Кистяковский, только «при помощи социально-философского и юридического анализа теперь все больше проникают в самое существо декларации и во внутренний смысл устанавливаемых ею принципов» [5, с. 462]. Ведь, как далее пояснил историк права, «проникновение во внутренний смысл этих принципов приводит к убеждению в том, что наряду с гражданскими и политическими правами должны быть поставлены права социальные, наряду со свободой от вмешательства государства в известную сферу личной и общественной жизни, и с правом на участие в организации и направлении государственной деятельности должно быть поставлено право каждого гражданина требовать от государства обеспечения ему нормальных условий экономического и духовного существования» [5, с. 462-463].

Таким образом, по мнению Новгородцева, во времена Великой французской революции «свобода и равенство были сведены к понятию политической свободы, которая была определена как равенство всех перед законом» [10, с.311]. И далее, «свобода, как и равенство, понималась тут в смысле формально-юридическом и отрицательном; закон предоставлял всем равенство в проявлении свободы, уравнивая их в признании этой свободы и уничтожая все ограничения, противоречащие равенству прав» [10, с.311-312]. Кроме того, Новгородцев полагал, что «задача и сущность права состоят действительно в охране личной свободы, но для достижения этой цели необходима и забота о материальных условиях ее осуществления: углубленное и расширенное понятие свободы подкрепляет в данном случае те требования, которые вытекают из углубленного и расширенного понимания принципа равенства» [10, с.319]. Вместе с тем, «политическая мысль XIX столетия не только оспаривала и защищала принципы революции: она также развивала и продолжала их» [10, с.281], ведь «новое понимание равенства и свободы

не могло быть согласено с тем прежним определением личности, которое столь исключительно и односторонне связывало ее с обществом и отрицало ее самобытное существо. Необходимо было выйти из рамок старой схемы и возвыситься к воззрению более широкому» [10, с.282]. Действительно, хрестоматийный для XVIII века взгляд на личность как «на родовую сущность» [10, с.259-260] не выдерживал никакой критики в эру промышленного капитализма. Гессен писал по этому поводу, что «несостоятельность индивидуалистической доктрины либерализма самым убедительным образом доказана была печальным опытом действительной жизни» [1, с.9].

В этой связи, выглядят вполне логичными предположение Новгородцева о том, что «суживая понятие личности, эта система воззрений не могла возвыситься и к тому более широкому понятию общества, которое раскрывается лишь позднее, в XIX веке. Общество рассматривалось в ней как совокупность равных единиц, как сочетание однородных атомов, находящихся в своем единении только то, что присуще каждому из них в отдельности и что в общественной среде повторяется не качественно-повышенным, а лишь количественно-умноженным. Признание за этой средой самостоятельной нравственной ценности могло явиться только в связи с более широким представлением о личности. Но именно механическое воззрение, согласно которому общество столь легко и просто составляется из своих элементов путем их количественного повторения, давало возможность строить красивые схемы о согласии целого с частями». [10, с. 261].

В то же самое время, как писал в «Вехах» Кистяковский, «главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой» [4, с. 98]. И если, как и у Трубецкого, свобода составляет «содержание права» [14, с. 290], то отсюда, по мысли автора работы «Лекции по энциклопедии права» формулировалось требование, согласно которому «отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимой с благом общества, как целого» [14, с. 323]. Сверх того, как считал Гессен, «целью социальной жизни не может быть что-либо иное, кроме блага личности, как таковой» [1, с.10]. Вследствие чего, по мнению Покровского, «признание самоценности своей личности повелительно диктует и уважение к другим, а начало уважения к чужой личности и признание ее прав приводит к сознанию самой широкой социальной солидарности» [12].

Гессен подчёркивал тот факт, что «свободу, в отличие от индивидуалистических доктрин, мы понимаем не отрицательно, как независимость индивида от государства, а положительно, как возможность полного удовлетворения индивидом своих потребностей, полного развития им своих способностей и сил» [1, с. 10]. Так Кистяковский замечал, что «до сих пор многие думали, что один только правовой или конституционный строй нуждается в провозглашении Декларации прав в качестве основы государственного бытия; а так как по своей социальной структуре современное конституционное государство буржуазно, то и Декларацию прав поспешили объявить Евангелием буржуазии. Только теперь начинают постепенно признавать безотносительное значение принципов Декларации прав. Вместе с тем теперь все сильнее убеждаются, что тот государственный строй, в котором должна быть осуществлена социальная справедливость, ещё более, чем строй конституционный, нуждается в последовательном и полном проведении в жизнь этих принципов. Полное проведение их в жизнь тождественно с установлением свободного государственного строя и с осуществлением социально справедливых отношений» [5, с. 463].

В этой связи неудивительно, что в итоге Кистяковский пришёл к выводу, что «не подлежит сомнению, что чисто утилитарный взгляд на права человека и гражданина в кругах, заинтересованных социальными реформами, должен смениться более серьезным и вдумчивым отношением к ним. Более углубленно-вдумчивое отношение к права человека и гражданина должно привести к признанию, что требование осуществления прав человека и гражданина вытекает из самой природы взаимоотношений между государством и личностью и является неслучайным условием всякого политического, правового и социального прогресса» [5, с. 463]. Иначе, согласно Покровскому, от такой «биологической “евгеники” – небольшой переход до юридической “ставки на сильных”, до признания беспрепятственной эксплуатации со стороны всякого охочего и “сильного” человека индивидуальной слабости или странности [12]. Эту же мысль отстаивал и Новгородцев, разъясняя, что «равенство, как и свобода, вытекает из понятия личности. Оба эти начала одинаково предполагаются представлением о личности, как абсолютной ценности, имеющей безусловное нравственное значение. Во имя этого безусловного значения мы требуем для человека свободы, и так как в каждом человеке мы должны признать эту высшую нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства» [10, с. 310].

Затрагивая деликатную тему равенства, Новгородцев приходит к заключению, что «идеал равенства, подобно идеалу свободы, также не проводится последовательно и до конца в современном государстве: равенство в правовом государстве есть только понятие юридическое и формальное» [9, с. 227]. Далее он обратил внимание на то, что «политический характер французской революции и последовавшее за ней политическое развитие много способствовали тому, что равенство было понято тогда в смысле юридическом: под равенством в то время во Франции понимали урегулирование налогов, уничтожение податных и судебных привилегий, уравнивание всех перед законом, установление гражданского равноправия. Многие из этого только формально вошло в жизнь современного государства, но на деле полное осуществление и этого идеала – дело будущего» [9, с. 227]. Вследствие чего, Кистяковский вполне справедливо замечал, что «эти права, как и вообще всякая свобода, осуществляются путем долгой, упорной и систематической борьбы. Никакой революционный порыв не может принести с собой действительной свободы. Он ведет только к перемещению власти, а новые общественные элементы, получив в свои руки власть, часто не умеют обращаться с нею и, стремясь во что бы то ни стало удержать ее, прибегают к произвольным сред-

ствам и к более грубому нарушению свободы, чем прежние обладатели власти» [6, с. 227].

Если для Трубецкого свобода – это «умозрительный идеал разума, та идея, которая лежит на основе развития права» [14, с. 335], то по мнению Кистяковского «для действительного осуществления свободы мало провозгласить основные ее принципы, что только и может быть сделано во время революции, нужно выработать еще детальные формы для ее фактического существования» [6, с. 227]. Развивая эту мысль, Гессен полагал, что «Декларация прав – монолог законодателя, риторическое упражнение на либеральную тему, если за каждым из её императивных велений не стоит во всеоружии независимый суд» [3, с. 5]. И далее – «не может господствовать право, если нормы его не находят опоры и охраны в независимом и свободном суде. В великой лаборатории суда отношения силы превращаются в правовые отношения, система подчинения и господства в систему обязанностей и прав. В повседневной работе суда абстрактные категории права становятся живой и действенной силой, – пропитывающим началом, предохраняющим от распада и гниения социальную ткань» [3, с. 15]. Поскольку именно суд, вооруженный принципами декларации, способен защитить и расширить понимание свободы и равенства.

Как и римское право, так и французские образцы только дают для этого необходимые элементы, и, как замечал Покровский, «сложить их так или иначе в ту или другую сторону, – это уже дело человеческого развития, т. е. человеческих идеалов и человеческих сил» [13, с. 30]. Воистину вечным и непоколебимым выглядит представление этого ученого о том, что «развивающаяся и приходящая к сознанию самой себя человеческая личность, напротив, чем далее, тем более будет не в состоянии мириться с какой бы то ни было непрочностью, прекарностью своего юридического положения. Не милости, а права требует она. Не “объектом государственного призрения” желает она быть, а самостоятельным субъектом целеполагания. А с этой точки зрения никакой правопорядок не может обойтись без признания человека как такового юридической личностью, субъектом прав и без предоставления ему прав в субъективном смысле как необходимого средства для осуществления индивидуальной самостоятельности и самоутверждения» [12]. Продолжая свою мысль, Покровский, сославшись на работу Г. Радбруха, утверждал, что «в борьбе за субъективное право ... человек борется за свою моральную личность» [12].

Как мы видим, в трудах представителей российской школы «возрожденного естественного права» можно выявить вполне определенные оценочные суждения об эпохе Старого порядка. В целом то время характеризуется ими безграничным произволом, всеохватывающим неравенством и попранием прав человека. Такое бесправное положение человека в государстве эпохи Старого порядка способствовало вырождению внутренне-присущих качеств права, что способствовало перерождению права в санкционированное властью насилие. Положительное право Старого порядка теряло в глазах населения свой моральный авторитет и общеобязательность. Вследствие чего на повестку дня встал вопрос о разрешении указанных выше проблем посредством создания новых форм власти и правопорядка. При этом такая постановка вопроса не могла быть выведена сугубо из отвлечённых теоретических рассуждений, для которых было характерно представление о возможности создания гармоничных схем устройства общественных отношений в раз и навсегда организованном, разумно устроенном государстве.

Воздавая должное М.М. Ковалевскому и П.И. Новгородцеву, мы хотим заметить, что в ходе революции расширялось само представление о равенстве и свободе, в результате чего мыслимая картина мира претерпела изменения и трансформации. Таким образом, ими было доказано, что понимание свободы и равенства активно коррелируется с культурным контекстом. Более того, расширение самого содержания равенства в революционную эпоху выступает своего рода ключом к пониманию, как идейных истоков Великой французской революции, так и тех запросов и требований, которые могут быть сформированы обществом в условиях становления буржуазной цивилизации.

Так, по справедливому замечанию Новгородцева, в ходе революции «понятию о равенстве как о равноправии было противопоставлено иное представление, вытекавшее из требования равенства материального» [10, с. 312] и «умственного» [10, с. 312], что, безусловно, противоречило и противоречит пониманию достоинства личности, низводя организацию общества до уровня примитивных форм коллективного сосуществования. Вместе с тем, отталкиваясь от идеи А. де Токвиля о вырождении суверенитета в революционный период, данная группа учёных вполне обоснованно развила предположение о перерождении ничем не ограниченной и не связанной свободы во всемогущество государственной власти. Вследствие чего, мы вполне солидарны с мнением Покровского о том, «раз став на ту точку зрения, что индивид не цель, а только средство в интересах целого, мы утрачиваем всякие принципиальные сдержки и можем докатиться до дна» [12].

Учитывая вышеизложенное, нам остаётся только согласиться с точкой зрения Новгородцева о том, что смысл Декларации прав человека и гражданина 1789 г. заключается в охране живой человеческой личности [7, с. 535]. Ведь, провозглашённые в Декларации права и свободы человека, по точному замечанию Б.А. Кистяковского [6, с. 10], составляют границу всякой правовой государственной власти, а неукоснительное и полное провидение принципов Декларации способствует трансформации и преобразованию всей политико-правовой культуры общества. Тем не менее, реальное содержание и сила этих принципов не создавалось французским обществом того времени.

Новая постановка положения личности в государстве требовала создания действительных форм и средств правовой защиты. Однако вся интеллектуально-практическая работа в эпоху революции была направлена исключительно на устранение ограничений свободы и на отмену старых форм неравенства. Иными словами, интеллектуальная мысль данной эпохи оставляла вне поля зрения вопрос ограничения государственной власти, заикливаясь исключительно на вопросах её организации. Между тем, бесправие и насилие стали нормами жизни в период револю-

ции. Ведь, как справедливо заключал Гессен, «Декларация прав – монолог законодателя, риторическое упражнение на либеральную тему, если за каждым из её императивных велений не стоит во всеоружии независимый суд» [3, с. 5].

К этому стоит добавить, что с течением времени претерпело изменение идейное отношение к революционным принципам. К примеру, Кистяковский писал, что «к принципам Декларации прав установился совершенно будничным, чисто утилитарный взгляд на провозглашенные Декларацией свободы и права» [5, с. 459], что ни в коем случае нельзя списывать исключительно на неспособность последовательно и неукоснительно претворять в жизнь провозглашённые принципы, так как здесь необходимо учитывать возможное и вполне закономерное противоборство социально-экономических интересов в обществе.

Нам необходимо правильно и беспристрастно оценивать в динамике весь потенциал заложенных Декларацией принципов, которые, по мнению Новгородцева, сводились в эпоху Великой Французской революции исключительно к равенству всех перед законом [10, с. 311]. Одновременно с этим, исследуя в динамике принцип равенства, Новгородцев пришёл к заключению, что «идеал равенства, подобно идеалу свободы, также не проводится последовательно и до конца в современном государстве: равенство в правовом государстве есть только понятие юридическое и формальное» [9, с. 227]. Таким образом, вместе с изменением представлений о взаимоотношениях личности и общества углублялось и расширялось представление о свободе и равенстве.

Получается, что, выходя за рамки механистического восприятия личности и общества, индивидуалистическая доктрина либерализма по Новгородцеву [10, с. 281] находила возможные точки роста через две различные, но взаимозависимые идеи – через идеи свободы и идеи равенства. Происходила критическая переоценка установившихся после революции прав и свобод, вследствие чего, по мнению Кистяковского, становилось понятно, что «требование осуществления прав человека и гражданина вытекает из самой природы взаимоотношений между государством и личностью и является непременным условием всякого политического, правового и социального прогресса» [5, с. 463].

Несомненно, только в борьбе за право человек может претендовать на признание за собой права на достойную жизнь, на уважение своего человеческого достоинства и рассчитывать на социально справедливые отношения в обществе. Поэтому нам следует признать вполне обоснованным высказывание Кистяковского о том, что «последовательное осуществление Декларации прав человека и гражданина привело бы, несомненно, к коренному преобразованию не только всего политического, но и социального строя» [5, с. 462]. Вместе с тем, мы признательны французскому народу за провозглашение безусловной ценности личности, за кодификацию принципов свободы и равенства в той простой и понятной форме, в которой эти принципы были переданы будущим поколениям. В конечном итоге, нам следует признать, что только при неукоснительном росте самооценки личности и уважении к её правам и свободам возможно позитивное преобразование всей политической системы общества и установление социально справедливых отношений.

The article is devoted to the research of the views of the Russian pre-revolutionary law scholars on the comprehension of freedom and equality in France at the end of XVIII – the beginning of XIX centuries. The author investigates the interrelation between a law order and a legal awareness to concern the problem of the restriction on a political authority. The author evaluates the principles of freedom and equality which were written in the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen, as the inherent attributes of human rights. The author examines changes in the relationships between an individual and society. The author justifies the assumption about the necessity of the due respect of individual rights and liberties that, ultimately, it is to promote the transformation of a social system.

Key words: *the Ancien Régime; the Great French Revolution; the Russian scholars who upheld a restatement of natural law; the western legal culture; the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen; individual rights.*

Список литературы

1. Гессен В.М. Административное право. СПб, 1903. 240 с.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права (издание 2-е). Петроград.: Издание Юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. (<http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/>)
3. Гессен В.М. О судебной власти // Судебная реформа. Под Редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. с. 1-15.
4. Кистяковский Б. А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М, 1909. с. 97-126.
5. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. – ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2010. 656 с.
6. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. – ч. 2. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2010. 376 с.
7. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы психологии и философии. Книга V (75). М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1904. с. 508-538.
8. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. Москва, 1904. 109 с.
9. Новгородцев П.И. Конспект к лекциям по истории философии права. Москва, 1908. 246 с.
10. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М, 1909. 395 с.
11. Новгородцев П.И. Учения Нового времени XVI-XVIII вв. М.: Издание магазина «Книжное дело», 1904. 188 с.

12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. (<http://civil.consultant.ru/elib/books/23/>)
13. Покровский И. А. Роль Римского права в правовой истории человечества и в современной юриспруденции // Отгиск из «Ученых Записок Имп. Юрьевского Университета». 1894. Т. 3. с. 1-30.
14. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб.: Издательство РХГИ, 2001. 543 с.

Об авторе

Лентиков А.Н. – соискатель Смоленского государственного университета, lentikov@yandex.ru.

УДК 947.081.11

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В ДНЕВНИКАХ П.А.ВАЛУЕВА (1861-1864 гг.)

А.И. Максимов

Статья представляет собой попытку представить процесс обсуждения способов решения «польского вопроса» в высших эшелонах Российской империи накануне и в ходе польского восстания 1863 г. Основным источником послужили дневниковые записи тогдашнего министра внутренних дел России П.А. Валуева.

Ключевые слова: «польский вопрос», реформы, дневники, государственная политика.

«Польский вопрос» был важным и одним из самых сложных не только в политике Российской империи, но и в европейских международных отношениях. После трех разделов Польши, и в результате Венского конгресса 1815 г. Россия получила немалую часть территории Речи Посполитой, с преобладавшим там польским населением. Ключевыми проблемами выступали вопросы государственного статуса и границ польских земель, их автономии, ограниченного суверенитета или полной независимости [1, с. 218].

Включение такого рода «чужеродного элемента» в состав Российской империи не могло не отразиться на политике империи. Статья представляет собой попытку представить процесс обсуждения способов решения «польского вопроса» в высших эшелонах Российской империи накануне и в ходе польского восстания 1863 г. Основным источником послужили дневниковые записи тогдашнего министра внутренних дел России П.А. Валуева.

Петр Александрович Валуев в 1831 г. был определен на службу в 1-е отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В 1852 г. он получил чин действительного статского советника, а годом позже назначен курляндским гражданским губернатором. В этой должности П.А. Валуев сумел себя проявить с лучшей стороны, а в 1855 г. стал известным в высших политических кругах, благодаря своей записке «Дума русского во второй половине 1855 г.». В ней он подверг критике существующий уклад государственного управления. Однако следует отметить, что хотя записка содержала в себе достаточно резкую критику положения дел, в ней также присутствовало и «покорное обращение» к царю: «Россия взирает к венценосному вождю своей безмолвною мольбою. Сердце царево в руке Божьей» [2, с. 514], что не могло не понравиться молодому Александру II.

Возможно, именно поэтому в 1858 г. П.А. Валуев был повышен в должности и стал директором 2-го департамента Министерства государственных имуществ, а позже – директором 3-го департамента (сельского хозяйства). Новое назначение управляющим делами Комитета Министров последовало 1 января 1861 г., а 9 ноября 1861 г. он был утвержден в должности министра внутренних дел.

Дневник П.А. Валуева является очень интересным и важным историческим источником, в котором достаточно подробно освещается деятельность российского правительства в 1860-х гг., поэтому двухтомное издание этого документа с подробными комментариями было осуществлено Академией наук СССР в 1961 г. Будучи одним из видных государственных сановников, П.А. Валуев, которому была известна вся подоплека обсуждений, настроений, тенденций и причин принятия решений в высших кругах власти, в своих записях не ограничивался лишь официальными заметками. Достаточное внимание в дневниковых записях уделено событиям в Польше начала 1860-х гг., что позволяет выяснить отношение к «польскому вопросу» основных участников его обсуждения в правительстве Российской империи.

В 1861 г. озабоченность в правительственных кругах была вызвана польскими февральскими событиями. В Варшаве 13 февраля произошли беспорядки. В связи с годовщиной Гроховской битвы должна была пройти и прошла поминальная служба. В демонстрации принимало участие несколько тысяч человек, российскими войсками был дан залп по толпе, в результате чего было убито 5 человек [3]. В записи от 16 февраля 1861 г. П.А. Валуев отмечал: «Говорят, что народ столпился и что войско принуждено было действовать оружием» [4, с. 69]. Характеризуя эти события, министр заявил, что поляки уже давно ищут повода подставиться под пули, а цель этих действий – обратить внимание Европы на Польшу [4, с. 69].

Спустя несколько дней, 19 февраля, российскому императору был направлен адрес за подписью 140 прелатов и иных почетных лиц, с прошением восстановить конституцию Конгрессского царства, впрочем, по некоторым сведениям поляки просили о введении Органического статута 1832 г. (запись П.А. Валуева от 20 февраля) [4, с. 72]. Двумя днями спустя министр внутренних дел уточнил предыдущую запись: «В этом адресе не выражается никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции кон-

гресского царства, но только приносится е. и. Величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши» [4, с. 74].

Совету министров было поручено обсудить сложившуюся ситуацию с тем, чтобы дать ответ на полученный адрес и наметить выход из сложившейся ситуации. Заседание министров характеризуется записью от 13 марта 1861 г. По словам П.А. Валуева, кроме постоянно присутствовавших 15 членов были приглашены также Мейерсдорф, Строганов, Тымовский и Платонов [4, с. 83]. Ситуация была далека от единства, и по разрешению «польского вопроса» звучали различные предложения. Например, граф Панин видел проблемы управления в Царстве исключительно в части народного просвещения, считал также опасным избирательное начало в городах, потому предлагал: «Бургомистров и рагманов назначать от правительства. <...> Улучшить часть народного просвещения. Действовать постепенно и осторожно в отношении к реформам». П.А. Валуев по этому поводу замечал: «Я никогда не слышал ничего более пустого, чем то, что говорит граф Панин, хотя, впрочем, его речь звучит и льется» [4, с. 84].

Сохранилась дневниковая запись и о выступлении министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, который настаивал на том, что необходимо как можно скорее разрешить вопрос, без контактов с Варшавой: «В наши дни время пожирает, но не укрепляет» [4, с. 84]. Приглашенный на заседание член Государственного совета, статс-секретарь Царства Польского В.П. Платонов заявлял: «Никаких уступок. Существует органический статут, его следует выполнять» [4, с. 84]. Будущий председатель комитета по делам Царства Польского К.В. Чевкин считал, что торопиться нельзя и что выборное начало полезно в польских городах. Главным врагом он считал высшее сословие. «Они выдают за общественное мнение свой собственный взгляд на вещи» [4, с. 85]. При этом, по словам П.А. Валуева, К.В. Чевкин не упоминал ни слова о крестьянах, полагая, что лучшим вариантом будет сделать 39 уездных представительств с коронными представителями, чем одно центральное [4, с. 85]. Граф С.Г. Строганов в противоположность другим участникам обсуждения считал, что следует опираться на низшие сословия [4, с. 85].

Такое разнообразие мнений и отсутствие четко выработанной позиции не располагали к взвешенному решению. Позже П.А. Валуев запишет, что заседание заходило в тупик, «государь начинает обнаруживать нетерпение», в итоге «никто не решается прямо сказать своего мнения» [4, с. 85]. В конце концов, Александр II пришел к выводу, что все согласны принять предложения статс-секретариата. Речь шла о предложении, целью которого являлось введение в действие с некоторыми изменениями Органического статута 1832 г. Была также добавлена возможность допущения двух епископов или прелатов в Государственный совет, отделение народного просвещения и духовных дел от Комитета внутренних дел, а также возможное назначение Велопольского директором этого отделения.

Реакция П.А. Валуева лишь подтверждает то, что в Совете министров существовала неразбериха и отсутствие единодушия: «Под конец всё происходит так неотчетливо, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю сам, что принято, что не принято» [4, с. 85]. Очевидно, что в Совете министров мало кто понимал истинное содержание «польского вопроса». П.А. Валуев записал в свой дневник: «Никто не подумал, никто не упомянул о том, что вытерпела или перетерпела Польша в это 30-летие...» [4, с. 86].

Из материалов заседания Совета министров в изложении П.А. Валуева видно, что его члены практически не осознавали главного, т. е. того, что поляки – другой народ, самосознание которого в первую очередь нацелено на достижение независимости, что он исповедует иную веру, обладает иным типом политического мышления. В высших образованных слоях польского общества было в полной мере развито личностное начало, что, увы, не было характерно для России. «Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольного человека», – в свое время отмечал А.И. Герцен [5, с. 89].

Однако отсутствие единства взглядов по многим из стоявших перед Польшей проблем имело свою оборотную сторону: полякам не удалось создать сильное государство, что влекло за собой утрату целостности и политического значения. В условиях такого рода различий подход к «польскому вопросу» должен был быть не менее серьезным, чем забота о своих подданных.

П.А. Валуев в этой связи также отмечал: «...если крамолы продолжались и продолжают, то мы собственными ошибками и неумением вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признавал (кроме кн. Горчакова, и то только мимоходом) крайности современных обстоятельств» [4, с. 86]. Характеризуя сам результат заседания, министр внутренних дел заявлял: «Не хотели делать уступок и не заметили, что их делают...» [4, с. 87]. Это в очередной раз ставит под вопрос правильность принятых решений, которые вытекали из того, насколько реально смотрели министры на положение вещей.

Дневник министра внутренних дел помогает разобраться в том, насколько правительство стремилось и облагоустроило инициативой в попытках разрешить ситуацию и в каком направлении мыслило направить свои действия. Из дневниковых записей становится очевидным, что оно просто пыталось как-то отсрочить что-то неизбежное и полумерами немного ослабить напряженность. В своих записях П.А. Валуев подтверждает именно такой сценарий принятия решений: «Строго логичен был один гр. Строганов. Он признавал движение в Польше мятежом и, следовательно, не хотел ничего, кроме подавления движения. Другие члены Совета в душе также считали дело мятежом, но полагали более уместным с ним заключить сделку, чем его покарать. Это неизбежно вело их к переменам в прежней системе. Но они попытались ограничиться частностями, не коснувшись ее коренных начал» [4, с. 88].

На слабость окружения императора указывал в беседе с Валуевым князь Долгоруков: «...еще нет при его величестве советника, который мог бы быть выразителем мнений и защитником больших и смелых мер» [4, с. 88]. В свою очередь и Валуев подтверждал в беседе с великим князем Константином сказанное насчет

неведения правительства по проблемам Польши: «Я отвечал уклончиво, что не знаю, можно ли было поставить что другое, но присовокупил, что с прискорбием слышал все то, что в Совете было говорено, потому что оно доказывает, что члены Совета не знают Польши и не видят размеров тамошнего вопроса» [4, с. 89].

В апреле того же года состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос о мерах надзора за университетами. Кроме всего прочего речь шла об учреждении университета в Вильно для отвращения польских студентов от российских университетов. П.А. Валуев, характеризуя это совещание, называл его «бесцельным разговором». Он записал в своем дневнике: «Мы словно в черной котловине, исходного пути не видно. Государь не замечает, что перед ним дилемма: вести дело новою стезею или не вести его вовсе. Его советники или сами того не видят, или не имеют духа ему это высказать» [4, с. 97-98]. Возмущение автора вызывала бездеятельность правительства, ему также неясно, почему, имея 30-летний опыт ведения дел в Царстве Польском, никто не замечал, что такой способ ведения дел неэффективен.

В своих записях Валуев подчеркивал важную роль Польши для международной политики империи: «Мы от Польши отрешиться не можем. Где проведем границу между Польшей и нами и где оставим себе точку соприкосновения с Европой, если отделим Польшу?» [4, с. 99]. Свою позицию относительно «польского вопроса» Валуев определял следующим образом: «Мы должны осуществить первый из известных двух стихов Пушкина:

*«Славянские ль ручьи сольются в русском море
Оно ль иссякнет? – вот вопрос»*

Но для осуществления именно первого, а не последнего стиха, нужно смотреть на польские дела иначе. А, взглянув иначе на них, мы иначе взглянем и на дела русские» [4, с. 99].

Следующее сообщение о Польше в дневнике П.А. Валуева появляется в сентябре 1861 г., но содержало оно лишь сведения о том, что после введения военного положения ситуация немного успокоилась, однако несмотря на относительное спокойствие в Варшаве, в провинциях периодически происходили вспышки волнений.

Любопытно отметить одну из характеристик Валуева, относящуюся к людям, решавшим судьбу Польши, но, которые «как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов» [4, с. 128]. Слабая осведомленность о ситуации в Польше, отсутствие прогресса в мышлении чиновников, которые жили прошлым и не хотели видеть реалии, в которых они существовали, становились причинами неверных государственных решений.

Очередной значимой датой в обсуждениях «польского вопроса» стало 24 апреля 1862 г. Именно тогда произошло очередное совещание у Александра II, на котором был затронут вопрос о возможном поручении гражданского управления в Царстве Велопольскому. В очередной раз Валуев критически отзывался о графе Панине, который «был нелеп по обыкновению» [4, с. 162], по мнению автора, для графа будто бы и не было 14 месяцев анархии и военного положения и разного рода неудач. Князь Долгоруков, считал Валуев, обладал слишком ограниченным кругом суждений и недалекостью, Милютин – «ниже своего обычного уровня», генерал Лидерс – весьма ограничен «на поприще гражданских и государственных дел» [4, с. 162]. Сам же А.Н. Лидерс, который исполнял обязанности наместника в Царстве Польском, заявлял, что он не останется на своем месте в случае, если Велопольского назначат начальником гражданского управления. Со всей очевидностью он видел в этом назначении прямую угрозу собственному авторитету, но и другие высшие государственные сановники были против изменений в управлении Польши. Только Валуев и Горчаков выступили сторонниками назначения Велопольского. По мнению министра внутренних дел, без прямого участия имени того поляка разрешить «польский вопрос» было невозможно, что для большинства членов правительства не являлось очевидным. Александр II вынужден был пообещать подыскать нового помощника.

Очередные новости из Варшавы были получены 3 сентября 1862 г.: там был составлен адрес Замоискому о воссоединении Литвы с Польшей, 20 сентября подольское дворянство составило адрес о присоединении в административном плане Подолии к Польше. В этой связи того же дня был образован Западный комитет, задачей которого являлась выработка мер по подавлению польского национально-освободительного движения в Белоруссии, Литве, правобережной Украине.

Однако реальных изменений не произошло, поскольку Комитет был образован при участии всё тех же людей, чьи политические взгляды вряд ли могли улучшить ситуацию в Царстве Польском. По сути, этот Комитет стал очередным примером политической недееспособности его участников. Подтверждением этого является то, что вскоре после его создания, 25 сентября, Валуев предложил на заседании его членам высказаться по поводу ситуации в Западном крае, однако, они заняли выжидательную позицию и предпочли дожидаться очерка положения дел из западных губерний. Автор отмечает, что «считал 20 сентября восстановление Западного комитета для себя выгодным, <...> имел добродушие 25-го сентября обратиться к членам Комитета. <...> Они благоволили канцелярски отозваться, что обождут, пока я им представлю канцелярскую ткань мышления, <...> когда "очерк", которого они ожидали, был составлен и представлен, и когда дальнейшее развитие событий мне дало еще большее право на помощь Комитета, он ни разу мне не оказал этой помощи...» [4, с. 344].

В конце концов политическая ситуация в Польше, слабая осведомленность о положении дел в Царстве Польском, нежелание власти Российской империи что-то менять, отсутствие политической дальновидности у высших государственных чиновников, привели к тому, что в Польше в начале 1863 г. вспыхнуло восстание.

В своем дневнике П.А. Валуев негативно оценивал нерешительность властей и характер принимаемых правительственных решений относительно польских событий. В его записях периодически обнаруживается стремление к силовому разрешению вопроса. Вместе с тем со всей очевидностью он считал, что такой способ,

при определенной его эффективности, не был достаточно разумным с точки зрения будущего положения дел и не решал проблему окончательно. Да, ситуация в Польше могла нормализоваться, но это на очень долгое время отложило бы возможное примирение двух народов и практически исключало их мирное сосуществование.

«К сожалению, есть некоторая вялость в наших распоряжениях и в нашем военном министре» [4, с. 203], – отмечал П.А. Валуев 17 января 1863 года, а 19 января, он записал: «Милютин невероятно вял, ввиду нынешних обстоятельств, государю тоже не хочется передвигать войска» [4, с. 203], и это в условиях того, что 14 января было прервано сообщение с Варшавой. Хотя и постановлено было отправить лейб-казачий полк. Решение об отправке войск император принял лишь 28 января, в то же время известий из Варшавы, согласно записям Валуева, поступает очень мало, кроме того, они «...как-то неполны, отрывисты, не обнаруживают единства и энергии действий на местах» [4, с. 206].

Нельзя обойти вниманием обсуждение вопроса об обязательном выкупе крестьянских угодий в Северо-Западном крае, который был решен утвердительно, несмотря на сильное сопротивление некоторых членов Комитета. Этот вопрос был весьма тесно связан с польским национально-освободительным восстанием. Поскольку в законе, который был издан 1 марта 1863 г., вводился обязательный выкуп, а обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались с 1 мая того же года, оброк снижался при этом на 20%, а те, кто находился на барщине, переводились на оброк. Целью это закона являлось привлечение на сторону правительства местного крестьянства. Валуев называл эту меру, мерой «огромной важности и огромных размеров» [4, с. 207].

Следует отметить, что в записях 1863 г. «польский вопрос» упоминался весьма редко, точнее всё, что так или иначе касалось дел в Царстве Польском. Автор ограничивался короткими фразами: «из Варшавы никаких новостей», «с Запада все те же вести», «из Польши ничего нового». Во второй половине года П.А. Валуев характеризовал «польский вопрос» как «полузагишь» [4, с. 258].

Однако в записи от 7 июня 1863 г. сообщается о том, что «положение дел в Царстве нестерпимо» [4, с. 228], главным образом это связано с личностью наместника великого князя Константина, который, по мнению автора, «явно в руках предателей, или под влиянием страха за свою особу, или, что еще было бы хуже, под влиянием расчетов на возможность отделения Польши под его скипетр» [4, с. 228]. Чем дольше Константин находился в качестве наместника, тем больше становилось недовольство его бездействием. Дела в Польше становились все хуже, а 1 августа 1863 г. упоминалось о первой военной неудаче. Автор дневника окончательно разочаровался в великом князе. Если раньше П.А. Валуев писал, что Константин: «...весьма здраво судит о положении Польши» [4, с. 162], то теперь с очевидным раздражением заявлял, что «поручик армейской пехоты не мог бы рассуждать так неприлично бестолково» [4, с. 243].

В конце концов, Константин был окончательно отозван из Варшавы, хотя и очень этому противился. Если оценивать пребывание его в качестве наместника, то нельзя назвать это никак иначе как поражением. Сам он заявлял: «Я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату» [6, с. 28], но вряд ли это можно считать достаточным оправданием.

Примечательна оценка действий правительства империи, данная послом Франции в России Луи Наполеоном Огюст Ланном (герцог де Монтебелло), который заявил: «... история, вынося беспристрастный приговор всему происходящему, должна скорее обвинить русское правительство в слабости, чем в чрезмерной суровости» [4, с. 231]. В этой связи Валуев записал в своем дневнике: «Верно, но что сказал бы он, если бы знал то, что я знаю о нашем управлении в Царстве» [4, с. 231].

Валуев считал единственным выходом исключительно силовое решение сложившейся ситуации. Свою позицию он излагал на одном из совещаний в Царском Селе при рассмотрении вопроса нареченных епископов: «...дело в разрешении польского вопроса силою, что если разрешение будет в нашу пользу, то к нам вернутся все нынешние предатели и изменники, а если не в нашу пользу, то отвернутся окончательно...» [4, с. 234]. Еще одной характеристикой взглядам Валуева на «польский вопрос» может служить запись от 6 декабря 1863 года: «Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей – ни одной» [4, с. 259]. Он считал, что нужна общая идея, которая не будет чужда полякам, и только тогда можно расположить их к империи.

Такой взгляд на польские события министра внутренних дел шел в разрез с его собственными оценками сложившейся там ситуацией и возможными последствиями военного противостояния. Попытка немедленного умирения населения Польши, создавала огромную проблему в будущем. П.А. Валуев сам полагал невозможным решение проблемы без центростремительных сил в Царстве, а применение силы только усиливает центробежные силы.

В своем дневнике автор практически ничего не говорит о том как он отстаивал свою позицию, вносил ли серьезные предложения, спорил, или пытался как-то повлиять на Александра II. В проходивших обсуждениях свою роль сыграла существовавшая система власти в России, не предусматривавшая открытых возражений по поводу действий императора. Видимость коллективной выработки решений по тому или иному вопросу сводилась к беспрекословному следованию решениям, зачастую принятым Александром II без участия представителей правительства. Отсутствие попыток поиска альтернатив силового варианта, ставило П.А. Валуева в один ряд с теми политиками, которые в силу своей нерешительности колебались в принятии решений и также не могли предложить что-то более-менее реальное.

В конце 1863 г. польское восстание пошло на спад, и в «польском вопросе» проявилась новая тема, связанная с последующими реформами на территории Царства Польского. Однако в записях за 1864 г. упомина-

ний о проблемах, связанных с Польшей было немного: в основном это заметки без подробностей, сообщения о заседаниях Польского комитета. Первое из них, состоявшееся 28 декабря 1863 г., было посвящено проектам крестьянской реформы. Запись весьма эмоциональна, она пронизана негодованием, недоумением и возмущением: «Проект составлен лицом, не знающим Польши, пребывавшим там 6 недель и будет обсуждаться и обращаться в закон без участия хотя бы единого поляка!» [4, с. 262-263].

В очередной раз правительство, как и накануне восстания, попыталось вершить дела не принимая во внимание саму ситуацию. Если мнение П.А. Валуева насчет Н.А. Милютина можно в какой-то мере списать на личную неприязнь, то отсутствие мнения самих поляков, пусть без допущения их до реального влияния на ситуацию, могло негативно отразиться на успешности реформ в отношении другого народа (это заметил во время обсуждения Панин, только его высказывание осталось без поддержки участников собрания). П.А. Валуев даже не называет это совещанием: «...было только чтение доклада Милютина и некоторые разглагольствования о том, что делалось и делается в Польше» [4, с. 263].

Князь Гагарин: «...нам нечего заботиться о том, что скажет Европа, что мы у себя хозяева, что можем делать в Польше, что и как нам угодно и пр. и пр.». Валуев: «И это называется правительством!» [4, с. 263]. Пару недель спустя в записи от 14 января Валуев описывал контраргумент предложению Гагарина по поводу того, что возможно лучше будет дать землю крестьянам за вознаграждение «из общих налогов», т. е. в дар, на что автор дневниковой записи заметил: «Два раза завоевав Польшу мечом, мы теперь собираемся ее купить на чужие деньги у польских крестьян» [4, с. 266]. Это заявление имело, по мнению автора, определенный успех, пожалуй, последний из локальных успехов Валуева в части реформ.

Как уже упоминалось, далее сведения о польском вопросе имеют формальный характер, впрочем, нельзя не упомянуть о записи от 16 декабря 1864 г., которая является, пожалуй, лучшей иллюстрацией всей деятельности Польского комитета. «Утром доклады. Потом заседание Польского комитета до 5 час. Утомительно и бесполезно. Дела делаются заранее Милютиным, а в заседании Чевкин толкует о мелочах» [4, с. 306]

Так выглядит оценка «польского вопроса» в дневниках П.А. Валуева. Материалы этого документа позволяют оценить вклад отдельных представителей высших российских кругов в его решение, степень их осведомленности о делах Царства Польского, а как следствие – возможности успешных преобразований на этих территориях. Становится очевидным, что отсутствие критического мышления и адекватного взгляда на реальную ситуацию мешали российским властям предпринять какие-либо успешные действия в разрешении польской проблемы. Многие из высших чиновников по-прежнему жили представлениями 1830-х гг., мало кто из них учитывал, что в Царстве Польском произошли существенные изменения за последующие 30 лет. Никто из них в итоге не мог предложить Александру II политические шаги, способные заставить поляков забыть о «*restitutio in integrum*» и успешно разрешить «польский вопрос».

The article is an attempt to present the process of discussing ways of solving the "Polish question" in the top echelons of power in the Russian Empire before and during the Polish uprising of 1863. The article is based on diaries of then Minister of Internal Affairs of Russia, P.A. Valuev.

Key words: "Polish question", reforms, diaries, public policy.

Список литературы

1. Борейша Е.В. К истории польского вопроса в XIX–XX веках // Европа. Журнал польского института международных дел. 2002. Т. 2. № 1 (2).
2. Русская старина. 1893. Кн. 9.
3. «Vivat Polonia» // Колокол. 1861. 15 марта.
4. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. 1.
5. Герцен А.И. Поляки прощают нас! // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1957. Т. 12.
6. Перетц Е.А. Дневник. М.; Л., 1927.

Об авторе

Максимов А.И. – аспирант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», arturmaksymow@gmail.com

УДК 947. 084.+ 301

ИЗУЧЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕОРИЙ.

И.В. Малашенко

В статье проводится сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий, раскрывающих сущность электорального поведения населения. Автор выявляет возможности применения научных теорий на практике в условиях политической модернизации страны, в том числе Брянской области, и представляет модель «воронки причинности» электорального поведения россиян.

Ключевые слова: электоральное поведение, сравнительный анализ, научные теории, модель «воронки причинности».

Противоречивый процесс становления института демократических выборов в нашей стране вызывает научный и практический интерес к исследованиям, посвященным электоральной проблематике. В последнее время возникает потребность изучать не сиюминутные настроения избирателей, выраженных в рейтингах лидеров политических партий и государственных деятелей, а проникать в глубинные механизмы электорального поведения граждан. В данной статье проводится сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий с целью выяснить возможности их применения на практике в современных российских условиях, в том числе и в Брянской области.

Участие населения в политике является неотъемлемым атрибутом современного демократического общества. Оно дает возможность быть субъектами политики, а значит, способность влиять на решения важнейших общественных проблем и определять условия своего существования. Самой распространенной формой политического участия является – электоральное поведение или участие в выборах. В некоторых странах доля участвующих в национальных выборах доходит до 90% (например, Австралия), в большинстве стран развитой демократии она обычно колеблется от 50 до 80%» [1, с. 322]. Остальные виды участия в очень немногих случаях охватывают более 25% граждан. Для нашей страны электоральное поведение – это сравнительно новый социально-политический феномен. Электоральное поведение отдельных граждан, имея индивидуальный характер, превращается в массовое поведение, определяющее судьбы страны, а «учитывая масштабы и военно-стратегическую значимость России – то нередко и судьбы мира» [2, с. 175].

Следует подчеркнуть, что в отечественной литературе не сложилось общепринятого определения термина электоральное поведение. Заведующий отделом социологии фонда ИНДЕМ В.Л. Римский предлагает следующую трактовку: «Электоральное поведение – это система взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов» [3]. Специалист в сфере политического маркетинга Ф.Н. Ильясов под электоральным поведением понимает «участие (неучастие) субъекта в выборах в органы представительной власти, а так же голосование за определенного кандидата или партию» [4, с. 25]. Охременко И.В. считает, что электоральное поведение – это «форма проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих полномочий» [5, с. 12]. На наш взгляд, электоральное поведение – это самое узкое понятие в соотношении терминов: политическое поведение, политическая деятельность и политическое участие. Электоральное поведение – важнейший вид конвенционального политического участия граждан, совокупность действий граждан, связанных с формированием органов политической власти, показатель вовлеченности в политическую жизнь.

Первые шаги на пути исследования электорального поведения были сделаны зарубежными учеными в начале XX века. Французский демограф А. Зигфрид в работе «Политическая картина Западной Франции в период Третьей Республики» выделил четыре группы факторов, влияющих на электоральное поведение: особенности страны; социальная структура, религиозные предпочтения, внешняя среда. Ученый выявлял связи между электоральным поведением и объективными географическими, политическими, культурными и экономическими условиями существования людей. Важную роль в становлении «экологической школы» сыграл ученик А. Зигфрида Ф. Гогель, который уделял большое внимание социально-структурному влиянию (тип поселения) на политическое поведение. В целом, можно заметить, что географический подход к выборам носил чисто описательный и статистический характер, но он позволял выявить пространственные изменения поведения избирателей.

В 20-е гг. XX в. особый импульс в изучении проблемы положило бихевиористское направление политической социологии. Американские ученые Ч. Мерриам и Д. Госnell в работе «Отказ от голосования: причины и методы контроля» (1924 г.) применили современную технику опроса (интервьюирование) избирателей при изучении вопроса абсентеизма. Однако из-за небольшого интереса к проблеме электорального поведения, данное исследование долго оставалось в тени.

В 50-е гг. XX в. электоральное поведение становится предметом изучения многих общественных наук. Появляются исследовательские работы, основанные на эмпирическом материале, изучающие роль различных факторов в процессе голосования. В зарубежной науке принято выделять четыре основных теоретико-методологических подхода к изучению электорального поведения, основанных на осмыслении длительной практики свободных выборов в устоявшихся демократиях: социологический, социально-психологический,

теория рационального выбора и когнитивная модель.

Социологический подход американских ученых П. Лазерсфельда, С. Липсета, С. Роккана, Р. Майлна отводит решающую роль социальной принадлежности индивида и его социальному статусу. Основы данного подхода были заложены группой американских ученых Колумбийского университета под руководством П. Лазерсфельда. Эмпирическое исследование, проведенное по результатам президентских выборов 1948 г. показало, что выбор избирателей определяется не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам, степенью проявления солидарности индивида с группой [6]. Такое поведение избирателей получило название – экспрессивное.

Важную роль в развитии первого подхода сыграла статья С. Липсета и С. Роккана, опубликованная в 60-е гг. XX в., в которой была представлена модель формирования партийных структур и структура предпочтений избирателей Западной Европы [7]. По мнению ученых, на электоральную политику особое влияние оказывают конфликты (Примечание И.М.-расколы-cleavage): между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими.

В 70-е гг. XX в. американские ученые С. Верба и Н. Най предложили в рамках социологического подхода «ресурсную» или «среднеуровневую» теорию электорального поведения. В работе «Участие в Америке» они показали зависимость политического участия от показателей социального статуса. Проведенные исследования показали, что более активно в голосовании представлены представители высшего и среднего классов, мужчины. Активизм преобладает также среди молодежи и людей, имеющих высокий уровень образования [8, р.336].

Таким образом, социологический подход отводит решающую роль в объяснении электорального поведения социальной принадлежности индивидов, дает возможность выявить различия в политических предпочтениях и поведении отдельных социальных групп, определить существующие между ними идеологические размежевания. Представители данного направления считают, что политический выбор индивида в значительной степени подчиняется коллективным нормам: люди голосуют так, как голосует их ближайшее окружение, оно, в свою очередь, воплощает установки более широких социальных групп. По мнению П. Лазерсфельда, «личность думает политически так, какой она является социальной» [9, р.148]. Однако эмпирическая способность социологического подхода предсказывать исход выборов оказалась не очень высокой в странах Западной Европы, и особенно в США.

Достоинство социологического подхода заключается в рассмотрении мотивов голосования через переменные: образование, социальный статус, пол, возраст, место жительства др. Однако использовать только один подход при анализе электорального поведения россиян нецелесообразно, так как модели социальной стратификации западного и российского общества пока существенно отличаются друг от друга. Сложившаяся модель социальной структуры российского общества – это своеобразная, прижатая к земле пирамида или «груша», где большинство населения прижато к низу – 80%, тогда как около 3-5% богатых составляют ее вершину, а среднего класса как бы и вовсе нет. Сегодняшняя социальная стратификация России не напоминает структуру общества постиндустриального типа. Согласимся с мнением российского социолога Тихоновой Н.Е., что «современная социальная структура РФ – это пример стратификации США или стран Западной Европы перед Первой мировой войной» [10, с.345]. Однако отказываться от учета роли фактора социальной принадлежности при изучении электорального поведения российской молодежи, на наш взгляд, все же не стоит.

Второй социально-психологический подход появился в 60-е гг. XX в. «Теория партийной идентификации» в качестве решающего фактора голосования рассматривает психологическую связь избирателя с той или иной партией, его преданность и симпатию. Странники данного подхода американские ученые А. Кэмбелл, П. Конверс считают, что главным агентом социализации является семья как фильтр, через который пропускается информация, относящаяся к кандидатам – политикам, партиям и общественным группам. По мнению ученых, склонность к поддержке определенной партии вырабатывается у индивида в процессе ранней социализации [11, р. 128]. В результате, человек часто голосует за ту же партию, за которую голосовали его отец, дед или даже более отдаленные предки. Отождествляя себя с определенной партией, избиратель верит, что она наилучшим образом выражает его интересы, далеко не всегда реально оценивая конкретную деятельность партии и содержание ее программ. Понятие «партийная идентификация» стало одним из важнейших в практике прогнозирования электорального поведения в странах Западной Европы.

Однако социально-психологический подход, не лишен недостатков. Во-первых, он не всегда способен объяснить механизм выбора или предсказать, как распределяются голоса избирателей, поскольку результат выборов обычно зависит от поведения тех, чья социальная и партийная идентификация неопределенны, а поведение является результатом случайных и потому непредсказуемых влияний. Во-вторых, в результате усложнения социальной структуры в 60-70 е гг. XX века, повышения мобильности населения и появления новых средних слоев наблюдалось снижение влияния партийных факторов на политические ориентации избирателей.

Одной из специфических особенностей российского общества, которую отмечают многие зарубежные и отечественные ученые, является не сформировавшаяся устойчивая система политических движений и организаций, выражающих интересы конкретных социальных групп и слоев общества. В связи с этими особенностями, опираться только на социально-психологический подход при изучении электорального поведения россиян, считаем неуместным.

В середине 50-60-х гг. XX в. проявляется тенденция рационализации электорального выбора и усиле-

ния влияния ситуационных факторов. Третий подход - модель рационального выбора превращает человека из «пленника» структурных факторов и политических установок в актора (субъекта), осознанно принимающего решения. Данный подход исходит из того, что люди по своей природе эгоистичны и расчетливы; они делают свой выбор не под давлением окружающей среды, а ориентируясь на достижение максимально выгодных для них результатов при минимально возможных издержках. Основатель теории рационального поведения американский ученый Энтони Даунс считал, что таким критерием может служить идеология: наибольшая выгода голосующего «достигается при максимальном совпадении личной идеологии и идеологии партии (кандидата)» [12, р. 36]. Подобная трактовка расчета поведения не свидетельствовала о том, что избиратель делает свой выбор на основе анализа огромного объема информации о партийных программах.

Интересную интерпретацию определения выгоды голосующего предложил американский ученый Морис Фиорина в своей «теории ретроспективного голосования». Суть теории минимизации усилий состоит в оценке прошлой деятельности правительства: если оно в целом успешно справлялось со своими обязанностями, то разумно поддержать его на выборах. Гражданам не нужно вникать в детали проводимой правительством внутренней и внешней политики; достаточно знать, как им жилось при этом правительстве, которое «несет ответственность за положение дел в обществе, прежде всего в экономике» [13, р. 5]. По мнению М. Фиорины основным фактором, определяющим предпочтения избирателей, выступает состояние экономики. В зависимости от способа оценки такого состояния возможны два типа голосования: эгоцентрическое - оценка собственного экономического положения и социотропное - результаты работы народного хозяйства в целом.

О роли влияния макроэкономических факторов проведено много исследований, но до сих пор ученые не могут объяснить, какими именно переменными, определяется электоральное поведение. Так, по заключению американского ученого Сеймура Липсета, при ухудшении состояния экономики или международной ситуации, а также в случае кризиса, активность электората возрастает, т.е. избирателям присуще социотропное голосование [14, р. 195]. Эмпирические исследования, проведенные в США и Западной Европе свидетельствуют в пользу «социотропного голосования» [15]. Кроме того, ученые склоняются к мнению, что для избирателя важнее оценка результатов прошлой деятельности правительства («ретроспективное голосование»), чем ожидания по поводу будущей деятельности («перспективное голосование»).

Российский ученый Голосов Г.В. провел исследование, которое позволило установить степень применимости западных электоральных теорий в российских условиях. Анализируя результаты выборов глав исполнительной власти в регионах России в 1996 г. и январе 1997 г. в 41 субъекте РФ, он рассмотрел три модели голосования, в которых переменные: U-это социальная принадлежность избирателей (Примечание-учитывался раскол между городом и селом-И. М); I-это «партийная идентификация»; E-это социотропный-ретроспективный анализ (результат деления бюджетных расходов на душу населения (в % от значения РФ в целом) на цену «потребительской корзины» (в % от значения РФ в целом) [16, с. 49-51]. В результате проведенного исследования, оказалось, что в 19 случаях предсказать победу или поражение возможно на основе всех трех западных теорий, в 12 – на основе каких-либо двух из них, в 5 – на основе только одной, в то время как 5 случаях наблюдаются отклонения.

Таблица 1.

Количество моделей, применимых на выборах глав исполнительной власти в регионах России [16, с. 54].

Модели	Регионы	Кол-во регионов
3	Республика Марий-Эл; Алтайский, Краснодарский, Ставропольский и Хабаровский края; Брянская, Воронежская, Камчатская, Курганская, Пермская, Псковская, Самарская, Сахалинская и Тюменская области; Москва; Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.	19
2	Республики Хакасия и Саха; Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Кировская, Костромская, Ленинградская, Рязанская и Ульяновская области.	12
1	Астраханская, Владимирская, Калининградская, Саратовская и Челябинская области	5
0	Магаданская, Мурманская, Ростовская и Читинская области; Санкт - Петербург	5

Данное исследование показало, что все три теории электорального поведения работают в российских условиях и в частности, в Брянской области. Степень применимости моделей аналогичен, как и в западных электоральных исследованиях 80-х гг. XX в.: наиболее эффективный «социально-психологический подход», далее следует теория «экономического голосования», и с большим отрывом – «социологический подход». Стоит согласиться с мнением Г.В. Голосова, что «мнение об уникальности моделей поведения избирателей в посткоммунистических демократиях слишком преувеличено» [16, с. 55]. Другое дело, что на российском фоне многие закономерности проявляются в нечетком, смазанном виде. Отклонениями от предложенных теорий в пяти субъектах РФ выступают причины политического характера, причем решающей из них является баланс политических сил внутри элиты. В связи с этим обстоятельством, необходимо рассмотреть еще один подход в изучении электорального поведения.

В последние десятилетия ярко проявилась тенденция к изучению объяснения механизмов воздействия социальной среды на политическое поведение. Это так называемый контекстуальный (когнитивный) подход, который учитывает принцип интеграции информационного влияния окружающей среды и когнитивных способностей индивида - это четвертый подход (Р. Харкфельд, Д. Спраг, Д. Заллер, М. Лодж и др.).

Современное общество является информационным. Революционные изменения, происходящие в сфере коммуникаций, заставили ученых пересмотреть роль факторов в электоральном поведении. Не случайно американский социолог Э. Тоффлер пророчески предсказал, что новая информационная волна принесет с собой «собственные представления о мире, со своими способами использования времени, пространства, логики, причинности» [17, с. 34].

Исследователь Д. Заллер ведущее место в политическом дискурсе отводит политической элите, которая обладает возможностью распространять не только информацию, но и выгодные ей оценки и суждения. Политическая элита влияет на общественное мнение, и это влияние усиливается в связи с тем, что далекие от политики люди подчас не способны к критическому осмыслению информации о мире политического. Но в то же время ученый признает, что существуют некие ментальные и психологические процессы, которые носят индивидуальный характер. От этих процессов будет зависеть, какую часть информации, распространяемой политической элитой, воспримет каждый человек.

Следует отметить, что когнитивная модель фокусирует внимание на собственной работе человека с политической информацией, поскольку – при всей значимости внешних структурных факторов, социального окружения индивида и политического нормативного порядка – именно внутренние когнитивные процессы, переживаемые каждым субъектом, задают его поведение в контексте политических событий.

Следует отметить, что когнитивная модель фокусирует внимание на собственной работе человека с политической информацией, поскольку – при всей значимости внешних структурных факторов, социального окружения индивида и политического нормативного порядка – именно внутренние когнитивные процессы, переживаемые каждым субъектом, задают его поведение в контексте политических событий. По мнению С.А. Шилиной «в новой форме публичного дискурса, как Интернет-коммуникации, присутствует значительный корпус текстов, представляющих письменную фиксацию устной речи» [18, с. 239].

Таким образом, данная модель предлагает изучить информационную среду, в которой находился индивид и выяснить, какие у него сложились когнитивные структуры (знания, представления, установки, стереотипы и др.). По мнению Г.В. Пушкаревой, когнитивная модель электорального выбора «нацеливает исследователя на изучение индивидуальных когнитивных процессов, которые обуславливают характер решений, рационально или интуитивно принимаемых избирателями» [19, с. 129].

В 2000 г. российский политолог Александр Поликарпов изучал массовое политическое сознание жителей Брянской области. На основе проведенных исследований он аккумулировал факторы, влияющие на электоральное поведение в четыре группы: 1 группа – исторические факторы. По его мнению, «общественное сознание Брянщины ассоциируется с покорностью государственной воле» [20, с. 56]. 2 группа – этногеографические факторы. Брянская область – это полиэтничный регион, который незримо разделен на три зоны: Западные районы, Восточные районы и, отличающийся от них по уровню материального обеспечения, духовным запросам, уровню грамотности, город Брянск. 3 группа – социально-экономические факторы. На первое место исследователь ставит уровень материального благосостояния населения. 4 группа – психологические факторы, учитывающие ценностные ориентации и электоральную активность.

Вышеизложенный анализ зарубежных и отечественных теоретико-методологических подходов выявил как достоинства, так и недостатки их применения на практике. В хронологическом плане изучения проблемы электорального поведения населения можно выделить три этапа: первый этап – 20-40-е гг. XX века – это этап накопления информации об электоральном поведении; второй этап – 50-е гг. - первая половина 80-х гг. XX века - это этап формирования научных школ электорального поведения; третий этап-вторая половина 80-х гг. XX века – наши дни – это современный этап систематизации научных теорий.

В условиях трансформации российского общества необходимо применение комплексного или системного подхода, который смог бы учитывать всю сложную иерархию факторов электорального поведения населения. На наш взгляд необходимо учитывать как объективные, так и субъективные факторы, оказывающие влияние на процесс голосования. Причем последний субъективный фактор играет существенную роль в процессе социализации современной молодежи и ее практике электорального участия. В целом, по проблеме изучения электорального поведения в нашей стране, и в частности в Брянской области, можно представить следующую модель «воронки причинности».

**Модель «воронки причинности» электорального поведения населения
в современной России.**

Проведя сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий, в практике управления избирательным процессом, стоит обратить внимание на взаимодействие следующих факторов: 1. экономические факторы - состояние экономики страны и оценка собственного экономического положения индивида; 2. социальные факторы - место жительства, пол и возраст; 3. духовные факторы - уровень образования и мировоззрение – «идеологические» симпатии; 4. когнитивные факторы - влияние друзей, семьи, СМИ и Интернета, степень доверия социальным институтам – это внутренняя и внешняя информация.

The article presents a comparative analysis of foreign and domestic theories reveal the essence of the electoral behavior of the population. The author reveals the possibility of applying scientific theories into practice in the context of political modernization of the country, including the Bryansk region, and present a model «funnel of causality» electoral behavior of the Russians.

Key words: electoral behavior; comparative analysis, scientific theories, model «funnel of causality».

Список литературы

1. Политология/ под ред. Лавриненко В.Н. М., 2011.
2. Поляков Л.В. Электоральное поведение России // Политические исследования. 2011. № 6.
3. Римский В.Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан// <http://www.democracy.ru.library>. [Дата обращения 22.11.2013 г.].
4. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М., 2000.
5. Охременко И.В. Электоральное поведение: теория вопроса. Ч.1. Волгоград, 2001.
6. Berelson B., Lazarsfeld P. Voting A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago, 1954.
7. Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments. N.Y., 1967.
8. Verba S., Nie N. Participation in America. N.Y., 1972.
9. Lasarsfeld P. The People's Choice. N.Y., 1969.
10. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация современной России. М.: ИСПАН, 2007.
11. Cambell A. The American Voter. N.Y., 1960; Convers P. Representation in France. Cambridge, 1986.
12. Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1969.
13. Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981.
14. Lipset S. Political man. N.Y., 1981.
15. Kiewiet D. Macroeconomics and Micropolitics. Chicago, 1983.
16. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов// Политические исследования. 1997. № 4.
17. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
18. Шилина С.А. Анализ посланий президента РФ Федеральному Собранию как фрагмент управленческого дискурса (социологический аспект)// Вестник БГУ. 2010. №2.
19. Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели// Политические исследования. 2003. № 3.
20. Социально-политическое исследование населения Брянской области. М., 2000.

Об авторе

Малашенко И.В. – старший преподаватель кафедры истории, политологии и социологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат исторических наук, Malashenko1976@yandex.ru.

УДК 9 (94)/ 32 (327)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КУРСОВ США И РОССИИ В НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

А.А. Манухин

В статье рассматриваются корни напряженности, возникшей в российско-американских отношениях в первые годы XXI века. Дается оценка внешнеполитических концепций, разработанных государственными институтами и академическими сообществами обеих стран в предшествующее десятилетие. Показано значение как реалистических, так и идейных факторов отчуждения.

Ключевые слова: Россия; США; вовлечение; конфликт; напряженность

Рубеж тысячелетий застал двух главных противников по «холодной войне» в качестве государств, существенно отличающихся по их месту в системе международных отношений. США являлись крупнейшей экономикой мира, возглавляли НАТО, расширяющийся военно-политический блок. Россия продолжала переживать болезненные последствия распада СССР и перехода к рыночной экономике, что резко снизило ее влияние в мире. В свете этого большой интерес представляет тот идейный «фундамент», на котором пытались выстраивать свою внешнюю политику США и Россия, во многом предопределивший конкретные шаги двух стран в рассматриваемый период.

Отечественная историография отношений США и России на рубеже XX – XXI вв. характеризуется значительным разнообразием точек зрения. Так, одни исследователи, относящиеся к так называемым «державникам» или «патриотам», видят в этом периоде поворот от следования в фарватере западной политики, к отстаиванию своих традиционных национальных интересов как великой «евразийской» державы. В качестве примера этого течения можно привести работы Н.А. Нарочницкой и К.Н. Брутенца [7; 11]. Иной подход был представлен сторонниками интеграции России в институты современного глобального мира, главными отличительными чертами которого являются взаимозависимость и консенсус в стремлении к утверждению правовой, рыночно ориентированной организации социума и государства. Последние, как правило, критиковали российские власти за демонстративно антизападные шаги, доказывая декларативность заявлений Москвы о необходимости укреплять «многополярный» мир, поскольку в своем традиционном виде многополярность отошла в прошлое. Среди них можно назвать Н.В. Загладина [10]. Наконец, это те исследователи, которые осуждали стремление США к достижению гегемонии любой ценой, но при этом не впадали в чрезмерный энтузиазм по поводу успехов внешней политики России в прошедшем десятилетии, в частности, Э.Я. Баталов, В.И. Батюк, А.Д. Богатуров и Р.А. Сетов [2; 3; 6; 18].

В преддверии президентских выборов 2000 г. американскими независимыми и партийными экспертами утверждалось, что Россия «будет продолжать слабеть, причем не только в глобальном, так и в региональном отношении» [20, с. 68]. Вывод, который следовал из данного прогноза, был таким: не стоит придавать слишком большого значения каким-либо действиям России по наращиванию своей мощи. Однако дальнейшие практические рекомендации, которые делали на основе этих прогнозов аналитики каждой из партий, существенно различались.

Находившаяся у власти администрация президента У. Клинтона и «мозговые центры» Демократической партии в основном продолжали следовать подходу по «вовлечению» (*engagement*) России в структуры западного мира. Основой для данного курса была разработанная еще в начале 1990-х гг. концепция «расширения демократии», автором которой являлся первый руководитель СНБ при Клинтоне Э. Лейк [17, с. 8].

Среди аналитиков-демократов показательными были взгляды З. Бжезинского. В середине 1990-х гг. он сформулировал свое видение геополитического статуса России после «холодной войны» как «черной дыры» Евразии. Россия потеряла способность выстраивать коалиции, направленные против США, так как главные потенциальные партнеры в этом направлении (Китай, Индия, Иран) «не готовы связать свою судьбу с нестабильной и слабой Россией» [5, с. 141]. Аналогично России не удастся создать блок с Германией и Францией, хотя она и может надеяться достичь этого за счет объективных трудностей, возникающих на пути европейской интеграции и определению будущей модели НАТО [5, с. 142].

Во внешнеполитических планах демократов важное место занимало дальнейшее развитие сотрудничества, которое сложилось в 1990-е гг. Важную роль на протяжении 90-х гг. играла деятельность Совместной российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству («комиссии Гор-Черномырдин»). Стратегия национальной безопасности США от 1999 г. отмечала участие России в программе НАТО «Партнерство ради мира» с 1994 г., подписание основополагающего акта о взаимных отношениях, партнерстве и безопасности в 1997 г. и работу Совета Россия-НАТО, сотрудничество в рамках ОБСЕ, развитие «программы Нанна-Лугара» по финансированию утилизации сокращаемых российских ядерных арсеналов [22, pp. 29-30].

Последнее порой фигурировало как приоритетная задача в отношениях с Россией. Ожидалось, что «неконтролируемый регионализм» на территории РФ, нарушение механизмов управления и коррумпированность ее армии могут привести к утечке ядерных материалов или даже несанкционированной политическим властями атаке [24, p. 55]. Такой пессимистический настрой дополнялись выводами о том, что экономики России

и других бывших союзных республик все еще относятся к «переходным» в сторону рыночных. В политической системе подобных государств наблюдается усиление авторитаризма, сохраняются проблемы в области охраны окружающей среды, соблюдения прав человека, борьбы с преступностью и коррупцией [22, р. 32; 20: р. 69]. Эксперты-демократы рекомендовали больше финансировать программу сокращения ядерного оружия и безопасности российских ядерных объектов, перейти с не оправдавших себя кредитов на более эффективно работающие гранты [19, с. 222]. Большинство экспертов-демократов видели в России скорее пассивную, нежели активную угрозу для национальной безопасности США [2, с. 270].

Республиканские аналитики, отмечая те же негативные черты развития России, выносили прямо противоположные рекомендации. В ходе предвыборной кампании 2000 г. неоконсерваторы из фонда «Наследие» представили в штаб Дж.У.Буша комплект предложений по внешней политике. Россия в нем рассматривалась как враг, стремящийся к восстановлению былой мощи. Подчеркивалось право США на развитие односторонней программы ПРО, поскольку Россия не могла считаться правопреемницей СССР в Договоре по ПРО 1972 г. [19, р. 214].

Значительное место в докладах фонда на рубеже веков занимали оценки возможных действий России по установлению сферы исключительной ответственности на территории СНГ пересмотра границ [2: с. 309]. Данная перспектива рисовалась как республиканскими, так и демократическими экспертами, но именно республиканцы делали из нее наиболее однозначные тактические выводы. В рекомендациях для штаба Буша отмечалось, что Россию стоит лишить доступа к кредитам МВФ, обязать ее предоставить информацию о вооружениях и технологиях двойного назначения, проданных «государствам-изгоям», настаивать на «сохранении гражданского общества в странах СНГ» [22, с. 213]. В частности, корифей теории и практики американской дипломатии, один из «законодателей мод» среди приверженцев политического реализма Г. Киссинджер писал, что Западу не следует «приближать границы НАТО вплотную к России», но «равным образом у Запада есть обязательство побудить Россию отказаться от своих намерений доминировать над соседями» [11, с. 70-71].

В России также происходила корректировка модели поведения в международных отношениях. Хронологически она была связана с приходом к руководству МИД команды Е.М. Примакова в 1996 г. и прекращением попыток выстраивания «нового стратегического партнерства» со сверхдержавой. Новые внешнеполитические ориентиры предполагали «диверсификацию» международных отношений России, по словам А.Г. Арбатова, за счет дополнения активного сотрудничества с США и ЕС мерами по укреплению безопасности на постсоветском пространстве и «поиска друзей на Юге и Востоке» [1, с. 32, 37-39].

В практических шагах, которые стала предпринимать Россия на международной арене, особенно значение приобрели меры по укреплению отношений с Китаем и Ираном, в том числе и продажа последнему ядерных технологий, несмотря на сопротивление США и ЕС. Применительно к США российские эксперты предлагали использовать «стратегию выравнивания»: 1) Поддержание постоянного диалога по контролю над вооружениями; 2) Отстаивание свободы маневра России в вопросах о конфликтах близ ее границ; 3) Четкое международно-правовое закрепление понятий «права человека» и «государственный суверенитет» (что было актуально после применения силы НАТО в Косовском конфликте); 4) Избавление от финансовой зависимости от Запада; 4) Расширение экономического сотрудничества с США [6, с. 27-28].

Во многом формирование более ясного представления о приоритетах в национальных интересах было обусловлено улучшением общего положения страны. Выход из экономического кризиса совпал с выходом из политического тупика 1998-1999 гг. и консолидаций власти после перехода президентства к В.В. Путину. В этих условиях идеи экспертного сообщества нашли отражение в Концепции внешней политики России от 28 июня 2000 г. [12].

Главным положением Концепции стало утверждение о многополярной природе современного миропорядка; этот тезис стал краеугольным камнем всей дальнейшей внешней политики страны вплоть до настоящего времени. Осуждалось стремление США к проведению односторонней внешней политики, исходя из их представлений об однополярном характере мира [12]. Утверждалось, что ставка во всем на «западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН» может «дестабилизировать международную обстановку» [12]. Тем самым Россия заявляла о себе как о государстве с *консервативной* внешней политикой. Прежде всего, в силу того, что отстаивание прежней роли ООН диаметрально расходилось с тенденцией США на целенаправленное «размывание» понятия «государственного суверенитета», с приданием функций главного международного инструмента механизму «Большая семерка-НАТО». Российский «континентализм» противостоял американскому «атлантизму». Непосредственным выражением таких ориентиров России стало противостояние курсу США на закрепление «плюралистической однополярности», т.е. «доминирования небольшой группы наиболее развитых и мощных государств (преимущественно Запада) над остальным миром в форме обретения и удержания особых возможностей» [18, с. 239-240].

Согласно американским прогнозам, в условиях нового миропорядка характер внутренней и внешней политики всех стран серьезно изменится. Государственные институты, как следовало из прогноза Национального совета по разведке 2000 г., в долгосрочной перспективе будут все меньше способны контролировать потоки информации, распространение технологий, а также миграцию, эпидемии, локальные асимметричные военные конфликты. Задачей США должно стать создание «глобального компакта», ответственного за регулирование мировыми процессами [20, pp. 8-15].

Проблема заключалась в том, что Россия с самого окончания «холодной войны» весьма ограниченно участвовала в складывании и поддержании этого нового миропорядка, так как он мало отвечал ее долгосроч-

ным интересам. С точки зрения американских стратегов, она попадала в разряд «сильных стран за пределами западного мира» (вместе с Китаем и Индией) [14, с. 27-29]. По мнению М. Макфола, тогдашнего члена Совета по международным отношениям, «даже при самом лучшем раскладе Россия в ближайшем будущем вряд ли станет союзником США, полностью включенным в НАТО или другие структуры» [21, pp. 314, 316].

Усиление наступательного компонента во внешней политике США после прихода к власти республиканцев создавало объективные сложности для российско-американских отношений. Краеугольным камнем оборонной стратегии США стало принятие Конгрессом Закона о национальной противоракетной обороне в 1999 г. [8, с. 4-5]. Во многом оно обосновывалось концепцией «ассиметричной войны»: основное внимание сосредотачивалось именно на «странах-изгоях», якобы неизменно стремящихся к овладению ядерным оружием [15, с. 5, 14].

Место России в таком видении национальной безопасности США было сугубо тактическим, она не рассматривалась как партнер, к мнению которого стоит реально прислушиваться. На встречах с В.В. Путиным летом 2001 г. в Генуе и Любляне президент Буш заявил, что США «не считают Россию врагом» и намерены создать «новые стратегические рамки» [15, с. 48]. В то же время «Четырехгодичный оборонный обзор» от 30 сентября 2001 г. отмечал, что «существует возможность для сотрудничества с Россией», поскольку она «не представляет крупномасштабной конвенциональной военной угрозы для НАТО» и «имеет ряд тех же проблем безопасности, что и США, включая уязвимость для ракетных ударов со стороны региональных агрессоров, опасность случайных или несанкционированных запусков стратегических ракет, а также проблему международного терроризма» [25, pp. 4-5]. При этом указывалось, что «некоторые действия, предпринимаемые Россией на международной арене, противоречат интересам США» [25, p. 5].

В этой ситуации российское руководство избрало практически единственную возможную для нее линию поведения, сразу же заявив о поддержке американской операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, предоставив воздушные коридоры и данные разведки. Москва согласилась на предоставление Киргизией и Туркменистаном аэропортов и военных баз для Международных сил содействия безопасности, оговорив, что не приемлет какое-либо непосредственное участие России в афганской интервенции. Между тем важно отметить, что это решение России объективно позволило США и НАТО получить плацдарм для увеличения своего влияния в регионе Центральной Азии [9, с. 83-84].

Ограниченное сотрудничество по Афганистану на время создало благоприятный международный климат вокруг России и подтолкнуло ее к поиску решения ряда старых проблем с США. Так, осенью 2001 г. была сделана попытка реанимировать работу Совместного постоянного совета Россия-НАТО. Конгресс США в специальном документе «Российско-американские отношения: новые времена, новое начало» указывал, что переговоры должны «выйти за узкие рамки военных проблем», перейдя к реальному экономическому сотрудничеству. Тогда же Конгрессом было списано 3,5 млрд. долл. российских долгов [15, с. 63-64].

Тем не менее, провал переговоров по ПРО, проходивших в ноябре 2001 г. в Москве и Вашингтоне, позволил администрации Буша заявить о намерении совершить односторонний выход из Договора. Выход США из Договора по ПРО в июне 2002 г. означал, что США на деле готовы встать на путь «унилатерализма». Важную роль играло представление о слабости России, которая в новой редакции Стратегии национальной безопасности США от 2002 г. официально признавалась главной помехой для сотрудничества с ней [23, pp. 26-27]. Многократно увеличались масштабы финансовой помощи странам постсоветского пространства, направленной на их «демократизацию» [4, с. 19-22; 16: с. 53]. Началось свертывание почти всех режимов реального двустороннего сотрудничества по сокращению стратегических вооружений, региональным проблемам и нераспространению ядерного оружия, торговле и инвестициям [3, с. 19].

Во внешнеполитических ценностях и ориентирах России и США уже в первые годы нового тысячелетия обозначились фундаментальные различия. Они происходили как из объективного положения двух государств на международной арене, так и от планов, вынашивавшихся на протяжении 1990-х гг. теми группировками политической элиты, которые пришли к власти в каждом из них в 2000 г. США, возглавляемые республиканской администрацией, явно недооценили стремление России к формированию «континентальной» системы отношений. При этом важно отметить, что и демократы, придя они к власти, едва ли проводили бы курс на «выравнивание», который устроил бы Россию – это видно из материалов стратегических их предвыборных разработок 1999-2000 гг. Оно проявилось в создании в 2000-2002 гг. ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ для укрепления экономических и военно-политических отношений со странами СНГ и Китаем, а также в сближении с ведущими странами ЕС.

По мере того, как проявлялась на практике «доктрина Буша», Россия все чаще не оправдывала надежд республиканцев на ее самоустранение из глобальной и особенно региональной политики. Отчасти это объяснялось тем, что в России также не до конца понимали новый американский взгляд на систему мировой политики и видение роли в ней НАТО, просто обреченной включать в себя страны «ближнего зарубежья». Весьма симптоматичным стало американское вторжение в Ирак в марте 2003 г., вызвавшее солидаризацию части европейских стран с позицией России, осудившей действия Вашингтона. Все это делало практически неизбежным дальнейший рост напряженности. Кульминацией конфликта стали события российско-грузинского вооруженного конфликта 2008 г., давший понять правящим элитам обеих стран, что пришло время внести некоторые коррективы в свои приоритеты.

The article deals with the roots of the tensions that arose in Russian-American relations in the first years of the 21st century. Assessment is given to the concepts of foreign policy that state agencies and academic communities of both countries had been developing over the previous decade. Both realistic and idealistic factors of the alienation are shown.

Key words: *Russia; United States; engagement; conflict; tension*

Список литературы

1. Арбатов А.Г. Российская национальная идея и внешняя политика. Мифы и реальности. М.: МНФ, 1998. 125 с.
2. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы России в работах американских авторов (1992-2007 гг.). М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.
3. Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания холодной войны. М.: Прометей, 2008. 212 с.
4. Батюк В.И. Российско-американский диалог по региональным проблемам в XXI веке: итоги и перспективы // США*Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 8. С. 17-32.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2006. 256 с.
6. Богатуров А.Д. «Стратегия выравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2. С. 20-29.
7. Брутнец К.Н. Закат американской гегемонии: конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2009. 508 с.
8. Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. М.: Спецкнига, 2012. 78 с.
9. Ермаков С.М. Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1. С. 79-91.
10. Загладин Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 14-26.
11. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. 352 с.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28.06. 2000 г. - <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>
13. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. М.: Алгоритм, 2009. 414 с.
14. Политика США в меняющемся мире. М.: ИСК РАН, 2004. 336 с.
15. Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: ИСК РАН, 2001. 88 с.
16. Самуйлов С.М. Агентство по международному развитию: перенацеливание на «продвижение демократии» // США*Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 6. С. 51-64.
17. Самуйлов С.М. «Мозговые центры» демократов и республиканцев: сравнение подходов к России // США*Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 2. С. 3-21.
18. Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М.: Три квадрата, 2010. 386 с.
19. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002 гг.). М.: ИСК РАН, 2002. 442 с.
20. Global Trends 2015: A Dialogue about the Future with Nongovernment Experts. Wash., D.C.: National Intelligence Council, 2000. 98 p.
21. McFaul M. Realistic Engagement. A New Approach to American-Russian Relations // Current History. Vol. 100. № 648. 2001. October. P. 313-317.
22. A National Security Strategy for a New Century. Wash., D.C: White House, 1999. 49 p.
23. The National Security Strategy of the United States of America. Wash., D.C: White House, 2002. 31 p.
24. Nunn S., Stulberg A.N. The Many Faces of Modern Russia // Foreign Affairs. Vol. 79. № 2. 2000 (March-April). P. 45-62.
25. Quadrennial Defense Review Report. September 30, 2001. Wash., D.C.: Department of Defense, 2001. 71 p.

Об авторе

Манухин А.А. – Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, warcraftdouble@yandex.ru

УДК 947.083.3+378.4

**МЕМУАРЫ Е.В. СПЕКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX В.**

С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко

Выполнено при поддержке РГНФ (грант 13-01-00099)

Статья показывает значение неопубликованных «Воспоминаний» российского ученого-обществоведа Е.В. Спекторского (1875-1951) как источника по истории Варшавского университета (прежде всего, его юридического факультета) в конце XIX – начале XX в. Приводятся оценки Спекторским профессуры и студентов университета, особенностей его академической жизни.

Ключевые слова: Спекторский Е.В., мемуары, Императорский Варшавский университет

Мемуары отечественной профессуры неизменно привлекают внимание исследователей как ценный источник по истории высшего образования, в том числе университетов [1]. Одним из таких источников являются недавно обнаруженные неопубликованные «Воспоминания» Е.В. Спекторского, которые позволяют расширить наше представление об академической жизни Императорского Варшавского университета – русского университета на польской по языку и культуре территории, существовавшего во второй половине XIX – начале XX в.

Впервые университет в Варшаве был основан еще в 1815 г., однако просуществовал лишь до начала 1830-х гг., будучи закрытым после польского восстания. Через тридцать лет, в 1862 г. Александр II в период либеральных реформ восстановил польское высшее учебное заведение в Варшаве под названием Главной Школы. В 1869 г. польское высшее учебное заведение было преобразовано в русский университет, просуществовавшее до 1917 г., когда после перевода в Ростов-на-Дону было переименовано в Донской. Общие особенности истории становления и развития вуза уже получили освещение в ряде исследований. Следует лишь отметить, что, несмотря на многочисленные трудности этого процесса, университет воспитал немало достойных выпускников, одним из которых и был Е.В. Спекторский.

Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) – известный отечественный ученый и общественный деятель начала XX в. [5] Его труды посвящены широкому спектру обществоведческих дисциплин: юриспруденции, истории, социологии, истории литературы [3; 9; 10]. Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от студента и магистранта Варшавского университета до ординарного профессора, ректора Университета св.Владимира в Киеве. Эмигрировав в 1920 г., Спекторский не только продолжил за границей активную научную работу, но стал одним из организаторов исследовательской и учебной деятельности русской диаспоры – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге. Научная и организаторская активность Спекторского не прекращалась вплоть до его кончины в США в 1951 г. В различных отечественных и зарубежных архивах хранится немало документов ученого. Но особую ценность представляют его неопубликованные «Воспоминания». Они хранятся в фонде 30.230 (Bonač, Vladimir) архива Института по изучению Восточной Европы Бременского университета в Германии (АИВЕ) (ед.хр. II) [4].

Важной частью мемуаров является раздел о жизни Варшавского университета в конце XIX – начале XX в. в то время, когда Спекторский была вначале студентом, затем магистрантом и, наконец, преподавателем (доцентом и экстраординарным профессором) этого учебного заведения. И хотя общие проблемы бытования русского университета на польской территории уже исследовались в отечественной историографии [2; 6], мемуары Спекторского привносят немало новых любопытных штрихов в имеющиеся представления. Основное содержание «варшавского» раздела мемуаров Спекторского – подробные сведения о профессорах (причем, не только юридического факультета, на котором он учился) и – в меньшей степени – студентах. Есть информация и об организации учебного процесса. Подробно характеризуя преподававших у него профессоров, мемуарист особенно подчеркивал роль в своем становлении как ученого профессора А.Л.Блока, первого научного руководителя. По описанию Спекторского, «у Блока было замечательное, одухотворенное лицо: высокий лоб, длинноватые черные волосы, усы и борода, прикрывавшие чувственные губы. Видно было, что это незаурядная личность. Мыслитель и джентльмен. Но чувствовалось и нечто тяжелое, почти демоническое. У него было много убийственной иронии, обескураживающей близких к нему людей. Сын, поэт, очень походил на отца. Перед лекциями он просиживал целые ночи напролет, создавая соответственное, как он выражался, настроение» [8, л.105].

Блок преподавал важные для становления юриста теоретические дисциплины, а также государственное право. «Читая курс истории политических учений, Блок ежегодно подробно останавливался на одном каком-нибудь мыслителе – вспоминал Спекторский. – В мое время очередь дошла до Конта. Курс его был труден, но содержателен. Читая его курс, я получил впечатление, что государственное право очень изящная наука. Но потом я увидел, что изящна не эта наука сама по себе, а манера профессора ее излагать».

Я очень многому научился у него, – подчеркивал автор воспоминаний. В некоторых отношениях я и до

сих пор остаюсь его учеником. Он углубил во мне вкус к философской стороне науки, приучил не смешивать государственное с формальными построениями Лабанда, Еллинека и других ... , научил меня ценить Пушкина и всегда, даже в ученых трудах стремиться к изяществу стиля. Он же внушил мне, что у каждой мысли есть только одна сопутствующая ей форма выражения; и пока эта форма не найдена, мысль еще не изречена. Блок относился ко мне с несомненной симпатией» [8, л.106-107].

Стоит подчеркнуть, что Варшавский университет отличался от других российских университетов рядом особенностей. Так, например, - это отмечал и Спекторский - система экзаменов в университете была курсовая, а не предметная. «И это давало большинству студентов возможность закончить курс в четыре года, а медикам – в пять лет. Между тем, пользовавшаяся почему-то симпатией в левых кругах русского общества предметная система непроизводительно удлиняла пребывание студентов в высших учебных заведениях. Выдержав по этой системе только один экзамен, студент уже ходил голым и отдыхал. Варшавские студенты кончали курс со званием кандидата или действительного студента» [8, л.91].

Плюсом Варшавского университета была и очень хорошая библиотека, богатая старыми книгами и обильно пополнявшаяся новыми, «ибо располагала большими кредитами... В профессорской читальне стоял длиннейший стол, заваленный массой журналов на всевозможных языках» [8, л.131].

Кроме того, «университету принадлежал прекрасный ботанический сад в конце Уяздовской аллеи с астрономической обсерваторией» [8, л.132].

Однако было и много проблем, связанных с нахождением русского университета на польской по языку и культуре территории. Спекторский отмечал, в частности, постепенное понижение уровня преподавания на юридическом факультете в начале XX в. - «было немало доцентов из магистрантов, еще не дописавших или вообще не написавших магистерских диссертаций. Временное чтение лекций по пустовавшим кафедрам для обеспечения полноты преподавания поневоле приходилось поручать неспециалистам. Т.н. русские права никак не возмещали отсутствия гонорара, столь обильного именно на юридических факультетах других русских университетов, живших по уставу 1884 года. Единственным возможным посторонним заработком для приезжих было преподавание на женских курсах с весьма скромной платой. Благодаря этому нелегко было замещать вакантные кафедры» [8, л.118].

Более благоприятны были материальные условия для поддержания на должной высоте историко-филологического факультета в Варшаве. «Во-первых, ввиду обычной относительной малочисленности студентов этого факультета, гонорар профессоров в других университетах был гораздо меньше, чем у юристов, а у классиков и совсем ничтожен. Во-вторых, по приезду в Варшаву профессора этого факультета получали широкую возможность дополнительного преподавания в ее многочисленных средних учебных заведениях» [8, л.118-119].

Говоря о студенческой жизни, автор вспоминал, что в 1890-е годы большинство студентов Варшавского университета составляли поляки. «От русских студентов они отличались помятыми фуражками и мундирами, которые они предпочитали сюртукам.

В пределах академической жизни отношения между русскими и польскими студентами были дружелюбные. У поляков была своя касса взаимопомощи («братняя помощь») и свой товарищеский суд. Одним из самых страшных наказаний этого суда была «инфалия», исключение из товарищеского общения. Был свой суд и у русских студентов» [8, л.134].

Годы студенчества Спекторского пришлись на относительное затишье в общественно-политическом движении в России. Неслучайно поэтому он свидетельствовал, что в то время «университетская жизнь еще не прерывалась т.н. «забастовками» студентов. Польские студенты не делали открытых выступлений», а «русские политикой не занимались» вовсе [8, л.135]. Правда, внутреннее напряжение все же существовало, неслучайно «после смерти императора Александра III только русские студенты носили траур» [8, л.133].

При окончании университета в Варшаве выпускник, представивший соответствующее сочинение (диссертацию), мог получить степень кандидата. (Эта первая академическая степень была оставлена после введения в действие устава 1884 г. только в Юрьевском и Варшавском университетах). Зародившийся на студенческой скамье интерес к вопросам теории общественных наук привел Спекторского к теме по истории общественной мысли (что, впрочем, объяснялось и интересами его руководителя проф. Блока) – «Жан-Жак Руссо как политический мыслитель». Блок высоко оценил сочинение своего ученика: «Диссертация окончившего полный курс наук Евгения Спекторского была представлена сначала в виде курсовой студенческой работы, но заслуживала бы и золотой медали, если бы на нашем факультете предлагалась такая конкурсная тема, что на петербургском в нынешнем году, а именно – о политическом учении Руссо» [7, с.39]. 4 июня 1897 г. Спекторский был утвержден в степени кандидата прав. Естественным, в этой связи, было оставление его при кафедре государственного права для приготовления к профессорскому званию. Оставленные при кафедре чрезвычайно редко защищали свои диссертации в срок. Чаще всего такая задача и не ставилась перед ними. Главная цель в эти два-три года (срок оставления при кафедре был два года, при успешном выполнении плана он мог быть продлен еще на год; так было у Спекторского) состояла в сдаче магистерских экзаменов, которые были чрезвычайно объемны и включали, кроме специальности, смежные дисциплины.

«Профессорским кандидатам полагалось по одной стипендии в 600 рублей в год на факультет. Они подвергались предварительному медицинскому освидетельствованию и экзамену из иностранных языков, обязывались представлять по полугодиям отчеты о своих занятиях и давали подписку, что вернут полученные деньги, если не доведут до конца своей подготовки к магистерскому экзамену», - вспоминал Спекторский [8, л.137-138].

Спекторский высоко оценивал фундаментальность системы магистерской подготовки. «Свою программу я выполнил в течение четырех лет, - вспоминал он. - Работал очень напряженно, первый год – по 16 часов в сутки. Это усердие поддерживалось во мне отчасти собственной любознательностью, отчасти впечатлением, произведенным на меня рассказом Блока о том, что проф.Сергеевич называл оставление при университете постригом... Хорошей стороной русской системы подготовки к профессуре было основательное знакомство кандидатов с ученой литературой». Недостатком этой системы, по мнению мемуариста, было то, что «вследствие усиленного чтения не развивалась, а, иногда, и вообще не появлялась писательская способность: эрудиция подавляла творчество, и весь научный эрос уходил в начитанность» [8, л.137]. Важной частью подготовки будущего исследователя, заложенной, как отмечал Спекторский, еще Петром I, были командировки за границу с научной целью. «Полезной стороной этих командировок было расширение научного и житейского кругозора молодых ученых». При этом «размер стипендии (1500 рублей в год, т.е. на 300 рублей больше доцентского содержания) давал возможность жить безбедно за границей», правда «стипендии выплачивались не ежемесячно, а по третям, что создавало соблазн преждевременного их израсходования с дальнейшими денежными затруднениями». Недостатком заграничных командировок (а они осуществлялись почти исключительно в Западную Европу) было «официальное поощрение научного западничества, что неблагоприятно отражалось на выборе тем для магистерских диссертаций» [8, л.138].

Спекторский оставил довольно мало воспоминаний о периоде собственного доцентства, а затем и профессорства в Варшаве - в эти годы университет несколько лет был закрыт из-за событий Первой русской революции, а, кроме того, автор долгое время проводил в командировках за границей. В связи с этим, единственной особенностью работы в новых условиях, которую он отметил, было разрешение «семинаристам поступать в этот университет, по примеру Юрьевского и Томского. Поэтому характер моей аудитории, - вспоминал Спекторский, - сильно изменился. Кроме не меньшего, чем прежде, числа польских студентов, она наполнилась большим количеством русских слушателей» [8, л.261].

Приведенные примеры, как представляется, показывают высокую ценность мемуаров Спекторского как источника по истории Варшавского университета рубежа XIX-XX веков.

The article shows the importance of the unpublished "Memoirs" of the Russian social scientist E.V. Spektorsky (1875-1951) as a source for the history of the University of Warsaw (especially its Faculty of Law) in the late XIX - early XX century. Estimates of Spektorsky professors and students, the characteristics of his academic life are presented.

Key words: *Spektorsky EV, memoirs, Imperial University of Warsaw*

Список литературы

1. Булгакова Л.А. Мемуары как источник по истории университетов дореволюционной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI С.189-202.
2. Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С.23-33;
3. Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II. С. 513-521
4. Михальченко С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. с. 64-68
5. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С.31-53
6. Михальченко С.И. Императорский университет в Варшаве: проблемы польско-российских взаимоотношений (1869-1915) // Words, deeds and values: The intelligentsias in Russia and Poland during the nineteenth and twentieth centuries. Ed.by Björling F. & Pereswetoff-Morath A. Lund, 2005. [Slavica Ludensia.V.22].P.33-46
7. Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета. 1869-1917. Краткий исторический очерк. Брянск, 2000
8. Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01-30.230 (Bonač, Vladimir). - Е.х.П.
9. Ткаченко Е.В. Общественно-политические взгляды Е.В.Спекторского. Брянск, 2009.
10. Ткаченко Е.В. Е.В.Спекторский о русском анархизме // История государства и права. 2007. №20. С. 37-39

Об авторе

Михальченко С.И. – Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, smikh10@mail.ru

Ткаченко Е.В. – Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, smikh10@mail.ru

УДК 261.7

ПРОЦЕДУРА РЕГИСТРАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ В 1940-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.Б. Молодов

В статье характеризуется процедура регистрации православных приходов в 1940-е годы. Несмотря на ослабление давления на религиозные организации регистрация общин верующих в 1943–1948 гг. ограничивалась, а с 1949 г. фактически прекратилась. Статья основана на архивных материалах по Вологодской области.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви, приход, религиозная община, верующие.

Ярким проявлением конфессиональной политики государства является регламентация процедуры регистрации общин верующих, которая обычно сопровождается выделением вновь образованному объединению какого-либо сооружения (храма, молитвенного дома) для совместного проведения культовых мероприятий. Советское государство в течение семи десятилетий проводило политику, направленную на искоренение религиозных убеждений и, как следствие, религиозных организаций.

Однако в истории государственно-церковных отношений в СССР имелись периоды относительно благоприятные для верующих и духовенства, в частности, последнее десятилетие правления И.В. Сталина. На заключительном этапе Великой Отечественной войны под его руководством был реализован комплекс мероприятий, смягчивший взаимоотношения государства с Русской православной церковью (далее – РПЦ) – самой могущественной религиозной организацией. Важнейшим результатом заключенного в 1943 г. своеобразного «конкордата» стало разрешение на регистрацию православных общин и предоставление им культовых сооружений.

В том же году принимается Постановление Совнаркома СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей». Несмотря на массовое открытие молитвенных зданий в конце 1940-х–начале 1950-х гг. процедура открытия храмов по данному постановлению не представляется упрощенной. Заявление от группы верующих, проходя через районный (городской) исполком Совета депутатов трудящихся и уполномоченного по делам РПЦ, с мотивированным заключением Совнаркомов республик или исполкомов областных Советов поступало в Совет по делам русской православной церкви (СДРПЦ). Причем свои «предварительные решения» об открытии той или иной церкви СДРПЦ периодически представлял в Совнарком СССР, и только после одобрения союзным правительством на места сообщалось окончательное решение по данному вопросу (ст. 4–8 Постановления). Как считает М.В. Шкаровский, такая многоступенчатая процедура была выработана с целью тщательно дозировать открытие новых храмов, поскольку «бесконтрольный, стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве» [1, с. 331].

Как видится, сложный процесс регистрации вновь открываемых православных приходов, закрепленный данным постановлением, уравновешивался некоторым «потеплением» государственно-церковных отношений. По причине огромного количества заявлений на регистрацию и значительного в тот период числа верующих, подвергать сомнению основательность заявлений не имело смысла. Возможно, на высшем уровне поступающие ходатайства рассматривались формально и утверждались списком (как впоследствии решения о снятии с регистрации).

Вместе с тем на основании архивных документов можно утверждать, что удовлетворялись далеко не все ходатайства верующих, а основной преградой в решении данных вопросов были органы и чиновники регионального уровня – областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся (облисполком) и областной уполномоченный СДРПЦ.

Для объективного рассмотрения вопросов регистрации православных общин облисполкомом регулярно запрашивались данные о состоянии церковных сооружений в районах и городах Вологодской области. По документам уполномоченного СДРПЦ, на 1 октября 1948 г. недействующих церковных зданий по области насчитывалось 860 (из них – 64 часовни): 210 из них использовались как склады, 128 – заняты под различные предприятия (чаще мастерские), а 184 – учреждениями образования и культуры (школами и клубами) [2, Д.1. Л.104–105]. Свободных культовых построек по статистике имелось 156, но их передача общинам верующих затруднялась аварийным состоянием – отсутствием дверей и оконных рам, крестов и культового имущества. Большинству храмов требовался капитальный ремонт.

По действующему тогда законодательству заявления верующих о регистрации общины и открытии прихода направлялись для рассмотрения в облисполком, который принимал предварительное решение. В заявлении требовалось иметь не менее двадцати подписей на отдельном листе с указанием фамилии, имени и отчества заявителя, места жительства, года рождения и рода занятий. Иногда там указывались сведения о судимости, что официально делать не требовалось.

К рассмотрению ходатайств верующих подключались уполномоченные СДРПЦ, у которых облисполком запрашивал мотивированное заключение с рекомендацией об удовлетворении или отказе в регистрации общины. Во многих случаях заявления верующих отклонялись самим уполномоченным «как неоформлен-

ные» по следующим основаниям – недостаточное количество подписей (иногда менее десяти), подписи сделаны карандашом или не на отдельном от заявления листе [2, Д.5. Л.10]. Некоторые группы верующих обращались с просьбой передать занятое церковное здание (например, под музей в г. Кириллово), что также являлось поводом для отказа в регистрации православной общины. По формальным основаниям уполномоченным в 1944–1948 гг. было отклонено более 30 заявлений.

Кроме «прошения» как такового в заявлении о регистрации община должна была указать сведения о наличии возможностей для проживания священнослужителей, взять на себя обязательство отремонтировать церковное сооружение за собственные средства и в дальнейшем содержать его в надлежащем состоянии. Бедственное материальное положение сельских верующих (в основном, пенсионеров-колхозников) не позволяло им собрать средства, необходимые на ремонт церкви и покупку дома для священника, тем самым, предпрещая отрицательное решение вопроса об открытии храма.

Уполномоченный Совета выступал организатором сбора материалов, касающихся заявлений верующих, как правило, лично не выезжая к заявителям. Он давал поручения председателям райисполкомов и их заместителям подготовить заключение о целесообразности открытия в районе прихода и провести соответствующую «обработку» религиозных активистов «тактично, без шума или какого-либо административного давления» [2, Д.8. Л.40]. Путем личных бесед с заявителями выявлялась достоверность поставленных под заявлением подписей. В результате многие при личных встречах с районными чиновниками снимали свои подписи, утверждая, что они получены обманным путем или сфальсифицированы. Как правило, это были молодые люди и лица среднего возраста, опасавшиеся неблагоприятных последствий своего поступка по месту работы или учебы. Иногда инициаторы сбора подписей под заявлением собственноручно ставили автографы за нескольких человек, что иногда заметно невооруженным глазом. На местах выявлялось также наличие подписей членов одной семьи, несовершеннолетних, умерших лиц, фиктивных фамилий. Естественно, что ходатайства с подобными нарушениями получали отказ по понятной причине.

Особое внимание на предварительной стадии рассмотрения заявлений верующих уделялось инициаторам заявлений. Чиновники райисполкомов и сельсоветов собирали факты их биографии, выявляли степень личной заинтересованности в открытии прихода. Действительно, многие религиозные активисты при положительном разрешении вопроса о регистрации православной общины планировали стать старостами приходов. Поскольку эти должности считались престижными и доходными, у властей имелся повод говорить о личной заинтересованности инициатора, а не группы верующих в целом. Отдельные эпизоды биографии (судимость, наличие в прошлом духовного сана) также могли сыграть отрицательную роль при рассмотрении заявления, давали почву для дальнейшей компрометации данных лиц на страницах местной печати [2, Д.3. Л.97; Д.7. Л.45].

На основании проведенных проверок председателем и секретарем райисполкома составлялась подробную справку о составе верующих на территории сельсовета и «двадцатки» религиозных активистов, состоянии православного храма с указанием примерной суммы на его ремонт в случае открытия. Указывалась также информация об основных инициаторах ходатайства, снятых и сфальсифицированных подписях заявителей [2, Д.2. Л.33,46,54,66; Д.3. Л.37,81; Д.4. Л.22; Д.5. Л.2].

На основе полученных из райисполкомов материалов уполномоченный СДРПЦ готовил для рассмотрения облисполкомом пакет документов. В случае признания заявления верующих соответствующим всем предъявляемым требованиям, он составлял развернутое заключение, в котором содержались следующие сведения:

- дата и причина закрытия прихода в прошлом (обычно в 1930-х гг. по решению общего собрания колхозников или в результате отказа общины содержать храм);
- количество действующих в районе приходов, расстояние до ближайшего из них;
- характеристика инициаторов и остальных заявителей, их численный состав (в том числе, отозвавших подписи);
- мнение уполномоченного о целесообразности регистрации прихода [2, Д.3. Л.106].

В процедуре решения вопроса об открытии православных храмов принимал участие и управлявший Вологодской епархией в 1945–1949 гг. епископ Иустин (Мальцев), который неоднократно в письмах на имя уполномоченного поддерживал ходатайства групп верующих [2, Д.2. Л.39; Д.3. Л.114; Д.4. Л.34; Д.7. Л.107]. Видимо, уполномоченный давал ответы архиерею, которые в материалах переписки нами не выявлены. Судя по результатам рассмотрения заявлений, поддержанных архиереем, его мнение не сыграло существенной роли, и чиновниками было проигнорировано.

Что касается переписки с верующими, заинтересованными в открытии прихода, то порой она имела со стороны уполномоченного весьма доброжелательный характер. Он разъяснял заявителям процедуру регистрации прихода, давал рекомендации и обнадеживал в положительном решении их вопроса. Совет по делам РПЦ в письме уполномоченному по Вологодской области И.М. Игнатову категорически запретил подобную переписку, указав, что она «должна строго ограничиваться соответствующими лаконичными извещениями о результатах рассмотрения их ходатайства» [2, Д.6. Л.1; Д.11. Л.55].

Положительное решение облисполкома о регистрации религиозной общины юридически считалось предварительным, но по существу являлось окончательным, поскольку одобрение СДРПЦ было в 1940-е гг. формальной процедурой по причине массового открытия приходов. Об этом свидетельствуют отдельные документы за подписью уполномоченного, который после получения заключения облисполкома полагал вопрос разрешен-

ным. В то же время, он предупреждал верующих о том, что без окончательного решения СДРПЦ нельзя проводить собрания, передавать церковное имущество и заниматься иной культовой деятельностью [2, Д.6. Л.1].

Подавляющее большинство заявлений облисполкомом отклонялись без указания оснований для принятия подобного решения. В переписке с инициаторами открытия прихода решение облисполкома сообщал уполномоченный СДРПЦ или обращался к чиновникам рай(гор)исполкомов: «Просьба к Вам сообщить устно подателям заявления решение облисполкома, ...не сообщая ничего о причинах отклонения» [2, Д.3. Л.104]. Сам уполномоченный уведомлял верующих справками по установленной форме: «Сообщается, что заявление группы верующих об открытии <...> церкви облисполкомом рассмотрено и отклонено» [2, Д.4. Л.15; Д.5. Л.28]. Иногда в документе указывалась дата принятия решения и номер протокола заседания облисполкома.

Обобщенные материалы фонда уполномоченного СДРПЦ позволяют проследить динамику обращения верующих с заявлениями о регистрации православных общин в 1944–1948 гг., выявить наиболее активные группы религиозных активистов и результаты их борьбы за открытие приходов. В архивных документах достаточно ярко проявляется противоречивый характер религиозной политики государства во второй половине 1940-х годов. Некоторое ослабление давления на верующих и духовенство, отсутствие открытых репрессий, массовая регистрация православных общин, сочетались с устойчивыми антирелигиозными настроениями чиновников, препятствовавших открытию ранее закрытых приходов. Тем не менее, 16 из 17 действующих храмов РПЦ открылись на территории Вологодской области именно в эти годы. Богородская кладбищенская церковь г. Вологды (впоследствии – кафедральный собор) была в начале Великой Отечественной войны единственным действующим приходом.

Раньше других открылись Покровская церковь в 5 км от г. Кириллова и Казанская церковь в г. Устюжне. По нашим подсчетам, основная часть православных приходов начала действовать в послевоенные годы: в 1946 г. – 6, в 1947 г. – 5. Наиболее активно проявляли себя в 1944–1948 гг. (через подачу заявлений о регистрации) группы верующих следующих районов: Кирилловского района – 33 заявления; Грязовецкого района – 21 (с учетом Лежского – 36); Вологодского района – 20 (с учетом Кубено-Озерского – 37); Устюженского района – 30; Тотемского района – 21; Череповецкого района – 12 (с учетом Мяксинского – 22).

Результаты рассмотрения заявлений в определенной мере зависели от активности верующих, поскольку именно в этих районах открылась значительная часть приходов Вологодской епархии: в Грязовецком – 3, Устюженском и Череповецком – по 2, Кирилловском, Вологодском и Тотемском – по одному.

Не следует забывать, что в течение 1940–1980-х гг. более половины районов области так и оставались «бесцерковными». Естественно, что объективной предпосылкой регистрации православной общины являлась плотность населения, большая в западных и южных районах Вологодчины. Однако некоторые православные храмы, как представляется, областные власти целенаправленно открыли в удаленной местности (Успенскую церковь Грязовецкого района, Покровскую Тотемского района, Георгиевскую Устюженского района), рассчитывая на малочисленность верующих и постепенное «затухание» действующего прихода. Примечательно, что значительная активность православного населения наблюдается на территориях, всегда отличавшихся высоким уровнем религиозности – в «Северной Фиваиде» (Белозерский и Кирилловский районы), Кубеноозерье (Вологодский и Усть-Кубинский районы) и Комельском лесе (Грязовецкий район).

Постепенно к концу 1940-х гг. количество заявлений на регистрацию религиозных общин снижается. Это объясняется тем, что потребности наиболее крупных православных сообществ были удовлетворены, и в 1948–1988 гг. в области стабильно действовало 17 приходов.

По информации епископа Гавриила (Огородникова) в 1949 г. в Вологодской епархии было 19 приходов (с учетом Покровской церкви в с. Анхимово Вытегорского района и Игнатьевской церкви в с. Спас-Лом Мяксинского района). В феврале 1950 г. по распоряжению уполномоченного СДРПЦ И.М. Игнатова, сославшегося на некое решение Совета, оба храма были закрыты. В 1964 г. Покровская церковь сгорела. По этому факту Вологодский облисполком принял постановление от 16 января 1964 г. № 17 «Об уничтожении пожаром выдающегося памятника архитектуры бывшей церкви Покрова в с. Анхимово Вытегорского района и о принятии мер по улучшению дела охраны памятников культуры» [3].

В дальнейшем группы религиозных активистов, видимо, стали ощущать бесперспективность обращения в государственные органы по данному вопросу. Динамика обращений верующих с заявлениями о регистрации общины показана в Таблице 1.

Таблица 1

Количество заявлений верующих Вологодской области о регистрации общины [2, Д.1. Л.167–170.]

Годы	1944	1945	1946	1947	1948
Количество заявлений	91	90	62	63	36

Статистика свидетельствует о постепенном сокращении числа ходатайств о регистрации приходов. В 1949–1950 гг. борьба верующих за открытие храмов продолжалась. В 1953 г. группы православных верующих ходатайствовали об открытии пяти приходов в различных районах области, но безрезультатно. В дальнейшем число заявлений о регистрации новых религиозных общин сократилось в десятки раз, а количество действующих храмов не изменилось.

Сороковые годы оказались судьбоносными для Православной церкви, но противоречивыми в рамках реализации религиозной политики Советского государства. С одной стороны, в стране возрождалась система церковного управления, открывались сотни приходов, начал издаваться «Журнал Московской Патриархии» и т.п. В то же время процедура регистрации новых общин верующих по Постановлению 1943 г. являлась весьма сложной и многоступенчатой, позволявшей чиновникам ограничивать число действующих храмов, а впоследствии и закрывать, по их мнению, «лишние».

Относительно благоприятная ситуация в сфере государственно-церковных отношений сохранилась и в первой половине 1950-х гг., но впоследствии в руководстве страны и КПСС возобладала идея воинствующего атеизма. Осуждение «культы личности» И.В. Сталина стало предпосылкой пересмотра прежней религиозной политики в сторону её ужесточения. Одновременно с хрущевской «оттепелью» началась, по выражению М.В. Шкаровского, «последняя атака» на Русскую православную церковь, в результате которой многие приходы и священнослужители лишились официальной регистрации.

Procedure of registration of orthodox parishes in the 1940th years is characterized in this article. Despite the pressure mitigation upon religious organizations, registration of communities of believers in 1943-1948 was limited, and in 1949 actually stopped. The article is based on archival materials of the Vologda region.

Key words: state, Russian Orthodox Church, Council for Russian Orthodox Church affairs, parish, religious community, believers.

Список литературы

1. Шкаровский М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь / Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 2. – М.: РГГУ, 1997. С. 328–399.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14.
3. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 22. Д. 373. Л. 52–55.

Об авторе

Молодов О.Б. – кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, *o_young8172@mail.ru*

УДК 94(470.6)

ПРОБЛЕМЫ АССОРТИМЕНТА И КАЧЕСТВА ТОВАРОВ В СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛЕ В 50-60^е ГОДЫ XX ВЕКА

И.А. Мороз

В статье на основании архивных источников рассмотрены вопросы о необходимости увеличения разнообразия и повышения качества товаров в СССР. Выделены проблемы в советской торговле с реализацией продовольственных и промышленных товаров. Проанализирована деятельность Госторгинспекции РСФСР и Брянской области в борьбе за качество продаваемых товаров.

Ключевые слова: торговля, ассортимент, качество товаров, покупательский спрос, конъюнктура, Госторгинспекция, знак качества.

Анализ состояния исторической науки, рассматривающей развитие советской торговли, позволяет сделать вывод, что основные вопросы, находящиеся в поле зрения исследователей, касались состояния розничного товарооборота, наличия товарных запасов, численности работников торговли и развития сети торговых предприятий. Поэтому целью данной статьи является на основании изучения и анализа архивных документов проследить решение проблем ассортимента и качества товаров в СССР и Брянской области.

Впервые руководство страны обратилось к данному вопросу в 1952 году, когда в директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 годы подчеркивалась необходимость обеспечить дальнейшее улучшение качества и ассортимента продовольственных и промышленных товаров массового потребления [1, с.13]. Конкретизация данных вопросов нашла отражение в Постановлениях Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества» от 10 октября 1953г. [2, с.1] и «О расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества» от 12 октября 1953г. [3, с.1], в которых особое внимание уделялось осуществлению организационных вопросов в центре и на местах. Направленные на подъем производства предметов широкого потребления и улучшение их качества, эти постановления требовали более тесной, чем это было раньше, планомерной связи между торговлей и промышленными предприятиями, производящими предметы потребления. «Если торговые организации не оказывают воздействия на промышленность, не отстаивают интересов покупателя, то это значит, что они перестают считаться с основными принципами советской торговли», - указал А.И. Микоян в докладе на Всесоюзном совещании торговых работников в октябре 1953г. [4, с.1].

В речи, произнесенной на пятой сессии Верховного Совета СССР, Г.М.Маленков указывал: «Торговля должна широко использовать имеющиеся у неё экономические рычаги для активного воздействия на производство в интересах увеличения выпуска товаров, пользующихся спросом населения, и уменьшения производства таких товаров, которые не пользуются спросом населения»[5, с.19].

Однако, несмотря на принятые решения и рост производства и продажи товаров, количество и ассортимент многих изделий не соответствовал спросу населения. Причиной этого во многих случаях был не только недостаток произведенных мощностей, сырья и оборудования для выработки отдельных товаров, но и недостатки в планировании их ассортимента из-за слабой связи между промышленными предприятиями и торговыми организациями.

Например, сотрудник Министерства торговли СССР А.Куликов после ознакомления с торговлей в Узбекской ССР в своей докладной от 21.02.1956г. характеризует состояние с наличием товаров в продаже и их ассортиментом: «В продаже отсутствуют сахар, конфеты, рыба, сельди... Из ассортимента круп имеются только рис и манная крупа. В ассортименте продовольственных товаров большое место занимают консервы, главным образом, овощные»[6, л.1]. «В республике длительное время отсутствуют многие виды пуговиц, кнопки, зеркала, зубные щетки, зонты, ремни для часов, а также дорогостоящие сорта парфюмерии и туалетного мыла»[6, л.2].

Сотрудник Министерства торговли СССР И.Серебренников после посещения Киргизской ССР в докладной записке от 22.02.1956г. обращает внимание, что в продаже нет ученических ручек, перьев, авторучек, бумажных изделий, керосиновых ламп. По продовольственным товарам: в магазинах отсутствуют в продаже мясо, рыба, сельди, крупы, овощи, карамель, масло животное, специи[6, л.7].

О ситуации с торговлей в Сталинграде 01.02.1956г. министру торговли СССР Павлову Д.В. доложил сотрудник министерства С.Трифонов. Он обратил внимание, что в продаже нет риса и бобовых. Колбаса в магазинах продается только конская и частично ливерная непостоянно и в недостаточном количестве. Мясные консервы продаются в ограниченном количестве и узком ассортименте. Молоком магазины не торгуют. Кондитерские изделия продаются во всех магазинах, но в ограниченном ассортименте[6, л.42].

О торговле промышленными товарами сообщалось, что в магазинах испытывался недостаток, как в количестве, так и в ассортименте кожаной обуви, шерстяных тканей, хлопчатобумажных тканей, зимней одежды. Крайне недостаточно в продаже мебели и фарфоровой посуды[6, л.43].

Похожая ситуация с ассортиментом товаров в торговле и общественном питании сложилась и в Брянской области. До 1959 года здесь имелся Главный Государственный инспектор по торговле и группа торговых инспекторов в количестве 4 человек. В 1959 году данная структура была упразднена в связи с созданием Брянского областного управления Государственной инспекции по качеству товаров и торговле (Госторгинспекция) с непосредственным подчинением Главному управлению Госторгинспекции РСФСР. Её основными задачами являлись: не допускать приемки, поставки и продажи населению товаров, выработанных с нарушением ГОСТов, технических условий, утвержденных образцов; осуществление проверки качества товаров народного потребления в целях предотвращения отгрузки недоброкачественной продукции в торговую сеть.

В результате проведенных проверок были приняты решения о нарушениях ассортимента товаров в торговых предприятиях Брянской области. Например, проверкой 35 магазинов Брянского Горпромторга решением Главного государственного инспектора №29 от 29 февраля 1957 года установлено, что в 14 магазинах в продаже не было ситца, бельевого полотна, льняного полотна, шерсти, сатина, кашемира, саржи, фланели, диагонали, бортовки. В магазине №42 в продаже отсутствовали пальто демисезонные и летние мужские размеров 46, 48; куртки, толстовки, гимнастерки, полупальто зимние, плащи, пыльники. В специализированном магазине «Детский мир» не было обуви от 27 до 32 размера. В магазинах «Культтовары» №44 и 49 в продаже не было тетрадей, чертежной бумаги, гитар, радиоприемников, перьев, цветных карандашей, фотобумаги, писчей бумаги, блокнотов, альбомов, папок для бумаги. В магазине №4 «Фарфор-фаянс-стекло» нет кружек, кувшинов, солонок, стаканов, тарелок, мисок. В магазинах «Хозтовары» №40, 12, 51 в продаже отсутствовали гусятницы, ковши, мясорубки, электроутюги, электроплитки, керогазы, розетки, выключатели, кофейники, лампы, гвозди сапожные, петли, напильники[7, Д. 44. л.51].

В решении Главного государственного инспектора по торговле №164 от 8 октября 1957 года «О результатах проверки магазинов №1 и 2 Брянского управления торговли» установлено, что в магазине №1 ассортимент товаров недостаточный. В продаже отсутствовали следующие товары: макароны, вермишель, перец, овсяные хлопья, чаепитки, дешевые конфеты, шоколад в мягкой расфасовке, жир свиной и говяжий, икра кабачковая, сельдь маринованная и копченая, свежемороженая камбала, молоко, творог, сырковая масса, сырки и т.д.

В магазине №2 отсутствовали в продаже следующие товары: соль в течение двух недель, мыло хозяйственное, вермишель, рис, мука, гречневая крупа, перец, мыло туалетное, овсяные хлопья, пирожные, торты, сырковая масса, мороженое, прохладительные напитки, дешевые сорта папирос, ливерная и чайная колбаса, мясо, свежемороженая треска, салака[7, Д. 44. л.296, 297].

После проверки торговых предприятий аптекоуправления в решении Главного государственного инспектора по торговле №9 от 13 января 1958 года отмечалось, что в аптеке №5 отсутствовали таблетки от кашля, шиповник, ромашка, вазелин, скипидар, глазные ванночки, пузыри для льда, грелки резиновые. В аптеке №2 не было: мыла туалетного, зубного порошка, вазелина, рыбьего жира, ваты. В аптеке №8 не было: зубного порошка и эликсира, мыла туалетного, термометров, бинтов и салфеток стерильных, ваты. В аптеке №7 не

было: сосок-пустышек, молокоотсосов, бинтов, вагы, грелок, термометров[7, Д.45.л.18, 19].

Решением Главного государственного инспектора по торговле №54 от 6 марта 1958 года «О результатах проверки хозяйственных магазинов Горпромторга» после проверки 10 хозяйственных магазинов установлено, что в день проверки в продаже не имелось: вил железных в магазинах №63, 41, 73, 47; грабель железных в магазинах №73, 47; лопат железных – в магазинах №63, 41, 17; секач-ножниц - №10, 40, 63, 73, 81, 47; стекла оконного в магазинах №10, 63, 41, 73, 81, 48, 47; опрыскивателей в магазинах №10, 8, 81, 48, 47; ведер железных – в магазинах №8, 63, 73[7, Д.45. л.107].

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1960 года «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» ставилась задача – повсеместно организовать всестороннее изучение потребностей населения в разнообразных товарах и на этой основе правильно планировать производство и завоз их в города и районы страны[8, с.550].

Однако многие промышленные предприятия не учитывали изменившуюся обстановку в торговле и в погоне за увеличением производства выпускали товары без учета требований торгующих организаций и спроса населения, длительное время выпускали товары устаревших фасонов и моделей, мало проявляли заботы об освоении новых видов товаров, улучшении их ассортимента и качества. Плановые отделы, отраслевые отделы Госплана СССР и Госплана РСФСР в должной мере не занимались планированием ассортимента товаров народного потребления.

Кроме того, до принятия указанного постановления, предприятия, будучи связанными установленными для них плановыми показателями, не могли вносить изменений в ассортимент вырабатываемых товаров в соответствии со спросом населения и расходовали часть сырья и материалов на изготовлении продукции, не пользующейся спросом.

По вновь введенному порядку планы производства товаров народного потребления должны были утверждаться промышленным предприятиям на основании заказов организаций государственной торговли и потребительской кооперации и заключенных ими с промышленностью договоров на поставку товаров.

Торгующим организациям запрещено принимать от промышленных предприятий товары, не соответствующие по ассортименту и качеству принятым промышленностью заказам от торгующих организаций. Вместе с тем промышленным предприятиям было запрещено без согласования с министерствами торговли союзных республик и управлениями торговли прекращать производство товаров народного потребления[9, с.46].

Советам Министров союзных республик было поручено систематически, с учетом изменения спроса населения, осуществлять мероприятия по расширению и обновлению ассортимента, улучшению качества товаров, а также внедрению в производство новых, более совершенных по конструкции, моделям, фасонам и внешнему оформлению товаров народного потребления, соответствующих изменившемуся спросу населения.

Однако, если материалы по изучению спроса на местах не обобщались и не использовались для правильного определения объема спроса по отдельным товарам, то это приводило к тому, что заказы торгующих организаций на товары во многих случаях оказывались необоснованными и приводили к выпуску излишних товаров, а в ряде случаев – к сокращению производства отдельных товаров.

Например, из-за неправильных заказов торгующих организаций производство электрических утюгов в 1956 году было сокращено в 4 раза по сравнению с 1955 годом. В результате начал ощущаться большой недостаток в них. Начиная с 1959 года, производство электрических утюгов начало увеличиваться, однако спрос на них до середины 60^х годов не был удовлетворен[10, с.15].

Первые итоги по работе над увеличением ассортимента товаров были подведены на Всероссийском совещании работников государственной торговли, состоявшемся в Свердловске в конце июля 1963 года. В своем выступлении министр торговли РСФСР Д.В.Павлов отметил серьезные недостатки в организации розничной и оптовой торговли. В частности, в магазинах часто нет многих достаточных товаров.

Начальник Свердловского областного управления торговли А.Д.Баринов, говоря о недостатках в планировании производства товаров, отметил, что в ряде случаев отдельных изделий либо не хватает, либо обнаруживается их избыток. Начальник Главного управления торговли Ленгорисполкома А.К.Зернов анализировал имеющиеся недостатки в товароснабжении, причины невыполнения заказов торгующих организаций[11, с.56].

С целью ликвидации указанных проблем в 1962 году был создан Государственный комитет по торговле при Совете народного хозяйства СССР. На него возлагались обязанности по развитию торговли в стране, организации изучения спроса населения на товары народного потребления, определению потребности в товарах для торговли и предложений о производстве этих товаров. Комитет должен был влиять на повышение качества, улучшение ассортимента и производство новых видов товаров народного потребления[12, с.273].

Непосредственно с решением вопроса об увеличении ассортимента товаров связана проблема их качества. В ней можно выделить два взаимных требования: во-первых, преградить путь в торговлю плохим товарам и, во-вторых, постоянно улучшать их качество.

Основной причиной производства плохих товаров являлось отсутствие материальной заинтересованности предприятий в повышении качества продукции. Система плановых показателей, на основании которых оценивалась хозяйственная деятельность предприятий, была слабо связана с качеством продукции. Поэтому многие из них выдвигали идею о необходимости выделения решающего показателя работы предприятия – реализация товаров населению[13, с.79].

Главную ответственность за качество товаров несли непосредственные производители – фабрики и заводы. Большую работу по выявлению некачественных промышленных и продовольственных товаров и недопуску их в торговую сеть проводила Госторгинспекция. В обзоре по результатам проверок Госторгинспекции РСФСР за 1963 год отмечено, что в этом году на промышленных предприятиях, оптовых базах и в розничной торговой сети было проведено 187,9 тысяч проверок качества товаров.

Количество забракованных Госторгинспекцией товаров в 1963 году по сравнению с 1962 годом значительно увеличилось, особенно по трикотажным изделиям – 336,3 тысяч единиц или 42,1% от проверенного количества, против 227,7 тысяч единиц или 35%, забракованных в 1962 году, чулочно-носочных изделий соответственно 48,7 тысяч пар или 27,6% против 20,2 тысяч пар или 16,2%, кроватям металлическим – 33,4 тысяч штук или 32,4% против 26,5 тысяч штук или 26,9%, велосипедам и коляскам детским – 14,5 тысяч штук или 68,2% против 4,2 тысяч штук или 37,8%.

По ряду промышленных товаров за 1963 год, хотя и не увеличился процент браковок, но продолжает оставаться очень высоким и составил по швейным изделиям 32,7%, обуви кожаной – 29,8%, холодильникам – 25,3%, швейным машинкам – 35,8%, телевизорам – 28,7%, магнитофонам – 65,8%, мебели – 34,7%, посуде алюминиевой – 92,4%, посуде стеклянной – 85,4% [14, л.2,3].

От общего количества забракованных промышленных товаров на производственных предприятиях было забраковано 66,7%, подавляющая масса которых браковалась по причине нарушения технологического процесса производства, небрежного выполнения технологических операций и прямого нарушения государственных стандартов и технических условий.

Низкого качества швейные изделия в 1963 году поставляли в торговлю предприятия Московского, Ленинградского, Средне-Уральского, Волго-Вятского и Приокского совнархозов [14, л.8].

Таблица 1

**Результаты проверки предприятий швейной промышленности
Госторгинспекцией РСФСР в 1963 году**

Наименование предприятий	Кол-во проинспектированных швейных изделий в штуках	% забракованных и сниженных в сортности швейных изделий от проинспектированного количества	Примечание
Улан-Удэнская швейная фабрика (Восточно-Сибирский совнархоз)	400	100	Приказом Бурятского управления Госторгинспекции от 7 июня 1963г. №20 прекращена приемка вагных курток
Свердловская швейная фабрика №5 (Средне-Уральский совнархоз)	162	95,6	Приказом Свердловского управления Госинспекции от 5 июля 1963г. №61 прекращена приемка мужских демисезонных пальто
Ставропольская швейная фабрика (Северо-Кавказский совнархоз)	140	88	Приказом Ставропольского управления Госинспекции от 14 ноября 1963г. №48 прекращена приемка мужских костюмов и брюк
Клинцовская швейная фабрика (Приокский совнархоз)	751	Костюмы мужские – 17%, костюмы для мальчиков – 42%, брюки мужские – 14%	Материалы проверки обсуждены у Заместителя Министра торговли РСФСР тов. Шошина. Направлены письма секретарю Брянского промышленного обкома КПСС и председателю Приокского совнархоза

Основными причинами выпуска низкого качества швейных изделий являлись: нарушение технологической дисциплины, использование изношенного оборудования устаревших конструкций, низкое качество фурнитуры и отдельных материалов, снижающее эстетическое качество изделий.

За 1963 год Госторгинспекцией на промышленных предприятиях и в торговле было проведено 2279 проверок качества мебели, в результате которых проверено 702,9 тысяч единиц различной мебели и забраковано 243,8 тысяч единиц или 34,7% от проверенного количества. Результаты проведенных проверок представлены в таблице 2 [14, л.25].

Таблица 2

**Результаты проверки предприятий мебельной промышленности
Госторгинспекцией РСФСР в 1963 году**

Наименование предприятий	Количество проинспектированной мебели в штуках	% забракованной мебели к проинспектированному количеству	Примечание
Сартовальский мебельно-лыжный комбинат (Северо-Западный совнархоз)	1187	100,0	Приказом Карельского управления Госинспекции от 10 августа 1963г. №9 прекращена приемка мебели
Злынковская спичечная фабрика «Ревпуть» (Приокский совнархоз)	180	100,0	Приказом Брянского управления Госинспекции от 2 октября 1963г. №58 прекращена приемка стульев

Одинцовская мебельная фабрика (Московский совнархоз)	119	100,0	Приказом Московского управления Госинспекции от 14 октября 1963г. №169 прекращена приемка кроватей
Жуковская мебельная фабрика (Приокский совнархоз)	200	100,0	Приказом Брянского управления Госинспекции от 13 ноября 1963г. №67 прекращена приемка мебели

Среди проверяемых продовольственных товаров особое внимание уделялось качеству хлебобулочных изделий. В 1963 году было проведено 18,2 тысяч проверок и, кроме того, качество хлеба проверялось в 6643 розничных магазинах.

Качество хлеба и хлебобулочных изделий понизилось из-за переработки некондиционной муки – темной по цвету. Мякиш хлебных изделий стал более плотным и грубым, ухудшился вкус хлеба, при наличии примеси ячменной муки часто ощущался горьковатый привкус.

Особенно неблагоприятное положение с качеством хлеба было установлено на предприятиях Брянского треста хлебопечения, на которых в течение 1963 года было забраковано 76,4 тонны или 11,9% проверенных хлебобулочных изделий. Так, на Дятьковском хлебокомбинате 19 декабря 1963 года из 11,4 тонны проверенного пшеничного хлеба было забраковано 5,1 тонны. На Брянском хлебозаводе №1 8 ноября 1963 года забраковано 2900 кг или 12,2% плохо пропеченного хлеба. Для предотвращения продажи населению недоброкачественной продукции Госторгинспекцией в 1963 году прекращалась приемка отдельных видов изделий от 31 предприятия, и вводился особый режим приемки на 14 предприятиях[14, л.47, 48, 49].

Главный государственный инспектор по торговле, контролирующий качество продукции на предприятиях Брянской области, в решении №44 от 6 марта 1956 года указал, что химико-бактериологическая лаборатория Брянского мясокомбината установила, что московская летняя колбаса производства артели «30 лет Октября» имела сильное потемнение оболочки, фарш разработан плохо. Вкус и запах не соответствует данному виду колбасы, нет привкуса специй. Она имела очень повышенную влажность (57,7% вместо 40%). Говяжья колбаса имела также потемневшую оболочку, вязкую, нестандартную консистенцию, очень незначительное количество специй и повышенную влажность (61,2% вместо 54%)[7, Д.43. Л.88].

В решении Главного государственного инспектора по торговле №330 от 8 сентября 1956 года после проверки магазина №11 Дятьковского горторга установлено, что в магазин №11 из Бытошской хлебопекарни поступило 325 кг ржаного хлеба, непригодного к употреблению. Хлеб по заключению Дятьковской санбаклаборатории оказался сыропеклым, с повышенной влажностью и кислотностью, с загрязненными нижними и боковыми корками. Заведующая магазином Тараскова А.Е. приняла и пустила в реализацию заведомо некачественный хлеб[7, Д.43. Л.387].

В результате проверки 16 апреля 1957 года магазинов Дятьковского горторга Главным государственным инспектором по торговле установлено, что находящиеся в продаже пряники попорчены мышами[7, Д.44. Л.140], а при проверке 3 июля 1957 года магазина №6 Клиновского горторга выявлено, что в продаже имелись непригодные к употреблению заплесневелые пряники[7, Д.44. Л. 208].

После проверки 15 магазинов Горпищеторга, произведенной Госторгинспекцией в марте 1958 года, установлено, что в специализированном магазине №3 картофель по цене стандартного продавался с наличием 60% мокрой, сухой и кольцевой гнили, имеющий механические повреждения и поврежденный грызунами.

В специализированном магазине №32 морковь была сильно загрязненная, имеющая 20% гнили и механических повреждений и продавалась по цене I сорта.

В магазине №56 картофель, пораженный разными вредителями и механическими повреждениями на 17%, продавался по цене стандартного[7, Д.45. Л.114].

Недостаточное внимание качеству товаров уделялось в торговых предприятиях Жуковки, о чем указано в решении Главного государственного инспектора по торговле №164 от 2 июля 1958 года. Коллективы не мобилизованы на борьбу за качество товаров, никакой разбраковки товаров не велось, поэтому в магазинах можно было встретить товары, которые населению даже неудобно было предлагать. Так, принималась очень плохого качества детская обувь с картонной не приклеенной стелькой, плохо простеганные[7, Д.45. Л.288].

Вопросам качества продукции было уделено внимание на сентябрьском (1965г.) Пленуме ЦК КПСС. В докладе А.Н.Косыгина указывалось, что повышение качества продукции в соответствии с требованиями потребителей является одной из главных задач планирующих и хозяйственных организаций, что необходимо ввести аттестацию качества продукции[15, с.442].

При этом предполагалось, что по товарам народного потребления мнение торгующих организаций о качестве товаров, их потребительском спросе должно иметь первостепенное значение при решении вопроса о присвоении знаков качества. Разрешение предприятию пользоваться знаком качества давало ему ряд преимуществ и, прежде всего, надбавки к цене. За их счет планировалось организовывать на предприятии специализированный фонд, одна часть которого должна была расходоваться на улучшение и расширение производства, а другая – на индивидуальное премирование рабочих, инженерно-технического персонала, принимавших участие в выпуске продукции. Из этого же фонда предприятие должно было оплачивать санкции за поставку товаров ненадлежащего качества. Это поставило бы интересы каждого рабочего и служащего в зависимость от

результатов работы предприятия в целом. Несмотря на положительный эффект от применения знака качества, массового характера данная мера борьбы с браком в 60^е годы в СССР не получила.

То, что проблемы ассортимента и качества товаров не были решены и к середине 60^х годов, говорит тот факт, что в постановлении Совета Министров СССР от 13 марта 1965 года «Об улучшении торговли и общественного питания в стране» вновь обращено внимание, что промышленность продолжает выпускать, а торговые организации принимать товары низкого качества, устаревших фасонов и моделей, пользующихся ограниченным спросом у покупателей. В то же время в торговле отсутствовали многие товары, необходимые населению [16, с.588].

Подводя итог выше изложенному, можно сделать вывод о возрастании роли торговли в деле расширения ассортимента и улучшения качества товаров, о необходимости лучшего изучения спроса потребителей, чтобы товары не залеживались на полках магазинов и не теряли товарный вид. Вместе с тем, можно выделить недостаточную роль планирующих органов, Госторгинспекции СССР и республик в борьбе с браком произведенной продукции и отсутствие координирующего и компетентного центра, что тормозило решение вопроса о качестве и разнообразии выпускаемых изделий в СССР в 50-60^е годы XX века.

In the article the questions of the necessity of increasing the variety and improving the quality of goods in the USSR in the 1950s and 1960s were considered on the basis of archival sources. The problems with the implementation of food and industrial goods in the Soviet trade are identified. The activity of State trade inspection of the RSFSR and the Bryansk region in the struggle for the quality of goods sold is analyzed.

Key words: *trade, product range, product quality, customer demand, market conditions, State trade inspection, the sign of quality.*

Список литературы

1. Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951-1955 годы. М.: Госполитиздат, 1952.
2. Правда. 1953. 28 октября.
3. Правда. 1953. 30 октября.
4. Правда. 1953. 25 октября.
5. Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. М.: Госполитиздат, 1953.
6. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф.7971. Оп. 1. Д.2744. Информация из городов, областей и республик о состоянии торговли за 1956 год.
7. Государственный архив Брянской области (далее - ГАБО). Ф. Р-2185. Оп. 1. Решения о нарушении правил торговли за 1956-1958 гг.
8. О мерах по дальнейшему улучшению торговли. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1960г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Сборник документов в 16 томах. Т.9. 1956-1960. М.: Издательство политической литературы, 1986.
9. Байков Б.Г. Совершенствование связей торговли с промышленностью. М.: Экономика, 1967.
10. Сапельников Я. О планировании ассортимента товаров // Советская торговля. 1960. №12.
11. Всероссийское совещание торговых работников. Хроника // Советская торговля. 1963. №9.
12. О дальнейшем улучшении организации планирования развития народного хозяйства. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 января 1963г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов в 5 томах. 1917-1967. Т.5. 1962-1965. М.: Издательство политической литературы, 1968.
13. Павлов Д.В. Советская торговля в современных условиях. М.: Экономика, 1965.
14. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 411. Л. 2,3. Обзор по качеству промышленных и продовольственных товаров, составленный по результатам проверок Госторгинспекции РСФСР за 1963 год.
15. Об улучшении управления промышленностью, совершенствования планирования и ускорения экономического стимулирования промышленного производства. Постановление ЦК КПСС от 29 сентября 1965г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Сборник документов в 16 томах. Т.10. 1961-1965. М.: Издательство политической литературы, 1986.
16. Об улучшении торговли и общественного питания в стране. Постановление Совета Министров СССР от 13 марта 1965г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов в 5 томах. 1917-1967. Т.5. 1962-1965. М.: Издательство политической литературы, 1968.

Об авторе

Мороз И.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, zima.morozz@yandex.ru

УДК 94(100)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ АБСОЛЮТИЗМА ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЛЮДОВИКА XIV.

В.М. Овчинников

В статье рассматриваются основные аспекты формирования абсолютизма как военно-политической доктрины, автором демонстрируются целый комплекс заимствований из римской практики военного и политического строительства, прослеживающихся в период раннего нового времени. Особое внимание уделяется военным аспектам, демонстрирующим общую милитаризацию французского политического механизма в период правления Людовика XIV.

Ключевые слова: абсолютизм, «римский миф», идеология, Людовик XIV, армия, лимес.

В политической системе Франции 2-й половины XVII столетия можно в полной мере проследить использование милитаризированной идеологии, базировавшейся помимо известных макьявेलлиевских принципов на богатой античной практике, в частности, на концепции «римского мифа». Людовик XIV (1643 – 1715 гг.), завершивший во Франции переход к абсолютистскому государству, активно пользовался «античной политической мифологией».

Пожалуй, одним из его важнейших заимствований является применение римской практики управления государством, основанной на сбалансированном взаимодействии таких механизмов, как: военный, бюрократический и придворный, каждый из которых был подчинён непосредственно монарху, для чего активно использовался античный принцип клиентелы. Развитие административной системы рассматривается в зарубежной историографии, как следствие укрепления отношений между монархом и дворянством[3, p.50; 4, p.108–118; 5], подчеркивая отсутствие возможности обезличивания государства[3, p.125], обуславливающее наличие клиентелы на различных уровнях обширного административного аппарата[4, p.108,118]. Власть в лице монарха выделяла в обществе несколько звеньев, мелких групп, значительно влиявших на зарождающееся общественное мнение и подчинявших его себе. Фактически такая формулировка подразумевает, что общество формально равно незначительной группе индивидов, которые заинтересованы в контактах с властью. В соответствии с этим произошел переход от традиционной системы верности вассала к принципу подчинению государству в лице монарха[5, p.108]. Таким образом, привлечение провинциального дворянства в различные сферы управления при кардинале Ришелье (1624-1642) было весьма плодотворной политикой[6, p.142].

Все это приводило к относительно сбалансированному распределению должностей, как в центре, так и на периферии[6, p.204–205], и, как подчеркивалось ранее, вело к появлению значительной группы дворянства, лично зависящего от монарха. Подобное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество было сопряжено с укреплением государства, необходимость чего была основана на кризисе сороковых годов XVII века – Фронде (1648 – 1653). Его можно сравнить с кризисом власти, в котором находилось римское государство после окончания гражданских войн и конфликтов в Галлии и Парфии (59 г. до н.э. – 31 г. до н.э.). Можно предположить, что схожая военно-политическая обстановка обусловила использование схожих методов выхода из кризиса. Как и принцепс Август, Король-Солнце применял такие пропагандистские приёмы, как: монументальное строительство, эпиграфику, а также фалеристику.

Ставя во главу угла «величие государства», Людовик XIV, ориентируясь, в первую очередь, на античные образцы ведения пропаганды, пытался воспользоваться этим аспектом античного наследия, на основании чего образ самого монарха и его царствования предстает в совершенно ином свете, нежели это описывают Сен-Симон и Вольтер. Основопологающим принципом был тезис о величии государства, то есть, военная мощь. Реализовался этот принцип не только посредством использования мощной армии, но, что более важно, созданием своеобразного ореола побед, которые лавровым венком возлагались на голову могущественного короля Франции. Наряду с изображением Людовика в виде Солнца, Меркурия, Геркулеса или Атланта[7, p.198], часто использовался образ римского бога войны – Марса. Подобные изображения, где король в виде бога войны увенчивается лаврами победителя, присутствуют как на монетах[8, T.5, Pl.1-12], так и в произведениях искусства, и, что более важно, в печати. Кроме этого, военная атрибутика греко-римского периода активно применялась художниками почти повсеместно.

Версаль, без сомнения, был важнейшим из символов правления Людовика XIV, и более того, материальным отражением нового «французского мифа». Он был своеобразным храмом, в центре которого находился сам король, все в том же образе Марса. Эти сравнения были отнюдь не случайными, отражая политические намерения Короля-Солнце.

Нельзя утверждать, что он в полной мере воспользовался римской идеей «великой миссии», но, стоит заметить, что Людовик XIV довольно настойчиво добивался статуса сверхдержавы для своей страны, показателем чего было создание мощной армии и лимеса маршала Вобана[9; 10, p.39-40; 11, p.328-337; 12, p.10; 13, p.8], который в своих изысканиях на военном поприще также ориентировался на античных, в частности, римских авторов. Учитывая мнение Дж. Шеннана, кризис раннего Нового времени способствовал переходу от патримонных режимов государств к современной бюрократической системе [3, p.112-113].

В связи с этим, формирующаяся абсолютная монархия на данной стадии своего развития все более иден-

тифицировалась со двором, однако с учетом развития политического прагматизма[3, р. 207-237.]. Логичным результатом становится концентрация всей полноты власти в руках монарха, что было следствием кризиса, завершившего формирование доктрины монархического суверенитета[5, р.640-642]. Уже Ж. Боден усматривал в Эдикте в Болье 1576 года решающий шаг в трансформации монархии во Франции, видя, с одной стороны, укрепление власти правителя, с другой же, – торжество закона, формирование принципа государственного суверенитета как одного из основных компонентов абсолютизма. В данном случае на примере судебной системы ярко проявляется влияние римского права и основных принципов государственного строительства[14, р.113], причем, как указывает Р.Бони: «Полномочия, получившие интенданты благодаря декретам и дополнительным регламентам... полностью преобразовали природу королевского административного аппарата...»[4, р.62].

Монарх, получая власть законодателя[15, р.8], ставя ее выше права первого судьи, и таким образом уничтожая устаревшую феодальную структуру, становился не только обладателем верховной власти, но и символом государственности.

Кроме этого, заново утверждался античный принцип наличия не только мощной и эффективной, но и мобильной армии, а также использование развитой системы укреплений, дабы противник не смог в результате активных наступательных операций причинить значительный вред экономике страны. Параллельно с этим развивались различные политические концепции, направленные на укрепление идеи государства и государственности; несомненно, также важным фактором являлся кризис последнего этапа Тридцатилетней войны, выраженный для Франции в первую очередь во Фронде[1, р.144-149; 16, р.1-19,200; 17; 18; 19, р.85-158].

Это вызывало необходимость долгосрочного планирования, причем комплексного – военно-политического. Требовалась совершенно новая концепция управления государством, и, как следствие, иные принципы ведения боевых действий. Все указанные факторы подталкивали к созданию комплекса, прочно сплетающего дипломатию, военное искусство и практику управления государством в целом, что рождало кардинально новые идеи, где на первое место выходило такое понятие, как государственный интерес.

Война, и до этого являвшаяся лишь средством решения внутренних проблем, становится своеобразным элементом дипломатической деятельности в рамках государственного строительства. Она превращается в отрасль политики, становится элементом дипломатии в рамках европейской системы, поэтому довольно быстро стала появляться проблема баланса сил[2, с.5-21]. Здесь имеется в виду их пропорциональное распределение, как для ведения наступательных действий, так и для поддержания стабильности в пределах государства. Это возвращало военных и политиков к римской практике управления государством. Наметилась общая милитаризация политической жизни, попытка структурирования, упорядочивания, то есть, создания единого механизма, где, как и в Риме, гражданский и военный институты были связаны настолько, что стали неотделимыми друг от друга.

С учетом активного развития пороховой артиллерии, что открывало совершенно новый этап в практике ведения боевых действий, возникала необходимость в модернизации вооруженных сил. Такие авторитетные военные деятели, как Р. Монтекуколи, Ф.М. Лува, А. Тюренн, С. Вобан, в своих изысканиях ориентировались на богатую античную практику боевых действий. Последняя требовала не только максимально эффективно оснащенных вооруженных сил, но и, в первую очередь, подчинения политики целям военным, которые постепенно становились уже неотделимыми от нужд государственного механизма[20; 21; 22; 23; 24; 25].

Следовательно, этот механизм должен был иметь ярко выраженную формулу функционирования – идеологию и мотивацию существования. Мы полагаем, что именно в этом аспекте развития государственного строительства наиболее ярко прослеживается факт преемственности концепции управления государством. С учетом того, что именно римлянами были разработаны основные принципы управления сверхдержавой (или же государством, претендующим на такое звание), их опытом европейские последователи не могли пренебречь. Именно по этой причине начиная с периода Возрождения в среде европейской политической элиты наблюдается весьма живой интерес к античным мыслителям, в первую очередь рассматривающим военные и политические вопросы. В период раннего нового времени этот интерес лишь усиливается, издаются работы Эллиана и Витрувия, Иосифа Флавия и Аммиана Марцеллина, Вегеция и многих других. Опираясь на опыт античности, и новые веяния в области военного и политического строительства и формируется концепция абсолютизма. Именно по этой причине начиная с периода Возрождения в среде европейской политической элиты наблюдается весьма живой интерес к античным мыслителям, в первую очередь рассматривающих военные и политические вопросы. В период раннего нового времени этот интерес лишь усиливается, издаются работы Эллиана и Витрувия, Иосифа Флавия и Аммиана Марцеллина, Вегеция и многих других. Опираясь на опыт античности, и новые веяния в области военного и политического строительства и формируется концепция абсолютизма[26, р.48-51; 27, р.52-53; 28; 29; 15; 1, с.144-149; 5; 16; 17; 18].

Нам представляется, что формирование идеологии абсолютизма, стало очередным этапом развития подобной концепции. Особо следует подчеркнуть, что представители различных течений в развитии исторической науки, зачастую на основании эмпирического наблюдения и теоретических выкладок, пытались рассмотреть двойственную природу данной идеологии в соответствии со спецификой различных концептуальных структур. Можно проследить ряд особенностей и принципов абсолютизма. С одной стороны, это ярко выраженное бюрократическое государство, уделяющее значительное внимание принципу верности государственной идее (по сути, выражающейся в личной верности монарху), имеющее мощный бюрократический аппарат[30], легитимизированное путем смешения «естественного» и «божественного» права, а также современной концепции полити-

ческого суверенитета. Монархия Людовика XIV была своеобразным связующим звеном между прошлым и будущим, настоящим колоссом с головой Януса, смотрящим одновременно как вперед, так и назад.

С другой же стороны, прослеживается ярко выраженная милитаристическая тенденция, основанная на преобразовании традиционного носителя военных традиций – дворянства, важнейшим фактором данного процесса являлось подчинение дворянства идеалам нового государственного строительства [30, р. 27-135, 153-232, 318-336.]. Стоит также заметить, что дворянство, как крупное, так и мелкое, постепенно обособливается в такую замкнутую группу, как офицерский корпус, для которого служение воплощению государства, то есть монарху, вело к включению аристократии в общий государственный механизм, сближавший в интересах дворянство и буржуазию, а функционирование бюрократического аппарата, контролировавшего как военную, так и гражданскую сферы, делалось необходимым условием существования государства как стройной политической системы.

С учетом того, что бюрократизация и централизация, как основные признаки современного государства, прослеживались во Франции уже в XV – XVI столетиях, административные изменения Людовика XIV делали, по мнению ряда ученых, систему абсолютизма дисбалансированной, что связано с отказом от признания развития бюрократии в средневековом обществе, а также в период Ренессанса [31, р. 5–6, 22, 207–208.].

Король-Солнце вынужден был отказаться от подобной модели ввиду такого события, как Фронда, которая уже на протяжении довольно долгого времени трактуется в зарубежной историографии, как открытая конфронтация против укрепления власти монарха, то есть абсолютизма [32, р. 275-302; 33, р. 183; 34, р. 103; 15, р. 20-31]. Данное явление, основной базой которого был парламент Парижа, а также группа финансистов и представителей администрации, принадлежавших к дворянству мантии, было несомненной угрозой монархии, ввиду наличия у них программы, предлагавшей изменения в административной системе государства [35, Т. 17, р. 72-84; 36, р. 238; 16, р. 11]. Без сомнения, этот документ, разработанный парижским парламентом был направлен на ограничение власти монарха, так как касался вопросов, связанных с такими сферами функционирования государственного аппарата, как административная, финансовая, налоговая и ряд других [33, р. 320].

У короля не было иного выбора, нежели полностью реформировать всю государственную систему, чтобы не допустить подобных попыток. Весьма важным фактором являлось также то, что, несмотря на преодоление сопротивления его политических противников в период Фронды, Людовик XIV все же оставил парламенты в своем государстве, естественно, уменьшив их права, обрекая себя тем самым, как утверждает Дж. Харт, на борьбу с ними [37]. Однако это делало обоснованным существование жесткой централизованной системы.

Весьма важным фактором развития абсолютизма являлась также необходимость адекватного распределения государственных средств, что кардинально отличается от феодальной налогово-финансовой системы, опирающейся на бартер [38, р. 152, 290]. Еще при Генрихе IV налаживались отношения между развивающейся буржуазией и благородными сословиями, в рамках антагонизма между которыми король выступал как миротворец [38, р. 167]. Однако Генрих IV был последним из королей, который пытался быть внешним арбитром в отношениях между сословиями, Людовик XIV, в свою очередь, был уже главой и символом придворного общества [38, р. 149], что ставило несколько иные стандарты в понимании термина «аристократизм» и выводило на совершенно иной уровень отношения между дворянством и монархом [38, р. 181]. Король-Солнце был, в первую очередь, заинтересован в создании монолитной аристократии, полностью подчиненной государственной идее. Логичным следствием было также выделение придворных в отдельную группу, имеющую механизмы защиты от чужеродных элементов [38, р. 186].

Связующим фактором между бюрократизацией и милитаризацией государственного механизма являлась также политика правительства, направленная на создание такой структуры, как придворное общество, которое было своеобразным фактором, упорядочивающим отношения между элементами всей данной организации, создавая систему противовесов, которые позволяли монарху быть не только фактическим правителем государства, но и воплощением самой идеи государственности [39].

Весь комплекс процессов, протекавших во Франции в данный период, можно трактовать следующим образом: «появление четкой иерархии учреждений и целой цепи инстанций... специализация, учреждение и наделение чиновников значительной властью, оплата жалований и пенсий, каталогизация делопроизводства» [40, р. 262].

Потребность идеологического оформления политических акций в условиях формирования Вестфальской системы ставила французских монархов перед проблемой политической идентичности. Ориентируясь на богатую античную практику, Людовик XIV использовал основные элементы римского государственного механизма эпохи принципата, при этом выделив несколько базовых факторов для создания своей идеологической доктрины:

1. Основным функциональным звеном данной системы было создание идеологии, базировавшейся на концепции «римского мифа». С учетом схожих условий развития и функционирования, французскую систему можно трактовать как своеобразное развитие римской военизированной идеологии, и «миф абсолютизма» рассматривать, как и «римский миф», с позиции мощнейшей идеологической системы. На основании формирующейся идеологии абсолютизма функционировала вся французская государственная система, следствием чего была милитаризация государственного механизма. В свою очередь, основным проводником этой концепции стало придворное общество, ставшее надгосударственной структурой, и, таким образом, контролировавшее остальные элементы государственного механизма.

2. Ориентируясь опять же на античную практику, довольно важным элементом «французского мифа» была армия, являвшаяся основным проводником военной идеологии и одним из средств формирования в бу-

дущем «национального государства». Для монарха профессиональная армия была инструментом политики, которая, кроме всего прочего, обеспечивала стабильное функционирование всей государственной системы.

3. Последним элементом было создание бюрократического аппарата, который был призван являться частью сбалансированного государственного механизма Короля-Солнце. В целях укрепления своей идеологической концепции Людовик XIV активно применял каждый из этих элементов государственного механизма, что делало его весьма устойчивым и функциональным. Таким образом, можно утверждать, что в высших эшелонах власти Франции второй половины XVII столетия ориентировались на римскую практику политико-экономического взаимодействия.

In article the basic aspects of formation of the absolutism as military-political doctrine are considered, by the author are shown the whole complex of loans from the Roman practice of the military and political building, traced in early new time. The special attention is given to the military aspects showing the general militarization of the French political mechanism in board of Louis XIV.

Key words: *absolutism, «the Roman myth», ideology, Louis XIV, army, limes.*

Список литературы

1. Мак-нил У. В погоне за мощью. Технология вооруженная сила и общество в IX – XX веках. М., 2008.
2. Ивонина Л.И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648-175). М., 2005.
3. Shennan J.H. The Origins of the Early Modern State 1450–1725, London: Hutchinson, 1974.
4. Bonney R. L' Absolutisme, Paris, 1989.
5. Mousnier R. The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 2 vols, Chicago: University of Chicago Press, 1984. vol. 1.
6. Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France, Oxford, 1986.
7. Kapmann C., Krause K., Krens E-B, Tisher A. Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Bohlau, Verlag, Koln, Weimar, Wien. 2008.
8. Histoire de la vie et du regne de Louis le Grand. Enrichie de medailles. Francfort, 1753.
9. Rochas d'Aiglun A. Projet d'une carte politique de l'Europe par Vauban en 1706. P., 1891.
10. Rorive J-P. La guerre de siuge sous Louis XIV en Europe et a Huy. Brussels, 1997.
11. Tracy J. City Walls: The Urban Enceinte in Global Perspective. Cambridge, 2000.
12. Wenzler C. Architecture du bastion, Tart de Vauban. Editions Ouest-France, Rennes, 2000.
13. Renson D. Vauban, Ingenieur du Roi-Soleil et auteur des Oisivetes// Les Grands Personnages de l'Histoire, No.1, May 2004.
14. Dyson K.H.F. The State Tradition in Western Europe, Oxford, 1980.
15. Parker D. Class and state ancien regime France The road to modernity L., 2003.
16. The new Cambridge modern history volume V The ascendancy of France 1648-88 edited by Carsten F.L. Cambridge University Press, 2008.
17. Mousnier R. L' Evolution des institutions monarchiques en France et ses relations avec l' état social.// XVII Siècle, nos. 58–9, in La plume, la faucille et le marteau, Paris: PUF, 1970.
18. The Cambridge history of eighteenth-century political thought Cambridge University Press 2006.
19. Neff S. War and the law of nations A General History. Cambridge University Press, 2005.
20. Chotard H. Louis XIV, Louvois, Vauban et les fortifications du nord de la France, d'aprus des lettres inuides de Louvois, adressues a M. de Chazerat, gentilhomme d'Auvergne, directeur des fortifications a Ypres. P., 1889.
21. Dogen M. Architectvra militares moderna. Amstelodami, 1647.
22. Vauban S. Manire de fortifier de Mr de Vauban, Amsterdam, 1689.
23. Memoires de Montecuculi Generalissime des troupes de L' Impereur. P., 1760.
24. Commentaries sur les Memoires de Montecuculi Generalissime des troupes de L' Impereur. P., 1770.
25. The history of Henri de la Tour D 'Auvergne Vifcount de Turenne Marfhal-General of France. L., 1735.
26. Henshall N. Early modern absolutism 1550–1700: political reality or propaganda?// Asch R.G., Duchhardt H., Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa, ca. 1550–1700 Cologne, 1996.
27. Landes D. The foundations of European expansion and domination: an equilibrium model.// International Journal on the History of European Expansion and Global Interaction, №5, Cambridge, 1981.
28. Tallett F. War and Society in early-modern Europe, 1495–1715, L. 2003.
29. Dewald J. Aristocratic Experience and the Origins of Modern Culture: France, 1570-1715. University of California Press 1993.
30. Rowlands G. The Dynastic State and the Army under Louis XIV Royal Service and Private Interest, 1661-1701. Gambridge, 2003.
31. Guenee B. States and Rulers in Later Medieval Europe, Oxford: Blackwell. 1985.
32. Koebner A. Despot and Despotism: Vicissitudes of a Political Term// Journal of the Warburg and Courtauld Institutes №15, 1951.
33. Collins J.B., Taylor K. Early Modern Europe. Blackwell Publishing, 2006.
34. Anderson P. Lineages of the Absolute State, London: New Left Books, 1974.

35. Isambert F.A. Recueil général des anciennes lois françaises: depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789, T.1–29, Paris 1821–33, T.17.
36. Doolin P.R. The Fronde, Cambridge. 1935.
37. Hurt J.J. Louis XIV and the parlements. The assertion of royal authority. Manchester University Press. 2002.
38. Elias S. The Court Society, trans. E. Jephcott, Oxford: Blackwell, 1983.
39. Bell D.A. The Cult of the Nation in France Inventing Nationalism, 1680–1800. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, London, 2003.
40. Rule J.C. Colbert de Torcy, an emergent bureaucracy, and the formulation of French foreign policy, 1698–1715. // Hatton R. Louis XIV and Europe. L., 1976.

Об авторе

Овчинников В.М. – аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, *Benkey1985@yandex.ru*

УДК 947.081.12

ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗЕМСКОЙ ПОЛИТИКИ (1860-е гг.)

М.М. Пилюсова

Статья посвящена некоторым проблемам обсуждения земской реформы и формирования общественного мнения в периодической печати в 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: *земство, периодическая печать, цензура, общественное мнение.*

Широкомасштабные преобразования в России, развернувшиеся в 1860-е – 1870-е гг., затронули все важнейшие стороны жизни как общества, так и государства. Были проведены экономические (ликвидация крепостного права и др.), политические (изменения в системе управления – судебная, земская, городская, военная), реформы в области образования и культуры (школьная, университетская, цензурная).

Одно из важнейших в числе перечисленных, переустройство местного самоуправления, с 1859 г. разрабатывала комиссия при Министерстве внутренних дел под председательством Н. А. Милютина, а с 1861 г. ее возглавил министр П.А. Валуев. Лишь после довольно длительной проработки, 1 января 1864 г., были учреждены земства (всесоюзные органы в уездах и губерниях), в компетенцию которых входили вопросы, связанные с функционированием местного хозяйства, с распределением государственных податей, устройством школ, больниц, приютов, содержанием тюрем и путей сообщения.

Наступивший 2014 г. является юбилейным: исполнилось 150 лет с момента начала осуществления земской реформы. Историческая общественность будет широко отмечать это событие, проводя научные конференции, публикуя статьи и монографии, посвященные этому событию. Довольно длительный период, прошедший с момента начала осуществления реформы, позволил накопить значительный объем материалов, отразивший проблемы, связанные со структурой, функциями и деятельностью земств, их взаимоотношением с властными структурами, влиянием на пробуждение и развитие общественных инициатив, перспективами земского самоуправления в современных условиях, аспектами деятельности и роли земств в социально-экономической, политической, культурно-просветительской и общественной жизни страны. Вместе с тем, многие из обозначенных вопросов по-прежнему нуждаются в дополнительном освещении, а некоторые и в новых подходах, основанных на современных достижениях исторической науки.

Одним из важных, на наш взгляд, вопросов, связанных с осуществлением земской реформы, является отражение ее хода в периодической печати, которая активно включилась в обсуждение разнообразных проблем, затрагивавших отдельные аспекты земской жизни, и выступила своеобразным индикатором настроений в обществе, помогая лучше понять расстановку общественных и политических сил вокруг земства. Особое место среди публикаций в прессе занимают статьи, вызвавшие не только недовольство со стороны цензурного ведомства, но и карательные санкции в отношении органов печати. Цензурные наказания, полученные газетами и журналами того времени, помогают основательнее разобраться в особенностях официального подхода к проблемам, связанным с функционированием земских учреждений.

Граф П. А. Валуев, являвшийся министром внутренних дел в период с 1861 по 1868 г., известен как человек, довольно активно занимавшийся проблемами печати, высоко оценивавший ее роль в деле формирования общественного мнения и даже выступавший в роли публициста. Согласно его высказыванию, «одна пресса энциклопедически и бесцензурно подготавливает, внушает или сочиняет то самое общественное мнение, которое она же одна, впоследствии, систематически проповедует» [2, с. 128].

Однако в этой «проповеди» министр определял больше отрицательных, нежели положительных сторон. Именно в результате деятельности печати он видел причины появления новых общественных настроений, отрицательно оцениваемых официальной властью. Еще в 1860 г. П. А. Валуев заявлял: «При самом даже

поверхностном взгляде на современное направление общества нельзя не заметить, что главный характер эпохи заключается в стремлении к уничтожению авторитета. Все, что доселе составляло предмет уважения нации: вера, власть, заслуга, отличие, возраст, преимущества, – все попирается: на все указывается как на предметы, отжившие свое время» [2, с. 117].

Цензура при новом министре все более и более усиливалась, количество самых разнообразных циркуляров, официальных и конфиденциальных, росло с каждым днем. Начиная с 1865 г., в отношении временных изданий Российской империи применялась предварительная (административная, запрещающая, до опубликования) и последующая (судебная, карательная, по факту опубликования) цензура. Результатом как запрета публикации, так и административного взыскания в форме штрафа, налагаемого на издание (редактора или ответственное лицо), могло стать закрытие органа печати или приостановка его выхода на определенный период. Фактически власть лишь объявляла издателю перечень запрещенных для печатного обсуждения тем, касавшихся, прежде всего, общеполитических вопросов и предупреждала об ответственности за нарушение этого запрета. Публикуемые же в газете или журнале сведения стали делом ответственности редактора, на которого, собственно говоря, возлагалась обязанность самоцензуры.

В обществе и прессе земская реформа 1864 г. была встречена сочувственно, но в частностях вызвала много разногласий, что неоднократно было отражено в периодических изданиях и во взысканиях, налагаемых на них Главным управлением по делам печати. Особенностью нового цензурного закона являлось то, что газеты и журналы обязаны были сообщать на своих страницах о вынесенных в их адрес цензурных наказаниях с точной ссылкой на материалы, послужившие их причиной. Власть тем самым пыталась точно указать на те проблемы, которые, по ее мнению, печать отражала предвзято или неверно, но чаще всего эффект получался совершенно обратный. Публика с интересом повторно обращалась к публикациям, вызвавшим неудовольствие цензурного ведомства, по-своему трактуя их содержание. Даже правительственная «Северная Почта» в одной из своих статей признавала, что решение административной власти обуславливается не только содержанием статьи, но и неудобствами, с которыми может быть сопряжено предостережение, толками, которые она может вызвать [8, с. 41].

П.А. Валуеву приходилось самому братья за перо с тем, чтобы прояснить позицию управляемого им министерства: «В основе предположений о земских учреждениях лежит децентрализационная мысль, – заявлял он, – но эта мысль не направляется к ослаблению связи между частями и общим центром. Государственная власть не отделяет от себя земство, а привлекает его к общему делу. Она видит в нем не соперника, но союзника. Земским учреждениям вверяется ближайшее попечение о тех интересах, которые на местах ощущаются живее, чем в центре, ближайшее заведование теми делами, которые могут быть направляемы и разрешаемы лучше, чем из центра государственного управления. Но это управление чрез то не становится чуждым местным делам, местным интересам. В сущности, передавая земским учреждениям, в известных пределах, некоторые предметы ведомства, Правительство не уменьшает совокупность своих прав, но облегчает бремя лежащих на нем обязанностей» [1, с. 92]. Так ли было на самом деле, отчасти помогут понять публикации в печати, получившие цензурные взыскания за статьи, освещавшие проблемы новых органов самоуправления.

Так, в одной из старейших российских газет под названием «С.-Петербургские ведомости», превратившейся благодаря редактору В. Ф. Коршу в одно из крупнейших общественно-политических изданий, в передовой статье говорилось об Указе Сената № 39.930 от 28 июня о разъяснении статьи 37 Временных правил для земских учреждений «относительно подводной повинности» [3] и ее тяжести для земств [4]. Этот же факт был отмечен и в передовой статье в № 203 той же газеты, где указано, что контроль над повинностью со стороны управы был бы достаточен для ее уменьшения в 100 раз [4].

Еще в одной публикации под заглавием «Земское дело», появившейся в том же 1866 г., содержалась критика исполнения ст. 37 Временных правил для земских учреждений [4]. Автор, Владимир Жемчужников, указывал на различные подходы к исполнению закона со стороны земств, которые восприняли его буквально и стремились вести учет повинности, и со стороны администраций, для которых был затруднителен этот контроль. Однако и те, и другие, как было упомянуто в статье, не думали о благе обывателей, что привело к отрицательной оценке деятельности земских учреждений со стороны государственных служащих и общественности.

В статье была также отмечена необходимость создания «свода всех сведений о деятельности земских учреждений» [4], что, по мнению автора, намного бы упростило их работу, а также определенного временного органа печати, посвященного земскому делу.

Статья Владимира Жемчужникова содержала очевидную критику деятельности администрации по отношению к земским учреждениям, что и послужило поводом для объявления 2 сентября 1866 г. третьего предостережения газете «С.-Петербургские ведомости», согласно «Временных правил о цензуре и печати» от 6 апреля 1865 г., в лице издателя-редактора Коллежского Ассессора Валентина Корша и временного приостановления издания на три месяца⁷. Однако уже 10 сентября 1866 г. министр внутренних дел по ходатайству Комитета правления Императорской Академии Наук, которой формально принадлежала газета, разрешил продолжение издания под временной редакцией коллежского секретаря Сомова.

⁷ Первое предостережение газете было объявлено 20 сентября 1865 г за статью в № 243 от 18 сентября 1865 г., в которой отмечено недоверие к залогам в частных кредитных учреждениях и обеспечении 5% банковских билетов. Второе же предостережение было объявлено 13 апреля 1865 г за статью «По поводу народных заявлений» в № 97, где было высказано мнение о систематическом противодействии администрации земским учреждениям.

Позднее в 1868 г. А. И. Кошелев в своей брошюре «О земских собраниях» укажет следующее: «Необходимость восстановления земства была очевидна. Ее осознавали все состояния граждан и само правительство. <...> Передача в заведывание земства расстроенного хозяйства производилась администрацией почти повсеместно с такими затруднениями и формальностями, которые только затрудняли и замедляли окончание дела» [5, с. 233-234].

Как отмечает большинство исследователей истории земства, разрозненность в их деятельности действительно существовала, между ними не существовало обмена опытом в решении общих вопросов, они функционировали сами по себе, что снижало продуктивность их деятельности. Еще одной из проблем являлась компетентность лиц, избранных в земские учреждения. В. Жемчужников подмечал в своей статье, что, например, Смоленская губернская земская управа констатировала, что «для земства... гораздо выгоднее, чтобы члены земских учреждений, не имеющие возможности <...> добросовестно исполнять свои обязанности, отказывались от них, а не удерживали за собой должности и жалование...» [4]. Автор публикации осуждал зависимость должности земской, которая, на его взгляд, должна быть добровольной и у лица, заслуживающего доверия со стороны местного земства, от государственной службы. В. Жемчужников отмечал случаи увольнения лиц с государственной должности при назначении на земскую, хотя и та, и другая несла, по сути своей благо для всей страны [4]. Одновременно с этим, как отмечал позднее А. И. Кошелев, «в некоторых губерниях и уездах назначены служащим по земству большие жалования, что совершенно противоречит достоинству и существу земской деятельности, <...> там и сям проявляются сословные претензии» [5, с. 236, 240].

Земские учреждения в начале своего существования пользовались правом под свою ответственность, без предварительной цензуры печатать собственные отчеты и протоколы заседаний, что зачастую приводило к яростным обсуждениям некоторых вопросов в печати и обществе. Сложившаяся ситуация нешуточно беспокоила власти. Не даром граф П. А. Валуев заявлял: «Влияние прессы не подлежит никакому сомнению. Ни одно правительство, допускающее печатные толки в делах общественных, не пренебрегает пользой, которую может оказать ему печатный орган его собственных воззрений» [2, с.127]. В записке от 26 июня 1862 г. «О внутреннем состоянии России» министр внутренних дел подчеркивал: «Пресса стала неоспоримой силой. Это факт не исключительный, а общий, который вытекает из универсальных форм цивилизации» [2, с. 127], а позднее в своем дневнике записью от 17 апреля 1865 г. укажет: «Противоречие между всем направлением прессы и системою правительства обнаруживается во всех частностях» [6, с. 36].

Результатом правительственных опасений явилось запрещение указом от 13 июня 1867 г. печатать без разрешения местного губернского начальства постановления земских, дворянских и городских общественных и сословных собраний, отчеты о заседаниях и другие материалы. Итогом неминуемо должна была стать еще большая разрозненность и несогласованность действий земств. Основной причиной запрета публикации отчетов и вынесения наказания «за вредное направление» явилась практика «порицания действий правительства» на земских собраниях, «сопоставление земских учреждений с правительственными властями, обвиняемыми в произволе или неисполнении закона», а также «стремление изображать в неблагоприятном свете дел в России» [7, с. 36].

В феврале 1867 г. в тех же «С.-Петербургских ведомостях» в № 48 и 49 была опубликована статья под названием «Несколько слов по поводу нападок на земство и земские учреждения» за подписью «Гласный из землевладельцев». Авторство статьи было раскрыто в дневнике цензора-академика А.В. Никитенко: «В № 49 "Северной почты" напечатано предостережение "С.-П. ведомости" за две статьи в защиту земства, написанные Кошелевым» [8, с. 142].

Общественная позиция А.И. Кошелева, при сохранении верности славянофильским основам, всегда отмечалась непредвзятостью. На протяжении почти 20 лет он, возглавляя группу гласных Рязанского губернского земства, формировал повестку дня очередных губернских собраний. Выступая инициатором создания комиссии по статистике и став ее председателем, А. И. Кошелев состоял членом училищного совета, ревизионной комиссии, податной комиссии, 16 раз избирался членом общей комиссии губернского земства, 5 раз – членом комиссий, рассматривавших вопросы народного образования, трижды – комиссии по крестьянским делам, четырежды – по финансовым вопросам, избирался он также в «экологическую» комиссию по сохранению лесов и в комиссию по судебным делам. В 1869 г. он был избран в оценочную комиссию, которую с 1874 г. стал возглавлять. Кошелев являлся самым добросовестным земским гласным: с 1865 по 1879 г. он посетил 245 из 282 заседаний губернского собрания, активно участвовал и в заседаниях Московской городской думы, гласным которой его избрали с момента ее создания.

Наряду с напряженной хозяйственной и общественной деятельностью Кошелев постоянно занимался публицистикой. Первая его печатная работа появилась на страницах «Московского вестника» еще в 1827 г. На протяжении 1840–1850-х гг. его многочисленные статьи и отчеты о применении сельскохозяйственных машин публиковались в записках Московского и Лебедянского обществ сельского хозяйства, а также в Трудах Вольного экономического общества и «Земледельческой газете».

Однако расцвет публицистической деятельности Кошелева пришелся на пореформенную эпоху. На протяжении 1860–1870-х гг. десятки его статей, посвященных самым актуальным вопросам жизни страны, печатались в журнале «Русская мысль», газетах «Голос», «Русь», «С.-Петербургские ведомости» и ряде других изданий. В качестве отдельных публикаций вышло около 20 произведений Кошелева: сборник статей «Голос из земства», брошюры «О воинской повинности с земской точки зрения», «О мерах к восстановлению ценности рубля», «О

крестьянском самоуправлении и о присутствии по крестьянским делам», «О мелкой земской единице» и другие.

Каждая из статей и брошюр А.И. Кошелева вызывала оживленные споры. Значительная часть его публицистических произведений не могла быть напечатана в России по цензурным соображениям, поэтому он издавал их за свой счет за границей, преимущественно в Германии.

Еще до начала осуществления земской реформы в брошюре «Конституция, самодержавие и Земская дума» А.И. Кошелев обосновывал необходимость созыва общерусского представительного органа раньше, чем уездных и губернских земств. Одним из важнейших условий успешной работы Общей земской думы, по его мнению, являлась гласность ее деятельности. «...Общая земская дума без гласности была бы хуже телеги без колес, хуже лодки без весел, было бы одним присутственным местом больше, и, следовательно, меньше к успешному и удовлетворительному ведению общественных и государственных дел в России» [5, с. 188].

В своих записках он отмечал, что правомочия земств слишком ограничены, но в первое время достаточно и этого. Необходимо заниматься разработкой и использованием данных прав и обязанностей, а общество в дальнейшем будет расширять этот круг в реалиях времени и общественных проблем.

В своей статье «Несколько слов по поводу нападков на земство и земские учреждения» в газете «С.-Петербургские ведомости» А. И. Кошелев говорил об участившихся нападках в сторону земств и земских учреждений, попытался привести объективные и обоснованные доводы в защиту деятельности земств.

Автор отмечал, что общественное мнение по поводу деятельности земских учреждений разделилось. По его мнению, одни считали, что земства слишком равнодушно относились к своим обязанностям, решали общие непрактические вопросы, что управу и собрания мало заботила проблема гласности их действий, а итогом становилось то, что другие были лишены возможности воспользоваться их опытом. Другие, считал А. И. Кошелев, наоборот упрекали земства в отходе от основных принципов их существования, усиления сословности, образования своего рода земской аристократии с искусственным обособлением от народа, что приводило к возрастанию роли антиправительственных настроений внутри земств. В результате, в периодических изданиях появились статьи, которые под видом программы преобразований стремились если не к прямому уничтожению земства, то «сперва полного его изуродования и затем его исчезновения с лица земли» [9].

Он задался рядом вопросов, пытаясь раскрыть основные проблемы, с которыми регулярно сталкивались земства: «какие нарушения права собственности совершены земскими собраниями», «крестьянский элемент в земских собраниях слишком преобладает <...> где и как это проявилось?», «земства все более и более обременяются повинностями», «что касается до класса "политиканов" будто возникающих в земских собраниях», «как будто <...> стремятся захватить инициативу законодательную» [9].

Относительно нарушения прав собственности автор отмечал, что земства, в полном объеме исполняя свои функции, обложило повинностями и помещичьи земли, и крестьянские. Это многими было воспринято как посягательство на право землевладельцев, хотя согласно законодательству земли и крестьян, и помещиков должны были облагаться повинностями в определенном земствами размере.

Автор статьи высказывал опасения, что в связи с преобладанием гласных от помещиков губернские земские собрания могут превратиться в дворянские собрания, «где вообще много говорили и очень мало дела делали» [9], тем самым земства могли, по его мнению, утратить свое предназначение.

Обращаясь к вопросу о повинностях, А. И. Кошелев отмечал, что, несомненно, земли все более и более обременяются ими, но это неизбежно. До отмены крепостного права распределением повинностей занималась казна с опорой на традиционное крестьянское хозяйство. Теперь же были необходимы новые способы для пополнения казны, в связи с этим в земствах вводились уравнивательные повинности в денежном эквиваленте. Конечно, это не могло устраивать помещиков, которые в течение столетий жили в системе крепостного права и не были обложены столь обременительными повинностями. В этой связи А. И. Кошелев отмечал: «Разве для одних крестьян служат дороги и мосты, и по ним разве не ездят помещики, и купцы, и мещане, и не провозят своих продуктов и товаров? Возможно ли долее удерживать прежние привилегии в пользу одних и в отягощение других?» [9].

К числу острых вопросов относилась и так называемая законодательная инициатива земств. Автор статьи указывал, что нельзя отрицать тот факт, что земства занимались вынесением постановлений, касавшихся вопросов отдельных местностей, но эти же вопросы могли существовать и в других уездах и губерниях. А. И. Кошелев справедливо предполагал, что гораздо выгоднее воспользоваться уже известным опытом, чем добиваться результата методом проб и ошибок. Однако не только представители власти на местах, но и периодическая печать пытались обвинить земские собрания в том, что они «пытаются перехватить законодательную инициативу у государственной власти». Автор статьи считал, что подобные утверждения носят враждебный характер и направлены на возбуждение подозрений у правительства и на уничтожение земств [9].

Возвращаясь к вопросу о так называемых «политиканах», А.И. Кошелев обратил внимание, что они, как правило, из сословия землевладельцев, увлеченных иноземными теориями и противящихся охранительным началам российского общества. По мнению автора, увлечение землевладельцами идеями конституционализма вытекало из низкого уровня их образованности и малого опыта общественной деятельности, и какие-либо изменения структуры земств, в том числе и введение крупных землевладельцев в число гласных не по выбору, а по цензу, не могли решить проблему смягчения общественных настроений.

Положения, касавшиеся общих, а не исключительно местных, вопросов должны были утверждаться центральной властью. Это могло, по мнению А.И. Кошелева, привести к сужению полномочий земств, их со-

брания стали бы незначительными по объему предоставляемой им власти, соответственно положение дел вернулось бы к дореформенному состоянию – то есть решению всех вопросов центральной властью. Инициатива в решении общественных проблем исходила бы не от земств, а от администрации, порождая бюрократические проволочки и теряя свой практический смысл. Автор статьи был убежден в том, что необходим какой-то консенсус в распределении полномочий или средство для решения проблемы. Он отмечал, что наиболее верным и правильным средством решения проблемы будет введение однородной системы в постановлениях и распоряжениях, взаимный обмен опытом. Окончательное рассмотрение и решение общих дел для всех уездов необходимо, по его мнению, отдать в ведение губернским собраниям, а для губерний найти способ совместного совещания всего земства в рамках общего съезда [9].

Практика первых лет функционирования новых органов местного управления показала, что усиление власти администрации по земским делам приводило к столкновениям с земствами. А. И. Кошелев отмечал – не смотря на то, что деятельность земств была заключена в тесные рамки общественно-хозяйственных вопросов, даже по этим вроде бы узким проблемам практически сразу же обнаружилось столкновение с администрацией, поскольку государственные институты, существовавшие до реформы, не передавали полномочия новым структурам, которые, в свою очередь, были обязаны законодательными актами совершать круг определенных властных действий [9].

По мнению А. И. Кошелева, самым ярким примером такого столкновения между администрацией и земством может служить закон от 21 ноября 1866 г. о сметах и раскладках, утвержденный уездными собраниями в сентябре. Губернские собрания, на основании этого закона, не имели права переделывать уездные сметы и раскладки, что привело к крайне затруднительному положению на местах. Им приходилось искать выход из сложившейся ситуации: одни переделали сметы и предоставили их губернаторам, другие просили дозволения собрать экстренные губернские и уездные собрания, третьи просили о применении закона к раскладкам будущего года. То есть фактически администрация вводила закон, сужающий возможности деятельности земств. По мнению автора, правительство должно было неуклонно стоять на почве законности, на ней же держать земство и не делать в «Положении о земских учреждениях» никаких преобразований.

Положительно отзывался автор статьи о судебной реформе и институте мировых судей в городах и уездах. Общественность требовала, чтобы мировые судьи имели конкретный закрепленный за ними участок. Поднимался вопрос о финансовом обеспечении их деятельности, а также о росте количества судей. Однако, по мнению А. И. Кошелева, аппарат судей сокращать было нельзя в виду большого количества рассматриваемых дел, а об укрупнении участков и расширении территориальных полномочий также не могло быть и речи [9].

А.И. Кошелев считал также недопустимыми тенденции к ограничению гласности земских собраний. Такого рода изменение способствовало ограничению полномочий и фактически ставило бы под сомнение существование земств, как общественных институтов. Между тем высказывались мнения о том, что совещания в земских собраниях должны быть закрытыми без присутствия посторонних, тем самым земские собрания должны были оказаться вне условий гласности. Автор статьи утверждал, что запрет на посещение заседаний посторонними, то есть фактически проведение заседаний в закрытом режиме, уронило бы авторитет гласных в общественном мнении, породило бы волну недоверия и отказа от должности. По его убеждению, без гласности земство как учреждение вообще не могло существовать, поскольку именно в этом «суть свершения полномочий гласных» [9].

В ходе рассуждений автор приходит к выводу, что все упреки в сторону земств и земских учреждений неосновательны и изменения «Временных правил для земских учреждений» подвергли бы опасности сам факт существования земства, а также увеличили бы и без того преобладающее влияние администрации, ослабив действия земства. Изменения, на его взгляд, частные и произвольные были крайне вредны, и должны были быть вызваны только объективной необходимостью. Автор обосновал также важность учреждения Государственной земской думы и очертил круг ее обязанностей и правомочий, что было расценено цензурным ведомством как призыв к европейскому конституционализму [9].

Реакция Министерства внутренних дел последовала практически незамедлительно и уже 2 марта 1867 г. газете было объявлено очередное предостережение. В официальном издании министерства по поводу статьи было отмечено, что она «враждебно сопоставляет земские учреждения с правительственными властями и заключает в себе голословные обвинения этих властей в произволе, или в несоблюдении закона» [10, с. 74].

Позднее в своих записках А. И. Кошелев отмечал, что цензура постепенно усиливалась, стараясь ограничить периодическую печать и журналистику огромным количеством циркуляров, которые носили конфиденциальный характер, администрация на местах и в центре трактовала Положения, утвержденные законом 5 апреля 1865 г., исходя из собственных соображений безопасности в обществе и сохранения баланса общественного мнения. Если в 60-70-х гг. противодействие администрации земским учреждениям носило эпизодический характер, то к 1880-м гг. она действовала открыто. Периодическая печать публиковала статьи по земским вопросам «без всякой веры в успех» [11, с. 190, 196].

В целом необходимо отметить, что одним из недостатков земского самоуправления была ограниченность его компетенции в рамках общественно-хозяйственных вопросов. На практике провести четкую границу между полномочиями земств и администрации было крайне трудно. Это вело к путанице, дублированию функций, плодило на местах постоянные конфликты. Правительство так законодательно и не закрепило создание мелкой земской единицы – всесословного выборного органа на уровне волости, чем ограничило зем-

скую систему территориально. Это отрывало земства от повседневных нужд местного населения. Не было общероссийского органа, который позволил бы координировать деятельность земских собраний всей страны, что заметно мешало их деятельности и общению отдельных земств друг с другом.

Формирование, последующее развитие и многоплановая деятельность земских учреждений определялись конкретными изменениями внутренней политики страны, и периодическая печать служила лишь одним из инструментов в осуществлении государственной земской политики. Взыскания, полученные газетами и журналами за попытки обсуждения назревших проблем в сфере местного управления, свидетельствуют о том, что власти в лице Министерства внутренних дел сознательно уходили от решения выдвинутых временем задач, заботясь в первую очередь о сохранении и преумножении административных начал.

This article is devoted to some problems of discussion about the zemstvo reform and forming of public opinion in the periodical press in 60-s of 19th century

Key words: *zemstvo, periodical press, censorship, public opinion.*

Список литературы

1. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Междунар. отношения, 2002.
2. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Подводная повинность заключалась в предоставлении подвод для земских, полицейских и судебносудственных разездов и осуществлялась как натурально, так и наймом.
4. С.-Петербургские ведомости. 1866. № 225. 18 августа.
5. Кошелев А.И. Избранные труды / [сост., авторы вступ. ст. и коммент. П. В. Акульпин, В. А. Горнов]. М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОСПЭН), 2010.
6. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел (1865–1876 гг.). В 2-х томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. 2.
7. Арсеньев К. . Законодательство о печати. СПб., 1903.
8. Записки и дневник (1826-1877) А.В. Никитенко с портретом автора. В трех томах. С.-Петербург, 1893. Т.3
9. С.-Петербургские ведомости. 1867. № 48-49. 17-18 февраля.
10. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2011.
11. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) с семью приложениями. Берлин, 1884.

Об авторе

Пилусова М.М. – аспирант, ассистент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», mpilyusova@yandex.ru

УДК 94(73)"1830/1860"

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЮЖНОГО СЕКЦИОНАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ XIX В. В США

В.В. Прилуцкий

В статье рассмотрено идеологическое обоснование южного секционализма в США в середине XIX в. Южане ссылались, главным образом, на доктрину прав штатов, полагая, что штаты имеют права на аннулирование штатами федеральных законов и на сепессию – отделение от Союза.

Ключевые слова: *идеология, протестное движение в США в середине XIX в., южный секционализм, доктрина прав штатов, нуллификация, сепессия.*

Для сравнения с другими формами радикализма в Соединенных Штатах целесообразно остановиться на краткой характеристике концепций южных экстремистов, на особенностях и основных положениях их идеологии. Идеологию рабовладельческого общества справедливо называть «южным секционализмом (регионализмом)» или «южным национализмом», поскольку она была нацелена на отстаивание интересов штатов Юга, привела к их отделению от Союза в 1861 г. и в конечном итоге способствовала развязыванию Гражданской войны. Южане протестовали, полагая, что их права ущемляются федеральным правительством и политиками Севера.

Сущность южного секционализма составляла борьба за права штатов, под которыми понимались жизненные интересы рабовладельческого региона страны – Юга. Трения между южными и северными штатами обнурились уже при обсуждении проекта федеральной конституции в 1780-е гг. Политика эмбарго во время войны 1812 г. нанесла большой экономический ущерб штатам Новой Англии и отдалила их от рабовладельческого Юга. В дальнейшем острые разногласия имели место при принятии Миссурийского компромисса 1820 г. Дискуссии 1819-1821 гг. можно считать первым проявлением южного национализма и его же первым успехом: штат

Миссури вошел в состав Союза как рабовладельческий. Но все же в тот момент не произошло формирование отдельного политического и идеологического движения южан. Оно оформилось в виде «Партии прав штатов» несколько позднее. Условной датой можно считать 1828 год. Именно тогда начался полувековой период ожесточенной конфронтации между Севером и Югом, завершившийся в 1877 г. принятием компромисса Хейса.

Доктрина прав штатов, отстаиваемая южанами, основывалась на Десятой поправке к Конституции, входящей в «Билль о правах». Согласно ей полномочия, «не предоставляемые Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные ею штатам, сохраняются за каждым штатом или за народом». Расплывчатая формулировка и отсутствие в ней четкого определения понятий порождали различные интерпретации. Главные дебаты разворачивались вокруг понимания восьмого раздела первой статьи Конституции, определяющего полномочия Конгресса. Исторически с конца XVIII в. существовали два основных толкования Конституции: узкое (ограничительное или консервативное, *strict construction*), отстаивавшееся Т. Джефферсоном, Дж. Мэдисоном, и широкое (расширительное или либеральное, *loose or liberal construction*), защищавшееся А. Гамильтоном. Первое толкование поддерживали республиканцы - антифедералисты и пришедшие им на смену джексоновские демократы, второе - федералисты, национальные республиканцы и виги.

В рамках политико-правовой концепции консервативной интерпретации принято ограничивать права федеральной власти исключительно теми прерогативами, которые непосредственно перечислены, зафиксированы в документе (*enumerated powers*). Речь идет в первую очередь о восемнадцати полномочиях Конгресса (право налогообложения, чеканка монеты, почта, регулирование внешней и внутренней торговли, объявление войны и т.п.). Широкое или либеральное толкование основывается на том, что законную силу имеют не только зафиксированные положения Конституции, но и те, которые логически вытекают из них, а центральное правительство обладает «подразумеваемыми прерогативами» (*implied powers*) [12; 13].

Сторонники автономии регионов традиционно ссылались на доктрину прав штатов, отстаиваемую Джефферсоном. Впервые на практике она нашла воплощение в 1798 г. и 1799 г. в принятии знаменитых резолюций законодательными собраниями Кентукки и Вирджинии. Подготовленные Джефферсоном и Мэдисоном документы были направлены против центральной власти, контролировавшейся федералистами. В них говорилось о негативном отношении к антидемократическим законам об иностранцах и подстрекательстве к мятежу, нарушавшим права и свободы личности. В обосновании права на оценку регионами политики федерального центра отмечалось, что его деятельность основывается на договоре между штатами. Если федеральное правительство присваивает себе полномочия, не делегированные, не предоставленные ему штатами, то штаты могут объявлять неконституционными его действия. Резолюции Вирджинии и Кентукки, в которых выразились возвышенные устремления защитников демократии, были взяты на вооружение политическими деятелями Юга. Заложенные в них принципы были использованы для обоснования нуллификации (права на аннулирование штатами федеральных законов) и сецессии (права на отделение, выход из Союза). С концепцией прав штатов связана и возникшая в 1840-е гг. доктрина «сваттерского суверенитета».

Южных националистов можно разделить на умеренное течение, стремившееся отстаивать права штатов в рамках Конституции, и на группировки ультрарабовладельцев - сепаратистов. Позиции последних периодически становились преобладающими (в 1828-1833, 1849-1850, 1859-1861 гг.). В то же время, не вполне корректно говорить однозначно и определенно о приверженности того или иного политика - южанина к умеренным или крайним взглядам. В течение жизни лидеры Юга, как правило, претерпевали сложную идейную эволюцию. Рабовладельческий регион имел множество выдающихся идеологов, изучавшихся американскими и отечественными историками. Представляется рациональным развернуто охарактеризовать взгляды малоизученных южных секционалистов, а затем вкратце остановиться на идеях известных мыслителей Юга. В качестве примера возьмем идеологическое обоснование прав Юга, предложенное Абедем Паркером Апшером (1790-1844).

Апшер - вирджинский юрист, судья, занимавший в период президентства Тайлера посты министра военно-морского флота и государственного секретаря. В работах «Краткое исследование природы и характера нашего федерального правительства» (1833 г.) и «Описание резолюции Вирджинии 1798 г.» (1840 г.) он позиционировал себя как убежденный сторонник прав штатов, нуллификации и консервативного толкования Конституции [14; 15]. Апшер выступил против централизованного правительства, считая, что существует конфедерация независимых штатов. Каждый из них имеет право вмешиваться в дела американского правительства и отстаивать интересы своих граждан или вовсе действовать помимо воли федерального центра.

В обоснование своей позиции Апшер привел массу доводов историко-правового характера. По его мнению, уже изначально колонии - провинции формировались как самостоятельные субъекты, которым король Британии даровал определенные права и свободы. «Когда Плимутская колония была основана, являлся ли ее народ чем-то «одним» с народом Вирджинии? Много позже, когда правительство Пенсильвании учредилось, были ли приверженцы Уильяма Пенна «одним», чем-то единым с народом Плимута и Вирджинии? Вирджиния, Пенсильвания и Массачусетс (тогда в действительности) имели независимые правительства». У каждой провинции были свое гражданство и собственные законы, которые подчас противоречили правовым актам соседних колоний. Граждане одних штатов не подчинялись властям других субъектов [14, p. 16]. Неоднократно поднимался вопрос об объединении тринадцати колоний в конфедерацию, который был решен в ходе войны за независимость. Вирджиния объявила о своем суверенитете 15 мая 1776 г. Произошло это почти на два месяца раньше, чем подобное сделал Континентальный Конгресс, полномочия которого иногда регионами ставились под сомне-

ние. Между штатами всегда сохранялись острые противоречия, часто возникали споры и конфликты. Очевидным было желание штатов действовать как независимые государства, отстаивая свой суверенитет, автономию или независимость от воли федерального правительства.

Конституцию Апшер рассматривал лишь как договор между штатами, который можно было расторгнуть. В 1833 г. он писал: «Пришло время действовать. Рука федерального правительства теперь посмела подняться, чтобы пролить кровь граждан. Сейчас (настало) время знать не только, что у нас есть права, но и также, какие это права и как они могут быть предъявлены» [15, № II]. По мнению Апшера, «суверенные» штаты имеют конституционное право на отделение. Они могут «оказывать сопротивление неправомерным действиям федерального правительства», но не только в форме восстания.

Апшер приводил следующие способы сопротивления штатов с целью защиты своих прав: 1) петиция, демонстрация, выражение протеста; 2) вооруженный отпор; 3) отмена неконституционного закона, принятого Конгрессом (прерогатива президента); 4) внесение поправки в Конституцию; 5) «отделение или выход из Союза недовольного штата». Одни из этих мер являлись неэффективными, другие – крайне опасными, связанными с войной и «революцией». Приемлема, допустима и конституционно обоснована, по мнению Апшера, сецессия, которая представляет собой «не что иное, как бегство от угнетателя». Доктрина нуллификации также вполне вписывается в правовое поле, поскольку соответствует духу знаменитых Вирджинских и Кентуккийских резолюций 1798-1799 гг., принятых по инициативе Т. Джефферсона и Дж. Мэдисона [15, № II]. «В настоящее время не действует ли, прямо закрепленное резолюциями 1798 г., право штата принимать решение о конституционности акта Конгресса? Почему практика Вирджинии в отношении актов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу не распространяется на законы о тарифах? ... И не было ли сопротивление этим антиконституционным законодательным актам непосредственно заложено в резолюциях 1798 г.?» [15, № III]. Важно, что не только Южная Каролина, но и Вирджиния в 1828-1829 гг. приняла решение о неконституционности принятых тарифов.

Что касается развернувшихся дискуссий о том, следует ли отдельным штатам подчиняться мнению большинства субъектов федерации в отношении определенного закона, то Апшер целиком и полностью вставал на защиту интересов меньшинства. «...Предмет писаных законов – определение и ограничение властных полномочий Правительства, создание гарантий против незаконного присвоения прав, охрана слабых от сильных, защита меньшинства от посягательств (на его интересы) большинства». «Сохранит ли штат свои права, передавая (их) другому штату или штатам? Мне представляется, что это будет актом дарения, но не (полноценного) сохранения прав» [15, № IV]. Таким образом, каждый штат имеет суверенное право на сопротивление противоречащему Конституции закону.

Южные политики поначалу вообще избегали вопроса о рабовладении, и это прослеживается по документам 1830-х гг. Они предпочитали говорить о «тарифной и антитарифной партиях» (the Tariff and Anti-Tariff parties), о «правах Джорджии», жаждавшей захватить земли индейцев. В течение нескольких лет президентства Адамса Джорджия реализовывала курс на «запугивание Союза» и некоторые южане поддерживали ее. Любопытно, что президент Джексон, принимая индейскую делегацию Джорджии в 1829 г., был склонен рассматривать администрацию США в роли некоего «третейского судьи» или «арбитра» в спорах между штатами и внутри штатов. Но в противовес Адамсу он в то время отвергал возможность вмешательства федерального правительства во внутренние дела субъектов. Возмущало то, что в изменившейся ситуации южанин Джексон, родившийся в Южной Каролине, вопреки интересам Юга, объективно способствовал усилению влияния Севера. Апшер прямо писал об этом [15, № VI].

Аннулирование штатами федеральных законов нацелено на «сохранение Союза», поскольку оно «не приводит к выходу субъекта из федерации, но ограничивает возможности для маневра Правительства в рамках Конституции». Более приемлема нуллификация, при которой еще возможно достижение компромисса. Сецессия, «непременно приводящая к разрушению Союза», менее терпима. Но «сецессия допустима, когда все остальные способы противостояния незаконным действиям оказываются исчерпанными. Нуллификация поэтому есть право первоначальной важности и главный долг штата; сецессия же – право, применяемое в крайнем случае, когда нуллификации недостаточно». Апшер признавал, что нуллификация может привести к мирному распаду Союза или закончиться войной. Возможны две альтернативы: «абсолютный деспотизм» «с кровью и насилием» или развал государства. Из «двух зол» Апшер все же отдавал предпочтение «наименьшему» – последнему [15, № V].

В качестве главных мыслителей южных штатов обычно называют видного государственного деятеля Джона Колдуэлла Кэлхуна (1782-1850) из Южной Каролины, мелкого плантатора из Вирджинии Джорджа Фитцхью (1806-1881) и крупного рабовладельца из того же штата Эдмунда Раффина (1794-1865). Наблюдалось многообразие оттенков южной идеологии: от правого спектра либерально-демократической традиции (Кэлхун) и ультраконсервативных позиций (Фитцхью) до откровенного расизма и экстремизма (Раффин).

Джон Кэлхун начинал политическую карьеру в 1810-е гг. как, хотя и осознающий устремления южных штатов, но во многом «внесекционный», нейтральный джефферсоновский республиканец и впоследствии джексонский демократ. Связано это было, в том числе, и с тем, что в то время вопрос о рабстве не стоял так остро на повестке дня. Очень скоро, впрочем, разругавшись с джексонцами-северянами, политик фактически возглавил мятеж нуллификаторов Южной Каролины, едва не приведший к распаду Союза и гражданской войне. В 1830-е гг. кэлхунисты образовали самостоятельную политическую группировку, сотрудничавшую вначале с вигами, а потом примкнувшую к демократам. В 1840-е гг. Кэлхун открыто не призывал к отделению Юга, но видел главную задачу в достижении того, чтобы федеральное правительство действовало исключительно в интересах плантаторов. В противном случае угроза сецессии становилась вполне осязаемой перспективой.

Кэлхун вошел в историю не только идеями о том, что Конституция является договором между «суверенными» штатами, которые могут отменять федеральные законы по своему усмотрению, а доказательства этому следует искать в глубоком осмыслении ратификационных процедур 1787 г. Он также выдвинул теорию «параллельного большинства», по-видимому, связанную с принципами взаимозависимости, взаимоограничения и «органического натурализма», направленными на сдерживание опасных социальных конфликтов и утверждение некоего «либерального единства». Концепция Кэлхуна, опирающаяся на мысли Локка о «естественном состоянии», была ориентирована на защиту интересов меньшинства – южных плантаторов. Используемая апологетами рабовладельческих порядков либерально-демократическая фразеология свидетельствовала, по справедливому замечанию историка Л. Харца, о существовании своеобразного «реакционного Просвещения» в рамках идеологии «феодалов Юга» [7, с. 150-152].

Основатель американской социологии Фитцхью в ряде работ, изданных в 1850-е гг., доказывал пагубность капитализма, писал о высокой социально-экономической эффективности и гуманности рабства. По его мнению, капитализм Севера, беспощадно эксплуатирующий рабочих, исторически обречен в соперничестве с рабовладением. Положение свободного рабочего гораздо тяжелее положения раба, о котором «заботится» хозяин. Поэтому необходимо повсеместно распространять рабовладельческую систему, обеспечивающую реальную гармонию труда и капитала. Фитцхью использовал терминологию европейской экономической мысли того времени («классы», «социология», «эксплуатация» и т.п.), но отрицательно относился к социализму, видя в нем угрозу для традиционных социальных институтов: семьи, религии и частной собственности. Пауперы не могут быть полноценными гражданами, поскольку не имеют собственности, а значит – и прав. Фитцхью поддерживал индивидуализм, политическую свободу и либеральные ценности, но одновременно настаивал на активном вмешательстве государства с целью развития экономики и системы образования. В целом его взгляды можно определить как консервативную апологетику цивилизации Юга, стремление сохранить любой ценой отживающее свой век рабовладение.

Доводы в пользу рабства Раффина, а также идеологически близких ему Дж. Хэммонда, С. Картрайта и других расистов лишены интеллектуального изящества. В этом отличие их представлений от мыслей, например, Г. Лебона или идей современного им французского писателя Ж.А. де Гобино, одного из основоположников расово-антропологической школы в социологии XIX в. Расисты Юга утверждали в книгах и периодической печати, что черные – низшая раса во всех отношениях. Рабство – естественное, необходимое и полезное состояние для негров, неспособных от природы к свободе, самоуправлению и высокоинтеллектуальной деятельности. Белые окультурили деградировавших африканцев, повысили их уровень жизни, привили христианские ценности.

Последовательный сторонник сецессии Раффин, участвовавший в Гражданской войне, несмотря на преклонный возраст, писал в работе «Политическая экономия рабства» (1858 г.), что освобождение негров приведет только к повышению смертности и преступности в их среде. Защитники рабовладения любили ссылаться на Священное Писание, якобы одобрявшее рабство. Некоторые из них не стеснялись прямо утверждать, что рабство экономически выгоднее труда свободных и без него невозможно нормальное развитие общества. В рассуждениях южан прослеживается их желание представить свой регион как наследника древнегреческой рабовладельческой демократии. Политический либерализм, свобода и демократия возможны были, по их мнению, только для белых [5; 1; 4; 6, с. 100-112].

В 1849-1850 гг. значительно усилилась агрессивность Юга, который отставал от Севера в социально-экономическом развитии и росте численности населения. Политическое влияние южных штатов в Конгрессе уменьшалось с каждым годом. Лидер Демократической партии Юга Дж. Кэлхун и большинство южан не помышляли о реальной сецессии (отделении), но требовали от Севера беспрецедентных уступок для сохранения Союза. Для господствовавших в федеральном руководстве партии демократов консерваторов, заявлявших о необходимости «сглаживать различия между Севером и Югом», кэлхунизм в 1850 г. казался вполне приемлемой доктриной [9, р. 289-293, 298-300]. При этом они ссылались на знаменитые дебаты в Конгрессе 1830 г. между сторонниками прав штатов, принадлежавших к правящей джексоновской Демократической партии, и одним из лидеров оппозиционных национальных республиканцев Д. Уэбстером, отстаивавшем централизованное государство и суверенитет Союза [2; 3, с. 406-407].

Умеренные демократы полагали, что противоборство двух линий – Кэлхуна и Уэбстера – это борьба между «республиканизмом» и «монархическим абсолютизмом», «федерализмом» и «централизмом». По мнению консервативных демократов, демократия возможна только при децентрализации власти и соблюдении прав регионов. Это не узкий «секционализм», отстаиваемый «кликой» Ван Бюрена, но необходимая защита интересов меньшинства. Централизованное же управление, защищаемое Уэбстером [16], ведет к диктатуре в экономической и политической сферах. Однако известно, что Кэлхун довел идею суверенитета штатов до абсурда. Согласно его толкованию, даже такой крошечный штат, как Делавэр, в котором проживало только 0,5 % населения США, мог заблокировать любой федеральный закон [8]. В последней речи в сенате, прочитанной за него в марте 1850 г., ибо сам он уже умирал, Кэлхун сетовал на «враждебность» Севера, проводившего целенаправленную политику по «ослаблению» Юга, испытывавшего демографические трудности. Он предлагал ввести для южного меньшинства право вето в Конгрессе на принимаемые законы и тем самым защитить его интересы [11]. По мнению Кэлхуна, восстановить нарушенное равновесие между секциями может только принятие специальной поправки к Конституции и получение Югом равного права на «приобретенные территории» [9, р. 294-296; 10].

К концу 1850-х гг. Демократическая партия окончательно раскололась на сторонников сохранения Сою-

за – юнионистов Севера и экстремистское крыло Юга, раговавшее вместе с частью местных вигов за независимость региона от США. В основной массе южные демократы, таким образом, стали активными участниками сецессии. Очевидна тесная связь секционалистов с традиционными партийными структурами – южными демократами, прежде всего. Но радикалы Юга были способны и на серьезные самостоятельные выступления.

Социальный состав протестующих южан был неоднородным. Массовую опору секционализма составляли мелкие, средние и крупные рабовладельцы хлопковых штатов, опасавшиеся за свою собственность. Помимо плантаторов сецессия пользовалась популярностью у части южных торговцев, мануфактуристов, банкиров, судовладельцев, раговавших в коммерческих интересах за принцип свободы торговли, некоторых фермеров и даже представителей маргинальных групп – безземельных белых бедняков, арендаторов, пауперов, пастухов, скваттеров Юга. Главной ценностью в аграрном обществе являлась земля, которой местное белое население не желало делиться с афроамериканцами в случае их освобождения из рабства. Южан привлекали также неосвоенные территории Запада. Тяжелый физический труд считался уделом только рабов. Кроме того, весьма сильными были расовые предрассудки. Белые хотели сохранить свое особое, привилегированное положение.

Длительное время движение южных националистов оставалось расколотым, поскольку общество Юга отличалось неоднородностью. Наличие не только обширных областей рабовладельческого хозяйства, но и значительных фермерских районов способствовали переплетению демократической и олигархической тенденций. При этом жителям рабовладельческих штатов было свойственно общеамериканское политическое мировоззрение. Но угроза потери собственности в лице черных рабов сплотила южан, заставила их выработать собственную идеологию и пойти на разрыв с Севером. Слияние умеренного течения среди секционалистов с экстремистскими, сепаратистскими силами произошло только в конце 1850-х гг. Тогда и стал оформляться знаменитый «монолитный» или «единый Юг» периода Гражданской войны и Реконструкции.

In the article considered the ideological justification of the sectionalism in the middle of the XIX century in the United States. Southerners were oriented mostly on the doctrine of the rights of States, believing that the States have the right of nullification of Federal laws and have the right of secession.

Key words: *ideology, the protest movement in the United States in the middle of the XIX century, southern sectionalism, the doctrine of the rights of States, nullification, secession.*

Список литературы

1. Дубовицкий Г.А., Шагунова И.В. Джон Кэлхун – выразитель интересов американского Юга (20-е - 40-е годы XIX в.) // Американский ежегодник, 1991. М., 1992. С. 57-74.
2. Исаев С.А. Дебаты Уэбстера – Хэйна // Американский ежегодник, 1990. М., 1991. С. 114-125.
3. Каченовский Д. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский Вестник. 1856. Т. 3. С. 385-416.
4. Пазенко Е.А. Общественно-политическая мысль на Юге США в 30-50-е гг. XIX в.: Дис. ...канд. ист. наук. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ Дальневосточн. отд. РАН, 1999. 190 с.
5. Согрин В.В. Мир американских рабовладельцев: Кэлхун, Фицхью и другие // Новая и новейшая история. 1990. №5. С. 67-81.
6. Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М.: ИВИ РАН, 1998. 218 с.
7. Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1993. 400 с.
8. Calhoun J.C. A Disquisition on Government, 1851; Calhoun J.C. A Discourse on the Constitution and Government of the United States, 1851 // A source book of American political theory / Ed. by B.F. Wright, Jr. N.Y., 1929. P. 511-549.
9. Centralization // The United States Democratic Review. Vol. 26. № 142. April 1850. P. 289-300.
10. Congressional Summary // American Whig Review. 1850. April. Vol. 11. № 28. P. 427-428.
11. How Can the Union Be Preserved - Views of Mr. Calhoun, in the Senate Debate on the Compromise of 1850 // De Bow's New Orleans commercial monthly review of the South & West. Agricultural, commercial, industrial progress & resources. Vol. 21. № 3. September 1856. P. 232-248.
12. Jefferson Davis. The Doctrine of State Rights // The North American Review. 1890. February. Vol. 150. № 399. P. 205-219.
13. Tenth Amendment Center. Federalism and States Rights in the U.S. // URL:<http://tenthamendmentcenter.com/> (дата обращения 20.07.2012).
14. Upshur A.P. A Brief Enquiry into the Nature and Character of our Federal Government. Petersburg: E. and J.C. Ruffin, 1840 (Reprint: 1863-2008). 132 p.
15. Upshur A.P. An Exposition of the Virginia Resolutions of 1798, in a series of Essays, addressed to Thomas Ritchie, by a distinguished citizen of Virginia, under the signature of "Locke", in February, 1833 (Philadelphia, 1833) // URL:http://en.wikisource.org/wiki/An_Exposition_of_the_Virginia_Resolutions_of_1798 (дата обращения 07.05.2011).
16. Webster D. Second Reply to Hayne, 1830 // A source book of American political theory. N.Y., 1929. P. 480-488.

Об авторе

Прилуцкий В.В. – кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, vitaliypr@ya.ru

УДК 930; 376.7

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

А.Р. Психомасова

В статье анализируются проблемы интеграции горского общества в образовательное пространство российского государства. Автор показал, что этапы развития светского образования на Кавказе проходили с учетом имеющихся этнопедагогических структур, основной задачей которого была подготовка национальных кадров, а так же адаптация кавказских народов к Российской империи.

Ключевые слова: образование, правительство, горцы, школа, гимназии.

Вторая половина XIX в. период наиболее активных экономических, политических, и культурных связей Кавказа с Россией. Российская политика подразумевала включение этого региона в экономическое и политическое пространство империи. Правительство стремилось создавать себе социальную опору из местного населения. Основой идеологической политики царизма стало воспитание местного населения в духе преданности и доброго служения царю [20, с.30]. Для выполнения этой задачи недостаточно было единичных мер, необходимо было создание сети учебных заведений, которые были бы востребованными в противовес религиозному образованию. Проведение образовательной политики шло сквозь череду социокультурных экспериментов. На протяжении довольно продолжительного времени отношение к национальному образованию было неоднозначным. Вышло очень много указов касающийся образования иноверцев, инородцев. Особо хотелось отметить № 8004 “О наборе молодых людей, знающих языки идолопоклоннических народов, и образовать из них при Синоде проповедников для обучения оных народов” [8, с.9] и № 8090 “... обучении их в Казанских и Архангельской Епархиях под присмотром тамошних Архиепископов” [8, с.104], определяют заботу Духовного ведомства и отношение государства к просвещению инородцев, иноверцев.

Существенным шагом в деле просвещения была организация школ при полках и батальонах Кавказского корпуса.

В середине 30-х годов главноуправляющим Закавказским краем и командиром отдельного Кавказского корпуса стал генерал – адъютант барон Розен. Разработанный им проект Положения о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского округа в августе 1836г. получает «высочайшее одобрение». Цель проекта: «Доставить возможность юношеству из бедных дворян и почетных сословий Закавказского края и горских племен получить некоторое образование...» [13, с.37].

Будучи осенью 1837г. в Закавказье, Николай I высказал пожелание: «Образование юношества гражданского ведомства Министерства народного просвещения сосредоточить в училищах сего ведомства, а также – в школах при штабах полковых и при линейных батальонах» [7, с.23-24].

Следующим этапом в деле образования горцев стала их отправка в столичные кадетские корпуса. Отбор детей осуществлялся в зависимости от социального положения и возрастного ценза, прежде всего это дети князей, первостепенных узденей и почетных мусульман, а так же претенденты не моложе шести и не старше 12 лет. Предполагалось, что дети знатных и влиятельных горцев, получив столичное образование, станут адептами самодержавной власти, «действуя на умы своих единомышленников... в видах правительства» [5, с.43].

Огромную роль в воспитании и обучении так называемых «почетных горцев» по праву принадлежит Ставропольской гимназии, открытой в 1837г. Особенностью обучения было наличие «благородного пансиона», в котором находились и обучались дети дворян. Выпускниками гимназии были многие выдающиеся деятели литературы, науки и культуры Северного Кавказа, будущие просветители. Для обучения горцев было открыто специальное горское отделение, где за счёт государства бесплатно обучалось 85 учеников, что составляло 24 % от всех воспитанников пансиона. Места в нем были распределены по национальным областям Кавказа. В Положении строго оговаривалось о необходимости по окончании учебных заведений России прослужить на Кавказе и за Кавказом не менее шести лет [16, с.812].

Не маловажную роль сыграл Государственный Совет за № 37709 от 4 декабря 1861 года “О порядке приготовления иноверцев не христиан к принятию Православной веры и совершение над ними таинства святого крещения, а также о правах и преимуществах принявших Православную или другую Христианскую веру”. Существовали четыре категории требований к различным возрастным группам: до 14 лет – письменное согласие родителей или опекунов, с 14 до 21 года – собственному желанию при этом наставляются в течении шести месяцев, с 21 года и более – собственному желанию при этом наставляются в течении сорока дней, опасно больные всякого возраста – по собственному желанию и крещение без промедления [10, с.591].

В “Положении о начальных народных училищах” за № 41068 ставилась благородная цель – “утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания”. Начиная же с 26 декабря 1868 года вносятся некоторые уступки, указ № 46593, объявленный Сенату министром народного просвещения «Относительно приема в гимназии инородцев не христиан Европейской России», в нем отмечалось: “в видах поощрения инородцев не христиан губерний Европейской России к поступлению в гимназии, принимать их в первый класс сих заведений до пятнадцатилетнего возраста включительно [9, с.562]. Указ от 26 марта 1870 года за № 48185 “О мерах к образованию населяющих Россию инородцев”, дает право освободить нехристиан от посещения

уроков Закона Божия [11, с.314]. В этот период предпринимаются попытки к подготовке учительских кадров для иноверцев и инородцев и вводится преподавание местных языков [12, с.129]. Одним из преподавателей был адыгский просветитель Умар Берсей, приглашенный в 1850 году на должность старшего преподавателя черкесского языка.

Согласно Положению 1867 г. содержание начальных училищ возлагалось на городские и сельские общества. В случае отсутствия у обществ необходимых денег, предусматривалась возможность предоставления правительством единовременных или постоянных пособий. Во вновь открываемых сельских училищах предполагалось вести преподавание всех предметов на русском языке, вне зависимости от национального состава местности [15, с.189].

Выстрел Д.В. Каракозова вынудил правительство перейти к жесткому курсу. В первую очередь, это коснулось Министерства народного просвещения. К задачам образования правительство подходило, «имея в виду давать горцам такое образование, которое бы предоставляло им средства быть полезными гражданами не на воинственном, а преимущественно на мирном поприще, не выходя из сферы то есть не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований...» [19, с.300]. Все меры были направлены, как писал А.И. Георгиевский, «на удовлетворение, прежде всего насущным местным и правительственным потребностям» [1, с.134].

В соответствии с национально-религиозными факторами учебные власти учреждали определённые типы школ для различных групп населения. Соответственно им установились и учебные программы, а впоследствии и специализация образования на классическое, полуклассическое, реальное и техническое. Кроме того, классическое образование сулило реальную возможность поступления в высшие учебные заведения, в то время, как центральная власть вовсе не была заинтересована в предоставлении подобной возможности в массовом порядке.

События 4 апреля 1866 г. внесли коррективы в мероприятия в отношении кавказской школы. 12 ноября 1868 г. было издано «Положение о Кавказских воспитанниках в высших и специальных учебных заведениях Империи» [2, с.26]. По этому Положению Ставропольская и Кубанская гимназии получили статус классических. Институт кавказских воспитанников возник при наместнике М.С. Воронцове, а отправка уроженцев Кавказа в высшие учебные заведения практиковалась с начала XIX столетия. В высших и специальных заведениях империи выделялись вакансии для кавказских юношей, которые за казенный счет получали высшее образование – с тем, чтобы в дальнейшем служить на гражданском поприще у себя на родине. Обязательность службы строго оговаривалась: «Все вообще кавказские воспитанники обязаны, по окончании ими курса наук, прослужить на Кавказе и за Кавказом не менее шести лет» [18, с.180]. Положение также определяло число воспитанников. Из 126 молодых людей предполагалось обучать в Петербургском, Московском, Харьковском и Новороссийском университетах 65, а на долю остальных выпадали разные специальные учебные заведения - 61.

Нельзя не согласиться с В.Чарнолуским, что «в продолжение XIX века, когда складывалась действующая система народного образования, не было ни одного момента, когда бы вопрос о языке преподавания рассматривался и разрешался правительством с педагогической точки зрения: для правительства это был только вопрос политики, вопрос «укрепления русской государственности» и «русификации» всех живущих на территории государства народностей и племён, говорящих не на русском языке» [21, с.67]. Чиновники Министерства полагали, что изучению русского языка в кавказских учебных заведениях никоим образом не должно мешать включение в учебный курс других языков, поэтому в классических гимназиях допускалось преподавание лишь одного из других новых иностранных языков. В том случае, если кавказские дети недостаточно успевали по русскому языку, для них необязательным признавался и другой язык из двух новых.

Согласно Положению 23 мая 1874 г. «О народных училищах», для надзора над ними в 34 губерниях России вводилась должность директоров народных училищ [14, с.6]. На Кавказский учебный округ Положение не распространялось, несмотря на то, что Наместник считал это крайне необходимой мерой. Кавказская администрация сумела убедить Петербург в пользу учреждения дирекций в крае. Вот что по этому поводу писал М.В.Краснов: «Только с открытием на Кавказе дирекции народных училищ начальное образование получило прочный залог постепенного распространения школ» [6, с.88]. Правительству было выгодно посредством мелких льгот и уступок поддерживать готовность населения к организации общественных школ, нежели учреждать новые училища за счет дополнительных ассигнований из государственной казны. Практически во всех крупных селениях открывались начальные школы. В 1875 году первые, аульские школы возникли в Кабарде. В каждой обучалось по 20-25 детей. Они находились полностью на общественном содержании [4, с.61]. В 1876 году, по данным попечителя округа, в Терской области насчитывалось 106 начальных учебных заведений, относящихся к округу и другим ведомствам. Большинство из них существовало на общественные деньги.

Стремление местных жителей отдавать детей в средние школы, благодаря которым они могли стать офицерами и чиновниками, не встречало поддержки у правительства. В среднюю и высшую школу допускались лишь избранные, хотя чиновники Министерства народного просвещения считали, что целью школы является «содействовать не внесению или поддержанию розни в среде подданных государства, а их объединение во всем, в чем только возможно!» [1, с.36].

На Кавказе получили распространение также коммерческие учебные заведения. Правительство, стремясь упорядочить руководство, ими издало в апреле 1879 года «Правила для частных учебных заведений в Кавказском учебном округе». Эти правила классифицировали типы частных школ: открытые, где учебный курс преподавался за счёт учащихся, и закрытые, бравшие на себя все расходы по содержанию детей. Соответственно учебному курсу школы делились на разряды. К первому или высшему разряду относились шестиклассные, ко второму – трёхклассные и к третьему разряду – двухклассные либо одноклассные. Выбор пред-

метов для преподавания представлялся на усмотрение лица, учреждающего школу - с единственной оговоркой относительно обязательности включения в программу закона божьего и русского языка [17, с.368-370].

Июля 1914г. правительством был принят закон «О частных учебных заведениях», который регламентировал порядок преподавания предметов в частных национальных школах. Предоставляя право изучать в них свои предметы, но допускать «лишь те учебные пособия и руководства, которые допущены учебным комитетом Министерства народного просвещения или местным попечительным советом и духовным начальством» [3, с.87].

Таким образом, следует отметить, что развитие светского образования проходило довольно долгие и порой противоречивые этапы. Имел как свои позитивные и негативные результаты. К отрицательным моментам можно отнести, прежде всего, оказание давления центральной власти на народы региона. К положительным моментам отнести создание единого языкового и образовательного пространства, развитие сети учебных заведений и увеличение грамотности среди местного населения.

In article problems of integration of mountain society into educational space of the Russian state are analyzed. The author showed that stages of development of secular education in the Caucasus passed taking into account the available ethnopedagogical structures which main objective was a preparation of national shots, and also adaptation of the Caucasian people to the Russian Empire.

Key words: education, government, mountaineers, school, gymnasiums.

Список литературы

1. Георгиевский А.И. К истории ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902.
2. Журнал Министерства Народного Просвещения. М., 1860. Ч.107.
3. Инородческая школа / под ред. Тумима Г.Г. Петроград, 1916.
4. Копачев И.П. Развитие просвещения в Кабарде в XIX веке. Нальчик, 1986.
5. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII в.- 30-е XX в.). Нальчик, 1964.
6. Краснов М.В. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.
7. Модзалевский Л.Н. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис, 1880.
8. Полное собрание законов Российской Империи. (ПСЗРИ.) Т.11. СПб., 1830.
9. ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 2. Т. XLIII. СПб., 1873.
10. ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 2. Т. XXXVI. СПб., 1863.
11. ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. XLV. СПб., 1874.
12. ПСЗРИ.- Собр. 2 Дополнение к Т. LI. СПб., 1877.
13. Приложение к циркуляру по управлению Кавказским учебным округом за 1900 год. №1. Тифлис, 1900.
14. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. СПб., 1867.
15. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898.
16. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.2. СПб., 1864.
17. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Тифлис, 1891. Т.3.
18. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. Тифлис, 1891.
19. Струков Д.П. Августейший генерал – фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Его Императорского Высочества. СПб., 1906.
20. Ткаченко Д.С. Национально-просветительная политика Российской империи на Ставрополье, Дону и Кубани в 1905-1917гг. Ставрополь, 1997.
21. Чарнолуцкий В.И. Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909.

Об авторе

Психомасова А.Р. – кандидат исторических наук ГБОУ СПО Медицинский колледж № 4 Департамента здравоохранения г.Москвы, amina@liant.ru

УДК 392.7+947

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕОДОЛЕНИЕ МИГРАНТОФОБИИ.

А.В. Разгонова

В статье, основанной на материалах прикладного социологического исследования, рассматриваются проблемы формирования толерантности и преодоления мигрантофобии в студенческой среде. Показаны причины роста мигрантофобии среди молодежи. Выявлены некоторые особенности молодежного сознания, дана оценка степени развития толерантности в студенческой среде. Описаны факторы роста мигрантофобии в молодежной среде и негативные последствия мигрантофобии как для местных жителей, так и для мигрантов.

Ключевые слова: толерантность, мигрантофобия, молодежное сознание, этнические стереотипы, межэтническое взаимодействие.

В связи с распадом СССР и последовавшей за этим неравномерностью социально-экономического развития на постсоветском пространстве, в России последних лет усилились миграционные потоки, порождающие межэтническую и межрелигиозную напряженность, проявляющуюся в конфликтном взаимодействии мигрантов с коренным населением.

По данным УФМС Брянская область имеет сложный этнический состав: русские - 96,3%, украинцы - 1,5%, белорусы - 0,56%, армяне и цыгане - по 0,26%, азербайджанцы и евреи - по 0,17%, тагары - 0,09%, молдаване - 0,08%, грузины - 0,05%, немцы - 0,04%, таджики, узбеки и чувашаи - по 0,03%, поляки, чеченцы и мордва - по 0,02%, казахи, лезгины, болгары, башкиры, осетины, литовцы и даргинцы - по 0,01%. Из них граждане Российской Федерации составляют 99%, остальные являются лицами без гражданства, имеют иностранное или двойное гражданство. Среди иностранных граждан, постоянно проживающих в Брянской области наиболее многочисленны - выходцы из Украины, Беларуси, Молдовы, Азербайджана, Армении [1].

Исследования трансформации российского общества показывают большую распространенность анти-мигрантских настроений в молодежной среде. Мигрантофобии не могут иметь однозначного объяснения. По мнению ведущих российских социологов, маркировка на «своих» и «чужих» задает иерархию ролевых позиций, социальных барьеров и дистанций [2; 3; 7].

Исследование социологической лаборатории Брянского государственного университета имело целью изучение взаимоотношений местной молодежи с иммигрантами, проживающими на территории региона. На вопрос «знают ли студенты, что рядом с ними в брянских вузах учатся иностранные граждане, не имеющие гражданства РФ?» 55% респондентов ответили, что знают об этом, 45% - не знают. Случаи нападения на иностранных студентов в некоторых вузах России 70% опрошенных считают проявлением неприязни к иностранцам, остальные 30% называют подобные действия происками хулиганов. Одобрили действия нападавших 13% брянских студентов. Половина опрошенных студентов (48%) осудила действия нападавших, и, ровно столько же опрошенных (49%) считают вероятным повторение подобных событий в Брянске. Велика доля безразличных - 39%.

43% респондентов настаивали на необходимости преимуществ для русских студентов при получении образования в российских вузах. Весьма вероятно, подобные настроения плод влияния идеологии экстремистских молодежных организаций, или публичных лозунгов ряда парламентских партий, требующих защиты русского населения и привилегий для него в России.

Исследование выявило сформированность устойчивых негативных этнических установок по отношению к иммигрантам из кавказских государств (23%), цыганам (7%) и выходцам из Средней Азии (6%). О неприязни к кавказцам чаще высказывались женщины (35%), чем мужчины (19%).

Определяет раздражение и неприязнь к представителям указанных народов, прежде всего, культурный фактор: эти люди не хотят считаться с обычаями и правилами поведения в России. Так считают 23% опрошенных. К тому же эти люди не обладают элементарной культурой, не умеют себя вести (10%), не нравятся их внешность, манеры поведения (10%), не хотят учить русский язык (2%). На культурный фактор указали 45% студентов.

Вторым по значению оказался правовой фактор, его определили 33% опрошенных. Иммигранты нарушают законы РФ и осложняют криминальную ситуацию: 16 % опрошенных именно с ними связывают угрозу терроризма. Третьим по значимости выступает экономический фактор: 5 % опрошенных не нравится преобладание иностранцев в определенных сферах бизнеса. Экономический фактор определили 11% студентов. Нежелание мигрантов считаться с культурой страны пребывания вызывает наибольшее неприятие в молодежной среде, тогда как влияние правового и экономического фактора, менее всего связано с личным опытом молодых людей, и определяется, скорее, стереотипами общественного сознания.

Исследование выявило три группы опрошенных по показателям проявления этнической толерантности. Первая группа «**толерантные**» - осудили нападения на иностранцев; отказались от привилегий для русских студентов при получении образования; ни одна из национальных диаспор, представленных на Брянщине, не вызывает у них раздражения или неприязни; в вопросах миграционной политики они требуют соблюдения законности; полагают, что иммигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам; не чувствуют враждебности к себе со стороны людей других национальностей, а в этнических конфликтах винят в равной степени местных жителей и иммигрантов. Эту группу составляют от 40% до 50% всех опрошенных.

Вторая группа «**интолерантные**» - высказывают националистические, радикальные взгляды, проявляют национальную нетерпимость; постоянно говорят о неприязни к иностранцам; одобряют действия нападавших на иностранных студентов; этничность и вероисповедание для них значимые характеристики человека; готовы принять участие в этнических столкновениях и разделяют радикальные националистические лозунги. Эту группу составляют 20-30% опрошенных.

Третья группа - «**неопределившиеся**» - чаще всего выбирали варианты ответов: «не задумывался об этом», «затрудняюсь ответить», «меня это не интересует». Их в среднем от 30% до 40% от всех опрошенных. За кем пойдут эти молодые люди зависит от обстановки в стране: кого будет одобрять или осуждать общественное мнение.

Рост мигрантофобии в молодежной среде вызван многими факторами: восприятием миграции большей частью молодежи как явления скорее вредного и опасного, чем приносящего какие-либо выгоды России; неодобрением миграционной политики государства и региональной миграционной политики; низкой оценкой действий власти в сфере межнациональных отношений; ростом распространения националистических взглядов.

дов в обществе, активизацией экстремистских радикальных молодежных организаций.

Увеличением этнокультурного разнообразия социума порождает риск межнациональных столкновений, негативные последствия которых могут быть сведены к минимуму с помощью соблюдения законности в миграционной сфере, а также при эффективной деятельности государственных и общественных организаций по интеграции мигрантов в местные сообщества. Преодоление мигрантофобии и снижение факторов, влияющих на её формирование, будет способствовать стабилизации межэтнических отношений. Необходимы перевод межэтнического взаимодействия в правовые рамки, внедрение идей взаимной толерантности и уважения в молодежную среду.

By the founded sociological research the paper offers analysis student's and migrant's opinion of the interrelation's problems. Determinated some specialties of youth consciousness, proposed estimate of degree development's tolerance in the student community. Described factors growth of migrantphobia in youth surroundings and negative consequences migrantphobia as for residents as for migrants.

Key words: *tolerance, migrantphobia, youth consciousness, ethnic stereotypes, ethnic mutual relations.*

Список литературы

1. Демографическая характеристика Брянской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ufms-bryansk.ru. Загл. с экрана.
2. Общественное мнение – 2011. М.: Левада-Центр, 2012. С.181-183.
3. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования, 2005. № 2.
4. Золотова Т.Л. Этническая толерантность и мигрантофобия в студенческой среде. // Вестник Брянского государственного университета №1 (2012). Брянск, 2012.
5. Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования, 2003. № 11.
6. Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России, 2011. № 1.
7. Зубок Ю. Чупров В. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.

Об авторе

Разгонова А.В. - кандидат исторических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета

УДК 94(44).04

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВЕНСТВА В НАКАЗАХ 1789 Г.

В.К. Русаковский

В данной статье рассматривается период предшествующий Французской революции. Весной 1789 года во Франции проходила выборная кампания, во время которой представителями сословий были созданы указы – инструкции для своих депутатов в Ассамблее Генеральных штатов, в которых содержалась программа их составителей, а также перечень наиболее актуальных требований. Указы являются важнейшим источником для изучения общественных настроений накануне революции. Отечественная историография не оставила эти документы без внимания. В частности они изучались таким крупным советским историком как А.В. Адо, который рассматривал в своём исследовании тексты крестьянских указов, а затем Л.А. Пименовой, изучавшей дворянскую программу, содержащуюся в указах. В настоящей статье продолжена традиция изучения указов. В ней рассмотрены документы, исходящие от первого привилегированного сословия – духовенства. В статье исследуется экономическая программа духовенства, содержащаяся в указах.

Ключевые слова: *указы, революция, первое сословие, экономическая программа духовенства*

Духовенство занимало важнейшее место в сословной иерархии Франции Старого порядка. Оно было первым привилегированным сословием, располагающим целым рядом политических, экономических, налоговых прав и привилегий. В частности, оно обладало налоговым иммунитетом (освобождением от прямых и косвенных налогов), правом на взимание церковной десятины с остальных сословий, правом собственной юрисдикции и освобождения от воинской повинности [1, р.17]. Представители высшего клира входили в состав Королевского Совета и Парламентов, участвовали в деятельности Генеральных штатов. Духовенство составляло важнейшую идеологическую опору королевской власти, представители первого сословия принимали участие в коронации монарха, сообщая ему сакральный статус.

Система сложных взаимоотношений связывала монархическую власть с представителями духовенства. Эта сложность была обусловлена двойственностью положения первого сословия, которое, с одной стороны, было подчинено монарху и интегрировано во французскую систему государственно-правовых отношений, а с другой – составляло часть особой структуры – католической церкви и подчинялось непосредственно Папскому престолу в Риме. Этот дуализм стал причиной появления ряда соглашений между монархом, французским клиром и Папским престолом, закрепляющих их взаимные права и обязанности. Важнейшими из них были Прагматическая санкция (1438) и Болонский конкордат (1516). Они разграничивали полномочия Папы и ко-

роля в важнейших для церкви вопросах, связанных с инвеститурой и владением церковными землями [2, с.21].

Согласно Прагматической санкции, была установлена выборность высших чинов духовенства (аббатов и епископов), при этом церковь получила право раздавать бенефиции и согласовывать размер аннагов (денежных отчислений в пользу Папы, выплачиваемых при получении церковного бенефиция). Король мог рекомендовать своих кандидатов на должности, однако представители духовенства имели право отклонить предложенную кандидатуру. За Папой сохранилось право утверждать решения французского духовенства. Также Прагматической санкцией был установлен приоритет власти церковных соборов над властью Папы [2, с.33; 3, р.267–291].

Дальнейшие успехи королевской власти в деле централизации страны привели к появлению нового документа – Болонского конкордата. Согласно его положениям закреплялся порядок назначения на высшие церковные должности. Право назначать прелатов переходило к королю, однако Папа мог наложить своё вето на избрание того или иного кандидата, и в этом случае монарху надлежало в течение трёх месяцев предложить нового человека. Король получил практически неограниченное право распоряжаться доходами с вакантных церковных бенефициев. В Болонском конкордате отсутствовало положение о приоритете власти соборов над Папой [2, с.21; 4, р.233]. Теперь процедура назначения на церковные кафедры требовала от прелата принесения присяги верности монарху.

При сравнении Болонского конкордата с Прагматической санкцией очевидно, что в последнем документе существенно урезалась автономия церкви, и усиливалось вмешательство в её дела как короля, так и Папы. Католическая церковь и французская монархия оказались тесно взаимосвязаны.

В XVI столетии активная внешняя политика французских королей, а также проводимая централизация власти требовали от короны значительных денежных средств. Налоговый иммунитет представителей духовенства был ограничен. Логическим завершением такого рода политики королевской власти стало заключение так называемого «финансового контракта» с духовенством в 1561 году. Это финансовое соглашение вошло в королевское законодательство как контракт, заключённый представителями французского духовенства для «субвенции» (поддержки), пожалованной монарху. Духовенство обязывалось в период с 1561 по 1567 г. уплатить монарху 1,6 млн. ливров в обмен на право не платить налоги. Эта финансовая помощь получила название «don gratuit» (добровольный дар). В дальнейшем этот контракт многократно продлевался. Реализация финансового контракта вызвала к жизни ассамблеи духовенства. Их главной целью стало определение размера «don gratuit». Ассамблеи духовенства продолжали своё существование вплоть до революции. Размер «добровольного дара» на протяжении последующих двухсот лет постоянно увеличивался и накануне революции превратился в один из ключевых вопросов во взаимоотношениях между монархом и представителями церкви [5].

К концу XVI столетия усилилось вмешательство государства в дела церкви. Реализация регального права (то есть права монарха, зафиксированного Болонским конкордатом, назначать на должности высших священнослужителей и распоряжаться по своему усмотрению доходами с вакантных церковных бенефициев) привела к тому, что в тот период расширилась практика передачи церковных земель светским лицам. Они часто не имели представления о нуждах своей епархии и пользовались доходами с церковного бенефиция исключительно в целях личного обогащения [6, с.48].

В XVII в. в процессе укрепления абсолютной монархии давление государства на церковь возросло. В начале столетия представители церкви были практически исключены из королевских советов. Сама же церковь всё больше встраивалась в систему государственных отношений. В эпоху кардинала Ришельё это проявилось, в частности, в назначении ряда священнослужителей на светские должности. В дальнейшем при Людовике XIV, в период расцвета абсолютизма, королевская власть всё интенсивнее вмешивалась в дела церкви. В 1660-е гг. это привело к открытому конфликту с Папским престолом. Он возник из-за упоминавшегося выше регального права. Когда Людовик XIV расширил действие этой правовой нормы на земли, присоединённые к королевству после заключения Болонского конкордата, это вызвало протест со стороны Папы. Показательно, что большая часть французского клира выступила на стороне короля [7, с.354].

На протяжении XVIII в. противоречия между церковью и государством обострялись. «Don gratuit» превратился из временного обязательства, призванного покрыть текущий дефицит государственного бюджета, в явление постоянное. Начиная с эпохи Людовика XIV «добровольного дара» начали требовать с каждой ассамблеи духовенства, причём его размер неуклонно рос вместе с ростом дефицита государственного бюджета. В период с 1715 по 1788 г. представители первого сословия уплатили в королевскую казну в общей сложности 288 млн. ливров [8, р.434], т.е. в среднем почти по четыре миллиона ливров в год. Для сравнения в период с 1561 по 1567г. представители духовенства уплатили в казну всего 1,6 млн. ливров (т.е. менее чем 300 тыс. ливров в год) [2, с.91].

Следующим камнем преткновения между церковью и королевской властью стала конфискация ряда земель церкви в пользу государства. С конца XVI в. получила распространение практика конфискации церковных земель за недоимки по финансовым обязательствам духовенства. Продажа церковного патримония была формой узаконенной секуляризации, хотя формально такого рода деятельность выходила за пределы прав монарха [2, с.98]. Продажа церковного имущества стала предметом особого обсуждения на ассамблеях духовенства. К операциям по продаже имущества клира привлекались королевские офицеры: бальи и сенешали. Должностные лица проявляли большую самостоятельность при продаже церковной собственности. Они могли существенно завысить цену продаваемого с торгов имущества. В середине XVIII в. в руки государства попала также значительная часть монастырской земли. Это было связано с запретом деятельности ордена иезуитов,

который располагал во Франции значительными земельными владениями, а также с разорением многих монастырей в восемнадцатом столетии. В середине века упразднением монастырей занималась комиссия во главе с архиепископом Тулузским Ломени де Бриенном. В её работе принимали участие 5 королевских советников и 5 епископов. В итоге к 1774 году из 2 966 монастырей, существовавших во Франции, было упразднено 450 (т.е. порядка 15% от их общего числа) [8, p.579]. Земли, ранее принадлежавшие монастырям, перешли в собственность государства. Итак, накануне революции между церковью и государством накопилось значительное число противоречий, которые нуждались в разрешении.

В настоящем исследовании рассматривается период, непосредственно предшествующий революции, а именно весна 1789 года, когда в ходе выборной кампании во французские Генеральные штаты представителями духовенства из различных регионов страны были составлены указы своим депутатам. Целью работы является анализ и систематизация основных экономических требований, характерных для наказов первого сословия. Следует отметить, что тексты наказов являются одним из важнейших источников, позволяющих выявить экономическую программу духовенства. По свидетельству многих специалистов и, в частности, Дж. Маркова и Дж. Шапиро, эти документы позволяют судить об умонастроениях французов накануне революции [9]. Всего в нашем исследовании рассматривается 196 наказов представителей духовенства, исходящих из бальяжей и сенешальств (судебных округов, в которых избирались депутаты в Генеральные штаты) и опубликованных в «Парламентских архивах» [10; 11].

Нужно отметить, что тексты наказов достаточно детально изучались в научной литературе (как отечественной, так и французской и американской), в том числе и с использованием современных методик обработки данных (статистического и лингвистического анализа текстов). В некоторых работах (как например, у Маркова и Шапиро, упоминавшихся выше) рассматриваются и экономические требования представителей сословий (главным образом, связанные с налогами, торговлей, сеньориальными повинностями). Однако следует отметить, что в послевоенные десятилетия тема религии мало освещалась не только советской, но даже и во французской историографии. В изучении французской революции инициатива в то время принадлежала исследователям, испытывавшим воздействие марксизма и рассматривавшим её сквозь призму противоречий социально-экономического свойства [12, с.1]. Хотя в последние несколько десятилетий ситуация изменилась, тем не менее до настоящего времени отсутствуют капитальные работы, освещающие позицию духовенства в наказах. Внимание авторов традиционно приковано к наказам первого и второго сословий, при этом за рамками исследования часто остаётся позиция деятелей церкви и в том числе такой важный вопрос, как церковно-государственные взаимоотношения в экономической сфере. В настоящей работе мы постараемся пролить свет на данную проблему.

Прежде всего, необходимо отметить, что экономические требования являются одними из наиболее распространённых в наказах, исходящих от представителей первого сословия. Они встречаются практически во всех рассмотренных документах.

Наиболее часто встречающееся требование духовенства – согласовывать введение налогов с Генеральными штатами. Оно зачастую провозглашается в текстах наказов в первую очередь. К примеру, представители первого сословия духовенства Ангума заявляют: «Мы смиренно просим его величество постановить, чтобы в будущем лишь Генеральные штаты могли вводить и продлевать налоги» [10, V.2. p.1]. Сходным образом выражают свои мысли представители сенешальства Божоле: «Ни один налог не может взиматься и не может считаться законным без согласования с нацией в ассамблее Генеральных штатов» [10, V.2. p.279]. Такого рода требование встречается в подавляющем большинстве наказов, исходящих от духовенства, – в 158 из 196 рассмотренных нами документов, т.е. приблизительно в 80% от общего числа. Требование поставить налоговую политику государства под контроль ассамблеи Генеральных штатов является общенациональным, оно характерно для представителей всех трёх сословий и является частью особого раздела, встречающегося в значительном числе наказов, и получившего в историографии название «Конституционная программа» [14, p.167]. В данном случае духовенство проявляет солидарность с представителями дворянства и третьего сословия.

О формировании гражданского самосознания в рядах представителей духовенства свидетельствуют и требования об отмене налоговых привилегий, фигурирующие в значительном числе наказов. По свидетельству американского историка Тимоти Тэкетта, приблизительно в 85% наказов собрания духовенства выступают за отказ от всех налоговых привилегий, за то, чтобы платить налоги на общих основаниях наряду с представителями других сословий [14, p.148]. Духовенство сенешальства Безье просит «равномерно взимать налоги с представителей всех сословий в количестве, пропорциональном их доходам и размеру их собственности» [10, V.2. p.346], однако составители наказа оговариваются, что это налоговое равенство не должно распространяться на десятину, от уплаты которой служители церкви должны быть освобождены [10, V.2. p.346]. Сходную позицию занимают и члены первого сословия сенешальства Анжу: «Поскольку представители духовенства являются неотъемлемой частью французского народа, они заявляют о своём добровольном желании пожертвовать налоговыми привилегиями во имя общего блага и благоденствия» [10, V.2. p.2], - заявляют составители наказа, демонстрируя, таким образом, приоритет общегосударственных ценностей над сословными. Многие исследователи наказов и, в частности, Беатриса Хислоп, свидетельствуют о том, что в значительном числе документов члены первого сословия позиционируют себя в большей степени не как священнослужители, а как французы, что свидетельствует о формировании у них национального самосознания и патриотизма. В наибольшей степени эти чувства выразились как раз в вопросе, связанном с налоговыми привилегиями [15, p.161]. Представители духовен-

ства бальяжа Куганс заявляют, что они готовы пожертвовать своими налоговыми привилегиями в сложившейся ситуации, поскольку этого требуют государственные интересы и необходимость сохранения мира и согласия между сословиями [11, V.3. p.48]. Следует особо отметить, что в ряде наказов представители первого сословия пишут об отказе от своих налоговых льгот на определённых условиях (к примеру, духовенство сенешальства Тулуза выражает своё согласие на подобные уступки лишь в случае, если правительство признает все долги духовенству частью национального долга) [11, V.6. p.31]. В данном наказе речь, очевидно, идёт о задолженности государства, возникшей вследствие систематического привлечения представителей духовенства к рентным обязательствам, а так же с выплатой по ним процентов. Другие условия выдвигают представители духовенства сенешальства Витри-лэ-Франсуа. Они заявляют: «Мы стремимся продемонстрировать наше ревностное служение общему благу и поэтому заявляем об отказе от своих налоговых привилегий, как только все граждане получают право согласовывать налоги через Генеральные штаты» [11, V.6. p.209].

Желание духовенства отказаться от преференций в налоговой сфере не является единодушным. Представители первого сословия сенешальства Бигор считают, что «налоговые льготы и почётные привилегии духовенства должны быть за ним сохранены» [10, V.2. p.351]. Требование сохранить налоговые привилегии духовенства встречается в 18 наказах (то есть почти в 10% от общего числа рассмотренных документов.) Мы видим, что отказ духовенства от своих привилегий в сфере налогообложения не является полным и безоговорочным. Скорее, он может восприниматься как временная уступка, сделанная в условиях финансового кризиса, поразившего страну. При этом речь идёт только о фискальных привилегиях представителей духовенства, ни в одном из документов речи не идёт о готовности пожертвовать другими сословными привилегиями. Духовенство сенешальства Витри-лэ-Франсуа отмечает, что «сословные привилегии первого сословия, не связанные с налогами, должны быть сохранены в соответствии с фундаментальными законами королевства, и собственность церкви, а равно и собственность священнослужителей, должна оставаться незыблемой и неотчуждаемой» [10, V.2. p.351]. Схожие тенденции проявляются в наказе представителей духовенства бальяжа Дуэ, которые просят короля сохранять и поддерживать все виды собственности церкви и духовенства (как монастырской, так и иной) [11, V.3. p.174]. Данный вопрос затрагивается также в наказе представителей духовенства бальяжа Эвро. Они пишут о том, что в последние годы многочисленные примеры отчуждения церковной собственности требуют немедленных мер для предотвращения полного расточения церковного патримония. Составители наказа просят, чтобы отныне имущество церкви, в том числе и принадлежащее монастырям, не могло быть конфисковано без согласия епископов и без наличия патента, надлежащим образом зарегистрированного. Согласно расчётам Т. Тэкетта, требование защитить церковную собственность встречается в 29 наказах (то есть в 15% от общего числа) [14, p.172]. Другой важной привилегией духовенства являлось право на сбор десятины. Подавляющее большинство представителей духовенства обходят этот вопрос стороной. В 31 наказе (16% от общего числа) составители выступают за перераспределение доходов от десятины в пользу приходского духовенства (то есть фактически можно говорить о том, что они поддерживают сохранение церковной десятины). Требование отмены церковной десятины встречается лишь в 3-х наказах (менее чем в 2%) [14, p.171].

Наряду с налоговыми привилегиями, один из наиболее распространённых вопросов, обсуждаемых в наказах, был связан с увеличением денежного довольствия низшего духовенства (*portion congrue*). О значимости этой проблемы накануне революции свидетельствует тот факт, что оно содержится не только в более чем 90% наказов, исходящих от духовенства, но и в значительном числе документов, написанных представителями других сословий [14, p.168]. Доход низшего духовенства состоял из небольшой суммы от бенефиция, взносов за разные виды церковных служб и приходской десятины. На протяжении XVIII в. этот доход сокращался в силу различных причин: из-за упразднения приходов, их укрупнения, отхода прихожан от церкви и сокращения числа церковных пожертвований и платы за церковные обряды. По оценкам специалистов, накануне революции он мог в среднем составлять сумму около двухсот ливров [16, p.22]. Для лучшего понимания этой цифры приведём некоторые другие данные. Согласно расчётам, проведённым М. Перонне, чистый совокупный доход представителей французского духовенства (за вычетом уплаты финансового обязательства, прочих платежей, помощи бедным и т.д.) в то время составлял 30,6 млн. ливров. При этом 2,6 млн. ливров (порядка 8,6% от общей суммы) распределялись между ста тринадцатью высшими церковными иерархами (архиепископами, епископами, аббатами), распоряжающимися доходами от крупнейших бенефициев. Остальные 28 млн. распределялись между 140 тысячами прочих служителей церкви (70 тысячами представителей белого духовенства и примерно таким же числом монахов) [1, p.608]. Таким образом, средний годовой достаток высшего церковного иерарха достигал суммы 23 400 ливров в год, в то время как доход «рядового» служителя церкви составлял в среднем 200 ливров (т.е. в 117 раз меньше). Эти цифры не дают нам представления о достатке каждого отдельно взятого священника, поскольку доходы в рамках каждой из обозначенных групп очень сильно варьировались, но они позволяют нам судить о колоссальном расслоении в рядах духовного сословия.

Об остроте ситуации свидетельствует наказ представителей духовенства бальяжа Этамп: «Мы просим, чтобы ассамблея Генеральных штатов приняла к сведению бедственную участь кюре, которые, испытывая крайнюю нужду, вынуждены ещё и жертвовать часть своих доходов бедным. В результате уделом священнослужителей (особенно в сельской местности) стала крайняя нищета, с которой они не имеют возможности справиться» [11, V.3. p.280]. Представители духовенства бальяжа Эвро пишут о том, что «бедность, в которой пребывают кюре и его помощники, ведёт к падению их статуса» [11, V.3. p.293]. Лучшим способом изменить

ситуацию составители наказа считают фиксацию размера «portion congrue» для кюре и викариев, увеличение размеров жалования для священнослужителей, зафиксированного в последних постановлениях, вплоть до уровня, соизмеримого с их нуждами, исходя из уровня цен и других местных особенностей того или иного прихода[11, V.3. p.293]. Духовенство сенешальства Монпелье выступает за увеличение «portion congrue», особо подчёркивая тот факт, что доходы, получаемые священнослужителями от церковной десятины, недостаточны, чтобы удовлетворить их нужды[11, V.4. p.45].

Чтобы изыскать средства для улучшения благосостояния кюре, многие составители наказов просят перераспределить в их пользу десятину, а также доходы от церковного бенефиция. Представители духовенства бальяжа Мон-де-Марсан просят короля направить средства, полученные при взимании десятины, на поддержание приходских священнослужителей[11, V.4. p.33]. Сходную позицию занимает и первое сословие бальяжа Монтрёй-сюр-Мер. Составители наказа особо подчёркивают, что священнослужитель, живущий в постоянной нищете, не может иметь авторитет у паствы. По их мнению, подобная ситуация подрывает и престиж церкви в целом. Они просят перераспределять десятину в пользу приходских священнослужителей, а в тех случаях, когда её размер недостаточен, распределять в их пользу также часть доходов от церковного бенефиция[11, V.4. p.60]. Духовенство сенешальства Кольмар просит Генеральные штаты особо позаботиться об участии кюре в связи с размером «portion congrue», дабы помочь им преодолеть нужду и обеспечить достаточное состояние, чтобы заниматься благотворительностью и помогать бедным[11, V.3. p.5]. Представители первого сословия бальяжа Немур просят выделить из церковного фонда денежные средства для кюре, с тем чтобы они могли вести достойное существование и помогать бедным[11, V.3. p.108]. Представители первого сословия бальяжа Бове пишут, что духовенство обеспокоено ситуацией, связанной с денежным довольствием для кюре и викариев, и считает своим долгом прийти им на помощь. Решение проблемы они видят в предоставлении кюре и викариям доходов от взимания церковной десятины. В том случае, если размер десятины недостаточен, представители первого сословия предлагают епископам позаботиться об участии кюре и направить часть доходов из бенефициального фонда на нужды священнослужителей[10, V.2. p.287]. Представители первого сословия сенешальства Лан пишут в наказе о том, что простое увеличение денежного довольствия священнослужителей не приведёт к увеличению их достатка, поскольку трудно привести его в соответствие с ежегодным ростом цен на продукты. Выход из положения представители первого сословия видят в том, чтобы делиться с кюре доходами от сбора церковной десятины, а в случае недостатка этих средств распределять в пользу приходских священников часть бенефициальных доходов[11, V.3. p.90].

По-другому подходят к решению проблемы финансового обеспечения кюре представители первого сословия сенешальства Экс-ан-Прованс. Они предлагают королю воспользоваться имуществом недавно упразднённых монашеских орденов (целестинского, клюнийского и ряда других) [11, V.3. p.127]. Интерес представляет наказ бальяжа Дижон, составители которого предлагают несколько способов улучшения участи местных кюре. Во-первых, как и в приведённом выше наказе, они предлагают использовать доходы упразднённых церковных орденов, во-вторых, они просят объединить некоторые «простые бенефиции», особенно те, доходами от которых владеет казна. В-третьих, составители наказа предлагают перераспределять часть пенсий, которыми пользуются высшие священнослужители: епископы, аббаты и богатые приоры, - в пользу неимущих кюре. Наконец, для должного материального обеспечения приходского духовенства составители наказа считают необходимым создать особый фонд, в который должна поступать часть доходов от наиболее богатых бенефициев, которые по тем или иным причинам долгое время остаются вакантными (так называемые экономаты), с тем чтобы обеспечить кюре достойное жалование и пенсионное обеспечение[11, V.3. p.127].

В некоторых документах рассматриваются конкретные размеры денежного довольствия кюре и викариев. К примеру, представители первого сословия сенешальства Ним просят поднять размер денежного вознаграждения для кюре до тысячи двухсот ливров в год, а для викариев – до шестисот ливров[11, V.3. p.236], представители первого сословия бальяжа Монтрёй-сюр-Мер предлагают платить кюре семьсот ливров, а викариям - триста пятьдесят[11, V.3. p.60]. Духовенство бальяжа Бове просит поднять жалование священнослужителям до тысячи пятисот ливров[10, V.2. p.288]. Духовенство бальяжа Труа считает нужным поднять кюре жалование до тысячи пятисот ливров в сельской местности и до двух тысяч четырехсот в городах[11, V.6. p.74]. Как мы видим, бедность приходских священнослужителей была явлением широко распространённым в различных регионах страны. Бросается в глаза тот факт, что в различных регионах страны размер суммы, которую предлагают выплачивать кюре и викариям, сильно варьируется. Это свидетельствует о том, что представления о бедности и достатке у жителей различных провинций были разными, поскольку различался их уровень экономического развития. Ситуация, при которой доходы от церковных бенефициев концентрировались в руках высшего и среднего духовенства и практически не доставались низшему, способствовала расслоению в рядах служителей церкви и создавала предпосылки для раскола в среде первого сословия.

Важное место в наказах занимала группа требований, связанных с обеспечением пенсий для кюре и викариев. По подсчётам Тимоти Тэккетта, это требование содержится в 15% наказов представителей духовенства[14, p.168]. Первое сословие бальяжа Монтрёй-сюр-Мер просит выделять средства из бенефициального фонда для поддержания кюре, которые в силу возраста или по болезни больше не могут выполнять свои обязанности[11, V.4. p.60]. Духовенство сенешальства Ним предлагает организовать в каждом приходе кассы взаимопомощи для того, чтобы выдавать пенсии по старости кюре и викариям[11, V.4. p.236]. Представители духовенства бальяжа Туль просят выдавать священнослужителям пенсии в размере пятисот ливров в год[11, V.6. p.6]. Они предлагают

создать фонд, в который должны направляться доходы от сбора десятины, а также часть доходов от церковных бенефициев. Из этого фонда, по мысли составителей наказа, должно выдаваться жалование викариям и кюре, а также пенсии для священнослужителей [11, V.6. p.6]. Члены первого сословия просят, чтобы жалование викариям и кюре пересматривалось и индексировалось с учётом роста цен на зерно и другие товары [11, V.6. p.6]. Представители духовенства баляжа Монтаржи предлагают направить большую часть доходов от сбора церковной десятины на поддержание местных кюре и создать особый бенефициальный фонд для выплаты пенсий кюре и викариям [11, V.4. p.18]. Члены духовного сословия сенешальства Кондом напрямую заявляют о том, что церковь обладает достаточными средствами, чтобы с лихвой обеспечить достойное существование всем священнослужителям [11, V.3. p.34]. В данном пассаже представители первого сословия недвусмысленно намекают на необходимость более справедливого перераспределения церковных доходов.

Следующая группа требований связана с назначением кандидатов на церковные должности и распоряжением бенефициями. Представители первого сословия сенешальства Булоне заявляют: «Ничто не интересует представителей духовного сословия больше, чем назначение священнослужителей на высшие церковные должности, поскольку они не только занимаются спасением душ прихожан, но и распоряжаются имуществом церкви» [10, V.2. p.418]. Составители наказов предъявляют определённые требования лицам, вступающим во владение бенефицием. Духовенство баляжа Труа пишет о том, что держателем любого церковного бенефиция (архиепископом, епископом, аббатом) может быть только человек, определённое время проживший в данной местности, чьё поведение соответствует церковным канонам [11, V.6. p.76]. Требование, касающееся места жительства лиц, пользующихся доходами с церковного бенефиция, встречается в значительном числе наказов духовенства. Так, представители первого сословия сенешальства Арманьяк требуют, чтобы держатели бенефициев проживали только на территории своего диоцеза: «Необходимо законодательно закрепить местожительство священнослужителей, пользующихся доходами с церковных бенефициев, на территории данных бенефициев, при этом они должны обязательно уведомлять епископский совет о том, где именно на территории диоцеза они будут иметь постоянное местожительство» [10, V.2. p.64]. Составители наказа полагают, что данный закон пойдёт на пользу провинции, он позволит более оперативно получать сведения о доходах того или иного держателя бенефиция. Очевидно, цель подобного проекта состояла в том, чтобы свести на нет возможные злоупотребления со стороны держателей бенефициев, сделать их деятельность более прозрачной. Кроме того, юридическое закрепление местожительства священнослужителей способствовало тому, что денежные средства, ими получаемые, оставались на территории диоцеза, а не уходили в столицу или в другие регионы страны, что должно было способствовать процветанию этого диоцеза, создавало перспективы для развития прихода или епархии и для вложения денежных средств. Также этот законопроект был направлен на то, чтобы ограничить возможность раздачи королём церковных должностей лицам, не имеющим отношения к жизни диоцеза, а иногда даже не являющимся священнослужителями, живущим в Париже и не желающим вникать в дела своего бенефиция.

В некоторых наказах особое место занимают статьи, посвящённые служителям церкви, приближённым ко двору. Составители наказа сенешальства Булоне подчёркивают тот факт, что значительное количество прелатов при дворе пользуются доходами от пребенды (то есть от владения бенефицием) в различных землях королевства и при этом не вникают в дела своего диоцеза и даже его не посещают, мотивируя это тем, что они служат при дворе. Представители духовенства выражают обеспокоенность в связи с большим количеством церковных должностей и привилегий при дворе, которыми часто пользуются люди, не имеющие заслуг перед церковью, и просят короля сократить их число, что позволит не только сэкономить средства из казны, но и повысит доходность многих диоцезов [10, V.2. p.418]. Здесь составители наказа выражают протест против чрезмерного обогащения представителей высшего духовенства, которые, пользуясь королевскими милостями, не имеют представления о делах своего диоцеза, получая от владения им немалый доход. Представители духовенства баляжа Эвро особо отмечают, что для них местожительство высших церковных иерархов (в частности, епископов) является важнейшим вопросом. Составители наказа заявляют, что Генеральные штаты должны обеспечивать исполнение законов, связанных с местопребыванием служителей церкви. Во избежание появления со стороны держателей бенефициев разного рода предлогов и отговорок, представители духовенства просят ввести закон, запрещающий совмещать обладание придворными должностями с владением бенефицием [11, V.3. p.293].

В наказах духовенства кандидатам на церковные должности предъявляются и некоторые другие требования. Представители духовенства сенешальства Тулуза просят короля давать бенефиции лишь достойным деятелям церкви, наиболее талантливым или оказавшим государству важные услуги вне зависимости от их титула и происхождения [11, V.6. p.28]. Духовенство баляжа Осер просит короля возводить в епископский сан лишь священнослужителей, которые в течение определённого времени уже занимались пастырской деятельностью [11, V.6. p.108]. В ряде наказов встречаются также возрастные ограничения для владельцев церковных бенефициев. Например, представители первого сословия баляжа Приморская Фландрия просят назначать на должности «священнослужителей в возрасте, не менее десяти лет занимающихся пасторской либо образовательной деятельностью в данном диоцезе» [11, V.6. p.169]. Представители духовенства баляжа Доль предлагают отменить практику, при которой тот или иной священнослужитель мог отказаться от доходов с церковного бенефиция в пользу другого лица [11, V.3. p.152]. Цель подобного запрета, очевидно, в том, чтобы противостоять злоупотреблениям в сфере пользования церковным имуществом. Во Франции ещё в начале XVII века имели место случаи, когда бенефиции приобретались в обход закона через подставных лиц за деньги [2, с.141]. Позднее, в XVIII сто-

летия эти злоупотребления стали носить систематический характер, возмущая многих современников и подрывая авторитет церкви [1, p.318]. Составители наказа хотят воспрепятствовать такого рода практике.

В ряде наказов даже звучат требования упразднить некоторые виды бенефициев. Представители духовенства баляжа Доль просят отменить такие формы бенефициев, как аббатства и приорства, владельцы которых пользуются доходами от комменды (коммендой называлась форма владения монастырским бенефицием, при которой бенефициарий получал доходы от аббатства, не имея при этом права церковной юрисдикции над монахами), а их имущество передать в кассу провинциальных штатов. Здесь речь идёт о секуляризации монастырских земель и передаче их государству. Естественно, подобный акт противоречил интересам церкви, но зато создавал широкие возможности для пополнения доходов казны и для преодоления экономического кризиса, в котором оказалась Франция накануне революции. Здесь вновь, как и во многих других документах, мы видим доминирование общегражданских национальных ценностей над сословными [1, p.294].

Ещё одним распространённым требованием является запрет на передачу доходов с нескольких бенефициев в одни руки. Представители духовенства баляжа Аваль пишут, что такая практика должна быть упразднена, к тому же они подчёркивают, что она идёт вразрез с постановлениями Тридентского собора [11, V.3. p.138]. Духовенство сенешальства Осер также просит отменить такого рода практику, а в случае невозможности сразу это сделать из-за нехватки подходящих клириков, по крайней мере, обозначить предельную сумму дохода, который может иметь священнослужитель от пользования бенефициями [10, V.2. p.108].

Следующий сегмент экономических требований духовенства связан с ассамблеями первого сословия. Одним из наиболее распространённых пожеланий является участие в деятельности ассамблей низших чинов церковной иерархии - кюре. Первое сословие сенешальства Лан пишет, что из всех представителей духовенства лишь кюре оказались незаслуженно лишены права принимать участие в ассамблеях духовенства, в то время как у них часто возникает желание донести свою волю до подножия престола. Составители наказа просят, чтобы впредь они могли участвовать в деятельности ассамблей под руководством местного епископа, либо под председательством старейшего и наиболее уважаемого лица из среды кюре [10, V.2. p.234]. Духовенство сенешальства Драгиньян просит, чтобы депутаты из числа кюре были допущены к ассамблеям духовенства и на них представлены. Также составители наказа требуют, чтобы количество кюре было пропорционально их численности в среде духовного сословия. Составители наказа отмечают, что волеизъявление кюре, которые являются наиболее многочисленным классом духовенства, абсолютно не принимается в расчёт на ассамблеях. Представители духовенства просят монарха даровать кюре представительство, равнозначное той роли, которую они играют в церковных делах [10, V.2. p.266]. Требование расширить представительство низшего духовенства на генеральных и провинциальных ассамблеях встречается более чем в 20% наказов (в сорока из рассмотренных ста девяноста шести документов). Особый интерес представляет наказ духовенства баляжа Монтаржи. Члены первого сословия заявляют о готовности пожертвовать привилегиями в сфере налогообложения и платить наравне с другими сословиями, но при этом просят короля сохранить традиционные представительные институты духовного сословия, в которых обсуждаются вопросы, связанные с налогообложением и добровольными пожертвованиями духовенства в казну [10, V.2. p.18]. Составители наказа уточняют, что речь идёт об ассамблеях духовенства, и просят монарха, чтобы в провинциальных ассамблеях наряду с епископом, ведущим собрание, и его заместителем в обязательном порядке принимали участие также синдик, избираемый на заседании духовенства, каноники-настоятели соборов, аббаты или приоры монастырей, пользующиеся доходами от комменды, а также кюре от каждого диоцеза. При этом составители наказа просят, чтобы кюре сами на общих собраниях диоцеза избирали достойных кандидатов для участия в работе ассамблей [10, V.2. p.18]. В данном наказе затронут весьма важный для французского духовенства вопрос. Дело в том, что в работе ассамблей духовенства непосредственное участие принимали только держатели бенефициев. Для кюре была разработана многоступенчатая система отбора в провинциальные и генеральные ассамблеи, призванная свести на нет их влияние в этих представительных органах [2, с.92]. Изначально собирались кюре диоцеза, которые отправляли одного из своих представителей на собрание аббатов, приоров и священников; они, в свою очередь, избирали депутатов для участия в провинциальной ассамблее. Суть требования наказа, приведённого выше, состоит в том, чтобы исключить промежуточную ступень и на собрании кюре диоцеза непосредственно выбирать кандидата для участия в провинциальной ассамблее. Подобная реформа могла во много раз расширить представительство низшего духовенства на ассамблее и вообще изменить существующий расклад сил, предоставив кюре реальное влияние в противовес представителям высшего духовенства. При этом составители наказа пишут: «Опасаясь, как бы привилегия согласовывать налоги, участвуя в работе ассамблей духовенства, не стала ненавистой для других членов духовного сословия, не имеющих права голоса, мы просим, чтобы провинциальная ассамблея состояла хотя бы на две трети из кюре, избранных своими собратьями на заседании диоцеза» [11, V.3. p.18].

Подоплёка данного требования понятна. Провинциальные ассамблеи, состоящие из числа владельцев бенефициев, занимались распределением налоговых привилегий. Финансовое обязательство 1561 года охватывало не всё духовенство. От платежей автоматически освобождались кардиналы (в силу их высокого сана) и многие другие высшие священнослужители. По решению ассамблеи ряд прелатов (главным образом, епископов и архиепископов) мог быть освобождён от уплаты «добровольного дара». Освобождение одних лиц от этих платежей усиливало налоговую нагрузку на другие категории духовенства, что не могло не вызывать возмущения с их стороны, поскольку они не принимали участия в работе ассамблеи и не могли отстаивать свои права. Ассамблеи духовенства (особенно генеральные) заседали закрыто, и присутствие иных лиц, кроме непосредственных участников, было законодательно запре-

щёно королевским эдиктом[2, с.92]. При этом закреплённых законодательно критериев для освобождения тех или иных священнослужителей от налогового бремени не существовало. При принятии решений члены ассамблеи руководствовались своим личным мнением или мнением монарха, если он его выражал. Естественно, присутствие на ассамблее большинства, представленного низшим духовенством, могло привести к отмене, пересмотру или, во всяком случае, более равномерному распределению привилегий. Очевидно, именно к этому стремились составители наказа. Мы видим, что во многих наказах прослеживается желание не только поднять материальное положение кюре, сделать их более независимыми, но и повысить степень их влияния на решения ассамблей духовенства и на политику церкви в целом, перераспределить властные полномочия в пользу представителей мелкого и среднего духовенства. Встречаются требования расширить полномочия кюре и в других сферах. Духовенство баляжа Дуэ просит привлечь кюре к деятельности, связанной с благотворительностью и помощью бедным, а также к управлению церковным имуществом совместно с владельцами бенефициев[11, V.3. p.174].

В текстах наказов также поднимаются вопросы, связанные с расходованием средств, полученных от представителей духовенства по финансовому контракту. Первое сословие баляжа Доль просит, чтобы сборщики «добровольного дара» (здесь речь идёт о генеральном сборщике десятины, который наряду со сбором десятины занимался также финансовыми обязательствами духовенства) отчитывались перед провинциальными штатами о своих доходах и расходах в период между получением средств у представителей духовенства и помещением их в национальную кассу[11, V.3. p.172]. Здесь проявляется желание составителей наказов контролировать расходование средств и противостоять коррупции со стороны фискальных чиновников.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что накануне революции в рядах духовенства отсутствовал консенсус не только в вопросах, связанных с дальнейшим развитием государства, но и во внутрицерковных. Между церковью и государством накопился ряд противоречий в экономической сфере, связанных с незаконным отчуждением церковного имущества, размером «добровольного дара», налоговыми привилегиями духовенства, назначением на высшие церковные должности. Показателен тот факт, что в решении этих важнейших проблем у представителей церкви отсутствует единое мнение. Одни служители церкви демонстрируют гражданское самосознание и выступают за упразднение сословных привилегий и секуляризацию части церковных земель, другие, напротив, требуют консервации всех привилегий духовенства и выступают за целостность и неделимость имущества церкви. В данном случае уместно говорить об идеологическом размежевании духовенства и о наличии двух идеологических полюсов, один из которых можно охарактеризовать как либеральный, а другой как консервативный.

В рядах клира присутствуют и иные противоречия, связанные с имущественным расслоением в их рядах. Перед революцией, как это видно из текстов наказов, на первый план выходят противоречия между высшим (епископами, аббатами, приорами) и приходским духовенством (кюре и викариями). Огромная разница в доходах между этими двумя частями первого сословия вызывала недоумение и даже возмущение у значительного числа священнослужителей. Поэтому в подавляющем большинстве наказов звучат требования, связанные с повышением материального благополучия кюре и викариев, в том числе и за счёт доходов высшего духовенства. Значительная часть служителей церкви выступают за кардинальное изменение сложившейся ситуации и перераспределение доходов церкви в пользу приходского духовенства. Многие составители наказов также требуют расширения властных полномочий местного духовенства, выступают за его привлечение к участию в церковном управлении, а также в ассамблеях. В рядах представителей первого сословия назрел острый конфликт, требующий того или иного разрешения.

Революция коренным образом изменила положение французской католической церкви. Ещё в 1789 году священнослужители лишились своих привилегий, была отменена церковная десятина, а затем проведена национализация церковных земель. Как это видно из текстов наказов, весной 1789 года подавляющее большинство представителей французского духовенства не было готово к подобным радикальным переменам. Это обстоятельство предопределило враждебное отношение значительного числа деятелей церкви к революционным преобразованиям. Вместе с тем, Французская революция частично решила важнейшую проблему, связанную с размером жалования для приходских священнослужителей. Принятый в 1790 г. «Закон о гражданском устройстве духовенства» точно зафиксировал размеры жалования священнослужителей, превратив их в обычных государственных служащих.

Наметившийся накануне революции раскол вылился в конфликт между деятелями церкви, признавшими революцию и принесшими присягу, и их противниками, ставшими в оппозицию к новой революционной власти. В результате корпус священнослужителей оказался разделённым на две примерно равные части [13, с.25].

The subject of this article is the period before the French revolution. In spring of 1789 an election campaign took place in France when the general cahiers (the instructions for the deputies in General States) were created by the representatives of the estates. The General Cahiers are the main sources for taking the pulse of nation on the eve of Revolution. Russian historical science paid attention to these documents. They were studied in particularly by great soviet historian A.V. Ado who investigated the peasant's cahiers and then by L.A. Pimenova, who analyzed the program of nobility in general cahiers. This article prolongs the tradition of studying the general cahiers. Here the documents of the first estate (clergy) are investigated. The economical program of clergy according to the general cahiers is explored in this article.

Key words: *general cahiers, revolution, first estate, economical program of clergy*

Список литературы

1. Péronnet M. Les évêques de l' Ancienne France. V. 1. Paris, 1977
2. Плешкова С.Л. Франция XVI - начала XVII века: королевский галликанизм (Церковная политика

монархии и формирование официальной идеологии). М., 2005

3. Pragmatique Sanction de Charles VII, sur l'autorité de Conciles Généraux, les Collations des Bénéfices, Elections, Expectatives, Appellations, Annates, la célébration de l'Office Divin & autres matières Ecclésiastiques // Ordonnances des rois de France de la troisième race. Vol. 13.

4. Raccolta di Concordati tra la Santa Sede e le autorità civili. Vatican, 1919

5. Michaud C. L'Église et l'argent sous l'Ancien Régime. Les receveurs généraux du clergé de France au XVIe-XVIIe siècles. Paris: Fayard, 1991

6. Шаповалова Е.В. Модель галликанства в церковно-политической концепции кардинала Ришелье. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2012.

7. Цатурова С.К., Пименова Л.А. Галликанизм // Православная Энциклопедия. Т. 10. М., 2005.

8. Bély L. Dictionnaire de l'Ancien régime: royaume de France, XVIe-XVIIIe siècle. Paris, 1996

9. Shapiro G., Markoff J. Revolutionary demands: a content analyses of the cahiers de doléances of 1789. Stanford, 1998

10. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / Ed. J. Mavidal, E. Laurent. V.1-2. Paris, 1879

11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / Ed. J. Mavidal, E. Laurent. V.3-6. Paris, 1868

12. Бламенау С.Ф. Религия и революция 1789 г. во Франции. Смена веков в историографии страны // Новая и новейшая история, 1998. №3

13. Бламенау С.Ф. Французская революция и гражданское устройство духовенства // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 11. Брянск, 2002

14. Tackett T. La Révolution, l'église, la France. Paris, 1986

15. Hyslop B. French nationalism in 1789 according to General cahiers. N-Y., 1934

16. La Pique et la croix : histoire religieuse de la Révolution française. Paris, 1989

Об авторе

Русаковский В.К. – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Rusak90@mail.ru

УДК 942.080.1

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОЛОНИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИНДИИ НА РУБЕЖЕ 1910-1920-Х ГГ.

А.В. Сагимбаев

Важным следствием Первой мировой войны явился сложный процесс деволуции Британской империи, представлявшей на тот момент крупнейшую в истории колониальную систему. Трансформация традиционного колониализма явилась результатом воздействия целого ряда факторов. В их числе следует особо выделить начавшееся в данный период формирование в ряде британской владений массовых национально-освободительных движений, идеологическая основа которых сочетала, в той или иной степени, элементы традиционализма и ориентированных на западную модель развития модернизационных доктрин. Одним из наиболее характерных примеров такого рода явилась эволюция антиколониального движения в Индии, оказавшая глубокое воздействие на трансформацию всей имперской системы Великобритании в межвоенный период.

Ключевые слова: Британская Индия, Первая мировая война, колониальный механизм, антиколониальное движение, национально-освободительная идеология.

Феномен колониализма является одним из важнейших предметов дискуссии в современной исторической науке. Масштаб и значение данной проблемы обуславливают сложность трактовки и вариативность в оценках отдельных её проявлений. Одним из типичных примеров такого рода является история британского колониализма, раскрывающая многие законы и особенности эволюции колониального механизма, а также роль обуславливающих её политических, экономических и духовных факторов.

Многообразие форм и методов, высокая степень гибкости, свойственная колониальной политике Великобритании оказали глубочайшее влияние на развитие колонизированных обществ и народов. Одним из своеобразных проявлений такого рода влияния явилось формирование на определённом этапе ответной интеллектуальной реакции в виде идеологических концепций, отстаивавших идею самоопределения. Характерным примером такого рода явилось формирование массового антиколониального движения в Индии, являвшейся ключевым звеном в британской колониальной системе. Оно было обусловлено важными социально-экономическими процессами, происходившими в индийском обществе в конце XIX-начале XX вв. и сопровождавшейся их сменой умонастроений части европейски образованной индийской элиты. Изменения, происходившие в Индии, были сопряжены с заметными переменами в политике метрополии. В начале XX в. она претерпела эволюцию от жёсткого консервативного курса в период правления вице-короля лорда Керзона до попыток преобразований в русле либерального реформизма, осуществлявшихся под руководством госсекретаря по делам Индии Дж. Минто и вице-короля лорда Морли.

Качественно новый этап в развитии политической ситуации в Британской Индии наступил в годы Первой мировой войны. В военный период произошло заметное укрепление экономических позиций Индии, существенно выросли показатели промышленного и сельскохозяйственного производства, появились новые и окрепли ранее существовавшие отрасли индустрии. Наметилась тенденция к диверсификации внешнеэкономических связей, ослаблению зависимости индийской экономики от британского импорта, укреплению самостоятельности индийской буржуазии [1, с.271]. С другой стороны произошли существенные изменения в умонастроениях значительной части индийского населения, в первую очередь, его интеллектуальной элиты. Они были связаны с появившимся убеждением в том, что мировая война и та роль, которую сыграла в ней Индия, неминуемо должны привести к изменению её статуса и положения внутри империи. Показательно, что подавляющее большинство индийцев абсолютно искренне поддержали метрополию в начавшемся военном конфликте и оказали содействие военным усилиям англо-индийского правительства [3, с.76].

Признавая, в определённой степени, индийский вклад в военные усилия империи, британское правительство предприняло шаги, призванные продемонстрировать изменение её формального положения. В 1917 г. представители англо-индийской администрации впервые приняли участие в работе Имперской конференции, куда до того момента допускались лишь представители пользовавшихся самоуправлением пяти «белых» доминионов. В 1918 г. англо-индийское правительство получило приглашение участвовать в послевоенной мирной конференции наравне с суверенными государствами-победителями и доминионами, входившими в состав Британской империи. По её завершении индийские представители участвовали в подписании мирного договора с Германией [9, р.32].

С августа 1917 г. коалиционное правительство Д. Ллойд-Джорджа приступило к подготовке проекта новой административно-политической реформы в индийских владениях. Главным её вдохновителем явился либерально настроенный госсекретарь по делам Индии Э. Монтэгю.

К тому моменту ряд представителей индийской знати, а также крупные общественно-политические движения Индии выдвинули свои проекты будущей реформы. В декабре 1916 г. в Лакноу фактически одновременно прошли очередные съезды наиболее влиятельных общественно-политических движений Индии - Индийского национального конгресса и Мусульманской Лиги. Они принимают согласованный план реформы, вошедший в историю под названием «проект Конгресса-Лиги». В проекте Конгресса-Лиги содержались радикальные предложения относительно изменения состава провинциальных законодательных собраний. В соответствии с ними 80 % членов законодательных собраний должны были избираться и лишь 20% назначаться колониальными властями. Численность состава законодательных собраний в данном проекте предлагалось увеличить до ста двадцати пяти депутатов в больших провинциях и семидесяти пяти – в малых [6, р.172]. В документе подчёркивалось, что они должны стать, в первую очередь, представительными структурами, избираемыми на основе как можно более широкого избирательного права. Очевидным следствием влияния Мусульманской Лиги явился тезис о необходимости введения в законодательных собраниях ряда провинций отдельной квоты для представителей мусульманской общины, которые должны были избираться через специальные курии выборщиков. В Пенджабе они должны были составить половину избираемых членов, в Бенгалии – 40%, в Бомбее – одну треть, в Объединённых Провинциях – 30%, в Бихаре – 26%, в Центральных Провинциях и Мадрасе – 15% [9, р.83].

Публикация британским правительством в июле 1918 г. т.н. Сводного Рапорта, содержащего проект будущей реформы вызвала раскол в Индийском Национальном Конгрессе. Часть его руководства, выразившая полную поддержку предстоящим преобразованиям вышла из состава партии и сформировала новое политическое движение, получившее название Национальной Либеральной Федерации. В то же время большинство членов ИНК высказали в целом негативную оценку проекту будущей реформы. Росту оппозиционных настроений способствовало и сохранение репрессивного законодательства Роулетта [10, р.VI], а также последовавшие затем карательные акции, кульминацией которых явился расстрел мирной демонстрации в Пенджабе 13 апреля 1919 г., вошедший в историю под наименованием «амритсарской бойни». Вскоре после этих событий ИНК, собравшийся на очередную сессию принял резолюцию, в которой подчёркивалось: «Конгресс подтверждает требования, отражённые в прошлогодней резолюции о немедленном создании в Индии ответственного правительства и отвергает любые инициативы противоречащие данному решению» [9, р.163]. В том же документе отмечалось, что проект преобразований, предложенный британским правительством «неадекватен, неудовлетворителен, и не может не вызвать разочарование» [9, р.164]. В резолюции содержалось также обращение к парламенту метрополии с призывом предпринять шаги по установлению полностью ответственного правительства. Основу политической платформы ИНК в данный период составляли требования немедленного введения системы самоуправления в провинциях и предоставления Индии статуса доминиона в течение пятнадцатилетнего срока. Одной из особенностей индийского политического движения в данный момент являлось активное заимствование идей и организационного опыта национально-освободительной борьбы в других частях империи, в особенности, в Ирландии. Показательным, в данной связи, явилось избрание в 1917 г. президентом ИНК активной участницы борьбы за независимость Ирландии А. Безант [11, р. 356].

В начале 1919 г. по инициативе М.Ганди, снижавшего к тому времени популярность среди широких слоёв индийского населения, началась кампания массового гражданского неповиновения – *сатьяграхе*, направленная против введённого колониальными властями в период войны репрессивного законодательства Роулетта. Главным её лозунгом стало «честное следование правде и воздержание от насилия в отношении жизни, личности или собственности, направленное при этом против подчинения законам, направленным на организацию

гражданских беспорядков» [9, p.174]. Сагьяграха, тем не менее, сопровождалась вспышками насилия в Дели, Калькутте, Ахмадабаде, и ряде индийских регионов. Наиболее известным и трагичным эпизодом в данном ряду явились события в Амритсаре. При этом индийское общественное мнение было потрясено не столько самим фактом расстрела безоружной толпы, сколько весьма неоднозначной реакцией на эти события со стороны британских политических кругов. Англо-индийское правительство опубликовало полный отчёт о произошедшем в Амритсаре лишь спустя почти год после самих событий. Несмотря на отставку генерала Дайера, расследование его действий, инициированное парламентом, не принесло существенных результатов. Палата лордов демонстративно приняла резолюцию в его поддержку, а некоторые британские политические движения даже организовали для него сбор финансовых средств [2, с.348].

Одновременно в Индии началась заметная активизация деятельности радикальных мусульманских организаций. Под руководством братьев Мухаммеда и Шауки Али, арестованных в период войны за публичные просманские симпатии, развернулось открытое движение в поддержку халифата. В начале 1918 г. они открыто обвинили кабинет Д. Ллойд-Джорджа в нарушении данных в период войны обещаний, предусматривавших «сохранение территориального единства Турции в её естественных границах» [9, p.175]. Одной из форм протеста явился *хиджрат* – переселение нескольких тысяч мусульман из северо-западных районов Британской Индии на территорию Афганистана весной 1920 г., в ходе которого от голода и болезней умерло несколько сотен человек [9, p.176].

Важным импульсом к повышению политической активности в Индии явилось начало практической реализации реформы Монтэгу - Челмсфорд, законодательно утверждённой британским парламентом в конце 1919 г. [6, p.172] В сентябре 1920 г. очередная сессия ИНК, проходившая в Нагпуре приняла решение о бойкоте проводимых в рамках начавшейся реформы провинциальных выборов. При этом в политическую программу ИНК были внесены существенные изменения. Главной целью партии с этого момента провозглашалось «достижение *свараджа* [самоуправления – А.С.] народами Индии посредством легитимных и мирных средств» [9, p.176]. От британских властей требовалось «проведение твёрдых реформ, направленных на изменение существующей системы управления» [9, p.177]. Данные лозунги способствовали стремительному росту авторитета ИНК.

В ноябре 1920 г. в условиях радикализации политической обстановки, англо-индийское правительство направило инструкции местным властям, в которых поручало им принять энергичные меры по восстановлению законности и устранению причин беспорядков, а также организации действий по идеологической нейтрализации лозунгов радикальной оппозиции. В мае и июле 1921 г. новый вице-король лорд Риддинг провёл две встречи с М. Ганди, в ходе которых была предпринята попытка достижения компромисса. С этой же целью он пригласил в Индию принца Уэльского. В конце июля, на фоне сохранявшейся в Индии кризисной ситуации, очередная сессия ИНК приняла решение о продолжении политики бойкота [12, p.301].

В течение 1921 г. произошли беспорядки в провинции Ассам и на территории центрального Пенджаба. В феврале около 150 сикхов, принадлежащих к реформистской секте Акали Дал были убиты при попытке захвата известного сикхского религиозного святилища. Всего, в соответствии с обнародованными позднее англо-индийским правительством данными, в течение года для пресечения беспорядков на территории Индии 47 раз использовались армейские подразделения [7, col.65].

В сентябре 1921 г. состоялась вторая сессия Индийского Законодательного Собрания, сформированного в рамках осуществлявшейся британскими властями реформы. Она проходила на фоне резкого обострения ситуации, связанного с объявленной ИНК кампанией массового гражданского неповиновения. Итогом длительных дискуссий явилось принятие резолюции, в которой содержались весьма жёсткие требования по отношению к колониальным властям: «1. Полностью ответственные правительства ... в провинциях должны быть созданы к 1924 г., а к 1929 г. Индия должна получить статус доминиона. 2 Должна проводиться более последовательная политика по назначению индийцев на административные должности в правительстве Индии. 3. При ключевых департаментах должны быть созданы постоянные комитеты Законодательной Ассамблеи. 4. Должен быть введён принцип полного паритета между индийцами и англичанами при назначении на высшие административные и судебные посты» [5, p.349].

Одновременно, в сентябре 1921 г. очередной сессией ИНК была принята резолюция, предполагавшая отказ от титулов, данных колониальными властями и должностей в Индийской гражданской службе, бойкот образовательных учреждений и судов, а также отказ от участия в выборах, уплаты налогов и покупки английских товаров, в особенности текстильной продукции [10, p.64].

Кульминацией объявленного ИНК «хартала» явились события ноября 1921 г., когда в Индию с официальным визитом прибыл принц Уэльский. В ходе беспорядков, возникших в ходе его пребывания в Бомбее, 53 человека погибли и 400 были ранены. В течение нескольких дней после этого многие провинциальные правительства приняли законы, предусматривавшие запрет деятельности ряда радикальных организаций и арест её лидеров [9, p.179-180].

Происходившие в конце 1921 – начале 1922 гг. попытки переговоров между ведущими политическими силами Индии и британской администрацией не принесли плодов. Одновременно М. Ганди и его сторонники предприняли попытки организации кампании по бойкоту сбора налогов в отдельных регионах Мадрасского и Бомбейского президентств. Перелом в ситуации наступил лишь после трагических событий в деревне Чауру Чаура, в Объединённых провинциях, где отряд полицейских был заживо сожжён толпой восставших крестьян, подстрекаемых представителями конгресса. 1 марта 1922 г. всеиндийская конференция в Дели с молчали-

вого согласия. М. Ганди была вынуждена принять резолюцию о приостановке компании в связи с тем, что «постоянное нарушение общественного порядка является более недопустимым» [9, p.181]. Вскоре М. Ганди был арестован в соответствии с положениями индийского уголовного кодекса «за попытки вызвать недовольство Правительством, законно установленным в Британской Индии» [9, p.182]. В конечном счёте, он был приговорён к шести годам тюремного заключения [12, p. 138-139].

Несмотря на продолжавшиеся локальные забастовки и крестьянские выступления, благодаря улучшению экономических показателей, в частности, высокому урожаю, собранному в 1922 г., ситуация в Индии постепенно стабилизировалась. Заключение договоров с правительствами Египта и Турции снизили накал антибританских настроений среди мусульманской общины. Оценивая положение дел в ключевом британском владении, Э. Монтэгу 14 февраля 1922 г. заявил в Палате Общин: «Наша политика состоит в сохранении единства Британской империи, сочетаемом с развитием самоуправления внутри неё. ...Правительство Его Величества объявило этот курс в 1917 г. и он нашёл поддержку у Парламента, что выразилось в Акте об Управлении Индией. Он рассматривался как первый шаг к дальнейшему самоуправлению и Парламент к настоящему моменту удовлетворён тем, что сделано на первом этапе... Для того, чтобы преуспеть на пути к самоуправлению они [индийцы – А.С.] должны продемонстрировать индивидуальную или коллективную готовность к тому, что подразумевает самоуправление – способность справиться с рисками, присущими управлению и поддерживать порядок любыми необходимыми средствами» [8, col. 793].

«Хартал» 1919-1922 гг. явился первой в истории Британской Индии компанией массового ненасильственного сопротивления, важную роль в организации которой сыграл ставший к тому моменту харизматическим лидером ИНК М. Ганди. Данные события послужили отправной точкой качественно нового этапа в политической истории Индии, связанного с возникновением массового, имевшего чёткую идеологическую основу движения за самоопределение. В сочетании с событиями, происходившими в других частях империи, ситуация, сложившаяся на рубеже 1910-1920-х гг. в Индии, явилась важным индикатором кризиса прежних императивов британской колониальной политики. Ключевой её особенностью становится акцент на расширение механизмов косвенного управления колониальными владениями. Данная тенденция, в свою очередь, способствовала постепенной децентрализации империи и движению входивших в неё территорий в сторону всё большей политической самостоятельности.

Difficult process of devolution of the British Empire representing at that time the colonial system largest in the history was an important consequence of World War I. Transformation of traditional colonialism was result of influence of a number of factors. Among them it is necessary to allocate especially the formation which has begun in this period in a number of British possession of the grass-roots national liberation movements which ideological basis combined, to some extent, elements of traditionalism and focused on the western model of development of modernization doctrines. One of the most characteristic examples such was evolution of anti-colonial movement in India, made deep impact on transformation of all imperial system of Great Britain during the intermilitary period.

Key words: *British India, World War I, colonial mechanism, anti-colonial movement, national liberation ideology.*

Список литературы

1. Белокреницкий В.Я. Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов // Британская империя в XX в. Под ред. Пегушева А.М. и др. М. 2010.
2. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи: 1781-1997. М. 2010.
3. Сагимбаев А.В. Акт о реформах правительства Индии (1919 г.) в контексте эволюции колониальной политики Великобритании после окончания Первой мировой войны // Вопросы истории, 2013, №12.
4. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М. 2013.
5. Adams J. T. Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y. - L. 1940.
6. Elliott W.Y. The New British Empire. N.Y., L., 1932.
7. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Ser.(1921), vol. 116.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 122.
9. Horne E.A. The Political System of British India. Oxford, 1922.
10. India's Goal: Constructive Criticisms by Leading Indians on the Montagu-Chelmsford Scheme. Madras. 1921.
11. Jenks E. The Government of the British Empire. L. 1919.
12. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston – Chicago - San Francisco - N.Y. 1922.

Об авторе

Сагимбаев А.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета, sagimbaev@yandex.ru

УДК 94(47+57)“1953/1964”

РЕФОРМА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В 1953-1964 ГГ. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УВОЛЬНЯЕМЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Р.А. Соловьев

Статья посвящена проблеме адаптации военнослужащих, уволенных в ходе преобразований вооруженных сил СССР в 1950-1960-х гг. Автором определены субъективные и объективные факторы, предопределившие реформу, описаны основные проблемы, возникшие вследствие значительного сокращения Советской Армии и меры, принятые руководством страны по их решению. Также в статье приводятся архивные материалы о реакции военнослужащих на проводимые преобразования.

Ключевые слова: хрущевская «оттепель», военная реформа, сокращение вооруженных сил, Н.С. Хрущев

Военная реформа в период хрущевской «оттепели» стала одним из основных процессов либерализации советского общества. На реформирование советских вооруженных сил в 1950-1960-х гг. оказал влияние ряд объективных и субъективных факторов.

К объективным факторам относятся, прежде всего, внешнеполитическая ситуация. После смерти И.В. Сталина основой внешнеполитической доктрины советского руководства стала идея о мирном сосуществовании капиталистической и социалистической систем, воспринимавшемся как политическая, экономическая и идеологическая борьба [1, с. 271-272].

Противоречивость внешнеполитической доктрины предопределяла двойственность советской внешней политики, в которой боролись две тенденции – соперничество и сотрудничество со странами Запада.

Соперничество проявлялась, прежде всего, в противостоянии двух лагерей, оформившемся к середине 1950-х гг. в противостояние двух блоков. Это противостояние из-за сфер влияния в мире привело к крупнейшим внешнеполитическим кризисам – Берлинскому в 1961 году и Карибскому в 1962 году, особую остроту которым придавало наличие у сверхдержав ядерного оружия. Противостояние систем и потенциальная угроза нападения со стороны Запада заставляли Советский Союз реформировать Вооруженные силы для совершенствования и поддержания их в постоянной боеготовности.

Второй тенденцией советской внешней политики являлось сотрудничество Советского Союза со странами Запада. Угроза ядерной войны и осознание возможности гибели в ней человечества привели советскую партийную элиту к пониманию неизбежности сотрудничества. В целях налаживания отношений между двумя блоками Советский Союз выступил с рядом мирных инициатив, главным образом, пропагандистского характера.

10 мая 1955 года СССР представил на рассмотрение ООН проект о частичном разоружении. Вооруженные силы СССР, США, КНР, Англии, Франции и других государств планировалось существенно сократить. Сокращение намечалось провести в два этапа: на первом – уменьшить численность обычных видов вооруженных сил и прекратить испытания атомного оружия; на втором – осуществить программу полного запрещения атомного оружия.

Новый подход к сокращению гонки вооружений был предложен СССР 18 сентября 1959 года на заседании Генеральной ассамблеи ООН. Н.С. Хрущев от имени советского правительства сделал заявление о всеобщем и полном разоружении в четыре этапа, представив программу, рассчитанную на четыре года. Предполагалось распустить сухопутные армии, военно-морские флота и военно-воздушные силы; упразднить генеральные штабы, военные министерства, военные базы; закрыть военные учебные заведения и уничтожить или переработать уже созданное оружие. Военные ракеты всех радиусов действий предлагалось ликвидировать, оставив ракетную технику лишь как средство транспорта и освоения космического пространства. Должны были сохраниться только минимальные контингенты внутренней охраны (милиции, полиции), вооруженные легким стрелковым оружием и предназначенные для поддержания внутреннего порядка и защиты личной безопасности граждан [2, с. 172-174, 189–190, 197-201].

Несмотря на явно пропагандистский характер советских мирных инициатив 1950-х гг. во внешней политике СССР, очевидна, тем не менее, готовность советского партийного руководства к компромиссу и сотрудничеству с Западными странами. Кроме того, предложения СССР о сокращении Вооруженных сил подкреплялись в середине 50-х гг. выводом советских войск и ликвидацией военных баз в Финляндской республике, Австрии, Китае и Румынии. Таким образом, политика мирного сосуществования, исключавшая прямую угрозу третьей мировой войны, позволяла советской партийной элите рассмотреть перспективу сокращения Вооруженных сил СССР и расходов на оборону страны.

Вторым объективным фактором, предопределившим реформирование Советской армии, стала внутриполитическая ситуация в Советском Союзе. Мирное экономическое соревнование с капитализмом требовало значительного снижения военных расходов. Н.С. Хрущев отмечал: «...Гонка вооружений уже сейчас тяжелым бременем ложится на плечи народов. Она влечет за собой рост цен на предметы народного потребления, сокращение реальной заработной платы, пагубно влияет на экономику многих государств...от мирного труда оторвано более ста миллионов человек, причем наиболее энергичных и работоспособных людей труда, людей науки и техники. Огромное количество человеческой энергии, знаний, изобретательности, мастерства падает,

как в бездонную бочку, поглощается растущими вооружениями». Руководитель страны выступал за сокращение финансирования вооруженных сил, намереваясь «срезать лишний жирок» у военных, освободившиеся деньги направить на сокращение или полную отмену налогов с населения, повышения его жизненного уровня, увеличение жилищного строительства, сокращение рабочего дня, а также субсидирование национальной экономики и широкую помощь слаборазвитым странам» [3, с. 18].

К объективным причинам можно отнести и существенное отставание штатной структуры вооруженных сил от новых реалий развития военной техники и способов ведения боевых действий.

Не смотря на то, что на вооружение Советской Армии в первой половине 1950-х гг. стали поступать ядерное оружие, реактивная авиация и ракетная техника, в ее составе все еще оставались части и подразделения, эффективное применение которых в возможных военных конфликтах было маловероятным.

Так, например, только к 1956 году были переформированы кавалерийские дивизии и пересмотрены планы по снабжению армии лошадьми и гужевыми повозками [4, с. 282].

В 1956 году были расформированы зенитные артиллерийские дивизионы и зенитно-прожекторные части «как не имеющие особой боевой ценности в современных условиях» и «как средства, не обеспечивающие надежного прикрытия аэродромов» [4, с. 284].

К субъективным факторам, оказавшим влияние на реформирование вооруженных сил в 1950-1960-х гг. следует отнести личность руководителя государства – Н.С. Хрущева и его отношение как в целом к армии, так и непосредственно к решению военных вопросов.

Являясь фактически приемником И.В. Сталина, который единолично решал все вопросы обороны, Н.С. Хрущев продолжил установившуюся традицию. Подобное положение дел вполне отвечало деятельной натуре и темпераменту главы государства.

Инициатором военной реформы периода «оттепели» следует считать именно Н.С. Хрущева, который, в силу своего положения в партийной иерархии, не только инициировал изменения в военной области, но и приводил их в жизнь в соответствии с собственными представлениями о месте и роли армии в советской политической системе.

С точки зрения Н.С. Хрущева в возможной войне «американцы не будут устилать трупами своих солдат нашу землю, а будут пользоваться, главным образом, стратегическими средствами ведения войны» [5, Д.269, л.71,143].

По воспоминаниям советского дипломата О.А. Гриневского, Н.С. Хрущев часто повторял: «Времена изменились. Не числом солдат с ружьями, а огневой мощью и средствами доставки определяется теперь обороноспособность. Необходимо поэтому укреплять и совершенствовать ракетно-ядерный щит страны, а военная авиация и флот утратили прежнее значение. Их нужно сокращать и заменять ракетами» [6, с.124-125].

Совокупность объективных факторов делали военную реформу в 1950-1960-е гг. неизбежной, а субъективный фактор (личность и взгляды Н.С. Хрущева) придавали ей своеобразие и предопределили ее незавершенность.

Позиция Н.С. Хрущева по вопросам реформирования армии получила поддержку у руководства Министерства обороны, прежде всего Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Г.К. Жуков выдвинул и ряд собственных инициатив. В частности им было предложено сократить должности заместителей по политической части командиров рот и батарей и вместо них создать партийно-политический аппарат в батальонах [4, с. 280].

Понимали необходимость реформирования армии и другие военачальники. К примеру, о необходимости реформ адмирал Платонов говорил следующее: «Уже давно в нашей стране провели испытания атомной и водородной бомб, части береговой обороны были вооружены крылатыми ракетами, подводные лодки готовились к испытаниям баллистических ракет. А судостроительные заводы все еще продолжали строить крейсера и эсминцы, вооруженные только артиллерийскими системами. Флоты проводили учения без учета возможного применения и воздействия на них ядерного оружия. Хотя ни один наш крейсер не сделал ни единого выстрела по кораблям своего класса, большие надводные корабли по-прежнему считались главной силой флота. Все ждали новейших теоретических разработок от Главного штаба ВМФ и его научной лаборатории – военно-морской академии, но тщетно [7, с. 308].

Не смотря на то, что началу реформ предшествовали многочисленные совещания и обсуждения, проходившие в высших эшелонах власти, единая концепция реформы так и не была выработана. Это привело к тому, что планы преобразований корректировались уже в ходе реформы, а отдельные военные учебные заведения и воинские части переформировались по несколько раз [4, с. 299].

Согласно сведениям, приведенным в докладной записке министра обороны Г.К. Жукова и начальника Генерального штаба В.Д. Соколовского, направленной в ЦК КПСС в 1956 году, на 1 марта 1953 года численность Вооруженных сил СССР составляла 5396038 чел. За период с 1 марта 1953 г. по 1 января 1956 г. было сокращено 989822 военнослужащих, таким образом, численность Советской Армии к 1 января 1956 года, составила 4406216 человек [4, с. 283].

На 1 декабря 1959 г. число военнослужащих Советской армии достигло 3623000 человек.

В результате всех мероприятий численность вооруженных сил к 1962 году должна была составить 2423000 человек.

Однако сокращение так и не было произведено в полном объеме. По западным оценкам, Советская Армия достигла минимальной численности (3000000 человек) к июлю 1961 года. С августа начался рост армии, достигшей к концу года 3800000 человек [3, с. 20-22].

Сокращая вооруженные силы, партийно-государственное руководство СССР вынуждено было заботиться и о материальном обеспечении демобилизованных. Остро встал вопрос трудоустройства, обеспечения жильем и социальной адаптации увольняемых военнослужащих. На протяжении 1953–1958 гг. Советом министров СССР и ЦК КПСС были приняты постановления, определяющие размеры пенсий, материальное обеспечение и порядок переквалификации и трудоустройства военнослужащих. Вместе с тем необходимо отметить, что льготы и привилегии в полном объеме распространялись, в основном, на военнослужащих, прослуживших в вооруженных силах 25 и более лет. Лица с выслугой менее 20 лет лишались значительной доли привилегий, а также пенсии.

12 августа 1957 года Министерством обороны была издана директива «О трудоустройстве и включении в активную общественно-политическую жизнь демобилизованных из армии и флота воинов», в которой рекомендовалось обращать особое внимание на поддержку патриотических стремлений демобилизованных поехать работать на новостройки восточных и северных районов, шахты и целинные земли, а также разъяснять молодежи из сельскохозяйственных районов, чтобы они возвращались в свои районы, а не собирались ехать в крупные города [8, л. 90-91].

Н.С. Хрущев наиболее удачным примером трудоустройства демобилизованного военного Н.С. Хрущев считал некоего майора Чижа, ставшего свиноматом в колхозе [3, с. 23].

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС в 1959 году, обращаясь к воинам Советской армии, глава государства рассказал о другом, на его взгляд, поучительном примере: во время визита в США Н.С. Хрущев на ферме у Президента США Д. Эйзенхауэра познакомился с бывшим генералом, ставшим управляющим. «А наши генералы, – продолжил Первый секретарь, – скажут, – ты что, что я тебе плохого сделал, я же за Родину воевал» [5, Д.427, л. 85]. Интересно, что впоследствии, при правке этого выступления по указанию главы партии последняя фраза была отредактирована: «А возьмите-ка наших отставных генералов. Разве найдешь среди них такого, который бы согласился пойти, скажем, директором совхоза. Он, вероятно, посчитал бы это делом ниже своего достоинства» [5, Д.427, л. 97].

Выяснить число, откликнувшихся на призывы партии и Правительства, не представляется возможным. Тем не менее, из военнослужащих, демобилизованных во второй половине 1955 – августе 1956 гг., в Белорусскую ССР, например, прибыло 9735 человек. Из них 15,2 % от общего числа трудоустроенных офицеров заняли посты партийных и советских работников, 24,8 % устроились работать в промышленности и на транспорте и 7,3 % – в сельском хозяйстве [3, с. 24].

В январе 1960 года начальник Главного политического управления Министерства обороны генерал Ф.И. Голиков, выступая на сессии Верховного Совета СССР, подчеркнул, что военнослужащие, демобилизованные из рядов вооруженных сил, нашли себя в рабочих специальностях [10, с. 139-140, 160-161]. По имеющейся у генерала Ф.И. Голикова информации, солдаты, матросы, сержанты и офицеры, уволенные в запас с 1957 по 1959 гг., устроились на работу в Приморский, Сахалинский и Магаданский совнархозы, приняли участие в работе на дальневосточных и сибирских стройках, стройках Министерства тракторного строительства; в сооружении Братской ГЭС, Западно-Сибирского металлургического комбината; а также трудоустроились в различных городах и селах СССР.

Однако на практике все было далеко не так радужно. Большинство демобилизованных военнослужащих столкнулось с многочисленными трудностями при поиске работы и получении жилплощади.

Так, например, среди 50137 демобилизованных военнослужащих во второй половине 1955 – августе 1956 гг., прибывших в Армянскую, Белорусскую, Казахскую, Киргизскую, Таджикскую, Туркменскую, Узбекскую и Украинскую республики, только около 75,4% нашли работу и 4,6 % пошли на курсы, а 3,3 % остро нуждающихся в работе ее так и не получили.

Наибольший процент трудоустроенных военнослужащих приходится на Узбекскую ССР (98 % от общего числа прибывших в эту республику), Таджикскую ССР (93,9 %) и Казахскую ССР (92 %); наименьший – на Украинскую ССР (70,6 %), Белорусскую ССР (74,1 %) и Армянскую ССР (77,6 %).

Из всех рассматриваемых военнослужащих только 78,4 % от общего числа всех демобилизованных военнослужащих были обеспечены жилплощадью. В этом плане лучше всего были снабжены военные, уволенные из рядов Советской Армии в указанный промежуток времени и прибывшие в Узбекскую ССР (90,5 % от общего числа прибывших в эту республику), в Таджикскую ССР (87,6 %) и в Казахскую ССР (84%), хуже всего – в Киргизскую ССР (71,6 %), в Украинскую ССР (77 %) и в Белорусскую ССР (77,5 %).

В 1958 году, по данным Министерства обороны, должно было быть уволено 63504 офицера, из них только 64,3 % было обеспечено пенсиями. На 1 октября 1958 года 6,2 % от общего числа уволенных офицеров в течение 1958 года не было трудоустроено, а 18,4 % – не обеспечены жилплощадью.

С учетом общего числа офицеров, уволенных по всем оргмероприятиям в 1953–1958 гг., – 4736 офицеров от общего числа демобилизованных офицеров за эти годы не было трудоустроено и 47674 офицера не было обеспечено жилплощадью.

Руководство Министерства обороны признавало, что положение дел с трудовым устройством и особенно с жилищным обеспечением уволенных в запас офицеров все еще остается неудовлетворительным.

Наличие недостатков в трудоустройстве и жилищном обеспечении порождает большое количество жалоб от офицеров, уволенных в запас. Через министерство обороны таких жалоб прошло около 5000. Особенно в резкой форме высказываются офицеры, уволенные в запас без пенсии, имеющие трудности с устройством

на работу и не имеющие жилья [4, с. 306].

В марте 1958 года Председатель КГБ И.А. Серов информировал ЦК КПСС, что «в процессе выборочного контроля почтовой корреспонденции военнослужащих Забайкальского военного округа за период с 12 по 17 февраля 1958 г. выявлено более ста писем, в которых офицеры Советской Армии высказывают недовольство оргмероприятиями, связанными с сокращением численности Вооруженных сил СССР, и выражают тревогу по поводу своей дальнейшей судьбы» [4, с. 301].

Поскольку в результате сокращения 1960 года одновременно должно было быть демобилизовано большое число военнослужащих, Н.С. Хрущёв, предвосхищая беспокойство людей, в своей речи в январе 1960 года на сессии Верховного Совета СССР отметил, что необходимо, в первую очередь, позаботиться о нуждах кадровых военных (офицеров и политработников), которым предстоит переквалифицироваться [9, с. 49-50].

20 января и 8 июня 1960 года были приняты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 74 и № 591, которыми предписывалось оказывать содействие демобилизованным военнослужащим в переквалификации, трудоустройстве и предоставлении жилплощади.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 74 особенно подчеркивалось: «Трудоустройство уволенных военнослужащих осуществлять преимущественно на предприятиях промышленности, стройках, на транспорте и в сельском хозяйстве, обратив особое внимание на организацию направления изъявивших желание выехать на работу и постоянное жительство в районы Севера, Урала и Сибири, Дальнего Востока и Казахской ССР, а также в колхозы и совхозы районов целинных и залежных земель РСФСР и Казахской ССР». В постановлении также ставилась задача Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота, Военным Советам и политическим управлениям...» провести широкую разъяснительную работу среди военнослужащих, увольняемых в запас, о важности участия их в работе и строительстве промышленных предприятий, железных дорог, электростанций, в угольной, металлургической, нефтяной и химической промышленности, на лесозаготовках, на транспорте, в сельском хозяйстве и по заселению районов целинных и залежных земель» [6].

Агитация подкреплялась дифференцированной системой льгот, предоставляемых в зависимости от удаленности регионов от центра.

23 марта 1960 года была издана директива Министерства обороны, которой создавалась специальная система профтехобучения для военнослужащих.

В тоже время, учитывая опыт предыдущих сокращений и сложности новой демобилизации, была несколько изменена нормативная база рассматриваемого процесса. В докладной записке В. Дугова и А. Белобородова, направленной 2 марта 1960 г., сообщалось о ходагайстве Главного управления кадров и Центрального финансового управления Министерства обороны об изменении положения, при котором из вооруженных сил увольнялся офицерский состав в пожилом возрасте без права на пенсию. На основании этой записки было вынесено решение о внесении дополнения в постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 января 1960 года № 74 о выделении этой категории военнослужащих минимального размера пенсий.

Директивой Министерства обороны «О трудоустройстве офицеров запаса» от 1 сентября 1960 года запрещалось увольнять из армии молодых перспективных офицеров, а директивой Министерства обороны «О направлении в 1963 г. на ударные стройки и предприятия военнослужащих, уволенных в запас» от 9 июля 1963 года не рекомендовалось досрочное увольнение военнослужащих, которым осталось прослужить незначительное время до выслуги лет, дающей право на пенсию.

Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия, партийное руководство не удовлетворило результаты проделанной работы. 1 сентября 1960 года была подписана директива Министерства обороны «О трудоустройстве офицеров запаса», в которой констатировалось слабая разъяснительная работа в войсках по поводу призывов партии и Правительства ехать работать в районы новостроек, промышленных центров Севера, Урала, Сибири и целинных земель и предписывалось усилить агитацию и разъяснение.

Особым образом государство позаботилось о высшем руководящем составе вооруженных сил. В 1958 году была образована Группа генеральных инспекторов Министерства обороны, куда зачислялись подлежащие увольнению генералы армии и маршалы, а также им равные по воинскому званию адмиралы. Формально работа группы включала выезды в войска на маневры, учения, разработку важнейших вопросов строительства вооруженных сил, теории военного искусства, руководство государственными комиссиями в военных академиях и училищах. [10, с. 408]. На деле генералы, маршалы и адмиралы получили право на пожизненную «службу» в рядах Советской Армии с сохранением всех положенных льгот и привилегий.

Не смотря на принимаемые руководством страны меры, окончательно решить проблемы увольняемых военнослужащих так и не удалось.

Одновременно с уменьшением численности Советской армии происходило и сокращение военного бюджета. [3, с. 26].

Для уменьшения расходов на армию изыскивались все возможные средства [4, с. 306].

В 1957 году по инициативе Г.К. Жукова началась работа по изменению военной формы одежды, направленная, в том числе и на ликвидацию излишеств в нормах снабжения военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота [11, с. 45].

Значительно снизить расходы на оборону был призван и новый порядок начисления пенсий военно-

служащим и их семьям принятый постановлением Совета Министров СССР № 876 от 27 июля 1959 года «О пенсиях генералам, адмиралам, офицерам, военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава сверхсрочной службы Советской Армии и Военно-Морского Флота, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и войск Министерства внутренних дел СССР, а также их семьям».

Принятым постановлением был значительно снижен максимальный размер пенсии для военнослужащих и изменен порядок ее назначения. В результате этих решений расходы на выплату пенсий по Министерству обороны сокращались примерно на 820 млн. рублей в год [12, л. 273-284].

Указанным постановлением было предусмотрено, что «средства, высвободившиеся в связи с упорядочением пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей будут обращены на строительство детских садов и яслей, школ, школ-интернатов и больниц».

Новый порядок назначения пенсий и их размер, естественно, вызвал негодование в офицерской среде.

В сентябре 1959 года в записке адресованной Н.С. Хрущеву Председатель КГБ А. Н. Шелепин представил сведения о фактах «нездорового реагирования на изменения в пенсионном обеспечении»:

Начальник штаба 1-го армейского корпуса Туркестанского военного округа полковник Панин И.Д., член КПСС, в присутствии ряда офицеров заявил: «постановление неправильное, вся армия разбежится. Никто из офицеров служить не будет».

Командир взвода 987-го батальона связи 25-го армейского корпуса Одесского военного округа лейтенант Баранов Г.А., член ВЛКСМ, говорил: «Теперь, чем раньше уволиться из армии, тем лучше. Служить я не хочу и никто меня не убедит».

Офицер Минского Высшего инженерного радиотехнического училища полковник Поздеев В.К., член КПСС, сказал: «Нет смысла служить в армии, надо демобилизовываться, пока есть сила и устраиваться на гражданской работе, так как рабочие и служащие находятся намного в лучших условиях, чем военные».

Командир роты 145 ГСД Закавказского военного округа капитан Кулаков заявил: «Согласно новому приказу пенсиями будут обеспечивать только офицеры после 40-летнего возраста. Но дослужить до этого возраста не дадут. Поэтому пока голова цела, надо уходить из армии».

Командир роты парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии Белорусского военного округа капитан Баженов А.Н., член КПСС, обсуждая новое Постановление, в присутствии ряда офицеров заявил: «...Товарищи офицеры, это дело серьезное, надо поднимать забастовку, ведь наши права ущемляют. Надо письмами и рапортами завалить ЦК с просьбой об увольнении из армии, надо удирать из армии...».

Полковник запаса Морозов, быв. зам. начальника политотдела Инженерной академии, по поводу вышедшего Постановления Совета Министров СССР о пенсиях сказал: «...Всю жизнь служил в армии, а теперь должен помогать детям и детсадам...Сейчас приравнивают всех к одной мерке - и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой» [13, с. 226-228].

А.Н. Шелепин также проинформировал Н.С. Хрущева о «нездоровом политически вредном разговоре о постановлении Совета Министров СССР от 27 июля 1959 г. «О пенсиях военнослужащим и их семьям» между Маршалом Советского союза Жуковым Г.К. и генерал-майором запаса Ревякиным В.А.» [14, с. 525]. Разговор двух отставных военных в дальнейшем стал предметом разбирательств Комитета партийного Контроля при ЦК КПСС [13, с. 231].

Таким образом, приходится констатировать, что военная реформа в 1950-1960-х гг. хоть и имела положительное значение для развития Вооруженных Сил СССР, не была достаточно продумана и подготовлена в социальном плане.

Решение проблем увольняемых военнослужащих было фактически отдано на откуп местным властям, которые решить их были просто не способны. Тысячи офицеров оказались фактически брошенными на произвол судьбы, не имея ни жилья, ни гражданской специальности.

Шаги, предпринимаемые руководством страны по решению проблем уволенных военнослужащих, прежде всего офицеров, или не приносили должного эффекта, или еще больше усугубляли ситуацию, как это вышло с постановлением Совета Министров СССР № 876 от 27 июля 1959 года «О пенсиях генералам, адмиралам, офицерам, военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава сверхсрочной службы Советской Армии и Военно-Морского Флота, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и войск Министерства внутренних дел СССР, а также их семьям».

На долгие годы многие из уволенных офицеров сохранили обиду на государство. В частности генерал Г.Н. Трошев, вспоминая своего отца, говорил: «В 1958 году отец попал под так называемое хрущевское сокращение и был уволен из Вооруженных Сил. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров – молодых, здоровых, полных сил и энергии мужиков. Отец крайне болезненно переживал случившееся. Дошло до того, что как-то, с присущей ему прямоотой, рубанул мне: «Чтобы ноги твоей не было в армии!» [15, с. 3].

Article is devoted to a problem of adaptation of the military personnel dismissed during transformations of armed forces of the USSR in the 1950-1960th. The author defined the subjective and objective factors which predetermined reform, the main problems which arose owing to considerable reduction of the Soviet Army and the measures taken by the country leaders according to their decision are described. Also archival materials about reaction of the military personnel to the carried-out transformations are given in article.

Key words: *Khrushchev's, military reform, reduction of armed forces, N. S. Khrushchev*

Список литературы

1. XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 г. Стенографический отчет. В 3 т. Т.3. М., 1962.
2. Жить в мире и дружбе. Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 г. М., 1959.
3. Абрамова Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущева: преобразования Вооруженных сил СССР в 1953-1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С.16-33.
4. Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50-х годов // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 271-308.
5. Российский Государственный Архив Новейшей Истории (РГАНИ). Ф.2. Оп. 1.
6. Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М.: Вагриус, 1998.
7. Платонов В.И. Записки адмирала. М.: Воениздат, 1991.
8. Центральный архив Министерства обороны. Ф.32. Оп. А-40450. Д.23.
9. Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. 4 сессия. 14-15 января 1960 г. Стенографический отчет. М., 1960.
10. Военный энциклопедический словарь. М.: ОНИКС 21 ВЕК, 2001.
11. Степанов А. «Жуковская форма». Несостоявшаяся реформа обмундирования 1957 года // Цейхгауз. 2000. № 3. С. 44-47
12. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9401. Оп.2. Д.506.
13. Г.К. Жуков: неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 175-245.
14. Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
15. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2002.

Об авторе

Соловьев Р.А. - аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, solorus@mail.ru

УДК 130.2:811.111

ПАРАДИГМА ОБРАЗНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ

М.А. Федоров

Типологические сходства статистических показателей концептуальных метафор, структурирующих концепт «time», позволяют говорить о наличии парадигмы образного осмысления категории времени. К ее чертам относятся: деперсонализация, статичность и рациональность использования. Рассматриваемая парадигма отделяет персонифицированное изображение времени в XVII веке от естественно-природного понимания времени в XIX веке. Парадигма осмысления времени претендует на статус одного из ключевых параметров описания культуры и отражает такие черты, как зависимость от внешних обстоятельств, ориентация на один из модусов времени и соотношение актуализации абстрактного или конкретного времени.
Ключевые слова: категория времени, парадигма, культура, эпоха Просвещения, концептуальная метафора

Исследование концептуальных метафор, характеризующих специфику осмысления категории времени в произведениях британских писателей, показало, что у некоторых из них имеет место типологические сходства в статистических показателях концептуальных метафор, представленных в контекстах с репрезентантами концепта «time». Для исследования были выбраны следующие лексические единицы, представляющие данный концепт: «time», «hour», «minute», «moment», «year», «month», «week». Предметом исследования являются следующие метафоры, структурирующие концепт «time»: «время – вместилище», «времена – объекты в пространстве», «время – объект восприятия и манипуляции», «время – движущийся объект», «время – личность», «время – ценная вещь», «время – ресурс» и «время – деньги».

Каждая из концептуальных метафор способствует постижению абстрактной природы времени в терминах материальных объектов и актуализируется при помощи своего набора лексических маркеров. Так, события и действия могут быть локализованы либо внутри, либо относительно периодов времени, которые можно описать как совокупность характеристик. Восприятие и воздействие на последние позволяет осмысливать время в терминах объекта, а их изменчивость – репрезентирована как движение периодов времени. Учет растущего количества характеристик необходимых для действий и событий явилось причиной осмысления времени как ценного предмета и полезного ресурса, рост ценности которого может выражаться в терминах денег.

Материалом исследования послужили корпусы текстов Дж. Беньяна [4], Д.Дефо [5; 6], Дж. Свифта [10; 11; 12], С. Ричардсона [8] и Г. Филдинга [7], содержащих немногим более одного миллиона знаков. Полученные данные можно представить в виде следующих таблиц.

Табл.1

Концептуальные метафоры, структурирующие концепт «time» в произведениях Дж. Беньяна

	Вместилище	... в пространстве	... воспр. и манип.	Движ. объект	личность	ценная вещь	ресурс	деньги	Отс. конц. мет.
time	59	183	45	28	5	14	9		128
hour	8	7	2	1	1				13
minute			2						3
year	5	11	7	1		1			50
month	4	2		2					25
week	1	1	3	1			1		13
moment	4	3							12

Табл.2

Концептуальные метафоры, структурирующие концепт «time» в произведениях Д. Дефо

	Вместилище	... в пространстве	... воспр. и манип.	Движ. объект	личность	ценная вещь	ресурс	деньги	Отс. конц. мет.
time	73	187	38	4	3	18	52	2	214
hour	21	17	3			4	2		26
minute	2	2							17
year	34	38	3			1	1		179
month	11	12		2		1	5	2	52
week	6	4	2	2		2	1		43
moment	17	9				1	1		29

Табл.3

Концептуальные метафоры, структурирующие концепт «time» в произведениях Дж. Свифта

	Вместилище	... в пространстве	... воспр. и манип.	Движ. объект	личность	ценная вещь	ресурс	деньги	Отс. конц. мет.
time	97	152	39	7	13	14	11	1	169
hour	25	23	2	1	1	4	1		38
minute	5	4							13
year	31	57	2	3	1		2		177
month	14	9	1	1	1		2		41
week	8	2							22
moment	2	4	1				1		15

Табл.4

Концептуальные метафоры, структурирующие концепт «time» в произведениях С. Ричардсона

	Вместилище	... в пространстве	... воспр. и манип.	Движ. объект	личность	ценная вещь	ресурс	деньги	Отс. конц. мет.
time	36	105	36	10	3	10	38		130
hour	12	23	7		3	3	4		32
minute	5		1						10
year	3	14	4	1					48
month	4	6							13
week	9	5	2	1					15
moment	9	7	1		1	3			47

Табл.5

Концептуальные метафоры, структурирующие концепт «time» в произведениях Г. Филдинга

	Вместилище	... в пространстве	... воспр. и манип.	Движ. объект	личность	ценная вещь	ресурс	деньги	Отс. конц. мет.
time	21	165	41	5	5	18	21		110
hour	16	20	5	2	1	4	3		22
minute	6	6	1			3			25
year	15	18	4	2	2				73
month	8	6				1			9
week	6	4	3						7
moment	15	31	2	1		2			73

В качестве первой типологической черты нужно назвать превалирование метафоры «времена – объекты в пространстве» в контекстах со словом «time». Основными маркерами этой концептуальной метафоры являются предлоги, которые позволяют выразить локализацию событий/действий относительно друг друга в терминах пространства, например, «from time to time», «by that hour». Несмотря на то, что эта метафора является, возможно, самой первой в концептуализации категории времени [2, с.86, 88], количественное преобладание контекстов, в которых она представлена, начинается только с произведений Дж. Беньяна.

Второй типологической чертой является высокая частотность маркера-предлога «at» в контекстах с ключевым репрезентантом: у Беньяна он встречается в 112 из 182 контекстов со словом «time», у Дефо это показатель равен 72 из 187, у Свифта 70 из 152, у Ричардсона 45 из 105. В остальных контекстах используются самые разнообразные маркеры, указывающие на события и действия, как предшествующие, так и последующие моменту речи: *by this time, after some time, from this time, about the time, from time to time, to the present time, in former time, since the time*. Это указывает, что локализация времени почти в половине случаев фиксируется одновременно описываемого события.

Третьей типологической чертой мы считаем то, что лексемы со значением конкретного периода времени встречаются в контекстах главным образом с двумя метафорами – «времена – объекты в пространстве» и «время – вместительность», тогда как прочие метафоры представлены слабо в этих контекстах. Это позволяет нам сделать тот же вывод, что конкретизированные периоды времени главным образом используются в терминах локализации событий/действий относительно или в пределах некоторых периодов времени. Тогда как способы осмысления, актуализируемые при помощи других метафор, представлены главным образом с абстрактным значением времени.

Следующей типологической чертой можно назвать утилитарность и деперсонализацию понимания времени. Примеры метафоры «время – личность», во-первых, немногочисленны, а вторых – в большей части контекстов время понимается как естественный ход событий, и не случайно слово «time» написано с маленькой буквы:

«...time had sprinkled it with grey» (Беньян);

«... though time and necessity made me a complete natural mechanic soon after...» (Дефо);

«... this must be a work of time» (Свифт);

«I tell you she is a subtle, artful gipsy, and time will shew it you» (Ричардсон).

Исключения составляют четыре примера контекста из произведений Дж. Свифта, являющиеся аллюзией на известные образы. Например, следующий контекст является обращением к образу времени, раскрытом в шестидесятом сонете Шекспира: «That Time sits with his scythe to mow...» [9]. Относительно малое число контекстов, указывающих на действие времени, свидетельствует о идеализированной арене человеческой деятельности, которой чуждо вмешательство сверхъестественных сил.

Пятую типологическую черту следует определить как статичность времени. Сопоставление количества контекстов с метафорой «время – движущийся объект» и контекстов, указывающих на объектные характеристики времени, показывает подавляющее преимущество последних. Таким образом, человек Просвещения предстает как основной субъект действия, обладающий большей независимостью от природы, чем человек Возрождения. В такой интерпретации время предстает как необходимый ресурс действия и его использование обуславливается главным образом волей индивида.

То, что все типологические черты за исключением последней представлены в произведениях Дж. Беньяна, может указывать на него как на предтечу эпохи Просвещения, влияние которого на остальных авторов весьма вероятно. Подтверждение этого можно видеть в том, что понятие разума играет центральную роль в концепции знаменитого проповедника: «*Let your discourses be to build up one another in your most holy faith, and to provoke one another to love and good works: if this be not well-minded, much time may be spent and the church reap little or no advantage*».

Более того, поступки человека рассматриваются следствием намерений и решений человеческого разума. Спасение от греха и начало праведной жизни, которые Беньян провозглашает главной целью человека, являются, прежде всего, действием воли и разума:

«...coming to Christ is a moving of the mind towards him...»;

«Bless God for slaying the enmity of thy mind; had he not done it, thou wouldst as yet have hated thine own salvation».

Выделенные типологические черты являются основанием для следующей парадигмы осмысления времени: данная категория, главным образом, представлена либо как система координат, используемых для фиксации событий и действий, либо как ресурс необходимый для совершения действия. Ее основными характеристиками являются деперсонализация, статичность и рациональность.

Эпоха Просвещения, декларирующая принципиальную познаваемость мира, очевидно, выбрала релятивистскую концепцию Аристотеля, определившего время как число, меру движения по отношению к прошлому и будущему, которая получила развитие в учении Ньютона об абсолютном времени [1, с. 33, 135]. Если рассматривать творчество упомянутых авторов как варианты предложенной парадигмы, то наиболее четко рассмотренные типологические черты представлены в произведениях Д. Дефо.

Культурные парадигмы осмысления базовых категорий, таких как время и пространство, можно рассматривать как ключевые показатели этапов формирования лингвокультуры, под которой мы понимаем всю совокупность массива культуры, получившей объективацию в языке [3, с. 10]. Так, переход от языка У. Шекс-

пира, Б. Джонсона, Дж. Мильтона и Дж. Драйдена можно рассматривать деперсонификацию времени и утверждение независимости человека от сверхъестественных сил.

В произведениях таких авторов, как Дж. Остин, В. Скотт, У. Теккерей, У. Коллинз, время выступает как естественный порядок вещей, свойство объективного мира, имеющий динамическую природу. Персонификация выступает как средство акцентирования роли временного ресурса в возможности совершения действия, с одной стороны, и влияние на человека объективных свойств смены событий, с другой. Осмысление категории времени в произведениях этих писателей можно рассматривать как разработку темпоральной парадигмы писателей эпохи Просвещения с учетом многовекторности социального бытия.

Таким образом, осмысление основных параметров бытия человека получает отражение в специфике концептуализации категории времени. Здесь могут получить освещение такие параметры, как степень зависимости человека от внешних обстоятельств, ориентации на прошлое, настоящее или будущее, соотношение актуализации абстрактного и конкретного значения времени, уровень сложности картины мира в аспекте структуры действия.

Typological similarities of the statistical indicators of the cognitive metaphors which structure the "time" concept prove that there is a paradigm of the figurative understanding of the category of time. The paradigm traits are depersonification, static nature and rationality of use. The mentioned paradigm divides the personified representation of time in the XVII century and the natural interpretation of time in the XIX century. A time interpretation paradigm lays claim to the status of a key culture indicator and reflects such features as dependency on external factors, focus on a time modus and abstract / concrete time ratio.

Key words: *category of time, paradigm, culture, Age of Enlightenment, cognitive metaphor.*

Список литературы

1. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
2. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверья. М.: Наука, 1993. 158с.
3. Федоров М.А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. 160 с.
4. Bunyan, John. Complete Works of John Bunyan (The Pilgrim's Progress, Prison Meditations, The Little Pilgrim, Grace Abounding to the Chief of Sinners, Mr. John Bunyan's Dying Sayings) URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6049.txt.utf-8> (07.02.2014).
5. Defoe, Daniel. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. URL: <http://www.gutenberg.org/files/521/521-0.txt> (07.02.2014).
6. Defoe, Daniel. The Fortunes and Misfortunes of the Famous Moll Flanders URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/370/pg370.txt> (07.02.2014).
7. Fielding, Henry. The History of Tom Jones, the Foundling . URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6593.txt.utf-8> (07.02.2014).
8. Richardson, Samuel. Pamela, Or Virtue Rewarded. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6124> (07.02.2014).
9. Shakespeare, William The Complete Works. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/100/pg100.txt> (07.02.2014).
10. Swift, Jonathan. Gulliver's Travels into several remote nations of the world. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/829> (07.02.2014).
11. Swift, Jonathan. The battle of the books and other short pieces. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/623> (07.02.2014).
12. Swift, Jonathan. The Prose Works of Jonathan Swift, Vol. III.: Swift's Writings on Religion and the Church. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12252> (07.02.2014).

Об авторе

Федоров М.А. – Бурятский государственный университет, fma1105@gmail.com

УДК 947.083.76

КРИЗИС СО СТРЕЛКОВЫМ ОРУЖИЕМ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОПЫТКИ ЕГО РЕШЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ РЫНКАХ.

А.А. Шевель

В статье анализируются причины кризиса со стрелковым оружием, возникшего в русской армии в период первой мировой войны. Описываются попытки решения возникших трудностей за счет поставок из Англии и США. Подводятся итоги работы военного министерства по закупке стрелкового вооружения на английском и американском рынках.

Ключевые слова: *первая мировая война, военное министерство, кризис стрелкового вооружения.*

К концу первого десятилетия XX века большинство европейских стран осознавали неизбежность грядущего военного конфликта и начали готовиться к нему. В числе этих стран была и Российская империя, стремившаяся в ходе предстоящей войны решить свои «историческую задачу» - завладеть Константинополем и черноморскими проливами. Решение такой амбициозной задачи требовало значительного усиления армии и флота, так как помимо Турции России предстояло столкнуться с Германией и Австро-Венгрией. В русской армии, потерпевшей поражение в ходе русско-японской войны, шли активные реформы. Предполагалось, что к 1916-1917 гг. будут реализованы основные военные программы и Россия будет готова к ведению войны. Однако, противники не собирались ждать усиления России, в 1914 г. большинство европейских держав были втянуты в первую мировую войну.

К началу войны серьезных опасений по поводу нехватки вооружения и боеприпасов не возникало. Войну предполагали закончить в течение года, расход боеприпасов предполагалось компенсировать за счет внутреннего производства. Еще за полтора года до начала войны считалось, что русская армия полностью обеспечена винтовками в случае войны [1, с.375]. Однако, после объявления мобилизации выяснилось, что значительные запасы винтовок «не отлажены еще под остроконечный патрон» и требуют переделки, на что требуется значительное время [1, с.375-376]. Такое развитие событий оказалось настоящим «сюрпризом» для русского военного министерства и привело к острой нехватке стрелкового оружия в действующей армии. Подобные «приписки» в мобилизационной подготовке встречались неоднократно, зачастую это был не злой умысел, а некомпетентность руководства на местах. Так в мемуарах товарища военного министра Лукомского, участвовавшего в работе мобилизационного отдела, есть описание характерного случая. В отчетах военного министерства не указывался расход снарядов на стрельбы, что создавало видимость постоянного роста числа запасов снарядов. При проведении проверки в 1911 г. выяснилось, что их количество на уровне 1908 г. [2, с.30-35]. Помимо ошибок, допущенных военным министерством во время создания мобилизационных запасов, были и другие причины острой нехватки стрелкового оружия. Русские военные заводы оказались неспособны к обеспечению запросов армии, а система поставки вооружения и боеприпасов от союзников отлажена не была. Тот же Лукомский вспоминает: «Процент порчи винтовок в войсках, вследствие дурного ухода и процент порчи и потери их в боях, был так велик, что все расчеты мирного времени оказались никуда не годными» [2, с.57]. Итогом всех этих ошибок и просчетов стало катастрофическое положение в действующей армии. Первые сообщения о нехватке винтовок и боеприпасов стали поступать уже в октябре 1914 г., а к середине 1915 г., когда на Восточный фронт были переброшены основные силы немецкой армии, ситуация со стрелковым оружием в армии стала удручающей. Необходимо было принять срочные меры к обеспечению войск вооружением и боеприпасами, в противном случае Россия вынуждена была бы признать поражение и пойти на подписание сепаратного мира.

Для начала произошли перемены в военном руководстве, на пост военного министра вместо Сухомлинова был назначен Поливанов. Был предпринят ряд мер для увеличения производства винтовок в России, но без помощи извне решить вопрос нехватки стрелкового оружия было невозможно. При этом русское правительство стремилось приобрести уже готовые ружья, а не давать заказы на их производство. Военное руководство рассчитывало, что война закончится в ближайшее время, поэтому заказанные винтовки окажутся бесполезны. Однако, это «ближайшее время» так и не наступило ни в 1915, ни в 1916, ни в 1917 гг., поэтому русское военное министерство внесло изменение в систему закупок и приступило к осуществлению долгосрочных контрактов. Из всех стран, которые являлись поставщиками вооружения в Россию наибольшее внимание стоит уделить Англии и США, именно они, в значительной мере, способствовали улучшения положения со стрелковым оружием в русской армии. В этих странах работали комитеты, занимавшиеся размещением заказов на военные материалы. Они также были преобразованы в 1915 г., произошли изменения в их руководстве. К началу 1916 г. организация внешних заказов приобрела стройный и четкий характер, правда, контроль американских заказов проходил через Лондон. Причиной такого контроля был тот факт, что осуществление заказов в США производилось преимущественно за счет английских кредитов. Англичане опасались излишней траты средств русскими комитетами и пристально следили за их деятельностью. Такая система заказов замедляла их выполнение, и вызывало недовольство американских промышленников.

По сведениям английского правительства, к 7 мая 1916 г. в Россию через Архангельск и Мурманск было поставлено 63 7953 винтовок и 76929970 патронов к ним [3, Оп.18, Д.16, Л.15]. Этого количества было явно недостаточно, русское военное министерство предпринимало энергичные шаги для увеличения поставок стрелкового оружия из-за границы. Перед русским правительством в 1916 г. стояла непростая задача. До 1 мая 1917 г. в русскую армию для удовлетворения ее потребностей необходимо поставить 8, 3 млн. винтовок и 6, 1 млрд. патронов, для этого в Америке необходимо дополнительно приобрести 2,7 млн. ружей и 2 млрд. патронов [3, Оп.18, Д.157, Л.85]. Часть требуемых винтовок предполагалось приобрести в Англии, которая заканчивала вооружение своей армии. Выполнение русских заказов в Англии долгое время приостанавливалось из-за заказов для английской армии. Английские заказы имели приоритетный характер и выполнялись в первую очередь [3, Оп.19, Д.12, Л.2]. С сокращением числа заказов для английской армии, русские контракты стали выполняться своевременно. При этом, английское военное министерство зачастую само выступало с инициативой на поставку ружей в Россию, если располагало такими возможностями. Весной 1916 г. англичане предложили продать России 500 тыс. винтовок «русского типа». Доставка указанных винтовок должна была быть осуществлена в период с апреля 1916 г. по июль 1917 г. [3, Оп.18, Д.3, Л.373].

Американский рынок рассматривался русским правительством как основной для выполнения задач по вооружению русской армии. США не находились в состоянии войны до 1917 г., заявив о своем нейтралитете, располагали огромными производственными, природными и людскими ресурсами. Американские предприниматели и промышленники с большим энтузиазмом взялись за выполнение русских заказов. В их числе были и крупные оружейные фирмы «Винчестер», «Вестингауз» и «Ремингтон». Первый крупный контракт был заключен с фирмой «Ремингтон» 16 июля 1915 г. и предусматривал производство 200 тыс. ружей и 250 млн. патронов к ним [3, Оп.18, Д.3, Л.41]. Далее контракт с «Ремингтоном» претерпел существенное изменение. Фирма заявила, что способна поставить России более миллиона трехлинейных винтовок. В итоге заказ предусматривал поставку в Россию к лету 1917 г. 1,2 млн. трехлинейных винтовок и 250 млн. патронов к ним [3, Оп.18, Д.3, Л.63-64]. Крупный заказ был принят на исполнение фирмой «Винчестер». С 1 июля 1915 г. по февраль 1917 г. «Винчестер» должен был поставить 300 тыс. винтовок, приспособленных под русский патрон [3, Оп.18, Д.3, Л.62]. Однако, самый крупный заказ был предоставлен фирме «Вестингауз», взявший на себя обязательства поставить в Россию с января 1916 г. по март 1917 г. 1,8 млн. трехлинейных винтовок [3, Оп.18, Д.3, Л.66]. В случае реализации всех вышеперечисленных контрактов, предусматривавших поставку в Россию 3,3 млн. винтовок, русская армия должна была окончательно решить кризис со стрелковым оружием и боеприпасами. Однако, большинство из этих контрактов так и не были реализованы. Американские промышленники взяли на себя обязательства, которые не были способны выполнить. Первоначально начались задержки с запуском производства американских винтовок, большинство из которых должны были использоваться под русские боеприпасы. Разница в стандартах вооружения и боеприпасов привела к тому, что необходимо было вносить изменения в производство. Это в свою очередь приводило к постоянным проволочкам с запуском оружейных заводов и взаимным русско-американским обвинениям. Фирма «Вестингауз» заявила, что русская сторона не дает ответа о качестве произведенных винтовок и необоснованно бракует произведенные американцами патроны [3, Оп.18, Д.3, Л.237-238]. Англичане, на средства которых были сделаны заказы на вооружения в США, первоначально заняли сторону американцев. Однако, выполнение английских заказов на ружья в фирме «Вестингауз» также задерживалось, несмотря на тот факт, что у обеих стран были одинаковые стандарты стрелкового оружия. В декабре 1916 г. к Русскому заготовительному комитету и фирме «Дж. П. Морган», являвшейся посредником английского правительства при заключении заказов в США, заводами «Ремингтон» и «Вестингауз» почти одновременно были предъявлены ультимативные требования. Согласно этим требованиям русское и британское правительства должны компенсировать убытки, «вызываемые исполнением заказов, так как только при таких условиях заводы соглашаются на продолжение работ» [3, Оп.18, Д.157, Л.139]. Русское и английское правительства вынуждены были начать переговоры с американскими фирмами о исполнении контрактов, так как других вариантов приобретения ружей попросту не существовало. Представитель русско-американского комитета Залюбовский смог договориться о выполнении контракта фирмой «Ремингтон». В итоге англичане, поняв, что американская фирма водит их за нос, решили передать заключенные с «Ремингтоном» контракты на производство ружей России. Однако, реализация этих контрактов должна была начаться не ранее апреля 1917 г. [3, Оп.19, Д.16, Л.133]. Фирма «Вестингауз» продолжала упорствовать, соглашение с ней было заключено английским правительством только в мае 1917 г., при этом русская сторона оказалась недовольна его условиями [3, Оп.18, Д.157, Л.140].

Помимо английского и американского рынка русское военное министерство изыскивало любые возможности для приобретения стрелкового оружия и боеприпасов к нему. География этих поисков была весьма широкой от Португалии и Испании в Европе до Японии в Азии, от Канады и США в Северной Америке до Бразилии и Аргентины в Южной Америке. Военное министерство рассматривало все поступающие заявления о продаже винтовок, какими бы абсурдными они не выглядели. На наш взгляд наибольшего внимания заслуживает история с «бразильскими ружьями». История с попыткой приобрести 500 тыс. винтовок «Маузера» в Бразилии началась в октябре 1915 г., когда российскому правительству поступило предложение от британского подданного Карла Остина Шумана о продаже ружей. Осмотр ружей производился в портах Сантьяго, Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро, затем они доставлялись сначала в Канаду, где производилась оплата, а потом в Россию [3, Оп.18, Д.3, Л.325]. Схема была крайне хитроумной, а немецкие имя и фамилия посредника оставляли много вопросов о источнике предложения. Осуществить сделку так и не удалось, посредники требовали перевести деньги как можно скорее, в то время как русское правительство проверяло состоятельность предложения. В самый разгар переговоров в бразильской прессе началась шумиха по поводу продажи винтовок «Маузера», было объявлено, что сделка нарушает нейтралитет Бразилии и может ухудшить отношения с Германией. Русское правительство было обвинено посредниками в медлительности, но каково было удивление, когда через некоторое время выяснилось, что Россия была не единственным претендентом на бразильские винтовки «Маузера». «Продавцы» вышли на несколько частных лиц с предложением продать полмиллиона винтовок и исчезли, получив от них аванс [3, Оп.19, Д.16, Л.64-67]. Но и на этом история с бразильскими ружьями не закончилась, новое предложение об их продаже поступило русскому правительству в июне 1916 г., но от него было решено отказаться «ввиду высокой цены за ружья и сомнительности успешного исхода сделки» [3, Оп.19, Д.16, Л.184]. После этого предложений от «предприимчивых граждан» в военное министерство не поступало.

Таким образом, проблема с нехваткой стрелкового оружия в русской армии так и не была окончательно решена. Внутренних ресурсов для обеспечения русской армии в России было недостаточно, а помощь от союз-

ников по Антанте оказалась не столь значительной, как ожидалось военным министерством. Военное министерство готово было рассмотреть любые, даже самые сомнительные предложения о поставках ружей из-за границы. Это были, преимущественно, посредники, слабо представлявшие, как они будут выполнять взятые на себя обязательства, а иногда и обычные проходимцы, стремившиеся получить аванс и исчезнуть. История с «бразильскими ружьями» яркое тому доказательство. Тем не менее, к ноябрю 1916 г. более половины винтовок и пулеметов были поставлены союзниками, а также 25% патронов [4, с.341]. В большей степени это заслуга английской и японской промышленности, исправно поставлявшей в Россию винтовки и боеприпасы к ним. Заказы винтовок в Англии велись с участием английского военного министерства, поэтому серьезных задержек в выполнении заказов практически не встречалось. Русские заказы «тормозились» английским правительством вплоть до 1916 г., когда английская сухопутная армия оказалась полностью укомплектована. В дальнейшем объем поставок военных материалов из Англии только увеличивался. Ситуация с американскими рынками оказалась иной. Частные предприятия проявили излишнюю «самоуверенность» разместив у себя огромные заказы на стрелковое оружие. Столкнувшись с проблемами, они стали оттягивать выполнение контрактов, а затем и вовсе попытались отказаться от них. Из американских фирм, разместивших у себя крупные заказы, серьезных трудностей не испытал только «Винчестер», правда, его контракт на винтовки был наименьшим из всех американских фирм. «Ремингтон» и «Вестингауз» загнали себя в тупик, разместив у себя заказ на 3 млн. винтовок русского образца. Выполнить его они так и не смогли, а после февральской революции американским заказам Россия, испытывавшая серьезные внутренние трудности, потеряла интерес. Несмотря на все усилия военного министерства, одна из главных проблем русской армии в первой мировой войне так и не была решена.

Причин неудачи в решении проблемы нехватки стрелкового вооружения в русской армии было предостаточно. Прежде всего, это использование разных калибров для ружей и патронов в русской армии и армиях союзников. Это приводило к тому, что доставленные в Россию иностранные ружья не передавались на фронт, а использовались при обучении резервистов и в тыловых частях. Только ружья, произведенные по русским спецификациям, незамедлительно доставлялись действующую армию. Другой серьезной проблемой была неразвитость транспортной сети в России. Даже доставленное в российские порты вооружение могло находиться там более полугодом. Союзники не спешили увеличивать объемы поставок в Россию, справедливо указывая на тот факт, что русские не используют уже доставленные им военные материалы. Не последнюю роль в проблемах русской армии сыграли бюрократические проволочки, как в российском правительстве, так и в межсоюзнической системе снабжения. Американские заказы требовали подтверждения в Петрограде и Лондоне, что приводило к замедлению заключения контрактов. Этот комплекс причин привел к снижению наступательной способности русской армии, что привело к общим неудачам Антанты в годы первой мировой войны.

The causes of small arms crisis during the First World War in the Russian army are analyzed in this paper. Attempts to solve snag developed from England and USA are described. Military Department's balance of the work for infantry armament procurement at American and English markets are casted.

Key words: *the First World War, Military Department, small arms crisis.*

Список литературы

1. Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале века. М., 2008.
2. Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Б., 1922.
3. Российский Государственный Военно-Исторический Архив. (РГВИА) Ф. 369.
4. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977.

Об авторе

Шевель А.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sanseich777@yandex.ru

УДК 355.48 (470.324)

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 40-Й АРМИИ В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖА В АВГУСТЕ 1942.

Е.А. Шендриков

В статье рассматриваются боевые действия 40-й армии в районе Воронежа в августе 1942 г. Изучается ход боевых действий, раскрываются причины временных неудач. Приводятся примеры героических подвигов советских воинов.

Ключевые слова: *боевые действия, Воронежский фронт, 40-я армия, генерал М.М. Попов, наступательная операция, стрелковая дивизия, танковый корпус.*

В июле 1942 г. 40-я армия (А) после начала операции «Блау» была вынуждена отойти с тяжелыми боями к Воронежу, где в ходе не менее ожесточенных боев оставила правобережную часть города. Противнику не удалось разгромить основные части армии, которые либо вырывались из окружения, либо заблаговременно отходили на новые рубежи обороны.

В это тяжелое для 40-й армии время произошла смена её командующего. Командующий 40-й А генерал-лейтенант М.А. Парсегов не смог исправить создавшееся положение в полосе его армии, поэтому 3 июля Ставка ВГК передала командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову директиву, в которой сообщалось, что «отстранение тов. Парсегова от должности командующего 40-й армией Ставка санкционирует, а также и назначение на эту должность тов. Попова. По прибытии тов. Попова, тов. Парсегова направить в распоряжение НКО»[1, с.284].

Начальник политотдела 40-й А полковник П.В. Севастьянов в воспоминаниях привел разговор с новым командармом 40 генерал-лейтенантом М.М. Поповым в начале июля 1942 г.: «В первый же день по приезде командующий вызвал меня к себе. <...>

- Да, нелегкое нам с вами предстоит дело. Но вот что я решил. Город уже не удержать, поздно. Надо строить оборону по реке Воронеж и на Дону. И стоять намертво, пока жив будет хоть один стрелок или пулеметчик. Верите, что удастся задержать немцев?

- Нужно.

- Это не ответ.

- Я пожал плечами.

- Если нужно, значит, задержим.

В эту минуту я говорил то, что думал. Вспомнил первый бой на границе, когда люди не хотели уходить даже после трехкратного приказа об отступлении.

- Ну что ж, это ответ, - сказал, помолчав, Попов»[2, с.103-104].

Слова Попова стали своего рода инструкцией к действию. В итоге, как отмечал немецкий исследователь П. Димт, 7 июля западная часть города (Воронежа. – *авт.*) в ходе тяжелейших уличных боев была захвачена. Однако, на севере и востоке города борьба шла с 13 июля и велась до полнейшего изгнания частей вермахта[24, p.140].

Начальник Генерального штаба РККА маршал А.М. Василевский позднее вспоминал: «Хотя наступление врага на Воронеж было в те дни приостановлено, обстановка для нас оставалась крайне напряженной»[3, с.203]. С этим сложно не согласиться, поскольку стратегическая инициатива временно перешла к противнику. Все же временные неудачи не обескуражили солдат и офицеров 40-й А. Воины армии закалились, лучше познали тактику борьбы с врагом, приобрели опыт ведения боя в сложных условиях обстановки и научились стойко переносить тяготы и лишения суровой военной жизни.

Этот опыт был применен в ходе проведения июльской наступательной операции по освобождению правобережной части Воронежа и Придонья. После 20 суток напряженных уличных боев войска 40-й армии вышли на юго-западную окраину Воронежа. Исследователь Д.С. Дьяков, высоко оценивая результаты июльских боев 40-й А, писал: «После нескольких дней панического отступления 40-я армия наконец-то получила приказ своего нового командарма и заняла полосу обороны в устье реки Воронеж. В последовавших затем позиционных боях Попов сумел измотать немцев и перейти в контрнаступление, захватив дорогу из Острогоска на Воронеж. Затем ударами из районов Придача, Песчанка, Таврово 40-я армия сумела выйти к поселкам 1 Мая и Труд»[4, с.143; 5].

Как бы то ни было, но главную задачу 40-я А выполнить так и не смогла. Ради справедливости следует отметить, что главную задачу не смогли выполнить и другие части Красной Армии, которые вели боевые действия в этом районе[6, с.235].

Несмотря на июльские неудачи М.М. Попов с удвоенной энергией принялся готовить новые наступательные операции. П.В. Севастьянов, характеризуя обстановку в тот период, писал следующее: «Выйдя на левый берег Дона и овладев Воронежем, немцы уже не смогли продвинуться дальше ни на шаг. Их летнее наступление 1942 года здесь, на Дону, где стояла и наша 40-я армия, захлебнулось.

Центр тяжести своего удара гитлеровцы перенесли к югу и бешено рвались вперед на сталинградском и северо-кавказском направлениях. Одновременно противник стремился во что бы то ни стало удержать за собой воронежский плацдарм - очень выгодный для прыжка на восток в случае успеха на юге.

В полосе 40-й армии наступило относительное спокойствие. Разумеется, противник время от времени прощупывал наш передний край боевой разведкой постоянно тревожил налетами авиации и артиллерии, но того крайнего напряжения, которое возникало теперь на Северном Кавказе и под Сталинградом, здесь не ощущалось.

Именно это и тревожило нас больше всего. Выжидание в таких условиях было больше на руку немцам, ведь им незачем начинать наступление под Воронежем, пока ясно не обозначится успех на юге. Но это не означало, что они не готовятся к такому наступлению. Нужно начинать первыми»[2, с.104].

Действительно, в связи с развернувшейся во второй половине июля 1942 г. грандиозной битвой под Сталинградом обе стороны с этого времени стали решать на воронежском направлении частные задачи: гитлеровское командование стремилось оборонительными действиями удержать захваченные позиции, а советское командование, наоборот, проведением активных наступательных операций лишить противника возможности перебрасывать свои силы и средства к большой излучине Дона и в то же время подготовить выгодный исходный рубеж для нанесения с него последующего решающего удара по вклинившейся гитлеровской группировке[7, с.24].

40-я армия под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова, членом Военного совета которой был дивизионный комиссар М.П. Маланин, а начальником политотдела – полковник П.В. Севастьянов на 25 июля насчитывала 16 999 чел.[8, Л.105 об]. Численность противника на 20 и 25 июля оценивалась в 15 200 солдат и

офицеров [8, Л.76 об, Л.105 об]. Соотношение сил приблизительно равное, а если учитывать, что ввиду отсутствия плененных и документов данные о противнике предположительные, то нельзя отрицать и возможное превосходство вражеской группировки.

П.В. Севостьянов позднее вспоминал: «Рубеж обороны немцев под Воронежем представлял сильно развитую систему узлов сопротивления, связанных между собой глубокими траншеями и ходами сообщения. Особенно мощные укрепления находились на восточной и южной окраинах города, где, кроме хорошо приспособленных к обороне зданий, имелось много дзотов и блиндажей. Так же сильно гитлеровцы укрепили близлежащие к городу деревни. Перед фронтом армии протяжением шестьдесят шесть с половиной километров действовали в то время три немецкие и одна венгерская пехотные дивизии и танковая группа численностью до 80 машин.

Войскам фронта предстояло окружить и уничтожить воронежскую группировку противника овладеть городом и выйти к реке Дон с захватом плацдарма на западном его берегу» [2, с.107].

Необходимо также подчеркнуть, что противник располагался на удобной для обороны и неудобной для наступления местности. Западный берег р. Дон господствовал над восточным, что давало возможность противнику хорошо просматривать территорию, занятую частями 40-й А, видеть их маневр и быстро предпринимать контрмеры. Пересеченная местность, ограничивавшая маневр танков, и численное превосходство противника в силах и средствах на некоторых участках обороны не позволяли развить наступление в высоких темпах. Кроме того, используя узкие улицы, реку, парки и сады, противник организовал прочную оборону. Под огневые точки он приспособил подвалы и погреба, фундаменты домов и все каменные постройки. Враг оказывал упорное сопротивление «сильным огнем, а также огнем из танков, как закопанных в землю, так и приспособленных для ведения огня в отдельных строениях» [8, Л.43].

Судя по действиям противника, он явно не собирался сдавать удобные для обороны позиции. Это подтверждают и многочисленные немецкие документы. Отвечая на вопрос командования группы армий «Юг» «рационально ли продолжительное время удерживать плацдарм вокруг города Воронеж» командующий группой армий «Вейхс» генерал-полковник М. фон Вейхс еще 10 июля 1942 г. отвечал: «За удержание плацдарма говорят следующие нижеприводимые причины:

1) Позиция между впадением р. Воронеж в р. Дон и северной окраиной города весьма благоприятна для обороны. Западный берег существенно превышает равнинообразный восточный берег. <...>

2) Сдача города, даже при его основательном разрушении, дала бы противнику отличный район для сосредоточения его войск для будущего наступления. <...>

3) Плацдарм Воронеж является весьма ценным плацдармом для нашего будущего наступления в восточном направлении. Уже само по себе его наличие свяжет здесь крупные силы русских. Кроме того, удержание города является также для нас в определенной мере, а еще больше для русских вопросом престижа.

Следующие причины точно также могут послужить в пользу оставления нами города Воронеж и за организацию немецкой обороны на западном берегу р. Дон:

1) Воронеж по всем данным останется одним из узловых пунктов боевых действий, в связи с чем его оборона потребует значительных сил. В целом же оборонительная позиция позади р. Дон несомненно даст для нас возможность сэкономить силы.

2) Поскольку фронт от Воронежа выступает очень сильно на восток, постольку он является исключительно уязвимым пунктом на северном фланге всего плацдарма. <...>

3) Переправы через реку Дон (строительство двух вспомогательных мостов и переоборудование разрушенного железнодорожного моста в дорожный мост) окажутся весьма уязвимым пунктом со стороны вражеской авиации во всей системе немецкой обороны плацдарма.

В итоге сопоставления всех преимуществ и недостатков воронежского плацдарма я делаю вывод, что плацдарм Воронеж следует удерживать. Во всяком случае, не следует уменьшать силы находящихся здесь войсковых соединений. Помимо того, на западном берегу р. Дон против города Воронежа необходимо создать новую оборонительную позицию» [9, ЛЛ.163-165].

Невольно замыслы немцев подтверждает и Л. Бронтман: «Немцы заняли почти $\frac{3}{4}$ города. Вывезти мы почти ничего не успели. Зарылись, гады, в землю по уши, вышибить их невероятно трудно. На третий день занятия рубежей немцы уже начали укреплять их стальными конструкциями, бетоном» [10, с.47].

Тем временем, войска 40-й А продолжали готовиться к новым наступательным операциям. Они готовились и проводились совместно с соседними 60-й и 6-й армиями, а также при содействии 2-й воздушной армии (ВА). Командующий 2-й ВА генерал С.А. Красовский, вспоминая о первой встрече с М.М. Поповым, отмечал: «На следующий день я прибыл на КП с очередным докладом и узнал, что командующим Воронежским фронтом назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ватугин. Он приказал мне подготовить справку о состоянии воздушной армии. Затем потребовал установить деловую связь с командующими 60-й армией И.Д. Черняховским и 40-й - М.М. Поповым. Оба командарма - энергичные, деловитые - выглядели молодо. Черняховский казался строгим, немногословным. Попов, наоборот, держался непринужденно, шутил. Впоследствии мне представилась возможность убедиться в их замечательных полководческих способностях» [11, с.150].

Кстати, наиболее полно охарактеризовал М.М. Попова Главный маршал авиации А.Е. Голованов, выделив в воспоминаниях ему небольшую главу и назвав ее «О Маркиане Михайловиче Попове». Голованов писал: «По рассказам товарищей, Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок,

имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он еще до войны командовал военным округом... У каждого свой стиль работы, но в глазах подчиненных безусловно непоколебимый авторитет и доверие имеют тот командующий или командир, которые не теряют присутствия духа и уравновешенности даже в наисложнейших обстоятельствах. За таким командиром солдат пойдет, как говорится, в огонь и в воду. В этих вопросах авторитет Маркиана Михайловича Попова в войсках был на высоте»[12, с.341-342]. Эти качества генерал-лейтенант М.М. Попов проявил и в боях в районе Воронежа.

Войска Воронежского фронта, включая и 40-ю армию, с 1 по 4 августа, занимая прежние позиции, укрепляли их и на отдельных участках отражали атаки противника, производили частичную перегруппировку сил и вели боевую разведку[13, с.276,281,288,295]. На это обратил внимание начальник генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, отметив 2 августа, что «на участках у Воронежа и Землянска наблюдаются передвижения противника и занятие его войсками исходных позиций»[14, 351]. Поэтому начавшееся наступление для противника не было неожиданностью, что в какой-то мере повлияло на успех операции.

7 августа 1942 г. командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Н.Ф. Ватугин в приказе командующему 40-й А подчеркивал: «1. В результате истекших боев Воронежской группировке противника нанесены потери. Однако противник принимает меры по усилению своих войск в районе г. Воронеж и стремится удержать занимаемый им плацдарм.

2. Воронежский фронт силами 60-й и 40-й АА и ВВС фронта продолжает наступление с целью окружить и уничтожить Воронежскую группировку противника, овладеть Воронежем и к исходу 15.8.42 г. выйти на р. Дон, захватить переправы. В дальнейшем захватить плацдарм на западном берегу р. Дон и к 20.8. выйти на фронт Студеное, Латная, Богдановка, Ивановка, р. Россошка, р. Девица, где прочно закрепиться». В связи с этим Ватугин приказал Попову «силами 141-й сд при поддержке артиллерии и дивизионов РС армии, а также ВВС фронта в ночь на 8.8 и с 8 на 9.8 форсировать р. Дон в районе Гремячье, Рудкино, овладеть этим районом, во взаимодействии с 6-й А уничтожить венгерские войска к югу от Гремячье и к исходу 11.8 выйти на фронт Ивановка, р. Россошка. <...> В дальнейшем, прочно прикрывшись со стороны г. Воронеж и, не допуская отхода противника из города, - главными силами во взаимодействии с 60-й А наступать с востока в направлении выс. 173.3 для быстрейшего выхода на р. Дон и очистки восточного берега р. Дон от противника. Готовность к наступлению главных сил к 9.8.42 г. Начало наступления – особым распоряжением»[15].

Главным участком, где предстояло вести боевые действия ударной группировке 40-й А, являлась Чижовка. Начальник политотдела 40-й А полковник П.В. Севастьянов в воспоминаниях отмечал: «Готовясь к этой операции, командующий 40-й армией решил своим левым флангом захватить плацдарм на правом берегу Дона, выйти на дорогу Воронеж - Острогжск, а центром прорвать укрепленную полосу обороны противника и овладеть южной окраиной Воронежа - Чижовкой»[2, с.107].

К этому времени поселок и высоты были превращены гитлеровцами в мощный опорный пункт. От центра Воронежа через Чижовку и военный городок к Шиловскому лесу тянулась главная полоса обороны противника с множеством узлов сопротивления. Высоты опоясали несколько рядов траншей полного профиля с развитой системой ходов сообщения, блиндажами и дзотами, проволочными и минными заграждениями. Под огневые точки фашисты приспособили подвалы и погреба, фундаменты домов и все каменные постройки. Здания училища связи, средней школы, Рождественской церкви, кирпичного завода, казармы, водонапорной башни, как наиболее прочные, были превращены в подлинные крепости и являлись узловыми центрами обороны на соответствующих направлениях[16, с.95].

Вот как охарактеризовал Чижовский плацдарм в воспоминаниях замполит 1-ой роты мотострелкового батальона 14-й танковой бригады (тбр) Г. Готлиб: «Сложность захвата плацдарма на Чижовке на нашем участке заключалась в том, что он с трех сторон простреливался из всех видов оружия по изгибу правого берега. Надо было скрытно пройти левобережную часть пространства и, форсировав реку, пройти по правобережью значительное расстояние по открытому луку. Затем под огнем противника преодолеть крутой подъем вверх, чтобы выйти к окраинным улицам»[17].

Перед 40-й армией находилась группа немецких войск, возглавляемая генералом Блюмом. Передовые позиции занимали полки 57-й и 323-й пехотных дивизий. За их спиной находились части 22-й танковой дивизии и 140-го минометного полка. В ближайший резерв группировки входили 75, 202, 383-я и 387-я пехотные дивизии, 221-й и 323-й саперные батальоны, 152-й строительный батальон. Если учесть, что все силы располагались на удобной для обороны и не удобной для наступления местности, станет ясным, какая сложная задача стояла перед войсками генерала М.М. Попова[16, с.95].

Первая трудность заключалась в том, чтобы незаметно для противника сосредоточить части у реки Воронежа и перебросить на правый берег танки, орудия, машины, повозки. Переправлять их на плотках и лодках - дело затяжное. Строить мост - бессмысленно, ибо он сразу же будет разбит вражеской артиллерией и авиацией.

Выход из положения подсказали инженеры. Они предложили соорудить подводную переправу, что обеспечит ее надежную маскировку, гарантирует быструю переброску через реку машин любой грузоподъемности и в большом количестве. Переправу можно сделать из подручных материалов в короткий срок, а восстановление повреждений не потребует много времени и сил.

Переправу строили не только саперы, но и все, кого можно было использовать на этой работе. В ночное

время бойцы носили на себе обломки железобетонных конструкций, кирпич, булыжник, которыми изобиловала территория ВОГРЭСа. Все укладывали на дно реки немного южнее электростанции. Специалисты называли это усилением дна, т.е. укреплением его устойчивости при соприкосновении с колесами и гусеницами.

Когда работа была закончена, армия получила надежную связь между берегами. Над полосой бетонно-кирпично-каменного дна полуметровый слой воды. С воздуха такую переправу не, заметишь, с немецких позиций - тем более.

В ночь на 12 августа на правый берег прошли танки, пушки, грузовики и повозки. Скопление значительных сил на плацдарме оказалось для противника неожиданным. Простейшее сооружение на реке сыграло большую роль в успешном решении важнейшей боевой задачи [16, с.95].

В то время как войска 40-й А скрытно занимали исходное положение для атаки в Воронеже, 8 августа на левом фланге армии началась наступательная операция. К 10 августа 141-я сд овладела северной окраиной Александровки и церковью в Костенке. О последующих событиях хорошо написал в воспоминаниях П.В. Севастьянов: «Однако на другой день, подтянув свежие резервы, гитлеровцы перешли в наступление. Они вновь захватили и окраину Александровки, и церковь в Костенке. Дивизия отошла за Дон, удержался на правом берегу лишь один, к тому же сильно потрепанный полк, окопавшийся на крохотном плацдарме. Участь этого полка в случае нашей заминки нетрудно было себе представить. И потому на следующее утро ударная группировка армии перешла в наступление для захвата Чижовки. Сразу в нескольких местах войска форсировали реку Воронеж, ворвались в город и завязали уличные бои» [2, с.108].

Утром 12 августа ничего не ожидающий противник обнаружил у себя под носом наступающую советскую технику. Немцы понесли потери, и, кроме того, управление их войсками оказалось дезорганизованным.

Участник боевых действий Г. Готлиб позднее вспоминал: «Бой вспыхнул на рассвете. Он был ожесточенным. Мы то и дело вступали в рукопашные схватки. Вырвавшиеся вперед танки громили на своем пути вражескую силу и технику. Несмотря на упорное сопротивление противника, батальоны нашего батальона овладели восточной окраиной Чижовки. В течение первых двух дней воины нашей бригады шаг за шагом продвигались вперед. Наше положение еще осложнялось тем, что боеприпасы и питание бойцам, эвакуацию раненых можно было производить только в короткие часы августовской ночи. Но, несмотря на эти трудности, мы ни в чем не испытывали недостатка» [17].

12 августа началось наступление ударной группировки 40-й армии на Чижовку. Части 6-й сд использовали имеющиеся плацдармы на правом берегу реки. Успешно действовали батальоны 125-го сп капитана И. Бялова и В. Горяинова. Когда их наступление застопорилось, были введены в бой подразделения 333-го сп подполковника Г.Я. Розановского. При поддержке батальонов 125-го сп они успешно продвигались вперед и вышли на перекресток улицы Софьи Перовской и Карла Маркса, пересекли улицу Веры Фигнер и 20-летия Октября, дошли до Розариума. Противник подтянул резервы и контратаковал наши части. Продвижение правогофланговых подразделений замедлилось. Они перешли к обороне. В ходе шестидневных упорных боев личный состав показал образцы мужества и отваги.

Пулеметчики лейтенанта П. Куркина уничтожили фашистских автоматчиков, засевших в церкви, и обеспечили продвижение стрелков. Связисты воронежца младшего лейтенанта С. Ворогушина в короткой схватке уничтожили 17 гитлеровцев и 4-х захватили в плен. Комиссар батальона старший политрук А. Орджоникидзе в районе Розариума первым рванул вперед и увлек за собой бойцов [18, с.54-55].

Бои на участке 14-й тбр осветил в воспоминаниях Г. Готлиб: «В последующие дни противник сильными контратаками в предрассветные часы пытался сбросить нас на левый берег, но безрезультатно. Все атаки гитлеровцев силами до пехотного батальона были отбиты с большими для него потерями. 18-го августа после ожесточенной артиллерийской подготовки снова предприняли атаку против нас. И снова наши бойцы показали исключительную стойкость и мужество, искусно держали оборону, а когда на помощь к нам подключились танкисты, мы перешли в контратаку и отбросили противника за школу. На поле боя враг оставил свыше 100 солдат и офицеров. В этих боях наш батальон потерял около 60 бойцов. И среди них ст. лейтенант Завадский, ст. политрук Лобецкий В.Ф., воодушевлявший бойцов своим мужеством, наш звонкий запевала в роте Василий Бугров.

Самым напряженным и тяжелым для нас был день 20 августа. В этот день фашисты пять раз поднимались в атаку, но отбрасывались с большими потерями. Шестая атака, самая отчаянная, началась к концу дня. Ей предшествовала интенсивная артиллерийско-минометная подготовка, в которой участвовали вражеские шестиствольные минометы. Мощными залпами с левого берега им отвечали наши "катюши". <...>

Несмотря на крайне тяжелые условия, в которых пришлось действовать нашей бригаде и другим соседним подразделениям 40-й армии на Чижовском плацдарме, наши бойцы проявили исключительное мужество и бесстрашие. Отбив от гитлеровцев на правом берегу окраину Чижовки они отстояли этот рубеж до дня полного освобождения Воронежа» [17].

В середине августа командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин приказал Попову: «1. Прочно удерживая захваченные плацдармы и вост. берег р. Дон, быстро и скрытно собрать и подготовить для наступления ударную группу в составе: 6, 100, 159 сд, по одному сп от 206 и 141 сд, 111 сбр, 25 тк, 14 и 170 тбр, частей двух истребительных бригад, артиллерии и дивизионов РС армии, а также прибывающих на усиление: четырех дивизионов РС М-30, 87 гмп и двух дивизионов 36 гмп, 875 гап РГК. Сосредоточение и развертывание указанных частей производить по Вашему указанию только ночью с мерами маски-

ровки. 2) Задача армии: нанося удар с фронта Монастырщенка, сараи, что южн. выс. 114,3 в общем направлении на выс. 171,0 навстречу удару 60-й армии, уничтожить противостоящего противника, к исходу первого дня операции овладеть южной частью г. Воронеж выс. 171,0 и 173,3 и выйти на фронт – церковь, что 3 км сев.-зап. южного моста через р. Воронеж, жел. дорога, 1 км юго-зап. Воронеж 2-я, р. Песчаный Лог, клх. 1-ое Мая, выс. 173,3, выс. 166,2, выбросив передовые части на Петино и Малышево.

На указанном рубеже прочно укрепиться и быть готовым отражать любую контратаку противника с юго-запада, с фронта Петино, Малышево и с севера <...> г. Воронеж. Подготовить огонь всей артиллерии по зап. части г. Воронеж и огонь тяжелой артиллерии по сев. и сев.-зап. части города, по роще «Фигурная», Подклетное, поселок Рабочий, Труд для оказания помощи 60-й А. В дальнейшем уничтожить противника в центре города и на вост. берегу р. Дон и выйти к жел. дороге, а также к р. Дон, захватив переправы. На остальном фронте прочно удерживать занимаемое положение и частными атаками сковать противника»[15, ЛЛ.176-177].

Армия продолжила выполнение поставленной задачи. Ее успешному продвижению вперед активно мешала вражеская авиация. Командующий 2-й ВА генерал Красовский С.А. позднее вспоминал: «Однажды я был в штаб 40-й армии. Командарм М.М. Попов сидел, склонившись над большой картой, и сердито ворчал.

– Что случилось, Маркиан Михайлович?

Он бросил на карту карандаш и проговорил:

– Николай Федорович (командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Н.Ф. Вагутин. – авт.) приказал провести наступление. А как я буду наступать, если на фронте нашей армии солдат от солдата стоит на расстоянии ста метров?

Попов, конечно, шутил, однако по всему было видно, что он серьезно продумывает вариант нового контрудара.

– Степан Акимович, окажите мне помощь вот на этом участке, – Попов снова склонился над картой. – Для начала нанесите удар по каменному трехэтажному зданию в Чижовке. Там у противника наблюдательный пункт и штаб. ... Кто поведет группу?

– Обязательно Мачин! У него эта Чижовка в печенке сидит...

Для выполнения задачи выделили несколько эскадрилий бомбардировщиков Пе-2 и штурмовиков. Лидерами шли истребители Мачина. Они же обеспечили и надежное прикрытие. Самолеты появились над Чижовкой в сумерках и нанесли исключительно точный удар. Немецкий КП прекратил существование. Однако фашисты, видимо, все же успели передать команду на аэродромы. Прошло четырнадцать минут, и в воздухе появилось полтора десятка «мессершмиттов». Но было уже поздно: наступившие сумерки вынудили противника повернуть обратно...»[11, с.151-153].

Начальник политотдела 40-й А полковник П.В. Севастьянов позднее вспоминал: «На одиннадцатый день боев напряжение достигло предела. В воздухе непрестанно летали свои и чужие самолеты, один воздушный бой не успевал кончиться, как начинался другой. Но «юнкерсов» и «мессеров» было все-таки больше, и мы видели, каких невероятных усилий стоило нашим истребителям теснить их, не давая бомбить и расстреливать пехоту. Наступать дальше наши войска уже не могли.

Но и без того Чижовка, израненная, искалеченная и пылающая, была в наших руках. Оставалось закрепиться на плацдарме и быть готовыми участвовать во фронтовой операции, в которой отводилась главная роль 60-й армии»[2, с.109].

Тем не менее, судя по благодарностям Попова в адрес частей 2-й ВА, он был доволен работой летчиков. В частности, в телеграмме полковнику А.П. Осадчому Попов отмечал: «Приношу искреннюю благодарность летчикам вашей дивизии, отлично штурмовавшим 13, 14 и 15 августа 1942 года передний край обороны противника в районе Чижовки и высоты 162,9»[19, с.169].

В боях за Воронеж в этот период кроме летчиков совершили подвиги сотни солдат и офицеров 40-й армии, о чем свидетельствуют многочисленные наградные документы. В частности, в августовских боях отличился командир отделения роты автоматчиков 454-го стрелкового полка (сп) 100-й стрелковой дивизии (сд) А.В. Аристархов, который с 12 по 18 августа 1942 г. «уничтожил 13 немцев и за дни обороны активно отражал контратаки противника. Огнем из своего автомата он уничтожил до 20 немцев и вывел из строя станковый пулемет противника. Неоднократно гранаты немцев, забрасываемые в наши окопы, рискуя жизнью он перебрасывал в обратную сторону и разил ими самих немцев. Т. Аристархов со своим отделением дрался крепко и мужественно, и не пропустил врага»[20, Д.134. Л.256]. За проявленный героизм младший сержант был награжден орденом Красного Знамени.

Командир 1031-го артиллерийского полка майор В.В. Абрамов в боях на Чижовке 11-16 августа «прокладывая путь пехоте уничтожил две роты пехоты противника, 10 пулеметных точек, 2 минбатарей» [20, Д.134. Л.264]. Майор В.В. Абрамов в октябре 1942 г. был представлен к ордену Красной Звезды.

15 августа 1942 г. совершил подвиг уроженец селения Дур-Дур Северо-Осетинской АССР комсомолец осетин командир взвода 454-го сп лейтенант Л.А. Дзотов. В районе рабочих поселков он с 2 взводами автоматчиков форсировал реку и подавил огневые точки врага, препятствовавшие переправе части. Смертельно раненый в бою, на клочке бумаги написал записку и вместе с комсомольским билетом передал товарищам. Вот её содержание. «15 августа 1942 г. Моему народу. В своей службе советскому народу дерусь до последней капли крови за честь, за свободу, за независимость советской земли. Я верен своей воинской клятве, которую принял перед лицом великого народа. Считаю себя до последней минуты своей жизни верным сыном наро-

да... Лейтенант Дзотов» [19, с.167; 21, с.135].

17 августа 1942 г. совершил подобный подвиг комиссар 1-го стрелкового батальона 460-го сп 100-й сд политрук Я.А. Виноградов. Во главе батальона он первым ворвался на Чижовку и занял ее окраину. В наградном листе Виноградова говорилось: «Сам поднимал людей в атаку, сам вел бойцов за собой. В исключительно трудных условиях держал оборону, не уступив ни пяди земли. Во время нового наступления поднял группу бойцов и повел их занимать дом. Вражеская пуля сразила героя, но дом был взят. Его имя с любовью повторяет каждый боец. Оно увековечено в песне «Чижовка» [20, Д.141. Л.375]. Действительно, в частях 40-й армии бойцы распевали песню «Чижовка», написанную армейским поэтом Я. Шведовым на мотив знаменитой «Кавховки». В этой песне были слова: «Гремела грозою в ночи канонада, Был в черном дыму небосклон. Сквозь дым вел родной комиссар Виноградов Без страха на штурм батальон» [22, с.17]. Яков Антонович посмертно был награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени [20, Д.141. Л.375].

18 августа политрук саперной роты 374-го отдельного саперного батальона 206-й сд А.К. Добряков на глазах очевидцев сбил вражеский самолет [20, Д.141. Л.377]. Об этом случае младший лейтенант И. Монашев в газете «За доблесть» (№66 от 20 августа 1942 г.) написал заметку «Из винтовки подбит вражеский самолет»: «Вражеский стервятник возвращался через линию фронта. На крыльях был хорошо виден фашистский крест. Ни минуты не медля политрук т. Добряков схватил винтовку, зарядил ее бронебойными патронами и трижды выстрелил. Бойцы с радостью наблюдали как фашистский самолет вспыхнул и, объятый пламенем, пошел вниз.

После этого случая в подразделении изменился взгляд на силу нашей русской трехлинейной винтовки. В руках хорошего стрелка винтовка может быть грозным оружием в борьбе с вражеской авиацией. Мы будем еще сильнее применять пехотное оружие, особенно групповой огонь против фашистских самолетов» [20, Д.141. Л.377].

Сокрушительные удары по врагу наносили экипажи 14-й тбр. Механик-водитель старшина Н. Балаклеев с ходу прогужил позицию минометной батареи, затем раздавил пушку и первым вырвался к школе. Корпусом своей машины он прикрыл амбразуру немецкого дзота и помог нашим стрелкам без потерь сблизиться с противником.

В схватке с немецкими артиллеристами вышел победителем экипаж младшего лейтенанта А. Суетина. Он заставил замолчать фашистскую батарею и помог другим танкам продвинуться вперед [16, с.97].

Экипаж младшего лейтенанта С.И. Докалина разбил противотанковое орудие, затем три машины с боеприпасами. Другие танки уничтожали пулеметные точки, пехоту, склады. Гитлеровцы метались между казармами, не имея возможности задержать советские танки [19, с.164].

Кроме стрелков и танкистов, проявляли мужество и связисты. Так, командир телефонно-кабельной роты 676-го отдельного батальона связи 100-й сд лейтенант В.Г. Перцев в период боев 11 – 18 августа 1942 г. «сумел хорошо организовать вверенный ему личный состав роты по исправлению повреждений линий связи под огнем противника. На протяжении всего боя он обеспечивал надежной и устойчивой связью. Он сам исправил 12 повреждений под сильным огнем противника в районе переправы» [20, Д.134. Л.269]. Он также был представлен к ордену Красной Звезды.

В результате ожесточенных боев наши части значительно продвинулись вдоль улицы 20-летия Октября и вышли на рубеж: улицы Карла Маркса и Льва Толстого, строительный институт, розариум, училище связи, военный городок, северная опушка Шиловского леса. Так образовался довольно обширный плацдарм в правобережной части Воронежа и в непосредственной близости от его центра. Враг не только лишился многих тактических преимуществ, но и оказался в весьма трудном положении. Его оборонительная полоса была прорвана почти на всю глубину, нарушилась локтевая связь между частями, открытые фланги попали под удары наступающих советских войск [16, с.98-99].

Несмотря на эти результаты, наступательная операция 40-й А осталась незавершенной, поэтому в конце августа Попов издал приказ, в котором говорилось следующее: «1. Задача армии прежняя.

2. Впредь до особого распоряжения в боевой деятельности руководствоваться следующим:

а) Прочно удерживать занятые плацдармы на западном берегу рр. Воронеж и Дон.

б) Вести самую тщательную разведку по выявлению огневых средств противника и группировке живой силы;

в) Частными боями улучшать свое исходное положение, разрушая и захватывая отдельные важные очаги обороны противника.

г) Вести усиленную боевую подготовку по ранее данным и <...>ным Вам темам и личным указаниям.

д) Пополнить боевые части за счет внутренних ресурсов, пере<...>ать для этих целей все тыловые части и подразделения.

3. Еще раз требую не позволять усиливать противнику свою оборону и всеми мерами истреблять все появляющиеся на поле боя огнем минометов и снайперами.

4. Планы частных боев представить к исходу 1.9.42, после чего будет утвержден лимит боеприпасов и даны средства усиления.

5. Результаты боевой деятельности войск за каждый день доносить в вечерних оперсводках» [15, Л.164].

Исходя из этого приказа 40-я А приступила к подготовке новой сентябрьской наступательной операции, которая по замыслам Попова и командования Воронежским фронтом должна была стать более успешной, чем предыдущие операции, проводившиеся в июле и августе 1942 г.

The article is devoted to the combat movement of the 40-th army in Voronezh area in August, 1942. Special attention is paid to the course of action and the reasons of temporary failures. The article also provides some examples of heroic deeds of the Soviet soldiers. **Key words:** *combat movement, Voronezh battle front, the 40-th army, General M.M. Popov, offensive operation, shooting division, army corps.*

Список литературы

1. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т.16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.
2. Севастьянов П.В. Неман – Волга – Дунай. М.: Воениздат, 1961. 267 с.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 591 с.
4. Дьяков Д. Командармы Воронежского фронта. Подъем. 2009. №11.
5. Дьяков Д. Белая ворона Красной Армии // <http://slav-dusha.narod.ru/n4-popov.htm>.
6. Дайнес В.О. Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 576 с.
7. Кузьмин А.В., Краснов И.И. Кантемировцы. Военно-исторический очерк о боевом пути 4-го гвардейского танкового корпуса. М.: Воениздат, 1971. 320 с.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее - ЦАМО РФ). Ф.203. Оп.2843. Д.14.
9. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12462. Д.246.
10. Бронтман Л. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942 – 1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 463 с.
11. Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. 172 с.
12. Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941 – 1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 591 с.
13. Сталинградская битва. Книга 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 911 с.
14. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Смоленск: Русич, 2004. 400 с.
15. ЦАМО РФ. Ф.395. Оп.9136. Д.44.
16. Гринько А.И. Линия Ратной Славы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд., 1988. 175 с.
17. Готлиб Г. На Чижовском плацдарме. Личный архив автора.
18. Однополчане. Сборник воспоминаний ветеранов, очерков, рассказов о воинах 6-й стрелковой Орловско-Хинганской Краснознаменной орденов Красного Знамени и Суворова II степени дивизии. Книга 1. Л.: Тип. газ. «На страже Родины», 1991. 156 с.
19. Гринько А.И. В боях за Воронеж. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд., 1985. 223 с.
20. ЦАМО РФ. Ф.33. Оп.682525.
21. Во имя победы. Сборник документов и материалов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд., 1975. 288 с.
22. Их именами названы улицы Воронежа // Политическая работа. 1985. №8-9.
23. Dimt P. Flammender Kaukasus. Tagebuch eines artilleristen vom Sommerfeldzug 1942. Berg am See, 1984.

Об авторе

Шендриков Е.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры «Истории, философии и русского языка», Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I, generals78@mail.ru

УДК 947.02

ТРИ ПЕРВЫХ УПОМИНАНИЯ РУСОВ (РОСОВ) КОНЦА 30 – НАЧАЛА 40-Х ГГ. IX В. В МЕЖДУНАРОДНОМ АСПЕКТЕ

Е.А. Шинаков

Статья посвящена первым упоминанием русов (росов) в 838 – 844 гг. в трех (византийских, западноевропейских и восточных) источниках, контаминированных с более поздним (852 г.) названием «русь» в древнерусской летописи. Русы присутствовали в Византии (Константинополь и Амастрида), Каролингской империи, мусульманской Испании. В русских летописях первый город, где была «русь» Рюрика – Ладога. Родина русов, судя по сочетанию данных этих источников – где-то в Северной Европе, от Фрисландии на западе до Ладоги на востоке.

Ключевые слова: *русы, источники, Византия, посольство, нападение, корабли.*

Первые достоверные упоминания «русов» (в арабской транскрипции), «росов» (в греческой) относятся к концу 30-х – началу 40-х гг. IX в. Это – «Бертинские анналы» франкской империи Каролингов (автор - Пруденций), с включенными в них выдержками из письма византийского василевса Феофила (838-839 гг.), «Книга стран» арабского ученого Ал-Йа'куби, в которой русы упоминаются под 843/844 гг., «Житие Георгия Амастридского» дьякона Игнатия, где описан набег росов на византийский город Амастриду. Точная дата последнего события дискуссионна, по нашему мнению – конец 842 – начало 843 гг. (обоснование этой даты изложим ниже).

Существуют, конечно, и косвенные свидетельства и о более раннем присутствии новгородцев (князя Бравлина) в Крыму в конце VIII – начале IX вв. и какого-то мифического народа, название которого схоже с этнонимом «рос» среди народов Кавказа. Это – «Житие Стефана Сурожского» и произведение анонимного сирийского автора («Псевдозахарии») середины VI в.

Однако «Житие Стефана Сурожского», при всей его привлекательности в плане удревнения более чем на полстолетия начала функционирования пути «из варяг в греки» и наличия самостоятельной, славянской, княжеской власти в Новгороде Великом, имеет, к сожалению, не историко-фактологическое, а морально-назидательное значение. Что касается сообщения анонимной сирийской хроники VI в. «Псевдозахария», то оно носит явно легендарный характер. В самом деле, стоит вчитаться в контекст описания народа «еросов». «Дальше от них обитают карлики и собакоподобные люди. На северо-запад от них живут амазонки – женщины с одной грудью... Рядом с ними живущий народ еросы, мужчины которых имеют большие и длинные конечности. У них нет оружия, и кони не могут носить их из-за (такой) величины их конечностей. Дальше на северо-восток есть еще три черных народа (племени)...» [23, с.165-166; 22].

Поэтому достоверными источниками, повествующими о реальных событиях, связанных с первыми упоминаниями русов-росов можно считать Бертинские анналы, написанные на латыни во франкской империи Каролингов, упомянутое в них письмо византийского василевса Феофила, книгу на арабском языке Ал-Йа'куби и (в меньшей степени, по разным причинам) написанное на греческом языке «Житие Георгия Амастридского».

Рассмотрим эти сообщения последовательно. В Бертинских анналах аббата Пруденция явно выделяется два слоя сведений. Одни почерпнуты из сопроводительного письма василевса Феофила византийскому посольству ко двору императора франков Людовика Благочестивого в Ингельгейме и являются, собственно, кратким пересказом этого письма. Второй слой сведений базируется на личных наблюдениях Пруденция, связанных с пребыванием росов в Ингельгейме. Кроме того, сюда можно добавить не упомянутые в Бертинских анналах, но реконструируемые по иным источникам события, последующие за пребыванием византийского посольства при франкском дворе.

«С ними [послами василевса – Е.Ш.] он прислал еще неких [людей], что они, то есть народ (gens) их, называются рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаканом (chakanus) направил их к нему [Феофилу – Е.Ш.], как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подвергались при случае какой-либо опасности» [11, с. 20].

Судя по тональности и контексту письма Феофила, в передаче Пруденция, росы появляются в Константинополе впервые (но при этом греки как-то понимают их речь), здесь полностью верят в их дружественные намерения и в то, что они народ миролюбивый (боятся варваров). Кроме того, не исключено, что они прибыли по суше, так как в противном случае им не к чему было бояться «варваров». И прибыли они не из Европы, во всяком случае, не через занимавшую весь ее запад и центр империю Каролингов. Что касается «наименования» (не ясно, титула или имени) «хакан», то он имеет столь обширную историографию, что привести даже выборочный обзор ее в столь небольшой статье не представляется возможным⁸ не ставя целью работы новое исследование этой темы, позволим себе присоединиться к точке зрения Гарипзанова [31, р. 11], о том, что речь идет не о титуле, а о собственном имени «рекса» росов – Хакон. Двойной перевод – с того языка, на котором говорили посланцы «хакана» росов с Феофилом или его чиновниками, на греческий, а затем и на латынь вполне мог привести к замене одной гласной. Тем более, что скандинавское имя «Хакон» вряд ли было знакомо византийцам (но не франкам!) в начале IX в., а вот хазарский, а до этого аварский титул «хакан», был известен хорошо.

Второй аспект, на который обращали внимание исследователи – кто те «варвары», из-за которых росы не хотели возвращаться тем путем, которым они прибыли в Константинополь, и взаимоотношения этих «варваров» с Хазарским каганатом. Обычно называют венгров, и дату их прихода на Днепр, по которому проходил путь росов, относят чаще всего к 838 г. Однако, во-первых, время прихода венгров на их третью родину – Ателькузу на Днепре - не определяется однозначно, в частности, 838-839 годы называются именно в связи с сообщением Бертинских анналов, а не по иной причине. Во-вторых, если росы путешествовали, что наиболее вероятно, исходя из их характеристик у восточных авторов, на кораблях*(хотя не исключен и сухопутный вариант), то разрозненные орды кочевников на берегах полноводного Днепра (кроме порогов) вряд ли могли существенно угрожать этим кораблям. Вывод: причина возврата росов через франкскую империю – иная, чем страх перед кочевниками. Было ли это желание самих росов или василевса ромеев – вопрос другой, из цитированного в Бертинских анналах письма Феофила это не ясно.

Если инициатива исходила от росов, то им по какой-то причине явно хотелось посетить по дороге дом империю Каролингов. По какой – ответ отчасти дает вторая часть информации Пруденция, «добычей» которой он был свидетелем.

«Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа сеев (Sueeones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя

⁸ Из последних работ, где приводится историография этого вопроса с разных позиций см.: 20, с. 101-102; 21, с. 126-127; 19, с. 19-20.

задержать их до тех пор, пока не удастся дополнительно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он через упомянутых послов, а также через собственное послание не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими посланцами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить» [11, с. 20-21].

И, хотя на фризское побережье империи Королингов нападали не свеи, а датчане, но как раз в 837 г. в Дании нашел убежище изгнанный своими подданными конунг свеев Анунд, который со своей дружиной мог участвовать в том же году в датском набеге на Фризию [30, с.46-47]. Именно это могло вызвать подозрения Людовика по отношению к свеям, которыми в этническом плане оказались посланцы «Хакана Росов».

В пользу такого предположения Людовика Благочестивого или его советников косвенно свидетельствуют два факта. Первое – нападение росов на византийское побережье Малой Азии, состоявшееся в конце правления Феофила или сразу после его смерти (конец 842 – начало 843 гг.). Второе – то, что враждебные в 838 г. византийцам болгары свободно пропустили потенциальных «друзей» империи в Константинополь вдоль своего побережья, начинавшегося от устья Дуная а то и Днепра [об этом подробнее: 29], т.к. по мнению некоторых болгарских историков, северо-восточная граница Болгарии была установлена по Днепру еще в 824гю ханом Омуртагом [4,с.38] Вряд ли росам удалось бы это сделать без антивизантийского «сговора» с болгарским ханом Пресианом или его главнокомандующим кавханом Исбулом [4, с. 46], заинтересованными в нейтрализации Византии, в т.ч., возможно, и с помощью росов.

Версия о возможном договоре с болгарами, предварявшем визит росов в Константинополь, также объясняет, на каком языке росы общались как с болгарами, так и с греками – на славянском, благо тогда все славянские языки были гораздо ближе друг к другу, чем сейчас. То, что росы могли говорить на славянском языке, не обязательно означает, что они были славянами. По данным восточных источников, «русы» середины IX в. находились в постоянном контакте со славянами («ас-сакалиба»), и последние даже служили для них переводчиками в странах ислама. В.В. Седов, впрочем, считает, что ситуация была обратной – «свеи» из посольства росов служили славянскому Русскому Каганату на юге Восточной Европы и потому знали славянский язык. Кроме того, по его мнению, в состав посольства входили и славяне, но они не поехали в Ингельгейм, а вернулись из Константинополя обратно в Русский Каганат. Скандинавы же убоились гнева кагана, т.к. переговоры с Феофилом об антихазарском союзе не удались, и решили вернуться в Скандинавию через западную Европу [24, с. 57-59].

Не исключен, впрочем, и хазарский вариант языкового общения, так как хазарский был близок к тюрко-болгарскому и понятен грекам. Это, кстати, объясняет и хазарскую титулатуру (если это все же титул, а не имя) «короля» росов (по мнению В.Я. Петрухина, росы вообще были «подданными хазарского кагана, союзника Византии») [21, с. 116], а П. Голдин считает, что росы организовали «совместную» с хазарами «миссию» в Византию «с просьбой о помощи» против варваров [32, Golden, 1982. p. 96].

Однако не исключен и иной вариант – или инициатива возвращения посольства через западную Европу росов исходила от византийского правительства, или желание росов было активно поддержано или даже санкционировано последним.

На основе комплексного анализа письменных, нумизматических и сфрагистических источников польско-шведский исследователь В.Дучко делает вывод о том, что росы отправились в Ингельгейм отчасти по просьбе или поручению василевса Феофила. Они должны были сопроводить византийских послов на свою родину или в Скандинавию. Судя по находкам именных печатей главы посольства – патрикия Феофана - , объектом посещения посольства стала Дания, тем более, что там в это время находился и один из шведских конунгов Анунд [24, с. 52-53], по крайней мере, по дороге на родину росов [31, Shepard, 1995]. Цель посольства – получение Византией помощи от викингов, частью которых, как правильно выяснил Людовик, были росы, против халифата Аббасидов либо Болгарии. Однако, как показали последующие события, помощи этой добиться не удалось, наоборот, флот росов напал на византийские владения. Таким образом, даже если предположить, что В.Дучко прав, то росы согласились на предложение Феофила о посредничестве, преследуя свои («шпионские») цели. Однако почему же Феофил в своем письме не открыл Людовику истинную причину включения росов в состав византийского посольства? В.Дучко оправдывает василевса тем, что тот боялся осложнить этим переговоры с Людовиком, т.к. «византийцы хорошо знали о многочисленных и разрушительных датских нападениях на побережье Фризии» [30, с. 47].

«Житие Георгия Амастридского», повествующее о событиях, произошедших, по мнению большинства авторов, между 839 и 842 гг., как нам представляется, является следствием «посольства» росов в Константинополь, понимаемом (как и в окружении Людовика Благочестивого) в качестве «шпионской» миссии.

В историографии имеются, впрочем, и более ранние (20-ми годами IX в.), и более поздние, соотносимые с походом 860 г. (Аскольда и Дира?), а то и 941 г. (поход Игоря), датировки событий. Ранняя датировка базируется отчасти на чисто источниковедческом анализе (34, р. 10), отчасти на том соображении, что обычно торговые договоры «руси с греками для «замирения» заключались через несколько лет после похода первых на последних» (1; 2, с.222; 12, с. 119). Однако построения Манго не считаются безупречными и однозначными (например: 26, с.24), что же касается второго типа аргументов, но в письме Феофила Людовику не содержится и намек на какой-либо предшествующий встрече 838 г. кровавый конфликт или даже просто контакт росов с Византией.

Тем более излишне смелым представляется предположения о связях монетных кладов на Волге, самый

поздний из которых (Углич) датируется 829 г. с маршрутом возвращения русов из Амастридского похода, а его результатом считать «появление на северо-западе современной России государственного образования, объединившего под властью руси [и ее правителя – «кагана»] многочисленные славянские и финно-угорские племена» [12, с. 118-119].

Поздняя датировка событий также аргументируется и источниковедческим анализом, и соображениями исторической логики. В первом случае по стилистическим и идейным особенностям отрицалось авторство Игнатия (начиная с А. Грегуара [33, р. 280-287]) и «Житие» связывалось с более поздними писателями. Те же авторы, что приписывают «Житие» патриарху Фотию (60-е гг. IX в.), также считают, что поход росов на Амастриду до 842 г. был невозможен из-за якобы дружественного характера русско-византийских отношений в это время, отраженных «Бертинскими анналами» (из последних: 35, р. 75-82). Однако дружественное отношение росов к грекам следует только из их собственных слов, которым поверил Феофил, но не поверил (и, как выяснилось, обоснованно) Людовик Благочестивый. Авторство же Игнатия, впервые установленное Васильевским [1915] и в 50-е – 70-е гг. отвергаемое Грегуаром и его последователями, затем было обосновано новыми аргументами и достаточно убедительно [36, р. 121-127].

Если принять эту точку зрения (что мы и делаем), то аргументами *ante quem* являются смерть василевса Феофила и отмена иконоборчества, т.к. нападение росов на Амастриду произошло якобы в правление этого императора и при этом не упоминаются надругательства над иконами или уничтожение их. Однако эти два «факта» практически сводятся к одному – к возврату к иконопочитанию самим Феофилом перед своей смертью (20 января 842 г.) [7, с. 155], т.к. в описании нападения росов на Амастриду напрямую не говорится, что оно произошло именно при Феофиле. Отсюда и упомянутые выше мнение нескольких авторов, что описание этого набега росов является поздней реминисценцией р е а л ь н ы х походов росов на Византию 860, а то и в 941 гг. Однако последние даты в любом случае не могут быть абсолютными в связи с установленным Васильевским и позднее подтвержденным авторством дьякона Игнатия, умершего вскоре после 845 г. [8, с. 91].

Однако и дата января 842 г. как *terminus ante quem* не является абсолютной. Что же касается отсутствия упоминания в «Житии» надругательств над иконами, то они могут скрываться под фразой Игнатия «святыни оскверняются» [9, с. 130].

В то же время и само возвращение иконопочитания в Византии в любом случае связано не с личным, тем более предполагаемым решением Феофила в январе 842 г., а с произошедшим уже после его смерти постановлением церковного собора в Константинополе от 11 марта 843 г. Таким образом, если даже принять отсутствие упоминаний икон в разоряемых росами храмах за истину, то их нападение на Амастриду могло быть и осенью 842 г., и даже ранней весной 843 г.

А вот дата *post quem* не может быть понята без контекста сообщения дьякона Игнатия и взаимосвязи с событиями 838/839 гг. Сообщение звучит так: «Было нашествие варваров, россов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени⁹ народ, - начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоят. Лугам, источникам и деревьям воздается поклонение. Верховный Промысел допускает это может быть для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль» [9, с. 129-130].

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. Первое – описание «ниспровержения святынь» дается слишком патетически-обобщающе, чтобы утверждать что под этими «святынями» не могли подразумеваться, в том числе, и иконы. Впрочем, это не так важно в связи с тем, что их почитание было официально восстановлено лишь в марте 843 г. Важнее общая тональность описания данного эпизода. Невозможно предположить, что Феофил очень доброжелательно принял «росов» и поверил на слово их утверждениям о мирном, дружественном характере их миссии п о с л е тех зверств, которые они совершили в Амастриде. Здесь мы вполне согласны с В. Дучко, который предположил, что посольство 838 г. было связано не столько с торговыми, сколько с пиратско-грабительскими целями русов [30, с. 43], и состоявшийся не позднее 842/ 843 гг поход лишь подтверждает это предположение. Дата эта тем более привлекательна, что падает на период сразу после смерти василевса Феофана, когда империей при малолетнем Михаиле III правила его мать регентша Феодора, а практически – логофет дрома, бездарный военачальник [7, с. 156-157] Феокист. Момент был очень удачный для первого набега русов на Византию, хотя еще не на ее столицу (своеобразная «разведка боем»). Выбор этого времени, кроме смены правителя мог быть продиктован также тем обстоятельством, что в ходе развязанных Феофилом в 837 г. войн с мусульманами, византийский флот был сосредоточен в Эгейском

⁹ Здесь явно имеется в виду один из вариантов этимологии слов «рос», восходящий к имени князя Рош северных народов Гог и Магог, составляющих воинство сатаны, угрожающее «священному граду» (из Книги пророка Иезекииля).

море и у южного побережья Италии (где в 840 г. арабами из Африки был захвачен Тарент и осажден Бари), а в Черном море, на побережье которого и находилась Амастрида, военные суда отсутствовали.

В свою очередь, византийцы, потерпев в 837-840 гг. ряд сокрушительных поражений от халифата Аббасидов (среди которых наиболее позорным было взятие арабами 13 августа 838 г. города Аморий – родины предков Феофила (Аморийской династии)), искали союзников по всей Европе.

Кроме гипотетического каганата Росов и Дании, это были вполне реальные Франкская империя, посольство в которую и описывают «Бертинские анналы», Венецианская республика и даже далекий Кордовский халифат Омейядов (хоть и мусульманин, но исконных врагов Аббасидов) в Испании. Посольство в Венецию, которое возглавлял тот же Патрикий Теодор, что и миссию в Ингельгейм 839 г., принесло свой результат. Венецианский и византийский флоты совместно пытались освободить захваченный в 840 г. североафриканскими союзниками и вассалами Аббасидов – эмиратом Аглабидов-Тарент в Калабрии, но потерпели там поражение [38, р. 320]. Положительный эффект дала и поездка в Кордову, судя по ответному посольству Омейядов в Константинополь. Но и русы, о чем косвенно свидетельствует третье по времени их упоминания в 844 г. (набег на Севилью в Кордовском халифате) не стояли в стороне от этих геополитических «движений». Однако выступили они не на той стороне, какой ожидал от них Феофил. И дело не только в нападении на Амастриду, по сути, в помощь Аббасидам и Аглабидам, но и в набеге на земли византийских союзников – испанских Омейядов. Нельзя исключать даже согласованность действий русов с Аббасидами, т.к. визиты русских купцов в их земли, включая столицу – Багдад – начались, по крайней мере, с начала IX в. (до 840 г.) [15, с. 91, 92, 97; 32, р. 83].

В данном контексте и следует рассматривать третье раннее упоминание русов у Ал-Йа'куби под 844 г. Текст его короток: «Западнее города, который называют Джазира [Альхесирас], (есть) город, называемый Севилья, на берегу большой реки. И в эту реку Кордовы [Гвадалквивир] вошли маджусы [язычники, огнепоклонники], которых называют русами, в год 229 [год Хиджры, или 843/844 г. от Р.Х.], и грабили, и жгли, и убивали...» [3, с. 38].

Ал-Йа'куби – самый ранний из всех мусульманских авторов, писавших о набегах маджусов на Севилью и в целом на арабскую Испанию, и единственный, уточнивший, что эти «маджусы» назывались «русами». Однако он не единственный, писавший об этом нападении. Позднее, начиная с Ибн ал-Кутиййа (ум. 977 г.) и до XVII в. этого сюжета, причем гораздо подробнее, касались еще как минимум 13 арабских авторов [14, с. 190-200]. Правда, не один из них, кроме Ал-Йа'куби, практического современника, если не очевидца событий (ум. 897 или 905 г.: 3, с.37), не употребляет этнонима «Ар-Рус», однако из контекста ясно, что речь идет об одном и том же событии. В поздних источниках дата уточняется (сентябрь - ноябрь) и часто смещается на 230 год Хиджры (после сентября 844 г.), иногда указывается количество кораблей (54; около 80; 108 (54x2)), детали битвы, маршруты подхода «маджусов» к Севилье и ухода отсюда.

У двух авторов, в т.ч. у одного из самых ранних (Ибн-Хаййан, 987/88 - 1076), «маджусы» названы «ал-урдуманийун» (норманны) [14, с. 192].

В большинстве случаев там, где есть описания маршрутов подхода и отхода «маджусов» от Севильи (всего - у 8-ми авторов; и «подход» и «отход» есть только у пяти из них) обязательным пунктом на пути и туда, и обратно выступает Лиссабон, т.е. корабли «маджусов» приплывали с севера, вдоль атлантического побережья Пиренейского полуострова.

Однако в трех случаях, в т.ч. и у двух самых ранних авторов (Ибн ал- Кутиййа, ум. 977 г. и Ибн Хаййан (987/988 - 1076)) в качестве маршрута или подхода, или отхода упоминается «Румское», т.е. Средиземное море.

В самом раннем источнике, повествующем о маршруте отхода «маджусов» от Севильи (Ибн ал- Кутиййа) он описывается так: «Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны ар-Рум [Византия или Италия]. В том путешествии они достигли Александрии...» [14, с. 192]. В этом случае интересны два момента. Первое – возможное сопоставление с набегом на Амастриду по с л е поход на Севилью, т.е. в самом конце 844 или в начале 845 г. В этом случае объясняется, почему по «Житию Георгия Амастридского» росы «начали разорение от Пропонтиды», т.е. Мраморного моря. Они попали в него из Эгейского моря через Геллеспонт (Дарданеллы), а выплыли в Черное (Хазарское) море через Босфор, взяв затем и Амастриду на его малоазийском побережье. Хронологическое ограничение – смерть предполагаемого автора «Жития» - дьякона Игнатия – после 845 г., хотя и существует, но в принципе допустимо. То, что это был уже период иконноподчинения, а икон среди разоряемых «святынь» не упомянуто, мы уже объясняли.

Второе – упоминание Александрии, но без описания ее взятия и разграбления. В этом случае не исключено, что она явилась перевалочной базой, предоставленной Аббасидами своим союзникам с Севера для подготовки к нападению на «Рум» (Византию). Арабский флот мог даже сопровождать «маджусов», превратившихся после Пропонтиды в «росов» и охранять их от византийских дромонов и хеландий в Эгейском море.

Впрочем, все вышесказанное – не более чем допущение, не столько реконструирующее реальность, сколько показывающее не противоречивость друг другу данных трех авторов, повествующих о событиях 40-х гг. IX в. - Ал-Йа'куби, Ибн ал- Кутиййа и дьякона Игнатия, а также возможность того, что во всех трех случаях речь идет об одной и той же группе пиратов – «маджусов», а именно русов-росов.

Если же следовать сообщению Ибн Хаййана и следовавшему за ним «Анонимному описанию Андалусии» XIV – XV вв. о вторжении «маджусов из ал-урдуманийун» (норманном) в Андалусию «со стороны Румийского моря» или «по морю Румийскому» [14, с. 192, 198], то разграбление Севильи следовало за, а не

предшествовало нападению на Амастриду¹⁰.

Если предположить, что речь идет об одной группе «пиратов», то их маршрут реконструируется следующим образом. От устья Днепра вдоль болгарского побережья тайно (от византийцев, но не болгар) до Босфора («Пропонтиды»), далее вдоль малоазийского побережья до Амастриды.

От нее – обратно, затем через Пропонтиду (при условии, что византийские боевые корабли были заняты борьбой с арабским флотом в иных местах) – в «Румское море». Здесь – отдых, пополнение запасов, уточнение дальнейших целей во владениях Аббасидов, той же Александрии, например. После этого – поход вдоль дружественного североафриканского побережья до Гибралтара и – нападение на союзную Византии и враждебную Аббасидам Андалусию (Севилюю в том числе) со своими, чисто грабительскими целями. Затем, потеряв в сражениях с мусульманами несколько кораблей, несколько сот человек, часть награбленного имущества (и даже «их эмира») [14, с. 194, 195, 196, 197, 198], они повернули на север и вдоль португальского побережья отплыли на свою родину или базы где-то на Севере Европы.

Где именно? Отчасти на этот вопрос можно получить ответ, сопоставляя вторую часть известий Ал-Йа'куби о «маджусах» после их набега на Севилюю, с данными о родине русов в мусульманских источниках первой традиции.

В 844/845 г. «прибыли к эмиру Абу-ар-Рахману послы норманнского короля и стали просить у него мира после того, как норманны, выйдя из Севильи, напали на его земли, потерпели там поражение и потеряли своего флотоводца» [25, с. 177]. Абд-ар-Рахман посылает ответное посольство во владения того «короля», чьи воины – русы недавно опустошили Севилюю. «Первым владением норманнов, которого он [посол] достиг был остров». Далее «послы отправились к нему в королевскую резиденцию. Это большой остров в Мировом океане, на котором есть проточная вода и растут сады. От материка этот остров отделен тремя проливами. Вблизи того острова находится множество других островов, малых и больших. Населены они одними норманнами, которым принадлежит также и вся близлежащая суша на много дневных переходов» [25, с. 177].

О том, что метрополия русов находится на острове, повествуют мусульманские источники первой традиции, списывающие реалии IX в. «Что же касается русов, то есть, расположенный в море. Остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. У них есть царь, называемый хахан-е рус. Число жителей на этом острове 100 000 [человек]... «Эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отвозят в Хазаран и Булкар и там продают. У них нет посевов и пашен, и пользуются они обычно славянскими посевами. Всегда 100-200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся [6, с. 58, 59]».

Сходство двух описаний очевидно, хотя и различия существенны – ведь первое было получено через мусульманскую Испанию, второе – через Хазарский каганат и Хорезм, т.е. крайнюю западную и крайнюю восточные страны Европы и исламского мира.

Идет ли в двух описаниях речь об одном и том же острове? Вопрос сложный, тем более, что в первом случае повествуется о конкретном посольстве, скорее всего, со слов его участников, во втором – дается усреднено – обобщенный образ «прародины» русов, созданный на основе сведений, полученных далеко не из первых рук.

В первом случае остров связан прямым морским путем с мавританской Испанией, во втором находится рядом с землей славян и через нее русы могли попасть водным путем в Хазарию, Волжскую Булгарию и далее – до земель Халифата. Возможное местоположение «острова» - Северная Европа от Фрисландии, где много островов, до Ладоги, откуда начинается «Восточный» или Волжский путь в Хазарию и страны ислама. Подробное обоснование первого варианта локализации «острова русов» дано у А. А.Александрова [1; 2], Г.С.Лебедева [16; 17, с. 508-509].

С точки зрения рассмотренных в данной статье источников Фрисландия с островом Валхерен и прилегающей областью Рюстрингия (по А.Александрову, 1997) привлекательна тем, что из нее морским путем легко можно попасть в Испанию. Кроме того, в этом варианте вполне объяснимым становится желание русов в 838 – 839 гг. возвращаться на родину из Константинополя через империю франков, на северной окраине которой и находилась Фризия.

Вариант с Ладогой и вообще севером Восточной Европе привлекателен с точки зрения пути русов в Константинополь через земли «варваров», с севера, и их более позднего нападения на византийскую Амастриду, пройдя, скорее всего, по «пути из варяг в греки». Кроме того, от Ладоги открывался и «Восточный путь» - «Аустрвег»- в страны ислама, с которыми русы торговали по данным восточных источников. Были здесь и «славяне» - словене ильменские.

Есть, впрочем, и третий вариант – датские острова, в первую очередь – о. Зеландия, на котором была найдена одна из трех печатей главы византийского посольства в Ингельгейм – патрикия Феодора (две осталь-

¹⁰ В этом случае нападение на Амастриду могло произойти несколько ранее, чем при первом варианте (сначала – Севилюя, потом Амастрида), но вряд ли раньше 843 года. Косвенно в пользу этой даты свидетельствует и первое упоминание «руси» в Повести временных лет. «В лето 6360 (852)... наченшио Михаилу царствовати нача ся прозыватися Руская земля» [13. л.8]. Летописец однозначно связывает первые упоминания о Руси, русах с началом правления василевса Михаила III, сына Феофила. То, что говорится не о 842 г., когда он формально стал править после смерти Феофила, а о 50-х гг. IX в., отчасти соответствует истине – ф а к т и ч е с к и Михаил стал реальным правителем лишь в начале 856 г., когда был убит временщик Феоктист, а Феодора отстранена от регентства [7, с. 157]. Однако здесь возможно и элементарное неправильное прочтение греческих хроник, Георгия Амартола в первую очередь и сдвиг начала правления Михаила на 10 лет.

ных также были обнаружены в Дании, но на ее материковой части – на полуострове Ютландия). Но вспомним – по данным Ал-Йа'куби часть «маджусов» - норманнов, к которым было отправлено посольство Абд ар-Рахмана, живут на острове, часть – на «близлежащей суше» [25, с. 177].

Рядом с Данией и часто – в зависимости от нее лежали земли балтийских славян – ободритов и руян. От Зеландии можно было в принципе попасть водными путями и к Севилье, и к Ладоге, рядом находились и границы империи франков, где были росы в 839г.

Все три варианта локализации «острова русов» объединяются личностью возможного реального прототипа легендарного князя «русси» Рюрика – одного из датских конунгов по имени Рорик, жившего в середине IX в.

Его дядя Гаральд в 841 г. получил в лен остров Валхерен, а до этого – Рюстрингию, сам Рорик владел Хедебю и областью Розенгау на датско-славянском пограничье [18, с. 224, 331-232 и др.].

И, наконец, по данным Ипатьевской летописи, именно в Ладоге обосновался легендарный Рюрик с «русью» в 862 г. «И придоша к славянам первее и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладоге Рюрик» [13, л.8 об.]. Кстати, это событие, скорее всего, произошло в реальности на несколько лет раньше, т.к. еще в 860 г. «рось» уже осаждают Константинополь [9, с. 131, 132].

Впрочем, здесь мы далеки от категоричности, а лишь пытаемся показать непротиворечивость друг другу всех источников, упоминающих русов, росов, русь в середине IX в., но при одном условии. Речь идет о весьма мобильной, находящейся еще в поисках «родины», военно-торговой этносоциальной группе [27; 28], чья сфера деятельности простиралась от Дании и Фризии до Гибралтара, Константинополя и Багдада, а «остров русов», где бы он ни находился, был лишь одной из временных баз этой предприимчивой группы населения.

This article is devoted to the first mentions of rus (ros) in 838 – 839 years in three (Byzantine's, West – European and Eastern) sources, contaminated with later (852 year) mention of “Rus” in Old-Russian Chronicle. They were in Byzantine (Konstantinopol and Amastrida), Carolingian Empire, muslim Spain. In Russian Chronicle Ladoga was the first town where “Rus” was mentioned. The Motherhood of rus as to the correlation of sources was somewhere in Nothem Europe, from Frisland in the West till Ladoga in the East.

Key words: rus, sources, Byzantine, mission, attack, ships

Список литературы

1. Александров А.А. О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гіста-рычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск, 1997.
2. Александров А.А. Остров руссов // Stratum Plus. Петербургский археологический вестник. СПб; Кишинев, 1997.
3. Ал-Йа'куби. Книга стран («Китаб ал-булдан») // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: ИВИ РАН, 2009.
4. Андреев Й. Българските ханове и царе VII – XIV век. Историко-хронологичен справочник. София, 1994.
5. Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. СПб., 1915.
6. Гардизи. Краса повествований («Зайн ал-ахбар») // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: ИВИ РАН, 2009.
7. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.
9. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники. Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Изд-во РАН, 2010.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М.: Изд-во РАН, 2009.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники. Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Изд-во РАН, 2010.
12. Зорин А.В., Шпилев А.Г. Каганат руссов и «страна славян»: Восточная Европа в IX столетии (опыт исторической реконструкции) // Русский сборник. Вып.5. Труды каф. Отечественной истории древности и средневековья БГУ. Т. 12. Брянск, 2009.
13. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М.: «Восточная литература», 1962.
14. Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М.: ИВИ РАН, 2001.
15. Коновалова И.Г. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009. М.: ИВИ РАН, 2010.
16. Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі – Україна. Київ, 1994.
17. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: «Евразия», 2005.
18. Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. VII. Таллин, 1963.
19. Назаренко А.В. Комментарий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники. Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Изд-во РАН, 2010.
20. Петрухин В.Я. «Русь и все языки»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.
21. Петрухин В.Я. Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. – М., 2013.
22. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

23. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
24. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.
25. Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. М., 1961.
26. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. Интернет – перевод ст.: Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient // Eds. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman (Realites byzantines 7). Paris, 2000. P. 95-120.
27. Шинаков Е.А. «Русы» и «славяне» IX в.: контент-анализ восточных источников // Материалы VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1990.
28. Шинаков Е.А. Русы IX-X вв. (контент-анализ восточных источников) // Культура и история Средневековой Руси. Тезисы конференции, посвященной 85-летию А.В. Арциховского. М., 1987.
29. Шинаков Е.А., Джамбов И.Х. Болгарские аспекты «посольства хакана росов» в 838 – 839 гг. // Сборник за съвместната музейно-археологическа експедиция. Т.1 Международна издание. Пловдив; Брянск, 2013.
30. Duczko W. Ruś wikingów. Historia obecności Skandynawów we wczesnośredniowiecznej Europie Wschodniej. Warszawa, 2007.
31. Garipzanov I. The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica V. K., 2006.
32. Golden P.B. The Question of the Rus Qaganate // Archivum Eurasiae medii aevi. T.2. 1982.
33. Gregoire H. L'histoire et la Légende d'Oleg prince de Kiev // La Nouvelle Clio. Bruxelles, 1952. Vol. 4. № 5-8.
34. Mango C. The Correspondence of Ignatios the Deacon. Corpus Fontium Historiae Byzantinae. № 39. Washington, 1997.
35. Markopoulos A. La vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik, 1979. Bd. 28.
36. Ševčenko I. Historiography of the iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977.
37. Shepard J. The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. № 4. 1995.
38. Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. Stanford, 1988.

Об авторе

Шинаков Е.А. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, shinakov@mail.ru.

УДК 947.084

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА В КОНЦЕ 1917 – ВНАЧАЛЕ 1918 ГГ.

А.А. Шувалов

В результате Первой Мировой войны и революционных событий февраля 1917 г. экономическая ситуация в стране ухудшалась. Продовольственный кризис больно ударил по населению, в том числе по материальному благосостоянию офицеров и их семьям. Более того демократизация старой армии поставила русское офицерство в трудное положение, советская власть приравнивала их по правовому и материальному положению к солдатам, а после увольнения со службы лишала офицеров всех видов пенсий. Данная статья – это попытка, на основе архивных и мемуарных источников, детализировать проблему материального положения представителей русского офицерского корпуса в конце 1917 - в начале 1918 гг., показать всю сложность и неоднозначность ситуации материального положения офицеров в канун Гражданской войны. Так, резкое ухудшение материального положения представителей русского офицерского корпуса вело к росту антисоветских настроений в их среде, но большинство офицеров продолжало «отсиживаться в домах», активно не сопротивляясь советской власти и не вступая в контрреволюционные формирования.

Ключевые слова: гражданская война; материальное обеспечение; довольствие; денежное содержание; жалование; офицерский корпус.

В русской императорской армии существовало три основных вида выплат: жалование (в зависимости от чина), «столовые» (в зависимости от должности), «квартирные» деньги (в зависимости от чина, места службы и семейного положения). [1, С. 128]

В начале 20 века жалование подпоручика равнялось 70 рублям; поручик получал 80 рублей, штабс-капитан – 90 рублей, капитан – 105 рублей. Жалование капитана – офицера с 20-30 годами службы – равнялось 140-150 рублям. «Столовые»: адъютанту – 8 рублей, командиру роты – 30 рублей, а штаб-офицерам – от 55 и до 150 рублей в месяц. Небольшие «столовые» получали и начальники команд разведчиков и службы связи. «Квартирные», размер которых определялся «разрядом» города, где стоял полк. По 1 разряду – 25 рублей (Петербург), по 9 разряду – 8 рублей (захолустные городишки), в Киеве, Одессе квартирные равнялись 22 руб. 69 коп., квартирных не полагалось, если офицер получал жилье при казарме. Нужно сказать, что в городах, как Киев, Одесса, Харьков, квартира в 3-4 комнаты стоила 30-50 рублей. [2, С. 144-145]

Незначительным подспорьем к жалованию служило то, что офицеру полагался денщик. Во время пребывания в лагерях выплачивались небольшие «лагерные»; ежегодно выдавалось несколько рублей в качестве «дровяных» и «осветительных»; полагались «фуражные» тем, кто обязан был иметь собственного коня. Де-

нежное довольствие выдавалось офицеру не полностью. Было немало обязательных вычетов: в пенсионный и эмеритурный капиталы (т.е. в казну), в заемный капитал офицеров полка, в полковое собрание на его содержание, а также в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения (кровать, погребец и т.д.). Связанные с этим расходы раскладывались на всех офицеров части и несколько отягчали офицерский бюджет. В армейских частях в больших городах обязательные вычеты достигали 10-15 рублей в месяц.

В результате Первой Мировой войны и революционных событий февраля 1917 г. экономическая ситуация в стране ухудшалась. С января по декабрь 1917 г. цены на пшеничную муку на рынках страны повысились с 3,9 р. за пуд до 15 р., на ржаную муку с 3,6 до 13 р. Цена чая и сахара выросла в шесть – семь раз. [3, С. 110]

Продовольственный кризис, обесценивание денег, больно ударило по населению, в том числе по материальному благосостоянию офицеров и их семьям. «Все ведь стало стоить безумно дорого» [4, Л. 207] - отмечали представители офицерства. Особенно трудное материальное положение было у отставных офицеров, которые жили на пенсию. Так группа старых кадровых офицеров и отставных офицеров царской армии обращалась к генералу Алексееву с просьбой ходатайствовать перед Временным правительством об увеличении пенсии отставным офицерам до ноября 1917. [5, Л. 1]

Демократизация старой армии поставила русское офицерство в трудное положение. Декреты Советского правительства «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и организации власти в армии» окончательно уничтожили офицерский корпус, и приравнивали по правовому и материальному положению офицеров к солдатам, узаконив материальное содержание, положенное рядовому составу, и одинаковый паек для их семей. [6, С. 138]

Декрет Совнаркома от 11 декабря 1917 г. установил предельный размер ежемесячных государственных пенсий для всех категорий граждан, в том числе и военнослужаших, в 300 руб. 14 декабря 1917 г. приказом по военному ведомству № 36 были отменены прибавки к содержанию и пособия офицерам, установленные Временным правительством 14 сентября и 11 октября. Уже выданные суммы подлежали возвращению в казну. Отменялись все постановления, на основании которых семьи офицеров, военных чиновников, врачей и духовенства получали деньги на наем квартир и прислуги, взамен чего на них распространялись нормы, установленные для семей солдат. В то же время приказ по военному ведомству № 68 от 27 декабря 1917 г. уточнял, что в случае оставления офицеров, достигших отставного возраста, на занимаемых должностях им должно было выдаваться «сверх получаемого по должности содержания добавочное вознаграждение не менее 75 рублей в месяц». [7, С. 110]

Перед офицерами после увольнения из армии вставал вопрос о жизненном устройстве. При увольнении они были лишены всех видов пенсий. Лишались также эмеритальных пенсий, т. е. состоявших из отчислений от жалованья. В своем дневнике генерал Будберг отмечал: «Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равноценно голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу». [8, С. 262]

Если офицеры военного времени (выпускники ускоренных курсов, военных училищ, школ прапорщиков и произведенные в офицерский чин отличившиеся солдаты) еще как-то могли вернуться к своей прежней деятельности, то подавляющее большинство кадровых офицеров, как и той части офицерства, которая пришла в армию со школьной скамьи и не имела никакой гражданской специальности, не имело каких-либо источников дохода, кроме жалования и пенсии. [9, С. 187; С. 48]

Кадровые офицеры, как правило, уезжали в места дислокации частей (штабов, учреждений и заведений), в которых они служили и имели казенные квартиры в мирное время и где находились их семьи. Часть генералов и кадровых офицеров, служивших на высших военных должностях и в привилегированных полках гвардии (особенно в кавалерии), эмигрировала за границу. Но в первое время после Октябрьской революции эта часть офицерства по отношению к общей его численности составляла ничтожный процент. В дальнейшем, по мере расширения масштабов Гражданской войны, процент эмигрантов значительно вырос. Офицеры военного времени уезжали туда, где учились, работали и служили до призыва в армию, где находились их семьи или жили их родители. [10, С. 526; С. 85]

Первоочередной задачей офицеров была попытка найти средства к существованию себе и своим родным, своим семьям в новых экономических и политических условиях, когда развивающийся продовольственный кризис, обесценивание денег больно ударили по материальному благосостоянию всего населения. Вторая задача - не стать жертвой репрессий. Проблема спасения собственной жизни для офицеров в период с конца 1917 г. до весны 1918 г. стала неотъемлемой частью повседневных забот.

Учитывая, что квартиры и дома многих офицеров были полностью или частично реквизированы советскими органами, им и их семьям часто приходилось не только искать средства к пропитанию, но и ютиться по углам. Чтобы прокормить семью, офицерам приходилось устраиваться работать грузчиками, чернорабочими, торговать гуталином и спичками, продавать домашние вещи и т.д. [11, С. 87]

Так полковник Вержбицкий (в будущем - генерал армии адмирала Колчака) в декабре 1917 г. скрывался в Усть-Каменогорске и занимался пчеловодством. [12, С. 82]

Нарастание продовольственных трудностей и бытовой неустроенности, постоянной угрозы стать жертвой новой власти рождала в настроениях офицеров озабоченность и ожесточение. Из разрозненных номеров газет было трудно представить целостную картину происходящих событий, приходилось довольствоваться в основном слухами и догадками, которые еще более нервировали. Никто не знал, что будет завтра, все надеялись на

лучшее, ожидая худшего. Но для подавляющей части офицерского корпуса контрреволюционная позиция не была характерна. Скорее можно вести речь о выжидательной или настороженно-выжидательной позиции большинства офицеров. Белогвардейский офицер вспоминал: «В начале 1918 г. я приехал с германского фронта в Самару в свой очередной отпуск, да так и задержался. Устав от фронтовой жизни и еще не войдя в жизненную колею тыла, я старался держаться в стороне от политики». [13, С. 57] Еще одно высказывание участника Белого движения: «Офицерство представляло собой физически и морально больных людей». [14, С. 41]

Сказывалась продолжающаяся глубокая апатия, развившаяся после всего перенесенного на фронте мировой войны. Неверие в возможность что-либо исправить, чувство отчаяния, безнадежности. Стремление прежде всего спасти себя, своих близких и родных. Надо было как-то обеспечивать в условиях тогдашней анархии существование своим семьям. Главный инстинкт любого нормального человека - это чувство самосохранения. Большинство офицеров продолжало «отсиживаться в домах», активно не сопротивляясь советской власти и не вступая в контрреволюционные формирования. Таким образом, в результате резкого ухудшения материального положения представителей русского офицерского корпуса вело к росту антисоветских настроений в их среде, но уклонение от участия в Гражданской войне было вполне осознанной позицией.

As a result of World War I and revolutionary events the economical situation in the country deteriorated. Food crisis penalized the population substantially, including the material well-being of the officers and their families. Moreover, the democratization of the former army put the officer personnel in a predicament, - the Soviet government made them equal to soldiers in legal state and material well-being and after retirement they were supposed to be deprived of all sorts of payments. This article is an attempt, on the basis of archival documents and memorial sources, to detailize the problem of material well-being of the Russian Officer Corps members at the end of 1917 - beginning of 1918, to show all the complexity and ambiguity of the officers' material well-being on the threshold of the Civil War. Consequently, the deterioration of material well-being of the Russian Officer Corps members provoked the increase of anti-Soviet disposition in their sphere, but the majority of the officers sit out, actively not opposing the Soviet government and not participating in anti-revolutionary formations.

Key words: *Civil war; material well-being; allowance; financial support; salary; Officer Corps.*

Список литературы

1. Волков Е.В. Благополучие и быт колчаковских офицеров. / Е.В. Волков. // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6-7 февраля 2001г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 120-130.
2. Месснер Е. Российские офицеры. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. / Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий. М.: Русский путь, 2000. С. 127-154.
3. Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. / И. Нарский. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 632 с.
4. ГАРФ, ф. 6422, оп. 1, д. 1.
5. ГАРФ, ф. 6655, оп. 1, д. 45.
6. Кораблев Ю. Защита республики. Как создавалась Рабоче-крестьянская Армия. / Ю. Кораблев. Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. / сост. В.А. Иванов. М.: Политиздат, 1989. С.129-178.
7. Солнцева С.А. 1917: Кадровая политика революции в Российской армии. / С.А. Солнцева // Отечественная история. 2004. № 3. С. 102-115.
8. Будберг А. Дневник. / А. Будберг. Архив русской революции: в 22-х т. / издаваемый И.В. Гессеном в Берлине. Т. 11-12. М.: Изд. центр «Терра», 1991. С. 197-290.
9. Кавтарадзе А. Военспец в революции. / А.Г. Кавтарадзе. Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. / сост. В.А. Иванов. М.: Политиздат, 1989. С. 176-214; Кавтарадзе. А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. / А.Г. Кавтарадзе. М.: Наука, 1988. 276 с.
10. Волков С. Российское офицерство как служилое сословие. / С. Волков Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. / под ред. И.И. Ефремова. М.: Военный университет, «Русский путь», 2000. С. 514-536; Устинкин С.В. Трагедия Белой гвардии. / С.В. Устинкин. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1995. 404 с.
11. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. / С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 509 с.
12. Бушин А.Ю. Во имя России: Генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий. / А.Ю. Бушин // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. 2000. № 7. С. 80-92.
13. Вырыпаев В.О. Каппелевцы. / В.О. Вырыпаев. Каппель и каппелевцы. Сборник архивных документов, воспоминаний, дневников. / сост. С.С. Балмасов. М.: Посев, 2003. С. 52-68.
14. Лисовой Я.М. Революционные генералы. / Я.М. Лисовой. Белый архив: Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения. Т. 2-3. / под ред. Я.М. Лисового. Париж, 1928. С. 41.

Об авторе

Шувалов А.А. – кандидат исторических наук, капитан полиции, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Московского областного филиала Московского университета МВД России.

УДК 947.086

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 – 1955 ГГ.

В.П. Южаков

В статье характеризуется положение военнопленных в Тюменской области во время Второй мировой войны, условия содержания пленных, медицинское обслуживание, питание. Для этого используются документы и нормативные акты Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР.

Ключевые слова: лагерь для военнопленных, Тюменская область, пенитенциарная система.

Среди наиболее тяжелых и болезненных тем истории Великой Отечественной войны является проблема военного плена. В германских лагерях смерти с 1941 по 1945 гг. были уничтожены или погибли свыше 3 миллионов советских воинов. В советский плен за тот же период попали более 4 миллионов немцев, из них погибли около 500 тысяч [13, с.78]. СССР, в отличие от нацистской Германии, никогда не проводил целенаправленной политики уничтожения военнопленных, в том числе - голодом. Главной причиной высокой смертности военнопленных в годы войны было поступление в лагеря тяжело раненных, обмороженных и истощенных солдат и офицеров вермахта, а также неготовность НКВД принять большое число пленных в короткие сроки.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX века появились первые научные исследования, посвященные проблеме военного плена Второй мировой войны. Советский юрист А.Б. Амелин и ученый-демограф Б. Ц. Урланис в своих работах показали гуманное отношение российского государства к пленным в исторической ретроспективе.

Противоположного мнения по этому вопросу были западные ученые. В 1953 в г. Гамбурге вышел коллективный труд «Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных». Автор очерка «Людские потери во Второй мировой войне» Гельмут Арнтц, подсчитывая количество немецких военнослужащих, попавших в плен и пропавших без вести, пришел к выводу, что на Востоке бесследно исчезли как минимум 1,2 млн. солдат и офицеров вермахта. В 60 – 70-е гг. XX века в ФРГ проблема военнопленных была объявлена приоритетным исследованием, получившим поддержку на правительственном уровне. В результате увидел свет 15-томный труд «История немецких военнопленных Второй мировой войны», повествующий о пребывании бывших солдат и офицеров вермахта в СССР. Попытку создания всеобъемлющей истории немецких пленных Второй мировой войны предприняли германские историки П. Карелл и Г. Беддеккер. Взяв за основу метод сравнительного анализа, авторы изучили положение бывших немецких солдат в американском, английском, французском, австралийском, югославском, советском плену. Выводы авторов сводились к следующему: немецкие солдаты и офицеры, пребывавшие в плену в странах Запада, жили в лучших условиях, чем их соотечественники в Советском Союзе. В отличие от стран Запада, в бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено.

В 1990-х гг. российские историки получили возможность познакомиться с ранее недоступными архивными документами, обменяться мнениями на конференциях и симпозиумах. Ряд очерков об иностранных военнопленных подготовил В.П. Галицкий.

В 1990 – 2000-е гг. проблема военнопленных в СССР получила свое осмысление в диссертационных и монографических исследованиях В. Б. Конасова, Е. Л. Кагасоновой, С. И. Кузнецова, С. Карнера, А. Хильгера. Работу с пленными в тыловых районах рассмотрела И. В. Власова, взаимодействие советских политорганов с НКВД - В.А. Всеволодов, деятельность УПВИ - ГУПВИ НКВД - МВД СССР - И.В. Безбородова, трудовое использование военнопленных - С.Г. Сидоров. Включение темы иностранных военнопленных в СССР в общую историю Великой Отечественной войны ознаменовало ее освещение на страницах четырехтомного труда "Великая Отечественная война: 1941 - 1945", подготовленного авторским коллективом Института российской истории РАН. Острую полемику между отечественными и зарубежными учеными вызвал вопрос о количестве иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР. По официальным статистическим данным НКВД СССР с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. в плен были взяты 4126964 военнослужащих вражеских армий [4, с.58]. Австрийский историк С. Карнер, опирающийся в своих подсчетах на западные источники, а также материалы советской периодической печати, общее число военнопленных в СССР определяет цифрой от 5 до 6 млн. человек.

Почти все исследователи в своих работах касаются проблемы продовольственного снабжения военнопленных. Так, В. П. Галицкий считает, что нормы суточного довольствия пленных "были достаточны для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма человека".

Изучение жизни военнопленных в Тюменской области представляется важным с краеведческой точки зрения. В последние годы исследователями значительное внимание уделяется изучению истории строительства «Мертвой дороги» (железной дороги Чум - Салехард - Игарка). Историография этой проблемы рассмотрена в работах С. Е. Алексеева и В. Д. Камынина [1, с.118-125; 2, с.27-31]. Эту тему рассматривали В. Гриценко, А. Добровольский, А. Херсонский, Р. Гольдберг, В. Шевелев. Однако их публикации носят в основном популярно-публицистический характер. Системные и комплексные исследования проблем «Мертвой дороги» провел А. С. Пиманов. Значительный вклад в изучение истории пенитенциарной системы Тюменской области в данных хронологических рамках внесли В. Я. Темплинг, Е. А. Эйхельберг, Н. М. Маркдорф, А. А. Петрушин, Н. И. Загороднюк.

Инициатором выработки международных правовых норм в отношении пленных изначально была Россия. Это по её предложению еще в 1874г. принята Брюссельская декларация, которая потом вылилась в положения Гаагской конвенции.

В начале Великой Отечественной войны Правительство СССР заявило, что в своих действиях руководствуется Гаагской конвенцией 1907г. о режиме содержания военнопленных и Женевской конвенцией 1929г. "Об обращении с военнопленными".

1 июля 1941 г. СНК СССР утвердил "Положение о военнопленных", в котором был закреплён порядок содержания военнопленных в СССР. В этом документе военнопленным гарантировалось сохранение жизни, предоставление медицинской помощи, продовольственное снабжение, запрещалось «оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними».

В «Положении» были записаны условия содержания военнопленных, их правовое положение, трудовое устройство, уголовная и дисциплинарная ответственность за неисполнение приказаний. Нормы продовольственного снабжения военнопленных по составу продуктов даже превосходили рационы кадровых рабочих оборонных предприятий. До апреля 1945г. военнопленные на производстве распределялись по бригадам, затем произошла реорганизация лагерной жизни, преследовавшая цель улучшить трудовое использование и повысить дисциплину пленных. Вместо бригад создавались отделения, взводы, роты и батальоны, формировавшиеся по национальному признаку. На должности командиров этих подразделений назначались бывшие офицеры и унтер-офицеры [12, с.197].

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, наступательные операции Красной Армии - все это привело к формированию огромной системы лагерей ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР). "Архипелаг ГУПВИ" стал в определенной степени слепком с ГУЛага. Это управление несколько раз меняло свое название и статус. С 1939 по 1942 оно называлось Управление по делам военнопленных (УПВ), в 1942-1945 гг. - Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), в 1945-1951 гг. - Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), в 1951-1953 гг. - УПВИ, с 1953г. его функции были переданы тюремному отделу МВД.

Узниками ГУПВИ оказались более 4 млн. человек, в том числе 2 389 тыс. немцев, 637 тыс. японцев, 514 тыс. венгров, 157 тыс. австрийцев, а также представители многих других европейских и азиатских народов [13, с.42].

В годы войны Тюменская область стала местом заключения для многих военнопленных Германии и ее сателлитов.

На основании приказа НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942г. "О размещении и трудовом использовании военнопленных" был создан тюменский лагерь № 93 на 4000 человек. Начальником лагеря назначен капитан госбезопасности Д. М. Кабанов [8].

19 января 1943г. состоялось заседания бюро Тюменского горкома ВКП (б) (объединенное с горисполкомом), на котором было принято постановление "О ходе подготовки к открытию лагеря военнопленных № 93". В документе ставились конкретные задачи перед местными предприятиями по обустройству лагеря, снабжению его транспортом, зимней одеждой и обувью [9].

Первый в Тюменской области лагерь для военнопленных № 93 действовал с мая 1943 по октябрь 1948 гг. За это время через него прошло свыше 4 тыс. военнопленных, в основном немцы, румыны, итальянцы, а также австрийцы, венгры, сербы, хорваты, словаки, югославы, поляки и норвежцы. В течение 1943г. сюда поступило 2 373 человек. Военнопленные были заняты: в г. Тюмени - на фанерокомбинате, деревообрабатывающем комбинате, мотоциклетном заводе; в п. Боровский – на торфозаготовках; в п. Винзили – на лесобирже; в г. Ялуторовске, д. Лебедевка – на лесочастках, в д. Червишево и д. Посохово - в подсобном хозяйстве лагеря на сельскохозяйственных работах. Доля офицеров составляла в 93-м лагере 0,4 %. Штаб лагеря находился на территории фанерокомбината [18, с.49].

Согласно справке начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенанта Кривенко на имя Л. П. Берии на 17 мая 1945г. на тюменском авиафанерном комбинате №15 работало 1500 военнопленных [19]. Они были разделены на 17 производственных бригад. Военнопленные использовались преимущественно на тяжелых работах: вытаскивали из Туры сплавные бревна, откатывали, штабелевали, разделявали древесину [10, с. 45].

Администрация лагеря заключала договора с предприятиями. Военнопленные, прибывавшие в лагерь, проходили трехнедельный карантин, во время которого их не выводили на работу. В течение этого времени их подвергали медицинскому контролю, определяли группы трудоспособности и производили учет по специальностям. Выполнявшим нормы выработки выплачивалась заработная плата, однако ее размер не мог превышать 200 руб. в месяц. Для высококвалифицированных специалистов и занятых на административно-технических должностях денежное вознаграждение исчислялось из расчета 50 % от соответствующего оклада по советской тарифной сетке, но не свыше 500 руб.

Тюменский лагерь № 93 был одним из лучших в Главном управлении по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В приказе № 0160 "Об итогах трудового использования военнопленных в лагерях за 1 квартал 1945г." сказано: "...За достигнутые хорошие показатели по трудоиспользованию военнопленных: объявить благодарность и премировать полуторамесячным окладом начальника лагеря № 93 – майора госбезопасности т. Большакова, для премирования работников лагеря выделить 5000 руб."

Большаков Иван Васильевич (1907-1957), полковник, член ВКП (б), награжден двумя орденами Красного Знамени, с 1944 по 1949 г. начальник Управления лагеря для военнопленных № 93 НКВД (Тюмень) [16].

Для организации нормальной деятельности тюменского лагеря для военнопленных № 93, а также для ведения оперативной работы среди пленных необходимы были специалисты, хорошо знающие язык. К работе в лагере были привлечены 12 выходцев из среды советских немцев. Четверо из привлеченных – Д. К. Шефер, П. Я. Реймер, Е. К. Кнауб, И. Ф. Гак – работали переводчиками при оперативном отделе. Г. Я. Риккер – бухгалтером, Э. А. Шеффер – санитаркой в центральном лазарете, Ф. А. Кейль – кладовщицей в подсобном хозяйстве, Э. Д. Нейверт – начальником подсобного хозяйства.

В июне 1945г. в 3-е отделение лагеря, которое в то время располагалось в п. Винзили, переводчиком была принята Е.Г. Кнауб. Проработала в этой должности она недолго. 17 сентября 1945г. приказом начальника лагеря уже делопроизводитель-машинистка Е.Г. Кнауб за нарушение лагерного режима подверглась 5-ти суточному аресту и увольнению. 12 сентября, будучи дежурной по лагерю, она за бутылку водки купила часы у военнопленного Кловинского. Более подробных сведений о Е. Г. Кнауб разыскать не удалось, очевидно, она выехала за пределы области до снятия с учета спецкомендатуры [15].

В 1944г. среди военнопленных участились случаи заболевания туберкулезом. В связи с этим 27 января 1945г. вышла директива НКВД СССР № 10 "О порядке вывода военнопленных на работы в зимний период". В документе строго регламентировались мероприятия по недопущению работы военнопленных в зимнее время без теплой одежды и т.д. Больные туберкулезом легких из тюменского лагеря № 93 направлялись в спецгоспиталь № 2494 в Новосибирске. Там военнопленные проходили длительное, по несколько месяцев, стационарное лечение [11].

Из воспоминаний тюменца Бориса Алексеевича Мишатины: "Мы, русский народ, - очень гуманные люди. Там, где сейчас областное управление МВД, раньше был стадион "Спартак". А я учился во второй школе, рядышком. В то время там в бараке жили пленные немцы. Вот идешь в школу, они на заборах нависли, обросшие все, в одеяла закутанные, и просят подаяния. И становилось их так жаль. Питания не было - жмыхом питались, которым коров кормили. Ели очистки от картофеля, сухари. Возьмешь с собой жмых в карман и все равно подашь. И не только мальчишки подавали, но и взрослые". Вместе с тем тяжелые условия труда, недостаток продовольствия и медикаментов приводили к высокой смертности военнопленных. 3 июля 1943г. в Тюмени умер первый военнопленный румын Георгий Иона Миль [6, с.102].

Хоронили пленных на Текутьевском кладбище, а с января 1945г. – на Парфеновском кладбище, где, по данным кладбищенской книги, похоронено 226 военнопленных. Другое немецкое воинское захоронение находится в п. Боровский, здесь нашли покой 17 пленных. За все годы существования лагеря была зафиксирована смерть порядка трёхсот военнопленных. В 1943г. умерло 50 человек, в 1944 – 31, в 1945г. – 118, в 1946г. – 81, в 1947г. – 19 и в 1948г. – 6 человек [7, с.10].

Отмечено 28 смертей, наступивших в результате несчастных случаев. Самая большая трагедия произошла 14 ноября 1946г., когда грузовик с военнопленными столкнулся на железнодорожном переезде с поездом. Тогда погибло 14 человек, и все они похоронены в Боровом. Два человека утонули, трое скончались в результате отравления дихлорэтаном, и 6 человек погибло непосредственно на производстве". По окончании войны Советское правительство приняло решение об отправке на родину военнопленных. Первая партия рядового и унтер-офицерского состава была отправлена в Германию в июне 1945г. Это были инвалиды, больные туберкулезом, дистрофией. После отправки больных военнопленных резко возросли негативные настроения в лагере, которые выражались в форме профашистской агитации, отказе от работы, резком снижении производительности труда. Среди военнопленных участились случаи саботажа и членовредительства. Согласно приложения к Директиве НКВД СССР № 66 от 1946г.: "В тюменском лагере № 93 военнопленный солдат бывшей германской армии Нисслер для уклонения от работы систематически симулировал различные болезни. Имея намерение вовсе освободиться из лагеря и уехать на родину, Нисслер похитил на заводе, где работал, 5 кг соли, употреблял её в пищу в большом количестве, в результате чего у него появились отеки ног и рук. Привлеченный к уголовной ответственности, Нисслер признал себя виновным в умышленном членовредительстве. Военным трибуналом войск НКВД по Тюменской области Нисслер осужден к 5 годам лишения свободы. До осуждения Нисслера в этом лагере количество больных с отеками доходило до 70 человек. После осуждения Нисслера количество больных этой категории резко сократилось" [17]. После войны режим стал свободнее, военнопленные могли уже без охраны ходили по улицам областного центра, в кино, получать из Германии письма и посылки. Пленных стали привлекать к строительству домов в центре города и поселке железнодорожников, они заложили здания обкома ВКП (б) и УМГБ -УМВД, но достроить их не успели. Сначала на родину были отправлены румыны, в сентябре 1946г. ликвидировано третье отделение в Боровом, в июне 1948г. – второе отделение на ДОКе, а 10 ноября 1948г. оставшиеся 45 военнопленных были отправлены в лагерь № 314 на станцию Асбест Свердловской области [14, с.197].

В конце 1940 – начале 1950 г. военнопленные содержались на севере Тюменской области. Одно из лагерных управлений находилось в Салехарде. В его подчинении находился печально известный строительный объект № 501("Мертвая дорога"). Он простирался от железнодорожной станции Печора через Урал и Обь до реки Таз и охватывал 4 отделения: Елецкое, Обское, Лабытнангское и Салехардское. К 1950г. появились еще 3 отделения: Надымское, Аксарка и Новый порт. Один из них – специальный лагпункт № 34, находился в Новом Порту. Там насчитывалось 1 600 заключенных, в том числе 30 немцев, а также японцы, испанцы и даже американцы. Находившийся в нем с октября 1951 по декабрь 1953 г. немецкий военнопленный рассказывал:

"Заключенные живут в землянках и спят на нарах. Горючим материалом служит олений навоз. 70 % заключенных тяжело больны туберкулезом и цингой. Смертность высока. Во время моего плена умерло 10 немцев. Прежде всего, недостает пищи" [2, с.27].

Специальный лагерь для военнопленных - женщин находился на станции Лабытнанги – конечном пункте участка Печора–Урал–Обь. Одна из заключенных немок оставила свидетельства о том, как она с июня 1949 до мая 1951гг. работала в районе Салехарда в 8 разных женских колоннах 501 стройки: «Начало каждой колонны было всегда таким: останавливались посреди леса и сначала жили в палатках, пока строили бараки. Лагерь колонны обычно состоял из больших барачков, в которых размещалось от 300 до 500 женщин. Путь к рабочему месту составлял до 14км. Нас строго охраняли два вооруженных солдата, иногда со сторожевыми собаками»[2, с.29].

Другая военнопленная оставила описание пересыльного лагеря в Салехарде. В августе 1950г. там насчитывалось примерно 2 000 мужчин и 700 женщин: "Спустя несколько дней после прибытия в пересылку Салехарда нас объединили в команду из 40 женщин, среди них находилось 12-15 немок. Нас повезли на реку Полуй – правый приток Оби, юго-восточнее Салехарда. В 401 колонне было 500 женщин, среди них в то время 3 немки. Ежедневное рабочее время составляло до 12 часов при месячной зарплате от 7 до 10 рублей". Еще одна женщина сообщала: "В пересылке Лабытнанги с мая 1949 по июнь 1951 гг. одновременно находилось 17 немок из Кенигсберга" [2, с.34].

Бывший заключенный Кромов Василий Константинович вспоминал: "В 1948г. меня этапировали в Лабытнангскую пересылку. В 1949г. при нашей колонии была создана спецбригада, которая занималась захоронениями заключенных. Бригада состояла из 12 человек. Мы обслуживали все колонии, начиная с Харпа и заканчивая Лабытнангами. Скажу сразу, работы было много. В день в разных местах мы хоронили по десять трупов. Советская власть старалась оберегать от душевных потрясений своих граждан. Ни в коем случае, мы не должны были кому-то рассказывать, подписывали даже бумагу о неразглашении тайны. Приходилось хоронить много: были немцы, англичане, японцы, голландцы, американцы, и даже итальянцы. Помню, есть даже целое кладбище немецких военнопленных. Их здесь было много. Были и офицеры вермахта. В среднем где-то таких около тысячи. После ликвидации нашей колонии в 1953г., весь состав бригады отправили за Салехард". 19 февраля 1949г. было принято решение об отправке на родину всех военнопленных. Ограничения были на тех пленных, которые совершили военные преступления и были осуждены [3, с.34].

В 1953г., после смерти Сталина, правительством СССР была объявлена амнистия для осужденных немецких пленных. В сентябре 1954г. СССР ратифицировал Женевскую конвенцию о военнопленных. Во время переговоров между канцлером ФРГ К. Аденауэром и Председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным в Москве в сентябре 1955г. было принято решение о репатриации всех военнопленных.

Изучение истории деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР в Тюменской области, как части советской пенитенциарной системы представляется важным и интересным. Одним из основных средств воздействия на военнопленных в советской пенитенциарной теории выступал труд. Трудоиспользование военнопленных преследовало в первую очередь цель извлечения прибыли для улучшения питания, медицинского обслуживания, вещевого обеспечения, организации культурно-просветительной работы, развития производственной базы, подсобных хозяйств. Анализ культурно-просветительной работы в лагерях военнопленных Тюменской области в 1940-е гг. показывает, что руководство учреждений прилагало все усилия для выполнения предписываемых законодательством норм культурно-просветительного, воспитательного воздействия на военнопленных. Эта сфера деятельности пенитенциарных учреждений имела реальное позитивное влияние на военнопленных, помогая скрашивать тяжелые дни в заключении, что имело огромное психологическое значение. При этом несоблюдение норм содержания военнопленных, их тяжелое положение обуславливалось не изначально установленными установками государства, а сложившимися трудностями того периода. Можно констатировать, что советская пенитенциарная система имела существенный прогрессивный потенциал, который не был полностью реализован в 1940-е гг. в силу обозначенных в статье причин.

The article is characterized by a situation of prisoners of war in the Tyumen region during the second world war, the conditions of prisoners, medical care, food. The use of documents and regulations of the Directorate-General for prisoners of war and civilian internees under NKVD USSR.

Key words: *camp for prisoners of war, Tyumen region, the penitentiary system.*

Список литературы

1. Алексеев С.Е. Историография истории строительства железной дороги Салехард -Игарка во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. XX в. // Уральский исторический вестник (Екатеринбург-Салехард). 2005. № 12: Ямальский выпуск. С. 118-125
2. Алексеев С.Е., Камынин В.Д. История строительства железной дороги Салехард -Игарка в современной историографии // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Мат. VII Всерос. науч. конф, ноябрь, 2005. Екатеринбург, 2005. С. 27-31.
3. Военно-исторический журнал. 1991. № 4.
4. В.Р. Мединский. Война. Мифы СССР. 1939–1945 // Москва. «ОЛМА Медиа Групп». 2011.
5. ГА РФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 2227, л. 31-42.
6. ГА РФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 736, л. 155-162.

7. ГА РФ. Ф. 9401, оп. 1, д.777, л. 158-164.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401, оп. 1, д.737, л. 232-237.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 7. оп. 1. д. 1054, л.216 об.
10. Ермаков И. Тюмень тыловая // Екатеринбург, 1995.
11. Маркдорф Н.М. История становления лечебного дела в спецгоспиталях Народного комиссариата внутренних дел - Министерства внутренних дел СССР Западной Сибири: 1942-1950-е гг. // Новосибирск, 2002.
12. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил // Статистическое исследование под общей редакцией кандидата военных наук, профессора АВН генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.
14. Сборник приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных в лагерях НКВД. М., 1945.
15. Темплинг В.Я. Линия судьбы (о привлечении советских немцев к работе с военнопленными) // Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, 2007.
16. Темплинг В.Я. К истории лагеря для военнопленных № 93 // Словцовские чтения 96. Мат. К науч.-практ. конф. Тюмень, 1996.
17. Темплинг В.Я. Военнопленные Второй мировой войны в Тюмени // Ежегодная конф. Тюменского обл. краеведч. музея. Тюмень, 1999.
18. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение // Тюмень, Издательство "Вектор Бук", 1999. 151 с.
19. Эйхельберг Е.А. /Düsseldorf, Deutschland/ Военнопленные в Тюменской области. Тюменский научный центр СО РАН, 2007.

Об авторе

Южаков В.П. - соискатель ученой степени кандидата исторических наук, ООО «Экостэп - Тюмень», viktor.yuzhakov@mail.ru

УДК 94(73).085 "1885/1889"

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В США И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1888 Г.

В.В. Ярыгин

В данной работе рассматриваются политическая борьба и принципиальные расхождения между крупнейшими американскими партиями: республиканской и демократической в конце XIX в. Противоречие между ними лежало в вопросах о денежном стандарте, таможенных тарифах и монополиях. Также рассматриваются президентские выборы 1888г., на которых потерпел поражение действующий на тот момент президент-демократ Гровер Кливленд.

Ключевые слова: республиканцы, демократы, политическое противостояние, выборы 1888 г., Кливленд и Гаррисон.

Конец XIX в. в истории Соединённых Штатов Америки можно назвать периодом партийного правления. Эпоха "Позолоченного века" ознаменовалась ослаблением президентской власти и усилением управляющей роли сената в жизни страны, характерной чертой которой стал боссизм. Партийные лидеры штатов занимали одно из ключевых мест в федеральном государственном аппарате. Сенат играл гораздо большую роль в системе государственной власти, нежели палата представителей. Попав в него, боссы штатов имели возможности для того, чтобы навязывать свою волю как нижней палате, так и главе исполнительной власти – президенту [3, с. 99]. Сенаторы пользовались предоставленным им конституцией правом давать "совет и согласие" президенту по вопросам назначений на правительственные посты и неформальным правом, сложившимся в результате политической практики, составлять списки кандидатов на все другие федеральные должности [5, с. 33].

Местные партийные боссы штатов не брезговали откровенно противозаконными методами. Например, покупкой голосов. В 1886 г. в этом был обвинён сенатор из Огайо – Генри Пейн, представитель Демократической партии. Легислатуры штата усомнились в законности его избрания, и губернатор отправил письмо в сенат США с просьбой о проведении расследования [15, р. 1; 17, р.1; 22, р. 2]. Другим примером может служить республиканец Джон Ингэллс – сенатор из Канзаса, его тоже обвиняли в скупке голосов при избрании в верхнюю палату конгресса. В прессе называлась даже сумма, которую Ингэллс заплатил за своё избрание в 1879 г. некоему Джеймсу Хоссэку, члену легислатур штата. Взятка составляла 1 000 долларов [33, р.1; 16, р. 1]. Но в обоих случаях фигурантов расследований признали невиновными.

Президентские выборы в США представляли собой не что иное, как борьбу между руководством двух ведущих политических партий за президентский пост с его престижем, правами и властью [69. р. 96]. Победа кандидата на президентских выборах, становилась не его личным достижением, обусловленным теми или иными

его качествами, как политика, а достижением партии. Именно партии, а не конкретного человека. В конце XIX столетия среди американских президентов, исключая единственного за тот период президента-демократа Гровера Кливленда, не было действительно выдающихся личностей, которые могли бы пойти на конфликт с партией. Партии выдвигали президентов, и президенты становились выразителями и исполнителями воли партии.

Одним из важных вопросов в изучении истории США конца XIX в. является рассмотрение различий и общих черт в позициях ведущих американских партий по различным политическим, экономическим и социальным проблемам того времени. Главным водоразделом между республиканцами и демократами был вопрос о таможенных тарифах. Республиканцы требовали сохранения и усиления протекционизма, демократы же – снижения тарифных ставок. Конгрессмен-республиканец из Индианы Уильям Оуэн прямо заявил, что “человек может быть или сторонником фритреда, или протекционизма, третьего не дано” [24, р. 47].

Демократы старались интегрировать в структуру двухпартийной системы городские низы крупных центров Северо-Востока, в первую очередь иммигрантов, в основном католиков [6, с. 92]. По большей части, это были итальянцы, поляки и особенно ирландцы, “систематически голосовавшие до 1884 г. за демократов” [36, р. 6]. По словам русского путешественника П.А. Тверского, прожившего более 10 лет в Америке, ирландцы голосуют “целым стадом под руководством ловкого представителя Тамани Холла” [8, с. 145]. Поддержка иммигрантов со стороны Демократической партии не распространялась на китайских законтрактованных рабочих, которые прибывали на западное побережье Соединённых Штатов. Сенатор-демократ Турман утверждал, что “расово, в цивилизационном отношении, в обычаях, образовании, религии китайцы слишком отличаются от наших людей” [47, р. 382]. Республиканцы получали поддержку от групп протестантов, особенно из Новой Англии, бывших аболиционистов, чёрных избирателей на Юге и, естественно, от ветеранов Гражданской войны, воевавших в армии Союза. Также “Великая старая партия” была связана с банкирами, владельцами фабрик и предпринимателями, заинтересованными в сохранении протекционистских тарифов [35, р. 55].

При этом, как отмечают исследователи, на протяжении “позолоченного века” в США была тенденция снижения активности американских избирателей, прежде всего, уменьшения явки на выборах всех уровней [9, с. 288]. В южных штатах причиной этого стали меры, принятые для того чтобы обойти XV поправку к федеральной Конституции, которая запрещала дискриминацию цветного населения. Это были ценз грамотности, введение налога на участие в выборах, и так называемый одиозный “дедушкин закон”. Эти меры, в первую очередь, были направлены против цветного населения, хотя и белые избиратели пострадали тоже, но в гораздо меньшей степени, потому что число неграмотных среди негров составляло от 40 до 60% [11, с. 166]. По данным переписи 1890 г. 58% чернокожего населения Америки не умели читать и писать [41, р. 65]. Немногие из них могли представить доказательства того, что избирательное право имели их деды. На юге США руководители регистрационных и выборных комиссий местного и федерального уровня подчинялись рекомендациям местных партийных боссов демократической партии [55, р. 595]. Были распространены случаи, когда неграм в южных штатах просто не давали голосовать за республиканцев [8, с. 64]. Генерал Уоллес говорил, что Конфедерация жива и “Её новое имя – это Стойкий Юг” [44, р. 15].

Кандидатом от Демократической партии на пост президента на выборах 1888 г. был Стивен Гровер Кливленд. К выборам действующий президент подошёл с незavidным политическим багажом. За время своего правления Кливленд наложил 414 вето на представленные ему на подпись ему законопроекты. Из них 304 регулярных вето и 110 “карманных”. Так называемое “карманное” вето предусматривает, что если законопроект поступил президенту менее чем за 10 дней до окончания сессии конгресса, президент может продержать у себя законопроект до закрытия сессии (не вынося никакого решения), после чего он будет считаться отклонённым. Два вето из 414 были всё-таки преодолены конгрессом [39, р. 65]. Несмотря на такое количество отклонённых законопроектов, Кливленд добился единогласного одобрения при выдвижении своей кандидатуры на пост президента Соединённых Штатов от Демократической партии на партийном съезде.

Выборы кандидата в вице-президенты прошли в один тур, и Аллен Турман из Огайо получил 600 голосов, 105 было отдано за Айзека Грэя из Индианы и 25 за Джона Блэка из Иллинойса [34, р. 316]. Аллен Турман был председателем верховного суда штата Огайо, избирался в палату представителей на один срок в 1844 г. [54, р. 18]. Также он был сенатором с 1869 по 1883 гг. и был членом комиссии по выборам 1876 г. [13, р. 1056]. За свою строгость и приверженность букве закона судья Турман получил прозвище “старый Римлянин”.

В важном вопросе о долларовой стандарте Кливленд был приверженцем твёрдой золотой валюты. В своём первом годовом послании конгрессу он рекомендовал приостановить чеканку серебряных долларов. По закону Бленда-Эллисона 1878 г. от 2 до 4 миллионов долларов ежемесячно должны были идти на покупку серебра правительством США для чеканки серебряных долларов. По словам Кливленда, если этот процесс продолжится достаточно долго, он приведёт к “замене всего золота серебром в казне” [62, р. 371]. Эта позиция шла в разрез с мнением многих представителей Демократической партии, среди которой было много сторонников так называемых “дешёвых” денег.

Главным вопросом расхождения партий являлись таможенные тарифы. Кливленд заявлял, что избыточное обложение пошлинами – это несправедливое обложение [57, р. 19]. У демократов был лозунг: “Избыточные тарифы подавляют промышленность. Снизить тарифы – необходимо для жизни!” [27]. Они заявляли, что тарифные ставки надо снизить, но “не в ущерб защищаемым интересам Соединённых Штатов” [55, р. 545].

Политика протекционизма, проводимая в течение многих лет республиканцами, усиливала монополи-

защиту американской промышленности и торговли. Тем самым увеличивала доходы компаний-монополистов за счёт населения. Такое положение противоречило понятиям Кливленда о справедливом налогообложении. Поэтому он добивался снижения таможенных пошлин, поскольку именно из-за отсутствия конкуренции росли цены на товары внутри страны, а монополии кладут себе в карман дополнительную прибыль. Он утверждал в письме, написанном по случаю юбилея Таммани Холл, что “попытка представить сторонников фритреда врагами национальной промышленности и рабочих настолько далека от действительности, что такой обман просто не может иметь шансов на успех” [62, р. 89].

Такие же идеи содержались и в политической программе демократов, одобренной на партийном съезде, который прошёл в Сент-Луисе 7 июля 1888 г. В ней говорится, что “избыточные тарифы противоречат кредо демократии”, что они “увеличивают цены на жизненно необходимые товары для всего населения” [54, р. 63]. Демократическая партия все экономические проблемы страны сводит к тому, что протекционизм, традиционно защищаемый республиканцами, – это главный источник всех зол в стране. И поэтому тарифные ставки следует уменьшить для блага американского народа. В платформе демократов говорится, что следует пересмотреть несправедливые тарифы, которые были необходимы в условиях войны, но совершенно излишни при наступлении мира и подрывают равенство людей перед законом [20]. В одной из карикатур высокий протекционистский тариф, как пережиток времён Гражданской войны, изобразили в виде жирафа с лентой, на которой красовалась надпись: “War Tariff” [26].

Демократы, признавая закономерным возникновение корпоративной формы капитала, в то же время решительно осуждали создание пулов и трестов, как и других форм предпринимательских объединений, направленных на монополизацию рынка. Они неизменно критиковали раздачу республиканскими властями гигантских территорий железнодорожным компаниям [9, с. 285]. Примером может служить тот факт, что демократы последовательно в своих политических платформах требуют возврата государству земель, переданных железнодорожным корпорациям [19; 20]. В платформе 1888 г. Демократическая партия называет даже площадь тех земель, которые должны быть возвращены государству и переданы народу. Она составляла около 1 миллиона акров [20].

Вообще, в ходе предвыборной гонки, развернулась настоящая кампания по дискредитации действующего президента и Демократической партии. Их обвиняли в клевете каждому ветерану Гражданской войны, что деньги для повышения пенсий отсутствуют [66, р. 7]. Лично Кливленда обвиняли в том, что он вернул флаги Конфедерации, которые являлись боевыми трофеями армии Союза, южным штатам, и в том, что он выгнал из своей администрации 40% республиканцев-ветеранов Гражданской войны [59, р. 192-193]. Республиканцы не переставали напоминать своим избирателям о том, что демократическая партия преобладает в южных штатах, которые были виновны в развязывании Гражданской войны, и что демократическое большинство в конгрессе и администрации президента существует исключительно за счёт “преступной нуллификации Конституции и законов Соединённых Штатов” [40].

Сравнивая с кандидатом-республиканцем Бенджамином Гаррисоном, о действующем президенте писали, что у него не было семьи, когда началась Гражданская война [60, р. 2], что он под конец своего срока пытался провести “опасную схему тарифной реформы” [49, р. 1]. Особенно президента обвиняли в любви к англичанам, именно в этом противники Кливленда видели причину защиты им положений свободной торговли [14, р. 14]. В глазах республиканцев фритред фактически приравнивался к государственной измене. Конгрессмен Уильям Килли из Пенсильвании обвинял демократов в том, что они “отказываются принимать любую политику, кроме фритреда” [24 р. 11].

Идея демократов о свободной торговле ассоциировалась у населения в первую очередь с англичанами. Она отталкивала от себя избирателей ирландского происхождения, которые переходили в лагерь их политических противников, то есть республиканцев. Тем самым ирландцы поддерживали систему американского протекционизма, направленную в первую очередь против Великобритании [48, р. 1]. Сами же демократы считали, что всего лишь придерживаются принципов, завещанных Томасом Джефферсоном, о мирной и честной коммерции со всеми странами [47, р. 12].

Главной проблемой Республиканской партии к концу XIX столетия стало то, что это уже была не партия-выразительница воли народа, а партия, представляющая интересы правящего класса. Однако, используя некоторые уступки и демагогию, республиканцам всё же удалось сохранить за собой поддержку рядового избирателя. Весомым аргументом “Великой старой партии” в защиту американского протекционизма были заявления о том, что многие страны отказались от идеи фритреда [24, р. 8], а вся внешняя торговля Великобритании была равна примерно одной шестой внутренней торговли США [24, р. 21].

Рабочих они стремились привлечь лозунгом “Высокие тарифы – высокая заработная плата”, и утверждением что сами рабочие больше всего заинтересованы в сохранении протекционизма [59, р. 128]. Республиканцы доказывали это на примере условий жизни рабочих в Европе и зарплат в различных отраслях промышленности в Англии и Массачусетсе. Разница составляла в среднем 1,5–2 раза в пользу Соединённых Штатов [59, р. 115]. Фермерам республиканцы напоминали, что именно партии Линкольна они обязаны законом о гомстеде. Приводя в пример предшественника Линкольна – Джеймса Бьюкенена, который наложил вето на законопроект о наделении землёй, и демократы в сенате его поддержали [59, р. 161].

Но со времён Авраама Линкольна прошло достаточно времени, и республиканцы оказались связанными с финансово-промышленными кругами Соединённых Штатов. В первую очередь, с железнодорожными

корпорациями Гульда, Вандербильта и других, которым правительство выделяло на льготных условиях федеральные земли под строительство железных дорог. Между тем, эти земельные фонды первоначально подпадали под закон о гомстеде и подлежали раздаче всем желающим. С ростом монополизации промышленности и торговли республиканцы, контролировавшие конгресс и Белый дом проводили в жизнь протекционистские таможенные тарифы для защиты отечественной промышленности и торговли от иностранной конкуренции, в первую очередь от товаров английского производства.

Сращивание политической власти с торгово-промышленной элитой порождало невиданную доселе в истории США коррупцию. В последние десятилетия XIX в. коррупция стала массовым явлением в Америке. Представители монополий с помощью подкупа добивались уничтожения неугодных и принятия нужных законов [12, с. 42]. Под крышей Капитолия помимо подкупленных конгрессменов активно действовали как многочисленные лоббистские представительства, так и отдельные посредники, называемые по роду их деятельности "людьми нефти", "сахара", той или иной железнодорожной компании. Лоббизм превращался в мощный инструмент воздействия на государственные органы [2, с. 92]. Газета "Omaha daily bee", например, утверждала, что "лобби железнодорожной компании "Northern Pacific" в лице бывших членов конгресса очень велико в палате представителей. В сенате же, напротив, – нет нужды в таком сильном лобби железнодорожных корпораций, так как в нём заседают их члены и представители" [38, р. 4]. Демократы обвиняли политических оппонентов в том, что "железные дороги и республиканизм, корпорация и коррупция – эти слова слишком долго были синонимами" [61, р. 2]. Журнал "Puck" в 1889 г. году опубликовал карикатуру под названием "Боссы сената", на которой в виде стоящих в сенате денежных мешков с человеческими головами были изображены компании-монополисты, такие как "Steel Beam Trust", "Copper Trust", "Standard Oil Trust" и другие. И над ними была табличка, перефразирующая знаменитые слова Авраама Линкольна из его Геттисбергской речи: "Это сенат монополистов, волей монополистов и для монополистов" [30].

"Великая старая партия" всеми силами старалась исправить свою репутацию в глазах рядовых избирателей, но это далеко не всегда удавалось. Ситуацию очень хорошо иллюстрирует одна политическая карикатура. На ней группа сенаторов-республиканцев во главе с известным партийным функционером Джеймсом Блейном пытается натянуть шкуру на скелет слона с надписью: "Престиж." Слон был и остаётся до сих пор эмблемой республиканской партии. И ниже надпись: "Как настоящий, как живой!" [29]. Также республиканцы на выборах 1888 г. столкнулись с серьёзной проблемой – отсутствием перспективных кандидатов на пост президента. Старые, испытанные политические бойцы отказались от высокой чести баллотироваться [4, с. 290]. Боссам пришлось делать ставку на очередную "тёмную лошадку".

Кандидатом от Республиканской партии на пост президента страны на выборах 1888 г. был бывший сенатор от штата Индиана и генерал Гражданской войны Бенджамин Гаррисон. Он приходился внуком девятому президенту Соединённых Штатов Америки – Уильяму Генри Гаррисону, который вошёл в историю как президент США с самой длинной инаугурационной речью и самым коротким сроком правления. Бенджамин Гаррисон являлся классической так называемой "тёмной лошадкой." Он был выдвинутым республиканских партийных боссов и их спонсоров из железнодорожных компаний, таких как "Union Pacific", "Southern Pacific", "Missouri Pacific" и других. Его называли "железнодорожным президентом, представленным на партийном съезде Республиканской партии" [56, р. 86]. Демократ М. Турпи из Индианы утверждал, что Гаррисон "не сильнее в этом штате, чем любой другой республиканец" [66, р. 8].

Встреча боссов "Великой старой партии" и представителей железнодорожных корпораций происходила в "Grand Pacific Hotel" в Чикаго во время партийного съезда республиканцев, на котором и проходили выборы кандидата в президенты. На этой встрече присутствовали: Крид Хеймонд и Фред Крокер – адвокат и вице-президент "Southern Pacific", сенатор Джон Койт Спунер из Висконсина, который был адвокатом в Чикаго; сенатор Уильям Моррис Стюарт из Невады, бывший адвокатом "Central Pacific"; генеральный управляющий "Missouri Pacific" и по совместительству вице-президент железнодорожных линий магната Гульда в штате Айова – Кларксон и другие [51, р. 5]. Ведущие сенаторы-республиканцы конца XIX в. У. Аллисон, Н. Олдрич, О. Плат, Д. Спунер ("философский клуб", как величали их) были адвокатами крупных корпораций. Миллионер или адвокат корпораций – типичный американский сенатор, олицетворял тесную унию государства и бизнеса [10, с. 136].

По мнению газеты "The Los Angeles Daily Herald", собравшиеся партийные боссы и их спонсоры из железнодорожных компаний негласно выбрали Гаррисона, а потом уже формально утвердили его на партийном съезде в качестве кандидата на пост президента от Республиканской партии. В прессе чикагский съезд республиканцев, на котором произошло выдвижение Бенджамина Гаррисона кандидатом в президенты, называли "республиканским цирком", а известного партийного деятеля Джеймса Блейна – "хозяином арены" [46, р. 4]. Журнал "Harper's Weekly" изобразил Блейна на карикатуре верхом на слоне, который традиционно олицетворял республиканскую партию, а перед слоном бежал карлик Гаррисон с короной на голове. На короне была надпись: "Утверждён". А сам Гаррисон кричал: "Дорогу некоронованному королю!" [27].

В отличие от Гровера Кливленда, которого Демократическая партия избрала единогласно, выдвижение Гаррисона потребовало 8 туров голосования на партийном съезде республиканцев, который проходил с 19 по 25 июня 1888 г. в Чикаго. В ходе первого тура бывший сенатор от Индианы и генерал Гражданской войны Гаррисон набрал 80 голосов, а в последнем и решающем – уже 544. Не привлекающее всеобщего внимания прошлое Гаррисона, полное отсутствие политических скандалов и моральная чистота делали его прекрасным

компромиссным кандидатом для выборов 1888 г. [1, с. 305]. Именно про таких кандидатов и писал В.Я. Острогорский, что они “выдвигаются партийной машиной и будут послушным орудием в руках искусных руководителей машины, они будут делать то, что хочет машина, и покрывать её своей почтенностью” [7, с. 437]. Газета “The watchman and southron” писала, что, когда кандидата в президенты утвердили, у делегатов съезда был только один вопрос: “Кто такой Гаррисон?” [63, р. 1].

В отличие от Бенджамина Гаррисона, пусть даже формальное утверждение которого потребовало несколько туров голосования, кандидата на пост вице-президента выбрали в результате одного круга. Им стал бывший конгрессмен Леви Парсонс Мортон из Нью-Йорка, принадлежавший к “партийной машине” сенатора Роско Конклинга. Конклинг в своё время был известной фигурой среди Республиканской партии и главой фракции так называемых “стойких” (“stalwarts”) в конгрессе. Также он контролировал систему раздачи должностей среди республиканцев на Нью-Йоркской таможне. Именно Конклинг предлагал кандидатуру Мортон на пост министра финансов президенту Джеймсу Гарфидлу в 1881 г., но получил отказ. На выборах кандидата в вице-президенты от республиканцев Леви Мортон набрал 591 голос, при необходимом минимуме в 413 [53, р. 50]. Партийный босс республиканцев из Нью-Йорка Томас Платт в своей автобиографии писал, что Мортон был в “большом почёте на Востоке, и это содействовало его триумфу на голосовании” [64, р. 205-206].

До того как стать кандидатом в президенты Бенджамин Гаррисон был сенатором от штата Индиана с 1881 по 1887 гг., где сменил на этом посту Джозефа Мак-Дональда [13, р. 707]. Несмотря на то, что в биографиях будущего 23-го президента США, изданных к выборам, опять поднимался извечный американский миф о “президенте из бревенчатой хижины”, семейство Гаррисонов имело богатую политическую традицию. Дед кандидата – Уильям Генри Гаррисон, был девятым президентом Соединённых Штатов. Прадед, которого также звали Бенджамин, в своё время был губернатором Вирджинии и подписывал Декларацию Независимости США [21, р. 82]. Бенджамин Гаррисон был одним из самых способных юристов своего времени, служил на посту прокурора штата Индиана, где был известен свое честностью. Во время Гражданской войны будущий президент пошёл добровольцем на службу в звании полковника и получил под своё командование 70-й полк добровольцев из Индианы, который он сам помогал сформировать. Его полк охранял железные дороги в штате Кентукки и принимал участие к кампании в Атланта. В конечном итоге, Бенджамин Гаррисон дослужился до звания бригадного генерала.

Будучи сенатором с 1881 г. по 1887 гг., он защищал интересы землевладельцев и коренных американцев. Он был представлял интересы ветеранов Гражданской войны и работал над защитой и увеличением их пенсий. Гаррисон поддерживал реформу гражданской службы, чтобы вытеснить традиционную систему раздачи должностей; высокие протекционистские тарифы, поддерживающие развитие промышленности; сильный флот и регулирование железных дорог. Он постоянно нападал на президента Кливленда из-за налагаемых им вето на билли по назначению пенсий ветеранам Гражданской войны [25, р. 294].

Во время предвыборной кампании 1888 г. Гаррисон страдал от нападок прессы из-за своего родства девятым президентом США. Его изображали в карикатурах в образе карлика, стоящего в тени цилиндра своего деда [43, р. 549]. Американская рабочая организация “Рыцари Труда” опубликовала обвинительную статью в адрес Гаррисона, в которой приводилась его цитата, сказанная во время подавления забастовки железнодорожников в 1877 г., о том, что бастующие нарушают закон, и что любым рабочим достаточно платить 1 доллар в день и не более. Эту статью перепечатывали многие издания [50, р. 1; 51, р. 5; 58, р. 1.] Кандидат в президенты от “Великой старой партии” обвинялся в предательстве интересов американских рабочих и в том, что он является ставленником торгово-промышленных кругов. Впоследствии, Гаррисон всячески откешивался от этого заявления и называл его “ложью и газетной выдумкой” [45, р. 181]. Газета “Wichita eagle” писала, что генерал Гаррисон лично отдал приказ открыть огонь по бастующим [68, р. 4].

В отличие от Кливленда, страдавшего известным косноязычием, новый кандидат-республиканец умел произносить речи перед публикой. И это сыграло не последнюю роль в ходе предвыборной кампании. Он часто обращался к своим боевым товарищам, с которыми воевал во время Гражданской войны. В самых актуальных вопросах того времени – о тарифных ставках, золотом стандарте и монополизме Гаррисон придерживался строгих республиканских принципов. Он ратовал за сохранение американской системы протекционизма [45, р. 150]. Идя навстречу требованиям бизнеса, республиканцы заявляли что “политика, которая нужна Америке – это политика протекционистских тарифов” [45, р. 178]. А снижение тарифных ставок приведёт к увеличению количества английских товаров в стране [45, р. 100]. Гаррисон утверждал, что политика демократов приводит уменьшению работы в Америке, она буквально “переводит работу из лавок Южного Чикаго в Бирмингем” [45, р. 169].

По мнению республиканцев, высокие тарифные ставки обеспечивают высокие заработки рабочим. Чтобы не быть голословным в своих утверждениях, Гаррисон ставил в пример развитие промышленности в Новой Англии и утверждал, что высокие тарифные ставки дадут такой же результат в Мичигане, Огайо и Индиане [45, р.160]. Он говорил, что необходимо сохранить американский рынок для американских рабочих и оградить их от конкуренции. Это касалось китайских контрактных рабочих [45, р. 112, 175], которых республиканцы в платформе 1888 г. объявили “чуждыми для нашей цивилизации и конституции” [40]. Для решения этого вопроса необходимо ужесточить иммиграционное законодательство. Кандидат-республиканец был полностью солидарен с позицией демократов. Демократы же последовательно требовали запрета рабочей иммиграции из Китая в США и небезосновательно обвиняли республиканцев и лично Гаррисона в проволочках с принятием соответствующего закона [20; 47, р. 388, 403, 407-410].

За две недели до выборов произошёл инцидент, который, без сомнения, оказал серьёзное влияние на их ход. Была опубликована переписка между британским посланником в Вашингтоне, лордом Лайонеллом Сэквиллом-Уэстом и неким человеком, который подписывался как Чарльз Ф. Мурчисон – это было не настоящее имя. Фальшивый Мурчисон представился уроженцем Британии. И теперь, якобы являясь натурализованным американцем, но не потерявшим любви к своей родине, спрашивал у английского посла, как ему следует голосовать на грядущих выборах. Лорд Сэквилл отвечал, что “партия, открыто заявившая о своей симпатии к вашей родине, на данный момент тут же потеряет популярность. И эта партия находится у власти. Однако, эта партия, я верю, желает сохранения дружественных отношений с Великобританией” [37, р. 13; 28]. Переписка была опубликована 24 октября в газете “Los Angeles Times”, и впоследствии перепечатана многими изданиями. Республиканцы тут же ухватились за этот предлог, чтобы показать, что тарифная политика демократов выгодна для Англии, но плоха для Америки [23, р. 482].

После обнаружения этого письма поднялся вопрос: “Кто такой этот “Мурчисон”?” В качестве автора в прессе назывался Стивен Елкинс – выходец из Шотландии [52, р. 5; 17, р. 1]. Сам лорд Сэквилл называл эту историю “республиканскими политическими кознями” [61, р. 2]. В результате разразившегося скандала английский посланник стал персоной нон грата в Америке, а Кливленд потерял голоса избирателей ирландского происхождения, традиционно ненавидящих всё, что связано с Англией [53, р. 12].

Уже после выборов, в январе 1889 г. газета “The New York Times” опубликовала статью. В ней говорится, что автором письма британскому послу за подписью “Чарльза Ф. Мурчисона” был фермер-республиканец Джордж Оусгудби из Помоны, штат Калифорния. Со слов самого Оусгудби идею написать письмо лорду Сэквиллу он посчитал “хорошей шуткой” [36]. Фермер и не подозревал поначалу, какой оборот примет его “шутка”, и какие у неё будут последствия.

Очередные президентские выборы состоялись 6 ноября 1888 г. Они проходили в 38 штатах, всего проголосовало 11 383 320 человек. Количество выборщиков в коллегии составило 401 человек. За Гровера Кливленда проголосовало 48,6% населения и 168 выборщиков, что составило 42%. За Гаррисона же проголосовало 47,8% избирателей, но кандидат-республиканец получил убедительную поддержку в коллегии. За него проголосовало 233 выборщика (58,1%) [65, р. 103]. Таким образом, Бенджамин Гаррисон стал президентом, получив меньшинство голосов избирателей.

В 1888 г. повторился прецедент выборов 1877 г., когда республиканец Разерфорд Хейс также набрал меньше голосов избирателей, чем демократ Сэмюэль Тилден, но с той разницей, что Гаррисон получил убедительный перевес в коллегии выборщиков в 65 голосов, чего не было у Хейса в своё время. К тому же Хейс вступил в Белый дом в результате негласного соглашения, так называемого “компромисса 1877 г.” между демократами и республиканцами, когда была спорная ситуация с подсчётом голосов. В случае же выборов 1888 г. Бенджамин Гаррисон получил свой пост честно. Если посмотреть на карту, то сразу видно, что страна была разделена по партийно-географическому принципу. Штаты южнее Миссури и Западной Вирджинии, за исключением Коннектикута, проголосовали за демократов. Северо-восточные штаты и штаты Среднего Запада (Колорадо, Канзас, Небраска), а также запад страны (Орегон, Невада и Калифорния) поддержали республиканских кандидатов [32].

In this article examines a political struggle and a distinction of kind between two great American parties the republican and the democratic at the end of the XIX century. The contradiction lied between them in the question of the money standard, the tariff taxes and the monopolies. Also discusses the presidential election in 1888, which was defeated in force at the time of Democratic President Grover Cleveland.

Key words: *republicans, democrats, political struggle, elections of 1888, Cleveland and Harrison.*

Список литературы

1. Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997. 640 с.
2. Байбакова Л.В. Двухпартийная система США в период “позолоченного века” (последняя четверть XIX в.) М.: Изд-во МГУ, 1996. 152 с.
3. Зубок Л.И. Очерки истории США (1877-1918) М.: Госполитиздат, 1956. 608 с.
4. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов / Э.А. Иванян. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2008. 571 с.
5. История США в 4 томах под ред. Н.Н. Болховитинова. т. II 1877-1918. М.: изд-во “Наука”, 1985. 599 с.
6. Манькин А.С. История двухпартийной системы США (1789-1980) (спецкурс). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 285 с.
7. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 640 с.
8. П.А. Тверской. Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. С.-Петербург: Типографія И. Н. Скороходова. 1895. 451 с.
9. Согрин В.В. Исторический опыт США / В.В. Согрин; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2010. 581 с.
10. Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 368 с.
11. Согрин В.В. Политическая история США. XXVII-XX вв. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 400 с.
12. Супоницкая И.М. Монополии и антимонополистическое движение в США конца XIX в. М.: ИВИ,

1991. 140 с.

13. A biographical congressional directory with an outline history of the national congress 1774-1911. Washington government printing office. Washington, D.C. 1913. p.1136
14. Absinthe, P. The Red Bandana. Darling Bros. and Co. Detroit, Mich. 1888. 32 p.
15. Arizona weekly citizen., July 17, 1886
16. Asheville daily citizen., July 1, 1890
17. Bismarck weekly tribune., May 28, 1886
18. Bismarck weekly tribune., November 2, 1888
19. Democratic Party Platform of 1884. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29583> (дата обращения: 14.02.2014)
20. Democratic Party Platform of 1888. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29584> (дата обращения: 14.02.2014)
21. Diller Daniel C. The presidents, first ladies, and vice presidents: White House biographies, 1789 – 2001 / Daniel C. Diller and Stephen L. Robertson. Congressional Quarterly Inc. Washington, D.C. 2001. 271 p.
22. Dodge City times., June 3, 1886
23. Edward Stanwood A history of the Presidency from 1788 to 1897. Houghton Mifflin company NY, 1898. 586 p.
24. Extracts from the Congressional record 1854-1904 Allied printing trades council, Philadelphia. 1904. 540 p.
25. Graff Henry F. The Presidents. Charles Scribner's Sons & Thomson Gale, 2002. 747 p.
26. Harper's Weekly May 5, 1888. [Электронный ресурс]. URL: <http://elections.harpreweek.com/1888/cartoon-1888-Medium.asp?UniqueID=8&Year=1888> (дата обращения: 15.02.2014)
27. Harper's Weekly August 18, 1888. [Электронный ресурс]. URL: <http://elections.harpreweek.com/1888/cartoon-1888-Medium.asp?UniqueID=11&Year=1888> (дата обращения 15.02.2014)
28. [Электронный ресурс] URL: http://farm4.staticflickr.com/3037/3567197618_f526b77566_z.jpg?zz=1 (дата обращения: 14.02.2014)
29. [Электронный ресурс] URL: <http://graphicwitness.org/group/elephant.jpg> (дата обращения: 14.02.2014)
30. [Электронный ресурс]. URL: <http://kapitalisten.files.wordpress.com/2011/10/bosses-of-the-senate.jpg> (дата обращения 14.02.2014)
31. [Электронный ресурс]. URL: http://media.smithsonianmag.com/images/failedvote_631.jpg (дата обращения: 14.02.2014)
32. [Электронный ресурс]. URL: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1b/ElectoralCollege1888-Large.png> (дата обращения: 14.02.2014)
33. Kansas agitator., October 27, 1890
34. McClure A.K. Our Presidents and how we make them. Harper & brothers publishers. NY, 1900. 417 p.
35. McNeese T. The Gilded Age and Progressivism 1891-1913 (Discovering U.S. History). Chelsea House Publications, 2010. 135 p.
36. New York Times, January 9, 1889. [Электронный ресурс]. URL: <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=9906E7DE163AE532A2575AC0A9679C94689FD7CF> (дата обращения: 14.02.2014)
37. New-York tribune., November 4, 1888
38. Omaha daily bee., May 7, 1886
39. Presidential Vetoes U.S. Government Printing Office Washington, D.C. 1992. 620 p.
40. Republican Party Platform of 1888. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29627> (дата обращения: 14.02.2014)
41. Report of crime, pauperism and benevolence in The United States at the eleventh census: 1890. Washington D.C.: Government Printing Office. 1896. 411 p.
42. Salt Lake evening Democrat., March 31, 1887
43. Scribners, May 1918. 657 p.
44. Speech of Gen. Lew. Wallace on The Democratic Party and The Solid South. Crowfordsville journal print, 1888. 15 p.
45. Speeches of Benjamin Harrison Twenty-third President of the United States. United States Book Company. NY, 1892. 580 p.
46. St. Paul daily globe., June 19, 1888
47. The campaign text book of the Democratic Party of The United States for the presidential elections of 1888 prepared in direction of The National Democratic Committee. Brentanos. NY. 1888. 658 p.
48. The Columbus journal., May 30, 1888
49. The Columbus journal., July 11, 1888
50. The Hocking sentinel., September 13, 1888
51. The Los Angeles daily herald, October 7, 1888
52. The Los Angeles daily herald, November 1, 1888
53. The Los Angeles daily herald, November 4, 1888
54. The National contest. Darling Bros. & Co, Detroit, Mich. 1888. 128 p.
55. The North American Review, November 1889. 640 p.

56. The North American Review, July 1890. 128 p.
57. The North American Review, November 1890. 640 p.
58. The Ohio Democrat., October 27, 1888
59. The Republican campaign text-book for 1888. Pub. for the Republican National Committee, by Brentano's NY. 1888. 128 p.
60. The Saline County journal., July 26, 1888
61. The Salt Lake herald., November 7, 1888
62. The writings and speeches of Grover Cliveland. Cussel publishing company. NY. 1892. 571 p.
63. The watchman and southron., July 18, 1888
64. Thomas Platt. The autobiography of Thomas Collier Platt. New York: B. W. Dodge. 1910. 556 p.
65. Vital statistics of the Presidency: Washington to Clinton. Congressional Quarterly Inc. Washington, D.C., 1998. 455 p.
66. Western Kansas world., July 7, 1888
67. Western Kansas world., August 25, 1888
68. Wichita eagle., July 10, 1888
69. Wilfred E. Binkley. Man in the White House. Baltimore, 1970. 310 p.

Об авторе

Ярыгин В.В. – аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, yaryginvv84@gmail.com

ПРАВО

УДК 341.325

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Д.В. Азаров

В статье рассмотрены возможные варианты взаимодействия региональных органов представительной власти с судебной властью в рамках реализации представительными органами субъектов Российской Федерации контрольных полномочий.

Ключевые слова: право, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, парламентский контроль, судебная власть.

Конституционно-правовой принцип разделения властей предполагает реализацию системы сдержек и противовесов с участием в ней всех ветвей государственной власти. Между тем, в научных работах, посвященных и принципу разделения властей, и парламентскому контролю, акцент делается на исследовании принципов, условий и порядка взаимодействия законодательной и исполнительной власти. Что касается судебной власти, то ее участие в системе сдержек и противовесов сводится в основном к судебному контролю в рамках реализации функции осуществления правосудия. Судебному контролю в литературе уделено также достаточно внимания. Однако возникает вопрос: ограничивается ли участие судебной власти в системе сдержек и противовесов судебным контролем, т.е. контролем со стороны суда, и возможен ли контроль над судебной властью?

Небезосновательно принято считать, что степень независимости судебной власти ввиду ее социальной и правовой природы должна быть выше по сравнению с другими ветвями государственной власти. В демократическом правовом государстве высшей властью является власть закона, соответственно, судебная власть, обеспечивающая верховенство закона, должна быть свободна от чьего бы то ни было влияния, что бы иметь возможность быть объективной и беспристрастной. Высказанные соображения являются разумными и принципиальных возражений не вызывают. Вместе с тем, вытекающий из ст. 3 Конституции России принцип единства государственной власти во взаимной связи с принципом разделения властей (ст.10 Конституции РФ), по всей видимости, предполагает более тесную связь между всеми ветвями государственной власти, и возможность взаимного контроля за их деятельностью. Разумеется, что при определении принципов, условий и порядка осуществления такого контроля должны учитываться особенности каждой из ветвей государственной власти.

Основу системы сдержек и противовесов составляет правовая природа каждой ветви государственной власти, обуславливающая их компетенцию. Действительно, уже то обстоятельство, что органы одной ветви государственной власти принимают законы, другой – их исполняют, а третьей - разрешают возникающие споры, создает вполне реальное препятствие сосредоточению власти. Вместе с тем, система сдержек и противовесов гораздо сложнее приведенной схемы. В частности, наличие в статусе парламента контрольной составляющей обуславливает его компетенцию по реализации функций государственного контроля как за деятельностью исполнительной, так и судебной власти.

До вступления в силу Федерального закона от 15.12.2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) органы законодательной власти субъектов РФ принимали участие в процедуре назначения судей федеральных судов, выражая свое мнение относительно всех кандидатов. Конституционно-правовой основой такого подхода к регулированию отношений, возникающих при назначении федеральных судей, являлись (и, кстати, с тех пор ничего в этом плане не изменилось) нормы пунктов «б» и «л», части 1 ст. 72 Конституции РФ, согласно которым защита прав и свобод человека и гражданина, а также кадры судебных органов находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, право представительного органа государственной власти участвовать в формировании судейского корпуса вытекает из того же принципа разделения властей, провозглашенного российской Конституцией в качестве одной из основ конституционного строя. Не случайно назначение на должность судей высших судебных инстанций отнесено нормами п. «ж» ч. 1 ст. 102 и части 1 ст. 128 Конституции РФ к ведению Совета Федерации. Эта составляющая компетенции представительной власти логично вытекает из отстаиваемой нами идеи о единстве государственной власти (вытекающей, как уже отмечалось, из толкования ст. 3 Конституции РФ) в контексте принципа разделения властей. Действительно, раз единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, то участие, в той или иной степени, представителей народа в формировании всех ветвей государственной власти видится правомерным, логичным и разумным. Учитывая наличие в России двухуровневой системы государственной власти, принцип участия представительной власти в формировании судебной должен, по всей видимости, соблюдаться не только на федеральном уровне осуществления государственной власти, но и на региональном. Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, «не смотря на правовое закрепление разделения властей в механизме государственной власти субъектов Российской Федерации оно действует на сегодняшний день недостаточно эффективно» [3, с. 219]. Одним из средств повышения эффективности системы сдержек и противовесов, в том числе и на региональном уровне, видится парламентский контроль, в рамках которого региональные парламенты должны

иметь юридическую возможность участия в формировании судейского корпуса.

Как уже отмечалось, до сентября 2002 года (федеральный закон от 15.12.2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в части исключения выявления мнения законодательного органа субъекта Российской Федерации при назначении на должности судей федеральных судов вступил в силу 19 сентября 2002 года) органы региональной законодательной (представительной) власти обладали правомочием выражать свое мнение относительно кандидатов на должности федеральных судей. В частности, согласно ч. 1 ст. 33 Устава Брянской области от 26.01.1996 г. к исключительной компетенции областной думы относилось, в том числе, дача согласия при назначении на должности судей федеральных судов. Механизм такого согласования определялся Законом Брянской области «О порядке согласования с органами государственной власти Брянской области кандидатур для назначения на должности судей, начальника управления (отдела) Судебного департамента в Брянской области, прокурора Брянской области и утверждения начальника Управления внутренних дел Брянской области» от 17 ноября 1998 г. № 39-3 (далее – Закон о согласовании). Обязанность подготовки материалов и проведения предварительного рассмотрения кандидатур на должности федеральных судей возлагалась на постоянный комитет областной Думы по законодательству и правовому регулированию. По результатам рассмотрения кандидатур комитет согласно ст. 6 Закона о согласовании принимал одно из следующих решений: рекомендовать областной Думе согласовать для назначения представленную кандидатуру или рекомендовать Думе отказать в таком согласовании. Такие решения должны были быть аргументированными. Члены комитета, имеющие особое мнение по рассматриваемому вопросу, имели право изложить его в письменном виде. При рассмотрении на заседании областной Думы кандидатур на должности федеральных судей председатель указанного комитета Думы представлял депутатам кандидатуру для согласования, доводил до их сведения решение комитета, оглашал особое мнение отдельных членов комитета, если таковое имелось. В ходе обсуждения депутаты были вправе задавать вопросы докладчику, кандидату на согласование, лицам, приглашенным на заседание Думы по заслушиваемому вопросу, вносить предложения по обсуждаемым кандидатурам. Согласование или отказ в нем оформлялись постановлением областной Думы (п. 3 ст. 7 Закона о согласовании).

Такой подход регионального законодателя к процедуре назначения на должности федеральных судей представляется в принципе правильным. Он, как уже отмечалось, имеет под собой прочную конституционно-правовую основу. В этой связи стоит упомянуть, что конституционность правовых норм, устанавливающих обязательность учета мнения региональных представительных органов государственной власти при назначении на должности судей федеральных судов, неоднократно была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ; см. определения от 27 октября 2000 г. № 217-О по жалобе гражданина А.В. Паукова на нарушение его конституционных прав положением части 6 ст. 13 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», от 21 декабря 2000 г. № 252-О по жалобе гражданина С.А. Юркина на нарушение его конституционных прав частью 6 ст. 13 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 6 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Постановление от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Мало того, в 2004 году Законодательное Собрание Ростовской области обращалось в КС РФ с жалобой, в которой выражало свою правовую позицию о том, что федеральный законодатель не имел права исключать участие субъектов федерации в назначении судей федеральных судов. Определением от 09 июня 2004 г. № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности пункта 32 части 2 статьи 43 Устава Ростовской области» заявителю было отказано в принятии к рассмотрению запроса, однако, анализ правовых позиций КС РФ по вопросу о праве региональных парламентов участвовать в назначении судей федеральных судов позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, нормы ст. 6 Закона о статусе судей в редакции, действовавшей до сентября 2002 года, предусматривали такую форму участия законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации в процедуре назначения на должность федеральных судей как выражение своего мнения. Оценивая юридическое значение указанной формы, КС РФ неоднократно подчеркивал, что реализация полномочия Президента РФ назначать судей федеральных судов не может быть обусловлена согласием или несогласием субъекта Российской Федерации с назначением конкретного лица на должность. Отрицательное отношение регионального парламента к кандидатуре на должность федерального судьи в отличие от отрицательного отношения квалификационной коллегии судей не является препятствием для представления такой кандидатуры Президенту РФ для рассмотрения и принятия по ней решения (которое может быть как положительным, так и отрицательным). Не смотря на то, что такая правовая позиция не видится бесспорной (учитывая содержание нормы п. «л», части 1 ст. 72 Конституции РФ), тем не менее, с ней можно согласиться. Действительно, раз правомочие назначать судей федеральных судов (за исключением тех, кого назначает Совет Федерации) принадлежит Президенту РФ, то ограничивать его в реализации этого правомочия не стоит. В то же время, есть убеждение, что чем больше у Президента РФ будет мотивированных мнений относительно кандидатуры на должность федерального судьи, тем взвешеннее будет его решение относительно профессиональной судьбы кандидата.

Во-вторых, позволим себе не согласиться с выводом КС РФ о том, что определение условий и порядка занятия должности федерального судьи является исключительным правом федерального законодателя и не предполагает обязательного участия субъектов РФ в правовом регулировании в данной сфере. В Определении

КС РФ от 9 июня 2004 г. № 218-О, содержащем такой вывод, отмечается, что при исключении из пункта 3 статьи 6 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» слов «с учетом мнения законодательного (представительного) органа соответствующего субъекта Российской Федерации» федеральным законодателем было учтено соответствующее решение Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированное в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В этом постановлении КС РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения Конституции Республики Алтай, согласно которым городской и районные суды Республики Алтай, т.е. федеральные суды, образуются и действуют в соответствии с федеральным законом и законом Республики Алтай. Вопрос о возможности участия регионального парламента в назначении судей федеральных судов в указанном деле не рассматривался. Между тем, интересным применительно к рассматриваемому вопросу является вывод КС РФ относительно конституционности нормы п. 1 ст. 24 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которой орган государственной власти субъекта Российской Федерации может принимать участие в согласовании назначения на должность руководителей территориальных органов исполнительной власти в случаях, предусмотренных федеральным законом. Позиция КС РФ в данном вопросе сводится к следующему. Если на соответствующие территориальные органы федеральных органов исполнительной власти возлагаются полномочия Российской Федерации по вопросам совместного ведения, то, по смыслу статьи 72 Конституции РФ во взаимосвязи ее со статьями 5 (часть 3), 11, 76, 77 (часть 2), 78, (части 1 и 2) и 85 (часть 1), федеральный законодатель вправе предусмотреть возможность согласования с законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации назначения на должность руководителей территориальных органов исполнительной власти, поскольку такие должностные лица призваны обеспечивать разграничение полномочий органов исполнительной власти по предметам совместного ведения на всех уровнях; этим не затрагиваются прерогативы Российской Федерации в конечном счете самостоятельно решать данный вопрос при условии использования установленных Конституцией РФ и федеральным законом необходимых согласительных и юрисдикционных процедур. Учитывая, что и защита прав человека (основная задача судебной власти), и кадры судебных органов относятся к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, федеральный законодатель обязан обеспечить возможность региональной власти участвовать в формировании кадров судебного корпуса. Это не будет являться покушением на самостоятельность федеральной власти, так как, в конечном счете, окончательное решение вопроса остается за последней. Вместе с тем, сам факт участия региональной представительной власти в формировании исполнительной и судебной, будет логичным следствием реализации конституционного принципа единства и разделения государственной власти и реализуемых в рамках этого принципа региональными парламентами контрольных полномочий.

Анализ ситуации, сложившейся в сфере правового регулирования процедуры назначения федеральных судей в рассматриваемой плоскости, не будет полным без исследования причин, по которым федеральный законодатель решил устранить региональные парламента от участия в процедуре назначения федеральных судей. Формально изменение нормы ст. 6 Закона о статусе судей связывалось с принятием Федерального закона «Об органах судейского сообщества» (вступление в силу Федерального закона от 15.12.2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в части исключения выявления мнения законодательного органа субъекта Российской Федерации при назначении на должности судей федеральных судов связывалось с датой вступления в силу этого закона). Логично было предположить, что закон об органах судейского сообщества как-то восполнит утрату права региональных парламента участвовать в процедуре назначения судей, предоставив, например, парламентам право как-то взаимодействовать с органами судейского сообщества в рамках процедуры отбора кандидатов на должность судьи. Однако, вступивший в силу с 19 марта 2002 г. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества» (ст. 11) ограничил возможность участия региональных парламента в процедуре назначения федеральных судей полномочием назначать представителей общественности в квалификационные коллегии судей в субъектах Российской Федерации. Понятно, что в такой ситуации говорить о парламентском контроле в отношении судебной власти можно лишь с большой долей условности.

Реальные причины указанных изменений проявляются, если проследить эволюцию института регионального парламентского контроля за последние два десятилетия. В 90-е годы прошлого века этот институт развивался очень динамично. Региональные власти максимально использовали имеющийся потенциал для определения своего статуса. На этот период времени приходится пик законодательной активности региональных парламента в вопросе регулирования их полномочий, в том числе в области реализации государственного контроля. Вопросы правовой регламентации контрольной составляющей статуса региональных парламента активно обсуждались и в юридической науке. На рубеже веков наметился спад интенсивности развития института регионального парламентского контроля. Одна из причин тому – деятельность КС РФ, который признавая не соответствующими Конституции РФ отдельных положений региональных законов (в том числе Конституций, Уставов субъектов РФ) в части определения правомочий (в том числе и контрольных) региональных органов представительной власти очертил границы их компетенции. Собственно говоря, то же самое сделал и федеральный законодатель в рамках предоставленных ему полномочий. Таким образом, прослеживается определенное направление государственной политики федерального центра в отношении регионов.

Сегодня в отношении региональных парламентов наметились определенные положительные изменения. По всей видимости, появился социальный заказ на формирование в их лице реальных органов региональной государственной власти, что подтверждается очередным всплеском региональной законодательной активности (в 2012 году принят Закон Ненецкого округа «О контрольной деятельности Законодательного Собрания», в 2013 году - одноименный Закон Кировской области) и научного интереса к теме. Пользуясь ситуацией, считаем необходимым вернуться к обсуждению вопроса о возможности участия представительных органов государственной власти субъектов РФ в контроле над формированием судейского корпуса в регионах, и как вариант решения этого вопроса - вернуться к регулированию такого участия, которое было до вступления в силу Федерального закона от 15.12.2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации». О правильности предлагаемого подхода свидетельствует и зарубежный опыт. Так, например, в Германии «назначением судей, их переводом и повышением по должности занимаются соответствующие комитеты по выборам судей, которые являются не органами судейского самоуправления, а специальными органами парламентов и министерств юстиции федерации и земель» [1].

Учитывая выделение в законодательстве и правовой науке таких видов парламентского контроля как предварительный, текущий и последующий, контроль за формированием судейского корпуса логично будет отнести к предварительному контролю.

Одной из целей парламентского контроля является обеспечение соблюдения прав и свобод человека. Эта цель вытекает из сути парламента как представительного органа государственной власти. Среди задач, реализуемых для достижения указанной цели, особое место занимает обеспечение защиты нарушенных или оспариваемых прав. В этой части задачи представительной и судебной ветвей государственной власти совпадают (см. п. 1 ст. 2 АПК РФ) с той лишь разницей, что представительные органы власти сами не защищают, а только обеспечивают защиту, создавая для этого все необходимые условия; судебные органы непосредственно защищают нарушенные и оспариваемые права, так как это их основная функция. В этой связи представляется целесообразным установить правовые механизмы взаимодействия региональных парламентов с квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации, предоставив парламентам в рамках реализации контрольных полномочий обращаться в региональные квалификационные коллегии судей с заявлениями о привлечении судей к дисциплинарной ответственности по результатам осуществления мероприятий парламентского контроля. Разумеется, также как и в вопросе согласования кандидатур на должность федерального судьи, роль парламента в данном вопросе должна сводиться к тому, что бы обратить внимание компетентных органов на обстоятельства, которые региональному представительному органу видятся заслуживающими внимания. Полагаю, что и на таком уровне взаимодействия представительной и судебной властей может быть достигнут хороший эффект. Контроль за качеством защиты прав и свобод человека судебной властью, в соответствии с предложенной выше классификацией, будет соответственно относиться к текущему парламентскому контролю.

В заключение хотелось бы отметить, что одним из принципов парламентского контроля является принцип системности. Этот принцип проявляется, в том числе, в регулярности осуществления парламентом контрольных полномочий. Учитывая, что судейский корпус постоянно обновляется, функция согласования кандидатур федеральных судей позволит обеспечить системность (во всяком случае - регулярность) реализации региональными парламентами своих контрольных полномочий, и таким образом даст новый импульс развитию контрольной функции региональных парламентов.

This article describes possible variants of interrelations between the regional bodies of the representative power and the judicial one in the framework of realization of the control authorities by the representative bodies of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: law, the principle of separation of powers, policy of checks and balances, parliamentary control, judicial power.

Список литературы

1. Акимова Е.А. Особенности правового регулирования формирования судейского корпуса в Германии// Российский судья. 2011. №11.
2. Васильев В.И., Павлушкин А.В., Постников А.Е. Законодательные органы субъектов Российской Федерации. Правовые вопросы формирования, компетенции и организации работы. М.: Городециздат, 2001.
3. Зуев Б.Р., Мартемьянова Г.В. Роль конституционных (уставных) судов в системе разделения властей субъектов Российской Федерации/ Вестник Брянского госуниверситета. №2(2), 2012.
4. Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации/ под. ред. П.П. Сергуна. Саратов. 2010.
5. Чертков А.Н. Законодательное регулирование в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. М.: Юстицинформ, 2005.

Об авторе

Азаров Д.В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МИНИСТРОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

М.Ю. Выскребенцева

В статье рассматриваются особенности применения политической ответственности, особое внимание уделяется ответственности министров и других членов правительства. Приводятся взгляды выдающихся юристов второй половины XIX – начала XX вв., а также ставится вопрос о необходимости развития идей политической ответственности в России на современном этапе.

Ключевые слова: парламентаризм, парламентский контроль, министр, политическая ответственность, ответственность правительства.

Удовлетворённость человека качеством жизни, его настроение и готовность к общественно-полезной деятельности во многом зависят от уровня взаимопонимания между обществом и властью, степени защищённости граждан и возможности их самореализации.

При рассмотрении особенностей государственно-правовой системы России, очевиден тот факт, что на современном этапе существует необходимость усиления контроля государства и общества за исполнительной властью. Законодательно не установлены основания ответственности членов правительства, требует доработки вопрос применения мер парламентского контроля. В этой связи, необходимо на теоретическом уровне определить такие основания, установить критерии, параметры, формы контроля общества в лице его представительного органа за деятельностью назначаемых главой государства высших должностных лиц, высшего исполнительного органа государственной власти. Для теоретического обоснования и с целью совершенствования законодательства целесообразно обратиться к теоретическому наследию выдающихся российских юристов конца XIX - начала XX вв., обосновавших на основе социологического метода приоритет интересов общества, прав и свобод граждан по отношению к государству и его органам управления.

Политико-правовые взгляды юристов дореволюционного периода складывались в сложный период становления в России конституционной монархии начала XX века, когда оставив исполнительную власть под своим контролем, царь отказался от одного из важнейших принципов парламентаризма – создания ответственного думского министерства, создав тем самым дополнительные коллизии между исполнительной и представительной властью. Дисбалансировка действий двух ветвей власти приводила к перманентным конфликтам между ними, которые, как правило, разрешались не правовыми методами, а волевыми актами по роспуску Думы [10, с. 80].

Однако несмотря на то, что в России того времени ни парламентский контроль, ни ответственное правительство фактически так и не были установлены, эти институты широко исследовались и подвергались теоретическому обоснованию в трудах российских ученых. Рассматривая взгляды выдающихся русских юристов периода второй половины XIX – начала XX вв., хочется отметить, что в это время была подготовлена важнейшая теоретическая база для обоснования необходимости введения различных институтов парламентаризма и, в частности, правительственной ответственности. Этот вопрос был интересен широкому кругу исследователей и одновременно вызывал различные споры. Эмпирическую основу данных исследований составили труды иностранных авторов, а также конституции зарубежных стран.

Следует отметить, что при рассмотрении взглядов русских юристов XIX – начала XX в. о сущности исполнительной власти, представляется возможным использовать в качестве синонимов понятия «исполнительная власть», «правительственная власть», «министерская власть», «управление» и «администрация» так же, как и понятия «правительство» и «министерство» [16, с.302]. Кроме того, в работах дореволюционного времени используются как сходные, такие понятия, как: «ответственность министров», «ответственное правительство», «министерская ответственность».

При исследовании вопроса ответственности министров, юристы также по-разному представляли её виды, используя различные наименования и определения. Во мнениях правоведов в основном прослеживается подход к выделению судебной (юридической) и политической ответственности министров. И если судебная ответственность наступает вследствие совершения различных правонарушений, то политической ответственности подлежат органы и их должностные лица по причине проводимой ими политики, целесообразности принятия решений. В связи с этим, так называемая политическая ответственность министров представляет особый интерес как раз, в виду особенностей её сущности, признаков и порядка применения.

Так, сторонник конституционной монархии Герье В. И., указывал: «По существу ответственность министров двойная: политическая и юридическая. Последняя может заключаться в поступках, подлежащих ведению гражданских или уголовных судов, или в проступках по должности, не заключающих в себе уголовного проступка. Гораздо более значения имеют для Государственной Думы и для общества вообще такие действия министров, которые нужно отнести не к юридической, а к политической области, где речь не может идти о закономерности, а лишь о «целесообразности» [5, с.23]. Герье отмечал, что в монархическом государстве политическую ответственность министры должны нести только перед монархом.

Другой представитель отечественной политико-правовой мысли Кокошкин Ф. Ф., депутат Государствен-

ной думы I созыва, также выделял юридическую и политическую ответственности министров, однако в его взглядах политическую ответственность министры несут перед парламентом. «Что касается политической ответственности правительства, то она представляет собой такой порядок управления, при котором министерство, назначаемое главою правительства по общему правилу из представителей парламентского большинства, опирается на это большинство и ставит свое существование в зависимость от него, выходя в отставку в случае выражения недоверия или вообще при расхождении с палатой по вопросу более или менее крупного значения. Коротко говоря, политическая ответственность министров есть лишь другое название для парламентаризма. Оба понятия ответственности нередко смешиваются, и, по-видимому, в довольно широких кругах с термином «ответственность министров» связывается, по преимуществу, представление о юридической ответственности» [11].

По мнению Гессена В. М. (депутата Государственной думы II созыва), теория различает только политическую и уголовную ответственность министров: различие между ними - не столько в содержании и объёме, сколько в форме ответственности. По общему правилу, политическую ответственность определяют как ответственность за целесообразность, уголовную - за закономерность правительственных действий. В действительности, однако, в большинстве конституционных государств уголовная ответственность министров, подобно политической, является гарантией не только (и не столько) закономерности, сколько целесообразности правительственных актов [7]. Однако вместе с тем он подвергает критике политическую ответственность, указывая, что «политическая ответственность министров является причиной крайней неустойчивости парламентарных министерств. Достаточно случайной и, может быть, мимолетной перемены в настроении парламента, чтобы министерство, оставшееся, при голосовании по какому-нибудь вопросу, в меньшинстве, оказалось вынужденным подать в отставку» [6, с.6].

Профессор государственного права Алексеев А. С., придерживаясь конституционной доктрины того времени, выделял два вида ответственности министров: судебную (или государственно-правовую) и парламентарную (или политическую). Причем, по его мнению, парламентарная ответственность предупреждает ответственность судебную. «Судебная ответственность министров, как особый вид юрисдикции, не сумела завоевать себе авторитетного места среди учреждений конституционного строя и совершенно утратила свое значение, с тех пор как политическая ответственность министров, обеспечивающая солидарность между парламентом и правительством, вошла в политические нравы государства». Говоря о политической ответственности, он не соглашается с господствующим на тот момент в литературе воззрением, что политическая ответственность есть средство постоянного контроля парламента над правительственной деятельностью министров. Политическая ответственность, по его мнению, является орудием, которым располагает парламента для проведения в правительственную деятельность политических требований и общественных запросов, преобладающих в стране и находящихся свое выражение в политической программе, объединяющей большинство парламента [1, с.58].

Шершеневич Г. Ф., депутат I Государственной Думы, выделял три вида ответственности министров: это уголовная, юридическая и политическая. К уголовной ответственности привлекается министр за совершение преступления (взяточничество, подкуп со стороны иностранного государства, растрата вверенных ему сумм). Но она редко применяется в самодержавном государстве из-за особого порядка судопроизводства, установленного для таких высокопоставленных лиц. Юридическую ответственность министр несёт за свои распоряжения или акты. Такая ответственность возможна только в конституционном государстве. При этом сам вопрос о привлечении к ответственности возбуждается обычно нижней палатой. Что касается политической ответственности, то здесь министр не совершает ничего противоправного, однако проявляет образ действий, который, по мнению народных представителей, клонится к вреду народа и противоречит интересам страны, то Парламент выражает свое недоверие, обязывая их подать в отставку. Но это возможно, если установлено парламентарное правление [17, с. 2-3].

Профессор Градовский А. Д., политические воззрения которого можно охарактеризовать как консервативно-либеральные, указывал на различия в применении ответственности министров в неограниченных и конституционных монархиях. «В государствах конституционных ответственность министров имеет более политический, нежели юридический характер. Министры более отвечают за направление политики, нежели за законность своих действий» [8, с. 382]. Что касается положения дел в неограниченных монархиях, то профессор приводит следующие доводы. «Если в этих государствах и существует политическая ответственность министров, то она не имеет надобности формулироваться в положениях закона, потому что от монарха зависит устранить министра, которого мнения не соответствуют направлению правительства. Весьма естественно, что монарх не затрудняется устранить министра, все убеждения которого противны существующим установлениям» [8, с. 385].

Таким образом, многие представители политико-правовой мысли рассматриваемого периода сходились во мнении, что существуют самостоятельные виды ответственности: во-первых, за закономерность действий и решений министров, а во-вторых, за их целесообразность. В целом, политическая ответственность призвана способствовать проведению политического курса, одобренного и поддерживаемого народом, предупреждает неблагоприятные последствия проводимых реформ, служит инструментом, с помощью которого общество может воздействовать на политику, проводимую в важнейших сферах государственной жизни.

Что касается современности, принимая во внимание ценнейший вклад отечественной политико-правовой мысли, мы считаем, что выделение в качестве основных видов ответственности министров юридической и политической ответственности крайне актуально и требует дальнейшего теоретического и практиче-

ского обоснования. Но если применение мер юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и конституционно-правовой) более наглядно, то вопрос применения политической ответственности очень специфичен. Здесь не представляется возможным установить состав деяния, установить конкретные основания для её наступления. В целом, к политической ответственности могут быть привлечены: глава государства, правительство и другие государственные органы, парламентарии, премьер-министр, министры и другие члены правительства, главы субъектов федерации, должностные лица органов государственной власти, граждане и др. Для нас в рамках данного исследования особый интерес как к субъекту политической ответственности направлен на правительство и его членов.

Иногда выделяется еще моральная ответственность власти перед народом, как подвид политической ответственности. Мы согласны с мнением Малкиной А. Н., представителя украинского научного сообщества, которая определяет политическую ответственность как вид социальной ответственности, который заключается в соответствии действий индивидов, социальных и организационных сообществ как субъектов политики общественным требованиям по осуществлению публичной власти. Основными такими требованиями являются моральные и правовые нормы. Таким образом, автор выделяет морально-политическую и политико-правовую ответственность [13, с. 48]. Считаем такой подход к выделению разновидностей политической ответственности наиболее правильным. Морально-политическая ответственность возникает, в случае если представитель государственной власти (в данном случае министр) совершает поступки, противоречащие нормам морали и нравственности, не соответствующие занимаемой должности, порочащие репутацию и др. В поле зрения политико-правовой ответственности лежит целесообразность действий (бездействий) и решений министров.

Мы поддерживаем мнение, что конституционно-правовая ответственность выполняет функцию политико-правового воздействия на субъекты, допустившие конституционные деликты, являясь одним из методов регулирования общественных отношений, что дает основание иногда не вполне точно отождествлять конституционно-правовую ответственность с политической [4, с. 55]. Хотя эти виды ответственности тесно связаны, на наш взгляд следует их разграничивать. Политическая ответственность выступает в качестве самостоятельного вида.

До сих пор не выработалось единого подхода к определению сущности политической ответственности. Так, по мнению Серебрянникова В. В., политическая ответственность утверждалась как совокупность мер, обеспечивающих приведение власти в соответствие с «договором» между властью и обществом – законами, принуждение власти к выполнению принятых обязательств, обещаний и одобренных обществом программ. Это средства воздействия на субъекты власти и их политику, позволяющие добиваться корректировки или смены политического курса, отстранения от власти недостойных и неспособных деятелей [15].

В научных кругах существует позиция относительно того, что политическая ответственность, которой подлежит исполнительная власть, может возникать только в отношениях с парламентом, но не в отношениях с главой государства. Так, например, Белозеров В. К. считает, что право главы государства отправить в отставку министра или иного руководителя органа исполнительной власти (ОИВ) неправомерно рассматривать как форму политической ответственности, поскольку взаимоотношения между президентом и руководителями ОИВ являются не политическими, а сугубо служебными, административными [3, с. 296-297]. На наш взгляд, политическая ответственность может быть не только перед парламентом, но и перед главой государства либо может иметь место «двойная» или «множественная» ответственность, в том случае если правительство ответственно и перед парламентом, и перед главой государства одновременно. Различия в применении политической ответственности обуславливаются особенностями формы правления в государстве.

Субъекты политической ответственности могут быть коллективными и индивидуальными. Профессор Нисневич Ю. А., следуя этому подходу, отмечает, что при коллегиальном принятии политических решений круг лиц, участвующих в их принятии, должен быть ограничен и персонально определен. Личная политическая ответственность политиков и граждан относится, прежде всего, к сфере этики и политической культуры [14, с. 62-74]. Нисневич также указывает на необходимость и значимость политического контроля граждан за деятельностью публичной власти.

Соглашаясь с вышеуказанной мыслью, заметим, что на данный момент возможности гражданского (общественного) контроля достаточным образом не реализованы. Для примера можно рассмотреть ситуацию, при которой в результате проведения непопулярного курса политики министр (другой член Правительства РФ) не получает поддержки среди населения страны, вызывает массовую критику со стороны общества, неодобрение проводимых реформ и меры парламентского контроля не эффективны (так как в настоящее время парламент РФ не имеет действенных инструментов по привлечению к ответственности того или иного члена Правительства). В этом случае, могли бы быть использованы инструменты гражданского (общественного) контроля, вплоть до обращения установленного количества граждан (инициативной группы), общественных объединений, Общественной палаты РФ, политических партий, парламентских фракций с обращениями к Президенту в форме предложения с постановкой вопроса об отставке того или иного члена Правительства РФ либо возможности применения к нему мер ответственности. Таким образом, в самом упрощенном виде политическая ответственность должна работать в случае, если юридическая ответственность «не работает» [9]. Для этого, конечно, необходимо вносить соответствующие изменения в законодательство, обеспечивать прозрачность деятельности Правительства и мер, применяемых парламентом с целью контроля над исполнительной властью. Существенным условием эффективности гражданского (общественного) контроля также

является уровень правосознания граждан и их политическая активность, желание развивать возможности гражданского общества.

В этой связи, согласимся с тем, что роль средств массовой информации, которые выполняют в системе взаимодействия общественного мнения и власти функции не только фиксации, отражения социальной реакции на события в стране и за рубежом, деятельность законодательных органов, но и доведения общественного мнения до депутатского корпуса, должна быть на порядок выше [2, с. 43]. Граждане вправе получив объективную информацию о деятельности государственных органов и их должностных лиц, выражать своё мнение относительно одобрения, корректировки или неодобрения проводимой политики как непосредственно, так и через представителей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что существует два самостоятельных вида ответственности министров: юридическая и политическая.

По нашему мнению, политическая ответственность министров - это ответственность, не обладающая признаками юридической ответственности, за действия (бездействия) и решения, хотя и правомерные, однако в дальнейшем способные нарушить права и законные интересы граждан, причинить вред или привести к негативным последствиям, а также за невыполнение принятых обязательств и проведение правительством и его членами политики, способной нанести ущерб государственным и национальным интересам. В настоящее время инструменты политической ответственности правительства перед народом и его представителями достаточным образом не реализованы. Министры ответственны фактически только перед Президентом РФ. Кроме того, существует и проблема разграничения политической и конституционно-правовой ответственности министров по причине того, что законодательно не установлены составы и основания наступления последней.

Что касается самого института парламентского контроля, то его польза в деле государственного строительства и развития правового государства неоспорима и безусловна. По мнению Колесникова В. Н., «системное применение парламентского контроля является дееспособным, многоцелевым и эффективным средством современной политики, в значительной мере позволяющим контролировать ход внутривнутриполитических процессов, оказывать влияние на состояние международных дел» [12, с. 369]. Однако парламентский контроль наиболее эффективно работает при парламенте с сильной оппозицией, чего фактически нет в Государственной Думе РФ.

В заключение хотелось бы отметить, что недавно на ежегодной пресс-конференции Президент РФ В. В. Путин озвучил такую мысль: «Человек, на каком бы он уровне не находился, никогда не должен уклоняться от ответственности и исполнения своих обязанностей. Как только он начнёт уклоняться - всё начинает сыпаться...» [18]. Действительно, ответственность власти перед народом, как в России, так и за рубежом - это вопрос извечный и спорный, однако в современных условиях, именно он должен стоять во главе угла и в том числе подвергаться глубокому теоретическому исследованию. Наука предлагает множество подходов и взглядов относительно этого, рассматривая ответственность власти как комплексную категорию, исследуя её понятие, признаки, виды, субъекты и основания. Однако учёные и практики сходятся на одной мысли – ответственность власти перед народом необходима. Более того, взаимная ответственность государства и личности провозглашается как принцип правового государства, к построению которого стремится современная Россия. В этой связи, рассматриваемая нами проблема, а именно ответственность исполнительной власти перед народом, перед народными избранниками в парламенте, продолжает оставаться крайне актуальной.

Теоретическое обоснование доктрины об ответственности «министерской власти» как институте парламентаризма, кроме прочего, должно способствовать совершенствованию нормативного регулирования рассматриваемой проблемы.

The article discusses the features of the application of political responsibility, focusing on responsibilities of ministers and other government officials. Provides views of eminent jurists 2nd half of the 19th - early 20th centuries, as well as the question of the need to develop ideas about the political responsibility in Russia at the present stage.

Keywords: *parliamentarism, parliamentary control, the control functions of the parliament, minister, political responsibility, the responsibility of government.*

Список литературы

1. Алексеев А.С. Безответственность монарха и ответственность правительства. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1907.
2. Акаёмов П.И. Роль общественного мнения в деятельности Государственной Думы // Представительная власть. 2009. № 2,3.
3. Белозеров В. К. Институт политического руководства Вооруженными силами Российской Федерации: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011.
4. Виноградов В.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2002. № 10.
5. Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906.
6. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб: Издание юридического книжного склада «Право», типо-литография А. Е. Ландау, 1904.
7. Гессен В. М. Основы конституционного права (издание 2-е). [Электронный ресурс] Пг.: Издание

юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. / Режим доступа URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/6/> (дата обращения 06.01.2014 г.)

8. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Том II. С.-Петербург, Типография М. Стасюлевича, 1876 г.

9. Каменский А.А. Политическая ответственность: кто, за что и перед кем в ответе? [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: http://problemanalysis.ru/about/puls/puls_971.html (дата обращения 06.01.2014 г.)

10. Керимов А.А. Парламентаризм в современной России: особенности становления и развития: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

11. Кокошкин Ф.Ф. О конституционализме и парламентаризме / Ф. Ф. Кокошкин // Русские ведомости. – 1907. – № 236.

12. Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: политологический анализ устойчивого развития переходных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

13. Малкина А.Н. Институты политической ответственности как элементы системы сдерживания и противовесов // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2010. № 100.

14. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис (Политические исследования). 2013. № 4.

15. Серебрянников В.В. Ответственность власти [Электронный ресурс] // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996. № 8 (15). // Режим доступа URL: http://niiss.ru/mag11_otvets_vlas.shtml (дата обращения 06.01.2014 г.)

16. Харченко О.В. Понятие и сущность исполнительной власти в трудах русских юристов конца XIX – начало XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. Номер выпуска: 86.

17. Шершеневич Г.Ф. Ответственность министров. Симферополь: Типография Ф.Ф. Шнейдера, 1906.

18. Материалы пресс-конференции Президента Российской Федерации Путина В. В. 19 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19859/work> (дата обращения 08.01.2014 г.).

Об авторе

Выскребенцева М.Ю. - аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, m.lee@mail.ru

УДК 331:34

СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ ЗАЕМНОГО ТРУДА

Н.В. Закалюжная

В настоящее время заемный труд стал широко распространенным явлением в нашей стране, а правовое поле запаздывает. В связи с обозначенным, важно определить фактически сложившуюся систему взаимодействий в рамках заемного труда, чтобы обозначить будущее правовое регулирование.

Ключевые слова: заемный труд, работник, работодатель, трудовой договор, нетипичная занятость, трудовое правоотношение, система взаимодействий.

В настоящее время трудовым законодательством в Российской Федерации предусмотрены только двусторонние трудовые отношения. Однако можно смело утверждать, что заемный труд широко распространен в стране. По данным крупнейших частных агентств занятости, в стране в 2010 – 2011 гг. было около 70 тысяч человек, работающих по схемам заемного труда. Кроме того, есть агентства, которые работают не совсем легально, и их численность оценивается еще в 70-100 тысяч человек [1]. Таким образом, даже на официальном уровне признается существование «белых», и «серых», и даже «черных» агентств, предлагающих заемных работников [2].

Во многом положение работников определяется системой управленческих отношений, в которую они вовлечены. У заемных работников эта система сложнее, чем у штатных, ведь они подчиняются не только тем, кто их нанял, но и тем, кто реально использует их труд. Поэтому важно рассмотреть идеальную правовую систему, которая сможет урегулировать соответствующие отношения, а затем определить, что же имеется в реальности.

Элементами системы заемного труда, требующими правового регулирования являются: заемный работник, агентство заемного труда, организация – пользователь заемных работников.

К основным условиям труда, по которым нельзя допускать дискриминации заемных работников по сравнению с штатными работниками организации – пользователя, следует отнести продолжительность рабочего времени, сверхурочных работ, перерывов, времени отдыха, ночных работ, оплачиваемых отпусков и праздничных дней, а также оплату труда. В некоторых случаях целесообразно допустить возможность отхода от принципа равной оплаты труда, и необходимости обеспечения льгот и выплат компенсаций, которые пола-

гаются только постоянным работникам предприятия, например, в случае, когда работник получает заработную плату в периоды, когда он не выполняет никаких заданий для организаций – пользователей (в перерывах между заданиями) или если работник проработал лишь короткий период времени (менее шести недель).

Важным составляющим элементом системы заемного труда является принятие на себя агентством обычных функций работодателя по отношению к работникам, таких, как выплата заработной платы, социальных взносов и налогов. Впоследствии агентство выставляет счет организации – пользователю на сумму, покрывающую заработную плату, дополнительные расходы и свое вознаграждение. Агентства заемного труда – это коммерческие организации.

Исторически существовали и иные формы правовых отношений, которые возникали при заемном труде: заемный работник может иметь статус не наемного работника, а независимого «трудящегося»; агентство заемного труда может играть роль не юридического лица, предоставляющего работу, а лишь уполномоченной организацией – пользователем [3, с. 18]. Организация – пользователь считалась бы работодателем, если бы не тот факт, что его полномочия происходят из отношений между заемным работником и агентством (помимо этого заработная плата должна выплачиваться не организацией – пользователем, а агентством).

В странах ЕС агентства заемного труда организованы в национальные ассоциации агентств по заемному труду, которые представляют их интересы в ассоциации более высокого уровня – Европейской конфедерации агентств заемного труда.

Сравнительный анализ законодательства европейских стран показывает, что одним из основных условий, необходимых для успешной интеграции заемного труда в социальную и экономическую структуру общества, является установление системы допуска только добросовестных фирм к деятельности на рынке заемного труда [4].

Авторы Концепции заемного труда выступают против специального лицензирования деятельности агентств заемного труда [5, с. 88]. Представляется, что в условиях широкого распространения неформальных трудовых отношений в России, целесообразно лицензирование в указанной сфере, в целях усиления защитной функции трудового права.

Деятельность агентств должна быть финансово подкреплена посредством, например, возложения обязанности страховать свою ответственность перед заемными работниками, либо депонировать взносы в фонд социальной защиты.

Представляется также важным ввести обязательство, в соответствии с которым агентства должны уведомлять на периодической (например, шестимесячной основе) местные органы занятости обо всех заключенных или прекращенных договорах, а также основные сведения о предприятиях – заказчиках и заемных работниках.

Необходимо предоставить возможность государственным службам занятости заключать с агентством заемного труда соглашения о трудоустройстве лиц, зарегистрированных в качестве безработных.

Для полноценного функционирования агентств заемного труда важно определить виды деятельности, где допускается заемный труд. Это можно сделать через установление запрета применения заемного труда для выполнения особо опасных работ или исключить определенные случаи его применения; через введение ограничений на период времени, в течение которого работник может поставяться организации-пользователю, а также на отрасль экономики; через введение правил о том, что агентства могут участвовать только в определенных видах деятельности, а пропорция заемных работников не может превышать определенного процента от числа постоянно занятых в организации – пользователе.

Целесообразно разрешить предприятиям – заказчикам привлекать заемных работников только в определенных случаях: для выполнения временной работы, продолжительность которой не может быть точно определена; для выполнения срочных и чрезвычайных заказов, которые важны для обеспечения нормальной производственной деятельности предприятия; для замены временно отсутствующих работников; для выполнения работы на период поиска постоянного работника; в случае отсутствия на предприятии работников данной квалификации, учитывая производственную специализацию данного предприятия и т.д.

Определение работодателя при заемном труде является важной теоретической проблемой, которая влияет на права и обязанности всех участников правоотношения по применению заемного труда. В большинстве стран законодатели и суды рассматривают агентство как юридического работодателя заемных работников.

Организацией – пользователем заемного труда является лицо, в пользу и под руководством которого трудится заемный работник. Между агентством, заемным работником и организацией – пользователем существует трехстороннее правоотношение, что влечет определенные правовые проблемы, требующие повсеместного решения, например, определение полномочий и пределов хозяйской власти над заемным работником; возможная совместная ответственность организации – пользователя по долгам агентства перед работником; предоставление заемных работников при забастовке и др.

И все-таки возникающие при займе работников отношения можно объединить в три группы: 1) работник – кадровое агентство; 2) работник – предприятие – пользователь; 3) кадровое агентство – предприятие – пользователь.

Отношения «работник – кадровое агентство» оформляются трудовым договором, в основе которого лежат общие положения ст. 56-71 ТК РФ. Сторонам важно определить фактическое место работы (место реализации трудовой функции) в другой организации, у предприятия – пользователя («фактического работодателя»), куда принимаемый работник направляется сразу или через определенное время. Кад-

ровое агентство, выступая работодателем, организует прием на работу сотрудников с учетом заявки и требований предприятия – пользователя (заказчика), а затем часть своих правомочий по приему (также и по организации труда) делегирует последнему. Например, проведение испытания работников в целях проверки его соответствия поручаемой работе (ст. 70 ТК РФ), медицинское освидетельствование (ст. 69 ТК РФ).

Представляется, что в будущем в ходе практического использования института заемного труда будет уточнен круг тех правомочий, которые передаются кадровым агентством предприятию – пользователю уже на стадии приема работников (участие в отборе, тестировании, проведении испытаний, обучении и т.д.). Целесообразно допустить, чтобы, заключая трудовой договор, стороны конкретизировали возможные последствия развития трехсторонних трудовых отношений. Так, если заемный работник не выдерживает испытания при приеме на работу, проводимое предприятием – пользователем применительно к конкретной работе, то наступают последствия, предусмотренные ст. 71 ТК РФ. А в случае возникновения судебного спора по этому поводу, трудовое право столкнется с «удвоением» ответчика: оценку испытания работника проводило предприятие – пользователь, а расторгало трудовой договор с работником – кадровое агентство. Из практики следует, что кадровые агентства имеют достаточно возможностей избежать увольнения работника, заключив с ним новый трудовой договор о работе у другого заказчика. Именно так поступают агентства после окончания временной работы и востребованности работника (аудитор, бухгалтер, архитектор, повар, охранник).

В дополнение к описанным трудовым отношениям данной группы могут применяться административные отношения применительно к кадровому агентству как работодателю, с которым у соответствующего государственного органа (миграционная служба МВД) возникают указанные в законе отношения по поводу трудоустройства заемных работников из числа иностранных граждан.

Вторая группа отношений – отношения «работник – предприятие - пользователь» в литературе характеризуются и как гражданско – правовые, и как трудовые. Можно присоединяться к позиции и тех и других авторов, поскольку доводы, приводимые в обоснование их точек зрения имеют научную составляющую. Однако не следует забывать, что от работодателя к предприятию – пользователю по отношению к работнику «перемещаются» (в порядке делегирования) чисто трудовые функции, такие как: организация труда заемного работника, соблюдение правил внутреннего трудового распорядка, правил по охране труда и технике безопасности, выплаты заработной платы, выполнение социальных гарантий и т. д. В имущественных отношениях предприятие – пользователь состоит только с кадровым агентством, а не с работником (если последний не становится собственником или акционером).

Третья группа – отношения между кадровым агентством и предприятием – пользователем подразделяется еще на две. Это, во-первых, гражданско – правовые отношения, в основе которых лежит имущественный интерес сторон, реализуемый посредством заключения договора возмездного оказания услуг, по которому исполнитель (кадровое агентство) обязуется по заданию заказчика (предприятие - пользователь) оказать услуги – совершить определенные действия, связанные с подбором и заключением трудового договора с работниками, передачей их заказчику для работы в течение определенного времени, а заказчик обязуется принять заемных работников и оплатить исполнителю оказанную услугу (совершенные действия).

Во-вторых, трудовые (организационно- трудовые), предметом которых выступает взаимная договоренность (обязательства) сторон о передаче определенных функций работодателя (делегирование) предприятию – пользователю: по организации труда на конкретных рабочих местах, по применению правил внутреннего трудового распорядка, по оплате труда, по возвращению работников по истечении срока заемного труда и т. д.

Таким образом, имущественные отношения между субъектами регулируются гражданско – правовым договором, а трудовой договор регламентирует организационно-трудовые (социально-трудовые) между ними, относящиеся по классификации Трудового кодекса РФ к числу «иных непосредственно связанных» с трудовыми отношениями.

В литературе предлагаются и иные варианты юридического оформления данного круга отношений. Так, признавая гражданско – правовую природу таких отношений, И.Я. Киселев считает целесообразным включить в рассматриваемый круг отношений «отношения трудового характера» [6, с. 107]. Есть авторы, которые предлагают регулировать отношения кадрового агентства с предприятием – пользователем «смешанным» договором, который должен соединить в себе элементы гражданско – правового и трудового договора.

В применении заемных отношений за рубежом используются различные системы. Одна из них предусматривает 4 фазы правового регулирования отношений по заемному труду, характеризующихся последовательным отходом от принципа гибкости трудового отношения в пользу принципа стабильности. Первая фаза занимает период до 26 недель, с учетом только отработанных недель, не принимая во внимание количество отработанных в неделю дней или часов. В то же время не учитываются недели, в течение которых работник находился в отпуске или не трудился по причине болезни. Если имел место перерыв в труде работника на агентство более 52 недель, отсчет фазы 1 начинается заново.

Вторая фаза составляет 6 месяцев и является продолжением фазы 1 в течение года с ее окончания. В течение этой фазы допустим перерыв между двумя срочными договорами не более чем на 3 месяца. Вторая фаза начинается заново в случае перерыва между двумя договорами более чем на 3 месяца, но не менее года. В последнем случае вновь начинается действие первой фазы.

Третья фаза включает период в 24 месяца. С момента начала этой фазы возможно заключение лишь

стандартного срочного трудового договора без возможности его прекращения в любой момент. Если третья фаза следует сразу за второй или не менее чем по истечении 3-х месяцев после окончания второй фазы, то рабочие недели учитываются как и во второй фазе. Между срочными договорами допустим перерыв не более 3 месяцев, но в течение года. В первом случае вновь начинается фаза 3, а во втором – фаза 1.

Фаза 4 наступает, если по окончании фазы 3 работник продолжает трудиться на агентство. В этом случае он нанимается агентством на неопределенный срок. Фазы 3 и 4 характеризуются высоким уровнем гарантий заемных работников. В этом случае им выплачивается заработная плата и в период простоя, и в период болезни. В случае, когда работник трудится на одно и то же предприятие – заказчик в течение 18 месяцев, он сразу может перейти в фазу 4.

Применение заемного труда вызывает определенные сложности в правоприменительной практике. Рассматривая вопросы управления заемным трудом, нельзя не затронуть проблемы гибкости труда. Работодатель, безусловно, получает ощутимые выгоды от выстраивания гибких схем, а вот для работников гибкость трудовых отношений, похоже, не предусмотрена. Довольно часто жестокость работодателя перерастает в произвол руководителя по отношению к заемным работникам. На практике, часто агентство выполняет только регистраторские функции.

При изучении последствий применения заемного труда вопрос о взаимоотношениях разных групп работников необходимо рассмотреть с особым вниманием. Однако, заметим сразу, что применение заемного труда не всегда приводит к возникновению конкуренции или напряженности в среде работников. Штатные работники могут даже проявлять к «заемным» коллегам сочувствие и оказывать им какую-то помощь. Но принадлежность к разным организациям не может ни вызывать каких-то трений между работниками, даже если они трудились раньше вместе, в рамках одного предприятия. Вопрос о выравнивании квалификации и конкуренции также может приводить к серьезным конфликтам. Часто заемные работники работают столько, сколько им скажут, а не сколько положено или сколько они считают нужным для себя, если речь идет о сверхурочных работах.

Необходимо учитывать, что не только по вопросам заемного труда, но и по всем другим аспектам трудовых отношений диалог с современными работодателями складывается непросто. В этом отношении определенную роль могут сыграть профсоюзы.

Nowadays, contract and agency labour has become widely-used in our country, but the law regulation is not up to-date. Therefore, it is important to determine the real system of coordination in the field of contract and agency labour to describe the future law regulation.

Key words: *contract and agency labour, an employee, an employer, labour treaty, non-typical employment, labour legal relations, system of coordination.*

Список литературы

1. Данные из доклада Е. Гороховой, генерального директора Ассоциации частных агентств занятости, на заседании экспертной группы №7 по обновлению стратегии -2020 7 июля 2011г. в ГУ ВШЭ. [http:// strategy2020.rain.ru/stenograms/20110726/366113591-2.html](http://strategy2020.rain.ru/stenograms/20110726/366113591-2.html).

2. Примером деятельности «черных» агентств можно привести деятельность Бабаевской кондитерской фабрики, где использовался труд работников, привезенных из центральной России для работы в качестве упаковщиц. Фирма, переправлявшая заемных работников, была открыта на подставных лиц и естественно нарушала трудовое законодательство. См.: [http:// www.ikd.ru/node/11583](http://www.ikd.ru/node/11583).

3. Международное бюро труда. Роль частных агентств по трудоустройству в функционировании рынков труда. Доклад VI. Международная конференция труда 81-я сессия. Женева, 1994.

4. Это должны быть фирмы, имеющие достаточную управленческую компетенцию для оценки как потребностей в рабочей силе организаций – пользователей, так и квалификации заемных работников.

5. См.: Лушникова М., Лушников А. Заемный труд: исторический опыт и перспективы правового регулирования // Человек и труд. 2004. № 7.

6. См.: Киселев И.Я. Новый облик трудового права стран Запада. Прорыв в постиндустриальное общество. М., 2003.

Об авторе

Закалюжная Н.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И.А. Зырянова

В статье автором поднимается проблема отсутствия законодательного определения понятия «коррупционное правонарушение». Автор анализирует предложенные в законопроектах: «О противодействии коррупции», «Об основах антикоррупционной политики», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции» и научной литературе понятия «коррупционное правонарушение». С учетом особенностей коррупции в избирательном процессе в статье предлагается авторское определение понятия «коррупционное правонарушение в избирательном процессе».

Ключевые слова: коррупция, избирательный процесс, признаки коррупции в избирательном процессе, нарушении коррупции, нарушении коррупции в избирательном процессе.

Общепринятого понятия коррупционного правонарушения в научной литературе еще не сложилось. Не выработано и понятие коррупционного правонарушения в избирательном процессе. В действующем законодательстве соответствующие определения также отсутствуют.

Существует мнение, что коррупция – это исключительно уголовно-правовое явление. Но с таким утверждением вряд ли можно согласиться. Верно отмечает Б.В. Волженкин: коррупция как социальное явление конкретно проявляется в совершении различных коррупционных деяний, только часть из которых объявляется преступными и преследуется в уголовном порядке [1 с. 360]. Коррупционные преступления представляют собой деяния, обладающие наиболее высокой степенью общественной опасности в сравнении с иными коррупционными правонарушениями, однако ими система коррупционных правонарушений не исчерпывается.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» не содержит определения коррупционного правонарушения, однако, в тексте закона этот термин используется достаточно часто. Только в статье первой указанного закона, определяющей основные понятия, термин «коррупционное правонарушение» упоминается неоднократно. Так, борьба с коррупцией, как одно из основных направлений противодействия коррупции, определяется как деятельность уполномоченных субъектов по «выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений». Еще одно направление противодействия коррупции законодатель называет как деятельность «по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений». Таким образом, весь потенциал Федерального закона «О противодействии коррупции» направлен на предупреждение, борьбу с коррупционными правонарушениями, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий. Вместе с тем, объект законодательного воздействия остался неопределенным. Вопросы: «что такое «коррупционное правонарушение»? и «каков перечень коррупционных правонарушений?» – в названном федеральном законе остались открытыми.

Определение коррупционного правонарушения предлагается в проектах законов «О противодействии коррупции» и «Об основах антикоррупционной политики». Так, согласно проекту закона «О противодействии коррупции» коррупционное правонарушение – это установленное решением суда существенное виновное нарушение субъектом коррупции существующего порядка несения службы и исполнения своих служебных обязанностей, а равно и невыполнение им запретов и правил, установленных для этих лиц, если такое нарушение содержит признаки коррупции и за него в соответствии с законодательством установлена уголовная, административная, гражданско-правовая ответственность [2].

Однако деяние, все признаки которого образуют состав, например, административного правонарушения, следует отнести к коррупционным или иным по характеру административным правонарушениям еще до установления судом соответствующего нарушения законодательства.

В проекте закона «Об основах антикоррупционной политики» под коррупционным правонарушением понимается «общественно вредное либо общественно опасное деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность» [3]. Любому правонарушению присущ признак вины, его следовало бы включить в число признаков как коррупционного правонарушения.

В октябре 2013 года депутат, председатель Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И.А. Яровая внесла в Государственную Думу законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции». В проекте предложено следующее определение «коррупционное правонарушение – виновное деяние, нарушающее законодательство Российской Федерации о противодействии коррупции, и влекущее дисциплинарную, административную, уголовную и (или) гражданско-правовую ответственность». В отличие от приведенных ранее законопроектов, в рассматриваемом, одной из характерных черт коррупционного правонарушения называется деяние, содержащее не «признаки коррупции», а «нарушающее законодательство Российской Федерации о противодействии коррупции». Если признаки коррупции так или иначе можно вычленивать из законодательного понятия коррупции, то «законодательство Российской Федерации о противодействии коррупции»

нормативно не определено. Снова возникает вопрос: Какие нормативные правовые акты образуют законодательство о противодействии коррупции. Имеется ввиду только Федеральный закон «О противодействии коррупции»? Однако, серьезный массив антикоррупционных запретов и ограничений содержится в Федеральном законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации». Например, запрет государственному служащему принимать вознаграждения в связи с исполнением должностных обязанностей (п.6 ст.17). Представляется, что приведенная в качестве примера правовая норма составляет правовую основу противодействия коррупции, согласно статье 2 «Правовая основа противодействия коррупции» Федерального закона «О противодействии коррупции», но не может быть включена в законодательство о противодействии коррупции.

В научной литературе также нет единства мнений в вопросе определения коррупционного правонарушения, при этом отсутствуют и диаметрально противоположные позиции. Так, например, Н.В. Щедрин предлагает следующее определение: «коррупционное правонарушение – содержащее признаки коррупции виновное деяние, ответственность за которое предусмотрена законодательством» [4 с. 1450; 5]. В.Г. Гриб, Л.Е. Окс указывают, что «к коррупционным правонарушениям относятся обладающие признаками коррупции гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные правонарушения, а также преступления» [6 с. 32].

За ряд коррупционных правонарушений в избирательном процессе помимо названных видов юридической ответственности предусмотрена также конституционная ответственность. Коррупционное правонарушение в избирательном процессе должно обладать признаками коррупции в избирательном процессе.

В свою очередь под коррупцией в избирательном процессе следует понимать социально-негативное явление, искажающее реальную политическую конкуренцию, заключающееся в использовании субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения в личных или групповых интересах, в целях противоправного извлечения выгод и преимуществ в ходе подготовки и проведения выборов, референдумов, а также в предоставлении или обещании таких выгод и преимуществ.

Полагаем, что коррупцию в избирательном процессе характеризует следующий набор признаков: сфера существования; определенный перечень субъектов; использование субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения; характерная для данного вида коррупционных отношений цель.

Сферой существования этой разновидности коррупции является непосредственно избирательный процесс, как в узком, так и широком его понимании [7 с. 35; 8 с. 42; 9 с. 276].

Наибольшую сложность вызывает определение *круга субъектов коррупции в избирательном процессе*. Поскольку исследуемый нами вид коррупции существует в сфере избирательного процесса, соответственно, можно предположить, что ее субъектами являются субъекты избирательного процесса. Однако, исчерпывающего перечня субъектов избирательного процесса ни в действующем законодательстве о выборах, ни в научно-правовой литературе, не содержится. Не останавливаясь на рассмотрении научных подходов к выделению субъектов избирательного процесса, но на их основе, выделим субъектов коррупции в избирательном процессе.

К субъектам коррупции в избирательном процессе относятся граждане Российской Федерации. Подавляющее большинство субъектов коррупции в избирательном процессе и есть граждане. Как правило, эта категория субъектов вступает в коррупционные отношения в сфере избирательного процесса в качестве избирателей, кандидатов, должностных лиц и т.п.

Следующую группу субъектов коррупции в избирательном процессе образуют избиратели - граждане Российской Федерации, обладающие активным избирательным правом. В коррупционных отношениях подкупа они выступают стороной пассивного подкупа, используя свой статус – право избирать для извлечения выгод материального или нематериального характера. Однако, нельзя не отметить, что отнесение избирателей к числу субъектов коррупционных отношений некоторыми исследователями не поддерживается.

Полагаем, что подкуп избирателей – это классический пример коррупционных отношений в форме сделки, где стороной пассивного подкупа выступает избиратель, а стороной активного подкупа выступает скупщик (кандидат лично, представитель кандидата, иное лицо). В коррупционных отношениях подкупа избирателей, избиратель использует свой статус, свое право голосовать, предоставленное ему Конституцией Российской Федерации (на основании чего, избирателю, включенному в список избирателей, собственно и выдают бюллетень на избирательном участке) в обмен на получение выгод материального или нематериального характера.

Наиболее активными субъектами коррупции в избирательном процессе выступают кандидаты. Именно эти субъекты в процессе выборов вступают в многочисленные коррупционные отношения в качестве стороны как активного, так и пассивного подкупа. Достаточно часто кандидаты, замещающие государственные и муниципальные должности, находящиеся на государственной или муниципальной, службе используют преимущества своего должностного положения в целях собственного избрания или способствуют избранию других лиц (например, технология «локомотив», когда должностное лицо возглавляет список кандидатов без цели работы на выборной должности, активно использует в ходе избирательной кампании преимущества должностного положения в целях привлечения электората).

Субъектами коррупции, набирающими все большую политическую силу, сегодня являются избирательные объединения. В настоящее время все чаще появляется информация о том, что те или иные партии «продают» проходные места в списках на выборах того или иного уровня [10, 11, 12].

К субъектам коррупции в рассматриваемой сфере следует отнести доверенных лиц и уполномоченных представителей кандидатов и избирательных объединений, поскольку от имени кандидатов вправе выступать

исключительно их уполномоченные представители по финансовым вопросам, доверенные лица, а в случае выдвижения кандидата в составе списка кандидатов, также уполномоченные представители, доверенные лица избирательного объединения, выдвинувшего этот список. Названные субъекты также вступают в коррупционные отношения в качестве субъектов активного или пассивного подкупа в интересах кандидата, чьим доверенным лицом, уполномоченным представителем являются или же, напротив, вопреки его интересам.

Нужно отнести к субъектам коррупции и наблюдателей. Достаточно распространенными на практике являются случаи подкупа наблюдателей, с целью предотвращения разглашения ими фактов фальсификации избирательных документов, итогов голосования.

Особую группу субъектов коррупции в избирательном процессе образуют избирательные комиссии и их члены с правом решающего голоса. Работающие в избирательных комиссиях различного уровня - коллегиальных органах, формируемых в порядке и сроки, которые установлены законом, организующих и обеспечивающих подготовку и проведение выборов, члены избирательных комиссий с правом решающего голоса принимают решения, имеющие принципиально важное значение для субъектов избирательного процесса: регистрируют кандидатов, списки кандидатов либо отказывают в регистрации; осуществляют контроль за соблюдением избирательных прав; организуют на избирательном участке голосование в день голосования и т.п.

Таким образом, от решений, принимаемых избирательными комиссиями на том или ином этапе избирательной кампании, во многом зависит конечный результат выборов. Именно поэтому заинтересованными субъектами заранее предпринимаются попытки повлиять на процесс формирования избирательных комиссий, осуществляются попытки установления неформальных отношений с членами избирательных комиссий с правом решающего голоса, основанных на дружбе или подкупе во всех его проявлениях, задолго до начала избирательной кампании.

Также к субъектам коррупции в избирательном процессе нужно отнести и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса. Несмотря на то, что, их участие в работе избирательных комиссий имеет консультационный характер, тем не менее, такие субъекты нередко используют предоставленные им законодательством о выборах права в интересах конкурентов за вознаграждение. Как, например, оплаченное кандидатом – конкурентом бездействие на заседании избирательной комиссии, где решается вопрос о регистрации кандидата, от которого такой член избирательной комиссии с правом совещательного голоса назначен.

Пожалуй, одну из самых многочисленных групп субъектов коррупции в избирательном процессе образуют средства массовой информации и их представители. Именно на них избирательным законодательством возлагается обязанность информационного обеспечения выборов, в соответствии с предъявляемыми к такому обеспечению требованиями. Однако, на практике, исходя из содержания только информационных материалов, можно безошибочно определить, кого поддерживает то или иное СМИ.

К субъектам коррупции в избирательном процессе следует отнести также лиц, замещающих государственные или выборные муниципальные должности, либо находящихся на государственной или муниципальной службе, либо являющихся членами органов управления организаций независимо от формы собственности (в организациях, высшим органом управления которых является собрание, - членами органов, осуществляющих руководство деятельностью этих организаций), либо служащими таких организаций.

К числу субъектов коррупции в избирательном процессе нужно отнести и лиц, предоставляющих иным субъектам избирательного процесса выгоды материального и нематериального характера. Эта группа субъектов коррупции в избирательном процесса самая многочисленная, поскольку субъектом активного подкупа может выступать любой из ранее перечисленных субъектов, а также иностранные граждане и организации.

Коррупция в избирательном процессе характеризуется *использованием ее субъектами своего статуса, служебного положения*. Так, например, использование статуса характерно для избирателей, кандидатов, их доверенных лиц и уполномоченных представителей, наблюдателей. А использование служебного положения для лиц, замещающих государственные или выборные муниципальные должности, либо находящихся на государственной или муниципальной службе, либо являющихся членами органов управления организаций независимо от формы собственности, либо служащих таких организаций, представителей средств массовой информации.

Целью коррупции в избирательном процессе, как и коррупции вообще является извлечение выгод материального и нематериального характера. Причем для разных субъектов коррупции в избирательном процессе характерно стремление к извлечению выгод и преимуществ разного рода. Так, кандидат преследует цель победы на выборах (хотя сегодня используется практика регистрации кандидатов, которые не преследуют цели избрания, а призваны компрометировать основного конкурента «своего» кандидата). Представители финансово – промышленных групп и организованной преступности, осуществляя финансирование предвыборной кампании того или иного кандидата, избирательного объединения, ожидают от него в случае прихода к власти исполнения договоренностей или просто заручаются поддержкой на будущее. Избиратели, как субъекты подкупа преследуют цели извлечения выгоды материального характера здесь и сейчас, вероятно полагая, что полученные деньги, продуктовые наборы и т.п. – это то небольшое, что они могут реально получить от использования своего избирательного права, в отличие от обещанных кандидатом или партией улучшений в будущем.

Подводя итог, можно сделать вывод, что *коррупционное правонарушение в избирательном процессе* – общественно вредное либо общественно опасное, виновное деяние, обладающее признаками коррупции в избирательном процессе, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисципли-

плинарная, конституционная, административная или уголовная ответственность.

The author raises the issue of lack of the legislative definition of "corruption offense." The author analyzes the proposed in laws: "On anti-corruption measures", "On the basis of anti-corruption policy", "On Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the anti-corruption measures" and in the scientific literature the concept of "corruption offense". Taking into account features of corruption in the electoral process, the author in the article suggests an author's definition of "corruption offense in the electoral process".

Key words: *corruption, electoral process, signs of corruption in the electoral process, corruption offense, corruption offense in the electoral process.*

Список литературы

1. Криминология - XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. М.: ЮристЪ, 2000. С. 360.
2. О противодействии коррупции: проект федерального закона №148067-3 // Консультант Плюс.
3. Об основах антикоррупционной политики: проект федерального закона N 164749-3 // Консультант Плюс.
4. Щедрин Н.В. О совершенствовании законодательного определения коррупции // Право и политика. 2009. № 7. С. 1448-1452.
5. Щедрин Н.В. О коррупции, коррупционерах и коррупционной выгоде // NB: Вопросы права и политики. 2014. №3.
6. Гриб В.Г., Окс Е.Л. Противодействие коррупции: учебное пособие. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. 32.
7. Хрусталева Е.Н. Избирательный процесс в России: понятие и стадии // Правоведение. 1998. № 2. С. 32-35.
8. Князев С.Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура // Правоведение. 1998. № 3. С. 42-54.
9. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / под ред. А. А. Вешнякова. М.: Норма, 2003. С. 276-279.
10. Сысоев В. Сколько стоит депутатский мандат? // http://www.ng.ru/politics/1999-12-20/3_mandat.html (Дата обращения к ресурсу 25.03.2014).
11. Цепляев В. Сколько стоит депутатский мандат // <http://gazeta.aif.ru/oldsite/993/page5.htm> (Дата обращения к ресурсу 25.03.2014).
12. Цена мандата // http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/257477/cena_mandata (Дата обращения к ресурсу 25.03.2014).

Об авторе

Зырянова И.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, idamm@yandex.ru

УДК 340.114.3

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Г.М. Лановая

В статье с точки зрения генетически присущих черт, а также современных особенностей рассматривается механизм действия уголовного права. Доказывается, что в силу изменения назначения уголовного права его механизм в современных условиях утратил способность обеспечивать своим действием реализацию тех функций, которые органичны для уголовного права по природе, трансформировался в механизм организации деятельности государства по решению стоящих перед ним охранительных задач. Рассматриваются негативные последствия, которые влекут за собой произошедшие в уголовном праве изменения, и определяются возможные пути их устранения.

Ключевые слова: *уголовное право, природа уголовного права, назначение уголовного права, функции уголовного права, механизм действия права.*

Наметившаяся тенденция к исследованию в отраслевых юридических науках механизмов действия отдельных отраслей права определяют актуальность постановки вопроса о качественной специфике таких механизмов в теоретико-правовом плане. В данной статье мы рассмотрим в теоретико-правовой плоскости механизм действия уголовного права. При этом предметом анализа станут как характеристики названного механизма, непосредственно обусловленные природой уголовного права, так и его современные особенности.

Исходным моментом в исследовании механизма действия уголовного права является решение вопроса о его назначении.

Многочисленные работы, в которых рассматриваются вопросы, связанные с историей становления и развития уголовного права [12; 13; 14; 15], свидетельствуют о том, что изначально оно зарождалось и функционировало как право, предназначенное для того, чтобы служить обеспечению справедливой компенсации потерпевшему неправомерно причиненного вреда. При этом, формируясь и развиваясь на основе талиона, древнее уголовное право изначально регулировало правоотношения, возникавшие между человеком, сделавшим выбор в пользу деяния, наносящего вред интересам другого, правомерно действующего человека, и потерпевшего от

совершения этого деяния. В тех случаях, когда деяние причиняло вред государству, механизм уголовного права срабатывал тем же образом, что и в ситуации, когда речь шла о причинении ущерба частному лицу.

В целом исследование, посвященное проблеме происхождения уголовного права, свидетельствует о том, что по природе механизм действия уголовного права предстает механизмом компенсации. В правовом плане он нацелен на восстановление справедливости как первоначально значимого правового состояния, нарушенного в результате осознанного волевого преступления границ правомерного, в социальном – на восстановление у участников правовых отношений ощущения справедливости существующего порядка как условия их психологического комфорта. При этом восстановление справедливости в уголовном праве предстает восстановлением нарушенного равновесия как сбалансированности притязаний и средств их реализации, имеющихся в распоряжении у различных субъектов права, как соразмерности и взаимности прав и обязанностей.

Исходным импульсом, приводящим уголовное право в действие, является преступление. В специальной литературе оно трактуется как «виновно совершенное опасное деяние, посягающее на публичные и частные права, свободы, законные интересы физических лиц, организаций, государства, муниципальных образований, запрещенное Уголовным кодексом ... под угрозой наказания» [2, с. 110]. Однако представляется, что по своей природе преступление – это в первую очередь не деяние, объективно обладающее негативными с точки зрения правовой нормы характеристиками, а специфическая оценка такового, его специфическая субъективная интерпретация тем, интересам кого оно причиняет вред. В этой связи как о преступлении следует вести речь о таком правонарушении, которое получает со стороны пострадавшего от его совершения субъекта негативную оценку в качестве осознанного нарушения установленных правом границ его свободы, влекущего за собой непропорциональное ограничение для него возможностей удовлетворения собственных правомерных притязаний.

Принципиальным моментом, обосновывающим в морально-правовом плане потребность в существовании и функционировании уголовного права, является признание правомерности притязаний действующих на в соответствии с нормами права субъектов на невмешательство в реализацию существующих у них интересов. Признание на этом основании неправомерного характера любого фактически имеющего место вмешательства, средств и способов, при помощи которых оно осуществляется, при условии одновременной констатации того факта, что субъектом сознательно и ответственно был сделан выбор в пользу непропорционального, становится предпосылкой негативной оценки такого выбора и требования справедливого воздаяния за него.

Если рассматривать механизм действия уголовного права с точки зрения его структуры, то базовыми элементами, придающими ему качественное своеобразие в сравнении с механизмами действия других отраслей права, выступают: 1) санкция, посредством которой устанавливается или формально-юридически закрепляется мера воздействия, применяемая к правонарушителю и предполагающая для него неблагоприятные последствия личного и (или) имущественного характера; 2) правосудие как процесс разбирательства, в ходе которого компетентным и авторитетным органом решается вопрос о правомерном или непропорциональном характере реализуемого интереса, средств и способов его осуществления; 3) приговор как решение суда о виновности подсудимого и определении для него меры юридической ответственности; 4) наказание как фактическая реализация такой меры ответственности.

Для рассматриваемого механизма санкция и правосудие выступают обязательными элементами, а приговор и наказание – факультативными. При этом факультативность приговора и наказания как элементов механизма действия права предопределяется тем, что они начинают действовать только тогда, когда при рассмотрении конкретного казуса обнаруживается справедливость воздаяния (кары) за факт противоправного воспрепятствования реализации правомерного интереса. В случае, если в процессе осуществления правосудия устанавливается, что совершенное деяние не привело к нарушению справедливого порядка (например, в случае необходимой обороны или крайней необходимости) либо в силу иных причин (например, в силу отсутствия вины причинителя вреда) наказание не является справедливым, то действие уголовного права автоматически прекращается, приговор и наказание как элементы, свойственные его механизму, не «срабатывают».

Таким предстает механизм действия уголовного права по своей природе. Однако за историю своего развития уголовное право претерпело существенные изменения.

Начало его трансформации было положено тем, что государство стало на сторону потерпевшего от противоправного посягательства, стремясь обеспечить реализацию его интереса в восстановлении справедливости. Постепенно и закономерно государство в уголовно-правовых отношениях заменило собой потерпевшего: действуя по собственной инициативе, оно стало субъектом, осуждающим совершенное деяние и требующим воздаяния за него вне зависимости от отношения к нему того лица, которому был причинен ущерб. Государство взяло на себя функцию определения оснований уголовной наказуемости деяний, а также установления мер ответственности за совершение конкретных преступлений.

Изменение роли государства в организации действия уголовного права предопределило то, что назначение механизма действия уголовного права как отрасли современного права оказалось отличным от того предназначения названного механизма, которое изначально было обусловлено его природой.

Сегодня непосредственным назначением механизма действия уголовного права как отрасли права уже, к сожалению, не является компенсация причиненного потерпевшему вреда в результате совершения преступления. Чаще всего, характеризуя уголовное право с точки зрения его назначения, говорят об обеспечении безопасности личности, общества и государства, об охране их «жизненно важных интересов» и (или) о защите

человека, общества и государства от преступных посягательств [5, с. 3, 19; 11, с. 10]. Но признание публично-го характера уголовного права указывает на то, что в действительности речь идет прежде всего о защите интересов общества и государства.

То обстоятельство, что именно защита общества и государства от преступных посягательств выступает основной целью, для достижения которой уголовное право приводится в действие, подтверждает и следующие немаловажный факт: несмотря на признание множественности функций современного уголовного права, именно то, насколько это право оказывается способным обеспечить защиту существующей системы общественных отношений от противоправных посягательств, оказывается показателем, по которому прежде всего судят об эффективности или неэффективности уголовно-правового воздействия, уголовно-правового регулирования, уголовно-правовой охраны, уголовно-правовой ответственности.

Восстановление нарушенной справедливости рассматривается в качестве функции уголовного права в редких случаях, лишь наряду с другими функциями и лишь постольку, поскольку последние эффективно осуществляются «только тогда, когда справедливо воспитание, восстановление... и предупреждение» [10, с. 192]. Одновременно в число функций, с реализацией которых связывается инструментальная ценность уголовного права, зачастую включаются такие, решение которых уголовное право вряд ли способно обеспечить по природе. В этом плане показательным является существование теоретического подхода, в рамках которого уголовное право позиционируется в качестве средства ограничения государственного принуждения и защиты прав человека в рамках отношений между преступником и государством [1, с. 11], а также мнения о том, что «в современном обществе уголовное право должно выполнять не только предупредительную (охранительную) и восстановительную функции, но и выступать в роли социального института, гарантирующего неприкосновенность чести, достоинства, имущественного благополучия человека (как законопослушного, так и преступника) от неосновательного вмешательства государства» [8, с. 6]. Очевидно, что по своей природе уголовное право вряд ли способно обеспечить своим действием реализацию указанных функций.

Характер функций, которые приписываются современному уголовному праву, свидетельствует о том, что в целом механизму действия уголовного права придается значение механизма организации решения стоящих перед государством охранительных задач.

Подтверждением постепенного превращения механизма уголовного права в инструмент организации охранительной деятельности государства, служит и то обстоятельство, что установление уголовной ответственности за то или иное деяние нередко оказывается способом обеспечения соблюдения запретов, носящих в сущности административный характер. В этом плане показательным является то, что по воле законодателя за нарушение одного и того же юридически установленного предписания или запрета может быть введена либо административная, либо уголовная ответственность. Так наказание за несоблюдение предписания, обязывающего использовать ремни безопасности в автомобиле, например, может носить административно-правовой характер, а может быть установлено и в качестве уголовного в целях обеспечения более эффективного соблюдения названного предписания. И в данном случае законодатель, принимая решение о криминализации деяния, следует такой логике: «всего несколько приговоров к пяти годам лишения свободы – и мы будем соблюдать эти предписания. Сотни человек ежегодно будут избавлены от тяжких телесных повреждений в результате соблюдения закона о привязных ремнях» [7, с. 39].

Превращение уголовного права в инструмент организации реализации стоящих перед государством охранительных задач подтверждается и использованием средств уголовно-правового воздействия для решения отдельных проблем, по своей природе являющихся не собственно правовыми, а политическими, экономическими, идеологическими и т.д. В их числе оказываются и охрана политических прав граждан, и противодействие коррупции, и обеспечение представителям животного мира таких условий их существования, которые обеспечивают сохранение их видового многообразия.

В уголовно-правовой доктрине отражением изменений, происходящих в уголовном праве, превращения его в активно используемое средство решения охранительных задач, становится представление о существовании уголовно-правовой политики как специфического направления государственно-властной деятельности [4], а также о возможности дифференциации стратегий уголовной политики, гармонизации и унификации такой политики на межгосударственном и общеевропейском уровнях [9, с. 18]. Более того, появляются аргументы, позволяющие научно обосновать мнение, что уголовное право образует собой целостную управленческую систему [3, с. 11], выступает элементом системы государственного управления [6, с. 8].

Несмотря на то, что в современных условиях назначение механизма действия уголовного права меняется в сравнении с тем предназначением, для реализации которого уголовное право исторически возникает, составляющие названный механизм базовые элементы остаются прежними. При этом по-прежнему санкция и правосудие остаются обязательными элементами рассматриваемого механизма, а приговор и наказание – факультативными.

Вместе с тем, сами параметры функционирования базовых элементов, входящих в механизм уголовного права, меняются. В частности, широкое распространение представления о том, что санкция изначально, по природе своей нацелена именно на репрессию, в то время как действительная ее роль – обеспечить восстановление нарушенного справедливого равновесия, в условиях гуманизации общественной жизни вызывает попытки трансформировать существующую систему санкций, гуманизировать ее. Следствием становится широкое использование в уголовном праве современных государств санкций, не являющихся наказанием.

Наказание перестает ассоциироваться прежде всего со справедливым воздаянием, исходным моментом в его понимании становится идея о том, что «посредством наказания можно управлять поведением», «некоторые виды наказания в некоторых ситуациях удерживают от совершения некоторых действий» [7, с. 36].

В условиях, когда параметры функционирования механизма уголовного права меняются, уголовное право оказывается неспособным обеспечить эффективную реализацию тех функций, на осуществление которых оно рассчитано по своей природе.

Наиболее существенным негативным последствием трансформации уголовного права становится возникновение в массовом сознании устойчивого ощущения дефицита справедливости и неспособности уголовного права в полной мере этот дефицит компенсировать. Возникновение такого ощущения подтверждается, прежде всего, непосредственно актуализацией вопроса о справедливости как принципе уголовного права и его осуществлении на практике. В идеале право всегда является носителем справедливости, и именно поэтому в «праве-идеале» «непозволительна постановка вопроса о справедливости» [11, с. 61]. Тот факт, что вопрос о реализации соответствующего принципа в существующей уголовно-правовой практике становится осознаваемым, указывает на то, что в реальности данный принцип не находит своего осуществления в той степени, в какой это необходимо обществу.

В каждой отдельно взятой правозначимой ситуации, в которой механизм компенсации срывает неэффективно, возникает дисбаланс интересов потерпевшего и лица, совершившего преступление. Именно этот дисбаланс воспринимается нередко как «противоречие, вытекающее ... из недостаточной сбалансированности в законе интересов граждан – лиц, совершивших преступления, и лиц, от них пострадавших», как «перекос» «в сторону необоснованного и несправедливого усиления охраны интересов преступников за счет ослабления защищенности и умаления естественных прав и свобод потерпевших» [11, с. 13].

Поскольку никакой иной правовой механизм, кроме присущего уголовному праву по его природе, не способен обеспечить ни возмездие, ни компенсацию, постольку в конечном итоге ослабевает вера в то, что право, создаваемое государством и обеспечиваемое силой его принуждения, в целом может обеспечивать справедливость. Это порождает правовой нигилизм, а в случаях, когда нехватка справедливости ощущается особенно остро, побуждает участников общественных отношений систематически обращаться к неправым средствам, позволяющим ее восстановить. Одним из неизбежных следствий такой практики является «расшатывание» существующего правового порядка.

Не будучи способным обеспечить реализацию тех функций, на осуществление которых уголовное право рассчитано по своей природе, оно одновременно не обеспечивает и решения тех организационных задач, появление которых обуславливает его трансформацию. В частности, за счет дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и процедур его реализации не удастся усилить правопорядок; степень защищенности публичных интересов, охраняемых уголовно-правовыми средствами, объективно не увеличивается; задачи правового воспитания и превенции реализуются не в полном объеме.

То, что за счет функционирования механизма уголовного права не удастся решить те организационные задачи, с которыми связывается назначение уголовного права, становится предпосылкой дальнейшего совершенствования названной отрасли как недостаточно эффективной. Однако, поскольку такое совершенствование организуется и осуществляется чаще всего без учета специфической природы уголовного права, его изначальной предназначенности, постольку оно не позволяет достигнуть ожидаемых результатов.

Обнаружение путей решения возникающих в уголовно-правовой сфере проблем составляет самостоятельный сложный вопрос, требующий глубокой проработки. Вряд ли он может быть решен исключительно в рамках правовой теории. Теоретико-правовой анализ позволяет определить лишь общие ориентиры, руководствуясь которыми, в рамках науки уголовного права можно выработать стратегию и тактику совершенствования системы уголовно-правового воздействия.

Очевидным является то, что изменения, произошедшие в уголовном праве в процессе его исторического развития, во многом носят характер необратимых, и поэтому вряд ли объективно возможным является осуществление мер, направленных на возвращение механизму действия уголовного права его изначальных свойств.

Вместе с тем, представляется, что повысить эффективность уголовного права в реализации того предназначения, которое присуще ему по природе, может активное использование средств уголовно-правового воздействия, позволяющих обеспечить сбалансированность интересов, с одной стороны, лица, пострадавшего в результате совершения преступления, а с другой стороны, общества и государства.

В частности, способствовать устранению проблем, существующих в отечественной уголовно-правовой практике, может: 1) признание потерпевшего самостоятельным участником уголовно-правового отношения и осуществление политики, направленной на создание условий и гарантий приоритетного обеспечения его прав и законных интересов; 2) расширение (насколько это является возможным) практики частного обвинения; 3) практическое осуществление идеи восстановительного правосудия, в том числе внедрение в систему уголовного правосудия примирительных процедур.

Значимым условием повышения эффективности уголовного права в реализации того предназначения, которое присуще ему по природе, является постепенное «выведение» из круга регулируемых им отношений тех, которые не связаны непосредственно с фактом совершения преступления как деяния, требующего специфической реакции государства. Прежде всего, речь идет о регулировании отношений, возникающих вслед-

ствие совершения противоправных общественно опасных деяний в состоянии невменяемости, и применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Наконец, существенным условием повышения эффективности уголовного права в реализации того предназначения, которое присуще ему по природе, следует признать реализация мер, направленных на совершенствование отрасли административного права и административно-правовой практики. Именно осуществление таких мер может способствовать обеспечению более эффективного решения охранительных задач, стоящих перед современным государством, а значит, и исчезновению предпосылок для использования уголовно-правового инструментария для решения задач, несвойственных ему по природе.

The article from the point of view of genetically inherent features and modern peculiarities of the mechanism of action of criminal law. It is proved that due to the change of destination of criminal law, its mechanism in modern conditions have lost the ability to provide its action implementation of those functions that are organic to the criminal law, by nature, was transformed into a mechanism for the organization of the state under the decision facing him enforcement tasks. Discusses the negative consequences that entails occurred in criminal law changes, and identified possible ways to address them.

Key words: *the criminal law, the nature of criminal law, the appointment of criminal law, the functions of criminal law, the mechanism of action of law.*

Список литературы

1. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2011.
2. Епифанова Е.В. Понятие преступления и современная уголовно-правовая политика России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
3. Жалинский А.Э. Модернизация механизма действия уголовного права: теоретические и методологические проблемы // Уголовное право и современность. Сборник статей. М.: Гос. ун-т Высш. шк. эк-ки, 2011. Вып. 3.
4. Иванов С.В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
5. Иглин А.В. Личность как субъект уголовного права. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.
6. Коваленко О.Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.
7. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетейя, 2011.
8. Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования. Дисс. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2000.
9. Лахти Р. На пути к рациональной и гуманной головной политике: тенденции скандинавской уголовно-правовой мысли // Современное уголовное право и криминология. Сборник научных трудов / Отв. ред. Жалинский А.Э. М.: ИНИОН РАН, 2007.
10. Мальцев В.В. Задачи уголовного права // Правоведение. 1999. № 4.
11. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
12. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
13. Мэйн Г. Древнее право. Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. М.: КРАСАНД, 2011.
14. Пост А.Г. Зачатки государственных и правовых отношений. Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права. М.: Тип. И.А. Баландина, 1901.
15. Черри Р.Р. Развитие карательной власти в древних общинах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Об авторе

Лановая Г.М. – аспирант Московского университета МВД России, lanovaya-galina@mail.ru

УДК 343.1

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ВИДУ
ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

К.В. Лиджаев

Статья посвящена актуальным вопросам стадии возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Автор на основании изучения и обобщения действующего законодательства, правоприменительной практики и юридической литературы рассмотрена проблематика производства по уголовному делу после отмены судами судебных решений по результатам рассмотрения заключений прокурора о возобновлении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Высказан ряд предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства и сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: Уголовный процесс, возобновление производства по уголовному делу, вновь открывшиеся обстоятельства, приговор, прокурор.

Возобновление уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств - самостоятельная стадия в российском уголовном судопроизводстве со своими собственными задачами (своим собственным назначением), своим составом участников и спецификой правоотношений, ее образующих. Деятельность, в ней протекающая, служит своеобразным механизмом, дополняющим обычные способы обеспечения правосудности приговоров. Имея резервное значение, эта стадия используется в случаях, когда не применимы или исчерпаны все другие средства процессуальной защиты. Законодательную основу уголовно-процессуальной деятельности в ней образуют нормы, закрепленные в гл. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации РФ (ст.ст. 413-419).

Правовое регулирование стадии производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам нуждается в комплексном и системном совершенствовании. Дело в том, что Уголовно-процессуальным кодексом РФ правоотношения, возникающие в ходе рассматриваемой стадии процесса, урегулированы не в полной мере, кроме того, в главе 49 УПК РФ имеются и очевидные противоречия действующих норм. Вследствие указанных обстоятельств правоприменители сталкиваются с неизбежными трудностями реализации положений УПК РФ о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, от разрешения которых напрямую зависит обеспечение надлежащих гарантий участникам уголовно-процессуальных отношений. В контексте обозначенной проблемы тематика исследования представляется актуальной и обоснованной ввиду необходимости дальнейшего продуманного, основанного на глубокой теоретической проработке вопроса, совершенствования нормативных предписаний о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам.

Изучение и обобщение практики соблюдения правоприменителем процессуальной формы производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам свидетельствует об определенных трудностях в реализации органами, ведущими уголовный процесс, предписаний уголовно-процессуального законодательства. Затруднения вызваны незнанием и (или) неверным пониманием требований уголовно-процессуального законодательства, отсутствием устоявшейся правоприменительной практики, а также недостаточностью методического обеспечения деятельности органов уголовного преследования и судов в данной сфере уголовно-процессуальных отношений. Первоосновой же всех названных причин выступает ненадлежащая правовая регламентация анализируемых уголовно-процессуальных отношений, так как УПК РФ содержит ряд пробелов и коллизий в правовом регулировании деятельности по осуществлению рассматриваемого вида производства. Сказанное характерно как в целом для всего правового института возобновления производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, так и для его составляющих элементов [6, с. 14].

Изложенные посылки побуждают детально рассмотреть предложенную законодателем модель правового регулирования осуществления нового судебного разбирательства по уголовному делу, выявить ее проблемные аспекты и сформулировать свои предложения по ее дальнейшему совершенствованию и эффективному применению.

Институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, регламентируемый гл. 49 УПК РФ, является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства и эффективным способом пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Цель данного производства заключается в проверке законности, обоснованности и справедливости этих решений, устранении выявленных нарушений. По своему предназначению и содержанию этот институт призван гарантировать правосудность судебных актов как необходимое условие судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. В действующей системе уголовно-процессуального регулирования он должен применяться в качестве дополнительного (резервного) способа обеспечения правосудности судебных решений и использоваться в тех случаях, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты.

В отличие от пересмотра судебных решений в порядке надзора в связи с допущенными органами уголовного преследования и судом нарушениями закона, которые могли и должны были быть предотвращены и исправлены до вступления судебного решения в законную силу, возобновление производства осуществляется при выявлении таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду, либо были известны суду, но намеренно либо в результате заблуждения или ошибки получили с его стороны оценку, не соответствующую фактиче-

ским обстоятельствам совершенного преступления. Кроме того, если надзорное производство состоит преимущественно в документальной проверке судом материалов уголовного дела, то производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предусматривает элементы как досудебного производства (возбуждение производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам прокурором, их проверку или расследование, проведение необходимых следственных и иных процессуальных действий с направлением материалов в суд - ст. 415 и 416 УПК РФ), так и рассмотрения дела судом с учетом установленных в результате проведенных проверки или расследования фактических обстоятельств (ст. 407, 417 и 418 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 413 и ст. 417 УПК РФ предметом пересмотра в порядке возобновления производства являются вступившие в законную силу судебные решения судов первой, второй и надзорной инстанций. В соответствии с ч. 2 ст. 127 УПК РФ посредством этой процедуры может быть также пересмотрено вступившее в законную силу судебное решение, принятое в процессе как судебного, так и досудебного производства, например постановление судьи, вынесенное по результатам рассмотрения ходатайства о разрешении производства следственных и иных процессуальных действий, производимых лишь с санкции суда (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), или жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора (ст. 125 УПК РФ).

Предметом пересмотра являются вступившие в законную силу судебные решения, принятые не только по уголовным делам и материалам проверок, находившихся или находящихся в производстве правоохранительных и судебных органов РФ, но и иностранных государств по их запросам об оказании правовой помощи, осуществлении уголовного преследования либо выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, отбывания наказания и иным вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. В частности, в порядке, установленном гл. 49 УПК, может быть пересмотрено вступившее в законную силу определение суда, принятое по жалобе на решение Генпрокурора РФ (его заместителя) о выдаче лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора (ст. 462 и 463). Таким образом, предметом пересмотра в порядке возобновления производства являются, по сути, любые вступившие в законную силу судебные решения, принятые в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу, независимо от того, рассматривалось ли дело в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Вновь открывшиеся обстоятельства – это фактические обстоятельства, которые существовали, но не были и не могли быть известны на момент вынесения судебного акта, но их наличие имеет существенное значение для дела, ставит под сомнение законность и обоснованность судебного акта. Незаконность и необоснованность пересматриваемого судебного акта в данном случае служит следствием открытия обстоятельств, которые суд не мог учесть в момент вынесения судебного акта, поскольку они не были и не могли быть известны и о них стало известно лишь после вынесения судебного акта. Поэтому для решения вопроса о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам необходимо, прежде всего, выяснить наличие или отсутствие вновь открывшихся обстоятельств и установить, повлияли ли они на правильность вынесенного судебного акта.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 413 УПК РФ вновь открывшимися признаются обстоятельства, существовавшие на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но неизвестные суду. К ним отнесены установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия участников уголовного судопроизводства: дача заведомо ложных показаний свидетелем и потерпевшим, ложного заключения эксперта, заведомо неправильного перевода, фальсификация вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов, а равно преступные действия дознавателя, следователя и прокурора, если эти действия повлекли за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения либо постановления (п. 1 и 2 ч. 3 ст. 413 УПК РФ).

В особую категорию вновь открывшихся обстоятельств выделены установленные вступившими в законную силу приговором суда преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела, причем независимо от того, повлекли ли они постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения либо постановления или нет (п. 3 ч. 3 ст. 413 УПК), поскольку если судья формально и не вышел за рамки закона при вынесении судебного решения, то все равно остается сомнение в правосудности итогового решения по данному делу, принятому лицом, совершившим при его рассмотрении уголовно-наказуемое деяние. Следует также отметить, что по смыслу рассматриваемой нормы речь в ней идет о преступных действиях судьи любой судебной инстанции, совершенных им по одному и тому же уголовному делу, решение по которому вступило в законную силу и является предметом рассмотрения в порядке гл. 49 УПК РФ. Если же преступные действия судьи не связаны с данным уголовным делом и имели место при рассмотрении им иного уголовного дела, то они не могут быть отнесены к категории вновь открывшихся обстоятельств.

Как правило, к вновь открывшимся обстоятельствам, которые должны устанавливаться вступившим в законную силу приговором суда, признавшего действия участников уголовного судопроизводства преступными, относятся преступления против правосудия, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 299-303, 305-307, 309 УК РФ. Однако постановить приговор в отношении лица, чьи преступные действия привели к вынесению незаконного или необоснованного решения, не всегда возможно, например, если истек срок давности уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности, издан акт об амнистии, наступила смерть обвиняемого или лицо не достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Поэтому в ч. 5 ст. 413 УПК РФ определено, что вновь открывшиеся обстоятельства могут быть уста-

новлены не только приговором, но и постановлением или определением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела по упомянутым нереабилитирующим основаниям.

Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ из регламентированного ч. 5 ст. 413 УПК РФ перечня лиц, чьи постановления о прекращении уголовного дела могут устанавливать вновь открывшиеся обстоятельства, совершенно необоснованно, на наш взгляд, исключен прокурор. В результате эта норма вступила в противоречие с п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, согласно которому прокурор по результатам рассмотрения уголовного дела, поступившего к нему от органа дознания с обвинительным актом, вправе вынести постановление о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24-28 и перечисленным в ч. 5 ст. 413 УПК РФ. При этом постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное прокурором по вышеуказанным основаниям в порядке, предусмотренном п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, может содержать достаточные данные, свидетельствующие о наличии вновь открывшихся обстоятельств и устанавливать эти обстоятельства в той же мере, что и аналогичное постановление следователя или дознавателя.

Согласно ч. 1 и 3 ст. 414 УПК РФ вновь открывшиеся обстоятельства позволяют пересмотреть вступившее в законную силу судебное решение не только в интересах осужденного или оправданного, но и в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотреть оправдательный приговор или решение о прекращении уголовного дела. Правомерность поворота к худшему в этих случаях не вызывает сомнений и полностью соответствует правовой позиции решений КС РФ.

В качестве новых обстоятельств п. 2 ч. 2 и ч. 4 ст. 413 УПК РФ определяют обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, устраняющие преступность и наказуемость деяния, т.е. влекущие за собой исключительно улучшение положения осужденного. К ним отнесены: признание КС РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, несоответствующим Конституции РФ; установление Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении российским судом уголовного дела, связанного с применением федерального закона, не соответствующего данной Конвенции, и другие нарушения ее положений; а также иные новые обстоятельства.

Сфера применения института возобновления производства была расширена Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ, дополнившим УПК РФ особым порядком принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве между сторонами обвинения и защиты (гл. 40.1). Согласно ст. 317.8 УПК РФ, если после назначения подсудимому наказания в соответствии с положениями гл. 49.1 будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разд. XV УПК РФ. При этом закон не уточняет, по какой именно процедуре данного раздела УПК РФ должен пересматриваться приговор: в порядке надзора или возобновления производства (соответственно гл. 48 и 49 УПК РФ). Исходя из не запрещенного УПК РФ, признанного КС РФ и правоприменительной практикой принципа процессуальной аналогии, в данной ситуации, как правило, следует применять положения наиболее близкого по своей правовой природе и предназначению института возобновления производства.

Указанные в ст. 317.8 УПК РФ обстоятельства должны рассматриваться как вновь открывшиеся наряду с перечисленными в п. 1 ч. 3 ст. 413 преступными действиями участников уголовного судопроизводства с той лишь разницей, что в отличие от преступных действий иных участников уголовного судопроизводства упомянутые в ст. 317.8 противоправные действия обвиняемого не требуют установления вступившим в законную силу приговором суда, поскольку не влекут за собой уголовной ответственности. Кроме того, данная статья не предусматривает, что отмеченные в ней противоправные действия обвиняемого должны повлечь за собой негативные последствия - постановление неправоудного приговора.

Таким образом, Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ введен новый особый вид вновь открывшихся обстоятельств, являющихся основанием для пересмотра вступившего в законную силу приговора в порядке, установленном гл. 49 УПК РФ.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством суд по результатам рассмотрения заключения прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам вправе, при наличии к этому оснований, принять решение об отмене оспариваемого прокурором приговора, определения, постановления суда и о передаче дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. В этом случае судебное разбирательство по уголовному делу после отмены судебных решений по нему в связи с вновь открывшимися обстоятельствами производится в общем порядке. Однако в УПК РФ не говорится о том, с какой именно стадии должно начинаться производство - со стадии судебного разбирательства либо со стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. Не уделяется этому вопросу внимания и в многочисленных научных работах, посвященных рассматриваемой нами проблематике. В УПК РФ законодатель ведет речь о судебном разбирательстве. Исходя из этого, можно предположить, что производство должно начинаться со стадии судебного разбирательства. В то же время, имеются основания и для вывода о том, что производство необходимо начинать со стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. Как представляется, в процессе производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам вероятность возникновения необходимости направления уголовного дела на повторное рассмотрение со стадии назначения и подготовки судебного разбирательства гораздо выше. Первоначальное рассмотрение судом уголовного дела, отмену принятого судебного решения и вторичное рассмотрение уголовного дела

разделяют между собой значительные временные рамки, исчисляемые месяцами и годами, появляются дополнительные участники уголовного процесса и т.д. Вследствие сказанного УПК РФ нуждается в дополнении указанием на то, что отменяя судебное решение и передавая дело в соответствующий суд на новое судебное разбирательство, суду следует оговаривать, должно ли быть начато производство по уголовному делу со стадии назначения и подготовки судебного разбирательства или со стадии судебного разбирательства.

Решение о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принимается при наличии предусмотренного законом повода для этого.

В литературе не выработано единого определения понятия «повод» и их классификации. Так, встречаются такие определения термина «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам: «источники сведений о незаконности или необоснованности приговора либо иного решения, вступившего в законную силу», «источники информации, из которых прокурор получает сведения о признаках незаконности и необоснованности вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда». По своей сути поводом к рассмотрению вопроса (принятию решения) о необходимости возбуждения производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам является любой источник информации о наличии по уголовному делу вновь открывшихся обстоятельств, при этом представляется неверным указывать на то, что данный источник является источником сведений о незаконности и (или) необоснованности приговора. Дело в том, что именно в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам устанавливается, что данные обстоятельства являются основаниями возобновления производства по уголовному делу, например, определяется, повлекли ли вновь открывшиеся обстоятельства вынесение незаконного судебного постановления (выясняется причинная связь, являющаяся обязательным условием признания вновь открывшихся обстоятельств основаниями возобновления производства по уголовному делу). С практической точки зрения свойство абсолютной истинности приговор теряет только будучи отмененным в законном порядке. Представляется, что в данном случае следует говорить об источнике сведений о наличии по уголовному делу вновь открывшихся обстоятельств[4, с.35].

Как видится, существующая в УПК РФ формулировка перечня поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам слишком расплывчата, что усиливает неопределенность и без того сложной процессуальной процедуры. Так, анализ ч. 2 ст. 415 УПК РФ приводит к выводу о том, что поводами к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам являются заявления любых граждан, в том числе не являющихся участниками процесса по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление. Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 г. (ч. 1 ст. 381) и УПК РСФСР 1923 г. (ч. 1 ст. 376) предусматривалось, что о пересмотре обвинительного приговора по вновь открывшимся обстоятельствам может ходатайствовать прокуратура, осужденный, его защитник, его родственники и те профессиональные и общественные организации, в которых осужденный состоял или состоит. При этом ни в ч. 1 ст. 381 УПК РСФСР 1922 г., ни в ч. 1 ст. 376 УПК РСФСР 1923 г. понятие «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам не использовалось.

В научной литературе чаще всего процессуалистами высказываются мнения о необходимости расширения перечня поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, в том числе, посредством включения в число поводов сообщений в средствах массовой информации, явки с повинной и т.п. С данными мнениями, полагаем, нельзя согласиться по следующим основаниям.

Специфика рассматриваемой стадии процесса в контексте презумпции истинности судебного постановления (нашедшей свое выражение в УПК РФ путем закрепления принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела), ее исключительный, «экстраординарный» характер, должны обуславливать полную определенность ее правового регулирования. Кроме того, представляется, что в УПК РФ стадия производства по вновь открывшимся обстоятельствам должна быть урегулирована по аналогии со стадией надзорного производства, учитывая сходные особенности двух стадий. Несмотря на это, как показывает анализ структурных элементов УПК, регулирующих порядок надзорного производства и производства по вновь открывшимся обстоятельствам, правовое регулирование стадии надзорного производства является более конкретным, участникам этой стадии процесса предоставлено больше правовых гарантий.

В контексте рассматриваемой проблемы нуждаются в анализе упомянутые выше точки зрения о необходимости включения в перечень поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам сообщений, размещенных в средствах массовой информации, и явки с повинной.

Проблема отнесения явки с повинной к числу поводов к возбуждению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам возникает применительно к ситуации, когда в таком источнике сообщается о сведениях, которые могут быть отнесены к иным вновь открывшимся обстоятельствам. Так, если лицо сообщает о ложности своих показаний, данных в ходе производства по уголовному делу, то при наличии необходимых оснований в отношении данного лица возбуждается уголовное дело и проводится предварительное расследование, так как данные обстоятельства могут являться основаниями возобновления производства по уголовному делу лишь в случае установления их вступившим в законную силу приговором суда. Кроме того, в случае, когда такие обстоятельства найдут свое подтверждение в приговоре или ином судебном постановлении, именно приговор и установленные им обстоятельства будут являться основанием для возбуждения производства по уголовному делу и проведения проверки и (или) расследования в целях установления того, повлекли ли данные действия (бездействия) вынесение незаконного судебного постановления.

Вопрос о целесообразности включения явки с повинной в число поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, являющимся основаниями возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам может быть разрешен путем анализа конкретного примера таких обстоятельств: в явке с повинной лицо сообщает о совершении им преступления, за совершение которого осужден другой человек. Вместе с тем одного сообщения (явки с повинной) о совершении преступления недостаточно для возбуждения производства по иным вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление. Дело в том, что сведения, о которых сообщается лицом, явившимся с повинной, должны быть проверены до момента возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам посредством проведения всего комплекса следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем наличие вступившего в законную силу приговора суда, истинность которого презюмируется, делает невозможным выполнение такой работы в полном объеме. Данный вывод, к примеру, следует из обусловленной наличием вступившего в законную силу судебного постановления невозможности совершения в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам всех процессуальных действий и принятия всего объема, предоставляемого УПК РФ, процессуальных решений. Так, не может в ходе производства по вновь открывшимся обстоятельствам избираться мера пресечения, так как до отмены судебного постановления какие-либо меры процессуального принуждения, в том числе и меры пресечения, применяться не могут.

Таким образом, в рассматриваемом случае явки с повинной прокурор должен возбудить уголовное дело в отношении явившегося с повинной лица и провести расследование (организовать его проведение). При условии, что в ходе такого расследования будет установлена истинность явки с повинной, появится возможность возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам прокурором на основе данных, полученных в ходе предварительного расследования.

Рассуждая о целесообразности включения в перечень поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам сообщений, размещенных в средствах массовой информации, необходимо отметить следующее. Специфика рассматриваемой стадии процесса, учитывая предположение о том, что судебное постановление было вынесено на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, не допускает принятия произвольных, основанных лишь на домыслах решений о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. В связи с этим, не могут сообщения, содержащиеся в средствах массовой информации, являться безусловным поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Такие сообщения могут быть основанием для проведения проверки и принятия по ее итогам решения о возбуждении уголовного дела, а затем при соблюдении всех необходимых условий решения о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Итак, в соответствии с законом поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с ч. 2 ст. 415 УПК РФ могут быть сообщения граждан, должностных лиц. Однако данные источники информации не могут являться безусловным поводом к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам: они должны быть проверены и оценены прокурором до возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному делу, по которому имеется вступившее в законную силу судебное постановление, истинность которого презюмируется. Представляется, что такие сообщения должны направляться прокурору, который вправе самостоятельно принять решение о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, вследствие чего целесообразно вообще исключить указанные сообщения из перечня поводов к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Аналогичным образом могут быть исключены из перечня поводов и данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел. Дело в том, что информация, на основе которой может быть принято решение о возбуждении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам, полученная в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства органом, ведущим уголовный процесс, должна быть направлена прокурору, уполномоченному на осуществление надзора за соответствием закону вынесенного судебного постановления, для принятия им соответствующего решения. Следовательно, закрепляя данный повод к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, законодатель приводит лишь один из многочисленных источников информации о вновь открывшихся обстоятельствах. Как видится, объединив некоторые указанные ч. 2 ст. 415 УПК РФ и проанализированные выше поводы к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам на основе критерия обязательности их направления прокурору, можно существенно упростить формулировку данного структурного элемента. Так, основываясь на обусловленном законом праве прокурора самостоятельно возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам, можно утверждать, что прокурор вправе при поступлении к нему соответствующей информации (то есть, заявлений иных граждан, сообщений должностных лиц, государственных органов, иных организаций, данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства иных уголовных дел и т. д.) возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам [3, с.228-229].

Ввиду приведенных рассуждений, представляется, что правом обращения с заявлением о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам обладают: осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого производство по уголовному делу прекращено, их законные представители и защитники, а также потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, законный представитель потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, право подавать заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принадлежит членам семьи потерпевшего, его близким родственникам или законным представителям, в том числе тем, которые не были наделены правами и обязанностями потерпевшего посредством вынесения органом, ведущим уголовный процесс, постановления (определения) о признании их потерпевшими.

Следует отметить, что анализ уголовных дел, по которым органами, ведущими уголовный процесс, осуществлялось производство по вновь открывшимся обстоятельствам, свидетельствует о том, что заявления о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам на практике подаются обозначенными выше участниками процесса.

С учетом всего изложенного, можно сделать вывод о том, что формулировка ч. 2 ст. 415 УПК РФ нуждается в изменении. Прежде всего, необходимо рассмотреть возможность исключения из ч. 2 ст. 415 УПК РФ термина «повод» к возбуждению производства по вновь открывшимся обстоятельствам, что не повлечет каких-либо негативных последствий для правоприменителя, а напротив, упростит толкование рассматриваемого структурного элемента кодекса. Кроме того, следует определить конкретный круг лиц, имеющих право обращаться с заявлением о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, и закрепить право прокурора возбуждать производство по вновь открывшимся обстоятельствам при поступлении к нему соответствующей информации (сообщений в средствах массовой информации, сообщений должностных лиц, государственных органов, иных организаций, а также данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства других уголовных дел).

Таким образом, части 1 и 2 ст. 415 УПК РФ могут быть объединены и сформулированы таким образом:

«1. Прокурор вправе возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам по своей инициативе либо по заявлению осужденного, оправданного, лица, в отношении которого производство по уголовному делу прекращено, их законных представителей и защитников, а также потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, законных представителей потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, право подавать заявление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам принадлежит членам семьи потерпевшего, его близким родственникам или законным представителям, в том числе тем, которые не были наделены правами и обязанностями потерпевшего посредством вынесения органом, ведущим уголовный процесс, постановления (определения) о признании их потерпевшими.»

Данная формулировка будет способствовать соблюдению презумпции истинности вступившего в законную силу судебного постановления, стабильности судебных постановлений, а следовательно, и укреплению авторитета судебной власти.

Annotation: Article is devoted to topical issues of stage resume production on newly discovered evidence. Author based on the study and analysis of the current legislation, enforcement and legal literature devoted to the issues of criminal proceedings after the abolition of judicial decisions by the courts on a review of the findings prosecutor to reopen the criminal case on newly discovered evidence. Several proposals to improve the action sponding criminal procedural law and successor of the current enforcement practice. **Key words:** Criminal trial, the resumption of the proceedings, the newly discovered evidence, the verdict, the prosecutor

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.06.2014).
2. Бородинова Т.Г. Поводы и основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств // Российское правосудие. 2012. № 12 (80). С. 91-94.
3. Букато Л.Г. Перспективы совершенствования уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 223-230.
4. Женетль С.З. Институт пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Российское правосудие. 2012. № 7. С. 35-42.
5. Крюков В.Ф. Прокурор и его назначение в пересмотре уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законность. 2011. № 5. С. 12-15.
6. Оксюк Т.Л. Актуальные проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законность. 2014. № 1 (951). С. 14-19.
7. Слепченко Е.В. Проверка судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2011. № 1. С. 91-98.
8. Шагалов А.С. Правовые и организационные основы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Вопросы правоведения. 2013. № 4 (20). С. 338-357.

Об авторе

Лиджаев К.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, k220990@mail.ru.

УДК 34 (091)

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ

В.В. Оксамытный

Рассматривается юридическая компаративистика как сфера научных знаний и исследований на стыке взаимосвязей государства и права, соединяющей изучение сопоставимых форм и типов государственно организованного общества и соответствующих им правовых систем и законодательства.

Ключевые слова: юридическая компаративистика; сравнительное государствоведение; сравнительное правоведение; сравнительное законоведение; правовая система; законодательство

В рамках мирового сообщества сформированы и продолжают развиваться во многом уникальные правовые системы: отдельных государств, внутригосударственных образований, государствовидных формирований или межгосударственных объединений со своими базовыми принципами, юридическими концепциями и категориями, системами права и законодательства, особенностями правотворческого и законотворческого процессов, осуществления права в целом.

И потому среди широкого круга приемов, форм и способов исследования государственно-правовых явлений в обществе, к которым прибегает юриспруденция для познания своего предмета, всегда находилось место для *сравнения*, с помощью которого сопоставляются государственные институты и правовые системы различных стран для определения общих свойств и специфических черт проявления. *Компаративизм* (от лат. *comparativus* - сравнительный) в юриспруденции предполагает исследование *сопоставимых* государственно-правовых объектов, существовавших в прошлом или действующих в настоящее время. Для сравнения могут быть избраны *соизмеримые* нормы и положения, более сложные компоненты на уровне юридических явлений, институтов и процессов, а также государственные и правовые системы в целом. Сравнительно-юридическому анализу подвергаются субъекты сложносоставного государства, страны, входящие в однородные правовые семьи, и правовые системы различных правовых семей.

Разделы о типологии и формах государств, правовых системах современности и законодательстве различных стран в их сравнительном аспекте входят в обязательный курс общей теории государства и права. Показательно, что сегодня становится не исключением, а правилом, достойным подражания, появление специальных дисциплин, посвященных компаративистским проблемам как *отраслевых семей в праве* [22; 11], так и отдельных *отраслей права* [24; 17; 9; 7; 3; 6; 19; 21].

И если даже в рамках историко-правовой науки ныне ратуют за «стык» истории государства и права со сравнительным правоведением, объявляя его новым направлением в юриспруденции¹¹, а в иных сферах научных знаний компаративистские курсы признаны необходимыми [10; 8; 12; 5; 16], то в отношении основополагающей юридической науки осуществить такую стыковку должно быть делом принципа. В силу этого призыв к введению в учебный процесс высшей юридической школы *обобщающего компаративистского курса* [см. в этой связи: 13; 20; 18] становится повсеместным и в большей степени, чем еще несколько лет тому, реализуется практически.

Именно необходимость в объективных знаниях о многообразии государственно-правовой реальности ведет к повышению значения **юридической компаративистики** как *сферы научных знаний и исследований на стыке взаимосвязей государства и права, соединяющей изучение сопоставимых форм и типов государственности и соответствующих им правовых систем и законодательства*. Такое соединение дает возможность получить многофакторную картину современной юридической реальности, выделить и проанализировать то многообразие, которое как отличает, так и сближает страны, их составные части и их сообщества.

Юридическая компаративистика, являясь составной частью общетеоретической юридической науки, использует ее *методологию*, включающую разнообразные приемы, формы и способы познания государственно-правовой реальности, среди которых выделяются:

- *общенаучные методы* исследования (анализ и синтез, структурно-системный и функциональный подходы, методы прогнозирования, моделирования и эксперимента). На их основе представляется возможным изучение специально выделяемых частей государственно-правовых явлений с их последующим объединением в единое целое, связей и направлений деятельности исследуемых систем государства и права, процессов воссоздания возможных вариантов государственных и правовых систем, оценке механизма осуществления и последствий их реализации;

- *специальные научные методы*, основанные на процессах и результатах усвоения окружающего мира конкретными науками или группами наук, которые объединяют по признаку принадлежности к определенной сфере знаний (общественных и естественных, технических и математических наук, в их числе). Так, широко используются исторические и социологические, математические и кибернетические, подходы, законы и мето-

¹¹ Правда, под очень уж «неудобоваримым» названием как «хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение», усложняющим его должное восприятие [См.: 2]

ды формальной логики и социальной психологии, политологии и экономической науки;

- *собственные методы* юридической науки, выработанные на протяжении всего развития науки о государстве и праве либо привнесенные современностью. Направленность в изучении и применении юридической компаративистикой таких методов придают составляющие ее содержание структурные части – сравнительные государственное, правовое и законоведение.

Среди подходов к познанию юридической карты мира при составлении курса, преподавании и усвоении соответствующей компаративистской дисциплины более востребованы:

- *формально-юридический подход*, который предполагает изучение, в частности, государства, его правовой системы и законодательства в идеально-обобщенном виде – таким, каким они должны быть в качестве достижения мировой цивилизации, отделенным от «наростов» своего субъективного проявления в исторически прошлом или настоящем. Специальные юридические приемы изучения и обобщения внешних и внутренних форм государственно-правовых явлений дают возможность выявить, например, не конкретно национальные, но общие, присущие всем странам современного мирового сообщества признаки государства, характерные черты правовых семей и их групп, обобщающие признаки закона и законодательства;

- *социо-юридический подход*, основанный на методах социально-правовых исследований, в том числе наблюдения (визуального или иного восприятия процессов, имеющих юридическое значение); сбора и анализа различных источников информации о государстве, его законодательстве и правовой системе в целом (юридических памятников и исторических документов, трудов ученых, научных публикаций и текстов нормативных актов); опроса (анкетирования и интервьюирования); социально-правового эксперимента, устанавливающего степень эффективности вступившего в силу либо прогнозирующего действенность готовящегося или вводимого закона;

- *интерпретационный подход*, заключающий в себе методы толкования государственных решений и предписаний. С их помощью выявляются истинное содержание и конкретный смысл норм закона, а также определяется и разъясняется зафиксированная в юридически обязательных велениях воля государства. Традиционно юристы (теоретики и практики) используют целый ряд методов толкования: филологический (грамматический), заключающийся в анализе официальных документов и их составляющих частей; систематический (нормативный), состоящий в уяснении сути содержания документа при сравнении с иными; исторический (историко-политический), связанный с выявлением мотивов и целей принятия решения; логический (формально-логический), предполагающий выяснение заложенного в документе смысла на основе законов логики; целевой, определяющий суть и назначение изучаемого документа.

Несомненно, в систему методов юридической компаративистики входят:

- *сравнительно-правовой подход*, включающий в себя средства и способы, с помощью которых сопоставляются государственно-правовые системы различных стран для определения общих свойств и специфических черт современного проявления. Сравнение может предполагать исследование сопоставимых характеристик государства, закона и законодательства, действующих в настоящее время в различных правовых семьях или отдельных правовых системах (синхронное сравнение). Для сравнения могут быть избраны соизмеримые законодательные акты (микросравнение), более сложные компоненты их объединения (институционное, отраслевое и межотраслевое сравнение), а также правовые системы в целом (макросравнение). Сравнительно-юридическому анализу, в частности, подвергаются субъекты сложных унитарных и региональных государств, а также федераций (внутринациональное сравнение), страны, входящие в однородные правовые семьи (внутрисистемное сравнение), и правовые системы различных правовых семей (межсистемное сравнение);

- *историко-сравнительный подход*, дающий возможность исследования сопоставимых характеристик государственно организованных обществ, их правовых систем и законодательства, существовавших в прошлом (историческое или диахронное сравнение).

Юридическая компаративистика как учебная дисциплина должна включать в себя:

- *общую часть*, в которой рассматриваются теория и история становления и развития юридической компаративистики, ее государствоведческие характеристики, так называемая правовая карта мира и сравнительная теория закона. В то же время выбор проблем, выносимых в данный курс, определяется как степенью их разработанности, так и общим назначением в учебном процессе. Настоящая дисциплина предваряет последующее сравнительное изучение ведущих отраслей права и законодательства;

- *особенную часть*, которая включает в себя сравнительное конституционное, сравнительное гражданское, сравнительное уголовное, сравнительное трудовое, сравнительное процессуальное право, сравнительное семейное (брачное) право и иные компаративистские курсы по основным правовым отраслям.

Общая часть юридической компаративистики, учитывая складывающуюся в правовой теории логическую структуру данной правовой науки, конкретизирует круг проблем, выносимых в ее основу, и дополняет на базе современного видения многосоставного предмета юридической компаративистики. Она представляет собой соединение трех взаимосвязанных компонентов: *сравнительного государственного, сравнительного правового и сравнительного законоведения.*

Сравнительное государственное, открывающее учебный курс, ныне признается не только как составная часть юридической компаративистики или вспомогательная прикладная наука в рамках теории государства и права, но и как создаваемое коллективными усилиями специалистов ряда отраслей знания новое направление в исследовании государственности [см. по данной проблеме: 4; 14; 1; 23; 25].

Сравнительное государственное ведение ставит целью:

- раскрытие комплекса общих государствоведческих проблем, рассматриваемых через призму сравнительно-юридических подходов к сути, роли и назначению государства, его признакам и функциям, соотношению с иными социальными институтами и явлениями, формам практического выражения и т.п.;
- рассмотрение общего и особенного в политических режимах различных государств (демократических, переходных, авторитарных, тоталитарных), связанных с методами и средствами осуществления государственной власти, спецификой проявления властных приемов и способов управления делами государства при определенном режиме, уровнем его признания и поддержки населением;
- изучение проблем, связанных с осуществлением принципа разделения властей и соотношения государственной и политической власти, системой сдержек и противовесов в современном государстве, исследование роли и места государства в политической системе общества, выявление взаимосвязей государства и гражданского общества и т.д.;
- исследование моделей государственности и различных институтов государственной власти с учетом *типологии* (исторической, идеологической, религиозной, формационной или цивилизационной) и *форм* государства (правления и государственного и межгосударственного устройства, в их числе), выделяемых в зависимости от способов организации, устройства и функционирования государственной власти на основе мирового опыта.

Сравнительное правоведение представляет собой совокупность знаний о правовых явлениях современного мира на основе их сопоставления. Его предметом являются общие и специфические закономерности возникновения, развития и функционирования правовых систем государственно-организованных обществ (сообществ) в их сравнительном познании.

Объектом сравнительного правоведения являются *правовые системы* государственно-организованных обществ (сообществ), раскрываемые через их сопоставимые компоненты (право, правопонимание, правотворчество, источники права, правовые учреждения, система права, механизм и результаты его действия).

Целью (назначением) сравнительного правоведения становится получение целостной картины правового развития современного мира.

Сравнительное законоведение, как заключающая часть курса, представляет собой совокупность знаний о становлении, оформлении и действии законов на основе мировых правовых традиций и опыта отдельных стран [14]. Необходимость его введения обуславливается актуальностью тематики, связанной с возрастающей ролью закона, его сущностью и назначением как исходной формы права, местом и ролью в системах источников права современных государств, особенностями в различных правовых системах.

В сравнительном законоведении на компаративистской основе раскрываются сущность и назначение закона как исходной формы права, рассматриваются взаимосвязи права и закона, излагается суть верховенства закона как важнейшего принципа права, а также освещаются зарождение и развитие закона как юридического феномена, его место и роль в системах источников права современных государств.

The article deals with comparative jurisprudence which considered as a sphere of scientific knowledge and research at the intersection of State and Law of the relationships, commentary study of comparable shapes and types of public organized society and their respective legal systems and legislation.

Key words: *comparative jurisprudence; comparative State; comparative Law; comparative legisprudence; the legal system; legislation*

Список литературы

1. Голубева Л.А., Черноков А.Э. Сравнительное государственное ведение: Учебник. СПб.: Знание, 2009
2. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки //История государства и права. 2010. № 16
3. Доронов В.Н. Сравнительное уголовное право: Учебник. М., 2009
4. Желдыбина Т.А. Сравнительное правоведение и сравнительное государственное ведение: проблемы взаимодействия и взаимосвязи //Право Украины. 2013. №3-4
5. Жуков В. И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика. М.: Изд-во РГСУ, 2012
6. Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право: Учебник. М., 2005
7. Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации. М.: Юрлитинформ, 2014
8. Компаративные исследования экономической истории: Сб. ст. / отв. ред. Ю. П. Бокарев. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012
9. Косарева И. А. Сравнительное брачное право России, Германии и Франции. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010
10. Котенко В. П. Компаративистика - новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотекведения (по материалам журнала "Библиосфера"). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010
11. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение. /Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2003

12. Литературоведческая компаративистика. Ведение в практику анализа: Учебное пособие /сост. И.С. Григорьева. Абакан: Изд-во ХГУ, 2012
13. Оксамытний В.В. Компаративистские основы общей теории государства и права //Сравнительное правоведение: современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. трудов. Одесса: Феникс, 2013. С.119-121
14. Оксамытний В.В. Сравнительное правоведение и законоведение: Учебное пособие. Брянск: Изд-во БГУ, 2011
15. Оксамытний В.В. Сравнительное государствоведение: Учебное пособие. Брянск: Изд-во БГУ, 2013
16. Русистика и компаративистика: сб. науч. статей. Вып. 7, кн. 1: Лингвистика / отв. ред. Е. Ф. Киров, Г. Кундротас. М.: МГПУ, 2012
17. Саидов А.Х. Сравнительное гражданское право как учебная дисциплина: Открытая лекция. К.; Ивано-Франковск, 2010
18. Современные парадигмы юридической компаративистики в аспекте развития национальных правовых систем: Сб. науч. статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2012
19. Сравнительно-правовой анализ в исследованиях правовых институтов и явлений в отраслевом, страноведческом и временном аспектах. /Ред. Т.А.Алексеева: Труды ЛСПИ НИУ ВШЭ. СПб., 2011
20. Тихомиров А.Д. Юридическая компаративистика в структуре высшего юридического образования //Межвузовский круглый стол «Сравнительное правоведение: опыт и проблемы преподавания». К., 2013
21. Хопт К.И. Сравнительное право компаний //Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. Третий выпуск
22. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право: В 2-х тт. /Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2010
23. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государствоведения. М., 1997
24. Чиркин В.Е. Сравнительное государствоведение: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2011
25. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Юриспруденция, 2011

Об авторе

Оксамытний В.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, руководитель Научного центра сравнительного правоведения Института международного права и экономики им. А.С.Грибоедова

УДК 34(091)

ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ГОРОДЕ ХАРБИНЕ 1920-1937.

В.П. Пономарева

В статье рассматривается правовое наследие ученых русского Юридического факультета в городе Харбине, которое многие годы оставалось вне поля зрения отечественных правоведов. В то же время труды харбинских профессоров - юристов, безусловно, являются частью российского правового наследия. Обращаясь к их научным концепциям, мы способствуем объективной оценке этого правового наследия в контексте отечественной науки.

Ключевые слова: Г. К. Гинс, М. Н. Ершов, В. А. Рязановский, Г. Г. Тельберг, Н.В.Устрялов, правовое наследие Русского Зарубежья, Юридический факультет в городе Харбине.

Харбин, наряду с Парижем и Прагой был центром Русского Зарубежья, в котором функционировало русское высшее юридическое учебное заведение, считавшее необходимым готовить специалистов для будущей свободной России [1, с.78].

Уникальность этих образовательных учреждений заключалась в том, что в 1918 году все юридические факультеты в Советской России были закрыты, как социально чуждые новому строю [2]. Только в эмиграции была возможность для русской молодежи получить классическое высшее юридическое образование.

В 1921 году в Париже открылся юридический факультет, где преподавали известные русские юристы: Г. Д. Гурвич, В. Б. Эльяшевич, В.Д. Кузьмин – Караваев [1, с.85]. В 1928 году - Франко-русский институт[3] открыл юридическое отделение, диплом которого приравнивался к документу французского вуза, что позволяло выпускникам устроиться на работу во Франции. Соответственно, упор делался на изучение французского законодательства, что было более актуальным, чем изучение русского права. В результате, русские юридические вузы в Париже, по понятным причинам, долго не существовали.

В 1921 году в Праге для русских студентов создали гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, а, позднее, открылся Русский юридический факультет. Его работа проходила под патронажем Карлова университета и при поддержке чехословацкого правительства, в рамках программы «Русская акция», помогавшей русским беженцам получить образование [4, с.350]. Этот факультет обладал правом присуждать ученые степени и звания, а также заниматься переподготовкой научных кадров [5.37-43]. Учебные курсы читали такие известные ученые как Д. Д. Grimm, Н.О. Лосский, Е.В. Спекторский. В 1925 г. политическая ситуация в Чехословакии изменилась и юридическое образование, базировавшееся на национальных

русских традициях, не смогло конкурировать с местной высшей школой [6.223].

Третьим крупным университетским центром русской эмиграции стал город Харбин - столица китайской Северной Маньчжурии, где проживало свыше 50 тысяч русских [7]. В городе работали несколько высших учебных заведений, сложилось ряд русских научных школ: востоковедческая, политехническая, юридическая [8], а объединяющим центром стал русский Юридический факультет, который начал работу 1 марта 1920 г.

На выбор юридической специальности повлияли еще два обстоятельства. Во-первых, профессия юриста была одной из самых популярных в дореволюционной России в течение нескольких десятилетий и это представление, по-видимому, сохранилось в кругах эмигрантской интеллигенции.

Во-вторых, то, что в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (далее – КВЖД) по отношению к русским жителям Маньчжурии и в китайских судебных учреждениях применялось русское дореволюционное право, и оно считалось действующим.

Пока существовало высшее юридическое образование в Государственном Дальневосточном университете во Владивостоке (далее – ГДУ), Юридический факультет в Харбине нередко ассоциировался с его зарубежным филиалом. Это было естественно, так как частный Юридический факультет, чтобы выдавать дипломы о высшем образовании свои выпускникам, нуждался в официальной аккредитации, подтверждающей его право на ведение образовательной деятельности. Совет ГДУ, после специального обследования вопроса о постановке преподавания юридических наук в Харбине и, с согласия Приамурского правительства, подтвердил это право и создал совместную Испытательную комиссию для проведения итоговых экзаменов на юридическом факультете в Харбине [9, с.7]. Но, в ноябре 1922 в Приморье установилась Советская власть и, в духе того времени, юридический факультет ГДУ преобразовали в факультет общественных наук. Многие профессора, готовившие кадры юристов, эмигрировали в Маньчжурию. После этого Харбин стал флагманом юридического образования на Дальнем Востоке [10]. Что касается Испытательной комиссии, то она действовала, в рамках утвержденных ГДУ, под председательством профессора В.А. Рязановского в 1923 и 1924 гг., а на 1925 г. состав комиссии был утвержден Правлением союза русских академических организаций за границей в Праге [11, с.201-202].

На факультете, собравшем плеяду талантливых профессоров, преподавали и русское дореволюционное и советское право, считая, что: «строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательство» [11, с.223].

В соответствии с российским Общим университетским Уставом 1884 г. на факультете работали 12 кафедр. Читались традиционные учебные дисциплины: общая теория права, история русского права государственное право, гражданское право, уголовное право, латынь, каноническое право,, английский язык, китайский язык – всего 29 предметов [11, с.212-213]. Так же преподавались специальные курсы по советскому праву и различным отраслям китайского права, в частности, гражданскому праву и процессу, уголовному праву и процессу, торговому, государственному и административному праву. Позднее на факультете были созданы еще два отделения: экономическое и восточное. Новация была введена по двум причинам: чтобы получать денежные дотации от советской администрации КВЖД и привлечь китайскую молодежь, которая традиционно получала образование в США и Японии. Китайцы, обучаясь на Юридическом факультете на русском языке, впитывали и русскую культуру, что было немаловажно в пограничной Северной Маньчжурии.

Относительно количества студентов, обучающихся на факультете, есть разные цифры. В 1920 году, в первый академический год, поступило 98 человек, а в 1923 году окончило факультет 6 человек. Такой выпуск считался вполне нормальным. Для сравнения, первый выпуск Русского юридического факультета в Праге – 3 человека, а, в Государственном Дальневосточном университете в 1921 г. - 7 человек [11, с.224-226]. В лучшие годы вуза численность студентов (вместе со слушателями подготовительных курсов) доходило до 1000 человек.

За 18 лет существования Юридический факультет окончили более 2600 студентов разных национальностей [8, с.74].

Благодаря финансовой поддержке администрации КВЖД преподаватели имели возможность выезжать в длительные научные командировки в Европу и Америку. В результате, в Испытательной комиссии при Русской Академической группе в Париже защитили свои диссертации: В. В. Энгельфельд (1925) и Г. К. Гинс (1929); в Русской академической группе в Праге Н.И. Никифоров (1928). Все это дало возможность харбинской профессуре быть в курсе тенденций развития современного европейского права и усиливало научную составляющую в преподавании учебных дисциплин.

Начиная с 1925 года на факультете издавались научные труды преподавателей - «Известия Юридического факультета». Большинство томов редактировал профессор Г. К. Гинс (I, III - VI, IX, XI, XII) и делал это так успешно, что в рецензии журнала «Современные записки» (Париж) на третий том «Известий» автор назвал Юридический факультет в Харбине «оазисом русской культуры» и выразил убежденность, что ему «предстоит стать на неопределенное время единственным свободным рассадником русского юридического образования» [12, с.137].

Основные направления научной деятельности преподавателей юридического факультета сводились к сравнительно-правовому исследованию права стран Восточной Азии, изучению тенденций европеизации китайского права.

Лидером Харбинской школы права был профессор Валентин Александрович Рязановский (1884-1968).

С осени 1921 г. Рязановский - преподаватель по кафедре гражданского права и процесса на Юридическом факультете в Харбине. Более 14 лет он проработал в этом учебном заведении, из них - пять лет в долж-

ности декана (1924-1929).

В своих научных трудах профессор В. А. Рязановский в конце 20-х годов прошлого века приступил к исследованию таких «белых пятен» как обычное право монголов и мало изученное китайское право. Аргументируя свой научный интерес, Рязановский писал: «Одна отрасль востоковедения и в частности, китаеведения, находится в особо неблагоприятном положении, можно сказать, в загоне, это – область юриспруденция. Это объясняется тем, что граждане иных держав в Китае пользовались экстерриториальностью и их права были ограждены трактатами, так же, трудностью языка, отсутствием в частном праве Китая кодексов и действием только обычного права» [13]. Список его научных публикаций по истории и теории права, обычному праву, сравнительному правоведению (только опубликованных) насчитывает более 80 названий. Из изданных в этот период работ выделяются: «Обычное право монгольских племен» (1923-1924), «Современное Гражданское право Китая» (1926), «Основные начала земельного, горного и лесного права Китая» (1928), «Монгольское право (преимущественно обычное» (1931), а также издания, вышедшие на английском языке: «The modern Civil Law of China». Part I - II (1927-1928), « Customary Law of the Mongol tribes» (1929), представляющие дальнейшую разработку проблем сравнительного правоведения.

Весной 1929г., после того как частный «Юридический факультет в городе Харбине» распоряжением китайских властей объявили государственным «Юридическим Факультетом Особого Района Восточных Провинций», перевели под китайское управление и ректором назначили китайца, В.А. Рязановский принял решение уйти со своей должности и перебрался сначала в Тяньцзинь, где продолжал заниматься академической деятельностью, а позже уехал в США. Все свое свободное время Валентин Александрович посвятил подготовке и публикации научного труда «Обзор русской культуры», предназначенного эмигрантской молодежи. Валентин Александрович Рязановский скончался 19 февраля 1968 г. в Окленде [14].

У истоков Юридического факультета стоял и выпускник Московского университета Николай Васильевич Устрялов (1890 – 1938). В 1920 году Н. В. Устрялов приступил к преподаванию на Юридическом факультете. В начале 1925 года он, получив гражданство СССР, в качестве советского специалиста, возглавлял Учебный Отдел КВЖД, а с 1928 г. стал директором Центральной библиотеки железной дороги [15].

По научным работам и публикациям Харбинского периода можно судить о государственно-правовых взглядах профессора Н. В. Устрялова. В работе «Этика Шопенгауэра», исследуя воззрения немецкого ученого на право и государство, Устрялов позиционирует себя как сторонника естественного права, поддерживая, вслед за Шопенгауэром, тезис Г. Гроция о том, что «Право есть то, что не есть несправедливость» [16, с.279]. Как ученый и политик, Н.В. Устрялов обогатил юридическую науку, исследуя такую разновидность государственного режима как фашизм. Изучая феномен итальянского и немецкого фашизма, Устрялов объяснял причины его появления социальными и национальными противоречиями, порожденными мировой войной 1914-1918 гг., падением престижа права в мировом сознании и реабилитацией ценностей внеправового и сверхправового порядка, а также неспособностью государств справиться с этим явлением «нормальными» правовыми путями» [17; 18].

Летом 1934 г., из-за разногласий среди преподавателей факультета, Н.В. Устрялов вместе с группой профессоров, имеющих советское гражданство, покинул юрфак и, позднее вернулся в Москву. Некоторое время он работал профессором экономической географии Московского института инженеров транспорта, сотрудничал в центральной печати. В июле 1937 г. Устрялов был арестован, затем осужден и в день вынесения приговора расстрелян.

Еще один представитель Юридического факультета в г. Харбине профессор Георгий Константинович Гинс (1887-1971). Г.К. Гинс в Харбине был начальником канцелярии, а, затем главным контролером в управлении КВЖД [19, с.171]. В то же время он состоял исполняющим делами экстраординарного профессора по кафедре римского права на Юридическом факультете в Харбине. Практически, Г.К. Гинс был единственным преподавателем Юридического факультета, проработавшим в стенах этого учебного заведения от начала и до конца [26]

Сфера научных интересов Г.К. Гинса в харбинский период была обширна - от водного права, исследование которого послужило основой для подготовки его магистерской диссертации, до проблем солидаризма. Для завершения диссертации Гинс получил годичный отпуск и уехал в Париж, где в Испытательной комиссии при Русской Академической группе 29 апреля 1929 г. состоялась публичная защита его диссертации на тему: «Водное право и предметы общего пользования» [8, с.35-36].

По возвращению из Европы, Гинс обращается к проблеме солидаризма, с которой познакомился во Франции. В работе «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму», написанной в 1930 году, а также в более поздних трудах он стремился обосновать идею солидаризма, рассматривая ее как основу гармонизации государственных и индивидуальных правоотношений. Исследуя феномен солидаризма, Г.К. Гинс ввел понятие согласительного, или регулятивного, права, которое, по его мнению, должно было стать основой перехода от одного общественного порядка к другому, основой прогресса [20].

В харбинский период Г.К. Гинс достиг высот своей научной карьеры в области философии права и сравнительного правоведения, опубликовав такие работы, как: «Индустриализованная Япония», «Этические проблемы современного Китая», «Право и сила (очерки по теории права и политики)», «Новые идеи в праве и основные проблемы современности», «Учение о праве и политическая экономия», «Монгольская государственность и право в их историческом развитии», «Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го».

Окончательно сформировал свою правовую позицию Г.К. Гинс в объемном и информационно насы-

ценном труде «Право и культура. Процессы формирования и развития права» (1938), в которой анализируются практически все этапы, связанные с формированием, развитием, оформлением и закреплением права, правовых идей и систем.

Будучи учеником Л. Петражицкого, лекции которого Гинс слушал еще студентом Санкт-Петербургского университета, Георгий Константинович, оставаясь на позициях психологической школы права, строил свою концепцию исходя из тезиса, что право это продукт социальной культуры, адекватно отражающий уровень развития любого общества. По мнению Гинса, задача науки юриспруденции заключается в том, чтобы установить связь права с другими явлениями культуры, в частности, социальной психологией и нравственностью. Эта взаимосвязанность права и культуры поможет значительно расширить и углубить понимание процессов развития права, подготовит создание науки политики права и даст возможность обществу руководить правовым прогрессом.

Так совпало, что завершив работу над этим произведением, Георгий Константинович Гинс покинул Харбин и уехал в Сан - Франциско. С ноября 1945 г. по 1954 г. Гинс был профессором Калифорнийского университета в Беркли, преподавал в Вермонт-колледже, а затем работал в институте иностранных языков в Монтерее, где читал курс «История русской мысли». До самого конца жизни Г.К. Гинс продолжал научную работу, опубликовав, в том числе две книги о положении в СССР: «Советское право и советское общество» (Гаага, 1954) и «Упадок коммунизма» (Нью-Йорк, 1956).

Г. К. Гинс скончался в сентябре 1971 [21, с.98-99].

Еще одним ярким представителем профессорско-преподавательского состава Юридического факультета был Матвей Николаевич Ершов (1886 - не ранее 1935, Китай) [22, с.71].

С осени 1926г. Ершов начал работать доцентом кафедры энциклопедии права и истории философии Юридического факультета в Харбине. Он читал лекционные курсы: «История философии права», «Введение в философию», «Народное хозяйство Китая» и «Церковь и Государство в их взаимоотношениях». Педагогическая деятельность М.Н.Ершова активно переплеталась с плодотворной научной работой и журналистикой: в 1929-1930гг. он сотрудничал с журналом «Вестник Маньчжурии», издаваемым экономическим отделом КВЖД [23, с.256]. За годы, проведенные в Харбине, Ершовым было напечатано около двадцати исследовательских работ, в т.ч. «Ценность юридического образования», «Политические идеалы А. Д. Градовского», «Борьба в мире идей», «Школа и умственное движение в современном Китае».

Одной из доминирующих тем его научного творчества китайского периода оставалась проблема осмысления факторов культурного развития личности. М.Н.Ершов аргументировано доказывал, что идея права должна укорениться в сознании народа, потому, что право формирует уважительное отношение к свободе, побуждает к соблюдению законности в отношении других, а значит, положительно влияет на национальную культуру. Средством достижения поставленной цели, особенно для россиян, Ершов считал юридическое образование [24, с.219], справедливо полагая, что типичная особенность русского национального склада - равнодушное и безразличное отношение к правовым вопросам, отсутствие всякого рода правового чутья и, как следствие, правовой нигилизм во всех слоях общества.

Матвей Николаевич Ершов проработал на юридическом факультете Харбина практически до конца существования этого учебного заведения, а, далее, судьба профессора теряется среди многих тысяч судеб русских эмигрантов, которых ветер истории развеял по всему свету [25].

На юрфаке в Харбине работал и Георгий Густавович Тельберг (1881 - 1954).

С марта 1921 г. он преподавал международное право и опубликовал ряд работ, среди которых: «Судебники великого князя Ивана III и царя Ивана IV», «Идея войны в новом международном праве».

В 1937 г. Тельберг переехал в Циндао, а в 1940 г. покинул Китай и уехал в США. Георгий Густавович Тельберг умер 20 февраля 1954 г. Похоронен на кладбище Ново - Дивеевского женского монастыря под Нью-Йорком [21, с.337-338].

Феномен Юридического факультета в Харбине многие годы оставался вне интересов отечественных правоведов. В то же время многие аспекты теории и истории права, сравнительного правоведения, научно-педагогическая деятельность и труды профессоров и преподавателей факультета, работы эмигрантов-юристов, безусловно, являются частью золотого фонда российского правового наследия.

For many years the phenomenon of the Russian Faculty of Law in Harbin remained out of the interests. At the same time, many aspects of the theory and history of law, comparative law, research and teaching activities of Harbin - lawyers of course are undoubtedly part of the Golden Fund of the Russian legal heritage. Building a system of spatial coordinates within which existed Faculty of Law in Harbin, paying tribute to the memory of those who have protected and increase domestic science and culture abroad we thus contribute to addressing the issue of this legal heritage in the context of the domestic jurisprudence

Key words: *G.K. Guins, M.N.Ershov, V.A. Ryazanovskiy, G.G. Telberg, N.V.Ustryalov, the Law, Russian Diaspora, Faculty of Law in Harbin*

Список литературы

1. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). В 2 вып. Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971-1973. (Collection Études Russes). Вып.1. 1971.
2. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп.1. Д.36. Л.89

3. Антропов О.К. Париж как культурный центр зарубежья (1920-30-е гг.) //Новый исторический вестник. 2001. 1(3). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/parizh-kak-kulturnyy-tsentr-zarubezhu-a-1920-30-e-gg>, дата обращения: 18.10.2013.
4. Русские в Праге, 1918-1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики): [справочник] / ред.-изд. и автор предисловие С.П. Постников, Прага: Воля России, 1928.
5. Ганин В.В. Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922-1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37 – 43.
6. Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, Munchen-Allach, 1968.
7. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920 - 50-е гг.): [монография] / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; введение автора. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2003.
8. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине за восемнадцать лет существования (исторический очерк) //Известия Юридического факультета. Сборник в ознаменование восемнадцатилетнего существования юридического факультета в городе Харбине. 1920-1937. Харбин: Биржевой Комитет в лице профессора Г. К.Гинса, 1938. Т. XII. С. 3-84 .
9. Курилов В.И., Самусенко Т.М., Сонин В.В. Пятьдесят лет юридическому образованию в Дальневосточном государственном университете //Правоведение. 2008. №4. С. 6-18.
10. Никифоров Н. И. Оазис русской культуры // Рубеж. Харбин, 1934. 18 августа. №34.
11. Юридический факультет в городе Харбине. (Историческая справка) //Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1925. Т. 1. С. 201-213
12. Стародубцев Г. С. Международно - правовая наука российской эмиграции (1918-1939). Москва: Книга и бизнес, 2000.
13. Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение //Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Отделение типографии Китайской Восточной железной дороги, 1928. Т. VII . С.287-302
14. Хисамугдинов А.А. Профессор юриспруденции и востоковед В. А. Рязановский// Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С.136 - 142.
15. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н.Серебрянниковых в 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). Москва: РОССПЭН, 2006.
16. Устрялов Н.В. Этика Шопенгауэра //Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Типография «Заря», 1927. Т.IV. С. 225-284
17. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм //Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1933.Т.X. С. 273-358
18. Устрялов Н.В. Итальянский фашизм //Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Типография Л. Абрамовича, 1928. Т.V. С. 29-200.
19. Неклютин К.Н. От Самары до Сизэтла. Воспоминания. Самара: ООО «Самарский дом печати». Самара, 2011.
20. Гинс Г.К. От либерализма к солидаризму. На путях к государству будущего. Харбин: [Русско-Маньчжурская Книготорговля]: (Типография Н.Е. Чинарева). 1930.
21. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 (в 6 томах, 8 книгах) Автор: Чуваков Вадим Никитич (составитель) Издательство: Пашков дом. Год: 1999-2007. М., 1999. Т.2 Г-З. С.98-99; Москва, 2006 Т.6. Кн. 2. Скр - Ф. С.337-338.
22. Российское научное зарубежье»: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный выпуск 4: Юридические науки. XIX – первая половина XX в. //Авт.-сост. М. Ю. Сорокина. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011.
23. Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник / Рос. академия наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), общая редакция Е.П. Челышева, А. Я. Дегтярева; гл. ред. Ю. В. Мухачев. Москва: Издательский Дом "Парад", 2006.
24. Ершов М.Н. Ценность юридического образования в наше время. //Известия юридического факультета. Харбин: Типография «Заря», 1927. Т.IV. С. 204–225.
25. История Юридического факультета в Харбине: Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету //Новая. заря. Сан-Франциско, 1938. 17 марта.
26. Guins George C. Professor and government official: Russia, China and California. An interview Conducted by Boris Raymond. Berkley: Univ. of California, 1966

Об авторе

Пономарева В.П. – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, pon-vera@yandex.ru

УДК 331:34

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ПЕРЕВОДА НА ДРУГУЮ РАБОТУ

В.А. Тигченков

В статье анализируется отечественное законодательство о переводе на другую работу.

Ключевые слова: изменение трудового договора, перевод на другую работу, соглашение сторон, трудовой договор, истечение срока, свобода труда, свобода трудового договора, закон.

Развитие информационных технологий, прогресс науки и техники, стремление оптимизировать систему управления производственными процессами, финансовое положение организации и др. могут вызвать необходимость изменения условий трудового договора, обусловленных сторонами при его заключении.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, объективные изменения в социальной жизни, динамика экономических отношений, обусловленная как рыночными моментами, так и политикой государства, а также технический прогресс далеко не всегда позволяют сохранить стабильность фактических условий труда. Данное обстоятельство требует нормативного регулирования условий и порядка изменений существующего трудового договора[1, с.437].

30 июня 2006 г. были внесены изменения в Трудовой кодекс РФ 2001 г., которые коснулись перевода на другую работу, урегулированного нормами главы 12 «Изменение трудового договора»[2]. В качестве общего правила ст. 72 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ) устанавливает, что изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон, за исключением случаев, предусмотренных ТК РФ. Такое соглашение должно быть заключено в письменной форме.

Таким образом, перевод на другую работу входит в содержание такой категории, как «изменение определенных сторонами условий трудового договора». Переводы на другую работу были и остаются «старейшим» классическим видом изменения трудового договора, которые в действующем трудовом законодательстве отнесены к разновидности изменений определенных сторонами условий трудового договора[3, с.318]. Как справедливо указывает Л.А. Чиканова, предложенное ст. 72.1 ТК РФ понятие «перевод на другую работу» в отличие от прежнего, содержавшегося в ст. 72 ТК РФ, сформулировано более четко и определенно, но существенно сужено[4, с.14]. Перевод на другую работу - это частный случай изменения трудового договора[5, с.42]. Из содержания ст. 72.1 ТК РФ следует, что изменение других условий, определенных сторонами трудового договора (например, оплаты труда, режима работы), не является переводом на другую работу. Это весьма важно как для теории трудового права, так и для практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ перевод на другую работу - это постоянное или временное изменение трудовой функции работника и (или) структурного подразделения, в котором работает работник (если структурное подразделение было указано в трудовом договоре), при продолжении работы у того же работодателя, а также перевод на работу в другую местность вместе с работодателем.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, под структурным подразделением следует понимать как филиалы, представительства, так и отделы, цеха, участки и т.д., под другой местностью - местность за пределами административно-территориальных границ соответствующего населенного пункта.

В прежней редакции ТК РФ, перевод на другую работу рассматривался как изменение трудовой функции или существенных условий трудового договора, установленных при его заключении.

Следовательно, по смыслу новой редакции ТК РФ перевод на другую работу - это изменение условий трудового договора в узком смысле, т.е. изменение лишь прямо определенных законом условий трудового договора (трудовой функции, структурного подразделения (если оно указано в трудовом договоре) и местности, если она меняется вместе с работодателем, т.е. при переводе обязательно меняются либо трудовая функция работника, либо место его работы[6].

Как видно из содержания ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ, в ней не выделяется перевод на работу к другому работодателю. Однако в ТК РФ он сохранился и имеет самостоятельное правовое регулирование (ч. 2 ст. 72.1 ТК РФ). Правда, в правовой литературе высказано мнение, что данный вид перевода по существу не является таковым, так как переводы должны квалифицироваться как один из видов (случаев) изменения трудового договора. Здесь меняется субъектный состав трудового договора (происходит замена одного работодателя другим), прекращает свое существование одно трудовое правоотношение и возникает новое. Но это особый случай прекращения, который можно было бы назвать прекращением трудового договора в порядке перехода работника по его просьбе или с его согласия на работу от одного работодателя к другому по соглашению между работодателями. Именно таким образом его и квалифицировал законодатель в п. 5 ст. 77 ТК РФ[7].

Можно только поддержать мнение М.В. Лушниковой и А.М. Лушниковой о том, что «не имеет права на существование такой вид перевода, как перевод на другую постоянную работу к другому работодателю». Всекие сомнения на этот счет рассеиваются, если на месте «другого» субъекта в возможном, по мнению оппонентов, изменении субъектного состава трудового договора представить себе не только работодателя, но и

работника: такое «изменение» трудового договора становится настоящей бессмыслицей. Перевод к другому работодателю не может иметь места без прекращения прежних трудовых отношений: меняется сторона договора[8]. Поэтому перевод работника на постоянную работу к другому работодателю необходимо рассматривать как расторжение трудового договора по инициативе работника, поскольку его воля направлена на прекращение трудового отношения с работодателем.

Характеризуя перевод на другую работу, нельзя не остановиться на положении, касающемся перемещения работника, которое в отличие от перевода не требует согласия работника. Перемещение работника связано с полномочиями работодателя по реализации хозяйской власти в организации труда и управлении производством. В ч. 3 ст. 72.1 ТК РФ определено, что не требует согласия работника перемещение его у того же работодателя на другое рабочее место, в другое структурное подразделение, расположенное в той же местности, поручение ему работы на другом механизме или агрегате, если это не влечет за собой изменения определенных сторонами условий трудового договора. Исходя из содержания данной нормы, условно можно выделить три вида перемещений: на другой механизм или агрегат; на другое рабочее место; в другое структурное подразделение.

Следовательно, изменение структурного подразделения или рабочего места рассматривается в трудовом законодательстве как перемещение только в том случае, если при заключении трудового договора структурное подразделение или конкретное рабочее место (механизм, агрегат) не оговаривалось сторонами договора при его заключении. Противоположная ситуация возникает, если структурное подразделение или конкретное рабочее место (механизм или агрегат) закреплено в трудовом договоре в качестве одного из его условий. В этом случае такое условие является дополнительным условием трудового договора и может быть изменено только с письменного согласия работника.

Из этой позиции исходит и судебная практика[9]. Так, в определении Московского городского суда от 15 июня 2010 г. указано, что, удовлетворяя требования истца о признании перевода незаконным, суд первой инстанции правильно исходил из того, что из содержания трудового договора усматривается, что наименование структурного подразделения в нем указано, следовательно, имел место перевод на другую работу[10].

Однако, закрепленные в ТК РФ понятия «перевод на другую работу» и «перемещение» в юридической литературе были подвергнуты справедливой критике. Как отмечает Л.А. Чиканова, если сопоставить предусмотренные законом понятия «перевод на другую работу» и «перемещение», то очевидно, что в основе их различия лежит не существо явления, а некий формальный момент зафиксировано или нет данное условие в трудовом договоре. При этом факт устной договоренности о конкретном структурном подразделении и фактическая работа именно в этом конкретном структурном подразделении при решении вопроса о том является его изменение переводом на другую работу или это перемещение, во внимание не принимаются[11, с.177-178].

Высказанная позиция заслуживает внимания. Действительно, если закрепленное в ТК РФ понятие перевода на другую работу включает изменение структурного подразделения, то такое изменение должно являться переводом на другую работу, независимо от того было ли указано структурное подразделение в трудовом договоре.

Предоставляя безусловное право работодателю перемещать работника из одного структурного подразделения в другое в одной местности по существующему административно-территориальному делению, положение ч. 3 ст. 72.1 ТК РФ не учитывает удаленность структурного подразделения, в который перемещен работник, от его места жительства (транспортная доступность), что может создавать для него определенные проблемы, связанные с трудовой дисциплиной, с личными неимущественными правами, транспортом, дополнительными расходами и др.

Не случайно в судебной практике можно встретить дела, в которых изменение структурного подразделения, даже если оно не было указано в трудовом договоре, рассматривается как перевод на другую работу в случае перемещения в другое структурное подразделение, расположенное в той же местности. Так, в Бежицком районном суде г. Брянска рассматривалось дело по иску М. к ООО «Молград» о признании приказа о перемещении в другое структурное подразделение незаконным. В судебном заседании судом было установлено, что истица М. была принята на работу в ООО «Молград» на основании трудового договора от 21.03.2008 г. В ООО «Молград» на территории г. Брянска имеется 4 структурных подразделения (магазина), расположенных в различных районах г. Брянска. В трудовом договоре от 21.03.2008 г. место работы М. уточнено не было. Приказом руководителя ООО «Молград», где истица – М. работала в должности продавца, она была перемещена из одного структурного подразделения (магазин № 1) в другое структурное подразделение (магазин № 3) в территориальных границах г. Брянска. Полагая, что работодатель был обязан запросить ее письменное согласие на такое действие, работница отказалась выполнять обязанности в другом структурном подразделении и не вышла на работу. Как пояснила истица М. в судебном заседании, заключая трудовой договор, она согласовала с работодателем, что местом её работы будет магазин № 1; о том, что у работодателя есть другие структурные подразделения в г. Брянске, ей сообщено не было. Выбирая место работ в структурном подразделении (магазин № 1), М. исходила из того, что место работы находится в непосредственной близости от ее места жительства и она может в полной мере участвовать в воспитании двух несовершеннолетних детей. Перемещение в другое структурное подразделение увеличивает время, затрачиваемое на дорогу к месту работы и обратно, что приводит к невозможности вовремя отводить детей в детский сад и забирать их. Суд согласился с доводами работника, посчитав, что работодатель был обязан спросить согласие первого, так как другое

структурное подразделение находилось на значительном удалении от места жительства работника, что влечет за собой изменение транспортной доступности до места выполнения работы[12].

Таким образом, перемещение работника в другое структурное подразделение в пределах одной местности может рассматриваться судами с учетом не только административно-территориального деления, но и с учетом удаленности нового структурного подразделения от прежнего и от места жительства работника.

Новеллой ч. 4 ст. 72.1 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ) является то, что в ней законодатель прямо предусмотрел правила, связанные с запретом на перевод и перемещение работника на работу, противопоказанную ему по состоянию здоровья. Указанный запрет не был предусмотрен в ст. 72 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ). Отсутствие указанных правил на практике порождало необходимость руководствоваться общими нормами, гарантирующим работникам право на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда (ст. 212 ТК РФ).

После вступления в силу Федерального закона от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ в ТК РФ появилась новая система временных переводов на другую работу. Анализ отдельных статей ТК РФ позволяет сказать, что временные переводы на другую работу возможны как по инициативе одной из сторон трудового договора, так и по соглашению. Эти переводы могут быть обусловлены различными причинами, указанными в ТК РФ (наступление чрезвычайной ситуации, необходимость замещения временно отсутствующего работника, состояние здоровья работника, приостановка действия специального права работника).

В отличие от ранее действовавших правил, в силу которых временный перевод на другую работу допускался только в случае производственной необходимости (ст. 74 ТК РФ в ред. Федерального закона от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ), статья в ст. 72.2 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 г. № 90-ФЗ) предусматривает возможность временного перевода на другую работу по соглашению сторон трудового договора (ч. 1 ст. 72.2 ТК РФ) и по инициативе работодателя без согласия работника в случаях, предусмотренных законом (ч. 2 и 3 ст. 72.2 ТК РФ)[13, с.43].

В соответствии с частью 1 ст. 72.2 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ) по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, работник может быть временно переведен на другую работу у того же работодателя на срок до одного года, а в случае, когда такой перевод осуществляется для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом, сохраняется место работы, - до выхода этого работника на работу. Если по окончании срока перевода прежняя работа работнику не предоставлена, а он не потребовал ее предоставления и продолжает работать, то условие соглашения о временном характере утрачивает силу, а перевод будет считаться постоянным.

Идея о необходимости закрепления в законе временного перевода на другую работу по соглашению сторон высказывались в научных работах еще в период действия КЗоТ 1971 г.[14] Авторы утверждали, что на практике такой временный перевод имеет место. На предприятиях, в учреждениях, организациях к временному исполнению обязанностей прибегают чаще всего для выполнения функций по вакантным должностям начальников цехов, мастеров и других специалистов, т.е. тех трудовых функций, без выполнения которых не может функционировать соответствующее подразделение. В связи с этим администрация вынуждена просить наиболее подготовленных работников выполнять эти функции временно, до момента подыскания соответствующего служащего. Нередко исполнение обязанностей по такой должности затягивалось, что приводило на практике к длительному исполнению обязанностей (до года и более) и к возникновению трудовых споров[15, с.43-52].

Отсутствие в ТК РФ норм, регламентирующих временный перевод на другую работу по соглашению сторон трудового договора, в литературе рассматривалось как ограничения их полномочий. Так, Р.Н. Рахматулина пишет, что законодатель существенно ограничил полномочия сторон трудового договора на стадии изменения условий трудового договора, поскольку не закрепил в ТК РФ специальный вид временного перевода – временный перевод по соглашению сторон[16, с.77].

Поддерживая это мнение, А.К. Безина, вместе с тем, предлагала необходимым ограничить такой перевод определенными сроками. Она писала: «Нет сомнений в том, что предельный срок такого перевода должен быть установлен. Предпочтительнее всего - это год. Однако увеличение продолжительности отпусков без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до полутора лет приведет к тому, что выявится потребность во временном замещении отсутствующего работника и на более длительный срок. Видимо, предельный срок временного перевода целесообразно установить, исходя из причины, его обусловившей»[15, с.50].

Таким образом, закрепление в ТК РФ нормы, регламентирующей временный перевод на другую работу по соглашению сторон трудового договора, указывает на расширение прав работника и работодателя в области договорного регулирования данного вида отношений, что в полной мере отвечает принципу свободы трудового договора.

Временный перевод на другую работу, предусмотренный ч. 2 и 3 ст. 72.2 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ), осуществляется работодателем без согласия работника. При таком переводе на другую временную работу работник может быть переведен на срок до одного месяца у того же работодателя.

В основе временного перевода на другую работу в соответствии со ст. 72.2 ТК РФ лежат следующие обстоятельства реальной действительности:

1) катастрофы природного или техногенного характера, производственные аварии, несчастный случай на производстве, пожар, наводнение, голод, землетрясение, эпидемии или эпизоотии и любые исключитель-

ные случаи, ставящие под угрозу жизнь или нормальные условия всего населения или его части.

2) простой, под которым понимается временная приостановка работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера, а также в случае производственной необходимости, предотвращения уничтожения или порчи имущества, замещение временно отсутствующего работника, если они вызваны чрезвычайными обстоятельствами.

Исходя из ч. 2. и 3 ст. 72.2 ТК РФ следует, что законодатель не устанавливает исчерпывающего перечня таких оснований, однако четко определяет их характер – это всегда исключительные случаи.

Именно из этого исходит и правоприменительная практика. Так, рассматривая дело по иску Б. об отмене приказа о переводе, восстановлении на работе, выплате компенсации за время вынужденного прогула, Шербакульский районный суд Омской области указал: «Как установлено в ходе судебного заседания, Б. был переведен с должности сторожа поликлиники на должность подсобного рабочего (грузчика) МУЗ «Шербакульская ЦРБ» приказом главного врача № 370, при этом причиной перевода явилось увольнение подсобного рабочего в хозяйственном отделе. На основании данного приказа работодатель заключил дополнительное соглашение к трудовому договору Б. с указанным переводом не согласился. Случаев, указанных в статье 72.2 ТК РФ, при наступлении которых работник мог быть переведен на другую работу временно без его согласия, не наступило. Доводы представителей ответчика о том, что отсутствие подсобного рабочего могло создать угрозу нормального обеспечения питанием стационарных больных, суд находит несостоятельными»[17].

Временный перевод на другую работу, предусмотренный ч. 2 и 3 ст. 72.2 ТК РФ, осуществляется работодателем без согласия работника на срок до одного месяца у того же работодателя. Однако число таких переводов законодательно не ограничено и зависит от возникновения названных обстоятельств. При этом работник не вправе отказаться от такого перевода. Как писал еще Н.Г. Александров, обязанность работника выполнять в известных случаях работу, не относящуюся к его трудовой функции, составляет обязательное условие трудового правоотношения. Эта обязанность в силу закона возникает, в частности, и из всякого трудового договора[18, с.275]. Разъясняя правила применения норм о переводе на другую работу, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 указал, что при разрешении дел, связанных с переводом на другую работу, необходимо иметь в виду, что отказ от выполнения работы при переводе, совершенном с соблюдением закона, признается нарушением трудовой дисциплины, а невыход на работу – прогулом.

Статья 73 ТК РФ в соответствии с Федеральным законом от 30.06.2006 № 90-ФЗ изложена в новой редакции, и также посвящена переводам на другую работу. Она специально посвящена переводу на другую работу работника, нуждающегося в соответствии с медицинским заключением в таком переводе. В отличие от ранее действовавших правил, новые правила предусматривают возможность перевода работника не только на другую работу постоянно, но и временно, если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу¹².

В науке трудового права советского периода перевод работника на другую работу в соответствии с медицинским заключением традиционно рассматривался как перевод на другую работу по инициативе третьих лиц (медицинского органа), т.е. субъектов, не являющимися работниками или работодателями[19]. В современной юридической литературе перевод на другую работу в соответствии с медицинским заключением относится к переводу по инициативе работника[20].

Однако в правовой литературе высказана и иная точка зрения. Так Ю.В. Пенев пишет, что «инициатора перевода в данном случае просто нет: перевод является результатом действия объективных факторов (ухудшение состояния здоровья работника, исключающее возможность использования его труда в соответствии с условиями, установленными трудовым договором)»[1, с.468].

С подобной точкой зрения трудно согласиться, так как само по себе медицинское заключение не влечет за собой каких-либо последствий, для этого необходимо волеизъявление соответствующего субъекта.

Медицинское заключение лишь устанавливает тот факт, что состояние здоровья работника не позволяет исполнять работу, обусловленную трудовым договором, и он нуждается в предоставлении другой работы. Инициатором перевода является работник, предъявивший работодателю медицинское заключение. Для работодателя заключение медицинского органа означает, что он обязан предложить работнику другую работу, которая не нанесет вред здоровью работника. Вместе с тем надо отметить, что заключение медицинского органа не является обязательным для работника, так как перевод на другую работу допускается только с письменного согласия работника. Таким образом, инициативу проявляет работник, но основанием для перевода, как

¹² Статья 73 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ) устранила противоречия между ст. 72 ТК РФ (в ред. Федерального закона от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ) и п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ. До принятия Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ ст. 72 ТК РФ устанавливала, что работника, нуждающегося в соответствии с медицинским заключением в предоставлении другой работы, работодатель обязан с его согласия перевести на другую имеющуюся работу, не противопоказанную ему по состоянию здоровья. При отказе работника от перевода на другую работу либо отсутствия в организации соответствующей работы трудовой договор прекращается в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ. При этом само основание, закрепленное в п. 8 ст. 77 ТК РФ допускало прекращение трудового договора только за отказ от перевода в соответствии с медицинским заключением.

На основании Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ данное основание прекращения трудового договора сформулировано следующим образом: «Отказ работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, либо отсутствие у работодателя соответствующей работы (части третья и четвертая статьи 73 Трудового кодекса Российской Федерации)».

видно из текста ст. 73 ТК РФ, является заключение медицинского органа. С момента установления факта невозможности выполнять работу, обусловленную трудовым договором, по причине состояния здоровья, у работника возникает право на предоставление ему работы в соответствии с медицинским заключением, которая не будет противопоказана ему по состоянию здоровья. Реализация указанного права работника возложена на работодателя, который обязан предложить работнику работу, не противопоказанную по состоянию здоровья. Работник, в свою очередь, должен дать согласие на предлагаемую в порядке перевода работу.

Поэтому переводы в соответствии с медицинским заключением имеют инициатора перевода и не являются переводами по инициативе работодателя, ни по инициативе третьих лиц (медицинского органа), а являются переводами на другую работу по инициативе работника.

Такой вывод находит подтверждение и в материалах судебной практики. Так, например, Яковлевский районный суд Белгородской области в решении указал, что в силу ст. 73 ТК РФ на работодателя возложена обязанность по переводу работника с его письменного согласия на другую, имеющуюся у него работу, не противопоказанную работнику по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации[21]. Таким образом, медицинское заключение представляет собой юридический факт, наличие которого необходимо в совокупности с другими юридическими фактами для перевода работника на другую работу. Другим таким юридическим фактом является волеизъявление работника.

Законодатель на основании Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ ввел разграничение последствий отказа от перевода по состоянию здоровья либо отсутствия возможности перевода в зависимости от срока такого перевода. Если работник нуждается в переводе на срок до 4 месяцев, то работодатель не может его уволить, а обязан отстранить от работы в указанных выше случаях. Однако при этом он может не выплачивать работникам заработную плату. Это не касается руководителей организаций (филиалов, представительств или иных обособленных структурных подразделений), их заместителей и главных бухгалтеров. С ними трудовой договор в указанных случаях может быть расторгнут. Работодатель вправе, но не обязан отстранить эти категории работников от работы.

Если же срок такого перевода превышает 4 месяца, то при отказе работника от перевода на другую работу, либо невозможности предложить ему другую работу трудовой договор с ним прекращается.

Завершая общую характеристику положений ТК РФ о переводе на другую работу в связи с внесенными изменениями, необходимо сделать следующие выводы: 1) ТК РФ рассматривает перевод на другую работу как частный случай, который используется только для выделения особой важности некоторых случаев изменения условий трудового договора; 2) под переводом на другую работу в соответствии с ТК РФ понимается изменение условий трудового договора в узком смысле, т.е. изменение лишь прямо определенных законом условий трудового договора (трудовой функции, структурного подразделения (если оно указано в трудовом договоре) и местности, если она меняется вместе с работодателем); 3) ТК РФ расширяет договорные начала изменения условий трудового договора, а именно закрепляет возможность временного перевода на другую работу по соглашению сторон трудового договора; 4) положения, связанные с временным переводом на другую работу без согласия работника, приведены в соответствие с ч. 4 ст. 4 ТК РФ и п. 1 ст. 1 Конвенции МОТ № 29 (1930 г.) «О принудительном или обязательном труде» и допускаются только в связи с чрезвычайными обстоятельствами, ставящими под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части; 5) в ТК РФ дифференцировано регулируются отношения, связанные с переводом на другую работу в соответствии с медицинским заключением. Допускается не только постоянный перевод на другую работу, но и временный, если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу.

Of regulation of temporary transfer to another job by an agreement of the parties

Key words: *changing of labour contract, transfer to another job, the parties' agreement labor contract, expiration, freedom of labor, freedom of labor contract, law.*

Список литературы

1. Курс российского трудового права. Т.3: Трудовой договор / Науч. ред. тома доктор юридических наук, профессор Е.Б. Хохлов. СПб., 2007.
2. Собрание Законодательства РФ. 2006. № 27. Ст. 2878.
3. См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М., 2009.
4. Чиканова Л.А. Трудовой договор // Хозяйство и право. 2006. № 9.
5. Чиканова Л.А. Изменение условий трудового договора (перевод на другую работу, перемещение) // Хозяйство и право. 2009. № 9.
6. См.: Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / Науч. ред. тома доктор юридических наук, профессор Е.Б. Хохлов. М., 2007. С. 452; Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Трудовой договор. М., 2007. С. 144; Трудовое право: учеб. / Н.А. Бриллиантова (и др.); под ред. О.В. Смирнова, И.О. Снигиревой. М., 2009. С. 251; Циндякина Е.П., Цыпкина И.С. Трудовой договор: порядок заключения, изменения и расторжения. М., 2008. С. 99.

7. См.: Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / Науч. ред. тома доктор юридических наук, профессор Е.Б. Хохлов. М., 2007. С. 476; Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 2. Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. М., 2009. С. 323.
8. См.: Бондаренко Э.Н. Проблемы изменения трудового договора // Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики: монография / Е.С. Батусова, И.Я. Белицкая, Э.Н. Бондаренко и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. М., 2012. // Консультант Плюс. Версия Проф (Электронный ресурс) / АО «Консультант Плюс». М., 2013.
9. См.: п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.
10. Определение Московского областного суда от 15 июня 2010 г. по делу № 33-11570 // Документ опубликован не был (СПС «КонсультантПлюс»).
11. Права работодателей в трудовых отношениях / О.В. Абрамова, И.В. Зандалов, Т.Ю. Коршунова и др.; под ред. А.Ф. Нуртдиновой, Л.А. Чи-кановой. М., 2009. С. 177-178.
12. Решение Бежицкого районного суда г. Брянска от 17.11.2008 г. Дело № 2-2324/2008 // Архив Бежицкого районного суда г. Брянска.
13. См.: Чиканова Л.А. Трудовой договор // Хозяйство и право. 2006. № 9.
14. См.: Безина А.К. Судебная практика в механизме регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 28; Безина А.К., Бикеев А.А., Сафина Д.А. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. М., 1984. С. 43; Толкунова В.Н., Гусов К.Н. Трудовое право России. М., 1995. С. 200 и др.
15. См.: Безина А.К., Бикеев А.А., Сафина Д.А. Индивидуально-договорное регулирование рабочих и служащих. Казань, 1984. С. 43-52.
16. Индивидуально – договорное регулирование заключения, изменения и прекращения трудового договора: монография / Р.Н. Рахматулинна. М., 2010. С. 77.
17. См.: Решение Шербакульского районного суда Омской области от 05 февраля 2010 по делу № 2-29/2010 // Интернет портал ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru).
18. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение: монография. М., 2008. С. 275.
19. См.: напр., Астахан Е., Каринский С., Ставцева А. Роль советского трудового права в плановом обеспечении народного хозяйства кадрами. М., 1955. С. 151; Абжанов К. Трудовой договор по советскому праву. М., 1964. С. 84; Голованова Е.А. Переводы рабочих и служащих на другую работу. М., 1986. С. 23; Морейн И.Б. Перевод на другую работу. М., 1965. С. 121 и др.
20. См.: Трудовое право России: учебник / под ред. С.Ю. Головиной, М.В. Молодцова. М., 2008. С. 191-192; Договоры о труде в сфере действия трудового права: учебное пособие / К.Н. Гусов, К.д. Крылов, А.М. Лушников и др.; под ред. К.Н. Гусова. М., 2010. С. 124.
21. См.: Решение Яковлевского районного суда Белгородской области от 24 ноября 2009 г. // Интернет портал ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru).

Об авторе

Титченков В.А. - аспирант ИЗиСП, Юрист, ООО «АН ГИП», titval@yandex.ru

УДК 614.215

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА

А.В. Цветков

В статье рассматриваются правовые основы охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. При этом подробно анализируется законодательство, составляющее правовую основу в исследуемой области, а также выстраивается система нормативных правовых актов регламентирующих данную сферу. В результате анализа выявлен ряд недостатков, в том числе, связанных с определением понятийного аппарата профильного закона. На основании этого делается вывод о целесообразности внесения в законодательство Российской Федерации дополнений, которые будут способствовать надлежащему практическому исполнению установленных Федеральным законом «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» ограничений и запретов.

Ключевые слова: правовые основы, охрана здоровья, воздействие окружающего табачного дыма, последствия потребления табака.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации [1] каждый человек имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, при этом, перечисленные основные права и свободы не должно толковаться как отрицание или

умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. В этой связи, одним из важных направлений деятельности государства является создание условий для защиты здоровья граждан от последствий потребления табака путем реализации мер, направленных на его потребление.

Проблема курения табака и охраны граждан от негативных последствий курения, несомненно, носит международный характер. Подтверждением глобальности этой проблемы является принятие Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака[2, с.3-25], целью которой является защита здоровья людей от разрушительных последствий потребления табака и воздействия табачного дыма посредством обеспечения соответствующих мер, подлежащих осуществлению на национальном, региональном и международном уровнях, и направленных на сокращение употребления табака и воздействия табачного дыма.

В Российской Федерации курение способствует высокому уровню смертности населения, который в 2,5 раза выше, чем в странах Европы, а также низкой продолжительности жизни, которая в России самая низкая среди 53 стран Европейского региона Всемирной организации здравоохранения. Более того, в России ежегодно гибнут более 300 тыс. человек от болезней, связанных с потреблением табака[3], что сопоставимо с количеством погибших в результате дорожно-транспортных происшествий на дорогах России за последние десять лет[4]!

Приведенные статистические данные свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака в нашей стране. Более того, сложившаяся ситуация оценивается как угрожающая здоровью населения Российской Федерации, а значит, можно сказать - национальной безопасности[5], и требующая принятия кардинальных и неотложных мер, прежде всего, со стороны государства, которые будут направлены на минимизацию пагубных последствий от курения табака.

В России проблема охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака стала обсуждаться относительно недавно, говорить же о более качественном уровне решения обозначенной проблемы стало возможно лишь с принятием ряда нормативных правовых актов.

По данным Федеральной службы государственной статистики в 2008 г. в России курили 33,7% взрослого населения[6]. Проведенное в 2013 году исследование демонстрирует снижение показателя распространенности курения до 28,3%. Похожая динамика наблюдается и по результатам исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения. Так, если в 2009 году курили 41% взрослого населения России (что близко к показателю наиболее репрезентативного исследования GATS в 2009 года - 39,1%)[7], то в 2013 году этот показатель составил 34%, то есть наблюдается снижение на 17%.

Представленные статистические данные позволяют сделать вывод, что антитабачные меры государственной политики, в том числе, предусмотренные Рамочной конвенцией по борьбе против табака Всемирной Организации Здравоохранения, показали свою эффективность и приводят к снижению уровня потребления табака и смертности населения от его потребления, подтверждая тем самым положительный опыт других стран. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Вместе с тем, необходимо дальнейшее систематическое внедрение антитабачных мер и обеспечение правоприменения антитабачного законодательства в нашей стране.

Несмотря на сформировавшуюся правовую основу охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака говорить о том, что в настоящее время решены все аспекты административно-правового регулирования в рассматриваемой сфере пока не приходится.

Система нормативных правовых актов, составляющих правовую основу охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака является многоуровневой и состоит из Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации и иных подзаконных актов, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере.

К первой группе относится Конституция Российской Федерации, которая занимает главенствующее место в иерархии законодательных и иных нормативных правовых актов государства и имеет высшую юридическую силу.

Ко второй группе нормативных правовых актов, составляющих правовую основу охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака важно отметить профильный Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»[8], Федеральный закон «О полиции»[9], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[10], Трудовой кодекс Российской Федерации[11], Налоговый кодекс Российской Федерации[12] и др.

К следующему элементу правовой основы рассматриваемой сферы относятся: Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, а также ведомственные приказы и распоряжения, среди которых: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»[13]; Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2011 года № 1166 «О финансовом обеспечении за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни у населения Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака»[14]; Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2013 года №

1214«Об утверждении Положения о проведении мониторинга и оценки эффективности реализации мероприятий, направленных на предотвращение воздействия окружающего табачного дыма и сокращение потребления табака»[15], Распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2010 года № 1563-р «О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010 - 2015 годы»[16]; Приказ Минздрава России от 30 сентября 2013 г. № 677 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»[17], письмо Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 14-3/10/1-2817 Методические рекомендации «Оказание медицинской помощи взрослому населению по профилактике и отказу от курения», Приказ Минздрава России от 30 сентября 2013 года № 677 «Об утверждении «Информационно-коммуникационной стратегии по формированию здорового образа жизни, борьбе с потреблением алкоголя и табака, предупреждению и борьбе с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ на период до 2020 года», и ряд других.

Анализ положений Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Закон), позволяет сделать вывод о ряде упущений, которые, по нашему мнению, являются существенными, так как выявленные пробелы могут сказаться на практике применения антитабачного законодательства.

Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Закона в целях предотвращения воздействия окружающего табачного дыма на здоровье человека запрещается курение табака в местах на открытом воздухе на расстоянии менее чем пятнадцать метров от входов в помещения железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, станций метрополитенов. В связи, с чем может возникнуть сложность в определении курящим расстояния в пятнадцать метров от входа в данные помещения, учитывая при этом, что положения Закона не содержат конкретных указаний полномочным федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, а также юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, по осуществлению мероприятий направленных на разграничение и обозначение зоны для курения на открытом воздухе в указанных местах. Источник финансирования проведения указанных мероприятий, законодатель также не разъясняет. В результате возникают определенные сложности в процессе реализации указанных положений Закона.

Рассматривая правовую основу в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака необходимо также обратить внимание на реализацию в Законе принципа формальной (правовой) определенности. Прежде отметим, что формальная определенность является одним из признаков права. Принцип формального правового равенства предусматривает гарантируемое государством формализованное и упорядоченное право индивидам на единых и общих для всех основаниях иметь реальную возможность пользоваться «услугами права»[18]. Рассматривая указанный принцип, заметим, что в соответствии с частью 6 ст. 12 Закона, устанавливающей запрет на курение табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах, органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать дополнительные ограничения курения табака в отдельных общественных местах и в помещениях. Однако, на сегодняшний день, ни сам Закон, ни другие нормативные правовые акты Российской Федерации, не дают определения «общественного места». В результате могут возникнуть сложности с квалификацией административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 6.24, 6.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих административную ответственность за нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах, а также за несоблюдение требований к знаку о запрете курения, к выделению и оснащению специальных мест для курения табака либо неисполнение обязанностей по контролю за соблюдением норм законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

В постатейном комментарии к Федеральному закону «О полиции»[19], общественными местами признаются: улицы, площади, стадионы, скверы, парки, транспортные магистрали, вокзалы, аэропорты, морские и речные порты, детские, образовательные, медицинские организации, объекты спорта, прилегающие к ним территории; организации культуры; все виды общественного транспорта (транспорта общего пользования) городского и пригородного сообщения, остановочные пункты его движения (в том числе станции метрополитена), автозаправочные станции; оптовые и розничные рынки, иные места массового скопления граждан и места нахождения источников повышенной опасности, прилегающие к ним территории; объекты военного назначения и прилегающие к ним территории; нестационарные торговые объекты; двory, подъезды, лестницы, лестничные площадки, лифты жилых домов, детские площадки, зоны рекреационного назначения (в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, в границах иных территорий, используемых и предназначенных для отдыха, туризма, занятий физической культурой и спортом). По нашему мнению, данное определение наиболее полно охватывает перечень общественных мест, но сделать категоричный вывод о том, что он является исчерпывающим нельзя. В этой связи предоставляется целесообразным сформулировать удовлетворяющее положениям Закона понятие «общественное место», и реализовать соответствующее дополнение.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что понятийно-терминологический аппарат Закона не является окончательным и требует корректировки, при этом он не должен иметь расширительного и неоднозначного толкования, а также допускать различных оценочных категорий.

Напомним, что в соответствии со статьей 25 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» с 1 июня 2014 года вступают в силу существенные изменения в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. В том числе, расширяется перечень территорий, помещений и объектов, на которых запрещается курение табака. В частности, запрещается курение табака в поездах дальнего следования, на судах, находящихся в дальнем плавании, при оказании услуг по перевозкам пассажиров; в помещениях, предназначенных для предоставления жилищных услуг, гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания; в помещениях, предназначенных для предоставления бытовых услуг, услуг торговли, общественного питания, помещениях рынков, в нестационарных торговых объектах; на пассажирских платформах, используемых исключительно для посадки в поезда, высадки из поездов пассажиров при их перевозках в пригородном сообщении. Также на вещателя или организатора демонстрации аудиовизуальных произведений, включая теле- и видеофильмы, теле-, видео- и кинохроникальных программ, в которых осуществляется демонстрация табачных изделий и процесса потребления табака, возлагается обязанность обеспечить трансляцию социальной рекламы о вреде потребления табака непосредственно перед началом или во время демонстрации такого произведения, такой программы.

Кроме того, вступают в силу положения Закона направленные на ограничение торговли табачной продукцией и табачными изделиями. Устанавливается, что розничная торговля табачной продукцией осуществляется в магазинах и павильонах. Устанавливается запрет и на розничную торговлю табачной продукцией на территориях и в помещениях (за исключением магазинов беспроходной торговли) железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, на станциях метрополитенов, предназначенных для оказания услуг по перевозкам пассажиров, в помещениях, предназначенных для предоставления жилищных услуг, гостиничных услуг, услуг по временному размещению и (или) обеспечению временного проживания, бытовых услуг. Также запрещается розничная торговля табачной продукцией с выкладкой и демонстрацией табачной продукции в торговом объекте[20].

Вводится административная ответственность за неисполнение обязанности трансляции социальной рекламы о вреде потребления табака при демонстрации аудиовизуальных произведений, включая теле- и видеофильмы, теле-, видео- и кинохроникальных программ, в которых осуществляется демонстрация табачных изделий или процесса потребления табака. Указанное правонарушение влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 10 тыс. до 20 тыс. рублей; на юридических лиц - от 100 тыс. до 200 тыс. рублей[21].

В результате проведенного анализа, представляется целесообразным разработать предложения, направленные на дополнение федерального законодательства, регламентирующего охрану здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака, в частности, статью 2 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» дополнить определением «общественное место».

С учетом того, что здоровье и жизнь человека в Российской Федерации являются высшей ценностью и охраняются государством, важность охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака является одной из приоритетных задач для всего государства и общества. Выступая в поддержку положений Закона направленных на ужесточение требований и санкций в рассматриваемой сфере, представляется важным необходимость своевременной доработки и корректировки законодательства Российской Федерации в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

The article considers the legal basis of protection of citizens' health from exposure to passive Smoking and consequences of tobacco consumption. While detailed analysis of the legislation, which constitutes the legal basis in the study area, and built the system of normative legal acts regulating this sphere. The analysis revealed a number of shortcomings, including those related to the definition of the conceptual apparatus of the relevant law. On this basis the conclusion is made about the necessity to introduce in the legislation of the Russian Federation of changes that will facilitate the proper performance established by the Federal law «On the Protection of citizens' health from exposure to environmental tobacco smoke and the consequences of tobacco use» of the restrictions and prohibitions.

Key words: legal framework, the health effects of passive Smoking, the consequences of tobacco consumption.

Список литературы

1. Сборник законодательства РФ, 03.03.2014, № 9, ст. 851.
2. Рамочная конвенция Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака (РКБТ) (Заключена в г. Женеве 21 мая 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 4. С. 3 - 25.
3. Письмо Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 14-3/10/1-2817 «О направлении Методических рекомендаций «Оказание медицинской помощи взрослому населению по профилактике и отказу от курения» (вместе с «Методическими рекомендациями «Оказание медицинской помощи взрослому населению по профилактике и отказу от курения», утв. Минздравсоцразвитием России 23.04.2012) // Документ опубликован не был. По материалам СПС «Консультант Плюс», 2014.
4. Сведения о количестве погибших в результате дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации за период времени с 2004 по 2013 г. [Электронный ресурс] // официальный сайт Госавтоинспекции МВД России URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения 13 мая 2014 г.)

5. Национальная безопасность может рассматриваться как защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающей устойчивое поступательное развитие страны / Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности // М.: 2002. С. 22.

6. Выступление 21.02.2014 г. директора Департамента охраны здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия человека Костенко Н.А. «Антитабачные меры работают» [Электронный ресурс] // официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/02/21/1730-zamestitel-direktora-departamenta-natalya-kostenko-antitabachnye-mery-rabotayut> (дата обращения 13 мая 2014 г.)

7. Результаты исследования о количестве населения курящего табак в Российской Федерации, проведенного в 2009 г. [Электронный ресурс] // официальный сайт Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), URL: <http://www.euro.who.int/ru/home> (дата обращения 13 мая 2014 г.)

8. Российская газета, № 41, 26.02.2013.

9. Российская газета, № 28, 10.02.2011.

10. Российская газета, № 256, 31.12.2001.

11. Российская газета, N 256, 31.12.2001,

12. Парламентская газета, N 151-152, 10.08.2000.

13. Российская газета, № 102, 09.05.2012.

14. Российская газета, № 5, 13.01.2012.

15. Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, № 52 (часть II), ст. 7200.

16. Собрание законодательства РФ, 04.10.2010, № 40, ст. 5118.

17. Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 2), ст. 8019.

18. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.

19. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. М.: Проспект, 2012. – 552 с.

20. Информация о табачной продукции, предлагаемой для розничной торговли, доводится продавцом в соответствии Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета, № 8, 16.01.1996.

21. Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с принятием Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» // Российская газета, № 238, 23.10.2013.

Об авторе

Цветков А.В. - адъюнкт ФПНПиНК Московского университета МВД России, artem.tsvetkov.91@bk.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091 – 4 Тургенев И.С.: 82.091 – 4 Пушкин А.С.

«ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

А.А. Бельская

В статье рассматриваются взаимодействия различных элементов «пушкинского текста» с текстом «Дворянского гнезда», в частности, выявляется функционирование в романе Тургенева цитаты из поэмы «Цыганы» и аллюзий из «Евгения Онегина»; доказываем, что «чужой» текст служит формированию и преобразованию дополнительных смыслов и выступает признаком преемственности и творческого диалога писателей.

Ключевые слова: «Дворянское гнездо», «Цыганы», «Евгений Онегин», «Вновь я посетил...», «чужой» текст, «пушкинский текст», цитата, аллюзия, реминисценция, функции, смысл, преемственность, творческий диалог.

В науке феномен «пушкинского текста» интерпретируется по-разному: «эталон» для всей последующей русской литературы, отложившийся в творческой памяти последующих русских писателей и поэтов и отпечатавшийся в созданных ими текстах (Б.М. Гаспаров); «сильный» текст, породивший широкую и дальнюю «литературную волну» (Н.А. Кузьмина); устойчивые черты прижизненного «пушкинского мифа», ставшего объектом культурной коммуникации (Ю.В. Шагин) и др. Мы исходим из понимания «пушкинского текста» как совокупности различных интертекстуальных элементов, благодаря которым создаётся эффект проекции текста на текст, что позволит соотнести определённый текст с пушкинскими претекстами и определить его смысловую полноту и своеобразие. Изучение романного творчества И.С. Тургенева и установление его места в историко-литературном процессе невозможно вне рассмотрения межтекстовых связей, поскольку одна из характерных особенностей стиля писателя – постоянное обращение к «чужим» текстам. Ещё академик А.И. Белецкий заметил, что у Тургенева «чужой образ, чужой сюжет, стилистическая формула сплошь и рядом являются <...> средством осознания, пояснения какого-нибудь своего, смутно носящегося в воображении образа или сюжета» [2, 153]. Среди всевозможных источников «чужих» текстов, к которым прибегает Тургенев, важная роль принадлежит произведениям Пушкина. Диапазон творческих связей писателей чрезвычайно широк. Это и типологическая близость, и обращение Тургенева к «пушкинским» темам в собственной оригинальной их трактовке, и обилие пушкинских цитат, аллюзий, реминисценций в текстах писателя. К проблеме пушкинских цитаций в произведениях Тургенева обращались многие учёные (А.И. Батюто, К.К. Истомина, Каталин Кроо, Г.Б. Курляндская, Ю.В. Лебедев, Н.Н. Мостовская, Н.В. Фридман, А.Г. Цейтлин и др.). В науке давно доказано, что любой художник слова, включая элементы «чужого» текста в «свой», авторский, текст, обогащает смысл последнего и, апеллируя к читательской памяти, инициирует различные литературные ассоциации. Наиболее очевидным способом репрезентации «чужой» речи в тексте является цитация. Возможно, потому, что в «Дворянском гнезде» встречается немного прямых текстуальных переключек, невольных воспроизведений текстов-источников Пушкина, они не выступали предметом специального исследования. Между тем пушкинские цитаты и аллюзии не только обогащают тургеневский роман дополнительными смыслами, но и создают новые уровни его восприятия.

Наша цель – выявить «пушкинский текст» в художественном пространстве «Дворянского гнезда» и доказать полифункциональность пушкинских цитаций в их разнообразном виде в романе Тургенева.

В «Дворянском гнезде» встречаются как прямые, открытые, так и скрытые проекции пушкинского слова. Цитата, которая указывает на песню из поэмы Пушкина «Цыганы» (музыка написана А.Н. Верстовским), приводится в случайно найденной Лаврецким записке молодого любовника жены: «...мы опять споем ту песенку вашего поэта Пускина (de votre poete Pouskine), которой ты меня научила: “Старый муж, грозный муж!”...» [11, 52]. Поскольку любая цитата неизменно принадлежит двум текстам и в последующем она – репрезентант другого, предшествующего текста, то закономерно обращение к «Цыганам» и интерпретация изображённой в романе Тургенева ситуации в «пушкинском ключе». В поэме Земфиры у люльки дочери поёт старинную «цыганскую песню»: «Старый муж, грозный муж <...> Ненавижу тебя, // Презираю тебя; // Я другого люблю, // Умираю любя...» [11, 168]. Симптомагично, что Алеко песню Земфиры называет «дикой». В свою очередь, читая роман Тургенева, нельзя отрешиться от мысли, что писатель, нарекая жену Лаврецкого *Варварой*, сознательно ориентирует её образ на «варварские» ассоциации имени. Как известно, *Варвара* (греч. Βαρβάρα) – это женская форма имени *Варвар* (разг. *Варварий*), образованного, по одной из версий, от древнегреческого слова βάρβαρος, («барбарос»), первоначальный смысл которого – «говорящий не по-гречески», означает «чужестранка», «чужеземка», «иностранка». Существует ещё одна версия, согласно которой имя *Варвара* имеет лагинские корни (Barbarus) и означает «жестокая, грубая, дикая». Отсюда *Barbaria* – «варварство». Пожалуй, все значения имени *Варвара* подходят европеизированной, не «русской душой» героине, и, следовательно, помимо функции номинации и идентификации, оно становится характеризующим личным именем собственным. То, что Варвара Павловна – «варварка», не христианка (в отличие от Лизы Калитиной), «дикарка», язычница, вакханка и ведёт себя соответствующим образом, автор передаёт, в том числе, с помощью пушкинской цитаты.

Включение цитаты из «Цыган» в роман Тургенева мотивировано, прежде всего, сюжетом последнего, но одновременно она становится важным смысловым «знаком». Текст песни Земфиры позволяет, в частности, реконструировать модель поведения тургеневской героини и её (и любовника тоже) отношение к обманутому мужу: «Как лас-

кала его // Я в ночной тишине! // Как смеялись тогда // Мы твоей седине!» [11, 169]. Не прибегая к детальному описанию, а опираясь на литературный опыт читателя, его способность «читать между строчками недосказанное – и недодуманное» [15, 70], писатель с помощью цитаты вскрывает духовную ничтожность Варвары Павловны, которая не только не любит, но и не уважает, больше того – презирает Лаврецкого («споем ту песенку <...> которой ты меня научила») и смеётся над ним («Как смеялись тогда...» – «Вы со мной напрасно пошутили...»). Ценностные ориентиры героини позволяет обнаружить всё тот же пушкинский текст – описание молодого цыгана: «Он свежее весны, // Жарче летнего дня; // Как он молод и смел! // Как он любит меня!» [11, 169]. Неразборчивая в связях, ценящая молодость, внешнюю привлекательность, плотские наслаждения, Варвара Павловна предпочитает Лаврецкому «белокурого, смазливового мальчишка лет двадцати трех, со вздернутым носиком и тонкими усиками, едва ли не самого ничтожного изо всех ее знакомых» [14, 52].

Поскольку Тургенев посредством цитаты отсылает читателя к поэме Пушкина в целом, то это позволяет провести параллели, в том числе, между образами двух обманутых мужей. Нельзя, конечно, утверждать тождественность созданных писателями персонажей, но это не исключает соприкосновения их внутренних миров. Оба героя живут страстями и, узнав об измене, испытывают «и жар и холод», терзаются и «светлыми», и «темными» воспоминаниями. Алеко не может забыть, «как она любила! // Как нежно преклоняюсь ко мне, // Она в пустынной тишине // Часы ночные проводила!» [11, 172]. Но, мучаемый «игрой» и «кипением» страстей, он не верит «ничему: // Ни снам, ни сладким увереньям, // Ни даже сердцу твоему» [11, 171], что сродни тотальной разочарованности. Аналогичную «игру» и «кипение» страстей переживает Лаврецкий, узнавший об измене жены: «загребетал весь <...> почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками» [14, 52]. Однако воспоминания о «сладкой женской любви» порой так сильно захватывают Лаврецкого, что он готов даже простить жену: «Иногда такая брала его тоска по жене, что он, казалось, всё бы отдал, даже, пожалуй... простил бы ее, лишь бы услышать снова ее ласковый голос, почувствовать снова ее руку в своей руке» [14, 54]. Как для Алеко, так и для Лаврецкого потеря любви равноценна потере мира. Отсюда их душевные муки («душа ... терпела // Мученья»), глубокое разочарование, ощущение катастрофичности бытия (Алеко), крушения прошедшего, будущего, всей жизни (Лаврецкий). При этом и герой Пушкина, и герой Тургенев оправдывают звание «грозный муж». Хотя для Алеко Земфира «дороже мира», но он убивает её и любовника: «Два трупа перед ним лежали» [11, 177]. Что касается охваченного ревностью Лаврецкого, то он лишь отчасти выступает носителем черт Алеко, когда решает убить жену и её любовника: «... ему вдруг пришло в голову, что на днях она при нем и при Эрнесте села за фортепьяно и спела: “Старый муж, грозный муж!” Он вспомнил выражение ее лица, странный блеск глаз и краску на щеках, – и он поднялся со стула, он хотел пойти, сказать им: “Вы со мной напрасно пошутили; прадед мой мужиков за ребра вешал, а дед мой сам был мужик”, – да убить их обоих» [14, 53]. Между тем Лаврецкий не становится убийцей. В отличие от «гордого человека» Алеко, живущего эмоциями, но ограничивающего стихию любви личным правом («От прав моих не откажусь!»), требующего свободы для себя, но не желающего признавать её в других, Лаврецкий, благодаря своей «здоровой натуре», преодолевает душевную травму и любовную драму.

Таким образом, пушкинская цитата выполняет в «Дворянском гнезде» двойную функцию – характерологическую (даёт характеристику Варваре Павловне) и психологическую – раскрывает особенности внутренних переживаний Лаврецкого, узнавшего об измене жены. С определённой оговоркой можно утверждать, что пушкинская цитата осуществляет в романе, в том числе, сюжетно-композиционную функцию, поскольку предсказывает развязку драматических событий («да убить их обоих»). Между тем Тургенев буквально не следует за предшественником. В отличие от охваченного всеуничтожающей ненавистью пушкинского героя, которого «роковые» страсти: чувственная любовь, себялюбие («Ты для себя лишь хочешь воли»), ревность («мой муж ревнив»), месть («мщеньем наслажусь»), – приводят к преступлению, а впоследствии – к безотрадному одиночеству, герой Тургенева самим складом своей личности, душою не только «страстной», но и «любящей» и, главное, развитым моральным сознанием предотвращает кровавую развязку и приходит к пониманию необходимости жизни не «для себя», а для «других». Несмотря на то, что пушкинскому и тургеневскому героям присуще различное мироощущение, писателей занимает одна и та же тема – тема «страстей». В «послушной душе» Лаврецкого играют те же болезненные и мучительные «страсти», что и у Алеко: оскорбленное чувство, ярость, злость, ревность. Писатели сходятся в понимании того, что потеря любви, когда душа сливается в одно чувство, в одно желание обладания, неизбежно оборачивается победой эгоистического естества человека и ведёт к внутреннему разрушению – скептицизму и равнодушию (Лаврецкий), иступлению и злодеянию (Алеко). Наконец, пушкинская цитата опосредованно, через весь текст поэмы, заканчивающейся словами: «И всюду страсти роковые, // И от судеб защиты нет» [11, 180], – обращает, наряду с темой «роковых» страстей, к теме судьбы.

В «Цыганах», помимо развенчивания романтического идеала абсолютной свободы, разоблачения индивидуализма «современного человека», Пушкин ставит под сомнение саму возможность обретения счастья на земле и обращается к проблеме непредсказуемости человеческой судьбы. В философии романа Тургенева центральными категориями являются категории «счастье – несчастье» и «судьба». Подобно Алеко, Лаврецкий, полюбив Лизу Калитину, бросает вызов «судьбе коварной и слепой». Но удел обоих героев – «безгнездовье», странничество, одиночество. Алеко, «изгнанник перелетный, // Гнезда надежного не знал...» [11, 164]. В жизни Лаврецкого сбывается страшное пророчество его тётки Глафиры Петровны: «Только ты помни мое слово, племянник; не свить же и тебе гнезда никогда, скитаться тебе век» [14, 49]. Вместе с тем «странничество» и «одиночество» героев обусловлено разными причинами. Ещё Ф.М. Достоевский заметил, что в образе Алеко Пушкин безошибочно «отыскал» и «гениально отме-

тил» социальный тип «несчастливого скитальца в родной земле, того исторического *русского скитальца*, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем» [6, 137]. «Дворянское гнездо» Тургенева – это роман о кратковременности счастья («роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посетит человека») и трагичности судьбы человека. По верному замечанию М.А. Петровского, она, «непонятная», «таинственная», «беспощадная», предстаёт в тургеневских произведениях то как «древняя судьба, древний *fatum*», то как «кара», причина которой – «наследственная обусловленность роковой судьбы человека» [9, 88-89]. Объединяясь с Пушкиным в понимании судьбы как детерминирующей силы («Наша жизнь не от нас зависит...»), Тургенев в «Дворянском гнезде» изображает «трагическую судьбу племени», его «наследственную» вину и предопределённость судьбы отдельного человека, обусловленную брэнностью земной любви и земного счастья.

Заметим, что пушкинская концепция счастья существенно отличается тургеневской. Если в «Цыганах» Пушкин утверждает быстротечность и мятежность человеческого счастья и сопрягает его со «смертью», то в последующих произведениях показывает неосуществление или разрушение счастья («Евгений Онегин», например). Напротив, сюжетные судьбы большинства героев «Повестей Белкина» завершаются вполне благополучно и счастливо. Вероятно, это происходит потому, что многие персонажи пушкинских повестей приходят к мудрому примирению с жизнью, к согласию с самими собою, собственной судьбой и с окружающим миром. В поздних произведениях Пушкина можно встретить как героев, обречённых на несчастье и поражение (Мазепа, Германн, Швабрин и др.), сломленных судьбой (Мария Кочубей, Германн, Евгений из «Медного всадника» и др.), так и персонажей, обретающих счастье и гармонию (Лиза из «Пиковой дамы», Маша Миронова, Гринёв и др.). Между тем в лирических произведениях Пушкина 1830-х годов поэт утверждает переменчивость и непродолжительность счастья на земле. В послании «К вельможе» (1830) «счастливый человек» на самом деле оказывается глубоко несчастным, ибо не живёт, а существует, оставаясь в глубине души равнодушным к непосредственным проявлениям жизни. В стихотворении «Пора, мой друг, пора!..» (1834) суетному счастью противопоставлены «покой» и «воля» («На свете счастья нет, но есть покой и воля...»), которые только и могут содействовать раскрытию потенциальных сил в человеке. В рукописном плане стихотворения Пушкин поясняет, что собственно он вкладывает в понятия «покой» и «воля»: «поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические – семья, любовь etc. – *религия, смерть*». Счастьем как удовольствием поэт противопоставляет идеал душевной и духовной независимости, а также внутреннюю активность человека, его самоуглубленное созерцание, которые обращают к постижению высшего смысла бытия – высшего замысла Божия. Поскольку счастье-удовольствие тревожно, мимолетно, быстротечно и лишено того, что сопряжено с безмятежностью, покоем, длительным переживанием, проникновением в глубинные тайны бытия, оно не может даровать истинного блаженства. Конечной целью устремлений человека Пушкин видит в духовной свободе, которая совпадает со счастьем как ощущением полноты жизни и гармоничности бытия, но не тождественна ему. Вот как об этом сказано в стихотворении «<Из Пиндемонта>» (1836):

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь Божественным Природы красотам,
И пред созданьями Искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права... [10, 455].

Как видно, для поэта (и его лирического субъекта) несомненную духовную ценность, истинный аспект счастья составляет не нравственная максима, а Природа – творение Бога и произведения Искусства, созданные художниками, вдохновленными Богом. В стихотворении отчётливо звучит мотив *персонализма*, неразрывно связанный у Пушкина с идеями «самостоянья» и «самоотдачи» человека, его внутренней независимостью и внутренними усилиями, необходимыми для духовно-эстетического освоения мира. Без переживания красоты природы и искусства нет и не может быть для поэта полноценного существования человека как личности. Независимость («прихоть» и «права») не составляет счастья, но является условием для того, чтобы человек смог ощутить себя частью всечеловеческого и надмирного. В свою очередь, Тургенев, признавая, как и Пушкин, притягательность счастья для человека, не только заявляет о недостижимости счастья, но и не находит в нём из-за «малости» и «краткости» («даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближения, безвозвратной преданности – даже оно теряет всё свое обаяние, всё его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью») первичной категории бытия. Само устройство Вселенной, согласно Тургеневу, исключает продолжительное счастье для человека. Природа, создав человека смертным, подверженным страданиям, не заботится о его благополучии и счастье, не беспокоится о будущем судьбы человечества, не «хлопочет», как дойти ему до совершенства и счастья. Оправдать существование человека на земле может только одна сфера – сфера долга. Принципиальное различие писателей заключается в том, что Пушкин сосредоточен на вопросе о счастье как доверии человека к жизни, а Тургенев занимает проблема соотносённости счастья и долга. На протяжении всего творчества внимание писателя приковано ко «всякой живой человеческой жизни». Но, воспевая и поэтизируя в своих произведениях чувство любви, Тургенев выступает последовательным приверженцем концепции мимолетности счастья, трагической безысходности личной судьбы человека, с одной стороны, и судьбоносности его нравственного выбора, связанного с пониманием ответственности перед Богом и перед народом, – с другой.

Первостепенное значение для понимания индивидуальных черт, специфики творческого сознания любого художника слова является его философия личности. Известно, что Тургенев трактует человека и как природное существо, обращённое к чувственному миру, живущее «для себя», и как сверхчувственное существо, обращённое к идеалу

и живущее «вне себя». Отсюда противоречивое сочетание в структуре личности героев писателя «центробежных» и «центростремительных» сил, постоянная внутренняя борьба противоположных начал – свойств нагуры и сознательных устремлений, – которая в конечном итоге приводит к тому, что интересы тургеневских персонажей либо замыкаются в рамках сугубо личного, либо выходят за пределы эгоистического «я» и обращают к надличному бытию. Не удивительно, что в романах писателя традиционной является ситуация выбора: герои Тургенева постоянно находятся перед дилеммой – наклонности или высший закон, счастье или долг, естественные потребности или нравственные обязательства – и в зависимости от выбора оказываются «больше» или «меньше» своей судьбы. Художественная антропология писателя чрезвычайно сложна, многогранна и противоречива. Возвышая способность человека надламывать упорный эгоизм своей личности, Тургенев не отрицает односторонности идеи «самопожертвования». Но только в «смирении» всего «тревожного» (тревожного Я) и преданности идеалу писатель видит проявление человека как личности. Человек до тех пор обречён испытывать сиротство в мире, ощущать себя в нём «холодным, неподвижным, ненужным ничто», пока не поймёт скрытого закона природы, который учит не «самонаслаждению», а смирению бурных движений души, порывов страсти, желания счастья, т.е. до тех пор, пока не освободится от своего «эго» и не постигнет нравственного смысла бытия. Показательно, что в «Дворянском гнезде» жизненный путь «бездомного» героя-странника, пожертвовавшего личным счастьем ради высокой цели, представлен не как бесцельное «странничество», а как драматический путь самореализации его «я» в мире, как жизнь-дорога, исторически не случайная и имеющая перспективу будущего, ибо она существует в контексте жизни *других* людей. Лаврецкий, который, пусть с «сожалением», отказывается от поиска счастья, находит в себе силы не замкнуться на собственном «я» и начинает жить не страстями, а в согласии с нравственными принципами. Осознав персональную ответственность перед народом, Лаврецкий направляет своё существование к *другому*, к *ближнему* и трудится на благо тех, кто нуждается в этом. Первым в русской литературе к идее «самостоянья» человека при его несомненной причастности к *другим* людям обращается Пушкин. Романтическую личность в художественном мире поэта сменяет совершенно иная – духовная личность, отождествляющая свои интересы с коллективными интересами – семьёй, родом, нацией, человечеством, Богом. Вслед за своим «кумиром», Тургенева проявляет повышенный интерес к бытию человека, который, обладая свободой и ответственностью, преодолевает слепые законы природы и внешнего мира и начинает жить не «в свою пользу». Так, Лаврецкий, выйдя за пределы «личного» – «разъединяющего», односторонне эгоистического, – обретает связь с народом, обществом, историей, миром. Бездомность, бессемейность героя, не свившего «себе покойного гнезда», не обретшего собственного дома, не означает у Тургенева его безытийности: Лаврецкий оказывается «вне семьи», «вне дома», но не *вне родины* и потому у него нет чувства отрешённости своего «я» от сакрального Центра – духовного пространства *других* людей, отдалённости от родовой традиции. Несмотря на то, что финал тургеневского романа пронизан характерными для писателя элегическими настроениями, обращение исполнившего долг Лаврецкого к «молодым силам» не только снимает трагизм размышлений героя, но и свидетельствует об его приближении к пониманию самой сущности, субстанциональной основы бытия – конечности, временности человека и его бесконечности, вечности.

Важно и существенно, что в «Дворянском гнезде» судьба главного героя включена в жизнь не только предшествующих, но и грядущих поколений. Кстати, финальная сцена романа, когда Лаврецкий, для которого многое «переменилось» в жизни и который, «покорный общему закону», переменялся сам («постарел не одним лицом и телом, постарел душою; сохранить до старости сердце молодым <...> и трудно и почти смешно»), возвращается через восемь лет в дом Калиитиных и приветствует «племя младое, незнакомое» («Играйте, веселитесь, растите, молодые силы <...> жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать, вставать среди мрака...»), отдельными своими элементами отсылает к ещё одному пушкинскому источнику – стихотворению «Вновь я посетил...» (1835). Пушкинская реминисценция, проявляясь в тургеневском тексте бессознательно, интуитивно, способствует расширению его смысла и создаёт определённый контекст для восприятия. Точно так же, как лирический субъект поэта, герой Тургенева, вспоминая о прошлом, грустя о молодости, переживая невозвратимость минувших лет, когда «напрасно простирал свои руки к заветному кубку, в котором кипит и играет золотое вино наслажденья» [14, 157], прозревает из настоящего будущее и осознаёт связь поколений. Подобно стихотворению Пушкина, роман Тургенева, несмотря на трагическую личную тему и тему «потерянного рая» прежнего «золотого века» дворянства, пронизан историческим оптимизмом. Оба писателя, не отрицая бренности существования человека, постигают и принимают гармонию природы («Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны...») и в своих произведениях отстаивают как неизменный закон бытия вечное движение и вечное обновление жизни.

Природа преемственности проявляется также в том, что в «Дворянском гнезде», как и в «Цыганах» Пушкина, одной из ключевых тем является тема женской любви. Понять характер тех чувств, которые свойственны неверной жене Лаврецкого, помогают слова старого цыгана из пушкинской поэмы: «Ты любишь горестно и трудно, // А сердце женское – шутя» [11, 172]. Призывая Алеко к смирению, обузданию собственных страстей и принятию «вольного» закона своего народа, старый цыган говорит, в том числе, о предсказуемости любви женщины. Конечно, Варвара Павловна чрезвычайно далека от «дикой воли» пылкой Земфиры («сердце воли просит») или «милой Мариулы», с их безрассудной, природной любовью. Варвара Павловна – это холодная, хитрая, ловкая, лукавая светская «львица», любящая комфорт и умеющая «доставлять себе этот комфорт» [14, 48]. Но ей присуще то же буйство плоти, что и Земфире. Правда, в противоположность пушкинской героине, всецело отдающейся чувству и умирающей за любовь («Умру любя...»), Варвара Павловна любит только себя, а других – «шутя». Сущность такой любви открывается в романе в контексте чувств другой героини – Лизы Калигиной – «полюбила честно, не шутя, привязалась крепко, на

всю жизнь» [14, 123]. В отличие от предыдущего открытого, графически оформленного введения текста пушкинской поэмы, в данном случае Тургенев прибегает к аллюзии в виде намёка, маркером, репрезентантом которой становится слово «не шутя». Будучи органически вплетённым в ткань тургеневского текста, оно имплицитно указывает на роман Пушкина «Евгений Онегин»: «Кокетка судит хладнокровно, // Татьяна любит не шутя // И предается безусловно // Любви, как милое дитя» [12, 64].

В «Дворянском гнезде» Тургенев представляет два, идущие от Пушкина варианта женской любви – «шутя»/«не шутя». Тема пушкинской и тургеневской философии любви требует, вне сомнения, отдельного и тщательно изучения. Сошлёмся на авторитетное мнение В.С. Непомнящего, который выделяет два уровня любовного чувства у Пушкина и считает, что «в обыденном, нижнем, душевном плане» поэт зачастую «склонен отождествлять страсть с любовью», но гению Пушкина, его духу оказывается доступен и высший план, когда преодолевается черта *физического*, преходящей чувственности и открываются мгновения, поистине причастные вечности, т.е. становится доступна вера в «высший, божественный эрос» [8, 136-155]. В свою очередь, Тургеневу, наряду с заявлениями об иррациональности, стихийности любви («бывает влечение неведомой силой»), пониманием её как страсти, выражения «тайных сил», свойственна вера в «божественное» происхождение любви. В «Дворянском гнезде» писатель обращается к изображению, прежде всего, любви-эроса (др.-греч. ἔρως). Варвару Павловну Лаврецкий любит «сильным, страстным чувством» [14, 91]; аналогом чувств героя к Лизе Калитиной становится музыка Лемма, в «дивных, торжествующих звуках» которой говорит и поёт «всё его счастье». Чувство Лаврецкого сродни звукам тварного мира – «сладкой, страстной мелодии», сияющей, томящейся «вдохновением, счастьем, красотой» [14, 106]. Немаловажно, однако, что в музыке Лемма соприкасаются две сферы – «земная» и «небесная». Тем самым писатель намекает, что мелодия, касающаяся «всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого», и уходящая «умирать в небеса», наряду с поэзией и полнотой естественной жизни, передаёт то, что выше стихийной жизненности, обращает к мистической стороне бытия, онтологическим основам – смерти и вечности. Так в романе благодаря выразительности музыки раскрывается чувственно-одухотворённый, в чём-то мистический характер любви Лаврецкого к Лизе. Любовь героини не менее возвышенна и поэтична («для них пел соловей, и звезды горели, и деревья тихо шептали, убаюканные и сном, и негой лета, и теплом») и тоже не лишена чувственного начала. По мнению В.М. Марковича, даже религиозное чувство Лизы получает тончайший оттенок «своекорыстия»: когда она мечтает привести Лаврецкого к Богу, это уже не только забота христианки о спасении души, потерянной для веры, она хочет спасти Лаврецкого для себя, потому что это необходимо для её любви и счастья [7, 112]. Впрочем, для Лизы, как и для Лаврецкого, определяющим началом является глубокая духовная связь с любимым человеком. В отличие от Варвары Павловны, самая обаятельная черта характера которой, по словам П.В. Анненкова, – «наклонность искать эстетические наслаждения всюду вокруг себя», что на самом деле является «чем-то вроде красивого, кокетливого мостика, сокращающего и облегчающего ... дорогу к страстям и чисто-животным упражнениям» [1, 195], Лиза, «вся проникнутая чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким», действительно, любит «одно прекрасное» [14, 113;71]. Примечательно мысленное сопоставление Лаврецким той, которую он любил страстно и которая «щедро заплатила» ему за это, и той, которую он полюбил «неожиданным» чувством: «Но Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, строгий труд, и мы пошли бы оба вперед к прекрасной цели [14, 96]. Лаврецкий уже не ограничивает любовь «роскошью ... наслаждений», а соотносит с духовными запросами – «воодушевлением», «честным, строгим» трудом, близостью к родине, народу, осуществлением «прекрасной цели». Такая любовь не только помогает поверить в себя, но и преобразует, одухотворяет («чудное умиление наполнило его душу»; «чувство неожиданной, великой радости наполнило его душу»). Следовательно, наравне с чувственно-природной любовью, в «Дворянском гнезде» Тургенев представляет чувственно-одухотворённую любовь и противопоставляет им «чисто-животные» похождения (Варвара Павловна), на фоне которых ярче вырисовывается сущностное начало идеальной, вечной любви, носительницами которой у Пушкина является Татьяна Ларина, у Тургенева – Лиза Калитина.

Прав Ф.М. Достоевский, высказав в своей знаменитой Пушкинской речи суждение, что поэт создаёт в «Евгении Онегине» «такой красоты положительный тип русской женщины», который почти не повторяется в отечественной художественной литературе – «кроме разве образа Лизы Калитиной в “Дворянском гнезде” Тургенева». Ф.М. Достоевский находит эту «красоту» в полном и безусловном самопожертвовании, в ощущении невозможности «основать своё счастье на несчастье другого», «в высшей гармонии духа» [6, 140-142]. Нельзя, конечно, утверждать идентичность пушкинской и тургеневской героинь [см.: 4, 264-265]. Но то, что Лиза – явная «преемница» «милого идеала» поэта в любви, несомненно. И Татьяне Лариной, и Лизе Калитиной ведомы «пугающие» их порывы души, но при этом обе героини преисполнены духовного Эроса. Любовь для них – безусловное чувство, и принадлежат героини к тем редким натурам, которые «привязываются» «на всю жизнь» и почитают брак как священное таинство, охраняемое Богом, т.е. любят «не шутя». Напротив, для Варвары Павловны любовь – «шутка», «забава», флирт, «упражнения», игра. Не случайно на протяжении всего романа писателем акцентируется игровое поведение героини: кокетство, притворство, актёрство, – которые способствуют, в том числе, её идентификации как безнравственной и циничной «варварки».

Примечательны три сцены романа. В одной из них – сцене объяснения с Лаврецким в Васильевском – Варвара Павловна всем: тонко продуманным туалетом («черное шелковое платье»), внешним видом («тщательно расчесанная душистая голова»), манерой поведения («упала к его ногам») и даже чувственным ароматом пачули («первое, что поразило его <...> был запах пачули»), – пытается пробудить в бывшем муже интерес к себе как к женщине и одно-

временно произносит «покаянную» речь, каждое слово которой пронизано жеманством и фальшью [14, 114]. Недаром Лаврецкий не верит ни одному слову «изыщной» жены («В какой это мелодраме есть совершенно такая сцена?»). Почувствовав, что её «раскаяние» имеет прямо противоположное действие, Варвара Павловна разыгрывает перед Лаврецким отвратительную сценку с участием дочери. Заверяя на словах, что любит свою Аду, Варвара Павловна использует дочь ради собственного благополучия и комфорта. Не менее значима сцена в доме Калигиных, когда после слов «покаяния», Варвара Павловна «внезапно заиграла шумный штраусовский вальс, начинавшийся... сильной и быстрой трелью <...> в самой середине вальса она вдруг перешла в грустный мотив и кончила арию из «Лучии»: *Fra raso...* Она сообразила, что веселая музыка нейдет к ее положению» [14, 128]. Поражает не только громогласная и напористая игра героини, но и её исполненное преднамеренности поведение (тоже игра). Обращаясь в романе к изображению мира чуждой для себя психологии, писатель не даёт подробной разработки игровых действий героини. Но читатель может их домыслить и понять, что основная цель, которую преследует Варвара Павловна, – обман. Характерна реакция Лаврецкого, знающего о том, что поступки его жены всегда продиктованы расчётом и эгоизмом: «Варвара Павловна у вас пела; во время своего раскаяния она пела – или как?» [14, 143]. То, что эгоцентричная, лишённая нравственных убеждений, находящаяся во власти страстей и соблазнов, Варвара Павловна – «чужестранка» в мире Лаврецкого («между нами всегда была бездна»), подтверждает, в том числе, её «кокотливое» общение с Паншиным и Геденовским. В сцене поездки Варвары Павловны и Геденовского в карете писатель изобличает вызывающе вульгарное поведение героини: «...она всю дорогу забавлялась тем, что ставила, будто не нарочно, кончик своей ножки на его ногу; он конфузился, говорил ей комплименты; она хихикала и делала ему глазки, когда свет от уличного фонаря западал в карету...». Весьма значимо замечание автора, что только когда Варвара Павловна представляет балльную залу, огни, быстрое кружение под звуки музыки, – «душа в ней так и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала на глазах, что-то грациозно-вакхическое разливалось по всему телу» [14, 135]. Примечательно строение тургеневской фразы, которая начинается словом «душа» и заканчивается – «тело». Так автор подводит читателя к мысли, что «души» у Варвары Павловны нет, точнее, она (душа) – плотская, телесная. В свою очередь, *огни, кружение* выступают знаками инфернальности находящейся во власти мирских обольщений героини, губительная сущность которой – «что-то грациозно-вакхическое». В образе Варвары Павловны писатель соединяет черты внешне обворожительной – грациозной – и внутренне порочной – вакхической – женщины. Именно через контрастность образов «кокотки» (Варвара Павловна) и «чистой» девушки (Лиза) писатель вскрывает различия между любовью «шутя» и любовью «не шутя».

Что касается Паншина, то Варвара Павловна подчиняет его себе в один вечер, используя для этого элементарную лесть («Да ведь вы тоже артист, *un confère*»), тактильное воздействие («У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собеседника; эти мгновенные прикосновения очень волновали Владимира Николаича») и своё основное «орудие» – «вкрадчивую прелесть»: «... а Лиза, та самая Лиза, которую он все-таки любил, которой он накануне предлагал руку, – исчезала как бы в тумане» [14, 132]. Знаменательно, что при характеристике Паншина, который «говорит по-французски прекрасно, по-английски хорошо, по-немецки дурно» и «с пятнадцатилетнего возраста уже умел не смущаясь войти в любую гостиную, приятно повертеться в ней и кстати удалиться <...> понял тайну светской науки <...> танцевал отлично, одевался по-английски» [14, 14-15], осознанно отсылает в Пушкину: «Вот мой Онегин на свободе; // Острижен по последней моде; // Как dandy лондонский одет // И наконец увидел свет. // Он по-французски совершенно // Мог изъясняться и писал; // Легко мазурку танцевал // И кланялся непринужденно; // Чего ж вам больше? Свет решил, // Что он умен и очень мил» [12, 11-12]. Так с помощью аллюзии писатель в сжатой форме передаёт информацию о Паншине как «копии» светского Онегина, эгоистичного, убеждённого в исключительности собственной личности. Несмотря на то, что в первых главах романа Онегин подчеркнута прозаичен («Высокой страсти не имея // Для звуков жизни не щадить...»), а Паншин, напротив, художественно «даровит» («...мило пел, бойко рисовал, писал стихи, весьма недурно играл на сцене»), герои объединяются в главном – в «счастливом таланте» «коснуться до всего слегка», т.е. в «дилетантизме» («все второй номер, легкий товар, спешная работа»). Помимо характеристической функции, аллюзия выполняет в тургеневском тексте оценочную функцию. Посредством скрытой цитаты, напоминания, автор выражает своё отношение к герою, у которого, как и у пушкинского персонажа, «рано чувства ... остыли» и за видимой внешней активностью скрываются внутренняя инертность, пустота, неосновательность и холодность души: «... этот смелый, этот свободный юноша никогда не мог забыть и увлечься вполне» [14, 15]. Разумеется, личность Онегина гораздо глубже и сложнее, чем Паншина. Вместе с тем аллюзия наполняет образ тургеневского героя идущими от Пушкина коннотациями – светский «франт», «скептик», «дилетант», «беспочвенность». Не будет преувеличением констатировать, что аллюзия определяет одну из ведущих тем романа – тему оторванности части русского дворянства от национальных основ. Известно, что Ф.М. Достоевский негативно оценивает, прежде всего, «беспочвенность» пушкинского Онегина и обращает внимание на то, что в романе в стихах поэту удаётся открыть «главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом», и создать тип героя, «беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего» [6, 138]. Тургенев в лице презирующего Россию Паншина осуждает космополитизм, враждебность всему русскому, национальному [см.: 3, 95-102]. Отношение автора к данному явлению выражено сцене идеологического спора Лаврецкого и Паншина о России, а также в эпилоге. Итог жизни космополита Пашина не просто прозаичен, он (итог) бесплоден и безрадостен: «чиновник в нем взял решительный перевес над художником», а Варвара Павловна «поработила»,

«именно поработила: другими словами нельзя выразить ее неограниченную, безвозвратную, безответную власть над ним» [14, 152].

Своеобразие Тургенева состоит в том, что в «Дворянском гнезде» проблема женской любви неотделима от проблемы женской красоты. В отличие от Пушкина, сторонника гармоничного единства в женщине красоты душевной и красоты телесной, такой красоты, которая «выше мира и страстей», Тургеневу присуща концепция амбивалентности женской сущности, двойственности красоты. Внешняя и внутренняя красота не всегда сопутствуют друг другу у писателя, хотя отнюдь не взаимоисключают по своей природе. Идеал Тургенева, как и Пушкина, – слитность собственно красоты и нравственной красоты. Между тем в своих произведениях Тургенев часто изображает раздвоение «души» и «тела», красоты и добра. Так, пленительная и в высшей степени соблазнительная красота Варвары Павловны лишена гармонической целостности, это формальная, не имеющая нравственного содержания красота. Недаром она пробуждает бессознательные, безотчётные, неодолимые чувства и инстинкты. Паншин оказывается в плену «властной» физической красоты Варвары Павловны, с которой «дилетанта» сближают фальшивость, пошлость и лицедейство. Лаврецкий тоже сначала увлекается «красивой внешностью» Варвары Павловны и находится во власти манящих жаром желаний, «сладкой» любви, «неизведанных наслаждений». Но после измены жены красота её теряет былую силу и становится «ненавистой» Лаврецкому, а сама Варвара Павловна вызывает «мысли темные, вздорные, злые», рождает недобрые чувства: «... окинул ее злобным взглядом <...> чуть не ударил ее кулаком» [14, 73;117;120]. Ещё А.М. Ремизов в исследовании «Тургенев-сновидец» замечает, что «зверовидным женщинам» писателя: Ирине, Полозовой, Лаврецкой, цепью стоящих вокруг «Древа жизни», – в произведениях писателя противостоят далекие от этого «Древа» героини, в частности Лиза Калитина, «образ восходящего духа через отречение» [13, 314]. Подобно Пушкину, который в своём «милом идеале» Татьяне Ларине подчёркивает внутреннюю, а не внешнюю красоту (Ни красотой сестры своей, // Ни свежестью ее румяной // Не привлекла б она очей), Тургенев ни одну из своих высоко нравственных героинь, в том числе Лизу, не наделяет безупречной внешностью, а заостряет лишь отдельные «явленческие» стороны их красоты (грация движений, притягательность глаз и т.д.). Сближаются писатели также в неприятии идеала «светской красавицы». В романе в стихах Пушкин противопоставляет главной героине не только «милую» Ольгу (согласно Г.Д. Гачеву, «низменный, бытовой вариант белотелой русской красавицы»), но и блистательных и признанных «светских красавиц» – вариант «русского вампира». В тургеневской Лизе, как и в пушкинской Татьяне, нет ни «спеси модной», ни «взора наглого для всех», ни «притязаний на успех», ни «маленьких ужимок», ни «подражательных загей», т.е. всего того, что, с точки зрения обоих писателей, свойственно «светским красавицам», в том числе холодной и порочной Варваре Павловне. Проблема женской красоты неразрывно связана у Тургенева с философией личности. Представляя в своих романах «настоящих красавиц», писатель не прибегает к эстетической идеализации их внешнего облика. Изящно-хищные героини при всём их очаровании не «добры» и потому «не прекрасны» у Тургенева. Напротив, изображая душевный и духовный склад личности нравственно «чистых» героинь, писатель широко использует критерий прекрасного. Нельзя не согласиться с М.О. Гершензоном, что «тургеневские девушки» «прекрасны в цельности своего чувства и жертвенном самозабвении» [5, 88], поэтому можно утверждать единство «эстетического» и «нравственного» у писателя. Впрочем, диалектика отношений этих категорий не исчерпывается у Тургенева их единством («нравственное чувство и чувство прекрасного – это две шишки, которые ничего не имеют общего между собой»).

Итак, «пушкинский текст» позволяет обнаружить смысловую многозначность и универсальность «Дворянского гнезда» и выступает признаком преемственности и одновременно творческого диалога писателей. Пушкинские цитаты, аллюзии, реминисценции функционируют в тургеневском тексте и как вербальный инструмент, раскрывающий замысел автора, и как художественный приём, способствующий формированию основных смыслов романа и наиболее точных характеристик героев, и как семантический «код» к конкретным ситуациям и выражению авторских идей, и как значимый подтекст, выводящий читателя на более высокую степень понимания произведения.

The article deals with the interaction of different elements of the “pushkin's text” with the text of “Nobel nest”, in particular, reveals functioning in the Turgenev's novel quotes from the poem “The Gypsies” and allusions of the poem “Eugene Onegin”; proves that the “non self” text is the formation and transformation of additional connotations and acts as sign of continuity and creative writers dialogue.

Key words: “Nobel nest”, “The Gypsies”, “Eugene Onegin”, “Once again I visited...”, “non self” text, “pushkin's text”, quote, allusion, reminiscence, function, meaning, succession, creative dialogue.

Список литературы

1. Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки: собр. статей и заметок П.В. Анненкова. Отд. 2: 1849–1868 гг. – VI. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879. – С. 194–221.
2. Белецкий А.И. Тургенев и русские писательницы 1830–1860-х годов // Творческий путь Тургенева. Сб. статей / Под ред. Н.Л. Бродского. VII. – Пг.: Сеятель, 1923. – С 135–166.
3. Бельская А.А. «Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. – Орел, 2009, – С. 95-102.
4. Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4 (54). – Орел, 2013. – С. 259-267.
5. Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева. – М.: Т-во «Книгиздательство писателей в Москве», 1919.

6. Достоевский Ф.М. Пушкин. (Очерк) произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т.26. – Л.: Наука, 1984. – С. 136-149.
7. Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
8. Непомнящий В. Поэзия и судьба // Непомнящий В. Пушкин: Избранные работы 1960–1990-х гг.: В 2-х ч. Ч. 2. – М., 2001. С. 136–155.
9. Петровский М.А. Таинственное у Тургенева // Творчество Тургенева. Сб. ст. / Под ред. И.Н. Розанова и Ю.М. Соколова. – М.: Задруга, 1920. – С. 70-89.
10. Пушкин А.С. Стихотворения 1823–1836 // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1959. – С. 455.
11. Пушкин А.С. Цыганы // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1960. – С. 159-180.
12. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1960. – С. 5-200.
13. Ремизов А.М. Тургенев-сновидец // Ремизов А.М. Царевна Мырма. – Тула: Приокское книжное издательство, 1992. - С. 312-315.
14. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.VI. - М.: Наука, 1981 – С. 5-158.
15. Тургенев И.С. Письма 1859–1861. А.А. Фету 22 июля (3 августа) 1859 // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-и тт. П. Т. IV. - М.: Наука, 1987. – С. 70-71.

Об авторе

Бельская А.А. - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета, aa_bel@mail.ru

УДК 821.161.1

ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЧУЖОГО ТЕКСТА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ В. ЕРМАКОВА «ОСАДОК ДНЯ»)

А.Ю. Бушунов

В современной литературе цитата служит распространённым приёмом дополнения разнообразных творческих концепций уже известными смыслами, поэтому использование «чужого текста» может обладать особой спецификой применения, о чём свидетельствует последняя книга эссе орловского поэта Владимира Ермакова «Осадок дня», соотношённая с творчеством одного из самых ярких поэтов современности Андрея Василевского.

Ключевые слова: *А. Василевский, В. Ермаков, аллюзия, реминисценция, цитата, текст, контекст, контаминирование, эссе, доминанта, метафизика, поэтика.*

Применительно к понятию «чужой текст» следует рассуждать о нём как о комплексном явлении в соответствии со сложившейся традицией развития литературы, окрашенной постмодернистским влиянием. Этот важнейший композиционный и идейно доминирующий приём включает в себя собственно цитату, точное воспроизведение чужого текста; аллюзию, намёк на какой-либо бытовой или литературный факт, предположительно известный читателю или же заставляющий обратиться к первоисточнику; и реминисценцию, небуквальное воспроизведение чужих словесных структур, которое наводит на воспоминание о другом произведении и позволяет маркировать уже самого читателя по принципу «свой-чужой».

В современной литературе активно используются все три вида данного литературного явления. Особенно ярко прослеживается эта тенденция у одного из наиболее актуальных поэтов последнего десятилетия – Андрея Василевского. Содержание его книги «Всё равно» (2009 г.) и сборника «Трофейное оружие» (2013 г.) наглядно показывает это читателю.

Одно из стихотворений в качестве стилистической доминанты, определяющей пародийно-трагическую интонацию текста, начинается строками известной песни: «На поле танки грохотали,/Солдаты шли в последний бой», но далее следует краткий пересказ американского фильма «Чужой», который к финалу неожиданно приобретает метафизическую окраску – предчувствие надвигающегося апокалипсиса. («Я вижу тварь полуживую - /Пасть раскрывая неземную,/Она сейчас совсем умрёт/ И вместо снега дождь пойдёт») [1,10]. Надо сказать, что Василевский использует цитируемый материал не для усиления сагирического или иронического начала, а для придания своим текстам экономичности внешней поэтической мысли на фоне глубокого культурно-исторического контекста. В стихотворении «Письмо» Василевский цитирует примечания А.С. Пушкина к своим «Подражаниям Корану»: «Плохая физика/ Но зато какая/ Смелая поэзия!», противопоставляя их высказыванию неизвестного учёного: «На вершинах/Венерианских гор,/Возможно, лежит/Металлический снег» [1,9]. Две цитаты в соединении с авторским текстом показывают глубокий культурно-магериальный кризис человеческого общества.

В своём творчестве Василевский продуктивно использует не только цитату, но и реминисценцию, которая

также акцентирует читательское внимание на метафизичности и эсхагологичности содержания текстов. Например, строки из стихотворения Н. Рубцова «В горнице моей светло./Это от ночной звезды./Магушка возьмёт ведро./Молча принесёт воды» поэт разделяет на части и вводит в нужный ему контекст: ««хаус холмс и пуаро/спорят до ночной звезды/кто из них возьмёт ведро./молча принесёт воды» [1,60]. Данный приём создаёт эффект девальвации ментально-культурной самоидентификации и утраты национального самосознания.

Мы видим, что цитаты и реминисценции в поэзии Василевского создают множество конспективных, житейских и фантастических сюжетов, множество отсылок к кинофантастике и компьютерным играм, передают сдержанную, серьёзную интонацию, отражают драматическую насыщенность текстов.

В региональной орловской литературе «чужой текст» наиболее разнообразно и достаточно оригинально представлен в последней книге писателя, поэта и эссеиста Владимира Ермакова «Осадок дня. Своёмерные заметки на полях календаря». Эти заметки, еженедельно печатающиеся в газете «Орловский вестник», представляют своего рода открытый дневник писателя: лирический, иронический, полемический, философский. В свободной рефлексии на равных основаниях отражаются вечные вопросы и случайные вещи, дух времени и злоба дня, наболевшее, прочитанное и пережитое. Это пространный авторский комментарий к современности: поэтика, критика и хроника текущих дней.

Цитата в текстах Ермакова занимает позицию, определяющую дальнейшее повествование. Индекс цитирования в книге очень высокий: в среднем на страницу приходится две-три пространных цитаты, выделенные курсивом, с указанием источника внизу страницы.

Цитатный материал сборника охватывает значительную часть русской и мировой литературы. Ермаков приводит художественные высказывания Фонвизина, Пушкина, Чехова, Булгакова, Пастернака, Бродского; цитирует У. Эко, Бовуара, Сартра, Элиота, С. Лема, Ф. Дика, Кундери и др.

Писатель обращается и к наследию философов – к трудам Платона, Аристотеля, Ларошфуко, Сенеки, Екклесиаста, Диогена Лаэртского; автор трансформирует свою мысль с помощью духовной литературы – Евангелия от Луки и от Матфея; использует выписки из различных энциклопедий, например, из церковно-славянского словаря или из словаря русской разговорной экспрессивной речи.

Следует заметить, что цитата в эссеистике Ермакова всё же не доминирует над авторским текстом, но во многом определяет установку на читательское восприятие: понимание всего последующего под определённым углом зрения. У Ермакова цитата не просто лексический знак, фиксирующий своё пребывание в тексте, но и креативная аналитико-синтетическая деятельность. С помощью цитаты не просто создаётся смысловое напряжение, цитата заставляет читателя ретроспективно переосмысливать весь текст.

В работе с цитатным материалом Ермаков использует приёмы, характерные для его эссеистики в целом. Например, автор весьма продуктивно обращается в пространстве своего рассуждения сразу к нескольким источникам, никак не связанным между собой, но понадобившимся автору для всестороннего освещения своей мысли. Так, говоря о Дне славянской письменности и культуры, Ермаков приводит выдержки из творчества Станислава Лема и цитирует отрывок из стихотворения Андрея Вознесенского «Не пишется» [2,121]. В другом случае, вспоминая день медицинского работника, он вводит в свой текст Псалтирь и «Эпитафию» Сумарокова [2,141].

Для эссе Ермакова характерен приём финальной цитации. Этот приём позволяет придать резюме эффект большего смыслового единства и введения своего текста в историко-культурный контекст. Цитатами в данном случае служат расхожие выражения из хрестомагийных произведений, легко узнаваемые читателем. Например, рассуждая о взаимоотношениях Путина и государственного аппарата, Ермаков в заключении приводит цитату из трагедии Пушкина «Борис Годунов»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!» [2,60]. В другом очерке, делаясь с читателем мыслями о роли античности в мировом искусстве, автор подводит итог с помощью известного афоризма Цицерона: «В сознании не вмещается, что было какое-то время, когда никакого времени не было» [2,150].

Нередко писатель прибегает к приёму контаминирования известных выражений. Оценивая значение памятников и исторических мест в жизни орловцев, он контаминирует в одну фразу строку из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Деревня», открывающего книгу «Senilia», и слова из интервью С. Говорухина. В результате получается вывод: «На тысячу вёрст кругом Россия, которую мы потеряли!» [2,103].

К поэтическим цитатам Ермаков относится как к поводу для творческого соперничества, созданию в поле текста некоего напряжения между «своим» и «чужим». Рассуждая о смысле праздника Рождества, он приводит строки из стихотворений Пастернака, Бродского, а затем цитирует строфы собственного сочинения [2,13]. Таким приёмом создаётся двойной семантический статус цитаты. Цитата с подобным двойным статусом аккумулирует определённые грани смысла и ассоциативные коды того текста, из которого она взята и привносит их в авторский текст, делая эти «чужие» слова частью содержательной структуры.

При знакомстве с книгой «Осадок дня» становится понятно, что весь цитатный материал выбран из личной библиотеки писателя; цитата в основном знаменует собой одобрение Ермаковым его предшественника, но в ряде случаев он использует цитату для последующей полемики с ней. В рассуждении о природе лжи, автор спорит с утверждением Иешуа Га-Ноцри «правду говорить легко и приятно» [2,51]. Далее следует возражение: «Вот уж нет. Судить по своему разумению – дело рискованное. Кто взялся судить, тому нельзя лукавить; всем можно, а ему нельзя. Кто смотрит со стороны, тот и сам у всех на виду – в его глазу каждую соломинку сочтут бревном» [2,51].

Следует заметить, что цитаты в творчестве Ермакова образуют разнообразные контексты. Можно выделить историко-литературный контекст, эстетический, сюжетный, жанровый и контекст, приобретающий символическое

значение.

Говоря об историко-литературном контексте цитаты в книге «Осадок дня», нужно сказать, что цитата, выбранная из художественных произведений или из исторических работ, преобладает в тексте. Несколько раз автор обращается к труду Карамзина «История государства Российского» [2,143], причём использует цитаты из неё в очерках с различной тематикой и проблематикой.

В эстетическом контексте цитата используется Ермаковым для подкрепления собственного мнения в общественно-политических и социально-культурных дискуссиях, например, о законе, запрещающем употребление нецензурных слов в сферах искусства и в СМИ. Для подтверждения своего негативного отношения к этому закону он цитирует «Поэтику низкого, или Просторения как культурный феномен» В. Химика [2,81].

Жанровый контекст также многообразен в книге. В детективном жанре Ермаков написал эссе о загадочной смерти олигарха Бориса Березовского, используя цитаты из творчества Ч. Диккенса [2,79]; в другой статье писатель – вдумчивый созерцатель изменяющейся природы орловского Козьего парка. В свою пастораль он вновь вписал строки Карамзина о силе государства [2,109]. Жанровая трансформация удаётся Ермакову без видимого труда: то он пишет басню «Моралите о коте», цитируя строки из произведения Сартра «Слова» [2,97], то выступает в роли почти теософа, ведя летопись страстной недели и приводя выдержки из Евангелия от Луки [2,107].

Сюжетный аспект цитирования частично присутствует практически в каждом очерке книги. В занимательной истории о приключениях кота Ермаков вспоминает книгу Терри Прачетта «Кот без прикрас»: «Какое ещё домашнее животное получает свой корм не за то, что приносит человеку пользу, а просто потому, что поев, оно выглядит довольным» [2,55]. В сюжете о секретах пиар-технологий писатель вспоминает «Тайную жизнь Паскаля Киньяра» [2,177]. В небольшом сюжетном очерке об одном дне из жизни Орла Ермаков цитирует стихотворения «Мы» Н. Майорова и «Братские могилы» В. Высоцкого [2, 186-187].

Символическое значение цитаты является доминирующим в данной книге. В статье о сложностях взаимодействия народа и языка символично прозвучала фраза из Нобелевской лекции И. Бродского: «В настоящей трагедии погибает не герой – гибнет хор» [2,52]. В статье, посвящённой проблеме исчезновения читательского интереса и девальвации писательского труда, приведено утешительное высказывание У. Эко: «В любом случае, люди никогда не перестанут читать литературные произведения, ибо именно в них мы ищем формулу, способную придать смысл нашему существованию» [2,59].

Подводя итоги, скажем, что функции цитат в книге В. Ермакова многообразны. Они отражают историко-культурные и литературные связи, при использовании цитат возможным становится представление о взглядах автора на традицию. Цитата является ответом на читаемое, свидетельствует о взаимосвязи культурных тенденций различных эпох. Между цитатой и авторским текстом просматривается целая культура, сопоставляется смысл источника и смысл позиции автора, цитирующего источник.

In the modern literature the citation is a widespread method of complementing a variety of creative concepts with known meanings, therefore, the use of “another’s text” may have a special use, and evidence to it is the last book of essays of Orel poet Vladimir Ermakov “The precipitate of the day” correlated with the work of one of the most bright contemporary poets Andrei Vasilevsky.

Keywords: A. Vasilevsky, V. Ermakov, allusion, reminiscence, quote, text, context, contamination, essay, dominant, metaphysics, poetics.

Список литературы

1. Василевский А.В. Трофейное оружие. М.: Воймега, 2013, 112 с.
2. Ермаков В.А. Осадок дня. Своёмерные заметки на полях календаря. 2013, Орёл: АПЛИТ, 2014, 352 с.

Об авторе

Бушунув А.Ю. – ОГЛМТ, sam_susam_ab@mail.ru

УДК 821.161.3

СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ АВТОБИОГРАФИЗМА В ПОСЛАНИЯХ АНДРЕЯ КУРБСКОГО РАЗНЫМ ЛИЦАМ

А.Н. Волга

В статье предлагается классификация способов введения автобиографизма в посланиях Андрея Курбского, адресованных разным лицам. Выделяются два основных способа: автобиографическое высказывание и автобиографический рассказ.

Ключевые слова: древнерусская литература, Андрей Курбский, послание, автобиографизм.

Как правило, в современных исследованиях «автобиографизм» понимается как «отражение» или «трансформация» событий, произошедших непосредственно с автором. Так, М. Медарич отмечает: «Автобиографизмом мы можем назвать стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [2:5]. Разумеется, в древнерусской книжности развитие автобиографизма предшествовало

оформлению жанра автобиографии, элементы автобиографизма далеко не всегда самим составителем произведения осмыслились в качестве «литературного приема». Тем не менее, применительно к литературе средневековья совершенно справедлива вторая часть приведенной выше цитаты: произведения действительно не воспринимались как автобиографические, но в то же время несли в себе автобиографическую информацию.

Послание в древнерусской литературе обладает ярко выраженным автобиографическим потенциалом, поскольку в нем адресант непременно ссылается на факты собственной жизни, выражает непосредственное отношение к адресату через описание контактов с ним или включает жизнеописательные эпизоды.

Автобиографизм, или автобиографическое начало, формируется в древнерусской литературе начиная с XI-XIII веков, когда в произведениях разных жанров появляются детали и эпизоды, имеющие прямое отношение к биографии создателя текста. В XVI веке, с нашей точки зрения, автобиографизм является довольно развитым явлением, фиксируемым в агиографии, хождениях, поучениях и посланиях. Послания князя Андрея Курбского, обращенные к царю Ивану IV Грозному и ряду других лиц, в этом плане не являются исключением.

Цель настоящей работы состоит в выявлении способов введения автобиографизма в послания Андрея Курбского. К анализу привлекаются три послания Вассиану Муромцеву, послание Марку Сырохоzinу, два послания Кузьме Мамоничу, послание Кодиану Чапличу, послание княгине Чарторыйской, три послания князю Константину Острожскому, послание Семену Седларю, опубликованные в т. II «Библиотеки литературы Древней Руси» [1].

Первым способом введения автобиографизма в послания Курбского разным лицам является автобиографическое высказывание, которое, как правило, характеризуется небольшим объемом и представляет собой краткую информацию, имеющую непосредственное отношение к биографии автора.

Темагически автобиографическое высказывание может быть связано с указанием на характер предшествующего общения с адресатом и включает в себя информацию об ранее написанных посланиях, полученных книгах, полемике и пр. Так, в первом послании к Вассиану Муромцеву князь Курбский пишет: «Книга, глаголемая Райская, иже суть в Божиих церквах, от вашей святыни к рукам моим пришла, и нынче уже от словес в ней смотрел есмь, и мно, яко недостаточествует сие имя, но воистинну небесной красото уподобленна и всякими преудобренными словесы украшена, и священными догматы свидѣтельствованна» (Первое послание Вассиану Муромцеву). Здесь мы отмечаем наличие указания на факт получения автором от адресата сборника уставных чтений «Рай», а также сообщение о прочтении Курбским некоторых ее частей. Подобного рода автобиографические высказывания имеют место и в других посланиях Курбского к Вассиану Муромцеву: «Посланейцо твое, любовию помазанное, дошло до меня. Книгу и Герасимово житие и счет лѣтом привезли же ко мнѣ, и много челом бью на благи твоих»; «И аз, не тѣм противяся чудным мужем, первое посланейцо послал к тебѣ – прочти его со вниманием – но противлюся лжесловесником, преобразующимся во истовыя учителя...» (Второе послание Вассиану Муромцеву); «Посылал есмь к игумену и к вам человѣка своего бити челом о потребных животу, и для недостойнства моего от вас презрен бых. А вины своей явныя пред вами нынче не имам: имал был есмь деньги у вас, и яз и заплатил, а нынче не хотѣл же должен есмь быти вашему преподобству»; «Да послал есмь к тебѣ второе посланейцо против вашего пятаго Еуагелия» (Третье послание Вассиану Муромцеву). Как видим, автобиографические высказывания во втором и третьем посланиях Вассиану Муромцеву, кроме указания на обмен посланиями, отражают некоторые детали обсуждения богословских вопросов между корреспондентами, а также факт частного характера – Курбский занимает деньги у псковско-печерских монахов и затем расплачивается с этим долгом.

Ссылки на предшествующие послания имеются и в прочих посланиях Андрея Курбского:

«А еже пишеш ко мнѣ, любимиче, о злохитроствах езуитских, уже к тебѣ есмь первые сего писал» (Второе послание Кузьме Мамоничу);

«А за то благодаримъ велице, яко твоя честность писала к намъ, иже сынъ твой во страхе Божии и в правдоверии в праотеческом утвержень и охоту мает по Священным Писаниемъ» (Послание княгине Чарторыйской);

«А еже твоя милость писала еси к нам, иже хоцеш послати его до Вильни...» (Послание княгине Чарторыйской);

«О, превозлюбленный мой брате, правдовериемъ украшенный! Епистолию твою приях и прочтох, и выразумѣхъ, и познахъ в тобѣ искры, от божественного огня возгорѣниемъ являемая» (Послание Семену Седларю).

Автобиографичны высказывания об обмене книгами и богословско-литературных занятиях корреспондентов:

«А что ваша милость пишеш, ижебы я тебе написал и указал о Люторе, почему есмь (...) нарицал его тевтопрофидом, и о томъ есмь с вашей милостию устне молвил широко» (Послание Кодиану Чапличу);

«А книжки тое, о нейже пишеш ми, при себе не маю, есть она в Ковлю; которая вельми полезна, альбо пожитачна, наипаче же юного возраста отроком, и я пошлю ее вашей милости и сыну твоему на прочтение, а есть ли полюбить, и на препись» (Послание княгине Чарторыйской);

«Понеже злю мнѣ дивно, иже послал есмь до вашей свѣтлости княжецкие вѣщъ духовную — от апостольскихъ словесъ от насветлѣншаго мужа протолкованну, и не точию внешне философии и верхъ достигшаго, но Духа Святаго исполненнаго» (Первое послание Константину Острожскому);

«И послахъ ево к вашей свѣтлости на прохладение духовное, яко ко благородной душе и светлой княжацкой, от зацнѣншаго и святейшаго учителя заимствовал» (Первое послание Константину Острожскому);

«Листъ твоего величества, такъ и книжица Скарпки езуита, софизматов исполненная, также и листъ до твоей милости писаны ото инославного и прелукавого Мотовила (не вѣмъ, естли и ныне еще, або и поднесъ, любимаго твоего слуги) — прияхомъ ихъ и выразумѣхом» (Второе послание Константину Острожскому);

«Прислал ми ваша милость книгу от сына Дияволя написану и от явственного неприятеля Христа нашего, истинней рекше, от антихристово помощника и верного слуги ево сочинену! Мнѣ ваша милость, христианину правоверному, брату своему присяглому, негли вмѣсто поминка шлет!» (Третье послание Константину Острожскому);

«А тую книгу посылаю до вашей милости вцелѣ» (Третье послание Константину Острожскому);

Как видим, автобиографических высказываний в посланиях к ряду лиц (за исключением посланий к Ивану Грозному) посвящены следующим темам: 1)обсуждение богословско-литературных вопросов; 2)обмен посланиями; 3)обмен книгами и отдельными сочинениями для их изучения;4)частные вопросы бытового общения.

Второй способ введения автобиографизма – автобиографический рассказ, который мы можем отметить лишь в двух посланиях разным лицам.

Наиболее яркий пример автобиографического рассказа находится в Послании Марку Сырохоzinу. Андрей Курбский пространно (несмотря на уверения в краткости собственной эпистолы) повествует о событиях, предшествовавших обращению к адресату. Эта часть произведения носит сюжетный характер и представляет собой жизнеописательный эпизод, в котором автор отбирает автобиографический материал с целью демонстрации своей деятельности как христианского просветителя и переводчика «словес божественных». Курбский воспроизводит свой диалог со старцем Артемием, который о переводах сочинений Василия Великого, в процессе которого выяснилось, что существует русский перевод только одной книги – «О постничестве». Собеседник Курбского не только подарил ему некую книгу Василия Великого, но и высказал пожелание, чтобы тот приобрел лучшие сочинения святителя на латинском языке и организовал их перевод, присовокупив, что сам с великой охотой оказал бы помощь в редактировании текста: «И ктому просил мя, и жбы аз потщание учинил, купил книгу Василиеву всю и добыл такова чловѣка, кто бы могъ з грѣца языка, обо з лагинского, превести ее. Аз отвѣчал: “Аще, – молвлю, – и добуду грецким умѣющаго, або лагинским, но словенский не будут умѣти”. Преподобный же со усердиемъ рекъ: “Аз, – рече, – с потщаниемъ в старости моей, аще бы и пѣшему случилося ми, препоясався, пойду с-Слутца там, гдѣ ми кажешь, и буду пособляти в преводе, и склоняючи на словѣнской”. И повторе воистинну рѣкъ: “Обы, – рѣкъ, – сподобил мя Богъ, то ми же бы аз по словенский помогалъ» (Послание Марку Сырохоzinу). Таким образом, идея создания кружка книжников, который действовал в имении Курбского в Миляновичах с 1572 года, родилась в беседах с «отцом и господином» старцем Артемием.

Далее князь Андрей повествует о своих трудах по изучению лагинского языка и сотрудничестве с «благороднымъ юношей» княземъ Михаиломъ Оболенским, который по совету Курбского получил образование в Кракове и Италии, чтобы иметь возможность заниматься переводческой деятельностью. Михаила Оболенского Курбский привлек к работе по переводу на «словенский языкъ» трудов отцов церкви. Кроме того, автор послания сообщает о приобретении сочинений не только Василия Великого, но и «иныхъ некоторыхъ учителей нашихъ: все опѣры книги Златоустовы, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Домаскина и кронику некую, ново з грѣца на лагынской преложенную, зѣло потребную и премудрую, написана от муже некоего зацѣного, Никифора Калийста» (Послание Марку Сырохоzinу), переводы которых необходимо осуществить.

Своего рода автобиографические рассказы присутствуют также в первом послании князю Константину Острожскому и в Послании Семену Седларю. Оба они воспроизводят более краткий эпизод биографии автора. В послании Константину Острожскому Курбский повествует о том, что он послал своему корреспонденту и другу перевод беседы Иоанна Златоуста о вере любви и надежде, подготовленный им для «Нового Маргарита». Однако адресат позволил себе передать это сочинение для чтения человеку «скверныхъ словесъ исполненному, и во стыду не имѣющему, глаголы Свещенныхъ Писаний нечисте и скверно отрыгающему». Причем, замечает Курбский, он сам слышал нечестивые речи этого «варвара»: «Бо и сам от усть его слышахъ словеса Павла апостола развращенные, бусловествующе» (Первое послание Константину Острожскому). В Послании Семену Седларю князь Андрей, отзываясь на просьбу адресата узнать толкование Иоанна Златоуста неких слов апостола Павла, рассказывает о своих трудах, которые он предпринял, чтобы дать исчерпывающий ответ: «Желание твое исполнимъ бѣзъ закоснения, не фолгуючи, или не щадячи старость и недуга, мнѣ належащего, и прочихъ приключившихъ ми ся напастей, вскоре преложимъ от римского языка во словенской не токмо о семь реченны виршь, или стих, но всю целую бѣседу оную и со нравоучениемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному, послушлив будучи во всемъ по любви духовной» (Послание Семену Седларю)).

Как видим, автобиографические рассказы могут быть охарактеризованы как сюжетное повествование. Однако, если в первом из них сюжет достаточно развернут, то в двух других он элементарен и ограничивается небольшим эпизодом. Автобиографический рассказ в Послании Марку Сырохоzinу воспроизводит события и деятельность автора за достаточно длительный период времени. В рассказах в двух других упомянутых нами сочинениях предстает иная картина. В Послании Семену Седларю изображается достаточно краткий эпизод: страдающий недугом молодой автор, желая исполнить просьбу друга, немедленно выполняет требуемый перевод. В Первом послании Константину Острожскому по сути дела в автобиографическом рассказе упоминаются три эпизода: автор посылает адресату перевод беседы Иоанна Златоуста, автор узнает о том, адресат передает данное сочинение для чтения некоему человеку, автор ранее слышал нечестивые речи этого человека. Причем, в данном случае в передаче автобиографических фактов отмечается хронологическая перестановка, которая, тем не менее, не нарушает логики рассказа, а наоборот, служит его смысловой упорядоченности.

Таким образом, рассмотрение автобиографических элементов в составе посланий Андрея Курбского показало, что они могут быть классифицированы по способу введения автобиографизма. Анализ текстов позволил выделить

два основных способа: автобиографическое высказывание и автобиографический рассказ, которые фиксируются во всех текстах.

The article proposes a classification of the ways of introduction of autobiographical features in epistles by Andrei Kurbsky, addressed to different persons. There are two main ways: autobiographical sentence and autobiographical narrative.

Key words: ancient Russian literature, Andrei Kurbsky, epistle, autobiographical features.

Список литературы

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 11: XVI век. – СПб.: Наука, 2001. (<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8867>).

2. Медарич М. Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. ст. по рус. лит. XII–XX вв. / под ред. А. Мурагова и Л. Иезуитовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С.5–32.

Об авторе

Волга А.Н. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского».

УДК 82-2

ЖАНР ДРАМАТИЧЕСКИХ ГОМИЛИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ЭНКОМИЙ БОГОРОДИЦЕ ПРОКЛА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО)

А.Г. Волкова

Статья посвящена анализу византийской гомилии V в., приписываемой Проклу Константинопольскому, в контексте единой литературной традиции драматических гомилий. Устанавливаются особенности композиции и поэтики гомилии Прокла, а также общность и различие этой и подобных византийских гомилий других авторов.

Ключевые слова: драматическая гомилия, диалог, Прокл, акростих, структура.

Энкомий, или похвальная речь Деве Марии, авторство которой приписывают Проклу Константинопольскому, представляет собой сложный по структуре текст, к однородности которого ученые относятся по-разному.

В отечественной науке данный текст Прокла не был достаточно изучен, основное внимание уделялось не его структурной целостности, а его практическому использованию: «Существовал особый вид театрализованного церковного красноречия: для оживления и иллюстрации проповеди прерывались диалогическими сценками или антифонным пением. Первый памятник такого жанра относится к V веку. Это энкомий (похвальная речь) Деве Марии, написанный константинопольским епископом Проклом. После пространного вступления – возвышенно-риторического гимна девственности – помещена живая сценка – диалог Марии и Иосифа, подозревающего жену в измене и не сразу постигающего божественную сущность событий. Затем следует диалог Марии и архангела Гавриила... Энкомий включает два монолога. Первый из них произносится Богом: раскрывается божественное назначение Марии и объясняются грядущие события. Второй монолог произносит дьявол, который хочет помешать воплощению и действию Божьей благодати. Такие энкомии были главной частью больших церковных празднеств и исполнялись в лицах» [2, с.18-19]. Таким образом, в этом случае текст проповеди Прокла рассматривается как однородный и являющийся частью некой театральной византийской традиции.

О византийском театре говорят и зарубежные исследователи гомилий Прокла: так, Ла Пьяна строит свою работу, где большое место уделяется энкомии Богородице Марии (слову VI) Прокла, на утверждении о том, что в Византии существовал религиозный театр, из которого позже вышли средневековые мистериальные театры, ставившие религиозные драмы [3; 4].

Хронологически Ла Пьяна выделяет три эпохи в истории драматических гомилий [4, р.64-66]:

- 1) наиболее древние драматические гомилии (V в.),
- 2) драматические гомилии, в которых диалоги, песнопения чередуются с собственно проповедническими (риторическими) частями (VI – IX вв.),
- 3) драматические гомилии в поэтической форме (VI – IX вв.).

Наиболее важные моменты энкомия Прокла в этой исторической классификации относятся, по мнению Ла Пьяна, относятся к третьей группе (поэтические гомилии).

При этом зарубежные исследователи рассмотрели текст энкомия более подробно именно с точки зрения его структуры. Ж. Гродидье де Матон, говоря об энкомии Прокла, указывает на тот факт, что целостность этого текста оспаривается. В частности, Ла Пьяна (G. La Piana), один из издателей проповедей Прокла, исследовав текст проповеди, пришел к выводу о том, что текст является компиляцией: в нем соединены фрагменты древних драматизированных (диалогических) гомилий и фрагменты их когда-то устных комментариев [3; 4, р.28-29]. В работе Франсуа Леруа (F.J. Leroy) отдельная часть посвящена сложностям с определением степени аутентичности энкомия. В частности, говорится о двух диалогах – ангела и Марии и Марии и Иосифа – в гомилии Прокла: «два фрагмента с акростихом, написанных ритмизованной прозой (IX, XI) представляют собой довольно интересное явление... их форма – важный

элемент для датировки. Несомненно, странно встретить в гомилии два диалога с алфавитным акростихом, однако мы не думаем, что эти фрагменты принадлежат другому автору, а не тому, кто написал другие части гомилии» [5, р. 275]. В частности, одно из предположений таково: Прокл наследовал сирийской литературе, а именно – Ефрему Сирину, большая часть произведений которого написана в форме диалогов.

Однако нет прямых указаний на то, что Прокл заимствовал текст, мотивы, образы, а также диалогическую структуру благовещенской проповеди непосредственно у Ефрема Сирина. Вполне возможно, что к моменту перевода произведений Ефрема, Прокл уже адаптировал для греческого языка сирийский жанр согиты и драматический диалог, который, несомненно, древнее, чем диалоги на христианские темы Ефрема Сирина и других сирийских авторов [3; 5, р. 29; 276].

При таком разнообразии точек зрения на происхождение, поэтическую предысторию энкомия Прокла, есть два момента, которые являются общими практически для всех исследователей:

- нельзя отбрасывать гипотезу о том, что Прокл или какой-то неизвестный переводчик, им использованный, попробовал использовать на греческом языке содержание сирийского жанра согиты (поэтической проповеди) для развития жанра византийской гомилии;

- исследователями отмечена неоднородность структуры проповеди Прокла: в тексте присутствует нарратив, диалоги, а также кумулятивные цепочки (большие фрагменты текста, в которых перечисляются, например, основные именованья Богородицы).

Итак, текст проповеди включает в себя два диалога. Первый – диалог Марии и Иосифа (9 строфа); второй – диалог Марии и архангела Гавриила (11 строфа).

Неоднородность текста Прокла видна на уровне композиции: текст начинается как проповедь, затем в него включаются указанные диалоги. Завершается текст похвалой Деве Марии, причем эта часть (собственно энкомий) представляет собой нанизывание именованья, сходное с богородичным Акафистом.

Гомилетическая часть текста Прокла сходна с его же проповедью, произнесенной в Великой Константинопольской Церкви в присутствии Нестория («О вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа и о том, что Святая Дева Мария есть Богородица и что родившийся от Нее не есть Бог только и не есть человек только, но Еммануил, который есть вместе Бог и человек, неслитно и непреложно») [1, с. 137-142].

Завершающее проповедь перечисление именованья-характеристик Девы Марии имеет лексические параллели в других текстах той же тематики: прежде всего, в кондаке преп. Романа на Благовещение, в гомилиях псевдо-Злагуоста, а также в Акафисте, который, по сути, также является благовещенским.

Диалоги, включенные в энкомий, несут в себе драматическое начало, присутствующее в тексте наряду с началом гомилетическим (риторическим), хвалебным (собственно энкомий). В данном случае более подробно будут рассмотрены только два диалога, соответствующие благовещенской тематике: Марии и Иосифа, Марии и ангела. Однако в тексте энкомия содержится прямая речь и других персонажей: Бога, а также злых духов – демонов, совет которых собирается для того, чтобы каким-то образом помешать Божественному воплощению. Диалоги энкомия содержатся в частях VIII – XI.

Первый из них – это диалог Марии и Иосифа, который включается в целую ситуацию, содержащую сомнения Иосифа и его разговор с самим собой (VIII), собственно диалог между Марией и Иосифом (IX), последующее вразумление Иосифа (X).

Непосредственно диалог Марии и Иосифа имеет алфавитный акростих: каждая реплика начинается с буквы греческого алфавита в алфавитном порядке (то есть с Α по Ω).

Мотивы диалога почти не отличаются от мотивов в подобных диалогах у преп. Романа Сладкопевца (V век, кондак на Благовещение) и псевдо-Злагуоста (предположительно IV-V века, проповеди на Благовещение). Иосиф, видя Марию беременной, думает, что она не сохранила чистоты. Дева уверяет его, ссылаясь на Священное Писание Ветхого Завета; слова Марии почти убеждают Иосифа, который соглашается оставить Деву до рождения Младенца.

Ла Пьяна объясняет, почему в энкомии Прокла Иосиф сомневается в невинности Марии: «Иосиф не был предупрежден [явлением ангела], и поэтому он относится к жене с сомнением. Вот почему составитель гомилии так долго останавливается на внутреннем состоянии Иосифа, воспроизводя диалог Иосифа и Марии из древней драмы, которая имела у него перед глазами» [4, р. 143-149]. В отличие от упомянутого текста кондака преп. Романа, где диалог Марии и Иосифа сходен с таким же диалогом в гомилии Прокла в том, что называется «общими местами», в проповеди Прокла больше места отводится психологизму, на что и указывает Ла Пьяна, говоря о «внутреннем состоянии Иосифа», которому отводится целая строфа (VIII). В кондаке преп. Романа практически не изображается сомнение и смятение Иосифа – те чувства, которым отводится довольно большое место в энкомии Прокла.

При этом у Прокла в «нанизывании» слов со значением незнания подчеркивается неведение Иосифа Божественной тайны воплощения (*незнание, не познал, не ведал*). После фраз, построенных при помощи анафоры, в которых речь идет о непонимании и незнании Иосифа, следует фраза, структурно основанная на принципе параллелизма: *Отяжелело чрево Марии, и омрачилось сердце Иосифа*.

Логичным продолжением этого является разговор между Марией и Иосифом, в ходе которого Мария открывает своему обручнику правду, а он почти уверяется в Ее невинности и невинности.

Заключительный эпизод уверения Иосифа в данном случае отличается от того, который предложен в проповеди псевдо-Злагуоста, где ангел является Иосифу и произносит хвалебную речь в честь Марии. В энкомии Прокла соединяются сюжеты Благовещения и Рождества; в частности, используются цитаты из Евангелия, например, фраза,

произнесенная ангелом: «встань, возьми Младенца и Матерь Его» (Мф.2:13). В Евангелии эта фраза произносится уже после рождения Христа. Кроме того, эпизод уверения Иосифа содержит также упоминания образов рождественского сюжета: ангелы, звезда, волхвы. Таким образом, события Благовещения и Рождества Христова здесь контаминируются в силу исторической близости установления двух праздников.

Структура диалогического сюжета «Мария – Иосиф» в гоимии Прокла сопоставима со структурой такого же сюжета в проповеди псевдо-Златоуста «На Благовещение Пресвятой Богородицы», начало: «Воспразднуем сегодня праздник царственных тайн...» (PG LX, 755 – 760). Обобщенная структура здесь такова:

- внутреннее, диалогически не выраженное переживание Иосифа (с акцентом на незнании, неведении Иосифа);

- диалог Марии и Иосифа;

- уверение Иосифа.

Первая часть, обозначенная как «переживание Иосифа», в текстах псевдо-Златоуста и Прокла не соотносится: в гоимии псевдо-Златоуста чувства Иосифа выражаются вербально, во внутреннем монологе Иосифа (он самому себе говорит то, что он переживает), в то время как в энкомии Прокла нет места внутренней речи Иосифа, а его неведение выражается анафорическим описанием «от автора».

Вторая часть, или собственно диалог между Марией и Иосифом, имеет некоторые черты сходства в обеих гоимиях. Сходство заключается в том числе в образной системе: и в одной, и в другой гоимии есть образ судьи – псевдо-Златоуст использует тавтологический прием, называя Иосифа «судьей бывшего в утробе Судьи»; у Прокла Мария призывает быть Ее судьей Господа, поселившегося у Нее во чреве.

Третья часть («уверение Иосифа») сходна в обоих текстах если не вербально (дословного текстуального совпадения здесь не встретится), то тематически. И у псевдо-Златоуста, и у Прокла Иосиф окончательно уверяется в невинности Марии и чуде Воплощения уже после рождения Христа. Таким образом, здесь контаминируются сюжеты Благовещения и Рождества.

Второй диалог в гоимии Прокла – это диалог между Марией и ангелом. Этот диалог так же, как и первый, имеет алфавитный акростих, однако этот акростих двойной, то есть реплика Марии и последующая реплика ангела начинаются с одной и той же буквы. Различный характер акростиха в двух диалогах (Мария и Иосиф – простой акростих, Мария и ангел – двойной акростих) указывает на возможность разного происхождения (авторства) этих диалогов, что, в свою очередь, подтверждает тезис о неоднородности текста гоимии и неоднозначность атрибуции всего текста именно Проклу.

Другая особенность акростиха и диалога в целом заключается в том, что акростих заканчивается на букве М, то есть практически оказывается как бы прерванным на середине алфавита. При этом реплика архангела, начавшаяся с этой буквы, перерастает в пространный монолог, после которого Мария всё еще продолжает сомневаться (*о рождении Господа рассуждая, о зачатии Эммануила размышляя*), пока не слышит глас Бога. Таким образом, получается, что ни по форме, ни по содержанию диалог между Марией и Гавриилом в энкомии Прокла не закончен: по форме – незавершен акростих, по содержанию – не выполняется схема Благовещения, заданная прецедентным текстом – Евангелием. Эта незавершенность также может свидетельствовать в пользу того, что авторство диалогов энкомия не принадлежит именно Проклу либо вообще текст энкомия является компиляцией.

После акростиха вторая особенность этого диалога, касающаяся его структуры, – это начало диалога: разговор между Марией и Гавриилом начинается не с привычного ангельского приветствия («Радуйся, Благодатная»), а с реплики Марии *Как будет это, когда Я мужа не знаю*. Таким образом, в диалоге отсутствует традиционное начало, то есть нарушена целостность текста, что также свидетельствует в пользу компилятивного характера гоимии (возможно, традиционное начало этого диалога было утрачено либо автор-компилятор искусственно убрал его с какой-либо целью).

Наконец, последняя из характерных черт в структуре драматической части энкомия (то есть в двух диалогах) – это порядок следования двух диалогов, который отмечается всеми исследователями гоимии Прокла: Прокл или компилятор проповеди поменял порядок частей, поставив диалог Марии с ангелом на второе место, в то время как в оригинальной драме он логически должен предшествовать диалогу Марии с Иосифом (собственно так же, как и в евангельском тексте и в других диалогических текстах гимнографии и проповедей).

Текст гоимии Прокла, сложный по структуре, не является единичным в византийской литературе: он имеет литературно-гимнографические параллели, поэтому можно говорить о том, что энкомий Прокла встроен в определенную литературную традицию. Одна из характерных черт этой традиции – синтетичность жанра гоимии, включающего в себя не только нарратив, повествовательный текст, например, рассказывающий о каком-либо событии из священной истории и интерпретирующий это событие в нравственном ключе. В жанр византийской гоимии входят также драматические элементы, то есть диалог двух персонажей, взятых обычно из евангельского текста.

The article includes analysis of Byzantine homily of the 7th century written by Proclus of Constantinople in the context of literary tradition of dramatic homilies. The main point is the structure and poetics of this homily and its connection with other homilies written by other authors.

Key words: *dramatic homily, dialogue, Proclus, acrostic, structure.*

Список литературы

1. Деяния Вселенских соборов. Т.1. – Казань: Центральная типография, 1910. 402 с.

2. Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX – XV вв. М.: «Наука», 1978. 288 с.
3. Grosdidier de Matons, J. Romanos le Melode et les origines de l'hymnographie Byzantine. Lille: Universite de Lille, 1974. XVIII; 760 p.
4. La Piana G.. Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina dale origini al secolo IX. Grottaferrata, 1919.
5. Leroy F.-J.. L'homelitique de Proclus de Constantinople. Traduction manuscrite, inédits, etudes connexes. Citta del Vaticano, 1967 (Studi e Testi, № 247). 397 p.

Об авторе

Волкова А.Г. - кандидат филологических наук, Калужская духовная семинария, кафедра исторических и церковно-практических дисциплин, volk8585@bk.ru

УДК 811.161.1'373

О КАЛАМБУРООБРАЗУЮЩЕМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНВЕРСИИ

О.Е. Вороничев

В статье рассматриваются собственно лингвистические механизмы реализации потенциалов хиазма в образовании каламбурных отрезков речи, квалифицируемые как лексико-грамматическая трансформация и инверсия компонентов словосочетания или предложения.

Ключевые слова: каламбур, трансформация, инверсия, семантика, лексико-грамматический, оппозиция.

Каламбурные отрезки речи, определяемые в классификации А.А. Терещенковой как каламбуры, в которых «используются комические потенциалы хиазма» [1, с.87–100], с учетом их лингвистической специфики могут быть разделены на два основных типа: лексико-грамматические трансформанты и лексико-грамматические инверсивы.

К лексико-грамматическим трансформантам следует отнести случаи возникновения контрастной каламбурной семантики при неравнозначной замене в именном субстантивном словосочетании (в том числе устойчивом) управляемого нарицательного или собственного существительного согласованным прилагательным: *вкус хрена – хреновый вкус, песня лебедя – лебединая песня, спутник Венеры – венерический спутник, витязь на распутье – распутный витязь, дела Славы – славные дела, страж порядка – порядочный страж, чистильщик суровья* (одна из профессий работников камвольного комбината) – *суровый чистильщик* и т.п.

Термин *лексико-грамматические инверсивы* целесообразно ввести для обобщающего наименования паронимических или парониматических каламбурных оппозиций синтаксически свободных и несвободных словосочетаний. Такие оппозиции возникают тогда, когда компоненты свободного или несвободного словосочетания подвергаются инверсии, метатезе синтаксических позиций и – нередко одновременно – тесно связанных с последними частеречных статусов разных (но не противоположных) по значению однокоренных слов или ЛЕ с созвучными корнями.

К паронимическим лексико-грамматическим инверсивам мы в первую очередь относим случаи своего рода лексико-синтаксической (и морфолого-синтаксической) паронимии, когда каламбур выражается *антиметатезой* – приемом, во 2-м из трех значений определенным В.П. Москвиным как «хиазм [2, с.804] с грамматически изменяющимися компонентами: *Беда иной литературы заключается в том, что мыслящие люди не пишут, а пишущие не мыслят* (П. Вяземский); *Я сжёг всё, чему поклонялся, / Поклонился всему, что сжигал* (И.С. Тургенев)». Синонимические термины: *контрапелетрия, антиметабола* [2, с.123–124]. При антиметатезе в словосочетании происходит позиционная взаимозамена частей речи, в которых сохраняются прежние корни: *реальная действительность – действительная реальность, старая мудрость – мудрая старость, временное тепло – теплое время; мужчины женятся, а женщины мужаются* (ср.: *Почему «мужественная женщина» – комплимент, а «женственный мужчина» – оскорбление?*), *Быть в глупом положении – неудобно, а в неудобном – глупо* (ср.: *Жить по-глупому – неумно, а по-умному – глупо* [Г. Симанович]), *Вечные проблемы – не совсем проблемы вечности, Всё действительное разумно, всё разумное действительно* [Гегель], *Не достигнув желаемого, они сделали вид, что желали достигнутого* [Мишель де Монтень], *Все желают быть близко знакомыми с талантом, но не все желают видеть талант в близком знакомом, Лучшие колымить на Гондурасе, чем гондурасить на Колыме* [Н. Фоменко], *Спасение знамени и знамение спасения* [анонс документального сериала «Битва за Днепр», телеканал «Звезда», 29.11.13] и т.п. Лексико-грамматической инверсии могут быть подвержены и свободные или несвободные словосочетания, состоящие из нарицательных ЛЕ (см. примеры выше), и составные собственные имена или прозвища: *Я думал: ты Страшила Мудрый, а ты Мудрила Страшный* [Ю. Стоянов, «Городок»]. Как показывают примеры, стилистическая лексико-синтаксическая паронимия обычно сопровождается лексико-синтаксической антонимией:

<i>С Клеоном кто сравняться смеет?</i>	<i>Он чопорен, он накрахмален,</i>
<i>Высок он, глуп он и здоров,</i>	<i>На разговор он туп и скуп,</i>
<i>Рог изобилия он от жены имеет</i>	<i>И глупо он официален,</i>
<i>И изобилие рогов.</i>	<i>И то ж официально глуп.</i>
(С.А. Неелов)	(П.А. Вяземский) [3, с.22, 44]

К парониматическим лексико-грамматическим инверсивам следует отнести аналогичные случаи частеречной

инверсии (ангиметазезы), принципиальное отличие которых от каламбурообразующих единиц первого типа в том, что в соотносимых речевых отрезках синтаксической и лексико-грамматической метазезе подвергаются разнокорневые подобозвучные знаменательные слова: *белая крупа – крупная белка, ровный мел – мелкий ров, ласковый Юра – юркая ласка* (зверёк), *толная Вера – верная Тома* и т.п.

В некоторых случаях инверсия органично сочетается с собственно каламбурным оппозитивным взаимодействием экспрессивно-семантических полей ЛЕ с тождественным или сходным планом выражения, например: *Мальёй не дурак... и дурак не мальёй* [4]; *Желаем вам море удачи и дачу у моря!* В первом примере инверсия синтаксических позиций «подлежащее→сказуемое» слов *мальёй* и *дурак* приводит к изменению частеречного статуса ЛЕ *мальёй* (сущ.→прилаг.), т.е. возникает типичная каламбурная оппозиция лексико-морфологических омонимов; во втором примере – шутовском пожелании – каламбурный эффект, обусловленный инверсией синтаксической позиции и изменением значения ЛЕ *море*, заметно усиливается имплицитной омофонией *удачи – у дачи*.

Такого рода оппозициями могут быть и неравноценные единицы, как, например, в следующих литературных анекдотах:

Племянник гр. Литты, кн. Владимир Голицын, спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Беровым? Вы граф Литта, а он литограф» [5, с.117].

Когда Карамзин был назначен историографом, он отправился к кому-то с визитом и сказал слуге: если меня не примут, то затиши меня. Когда слуга возвратился и сказал, что хозяина дома нет, Карамзин спросил его: «А записал ли ты меня?» – «Записал». – «Что же ты записал?» – «Карамзин, граф истории» [5, с.128].

Как видим, в том и другом случаях в лексико-грамматической инверсивной пареопозиции состоят слово как единица языка и словосочетание как единица речи; каламбурность основана на псевдоэтимологизации и псевдомотивации.

Возможно также одновременное инверсивное взаимодействие однокорневых и разнокорневых компонентов оппозитивных синтаксических конструкций, например:

На птицеферме слёт несушек проходил;

Противоречия до драки обострились.

Петух, охрипший в прениях, курил,

А куры всё сильнее петушились. [О. Вороничев];

Крепче за шофёрку держись, баран! [Н. Фоменко]; ср. с производящим прецедентным высказыванием – строкой *Крепче за баранку держись, шофёр!* популярной в 60-е гг. прошлого века «Песенки шофера» [слова Г. Никитинского, музыка К. Санторо] из кинофильма «Там, где кончается асфальт».

Для наименования такого рода оппозиций может быть использовано терминологическое сочетание *синкретичные лексико-грамматические инверсивы*.

Инверсия главного и зависимого компонентов словосочетания может не сопровождаться изменением их частеречного статуса, если перекрёстное оппозитивное лексико-грамматическое взаимодействие возникает между различными падежными формами имен существительных (или субстантивов). Чаще всего это перекрёстные оппозиции форм И. и Р. беспредложного или И. и Р. с предлогом: *герой Отечества – Отечество героя, сила красоты – красота силы* (о соревнованиях культуристов), *долг/честь человека – человек долга/чести*. Ср. с «афоризмом об афоризмах»: *Афоризмы – это философия мудрости и мудрость философии*. Ср. также: *Если конца света мы ждем уже две тысячи лет, то сколько же нам ждать света в конце тоннеля?*; *Пугают не трудности роста, а рост трудностей* [Б. Крутиер]; *Многое оставляет желать лучшего, но и лучшее оставляет желать многого* [Г. Малкин]; *Гламур – власть рекламы и реклама власти; Счастливы ли они, родители наших детей, дети наших родителей, братья наших сестер?* [М. Жванецкий]. В.А. Гиляровский использует такого рода инверсивы в меткой стихотворной шутке: *В России две напасти: внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти*.

Возможны и другие варианты оппозитивности падежных форм: *огонь в сердце – сердце в огне* (И./П.), *охота к чтению – чтение об охоте* (И./П. – Д./И.); *Муза венчает славу, а слава – музу* (← *Musa gloriam coronat, gloriaque musam* [6, с.469]); *Гламур – это секс, выраженный через деньги... Или, если угодно, деньги, выраженные через секс* [В. Пелевин, "Empire"V"]; *Бронза, отлитая в слове, переживает слово, отлитое в бронзе* [Сергей Федин] (И./В.); *У вас, как у канадских лесорубов: в лесу о бабах, с бабами о лесе* (П./Т.), *Мечта женщины – быть женщиной-мечтой, В честь Надежды Бабкиной новые духи назвали «Бабкина Надежда»* (Р./И.) и т.п. Такого рода инверсия возможна и в составе сложного словосочетания или предложения: *Природа отдыхает на детях гениев – Дети гениев отдыхают на природе; Вы любите «Дирол» без сахара, а я предпочитаю сахар без «Дирола»; Говори, что делаешь, делай, что говоришь; Любовь помогает убить время, время помогает убить любовь*.

Как и при псевдосинонимии или псевдоантонимии, в большинстве подобных случаев несмотря на сохранение лексико-грамматического статуса слова актуализируется его многозначность (в одной или каждой из инверсивных оппозиций), а иногда и омонимия. Например, в афоризме *Девушку из деревни вывезти можно, а вот деревню из девушки – никогда* сталкиваются разные значения слова *деревня*: узусальное – 'крестьянское селение' [7 СОШ 2003: 161] и окказиональное – 'низкий уровень образования и культуры'; ср.: *Мы вышли из пещер, но пещера еще не вышла из нас* [А. Регульский].

Инверсия существительных или других частей речи может не сопровождаться изменением их формально-морфологических значений: *Говори ложь, похожую на правду, но не правду, похожую на ложь; Живопись – это поэ-*

зия, которую видят, а поэзия – это живопись, которую слышат [Леонардо да Винчи]; Знание есть сила, сила есть знание [Ф. Бэкон]; Истинные слова не бывают приятны, приятные слова не бывают истинны [Лао-Цзы]; Когда мы счастливы, мы всегда добры; но когда мы добры, мы не всегда счастливы [О. Уайльд] и т.п. Поскольку в каждом из компонентов таких инверсивов не происходит существенных семантических изменений, у нас есть, очевидно, основания констатировать уже не лексико-грамматическую, а собственно грамматическую оппозитивность. Сравните: в пословице *Дурак не думает, что говорит, а умный не говорит, что думает* мы наблюдаем уже лексико-грамматическую инверсию, так как лексемы *говорит* и *думает* представлены в оппозитивных частях данного высказывания в разных контекстуальных ЛСВ: *(не) думает* – ‘(не) соображает, (не) понимает, не контролирует свою речь’ → *думает* – ‘мыслит’; *говорит* – ‘сообщает информацию’ → *(не) говорит* – ‘скрывает’.

Каламбурный эффект также может стать результатом комбинированного взаимодействия трансформации и инверсии в структуре сложного словосочетания: *новые русские бабки – бабки новых русских, отношение к рабочему халату – халатное отношение к работе*. Ср.: *Трудно сказать, кем или чем определяется в большей степени уровень современной массовой культуры: новыми русскими бабками или бабками новых русских* [О. Вороничев]; *Оказывается, братья наши меньше любят прикалываться не меньше нашего брата* (реклама юмористической программы о животных [телеканал «Перец», 14.01.2013]). Для наименования такого рода синкретичных каламбурообразующих оппозитивов может быть использован термин *лексико-грамматические трансинверсивы*.

При ближайшем рассмотрении таких случаев становится очевидным, что в каждом из них каламбурность основана прежде всего на узуальной или окказиональной многозначности или омонимии, т.е. первоэлементами каламбура в лексико-грамматических трансформантах и инверсивах, как и в других каламбурных отрезках речи, являются все те же ЛЕ с тождественным или сходным планом выражения. В таких соответствиях изменение синтаксической позиции обыгрываемых слов, сопровождаемое изменением частеречного статуса (сущ. → прилаг., сущ. → глагол и др.) или падежной формы, влечет за собой актуализацию окказионального переносного значения (*хреновый вкус* – это уже плохой вкус, а не вкус овоща хрена, *распутный витязь* – ‘разгульный, развратный’, а не ‘оказавшийся перед выбором’, т.е. *на распутье*) или окказионально-омонимической семантики корня. При омонимизации значения ее следствием обычно становится превращение корня производящего слова в квазикорень производного: напр., *халатное* (= небрежное и недобросовестное) *отношение* к чему-либо никак не связано с отношением (напр., бережным) к халату, а *спутник Венеры* (космическое тело) не имеет ничего общего с человеком, страдающим венерическим заболеванием. Характерный каламбурный контраст в таких речевых отрезках создается совершенно неожиданными этимологическими или псевдоэтимологическими семантическими параллелями между сходными в плане выражения различными формами одной или разных частей речи. Эти формы в соответствии с нашей общей классификацией ЛЕ с тождественным или сходным планом выражения должны быть отнесены к лексико-грамматическим паронимам (*лебедя – лебединая, тепло – тёплое, мужчины – мужаются*), лексико-грамматическим паронимам (белка – белая, крупа – крупная) или к грамматическим паронимам (*любовь – любви, новые – новых*), оппозиции которых в составе лексико-грамматических инверсивов становятся семантизированными.

К сказанному о каламбурных оппозициях свободных или несвободных словосочетаний и их трансформантов или инверсивов необходимо добавить, что эти противопоставления, как правило, являются эксплицитными.

In the given article are considered proper linguistic mechanisms of realization of chiasm's potentials in the formation of punning segments of speech defined as lexical grammatical transformation of wordcombination or sentence components.

Key words: *pun, transformation, inversion, semantics, lexical grammatical, opposite.*

Список литературы

1. Терещенкова А. А. Лингвосомиотическая природа каламбура (означающее каламбура): [на материале фр. яз.] // *Стилистический анализ художественного текста*. Смоленск: СГПИ, 1988. С. 87–100.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
3. Русские каламбуры / Сост., автор предисл. и примеч. А. Н. Зеленов. М.: Современник, 1988. 251 с.
4. Белянин В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
5. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / Сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина. М.: Худож. лит., 1990. 270 с.
6. Бабичев Н. Т. Словарь лагинских крылатых слов: 2500 единиц / Под ред. Я.М. Боровского. М.: Русский язык, 1982. 959 с.
7. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

Об авторе

Вороничев О.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, voonid@mail.ru

УДК 82-141.3

МОТИВ КАЗАЧЬЕГО БЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ТУРОВЕРОВА

К.Г. Иванов

В статье анализируется мотив казачьего быта в творчестве Н. Туроверова. Данный мотив рассматривается как доминантный в контексте различных мотивных инвариантов.

Ключевые слова: мотив, инвариант, доминантный мотив, мотив казачьего быта

Как бы ни был поэт привержен к воплощению вечных и возвышенных тем, в глубине души он всегда убежден: без бытовых деталей, без реалий обыденной жизни его творчество потеряет красочность, реалистичность осмысления и изображения жизни. Еще А.Ахмадова в своем стихотворении «Мне ни к чему одические рати...» (1940) отмечала: «Когда б вы знали из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда./ Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда/ Сердитый окрик, дегтя запах свежий/ Таинственная плесень на стене.../ И стих уже звучит, задорен, нежен/ На радость всем и мне» (1, с. 127). И действительно, за многими поэтами и писателями в сознании читателей закрепилось обозначение «бытовики» (особенно часто в этом контексте упоминались имена А.П.Чехова, Юрия Трифонова и др.). Однако само обращение к бытовой теме несколько не принижает значение творчества писателей, обратившихся к изображению «фламандского пестрого сора». Быт для подобных поэтов и писателей – всегда особая сфера жизни, особая грань испытания человека, поэтому вполне естественно, что обыденная жизнь часто у них переплетается с «бытием» и за обычные житейскими проблемами внезапно раскрываются болевые точки времени. Казачий быт – это вообще уникальная и специфическая среда. В нем переплетаются воинское, номадическое, христианское и философское отношение к жизни. Как отмечает исследователь быта казачества У.В.Володина в своей статье «Быт, культура и традиции казаков»: «Суровые условия жизни, соседство с воинственными племенами кочевников, иные постоянные опасности формировали своеобразный характер людей, готовых в любой момент дать отпор противнику, встать на защиту своих родных и близких, своих очагов» (2). Все отмеченное, несомненно, играло важную роль и для творчества Н. Туроверова. Поэт, как певец казачества, не мог пройти мимо бытовых реалий жизни, без которых невозможно понимание особенностей культуры донцов. Тема казачьего быта характерна для раннего творчества поэта и в полной мере отражает его миропонимание. Рассмотрим особенности бытописания в творчестве Николая Туроверова на примере его стихотворений.

Вокруг простор пустынный и безбрежный,

А тут шалаш, бакшевник – дед глухой (3, с.7).

Действие стихотворения происходит на бахче. Здесь и «запах дынь, настойчивый и нежный», запах, пропитывающий все вокруг, и протяжный и сухой скрип кузнечика, и вяло-тепловатый вкус арбуза. Образы данного стихотворения словно переполняют собой все пространство, густо «заселяя» его. Одной из характерных особенностей произведений Николая Туроверова и бытописательной лирики в частности, является то, что все действия, описываемые в стихотворениях, как правило, происходят вне дома, вне казачьей хаты. Это обусловлено особенностями казачьего быта и жизни казака-воина, постоянно оторванного от родного дома. Если и появляется в произведениях Туроверова мотив дома, мотив хозяйственной работы, то он обязательно связан с женским началом, как в стихотворении «Пустынно стало за гумном»:

С кадушкой огурцов хлопчет молодайка,

И слышен крик ее с соседнего двора (3, с.7).

Это стихотворение также типично для раннего творчества поэта. Повседневные бытовые зарисовки, дополняя друг друга, создают в нашем представлении образы повседневной жизни казачества:

Пустынно стало за гумном и голо.

Снопы в скирду сложили у плетня;

И запахом укропного рассола

Пропитан воздух солнечного дня.

Лишь воробьев, в пыли купаясь, стайка

Одна на улице. О, страдная пора! (3, с.7).

Образы в стихотворении статичны, строго упорядочены. Укропный рассол пропитывает запах дня. И хотя на дворе страда – за гумном пустынно и голо. Эта, на первый взгляд, несогласованность образов связана ни с чем иным как с мироощущением кочевника-номада, для которого не существует конечной обжитой точки, и относит нас во времена древней истории казачества с ее бескрайними кочевьями. Отсюда в стихотворениях Туроверова и общее ощущение пустынности. Не мог Туроверов пройти и мимо одного из неотъемлемых занятий казаков – рыбной ловли. Если мы посмотрим на особенности кухни Донских казаков, то увидим, что добрая половина блюд будут именно рыбными. Эта особенность жизни казачества, конечно же, связана с географическим расположением Войска Донского, с близостью Дона.

Закат окрасил облака

И лег в реке отсветом рыжим.

Плотва склевала червяка, –

Мой поплавок давно недвижим.
Струит в лицо степная тишь
Последний хмель благоуханий.
Гляжу на сохнувший камыш
И не мечтаю о сазане (3, с.8).

Специфика данного стихотворения в том, что для лирического героя рыбная ловля - не способ добычи пропитания, а возможность единения с природой. Герой не мечтает о сазане, он упоен струящейся в лицо хмельной степной тишью, он растворяется сознанием в окружающем мире. У Туроверова человек всегда является частью природы, частью природного мира. В стихотворении нет картин активного вмешательства человека в мир природы, не описывается упорный труд, к примеру, земледельца, нет описаний, как человек корежит, ранит землю плугом, наоборот, лирический герой соприроден. Человек здесь - созидатель, сопродолжатель природного начала мира. Его деятельность как будто становится одной из начальных вселенских стихий. Даже лень у Туроверова – не праздность, а особое состояние души, ее напряженная работа. Одно из интереснейших преломлений мотив рыбной ловли получает и в стихотворении «Кукан». Это стихотворение - из поздних произведений поэта (написано оно в 1954 году). И если стихотворение «Закат окрасил облака – легкое и невесомое, раннее произведение Туроверова, то «Кукан» вобрал в себя определенный жизненный опыт поэта.

«Разрозовевшийся восток,
Заветный час подходит ближе,
Заволновался поплавок,
Который был так неподвижен»(3, с.155).

Стихотворение, как и «Закат окрасил облака», открывается пейзажной зарисовкой. Если сравнить эти два стихотворения, то нельзя не отметить определенную лексическую схожесть первых четверостиший при противоположности действий. Если в первом стихотворении лирический герой даже «не мечтает о сазане» и его «поплавок давно недвижим», то в «Кукане» «заволновался поплавок, который был так неподвижен» (рыба клонула на приманку). Также следует отметить тот факт, что в первом стихотворении действие происходит на закате «закат окрасил облака», а во втором на рассвете «разрозовевшийся восток». И то и другое – лучшее время для рыбной ловли. Через эту деталь мы еще раз видим поэта, как большого мастера казачьего бытописания. Николай Туроверов использует в своем стихотворении довольно интересное выражение:

«Нельзя лещенка подсекать,
Когда клюет большая щука»(3, с.155).

Высказывание, используемое поэтом, явно афористично. Очевидно, можно сделать вывод о соотношении данного афоризма с известными русскими пословицами: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», и «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Обращает внимание то, что афоризм Н.Туроверова явно противоположен по смыслу русским пословицам. В нем отражен взгляд человека-охотника, удачливого добытчика. В то время как русские пословицы демонстрируют осторожность, выбор в пользу малого. Сопоставление данных пословиц позволяет почувствовать особый казачий менталитет.

Зарисовка, посвященная рыбной ловле, составляет большую часть стихотворения. Последние десять строк - это философские размышления писателя, напрямую связанные с описанием рыбной ловли. Лирический герой размышляет о том, что выпущенная на волю, рыба опять попадет на удочку:

«Не поведет ли поплавок
Уже наказанная рыба» (3, с.155-156).

Последнее четверостишие переводит бытовые размышления поэта в совершенно иную плоскость. В стихотворении проводится параллель между рыбой и воином, побывавшем на войне, который вновь мечтает о ратном поле.

«Вот так, побывшие в плену
Не сразу доверяют воле,
И пережившие войну
Опять твердят о ратном поле» (3, с.156).

Такого рода параллель между обычными жизненными реалиями и воинской службой отражает суть мироощущения казаков, которые в любой момент должны были оторваться от мирной жизни и вступить в бой с врагом.

Наряду с рыбной ловлей охота в жизни казака занимала особое место. Это был и способ к пропитанию семьи и рода, и постоянная тренировка в меткости и удали на время мира. Не успев достигнуть трехлетнего возраста, почти все казачата уже ездили верхом, а в пять лет учились стрелять: из пращи, из лука. По словам известного современного историка Дона А.В.Венкова, «Настоящий воин должен владеть любым оружием. Надо – тарелкой зарежет» (7, с.10). Лук у казаков – оружие особое, благородное. У казаков всегда особым шиком считалось виртуозное умение обращаться с ним, даже когда лук уже вышел из войскового употребления, уступив место ружью и карабину. Все казаки – охотники от Бога. Многие на пари с десяти шагов выстрелом могли посадить пулю в пулю. С малолетства их приучали к охотничьей науке. Во времена золотой орды охотились казаки с соколами, после 18-го века казаки-дворяне - с собаками, но всегда казак – на коне. Охота на конях являлась национальной охотой казаков. Именно конь – неотъемлемый атрибут казачьей жизни, как в быту, так и на войне, охоте.

Особое преломление мотив казачьей верховой охоты получил в поэтическом творчестве Николая Туроверова.

Сижу с утра я на коне,
Но лень слезать, чтоб подтянуть подпруги.
Борзой кобель, горбатый и муругий,
Рысит покорно рядом по стерне (3, с.8).

Стихотворение по смыслу разделяется на две части. Первая часть стихотворения – классическая казачья охотничья зарисовка. Восприятие мира происходит через казачьи реалии: «на коне», «подпруги», «муругий» (о масти собаки). Даже время ощущается героем по-казачьи: от точки, когда казак на коня сел, до времени, когда нужно подтянуть подпруги. В стихотворении поэтом активно используются зооморфные образы. И если конь только упоминается, то обязательный для охотничьей лирики Туроверова образ собаки воссоздан в деталях. Вся зарисовка пропитана казачьим мироощущением. Привычность действия и ощущение удобства героя рисует образ человека-кентавра, слитого с конем. Вокруг ничего лишнего – казак, конь, собака. Общее восприятие первой части своим безмятежным, дремотным и слегка ленивым настроением возвращает нас к стихотворению «Закаг окрасил облака». Эта безмятежность обусловлена размеренным устоявшимся позднеказачьим бытом. Но вот зарисовка обрывается, и уже из второй части мы понимаем, что эта охота – воспоминания лирического героя о былом, о том, что уже никогда не повторится. Лирический герой уходит памятью в прошлое и лишь в нем видит себя на охоте. Охота с собаками, как мы уже упоминали, – дворянская охота. «Облака и запах чабрецовый» – восприятие России, которую утратил герой. Эти образы придают переживаниям дополнительную остроту, и даже прошлая ленивая безмятежность воспринимается теперь остро и ярко. Восприятие воспоминаний передается через эпитет «остро». Воспоминания героя – воспоминания через призму гражданской войны, когда все привычное начинает приобретать другую ценность. Стихотворение проникнуто общим ощущением казачьего пути. Этот путь проходит из прошлого в настоящее, из воспоминаний в реальность, а день, который вспоминает лирический герой, – точка отсчета. Этот день для поэта своего рода прадень – он сродни дню сотворения мира (в данном случае казачьего мира лирического героя):

«Я знаю, этот день, не первый и не новый,
Собой не завершит в степи мой путь...
И вспомню после остро как-нибудь
И эти облака, и запах чабрецовый» (3, с.8).

Облака в контексте стихотворения – образ вечности. Важное значение имеет и мотив «запаха чабрецового». В России чабрец искони называли богородской или богородицкой травкой. В обычае было в день Успения Богородицы пучками ароматной травы украшать иконы с изображением Богоматери. Россия – дом Пресвятой Богородицы, а следовательно этот образ в стихотворении не случаен. «Запах чабрецовый» – Россия, которую утратил лирический герой. Также чабрец называли травой всех храбрецов, отсюда чабрецовый запах в степи символизирует собой образ казачества, как храброго степного воинства.

В стихотворении «Отец свой нож неспешно вынет» Туроверов создает впечатления молодого человека, еще только входящего в жизнь. Восприятие лирического героя очень остро реагирует на обыденные реалии казачьего быта и поэтому для него не просто «охотничий нож», а «охотничий огромный нож». За этим «грозным» действием отца следует совершенно безобидное бытовое действие – отец режет дыню. Однако перед нами не просто поглощение пищи, а именно ее вкушение. Этому способствует и то, что бакшевник долго выбирает дыню, и то, что лирический герой замечает:

«Течет по пальцам сладкий сок,
Он для меня охот всех слаще» (3, с.29).

В этих строках сок дыни для нас ассоциируется с божественным нектаром и не случайно он – в данный момент самое желаемое для лирического героя. Именно через поглощение пищи автор передает ощущение полноты, сладости жизни, поэтому здесь явно прослеживается намечающаяся параллель: сладкий сок дыни – вкушаемая сладость полнокровной жизни. Описанная сценка запечатлевает время отдыха, спокойствия, расслабленности, безмятежности. Детскость героя придает особенную юмористическую концовку стихотворению:

«Но как охотник настоящий,
Собаке лучший дам кусок» (3, с.29).

Герой дает собаке кусок дыни вместо мяса, мысля себя настоящим охотником-казаком. Еще в одном из «охотничьих» стихотворений «Пущу собак. И как дитя заплачет» запечатлено сознание казака-охотника, восходящее к древнему языческому сознанию. Поэт воплощает один из древнейших инстинктов человека – инстинкт homo-venator. Такие строки как: «Острием старинного кинжала», «О, мудрая охотничья наука»; дают нам увидеть в охоте сакральное действие, которое герой по неопытности нарушает. Старая седеющая сука и отцовский доезжачий Устин создают старый, неизменный образ казачьего мира. Им противопоставлен молодой неопытный герой, который своей горячностью нарушает старинные законы казачьей «охотничьей науки». Неслучайно Устин употребляет слово «расчет», упрекая лирического героя в безрассудности: «Опять паньч у вас расчету мало...» (3, с.9). Именно «расчет» составляет основу казачьей «охотничьей науки», умение исключить все лишнее, приносящее страдание животным и излишнюю жестокость в это действие. Ошибка героя заключается в том, что он спустил свору на одного зайца, когда по правилам требуется спускать одну собаку.

Особенность стихотворения «Собака» в том, что оно как бы написано от лица «густопсового пожилого кобеля» («Я – густопсовый пожилой кобель...») Данный прием весьма распространен в русской литературе, достаточно назвать повесть Л.Н.Толстого «Холстомер», представляющую собой рассказ мерина о своей жизни. В стихотворении

упоминается еще одно действующее лицо – хозяин собаки «охотник на покое». Кобель предрекает смерть герою. Именно в этом и содержится особый смысл стихотворения. Автор запечатлевает особую смерть – смерть охотника прочувствованную и предсказанную именно собакой:

«Хозяйская стояла смерть
В открытом поле за сараем» (3, с.182).

В стихотворении обыгрывается философская ситуация homo-venator, утратившего охотничье чутьё. И только собака чувствует, что он превращается в добычу – добычу смерти:

«Все говорят, что нет глупее нас,
Борзых. Пожалуйста, не верьте.
Никто не знает лучше нас
Незванный час хозяйской смерти» (3, с.182).

Стихотворение «Степь» делится на три части. В первых двух запечатлены противоположные ситуации. В начале стихотворения отражен образ лирического героя, отражающего полноту восприятия жизни, а во второй части лирический герой отлучен от охоты по малолетству:

«По малолетству за осенним зверем
Не пустит нас стареющий отец...» (3, с.127).

Первая часть стихотворения построена как изображение мира, полного «таинственных вещей». Лирический герой остро присматривается к окружающему, его привлекает в мире любая деталь, любая реалья заставляет его задышаться от восхищения и ощущать радость жизни. Сам лирический герой характеризует себя:

«А я был жаден, беспокоен, зорок...» (3, с.126).

Все названные три качества отражаются в характере изображения. Жадность героя трактуется как ощущение восторга от реалий казачьей жизни, от страны:

«И не было подобных ей собак,
И не было страны подобной этой,
Где б можно было задышаться так
От счастья и от солнечного света» (3, с.126).

Беспокойство героя связано с его стремлением принять участие во всех казачьих делах:

«В Донце ловил я голубых лещей,
И хищных щук, и сонных красноперок.
А в длинных буераках за Донцом,
Без промаха стреляя куропадок,
Я мог уже соперничать с отцом,
С охотниками быть запанибрата» (3, с.126).

Полная погруженность лирического героя в донской быт передается через строки: «Я забывал, что надо пить и есть...». Третья черта героя – зоркость отражается в восприятии мира в красках (голубые лещи, иносказательное описание цвета шерсти собаки - золотого, солнечный свет, сиянье степи и т.д.); в пространственном измерении (длинные буераки за Донцом, протяженная степь); в звуках (голос «тоскующего» кузнечика), а также метафорическая оценочность мира (хищные щуки, сонные красноперки, тоскующий кузнечик). За обычными бытовыми деталями лирический герой внезапно прозревает культурно-историческое. За привычной казачьей жизнью начинает проследиваться вся классическая мировая история – троянская война, древняя Греция:

«Собака верная со мной не разлучалась,
Ее в репьях всклокоченная шерсть
Руном мне драгоценнейшим казалась» (3, с.126).

Из второй части стихотворения словно исчезают краски, звуки, яркое восприятие, радостные чувства. Все это накладывается на ощущение наступающей осени. В стихотворении преобладает темная цветопись («черные скирды», «бушует ночь») или отсутствие красок: поэт не описывает цвет неба, замещая его эпитетом «печальный» («В печальном небе»). Этот эпитет полностью выражает мироощущение лирического героя и противостоит ощущению полноты жизни, выраженному в первой части стихотворения. Даже в описании шерсти собаки наблюдается снижающий эффект: если в первой части цвет шерсти уподоблен цвету руна, то во второй – он назван «рыжим» («мой рыжий пес»).

Природа также соответствует пессимистическому настроению лирического героя:

«И машет нам тревожными руками –
Зовет домой – полураздетый сад» (3, с.127)

Во второй части явления мира обнаруживаются в умирании, пустынности: («Под ветром тлеет медленный закат», «А дичи нет»), и мир теперь оценивается героем как «пустой», небо как «печальное», степь как «мертвая».

Казалось бы, такое восприятие окружающего обусловлено тем, что «По малолетству за осенним зверем/ Не пустит нас стареющий отец». Однако это поверхностное объяснение. Лирический герой понимает: главное в том «...что нашей воле подошел конец». На первый взгляд, это чувство сугубо индивидуально, но год написания стихотворения (1946) позволяет придать этой строчке обобщающе-философский смысл – казачество утрачивает свободу и обречено на умирание.

В третьей части стихотворения намечается синтез мотивов, выраженных в предыдущих частях. Лирический

герой малодетелен, однако это качество исполнено той полноты жизни, которая характеризовала ощущения героя из первой части стихотворения:

«Куда спешить, когда уверен в том,
Что этот день не может повториться» (3, с.128).

Простые казачьи реалии снова обретают для поэта свой сакральный смысл («Священный час еды, благословенный час», «блаженный покой»). Такое изменение в восприятии жизни связано с тем, что лирический герой внешне почувствовал божественную благодать в обычной жизни. Именно вера помогла ему по-новому прочувствовать мир, воспринять себя под дланью Бога, увидеть совершенство замысла Всевышнего в тварном мире: «Счастливым день, ниспосланный от Бога». В описании лирического героя воссоздается ощущение того, что божественный свет заливает весь мир. Неслучайно автор использует эпитет «чудесный», ассоциируя этот свет с чудом. Завершается стихотворение необычным образом: «Мир, одетый в голубое». Этот мифопоэтический образ выражает веру автора в то, что весь мир осиян божественной благодатью, и милосердие Божие не оставит казачество. Образом голубой казачьей степи завершается также стихотворение «Ах, Боже мой, жара какая»: «О, степь, от зноя голубая». Эта цветопись наиболее характерна для многих стихотворений Туроверова. Сам поэт постоянно выбирает и изображает в своих охотничьих стихотворениях жаркий солнечный день. Нам представляется немаловажным, что именно в этот момент для лирического героя проявляется максимальная насыщенность голубого цвета, подсвеченная яркой солнечностью дня. Лирический герой Туроверова всегда воспринимает голубое в своем огнецветном сиянии, поэтому голубой цвет для него всегда искрится, сверкает, сияет. В этом сиянии лирический герой ощущает божественную благодать. Стихотворение «Ах, Боже мой, жара какая» пронизано ощущением спокойствия, ленивой неги: «собака, будто неживая; спящий отец; знойная сухмень; жара; солнца нестерпимый свет; горячий день; отсутствие тени; маленькие деревца». Все описанное словно изнемогает от солнечной жары, ощущая жаркое спокойствие жаркой степи. Этому внешнему спокойствию противостоит внутреннее напряжение лирического героя, который имплицитно, независимо от сознания – «Запомню, сам того не зная/ И буду помнить до конца» (3, с.28) вбирает в себя профиль спящего отца на фоне голубой от зноя степи.

В стихотворении есть непосредственные реалии, связанные с охотничьей тематикой:

«И жаркий блеск его двустволки,
И желтой кожи патронташ,
И кровь, и перья перепелки,
Небрежно брошенной в ягдташ...» (3, с.28).

Однако эти реалии скорее этнографичны и второстепенны в созданной автором картине мира, исполненной философской мудрости и спокойствия. Чувство любви к казачеству, верности его традициям, описание казачьего мира подается в стихотворениях Туроверова через определенные детали, порой автобиографичные, близкие и понятные лирическому герою. Чаще всего это запах чабреца, жаркий, залитый солнцем день, образ отца, сладкий сок дыни, голубая цветопись и т.д.

В стихотворении «Уехал, уехал, уехал» отражается казачья мораль, казачье отношение к женщине. Как отмечал исследователь истории Дона Василий Дмитриевич Сухоруков: «Иной девице до самого замужества не удавалось сказать трех слов чужому мужчине. Старые Донцы находили грех в том, когда холостой мужчина свободно разговаривал с девушкой. "Не гляди в глаза мужчине" твердила бабушка своей внучке; "Бог не даст счастья"; и внучка должна была отворачиваться, или потуплять глаза в присутствии мужчин» (5, с.68). Поэтому в упомянутом стихотворении Н. Туроверов рисует страшное время, пришедшее для жалмерки. Автор совсем не рассказывает о любви, о радости, словно они «навсегда исчезли в вечерних снегах», как бросивший жалмерку казак. Детали портрета этой женщины: «лицо, побелевшее как мел; потемневшие глаза» передают ощущение утраты и одиночества. Автор высказывает прямое свое отношение, осуждая героиню стихотворения:

«Игрушка, казачья игрушка,-
Жалмерка – чужая жена» (3, с.52).

Стихотворение «Предки» композиционно четко делится на две части. В первой части описывается создание портрета-иконы казачки. В стихотворении подчеркивается автобиографическая связь героини с автором, который называет ее «прабабкой». Если в первой части стихотворения воссоздана автором портретная живопись, то во второй части автором воссоздана пейзажно-бытовая сторона жизни казачества, также во многом выдержанная в рамках жанровой живописи. Автор проводит параллели между своим стихотворением и картинами художников. В произведении упомянут Старочеркасский богомаз, который «старательно и чисто писал» смуглое лицо прабабки. В портрете старой казачки отражается воинская слава донской вольницы. В описании портрета упоминаются «цареградские мониста, с аметистами кольцо, шали бледные розаны, жемчужные подвески» как атрибуты «полуденной страны» (очевидно, неких восточных стран, кроме упомянутого Царьграда). Однако лирический герой упоминает, что эти сокровища «забыли полуденные страны», и они этнографически полностью вошли в быт казачьего народа. Упомянутые драгоценности придают величественность, царственность образу воссозданной казачки. Как писал донской исследователь Е. Савельев: «Старочеркасские матроны – тип красавиц, веками сложившийся, как естественный отбор, из пленных черкешенок и турчанок, – поражал своей миловидностью и привлекательностью» (6, с.354). Таким образом, в портрете «прабабки» писатель воссоздает идеал совершенной казачьей красоты. Причем каждая деталь облика этой женщины выдержана, проверена и запечатлена в веках, в нем нет ничего лишнего, случайного. После изображения такого рода парадного портрета, автор воссоздает картины простой незамысловатой казачьей жизни. В стихотворении

упоминаются самые обыденные привычные детали: телята, пасущиеся на площади, босоногие ребята, ведущие коней на водопой, мчащийся на жеребце казак и чернобровая казанка, глядящая ему вслед с крыльца. Стихотворение выдержано в основном в живописной манере. Лишь два раза воссоздан звуковой образ, который не может быть воссоздан красками: «к дождю кричали петухи», «собора скучный перезвон». В стихотворении воссоздается особый эффект казачьей жизни, в которой с царственностью и величием слиты воедино простота и обыденность.

Стихотворение «На солнце в мартовских садах» построено как зарисовка из жизни средневекового Черкаска. Данное произведение все проникнуто ощущением ожидания. Это и пробуждение природы после зимней спячки, и последний лед, идущий по реке, но самое главное – это ожидание казаков, которые должны приплыть из-под Азова с добычей. Интересно, что в стихотворении казачество еще не знает, как закончилась битва под Азовом, но ни старики, ни казачьи жены даже не допускают мысли о поражении. У всех жителей Черкаска настроение приподнятое. Они безоговорочно уверены, что казаки приплывут с победой. Этот приподнятый эмоциональный фон: вера в силу воинского духа и пробуждающейся после зимы природы и воссоздает тот неповторимый колорит жизни средневекового казачества.

В стихотворение «Куда ни помотришь - все наше» воссоздается ощущение казака – хозяина своей земли. Лирический герой, словно вдруг уставший от боев и походов, вдруг ощутил нежную привязанность к родному краю, земле. Его пространство в стихотворении ограничено мельницей, окрестностями станицы. Атрибуты, входящие в воинскую казачью жизнь: ветер, степь, они в этом стихотворении немного отчуждены от лирического героя. Он весь погружен в семейные радости: в запах хлеба; пшеничную струйку, стекающую под жернов. Домашний быт, дети, семья, размягчают персонажа стихотворения, он становится сентиментальным, о чем свидетельствуют последние строки стихотворения:

«Достанется хлебная крошка
Голодным друзьям – воробьям» (3, с.238).

Стихотворение целено в воссоздании мирного настроения казачества. Автор сосредоточен на обобщенном описании казачьего быта. В стихотворении рисуются домашние будни семьи, подобной семье Туроверова, на что указывает упоминание о Петрушке, любимом отцовском сынке. Как известно, у Туроверова был брат Александр – отцовский любимец. Стихотворение написано в 1941 году, и, конечно, Николай Туроверов хранит в памяти всю трагедию казачества: Первая мировая война, Гражданская война, расказачивание. И поэтому словно больная, утомленная память героя отдыхает в воспоминаниях о счастливых мирных мгновениях их семьи.

Роль коня в жизни казачества трудно недооценить. Практически во всех статьях, исследованиях ученые-этнографисты всегда упоминают о кентавре нашего времени – казаке. О неразрывной связи казака и коня говорят и многие казачьи пословицы: («Казак без коня, что воин без ружья»; «казак голоден, а конь его сыт»; «конь да ночь казак-товарищи»; «без коня казак кругом сирота») и другие.

В приведенном рассказе Н.Н.Туроверова «Казачий сказ о Суворове» описывается такой эпизод: казак-рассказчик, конь которого был убит в битве, называет его добрым товарищем: «Перекрестился я, попрощался с добрым товарищем мертвым конем...» (4, с.40).

Стихотворение Н.Н.Туроверова «Конь» начинается с эпиграфа, заключающего в себе наставление отца своему сыну и резюмирующего важность значения коня для казака. В начале стихотворения конь назван «верным другом», и казак встревожен тем, что его поведение отличается от привычного:

«Что, мой верный друг, не весел,
Что грустишь, моя краса?
Я в торбе тебе навесил
Золотистого овса.
Что не ешь его проворно
А, мотая головой,
Вкусно пахнувшие зерна
Рассыпаешь пред собой?
Иль меня ты, друг, не слышишь
И заветный сахарок
не берешь, а только дышишь
На протянутый кусок.
Не кусаешь в шутку руки,
Не балуешься со мной,-
Иль почуял день разлуки,
Мой товарищ дорогой?» (3, с.105-106).

Казака пугает, что его верный боевой товарищ предчувствует разлуку, то есть, в его понимании, прощание с хозяином и гибель. Однако на этом трагическое понимание происходящего и заканчивается. Во второй части стихотворения конь вдруг обретает голос. И если в первой части это обращение казака к коню, то вторая – это ответ коня казаку. Боевой товарищ упрекает своего хозяина в безнравственности:

«А потом, хвативши водки,
Зря вихляясь на бока,
Ты меня к чужой молодке

Гонишь вскачь от кабака» (3, с.106).

Беспутная жизнь героя стихотворения приводит и к тому, что он забывает и своего верного друга:

«Для меня давно не тайна,

Что сегодня ты принес

Лишь с похмелья и случайно

Этот сахар и овес.

Обо мне ты забываешь,

Подъезжая к кабаку, -

Одного меня бросаешь,

Кинув повод на луку;

Долго жду тебя на вьюге

У заснеженных перил, -

Сколько раз мои подруги

Отпустить ты позабыл...» (3, с.106).

Больше всего коня угнетает, что «смеется вся станица над тобой и надо мной». Верный друг обеспокоен тем, что разрушается героический ореол казачества, замещаясь карикатурным образом вздорного гуляки и бабника. За видимым шуточным поворотом темы ощущаются и трагические ноты Н.Туроверова, пишущего об утрате некоторой частью казачества древних традиций.

Как писал исследователь истории казачества Е.Савельев в своем труде «Древняя история казачества»: «Добыв зипуны за морем, казаки в обыденной жизни были просты и наивны, как дети, набожны, суеверны, в своем общежитии привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровством и делились между собой последней крохой хлеба, последним достоянием. Трусовость презирали и первейшими добродетелями считали целомудрие и храбрость» (6, с. 349-350).

В своих стихотворениях, посвященных быту казаков, Николай Туроверов также поэтизирует эти качества. Отметим, что для него также важным представляется мотив детскости, чистоты и искренности казака. В то же время поэт не приемлет зазнайства, пьянства, блуда, развязности, непослушания. Кроме того он считает, что казак и конь - едины. Конь для казака всегда был больше, чем просто животное, и казачья сила всегда основывалась на духе товарищества казака и его боевого друга.

Пространство бытовой лирики Н.Туроверова специфично тем, что оно по существу все является центром. В ней нет такой четко выделенной ограниченной точки как дом. Родной дом для лирического героя - это часть станицы. А та в свою очередь входит в пространство Донской земли: степи, буераки, Дон. Вхождение в этот мир лирического героя всегда смыслополагательно и функционально. Чаще всего оно связано с мотивом охоты. Охота и рыбная ловля - вхождение казака в привычный, знакомый природный мир, который для него естественен, обжит. И сам казак в нем является гармоничной, необходимой частью. Бытовые реалии, описанные Туроверовым, также не противопоставляются, а наоборот входят в природный мир, придавая ему дополнительные оттенки, краски, звуки.

In article the motive of the Cossack life in N. Turoverov's creativity is analyzed. This motive is considered as prepotent in the context of various the motivnykh of invariants.

Key words: *motive, invariant, prepotent motive, motive of the Cossack life*

Список литературы

1. Ахматова А. Сочинение в 2-х т. т. м., 1990, т. 1
2. Володина У.В. Быт, Культура и традиции казаков - Вестник астраханского казачьего войска. URL: http://www.vestnikfrv.ru/article.php?mode=view&site_id=46&own_menu_id=29575 (дата обращения 12.09.2014).
3. Туроверов Н. Бурей растревоженная степь!.. Сборник поэзии, прозы и публицистики. Библиография. Ростов-на-Дону, 2008.
4. Туроверов Н. Возвращается ветер на круги свои... М., 2010.
5. Сухоруков В.Д. Общежитие Донских казаков в XII и XIII столетиях. Н., 1892.
6. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2012.
7. Венков А.В. Гроза Кавказа. М., 2008

Об авторе

Иванов К.Г. - учитель русского языка и литературы Вильяминовской СОШ Карачевского района

УДК 82.091 – 4 Тургенев И.С.

ПРОСТРАНСТВО САДА В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»

Н.В. Иллоточкина

Статья посвящена анализу сада как усадебного и природного топоса в романе И. С. Тургенева «Рудин». Выявляются наиболее важные пространственные объекты, элементы, культурные знаки сада, которые рассматриваются с точки зрения их семантического наполнения в тексте, что позволяет более полно раскрыть художественный потенциал данного топоса в произведении.

Ключевые слова: сад, топос, природное и усадебное пространство, семантика, аллея, дорожка, беседка, флористические элементы.

Сад в романах И.С. Тургенева неоднократно становился объектом исследований разных ученых. Этому вопросу посвящены работы О.Б. Брагиной, Е.Е. Дмитриевой, В.А. Доманского, О.Б. Кафановой, К.И. Шарафадиной, В.Г. Щукина и др. В.Г. Щукин рассматривает сад как основополагающий топос дворянской усадьбы, в частности, европеизированных тургеневских «гнезд», с их исторической устремленностью к «прогрессу» и таким же историческим осознанием «потерянного рая» [16]. По мнению Е.Е. Дмитриевой, сад у Тургенева, как и других русских писателей, является «пространством любви» и тесно связан с мотивом русский человек на rendez-vous [6]. В.А. Доманский и О.Б. Кафанова интерпретируют сад как «элемент усадьбы», являющийся неотъемлемой частью структуры художественных текстов Тургенева, и выделяют следующие функции сада: культурно-историческая, эстетическая, психологическая, философско-онтологическая. Сад в романе «Рудин» трактуется учеными как «топос», в пространстве которого развивается любовный роман Натальи Ласунской и Дмитрия Рудина. Вслед за К.И. Шарафадиной [14], В.А. Доманский отмечает характеристическую функцию таких объектов сада, как деревья и кустарники, которые создают интимное пространство тургеневских персонажей. Любовную коллизию «Рудина», по мнению исследователя, определяют флористические образы яблони, дуба, сирени, а важными локусами в развитии любовного сюжета являются аллея серебристых тополей, сильные запахи после дождя, щебетанье птиц, сиреневая беседка, Авдюхин пруд, сосны, «засохший и погибший дубовый лес» [7]. О.Б. Кафанова обращает внимание на то, что в романе «сад образует топос, где роль катализатора любовной интриги играет слово, вербальное искусство» [9]. Помимо В.Г. Щукина, разработкой тургеневского сада в русле мифопоэтики занимается О.Б. Брагина, справедливо полагающая, что сад в романах Тургенева сохраняет свое ключевое мифологическое значение – «воплощение райского места на земле» [4].

Несмотря на повышенный научный интерес исследователей к теме тургеневского сада, считать ее полностью изученной вряд ли возможно. Цель данной статьи – доказать, что сад в «Рудине» – это и усадебный, и природный топос, а также выявить наиболее важные пространственные объекты, элементы, культурные знаки сада и определить их семантическое наполнение в тексте.

Сад в романе Тургенева выступает, прежде всего, неотъемлемой частью усадебного ансамбля, логическим продолжением дома. Именно архитектурой дома – «огромного, каменного, сооруженного по рисункам Растрелли» – задается планировка сада: «Сад у Дарьи Михайловны доходил до самой реки. В нем было много старых липовых аллей, золотисто-темных и душистых, с изумрудными просветами по концам, много беседок из акаций и сирени» [13, 217]. Одним из первых на «идеологическую» и «стилистическую» связь между домом и садом в русском усадебном искусстве обратил внимание Д.С. Лихачев [11]. В «Рудине» наполнение сада природно-планировочными объектами и элементами флоры и фауны свидетельствует об определённой культурной традиции, характерной для отечественного усадебно-паркового искусства: аллеи, дорожки, беседки, скамейки, архитектурные строения, ландшафтные виды и водоемы; липы, ясени, серебристые тополя, акации, сирень и т.д. Вместе с тем Тургенев как знаток усадебной архитектуры и культуры при создании в романе художественного образа усадебного сада тщательно отбирает такие детали, которые формируют его индивидуальный облик и неповторимую атмосферу.

Поскольку сад в «Рудине» отражает социальный уровень и «хороший вкус» (Д.С. Лихачев) владельца, то является средством характеристики, прежде всего, хозяйки усадьбы – Дарьи Михайловны Ласунской. Усадебный сад героини, о которой говорят, что «она знает всю Европу, да и Европа ее знает» [13, 208] и которая выдает себя за европейку, отвечает европейской традиции. На это указывает не только дом, построенный по проекту иностранного архитектора с использованием камня в качестве строительного материала, но и элементы регулярного сада – строгие аллеи, беседки, порядок. Отношения Дарьи Михайловны к саду тоже европейское – утилитарное. Сад для нее – всего лишь место для прогулок, а не пространство спокойного созерцания, эстетических волнений или озарения души. В свою очередь, прогулка по саду для героини – не более чем обязательный атрибут распорядка деревенской жизни: «Знаете ли что, messieurs et mesdames <...> пойдемте в сад... До обеда еще около часу осталось, а погода славная... Всё общество поднялось и отправилось в сад» [13, 217]. Далекая от переживания красоты природы, Дарья Михайловна предпочитает ей общество («– Природа... да... да, конечно... я ужасно её люблю; но знаете ли, Дмитрий Николаевич, и в деревне нельзя без людей»). Следовательно, сад в романе – это показатель бытового дворянского уклада, а также социального статуса, уровня культуры, эмоционального «самочувствования» владелицы усадьбы, средство раскрытия качеств ее личности.

Вместе с тем с помощью сада автор определить индивидуальные черты, психологический облик не только Дарьи Михайловны Ласунской, но и других персонажей романа. Как известно, основу большинства романов Тургенева составляет любовный сюжет. Разворачивается он, как правило, в усадебном саду, который является местом первых

свиданий, зарождения любовного чувства, объяснений героев и выполняет у писателя сразу две функции: характеристическую – отражает внутренний мир персонажей – и символическую – выступает сосредоточением красоты, любви, в основном первой любви (недаром тургеневский сад чаще всего весенний). В «Рудине» сад становится тем местом, в котором локализуются основные действия любовного сюжета. Особое значение приобретают передвижения героев по саду. Во время прогулок в саду происходят неспешные разговоры Натальи Ласунской с Волынцевым, Рудиным, в процессе которых совершаются движение сюжета, самораскрытие героев. Гуляя с Волынцевым, Наталья приходит в «самую глушь сада», «глухое и заросшее место», ассоциирующееся с закрытым, ограниченным пространством [12, 133], которое не располагает к полету мысли. Здесь немногословный Волынец пытается убедить Наталью в своей беспредельной преданности: «– Чтобы доставить вам малейшее удовольствие, вы знаете, я готов... я... и не на такие пустяки» [13, 218]. Любопытно, что *millede Boncourt* характеризует Волынцева как очаровательного молодого человека, но ненаходчивого в разговоре. По сути дела, «глухое» место становится средством раскрытия характера героя, в душе которого нет «игры и жизни», как и в глуши заросшего сада. «Глухое» место сада отражает также внутреннее состояние героини, символически указывая на отсутствие в её сердце ответного чувства к Волынцеву (сердце «глухо»). В отличие от Волынцева, у Рудина во время прогулок с Натальей по саду «слова... полились рекою» [13, 242]. По-иному строится и пространство сада. Наталья с Рудиным то идут по садовой *дорожке* («Наталье было сперва неловко идти рядом с Рудиным по одной дорожке...»), то встречаются на «длинной *аллее* серебристых тополей» [13, 263]. Пространственная протяженность *дорожки* и *аллеи* (длинная) знаменует собою общность интересов героев, продолжительность общений, во время которых происходит их постепенное узнавание друг друга. Совершенно очевидно, что «*глухому и заросшему месту*», «*глуши сада*» в тексте присущи негативные коннотации, а *садовой дорожке*, *длинной аллее* – позитивные коннотации: с ними связаны представления о молодости, душевной близости, надежде на счастье. Через данные пространственные локусы высвечиваются личностные особенности тургеневских героев, их внешняя и внутренняя подвижность.

Существенную нагрузку в романе Тургенева несут элементы флористического наполнения сада. В науке выделяют две группы флористических образов: цветочные и древесные. Многие исследователи считают, что в тургеневских романах они чаще всего выступают эмблемами-коррелятами образов тех или иных персонажей писателя [1]. По мнению А.А. Бельской, флористические образы в романах Тургенева, помимо «эстетической функции» (примета пейзажа, деталь усадебного сада или интерьера, женского туалета), выполняют «символическую функцию, которая возникает в результате высокой степени обобщения в тексте их или традиционных, или коннотативных смыслов» [3, 185]. В «Рудине» просматривается двойственное значение флористических образов сада. Соотносясь в тургеневском тексте со сферой бытовой конкретики, они выступают также знаками культуры, отягощенными символической нагрузкой. Такие флористические образы, как *тополь*, *ясень*, *сирень*, *акация*, *яблоня*, с одной стороны, являются традиционными атрибутами дворянского усадебного сада, с другой – раскрывают посредством своего символического значения авторские интенции.

Так, *тополиная аллея*, традиционно считается ассоциатом философского сада. В древних Афинах в рощах из *тополей* (наряду с платанами и маслинными деревьями) было принято, прогуливаясь, вести беседы на абстрактные темы [5, 422]. В романе Тургенева во время прогулки на *тополиной аллее* у Рудина и Натальи завязываются разговоры о поэзии, любви, цели жизни, призвании женщины. При несомненном интимном характере данные беседы имеют ярко выраженную философскую направленность, так как представляют отношение героев к жизненно важным вопросам (любовь, искусство, смысл жизни) и выявляют систему их ценностей. Следовательно, *аллея из тополей* у Тургенева в соответствии с древней традицией способствует созданию философского пространства сада и выполняет символическую функцию.

Похожую роль в тексте играет *ясень*. В саду под *ясенем* совершаются многократные встречи-беседы Рудина с Натальей. Известно, что *ясень* был популярен в садах периода романтизма, в которых сажали деревья с «разрезным» легким, трясущимся на ветру листом [11, 280]. За счет своей «перистой», резной листвы они образовывали легкую и сквозную тень и возникал эффект легкости, воздушности пространства, игры света и тени, порождающей ощущение движения, что характерно для романтического мировидения. В тургеневском романе в саду под *ясенем* происходит совместное внутреннее душевное движение Рудина в качестве проводника и Наталья – первопроходца в романтический мир германской поэзии, литературы, философии. Легкая и сквозная тень *ясени* в сочетании с чтением книг Гёте, Гофмана, Беттины, Новалиса, беседами о поэзии, литературе, философии сообщает встречам Натальи и Рудина романтическую направленность и способствует характеристике героев, сближающихся на основе общности духовных интересов: перед ними возникают «дивные образы», «светлые мысли», рождается «благородная радость великих ощущений», доходящая до «святой искры восторга» [13, 229]. В саду под *ясенем* образуется пространство таких высоких эмоций, которые, по словам В.Г. Белинского, являются отражением «таинственной почвы жизни души и сердца» [2, 219], что, в свою очередь, служит «намеком» на возможность дальнейшего совместного жизненного пути героев.

Наряду с атмосферой романтики, романтизма, философских бесед, литературных переживаний, с топом сада в романе связана любовная ситуация. Как и у многих русских писателей, у Тургенева пространство сада – это пространство любви. Недаром существенное значение в сюжете главных героев имеет образ *сирени*. Этот типичный для русских садов цветущий кустарник издревле в культуре разных народов несет в себе эмблематическое значение любви. Но значение «провозвестника весны» и «первой любви» *сирень* имеет только в европейской традиции [8]; на Востоке она символизирует грустное расставания влюбленных и вручается ими друг другу при расставании. Думается,

в «Рудине» активизируются оба символических значения *сирени*: она, с одной стороны, олицетворяет весну, первую любовь героини, с другой – неизбежную ее разлуку с возлюбленным. В *сиреновой* беседке («Постарайтесь быть около десяти часов возле террасы, в сиреновой беседке...») происходит объяснение в любви Натальи и Рудина; «– Наталья Алексеевна! – заговорил он трепетным шёпотом, – я хотел вас видеть <...> Я должен вам сказать, чего я не подозревал, чего я не сознавал даже сегодня утром: я люблю вас <...> Знайте же, – сказала она, – я буду ваша» [13, 269–270]. *Сирень* в этой сцене символизирует «первые волнения» любви. В то же время с помощью другого символического значения *сирени* – разлука – автор предсказывает обреченность усадебной любви героев, что полностью соотносится с тургеневской концепцией «трагической сущности любви». Помимо трагического значения любви («в ней всё тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает»), расставание Натальи и Рудина обусловлено различными типами их человеческой психологии. Не случайно в тексте эмблемами-коррелятами образов героев выступают разные флористические образы.

Описывая усадебную жизнь Натальи Ласунской, автор акцентирует внимание, что среди её занятий заметное место принадлежит прогулкам в саду, и в связи с образом героини дважды упоминает *акацию*. Она явно выполняет символическую функцию. Потаённый смысл *акаций*, которая считается «крайне выносливым и неприхотливым деревом», «употребляется как символ постоянства и неизменности», у масонов «используется как символ чистоты, бессмертия и святости», а в христианском искусстве является «символом души и бессмертия» [17, 29], раскрывается в контексте сюжета героини. Подобно *акациям*, Наталья – это «чистая» и «крайне выносливая» личность, «постоянная» в своем чувстве, готовая ради любви пойти против воли матери, а позже нашедшая в себе силы стойко перенести предательство Рудина.

Если *акация* символизирует твердость и стойкость характера Натальи Ласунской («страсти в ней сильные и характер тоже ой-ой!»), то коррелятом образа главного героя является *яблоня*. Впрочем, данный флорообраз не только характеризует Рудина, раскрывает своеобразие его личности, но и развивает в тексте всю свою символическую многозначность. Издревле *яблоня* считалась символом райского сада. Не вызывает сомнения, что в «Рудине» усадебный сад Ласунских несет в себе черты «усадебного рая», мифологическим прообразом которого является райский сад. На это в первую очередь указывает огражденность романного усадебного мира от остального пространства, наличие границы – естественного природного рубежа («Сад у Дарьи Михайловны доходил до самой реки»). Писатель сохраняет в тексте традиционную функцию усадебного сада как символа райского места на земле: «От него веяло свежестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человека отзывается сладким томлением тайного сочувствия и неопределенных желаний...» [13, 263]. Для Рудина и Натальи сад становится тем местом, в котором они освобождаются от мирской суеты, возвращаются в состояние первозданной душевной чистоты и умиротворения («Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия»; «Какие сладкие мгновения переживала Наталья <...> в саду...» и др.). Прогуливаясь по саду, тургеневские герои наслаждаются природой, отдыхают, ведут беседы, размышляют, влюбляются и т.д. Наконец, в саду Рудин и Наталья каждый по-своему вкушают плоды запретного «дерева познания добра и зла» [Быт.2:16]. На присутствие мифологического подтекста в романе указывает, в том числе *яблочное* дерево, прямо восходящее к библейской символике. Помимо этого, *яблоня* предстает у писателя эмблемой гения, о чём уже писали С.Б. Аюпова, О.Б. Брагина, В.А. Доманский и др. Не вызывает сомнения, что образ *яблони* тесно связан с первоначальным заглавием романа – «Гениальная натура». Как известно, Тургенев собирался воссоздать в образе Рудина гениальную личность, вобравшую в себя все передовые тенденции эпохи. В окончательном варианте Рудин, указывая Наталье на *яблоню* в саду, сломившуюся под тяжестью собственных плодов, произносит: «...она сломилась от тяжести и множества своих собственных плодов. Верная эмблема гения» [13, 249]. Может показаться, что Рудин, уподобляя *яблоню* «эмблеме гения», отступает от традиционной трактовки данного образа. Вместе с тем во многих древних культурах *яблоня* олицетворяет плодородие, изобилие, а гениальность предполагает, наряду с высокой искусностью, высокую плодотворность. В связи с этим особое значение в тургеневском тексте приобретают слова Натальи об *яблони*: «Она сломилась оттого, что у ней не было опоры...» [13, 249]. Тем самым писатель подводит читателя к мысли, что Рудин – это гениальная, но лишенная «подпоры» личность. *Сломившаяся яблоня* становится у Тургенева символом судьбы «гения», наделенного многими «плодами» – талантами, но не имеющего «подпоры» (фундамента, основания) и потому не вкусившего «плодов» дел своих. Как и другие флористические образы романа, *яблоня* является значительной деталью, которая не только связана с авторским восприятием сада как мифологического пространства, но и обладает дополнительными смыслами – участвует в развитии мотива гениальности без «крепкого начала» в контексте образа Дмитрия Рудина.

Как видно, в первом романе Тургенева сад – это и место, где разворачиваются события любовного сюжета, и образ, способствующий раскрытию авторского замысла. Наряду с культурно-исторической, эстетической, характеристической функциями, сад имеет мифологическое и символическое значение. Больше того, автор семантически обогащает данный образ. Наконец, одной из характерных черт тургеневского сада является то, что он предстает в романе и как усадебный, и как природный топос. Особенностью природного пространства сада становится то, что он включает в себя, помимо садовых локусов и микролокусов, земные, небесные, водные объекты, цвето-световые и звуковые элементы. Приведем несколько примеров.

Свидание Рудина с Натальей в сиреновой беседке сада предваряется описанием вечернего пейзажа: «В половине десятого Рудин уже был в беседке. В далекой и бледной глубине неба только что проступали звездочки; на западе еще алело – там и небосклон казался ясней и чище; полукруг луны блестел золотом сквозь черную сетку плакучей

березы. Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные мрачные громады. Ни один листок не шевелился; верхние ветки сиреней и акаций как будто прислушивались к чему-то и выпягивались в теплом воздухе <...> Кроток и тих был вечер; но сдержанный, страстный вздох чутился в этой тишине» [13, 269]. Этот пейзаж локализован в пространстве и организован авторской точкой зрения. При этом фиксированная позиция авторского описания соответствует восприятию природы находящимися в беседке героями. Пейзажная зарисовка, в которую вовлечены ландшафтные садовые элементы (деревья, кустарники), а также космические (небо, звезды, луна, воздух), создает не только фон действия, но и неповторимую романтическую атмосферу. Пейзаж наполнен романтическими деталями: *вечер, звезды, закат, луна, деревья-«угрюмые-великаны», ветки плакучей березы*, – которые сообщают природе характер таинственного и чудесного, но в целом она выполняет психологическую функцию – раскрывает мир зарождающихся чувств Натальи и Рудина. Особое значение в построении пространства приобретают цветовые и световые элементы. С.Е. Шаталов, исследуя цветовую палитру произведений Тургенева, отмечает важную роль в них свето-цветовых определений. По наблюдению ученого, у писателя, как правило, романтически настроенные герои обращают пристальное внимание на «игру света и тени, сумерки для них полны таинственной жизни, цвета оказываются своего рода знаками инобытия» и являются не столько фоном действия, сколько выражением романтического мировосприятия [15, 243-244]. В анализируемой сцене атмосферу загадочности создают цветовые полутона, световые блики и отсветы: «далекая и бледная глубина неба»; алеющий на западе небосклон; «проступающие звездочки»; «полукруг лунь», отливающий золотом сквозь «черную сетку березы»; «тысячи просветов»; «таинственная тень беседки»; слабый свет, падающий с ночного неба. Пейзажное описание дополняется выдержанными в той же тональности портретными характеристиками героев: прекрасное бледное, благородное, взволнованное лицо Натальи – освещенное луной лицо Рудина, с блуждающей улыбкой на губах. Доминантным мотивом здесь является *мотив тишины* – отсутствие звуков в природном мире, который как будто замирает в ожидании чего-то неизведанного и «сдержанный, страстный вздох» лишь *чудится*. Состояние природы отвечает внутреннему состоянию героев. Следует согласиться с Г.Б. Курляндской, что «воздействие внешней природной реальности, доступные героям благодаря их определенной настроенности, порождают психические реакции, которые в свою очередь отбрасываются на мир, преобразуя его и одухотворяя человеческими чувствами». «В данном случае, – пишет исследователь, – сама природа насыщается страстным вздохом, под покровом неподвижности и тишины она скрывает что-то томительно призывное и чудное. Так осуществляется взаимосвязь человека с природой: она отражается в нем и в свою очередь вбирает в себя субъективность человеческих ощущений» [10, 97]. Соответственно, *сад + сиреневая беседка + вечерний пейзаж + мотив тишины* формируют пространство влюбленных героев, которые сливаются с природой, а она отображает и в одно и то же время вбирает в себя их чувства и настроения. Нельзя не заметить при этом, что гармонию кроткого и тихого вечера нарушают *деревья*, которые в темноте не просто кажутся «угрюмыми великанами», с тысячью «просветов», но и образуют «сплошные мрачные громады», что невольно обращает к «серым остовам» других «громадных деревьев», которые «унылыми призраками» окружают Авдюхин пруд. Правда, если деревья в саду полны у писателя жизни («страстный вздох чутился»), то у Авдюхина пруда они – «призраки», т.е. мертвы.

Очевидно, что заброшенная усадьба у Авдюхина пруда («Тут же существовала усадьба. Она давным-давно исчезла»), где происходит последнее решающее свидание Натальи и Рудина, символизирует у писателя «утраченный рай» и предвещает гибель любви героев. Права О.Б. Кафанова, что если сад и парк как культурное пространство «словно аккумулируют поэзию надежд, влюбленности и окружающей красоты» [9, 158], то описание заброшенной усадьбы у Авдюхина пруда выступает своеобразным прологом краха интимно-личностных отношений героев. Значимыми у писателя являются как описание места их свидания, так и пейзажная зарисовка. Эпитеты, употребляемые автором при изображении места встречи героев: *заброшенное, нечистое, пустое, голое, глухое, мрачное*, – имеют негативную коннотацию. В свою очередь, пейзажная картина, наполненная деталями дикой, некультурной руками человека, существующей самой для себя природы (*дно оврага; узкая едва проторенная дорожка; поросль кустов; цепкий лотушник; почерневшая крапива; дряхлый давно засохший и вымерший дубовый лес*), а также атмосферными и космическими стихийными элементами (*сплошные тучи молочного цвета, покрывающие все небо; свистящий и взвизгивающий ветер*), обладает отрицательной семантикой и создает тревожное настроение. Мрачность и неприглядность места встречи героев усиливается сообщением о народной молве, связывающей со старым прудом страшное преступление, о котором напоминают *огромные сосны* [13, 277-278]. Пейзаж в сцене у Авдюхина пруда предвещает «что-то недоброе». Это и происходит между Рудиным, неспособным к любви и призывающим «покориться», и Натальей, нарекающей избранника «малодушным человеком» и понимающей, что он разрушил ее первую любовь и надежды на будущее. Представляется, что в основе противопоставления двух ключевых образов романа – мрачного пространства Авдюхина пруда и пространства сада как сосредоточения красоты, любви, поэзии – лежит концептуальная для писателя оппозиция ограниченности, тленности человека (и, соответственно, его любви, счастья) и безграничности, вечности природы.

Таким образом, сад в «Рудине» является одновременно мифологическим образом – воплощение земного рая – и ключевым усадебным и природным топосом. Тургеневские герои гуляют по дорожкам и аллеям сада, влюбляются, ведут беседы, в процессе которых происходит их самораскрытие и развитие сюжета. Посредством садовых архитектурных и природных элементов раскрываются особенности характера, личности, взаимоотношений романтических героев. Самостоятельную роль в тексте играют архитектура сада, его отдельные микролокусы (*дорожка, аллея, беседка*), флористические образы (*тополь, ясень, сирень, акция, яблоня*), ландшафтные и природные виды. Пространственные

садовые детали способствуют организации определенной атмосферы (философской, романтической, любовной), проецируют свое символическое значение на сюжет и мотивы романа, содействуют выявлению черт авторского миропонимания, что весьма актуально для изучения пространственной картины мира Тургенева.

The article is devoted to the analysis of a garden as a country estate topos and natural topos in I.S. Turgenev's novel "Rudin". The most important space objects, elements, cultural signs of a garden are revealed. They are studied from the point of view of their semantic content in the text and it helps to reveal the artistic potential of the given topos in the literary work.

Key words: garden, topos, natural space and country estate space, semantics, alley, path, summer house, floral elements.

Список литературы

1. Аюпова С.Б. Ономапозитика романа И.С. Тургенева «Рудин» (Дмитрий Рудин в системе других героев) // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии: научный журнал. Выпуск 6, филология. Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. – С. 12-23.
2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина Статья вторая // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VII.
3. Бельская А.А. Крест и роза в художественном пространстве «Отцов и детей» И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. № 1 (57). Орел изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. – С. 184-192.
4. Брагина О.Б. Мифопоэтическое значение образа сада в романах И.С. Тургенева («Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо») // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Вып.3. 17-26 сентября 2008 года. С.-Петербург – Орел – Москва – Орёл, 2008. –С. 137-143.
5. Вергунов А.П., Горохов В.А. Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М.: Культура, 1996. – 431 с.
6. Дмитриева Е. Русский человек на rendez-vous (усадебная любовь и ее литературное моделирование) // Солнечное сплетение: литературный журнал. №16-17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.plexus.org.il/texts/dmitrieva_russ.html.
7. Доманский В.А. Сюжет и метасюжет усадебных романов И. С. Тургенева // Спасский вестник. – Вып. 14. Тула: Гриф и К°, 2007. – С. 20-31; его же: Флористический код любовных коллизий прозы И.С. Тургенева // Спасский вестник. – Вып. 16. Тула: Гриф и К°, 2009. – С. 52-60.
8. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М. 1913. – 272 с.
9. Кафанова О.Б. Поэзия и философия сада в творчестве И.С. Тургенев. // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / Отв. ред. Генералова Н.П., Лукина В.А. СПб.: Альянс – Архео, 2009. – С. 112 – 130.
10. Курляндская Г.Б. Эстетический мир И. С. Тургенева. Орел, 1994. – 344 с.
11. Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1991. – 372 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: «АСТ» 2004. – 944 с.
13. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полн. Собр. Соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. С. Т. V. М.: Наука, 1980. – С. 197-322.
14. Шарафадина К.И. Обновление традиций флоропозитики в лирике А. Фета // Русская литература. 2005. № 2. СПб: Санкт-Петербургская издательская фирма Наука Российской академии наук. – С. 18-54.
15. Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И. С. Тургенева. М.: Просвещение, 1969. – 328 с.
16. Щукин В. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. – 608 с.
17. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель. АСТ. 2004. – 598 с.

Об авторе

Илюточкина Н.В. - соискатель кафедры «История русской литературы XI–XIX вв.» ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», ilunata@yandex.ru

УКД 821.161.3

МОТИВ БОЛЕЗНИ В ДЕВИЧЬИХ РУКОПИСНЫХ РАССКАЗАХ

Н.В. Кургузова

Специфической особенностью жанрового канона девичьего рукописного рассказа является использование мотива дарения фотографии, которая приобретает в тексте сюжетную и символическую функции.

Ключевые слова: девичий рукописный рассказ, жанровый канон, мотив.

Жанровый канон девичьего рукописного рассказа в большей степени ориентирован на сюжеты с трагическим финалом, включающем в себя смерть одного или обоих главных героев [1, 41]. Влюбленные гибнут в результате несчастного случая, от рук коварных соперников / соперниц, накладывают на себя руки или умирают от загадочной и неизлечимой болезни. Болезни преследуют главных героев девичьего рукописного рассказа с момента судьбоносной встречи со своей любовью и вплоть до момента безвременной кончины. В данной статье мы проследим специфику использования мотива болезни в девичьем рукописном рассказе.

Материалом нашего исследования являются сюжеты, опубликованные в книге «Рукописный девичий рассказ» / Сост. С.Б. Борисов. - М., ОГИ., 2002. Этот сборник включает в себя 124 текста, он состоит из трех разделов: «Рассказы без трагического исхода» - 30 сюжетов; «Рассказы с трагической гибелью одного героя» - 15 сюжетов; «Рассказы, завершающиеся гибелью обоих героев» - 26 сюжетов (всего 71 сюжет) [прим.1].

Мотив болезни представлен в 13 сюжетах, 27 вариантах, т.е. в наиболее репрезентативных сюжетах, зафиксированных в нескольких вариантах (I, 3 а, b; II, 31 а; II, 34; II 35 а, b; II, 36; II, 40; II, 42; III, 46 а,b,d,e; III, 47 а,b,e,d,c,f; III, 49а, b, c, e; III, 53; III, 52 а, b; III, 63).

Истоки традиционной для мировой литературы метафоры любовь-болезнь уходят в средневековую культуру. Е.Б. Смилянская отмечает, что вне зависимости от того, кто оказывался в подчинении любовной страсти - мужчина или женщина часто объяснение ей продолжали искать вне собственной души. «Чувственная любовь, отвергаемая в христианстве как одна из "губительных страстей", в традиционном сознании продолжала оставаться в подчинении адского, бесовского начала...» [2]. Одержимые страстью, чахнувшие от любви смертельно бледные, но с лихорадочным огнем в глазах, вошли и в русскую литературу: мы можем вспомнить умирающую от любви Екагерину Полозову, героиню романа Н. Чернышевского «Что делать?», героев повестей А. Толстого «Граф Калиостро» и «Упыри».

Традиция восприятия и изображения любовного чувства именно как некоего недуга, болезни характерна для девичьей субкультуры в целом. Так, Борисов приводит примеры распространенных в девичьих альбомах афоризмов, подчас имеющих ироничное звучание:

«Любовь – солома, сердце – жар. Одна минута и пожар» [1, 28].

«Любовь – это два дурака с повышенной температурой» [1, 28].

«Любовь – это канат, который черти тянут в ад» [1, 28].

Девичий рукописный рассказ полностью включен в девичью субкультуру, и действительно, эти тексты содержат примеры метафоры любовь-болезнь:

«В воскресенье я почти никуда не ходила. Мама забеспокоилась, решила, что болезнь вернулась. Укоряла за то, что вчера пошла на вечер. Если бы она знала, что это за болезнь!» (I, 14, с.113).

А вот, как выглядит «больной» со стороны:

«Я не могу от нее и слова добиться. Придет со школы и сразу уходит в свою комнату. Ходит все время, о чем-то думает, ночью во сне какие-то возгласы произносит. Утром плохо ест. Думала – больна, предложила в больницу сходить, а она ответила, что незачем и что она совершенно здорова» (III, 19, с.363).

Симптомами любовной болезни в девичьем рукописном рассказе являются лихорадка, бледность, жар, головокружение, нездоровый румянец, бессонница, потеря ориентации, неадекватное поведение.

«Андрей был бледный, глаза его большие, такие красивые, блестели лихорадочным огнем [Прим. 2]» (I, 2 а, с. 57).

«Шел за ней словно пьяный» (I, 2 а, с. 58).

«Инга едва коснулась губами его щеки, и тут же ее бросило в жар» (I, 2 b, с. 61).

«Он привлек ее к себе и поцеловал. Он хотел еще раз поцеловать, но она вырвалась и убежала. Девчонкам она ничего не сказала. У нее кружилась голова и горели щеки» (I, 2 с, с. 63).

«С того самого дня, когда я увидел тебя, я засыпаю и встаю с твоим именем. В техникуме я ничего и никого не вижу – перед глазами стоишь ты» (I, 29 а, с. 158 [Прим. 3]).

Метафора любовь-болезнь в мировой литературе далеко не оригинальная, но ведь и девичьи рукописные рассказы совсем не шедевры, более того они скорее близки фольклорным текстам, которым эта метафора тоже давно известна. От несчастливой, неразделенной любви девки и парни «чахнут» - этот мотив широко распространен в необрядовой лирике. Особенно интересны в данном контексте привороты, которые в целом основаны на метафоре любовь – огонь, но нельзя не признать, что для заговаривающего любовное чувство, страсть вовсе не метафора, а вполне определенное физиологическое состояние – «сухота», например:

«Стану я, раба Божья Марфа, благославясь, пойду перекретясь из дверей дверямы, из ворот в ворота. Пойду в чистое поле. На чистом поле стоит бойня. В бойне есть доска, на доске лежит тоска, тоска тоскует, сухота сухотует.

Так же бы тосковал раб божий Иван по рабе Божьей (такой-то), не мог не жить, не быть, не лежать, не спать, только на уми-разуми рабу Божью (имя назвать) держать. Пройди, тоска-кручина, по его ретивому серьцу, по его мыслям; дуну ему в серье, в печень, отныне во веки веков. Аминь» [3, 32].

Как видим, симптомы «сухоты» примерно совпадают с симптомами любовного чувства, которые встречаются в девичьем рукописном рассказе. Можно предположить, что, описывая любовное чувство героев, писательницы девичьих рукописных рассказов вовсе не демонстрируют свою творческую несостоятельность, но следуют традиционным народным и субкультурным представлениям о природе любви-болезни.

Сходные симптомы физического недомогания – забывье, скованность, потеря сознания, головокружение, опьянение, потеря ориентации – мы увидим в девичьем рукописном рассказе в сценах с описанием первого сексуального опыта героини (9 сюжетов и 12 вариантов). На натуралистичный характер имеют описания первого сексуального опыта в 4 сюжетах (5 вариантах), из них в двух текстах героиня испытывает «ужасную», «нечеловеческую» боль (I, 7, с.93; III, 9, с.339-340). Но подробное описание сексуальных сцен в целом нехарактерно для девичьего рукописного рассказа, читательницы и писательницы которых часто не имели никакого сексуального опыта. Поэтому в качестве типичных описаний секса мы можем привести следующий пример:

«Борис нежно обнял ее, как будто боясь ее сломать и, нагнувшись над ее чистым лицом, прошептал: «Ведь ты любишь меня?» - «Да». И больше она ничего не помнила» (III, 6 а, с.316).

Потеря сознания как бы «освобождает» героиню от ответственности, она не помнит, что с нею дальше было, «все как в тумане»: она не властна над собой, над своим телом, все происходит как бы против ее воли. В данном контексте любовной болезни девушка действительно теряет сознание в том смысле, что теряет способность разумно мыслить и поступать.

Следующая стадия любовной болезни – беременность, состояние еще менее знакомое для аудитории девичьего рукописного рассказа. Описание физического состояния героини во время беременности часто не имеет ничего общего с реальной беременностью. Единственное правдоподобное описание мы находим в сюжете «Неужели так возможно»:

«... через некоторое время Света стала замечать, что с ней происходит что то неладное, ее тошнило, часто кружилась голова, она очень быстро уставала. Когда Света поняла, что она беременна, она сразу решила сказать Игорю» (30).

Симптомом беременности в девичьем рукописном рассказе является тошнота, именно она заставляет беспечных героинь насторожиться и отправиться к врачу (II, 2 а, b). А в одном варианте сюжета таким настораживающим симптомом является расстройство желудка (I, 4 а, с.74-75). Однако чаще всего описание беременности ограничивается фразой «она заметила что-то неладное» (I, 4 b c d, с. 78, 82 и 85; I, 29 b, с. 176; II, 12, с. 223). «Что-то неладное» - универсальный емкий симптом, который заменяет все симптомы беременности.

Текстов, метафорически описывающих эмоциональное состояние влюбленных героев через физические симптомы, не так уж и много. Гораздо чаще мы сталкиваемся с сюжетами, в которых герои действительно заболевают или испытывают физические страдания в результате тяжелых травм. Борисов писал о трехчастной структуре девичьего рукописного рассказа, которая предполагает сюжетный элемент «проверки истинности чувства», т.е. некой экстремальной или неординарной ситуации с реальной угрозой жизни и здоровью, которая выявляет неизвестные доселе героям чувства. И в данном случае, Борисов имеет в виду ситуацию, в которой «оба героя разлучаются «в этом мире» или один из героев по какой-либо причине навсегда покидает «этот мир» [1, 40].

На наш взгляд, структура девичьего рукописного рассказа немного сложнее. Так, в сюжетах можно выделить два таких «испытания»: предварительное и финальное. Предварительное испытание действительно связано с некой угрозой жизни и здоровью героев (герой отбивает героиню у хулиганов, спасает ее из воды, тоскует во время ее болезни от разлуки и т.д.). Таким ключевым сюжетным эпизодом часто становится временная болезнь героя или героини или несчастный случай, который заканчивается пока благополучно. Благодаря этому моменту опасности герой / героиня понимают, что более не властны над собой.

«17 января. Сегодня Наташа не пришла в школу. Пусто было без нее.

18 января. Сегодня я ходил к Наташе в больницу. Как она похудела. Я хотел ей сказать, что люблю ее, но меня вызвала медсестра» (III, 4 с, с.312).

«Началась эпидемия гриппа. Заболел Олег. Он две недели лежал в больнице, и Ира приходила к нему под окно каждый день и долго стояла на морозе. Смотрела карими глазами на Олега и плакала» (II, 6, с. 209).

Иногда причиной внезапной болезни становится временная измена возлюбленного, героиня сильно переживает его ветреность и скоростижно заболевает:

«Сашка вырвалась и ушла. У парня пробудилось самолюбие. Он больше не подходил к Сашке. На следующий день Сашки в школе не было, она серьезно заболела. На вечере 8 Марта Сашки тоже не было. Она лежала в постели, вспоминала прошлое и тихо плакала в подушку, вспоминая мать» (I, 3 а, с.69).

«Она увидела, что навстречу к ней идут Эдик с Галей. Они о чем-то говорили. Наташа не знала, что ей делать. Эдик же при виде Наташи, протянул Гале руку и поцеловал ее. Наташа, пошатнувшись, упала в обморок. Очнувшись она в больнице» (III, 35 а, с.205).

Финальное же испытание любовного чувства всегда связано с трагической смертью одного из героев, причиной которой часто становится болезнь. В большинстве случаев сюжет включает в себя сцену трогательного прощания героев в больнице, когда, например, возлюбленный из последних сил пишет предсмертное письмо или произно-

сит слова прощания девушке, которая после этого безмерно грустит и часто также заболевает, умирает или кончает жизнь самоубийством.

Диагнозы смертельных болезней в сюжетах девичьих рукописных рассказов фигурируют довольно редко. Это могут быть реальные болезни (тиф – III 1 а, е; двустороннее воспаление легких – III, 4; III 7а; банальный грипп – II, б):

«Ночью у Веры поднялся жар. Вызвали врача. Вера не давала себя прослушать, но врач настоял на своем. Оказалось – двустороннее воспаление легких. Вера с каждым днем становилась все хуже. Она часто теряла сознание (...) Она лежала бледная (...)

... Вера говорила, чуть шевеля губами. Эдик не мог смотреть на нее без слез. А ночью Вере стало совсем плохо. Последнее, что она просила, - надеть на нее черное платье...» (III, 7 а, с. 329-330).

«Эдик провожал Олю, но она долго стояла и смотрела ему вслед. Почувствовала, что она озябла, пошла домой. В постели она долго не могла уснуть. Заснула только под утро. Утром она никак не могла встать. Поднялся сильный жар. Пришел доктор и сказал, что она заболела тифом» (III, 1 е, с. 256).

Также в девичьих рукописных рассказах мы можем встретить описание смерти героев от полученных травм, полученных в результате несчастного случая, который является устойчивым мотивом для данного жанра (см. [4]). Например, в сюжете «Помни обо мне» (III, 2) герой гибнет от ножевых ран, количество которых в разных вариантах сюжетов насчитывается от 5 (варианты а, б, е) до 8 (вариант ф). В сюжете «Марийка - богиня любви и красоты» героиня в результате прыжка со скалы получает «большую потерю крови, пролом черепа, переломы четырех ребер» (II, а, б), при этом на внешнем виде героини это никак не отражается – «только небольшая царапина на ее лице напоминала о случившемся» (II, 1 а).

Нельзя не отметить, что, несмотря на конкретный диагноз, «клиническая картина» имеет абстрактный характер – все те же уже знакомые нам жар, бледность, бессонница, потеря сознания. Встречаются девичьи рукописных рассказы и вовсе с загадочными диагнозами, например «опухоль в боку»:

«У нее была опухоль в боку, но чья-то нога прорвала ее. У Жени было истощение желудка. После того, как умерла у нее мать, ей нечего было есть. Денег у нее не было. Она нашла в шкафу сухари и питалась ими» (I, 3 б, с. 73).

В целом же писательницам и читательницам девичьих рукописных рассказов совсем неважен диагноз и точное описание симптомов болезни, гораздо важнее сам факт болезни, и чем она ужаснее, тем более рассказ соответствует канону.

«В то время, как Олег уехал, заболела Ира. Ее положили в больницу. У Иры было что-то с головой, и медицина была бессильна помочь девочке. Ирина это знала (...) И она начала писать, слезы капали на бумагу и нестерпимо болела голова» (II, 6, с.209)

«Ночью Вера заболела. Вызвали врача. У Веры обнаружили страшную болезнь. Надежды не было. Вере становилось все хуже и хуже...» (III, 7 б, с. 337).

Отдельного упоминания заслуживает рассказ «Желтый тюльпан», в котором героиня, вернувшись после долгой отлучки в родной город уже в качестве врача, обнаруживает в местной больнице брошенного ею когда-то парня:

«Это он! Он! Боже мой, он, те же волнистые волосы, те, но уже с заметной проседью, те же ресницы, глаза, губы. Вот только под глазами большие синие круги.

Я не знаю, долго ли я всматривалась (...) И вдруг поняла, что он слеп (...) Врач ответил, что он слеп. Это произошло от сильных волнений в его жизни не более двух дней» (II, 4, с.204).

Образ ослепшего и умирающего от горя героя мне кажется далеко не случайным. Возможно, он связан с культурой для девичьей субкультуры фигурой 60-70 годов двадцатого века Эдуардом Асадовым, ослепшим в результате ранения во время ВОВ, но бывшего неизменным певцом романтической любви. Его поэзией были наполнены все девичьи альбомы, и он, несомненно, был властителем умов современников.

Герой / героиня могут быть убиты злодеями-соперниками, но и в этом случае описание их смерти, несмотря на явный мелодрамагизм, имеют довольно условный характер. Чаще всего герои умирают от удара ножом в спину (весьма символично), или от множественных ножевых ранений. При этом умирающие герои говорят: «Что-то кольнуло меня в спину» (III, 3 е, с.299) и тут же на месте умирают.

В целом независимо от причины все герои девичьих рукописных рассказов умирают примерно одинаково. Из симптомов подступающей смерти можем отметить бледность, синеву (III, 1 в; III, 2 во всех вариантах), седину (III, 2 б), потерю сознания (III, 2 б, д), худобу (III, 1 а, е), жар (III, 1 д). Болезнь меняет прежде прекрасную внешность героев, и теперь они теряют свою красоту. Этот мотив может присутствовать в сюжете в кратком виде («Лена болела уже две недели, а ей становилось все хуже с каждым днем. Теперь она не была похожа на ту красивую Лену» III, 18, с. 361-362), но может быть развернут в большое описание:

«Я вошла и не узнала его. Он лежал бледный, как полотно, и на волосах седина. Я подошла к нему... Веки его дрогнули, он тяжело поднял их... Лицо его покрылось синим пятном. Он умирал...» (III, 2 б, с. 265-266).

При виде умершего возлюбленного / возлюбленной оставшаяся половина, прежде всего, теряет сознание. Это основной и неперемный способ выражения эмоционального потрясения. Особенно героини, оплакивая своих возлюбленных, в рамках одного сюжета теряют сознание множество раз, так что их тоже отвозят в больницу, а на похороны их сопровождают специально приставленные к ним медсестры.

«Она видела обгоревшее лицо Сергея, в ушах звенел его голос. Больше она ничего не помнила» (II, 3, с 201).

«На третий день после смерти Вити состоялись похороны. Ира в сопровождении врача и медсестры тоже была на похоронах. Ей там стало плохо, и ее увезли в больницу» (III, 8, с. 338).

И вообще все оставшееся на земле героине время она проводит в некоем измененном состоянии сознания, которое она описывает как «бессознательное», «была как пьяная», «была как полоумная». Болезненное состояние, в котором пребывают горюющие героини, в конечном итоге приводит их к самоубийству.

«Хоронили его через три дня. Все это время я ходила как бы в бессознательном состоянии» (III, 2 а, с. 261).

Горе тоже способно менять и внешний вид и физическое состояние героев, особенно девушек, которые также утрачивают свою красоту:

«Вскоре Лилька очнулась, вид у нее был совсем другой, белое платье было грязное, локоны свисали» (III, 21, с. 366).

«Его похоронили. Надя пришла туда чуть позже. Домой вернулась на половину седая, с больным сердцем. Часто теряла сознание, сильно похудела» (II, 10, с. 218).

Но как бы не были страшны герои в своей агонии, по смерти они тут же обретают свою первоначальную красоту, становятся «как живые» и, судя по состоянию горюющих возлюбленных, «живее всех живых». Любовная болезнь более не властна над ними, и они возвращаются в свое изначальное счастливое состояние покоя.

«Хоронили Веру в солнечный день, гроб стоял на стульях. Вера лежала, как живая. Платье на ней было голубое, как небо. В волосах букет черемухи» (III, 7 а, с. 330).

«Все рыдали. Ирина лежала и как будто бы хотела сказать: «Что вы плачете, не плачьте, мне здесь хорошо, вокруг цветы» (III, 6 б, с. 320).

Подверженность героев девичьего рукописного рассказа страшным болезням, травмам и несчастным случаям, разного рода физическим страданиям, на наш взгляд может быть связана и с общей для советских литературы и кинематографа традицией изображения «высокого героя», претерпевающего пытки, отдающего свою жизнь за идею, как это сделали Павка Корчагин, пионеры-герои, герои романа А. Фадеева «Молодая гвардия» и многие, многие другие.

Помимо пафоса сентименталистской идеи «встречи влюбленных в ином мире» в качестве причины трагедийного финала девичьего рукописного рассказа исследователи отмечают, что авторы текстов «убивают» своих героев, так как не знают, как дальше им продолжать повествование. Смерть героев становится самым простым способом закончить действие. Аргументом «за» считается частое отсутствие мотивированности сюжета девичьих рукописных рассказов, подробного описания болезни героев, причины смерти и т.д. Китанина отмечает в частности, что рассказы с сюжетом соращения привлекают читательниц исключительно эротическим переживанием, но так как рассказ должен чем-то заканчиваться, автор «отправляет героев в ЗАГС, в роддом, на кладбище или в Париж, лишь бы как-то отделаться от них» [5, 509].

На наш взгляд, причина, по которой в качестве финала авторы девичьих рукописных рассказов выбирают гибель, смерть от болезни или самоубийство героев, гораздо сложнее и лежит скорее в области возрастной и клинической психологии, а не литературоведения. Мы можем предположить, что герой / героиня заболевает еще и потому, что любовь-болезнь постепенно берет над ним верх, симптомы такой болезни со временем все более и более усиливаются и в конце концов, приводят к смерти. То есть перед нами не только набор фабульных клише «болезнь», «гибель», но и, прежде всего, неуклонная логика сюжета девичьего рукописного рассказа, который в изображении любовного чувства следует традиционным представлениям о любви как физиологическом болезненном состоянии.

A specific feature of the genre canon of a girlish handwriting story is the use of the motive of love sickness that gets story and symbolic functions in the text.

Key words: *girl's handwritten narrative genre canon, the specific imagery, motive.*

Примечания

1. Так как в сборнике нет сплошной нумерации, далее в ссылке на конкретный текст сборника первая римская цифра соответствует разделу сборника, вторая арабская цифра – номеру сюжета в разделе, лагинская буква – варианту сюжета.

2. Подчеркивания автора

3. Подчеркивания автора

4. См. варианты - I, 7, с.93; III, 6 б, с, с. 318 и 321; III, 9, с.339-340; III, 13, с.349.

5. См. варианты – I, 4 с, с. 82; I, 5, с. 89; I, 6 а, с.90; II, 2 а, в, с. 198 и 199; II, 12, с.223; III 6 б, с, с. 318 и 321).

Список литературы

1. Борисов С.Б. Любовный рассказ в ансамбле девичьего рассказа // Рукописный девичий рассказ: Сб. / Сост. С.Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. С. 19–49.

2. Смилянская Е.Б. "Любовь твоя раны мне великие дает..." (чувства и страсти по следственным материалам XVIII в.) // <http://www.ruthenia.ru/folklore/smilianskaya1.htm> (посещение - 13.10.2014).

3. Русские заговоры Карелии / Составитель Т.С. Курец. Петрозаводск, 2002.

4. Жаворонок С. И. Предисловие [к материалу «Девичьи любовные рукописные рассказы»] // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 185—193.

5. Китанина Т. А. Сюжетные традиции девичьего рукописного рассказа // Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. М., 2002. С. 504—519.

Об авторе

Кургузова Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, *marusia_nv@mail.ru*.

УДК 82:801.6

СВОЕОБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ В «ДЕРЕВЕНСКОМ» ПРОСТРАНСТВЕ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО (К ТИПОЛОГИИ ХАРАКТЕРА)

С.А. Ломакина

В статье рассматриваются культурные парадигмы в творчестве Глеба Успенского. Особое внимание уделяется типологии образов в очерковой прозе писателя конца XIX века, постижению простой мужицкой истины через анализ материальной и духовно-психологической сущности героев.

Многолетние наблюдения за жизнью крестьян позволили Успенскому говорить об ее глубоком этико-эстетическом содержании. Вырисовывая каждый тип, писатель пытается проникнуть за его природную оболочку, в его внутренний мир и определить тот жизненный стержень, который позволяет «мужику» не просто существовать, но и ощущать определенную гармонию с окружающей средой и даже испытывать некоторое чувство наслаждения от реальности. Этим стержнем является земледельческий труд, который создает для крестьянина строгие поведенческие рамки, нравственное равновесие.

Ключевые слова: Глеб Успенский, типология образов, характер, мировосприятие, парадигма.

Традиционное внимание к русскому человеку в литературе в разные периоды ее развития получало различное этико-эстетическое воплощение. Образ человека в реалистических литературных системах рубежа XIX – XX веков в результате научно-исследовательской рефлексии определяется как единство материальной и духовно-психологической сущности. На материальном уровне человек рассматривается как частица определенного реального мира и познается через бытовые, социальные и исторические связи, на духовно-психологическом предстает перед читателем как сложная структура, наполненная не всегда понятным философским, онтологическим или метафизическим смыслом.

Обращение Глеба Успенского в конце XIX века к очерковым жанрам неслучайно: он искал такую литературную форму, которая, не будучи стесненной жанровыми канонами, могла бы отражать меняющуюся действительность пореформенного периода. И именно очерк стал выражением искреннего интереса писателя к судьбе русского крестьянина. Его очерковая проза, вобравшая в себя все качества русского реализма, отличается своеобразным подходом к проблеме личности. В изображении характера он дает свое понимание русского человека, определяя его этические параметры и функции. Анализ произведений Успенского позволяет ярко выявить своеобразие поэтики писателя, те особенности повествовательной манеры, которые делали его художественно-документальные очерки востребованными в историко-литературной ситуации конца XIX века. В данной работе впервые в отечественном литературоведении поднимается проблема изображения русского мужика в очерках Г. Успенского в его типологическом своеобразии через культурную парадигму, под которой мы понимаем определенную модель образа жизни и способ мировосприятия данной эпохи. Жизненная культурная парадигма представляет собой эмоциональное состояние, систему ценностей конкретного человека, способ постановки и решения им смысло-жизненных задач. Эта сложная система позволяет через определенный взгляд на мир говорить о традициях и духовных связях между поколениями, определять мышление и поведения людей.

Начиная с 70-х годов XIX века, Успенский – в поисках «подлинной правды жизни» [1, 197], которые в итоге привели писателя к «источнику» этой жизни, к мужику, еще не изученному, порой непонятому, но уже завораживающему своей силой духа, глубиной веры и жаждой жизни, несмотря на тяжкий труд, угнетение и нищету.

Интерес писателя к культуре русского крестьянина вполне объясним, так как в конце XIX века крестьянство составляло большинство населения России, определяло уклад жизни. Переходя от одного поколения к другому, «деревенская» культура частично исчезала, иногда теряла свое значение, от многих традиций оставались искаженные формы, но и они по-прежнему играли важную роль, влияли на духовно-психологический мир крестьянина, который нередко объяснял свои поступки и действия народной мудростью: «Так делали наши отцы, так делаем и мы». Основопологающим принципом авторского видения в очерках Глеба Успенского стал «истинный образ мира» с его концептуальной идеей трудообраза и соборности. Деревенский мир писателя базируется на системе ценностно-эстетических установок, основой которых является общий уклад жизни, единый дух народа и особый строй сознания.

Понятие крестьянской культуры многообразно, так как включает в себя все стороны духовной и материальной жизни «деревенского» общества, «систему социальных норм, совокупность отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [4, 146]. Соблюдение традиций, настороженное отношение к новому отвечали потребностям самосохранения. Этико-эстетическая парадигма очерковой прозы Глеба Успенского опирается на христианскую антропологию. С метафизической точки зрения, основным трансцендентным фактором развития русского мужика является

ся заложенная в человеке способность к бесконечному поиску истины как нерушимой основе бытия, стремление к нравственной и социальной справедливости, к правде. Правда, по Успенскому, – это свет истины, обращенный к человеку и призывающий его жить как должно, жить праведно, жить по законам, сохраненным прародителями, жить свято. Правда – сложный и не всегда доступный процесс чувственного познания. Но мужика выделяет еще и глубокая Вера, без которой немислима жизнь во всех ее проявлениях. Недаром крестьянин Чериковского уезда Мартын Чернов, составляя в начале XX века «Памятку Православнаго русскаго крестьянина», отметил, что «ВѢра съ ея священными обрядами – саймый лучшій и вѢрный нашъ руководитель во всѢхъ добрыхъ дѢлахъ отъ колыбели до могилы. ВѢра наполняетъ сердца человѣческія радостью въ счастливое время, и въ ней мы находим утѢшеніе во время тяжелыхъ испытаній» [3, 34].

Рассказы-очерки Успенского находятся на стыке художественной и документальной литературы, обладают особыми средствами эстетического воздействия. Документальная хроника воссоздает в произведениях саму жизнь, которая при помощи слова преобразуется в художественный образ. Создавая своих персонажей, писатель использует знания о реальных людях, с которыми он общался, жизнь которых ему близка и понятна. За каждым образом человека в его произведениях стоят различные прототипы. Однако он не переносит их на страницы очерка, а творит новые, в той или иной степени вымышленные лица, в которых предстают не только черты и свойства изученных им людей, но и его понимание и оценка их поведения, тенденций развития, исторической судьбы людей подобного типа.

Обращаясь к образу мужика, писатель не показывает становление характера, личность в ее конфликтах с общественной средой, а описывает бытовое, гражданское, нравственное состояния жизни крестьянина. Очерковое пространство Успенского изначально социологично, это осознанная установка автора. Поэтому в художественно-документальных очерках писателя присутствует не только авторская рефлексия, но и конкретные факты и явления жизни, которые творчески типизированы, обобщены и эмоционально выделены. Создание различных типов мужика в культурном сознании конца XIX века, где народ осознал себя как аморфная масса, – открытие огромного значения, результат глубокого проникновения в процессы крестьянской жизни и художественного познания действительности. Автор обращается к тем образам, которые передают общественно значимое, симптоматическое не только для определенного времени, но и характеризующее социально-исторические условия существования крестьянства в России.

При рассмотрении очерковой прозы Успенского вырисовывается несколько типичных характеров: «истинный» мужик, «отходник», «возвращенец», «подстолничник», мужик-«большак», «пришелец» (переселенец), «выборный» крестьянин, «новый» и другие. Эта типология, обозначенная самим писателем, отражает то напряженное взаимодействие документального «подлинного» и художественно-вымышленного, что определило и структуру очеркового повествования, и смысловую перспективу, и характер рецепции его очерков. Он соединяет в одно художественное целое черты, замеченные в различных людях, и таким образом создает конкретный характер. Рассмотрим три типа «мужика» очерковой прозы Успенского.

«Истинный» крестьянин¹³ живет просто, без прикрас, обыкновенно. Основным стержнем его существования является постоянная работа, которая становится смыслом жизни, двигателем внешнего и внутреннего мира. «Земледельческий труд со всеми его разветвлениями, приспособлениями, случайностями поглощает и его мысль, сосредоточивает в себе почти всю его умственную и даже нравственную деятельность и даже как бы удовлетворяет нравственно» [2, 385]. У «истинного» крестьянина всегда есть объяснение любому событию – реальному или фантастическому. Он в любом труде, сложном и изнуряющем, видит не только красоту, но и «поэзию», которая помогает мужику выдержать непосильный труд, вытерпеть оскорбления и унижения начальства. Этическая устремленность данного типа напрямую связана с нравственным крестьянским мирозерцанием, соединяющим в себе органичное чувство природы и православную ментальность. Успенского в жизни такого мужика привлекает то, что «природа и мирозерцание человека, стоящего к ней лицом к лицу до поразительной прелести неразрывно слиты в одно поэтическое целое» [2, 418]. Именно эта нерушимая связь помогает крестьянину объяснить все факты и явления жизни как в своей деревне, так и в стране, и даже в мире, поэтому и война за пределами страны оправдана: «Славян нельзя не отбить, потому свой брэг... Осиновцы сторели, мы ведь помогали, с нами, что приключится – и осиновцы помогут...»; и война с чужими народами тоже имеет свое объяснение: «Афганцев бьют – потому беспокоят... Станут к тебе соседские ребята в огород лазить, капусту воровать – хочешь не хочешь, а должен взять палку, выгнать отсюда...» [2, 401]. Есть царь – хорошо, а то, кто будет следить за расшалившимися народами, недаром в каждой деревне и многодетной семье есть «большак», который руководит, направляет и по возможности помогает. Вера в такую миссию царя непреложна. Как сказано в «Памятке» Мартына Чернова, современника писателя: «Царь сливается съ народомъ во всехъ его скорбяхъ и радостяхъ, такъ и русскій народъ живетъ одной жизнью съ своимъ царемъ, разделяя съ Нимъ все, что волнуетъ Его сердце» [3, 35].

Только для «истинного» мужика характерна внутренняя стройность жизни, «такая стройность, в которой нечего ни прибавить, ни убавить» Благодаря этому, его жизнь наполнена «плотно, без прорех, без пустых мест» [2, 418].

Интересен образ мужика-«возвращенца» – крестьянина, вернувшегося в родную деревню со службы. Несмотря на то, что он жил в этой деревне, между ним и жителями (даже родными) выстраивается стена отчуждения. Причиной этого является потеря интереса к крестьянскому труду: во-первых, он отвык от сельской работы, а если служба была долгой, то и забыл ее особенности; во-вторых, чаще всего «возвращенец» страдал каким-то недугом и не в со-

¹³ См. Ломакина С.А. Тип истинного крестьянина в очерковой прозе Г. Успенского // Русское Подстепье и его историко-культурный ареал в литературе XIX – XX веков: сборник материалов по итогам научно-практической конференции (30 сентября – 1 октября 2011г.), посвященной памяти доцента С.В. Красновой. Серия «Библиотека культурного наследия Елецкого края». – Вып.9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012.

стоянии был справиться с физически тяжелой работой, и как результат – не мог трудиться как все члены семьи, даже подростки. С первых же дней появления в деревне он не только чувствует свою невостребованность, но и испытывает нередко ненависть со стороны родных. Заложённая с рождения любовь к родной земле и привязанность к отчуждённому дому не позволяют ему остаться после службы на чужбине, а побуждают его к действиям, позволяющим вернуться в обычный крестьянский мир, стать обычным крестьянином. Но, как правило, все его попытки не находят понимания и поддержки у окружающих, так как «дело это ему непривычное, не по характеру... Да и все это чувствовали» [2, 419] («Пастух»).

«Возвращенец» понимает причину отчуждения и недовольства земляков, так как знает с детства: кусок хлеба в крестьянском хозяйстве легко не дается. Он использует различные способы «самосодержания»: «выделяется» из семьи, нанимается на работу, которую «истинный» крестьянин не будет выполнять (пастухом), занимается попрошайничеством, уходит в монастырь на хлеба богомольцев. Но совесть не позволяет бывшему крестьянину жить на подачки, и пытается он хоть в чем-то быть полезным – за двадцать копеек водит богомольцев на колокольню, зная азы грамоты и умея «написать с ужаснейшими искажениями слов крестьянское письмо» [2, 418], берется учить крестьянских ребят за небольшую цену.

«Возвращенец», в отличие от «истинного» мужика, не планирует свою жизнь, а плывет по течению в ожидании случая, который изменит его плачевное существование. Но за ожиданием «счастливого случая» всегда лежит осознание сложившейся жизненной ситуации, понимание основ деревенского бытия. Нравственные устои, заложенные с рождения, всегда побуждают, помогают сделать правильный выбор, освобождают окружающих от нежелательных обязательств: «И все-таки Еремей ушел, несмотря на страстное желание остаться, несмотря на то, что ему было ужасно боязно идти неведомо куда. Ушел <...> в глубоком, чуть не до слез доходившем душевном расстройстве...» [2, 421]. Несмотря на то, что Еремей неоднократно совершает попытки влиться в какую-либо среду – крестьянскую, монастырскую, учительскую – он не может приспособиться к их образу жизни, потому что была прервана связь и с землей, как главным жизненным стержнем крестьянина, и с «мужицким» трудом, который является обязательным условием сосуществования в деревне. Человек должен работать, труд для крестьянина не необходимость, а условие выживания на земле. Он должен страдать, преодолевать трудности, стремиться к цели, иначе не научится чувствовать и сочувствовать, а без сочувствия он не сможет приобщиться к чувственному опыту других людей, огонь души угаснет. Это и произошло с Еремеем, поэтому и говорит о нем Иван Ермолаевич («Пастух»): «Слаб... Вот и выходит, что ему надо кое-как жить, перебиваться... случаем» [2, 421]. Жизненный итог такого крестьянина определен, и помочь ему выйти из этой ситуации никто не подвластен, потому что, во-первых, «он должен так жить, никто не в силах переделать его жизнь»; во-вторых, «он должен шататься по свету, работать случайную работу»; в-третьих, умрет он, когда «физические средства существования» будут «истощены до последнего предела» [2, 421].

Самым страшным с точки зрения морали в жизни «возвращенца» является то, что после его смерти «от него ничего не останется, ни даже воспоминания» [2, 422]. Крестьянское мировосприятие всегда расширяет круг явлений, объясняемых той или иной «дедовской» наукой, а если не хватает такой науки – мужик к своему объяснению подключает природу, ее повторяющиеся явления, приметы и даже необъяснимое сверхъестественное. Смерть «возвращенца» объясняется именно с позиций такой включенности человека в круговорот природы, так как «жизнь и смерть для человека, имеющего дело непосредственно с природой, слиты почти воедино» [2, 422]. Все умершее в природе служит для зарождения новой жизни или для продления уже существующей: «глядишь, нет дерева, а есть что-то другое, и не мертвое, а живое». Так и в семье: внуки и правнуки «безжалостно эксплуатируют» заботу и любовь бабушки или дедушки и «чем гуще и веселее этот человеческий "прутняк", тем меньше у старухи сил, тем ближе и смерть...» [2, 423]. Но «возвращенец» больше похож на отрубленный сук, который никогда не прирастет к старому месту и никогда не даст побега, так как отсутствует связь с центральным корнем – с семьей, ее переживаниями, страданиями, радостями и интересами: «Такая уж ему, стало быть, участь... Ведь не прирастет, – стало быть, волей-неволей, а валяйся при дороге... Такой предел» [2, 423].

Наблюдая за жизнью крестьян, Глеб Успенский выделяет тип «подстоличного мужика», крестьянина, почти отбившегося от земли, потерявшего к ней интерес. Для истинного жителя деревни он предстает как человек, испорченный цивилизацией, потерявший самого себя, а значит и свободу. Жизнь такого мужика обрывает веками строящуюся и трепетно оберегаемую нравственную основу, главный жизненный стержень; она становится «бессистемной», а это, по мнению писателя, обязательно приводит к безнравственности и последующему разрушению как крестьянского хозяйства, так и души самого крестьянина. Живет такой «мужицкою» не по уму и сердцу, а по приказу: «Что хочешь возьми, а чтоб было» [2, 363], который, с одной стороны, подталкивает к аморальным действиям, а с другой, – к сколачиванию капитала. «И все это, вся эта возня из-за случайного рубля глубоко противна крестьянской, аристократически крестьянской душе Ивана Ермолаевича. Пропасть, отделяющая воззрения Ивана Ермолаевича от воззрений "подстоличного" обывателя, неизмерима...» [2, 363] («Иван Ермолаевич»). Истинный мужик не может принять и понять «подстоличного», так как тот связан с нечистыми делами, совершает безнравственные поступки: «ублажает» столичных бар, поднимает цены на товар (малина дороже сена), строит свою жизнь не по совести, а «по прибыли», посвящая всего себя «погоне за рублем». Это неприемлемо для крестьянина, потому что «в погоне за рублем» не только «хозяйство забываешь», но и теряешь ту связь с прародителями и «вечными» традициями, которые составляют нравственный стержень каждого человека. Успенский в конце XIX века отмечал, что русского мужика испортили деньги, наличие которых привело к тому, что часть крестьян перестала производить свое хозяйство в надежде на возможность приобретения его за деньги у других. Поэтому и волнует Ивана Ермолаевича вопрос: а если

каждый понадеется на другого, что тогда будет с крестьянским хозяйством, кому оно будет нужно?

Сопоставление и анализ мировосприятия различных крестьянских типов наглядно демонстрируют тот факт, что художественная специфика образа-мужика в очерковой прозе не поддается однозначному истолкованию и целиком зависит от жанрового своеобразия произведений. Писатель в очерках рассказывает о русском мужике с трогательно глубокой мыслью и поразительной правдивостью: все, как есть, ничего не загушевивая, ничего не прибавляя. Автор отмечает, что, прежде чем рассуждать о крестьянине, его необходимо узнать, понять, что им движет и ради чего он живет. И Успенскому это удалось. Он показал, как крестьянин, перемещаясь в своем жизненном пространстве, несет в мир, в будущее свою традицию, свою Правду и Веру, нерушимые нравственные устои и оптимистический образ жизни. Изображая в очерках своеобразие обозначенных выше культурных парадигм в «деревенском» пространстве – этико-эстетической, нравственной, социально-бытовой – Глеб Успенский обосновал условие полноценного существования крестьянина – земледельческий труд, который не только дает человеку хлеб, обеспечивает его хозяйственное положение, но и создает для него строгие поведенческие рамки, нравственное равновесие. Писатель во многом предвосхитил проблему выживания крестьянских хозяйств, разрушение которых приведет не только к потере «деревенского мира», но и к утрате смысла жизни для каждого «мужика».

In the article are considered cultural paradigms in Gleb Uspensky's works. The special attention is given to typology of images in the prose essays of the writer of the end of the XIX century, and to comprehension of simple rustic truth through the analysis of psychological and spiritual essence of heroes.

Long-term observation of peasants' life allowed Uspensky to speak about its deep ethic and esthetic contents. Drawing every character, the writer tries get to the bottom of his natural cover, of his inner world and to define that life core which allows "man" not only to exist simply, but also to feel a certain harmony with environment and even to have some a feeling of pleasure from reality. This core is agricultural work which creates a strict behavioral norms, moral balance for the peasant.

Key words: Gleb Uspenskiy, typology of images, character, world-view, paradigm.

Список литературы

1. Аптекман, О.В. Страницы из скорбного листа Г.И. Успенского / О.В. Аптекман. (По личным наблюдениям и воспоминаниям.) / «Русское богатство». Сентябрь, 1909.
2. Успенский, Г.И. Избранное. Повести. Рассказы. Очерки / Г.И. Успенский. – М.: Художественная литература, 1953.
3. Чернов, М.Г. Памятка Православного русского крестьянина. О ВѢРѢ, ЦАРѢ и ОТЕЧЕСТВѢ / М.Г. Чернов. Чериков: тип. Губерн. Правл., 1907.
4. Философский энциклопедический словарь. – М., Изд-во полит. литер., 1983.

Об авторе

Ломакина С.А. - Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, samal66@yandex.ru

УДК 821.161.1

А.А. ШАХМАТОВ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

В.И. Макаров

В статье раскрываются личностные качества великого российского ученого: человеколюбие, уважение к личности,

Ключевые слова: вера, долг человека, личность, молодежь, наука, семья.

В истории восточнославянской филологии есть немало имен, чья жизнь явилась - превосходным/примером высокого служения науке, любви к отечеству, беззаветная и жертвенная любовь к молодой научной поросли, интеллектуальному будущему нашей родины. Среди них мы, филологи, с полным правом называем прежде всего имя «добротного гения ученых» Алексея Александровича Шахматова, отмечаемый нами в эти дни в этом году славный 150-летний юбилей которого позволяет нам еще и еще раз обратиться к лучшим чертам его личности и осмыслить непреходящую значимость для нашей науки его великих интеллектуальных достижений.

Жизненный путь Алексея Александровича – это стезя великолепных разносторонних творческих успехов, успешная реализация многочисленных личных и корпоративных планов, сердечное и щедрое стремление откликаться на важнейшие запросы современного ему общества. У биографа А.А.Шахматова создается впечатление, что ученый будто еще в детстве составил себе особую программу деятельности и неукоснительно следовал ей всю жизнь..

Формированию личности А.А. Шахматова как человека и ученого способствовал ряд обстоятельств, и прежде всего разносторонние культурные, гуманистические традиции семьи (да, собственно, всего шахматовского рода), ее высокие моральные качества, высокие интеллектуальные запросы и способности, а также глубокие эстетические интересы (прежде всего любовь к музыке, музыке классической и народной).

Хорватский ученый Вагрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич как-то в одном из писем Алексею Александровичу напомнил ему, что с Фортунатовым и Коршем познакомил его не кто иной как он, будучи еще гимназистом. Алексей испытывал истинное счастье от слов И.В. Ягича из его письма конца декабря 1881 г.: «Я утешаюсь тем, что мы

ведь скоро увидимся» [1]. А Ф.Ф.Форгунагов, ученый европейского масштаба, так не любивший печататься, человек, которому приезжали из всей Европы учиться, считали за честь с ним пообщаться как с ученым и не менее – как с человеком, и этот великий человек пишет всего лишь вчерашнему выпускнику Московского университета : «Вот уже более года, как мы расстались с Вами, а я все еще не могу привыкнуть к Вашему отсутствию» (ОР ГПБ, ф. 370, ед.хр.82).Поразительна была эта крепкая привязанность маститых ученых к юному российскому подростку! И вообще покоряет и восхищает высокая этика отношений и друг к другу и к ученикам своим этих выдающихся лично стей!

Но рядом с великими научными успехами в жизни этого обладавшего очень тонкой психикой человека, каким был А.А., постоянно вторгались изнуряющие и душу его, и его мозг беды, узко личные, семейные и беды столь дорогой ему университетской молодежи, и великая трагедия всего российского общества конца одного и начала другого века, - все принималось им очень близко к сердцу и, как червь, *подтачивало* его нервы... Поистине, «питие мое с плачем растворяхь».

Самые ранние годы Алексея и его двух сестер (старшей Евгении, обладавшей несомненными литературными способностями, и младшей – Ольги, имевшей очевидное музыкальное дарование),- эти первые годы жизни в атмосфере взаимной любви, родительской заботы, поэзии, музыки, были прекрасны, безмятежны и на всю жизнь определили их интересы. Но, как это часто бывает в жизни, неожиданная жестокая беда настигла их очень рано: Алексею было всего шесть лет, когда от туберкулеза в тридцатилетнем возрасте скончалась их мама, а всего через полгода умер и отец, честный, высоко ценимый губернский прокурор, так любивший свою нелегкую работу, а главное - еще больше любивший *семью*. ,Е.А. Масальская оставила всем нам в наследство много содержательные воспоминания [2].Любовь А.А. к жене и постоянные хлопоты о ней, нервной, болезненной, испытывавшей тяжкое состояние из-за мучительной болезни зоба, из-за чего часто приходилось возить ее к европейским врачам во Францию, Германию, Швейцарию; любовь к детям, усиленная, несомненно, еще и воспоминаниями о раннем собственном сиротстве, была поистине безграничной.

Видимо, именно ранней смертью родителей объясняются его удивительные по трагичности слова, адресованные своим саратовским тете и дяде (взявшим в свое время троих осиротевших детей на воспитание) в день его двенадцатилетия : «Как коротка человеческая жизнь!- писал мальчик.- Может статься, что я прожил уже половину своей жизни!. И что же, ничто в моей жизни не достойно похвалы». И это при том, что к этому времени этим мальчиком уже написано немало небольших статей и огромное сочинение об истории Руси XIII – XV вв. в трех частях, на более чем трехстах страницах.

Неимоверной трагедией А.А.Шахматова и его жены Наталии Александровны (урожденной Градовской, дочери известного петербургского профессора истории А.Д. Градовского) стала болезнь (туберкулезный менингит) их прикованного в течение 12 лет (1898 -1910) к постели сына Сашеньки и его неминуемая смерть. Сколько мужества нужно было иметь этому с детства, по словам старшей сестры, мнительному, « мягко чувствующему» человеку (речь идет об Алексее Александровиче), чтобы каждый день видеть это мучающееся, беспомощное свое родное дитя и еще пытаться вселять всем домашним надежду на его выздоровление и хорошо понимать при этом, что надежда-то эта так жестоко мала... Да еще в это время дотошно изучать тысячи памятников письменности, исследовать две сотни летописных текстов, чтобы восстановить облик самого древнего, исходного из них, писать и редактировать книги, статьи, писать сотни писем и отвечать на них, составлять, как правило, множество рецензий на всевозможные научные сочинения, создавать в одиночку неимоверно трудный словарь - тезаурус и почти ни с кем (кроме ближайших старших учителей и друзей – Ф.Ф.Форгунатова, И.В. Ягича и Ф.Е.Корша), иметь силы не заводить речи об этой страшной трагедии, не пожаловаться на судьбу, чтобы хоть как-то утишить боль... Вот один из фрагментов дневника А.А. за16 июля 1901 г. «Саша наш все плох, хотя вырос и цветет, но сидеть не может и сознания настоящего нет. Страшно подумать...» (РГАЛИ, ф.318, оп.1. ед.хр. 91).

А.А.Шахматов (как и вся семья родителей и его собственная) был «неисправимым» альтруистом. Завершив обучение в Московском университете, оставленный для преподавания и для приготовления к профессорскому званию, то есть хорошо понимая, что карьера его будет обеспечена, молодой, талантливый человек вскоре напроць бросает все это и уезжает в родную Вязовскую волость Саратовской губ. земским начальником, питая надежду, что непременно сможет помочь бедному крестьянству в эти голодные годы, когда, к тому же, здесь собирала свою обильную жертву пришедшая с Каспия коварная и жестокая холера. Узнав об этом решении молодого друга, И.В. Ягич в Берлине всполошился, тотчас же написал письма попечителю Московского учебного округа графу Капнисту, министру народного просвещения графу Делянову с убедительной и настойчивой просьбой всеми силами остановить отъезд выдающегося молодого ученого Шахматова. Из их канцелярий шли письма беглецу, в них обещались золотые горы, очень хорошая зарплата, но молодой земский остался непреклонен и уехал в родное село. В Губаревке у него какое-то время гостил норвежский славист, превосходный исследователь русского и украинского языков и их говоров Олаф Брок (Broch)[3], о котором А.А.Шахматов в 1897..г. в рецензии на его труд скажет как об «успевшем заслужить почетную известность своими трудами по малорусскому языку» [4, с. 214]. Впоследствии Олаф Брок вспоминал: А.А. всячески стремился смягчить нравы крестьян, обращал внимание на народное образование, освещал мужикам выгоды этого образования и предлагал лично покрывать большую часть издержек, которых требовало образование (вспомним, что в 1897 г. грамотность в России составляла всего-навсего 25 %).А.А. тушил пожары, разбирали многочисленные конфликты, хлопотал о поливе здесь почти всегда засушливых земель, смело бросался сам тушить пожары, боролся с падежом скота... В такие минуты его невидимая фигура как бы вырастала ... Бабы являлись к Шахматову: у кого корзинка с яйцами, у кого – уточка под рукой. Он протестовал до слез, объяснял обязанности должност-

ного лица, а народу - подobaющее понимание своего права и достоинства. Он стремился смягчать нравы и отношения между крестьянами» (там же. ф.846, ед.хр. 13, л. 3). Зная, как много пришлось перенести молодому человеку в этой должности лишь за первый год земства, Ф.Ф.Фортунатов писал ему в письме 16 января 1892 г.: «Этот один год надо считать, конечно, по крайней мере за три нормальных года. . .». Хорошо знавший Шахматова непреременный секретарь РАН С.Ф.Ольденбург вспоминал, что Шахматов по духу был не городской, а сельский человек. Он выработал в себе четкий взгляд на закон и законность и не разделял глубоко засевшего в каждом из нас *русско* отношение к закону, то есть представления, что закон создается только для того, чтобы его обходили. Неуважение к закону, считал ученый, – один из самых пагубных видов нашей общественной лжи, который рождает неустойчивость жизненных отношений людей [5, с.67-68].

От 6 июня 1901 г. в дневнике Шахматова мы находим запись – в связи с его 37-м днем рождения. «Вчера мне минуло 37 лет. Я не люблю своего прошлого: много тяжелых воспоминаний. Я теперь иной человек, чем был десять лет тому назад, но приходится расплачиваться, хотя бы в мыслях, в совести со всеми теми ошибками и несообразностями, которые я наделал, например, во время моей общественной деятельности в 1891- 1894 гг. Право, если бы я стал описывать свое прошлое, мой дневник превратился бы в сплошной стон, в настоящую щемящую скорбь» (там же).

В предреволюционное время, когда страсти в студенческой среде и в столицах, и на периферии накалялись и правительство не находило иных путей утихомирить студентов, как исключать их из учебных заведений и бросать в тюрьмы, А.А.Шахматов (вообще - то не разделявший революционных устремлений в обществе и со студенческой скамьи старавшийся быть подальше от политики) стремился в меру своих сил и даже сверх меры способствовать смягчению участи многих студентов. Он содействовал талантливым ее представителям и в учебе, и в пробе научного пера. В одной из публикаций мы рассказали об оплате А.А.Шахматовым за обучение ряда студентов СПб. университета в связи их безденежьем и угрозой быть отчисленными из вуза за неуплату за обучение за несколько недель до окончания курса). При этом Шахматов просил ректора университета не разглашать имя внесшего в кассу необходимую сумму [6]. К слову сказать, Шахматовы - родители и другие многочисленные родственники вовсе не принадлежали к числу богачей, как и впоследствии семья самого Алексея Александровича.

В 1914 г. Шахматов хлопотал об арестованных студентах: «прямо-таки выдающемся студенте Валке; исключенном из Духовной Академии Дмитрие Ивановиче Абрамовиче, оставшемся без средств к существованию составителе ученого описания Софийской библиотеки, «очень ценном человеке для науки», которого, как писал А.А. Ф.Е. Коршу, «надо поддержать и сохранить для науки»(Архив РАН, ф.558, оп. 4, ед.хр.366. л.343 об.); о Павле Матвеевиче Евдокимове, студенте филологического ф-та СПб. университета, брошенного в Петропавловскую крепость якобы за участие в деле братьев Яковлевых, пытавшихся покуситься на жизнь царя, затем высланного за границу. Впрочем, там Евдокимов изучил библиотечное и музейное дело, прослушал курс философского факультета Парижского университета. Молодой человек владел украинским, белорусским, сербским, польским, немецким, французским, лагинским, древнегреческим языками Он был находкой для Шахматова : с таким багажом знаний языков как не заниматься бы лингвистикой, да еще под руководством такого великого учителя! В июле 1914 г. Евдокимов вернулся в Россию для сдачи экстерном государственных экзаменов. В советское время он станет работником просвещения. Будет изучать севернорусские говоры, на кафедре Ленинградского университета преподавать лагинский язык (Архив СПб. педуниверситета, дело № 554).

Н.Н. Дурново 25 февраля 1914 г. писал А.А.Шахматову о том, что в Харьковском университете профессор А.Л.Погодин и компания выступили против молодого ученого Л.А. Булаховского из-за его неславянского происхождения и на магистерском экзамене по славянским языкам устроили ему «распекание» по мелочам. Дурново спросил Шахматова, не мог бы Булаховский сдавать экзамен в СПб. университете (ПФА РАН, ф.134, оп.3, ед.хр. 488, л. 75). А.А. не только сразу же решил эту проблему, пригласив соискателя в Петербург, где он вскоре сдал экзамен блестяще, но даже просил молодого человека взять 2-3 часа в неделю вести занятия по русскому языку. Кем стал впоследствии этот, по словам Дурново, «человек, удивительно горячо преданный науке и прекрасно подготовленный», мы все хорошо знаем – академиком, директором Института языкознания АН Украины, автором целого ряда работ по истории русского литературного языка. В начале XX века настроение А.А.Шахматова было в основном пессимистическое. «Все мы под впечатлением взятия Порт-Артура», - писал А.А. Ф.Е.Коршу 31 декабря 1904 г.- И как отвратительно себя чувствуешь: я, например, испытываю какую-то приниженность и подавленность. . . Неужели Россия идет к гибели?..А не ждут ли нас разные политические осложнения, в случае если война затянется?» (Архив РАН. ф.558, оп.4, ед.хр. 365, л.228-228 об). Ровно через год в очередном письме к Ф.Е. Коршу опять печаль: « Занятия идут вяло. Слишком сильны и тяжелы впечатления от всего окружающего. Наступление реакции совершенно несомненно. А впереди общее разорение и банкротство» (там же: л. 257). В письме ему же от 13 февраля 1911г.: «Я в самом удрученном состоянии, забросил даже занятия. . .Революционным комитетам я отвожу второстепенную роль, растущую, однако, соразмерно с преступною деятельностью правительства и преступным бездействием университетских властей. Для меня ясно, что эти власти не сделали ничего для успокоения студентов, не противостояли против ввода полиции в декабре, ссылки студентов без суда в отдаленные места. . .В пору бежать из университета, но не в виде протеста против Столыпина и Кассо, а для того, чтобы в качестве члена Совета не быть ответственным (морально) за преступное бездействие, повлекшее за собой несчастье для многих десятков юношей. Среди них отличные студенты. . .(там же: л.397 об.).«Какая у нас замечательная молодежь!».- писал Шахматов Ф.Е. Коршу в другом письме.

А.А. хорошо осознавал созидательную силу филологической науки как средства не только образования, но и

воспитания общества, В письме от 26 июня 1916г. В.Н. Перетцу в Киев он, сообщая о своих успехах в разработке синтаксических вопросов, заметил: «Сколько человеку предстоит еще работы в благодарных областях гуманитарных наук!» (РГАЛИ, ф. 1277, оп.1, ед.хр.91, л. 25). К сожалению, наше современное общество почти перестало понимать ценность и «благодарность» гуманитарных наук.

А.А. много сил отдавал повышению авторитета АН и ОРЯС в обществе, сохранению их жизнеспособности. В очень откровенной переписке с Ф.Е. Коршем он то и дело печалился о неудачах, провалах и радовался успехам своего учреждения. Одно из добрых дел, за которое взялось ОРЯС по настоянию учительства России в 1903 г., было осуществление реформы орфографии, устранение из алфавита абсолютно ненужных букв (в частности, ъ, ѓ) с целью облегчения школьникам овладения грамотностью. Реакция в стане консерваторов была резко отрицательная. «Ясно видно, что сочувствия реформе гораздо меньше, чем противников, и при том ярых, бессмысленных...», - раздражился А.А. (Архив РАН, ф. 558, оп.4, ед.хр.365, л.218). Даже Президент АН в.к. К.К. Романов, светлейшая голова, превосходный поэт, исследователь истории текста «Гамлета, и он советовал подождать с реформой. Но Шахматов раздражил в очередной раз А.И.Соболевский, известный лингвист, великолепный историк русского языка, в печати в резкой форме также выступивший против реформы орфографии. В 1910 г. Шахматов был возмущен еще одной «выходкой» А.И.Соболевского, который на этот раз обрушился на ОРЯС из-за доклада по вопросу об украинском языке. «По характеру своему, - признавался А.А., - я предпочел бы обойти письмо Соболевского молчанием, но разум и совесть подсказывают другое» (там же, л. 362). Считая необходимым выразить в печати протест Соболевскому, Шахматов, тем не менее, советует выразить этот протест « в мягкой форме». «Боюсь, как бы Соболевский, разобидевшись, не бросил бы Академию» (там же, л. 366).

Особо важную страницу общественной деятельности академика Шахматова, направленной на коренное улучшение ситуации в стране в начале XX века составила его участие в работе Государственного Совета и Государственной Думы, куда он был избран от ученой курии России. Однако и здесь он не испытал ничего, кроме раздражения и ощущения своей бесполезности. 14 марта 1905 г. в письме к Коршу академик писал: «Вы правы – положение наше в Государственном Совете ложно... Впечатление от Государственного Совета я вынес удручающее. Вчера я был в первый раз в Думе. Вряд ли Дума соберется еще раз» (там же: л. 264).

А.А. Шахматов, как правило, был составителем многих демократических проектов, ходатайств и ответов АН и ОРЯС, в которых защищались права личности, права научных учреждений, права ученых. Нельзя без волнения читать написанное ученым большое письмо к Президенту АН по поводу «Записки 342 ученых» (в январе 1905 г.), документа, раскрывающего суть недемократического управления страной и высшей школой России начала XX века, документа, требующего привлечения к управлению страной представителей всего народа и контроля за деятельностью администрации, освобождения учебных заведений от тлетворного влияния политики. Президент АН в письме к Шахматову обвинил лично его и его коллег в нарушении нравственного закона. Однако с таким упреком Шахматов никак не мог согласиться. «Мною, - писал академик, - не нарушен нравственный закон, который обязывает человека говорить правду... Я не нарушил и того нравственного закона, который призывает человека к миру и согласию... Занятия мои в узкой специальности языка и древностей не оправдают тех мыслей, которые я выскажу. Но их оправдывает неотъемлемое ни от кого право любить свою родину и радеть об ее интересах» (ПФА РАН, ф.134, оп.1, ед.хр. 404 - 403, лл.3 - 4 об.).

21 января 1905 г. Комитетом министров было принято Положение, по которому Академия наук обязана была давать научные отзывы на политически вредные и определенные к уничтожению труды ученых. К числу таких «вредных» книг правительство отнесло, в частности, книги Д.Л. Мордовцева «Накануне реформы», С.А. Венгерова «Журналисты сороковых годов», 1-й том «Истории французской революции» Луи Блана в русском переводе М.А. Антоновича, произведения Л.Н. Толстого на религиозную тему и др. Такой натиск правительства вынудил академика Шахматова в ответном письме в Комитет министров решительно протестовать против этих намерений: «Уничтожение книги, - писал ученый, - это такого рода насилие над проявлением человеческой мысли, которое с точки зрения научной, то есть той единственной точки зрения, с которой может судить о книге ученая комиссия, не может быть оправдано. Уничтожить произведение духовно - умственной деятельности человека, сжечь книгу научного или литературного содержания есть преступление против науки, ибо всякое такое сочинение представляет объект научного исследования, беспристрастный суд над которым принадлежит не нам, современникам, а нашим потомкам» [ПФА РАН, ф.134, оп.1, ед.хр. 248, л.2 об.].

1905 год, как известно, оказался очень трудным и для А.А.Шахматова, и для всей России. Но ученого поддерживала вера в российский народ. «Одно, что меня подбодряет и утешает - это вера в наш народ и нашу интеллигенцию. У меня было мало этой веры. Но последние события, мне кажется, свидетельствуют о неиспользованной духовной мощи народа. И такой народ не трудно будет воспитать в правильных понятиях» (РО ИРЛ, ф. 62, оп.3, ед.хр. 518, л.75).

Еще в середине XIX в. А.А. Потёбня, используя эзопов язык, писал как будто чисто теоретически о том, что вражда к письменности на известном наречии распространяется и на существование самого этого наречия, на его жизнь в устах людей, потому что письменность есть естественное развитие этой жизни» [7, с. 76]. В 60-е годы XIX в. как раз было принято постановление о запрете использования украинского языка в официальных сферах общества, о недопущении образования на этом языке для украинцев.

А. Шахматов боролся не только за уважение прав и свобод отдельной личности, но и целых народов: сербского, украинского, других народов. В ПФА РАН хранится текст статьи Шахматова «О государственных задачах русско-

го народа и о разрешении национальных проблем народностей России» (ф. 134, ед.хр.9). В условиях царской России ему и его сподвижникам (Коршу, Фортунатову, Лаппо-Данилевскому и др.) пришлось в условиях оголтелого противодействия властей и отдельных реакционеров бороться за отмену стеснений украинского печатного слова, за что его и Ф.Е. Корша газеты не единожды клеймили, обвиняя их в «украинофильстве», и это (естественная любовь к братскому украинскому народу, украинскому языку, богатой украинской национальной культуре) звучало как жестокое обвинение, как, якобы, предательство учеными интересов России. «Украинская партия имеет в России друзей, защитников и покровителей из среды ученого мира», - писал в 1912 г. некто С.Н.Щеголев, называя фамилии этих «покровителей: Корша, Шахматова, Багалея, Крымского и др. [8, с. 433]. Между тем А.А. Шахматов активно занимался подбором украинской молодежи для занятий украинской филологией «Нет ли у Вас в университет студента, занимающегося или способного заниматься малорусским языком?» - спрашивал академик 8 октября 1902 г. киевского профессора Т.Д. Флоринского. - Я с большим удовольствием вступил бы с ним в сношения. Малорусский язык – совсем невзрачная нива. Она сильно нуждается в добросовестных и научно подготовленных работниках» (ОР ЦНБУ, д. III. № 21585). Академик вел с Флоринским переписку также о студентах Киевского университета Лободы, Тимченко и др. В письме к В.Н. Перетцу в Киев 17 июля 1910 г. он не только сожалел о том, что украинский ученый отказывается принять участие в «Украинской энциклопедии» (в окончательном виде этот труд получил название «Украинский народ в его прошлом и настоящем»), хотя многие украинцы «смотрят на это дело как нечто важное для их национальных интересов», но и тут же не позабыл сказать о студенте СПб. университета Е.К. Тимченко и пообещал хлопотать об оставлении его при университете: « Я был бы очень счастлив, если бы мне удалось быть в чем – либо полезным Тимченко» (РГАЛИ, ф. 1277, оп.1, ед.хр.91, л. 8).» Я был бы очень счастлив...!». Подумать только: эти слова о студенте писал академик, председатель ОРЯС Академии наук! Да, А.А. всегда умел находить время для заботы о каждом, кто был с ним как-то связан и кто нуждался в помощи, сочувствии, поддержке.

А.А.Шахматов явился организатором и вдохновителем всей работы ОРЯС по созданию энциклопедии «Украинский народ в его прошлом и настоящем» в сотрудничестве с крупным украинским историком М.С. Грушевским. А.А.принимал меры, чтобы активизировать работу украинских ученых для этого важного издания (интереснейшие абрисы этой деятельности представлены в РО Национальной библиотеки Украины им В.И.Вернадского). В период, когда самый значительный украинский историк М.С.Грушевский, после пребывания во Львове, затем в Вене, в Италии и Румынии, в ноябре 1914 г. вернулся в Киев, военными властями он был арестован и выслан в Симбирск, А.А. Шахматов не только приветствовал этот вариант «ссылки» как наименее жесткий («радуюсь, конечно, что Вы не в Томской губ. ... Ваше пребывание в Симбирске Вы, вероятно, используете для научной работы. . . Не время ли подумать о русском переводе Вашего великого украинского труда?»), - писал он ссыльному 25 декабря 1913 г. (Видимо, А.А. Шахматов имел в виду его « Очерк истории украинского народа», выдержавший к этому времени уже 3 издания). «Если бы Вам понадобились книги, Академия, вероятно, пошла бы Вам навстречу. Быть может, при помощи нашего Августейшего Президента Вы могли бы получить в Симбирске свою Львовскую библиотеку и свои рукописи...» (ЦГИА Украины, ф. 1235, оп.1, ед.хр. 828). Более подробно о связях А.А.Шахматова с Украиной см.[9].

«Увеличение суммы добра на земле», в понимании А.А. Шахматова, должно было достигаться и просвещением, подъемом грамотности, которая в России, по переписи 1897 г., составляла в среднем всего 25%. Участие академика в борьбе за эти права народа – быть грамотным, иметь возможность приобретать знания – еще одна значимая страница деятельности А. А.

Выступая с лекцией в кружке украиноведения в СПб. университете в 1908 г., А.А.Шахматов раскрылся перед студентами как истинный гуманист, для которого не может быть предпочтения одного языка другому, одной культуры – другой. «Не сомневаюсь в том, - говорил лектор, - что Вы относитесь к украинскому языку с интересом и любовью: любовь к родному языку, самая горячая, беззаветная, является в моменты угрожающей языку и народу опасности. . . . Все русскому народу вообще предстоит тяжелая борьба за существование на почве самобытного развития и культуры. . . . Дух народа не может помириться с пассивной ролью, он хочет самостоятельных выступлений, он жаждет творчества; для активной роли нужно прежде всего самосознание. . . для народа, не желающего прозябать, родившегося жить, развиваться, оно необходимо, оно неизбежно. И прежде всего самосознание должно быть обращено на изучение современных отношений, современного облика народа и его интеллигенции, его верований и духовных стремлений, его материальных нужд и культурных потребностей» (ПФА РАН, ф.134, оп.1, ед.хр. 281, л.1). И далее : «. . . вы относитесь, конечно, с полным сочувствием ко всем усилиям великорусского народа на почве культуры, науки и просвещения. И мы, великорусы, должны горячо приветствовать Ваши начинания: просветительские общества, газеты, журналы, ученые предприятия, заведенные украинцами, могут вызвать в нас не только сочувствие, но, в случае успеха, и гордость, так как мы такие же русские, как вы, мы члены одной общей семьи, теснейшими узами связанной в настоящем и прошлом (там же, л.1 об.). Эти слова великого русского ученого о «теснейших узах» сейчас не только не потеряли своей актуальности, но стали еще более важными: в невероятно трудное время, переживаемое сейчас не только народом юго-восточной Украины, но и всеми украинцами.

Жизнь А.А. Шахматова – поучительный пример его постоянной работы над собой, над очевидными для него самого природными недостатками характера: мнительностью, застенчивостью, ранимостью. В одном из писем Ф.Ф.Фортунатову от 16 октября 1893 г. А.А.Шахматов писал: «Человек представляет такой сложный внутренний мир, что трудно от него требовать неперемного исполнения той или иной жизненной программы. . .»(ПФА РАН, ф.90, оп.3, ед.хр.95, л.44 об.). Однако относительно самого Шахматова вполне можно согласиться с утверждением Е.П.Казанович, которая писала об этом человеке еще в 1912 году: «Вот человек, который не уменьшается и не при-

нижается от того, что об нем узнаешь, и от того, что узнаешь об нем вообще что-нибудь за внешней официальной маской...». М.Р.Фасмер рассказал такой эпизод: как-то перед диспутом Н.М. Каринского Фасмер пришел к Шахматову и разговор зашел о диссертации Каринского. Фасмер указал на допущенные диссертантом ошибки и неправильности. Шахматов воскликнул: - Как я рад! Значит, Вы тоже заметили это. А я боялся, что, может быть, ошибаюсь сам, упрекая здесь Каринского. Так что, по – Вашему, можно указать на эти ошибки?...Это уже евангельская простота и смиренномудрие: Христос и *тот*, наверное, больше себя ценил» (РО РГБ, ф.326.д.18, л.134-136)

Великий российский ученый видел предназначение человека «В увеличении добра на земле»..

The article views personal qualities of the great Russian scholar: philanthropy, respect for people's personality, internationalism, diligence, love for family, care for the youth.

Key words: *faith, duty, personality, the youth, science, family*

Список литературы

1. Шахматов А.А. Сборник статей и материалов. М. - Л., 1947.
2. Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. - М. : 1929.; Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А.Шахматове. - М., 2012.
3. Брок Олаф. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // «Сборник ОРЯС». Т.83, №4. - СПб., 1907.
4. Шахматов А.А. Об общих явлениях в греческом и славянском ударениях // *Χαριστήρια*. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. Известия ОРЯС, кн.1, т.2. - СПб., 1897.
5. Ольденбург С.Ф. А.А.Шахматов как человек и деятель // Известия ОРЯС ИАН, т.25. - 1922.
6. Воспоминания об А.А. Шахматове. Публикация В.И.Макарова // «Русская речь», 1984, №3.
7. Потебня А.А. Общий литературный язык и местные наречия. - Киев, 1962.
8. Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. - Киев, 1912.
9. Макаров В.И. А.А.Шахматов, Украина и украинцы // «Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы». - Брянск, 2010.

Список сокращений наименований архивов.

- ОР ИРЛ – Отдел рукописей Института русской литературы («Пушкинский дом»).
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.
- ОР ЦНБ – Отдел рукописей Центральной национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского в Киеве.
- ОР ГПБ - Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки в Санкт - Петербурге.
- ПФА – Петербургский филиал Архива РАН.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства в Москве.
- ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Украины.

Об авторе

Макаров В.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК 82.091-4 Андреев Л.Н.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ - ДАНИИЛ АНДРЕЕВ: МИССИЯ «ВЕСТНИЧЕСТВА»

Е.А. Михеичева

В данной статье рассматриваются творческие связи Леонида Андреева, классика Серебряного века, и его сына Даниила Андреева, поэта и философа. Феномен «вестничества», открытый Даниилом Андреевым, позволяет глубже понять идейно-художественные искания обоих писателей, пророческий характер их творчества.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, Даниил Андреев, «Роза Мира», вестник, тирания, личность, творчество.*

Леонид Андреев и Даниил Андреев, отец и сын, два великих провидца XX века. Они не были близки при жизни, сын не оставил посвященных отцу трудов, как другие дети Л.Андреева. Они были разными и внешне (Даниил был очень похож на мать), и в своих духовных порывах: отец рвался к постижению «бездн» человека и мира, сын мечтал объединить Человечество на основе Праведности. Их родство сказалось, прежде всего, в осознании сопричастности всему тому, что происходило на их до боли в сердце любимой родине, в трезвой оценке катастрофической ситуации, сложившейся в России и в мире после октября 1917 года и в годы культа личности и, главное, в гениальном предвидении тех последствий, к которым должен привести «страшный исторический опыт России» [1, с.3].

Даниил Андреев (1906-1959) был вторым сыном известного русского писателя Леонида Андреева (1871-1919) и его первой жены Александры Михайловны Андреевой, в девичестве Велигорской. «Грозно и ясно встала над ко-

лыбелькой новорожденного сама Судьба» [2, с.5], - так образно представляет трагические обстоятельства, сопровождавшие появление на свет Даниила, Алла Андреева, его жена; именно ей, верной соратнице и другу, мы обязаны знакомством со всеми – философскими, поэтическими, прозаическими – трудами Даниила Андреева: «Двадцатигишестилетняя, совершенно здоровая, любимая мужем Шурочка умерла вскоре после рождения второго сына от того, что тогда называлось «послеродовой горячкой» [2, с.6].

Для Леонида Андреева смерть жены была трагедией. «Просто обезумевшим от горя» предстает он в воспоминаниях современников. Новорожденного – причину смерти жены – он не хотел видеть, поэтому воспитанием «осиротевшего существа» [2, с.6] занималась сестра Александры Михайловны Елизавета Михайловна Доброва. В Москве, в доме известного врача Филиппа Александровича Доброва маленький Даниил «обрел чудесную семью». Во втором браке – с Анной Ильиничной Денисевич – у Л.Андреева родилось еще трое детей, но между отцом и Даниилом душевная связь так и не возникла. «Как хорошо, что я рос у Добровых, а не у отца», - много раз говорил Даниил Андреев.

Жизнь Даниила сложилась трагически: он единственный из детей Л.Андреева остался в России после октября 1917 года. В 1947 году Даниил Леонидович был арестован за «антисоветский роман и стихи» (роман «Странники ночи», в котором правдиво описывал сталинскую эпоху), обвинен в подготовке террористического акта и приговорен к 25 годам тюремного заключения. Он вышел из тюрьмы в 1957 тяжело больным человеком и продолжил работу над главным своим трудом («писать же Даниил не переставал никогда» - Алла Андреева) – философским трактатом «Роза Мира».

Даниил Андреев делит всех оставивших след в истории творческих личностей на «вестников» и тех, кто не относится к этой категории. В «Розе мира» «вестничество» трактуется как новая духовная инстанция, которая пришла на смену церкви, утратившей «значение духовной водительницы общества». Благодаря дару «вестничества», который дается далеко не всем даже гениальным художникам, его обладатели «вписываются в Синклит метакультуры», осуществляют в своем творчестве связь между мирами – земным и вечным. Вестники бывают как «светлые» - дающие людям почувствовать высшую правду и свет, «лыющиеся из миров иных», так и «темные» - открывающие «человеческому взору его собственную крошечную тьму» [1, с.350, 355]. Гении «Восходящего Ряда», по Д.Андрееву, - Сервантес, Гете, Достоевский, Пушкин, «нисходящего» - Гоголь, Мусоргский, Глинка, Чайковский, Верлен и Блок. Своего отца, Леонида Андреева, Д.Андреев относил к ряду «темных вестников». Сам Даниил Андреев, выдвинувший идею организации «Лиги преобразования сущности государства» и создавший «Розу Мира», - дополняет список «вестников Восходящего ряда».

Согласуясь с основными задачами «Розы мира» (о которых речь пойдет далее), Д.Андреев разработал свою метаисторию, метарелигию, метакультуру, ввел в обиход соответствующие новым концепциям явления и понятия. Так, в основе галактического строения, по Д.Андрееву, находятся *брамфатуры*, состоящие из множества слоев, объединяющим началом которых является борьба Провиденциальных и демонических сил. Брамфатура нашей планеты называется *Шаданакр*, а демоническое начало в ее системе представляет *Гагтунгр*.

Культурно-исторический процесс не обходится без «темных вестников» [1, с.355]. Гагтунгр («планетарный демон», «великий мучитель») делает их жертвами внутреннего противоречия, и трагедия каждого из них глубока и индивидуальна. «Часто деятельность темных вестников имеет негативный характер: они развенчивают и осмеивают духовность в истории, в искусстве, в религии, в жизни, в человеческой душе», а «... неугасимое в душе вестника чувство своей религиозно-этической миссии вступает в конфликт с реальными возможностями его эпохи» [1, с.356, 357], и тогда происходит «трагедия духовного спуска».

Действительно, и читатели, и критики чаще всего видели «темные» стороны дарования Леонида Андреева, обращенность его к «безднам» человеческой души. Эту особенность своего таланта подчеркивал и сам Андреев. Еще в 1891 году, на пороге своей творческой деятельности, Л.Андреев записал в дневнике: «Я хочу показать, что на свете нет истины, нет счастья, основанного на истине, нет свободы, нет равенства, - нет и не будет... Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бога, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т. п.» [3, с.62, 63].

Даниил Андреев, создатель «Розы Мира», в которой «Человечество должно объединиться на основе Праведности» [1, с.15], не мог, конечно, согласиться со столь пессимистичным взглядом на Человечество своего предшественника. В то же время Д.Андреев, мыслитель и художник, не мог не видеть юношеской бравады в «программном заявлении» своего отца и, как и многие исследователи творчества Л.Андреева, находил в его произведениях и тоску по гармонии жизни, и веру в возрождение Человека. Недаром оба – и Леонид, и Даниил – своим предшественником в творчестве видели Ф.М.Достоевского. Как пишет В.А.Келдыш, «Двуединую коллизию», идущую от Достоевского: «Богочеловек – человекобог», андреевское (имеется в виду Л.Андреев – Е.М.) творчество запечатлело «адекватно» катастрофичности своего времени и катастрофизму мира Достоевского», [8, с.392]. То же можно сказать и о Д.Андрееве, жившем в не менее катастрофичную эпоху – эпоху сталинизма.

Для Д.Андреева, создателя новой интеррелигии, в основе которой учение Христа, доказательством избранности Человека, вероятности его движения по «восходящей» линии является наличие в личности «единоприродных с Божеством способностей творчества и любви». Такими способностями, без сомнения, обладал Л.Андреев. Недаром Д.Андреев находит «реальные» точки соприкосновения писателя Леонида Андреева и Иисуса Христа: «В одну из своих предыдущих инкарнаций Л.Андреев жил в Палестине, где был крупным купцом. То была эпоха императора Августа и Тиберия. Об Иисусе Христе Андреев, в сущности, только слышал, но был один случай, когда он видел

Христа издали на иерусалимской улице. Спаситель шел с группой учеников. Встреча продолжалась несколько секунд, и Андреев знал, Кто это, но лицо Иисуса его поразило и врезалось в память навсегда [1, с.360].

Отражение этого «врезавшегося в память» лица Д.Андреев находит в творчестве Л.Андреева: «...обратим внимание на глубокое чувство и понимание Христа у Леонида Андреева, которое он пытался выразить в ряде произведений, и в первую очередь в своем поразительном «Иуде Искарите», - чувство, все время борющееся в душе этого писателя с пониманием темной, демонической природы мирового закона, причем эта последняя идея, столь глубокая, какими бывают только идеи вестников, нашла в драме «Жизнь Человека» выражение настолько отчетливое, насколько позволяли условия эпохи и художественный, а не философский и метаисторический склад души писателя» [1, с.360]. Л.Андреев сумел увидеть трагические для Человечества последствия в «недовершенности миссии Христа»; в итоге - на место вечных истин пришли «соблазны великих подмен» [1, с.398].

Поражает, насколько близок Д.Андреев (не соглашаясь в принципе с леонид-андреевской концепцией Человека и Человечества) к пониманию того духовного потрясения, которое испытывал Л.Андреев, работая над рассказом «Иуда Искарит». «Недовершенность миссии Христа» заставила писателя поразмыслить над причинами этой «недовершенности» и по-своему интерпретировать евангельский сюжет: меняются акценты, по-новому интерпретируются евангельские персонажи, и прежде всего – образ Иуды.

Иные, чем в евангелиях, подходы к образу Иуды существовали и до Л.Андреева. В ересях Иуда являлся сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа: он знал о неизбежности жертве Христа и своей роли в этом жертвоприношении. «Агнец должен быть принесен в жертву твердой и чистой рукой первосвященника, и из всех апостолов Христос выбрал Иуду», - о таком предназначении двенадцатого апостола пишет М.Волошин, дав своей статье «говорящее» название – «Евангелие от Иуды» [6, с.20]. Иуда, как и Иисус, избран, чтобы свершилась воля Божия, и он покорно выполняет свою проклятую многими миссию.

Мученик Иуда во имя любви к Иисусу взваливает на свои плечи груз предательства. Он должен совершить предательство, обрекая Христа и себя на смерть, чтобы избавить людей от «соблазна великих подмен», пробудить их сознание, вернуть к нравственным истинам – тем самым оправдаются и приобретут высокий духовный смысл мучения Христа и предательство Иуды.

У Л.Андреева нет антагонизма между Иисусом и Иудой, их объединяет страдание и любовь. Любовь Иисуса к людям абстрактна, множественность объекта лишает ее конкретности и взаимности, в то время как любовь Иуды к Иисусу конкретна, действительна, отличается силой и глубиной. Несмотря на противоречивость внешнего облика (например, «двоение» лица на «мертвую» и «живую» половины), Иуда духовно столь же цельная натура, как и Христос [9]. Л.Андреев дерзко заявляет об их равенстве перед лицом вечности. Перед тем, как покончить с собой, Иуда обращается к Иисусу: «Я иду к тебе. Встреть меня ласково, я устал. Потом мы вместе с тобою, обнявшись, как братья, вернемся на землю. Хорошо?» [4, 263] Именно «братьями» предстают Христос и Иуда в картине «Цари Иудейские», написанной Л.Андреевым и являющейся художественным комментарием к рассказу «Иуда Искарит».

Следует согласиться с одним из известных «андреевцев», Л.А.Иезуитовой, которая пишет, что «идейное преступление Иуды связано с решением проблемы добра и зла, с тревогой за судьбы мира и человечества» [7, с.10], и это, «есть проникание деятельной любовью к Богу, людям и миру всей, внешней и внутренней деятельности человека». Следовательно, личность самого Л.Андреева, ставящего и решающего в творчестве такие задачи, «содержит единоприродные с Божеством способности творчества и любви» [1, с.30]. Д.Андреев считал, что в книгах его отца отсутствует катарсис, но разве не «очищением» становится жертва Иуды?

В чем же состоит «чувство и понимание Христа», которое увидел в своем отце Д.Андреев? Ведь своим «Иудой» Л.Андреев нарушал догматы церкви, вступал в спор с текстом Священных книг! Но ведь и сам Д.Андреев вслед за великими мыслителями – Ф.Достоевским, В.Соловьевым - выдвигает идею Вселенской церкви. Его «Роза Мира» «есть интеррелигия или панрелигия в том смысле, что ее следует понимать как универсальное учение, указующее такой угол зрения на религии, возникшие ранее, при котором все они оказываются отражениями различных пластов духовной реальности... Если старые религии – лепестки, то Роза Мира – цветок; с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков». Задача, которую ставит перед собой Роза Мира – «преобразование социального тела человечества» [1, с.16], в соотнесенности с совершенствованием духовного мира человека. Именно в соответствии с «совершенствованием духовного мира человека» Л.Андреев заставляет Иуду совершить поступок, который меняет ненависть на любовь, корысть на бескорыстие, преступление на подвиг.

В основании Розы Мира лежит идея объединения. Религии отличаются друг от друга «в силу различных ступеней своего восхождения к абсолютной истине» [1, с.39], которая «есть достояние только Всеведующего Субъекта» и недоступна простым смертным. Однако в каждой религии частная истина возводится в ранг абсолютной, и, следовательно, другие частные истины представляются ложными. Основную причину расхождений между религиями Д.Андреев видит в том, что неправомерное отрицание чужого утверждения происходит только на том основании, «что мы не располагаем положительными данными по этому вопросу» [1, с.43].

Страной, где должен «загеплиться первый огонь Розы Мира», Д.Андреев считает Россию. На протяжении многих веков страна выполняет особую миссию, становясь «щитом меж двух враждебных рас» (А.Блок) и одерживая победы, имеющие общечеловеческое значение. Россия многонациональна, многоконфессиональна, и идея объединения на основе интеррелигии ей должна быть особенно близка. Об особом статусе России говорил и Л.Андреев. Не принимая Россию большевистскую, Л.Андреев надеется, что такое качество русского народа, как «неудержимое стремление к безграничной свободе» [3, с.229], неизбежно приведет к падению антинародной власти. А далее, «под-

учившись и поумнев», русский народ «принесет свободу не только себе, но и всему миру» [3, с.229].

Призыв «Организуйтесь!» также постоянно звучит у Андреева. Но с учетом исторической обстановки он приобретает несколько иной смысл. В письме к П.Н.Милюкову, крупному политическому деятелю царского времени и белого движения, который написал вступление к английскому изданию статьи Л.Андреева «S.O.S», от 26 июля 1919 г., Л. Андреев сообщает, что готов отдать все силы «большому и серьезному делу», и речь идет «о пропаганде, о постановке этого дела на ту высоту, при которой оно станет необходимым и важнейшим орудием в борьбе с большевиками и идущими к ним на смену крайними социалистами, а в дальнейшем — могущественным средством к восстановлению в России всех ее разрушительных государственных, гражданских и моральных основ», сетует на то, что дело антибольшевистской пропаганды поставлено очень слабо «как у нас, так и у наших союзников» [3, с.201].

Причины появления статьи Л.Андреева «S.O.S», этого крика отчаяния «трижды изгнанника» — из России, из дома и из творчества — следующие: в январе 1918 г. на заседании «совета десяти» премьер-министров и министров иностранных дел США, Англии, Франции, Италии и Японии было решено созвать на Принцевых островах конференцию «по вопросу о восстановлении мира в России», в которой должны были принять участие большевики и «все белые правительства». Для Андреева само намерение установить хоть какой-то контакт с большевиками являлось свидетельством либо «предательства», либо «безумия», из каких бы источников этот призыв к компромиссу ни исходил. Зная, что такое большевики, идти на контакт с ними — это предательство. Если же союзники не знают, что такое большевики, то их приглашение «для дружеской беседы» — безумие. В доказательство автор приводит примеры жестокости большевиков, кровавых расправ, глумления над своим народом. Деятельность большевиков — «это преступления, убийства, ложь и грабеж» [3, с.339]. Перед Европой открылось царство «экзотических зверей», родился в недрах ее и достиг гигантских размеров «законченный образ совершенного Безумца» (3, с. 340). Отсыл России на Принцевы острова Л.Андреев называет хождением Пилата «по честным судьям — с веревкою на шее», а политики, настаивающие на этой встрече, напоминают ему умывающего руки Пилата. Призыв «Спасите наши души!», Л.Андреев, «движимый верой в человеческую благость» [3, с.343], как и Д.Андреев, обращает к Человечеству.

Мольбы о ПОМОЩИ НАРОДУ РУССКОМУ А. Обращает не правительствам и политикам, а к ЧЕЛОВЕКУ! К каждому отдельному французу, англичанину, итальянцу, японцу: «Организуйтесь! Формируйте батальоны и армии!» «Ибо настало время, когда не за кусок земли, не за господство и деньги, а за ч е л о в е к а, за его победу над зверем, должны бороться люди всей земли» [3, с.347]. И еще Л.Андреев обращается к журналистам, к тем, что пишут «не чернилами, а нервами и кровью»: «Помоги! Ты понимаешь, в какой опасности человек? Помоги!» [3, с.348].

«Самую страшную угрозу, нависшую над человечеством» [1, с.6], Д.Андреев видит в войне и тирании, только они могут помешать созданию «Лиги преобразования сущности государства», которая включает в себе «ядро деятельной любви и чистоты» [1, с.15], и в итоге привести ко всемирной катастрофе. Он столкнулся с тиранией в сталинские времена, еще раньше ее губительную сущность прозрел Л.Андреев. В статье «Гряди, победитель!» он, разоблачая «победителя» Ленина, с гениальной прозорливостью предсказывает явление еще более страшного тирана: «Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое бурное и дымное лицо?» [5, с.150]. На фоне современного ему хаоса и в предвидении «нового страшного образа» у русского писателя вырывается крик: «Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!» [5, с.150].

Л. Андреев пишет об «одурелой Европе» [3, с.340], устроившей себе «торжественный праздник приспособления», занятой лишь собственным благополучием и не видящей той глобальной угрозы, которую несет в себе тирания в лице большевистской России. Но оказывается, что «страшный исторический опыт России» ничему не учит. «Стихийное стремление ко всемирному» [3, с.6], «космополитический американизм» — в данном случае — стремление распространить свое влияние на весь мир, тирания в планетарном масштабе — эти явления наблюдает и поколение конца 50-х годов, к которому принадлежит Д.Андреев. «Деспотическим образованиям» положил в начале XX века большевизм, затем были нацистская Германия, сталинское время и, наконец, современные США, пытающиеся навязать правила жизни всему миру.

Положительный пример «государственного водительства» Д.Андреев видел в правлении М. Ганди, который сумел повести за собой народ не кровью и насилием, а нравственным примером, словом. Великая личность — «первый среди равных» в Верховном Соборе, который объединит мудрейших. Принцип коллективного правления должен лечь в основу государства нового типа.

В «атмосфере Розы Мира» должны по-новому «прозвучать» культура, религия, личность. До настоящего времени в существующих религиях «представление о долженствовании личности оставалось ущербным и узким». В идеале рисовалось лишь царство материальной сытости, купленное ценой отказа от духовной свободы [1, с.31]. Учение Розы Мира указывает на абсолютную ценность личности, на ее «божественное первородство». Особенно важно для человека творчество, которым «человек поднимает себя над собой, *обоживая* и собственное сердце, и сердца других» [1, с.36].

На удивление современно звучат сегодня слова Д.Андреева, который как будто бы сквозь десятилетия видит сегодняшний мир: «Возникают такие государственные громады, на сооружение каких раньше потребовались бы века. Каждое хищно по своей природе, каждое стремится навязать человечеству именно свою власть» [3, с.6]. Свои условия жизни всему миру пытается навязать «сверхгосударство». Затем наступает тирания. Попытки современных «сверхгосударств», каковыми мыслят себя сегодня Америка и некоторые государства Европы, навязать свой образ

жизни, свои законы, свои моральные устои, привели к кровавым конфликтам в Ираке, Ливии, Сирии, Палестине, наконец, в Украине.

Проблема «Леонид Андреев – Даниил Андреев» до настоящего времени не была удостоена внимания исследователей. Даже самый близкий Д.Андрееву человек, внесший огромный вклад в собирание и пропаганду его наследия, Алла Александровна Андреева, жена и единомышленник Даниила Леонидовича, обходила эту тему стороной. За исключением обращений к отдельным биографическим фактам, имеющим отношение к рождению и детским годам Даниила, связи между отцом и сыном не прослеживались. Мы постарались показать, что, несмотря на разнонаправленность идейно-художественного поиска, связь между Леонидом и Даниилом Андреевыми существует хотя бы потому, что оба они обладали даром «вестничества», предвидели будущее и предостерегали о грозящих Человечеству опасностях.

In the article creative connections between father and son, Leonid Andreev, classical author of the Silver age, and Daniil Andreev, poet and philosopher, are examined. "Messenger's" phenomenon, discovered by Daniil Andreev, helps to understand writers' ideological and artistic search more deeply, feel prophetic character of their works.

Keywords: Leonid Andreev; Daniil Andreev; "The Rose of the World"; messenger; tyranny; individuality; artistic works.

Список литературы

1. Андреев Д. Роза мира. М.: Иной мир, 1992.
2. Андреев Д. Русские боги. М.: Московский рабочий. Фирма Алесь, 1993.
3. Андреев Л. «S.O.S.». Дневник. Письма. Статьи и интервью. Воспоминания современников. М. – Санкт-Петербург: ATHENEUM – ФЕНИКС, 1994.
4. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: В 6 т., Т.2, М.: Художественная литература, 1990.
5. Андреев Л. «Верните Россию!» Публикация и вступительная статья И.Г.Андреевой-Рыжковой. М.: Московский рабочий, 1994.
6. Волюшин М. // Наука и религия, 1992, №2 .
7. Иезуитова Л.А. «Преступление и наказание» в творчестве Л. Андреева //Метод и мастерство. Вологда: ВГПИ, вып. 1, 1970.
8. Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
9. Михеичева Е.А. Творчество Леонида Андреева: особенности психологизма и жанровые модификации. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1996.

Об авторе

Михеичева Е.А. – Орловский государственный университет, inoliterat@mail.ru

УДК 8.08+ 82.1

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Н.Ю. Моспанова

Статья посвящена изучению языка русской народной сказки. Рассматриваются средства лексической стилистики, в частности эпитеты. Обращается внимание на особенности разных типов эпитетов в волшебной сказке, их функций в составе аппеллятивов и онимов.

Ключевые слова: язык фольклора, русская народная сказка, волшебная сказка, стилистические средства, эпитеты.

Немаловажную роль в экспликации тех или иных содержательных компонентов концептуального пространства сказки играют стилистические средства. Рождая цепь ассоциаций, они могут создавать дополнительные приращения смысла, усиливая образность и оценочность фольклорного слова.

Одним из наиболее ярких средств выразительности в сказке выступает эпитет (А. Н. Веселовский, Б. Томашевский, А. П. Евгеньева, К. С. Горбачевич, А. Т. Хроленко и др.), хотя в русском фольклоре (особенно в сказке) он мало исследован, «если не считать замечаний о нем в ряду других художественных приемов» [6, с.158].

Существуют разные взгляды на грамматическую форму эпитета, его типологию, морфологические и синтаксические характеристики, функции в тексте. По замечанию К. С. Горбачевича, законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует. [4, с.3]. Однако большинство исследователей считают эпитетом слово в атрибутивной конструкции, поясняющее определяемое [11]. В нашей работе мы будем придерживаться наиболее традиционной точки зрения.

Эпитеты могут вносить добавочный признак в характеристику явления или усиливать признак определяемого слова, влияя таким образом на его выразительность. «Эпитет как бы дает индивидуальную окраску выражаемому предмету, бросает на него определенный свет и делает предмет стилистически значимым». Кроме того, в эпитете проявляется отношение говорящего к предмету повествования [8].

Сказка как жанр устного народного творчества имеет ряд особенностей в функционировании эпитетов.

Большое место занимают в сказке так называемые народно-поэтические эпитеты, обусловленные фольклорной традицией и характеризующиеся постоянством связи определяемого и определяющего даже в пределах разных жанров. Это постоянные эпитеты, «неизменно сопровождающие определяемое ими слово независимо от их уместности в контексте» [8]: сине море, дремучий лес, сыра земля, добрый молодец, красная девица, заповедные луга, чисто поле, черные брови, белокаменные палаты, столы дубовые и т.д. Они выражены именами прилагательными различных лексико-грамматических разрядов. Многим постоянным эпитетам присуща усеченная форма (сине море, чисто поле, красна девица), инверсия (дремучий лес – лес дремучий), перенос ударения (травы/скатерти шелкОвые). Такие эпитеты участвуют в создании поэтики волшебной сказки. Исследователь А. Н. Веселовский отмечал, что постоянные эпитеты представляют собой эволюционное образование, выросшее из этапа накопления эпитетов, указывающих на существенный типичный признак. «За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля, в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [2, с.73]. Постоянные эпитеты в дальнейшем способны к разложению этой типичности индивидуализмом. Полагаем, литературные сказки, имеющие фольклорные корни, и отражают это разложение.

Другие эпитеты (их большинство в сказке) – изобразительные, более свободные в сочетаемости определяемого и определяющего. Среди них можно выделить:

- эмоционально- оценочные (клятва великая, вода хорошая, ехидная баба, зычный голос, богатейший/ великолепный дворец, сила непомерная, бедные головушки, грозный царь, пустая похвальба, олух проклятый, добрая воля, любовь горячая, жестокая месть, лютый змей и др.)

- описательные (седые космы, расписная коляска, тёмные леса, золотые яблочки, хрустальный мост, белокаменные палаты, кобыла златогривая и др.)

Примеры показывают, что здесь также проявляется своеобразная традиция.

Эпитеты в народной сказке могут выполнять усилительную функцию (это тавтологические эпитеты: они указывают на признак, уже содержащийся в значении слова) и в первую очередь характеризовать героев или их антагонистов: их внешность, черты характера, поступки и др., оцениваемые чаще как положительные или отрицательные. Во многих эпитетах находит отражение такой признак фольклорного слова, как диффузность (Н. Н. Кузнецова, А. Т. Хроленко и др.): молодой молодец, могучий богатырь, славный богатырь, старый старик, старуха, дедушка, удалой удалец и др.: Например: «... в этом крестнике дал мне господь не простого воина, а сильномогучего богатыря» (№ 185, с.26- здесь и далее цитируем сказочный материал по [9]).

Заметим, что эпитеты, участвующие в репрезентации сил зла, отличаются большим разнообразием (как и само проявление зла в сказке), они подчеркивают степень проявления признака (чем сильнее зло, тем более значима победа над ним). В этой группе в основном такие, которые характеризуют чувства, состояния, действия, а не самих героев. Ср.: горе горькое, неволя горькая, беда великая, страшная ненависть, жестокая месть, война тяжелая, жестокая... Например: Занесла меня к вам неволя горькая – нарядил царь на службу... (№ 212, с.148). Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокою войну (№ 259, с.312). ...страшная ненависть грызет ему сердце, и начал он думать : как бы отсмеять эту насмешку? (№ 210, с.126).

«Украшающую», уточняющую функцию выполняют эпитеты, выделяющие дополнительные признаки в содержании определяемого слова: дочь послушная да работящая («трудолюбие», «кротость»), вольный свет («свобода»), святое дело («праведность»), честное поведение («достоинство»), живая вода, молодильные/моложавые яблоки («жизнь», «здоровье»), чисто поле, зеленый луг («свобода», «воля»), палаты белокаменные («цвет», «социальное положение», «роскошь»), злые сестры, вороги («причиняющие зло»), распутная девка («безнравственность»), неверный царь («некрещеный», «нехристианин»), лютый змей («жестокость»), дочери завистливые («злоба», «зависть») и др.: Ударился царь неверный от злости оземь, да делать-то было нечего – поворачивай оглобли домой (№ 219, с.181). «Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте» (№ 155, с.351).

Такие эпитеты могут давать характеристику персонажу: добрый да ласковый молодец («расположенный к людям»), «исполненный доброты, ласки»), молодая жена («возраст»), плутоватая баба («хитрость»), разумный да грамотный молодец («ум», «сообразительность»), мудрая жена («мудрость», «прозорливость»).

Частотны в сказке уточняющие эпитеты, называющие признаки отвлеченных понятий: нечистая дума («грех»), кручинное слово («печаль»), неминуемая смерть («уничтожение») и др. Например: «... он меня от злой неминуемой смерти освободил» (№ 190, с.46). Пришла дяде нечистая дума в голову... «Или, - говорит, - грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить...» (№ 210, с.126).

Следует выделить группу ключевых лексем-прилагательных (эпитетов), являющихся неотъемлемым атрибутом фольклорного мира: прекрасная, премудрая, большой, сильномогучий, золотой, серебряный. В контексте сказки в эпитетах- прилагательных актуализируются смыслы «необыкновенный», «принадлежащий волшебному царству».

Редкие случаи употребления метафорического эпитета интересны «включением» сем: уста сахарные – «сладкий», «приятный», речи сладкие - «хороший», «приятный», похвальба пустая – «напрасный», сивцевы слова – «простой».

Широко распространены в сказке эпитеты, включенные в имена собственные и выполняющие функцию именования, идентификации. Они позволяют создавать яркие образы героев. Такие эпитеты традиционно представлены именами прилагательными (Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Белый Полянин, Бессчастный Иван) или при-

ложениями, распространенными и нераспространенными (Баба-яга костяная нога, Царевна Неоцененная Красота, Иван крестьянский сын, Финист Ясный сокол, Василиса золотая коса; Царь-девица, Иван-царевич, Крошечка-Хаврошечка, Жар птица). Часто нераспространенные приложения характеризуются в составе эпитета инверсией.

«Давность происхождения сказки позволяет рассматривать центральные сказочные образы, а значит, и их номинанты, прошедшие практически без изменений через века, как древние, в определенной степени архетипические, соотносимые с системой представлений и особенностями быта доисторической эпохи» [7, с.256].

Сказочной особенностью является то, что дифференциация персонажей с одинаковыми именами достигается за счет введения различительных слов и словосочетаний, употребляющихся в рамках одного онима. Так, для имени Иван сказка использует следующие эпитеты-различители: Голый, Бездольный, Бессчастный (Несчастный), Бурябогатырь и т.д. Такой опознавательный-различительный компонент может отражать возраст героя, внешние признаки, положение в обществе, имущественное состояние или происхождение. Сказка особо маркирует социальную обездоленность, показателем чего являются лексические и словообразовательные средства (Несчастный, Бессчастный, Бездольный), или же только лексические (Голый).

В некоторых случаях прозвище сочетается с именем, указывая при этом на внешний вид героя: Ивашко белая рубашка сорочинская шапка, что придает рифмованный характер строке. Этот герой был у царя воеводой, но потом его разжаловали и сделали пастухом. Социальное маркирование подчеркивается суффикс – к – в имени и эпитеты в описании: белая рубашка, по-видимому, осталась с прежних времен, когда был воеводой (ср. «Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник» - 5, с.106]), а сорочинская шапка – купленная, по-видимому, на ярмарке, - пестрая, яркая и недорогая. Персонаж добр, помогает главному герою сказки, и его положительный образ дополняет имя (эпитеты наводят сему «простой, бесхитростный»).

Самым интересным среди имен мужских персонажей является имя Финист ясный сокол. Это имя устойчиво в сказке, распространенной по всему миру и известной в Европе, начиная с 14 века [12]. В славянской мифологии Финист - чудесный супруг в облике сокола, тайно посещающий возлюбленную (заметим, что в русском свадебном фольклоре образ сокола-жениха встречается часто). Обычно младшая дочь просит отца привести ей перышко Финиста или аленький цветочек (что как символ одно и то же). Эти предметы по ночам превращаются в прекрасного царевича. Имя Финист, по мнению исследователей, представляет собой искаженное греческое феникс (др.-рус. «финикс») [14, с.381]. Феникс - бессмертная птица. В старости она сжигает себя и из пепла восстает прекрасной и молодой. В сказке этого нет, что позволило В.Я.Проппу заметить: «Откуда имя попало к русским, неясно» [12, с.219]. Но во всех сказках Финист традиционно положительный герой. Сочетание ясный сокол усиливает положительные коннотации. Эпитет ясный, по замечанию А.Н.Афанасьева, совмещает в себе «понятия света и скорости» [1, с.120]. Ассоциация с солнцем, светом, добром, передаваемая эпитетом, подчеркивает положительность образа, его привлекательность, красоту.

Олицетворением живительного начала весеннего расцвета природы является имя Настасья [13]. Заметим, что в сказках это имя носят царицы и царевны, которые, в свою очередь, олицетворяют лучших представительниц женской половины персониферы.

Золотая коса - внешний атрибут царевны - послужила причиной появления онима Настасья золотая коса, состоящего из личного имени и прозвища (это устойчивое, традиционное характеризующее определение, которое становится частью имени собственного). Коса являлась символом девичества. Недаром в народе существуют поговорки: «Коса - девичья краса», «Девичья коса на всю Москву (или на все село) краса» и др. [5, с.172]. Поэтому данное словосочетание придает положительные коннотации имени. Положительную оценочность усиливает эпитет золотая, в котором важен не только признак цвета, но и связанный с ним ассоциативный признак высокой степени качества и ценности, и красоты. Функционируя в тексте сказки, эпитет приобретает и сему «чудесный», «волшебный». Недаром трудные задания для героев часто связаны с поиском чудесных животных с золотыми рогами, золотой щетинкой, золотой гривой и т.д.

Интересен и оним Василиса коса непокрытая краса. Заслуживает внимания мысль А.Н.Афанасьева о том, что эпическое выражение коса непокрытая краса в имени Василиса связано с представлением древних людей о Солнце. Слово краса первоначально означало «свет» («красное солнце») и уже потом «получило то эстетическое значение, какое мы теперь с ним соединяем, т.к. для «младенческого народа» не было в природе ничего прекраснее дневного светила, дающего всему жизнь и краски» [1, с.75]. Поэтому сказочная царевна всегда является ненаглядной и неопишуемой красавицей. Непокрытая краса, т.е. не заземленная туманами и тучами, которые принимались за покровы, и потому именно блистающая своею золотой косою» [Там же]. Оппозиция «свет – тьма» является архаической и традиционной для русского фольклора.

Полагаем, в этих примерах эпитеты, включенные в состав онима, вместе с другими средствами выполняют культурно-историческую функцию, отражая менталитет русского народа, особенности его мировосприятия в создании поэтических произведений.

Единичны в сказке эпитеты-приложения в характеристике персонажей: конь-летун, мачеха-волшебница, богатырь-девка, бабушка-задворенка, жена-изменщица, девица-красавица, голыши-горемыки, купец-вдовец, молодец-удалец. Последние конструкции представлены рифмованными сочетаниями для усиления выразительности речи. Это простые эпитеты - аппеллятивы. Сложные эпитеты практически не встречаются, что, по-видимому, связано с разговорно-бытовым языком сказки. Единичны рифмованные примеры, типа: мужичок-кулачок - сам с ноготок, борода с локоток. В сказке это герой-«наоборот»: внешне мал, но обладает огромной силой. В основе этого аппеллятива – сов-

мещение нескольких приемов: эпитет, сравнение, литота.

Актуальность для сказки ключевых сем украшающих эпитетов позволяет выносить некоторые из них в заглавия текстов сказок, участвовать в реализации сюжетообразующей функции.

Как известно, заглавие не только занимает определенно-заданное и художественно-значимое место в композиции произведения, но и имеет семантически важный объем содержательно-концептуальной информации текста [10, с.195]. «Название – это компрессированное нераскрытое содержание текста. Название своеобразно сочетает в себе две функции - функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно). Его можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, «раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [3, с.133].

В текстах сказок представлены в основном собственно назывные заглавия, в которых обозначена основная тема сказки («Оклеветанная купеческая дочь», «Неосторожное слово», «Мудрая жена», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде», «Сказка о сильном и храбром непобедимом богатыре Иване-царевиче и о прекрасной супружнице царь-девице», «Мудрые советы», «Доброе слово», «Заколдованная королева», «Сказка о злой жене», «Жадная старуха» и др.). По структуре такие заглавия представляют собой простые и сложные словосочетания обычно субстантивного типа. Они называют самого героя сказки или дают оценку его действию. В обоих случаях эпитеты добавляют коннотативное содержание «положительный – отрицательный» («хороший – плохой») в предмет речи, настраивают на восприятие сюжета. Именно они «подсказывают» ту концептуально и оценочно важную информацию, которая появится в тексте сказки (способствуют антиципации), и уже здесь, до начала чтения, выражают авторскую (народную) позицию. Эпитеты в заглавиях лишены метафоричности и экспрессивности, как и сказка в целом.

Дальнейшее изучение особенностей функционирования эпитетов и других средств выразительности в сказке позволит, с одной стороны, составить представление об особенностях языка самой сказки как фольклорного жанра, а с другой, - о специфике языка фольклора в целом.

The article is devoted to studying of language of the Russian national fairy tale. Means of lexical stylistics, in particular epithets are considered. The attention is paid to features of different types of epithets in the magic fairy tale, their functions as a part of appellatives and onyms.

Key words: *folklore language, Russian national fairy tale, magic fairy tale, stylistic means, epithets.*

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Древо жизни: Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1983.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / Веселовский А. Н. – Л.: Гослитиздат, 1940.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.
4. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – СПб.: «Норинт», 2002.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. / В. И. Даль. – М.: Худож. лит., 1984.
6. Евгеньева, А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII – XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела древне-русской литературы института литературы. Т. VI – М.: Академия наук СССР, 1948.
7. Кошарная, С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород: БГУ, 2002.
8. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2-х т. URL: <http://enc-dic.com/lit/Jepitet-607> (дата обращения 10.03.14)
9. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х т. – М.: Государственное Издательство Художественной литературы, 1957.
10. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М., 2003. – 256с.
11. Онлайн энциклопедия. Гуманитарные науки. URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/EPITET.html (дата обращения 10.03.14)
12. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – Л.: Наука, 1984.
13. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1988.
14. Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Науч. ред. В. Я. Петрухин. – М., 1995.

Об авторе

Моспанова Н. Ю. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Mo_nati76@mail.ru

УДК 821.161.1

СПЕЦИФИКА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПОУЧЕНИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

Е.И. Сарин

В данной работе рассмотрены особенности автобиографического дискурса проповеднического типа в Поучении Владимира Мономаха. Свой жизненный опыт автор расценивает в качестве образцового, достойного подражания, что отличает его от оригинальных древнерусских поучений или проповедей, в которых автобиографические факты не становились нравоучительными примерами.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, Поучение Владимира Мономаха, проповедь.

Поучение Владимира Мономаха сохранилось в единственном списке, который находится в составе Лаврентьевской летописи под 1096 годом. Это вставной текст, который разрывает повествование о происхождении половцев. Однако создано данное сочинение было уже в конце жизни его автора, очевидно, после 1117 года, которым заканчивается перечисление походов Мономаха, и до 1125 года – даты смерти князя. Будучи первым сочинением древнерусской лигерагуры, опубликованным в Новое время (1), Поучение имеет длительную историю изучения. В частности, исследователи давно обратили внимание на личностное начало данного сочинения и его ярко выраженный автобиографизм (2). Причем, анализ идейно-художественного содержания произведения, политических и нравственных идей Мономаха опирается, в том числе, и на изучение автобиографических деталей. Так, Т.Н. Копреева отмечала, что «выявление достоверного образа автора» Поучения Владимира Мономаха «оказывается возможным благодаря автобиографическим реалиям» (3, С. 94-95).

Поучение Владимира Мономаха состоит из нескольких частей, которые могут быть идентифицированы как собственно поучение, «Летописец жизни» и послание (письмо) к Олегу Черниговскому, что позволяет считать его сложным жанровым образованием. Исследователи пришли к выводу, что все части произведения были написаны в разное время и незадолго до смерти самим автором сведены в единый текст и обработаны в соответствии с авторской задачей наставления детям наследникам государственной власти (4).

В основе Поучения Владимира Мономаха лежит «рамочная» автобиографическая ситуация обращения к читателям – прямым потомкам или «инь кто прочеть» (5, С. 470). Незадолго до смерти, «сѣдя на санех» (5, С. 426), великий князь обрабатывает записи, которые, очевидно, он делал в течение жизни, делится богатым опытом и адресует «детям своим» отеческое наставление. «Характерная особенность “Поучения” Владимира Мономаха (XII век), – замечает В.К. Кусков, – тесное переплетение дидактики с автобиографическими элементами» (6, С. 77).

Поучение начинается с автобиографической по сути детали, определяющей момент составления текста – «сѣдя на санех», то есть в преклонных годах. Отправной точкой для размышлений автора является также эпизод из личной биографии Мономаха. Он рассказывает о том, как от двоюродных братьев Святополка Изяславича и Святослава Давыдовича («Святоши») к нему пришли послы с предложением выгнать с княжения Ростиславичей (Рюрика Ростиславича, Володаря Ростиславича Перемышльского и Василька Ростиславича Теробовльского). Мономах отвечает отказом: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити» (6, С. 77). Т.Н. Копреева усматривает в этом повествовании яркую психологическую окрашенность. Именно после встречи с послами Владимир Всеволодович обращается к чтению Псалтыри: «вземь Псалтырю, в печали разгнухъ я» (6, С.77). Рассказ «о свидании с послами братьев», с ее точки зрения, нельзя сводить к гаданию, «практиковавшемуся на Руси в средние века». Фраза, которая «вынулась» Мономаху, потрясла его, поскольку удивительно совпала с его настроением (3, С.95-96). Кроме того, этот лично-памятный эпизод мотивирует обращение к выпискам из Псалтыри, которые помогают автору познать себя. Автобиографическая ситуация, когда родители требуют от Мономаха нарушить крестоцелование, преступить божеские и человеческие законы и грозят разрывом семейных уз, оказывается весьма значимой для автора. Это точка отсчета, которая определяет дидактическую направленность всего текста. Мономах принимает трудное решение, причем самостоятельно, основываясь на голосе своей совести, проявляя заботу о своей душе. Нам представляется совершенно справедливой точка зрения Т.Н. Копреевой, что «Псалтырь только раскрывает его ощущения, а не декретировать его поступки» (3, С. 96).

Вообще следует учитывать мотив заботы о своей душе, который столь важен в Поучении Владимира Мономаха. С одной стороны, это одна из традиционных тем древнерусской проповеднической литературы, с другой стороны, забота о душе – контрапункт произведения. Еще В.П. Адрианова-Перетц писала, что в этом произведении проявляется интерес к «внутреннему человеку», князь «не только описывает свои “ловы” и походы, не только излагает своим читателям правила поведения, но и приоткрывает свою душу, пишет, “помыслив в души своей”, о прожитом, размышляето том, что побуждало его к тем или иным поступкам» (7, С. 52). М.В. Антонова полагает, что Поучение «можно рассматривать как первое оригинальное русское произведение, посвященное воспитанию души и фактически обращенное к душам читателей. Мотив разговора с душой и о душе оказывается сквозным в сочинении» (8, С.52). Той же точки зрения придерживается и Г.Ю. Филипповский: «“Поучение”, адресованное к потомкам, направлено против “лености душевной”, призывая к постоянной, неустанной духовной активности как основе христианской нравственности и морали. <...> Теория “малых добрых дел”, христианская дисциплина мирянина, направленная к активизации жизни души, — всегда в центре внимания автора “Поучения”...» (9, С. 10-11).

Л.Г. Дорофеева рассматривает Поучение Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет, полагая, что само со-

здание произведения представляет собой «делание, определяющее способ спасения души в условиях жизни князя-мирянина» (10, С.97). «Само написание этого текста, – считает исследовательница, – есть передача способа спасения. А это возможно только из личного опыта религиозной жизни и из покаянного собственного чувства. Так и происходит в тексте: Мономах вначале самоопределяется в отношении к Богу и своей душе и затем, из смиренного предостояния перед Истиной, он, пропуская ее через себя, свой опыт, дальше в любви передает ее своим чадам уже как духовный наставник» (9, С.100). Трудно согласиться с жанровым определением произведения как исповеди, однако нам близко положение о важности передачи читателю духовного опыта автора. Воплощению богодуховенного, спасительного смысла произведения способствует наличие автобиографического начала как художественного способа воплощения авторской идеи спасения или заботы о своей душе.

Особенностью автобиографического дискурса проповеднического типа в Поучении Владимира Мономаха является то, что автор свой жизненный опыт расценивает в качестве образцового, достойного подражания. Этим сочинение отличается от проанализированных выше оригинальных древнерусских поучений или проповедей, в которых автобиографические факты не становились нравоучительными примерами. Личный опыт являлся нравоучительным примером в переводных поучениях аввы Дорофея. Среди оригинальных памятников в этом отношении интересно Поучения Георгия Зарубского: повествовательных автобиографических эпизодов в данном тексте нет, но автор, как было показано выше, свой образ жизни представляет духовному чаду в качестве образца для подражания.

Поучение Мономаха, как полагает М.В. Антонова, построено на «принципе движения мысли от общего к частному» (8, С. 265). Нравственно-этические рекомендации сменяются частными примерами из жизни автора, к которым относятся и рассмотренный выше пример, открывающий произведение, и так называемый «Летописец жизни», и письмо к Олегу Святославичу Черниговскому.

Наставления в правильном поведении Мономах также формулирует, опираясь на личный опыт. Он советует помнить и сожалеть о своих грехах, молиться в церкви и перед сном, быть добросердечным, милостивым и милосердным, не губить христианских душ, не преступать крестоцелование, уважать священнический сан, почитать старших, не лениться в доме и в военном походе, остерегаться лжи, пьянства и блуда, заботиться о простолюдинах. Вполне понятно, что эти правила, адресованные читателю, основаны не только и не столько на священных книгах, сколько на тех жизненных правилах и установлениях, которые воплощал автор в своей личной жизни. Не случайно завершает собственно поучение (первую часть текста) автобиографический экскурс. Автор прямо ссылается на опыт своего отца и свой собственный: «Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженный и вси добрии мужи свершении. Заугренюю отдаваше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящю, и узрѣвши солнце, и прославити Бога с радостью и рече: “Просвѣти очи мои, Христе Боже, иже даль ми еси свѣтъ твой красный!” И еще: “Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявсья, оправдивъ животь”, тако похвалю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловь ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици и челоуѣци» (1, С. 464). Как видим, в этом отрывке автор вспоминает своего отца Всеволода Ярославича, который отличался редкой для средневековья образованностью, а также свое обыкновение воздавать хвалу Богу во всех значимых ситуациях.

Автобиографическая ссылка на личный опыт становится своего рода связкой между собственно поучением и «Летописцем жизни», который многие исследователи рассматривают как автобиографию. Действительно, для этой части характерно перечисление событий, практически лишенное каких-либо комментариев, что создает впечатление непрерывности движения, нескончаемой череды событий (11). Однако в сравнении с летописным способом повествования Мономах отбирает и компоует информацию о собственной жизни в соответствии с определенным тематическим планом. На это обстоятельство обратила внимание М.В. Антонова, которая полагает, что основное «отличие летописи и рассказа о жизни Владимира Мономаха заключается не в наличии или отсутствии точной даты, а в точке зрения на событие, в отборе фактов» (8, С.258). Действительно, свои «пути» автор перечисляет, располагая информацию в хронологической последовательности без указания дат с 1072 по 1117 годы. Затем он переходит к перечислению заключенных им мирных договоров, рассказу о «ловах» и способах управления.

Несомненна фактографичность и автобиографичность этих рассказов. Мономах точно подсчитывает число совершенных походов, мирных договоров, называет имена захваченных в плен и отпущенных на волю половецких ханов. Весьма красочно и убедительно описание происшествий на охоте: «конь диких своима руками связаль есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздя ималь есмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подѣклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже» (1, С.470). Замечательны подробности столкновений с дикими зверями: Мономах сообщает о том, что олени, лоси, туры бодали его, поднимали на рогах. Памятными точными деталями являются сведения о том, что вепрь оторвал князю меч, носимый у бедра, медведь укусил потник и пр. Обобщенный рассказ о домашнем управлении также автобиографичен: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держаль, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ» (1, С.470). Именно таким образом Владимир Мономах устраивает свой дом, свое княжество: он самосто-

ятелен, ответствен, заботлив, в каждом деле принимает личное участие, о каждом проявляет личную заботу, что должно стать примером для подражания «детям» и любому читателю.

Кстати говоря, именно «отбор фактов» и их тематическое распределение позволяет говорить о том, что автор осмысливает свой жизненный путь в соответствии с определенной идейной задачей. Как считает А.В. Антюхов, в автобиографической части сочинения «эпическое повествование доминирует над лирическим размышлением. Здесь почти отсутствует прямое дидактическое начало, учит факт, сама жизнь» (12, С.5). Однако мы не можем согласиться с мнением исследователя, что в рассказе о походах «о христианских идеалах автор как будто забывает, не раз говоря о том, что он “пожег землю и повоевал”, не оставил у побежденных “ни челядина, ни скотины”» (12, С.5).

Т.Н. Копреева в своей статье, посвященной Поучению Владимира Мономаха, стремилась доказать, что это сочинение можно считать отправной точкой формирования жанра автобиографии на русской почве. В качестве аргументов, подтверждающих ее точку зрения, исследовательница указывает на наличие психологической коллизии, лежащей в основе сочинения, на документирование событий (в частности, в письме Олегу Святославичу) и наличие автора-рассказчика, вокруг которого строится повествование. Т.Н. Копреева полагает, что «появление жанра автобиографии вытекает из потребности общественного сознания определить место отдельного человека в обществе». Она разграничивает автобиографию и исповедь, которая связана с психологическими или жизненными переживаниями «частного» человека: «в автобиографии писатель ищет не в боге, а в самом себе и в других людях критерий своих поступков, аналогию своим переживаниям. Человек становится сам себе судьей или отдает себя на суд общества. Исповедь – тоже рассказ о себе, но цель его другая: самоуничтожение и самоотрицание. Простить или не простить не во власти кающегося – это дело бога» (3, С.105). Соответственно, исследовательница указывает на основные признаки автобиографии: сознание автором «общественной значимости своей судьбы», выраженное в обращении к читателю, и вместе с тем – «отсутствие конкретного адресата», а также типизация автором своей судьбы (3, С.105-106). «Рождение жанра, – полагает Т.Н. Копреева, – происходит только тогда, когда автор-рассказчик становится из свидетеля главным действующим лицом повествования, героем, вокруг которого последнее строится» (3, С.104). Признавая справедливость последнего утверждения, мы склонны полагать, что Поучение Владимира Мономаха все же не является автобиографией в собственном смысле этого слова.

Нам представляется, что ближе к истине точка зрения М.В. Антоновой, которая считает, что Поучение «построено не “вокруг героя”, а “вокруг мысли”, идеи – лицо же лишь помогает в аргументации» (8, С.274). Действительно, биографические факты отбираются и комментируются по определенной тематике: «пути», «ловь», обиход и управление; хронология учитывается только внутри одной тематической группы событий – рассказа о походах, прочие лишены этого организационного стержня. Автобиографизм используется как художественный прием, «когда типизируется некий личный пример в качестве нравственно - этического эталона» (8, С.274).

Л.Г. Дорофеева, как мы уже упоминали выше, рассматривает Поучение Владимира Мономаха в связи с жанром исповеди, усматривая черты этого жанра и в «Летописце жизни». С ее точки зрения, «на протяжении всей так называемой “автобиографии” Мономах ведет повествование не к тому, чтобы показать свои воинские подвиги и снискать ими славу, а к рассказу о своем главном внутреннем событии: о том, как его посетила жалость к христианским душам» (13, С.129). Несомненно, данный аспект весьма важен для понимания идейной сути произведения. Исследовательница совершенно справедливо обращает внимание на неоднократное упоминание «Божьей помощи» Владимиру Всеволодовичу в данной части текста. Она полагает, что появление подобных фраз происходит «вдруг» и связано с «пробуждением национального и одновременно христианского самосознания» (13, С.129): «войну за власть над уделом брата Мономах осознал как свой грех, как зло для Русской земли, — и изменился!» (13, С.130).

Здесь имеются в виду события 1094 года, когда Олег Святославич вместе с половцами осадил Чернигов. Повесть временных лет концентрирует внимание читателя на несправедном поведении Олега, подчеркивая его союзнические отношения с половцами: «Того же лета Олегъ приде с половць ис Тмутороканя и прииде к Чернигову. Володимерь же затворися в городъ Олегъ же прииде ко граду и пожьже около града, и монастыри пожьже. Володимерь же створи миръ со Олгомъ и иде из города на столь отень до Переяславля, а Олегъ вниде в городъ отца своего. Половьць же начаша воевати около Чернигова, Олговъ не возбраняюще, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе Олегъ поганья на Рускую землю, егоже грѣха дабы и Богъ простилъ, понеже много хрестьянъ изыгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землямъ» (14, С.258). Как видим, рассказ о событии лаконичен и объективирован, в конце фрагмента летописец подчеркивает неоднократность совершаемых князем Олегом действий и обличает его греховность. В Поучении Мономаха акцент сделан на лично-памятных элементах и эмоциональном отношении к ним: «И потом Олегъ на мя приде с Половьчьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и не владуче внити имъ въ острогъ; съжаливсьи хрестьяныхъ душъ и сель горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганымъ!» И вдахъ брата отца его мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣххомъ сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизухутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горь, Богъ и святой Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохомъ Переяславлю» (1, С.466,468). Автор точно указывает на число дней, в продолжении которых шла битва, он определяет причины принятого решения оставить Чернигов – жалость, милосердие к простым людям, которые страдали от бесчинств половцев, приведенных Олегом. Мономах передает свое отношение к половцам, сравнивая их с лютыми волками, жаждущими крови проходящих мимо них людей. Особенно значимым, действительно, становится тот факт, что исход из Чернигова, совершившийся на день святого Бориса, был благополучным, половцы не тронули ни воинов, ни их жен и детей. Именно это событие, с точки зрения Л.Г. Дорофеевой, являе-

тся переломным в судьбе Владимира Мономаха, с этого эпизода «в изложении всех походов проявляется ценностное к ним отношение» (13, С.130). Упоминание помощи Богородицы во время битвы на Белой Веже исследовательница рассматривает как единичное, в то время как после оставления Чернигова этот мотив повторяется несколько раз.

Уточним: формула «Богъ ны поможе» используется в Поучении всего 6 раз. Особенно значимое использование, с нашей точки зрения, связано с битвами у Белой Вежи и в Чернигове, когда, кроме Господней помощи, упоминается еще и заступничество Богородицы и святого Бориса. Последующие четыре случая использования формулы могут быть истолкованы двояко. Во-первых, вне всякого сомнения, это этикетная формула, означающая победу над врагом. Во-вторых, она несет в себе и реальное авторское осмысление событий, в которых военный успех был связан с божественной помощью. Обратим внимание на то обстоятельство, что в пяти фрагментах речь идет о столкновении с половцами, то есть язычниками, неверными. И только в последнем эпизоде половцы не упоминаются, речь идет о Глебе, очевидно, Минском князе, который захватил в плен людей Мономаха: «оже ны бяше люди заяль, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленное» (1, С.468). Обращает на себя внимание тот факт, что Мономах, точно подсчитав количество великих «путей», далеко не все упоминает в своем сочинении, малые же походы, по его словам, не все может упомянуть. Отбирая информацию о военных походах, Мономах в основном останавливает внимание читателя на противоборстве с половцами и теми князьями, которых можно назвать зачинщиками междоусобиц. С этим связано еще одно замечание Мономаха: «А самы князи Богъ живы в рудѣ дава: Коксусь с сыномъ, Аклань, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту рѣчку въ Салню. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших» (1, С.470). Таким образом, оказывается, что захват в плен и уничтожение половецких воинов рассматривается как богоугодное дело.

В повествовании о «ловах» также присутствует мотив «Божьей помощи»: Перечислив все случаи нападения диких зверей на охоте, автор заключает: «И Богъ неврежена мя съблюде» (1, С.470). В конце «Летописца», вновь переходя к дидактическому обращению к читателям, Мономах вновь подчеркивает по сути свою богоизбранность, особость: «хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюде от тѣхъ часть смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла челоувѣчская потребна» (1, С.470). Именно Господь, по мысли автора, оберегал его от напастей, ранений, смерти, хранил для тех деяний, которые он смог совершить в своей жизни. Но и человек должен прилагать определенные усилия, чтобы заслужить попечительство высших сил.

Автобиографическое повествование должно убедить читателя в справедливости дидактических рекомендаций Владимира Мономаха и побудить адресата Поучения полагаться на Божью помощь и трудиться, совершая добрые дела, помня о неизбежности смерти и необходимости заботы о своей душе: «Да сю грамотицу прочитаючи, потъснѣтеса на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни раги, ни от звѣри, но мужское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от раги, и от звѣри и от воды, от коня спадаея, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно» (1, С.470). Тем самым автор, сообщая о вполне определенных фактах своей биографии, создает систему аргументов, доказывающих собственную исключительность. Понятно, что в системе ценностей средневековой культуры исключительность создателя текста, сознаваемая и подчеркиваемая им самим, представляла собой грубейшее нарушение этикета и канонических правил литературы. Правом на связанное жизнеописание в древнерусской литературе обладали только святые, а автобиографический дискурс мог возникать в агиографии только во вставных рассказах от имени святого. Владимир Мономах не мог не знать об этих имплицитно присущих книжности закономерностях. Разумеется, рассказ о себе в рамках «Летописца», представляющий своего рода вставное повествование, не может рассматриваться как полноценная автобиография, не может он и быть однозначно сближен с жанром жития. Однако некий «агиографический оттенок» в этой части Поучения все-таки присутствует: князь, рассматривая свой жизненный путь в качестве положительного примера для подражания в истинно христианском праведном поведении, отчасти ориентируется на житийную традицию. М.В. Антонова вообще полагает, что Владимир Мономах осознает себя «и частью реальной исторической действительности, и житийным героем, святым. <...> Духовная работа, постоянная забота о своей душе, которая обращается во внешний мир конкретными проявлениями истинной добродетели, приводит человека к высочайшим взаимоотношениям с Господом, выражающимся в его заступничестве и попечительстве» (8, С.291). Это позволяет нам говорить об элементах агиографической разновидности автобиографического дискурса в «Летописце жизни».

Для последней части Поучения Владимира Мономаха характерна эпистолярная разновидность автобиографического дискурса. Письмо Олегу Святославичу было написано в связи с конкретными событиями в жизни автора, в его основе лежит «рамочная» автобиографическая ситуация письменного общения Мономаха и его адресата – черниговского князя, возникшая в связи с междоусобным конфликтом, в котором погиб младший сын Владимира Всеволодовича Изяслав. Обстоятельства войны между Олегом и Изяславом за Муромское княжество подробно излагаются в Повести временных лет под 1096 годом (14, С.267). В начале письма Владимир Мономах определяет побудительные причины составления текста, которые имеют автобиографический характер: «Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, егоже еси хрстиль, иже то сѣдить близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужьской и грамоту, река: “Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ”» (1, С.472). Данному посланию предшествовала переписка Олега Святославича и Владимира Всеволодовича с сыном Мономаха Мстиславом, княжившим в Новгороде и бывшим крестным сыном Олега. О содержании письма сына к нему Мономах сообщает в своем послании к Олегу, а о содержании письма к Олегу мы обнаруживаем информацию в Повести временных лет: «И посла к нему Мъстиславъ посоль свой из Новгорода, глаголя: “Иди опять Мурому, а в чюжей волостѣ не сѣди. И азъ пошлю молиться съ дружиною своею къ отцю

моему и смирю тя с нимъ. Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивно: в ратехъ бо цесари и мужи погыбають”. Олегъ же не восхотѣ сего послушатѣ, но паче мышляше и Новгородъ прїяти» (14, С.268). После того как Олег захватил суздальскую, муромскую и ростовскую земли, Мстислав вновь посылал к нему послов, пытаясь склонить к примирению с Мономахом и обещая свое посредничество: «И посла къ Олгови, глаголя: “Не бѣгай никаможе, но послися ко брагъи своей с молбою не лишая тебе Русьской земли. А язъ послю къ отцо молится о тобѣ”. Олегъ же обѣщася тако створити» (14, С.270). Как видим, Мстислав действительно пытался уговорить отца примириться с Олегом.

В письме Мономаха естественно отражаются и иные автобиографические детали, а именно: автор вспоминает прежние конфликты – упоминает свой поход вместе со Святополком на Олега в начале 1096 года за то, что тот не желал участвовать в общем походе против половцев, осаду Стародуба в том же году, последовавший за этим отказ Олега «рядиться» о княжеских владениях; сообщает о смерти сына, об удержании его жены Олегом у себя. Автобиографично упоминание о сыне как о крестном Олега Святославича («Егда же убиша дѣтя мое и твое...») (1, С.472), замечание, свидетельствующее, что свадьба Изяслава состоялась незадолго до его гибели, а Мономах не мог на ней присутствовать («а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых, обуимъ, оплакать мужа ея и оны сватбы ею въ гѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣ радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя!») (1, С.472). Все эти детали помогают читателю составить представление о реальной картине событий, связанных с созданием данного послания.

Мономах, по словам Н.В. Поньрко, «пишет к погубителю своего сына и находит в себе силы смириться перед ним» (15, С.43). Владимир Всеволодович не винит Олега в смерти Изяслава, который сам выбрал свою судьбу, покусившись на чужие владения: «Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. <...> Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести» (1, С.474). Автор не только смиренно просит своего адресата о замирении («смѣрнемъ и покаянемъ, хотя от Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления») (1, С.472), но и от него ожидает ответного послания с выражением подобных чувств и намерений: «А к Богу бѣше покаяться, а ко мнѣ бѣше грамоту угѣшеную. <...> Да еже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожить, ни мѣстникъ» (1, С.472). Выражение эмоционального состояния безутешного отца и миротворческой позиции мудрого князя, содержащееся в письме к Олегу Святославичу, является, пожалуй, основным проявлением автобиографического начала в данной части Поучения. Текст фиксирует конкретный момент биографии Владимира Мономаха, трагический эпизод, который понуждает автора к размышлениям о жизни и смерти, гордыне и смирении и – в конечном счете – о заботе о своей душе.

Понятно, что письмо является одним из конкретных примеров, который призван убедить читателя в правильности следования нравственному примеру Мономаха. Эпистолярная разновидность автобиографического дискурса в данном случае тесно смыкается с проповедническим, что поддерживается специфическими отношениями автора и адресата. Владимир Всеволодович рисует облик не только реального Олега Святославича, но и размышляет о том, как следовало бы поступить последнему, чтобы не допустить трагедии: «Но да сими словесы, пославше бѣше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бѣше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бѣше, стояще над ним, вникнуци въ помыслы души своей: “Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцо и матери слезы!”» (1, С.472). Эта модель нравственного поведения, предлагаемая адресату, «создает учительную направленность письма» (8, С.292-296), в то же время отражает специфику реальных взаимоотношений корреспондентов.

Автобиографический дискурс в Поучении Владимира Мономаха в своей основе, таким образом, проявляется в проповеднической разновидности, поскольку учительное начало имеет жанрово определяющую роль и выполняет объединяющую функцию. Однако жанровая неоднозначность произведения, включенность в него «Летописца жизни» автора и послания, которые являются органичными частями, приводит к проникновению в текст эпистолографической разновидности автобиографизма, а также некоторых особенностей автобиографического дискурса, свойственных житиям святых.

In this work we considered features of autobiographical discourse preaching type in the Teachings of Vladimir Monomakh. Your life experience the author sees as exemplary, what distinguishes it from the original ancient teachings or sermons, in which autobiographical facts did not become preachy examples.

Keywords: *autobiographical discourse, the Teachings of Vladimir Monomakh, the sermon.*

Список литературы

- 1) Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, называемая в Летописи суздальской «Поучение». – СПб., 1973.
- 2) об этом Орлов А.С. Владимир Мономах. – М., Л., 1946. С.5; Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – М., 1968; Комарович В.Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Т.1: Литература XI – начала XIII в. – М., Л., 1941. С.193; Гудзий Н.К. История древней русской литературы. – М., 1941. С.291; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. С.17 и др.
- 3) Копреева Т.Н. О жанре «Поучения» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. – Л., 1971. Т. XXVII.

- 4) Воронин Н.Н. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. – М., 1962. С.165-271; Магьесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Т. XXVI. – Л., 1971. С. 192-210; Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. С.44.
- 5) Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. – СПб., 2004.
- 6) Кусков В.В. История древнерусской литературы. – М., 1998.
- 7) Адрианова - Перетц В.П. Человек в учительной литературе древней Рус ТОДРЛ. — М., Л., 1972. Т. XXVII.
- 8) Антонова М.В. Древнерусское послание XI-XIII веков: поэтика жанра. – Брянск, 2011.
- 9) Филипповский Г.Ю. «Украшенный добрыми нравами...» // Владимир Мономах: завещано потомкам: Переводы с древнерусских текстов / Составитель Г.Ю. Филипповский. — Ярославль, 1999.
- 10) Дорофеева Л.Г. «Поучение» Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып.8.
- 11) Шайкин А.А. «Се повести времяных лет...» (От Кия до Мономаха). – М., 1989.
- 12) Антюхов А.В. Русская мемуаристика XVIII века (часть 3). Пути становления и развития мемуарно-автобиографической литературы. – Брянск, 2001.
- 13) Дорофеева Л.Г. Мотив покаяния и сюжетные особенности «автобиографии» Владимира Мономаха // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2011, вып.8.
- 14) Повесть временных лет // БЛДР. Т.1 – СПб., 2004.
- 15) Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII: Исследования, тезисы, переводы. – СПб., 1992.

Об авторе

Сарин Е.И.- аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК 82:801.5

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ «ЖИТИЯ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО» НА «ЧТЕНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ» НЕСТОРА

Ю.В. Семенюк

В статье рассматривается вопрос о близости текста «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора и «Жития Вячеслава Чешского». Доказывается, что при наличии текстуальных совпадений основные сюжетные мотивы существенно различаются.

Ключевые слова: древнерусская агиография, «Житие Вячеслава Чешского», «Чтение о Борисе и Глебе», сюжет, топос.

На близость «Жития Вячеслава Чешского» и житийных текстов Борисоглебского цикла исследователи обратили внимание давно. Надо указать, что рассказ об убийстве князя Вячеслава существовал в двух вариантах: «Восточковская легенда» (первое славянское житие Вячеслава, обнаруженное А.Х. Востоковым в составе «Торжественника» начала XVI века и опубликованное им в 1827 году [2: 34]) и «Легенда Никольского» (второе славянское житие Вячеслава, открытое и опубликованное Н. Никольским в 1904 году [2: 69]). Основанием для сближения Борисоглебского цикла и двух вариантов чешских житий стало прямое упоминание в «Сказании о Борисе и Глебе» князя Вячеслава. Н.Н. Ильин вовсе полагал, что «Сказание» рабски копирует чешский источник. Впрочем, эта гипотеза была поддержана только чешским славистом О. Краликом. Б.Н. Флоря пришел к выводу, что серьезных совпадений в житии Вячеслава, «Сказании» и «Чтении» нет. С ним спорил американский исследователь Н. Ингэм, который обратил внимание на сходство нарративной схемы (сюжета) этих произведений. На текстуальные совпадения, свидетельствующие о воздействии чешского текста на русские памятники, указывала также Дж. Ревелли [3; 6: 24-32; 8: 84-87; 9: 36-39; 10: 173-179]. Однако в большинстве случаев, как подчеркивает А.М. Ранчин [5: 31] и доказывает наше последующее сравнение, текстуальное сходство свидетельствует не о зависимости текстов друг от друга, а об использовании традиционных для агиографии общих мест, топосов в том числе и сюжетных [См.: 1: 117-120].

Тем не менее нельзя не согласиться с мнением исследователей, которые полагают, что «Житие Вячеслава Чешского» все-таки оказало определенное воздействие на древнерусскую агиографию на этапе ее формирования. Еще С. Матхаузерова утверждала, что анализируемые жития «моделировали ситуацию зарождения раннефеодальных славянских государств, и это, кроме собственно культовых функций, обусловило особенно значение прославления мучеников. Легенда о злодее Болеслава и мученике Вячеславе была распространена на Руси, потому что выполняла важную нравственную функцию» [цит. по: 5: 32].

Интересную точку зрения по поводу источников «Чтения...» выдвинул А.М. Ранчин. Он доказывает, что в основе рассматриваемых произведений лежит один и тот же семантический архетип: «повествование о правителе — праведном и невинном страдальце, воплощающем идеал христианского непротivления, добровольно принимающем смерть не за исповедание веры, но в подражание страданиям Христа» [5: 33]. Исследователь считает, что в вацлавском и борисоглебском текстах наилучшим образом воплощена схема произведения о «невинном убиении князя». То, что Н. Ингэм считал заимствованиями (совещание князя-врага с приближенными, нападение на страстотерпца на

чужой территории, убийство на рассвете) на самом деле могли в чешских и русских житиях зародиться самостоятельно, так как восходят к архетипической схеме «вероломного убийства» [5: 49]. А.М.Ранчин рассматривает возможно существовавшие повести о невинно убиенных князьях как некий протожанр, способный переродиться (и перерождающийся!) в житие или «повесть о княжеских преступлениях» [5: 53].

Итак, «Житие Вячеслава Чешского» и «Чтение о житии Бориса и Глеба» имеют общую идеологическую направленность (или семантическую наполненность). Мы решили соотнести эти два произведения с целью выяснить, могло ли «Житие Вячеслава Чешского» быть достаточно авторитетным и повлиять на написание Нестором «Чтения о житии Бориса и Глеба».

«Чтение о житии Бориса и Глеба»	«Житие Вячеслава Чешского»
Бысть бо, рече, князь въ тѣи годы, володѣй всюю землею Русскою, именемъ Владимир (201)	Бе же князь велик славою, в Чехах живѣи именемъ Воротислав... [36]
Борис же бе... исполнь благодати Божия (203)	...нача отрокъ роста, благодагью Божией храним... [36]
Взимаше бо книги и чтяше, бяше бо и грамотѣ научен, чтяше же жития и мучения святых (203)	...и нача отрокъ учиться книгамъ лагынскимъ и научися добре... [37]
Таче посла и потомъ отецъ на область (206)	...и отсади же Воротиславъ в Будучь... [37]
Умре отецъ его, благовѣрный князь Владимир (208)	...в то время умре Воротиславъ князь... [37]
(Глеб)... многу же милостивно творя нищимъ и вдовицамъ и сиротамъ (204) (Борис)... много показа милосердие во области своей, не точю же къ убогымъ, нъ и ко всимъ людемъ, яко же всимъ чюдитися милосердию его и кротости (206)	...но веру свершая, всемъ убогимъ добро творяше, бедныя напиташе и сдеваше по евангельскому учению, больныя, рабы питаши, вдовиць не дадѣше обидети, люди вся убогыя и богатыя миловаше, церкви вся златомъ украси — вероваше в Бога всемъ сердцемъ, все благое творяше в животе своем... [37]
таче же того не теряя врагъ, нъ, вниде въ сердце братаго его и вложи зло си врагъ въ сердце его... (207)	...тогда дьяволъ вниде в сердце злыхъ советникъ его... [37]
повар, нъ уподобися Июдѣ предателю (221)	...яко же иногда в Июду предателя... [37]
възвѣстиша, яко братаго твоего хошетъ ты погубити. Блаженный же не ятъ вѣры (213)	...темъ же мнимъ, яко поведаша ему на дворе и рекоша: «Хошетъ ты убити Болеславъ». И не я веры, тому на Бога возложи... [38]
оканнѣи же ти изнесоше глго святого, повергоша в пустыни подъ кладою (223)	...Вячеслава же разсекше, отидоша и схванѣше его... [38]

Однако, при удивительной близости жития Бориса и Глеба с житием Вячеслава Чешского, как в плане содержания, так и в плане форм выражения, мы не можем с точностью утверждать, что именно «Житие Вячеслава Чешского» стало для Нестора образцом, моделью при написании им «Чтения о житии Бориса и Глеба». Прежде всего, оба текста имеют множество своих индивидуально-авторских отличий. А если внимательно взглянуть на так называемые общие для двух текстов моменты, то мы убедимся, что все это общехристианские топосы, которые встречаются не только в данных произведениях, но и в византийской православной литературе. Это говорит лишь о том, что авторы «Жития Вячеслава Чешского» и «Чтения о Борисе и Глебе» писали свои сочинения в соответствии с житийным каноном, используя традиционные топосы.

Нестор, несомненно, был знаком с «Житием Вячеслава Чешского». Но остается открытым вопрос, относился ли Нестор к «Житию Вячеслава Чешского» с той же степенью почтения, что и к византийским произведениям? Было ли оно достаточно авторитетным в православном мире, чтобы лечь в основу «Чтения о житии Бориса и Глеба»?

В «Чтении» и «Житии Вячеслава» довольно много различий в построении сюжета, которые отражают саму жизненную реальность. Остановимся на некоторых из них.

«Чтение о житии Бориса и Глеба»	«Житие Вячеслава Чешского»
Упомянут только отец	Святого растят отец и мать
Парность персонажей: Борис и Глеб	Вячеслав один
Умысел убить братьев возникает в душе у Святополка	Замысел убить Вячеслава возникает не у Болеслава, а у его злых советчиков
Правителем является Святополк, он убивает братьев из-за страха потерять престол	Правит Вячеслав, недовольны советники; Болеслав убивает брата, чтобы захватить престол
Святополк подсылает убийц	Болеслав сам является убийцей
Князья добровольно идут на смерть; непротивление	Вячеслав активно обороняется
Святополк до конца жизни остается грешным, не раскаивается, несет наказание	Болеслав раскаивается, сооружает церковь в честь невинно убиенного им самим брата

Не будем забывать, что «Чтение» и «Житие Вячеслава Чешского» — произведения художественные. В них отражаются идеи, личный опыт и мировоззрение авторов. Нестор внес в «Чтение» определенную долю своей личности, наполнил произведение индивидуальными особенностями. Однако главное отличие «Чтения» от «Жития Вячеслава» (хотя они и имеют общий семантический архетип) состоит в том, что Нестор реализовал идею вольной жертвы за Христа. Добровольно и осознанно принимают смерть Борис и Глеб, хотя могли бы ее избежать. Ни Борис, ни Глеб не противятся убийцам. Смерть Вячеслава в житии никак не может быть названа вольной. Когда Болеслав нападает на брага, то вступает с ним в схватку, даже разоружает его и бросает на землю. Как не вспомнить слова Г.П. Федотова о том, что «подвиг непротвращения есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа» [7].

The article considers the question of the proximity of the text «Reading about Boris and Gleb» by Nestor and «The Life of Vyacheslav Czech». It is proved that in the presence of textual coincidences main plot motifs are significantly different.

Key words: ancient Russian hagiography; «The Life of Vyacheslav Czech», «Reading about Boris and Gleb», the plot, the topos.

Список литературы

1. Антонова М.В. Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С.117-120.
2. Восточная легенда // Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.,1970. Ссылки на «Житие Вячеслава Чешского» даются по данному изданию в квадратных скобках.
3. Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (опыт анализа). М.,1957.
4. Преподобный Нестор Летописец. Повесть Временных лет. Жития. М.,1997. Ссылки на «Чтение о Борисе и Глебе» даются в тексте в круглых скобках по данному изданию.
5. Ранчин А.М. Князь — страстотерпец — святой: семантический архетип житий князей Вячеслава и Бориса и Глеба // Ранчин А.А. Статьи о древнерусской литературе. М.,1999.
6. Ревелли Дж. Старославянские Легенды о св. Вячеславе и древнерусские княжеские «Жития» // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М.,1996. С.24-32
7. Федотов Г.П. Святые Древней Руси // http://libword.narod.ru/lib_html
8. Flořja B.N. Václavská legenda a borisovsko-glebovský kult (shody a rozdíly) // Československý časopis historický. 1978. Ročn. XXVI. №1. S.84-87.
9. Ingham N. The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages // Medieval Russian Culture. Ed. by H. Birnbaum, M. Flier (California Slavic Studies. Vol. 12). Berkeley; Los Angeles, 1984. P.36-39.
10. Králík O. Nové práce o Pověstí vremenných let // Československá rusistika. 1961. №3. S.173-179.

Об авторе

Семенюк Ю.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет».

УДК 81.00

В. Л. КИГНА-ДЕДЛОВА И А. П. ЧЕХОВА: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

О.М. Скибина

Статья написана с использованием архивных документов, посвящена литературным связям А. П. Чехова и писателя-беллетриста В. Л. Кигна-Дедлова.

Ключевые слова: Чехов, Кигна-Дедлов, литературная критика, проблема литературного влияния.

Среди выдающихся русских писателей конца прошлого века имя Владимира Людвиговича Кигна-Дедлова (1856–1908) не значится – в памяти потомков едва ли удержалось название хоть одного его произведения. Между тем в конце 80-х годов XIX столетия, в так называемое «застойное время» русской словесности, когда в обращение вошла звонкая фраза, брошенная одним из критиков: «Писателю не хочется писать, а читателю – читать», – в петербургской газете «Неделя» одна за другой стали появляться публицистические заметки В. Л. Кигна, подписывающегося псевдонимом Дедлов. При общей бесцветности языка газеты написанное им запомнилось, изящная форма «пугевых картин» восхищала, мотив о самобытности русской культуры в сравнении с западно-европейской, объединяющий калейдоскоп заметок, звучал как нельзя кстати. Сразу же имя этого молодого автора привлекло внимание читателей. Это был новый тип журналиста-популяризатора, чьи увлекательные статьи по самым разнообразным отраслям знаний не только несли новую информацию или интерпретацию научных достижений, но и воспитывали бесстрашие перед фактом – научным, эстетическим, социальным. Кроме того, читателей подкупала язвительная интонация Дедлова, его яростные нападки на бюрократию и твердое убеждение: «Я не верю, чтобы народ и историю делали учреждения. Народ сам себя создает».

В 1895 году в книге «Забывтый писатель» А. Г. Горнфельд писал о том, что каждый из этих писателей «делает

свой вклад в образование литературного языка, каждый находит свои особые сферы наблюдения и интересов, каждый дает материал для более широких обобщений, подмечает те или иные стороны вещей, до него не отмеченные <...>. Задача историков литературы, по мнению исследователя, в нахождении точки зрения, с которой писатели, забытые потомством, «должны быть оценены и реабилитированы во внимании читателей». На наш взгляд, такой точкой зрения или критерием оценки второстепенных писателей может оказаться наличие рядом фигуры более значительной, оказавшей серьезное влияние на развитие литературы. Для 80–90-х годов XIX столетия таковой фигурой может стать Чехов, не только повлиявший на целое поколение своих современников, но и сам находившийся во власти определенных законов формирования художественного мира, свойственных этой эпохе.

«Великие писатели растут не в одиночку, рядом всегда есть фигуры значительно более мелкие, но, тем не менее, отражающие процессы движения художественных форм эпохи <...>. По отношению к Чехову эта проблема приобретает особый характер», – писал известный чеховед А. П. Чудаков, считающий, что корни творчества Чехова напрямую связаны с массовой литературой, к которой принадлежал Владимир Кигн-Дедлов.

Что Чехов знал о Дедлове? что читал? как относился? могло ли творчество Дедлова каким-то образом влиять на Чехова? Существует ли хотя бы один прием в его поэтике, который Чехов, позаимствовав, укрупнил? Столь крамольные предположения не лишены здравого смысла, если учесть, что свои первые очерки и рассказы Дедлов опубликовал (и получил во многом лестные отзывы критики), когда Чехов еще только входил в литературу. Кроме того, Дедлов сформировался прежде как литературный критик и положение дел в литературе 80-х годов XIX столетия сформулировал достаточно определенно: «Старые звезды или закатываются, или меркнут, а новых нет <...>». Вот почему представляется целесообразным освещение вопроса литературных связей В. Л. Кигна-Дедлова и А. П. Чехова, истории их знакомства, переписки, взаимовлияния, если таковое обнаружится.

««Оренбургский край» – газета литературно-политическая и экономическая. Периодичность: 3 раза в неделю. Редактор-издатель Н. А. Баратынский. Первый номер вышел 11 октября 1892 года. В 1895 году газета прекратила свое существование», – за этими скупыми строчками Библиографии русской периодической печати (1703–1900), выпущенной в 1915 году, скрывается интересная история общения А. П. Чехова и В. Л. Кигна-Дедлова, публиковавшего в разделе «Беседы о литературе» газеты «Неделя» свои заметки под псевдонимом «1».

Именно за этой подписью в мае 1891 года в литературном приложении к газете «Неделя» появилась статья В. Л. Кигна «А. П. Чехов». В ней он давал обзор творчества Чехова, анализировал рассказы «Скучная история» и «На пути»: «Г-н Чехов – начинающий писатель, и что из него выйдет со временем, предсказывать нельзя. Начало, конечно, блестящее, но венчает писательское дело не конец, а середина деятельности <...> Четверть века пришлось ждать, пока появился человек, решивший смотреть на вещи прямо и говорить то, что думает, о том, что видит <...> Г-н Чехов – крупное явление в русской беллетристике и вполне достоин внимания наших аристархов». Говоря о талантливости Чехова, Дедлов выбирает путь простого «указания на существенную черту таланта г. Чехова»: сравнивая его «манеру писать, способ изображения человека, приемы, с помощью которых беллетристы проникают в человеческую душу», он говорит о двух типах психологизма – гоголевском и толстовском, подразумевая под первым сценические монологи («внешняя манера»), под другим – «препарирование души». У Чехова, по мнению критика, – «своя дорога», которая заключается в том, чтобы, с одной стороны, «освободиться от подавляющего влияния писателя такой силы, как Толстой», а с другой – разившись, «несомненно, на почве произведений Гоголя, Толстого и промежуточных талантов», «идти по своей дороге. Может случиться, что на этой дороге писатель не найдет ничего крупного, но зато он не станет повторять уже сказанное. Что ждет его на неизвестном пути, – нельзя сказать; это расскажет он сам, если ему будет сопутствовать удача, которая нужна, пожалуй, не меньше таланта». Главное достоинство чеховских произведений Дедлов видит в том, что они – «настоящие русские: русские люди, русская психология, русская действительность».

Свои первые отзывы о творчестве Чехова Дедлов опубликовал еще в 1888 году. Делая обзор современной беллетристики за 1887 год, В. Дедлов размышлял о роли русской литературы на Западе, отмечая тот факт, что Запад в лучшем случае знает Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Пушкина и Лермонтова и, «главным образом, русский роман». Большинство этих художников уже нет в живых, – продолжает критик, – «поэтому как ни высоко ценим мы их, но вменить их в заслугу последнего времени, нашему поколению мы не можем». «<...> А между тем это время и это поколение всего сильнее привлекает внимание как <...> наше настоящее. Что же представляет собою литература настоящего времени и чего мы можем ожидать от нее в ближайшем будущем?». Ставя вопрос о том, есть ли в этом «настоящие» таланты, Дедлов на первое место выдвигает Чехова: «<...> Возьмем, например, наиболее молодого из наших беллетристов – г. Чехова. Свобода творчества, правда изображений, определенность и ясность образа, поэтичность тона и, наконец, умелое трактование иногда весьма сложных сюжетов – все это изобличает в нем далеко не маленький талант».

Известно, что критиков Чехов не жаловал: «Когда я читаю критику, то прихожу в некоторый ужас: неужели на земном шаре так мало умных людей, что даже критики писать некому? Удивительно все глупо, мелко и лично до пошлости... Мне даже начинает временами казаться, что критики у нас оттого нет, что она не нужна, как не нужна беллетристика (современная, конечно)» (П. Т. З. С. 187). В ноябре 1888 года он писал А. С. Суворину: «Нынешним горячим головам хочется обнять научно необъятное, хочется найти физические законы творчества, уловить общий

закон и формулы, по которым художник, чувствуя их инстинктивно, творит музыкальные пьесы, пейзажи, романы и пр. Формулы эти в природе, вероятно, существуют. Физиология творчества, вероятно, существует в природе, но мечты о ней следует оборвать в самом начале. Если критики станут на научную почву, то добра от этого не будет» (П. Т. 3 С. 53–54). Чуть позже высказывания Чехова в адрес критики становятся еще более резкими и нетерпимыми: «Критики нет. Дующий в шаблон Тагищев, осел Михневич и равнодушный Буренин – вот и вся российская критическая сила. А писать для этой критики не стоит, как не стоит давать нюхать цветы тем, у кого насморк <...> Скажут, что критике у нас нечего делать, что все современные произведения ничтожны и плохи. Но это узкий взгляд. Жизнь изучается не по одним только плюсам, но и минусам. Одно убеждение, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти толстых томов» (Суворину А.С., 23 декабря 1888 года).

Раз и навсегда определив свое отношение к критикам, Чехов, пожалуй, сделал исключение в отношении автора, подписывающегося псевдонимом «I», и на вопрос редактора «Нового времени» А. С. Суворина, кто скрывается за этой подписью, отвечал: «Единицею подписывается Дедлов-Кигн, беллетрист и интересный путешественник, которого я знаю понаслышке, но не читал» (П. Т. 4. С. 226). Дедлов отличался от большинства критиков уже хотя бы тем, что не требовал от Чехова романа: «Его простые психологические рассказы должны были быть очень художественными, чтобы пробить дорогу на страницы если не тенденциозных, то делающих тенденциозный вид газет и журналов. Чехову удалось завоевать себе свободу». Тенденциозностью современной русской критики Дедлов объяснял также и ее упреки Чехову в обилии «серого цвета»: «<...> в беллетристике допускались только две краски: черная и белая, и горе было тому беллетристу, который выкрасил бы своих героев в серый цвет». Свобода Чехова в том, считает Дедлов, что он «не только не подчинился обстоятельствам, но еще сумел более или менее подчинить их себе... Чехов – оригинальное дарование. Оригинальны и выбор его сюжетов, и постройка его рассказов и рассказиков, и отношение его к героям. И его настроение, и его манера. Оригинально, ново, – это для непосредственного художественного чутья ясно как день; но уловить эту новинку может только критик такой же силы, как и разбираемый им художник (выделено мной. – О. С.). Таких критиков у нас или нет, или они не хотят писать о г. Чехове, потому что об этом писателе я не читал ни одной статьи, которая удовлетворительно разъяснила бы сущность его литературной физиономии». Далее шел профессиональный разбор таких рассказов Чехова, как «Скучная история», «На пути», «Верочка», «Припадок», «Святою ночью» и др.

В апрельском номере петербургского журнала «Север» за 1892 год был помещен портрет Чехова и статья, уже подписанная буквой Д. Статья резко отличалась по тону от общепринятых и, конечно, не могла не быть замечена Чеховым. Едва ли не впервые Чехов был назван «мыслителем», тогда как для большинства своих современников он был прежде всего бытописателем, подробным, кропотливым и чрезвычайно точным. Даже такие известные критики, как Д. Н. Овсянко-Куликовский в «Этюдах о творчестве Чехова» писали о том, что «нельзя изучать нашу жизнь во всей ее полноте и во всем разнообразии ее часто противоречивых черт; <...> можно лишь изучать “унылую скорбь”, внушаемую созерцанием современной жизни и исследованием души современного человека».

Дедлов в противовес общепринятым оценкам назвал Чехова «бодрым художником»: «Читая его произведения, мы выносим впечатление творческой свежести и бодрости <...> Та “нейрастения”, болезненная нервность, которою отличается современное поколение и которая коснулась и писателей, по-видимому, не отразилась на Чехове». Формировался он как художник в неблагоприятных условиях – ими Дедлов называет господство писателей, чья «манера, приемы стали идеалом беллетристического рода литературы и авторитетными образцами творчества. Нельзя было не подчиниться им; подчиниться же значило подражать. – Чехов избежал подражания и вырабатывает собственную манеру. Сохранив за собою свободу творчества и освободив свою мысль от пут направленства, Чехов уже теперь дал нам много прекрасного и много умного. Полный расцвет его таланта еще впереди».

Чехов сразу же откликнулся на эту публикацию, написав редактору журнала В. А. Тихонову: «За изображение внешнего вида моей наружности приношу Вам мою благодарность. Портрет, говорят, очень удачен, а статья Дедлова (ведь это его статья?) приписывает мне достоинства, каких я никогда не имел и иметь не буду» (П. Т. 5. С. 56).

Владимир Людвигович Кигн-Дедлов к этому времени уже находился на службе в Оренбурге в должности чиновника по особым поручениям от Министерства внутренних дел. Одновременно он помогал своему приятелю Н. А. Баратынскому выпускать газету «Оренбургский край», первый номер которой вышел 11 октября 1892 года. А уже 20 октября Кигн-Дедлов решил написать Антону Павловичу Чехову лично: «Позволяю себе обратиться к Вам с большой просьбой. В Оренбурге, где я нахожусь на службе, мой приятель, опытный адвокат Баратынский, несмотря на мои уговоры не делать этого, предпринят издание газеты “Оренбургский край”. Желая помочь ему в качестве почитателя Вашего таланта, неизвестного в диком Оренбурге до такой степени, что Ваш “Иванов” прошел, к моему негодованию, при почти пустой театральной зале, я очень прошу Вас позволить перепечатать в “Оренбургском крае”, в январе, Вашу чудесную “Попрыгунью”. Вреда Вам, как издателю Ваших сочинений, перепечатка причинить не может (надо принять во внимание и это житейское соображение), ибо “Оренбургский край” рассчитывает иметь не более 5, 6 сотен подписчиков. Быть же Вам полезным, как талантливому писателю, газета рассчитывает, – хотя, к сожалению, в том же небольшом кругу абонентов. Прибавляю, что “Попрыгунья” будет служить иллюстрацией к статье о Вас. Пишу Вам по просьбе редактора “Оренбургского края”, а от себя, пользуясь случаем, позволю пожелать Вам идти в искусстве впереди так же быстро и счастливо, как Вы идете до сих пор, и к сорока годам стать для всех

несомненной гордостью художественной литературы. Прошу верить искренности вашего покорного слуги... Адрес мой: Оренбург. Переселенческая контора».

Чеховская «Попрыгунья» накануне была опубликована в № 6 за 1892 год в журнале «Север». В этом же номере вышла статья под названием «Провинция» о голоде в Оренбурге «от собственного корреспондента» под инициалами «А. Б.». За ними скрывался все тот же Кигн-Дедлов, взявший себе для публикаций в «Оренбургском крае» псевдоним Переселенец. Чехов сразу же ответил Дедлову в Оренбург: «“Попрыгунью” отдаю в Ваше полное распоряжение. В. А. Тихонов вчера говорил мне, что в декабре Вы будете в Петербурге. Я был бы очень рад повидаться с Вами. Странно, что мы с Вами до сих пор еще не знакомы, хотя давно уже работаем на одном поприще и имеем общих друзей и приятелей. И странно, что я до сих пор еще не имел случая поблагодарить Вас лично за то внимание, какое Вы мне так часто и, говоря по совести, так незаслуженно оказываете» (П. Т. 5. С. 129).

Встреча и знакомство Кигна-Дедлова с Чеховым состоялись в декабре 1892 года в Петербурге, куда оба приехали по своим делам. В записной книжке Чехова сохранились два адреса: «Дедлов. Троицкая 9, до 12 ч.» и «Фонтанка 116, 29. В. Л. Кигн» (С. Т. 17. С. 108). Однако в 17-м томе Полного собрания сочинений и писем Чехова комментаторы настаивают на том, что Чехов мог познакомиться с Дедловым только 5 января 1893 года в доме В. А. Тихонова (С. Т. 17. С. 329). Основанием для такого утверждения комментаторам представляется то обстоятельство, что адрес, указанный в записной книжке Чехова, – «Троицкая 9» – адрес редакции «Северного вестника», где Чехов действительно был именно 5 января. Судя же по опубликованному в том же «Оренбургском крае» (№ 6 от 5 января 1893 г.) фельетону «Литературный юбилей», где речь шла о праздновании 25 декабря 1892 года 25-летия творческой деятельности редактора петербургской газеты «Неделя» Павла Александровича Гайдебурова, первая встреча Чехова и Кигна-Дедлова произошла именно здесь: «<...> Юбилею был поднесен изящно разрисованный текст адреса и альбом с портретами сотрудников: 1) Л. Толстой, 2) Н. Лесков, 3) Г. Успенский, 4) А. Чехов».

Накануне Татьянина дня Чехов пригласил Дедлова отобедать вместе с ним и другими писателями в ресторане «Малый Ярославец». Публика собралась известная: А. С. Суворин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. В. Григорович, К. С. Баранцевич, П. П. Гнедич, редактор журнала «Нива» князь М. Н. Волконский, В. И. Немирович-Данченко и другие – всего тридцать человек. Судя по воспоминаниям редактора «Севера» В. А. Тихонова, инициатива таких обедов принадлежала именно Чехову, старавшемуся «соединиться вместе» с другими беллетристами, иначе «поодиночке переключают всех».

В Отделе рукописей Государственной национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в фонде № 494 «Д. Л. Мордовцев» хранится «Альбом обеденных благоглупостей российских беллетристов», где на первой странице в углу написано: «1-й обед состоялся 12 января 1893 года в ресторане “Малый Ярославец” – по приглашению Антона Павловича Чехова, И. И. Ясинского, С. Н. Терпигорева». Чуть ниже – автограф Чехова. Позднее «обеда беллетристов» переместились в ресторан Донона у Певческого моста. Судя по заполненным шутивным заметкам и иллюстрированным известными художниками страницам альбома, «обеда», продолжавшиеся вплоть до 27 января 1901 года, постоянно собирали большое количество популярных русских беллетристов, в числе которых постоянными посетителями были С. Н. Сыромятников (Сигма), А. А. Коринфский, В. Л. Кигн-Дедлов, В. П. Билибин, Д. Л. Мордовцев, В. С. Лихачев, И. Ф. Горбунов, П. П. Гнедич и др. Судя по списку присутствующих, который постоянно вел Мордовцев, Чехов неоднократно посещал их в дни своих визитов в Петербург. Свои обеды беллетристы впоследствии прозвали «Арзамасом» в честь литературного кружка, существовавшего в 1815–1818 годах. В «Новостях дня» от 19 января 1894 года (№ 3805) сообщалось: «Литературное общество “Арзамас” возродилось из пыли шести десятилетий. Ежемесячные обеды беллетристов получают отныне название обедов “Арзамаса”». Чехов писал Суворину по этому поводу следующее: «Беллетристы напрасно назвали свои ежемесячные обеды “Арзамасом”. Это фальшиво» (П. Т. 5. С. 265).

На странице 9 «Альбома» от 6 февраля 1896 года с пометкой «не для дам» помещена сценка В. Л. Кигна-Дедлова «Местные нравы» о шутке, проделанной шляхетскими паничами с девушками, пришедшими накануне Рождества в хлев гадать.

Своими впечатлениями о первом «обеде беллетристов», на котором присутствовал А. П. Чехов, В. Л. Кигн-Дедлов поделился с оренбуржцами в очерке «Иван Федорович Горбунов на обеде беллетристов» (И. Ф. Горбунов – популярный московский рассказчик, завсегдатай подобных мероприятий).

Этот очерк, опубликованный в № 16 от 31 января 1893 года в газете «Оренбургский край», по праву можно считать первым мемуаром о Чехове. Портрет писателя схвачен Дедловым довольно точно: «Чехов, стройный, высокий молодой человек, с вдумчивыми большими глазами, которые время от времени при улыбке вдруг зажигались доброй, юношеской радостной веселостью». А уже в №№ 27–33 газеты, начиная с февраля, был опубликован обещанный рассказ Чехова «Попрыгунья» с вступительным словом Дедлова о жизни и творчестве писателя: «Приступая к печатанью рассказа Чехова “Попрыгунья”, считаем необходимым высказать, что г. Чехов – восходящая звезда русской беллетристики и самый выдающийся из современных молодых писателей. Едва ли не один он возвышается до настоящего мастерства, до понимания своего времени и до создания типов нашей эпохи, когда в жизнь вступили пореформенные люди <...>. “Попрыгунья” познакомит читателей с талантом автора лучше всяких разъяснений. Рассказ перепечатывается из “Севера” с разрешения автора». Так «дикий Оренбург» познакомился с творчеством Чехо-

ва, а Чехов, в свою очередь, стал получать газету «Оренбургский край», регулярно посылаемую ему редактором Н. А. Баратынским.

После возвращения Кигна-Дедлова в Петербург в 1893 году их переписка с Чеховым на какое-то время превратилась – страсть к путешествиям погнала Дедлова в Крым. Результатом поездки стал напечатанный в «Книжках «Недели»» (1894, № 1) путевой очерк «Игрушечная Италия» (Страничка о Южном берегу Крыма), прочитав который, Чехов решил сам отыскать автора и задать ему несколько вопросов о Крыме, где он собрался провести весну 1894 года: «Где теперь Дедлов? – спрашивал он М. О. Меньшикова 20 января 1893 года. – Мне нужно его видеть или написать ему».

Довольно часто в уважительном тоне Дедлов-критик дает советы Чехову-писателю: «Я читаю все ваши новые вещи. Они очень хороши, но я жду от Вас прекрасного. Кажется мне, что Вы выросли из Ваших, хотя и глубоких, но не широких сюжетов и тем. Вам тесно и, может быть, даже несомненно скучно в них. Я уверен, что широкий общественный роман вызвал бы у Вас новые стороны таланта и новый творческий поворот. Отчего бы вам не послужить? С рангами, с отношениями ко всем ступеням администрации, ко всем классам общества. Это очень важно. Нервы русской жизни до сих пор заключаются исключительно в чиновничестве, – отпрепарируйте эту неживую систему. Конечно, странно и нелегко покажется вольной птице, художнику, поступить под начало какого-нибудь статского советника или иного чина в образе человеческого; но смотрите на это как на искус <...> чиновником о особых поручений, достать интересную командировку <...> для ревизии какой-нибудь медицинской или ветеринарной <...> Однако ниже губернского города спускаться не следует; в уезде горизонты уж совсем узки, а подчиненности слишком много <...>».

Дедлов советует Чехову на правах старшего товарища, уже послужившего «по Министерскому ведомству». Ему невдомек, что именно в это самое время Чехов работает – обыкновенным участковым врачом: ловит «за хвост холеру», принимая в год, судя по заполненным им амбулаторным листам, до трех тысяч больных («Утро. Приемка больных. Сейчас принял № 686. Холодно. Сыро. Нет денег»). Будучи попечителем сельской школы в Серпуховском уезде, строит школу для крестьянских детей в Талеже и Мелихове, ругаясь с подрядчиками и выбивая лес для строительства. И при этом интенсивно пишет: за один только 1892 год – десять рассказов, среди которых «Палата № 6», «Попрыгунья», «Соседи»... И работа над «Островом Сахалин». Вот уж поистине: «Медицина – моя жена, а литература – любовница».

На вопрос Чехова, почему Кигн покинул Петербург, тот отвечал: «Я Петербург, действительно, оставил, а вместе с ним и затяжную службу; при министерстве я, впрочем, числюсь, именно ввиду командировки. Петербург накаливает мне нервы. Остудить их, как известно, горьким опытом, есть для меня одно средство – выпить. Выпивка же ввергает меня в меланхолию, сначала простую, а потом и черную. Так лучше уйти от греха в деревню, где я больше рюмки вина в день не потребляю и потому сравнительно жизнерадостен. Кроме того, в Питере я никогда ничего, кроме фельетонов, писать не мог». В этом же письме Кигн-Дедлов сообщал о своем намерении странствовать по северной Волге, Вятке, Вологде: «Там есть культура, русская культура! Кто бы ожидал этого! От путешествия в эту сторону я жду много интересного, любви к отечеству и народной гордости. К сожалению, туда у меня нет попутчиков... И вот я стал мечтать о том, чтобы составить литературно-художественную экспедицию <...>».

Далее Дедлов предлагал Чехову поговорить с Сувориным на этот счет, ибо экспедиция обещала быть поистине замечательной, и не хватало только «человека, который не только издал бы книжку, но и снарядил экспедицию». Чехов эту мысль Суворину сообщил, хотя она и была для него «недостаточно ясна»: «Чего он хочет? Чтобы Вы печатали его корреспонденции в газете или издали книгу с рисунками?» (П. Т. 5. С. 272).

Поездка не состоялась – Чехов провел это лето сначала в Ялте, а потом в Феодосии на даче у Суворина, куда ему и переслали довольно сердитое письмо Кигна по поводу якобы сказанных Сувориным обидных слов в его адрес: «<...> Стороной мне передавали, что г. Суворин выражался в том смысле, что – напрашивался тут один литераторишка, Дедлов, в командировку на Волгу, – а я вот не желаю. Если это так, то позвольте вас поблагодарить за сообщение Суворину идеи описания Волги, но скажите, что С. чудак, и пожалейте, что С. не хочет с Волгой познакомиться. В. К.».

5 сентября 1894 года Чехов отвечал Дедлову довольно обстоятельным письмом, в том числе и по поводу предполагаемого инцидента с Сувориным: «<...> Слова, будто бы сказанные Сувориным по Вашему адресу, сказаны не были. В настоящее время я живу у него, говорю с ним о Вас, и он клянется, что у него и в мыслях не было ничего подобного» (П. Т. 5. С. 313).

В этом же письме Чехов вновь возвращается к разговору об «Оренбургском крае» и его редакторе Баратынском, которому он в знак благодарности за получаемую газету выслал сборник своих рассказов с дарственной надписью (экземпляр не сохранился) и разрешил перепечатку только что появившегося в столичном журнале «Артист» рассказа «Черный монах». Рассказ был напечатан в «Оренбургском крае» в №№ 271–278 за 1894 год. Здесь же был опубликован рассказ Дедлова «Спор славян». Так два писателя встретились на страницах одной газеты. Изданную в этом же году книгу В. Дедлова «Переселенцы и новые места», посвященную «нашим окраинам», Чехов оценил высоко и советовал Суворину обратить на него внимание: «Корреспонденции его интересны» (П. Т. 5. С. 272). В 1894 году Дедлов приглашал Чехова побывать у него в имении: «Хозяйство моего брата сложное и хлопотливое, – посмот-

рели бы вблизи их помещичью каторжную работу. Я угостил бы Вас 12-ю сортами настоек и наливок. Ехать нужно на станцию Остерманск-Жлобин Либаво-Роменской дороги; потом лошаадьми: г. Рогачев, станция Гадиловичи и – Федоровка (45 в.). По телеграмме, за двое суток до приезда в Жлобин, вас встретит экипаж (телеграмма: Довск, Владимиру Кигну). На обратном пути из Феодосии скажете – по пути». Но у Чехова были другие планы: вместе с Сувориным из Феодосии он отправился за границу.

Излишне строго подходя к собственному творчеству и испытывая в связи с этим потребность в понимании и поддержке со стороны Чехова, Кигн-Дедлов послал ему сборник своих рассказов «Варвар. Эллин. Еврей» с просьбой «услышать мнение» о них. Чехов откликнулся довольно подробным анализом его произведений, после чего выговорил Дедлову, что тот мало пишет, и дал ему совет «попробовать написать пьесу, ибо у Вас великолепный разговорный язык» (П. Т. 5. С. 313) – так писатель и критик поменялись местами.

Нет также и попытки Дедлова-критика как-то отозваться на чеховскую драматургию, хотя имя Чехова постоянно возникает в его письмах, когда речь идет о беллетристике. Чехов для него – непревзойденный авторитет и пример воли, которую должен иметь художник, живущий в так называемую переходную эпоху.

В 1898 году писатели встретились в Ялте – в архиве Чехова сохранилась записка Кигна о посещении дома Бушева («Х. 98. А. П. Чехову. Дача Бушева. Не забудьте взглянуть на Гиппиуса. Всего лучшего»), где в то время оставался Чехов. Еще через несколько лет в ответ на жалобы больного Чехова на приближающуюся старость Кигн-Дедлов напишет ему слова поддержки и любви: «Многоуважаемый Антон Павлович, опытные люди утверждают, что старости нет, старость выдумала глупая молодежь. И Вам и подавно нечего стареть: Вы большое дарование, которое долго не поддается старости <...> Все у вас прежнее, – и отличный русский язык, и техника, уверенная, сжатая и меткая, а что касается самого важного для крупного таланта – смель быть правдивым, так это свойство у Вас растет».

Последнюю весточку В. Л. Кигн пошлет Чехову в январе 1902 года из-за границы, куда он отправится после многолетнего сидения в деревне. Это была небольшая журнальная статейка на французском языке о Чехове из журнала «La Semaine Litteraire» вместе с портретом Чехова. В ней говорилось о наделенном богатым воображением писателе, который наряду с Толстым и Горьким завоевал читательское воображение европейцев. На полях Кигн сделал надпись карандашом: «Случайно купил на жел. дор. Журналчик малоизвестный и едва ли дошел бы до Вас. Посылаю для полноты коллекции, если таковую составляете. А заметка глупенькая. 28 декабря 1901 . Женева. С Новым годом! В. Кигн (а с января: Довск Могилевской губернии)».

Сообщение о смерти Чехова в июле 1904 года потрясло Дедлова. Он написал в Некрологе для «Русского вестника»: «Смерть Чехова – утрата незаменимая, но сочинения, которые он оставил, такое же незаменимое приобретение нашей литературы. Чехов оригинален, – он говорит свое, чего до него не говорили, и говорит так, как до него никем сказано не было».

The article is written using archive documents and is devoted to literary connections of Anton Chekhov and a fiction-writer Vladimir Kign-Dedlov.

Key words: Chekhov, Kign-Dedlov, literary criticism, the problem of literary impact.

Список литературы

1. Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Т. 1. Пг., 1915. С. XV.
2. Горнфельд А. Г. Забытый писатель. М., 1895.
3. Скибина О. М. «Вы смотрите жизни прямо в глаза...»: Письма В. Л. Кигна-Дедлова А. П. Чехову // Чеховиана. Из века XX в XXI: Итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 434–452.
4. ОР РГБ. Ф. 331. Оп. 47. Ед. хр. 36.
5. РГАЛИ. Ф. 493. Оп. 1. Ед. хр. 26.
6. ИРЛИ. Ф. «Кигн В.Л.». Ед. хр. 5655. Карт. XXIX. 8.
7. Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986.

Об авторе

Скибина О.М. – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы, зав. кафедрой журналистики Оренбургского государственного педагогического университета, sskibin90@mail.ru

УДК 83.02

БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ОБРАЗЕ ДАНА АСПИДА АНТИХРИСТА В РОМАНЕ «ПСАЛОМ» Ф. ГОРЕНШТЕЙНА

Т.В Склема

В статье рассматривается образ Дана Аспид Антихриста из романа «Псалом» Ф. Горенштейна как одно из проявлений «вечного образа» богочеловека. Герой анализируется с позиции ролевой, атрибутивной функций, способов включения в сюжет.

Ключевые слова: вечные образы, атрибутивная функция, образ богочеловека, библейские образы и мотивы в литературе, метафизическая основа героя.

В статье «Мессия – Пророк - Антихрист» Э Васильева пишет, что «Роман Ф. Горенштейна «Псалом» - один из сложнейших текстов в литературе XX века [1]. С этим нельзя не согласиться. Автор стремится переосмыслить традиционный советский материализм. Художественно воссоздавая современную ему историю, Ф. Горенштейн подвергает её метафизическому осмыслению. В результате, концептуально значимым в данном осознании становится сопоставление и противопоставление бытового, обыденного с божественным, возвышенным. Значительной особенностью писательской манеры автора можно считать то, что метафизическое (Бог, Душа, Христос, Антихрист, Змей, Аспид) начинают у него определять развитие советского государства. Рассмотрим, как это отражает функционирование художественного текста на примере изображения образа Антихриста. В контекст произведения метафизический герой введён автором с «осени 1933 года», календарная дата вскрывает биографический факт, свойственный скорее обычному человеку, нежели сверхсущности. Далее автор усиливает бытовую сторону изображенного, говоря о том, что всё произошло в конкретном месте, или в чайной колхоза «Красный пахарь» [3]. Дополнительное уточнение: «было это неподалёку от города Димитрова Харьковской области» [3], убеждает читателя в полной правомерности того утверждения, что Антихрист введён в канву повествования в бытовом, биографическом хронотопе. Год и место событий, разворачивающихся в романе, автор выбрал неслучайно.

Наталья Иванова в статье «Сквозь ненависть - к любви, сквозь любовь к пониманию» отмечает, что «...много написано об организованном партией голоде на Украине 30-х годов, многое нами прочитано, - но страницы Ф. Горенштейна прожигают описанием детского простодушия и взрослого обмана, изворотливости, подлости и скотского предательства. Страшный голод. Нищенство голодающих детей единственная возможность хоть как-то выжить» [2]. Ф. Горенштейн пишет, что «в тот год, когда свершилось предсказание мученика - пророка Иеремии и Дан из колена Данова, Аспид, созданный не для благословения, а для суда и проклятия, Антихрист явился на землю, особенно усилилась вторая казнь Господня - голод» [3].

У главного героя романа тройное имя: Дан Аспид Антихрист. Автор начинает повествование о том, что Аспид послан вершить суд по велению Божьему. Ф. Горенштейн включает в роман значение тройного имени, но не заключает в кавычки. Он пишет, что «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадёт назад» [3]. В христианской религии - Змей – это Сатана, искуситель, враг Бога и участник грехопадения. Он олицетворяет силы зла, которые человек должен преодолеть в себе, а конь - символ добра, счастья, мудрости. В исторической, культурной традиции славянских народов, конь - это производное от «иконы, канона», нечто сопутствующее божественному, противопоставленное дьяволу.

Можно предположить, что значение имени Дан, на первый взгляд, таково: потомок из колена Данова является Саганой, врагом Христа и послан на землю судьёй народа, разрушая добро, счастье и мудрость народа, Аспид же означает - злобный человек. Таким образом, приведённые уточнения к слову Антихрист призваны вызвать в сознании читателя культурно - исторические реминисценции с негативной коннотацией образа. Однако, несмотря на то, что синонимичная диада, характеризующая Антихриста в целом не порывает с отрицательной библейской трактовкой, всё же Горенштейн представляет данный образ в совершенно новом ключе, неожиданном для читателя. Антихрист не тот, о котором «кликушествуют христианские живописцы и проповедуют философы. Не Антихрист - враг Христа, и не тот Антихрист, о котором пишут мистики - модернисты, называющие Антихриста Творцом и, ставящие его выше Бога, а Антихрист, который Братом своим делает Божье» [3]. Следовательно, в художественном пространстве Антихрист приравнен у Ф. Горенштейна к Христу и в целом, преследует благое намеренье: через зло показывает ценность добра и сострадания.

Многие исследователи отмечают данную особенность героя, «идя земным путём, герой жил божьим разумом». Следовательно, образ Антихриста создаётся как взаимопроникновение метафизических и неметафизических свойств. Автор пишет, что «он был шестым сыном зачинателя Израиля Иакова. Сыновья Иакова все силы отдавали на исполнение Завета» [3]. Миссия Дана по Завету заключалась в том, что он «...будет судить народ свой» [3]. Кроме того, аналогично библейскому, в тексте «Псалом» его приход предсказывает пророк Иеремия. Дан общается с Господом через пророков, человек не может убить его, - всё это позволяет определить метафизическую сущность Антихриста. Так же герой владеет одним из значимых религиозных символов для человечества «нечестивым хлебом изгнания». С одной стороны, это отсылка к библейскому сюжету изгнания Адама и Евы из рая, когда Бог им говорит о том, что отныне Ева в муках будет рожать детей и покоряться мужу, а Адам - в поте лица будет добывать свой хлеб. С другой стороны, понятие «хлеб изгнания» отсылает нас к текстам Шекспира, конкретнее к пьесе «Ричард II» и словам Болингброка: «И я, склоняясь под бременем неправды, // Дышать был должен воздухом чужбины, // Был должен есть изгнания горький хлеб» [4]. Данная параллель, на наш взгляд, углубляет образ Антихриста Ф. Горенштейна, для

которого земная жизнь тоже чужбина, глубина трагедии в том, что, живя земной жизнью, он тоже отчасти страдает и ест свой «хлеб изгнания». В подтверждение этому достаточно вспомнить эпизод из первой притчи о встрече с женщиной. «Лишь на мгновение, подобно блеску молнии, не сдержал своих чувств Дан из колена Данова, это было вызвано тоской по родному дому» [3]. Герой бесконечно тоскует, его переполняет одиночество, в котором он упорно продолжает нести людям «хлеб изгнания».

«Хлеб», как образ - символ проникнут у Ф. Горенштейна христианским и библейским смыслом, очевидна параллель с Новым Заветом, в котором повествуется о чуде умножения хлеба, но не «хлебом единым жив человек». Следовательно, Антихрист Ф. Горенштейна на землю принёс земное (материальное), но в тоже время в Евхаристии хлеб ассоциируется с жизнью, а вкусившие его проникают в божественный замысел. Неслучайно в первой притче, подав героине хлеб изгнания, Антихрист испытал чувство радости за сделанное доброе дело, однако Бог напомнил ему, что тот послан не для совершения добрых дел. Этот эпизод усиливает трагизм образа, по Ф. Горенштейну, Аспиду приходится быть карающей десницей по велению Бога. Человеческая природа Антихриста проявилась в том, что на землю он пришёл подростком «почти что мальчик» [3], в потёртом пальто с бархатным воротником, на голове шапочка – пирожок. На плече у героя пастушья сумка, в которой нечестивый хлеб изгнания, испеченный на человеческом кале и являющийся inferнальным даром, предназначенным для людей и оскверняющим что-либо священное. Антихрист владеет двумя артефактами - хлебом и повязкой с изречением из Закона Моисеева, которые не позволяют совершать человеческие грехи. А если герой пройдёт земной путь, избегая человеческих слабостей, то народ будет наказан Господом.

Человеческое в образе Антихриста проявляется и в желании обладать «нечестивой мученицей Аннушкой», и в любви к Тасе. Он подвержен антропоморфным процессам «земные годы состарили его... волосы были тронуты прежде времени сединой...» [3], у него четко определен характер в повествовании «сердце пессимиста – человеколюбца, печальника - псалмопевца» [3].

В сочетании метафизических и нематафизических начал в образе Антихриста прослеживаются черты «бого-человека» или существа человекоподобного, но приобщенного к высшему, небесному миру. Художественное изображение Антихриста позволяет Ф. Горенштейну провести мысль, что «сверхспособности», даже направленные на зло, в конечном итоге, служат законам добра, так как заставляют людей задуматься о сострадании, прощении. Именно поэтому Антихрист и Христос в понимании автора служат общей цели, но пути её достижения у них различны, один учит через любовь и милосердие, другой - через страх наказания. Антихрист Ф. Горенштейна постоянно в окружении людей, не исполняющих божьи заповеди, поэтому их наказание справедливо и закономерно. Образ Антихриста двойственен: от сакрального в нем «сверхспособности» и божественная миссия, от человека телесные слабости. Точны в этом отношении по своей ёмкости слова Ф. Горенштейна о том, что «всякому посланцу Неба, не избежать человеческого» [3].

У образа Антихриста помимо трагической канвы в повествовании есть и не свойственная ему роль: он прощает народ, он своеобразный учитель.

В первой притче «О потерянном брате», автор через мысли Антихриста говорит о том, что народ не знает, поэтому и не живёт по заповедям Божиим. Незнание первой заповеди «Я есть Господь Бог твой, и нет других богов кроме меня», Ф. Горенштейн описывает так: люди, ни разу не видевшие Господа, возносят себе подобных в лик Божий. При этом художники рисуют лики Бога, оправляют их золотом и получают за них монеты, пользуются тем, что народ, что видит, в то и верит. Показательно, на наш взгляд и то, что глава, описывающая это, озаглавлена «О потерянном брате». С одной стороны, это своеобразное авторское указание на родственную природу Антихриста и Христа, с другой – это символическое обобщение: человечество, погрязшее в собственных пороках, потеряло Христа, как и Антихриста.

Русская действительность XX годов виделась автору глазами Антихриста: «провинциальная безнадежность с мокрыми тополями у дороги, с собачьим лаем, с двумя - тремя мигающими вдали огоньками, ничего против неё не действует, кроме стакана бурякового самогона» [3]. Образ Дана Аспиды, выписанный Ф. Горенштейном на фоне «нищей и скудной природы бедных селений», несёт дополнительный отпечаток трагичности.

На наш взгляд, закономерно, что Ф. Горенштейн заканчивает вторую притчу словами: «Для того, чтобы принудить человека совершать необходимое, нужна чрезмерность. Чтобы существовало обычное, нужно стремление к великому...» [3]. Образ Антихриста и стал этой необходимой чрезмерностью, чтобы человечество могло осознать великое и сакральное, вернулось к истинному христианству.

Одним из способов раскрытия человеческих чрезмерностей можно считать любовные приключения Антихриста. В романе Ф. Горенштейна, герой способен на божественную любовь к приемной дочери. Однако муки земной любви, человеческой, ему тоже знакомы. Когда Антихрист увидел Тасю Копосову, его охватило странное состояние, которое автор описывает так: «... и странно забилося его сердце, так что он удивился своему состоянию. Ибо, будучи посланцем Господа, он знал только Божью любовь, любил дочь свою Руфь Божьей любовью... Но что такое людская любовь, Дан, Аспид, антихрист, на себе не испытывал ещё, хоть обучен был, конечно истине - всё доброе у людей есть Божье, униженное для людского постижения... поскольку лишь грехи человеку по мерке его. Значит, любовь людская есть унижение Божьей любви. Причём, Божья любовь от вечности - широка, покойна, удивительна и красочна» [3]. Автор пишет, что «...силой, для Небес странной и смешной, брошены были влюблённые в объятья друг другу» [3]. «Без слов, без слёз, без вздохов обнялись они и стояли, крепко держит каждый своё: антихрист- Тасю, Тася – Антихриста» [3]. «И началась у Антихриста с Тасей любовь постоянная. Конечно, не Божья это была любовь, как браг или отец любит дочь, но и не людская, как мужчина любит женщину. Однако по сколько Антихрист не мог лю-

бить иначе, а Тася вообще любила впервые, то они подобной любви не удивлялись» [3].

Ф. Горенштейн мастерски соединяет метафизическое, возвышенное чувство любви с физической близостью в романе. Тем самым подчеркивая концептуально значимую мысль для всего своего творчества о том, что только в слиянии метафизической сути явлений с их неметафизическим воплощением проявляется гармония жизни. Аналогично лермонтовскому Демону герой Ф. Горенштейна после содеянного осознаёт, «что не для проклятия он послан на землю Господом, а чтобы самому быть проклятым» [3]. И в этом заключается трагический пафос образа Дана. Всё предрешено, изменить ничего нельзя. Особенностью страдающего Антихриста у Ф. Горенштейна становится также и то, что образ Господа познаётся через мысли, размышления Дана Антихриста. Подобное представление Бога в канве повествования неслучайно, это своеобразная отсылка автора к историческим событиям 30-х годов XX века, когда советская власть запретила официально религию. Однако человек существо двойственное, склонное к метафизике, ему постоянно необходимо во что-нибудь верить, поэтому в сознании народном и возникли образы, из которых Антихрист был, наверное, самым близким к традиционной концепции веры. Именно данный образ представляет Христа в голодающей России, которая, прикрываясь вечными ценностями человечества, а в частности, именем Бога пыталась выжить в сложных условиях. Ф. Горенштейн пишет: «...отцы и матери и всё работающее население страны в разорении и голоде становились нахлебниками детей своих и стариков, живя Христовым именем» [3].

В мире, в котором отсутствует ценность имени сына Бога, не могло быть другого Христа, по Ф. Горенштейну, как брата Антихриста, несшего кару народу. Мир советской действительности, по мнению автора романа, настолько перевернул сознание человечества, что извечные жизненные ориентиры поменяли свои знаки. В каждом злом поступке в художественном пространстве текста есть добро, как в каждом добром - кроется зло. Вот почему Ф. Горенштейн глубоко убеждён, что «лучше здоровый атеизм, т.е. не вера в Бога настоящая, честная и искренняя, чем равнодушные псалмопевцы и неистовые идолопоклонники» [3]. Именно поэтому в руки Антихриста Ф. Горенштейн вкладывает хлеб, помогающий познать силу божественного.

In article the image of Dan Aspid Antichrist from the novel "Psalm" of F. Guo-renshyteyna as one of manifestations of "an eternal image" a bogocheloveka is considered. The hero is analyzed from a position of role, attributive functions, ways of inclusion in a plot.

Key words: *eternal images, attributive function, an image of a bogochelovek, bible images and motives in literature, a metaphysical basis of the hero.*

Список литературы

- 1.Статья «мессия - пророк-антихрист» Э. Васильева. Васильева Э. Мессия – Пророк – Антихрист («Псалом» Ф. Горенштейна). Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsql12/vasileva12.html>
- 2.Статья «Сквозь ненависть – к любви, сквозь любовь к пониманию» Н. Иванова. Иванова Н. Сквозь ненависть – к любви, сквозь любовь к пониманию («Псалом» Ф. Горенштейна). Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/Gorenstein/gorenstein_psalom_ivanova.htm
3. Ф. Горенштейн роман «Псалом». Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Gorenstein/gorenstein_psalom.htm
- 4.У. Шекспир пьеса «Ричард II». Режим доступа: <http://www.referatik.com.ua/library/18/2977?page=3>

Об авторе

Склема Т.В. – учитель русского языка и литературы СОШ Брянской области.

УДК 322. 77. 67

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА В МЕДИЙНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА НАЧАЛА XXI ВЕКА)

А.С. Сопова

Статья посвящена исследованию социальной проблематики в медийной публицистике А. И. Солженицына. Автор рассматривает основные вопросы ретроспективы и перспективы представления проблем социума в его текстах. поэтапно рассматривается формирование медийного поля собственных воззрений читательской аудитории на его публицистику. Показано влияние медийных текстов в разные временные интервалы. Автор приходит к выводу о формировании медийной системы взглядов участников информационного процесса под влиянием идей А. И. Солженицына. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к газетно-журнальной публицистике А. И. Солженицына начала XXI века.

Ключевые слова: *газетно-журнальная публицистика, информационное пространство, медийное поле, медийная публицистика, перспектива, ретроспектива, система взглядов, социальная проблематика.*

В последние годы своей жизни и творчества Солженицын особое значение придавал политической и социальной публицистике. В своих медийных произведениях он с особой озабоченностью поднимал наболевшие, можно сказать накипевшие вопросы, без решения которых невозможно дальнейшее социальное развитие всех сторон общества и реформирование политического устройства государства. Его публицистические тексты оказывают активное влияние на формирование общественного мнения, отношения современных людей к духовности, определяют ценностные ориентиры развития страны и социума, затрагивают проблемы веры, научного прогресса, истории, политических перспектив и социального развития, при этом они обращены к широким народным массам. Особый ин-

терес вызывают ана-литические исследования его медийных текстов в ретроспективном и перспективном аспектах. В 2010 году в Российской газете вышла статья А. И. Солженицына «Это была моя ре-альная попытка возврата на родину», посвященная 20-летию выхода в свет статьи «Как нам обустроить Россию?» [1], в которой подводились итоги бурных перемен в историческом раз-витии государства и гражданского общества в России.

17 мая 2012 года редакция журнала «Посев» провела круглый стол под названием «Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну», а в восьмом номере был напеча-тан отчет, включающий доклады участников и реше-ния, принятые в ходе дискуссии. Участ-никам мероприятия было предложено обсудить актуальнейшие вопросы со-временного со-стояния страны и ее дальнейшего развития в свете проблем, поднятых А. И. Солженицыным в статье «Как нам обустроить Россию?».

Во время обсуждения были затронуты актуальные вопросы сегодняшнего дня, совре-менного развития страны и общества. Особо необходимо подчеркнуть важность слов: «Бу-дущее России – в руках ее граждан. И в строитель-стве страны у каждого своя роль. Серьез-ное изучение и критическое осмысление солженицынских идей станет, надеемся, нашим по-сильным вкладом в это будущее» [2].

В выступлении Н. Д. Солженицыной прозвучали выдержки из ее дневника за 1990 год– год написания и изда-ния статьи «Как нам обустроить Россию?» – время величайших перемен в стране. Она привела ряд цитат и высказы-ваний самого А. И. Солженицына о те-кущем моменте в стране. 27 марта 1990 года он говорил: «Думаю о погибаю-щей стране – непрерывно. Что, и как, и возможно ли – сделать. И когда с этим выйти. Тяжелая, горькая работа» [3].

21 мая он отметил: «Да, убогой нам родина открылась. Казалось всегда: развалится Советы – какая радость бу-дет! А вот – до такого жуткого развала довели, что и радости нет» [4]. Она также отметила: «Саня считает, что – “мы живем в историческое время; я рад, что дожил до этого поворота: кажется, белые опомнились и перестанут уничто-жать друг друга. Если ось противостояния и останется, то изменится: не Запад – Восток, а, условно, Север – Юг”» [5]. Н. Д. Солженицына вспоминает, что на приглашение премьер-министра И. Силаева быть его гостем А. И. Сол-женицын ответил: «Но для меня невысказано быть гос-тем или туристом на родной земле – приехал и уехал. Когда я вернусь на родину – то чтобы жить и умереть там. В свой возврат я верил и в самые безнадежные годы» [6]. Удиви-тельно, что А. И. Солженицын из далекого 1990-го видел время сегодняшнее с его проблемами и историческими поворотами судеб и народов.

И. Роднянская в своем выступлении сказала: «Он предлагал не ностальгировать по советской “империи”, уже непосильной народу, а заняться духовным и телесным его, народа, спасением» [7]. Далее она обращает внимание читательской аудитории на следующие умозаключения А. И. Солженицына: «Он говорил, что устойчивое общество может быть достигнуто не на “равенстве сопротивлений” (на нынешнем языке: баланс интересов, “система сдержек и противовесов”), но на сознательном самоограничении во имя нравственной справедливости. У нас же все силы ушли на поиски этих “сдержек и противовесов”, пока не остались одни только сдержки и пока общество не стало судорожно искать противовес им на путях митинговой оппозиции» [8]. Автор призывает общество: «Хотим ли мы того или нет, но объективно мы сейчас стоим перед вопросом: “Как нам переустроить Россию?” И это дает настоя-тельный повод перечитать труд Солженицына – не только вдохновенного пророка, но и трезвого прогнозиста – све-жими, сегодняшними глазами» [9]. И далее предлагает рассмотреть постулаты А. И. Солженицына как опытного ав-тора, публицистические произведения, воззвания и призывы которого активным образом функционировали в ин-формационном пространстве страны и мира, которыми необходимо руководствоваться власти, чтобы с пользой для страны и народа осуществить переустройство и модернизацию государства и общества. «“Государственное устрой-ство второстепеннее самого воздуха человеческих отношений”, – сразу упреждает нас Солженицын, и это особая тема (которая, надеюсь, еще будет поднята). Однако, говорит он, “пришел крайний час искать более высокие формы государственности”, чем те, которые мы до сих пор пытались копировать с западных образцов» [10].

Она подчеркивает, что писатель-публицист утверждал: «“Наш путь к выздоровлению– с низов” (а не с демон-тажа всего государственного строя) – “терпеливо и настойчиво расширять права местной жизни”» [11]. И далее пи-шет: «Солженицын эскизно описывает “порядок построения институтов свободы снизу” при временном сохранении “центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует”. Он называет этот принцип “демократией малых пространств” в ее отличие от “централизованной демократии”, достигаемой посредством знаменитой “четы-реххвостки” – всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права» [12]. Автор справедливо отмечает то, что «Солженицын, следуя С. А. Левицкому, подчеркивает, что дух демократии заключается в уважении к человече-ской личности и в наличии правового государства, а прочие исторические ее черты – вторичны и факультативны» [13]. По ее авторитетному мнению, совершенно верным является «для нашей ситуации заявление Солженицына: “интересы партий <...> вовсе не тождественны с интересами избирателей”» [14]. Она обращает внимание на солже-ницынский «принцип “земского” голосования за личность, укорененную на территории данного уровня и там про-явившую себя с достойной стороны...» [15]. При этом уточняет: «Этот способ формирования парламента Солже-ницын дополняет параллельной процедурой: для краткости назовем ее сословно-цеховой» [16]. Затем И. Роднянская конкретизирует высказанные выше положения: «Представители “сословий” и “цехов” (фермеры, промышленники, военные, академические ученые, юристы, члены художественных союзов, держатели малого и среднего бизнеса и проч.) могли бы иметь свою квоту выдвиженцев в парламент наряду с “земской” квотой. Их присутствие укрепило бы профессионализм парламента» [17]. О главе государства автор говорит: «Президент, как предложено Солженицы-ным, выбирается всенародно, после выдвижения нескольких кандидатур на этот пост Всеземским собранием, “без изнурительной предвыборной кампании” – и назначает профессионально компетентный Совет министров» [18]. Ав-тор подвела итог, сказанного ею, отметив следующее: «По последняя главка солженицынских сооб-ражений называется

«Давайте искать» [19].

По степени эмоционального воздействия на читательскую аудиторию солженицынским публицистическим текстам вряд ли можно найти равные, своей направленностью они возбуждают в людях гражданские чувства и стремление к познанию. Эти качества, пожалуй, являются самой характерной чертой его творчества. Подчеркнем, что именно публицистика захватывает умы и сердца людей.

А. А. Тертычный дает очень точное определение публицистическому началу: «Способ наглядно-образного отображения действительности нацелен не только и не столько на фиксацию внешних черт явления или рациональное проникновение в суть предмета, сколько на эмоционально-художественное обобщение познанного. Нередко это обобщение достигает такого уровня, который называется публицистической (или даже – художественной) типизацией, что сближает журналистику с художественной литературой. Подобного рода журналистика поставляет аудитории «материал», способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий» [20].

С. Иванов в своем докладе коснулся темы актуальности статьи А. И. Солженицына в современной ситуации (2012 год). Он отмечает, что апогея своей злободневности она достигла именно в наши дни, просто поразительно то, насколько Солженицын был прав. В своей речи критик подчеркнул следующее: «Как же нам обустроить Россию? Интересно, кто бы взялся сегодня предугадать, когда для нашей страны этот вопрос перестанет быть актуальным? Одно ясно: в десятилетия мы не уложимся. Вот почему эту статью Солженицына и сегодня нельзя читать без внутреннего волнения, без ощущения какой-то обреченности и бессилия. Именно бессилия от осознания того обстоятельства, что в России все умозрения зачастую оказываются бесполезными. И надо сказать, что явно слышимая острая тревога автора за Россию – это наиболее актуальная часть статьи» [21]. С. Иванов сравнивает деятельность двух великих людей: «В последнее время очень много пишут об оценках личности Солженицына в знаменитых «Дневниках» отца Александра Шмемана. Суть расхождений этих двух людей в том, что для Солженицына высшая ценность – Россия, а для о. Александра – Церковь. Они как бы стоят во главе двух религиозно-социальных и культурно-исторических парадигм, двух живых, по определению современного русского философа В. А. Бачинина, потоков жизни, составляющих условие существования сильного российского государства и здорового гражданского общества. Скажу прямо, что, при всем моем уважении к о. Александру Шмеману, мои симпатии – на стороне Солженицына» [22]. Автор подчеркивает: «Россия Солженицына – один из самых привлекательных и один из возможных проектов, который должен стать привлекательным не только для горстки интеллектуалов. Чтобы «сказка стала былью», нужна большая вера, нужно содружество и сотворчество всех здоровых сил нации» [23]. Он также обращает внимание читательской аудитории на то, что «Солженицына в контексте русского национального движения можно назвать предтечей, но не мессией. Его идеи по обустройству России будут востребованы. Они, повторяю, не потеряли своей новизны и правоты. <...> Сегодня полным ходом идет русская этническая мобилизация, и в недалекой перспективе Российская Федерация станет все-таки государством русского народа, о чем, собственно, и мечтал Александр Исаевич Солженицын» [24]. Задумываясь над вопросом, какое государство мы построим «авторитарно-шовинистическое или демократическое», автор замечает, что это будет зависеть «от того, насколько успешно мы усвоим уроки Солженицына» [25].

В своем выступлении Э. Зибницкий отметил: «Солженицын остается представителем романтизма, который в народе, в нации видит индивидуальный организм, личность. Увидев воочию страшный лик беспрецедентного в истории тоталитаризма, почвенник Солженицын судорожно кидается на Запад, но и там боится свобод как причины размытия, атомизации, подмены этого единого, индивидуального организма нации. Отсюда эта его мысль: без самоограничений страна не устоит» [26].

Э. Зибницкий указывает на то, что А. И. Солженицын находится в постоянном поиске наиболее совершенной системы управления страной. Благо Отечества его волновало более всего, он стремился к тому, чтобы найти наиболее приемлемые формы государственного устройства и пробудить в народе гражданское самосознание. И в то же время он сетует, что казалось бы «готовая форма еще не гарантирует слаженной ее работы. Да, не всякая система работает. Живительна и спасительна только внутренняя жизнь народа, его культурный, гражданский потенциал, который и нужно освободить; и именно гражданское пробуждение его остается сейчас самой актуальной задачей» [27].

Многофункциональность газетно-журнальной публицистики А. И. Солженицына со-стоит в том, «что прагматика его текстов заключается в их огромной востребованности, по-пулярности и актуальности у читательской аудитории» [28].

Солженицынские публицистические тексты не просто являются эталоном авторского стиля, но и выражают мировоззрение и гражданскую позицию автора. Они не только констатируют факты, изложенные в повествовании, но и выявляют взгляды А. И. Солженицына на определенные события и проблемы, которые он ставит перед читателями. Он выступает как публицист-трибун – агент информационного пространства, как гражданин, которому небезразлично будущее его страны и народа. Ретроспективные и перспективные аспекты в освещении политических и социальных проблем общества звучат в его публицистике особенно актуально.

The article is devoted to the social problems in A. I. Solzhenitsyn's media publicistics. The author considers the main issues of retrospective and perspective view of the problems of society in his texts. The formation of media field of readers' own views on his publicistics is considered step-by-step. The influence of media texts in different time intervals is shown. The author comes to the conclusion about the formation of media system of the participants' views in the information process influenced by A. I. Solzhenitsyn's ideas. The topicality of the research is conditioned by the in-creasing interest to A. I. Solzhenitsyn's journalistic publicistics of the beginning of the XXI century.

Key words: information process, journalistic publicistics, media field, media publicistics, perspective, ret-rospective, social problems, system

of views.

Список литературы

1. Солженицын А. И. Это была моя реальная попытка возврата на родину. К 20-летию выхода в свет статьи «Как нам обустроить Россию?» // Российская газета. 2010. 17 сент. № 210 (5289). С. 1, 6.
2. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 2.
3. Солженицын Н. Д. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 4.
4. Солженицын Н. Д. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 4.
5. Солженицын Н. Д. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 5.
6. Солженицын Н. Д. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 5.
7. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
8. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
9. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
10. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
11. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
12. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
13. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
14. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
15. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 8.
16. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 9-10.
17. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 10.
18. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 10.
19. Роднянская И. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 10.
20. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 5.
21. Иванов С. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 13.
22. Иванов С. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 15.
23. Иванов С. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 15.
24. Иванов С. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 16.
25. Иванов С. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну: Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 16.
26. Зибницкий Э. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 17.
27. Зибницкий Э. Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну // Материалы круглого стола. Под ред. Ю. С. Цурганова. Посев. 2012. № 8. С. 17.
28. Сопова А. С. Духовная практика А. И. Солженицына и медийная системность его публицистики (на материале изданий 2000-х) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. № 3. – С. 133.

Об авторе

Сопова А.С. - аспирант кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», anna_s.aquv@mail.ru

УДК 882.8 – 312.9

**ДИХОТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ В ПАРАДИГМЕ ОБЩЕНАУЧНОГО ПРОГРЕССА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ДАЛЕКАЯ РАДУГА»)**

А.В. Фролов

В данной статье рассматривается повесть писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких «Далекая Радуга» с точки зрения одной из ключевых идей этого произведения – проблемы взаимоотношений человека и кибернетического организма в условиях футуристического мира, сформированного на основе трансгуманистической концепции. Проводится последовательный комплексный анализ основных сюжетообразующих элементов, главных персонажей, вариантов их взаимодействия с окружающим миром в обычных и экстремальных условиях. В результате, на основе проведенного анализа делается вывод о том, насколько остро авторы ощущают потребность актуального рассмотрения обозначенной проблемы и какие методы по ее разрешению они предлагают.

Ключевые слова: человек и машина, кибернетика, будущее, научный прогресс, кибернетический организм

Повесть «Далекая Радуга» братьев Аркадия и Бориса Стругацких является одним из немногих художественных произведений, созданных в жанре научной фантастики, которые будут сохранять свою актуальность до тех пор, пока существует само понятие «научного прогресса». Иными словами, абсолютно очевидно, что проблемы, поднятые в этом произведении, не только не потеряли своей актуальности в наши дни (хотя текст повести был написан без малого полвека назад), но и приобрели еще большую остроту и масштабность.

Цель данной статьи заключается в исследовании одного из ключевых идейных стержней искомого произведения – вопроса взаимодействия человека и машины (метафизического или полноценного искусственного интеллекта). При этом важно не только рассмотреть ключевые сюжетные элементы, демонстрирующие авторскую позицию в отношении того или иного аспекта затрагиваемой проблемы, но и попытаться оценить значимость повести, как пророческого предупреждения грядущим поколениям.

Рассматривая «Далекую Радугу» с этой точки зрения, можно провести оправданную аналогию между работами Стругацких и произведениями Герберта Уэллса. В своей публицистической статье «Дальнобойная артиллерия Герберта Уэллса» (21 сентября 1966 года, журнал «Смена») Аркадий и Борис Стругацкие пишут о том, что многие романы, созданные великим английским фантастом в начале XX века, получили признание не сразу, а спустя достаточно долгий промежуток времени по той простой причине, что были направлены к умам людей грядущей эпохи, а не для своих современников. [2, 15]. В итоге оказалось, что некоторые повести самих Стругацких имели для отечественной литературы подобный эффект.

На наш взгляд, в повести «Далекая Радуга» наибольший интерес представляют именно дуалистические мотивы, использованные авторами при описании взаимодействия людей и кибернетических организмов в условиях чрезвычайных обстоятельств. Подобная тенденция в творчестве писателей выглядит вполне закономерной, если учесть исторический контекст, в котором Стругацким приходилось работать над своей повестью.

60-е годы XX века – это время расцвета кибернетики в СССР. Именно в это время в Московском государственном университете и Академии наук СССР был выполнен ряд пионерских работ в области искусственного интеллекта, возглавленных выдающимися исследователями В. Пушкиным и Д. Поспеловым. И, хотя в Европе и США подобные разработки начались на несколько десятилетий раньше, для Советской России это был огромный технологический и, что гораздо важнее, мировоззренческий скачок. В подтверждение этой мысли достаточно привести тот факт, что в «Кратком философском словаре», выпущенном в Москве в 1954 году, кибернетика еще была определена, как «реакционная лженаука».

Таким образом, обращение братьев Стругацких к теме взаимодействия человека и разумной машины было определено историческими реалиями современной писателям России. Но, следуя традициям «баллистической» уэллсовской мысли, о которой было сказано выше, Стругацкие стали писать не о проблемах развивающейся робототехники, а о тех ситуациях, с которыми столкнутся люди, живущие в следующей технологической эре. Вероятно, именно произведения, подобные «Далекой Радуге», в какой-то мере позволили человечеству подготовиться для встречи XXI по стинформационного века, в котором искусственный интеллект столь же реален, сколь безграничны его потенциальные возможности.

Поводом для создания рассматриваемой здесь повести, во многом апокалиптической, но отнюдь не депрессивной, послужил совместный просмотр Аркадием и Борисом Стругацкими художественного фильма Стенли Крамера «На берегу». Эта великолепная экранизация одноименного романа английского писателя Невилла Шюта, повествующая о последних днях существования человечества, произвела на Стругацких столь глубокое впечатление, что у них сразу же возник замысел создания романа-катастрофы [4].

Изначально писатели предполагали развернуть действие произведения в современном им мире, однако, в условиях советской цензуры это было бы невозможно. Потому единственным выходом оказалось внедрение возникшей идеи в «Мир Полудня». Так родилась повесть «Далекая Радуга», изначально носившая название «Летят утки» (по воспоминаниям Бориса Стругацкого, эта легендарная песня должна была стать лейтмотивом произведения [4]).

Действие повести происходит в мире будущего, где новый политический строй (развитый коммунизм) объединил все человечество под флагом прогрессивной космолической экспансии. Этот футуристический мир (так называемый «Мир Полудня») к моменту выхода «Далекой Радуги» уже был знаком советским читателям по таким произведе-

дениям Стругацких, как «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры» и «Возвращение (Полдень, XXII век)». В «Мире Полудня» выходцы с Земли, благодаря научному прогрессу, практически сумели построить вождь-ленную утопию. Проблем с производством товаров и услуг попросту не существует, а взгляд людей будущего устремлен в бескрайние космические горизонты. Исследование окружающего мира, его тщательнейшее изучение и постановка новейших технических изобретений на службу людскому роду – вот добродетели будущего.

И все же «Мир Полудня» нельзя назвать безупречным. При всех его плюсах, в нем еще можно встретить насквозь регрессивные пережитки капитализма, беспринципность и меркантилизм, свойственные XX веку. Но если в произведениях, предшествующих «Далекой Радуге», эти негативные элементы встречаются достаточно редко и очевидно, что они не могут всерьез угрожать светлому коммунистическому будущему, то герои рассматриваемой здесь повести сталкиваются с обстоятельствами, способными в недалекой перспективе уничтожить человечество как вид.

Итак, сюжет произведения разворачивается на планете Радуга, предположительно в промежуток времени между 2140 и 2160 годом. Радуга – планета физиков. Это небесное тело, которое более тридцати лет назад было отдано ведущими учеными Земли для проведения всевозможных пространственно-временных экспериментов, среди которых особое место отводится нуль-транспортной, уникальной технологии подпространственного перемещения материальных объектов. До людей подобными технологическими мощностями обладали лишь некие Странники, таинственная сверхразвитая раса, чьи цели и мотивы не подвластны человеческому сознанию.

Радуга является достаточно гостеприимной планетой с собственной атмосферой, практически неотличимой от земной. Это тихое и спокойное место, где свой приют обрели не только величайшие светила современной науки, но и творческие люди, жаждущие ваять свои бессмертные произведения искусства в покое и полной отрешенности от внешнего мира.

Характерной чертой размеренной жизни на Радуге является постоянное возникновение так называемых Волн, мощнейших потоков неконтролируемой энергии, рождающихся на полюсах планеты после каждого эксперимента с нуль-транспортной. Волны всегда движутся от полюсов к экватору, выжигая на своем пути все живое. Но физики быстро нашли решение этой проблемы – они разработали «харибды», сухопутные танки-энергопоглотители, которые способны впитывать в себя сколько угодно большой объем свободной энергии и растворять его в литосфере планеты. Но, не смотря на то, что каждая последующая Волна мощнее предыдущей, реальной угрозы на Радуге пока никто не ощущает. Население планеты абсолютно уверено в своих ученых, которые уже не первое десятилетие медленно, но достаточно успешно пытаются обуздать таинственные природные стихии.

Но однажды наступает момент, когда над Радугой загораются иссиня-черные хребты двух П-волн, при столкновении с которыми даже непобедимые «харибды» вспыхивают как спички. Считанные часы отделяют население Радуги от полного исчезновения. Именно в этот роковой час Стругацкие знакомят читателя с героями повести, среди которых особое место занимают Роберт Скляр и Леонид Горбовский.

Роберт Скляр – молодой ученый, который работает техническим инженером на одной из исследовательских станций. Он весьма поверхностно знаком с теорией нуль-физики, однако его исполнительность и выдающиеся физические способности делают Скляра идеальным кандидатом на роль сотрудника, которому необходимо выполнять исключительно техническую работу. Несмотря на достаточно средний уровень интеллекта и отсутствие каких-либо гениальных или из ряда вон выходящих особенностей, Роберт с самого начала вызывает у читателя симпатию. Видимо все дело в его простоте (в положительном смысле этого слова) и нежной, искренней романтичности: «Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели споронок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной» [3, 353].

Вскоре Роберт Скляр первым на планете встречает П-волну, волну нового типа, которая вот-вот должна уничтожить на Радуге все живое: «Далеко-далеко над северным горизонтом за красноагой дымкой оседающей пыли сверкала в белесом небе ослепительная полоса, яркая, как солнце. Ну, вот и все, вяло подумал Роберт. Далеко мне не уйти. Через полчаса она будет здесь и пойдет дальше, а здесь останется гладкая черная пустыня» [3, 396].

Вместе с тем, именно начальные эпизоды повести, описывающие Роберта, его взаимоотношения с девушкой Таней и появление П-волны, неявно, между строк, намекают читателю на одну из ключевых идей произведения – проблему взаимодействия человека и машины с окружающим миром и друг с другом в экстремальных условиях. Этот момент хорошо прослеживается в ситуации, когда Скляр варит для Тани кофе:

«- Ты вари, а я посмотрю.

- Что это ты?

- Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень с о в е р ш е н н о работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения.

- Как кибер, - сказал он, но ему было приятно» [3, 361].

В данном эпизоде Роберт сравнивает себя с роботом (вероятно, паронимическая связь этих понятий не случайна), но на подобную мысль Скляра наталкивает его возлюбленная Таня, и этот факт, на мой взгляд, совсем не случаен. Женщина – исконный символ эмоциональности, в ее облике философы древнего мира видели ту часть человеческого сознания, которая извечно противостоит рассудку и здравому смыслу. Однако же без этого «интуитивного» элемента мозг человека вряд ли способен функционировать на должном уровне. Мудрецы античности и средневековья прекрасно осознавали это (не зря же в Элевсинских мистериях два факела в руках Персефоны олицетворяют

соответственно логику и интуицию). Так Стругацкие через образ женственной Тани подсказывают нам, что кибернетика таит в себе великую опасность, пусть даже коллективный разум человечества еще не способен этого осознать.

Вскоре мы знакомимся со вторым главным персонажем повести - Леонидом Горбовским. Горбовский – космодесантник, командир межзвездного корабля «Таризль-2». Волею случая этот корабль в момент катастрофы оказывается единственным транспортным средством, который может взлететь с Радуги. Крупный звездолет «Стрела», способный вывести с планеты все ее население, физически не успевает прибыть на нее до того, как две волны сойдутся в области экватора. Все это прекрасно понимают, поэтому администрация планеты экстренно собирается в Столице с целью принятия наиболее оптимального решения в сложившейся ситуации.

Горбовский вместо того, чтобы дискутировать с чиновниками и учеными, просто принимает единственно верное решение. Он справедливо полагает, что главное сейчас – спасти людей. Горбовский приказывает демонтировать с корабля все межзвездное оборудование, превращая «Таризль-2» в околопланетную вместимую баржу. Подоспевшая позже «Стрела» легко подберет корабль с орбиты. Леонид приказывает грузить на корабль детей и совсем немного наиболее ценные научные материалы. Сам командир со своим экипажем (кроме штурмана) остается на Радуге. Железную волю и внутреннюю мощь этого человека сложно недооценить: «Видите ли, - проникновенно сказал Горбовский в мегафон, - боюсь, что здесь какое-то недоразумение. Товарищ Ламондуа предлагает вам решать. Но понимаете ли, решать, собственно, нечего. Все уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула). Остальные ребята грузятся сейчас. Я думаю, все поместятся. Даже не думаю, уверен. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть на это право. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. В общем-то товарищ Ламондуа высказал интересные мысли. Я бы с удовольствием с ним поспорил, но мне надо идти. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо» [3, 466].

Горбовский сделал свой выбор и тем самым спас десятки детских жизней, спас будущее. Фактически в момент катастрофы этот человек был самым влиятельным на планете. В своих руках он держал единственный ключ к спасению и сам был волен решать – кого спасти. И он сделал выбор в пользу будущего, ценой жизни тех, кто уже пожил некоторое время на этом свете, в том числе – ценой своей собственной жизни.

Приблизительно в это же время свой выбор делает Роберт Скляр. Он, убегая от П-волны на флаере, видит терпящий бедствие аэробус, на борту которого находится группа детей и его возлюбленная Таня. Роберт садится рядом и вскоре понимает, что аэробус починить невозможно. Волна неумолимо приближается и нужно быстро решать, кто полетит на флаере. Для водителя аэробуса Габы выбор очевиден, для Склярова – тоже:

«- Понимаю. Тут и говорить не о чем, конечно. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятшек, сколько туда влезет..

- Нет, - сказал Роберт.

- Почему нет? Через два часа они будут в Столице.

- Нет, - повторил Роберт. - Это не спасет ее. Волна будет в Столице через три часа. Там ждет звездолет. Таня должна улечь на нем. Не спорь со мной! - яростно прошептал он. - Возможны только два варианта: либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улечит в этом звездолете! Выбирай.

- Ты сошел с ума! - сказал Габа. Он медленно поднимался с травы. - Это дети! Опомнись!..

- А те, кто останется здесь, они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди, выбирай!..

Габа медленно покачал головой.

- Тогда прощай, - сказал Роберт.

Он сделал шаг вперед, но Габа преградил ему дорогу.

- Дети! - сказал он почти беззвучно.

Роберт обеими руками схватил его за отвороты куртки и приблизил лицо вплотную к его лицу.

- Таня! - сказал он.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

- Она возненавидит тебя, - тихо сказал Габа. Роберт отпустил его и засмеялся.

- Через три часа я тоже умру, - сказал он. - Мне будет все равно» [3, 452].

В итоге Скляр сажает Таню во флаер и улетает. При этом, если выбор Горбовского не вызывает у нас ни малейших сомнений, то выбор Склярова, мягко говоря, представляется неоднозначным. Особенно когда в финале повести мы узнаем, что Таня так и не села в «Таризль-2», она попросту не смогла этого сделать после того, как осознала сущность поступка Роберта. И, конечно, девушка возненавидела Склярова, хотя тот искренне любил ее и хотел лишь быть уверен в ее безопасности.

Таким образом, перед нами два совершенных выбора. Один принадлежит обыкновенному человеку, уже молодому звездолетчику, другой – юному физическому, непосредственно работающему «на научный прогресс», человеку, которого, казалось бы, совсем случайно сравнивает с роботом его возлюбленная. По моему мнению, в этом и заключается главная мысль повести – научный прогресс со всеми своими неисчислимыми благами не может быть «прав». Машина при всем своем совершенстве в критической ситуации всегда уступит человеку, потому что она в высшей степени эгоцентрична. В «Далекой Радуге» человека олицетворяет, без сомнения, Леонид Горбовский, тогда как символом технического, машинного мира выступает Роберт Скляр. И Скляр ошибается. Он в угоду своим желаниям

жертвует несколькими детскими жизнями. Вероятно, подтекст этой ситуации многозначен – здесь и юношеский максимализм, и сила истинных чувств, но в данной работе мы рассматриваем лишь один из аспектов многогранного символизма «Далекой Радуги».

Немаловажной деталью, подтверждающей истинность данной концепции, является тот факт, что рядом с Робертом практически всегда находится Камилл. Это странное существо мы встречаем впервые в главе, посвященной Склярору. Затем молодой физик перемещается в Столицу, Камилл неявно следует за ним. Кто же этот персонаж? В первой главе Стругацкие лишь намекают нам на истинное происхождение этого человека: «...на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах... Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся» [3, 364-365].

Безусловно, Камилл – не человек. Этот факт становится очевидным для всех без исключения после его «гибели» и последующего «возрождения». Затем Горбовский в разговоре с лжештурманами и лжекапитанами вспоминает о «Чертовой Дюжине», тринадцати ученых, которые срачивали себя с машинами. Авантюрист Банин предполагает, что в таком поступке есть рациональное зерно: «Их называют фанатиками, но в них, по-моему, есть что-то притягательное. Избавиться от всех этих слабостей, страстей, вспышек эмоций... Голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма. Исследователь, которому не нужны приборы, который сам себе прибор и сам себе транспорт» [3, 416].

С подобным высказыванием трудно не согласиться, но лишь на первый взгляд. Камилл, как оказалось, знал о приближающейся катастрофе. Это становится ясно из небольшого диалога между ним и Скляровым:

«Потом он сказал:

- Роби, вы не знаете, они отправили "Стрелу"?

- Позавчера, - сказал Роберт.

- Позавчера... Это плохо.

- А зачем вам "Стрела", Камилл?

Камилл сказал равнодушно:

- Мне "Стрела" не нужна» [3, 370].

То есть фактически Камилл был уверен в том, что вскоре все население Радуги может исчезнуть, но даже не попытался предупредить людей. Вместе с тем, причина бездействия этого существа заключается совсем не в «отрицательности» его как персонажа, все гораздо сложнее, глубже и трагичнее. Об этом мы узнаем из его заключительного диалога с Леонидом Горбовским:

«- Как дела на том свете? - спросил Горбовский.

- Там темно, - сказал Камилл. Он помолчал. - Сегодня я умирал и воскресал трижды. Каждый раз было очень больно.

- Трижды, - повторил Горбовский. - Рекорд. - Он посмотрел на Камилла.

- Камилл, скажите мне правду. Я никак не могу понять. Вы человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать.

Камилл подумал.

- Не знаю, - сказал он. - Я последний из Чертовой Дюжины. Опыт не удался, Леонид. Вместо состояния «хочешь, но не можешь» состояние «можешь, но не хочешь». Это невыносимо тоскливо - мочь и не хотеть» [3, 490].

То есть Камилл просто не хотел помочь, хотя, очевидно, мог. Эксперименты с «улучшением» собственного организма посредством различных сверхтехнологических устройств отняли у него то, что мы привыкли называть человечностью – спектром чувств во главе с сопереживанием и самопожертвованием.

Роберт Склярор (физик, инженер, винтик исследовательской системы) метафорически был ближе к Камиллу, чем другие персонажи повести. Видимо, именно поэтому его выбор не идет ни в какое сравнение с выбором Леонида Горбовского, человека с большой буквы.

Но кроме истории с «Чертовой Дюжиной» в тексте произведения можно встретить еще одно упоминание о некоем неудачном эксперименте ученых:

«-Знаете, это древнее опасение: машина стала умнее человека и подмяла его под себя... Полсотни лет назад в Массачусетсе запустили самое сложное кибернетическое устройство, когда-либо существовавшее. С каким-то там феноменальным быстродействием, необозримой памятью и все такое... И проработала эта машина ровно четыре минуты. Ее выключили, зацементировали все входы и выходы, отвели от нее энергию, заминировали и обнесли колючей проволокой. Самой настоящей ржавой колючей проволокой - хотите верить, хотите нет.

- А в чем, собственно, дело? - спросил Банин.

- Она начала в е с т и с е б я, - сказал Горбовский.

- Не понимаю.

- И я не понимаю, но ее едва успели выключить.

- А кто-нибудь понимает?

- Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: Леонид, это было страшно» [3, 415].

Любопытно, что в начале 1960-ых годов (время написания повести «Далекая Радуга») в Массачусетском технологическом университете под руководством Рея Соломонова и Оливера Селфриджа проводились первые в мире

эксперименты по созданию полноценного искусственного интеллекта. Кроме того, MIT (Massachusetts Institute of Technology) по сей день является ведущим разработчиком в области AI (artificial intelligence – искусственный интеллект). Было ли братьям Стругацким известно об экспериментах Массачусетского университета? Маловероятно, если учесть идеологию СССР и его взаимоотношения с США. Тем не менее, когда речь заходит о стечении столь неординарных обстоятельств, уповать на случайность по меньшей мере глупо.

Таким образом, одной из тем, поднятых Аркадием и Борисом Стругацкими в их повести «Далекая Радуга», является проблема взаимодействия человека и машины (имеется в виду искусственный интеллект). Причем данная проблема рассматривается в разрезе общенаучного прогресса и связанной с этим прогрессом опасности неконтролируемых научных экспериментов, могущих в одночасье лишит человечество всех его достижений.

По мере развертывания сюжета «Далекой Радуги» писатели знакомят нас с четырьмя вариантами развития человеческих технологий в области AI. Первый вариант – удачное завершение экспериментов с созданием настоящего, полноценного искусственного интеллекта, электронного механизма, способного к самообучению и автономному существованию. Этот вариант представлен рассказом о Массачусетской машине. Как мы видим, в этом направлении литературный гений Стругацких не пророчит нам ничего хорошего.

Второй вариант – физический симбиоз человеческого индивида с высокотехнологичными механизмами. Итог подобного направления Стругацкие демонстрируют нам на примере Камилла, получеловека-полумашины, имеющего неограниченные возможности, но абсолютно отстраненного от людских проблем. Камилл действительно становится «совершенным» ученым, но он уже не видит смысла ни в своих знаниях, ни в чем-либо еще. Нужно ли нам такое самосовершенствование? Стругацкие твердо говорят – нет.

Третий вариант – неосознанное уподобление человека машине. Этот вариант раскрытия проблемы описан в главах, рассказывающих о Роберте Склярове. Сложно судить о правильности выбора, сделанного Скляровым, однако, если отринуть излишнюю для подобной ситуации чувственность, становится ясно, что Роберт был в корне не прав. Очевидно, что и машина на его месте поступила бы также: искусственный разум стал бы спасать приоритетную для своей программы цель. В тоже время машина осознавала бы необходимость спасения себя самой, ведь если бы она погибла, то возможности служить людям у нее не было бы. Подобный алгоритм действий соответствует и «Трем законам робототехники», созданным Айзеком Азимовым, с учетом способности механизма к независимому принятию решений (частичное исключение второго закона).

И, наконец, четвертый вариант – свободная человеческая воля. Этот вариант, как не трудно догадаться, показан на примере космолетчика Леонида Горбовского. В повести Горбовский – единственный персонаж, принимающий всецело верное решение. Это вообще единственный человек на всей Радуге, который в условиях надвигающегося катаклизма сумел сохранить трезвый, объективный взгляд на окружающий мир. При этом Леонида вряд ли можно назвать человеком науки, он – скорее потребитель, чем производитель технологических благ.

Проанализировав все четыре варианта, не сложно сделать вывод о том, что, по мнению Стругацких, люди должны с особой осторожностью относиться к научному прогрессу, особенно – к развитию универсальных автоматизированных механизмов. В противном случае человек рискует погубить себя: он либо окончательно потеряет эмоциональную составляющую своей сущности, либо исчезнет физически в результате глобальной катастрофы, вызванной очередным научным экспериментом. И, по всей видимости, никакие «искусственные интеллекты» не в силах помочь человеку в познании Вселенной и самого себя.

Таким образом, повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Далекая Радуга» является в высшей степени пророческим произведением, несущим в своей основе страшное предупреждение грядущим поколениям. Писатели подсказывают нам, что ключи к мирозданию заключаются в нас самих, а не в научном прогрессе, который хоть и является процессом необходимым, все-таки должен быть ограничен фундаментальными морально-этическими нормами.

Кроме того, не будем забывать, что Горбовского можно встретить и в других произведениях Стругацких, события которых хронологически разворачиваются после катастрофы на Радуге. Это говорит о том, что, возможно, все обернулось не так уж трагично и П-волны остановились, не дойдя до Столицы, где сосредоточилось все население планеты. Возможно, физики изобрели новый, более совершенный метод борьбы с необузданной энергией.

При этом стоит отметить, что 23 ноября 1962 года Аркадий Стругацкий в отношении «Далекой Радуги» в своем дневнике написал следующие строки: «...это наша последняя повесть о «далеком» коммунизме, которую мы пишем» [4]. И значительно позже, уже в «Комментариях к пройденному» Борис Стругацкий добавил: «...ведь так (или почти так) оно и получилось: закончив ее, мы в течение долгих последующих лет не возвращались больше в Мир Полудня, – аж до самого 1970-го года. Если, впрочем, не считать «Трудно быть богом» и «Обитаемого острова». Но можно ли считать эти романы произведениями о Светлом Будущем, да и вообще о будущем?» [4].

Получается, что однозначный ответ на вопрос – погибли ли Горбовский – нам не найти, ни в самом произведении, ни в других доступных источниках, включая воспоминания авторов. Зато с нами навсегда остается история далекой Радуги, история людей и машин, история выбора, который в полной мере демонстрирует безусловный призыв человеческой сущности над любыми искусственными структурами. И это окончательный вердикт писателей.

This article examines the story fiction writers Arkady and Boris Strugatsky "Remount Rainbow" from the point of view of one of the key ideas of this work - the problem of human relations and a cybernetic organism in a futuristic world, formed on the basis of transhumanist concepts. Conducted a comprehensive analysis of consistent key elements, the main characters, the options of their interaction with the environment in normal and extreme conditions. As a result, on the basis of the analysis concludes that, as far as writers feel the need for urgent consideration of the actual identified problem and what methods to resolve it they offer.

Keywords: *human and machine, cybernetics, future, scientific progress, the cybernetic organism*

Список литературы

1. Амусин М. Братья Стругацкие. Очерк творчества. Израиль: Бесэдер., 1996. 188 с.
2. Стругацкий А., Стругацкий Б. Куда ж нам плыть? Сборник публицистики. Волгоград: «Людень», 1991. 128 с.
3. Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. Попытка к бегству. Далекая Радуга. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006. 491 с.
4. Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-03.htm>

Об авторе

Фролов А.В. - аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, daumonri@yandex.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 801.541.2

КОНТЕКСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМОВЫХ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ PUTTING

Р.Р. Айрапетян

В статье отражены результаты исследования поведения фреймовых структур английских глаголов группы “Verbs of Putting” в художественном дискурсе. В рамках проведенного контекстного анализа построены новые фреймовые модели, отличающиеся от исходных дефиниционных фреймов не только актуализацией иных фреймовых компонентов, но и возникновением нового элемента ENVIRONMENT в случаях с метафорическим употреблением исследуемых глаголов. Обусловленная этим трансформация фреймовых структур доказывает заявленную гипотезу о несоответствии дефиниционного и контекстного фреймов.

Ключевые слова: фрейм, фреймовая модель, дефиниционный анализ, контекстный анализ, дискурс, метафоризация.

Целью данной статьи является рассмотрение поведения глаголов группы “Verbs of Putting” в дискурсе, сравнение дефиниционных и контекстных фреймов трех наиболее объемных подгрупп, полученных в результате кластеризации. Кластеризация была проведена в рамках предыдущих этапов исследования на основе дефиниционного анализа исследуемых глагольных единиц, по итогам которой были получены 9 кластеров, а также смоделированы их фреймовые структуры [Айрапетян, 2013, Айрапетян (Маркарян), Алимуратов, 2014, Айрапетян, 2014].

Фреймовый подход представляет особую ценность при изучении глагольной семантики, так как именно глагол как носитель динамической информации хранит в себе широкий пласт знаний, репрезентируемый во фрейме [Fillmore, 1978]. Говоря о фреймовых структурах, мы опираемся на взгляды Ч. Филлмора и его FrameNet, элементы которой выступают своего рода концептами-участниками фрейма «Placing», заключенного в человеческом опыте, его фоновых знаниях [<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/index.php?q=frameIndex>]. (О современном фреймовом подходе к моделированию лексики см. [Алимуратов, Блинова, Раздуб, 2010; Алимуратов, Бруданина, 2010; Алимуратов, Чурсин, 2009; Алимуратов, Чурсин, 2011; Лагу, 2009; Раздуб, Алимуратов, 2011]).

Исходной гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что контекстная реализация компонентов построенных нами фреймовых моделей глаголов группы «Verbs of Putting», вероятнее всего, будет отличаться от структур соответствующих фреймов, выделенных по итогам дефиниционного анализа. Данное допущение обусловлено очевидным несоответствием природы текстового воплощения языковых единиц в реальной речи и моделируемого языкового пространства, экстраполированного из словарных дефиниций.

В целях верификации или опровержения данной гипотезы проведем контекстный анализ исследуемых глагольных единиц на материале известного художественного произведения американского автора Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Выбор данного произведения для анализа исследуемых глаголов не случаен как концептуально, так и лексически, поскольку лейтмотивом книги является движение вперед, олицетворенное в символе поезда и вербализуемое словами, близкими по значению к категориальной семе «ПОМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА В НЕКОЕ ПРОСТРАНСТВО» и родственных ей – перемещения, наполнения, покрытия, установления и т.п. Данная сема раскрывает концептуальное содержание, заложенное в семантике исследуемой группы глаголов.

Итак, нами были проанализированы фреймы глагольных единиц трех выделенных ранее наиболее объемных кластеров – первого, второго и четвертого (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Состав первого, второго и четвертого кластеров глагольной группы «Verbs of Putting»

Название кластера	Глаголы, входящие в состав кластеров
1-й кластер (группа Put Verbs)	Ядерные: arrange, mount, place, put, set, sling, bang, dump, shovel, stick, adorn, deck, decorate, garland, inlay, ornament, trim, throw, fence, paper, pomade, stable Неядерные: settle, trap, install, stand, emblazon, diaper, lean, pasture, situate, sit, locate, powder, rouge, perch, heap, stack, string, feather, pitch, roof, wallpaper, rest, bridle, harness, saddle, shoe, heel, sole, ink, leash, yoke, shelve, dab, rosin, daub, crown, lard, stash, store, stow, position, bag, box, pocket, ladle, inject, bottle, load, fuel, frame, archive, crate, bank, cage, garage, pot, sheathe, lay, jail, billet, pack, plant, saturate, stopper, fork, dangle, hang, drape, dip, stuff
2-й кластер (группа Cover Verbs)	Ядерные: immerse, slather, squirt, anoint, coat, cover, deluge, douse, festoon, flood, mask, mottle, pave, plate, shroud, speckle, swaddle, tile, veil, asphalt, blanket, blindfold, board, carpet, cloak, flour, gag, mantle, mulch, muzzle, silver, slipcover, tar, tar-mac, turf Неядерные: oil, suspend, buttonhole, drug, bait, plaster, spray, spritz, slather, squirt, bandage, sugar, wrap, swathe, wreath, bombard, smother, cap
4-й кластер (группа Fill Verbs)	Ядерные: brick, stock, clutter, fill, pad, replenish, caulk Неядерные: crowd, plug, pile

В процессе анализа I тома книги из 480 предложений было отобрано 338 примеров употребления вышеперечисленных глаголов, удовлетворяющих критериям нашего запроса, позволивших смоделировать фреймовые структуры семантики исследуемых глаголов на основе закономерностей их актуализации в художественном дискурсе. Не вошли в анализ примеры, содержащие фразовые глаголы, количество которых составило, соответственно, 142. Предложения с фразовыми глаголами требуют особого анализа, не входящего в рамки данного исследования, поскольку сдвиг семантического содержания подобного глагола, происходящий в результате присоединения послелога к глаголу, изменяет его структуру и дистрибуцию. В нашем же случае выбранные глаголы были разложены на семантические компоненты, идентичные выделенным ранее в рамках дефиниционного анализа. Таким образом, станет возможным сравнить дефиниционный и контекстный фреймы глагольных кластеров.

Основной массив примеров был собран с глаголами первого кластера, поэтому в настоящей статье мы особое внимание уделим именно глаголам данной группы. Так, из проанализированных предложений в 533 примерах употреблялись глаголы группы Put Verbs. Из них в 322 предложениях удалось выявить компонентную структуру фрейма, в остальных случаях использовались фразовые глаголы. В каждой группе рассматривались ядерные и неядерные глаголы. Среди ядерных глаголов первого кластера наиболее часто упоминался глагол put (54 предложения), далее следуют глаголы place и set (11 и 10 предложений соответственно). Подобное наблюдение подтверждает прототипичность глагола put, заявленную по результатам прототипического и фреймового моделирования.

Что касается структуры фрейма первого кластера, то характерные, судя по модели, изображенной на рис.1, компоненты PATIENT (b), GOAL (d), TO, MANNER (g), INSTRUMENT (h), MOVE не совсем совпадают с фреймовыми элементами семантики глаголов данного кластера, выделенными в результате контекстного анализа (см. рис.2).

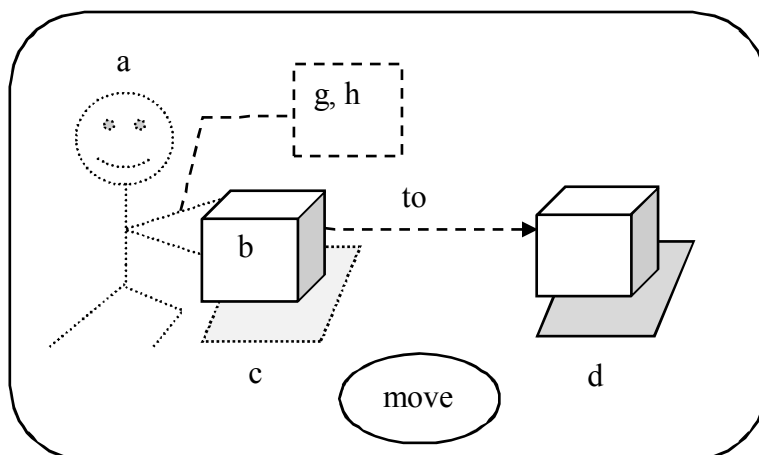

Рис.1. Фрейм группы Put Verbs по результатам дефиниционного анализа

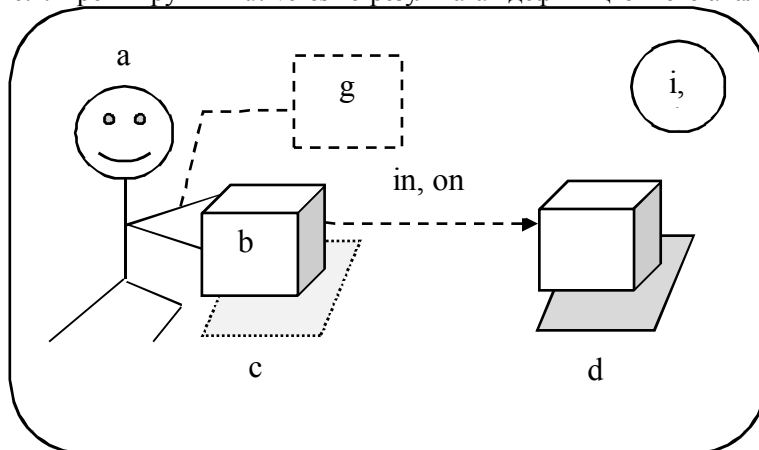

Рис.2. Фрейм группы Put Verbs по результатам контекстного анализа

Рассмотрим каждый компонент более детально, начиная с наиболее ярко представленных. В примерах для данного кластера на первый план выходят компоненты AGENT (319 предложений, 99%) и LOCATIVE (155 случаев употребления; в схеме обозначен как i), которые отсутствовали в предыдущей схеме. Следует сразу оговориться по поводу компонента AGENT, который в рамках дефиниционного анализа был неявно представлен практически во всех группах. Подобное имплицитное выражение данного компонента вызвано особенностями формулировки словарной статьи, которая не предполагает его наличия. Сравним на примере глагола place:

- (1) в дефиниции: to put something somewhere, especially with care
- (2) в контексте: He had placed it on the market recently.

В первом случае мы имеем дело с инфинитивной конструкцией, тогда как в предложении (2) агенс эксплицитно вербализован. Те же инфинитивные конструкции встречаются и в оставшихся трех предложениях:

(1) Tried to listen to Eddie's reports, tried to get away from people, tried to find the rolling stock to put more trains on the John Galt Line, because the schedule I'd planned won't be enough for the business that's piled up in just three days [A. Rand 1957: 179].

(2) He wondered why no effort had ever seemed beyond his capacity, yet now he could not scrape up the strength to stick a few black pearl studs into his starched white shirt front [A. Rand 1957: 83].

(3) Two things were impossible to him: to stand still or to move aimlessly [A. Rand 1957: 61].

Именно поэтому имплицитность компонента AGENT во фреймовой модели предсказуема и не требует дополнительных разъяснений. Напротив, преобладание компонента LOCATIVE в глаголах данного кластера говорит о явном несоответствии дефиниционной и контекстной структур. LOCATIVE встречается в предложениях со следующими глаголами: throw, stand, sit, string, rest, lay, plant, hang.

(4) He had thrown it there while undressing [A. Rand 1957: 83].

(5) The great oak tree had stood on a hill over the Hudson, in a lonely spot of the Taggart estate [A. Rand 1957: 2].

(6) He leaned against the doorjamb, studying Betty Pope [A. Rand 1957: 46].

(7) He sat on the edge of his desk, his manner gaily informal [A. Rand 1957: 124].

(5) He lay half twisted on a cot [A. Rand 1957: 216].

(6) I suggest that you plant a few cameras around the bridge [A. Rand 1957: 157].

(7) A white rectangle hung over the city, imparting the date to the men in the streets below [A. Rand 1957: 2].

Во многих из вышеперечисленных примеров данный компонент является облигатным. К примеру, он присутствует практически во всех предложениях с глаголами stand, lay, hang.

Компонент GOAL (d), встречающийся в 130 предложениях с глаголами группы, свойственен структурам дефиниционного и контекстного фреймов. Практически в каждом предложении таких глаголов, как place, put, stick, throw, sit, lean компонент GOAL присутствует:

(8) The glasses he placed on the table were four spots of faint blue glitter in the semi-darkness, like four feeble jets of gas flame [A. Rand 1957: 32].

(9) All the mixed owners grabbed what furniture or things they could haul out of there, even if the sheriff did put a padlock on the door [A. Rand 1957: 196].

(10) He walked to the net, while she stood still, and threw his racket across, at her feet, as if knowing that this was what she wanted [A. Rand 1957: 69].

(11) She leaned to the open window, and her arm swept in wide curves of triumph, waving to the men by the track [A. Rand 1957: 161].

(12) She sat at the window of the train, her head thrown back, one leg stretched across to the empty seat before her [A. Rand 1957: 436].

Еще одним достаточно частотным эксплицитно выраженным компонентом является MANNER (g) (119 примеров). Его также можно проследить как в структуре фрейма по результатам дефиниционного анализа, так и во фрейме по результатам кластерного анализа. Данный компонент встречается в предложениях со следующими глаголами: stand, sit, hang, lay, lean.

(13) The day when he stood in the wind, looking down at the ruins of a steel plant... [A. Rand 1957: 144].

(14) She walked slowly, deliberately across the room and leaned against a table, facing him, her hands holding the table's edge, her shoulders thrown back [A. Rand 1957: 186].

(15) He sat in a corner, one leg thrown over the arm of his chair, waiting [A. Rand 1957: 70].

(16) She lay very still, conscious of nothing but a supreme need of caution [A. Rand 1957: 75].

(17) The spring rain hung motionless in the air beyond the window, like a thin mist [A. Rand 1957: 146].

Следующий компонент, присущий обоим структурам, это PATIENT (b) (64 случая употребления). Если в дефиниционном фрейме данный компонент выражен более очевидно, то в контекстуальном его содержат лишь 20% всех контекстов. Это связано с тем, что большая часть примеров приходится на нетранзитивные глаголы, такие как: stand, lean, sit, rest, lay, hang, в которых пациент отсутствует.

Далее рассмотрим характерные для контекстного фрейма группы Put Verbs предлоги. Наиболее употребимыми оказались предлоги IN (50 примеров) и ON (44 примера), в то время как предлог TO, присущий дефиниционному фрейму, представлен лишь в 4-х предложениях:

(18) I placed their fortune in the service of a higher ideal [A. Rand 1957: 208].

(19) He turned abruptly, took out his handkerchief and dipped it in the water of the river [A. Rand 1957: 66].

(20) "Hank Rearden is the kind of man who sticks his name on everything he touches" [A. Rand 1957: 17].

(21) The great oak tree had stood on a hill over the Hudson, in a lonely spot of the Taggart estate [A. Rand 1957: 59].

(22) She leaned to the open window by her side, and felt the wind of the speed blowing her hair off her forehead [A. Rand 1957: 117].

Кроме того, с меньшей долей частотности в тексте встречались случаи употребления исследуемых глаголов с предлогами AT, BEFORE, BESIDE, ACROSS, BY, OVER, AGAINST, IN FRONT OF, ABOVE, AROUND:

(23) She turned her eyes away from him, wondering how it was possible that a man's first thought in such a moment could be a search for something to put over on her [A. Rand 1957: 129].

(24) Rearden could accept any form of reproach, abuse, damnation anyone chose to throw at him; the only human reaction which he would not accept was pity [A. Rand 1957: 98].

(25) The white rectangle stood above the roofs, saying in immovable finality: September 2 [A. Rand 1957: 2].

(26) He was replaced by a friend of James Taggart, Steel rail was laid across the Mexican desert while orders were issued to reduce the speed of trains on the Rio Norte Line, because the track was shot [A. Rand 1957: 36].

(27) She hung around the tracks and the roundhouses like a humble student, but the humility had a touch of future pride, a pride to be earned [A. Rand 1957: 33].

Компонент INSTRUMENT в контекстном фрейме не был зафиксирован вовсе. Последним элементом явился компонент TIME, который был найден в 21 предложении:

(28) It would always stand there, thought Eddie Willers [A. Rand 1957: 2].

(29) The floors of its hallways were mirrors made of Conway was there, and he still sat as she had found him [A. Rand 1957: 50].

Особого внимания в процессе контекстного анализа заслуживают случаи метафорической актуализации расмагиваемых глаголов и обусловленная этим трансформация фреймовых структур. Именно в этом нам видится основное отличие дефиниционного и контекстного фреймов исследуемых глаголов. Подобные примеры были обнаружены при употреблении глаголов в переносном значении в ситуациях с различными комбинациями элементов фрейма. К примеру, Verb + PATIENT, Verb + PREPOSITION + LOCATIVE, Verb + MANNER, Agent [Pronoun, Inanimate] + Verb:

(30) "Well, I need time to consider it, to place the matter before the Board, to consult the best" [A. Rand 1957: 14].

(31) We can settle it in a few minutes, you and I [A. Rand 1957: 150].

(32) ...of a violence which they could not name now, not in words or in daylight but which was in their eyes, as they looked at each other, which they wanted to name, to stress, to throw at each other's face [A. Rand 1957: 169].

(33) Things stood still, not a leaf trembled on the branches, while the sky slowly lost its color and became an expanse that looked like a spread of glowing water [A. Rand 1957:69].

(34) "Hank Rearden is the kind of man who sticks his name on everything he touches [A. Rand 1957: 17].

(35) He walked, groping for a sentence that hung in his mind as an empty shape [A. Rand 1957: 2].

Следует, однако, отметить, что в процессе метафоризации образуется пространство для возникновения нового потенциально реализуемого фреймового компонента, вербализующего некую среду происхождения действия. Назовем данный компонент ENVIRONMENT. В отличие от LOCATIVE, который характеризует конкретное место в случаях с прямыми глагольными номинациями, осуществляемыми в реальной действительности, ENVIRONMENT возникает либо там, где действие совершается с присутствием неодушевленного агенса, либо в примерах с глаголами, используемыми в переносном значении. Возникновение данного компонента в контекстуальном фрейме обусловлено, очевидно, речевой спецификой употребления языковых единиц, позволяющей раскрывать семантическое содержание глаголов в наиболее полном объеме. Не случайно, в начале исследования нами была заявлена гипотеза о необходимости дифференциации результатов дефиниционного и контекстного анализов.

Таким образом, дефиниционная и контекстная фреймовые структуры различаются по ряду факторов. В контекстном фрейме обнаружены следующие компоненты, нехарактерные для дефиниционного: AGENT, LOCATIVE, IN, ON, TIME; в дефиниционном, в свою очередь, выражены INSTRUMENT, TO, MOVE. Мы выяснили, что компонент AGENT является самым частотным по итогам исследования дискурса, а в дефиниционном фрейме он выражен имплицитно. Что касается остальных компонентов – PATIENT, GOAL, MANNER, то они характерны для обоих фреймов, что говорит о том, что данные компоненты вместе с имплицитным агенсом являются базовыми (ядерными) для данной группы глаголов. Кроме того, в процессе метафоризации контекстная фреймовая структура глаголов группы Put Verbs обогащается новым компонентом ENVIRONMENT (к). Итак, в результате проведения двух типов анализа, мы выявили следующую структуру фрейма группы Put Verbs (Рис.3).

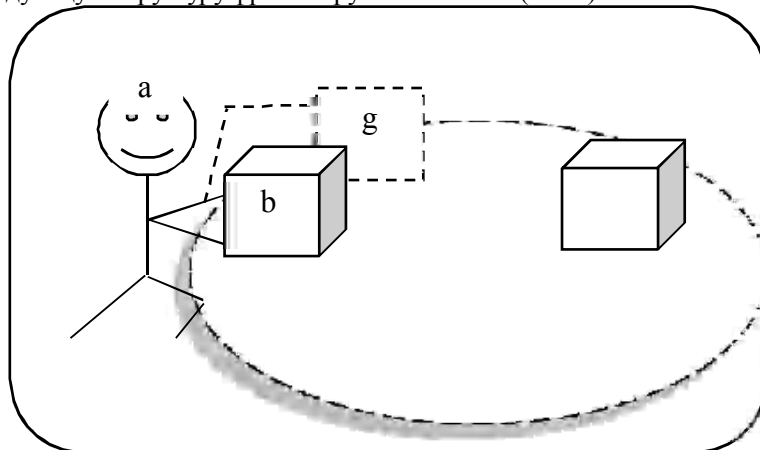

Рис.3. Фрейм группы Put Verbs по результатам дефиниционного и контекстного анализов

Что касается второго и четвертого кластеров, то большинство глаголов не нашли отражения в анализируемом произведении - из 71 примера были обнаружены лишь 16. Во втором кластере это глаголы cover и suspend, в четвертом – clutter, fill, crowd, plug, pile:

(39) She had listened, sitting up straight, holding the blanket clutched at her throat to cover her body [A. Rand 1957: 170].

(40) Its lights wiped out half a block, leaving only a huge photograph and some letters suspended in blazing mid-air [A. Rand 1957: 43].

(41) He had never met the man, but of all the notorious faces that cluttered the pages of newspapers, this was the one he despised. It was Francisco d'Anconia [A. Rand 1957: 59].

(42) They were the nights spent at scorching ovens in the research laboratory of the mills - the nights spent in the workshop of his home, over sheets of paper which he filled with formulas ... [A. Rand 1957: 19].

(43) I suppose that's the price we have to pay for not being crowded by all kinds of rabble [A. Rand 1957: 30].

(44) Eddie's reports tried to get away from people tried to find the rolling stock to put more trains on the John Galt Line, because the schedule I'd planned won't be enough for the business that's piled up in just three days [A. Rand 1957: 179].

Соответственно, по результатам контекстного анализа для глаголов группы Cover Verbs характерны такие компоненты, как AGENT, PATIENT, LOCATIVE, IN, TIME. Данная структура также заметно отличается от дефиниционной для данной группы (Рис.4, 5).

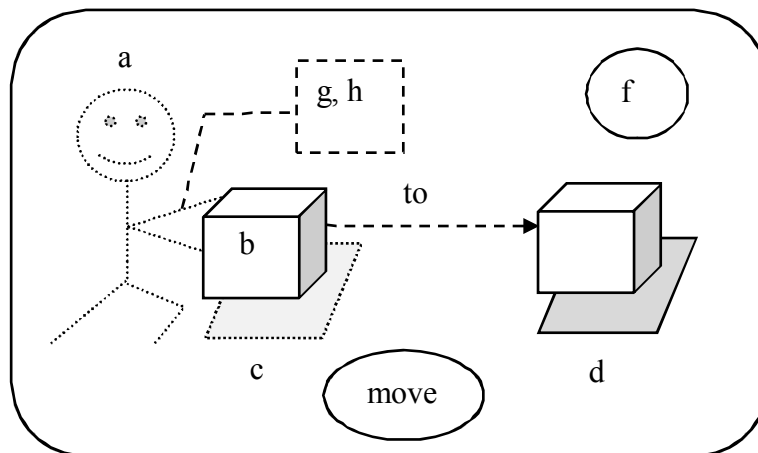

Рис.4. Фрейм группы Cover Verbs по результатам дефиниционного анализа

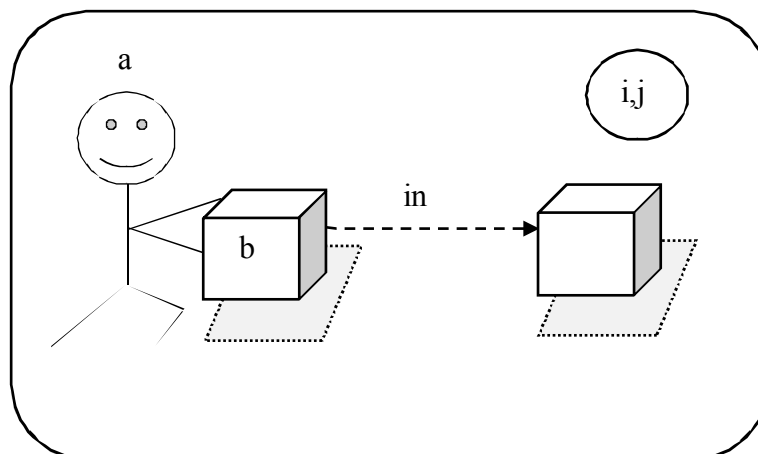

Рис.5. Фрейм группы Cover Verbs по результатам контекстного анализа

Как видно из рисунков 4,5, в контекстном фрейме отсутствуют элементы MANNER, INSTRUMENT, GOAL, MOVE, RESULT (f), и напротив, активизировались компоненты LOCATIVE, TIME, а вместо предлога TO используется предлог IN.

Фреймовая структура глаголов группы Fill Verbs (четвертого кластера) в дискурсе включает такие компоненты, как AGENT, PATIENT, TIME, MANNER, INSTRUMENT. В отличие от исходного фрейма данной группы здесь отсутствуют компоненты GOAL, MOVE, RESULT (рис.6,7).

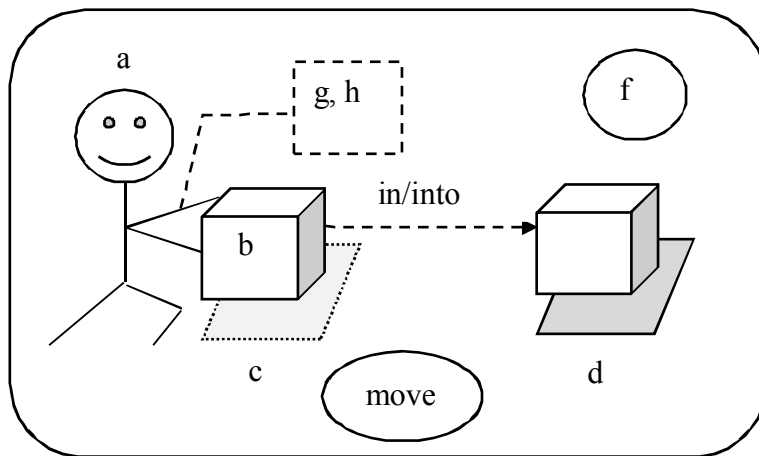

Рис.6. Фрейм группы Fill Verbs по результатам дефиниционного анализа

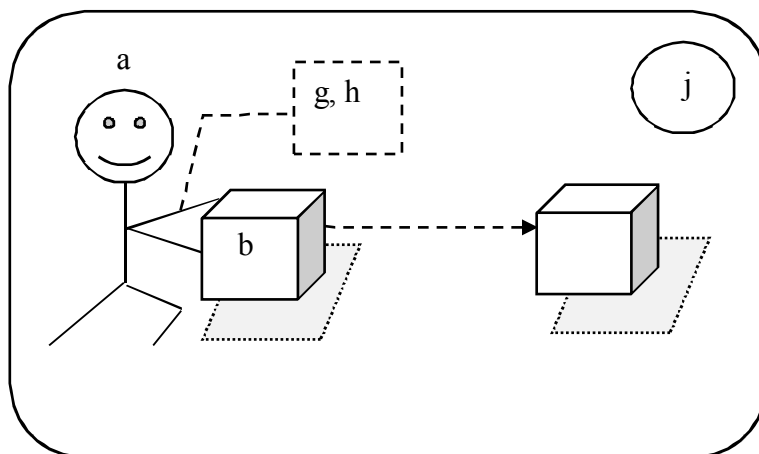

Рис.7. Фрейм группы Fill Verbs по результатам контекстного анализа

Обе фреймовые структуры схожи наличием основных компонентов - AGENT, PATIENT, INSTRUMENT:

(45) The owner turned impassively to fill her order; there was, in his stolid indifference, the kind of mercifulness that asks no questions [A. Rand 1957: 117].

(46) ... it was like trying to plug a broken hydrant with his bare hands [A. Rand 1957: 84].

Разумеется, для глаголов данных кластеров также характерна метафорическая экстраполяция, ведущая к той же самой трансформации фреймовой структуры также за счет появления нового фреймового компонента ENVIRONMENT:

(47) "I know what I'd like to be: I wish I could be a man who covers news!" [A. Rand 1957: 26].

(48) So many people have always filled my life that I can't be expected to recall individual drops in the ocean [A. Rand 1957: 138].

Итоговый сравнительный результат дефиниционного и контекстного анализов по трем кластерам продемонстрирован в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительный анализ структур дефиниционных и контекстных фреймовых моделей трех групп

Тип анализа	Группа	Фреймовые семантические компоненты														
		Agent, Experiencer	Patient, Range	Result	Source	Goal	to	in, into	on/on to	Locative	Reason	Time	Manner	Direction Path	Measure of the object	Instrument
Дефиниционный анализ	1	98,76%	19,88%	0,00%	0,00%	40,37%	1,24%	15,53%	13,66%	48,14%	0,00%	6,52%	36,96%	0,00%	0,00%	0,31%
Контекстный анализ	1	4,35%	100,00%	8,70%	3,26%	100,00%	100,00%	35,87%	32,61%	10,87%	0,00%	5,43%	100,00%	1,09%	2,17%	100,00%
Дефиниционный анализ	2	100,00%	60,00%	0,00%	20,00%	20,00%	0,00%	20,00%	0,00%	20,00%	0,00%	20,00%	0,00%	0,00%	0,00%	0,00%
Контекстный анализ	2	0,00%	100,00%	100,00%	7,84%	100,00%	100,00%	3,92%	5,88%	1,96%	0,00%	1,96%	100,00%	0,00%	1,96%	100,00%

Дефиниционный анализ	4	100,00%	90,91 %	0,00%	0,00 %	0,00%	0,00%	0,00%	0,00 %	0,00%	0,00 %	27,27%	9,09%	0,00%	0,00%	9,09%
Контекстный анализ	4	100,00 %	100,00 %	50,00 %	10,00 %	100,00 %	40,00 %	100,00 %	0,00 %	10,00 %	0,00 %	0,00 %	60,00 %	10,00 %	10,00 %	50,00 %

Данные таблицы 2 показывают пределы разночтений по итогам двух типов анализа. Так, наиболее сильное расхождение наблюдается во втором кластере, где из 15 компонентов частично совпали PATIENT, SOURCE, GOAL, еще менее похожи показатели актуализации для компонентов ON\ONTO, IN\INTO, LOCATIVE, TIME, MEASURE, тогда как полное несоответствие выражено у таких релевантных компонентов, как AGENT, RESULT, TO, MANNER, INSTRUMENT. В четвертом кластере практически полностью совпали только 4 компонента (AGENT, ON\ONTO, REASON, PATIENT), частично – MANNER, INSTRUMENT, DIRECTION, MEASURE, SOURCE. В группе глаголов Put Verbs прослеживается частичное совпадение результатов практически у всех компонентов, кроме AGENT, TO, INSTRUMENT.

Таким образом, мы кратко проанализировали дефиниционные и контекстные фреймовые структуры трех наиболее объемных кластеров глаголов группы Putting. Мы выяснили, что компонент AGENT является самым частотным по итогам исследования дискурса, а в дефиниционном фрейме он выражен имплицитно. Следует также отметить, что во всех вышеупомянутых группах имплицитно выражены компоненты SOURCE и RESULT. Любопытным наблюдением стало появление в ряде примеров нового, строго контекстуально реализуемого компонента ENVIRONMENT, являющегося следствием метафорического употребления рассматриваемых глаголов. В первом кластере по нескольким компонентам наблюдается совпадение структур, тогда как во втором и четвертом кластерах структура фрейма совершенно не соответствует первоначальной, поскольку по ряду компонентов есть существенные различия. Фреймовые компоненты AGENT, PATIENT, GOAL, MANNER являются базовыми для группы глаголов Put Verbs. В группе глаголов Cover Verbs совпадения обнаружены только у компонентов PATIENT, GOAL, а в группе Fill Verbs – AGENT, PATIENT, INSTRUMENT. Следовательно, можно констатировать лишь частичное соответствие дефиниционной и контекстной структур фреймов, что вполне доказывает исходную гипотезу.

The results of the examination of how frame structures of the English Verbs of Putting are transformed in fiction are reflected in this article. In the framework of context analysis new frame models of verbal semantics are built. They are different from the initial definition frames not only because of the actualization of other frame components but due to the manifestation of a new element ENVIRONMENT in the cases of metaphorical usage of the verbs under research. The transformation of frame structures caused by metaphorization proves the declared hypothesis about the definition and context frames discrepancy.

Keywords: *frame, frame model, definition analysis, context analysis, discourse, metaphorization.*

Список литературы

1. Алимуратов О.А., Бруданина А.В. Опыт моделирования динамики формирования и вербализации концепта: теоретико-методологические подходы и практические приложения (на материале концепта *parting*, вербализуемого средствами английского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 105-110.
2. Алимуратов О.А., Блинова Д.Е., Раздуб А.В. Фреймовое моделирование языковой картины мира, репрезентируемой в англоязычном детском дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 6-13.
3. Алимуратов О.А., Чурсин О.В. Когнитивно-фреймовый подход к функционально-семантической характеристике современной английской музыкальной лексики // В мире научных открытий. 2009. № 3-1. С. 21-28.
4. Алимуратов О.А., Чурсин О.В. Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи (на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2011. № 6. С. 6-27.
5. Айрапетян Р.Р. Прототипическая модель глаголов группы «Verbs of Putting», основанная на компонентном анализе семантики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. №4. С.53-59.
6. Айрапетян (Маркарян) Р.Р., Алимуратов О.А. Опыт кластерного анализа и семантической классификации английских глаголов (на примере группы «Verbs of Putting») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2 (039). С. 96-109.
7. Айрапетян Р.Р. Фреймовое моделирование глаголов группы «Verbs of Putting» // Вестник Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. № 1. С. 76-82.
8. Лагу М.Н. Комплексная характеристика современной англоязычной военно-исторической терминологии: фреймово-семантический подход // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 120-123.
9. Милетова Е.В. Фреймовый способ репрезентации категории «качество» в искусствоведческом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 93-97.
10. Раздуб А.В., Алимуратов О.А. Опыт когнитивного моделирования и лексико-графирования английского

подъязыка нанотехнологий // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 72-86.

11. Fillmore Ch. On the organization of semantic information in the lexicon // Papers from the parasession on the lexicon. Chicago: CLS, 1978. P. 165.

12. <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/index.php?q=frameIndex>

13. Rand A. Atlas Shrugged. New York: Random House, 1992, ©1957. P.1168.

Об авторе

Айрапетян Р.Р. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», ruzanna2506@gmail.com

УДК 81'367.628

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ И НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМ КИНОИНДУСТРИИ И НАНОТЕХНОЛОГИЙ)¹⁴

А.А. Алборова, А.В. Раздубев

Статья посвящена анализу некоторых структурных особенностей гуманитарной и научно-производственной терминосистем в сопоставительном аспекте на примере англоязычных терминосистем киноиндустрии и нанотехнологий. В рамках общего дискурсивного пространства гуманитарной сферы, состоящего из различных видов дискурса сферы искусства (театра, живописи, архитектуры и т.д.), авторы выделяют кинодискурс и киносценарий как одну из его составляющих и основных разновидностей. В статье рассматриваются основные структурные типы англоязычных терминологических единиц сферы киноиндустрии из киносценариев триллеров и нанотехнологических терминов. Подробно анализируются и сопоставляются в количественном аспекте однокомпонентные, многокомпонентные термины и аббревиатуры. В статье делается вывод о том, что несмотря на различный характер рассматриваемых терминосистем – гуманитарный и научно-производственный, они имеют много общих черт, проявляющихся, в частности, в наличии общих структурных моделей и соответствующих типов терминов, включающих сложносокращенные термины, бленды, акронимы, цепочечные образования.

Ключевые слова: *термин, терминология, терминосистема, кинодискурс, киносценарий, нанотехнология.*

В рамках общего дискурсивного пространства гуманитарной сферы, состоящего, в том числе, из различных видов дискурса сферы искусства (театра, живописи, архитектуры и т.д.), представляется возможным выделить дискурс кино, или *кинодискурс* [см. также: Зайченко, 2011; Назмутдинова, 2008 и др.]. Данный вид дискурса охватывает как устно-вербальный, так и письменно-вербальный компоненты фильма и является более широким понятием по сравнению с понятием «кинотекст» [Слышкин, Ефремова, 2004] и «кинодиалог» [Горшкова, 2006]. В целом, кинодискурс представляет собой особый вид дискурса, имеющий отличия от других дискурсивных разновидностей с точки зрения участников (адресанта и адресата) и целей коммуникации, специфики передаваемого сообщения, тематики, хронотопа, ценностей, стратегий, разновидностей и жанров, присущих ему, прецедентных текстов, а также дискурсивных формул [см. Карасик, 1999а, 1999б]. (О других типах дискурса см. [Ансокова, 2012; Милькина, 2012; Оломская, 2010; Раздубев, 2013; Стеблецова, 2009 и др.]). Кинодискурс – это важная, неотъемлемая составляющая фильма и, в частности, его художественной структуры. Прежде чем перейти к сравнительному анализу терминов кино, позволим себе кратко остановиться на характеристике той сферы, в которой рассматриваемые термины получают актуализацию.

Дискурсивное пространство, в которое входит кинодискурс, в целом неоднородно и представляет собой как отчасти ментальное, так и частично материальное образование. Материальность дискурсивного пространства сферы искусства проявляется в том, что письменные дискурсы (например, киносценарий) изначально имеют материальное оформление, а устные дискурсы – возможность его получить посредством письменной, аудио- или видеозаписи, что и происходит при создании кинофильмов.

Не секрет, что любой фильм любого жанра характеризуется наличием *сценария* – литературно-драматического произведения, написанного как основа для постановки кинофильма. В кинематографе сценарий имеет много общих черт с пьесой, т.к. подробно описывает каждое действие, каждую сцену и диалоги персонажей. За основу сценария может быть взято готовое литературное произведение, которое адаптируется для нужд кинематографа. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова вполне закономерно рассматривают литературный сценарий как «произведение художественной литературы со специфическими признаками, связанными с воплощением словесного текста в звукозрительном виде на экране» [Слышкин, Ефремова, 2004: 29].

¹⁴ Публикация выполнена в рамках проекта «Когнилингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор **О.А. Алимуратов**)

Традиционно выделяются четыре главных элемента сценария:

- 1) описательная часть (ремарка или сценарная проза, описывающая время и место, образ действия);
- 2) диалог (разговор между героями);
- 3) (комментирующий) закадровый голос;
- 4) начальные и финальные титры.

Следует отметить, что, несмотря на то, что сценарий составляет основу фильма, в ходе съемок у кинокартины может смениться и использоваться несколько сценариев. В целом, в кинематографе существует несколько видов сценария: *киносценарий*, *режиссерский (постановочный) сценарий*, *сценарий-экспликация* (описывает то, какими методами производить съемку, на чем именно сделать визуальный акцент), *режиссерская экспликация* [<http://kinotime.ru/page.php?21>]. При этом первоначальный литературный сценарий, киносценарий, режиссерский сценарий и снятый в итоге фильм могут значительно отличаться, т.к. возможны отклонения в соответствии с решениями режиссера, сценариста, а также в силу обстоятельств, возникших в процессе съемок фильма.

Наряду с А.Н. Зарецкой [Зарецкая, 2009], мы рассматриваем *киносценарий* как одну из основных разновидностей и составляющих кинодискурса. Очевидно, что основной объем информации в киносценарии передается в вербальной форме, тогда как в кинодискурсе он может выражаться визуально. При этом визуальная информация вступает в активное взаимодействие с вербальной, образуя их комбинацию, слияние, которые обладают значительной воздействующей и эстетической силой. Часть информации, отраженной в письменной форме в киносценарии, в фильме зачастую уже не имеет никакого словесного оформления.

Киносценарий описывает все элементы (аудио-визуальные аспекты картины, поведение героев и их диалог), которые необходимы, чтобы рассказать историю посредством кинофильма. Киносценарий практически никогда не бывает результатом деятельности одного человека. Наряду с автором текста продюсеры, режиссеры и актеры также могут принимать то или иное участие в процессе интерпретации, изменения, внесения исправлений и переписывания киносценария.

В целом, совершенствование сценария происходит по различным направлениям, в том числе, за счет устранения вербальных подсказок и некоторых интертекстуальных отсылок, аллюзий, стремления к краткости и лаконичности, повышения степени имплицитности (подразумевания, наличия скрытых смыслов, подтекста) и т.д. При этом вербальная форма некоторых аллюзий в киносценарии может быть выражена визуально в кинодискурсе.

Качества, которые приносят успех книге, обычно включают богатый своеобразный литературный язык, глубокие внутренние размышления автора и героев, богатство их чувств, взаимоотношений, психологичные описания природы, окружения, характеров действующих лиц, динамичный, глубоко проработанный сюжет, наличие разнообразных символов и аллегорий. Однако для создания киносценария и дальнейшего его воплощения в художественный фильм сценарист может использовать только две вещи: персонажей и фабулу из литературного источника [Червинский, www.screenwriter.ru/info].

В.А. Кухаренко [Кухаренко, 1988: 70-79] выделяет двенадцать основных категорий художественного текста, которые также могут быть применены к киносценарию: членимость, связность, перспекцию и ретроспекцию, антропоцентричность, локальную и темпоральную отнесенность, информативность, системность, целостность, модальность и прагматическую направленность [см. также: Горшкова, 2006]. Киносценарий, представляя собой единое связное произведение, может быть поделен на некоторое количество фрагментов, актов, частей, эпизодов, что говорит о его членимости. Хронология событий в киносценарии может идти как вперед, в соответствии с ходом реальных событий, так и возвращаться назад (перспекция и ретроспекция); кроме того, могут происходить скачки – предвосхищение будущего, забегание вперед (*flash-forward*) и воспоминания о прошлом (*flash-back*). Подобные феномены создают эффект многомерности и поликоординатности кинодискурса в целом [см. также: Слышкин, Ефремова, 2004: 34].

Антропоцентричность киносценария (как и кинодискурса) выражается в том, что в центре внимания стоит человек и его взаимоотношения с другими людьми и окружающим его реальным или воображаемым миром в целом, в то время как все остальные элементы (одежда, интерьер, пейзаж и т.д.) существуют для того, чтобы максимально полно раскрыть зрителю характеры героев. Действие, подробно описываемое в киносценарии, происходит в определенном месте и в определенное время. Пространственно-временная составляющая указана в описательной части киносценария, в соответствующих ремарках, и может быть легко прослежена в кинодискурсе, в частности, по степени освещенности показанного пейзажа, по использованию искусственного освещения в помещении (день-ночь), декораций, маркирующих определенные временные отрезки (весенние цветы в вазе – время года – весна, новогодняя елка – канун Нового года или Рождества, чуело из тыквы – Хэллоуин и т.д.). Как уже говорилось выше, кинодискурс характеризуется высокой информативной насыщенностью и сочетанием различных типов информации, передаваемой как эксплицитно, так и имплицитно. В отличие от кинодискурса, киносценарий более эксплицитен, и главным информационным каналом для него является вербальный.

Системный характер носит как кинодискурс, так и киносценарий: ни один элемент сценария или фильма не является случайным, не существует сам по себе, он входит в общую систему, которая создается адресантом кинодискурса и функционирует для главной цели кинодискурса – производству впечатления на зрителя.

Кинодискурс – это заверченный продукт, характеризующийся наличием четких временных (экран-

ное время между начальными и финальными титрами) и пространственных (2D или 3D изображение на киноэкране в кинотеатре) рамок, что говорит о его целостности.

Кинодискурс и, в частности, киносценарий являются продуктами субъективного осмысления коллективным автором действительности, выражающегося в выборе темы будущего фильма, а также в режиссерских, операторских, звукорежиссерских решениях, в игре актеров и т.д. [Слышкин, Ефремова, 2004: 36]. В связи с задействованием в производство кинодискурса (и в большинстве случаев – киносценария) группы людей, а также по причине влияния их мнений, взглядов, действий на итоговый дискурсивный продукт можно говорить о сложном, комплексном типе модальности, находящей проявление в киносценарии.

Прагматическая направленность киносценария и кинодискурса в целом проявляются в стремлении вызвать у кинореципиента (реципиента кинодискурса) ответную реакцию (*feedback*). При этом следует отметить, что кинодискурс предполагает в значительной степени имплицитную (невербальную) реакцию зрителя – предполагается изменение в мыслях, чувствах, мировоззрении.

Наряду со всеми перечисленными выше характеристиками, интересным представляется рассмотреть киносценарий с точки зрения его терминологической составляющей, то есть частотно употребляемых терминов, степени терминологизации, а также основных структурных моделей терминологических единиц. Именно это и составляет главную цель настоящей статьи.

Указанные терминологические модели предполагается проанализировать в сравнении со структурными моделями, имеющими место в терминологии сферы нанотехнологий. Несмотря на кажущуюся практически диаметрально противоположность гуманитарной и научно-производственной терминологий, мы полагаем, что в сравнительно-сопоставительном аспекте можно выявить не только различия между ними, но и некоторые общие черты. Материалом исследования послужила выборка, состоящая из 3 000 частотно употребляемых терминологических единиц современного английского языка, относящихся к сфере кино и нанотехнологий (по 1500 терминов), отобранных из специализированных словарей, в том числе онлайн-словарей, научных трудов по проблемам киноиндустрии и нанотехнологий, интернет-сайтов, посвященных рассматриваемым сферам, а также научных и публицистических статей [http://www.filmsite.org; http://www.imdb.com/glossary; http://www.springhurst.org/cinemagic/glossary_terms.htm; http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru; http://www.nanowerk.com и др.] и т.д.

В связи с тем, что традиционно выделяют достаточно большое количество жанров кинофильмов (по крайней мере, 32 жанра), в частности: *комедия, боевик, триллер, детектив, приключения, ужасы, мелодрама, фантастика, вестерн* и т.д. [см. подробнее: http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Фильмы_по_жанрам], мы считаем целесообразным сузить границы исследования до анализа структуры *терминологических единиц сферы кино, извлеченных из киносценариев*, в большинстве своем – *из киносценариев триллеров*. Триллер – это уникальный и достаточно популярный современный жанр кино и литературы. Фильмы данного жанра могут быть детективно-приключенческими, шпионскими, мистическими и научно-фантастическими и базируются на стремлении вызывать у зрителя чувства волнения, страха, ужаса и напряжения. Именно поэтому триллеры так ценятся зрителями самых разных возрастных групп. Интересно, что границы жанра триллера зачастую размыты, так как многие его элементы можно обнаружить у детективов и ужастиков, кинолентах жанра нуар и гангстерских боевиках. [http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/245350; http://kinoylei.ru/load/zhanry/triller/41].

Для лингвистической характеристики любой терминосистемы важна, прежде всего, *структурная классификация терминов*. Это вполне объяснимо, т.к. существенные различия терминологических систем, а именно изучению такого рода различий в конечном счете посвящено исследование, в рамках которого выполнена настоящая статья, иллюстрируются на языковом уровне, в первую очередь, именно структурным и семантическим своеобразием единиц рассматриваемой терминосистемы. Иными словами, ***в структуре терминологических единиц прослеживаются определенные закономерности того, как концептуализируется и/или категоризируется действительность с последующим формированием фрагмента научной картины мира, фундаментальной или прикладной, гуманитарной или естественнонаучной.***

Наиболее приемлемой нам представляется довольно известная в лингвистических кругах классификация терминологических единиц, предложенная Л.Б. Ткачевой, в рамках которой выделяются *простые и сложные термины, терминологические сочетания* с делением их на *связные* (устойчивые многокомпонентные терминологические сочетания, в которых невозможна замена составляющих их элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания) и *свободные* (терминологические сочетания, в рамках которых «возможна синонимическая замена одного или двух составляющих ... элементов с сохранением семантической целостности всего сочетания»), а также *фразовые термины* (термины, в которых отношения выражены союзами или предлогами) [Ткачева, 1987, с. 40].

Так, все термины сфер кинематографа и нанотехнологий можно разделить на группы *простых (однокомпонентных)* и *сложных (многокомпонентных)* терминов, первая из которых, в свою очередь, делится на подгруппы *непроизводных (корневых)* (*scene – сцена, shot – кадр, script – сценарий / atom – атом, carbon – углерод, photon – протон*) и *производных терминов* (включая сокращения однокомпонентного термина) (*thriller – триллер, anti-hero – антигерой, composition – композиция, framing – установка в рамку; cel – кель, буфер движущегося изображения / nanorobot – наноробот, nanotechnology – нанотехнология, nanotech – нанотех*).

В состав *сложных (многокомпонентных)* терминов, по нашему мнению, входит подгруппа *сложно-*

сокращенных терминологических единиц с усечениями различных типов (*backdrop* – задний план, фон; *backlighting* – задняя подсветка, *close-up* – крупный план, *blue-screen* – съемка с использованием голубого экрана / *aerogel* – аэрогель, *protonogram* – протонограмма, *biotechnology* – биотехнология) и блендов (*cinerama* – панорамная съемка; *cyclorama* – циклорама; *mockumentary* – псевдодокументальный фильм / *moletronics* – молетроника, *nanobot* – нанобот, *qubit* – кубит).

Во вторую подгруппу сложных терминов мы выносим инициальные аббревиатуры и акронимы (*CGI* – *Computer-Generated Imagery* – компьютерная анимация, компьютерный видеоряд; *MGM* – *Metro-Goldwyn Mayer* – компания Метро-Голдвин Майер / *XRD* – *X-ray diffraction* – дифракция рентгеновских лучей, рентгенодифракция; *TEM* – *transmission electron microscopy* – трансмиссионная электронная микроскопия; *CNT* – *carbon nanotube* – углеродная нанотрубка; *SWNT* – *single-walled nanotube* – одностенная нанотрубка; *MWNT* – *multi-walled nanotube* – многостенная нанотрубка), а в третью – фразовые термины и терминологические словосочетания, в свою очередь делящиеся на связанные (*time lapse* – замедленная киносъемка, *background music* – фоновая музыка / *point of zero charge* – точка нулевого заряда, *drug delivery* – доставка лекарственных средств) и свободные (*reverse action* – обратное действие, *shooting script* – съемочный вариант сценария / *dry nanotechnology* – «сухая» нанотехнология, *dynamic aberration* – динамическая абберация, *metal oxide nanostructure* – наноструктура из окисла металла) многокомпонентные терминологические единицы.

В четвертую подгруппу мы относим цепочечные терминологические образования (*over-the-shoulder shot* – съемка через плечо одного из героев; *subjective point-of-view* – фильм, снятый с угла обзора автора или героя / *all-biologically-controlled* – полностью биологически контролируемый, *layer-by-layer* – послойный, послойно), а также смешанные многокомпонентные термины, например, различные комбинации сокращений и аббревиатур, сокращений/аббревиатур и слов (*OTS shot* – съемка через плечо одного из героев; *POV shot* – кадр, снятый с угла обзора автора или героя / *Cryo-EM* – *cryogenic electron microscopy* – криогенная электронная микроскопия, *CPB velocity* – *charge particle beam velocity* – скорость потока заряженных частиц, *SePD* – *severe plastic deformation* – сильная пластическая деформация; *LB-technique* – *Langmuir-Blodgett technique* – техника Ленгмюра-Блэдкетт) и т.д. Кроме того, в обеих терминосистемах в небольшом количестве присутствуют и ложные аббревиатуры, внешняя форма которых ложно ориентирует реципиента, не знающего, что именно обозначает тот или иной термин: *J-cut*, *L-cut* – раздельный монтаж / *carbon nanotube T-junction* – волноводный тройник на основе углеродных нанотрубок [см. также: Алимуратов, Шлепкина, 2010].

Наряду с выделенными подгруппами следует отметить наличие в проанализированной нами выборке сложных (многокомпонентных) терминов *двух-, трех-, четырех-, пятикомпонентных единиц* (*action* – действие; *camera angle* – угол съемки камеры; *cast against type* – актер, играющий полностью противоположную роль, чем в предыдущих фильмах / *atactic polymer* – атактический полимер; *atomic absorption analysis* – анализ атомного поглощения; *atomic force microscope nanolithography* – нанолитография на основе атомно-силового микроскопа; *ballistic protection nanocrystalline alloy fiber* – волокно из нанокристаллического сплава для противопульной защиты) и т.д. Как видно из приведенных примеров, в терминологиях киноиндустрии и нанотехнологий имеются практически один и тот же набор терминологических групп. При этом среди терминов, взятых из сценариев, а также имеющих непосредственное отношение к съемкам фильмов, в значительной степени преобладают структуры с количеством свободных (не являющихся частью слова) терминологических элементов, не превышающим три. В то же самое время термины сферы нанотехнологий английского языка имеют заметно большее количество компонентов, достигающее до пяти-шести [см. Алимуратов, Лату, Раздубев, 2012]. Данный факт можно рассматривать как значимое отличие анализируемых терминосистем, свидетельствующее о том, что в рамках нанотехнологической и кинематографической картин мира заметно отличается информационная емкость терминологических единиц. Очевидно, что киноиндустрия оперирует относительно простыми терминами с небольшим количеством терминологических элементов, в то время как в рамках такой научно-технической области, как нанотехнологии, точное описание нанотехнологического понятия возможно только с использованием значительного количества классифицирующих терминологических элементов.

Приведенные выше и другие представленные терминологические единицы обеих терминосистем образованы, главным образом, по продуктивным для общеупотребительной лексики современного английского языка типам словообразования, таким как *аффиксация* (префиксация, суффиксация), словосложение, аббревиация, блендинг и т.д. [см. напр. Харитончик, 1992; Смирницкий, 1956 и др.]. В обеих англоязычных терминологиях сфер киноиндустрии и нанотехнологий одним из преобладающих способов терминообразования является аффиксация с тем лишь отличием, что большее количество нанотехнологических терминов образовано в результате префиксации (в совокупности с приставочно-суффиксальным способом – до 24% выборки, в частности, с использованием приставки *nano-*), а терминологические единицы киноиндустрии – суффиксации). Количество нанотехнологических терминов, полученных в результате словосложения (около 10,8% выборки в 1500 единиц), приблизительно на 15% превышает количество подобных терминологических единиц сферы киноиндустрии. Аббревиированных терминов в 4 раза больше в англоязычной терминологии нанотехнологий.

Общеизвестно, что каждая терминология имеет своеобразный структурный состав, и рассматриваемые терминологии сферы нанотехнологий и киноиндустрии также не являются исключением. Мы расцениваем нанотехнологическую терминологию как молодую, *формирующуюся*, что может быть доказано фактом *преобладания в этой терминосистеме неологизмов*, под которыми мы понимаем, прежде всего, *многокомпонентные*

термины. Как известно, **чем больше компонентов в том или ином термине, тем он новее** [Лейчик, 2007; см., также: Хакиева, Раздубев, 2012, с. 199]. Являясь своего рода семантическим аттрактором, основной (ядерный) терминокомпонент привлекает к себе новые слова-элементы, которые приобретают новый статус в процессе уточнения и конкретизации денотируемых научных понятий [Маджаева, 2011, с. 66]. Образование многокомпонентных терминов происходит следующим образом: к термину-названию широкого, родового, понятия добавляется определение, сужающее его значение до объемов видового научного понятия. Например, английские термины из сферы нанотехнологий *nanotube* (*нанотрубка*) и *nanorobot* (*наноробот*) используются как основообразующие терминологические элементы для ряда терминов с определениями, уточняющими тип, структуру или материал, из которого сделан соответствующий нанотехнологический объект: *single-walled carbon nanotube* (*одностенная углеродная нанотрубка*), *multi-walled carbon nanotube* (*многостенная углеродная нанотрубка*); *carbon/non-carbon nanotube* (*углеродная/неуглеродная нанотрубка*), *molecular nanorobot* (*молекулярный наноробот*); *medical nanorobot* (*медицинский наноробот*); *self-replicating nanorobot* (*самовоспроизводящийся наноробот*) и т.д. Подобное синтаксическое терминоподобие [см. Гринев-Гриневиц, 2008] также свойственно и терминосистеме киноиндустрии, несмотря на ее устоявшийся характер: например, такие терминологические единицы, как *angle* и *shot* образуют значительное количество двух- и трехкомпонентных единиц: *camera angle* – *угол съемки камеры*; *Dutch angle*, *canted angle*, *oblique angle*, *German angle* – *съемка героев под углом по отношению к рамкам изображения*; *bird's eye shot* – *обзорный кадр, кадр с высоты птичьего полета*; *establishing shot* – *установочный кадр*; *high-angle shot*, *low-angle shot* – *кадры, полученные с разных углов съемки*; *long shot* – *снятый дальним или общим планом кадр*; *mid shot* – *кадр, снятый со средней дистанции* [<http://www.filmsite.org>] и т.д. Синтаксический способ терминоподобия является почти в 1,5 раза более продуктивным для терминологии нанотехнологий, чем для терминологии киноиндустрии.

Как отмечают многие лингвисты, терминологические словосочетания по количеству занимают одно из ведущих мест практически в любой отраслевой терминологии (их число может достигать до 90% от общего объема терминов) [Гринев, 1993, с. 141; Казарина, 1998, с. 84; Манерко, 2000, с. 15 и др.] в связи с тем, что термин-словосочетание может точнее передать значение, его сигнификативный семантический компонент значительно четче очерчен, вследствие чего такая единица может вербализовать больший объем информации по сравнению с простым (однокомпонентным) термином. В целом, терминологические словосочетания, несомненно, отражают системность и иерархию понятий в терминосистеме.

Анализ структуры и состава выборки из нанотехнологической терминологии показал, что около 66,3% отобранных и исследованных терминов являются сложными (многокомпонентными), а 18,9% терминологических единиц – простыми (однокомпонентными), 14,8% приходится на аббревиатуры. Несколько другое процентное соотношение наблюдается в выборке из терминологии киноиндустрии: здесь число простых (однокомпонентных) терминов (50,9%) преобладает над многокомпонентными терминами (45,4%), и количество аббревиатур не столь велико (3,7%) (см. Диаграмму №1). Такую корреляцию также следует признать значимой для разграничения гуманитарной и научно-производственной терминосистем.

По нашему мнению, преобладание многокомпонентных терминов и, в частности, значительное количество аббревиатур в терминологии нанотехнологий еще раз подтверждает мнение о том, что терминология нанотехнологий является относительно молодой и формирующейся. Напротив, незначительное количество аббревиатур и меньшее количество многокомпонентных терминов среди англоязычных терминов киноиндустрии свидетельствует о ее устоявшемся характере. На Диаграмме №1 наглядно показано процентное соотношение структурных типов терминологических единиц обеих рассматриваемых терминосистем в контексте общего объема терминологической выборки.

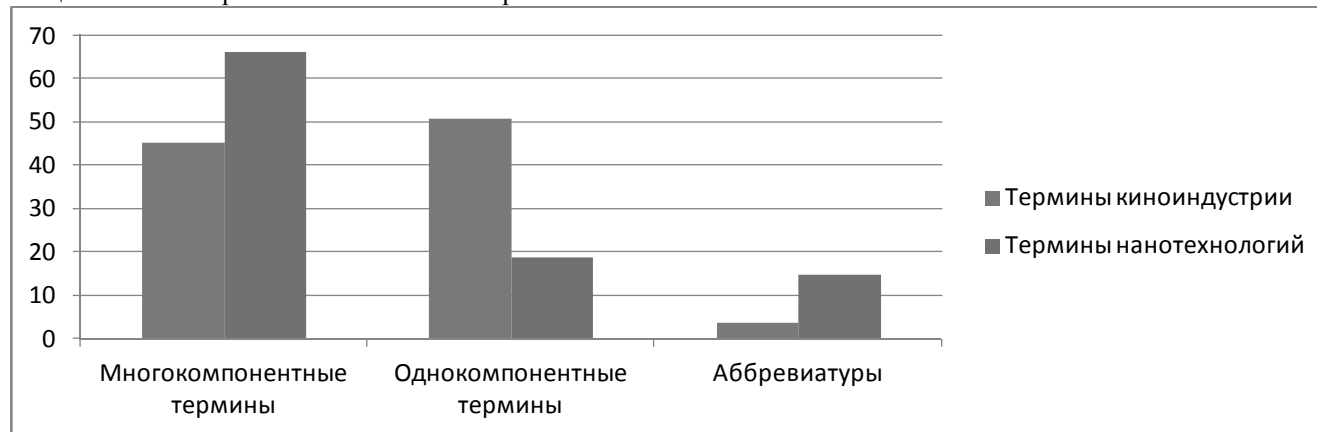

Диаграмма №1. Структурные типы англоязычных терминов по количеству компонентов

Различия в терминологическом наполнении англоязычных научно-технической и искусствоведческой терминологических систем свидетельствует, в частности, о разном времени возникновения и продолжительности существования. Как уже было сказано выше, в сфере нанотехнологий это проявляется в значительном коли-

честве многокомпонентных терминов, образованных на основе уже существующих терминологических лексем или терминологических элементов, логично рассматриваемых как *структурно и семантически производные единицы, а также* аббревиатурованных единиц. В терминосистеме сферы киноиндустрии мы отмечаем незначительное преобладание однокомпонентных терминологических единиц по сравнению с многокомпонентными терминами.

В целом, несмотря на разнородный характер и различное назначение рассматриваемых терминосистем (киноиндустрия – развлечение зрителя, нанотехнологии – передача научно-технической информации, изложение научных достижений), они имеют не только различия, но и сходства, проявляющиеся, в частности, в наличии общих структурных моделей и соответствующих типов терминов, включающих сложносокращенные термины, бленды, акронимы, цепочечные образования. Среди различий мы отмечаем. прежде всего, преобладание нанотехнологических терминов, образованных в результате префиксации, в то время как терминологические единицы киноиндустрии получены в результате суффиксации. Кроме того, в области нанотехнологий англоязычных аббревиатурованных терминов в количественном плане в 4 раза больше по сравнению с англоязычными терминами киноиндустрии.

The article is devoted to the comparative analysis of some structural peculiarities of the humanities and scientific production terminology systems drawing on the example of the English terminology systems of film industry and nanotechnology. In the general discursive space of the humanities sphere consisting of different types of art discourse (theatre, painting, architecture, etc.) the authors single out the film discourse and film scripts as one of its components and types. The article considers some basic structural types of the English film industry terminological units from film scripts of thrillers and nanotechnology terminological units. One-component, multi-component terms and abbreviations are analyzed and compared in terms of their amount. The article concludes that despite the differences in nature of the humanities and scientific-production terminology systems, they have many common features, in particular, general structural models of corresponding types of terminological units, including abbreviations, blends, acronyms, terminological chain formations.

Keywords: *terminological unit, terminology, terminology system, film discourse, film script, nanotechnology.*

Список литературы

1. Алимуратов, О.А., Шлепкина, М.А. Инновационные лексические процессы в системе стереотипных конструкций современного англоязычного делового дискурса: аббревиация и сокращение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1-1. С. 20-29.
2. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н., Раздубов, А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография (2-е издание, исправленное и дополненное). Пятигорск, 2012.
3. Алимуратов, О.А., Раздубов, А.В. Опыт когнитивного моделирования и лексико-графирования англоязычного подязыка нанотехнологий // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 72-86.
4. Ансокова, Д.В. Англоязычный политический дискурс: функциональная характеристика // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 58-61.
5. Горшкова, В.Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 366 с.
6. Гринев, С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
7. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
8. Зайченко, С.С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4(11). С. 82-86.
9. Зарецкая, А.Н. Особенности коммуникации адресата и адресанта кинодискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33(248). Серия «Филология. Искусствоведение». Вып. 60. С. 152-154.
10. Казарина, С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар, 1998. 272 с.
11. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999а. С. 3-18.
12. Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999б. С. 5-19.
13. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2103 «Иностр. яз.». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
14. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
15. Маджаева, С.И. Многокомпонентные терминологические словосочетания в подязыках медицины «СПИД» и «ДИАБЕТ» // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы Международной заочной научно-методической конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. Ч. 1. 390 с.
16. Манерко, Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия: монография. Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина, 2000. 140 с.
17. Милькина, Е.Н. Феминистские концепты: историко-философский дискурс // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 352-356.
18. Назмутдинова, С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. 21 с.

19. Оломская, Н.Н. Аудио- и визуальные уровни коммуникативно-информационных каналов: общая характеристика и дискурс PR // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 151-154.

20. Раздвев, А.В. Дискурс сферы нанотехнологий как вид научного дискурса (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 52-55.

21. Слышкин, Г.Г., Ефремова, М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

22. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. М., 1956. 240 с.

23. Стеблецова, А.О. Дискурс трудоустройства и модель его описания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 83-87.

24. Ткачева, Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 200 с.

25. Хакиева, З.У., Раздвев, А.В. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т.Н. Синеокова; Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. 2012. Вып. 7. С. 191-206.

26. Ширяева, Т.А. Деловой дискурс как коммуникативный акт // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 3-4. С. 92-99.

27. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка. Минск: Выш. школа, 1992. 204 с.

28. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/245350> [Электронный ресурс].

29. <http://kinotime.ru/page.php?21> [Электронный ресурс].

30. <http://kinoylei.ru/load/zhanry/triller/41> [Электронный ресурс].

31. http://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Фильмы_по_жанрам

32. <http://www.filmsite.org> [Электронный ресурс].

33. <http://www.imdb.com/glossary> [Электронный ресурс].

34. <http://www.nanodic.com> [Электронный ресурс].

35. <http://www.nanotech-now.com> [Электронный ресурс].

36. <http://www.nanowerk.com> [Электронный ресурс].

37. <http://www.portalnano.ru> [Электронный ресурс].

38. http://www.springhurst.org/cinemagic/glossary_terms.htm [Электронный ресурс].

Об авторах

Алборова А.А. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», a_alborova@mail.ru

Раздвев А.В. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики перевода Института переводоведения и многоязычия, редактор Управления научной работы ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», arazduev@bk.ru

УДК 81'32

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДИСКУРСА И НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЕГО ТИПОЛОГИИ: НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ СПЕЦИФИКИ ЭЛЕКТРОННОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Л.А. Ахтаева

Статья посвящена анализу сущности дискурса, а также выделению некоторых критериев его типологии на примере электронного математического дискурса. Автор рассматривает несколько классификаций дискурса, подчеркивая их неоднородность, которую можно объяснить, прежде всего, многогранностью феномена и возможностью его изучения с различных позиций (коммуникативной, структурной, когнитивной лингвистики и т.д.). Электронный математический дискурс представляет собой особый вид дискурса, выделяющийся в различных типологиях, в частности, в связи с наличием у него специфических параметров, таких как письменная фиксированность, институциональность, информативность, использование участниками когнитивных стратегий и т.д. Данные характеристики обеспечивают функционирование этой дискурсивной модели и обуславливают ее взаимодействие с другими видами дискурса.

Ключевые слова: дискурс, типология, электронный математический дискурс, интердискурсивность, когнитивная лингвистика.

В последние несколько десятилетий в отечественной лингвистике отчетливо проявилась тенденция к постепенному отказу от чисто структурного подхода к анализу речевой деятельности в пользу ее описания с учётом дискурсивного аспекта, т.е., в самом широком смысле, *аспекта деятельности и интерперсонального*. Вместе с тем, неоднозначность понятия «дискурс», ставшего одним из центральных концептов науки о языке [Алимурадов, 2004; Алимурадов, Григорьева, 2009; Алимурадов, Шлепкина, 2010; Алимурадов, Гусева, 2010; Алимурадов, Бли-

нова, Раздубев, 2010; Лату, 2012; Правикова, 2011; Правикова, 2012; Раздубев, 2013 и др.], обуславливает также необходимость углубленного изучения возможных подходов к определению самого этого феномена. На наш взгляд, комплексная специфика электронного математического дискурса, являющегося основным объектом нашего рассмотрения (отсутствие культурного контекста и ситуативности, завершенность, фиксированность и т.д.), не позволяет дать всеобъемлющую трактовку данного вида профессионального дискурса в рамках лишь одного аналитического подхода. Необходимо комплексное представление о дискурсе вообще и о профессиональном дискурсе, в частности, основанное на его коммуникативных, когнитивных, семиотических и структурных характеристиках, рассматриваемых в неизменной взаимоскорреляции. Попытка дать комплексное толкование дискурса как динамического коммуникативного феномена, погруженного во всем богатстве его конкретных проявлений в широкий деятельностно-культурный контекст, и – с учетом этого – проанализировать некоторые специфические черты электронного математического дискурса и составляет цель настоящей статьи.

В рамках **коммуникативного подхода** дискурс понимается как «вербальная коммуникация» и обозначает, скорее, *саму коммуникативную практику как процесс*, а не её продукт или результат. Т.В. Милевская определяет дискурс как «текст во всей полноте его коммуникативных связей или текст как деятельность» [Милевская, 2002: 37]. При этом текст можно рассматривать как промежуточную стадию дискурса или, что также будет закономерно, как *результат* самого дискурса как процесса текстопорождения. В свою очередь, А.Б. Кутузов подчеркивает, что дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие как минимум двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата, которые могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса. [Кутузов, 2006: 46]. Такая трактовка практически отождествляет «дискурс» с понятием «диалог».

У. Чейф развивает идею о диалогической направленности дискурса, высказывая гипотезу об объединении дискурсивных факторов (например, расстояние до предшествующего упоминания одного из участников диалога) в интегральную характеристику референта в данный момент дискурса [Chafe, 1976: 27-28; см. также: Алимуратов, Реунова, 2006]. На наш взгляд, в рамках проводимого нами исследования неприемлемо определение феномена «дискурс» через понятие «диалог», так как электронный математический дискурс, существующий строго в письменной форме, довольно редко приобретает форму диалога (например, ответные аргументированные критические статьи в электронных математических журналах и т.д.).

Как и сторонники коммуникативного подхода, Н. Фэрклав подчеркивает динамический характер дискурса. По его словам, ориентированность на процесс и возможность разворачиваться во времени отличают дискурс от текста, который, являясь результатом языковой деятельности, статичен по природе [Fairclough, 1992: 142]. Однако определение дискурса с сугубо динамической «процессуальной» точки зрения слишком узко для исследования электронного математического дискурса, которое предполагает обращение к текстам (изучение алгоритмов, доказательств и т.д. зафиксированных в электронном пространстве). Мы склонны считать, что дискурс включает оба компонента и представляется не только как динамический процесс языковой деятельности, но и как её результат. Математический дискурс сочетает завершенность в виде письменной закреплённости, а также процессуальность вкпе с наличием коммуникативной цели – донесение информации до адресата.

А. Греймас и Ж. Курте вывели **семиотическое понимание дискурса** и отождествили его с семиотическим процессом, утверждая, что «всё множество семиотических фактов (отношений, единиц, операций и т.д.), располагающихся на синтагматической оси языка можно рассматривать как относящееся к теории дискурса» [Греймас, Курте 1983, 488]. Исследователи сопоставили понятие «вторичной моделирующей системы», взятое у советских семиотиков, с понятием дискурса, выработанным на французской почве, истолковав дискурс как процесс, обладающий признаками системности. Это определение оказывается исключительно важным, так как вводит в понятие дискурса как кода синтагматическое и парадигматическое измерения, а также категорию системности. Такое понимание дискурса мыслится нам приемлемым, однако для адекватного анализа электронного математического дискурса необходимо также учитывать, что он существует не обособленно, а взаимодействует с другими дискурсами и является их частью (например, научный дискурс). В данной связи очевидна необходимость обращения к понятию *«интердискурс»*, которое вводит П. Серию в рамках **структуралистского подхода к толкованию дискурса** [Серийо, 1999: 131].

П. Серийо заметил, что один дискурс (дискурс А) может быть своеобразным узлом на стыке множества взаимодействующих дискурсов (Дискурс В, Дискурс С), которые способны вступать в различные отношения между собой. Именно факт подобной корреляции позволяет говорить об интердискурсе как об определенной сети взаимосвязей между разными дискурсами, о сложной системе отсылок, своеобразных "мостиков" [Серийо, 1999: 135-137].

Понятие интердискурсивности представляется нам чрезвычайно ценным для дальнейшего анализа, однако структуралистский подход к анализу дискурса в целом может быть подвергнут критике по той причине, что, во-первых, не учитывает прагматический аспект, а, во-вторых, потому что «ни одна строгая структура и стройная система не работает в языке без сбоев» [http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm], и каждое из исключений, появляющихся в дискурсе А, влечет за собой пересмотр всей системы субдискурсов. Несмотря на несовершенство работы системной интердискурсивной модели, считаем обходным учитывать критерии *структурности* и *системности* при исследовании электронного математического дискурса (ЭМД), так как взаимодействие с другими дискурсами во многом определяет специфические параметры изучаемого объек-

та, т.к. совершенно очевидно, что ЭМД представляет собой один из подвидов научного дискурса, а для последнего фактор интердискурсивности является одним из решающих. Так, например, «включение» электронного математического дискурса в систему научного дискурса регламентирует *высокую степень формализации* математических текстов, *наличие универсальных схем изложения, налаженной системы цитации* и т.д.

Признавая коммуникативную ориентированность дискурса, заметим, что развертывание модели электронного математического дискурса во многом опирается на *когнитивные механизмы формирования и реализации смысла*, поэтому рассмотрим также интерпретацию данного феномена с точки зрения **КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА**, предложенного Т.А. ван Дейком: «дискурс – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателями и т.д.), в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Dijk, 1981: 240]. Д.В. Шапочкин определяет дискурс как единство когнитивных и языковых структур, подразумевающее осмысление и непосредственно анализ, основанные на теснейшем взаимодействии механизмов как неязыкового, так и языкового познания [Шапочкин, 2012: 105]. Соответственно, текст становится дискурсом лишь тогда, когда при его рассмотрении, рецепции и интерпретации стараются охватить не только лингвистические, грамматические и семантические структуры, но и скрытые от непосредственного лингвистического наблюдения ассоциативные связи, а также установить корреляцию между употреблением слов и определенным социальным контекстом. Данная интерпретация дискурса является лишь частично приемлемой для исследования электронного математического дискурса, так как предполагает обращение к экстралингвистическим параметрам коммуникации, *которые нерелевантны для математики, представляющей собой своеобразный универсальный код, психологически и культурно недетерминированный*. В свою очередь, электронный математический дискурс представляется как сложное коммуникативное явление нетождественное тексту, а скорее являющееся наиболее полным аналитическим видением текста, единством когнитивных и языковых структур.

Основываясь на анализе и синтезе различных пониманий дискурса в лингвистике, мы можем дать следующее определение данного феномена, которое возьмем за основу для дальнейшего исследования англоязычного электронного математического дискурса.

Дискурс – это динамический феномен, который включает в себя совокупность всех текстов, относящихся к данной коммуникативной ситуации, и устанавливает внутри себя определенные синтагматические и парадигматические отношения. Электронный математический дискурс стоит понимать в отрыве от экстралингвистических факторов, так как в нем широко используется универсальный языковой код, интерпретация которого не зависит от культурных параметров.

Такое понимание дискурса представляется нам наиболее продуктивным, поскольку материалом при лингвистическом исследовании электронного математического дискурса является именно продукт языковой деятельности, то есть текст, анализ которого невозможен без учета специфики процесса порождения и восприятия высказываний.

Несмотря на многообразие подходов к определению дискурса, этот действительно сложный феномен обладает определенными **универсальными чертами**, к которым относятся связность (когерентность) и цельность. Цельность – это смысловая связность компонентов, которая позволяет воспринимать дискурсивное событие как комплекс [Григорьева, 1998: 99]. Л.С. Выготский называет такое явление «влиянием смысла», ведь, по его словам, «смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский, 1996: 308].

М. Louwerse считает именно «связность» основной характеристикой дискурса, отмечая при этом, что порядок следования компонентов в дискурсивной континуальности обусловливается специфическими закономерностями, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка [Louwerse, Graesser, 2005]. В.С. Григорьева предлагает рассматривать когерентность с точки зрения: а) интонационно-ритмического; б) логического; в) семантического; г) формально-грамматического оформления дискурса; при этом, по её мнению, связность можно обнаруживать по специальным маркерам иллокутивного и/или дискурсивного характера [Григорьева, 1998: 100].

С другой стороны, когерентность является обязательным условием, обеспечивающим развертывание электронного математического дискурса, так как его важнейшая характеристика – это информативность послания, которая обеспечивается благодаря связности преподносимых мыслей [Maturana, Varela, 1987: 212 и след.]. Информативность также рассматривается как универсальная черта дискурса, однако прописать её критерии довольно сложно, так как они совершенно по-разному проявляются в различных типах дискурса. Электронный математический дискурс высоко информативен, и поэтому для него особенно актуальны вопросы определения наиболее действенных форм представления информации, изучение эффективности её восприятия, а также закономерностей разграничения «старого» и «нового».

Согласно П.В. Зернецкому, дискурсу как языковому знаку высшего порядка присуща также модальность, связанная с доминированием в нем одного или нескольких параметров их речевоздействующих пространств. Дискурсы с эксплицированной модальностью по отражаемым в них личностным смыслам автора ориентированы на сферу речевой и неречевой деятельности адресата [Зернецкий, 1990: 65–66].

Параметры информативности, модальности, субъектности, по-разному функционирующие в различных дискурсивных моделях, подводят нас к вопросу о **типологии дискурса**. Для более полной классифика-

ции вычленим основные критерии, в соответствии с которыми можно вывести систему дискурсивных разновидностей, и определим место электронного математического дискурса в каждой из приведенных типологий.

Основными критериями, принимаемыми за основу в классификациях дискурса, являются модальность, тип группы, имеющий более или менее устоявшуюся позиционно-ролевую структуру, характер актуализации коммуникативных стратегий, адресность, интенции участников и их количество, канал передачи информации, стиль изложения, функциональность.

В зависимости от направленности дискурса на реализацию определенных коммуникативных стратегий, выделяют «**прагматические дискурсы**» или, как их называет Т.А. ван Дейк, «контекстуальные макро-стратегии» [Dijk 1983: 57-58]. Так, например, прагматическими являются военный, политический, юридический, научный, критический, педагогический дискурсы. Помимо этого, выделяются «интердискурс» и «специальные дискурсы», которые можно обозначить соответственно как «общий дискурс» и «частные дискурсы» [Liebert, 1997: 153-157]. Модель электронного математического дискурса входит в систему частных прагматических дискурсов, так как является сегментом научного пространства и характеризуется использованием когнитивно-коммуникативных стратегий, направленных на успешную реализацию коммуникативных задач, поставленных перед автором математического текста либо им самим, либо научным сообществом.

В качестве одной из самых известных классификаций выступает предложенное В.И. Карасиком разделение дискурсов на два типа: **персональный (лично-ориентированный)** и **институциональный** [Карасик 2000:5-20]. По его словам, персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение. Бытовое общение – это диалогичная по своей сути коммуникация, которая заключается в поддержании контакта и решении бытовых проблем. Фактически это разговор об очевидном и понятном каждому: адресат понимает говорящего во многих случаях с полуслова, а собственно процесс интерпретации не требует обращения к глубинной структуре высказывания.

В свою очередь, институциональный дискурс предполагает общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2000: 17], существующих либо в рамках определенного языкового коллектива, либо некоторой социальной или профессиональной группы. Соответственно, можно выделить такие институциональные дискурсы, как «юридический», «учебный», «судебный» и т.д.. Стоит заметить, что современные общественные институты не являются однородными явлениями, так как существенно отличаются друг от друга и могут меняться со временем (например, сливаться друг с другом или возникать в виде разновидностей в рамках того или другого типа) [Шапочкин, 2012: 102]. Это позволяет сделать вывод о том, что и вышеперечисленные виды дискурса носят неоднородный характер и являются всего лишь малой составной частью имеющегося в наличии весомого количества научных дисциплин или общественных институтов. Безусловно, почти в каждой области исследования могут встретиться дискурсивные практики, которые имеют свою специфику. Целесообразность включения электронного математического дискурса в систему институциональных дискурсов можно доказать, обратившись в самому понятию «институционализация», суть которого состоит в типизации повторяющихся действий и связанных с ними ожиданий [Бейлинсон, 2009]. Участники электронного математического дискурса, в первую очередь, играют определённую роль, прописанную в рамках данного дискурса, в то время как их внеролевая (метафункциональная идентичность) не может выходить на первый план в рамках данного вида коммуникации. Так, например, математик, приводя в статье доказательство теоремы, не может переключаться на личные темы и рассказывать о своём настроении.

А.А. Кибрик предлагает классификацию дискурса, основывающуюся на противопоставлении **устной и письменной форм** существования языка. Критерием для данной типологии является канал передачи информации - акустический при устном дискурсе и визуальный при письменном [Кибрик, 2003: 56-57]. Устный дискурс рассматривается как фундаментальная форма существования языка, в то время как письменный дискурс, являясь производным от устного, представляет собой ее более позднюю, вторичную разновидность [Кибрик, 2003: 58]. У. Чейф подробно описывает различия в процессе развертывания устного и письменного дискурса, как раз и являющиеся последствием использования различных каналов информации [Chafe, 1982: 41-52]. Так, к характеристикам устного дискурса относятся относительная синхронность процессов порождения и восприятия речи, наличие паралингвистической информации, значительная опора на обратную связь, меньшая (по сравнению с письменным дискурсом) нормированность, повышенная эллиптичность, более низкая синтаксическая структурированность, а также преобладание активных конструкций и частое использование конструкций с неопределенным агентом. У. Чейф подчеркивает, что устному дискурсу свойственна высокая формально-смысловая фрагментация, а именно порождение речи квантами (толчками) - интонационными единицами, которые «отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершённый интонационный контур и обычно совпадают с простыми предикациями, или клаузами» [Chafe, 1982: 49].

С другой стороны, письменному дискурсу свойственна более сложная организация, интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Как следствие, устный дискурс имеет более ограниченный диапазон союзов и прочих соединительных элементов, в то время как письменный дискурс характеризуется использованием очень разнообразных формальных средств когезии [Chafe, 1982: 41-52].

Приведенные выше различия между устной и письменной формами использования языка формально можно приравнять к различию между дискурсом и текстом, однако мы считаем такое смешение понятий непри-

емлемым. Устный и письменный виды дискурса стоит разграничивать, главным образом, на основании сложных отношений между автором и слушателем, а также сообразно специфике контакта между ними [Renkema, 2004:64]. Так, наличие контакта между участниками дискурса во время передачи информации, а также их взаимная вовлеченность в ситуацию, характеризующие устный дискурс, предстают в письменном дискурсе в особой форме. Такую связь невозможно назвать полноценным контактом во времени и пространстве, так как контакт происходит только при соприкосновении читателя с текстом и его дальнейшей интерпретацией. Электронный математический дискурс является очень специфичным в плане осуществления контакта между автором и адресатом, так как виртуальность «подразумевает коммуникацию с воображаемым собеседником» [Галичкина, 2012: 30]. Мы считаем, что общение между автором и читателем математического текста, размещенного в электронном формате, нельзя считать виртуальным, так как виртуальность – это оппозиция реальности, а авторы электронных математических статей, учебников, комментариев, критики публикаций в сети, как и читатели данных текстов – совершенно реальные люди. Вслед за А.Б. Кутузовым, в определении этого аспекта специфики электронного дискурса ограничимся вполне правомерной, на наш взгляд, констатацией *свойства дистантности, которое включает в себя и техническую опосредованность* [http://tc.utmn.ru/files/kutuzov_discourse.pdf].

Вопрос о том, является ли электронный математический дискурс сугубо письменным, представляется довольно сложным и неоднозначным. Электронные дискурсы в целом нередко воспринимаются как реванш письменности, возвращение к типографскому мышлению и восстановление конструируемого рационального дискурса. М. Castells (М. Кастельс), напротив, считает, что возможности общения в сети стимулируют новую форму «оральности» речи, выраженной электронным текстом [Castells, 1996: 208]. Так, с одной стороны, вся информация, включенная в модель электронного математического дискурса, является письменно зафиксированной алфавитно-цифровыми знаками и воспринимается визуально, а с другой, - нельзя не учитывать интерактивную направленность некоторых включенных в неё элементов (невербальный характер на фоне максимальной нацеленности на донесение информации). Однако очевидное преобладание чисто текстовой диалогически неориентированной информации *не позволяет охарактеризовать электронный математический дискурс как диалектическое единство письменной и устной коммуникации*. Именно поэтому в рамках данного исследования мы придерживаемся мнения, что электронный математический дискурс следует относить именно к письменному типу дискурса.

Т.В. Анисимова предлагает **типологию дискурса**, построенную внутри оптимально упорядоченной модели, включающей столько признаков, сколько необходимо для всесторонней характеристики дискурса. В такой модели все признаки объединяются на основе «макроинтенций автора» в три уровня: системный, стратегический и тактический. Системный уровень включает глобальные признаки, общие для всех без исключения типов соответствующей группы. При этом определяющим признаком является соотнесение с типами речи по цели автора; в соответствии с этим признаком можно выделить четыре класса дискурса [Анисимова, 2000: 31-34], осуществляемых:

- 1) с целью информирования (информативный дискурс),
- 2) с целью воздействия (регулятивный дискурс);
- 3) с целью выразить эмоциональные отношения и состояния (экспрессивный дискурс);
- 4) с целью установления и поддержания контакта, окончания разговора (фатический/социально-ритуальный дискурс).

Стратегический уровень, в свою очередь, предполагает, что коммуникатор при разработке дискурса придерживается установленной модели, пытаясь не отклониться от разработанного стандарта, но при этом ориентируется на установленную на данном уровне стратегию данного элемента модели, направленную на обеспечение функционирования дискурса. Приведенные выше классификационные схемы являются базовыми, внутри них присутствуют более специализированные дискурсы, чья основная функция – сопровождение базовых видов коммуникации (информативной, аргументационной, направленной на выражение эмоций и т.д.).

В группу социально-ритуальных дискурсов входят дискурсивные модели неформального общения, направленные на решение таких коммуникативных задач, как установление контакта, знакомства, поздравления, соболезнования, гостеприимства, установление контакта, прощания, благодарности, извинения и т.д. [Анисимова, 2000: 37] Как следует из названия, этот вид коммуникации наиболее ритуализован, существуют также дискурсивные стандарты социально-ритуальных действий в менталитете и языке каждой национальности. Заметим, что данный тип дискурса в какой-то степени можно соотнести с бытийным общением, выделенным В.И. Карасиком, так как коммуникативные акты, составляющие основу социально-ритуальных дискурсов, также относят к контактивным. Однако стоит учитывать, что эмоциональная коммуникация сюда не входит (в отличие от лично-ориентированного дискурса, в рамках которого могут сочетаться сочетается фатическая, аргументативная и экспрессивная коммуникация) Как отмечает А.А. Романов, **экспрессивные дискурсы** характеризуются передачей чувств, оценок, взглядов, установок, участвующих в деловом общении, а примеры такой коммуникации наиболее распространены в управленческой деятельности (например, оценка неожиданных результатов, общение после длительного перерыва и т.д.) [Романов 1999: 4-6].

Особенностью **информативных дискурсов**, согласно J. Renkema, является наличие когнитивного или аксиологического конфликта, выражающегося в столкновении мнений. Когнитивное моделирование сообщений посредством противопоставления и отрицания – одна из эффективнейших техник убеждения с научным дискурсе, *целью которого является воздействие и контроль за сознанием воспринимающих текст (речь) со стороны авто-*

ра с целью внесения возможных изменений в модель мира адресата или адресатов [Renkema, 2004: 53]. Адресант является интерактивно доминирующим коммуникантом в процессе передачи информации, причем заинтересованность адресанта в правильности получения информации не всегда имеет место. Дискурсивно-прагматическая стратегия информирования довольно ярко проявляется и в рассматриваемом нами математическом дискурсе. Согласно Г.Б. Гутнеру, «практически в любом математическом рассуждении решается проблема существования какого-либо предмета» [http://royallib.ru/book/gutner_g/ontologiya_matematicheskogo_diskursa.html]. Моделирование такого рассуждения во многом опирается на процесс передачи некоторого знания (информации), поэтому актуализация параметров информативности является принципиально важным условием существования электронного математического дискурса.

Несмотря на определенные плюсы данной классификации, а именно – обращение к макроинтенциям автора, заметим, что такое деление опирается только на коммуникативные параметры дискурса. Как следствие, выделенные типы практически совпадают с видами общения, что делает типологию слишком генерализованной: один и тот же дискурс может входить в несколько систем сразу (бытовое общение может быть экспрессивным, информативным, аргументативным, регулятивным одновременно).

П.В. Зернецкий предлагает типологию, за основу которой взята категория «**модальности**» дискурса [Зернецкий, 1990: 61- 65]. Большинство исследователей разграничивают объективную и субъективную модальность. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания и выражает «отношение сообщаемого к действительности в плане реальности», в то время как субъективная модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому. [Тагильцева, 2006: 55]. В рамках функционально-прагматической концепции модальности выделяются дискурсы желания, долженствования, которые имеют разные мотивы и цели общения. Так, например, дискурс желания мотивирован и имеет конечной целью формирование и прогнозирование желания адресата. Дискурс долженствования характеризуется отсутствием аргументации и мотивирования требуемых от адресата речевых и неречевых действий, которые открыто выражаются автором. Дискурс возможности, основываясь на действии аккумуляционной силы, направлен на получение от адресата синтагматической, семантической или прагматической информации [Зернецкий 1990: 65–66].

Неоднородность рассмотренных классификаций дискурса объясняется, прежде всего, многогранностью феномена и возможностью его изучения с различных позиций (коммуникативной, когнитивной лингвистики и т.д.). Место электронного математического дискурса в различных типологиях определяют его специфические параметры (письменная фиксированность, институциональность, информативность, использование участниками когнитивных стратегий и т.д.), которые также обеспечивают функционирование данной дискурсивной модели и обуславливают её взаимодействие с другими видами дискурса.

The article is devoted to the analysis of discourse and some criteria of its typology drawing on the example of electronic mathematical discourse. The author considers several classifications of discourse stressing the fact of their heterogeneity that can be explained, first of all, by the diversification of phenomenon and the possibility of its study from different points of view (communicative, structural, cognitive linguistics, etc.). Electronic mathematical discourse is a special type of discourse that is included in different typologies, in particular, due to its specific parameters, such as written form, institutionality, informativeness, usage of cognitive strategies by its participants, etc. These characteristics ensure the functioning of the discursive model in question and condition its interaction with other types of discourse.

Keywords: *discourse, typology, electronic mathematical discourse, interdiscursivity, cognitive linguistics.*

Список литературы

1. Алимуратов О.А. Характерные особенности динамики концептосферы индивида // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 4. С. 105.
2. Алимуратов О.А., Реунова О.И. О сущности процесса референции // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 79-89.
3. Алимуратов О.А., Григорьева Н.В. Интеракциональная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 31-37.
4. Алимуратов О.А., Шлепкина М.А. Инновационные лексические процессы в системе стереотипных конструкций современного англоязычного делового дискурса: аббревиация и сокращение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1-1. С. 20-29.
5. Алимуратов О.А., Гусева М.А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 12-19.
6. Алимуратов О.А., Блинова Д.Е., Раздубев А.В. Фреймовое моделирование языковой картины мира, репрезентируемой в англоязычном детском дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 6-13.
7. Анисимова, Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2000. – 46 с.
8. Бейлинсон, Л.С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 142-147.
9. Выготский, Л.С. Мышление и речь: Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996. 415 с.

10. Галичкина, Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2012. 35 с.
11. Греймас, А.Ж., Курте, Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка, // Семиотика. М., 1983. 750 с.
12. Григорьева, В.С. Анализ дискурса. К постановке вопроса // Актуальные проблемы лингводидактики: сб. тез. и докл.; ТВВАИУ. Тамбов, 1998. С. 99-100.
13. Гутнер, Г.Б. Онтология математического дискурса // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/ge/gutner_ontology_.
14. Зернецкий, П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность. Тверь: Твер. гос. ун-т., 1990. С. 60-68.
15. Карасик, В.И. О типах дискурса. // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5-20.
16. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 90 с.
17. Кутузов, А.Б. Модель функционирования терминологического сленгизма с дискурсе сетевых форумов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21. Тюмень, 2006. 170 с.
18. Кутузов, А.Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения, 2006 Челябинск. 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tc.utmn.ru/files/kutuzov_discourse.pdf
19. Лату М.Н. Псевдонаучный дискурс и псевдотермины: постановка проблемы изучения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 76-79.
20. Милевская, Т.В. Дискурс и текст: проблема // Конкурс русской сетевой литературы. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm>.
21. Правикова Л.В. Семиотическая и лингвистическая проекция интертекстуальности в дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 159-162.
22. Правикова Л.В. Типология дискурсов, регистры и жанры // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 135-138.
23. Раздубов А.В. Дискурс сферы нанотехнологий как вид научного дискурса (на материале современного английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 52-55.
24. Романов, А.А. Регулятивная деятельность участников диалога // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме: сб. науч. тр.; Твер. гос. ун-т. Тверь, 1999. С. 3-7.
25. Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm.
26. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 673 с.
27. Тагильцева, Ю.Р. Субъективная, модальность, и тональность в политическом Интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2006. 251 с.
28. Шапочкин, Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 260 с.
29. Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge: MA; Oxford, UK: Blackwell, 2000. 625 p.
30. Chafe, W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view / C.N. Li (ed). Subject and topic. N.Y.: Acad.Press, 1976. P. 25-55.
31. Chafe, W.L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Tannen D. (ed.). Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood, 1982. P. 35-53.
32. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981. 331 p.
33. Dijk, T.A. van., Kintsch W. Strategie of Discourse Comprehension. N.Y.: Academic Press, 1983. 418 p.
34. Fairclough, N. Discourse and social change. Polity Press, 1992. 272 p.
35. Liebert, W. Stop making sense! Metaphor and perspective in creative thinking sessions of scientists and scientific radio broadcasts // Discourse and perspective in cognitive linguistics, Amsterdam, 1997. P. 149-183.
36. Maturana, H.R., Varela, F.J. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. Boston: Shambhala Publications, 1987. 269 p.
37. Renkema, J. Introduction to discourse studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. 363 p.

Об авторе

Ахтаева Л.А. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», ahtaeva.lalita@rambler.ru

УДК 811.112.2

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СЛЕНГА СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ

А.А. Быков

Статья посвящена изучению специфики сленга современной немецкой молодёжи. В ходе исследования рассматриваются и анализируются лексико-семантические и грамматические особенности, являющиеся наиболее типичными для молодёжного языка. Предпринимается попытка их объединения и систематизации.

Ключевые слова: язык, сленг, лексика, семантика, особенности, немецкий, молодёжный.

Уже на протяжении нескольких десятилетий не ослабевает интерес к молодёжному сленгу. Судя по публикациям в средствах массовой информации, отношение к сленгу варьирует от полного неприятия этого явления как фактора, угрожающего чистоте национального языка, до восхищения креативными способностями молодых людей, лексика которых обогащает и литературный язык. В качестве примера можно привести названия некоторых статей о немецком молодёжном сленге на сайтах СМИ в Интернете: „Geht’s auch ohne ‚Anbaggern‘?“ [16], „Denglisch – die zweite Sprache der Deutschen? Englisch ist Bestandteil des jugendlichen Sprachgebrauchs“ [17], „Yolo‘ ist das Jugendwort des Jahres“ [17] и др.

О большом интересе к молодёжной субстандартной лексике свидетельствует также появление многочисленных словарей современного немецкого молодёжного языка (Wörterbücher der Szene- bzw. Jugendsprache), в составлении которых активное участие принимают сами молодые люди. Среди них наиболее популярными и авторитетными являются четырёхязычные (встречаются и пятиязычные) словари редакций PONS („Wörterbücher der Jugendsprache“) и Langenscheidt („Hä?? Jugendsprache unplugged“) [10, 5].

Стоит также отметить, что в последнее время даже Интернет стал использоваться для составления словарей молодёжного жаргона. Так, сотрудники Trendbüro, выпустившие в издательстве Duden два словаря [12, 13], создали свой персональный веб-сайт. Все желающие могут присылать сюда новые слова и выражения, выходящие за рамки нормативного языка и способные пополнить весьма богатую коллекцию оригинальных языковых средств, используемых современными немецкими подростками, отличающимися своей неиссякаемой фантазией и креативностью мышления.

Говоря непосредственно о сленге немецкой молодёжи, необходимо обратить внимание на то, что молодёжным языком (Jugendsprache) в германистике традиционно называется жаргон немецкоязычных подростков, молодых людей Германии, Австрии и Швейцарии. Разумеется, это не единственный термин, который германисты используют для обозначения некодифицированной лексики молодёжи. Следует упомянуть и такие термины, как „Jugenddeutsch“, „Sprechweise der Jugendlichen“, „Jugendslang“, „Szenesprache“ и др. [2].

Под сленгом современной немецкой молодёжи понимается ненормативная лексика, находящаяся на границе или же выходящая за рамки немецкого общелитературного языка. В немецком языке сленг называется молодёжным постольку, поскольку основным источником его формирования является именно речь современной немецкой молодёжи. Именно в среде подростков происходит образование большинства новых лексических единиц или же расширение традиционной семантики широко распространённых слов немецкого общелитературного языка, которые затем и пополняют словарный состав немецкого сленга. Знакомство с молодёжным языком становится на определённом этапе весьма важным шагом для изучающих немецкий язык в первую очередь потому, что способствует лучшему пониманию речевого поведения молодых людей Германии, а также позволяет увереннее чувствовать себя в различных коммуникативных ситуациях при общении с молодёжью. Однако следует отметить, что знакомство со сленгом немецкой молодёжи не должно иметь самоцелью непременно введение данной лексики в свою речь, так как подобные жаргонные слова и выражения имеют свою особую специфику и наряду с вполне нейтральным значением могут иметь ярко выраженную негативную и нередко грубую окраску, употребляясь в той или иной ситуации или же в определённом контексте разговора. Вот почему пользоваться такими словами необходимо с чрезвычайной осторожностью и лишь в случае крайней необходимости. Тем не менее, пассивное владение сленговым лексическим материалом очень полезно для того, чтобы лучше представлять и понимать, что происходит и обсуждается в молодёжной среде [9].

В данной статье мы попытаемся подробнее остановиться как раз на специфике сленга немецких подростков и рассмотреть наиболее значимые черты языка молодёжи. По мнению известных лингвистов, существует некий „набор“ особых языковых средств, пользующихся наибольшей популярностью и предпочтительностью в молодёжной среде. Несмотря на то, что таковые средства не являются достаточными и основополагающими для полного описания такого языкового феномена как молодёжный сленг, они всё же по частоте и интенсивности своего применения являются наиболее типичными для употребления современной немецкой молодёжью [4, 7, 8, 11, 14]. И первыми из них рассмотрим и проанализируем лексико-семантические особенности молодёжного языка, в которых, на наш взгляд, ярчайшим образом отражается вся изобретательность и оригинальность мышления немецкоязычных подростков, стремящихся, так же как и все молодые люди, подчеркнуть свою принадлежность к молодёжной группе и ограничить себя от „сухого“ языка-стандарта.

Так, многим существующим в немецком языке лексемам – чаще всего в результате процессов метафори-

зации и метонимизации – присваиваются новые значения, например: Image verlieren „alt aussehen“, tanken / zwitschern „trinken“, reden gehen „rauchen gehen“; Grufti „alte Person“, Tonne „dicker Kerl“, Eisbeutel „gefühllose Person“, Golfplatz „Mädchen, das mit vielen Jungs ins Bett geht“. Кроме того, подростки с большим удовольствием используют в своей речи разного рода семантические вариации, такие как семантические смещения / сдвиги (Melone „Kopf“, Scheinwerfer „Augen“, Getriebe „Gehirn“, Bonsai „kleingewachsener Junge“), расширение или же сужение значения слов (fett „super, sehr gut, schön“, toll „großartig, prächtig“, irre „ungewöhnlich und sehr gut“; tricky „durchtrieben, trickreiche Person“, geil „super, toll, hervorragend“) [6]. Наряду с этим молодые люди нередко прибегают к использованию оригинальных слов и выражений, которые благодаря своей изысканности и частоте употребления довольно часто занимают прочное место в лексиконе современной молодёжи. Так, например, случайно образованные в определённой ситуации общения слова, необходимые для характеристики или же конкретизации того или иного положения вещей, могут превратиться в подобного рода новообразования (неологизмы): Partyparasit „uneingeladener Partygast“, Cellulitezentrum „Schwimmbad“, Eierkocher „Whirlpool“, Achselkaffee „Schweißfleck unter dem Arm“, Einschlafhilfe „Lehrer“ и др.

Стоит также отметить, что в молодёжном языке прослеживается ярко выраженное предпочтение к словам из различных вариантов немецкого языка. К примеру, в определённых коммуникативных ситуациях, а также при обсуждении актуальных тем, играющих немаловажную роль в социокультурном стиле жизни молодого поколения, наблюдается использование перечня специальных выражений в моде (Chucks „Turnschuhe“), в музыке (Beat „Rhythmus“) и т.п. Среди них имеют место также и специальные слова и выражения, заимствованные из компьютерной терминологии (Du hast wohl 'n Knick in der Festplatte!) или же из спортивного сленга (Anpfiff „Beginn der Schulstunde“, Abpfiff „Ende der Schulstunde“). Такая частотность использования терминов зачастую связана с различными „молодёжными сценами“ (группировками), то есть той или иной средой, в которой молодые люди предпочитают находиться.

Говоря о различных вариантах немецкого языка, необходимо упомянуть разного рода территориальные диалекты (региональные разновидности немецкого языка), которые, в свою очередь, также оказывают влияние на речевое поведение современных подростков. Тинейджеры, проживающие в регионах, богатых различными вариациями немецкого языка, с лёгкостью могут употреблять наряду с типичными молодёжными словами диалектально окрашенный арсенал лексем, ещё в большей мере обогащающий речь молодёжи, например: восточнофранкский диалект – Dilldobb „unbeholfener Mensch“, Spichtl „dünner Mann ohne Muskeln“; южнонемецкие диалекты – babbeln „sprechen, schwätzen, plaudern“, dudeln „kräftig Alkohol trinken“ и т.п. Кроме того, молодёжный язык и стиль речи подростков подвергаются влиянию возвышенных и сниженных языковых стилей, присущих немецкому языку [9]. Довольно часто можно наблюдать использование в речи современной молодёжи таких ругательств и вульгаризмов, как du Trottel, du Arsch, ach du scheiße, Mist, scheißegal, du Wichser, halt's Maul, halt die Klappe.

Другую весомую часть лексико-семантических особенностей молодёжного сленга составляют заимствования из английского языка, являющиеся одним из важнейших путей обогащения языка современных немецких подростков. В настоящее время лексика современного немецкого молодёжного сленга испытывает существенное влияние английского языка. Многочисленные исследования показывают, что количество англицизмов (заимствования из всех вариантов английского языка, в частности американского и британского) от общего числа заимствованной лексики (из латинского, итальянского, французского, испанского и других языков) составляет примерно 60-70% [1, 15].

Диапазон употребления англицизмов охватывает практически все сферы коммуникации молодых людей. Так, сегодняшнюю речь подрастающего поколения невозможно представить без таких слов, как cool, okay, fuck, shit, girl, boy, event, feeling, friend, brother, party, baby, date, sorry и др. Многие из них без особого труда интегрируются в немецкую грамматическую систему, то есть происходит включение английских слов в морфологические парадигмы языка-приёмника – немецкого языка. Например, образование глаголов происходит путём прибавления англоязычным глаголам немецкого инфинитивного суффикса „-en“: to jump → jumpen „springen“, to chill → chillen „sich ausruhen“, to check → checken „verstehen“, to snooze → snoozen „Snooze-Taste am Wecker betätigen mit der Gefahr, zu spät zu kommen“, to chat → chatten „mit E-Mails im Internet kommunizieren“. Вновь образованные глаголы подчиняются немецкой модели спряжения глаголов и могут с помощью разнообразных префиксов („ab-“, „gein-“, „los-“ и др.) приобретать новые оттенки значения. Подобные преобразования претерпевают и другие части речи, происходит их постепенное онемечивание и введение в грамматические парадигмы немецкого языка.

В этой связи необходимо, на наш взгляд, сказать несколько слов и о языках мигрантов (турецкий, польский, русский и др.), которые существенным образом воздействуют на речевое поведение сверстников из Германии. В процессе такой коммуникации подростков происходит заимствование, прежде всего, всевозможных форм приветствия и прощания, придающих особую оригинальность стилю общения молодых людей. Например, слово турецкого происхождения Hadi „los, also“ нередко употребляется в сочетании с такими немецкими формулами приветствия, как Hadi tschüss или Hadi hau rein. Наряду с подобными выражениями в речи молодёжи очень часто можно слышать эквивалентные фразы, пришедшие из итальянского, французского или испанского языков [7].

По мнению известного исследователя языка молодёжи Я. Андроутсопулоса, подростки используют радикальную речь („radikale Sprechsprache“), одной из характерных особенностей которой является употребление множества различных частиц и синтаксически редуцированных экспрессивных выражений („ey“, „irgendwie“, „und so“, „oder so“, „voll geil, ey“, „total verliebt“, „echt geil“, „voll scheiße“) [3]. Подобные усилительные элементы и синтаксические конструкции пользуются большой популярностью в молодёжной среде, о чём свидетельствует частотность их употребления в самых разнообразных эмоционально окрашенных сочетаниях: „Boah ey!“, „Echt ey!“, „Wow!“, „Hä!“,

„yo“, „yeah“, „haaaaa“, „Ey Alter!“, „Ey, du Penner!“, „Dein Outfit ist heute aber echt heiß, ey!“, „eya“ и др.

В ходе дальнейшего исследования нами была предпринята попытка объединить и систематизировать наиболее характерные морфологические и синтаксические особенности, являющиеся неотъемлемыми атрибутами речевого поведения современной немецкоязычной молодёжи.

Так, к примеру, учёный Я. Андроутсопулоус считает, что грамматическое своеобразие языка подростков сводится не только к „сленговой морфологии“ (мн.ч. Jungs вместо Jungen, Kerls вместо Kerle, er tut schlafen вместо er schläft) или к эллиптизации и спецструктурам в синтаксисе („und ich so drängel, schubs“, „voll der Schrott“, „Und er so: ‚Hä!‘“), но и к тому, что условно можно назвать „некомплектностью“ парадигм [3].

В области словообразования можно также наблюдать явления, типичные для молодёжного языка. Например, ко многим словам присоединяются суффиксы „-mäßig“ и „-ig“, используемые для более точной характеристики чего-либо или кого-либо: hammer-mäßig, cliquen-mäßig, hyper-mäßig, ass-ig, chill-ig, mad-ig, flipp-ig. Аналогичным образом происходит появление новых слов в процессе суффиксации при добавлении морфем „-i“ или „-o“: Schlafli, Softi, Spasti, Komposti; Schizzo, realo, logo, aggro, egalo, klaro. Такие префиксы, как „an-“, „ab-“, „rum-“, „rein-“, „los-“, молодёжь способна добавить практически к любому глаголу: an-machen, an-motzen, ab-zischen, ab-checken, ab-fahren, rum-labern, rum-machen, rein-ziehen, rein-hauen, los-machen, los-rocken. Примечательным является также использование подростками особых „усилительных“ приставок („super-“, „ultra-“, „hyper-“, „mega-“, „affen-“, „ober-“), интенсифицирующих базисное (основное) слово, которое приобретает при этом определённую эмоционально-оценочную окраску: „Der Film war megageil“, „Das ist ultracool“, „Es war ein oberaffengeiles Feeling“.

Большой популярностью в молодёжной среде пользуются различного рода аббревиатуры и усечённые модели нормативной или жаргонной лексики. Наиболее простой разновидностью подобных сокращений являются так называемые „апокопы“, образуемые путём усечения одного или нескольких звуков в конце слова: Geschi „Geschichte“, Disko „Disothek“, Prof „Professor“, Aso „Asozialer“, Uni „Universität“, Bro „Brother“, Sis „Sister“. Не менее часто молодые люди также прибегают к использованию „акронимов“ – аббревиатур, состоящих из начальных букв, частей слов или словосочетаний, произносимых чаще всего как единое слово: MOF „Mensch ohne Freunde“, hdl „hab dich lieb“, lol „laughing out loud“, AbK „Allerbester Kumpel“, KP „kein Plan“, KA „keine Ahnung“, GmBh „Geh mir Bier holen!“, bbb „Bis bald, Baby!“, bimo „bis morgen“, WaMaDuHeu? „Was machst du heute?“, akla „alles klar“, HAHU „habe Hunger“, gn8 „Gute Nacht!“. Подобные преобразования слов и словосочетаний вызваны, на наш взгляд, желанием подростков быстрее общаться и писать за счёт сокращения слов. Кроме того, аббревиатуры, встречающиеся в молодёжном языке, известны обычно только определённой группе лиц и остаются зашифрованными, непонятными для непосвящённых.

Синтаксический феномен речевого поведения немецких подростков, в свою очередь, заключается в том, что подрастающее поколение предпочитает использовать предлоги „wegen“ и „während“ с дательным падежом, вместо того чтобы следовать правилам грамматики и использовать их с родительным падежом (wegen dem Mädels, wegen dem dummen Zeug вместо wegen des Mädels, wegen dem dummen Zeuges, während dem Unterricht вместо während des Unterrichts). Своеобразие в синтаксисе прослеживается также в „нестандартном“ порядке слов в предложениях (чаще всего в вопросительных и сложноподчинённых): „Woahh, du hast sie gefunden?“, „Und das weißt du woher?“. Подобное ненормированное построение предложений может выполнять определённые задачи соответствующей коммуникативной ситуации (например, способствовать передаче разнообразных эмоций).

Нельзя не отметить и тот факт, что так же как в устную, так и в письменную речь сегодняшней немецкой молодёжи вкрапляются своеобразные лексемы и грамматико-синтаксические структуры, возникшие и продолжающие возникать в связи с появлением так называемого языка „Kanakisches“ / „Kanakensprache“ / „Kanak Sprach“ („sachma“, „Alder“, „siehssu dem Tuss“, „voll krass“, „eh, is ...“, „Geb ich dir korrekt!“ и др.).

Таким образом, подводя краткий итог нашего исследования, хотелось бы отметить, что сленг современной немецкой молодёжи – это пласт лексики, пласт культуры, имеющий ярко выраженную эмоциональную окраску. Он лаконичен и оригинален, доходчив и понятен лишь тем, кто „вхож“ в круг подростков и обладает при этом достаточным чувством юмора и нестандартным мышлением. Именно сленг – „продвинутая“ форма общения, рождённая в молодёжной среде, придаёт языку особое своеобразие и неповторимость.

The article deals with studying peculiarities of modern German youth slang. In the research the lexico-semantic and grammatical peculiarities the most typical of the youth language, are shown and analyzed. An attempt to unite and to systematize them is also made.

Key words: language, slang, lexis, semantics, peculiarities, German, youth.

Список литературы

1. Россихина М.Ю. Заимствования как источник пополнения молодёжного жаргона в русском и немецком языках (на материале словарей XIX-XXI вв.). // Филологические науки. №5: Статьи. Материалы и сообщения. Критика и библиография. Научная жизнь. Москва: К-9, 2008. С. 89-96.
2. Россихина М.Ю., Цыганкова О.С. Специфика употребления немецкого молодёжного языка в сети Интернет. // Вестник Брянского государственного университета. №2 (2): История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: РИО ФГБОУ ВПО БГУ, 2012. С. 306-310.
3. Androutsopoulos J. K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 1998.

4. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. Nördlingen: Beck, 2001.
5. Hä?? Jugendsprache unplugged. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch-(Italienisch). Berlin und München: Langenscheidt KG, 2009-2013.
6. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Mit den Nachträgen von Ulrich Pretzel. 38. Aufl. Stuttgart: Hirzel, 1992.
7. Neuland E. Jugendsprache. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1999.
8. Nowotnick M. Jugend, Sprache und Medien. Untersuchung zu Rundfunksendungen für Jugendliche. Berlin, New York: Walter de Gruyter Verlag, 1989.
9. Pauli S. Ey Alter, du bist voll der Wort-Checker! Jugendsprache: Eine empirische Untersuchung der Spracheinstellungen von Jugendlichen und Erwachsenen. Verlag: tredition GmbH, 2010.
10. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. Stuttgart: Klett, 2005-2012.
11. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993.
12. Wippermann P. (Hg.) Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2000.
13. Wippermann P. (Hg.) Das neue Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2009.
14. Zimmermann K. Einige Gemeinsamkeiten und Differenzen der spanischen, französischen und deutschen jugendsprachlichen Varietäten. Tübingen: Niemeyer, 1993.
15. Anglizismen im Deutschen. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lars-thielemann.de/heidi/hausarbeiten/Anglizismen2.htm/>
16. Hamburger Abendblatt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abendblatt.de/>
17. Sächsische Zeitung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sz-online.de/>

Об авторе

Быков А.А. - аспирант кафедры немецкого языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, andrej-hammer.ru@yandex.ru

УДК 811.161.1'36

СПОСОБЫ МАСКИРОВКИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОММУНИКАНТОВ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧАТОВ

О.Ю. Гужосянц

Публикация выполнена в рамках проекта «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014–2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О.А. Алимуратов)

В представленной статье автор перечисляет механизмы самопрезентации мужчин и женщин в англоязычной чат-коммуникации, предоставляет иерархии выделенных механизмов самопрезентации мужчин и женщин, описывает способы маскировки гендерной идентичности участников англоязычных чатов. На основе проведенного исследования автором делается вывод о том, что, во-первых, при определении гендерной идентичности пользователя сигнальным оказывается проявление менее очевидных механизмов самопрезентации. Во-вторых, критическая конфликтная ситуация в рамках чат-коммуникации, способствующая определению поведения пользователя, является показательной при определении гендерной идентичности коммуниканта.

Ключевые слова: гендер, механизм самопрезентации, маскировка гендерной идентичности, чат, женская речь, мужская речь.

Анонимность среды Интернет представляет значительный простор для творческой активности и самопрезентации коммуникантов. Наиболее ярким средством гендерной самопрезентации в Интернет-общении является речевое поведение личности. Опосредованность и дистантность данного вида общения позволяют реальной личности замаскироваться под любой виртуальный образ, скрывая истинную гендерную идентичность. (Подробнее о современных гендерных исследованиях см. [Алимуратов, Гусева, 2010; Алимуратов, Каратышова, 2010; Алимуратов, Раздубов, 2011; Гусева, 2008; Ковальчук, 2013; Нордгеймер, Костанова, 2006 и др.]) Определению способов маскировки гендерной идентичности коммуникантов в дискурсе англоязычных чатов посвящена настоящая статья.

Мужчины и женщины, обладая определенным набором гендерных маркеров речи, реализуемых в чат-коммуникации, прибегают к использованию конкретных механизмов самопрезентации [см. также: Сон, 2009; Алимуратов, 2007]. Перечислим выделенные нами механизмы самопрезентации мужчин и женщин с указанием речевых маркеров, реализующих каждый механизм.

Женскими механизмами самопрезентации являются:

- механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта: маркеры – выражения I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know; конструкции I wonder if, It seems to me, My impression is, I

wouldn't mind; герундий; эллиптические конструкции; вежливые слова, извинения, просьбы; манипуляции с графической формой текста;

- механизм избегания конфликта – апеллирование к администратору;
- механизм создания красочного высказывания: маркеры – метафоры, фразеологизмы; средства семантической гиперболизации речи; частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания.

Мужскими механизмами самопрезентации являются:

- механизм выражения агрессии, провокации скандала: маркеры – провокационная апелляция к чужому мнению; инвективы, жаргонизмы;
- механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих: маркеры – текстовая когезия; отсутствие образности высказывания;
- механизм установки дистанции с собеседником: маркеры – риторические вопросы; стяжения.

В условиях отсутствия зрительного контакта говорящий может позволить себе проигрывать любые социальные роли, недоступные в повседневной жизни, создавать новый социальный портрет, не совпадающий с реальной действительностью и основанный порой на подмене коммуникативных ролей, что выражается в определенной направленности речевого поведения.

«Сдвиг гендерной идентичности», проявление маскулинности у женщин и фемининности у мужчин, связано как с социальными, так и с личностными факторами, с возможностью удовлетворить собственный интерес относительно того, каково это быть женщиной / мужчиной, с возможностью получить некоторую интересующую информацию, «запретную» для лица противоположного пола, и определить, комфортно ли тот или иной пользователь чувствует себя в языковой роли мужчины / женщины.

По мнению Т.В. Гомон, «чтобы прийти к выводу о факте имитации речи лица другого пола, нужно установить, какой комплекс классификационных признаков (идентификационных характеристик) женской и мужской речи является броским, часто встречающимся и легко поддающимся имитации, а каким признакам подражать сложнее, что обусловлено глубинными процессами порождения речи и не может быть спрятано, замаскировано» [Гомон, 1990; цит. по: Кирилина, <http://old.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>].

Преломляя сказанное к ситуации маскировки гендерной идентичности в чат-коммуникации, укажем, что маскируются, как правило, ярко выраженные механизмы самопрезентации имитируемой гендерной идентичности. При этом сигнальными дешифровщиками оказываются менее очевидные механизмы самопрезентации истинной гендерной идентичности.

Проследим частоту проявления представленных механизмов самопрезентации мужчин и женщин в рамках нашей выборки на характер выявления ярко выраженного, либо непрототипического механизма. В ситуации чат-коммуникации проявление менее очевидных механизмов самопрезентации оказывается сигнальным при определении гендерной идентичности пользователя.

В женской речи в чат-коммуникации наблюдается следующая иерархия механизмов самопрезентации:

I - механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта (45 %);

II – механизм избегания конфликта (40 %);

III – механизм создания красочного высказывания (15 %);

Иерархия механизмов самопрезентации мужчин в чатах выглядит следующим образом:

I - механизм установки дистанции с собеседником (47,6 %);

II - механизм выражения агрессии, провокации скандала (38,2 %)

III - механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих (14,2 %).

Исходя из сложившейся ситуации, можно заключить, что менее очевидными механизмами самопрезентации, являющимися основными показателями при определении гендерной идентичности коммуниканта, в женской речи является механизм создания красочного высказывания, в мужской – механизм облегчения восприятия собственной речи для окружающих.

Однако в чате классифицировать механизмы по частоте употребления для определения протипических и менее частотных механизмов самопрезентации мужчин и женщин недостаточно. Наличие у мужчин и женщин двух зеркально противоположных механизмов самопрезентации обуславливает противоречащие друг другу парадигмы речевого поведения в зависимости от сложившейся ситуации общения. В ситуации спокойного неагрессивного общения женщины стремятся расположить к себе собеседника, создать дружескую непринужденную атмосферу, показать желание продолжать общение в рамках чата. В похожей ситуации мужчины, как правило, стремятся доминировать, доказывать собственное превосходство, лидировать в дискуссии, оспаривать мнение собеседника, самоутверждаясь подобным образом. Именно поэтому мужчины чаще женщин являются провокаторами скандалов в рамках чатов, способствуют их развитию, открыто нападают на собеседников. Женщинам подобное свойственно в меньшей степени. Как было отмечено в ходе исследования, женщины скандалы стараются избегать, либо как можно скорее их прекратить, игнорируя грубые высказывания в собственный адрес или обращаясь за помощью к администратору сайта.

Обратимся к примерам и проанализируем, как происходит маскировка гендерной идентичности коммуникантов в чатах.

(1) male35 puts on the brenda baby song

lover: is not there anything interesting???

male35: depends on what you find interesting, lover, I guess

male35: hm, aspect, don't like that one by tupac so much

Aspect: It's a dark tale yeah, but I was demonstrating the lyrics more with that. Tells the story quite well huh?

male35: well, he's speculating, it seems

male35: well, he says she can barely sign her name. is that the case? how much do we know about brenda's literacy?

Aspect: Lol. He's calling her dumb, mate.

male35: he's making bigger points about social problems using this individual case ... but I'm not sure he has the details of this case correct.

male35: yeah, thanks for explaining that to me, aspect XD

Aspect: Lol, that's the point of the song man. It's not about brenda, it's the fact that it's a common problem in his society.

male35: I'm uncomfortable with making a song about general problems using a specific person without getting the details of that person's life correct.fuck everything about writing this essay

male35: there really is a person named brenda, after all.

male35: actually, I sympathize with germans and finns not wanting to pick up the bill for greek tax evasion and italian corruption.

male35: what about you, fant? what country are you in this story, anyway?

Fant: hahaha..lol.. the orange one.. Which is preparing for the big day soon male35: P ..the Netherlands that would be :P

male35: well, things are more or less going well in NL at the moment, aren't they?

male35: wb don't exist

Fant: sure they are.

male35: nena..sure not latino ?

nena..: no

male35: sigh

male35: it's just your accent.....

nena..: you really want me to be, dont you? want me to pretend for you?.....lol

male35: want me to be a guy?

nena..: _____confused, thought male35 was a guy>...

Lion-Rampant: nena..: ?

Lion-Rampant: don't take everything literally

nena..: im lost.....so hes male and female?

Lion-Rampant: woman

Lion-Rampant: you're thinking too much about this Lol [www.spinchat.com, дата обращения: 24.04.13]

Как видно из примера, герой male35 принимает одновременно участие в нескольких диалогах с разными собеседниками, что, как правило, свойственно именно женщинам. Речь героя содержит следующие гендерные маркеры, характеризующие его как женщину – употребление эллипсиса; выражений I guess, Well, It seems, I'm not sure, Actually; герундия; разделительных вопросов, что способствует смягчению категоричности высказывания, демонстрирует неуверенность говорящего. Кроме того, можем наблюдать использование характерных для мужчин вопросов провокационного характера, инвектив. Герой беседует на разные темы, в том числе на «типично мужскую» тему – о политике. Однако количество мужских маркеров, имеющих целью, на наш взгляд, поставить собеседника в неловкую ситуацию, значительно уступает женским.

Используя для маскировки собственной гендерной идентичности частотный мужской механизм выражения агрессии, провокации скандала, женщина выдает себя наличием в речи чрезмерного количества маркеров женского механизма сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта, который реализуется непреднамеренно, показывая тем самым истинную сущность пользователя.

Оба механизма самопрезентации являются прототипическими в рамках представления каждого гендера. Однако употребление в речи нескольких вопросов провокационного характера и одной инвективы не позволяют реализовать мужской механизм в объеме, сопоставимом с объемом реализации женского механизма. Следовательно, представляясь мужчиной, герой проявляет собственную гендерную идентичность, используя анти-прототипический механизм.

Можем сделать вывод: пытаясь подражать мужчине, за ником male35 все-таки скрывается девушка.

(2) Hikari: These families claim that they are following Islam as well, the_aquarian. And I did not blame anyone. I simply gave u the fact that it mostly happens in Muslim families.

the_aquarian: Hikari: u can read quran their GOD given permission to ladies to choose their hubby .....

the_aquarian: Hikari: u shud read quaran then u will know the real islam

Hikari: You should tell that to the families who force their daughters to marry strangers, the_aquarian, not to me.

Hikari: btw, not that it counts much, but here is the definition of 'arranged marriage' from Wiki: An arranged marriage is a practice in which someone other than the couple getting married makes the selection of the persons to be wed. Note that it says that the choice is not made by the couple.

soulful: and u think wikipedia is all true Hikari? i think u should read a better website

Hikari: Read carefully what I said before the definition, soulful. Then you wouldn't have to ask whether I think it is all true.

Chat-n-Smile: Hikari. Oh please - if you want to succeed in this debate, DONT quote Wiki! It is full of holes and inaccuracies! It is not rated - except my empty-heads. You deserve better.

Hikari: Again, read what I prefaced the definition with, Chat-n-Smile.

soulful: Hikari: it goes on to say It should not be confused with the practice of forced marriage, in which one person forces another to marry him or her.

Hikari: Well, to me, if someone else does the choosing and one of the partners isn't happy with the choice, that's then close to force, soulful [www.spinchat.com, дата обращения: 23.02.12].

В представленном диалоге прослеживается неуверенность в общении коммуниканта Hikari. Вступая в открытый спор с собеседником и пытаясь аргументировать свое мнение (наблюдаем использование ряда гендерных маркеров свойственных мужскому механизму установки дистанции с собеседником – последовательное изложение фактов, употребление однокоренных слов, местоимений), говорящий при этом занимает позицию самозащиты, пытается снять с себя ответственность за сказанное, использует средства, демонстрирующие коммуникативную слабость, не выражает собственное мнение, ссылаясь на определения в Wikipedia, в то время как собеседники высказывают противоположные точки зрения и выражают неодобрение подобных ссылок. Исходя из данных стратегий, можно говорить о женском характере речи коммуниканта Hikari, зарегистрированного в чате как мужчина, но проявляющего женский механизм избегания конфликта. На наш взгляд, желание уйти от конфликта превалирует над логичным последовательным и понятным изложением фактов и сделанным выводом как следствием перечисленных доказательств. Таким образом, критическая конфликтная ситуация в рамках чат-коммуникации способствующая определенному поведению пользователя является показательной при определении гендерной идентичности коммуниканта.

Как показывает анализ сплошной выборки контекстов чата, мужчина, в отличие от женщины, ответит на провокацию. Женский механизм избегания конфликта не характерен для мужчин при маскировке мужской гендерной идентичности. При этом мужчины в условиях маскировки стремятся продемонстрировать положительный настрой к собеседникам, желание наладить дружеские отношения, употребляют извинения, вежливые слова. И, наоборот, женщины, демонстрирующие мужской механизм выражения агрессии и маскирующие свою гендерную идентичность, едва ли проявят мужской механизм установки дистанции с собеседником.

(3) Lion-Rampant: hi dear friend I'm pretty good nice thank u

achaniel: Lion-Rampant: apologies for my ignorance

Lion-Rampant: Oh! U'r kinda gentle hearted guy that says sorry for the smallest things

achaniel: Lion-Rampant: remember when we last talked? I'm sure it was the best decision. There is such a thing as going too far. You need to protect yourself

Lion-Rampant: achaniel: i find wisdom in your words. this is a page I did about a year ago for a cyberoptics track, the coding in it isn't great cause I wasn't too far along then, I think you'll like the pics in the frame though :P <http://techpirates.noads.biz/dubstep/cyberoptics-pimpin.html>

buttons.: achaniel: and Lion-Rampant seem like a couple of women

buttons.: achaniel: and Lion-Rampant seem like a couple of women

achaniel: We're lesbains!

Lion-Rampant: we are buttons. sweetie pie you want to see my new nail polish?:P

achaniel: Lion-Rampant: hmm. like the sound of that [www.spinchat.com, дата обращения: 14.03.12]

В данном примере представлен диалог между achaniel и Lion-Rampant. Согласно профилям чатеров, оба являются мужчинами. Однако, наблюдая за их разговором, участник buttons. ассоциирует его с беседой женщин. Анализируя данный текст на наличие гендерных маркеров, отмечаем ряд особенностей, действительно присущих женскому стилю общения, т.е. стилю коммуникативного сотрудничества: использование извинений, так называемый модус вежливости, употребление описаний и эмоционально-маркированных слов, придающих экспрессивность тексту, оценочных прилагательных и прилагательных в превосходной степени, наречий, вводных слов. Речь характеризуется отсутствием сленга, жаргонизмов и инвектив, даже когда buttons. сравнивает данный диалог с типично женским. Кроме того, маникюр – это определенный стереотип женского образа, следовательно, преимущественно женская тема для обсуждения. Создается впечатление, что герои achaniel и Lion-Rampant преднамеренно провоцируют окружающих, прибегая к женскому механизму сокращения дистанции, установки дружеского контакта. При более тщательном анализе высказываний Lion-Rampant замечаем употребление говорящим стяжения kinda, сокращений: u, U'r, cause, pics, являющихся мужскими маркерами гендерной идентичности. Речь героя логична, связна, аргументирована, что соответствует мужскому механизму облегчения восприятия собственной речи, занимающему, по сравнению с лидирующим женским, только III позицию в иерархии механизмов самопрезентации. Следовательно, на основе сопоставления используемых механизмов гендерной самопрезентации можно сделать вывод о том, что Lion-Rampant – все-таки мужчина, лишь провоцирующий окружающих своим поведением.

Гендерную принадлежность achaniel, исходя из данного примера, однозначно определить весьма трудно. Рассмотрим еще один пример высказываний этого героя.

(4) the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: can i date u?

achaniel: Hello everyone

achaniel: so whats happening here?

LA-DE-Freaking-DAO_O: bye all
 achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: bye there
 the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: dnt go i want to date uuuu
 achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: take care of yourself :)
 LA-DE-Freaking-DAO_O: aqua, I'm male
 LA-DE-Freaking-DAO_O: you too achaniel
 achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: haha! Well, it happens to me all the time. They mistake me for a girl
 LA-DE-Freaking-DAO_O: I know, you are a girl, achaneil
 achaniel: LA-DE-Freaking-DAO_O: lol. i'm not bro. you wish!
 the_aquarian: achaniel: can i date u? forget LA-DE-Freaking-DAO_O plz?
 achaniel: the_aquarian: sorry bro. I'm already taken by someone. And its a girl ;)
 LA-DE-Freaking-DAO_O: yes, you are achaneil, every time you open your mouth you sound like a girl....lol
 the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: plz leave achaniel she is mind
 the_aquarian: mine
 ohshit.its.dragonath: sexy achaniel
 achaniel: the_aquarian: nope, i'm not a girl. Just check my profile
 achaniel: lol
 achaniel: damn people. to think a guy would be spared
 the_aquarian: LA-DE-Freaking-DAO_O: leave achaniel she is mine [www.spinchat.com, дата обращения: 26.02.12].

Снова герой achaniel, выдавая себя за мужчину, воспринимается окружающими как женщина. Во многом этому способствуют такие маркеры женской речи, как вежливые слова, извинения, вводные (so, well), применение пассивного залога в разговоре о себе I'm already taken, использование «пустого» вопроса whats happening here?, вежливое пожелание take care of yourself участнику чата, с которым вовсе не было общения. Данные факторы демонстрируют проявление коммуникативного сотрудничества, свойственного чаще женщинам. Герой использует женский механизм избегания конфликта, не отстаивает собственную позицию, просто направляет собеседников к изучению собственного профиля – i'm not a girl. Just check my profile. Только в последнем высказывании герой позволяет себе использовать инвектив damn, также в речи используется и сокращение bro. Стремление не развивать спор, нехарактерное для мужчин, выдает женщину, маскирующуюся за мужским профилем. Единственный инвектив и сокращение не достаточны для возможности определения мужской сущности героя, не подтверждают какой-либо мужской механизм самопрезентации. Самопрезентация, таким образом, ведется посредством анти-прототипического женского механизма избегания конфликта. Делаем вывод, что под именем achaniel скрывается девушка.

(5) ***Gul***: gipsy_granny: are you angry at me? :)
 gipsy_granny: nahhhh ***Gul*** why should I? ... tell me tell me
 Gul: gipsy_granny: you might be, coz you haven't greeted me:(
 gipsy_granny: ohhh ***Gul*** when I come in I always greet everybody and even the world ..... didn't u feel included?
 Gul: kevinug: have you seen my sweet friend purple? :)
 gipsy_granny: Gul ... if u insist on a private greeting I feel honoured to bow towards you ....hello madam
 kevinug: she was here today, ***Gul***
 kevinug: more than 10 hours ago, ***Gul*** .. she comes around that time
 Gul: kevinug: thats good, isn't it?
 kevinug: yes ***Gul***
 Gul: kevinug: good to hear that, unfortunately im not getting a chance to see her:(For many weeks I keep thinking that some person is just trying to be funny and he is not like this originally .. I was so wrong :*
 Gul: gipsy_granny: madam im not a madam :)
 gipsy_granny: ***Gul***: I don't care a lot about female or male ..... this job do people in dials
 Gul: gipsy_granny: whatever but please dont change gull's gender :)
 gipsy_granny: ***Gul***: ok ok ... u may be what u want to be .....and calm down, I never enter this room with a knife in my hand [www.spinchat.com, дата обращения: 23.04.14]

Герой ***Gul*** выдает себя в чате за мужчину, ведет себя спокойно, не агрессивно, описывает свои чувства и переживания good to hear that, I was so wrong, дает оценку происходящему thats good, isn't it?, стремится избегать конфликтов, реагируя на «ошибку» собеседницы в определении собственного гендера просьбой – whatever but please don't change gull's gender:). Тем самым герой демонстрирует женский механизм сокращения дистанции, установки дружеского контакта: одновременно наблюдаем участие героя в двух диалогах на различные темы, использование разделительного вопроса, вежливого please, эллиптической конструкции, употребление so как элемента гиперболизации, при этом речь героя не отличается высоким уровнем связности. Подобная манера речевого поведения диссонирует с обозначенным мужским профилем героя. Заключаем, что за именем ***Gul*** скрывается не мужчина, а женщина, маскирующая собственную гендерную идентичность.

(6) mozman98: i need to block some of these IDs
 pocket: You can see the name on the list but you cant see them chat no more probably mozman98
 mozman98: pocket: I was hoping to avoid having to look at that ID at all.

BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: what did you mean by shameful. May I politely ask ?
 ~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I said its a shame for us for not being this SMART.. God..
 ~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I never said anything NEGATIVE about you, read again... You are taking my words personally maybe, while I am just talking about extraordinarily intelligent kids. Thats it.
 ~ShehrBano~ The most terrible moment, when people don't get what you actually say.
 ~ShehrBano~ :(
 BelleTragedy<3: ~ShehrBano~: lol hey~! chill. I know you werent talking about me. I just wanted to know what you meant
 ~ShehrBano~: BelleTragedy<3: I was comparing the skills of kids and I said oh thats a shame (coz I completed my graduation when I was 20.. And I will complete my post graduation when I would be 24.. Just about it..
 ~ShehrBano~: BelleTragedy<3: Hope now you are fine with what of I said.
 ~ShehrBano~: hoocine: Exactly, when we fail to convey what we wanted to say, or in other words when people fail to understand what we were saying, things start getting worse.
 ~ShehrBano~: kevinug: In this world, sometimes, we use a sense of humour or wit.. Or jokes.. You know.
 ~ShehrBano~: Not all said things should be taken in their literal meaning, Mr. kevinug :P
 ~ShehrBano~: And I know so pretty well that these kids are just less than a remarkable ratio. Enjoy your music..BelleTragedy<3 [www.spinchat.com, дата обращения: 09.11.13]

В представленном примере герой ~ShehrBano~ с самого начала беседы обозначает себя как молодого человека, при этом придерживается механизма создания красочного высказывания. ~ShehrBano~ использует элементы семантической гиперболизации (terrible sad incident, I know so pretty well), герундий, эллипсис, выражения I wonder if, I guess, образное выражение lead one's to a path of sadness, подобно объясняет собственное мнение, чтобы не обидеть и не вызвать негатива у окружающих. Все перечисленное является маркерами женской гендерной идентичности.

При этом такие особенности мужской речи как прямое повеление – Read again, очевидное недовольство из-за непонимания со стороны собеседника, чем объясняется набор некоторых слов заглавными буквами – I said its a shame for us for not being this SMART.. God.. I never said anything NEGATIVE about you, употребление сокращений kinda, coz, правильное употребление грамматических времен не скрывают истинной женской сущности ~ShehrBano~, маскирующейся в чате за мужским образом. Подражая мужчинам и используя в речи маркеры мужского механизма установки дистанции с собеседником (I позиция в иерархии), ~ShehrBano~ в своей речи обращается к менее очевидному, но сигнальному в данной ситуации женскому механизму создания красочного высказывания (III позиция в иерархии). Сопоставляя иерархию механизмов самопрезентации, заключаем, что за ником ~ShehrBano~ скрывается женщина.

Проведя анализ контекстов англоязычных чатов на предмет определения случаев маскировки гендерной идентичности и выявления истинных гендерных идентичностей пользователей, отметим, что истинная гендерная принадлежность коммуникантов проявляется в чате в нестабильных «критических» ситуациях, как правило, конфликтных, провокационных. Мужчины в подобном случае становятся либо зачинщиками спора, либо его активными участниками; женщины либо пытаются сгладить конфликт, но если и высказываются, то не оскорбляют собеседников и, как правило, вскоре начинают игнорировать задира.

В ситуациях, когда открыто демонстрируется собственное мнение, не совпадающее с мнением остальных участников беседы, используются инвективы с целью оскорбить окружающих, - маркеры женского механизма сокращения дистанции и установки дружеского контакта становятся неуместны. По наличию подобных маркеров за специально созданным мужским «революционным» образом легко угадывается женщина, невольно проявляющая привычные особенности речевого поведения и, возможно, старающаяся украсить собственное высказывание.

Мужчины, маскируясь в чатах за женским образом, чаще используют женский механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта, демонстрируя при этом менее частотный мужской механизм облегчения восприятия собственной речи. Однако, если ситуация оборачивается в конфликт, мужчина встречает вызов и отвечает на возможное оскорбление. Появление в «женской» речи сигнального мужского механизма и переключение регистра речи с дружеского на агрессивный обнаруживает истинного мужчину за женским образом.

Следовательно, гендерная идентичность пользователя в чат-коммуникации проявляется, во-первых, при актуализации менее частотного механизма самопрезентации. Во-вторых, истинную гендерную идентичность пользователя можно установить по поведению в конкретной ситуации – женщины стремятся расположить к себе собеседника, предпочитают не участвовать в конфликтах; мужчины же демонстрируют лидерские качества, разжигают скандалы.

In the given article the author lists some mechanisms of men and women self-presentation in the English chats, shows the hierarchies of these mechanisms, describes some methods of the communicants' gender identity masking in the English chat-rooms. On the basis of the given research the author concludes that, firstly, an appearance of less obvious self-presentation mechanisms at the determination of communicant's gender identity is meaningful. Secondly, the critical conflict situation in the chat-communication provoking a certain behavior of the user is indicative at the determination of communicant's gender identity.

Key words: gender; mechanism of self-presentation, gender identity masking, chat, women's speech, men's speech.

Список литературы

1. Алимуратов О.А. Об интенциональной природе динамики концептосферы индивида // Альманах современной науки и образования. 2007. №3-2. С. 9-12.
2. Алимуратов О.А., Гусева М.А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 12-19.
3. Алимуратов О.А., Каратышова М.А. Гендерные и когнитивно-прагматические принципы комплиментарного речевого поведения (на материале современного английского языка) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 4. С. 101-115.
4. Алимуратов О.А., Раздужев А.В. Термины-эпонимы в русском и английском подязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 157-161.
5. Гусева М.А. Гендерные характеристики вербального выражения комплиментов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С.111-114.
6. Кирилина А.В., Лингвистические гендерные исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038> (дата обращения: 04.04.2012).
7. Ковальчук Л.П. Гендерная интеграция в русском сказочном дискурсе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 106-110.
8. Нордгеймер Ю.Р., Костанова Н.А. Психофизиологический подход к изучению гендера // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 2. С. 59-63.
9. Сон Л.П. Лексико-семантические особенности интренет-коммуникации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 194-197.
10. Электронный ресурс: www.spinchat.com (даты обращений: 23.02.2012, 26.02.2012, 14.03.2012, 13.06.2012, 24.04.2013, 09.11.2013, 23.04.2014).

Об авторе

Гукосянц О.Ю. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

УДК 801.22:808.2

О СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОМ В ИСТОРИИ И БЫТОВАНИИ РУССКОГО СЛОВА

С.Я. Гехтляр

В каждом слове языка содержится характеристика народа-носителя. Статья посвящена анализу аспектов осознания социальной и нравственной значимости сведений о языке.

Ключевые слова: культурная компетентность, культурная память слова, нормированность

Как известно, человек есть не двойственное, а двуединое существо, это двуединство проявляется в постоянном взаимодействии и противоборстве в нас телесного и духовного. Философы отмечают, что человек всегда рвется вверх, в духовное, но нередко жизнь заставляет его упасть вниз, часть которого – социальное.

Особенности каждого народа, касающиеся протекания этой «дружбы-вражды», как правило, отражаются в языке, и на стыке тысячелетий приобретают подчас новые оттенки. Например, немецкое Mensch – человек, этимологически возводится к ум, разум, и у других индоевропейцев в названии человека присутствует сема «способность иметь разум». В соответствии с широко принятым толкованием, первосмысл славянского ЧЕЛОВЕК восходит к более древнему ЦЕЛЫЙ (здесь древнее чередование Ц/Ч), а целый – к еще более древнему здоровый, жизнеспособный (Фасмер, т.4: 328), некоторые исследователи выделяют при этом часть -ВЕК, придавая ему значение «силы» (ср. увечье – лишение силы) (см. Потебня, Брандт:308), таким образом, «целостность силы» - чем не предвестие во весь голос заявляющих о себе проблем глобализации?...

Русские философы, в частности, Бердяев, Хомяков (Хомяков, 1857), отмечали, что в нашем языке даже в прилагательных, образованных от слова человек, отражена связь с нравственным сознанием, т.е. с тем, что возвышает человека над собственно эмпирической его природой: притяжательное прилагательное человеческий призвано оттенить и обособить качества на основании их принадлежности высокоорганизованному существу; качественное прилагательное человеческий представляет свойство человека как потенциал, как глубину возможности (Флоровский использует сочетание «русская всечеловечность», Флоровский, 1921), и лишь относительное прилагательное человеческий призвано напомнить о связи одухотворенной личности с земным, с бытом.

Так как человек познает мир и выражает свое к нему отношение во многом с помощью языка, именно речь индивидуума – важная составная часть той «одежки», по которой не только встречаются, но которая непременно играет роль в определении приуроченного для каждого места среди людей, места в обществе. Эту часть языка-одежки

называют «языковой культурной компетенцией», культурой речи. Высокий уровень культуры речи предполагает высокий уровень общей культуры человека, любовь и интерес к родному языку, культуру мышления и профессиональную культуру.

В качестве общенациональной нормы параметры такой компетенции, гуманитарной эрудиции задаются в наше время интеллигентской субкультурой, которая благодаря академической нормированности, благодаря общегосударственным образовательным стандартам и развитию других средств выравнивания культурной адекватности призвана охватывать все большие слои общества. Мы знаем, что всякая попытка насаждения каких-то изменений в нормах (например, мелькнувшее недавно предложение признать кофе словом среднего рода) встречает, как правило, отпор в обществе.

Остановимся, к примеру, на рассмотрении одного из аспектов в подходе к осознанию значимости сведений о языке, одного из параметров культурной компетенции - на важности внимания к культурной памяти слова.

Именно с помощью слов человек познает и осваивает мир, наделяя его при этом и собственными чертами. Следовательно, вникая в закономерности наименований, языковых характеристик предметов и явлений жизни, можно выявлять закономерности взаимодействия человека и мира, можно лучше узнать, что представляет собой в целом человек, в чем смысл его существования, но можно и скромнее – что такое человек как представитель того или иного народа. Например, история одного только русского слова добро позволяет понять, что для славян добрый (а именно от него образован субстантив добро) означало прежде всего ‘большой, крепкий, вошедший в добу (в пору)’ (Фасмер, т.1: 520), т.е. добрый для древних славян, а затем и для русских, – это прежде всего годный, отсюда и способность, годность, пригодность. Ср. поговорки типа: Где родился, там и пригодился. Интересно, что из этого же корня и слово год – первоначально в древнерусском «время, срок» (а теперь важнейшая единица исчисления времени), из этого же корня годный – первоначально «подходящий», затем «услужливый», отсюда и имеющие негативный смысл угодливость, негодник. Следовательно, в русском языковом сознании издавна связаны понятия положительно, своевременного и нужного, удобного, причем язык подсказывает, что возможны и переходы на шкале ценностей.

Не случайно поэтому, что слово и то, как мы с ним обходимся (выбираем из ряда близких, произносим, соединяем с другими), - характеризует нас, а, следовательно, обозначает наш социальный и интеллектуальный статус, в не меньшей степени, чем занимаемая должность, диплом университета, покрой пиджака или, скажем, серьга в носу. Если дама, которую телеведущий представляет как заведующую кафедрой, доктора философских наук, употребляет сочетание «советовал о том», «не гарантировал от того», то интерес к содержанию ее речи ослабевает. Нет уверенности в профессионализме сотрудника ДПС, который пишет в своем рапорте: «Водитель шатался и речь у него была несвязанная». Вряд ли можно понять, что хотел сказать приглашенный в студию передачи «Момент истины» гость, который произносит фразу: «Такой удар наносится для нанесения летального исхода».

Современный молодой человек под словом почта имеет в виду чаще всего почту электронную, а не ту, обычную, какой мы пользовались до конца 20 века, тогда бессмысленно звучала бы фраза «у меня почта сломалась», или выражение «расширение электронной почты», как в следующем диалоге:

– А почему вы как научный руководитель не стали пытаться улучшить качество работы вашей дипломницы?

– Видите ли, когда я обратил внимание на расширение ее электронной почты, я понял, что мне с моими доходами просто нечему учить эту бизнес-принцессу.

Культурная память слова закладывается его корнем, но формируется в процессе бытования, под воздействием того, кто и в какой ситуации, в каком контексте прибегнул к нему впервые или повторил во всеулышание. В нем отпечатываются следы событий, с которыми оно связывалось в истории страны, оно наполняется характеристиками времени и людей, которые сделали его своим знаменем или пугалом. Например, при словах перестройка, ускорение почти любой представитель современности вспоминает имя М.С.Горбачева, но при слове оттепель только интеллигент вспоминает одноименную повесть Эренбурга. Все это далекое от собственно семантики содержание не только витает над словом, но и освещает отраженным светом, характеризует каждого, кто берется употребить его от своего имени.

Как известно, две важнейшие категории реальной действительности – время и пространство, различаются прежде всего тем, что для пространства характерны однородность, равноправность всех направлений, трехмерность, а время характеризуется противоположными чертами: длительностью, одномерностью, необратимостью. Русские слова путь и дорога, равно представляя свойства трехмерности и равнонаправленности, по третьему качеству, однородности, различаются, т.к. дорога, в отличие от пути, не предполагает обязательно только одного направления (см. Словарь рус. яз., т.1:432; т.3:565). Недаром А.Ахматова в стихотворении «Есть три эпохи у воспоминаний» пишет: «И, раз проснувшись, видим, что забыли, мы даже путь в тот дом уединенный» (Ахматова:408). Не дорогу, которая шире, неопределеннее, допускает многократность движения, а путь, т.к. главное в памяти этого слова – предопределенность, предначертанность, однонаправленность, обязательность.

Не менее интересны отклики языка на сходства пространства и времени. Длительность времени и протяженность пространства – общие, объединяющие их категориальные черты, т.к. и протяженность, и длительность проявляются в способности тел существовать одно подле другого. Можно видеть, что и этот факт не остался незамеченным русским языком, элементы которого подчас обнаруживают способность совмещать пространственную и временную семантику. Так, словом долгий, благодаря такому совмещению, возможно обозначение как пространственной, так и временной протяженности, ср.: долгий путь – пространство, на долгую память – время. Отсюда положить в долгий ящик - сочетание временной и пространственной семантики.

Недавно в Санкт-Петербурге был проведен социологический опрос, в ходе которого информантов спрашивали: «Как вы относитесь к объявлению Санкт-Петербурга свободной экономической зоной?» "Положительно" ответили более 50% опрошенных, а на второй вопрос: что означает словосочетание свободная экономическая зона, правильно сумели ответить лишь около 5%, т.е. весьма значительная часть говорящих по-русски не очень хорошо понимала, что же она в действительности одобряет.

Примеров подобного употребления слов, за которым стоит либо неясное самому говорящему, либо отличное от общеупотребительного значение, несть числа и в художественной литературе, и в реальной жизни. Рассказывают, что в 2009 году на улице Тверской в Москве висела растяжка: Масленица - широкая боярыня. Все слова понятны, понятно и то, что масленица похожа на боярыню. Только что значит широкая боярыня? Толстая, тароватая? На самом деле существует другое выражение (оно стало бы ясным, если бы тире поставили в нужном месте): Масленица широкая - боярыня, поскольку все знают, что широкой масленицей называются ее последние, самые разгульные, самые вкусные, больше всего похожие на боярыню дни.

Нормальной реакцией на "непонятное", с которым в принципе может встретиться любой человек, является откровенное признание со стороны слушающего этого факта и более или менее конкретная просьба о разъяснении. Однако на практике закомплексованный "непонимающий" более всего на свете боится, что его сочтут профаном, невеждой, и обычно старается сделать вид, что понимает. В подобных случаях коммуникация, естественно, сводится не к обмену мыслями, суждениями, мнениями, а превращается в некоторый ритуал, сопровождаемый дополнительной, нелестной для кого-то из общающихся информацией.

Одним из характерных факторов нашей современной жизни являются случаи так называемого легализованного искажения смысла слов, употребления их в несоответствующих контекстах, причем искажения, для кого-то явно бесполезные. К примеру, характерная для представления наших социальных благ фраза: "Образование (можно подставить лечение и пр.) у нас бесплатное. Его оплачивает государство". А что означает здесь слово государство?

Люди постарше и с образованием, видимо, помнят еще ленинское определение, по которому "государство - это аппарат насилия одного класса над другим". Значит, этот "аппарат насилия" отнимает у одних и платит за других? Этот элементарный ход мысли, ведущий к вопросам о том, у кого сколько и каким образом отнимают, чтобы потом кому-то что-то оплатить, сразу лишает обсуждаемую фразу социальной лучезарности, делая ее и малопонятной.

Интересно ведет себя одно из ключевых в политических контекстах: слово народ. Когда мы хотим назвать того, кто поддерживает, одобряет, гневно осуждает, требует и даже безмолвствует, мы говорим народ. Казалось бы, слово народ обозначает то же самое, что и люди. С одной лишь маленькой разницей. Люди - это множественное число от слова человек, а народ - это далеко не только "много людей", но такая состоящая из людей совокупность, в которой наличие отдельных составляющих частей уже не имеет значения, каждая входящая единица как бы не важна. Ср.: студенты - студенчество; столы, стулья, диваны - мебель; вагоны - поезд; книги - библиотека. Это небольшое различие: "множество отдельных людей" - "обезличенное множество" особенно ярко проявляется тогда, когда эти обозначения выступают в качестве обращения. Грамотный оратор, взывающий ко многим людям и стремящийся найти отклик в каждом, никогда не начнет выступление так: «Народ!», он будет искать нужное слово: Солдаты, Офицеры, Товарищи, Коллеги. Уже много раз было отмечено, как Сталин, в представлении которого народ в большинстве своем - «враги народа», как он обратился в первые дни войны? Братья и сестры! Именно выбор такого собирательного наименования показал слушающим, что в этом множестве говорящий (как бы!) различает каждого в отдельности, поэтому оно гарантировало нужный отклик (ср. название пьесы Л. М. Леонова "Русские люди" - и название повести В. П. Катаева "Я сын трудового народа"). Будучи употребленным с согласованным или несогласованным определением, как-то ограничивающим в слове народ семантику обезличенной совокупности, хранящаяся в культурной памяти слова (народ - вся масса народившихся в одном роду), стоящая за этим словом собственно патриотическая реальность становится более или менее ясной, ср.: русский народ; народ, собравшийся в зале; простой народ и т.п.

Конечно, можно себе теоретически представить некоторые обстоятельства, в которых весь народ как некоторая ограниченная совокупность людей будет вести себя совершенно одинаково или иметь одно-единственное мнение. Однако эти обстоятельства (начало или прекращение стихийного бедствия, например) довольно редки. Обычно же составляющие народ люди действуют и мыслят несколько по-разному. Поэтому, встречая в устном или письменном тексте слово народ, полезно иногда проверять его на соответствие контексту, действительности.

Возросшая в последние десятилетия роль средств массовой информации, появление все новых и новых сфер, где личности необходимо обозначить свою гражданскую позицию, делает просто опасным непонимание (нежелание понимать?) значений слов, ежедневно употребляемых политиками и журналистами, это может привести к тому, что человек становится объектом интеллектуальных манипуляций (попросту говоря - обмана), может превращать его (точнее, каждого из нас) в своего рода зомби.

Одним из самых распространенных приемов такого зомбирования может выступать намеренно нечетко сформулированное содержание речевых произведений, с помощью которых представляется явление или событие либо вовсе не существующее в реальности, либо реальность специально завуалированная. Желание навязать слушающему субъективную оценку может проявляться в том, что "хорошая" вещь специально называется "плохим" именем, а "плохая", напротив, - "хорошим". Например, не имеющие негативных свойств явления, названные в русском языке словами космополит и диссидент, в советское время, благодаря их контекстуальному употреблению, обозначали только плохих людей. Космополит (по сути своей, человек, считающий себя гражданином мира) оказался связанным с определениями безродный или родства не помнящий, но не с утверждением первенства интернационального (Большой словарь...:322). Слово диссидент оказалось противопоставленным положительно оцениваемым револю-

ционеру, бунтарю, ниспровергателю и встало рядом с хулиганом, дебоширом, склочником.

Случай противоположный: сочетание новые русские. Звучит весьма привлекательно. В первую очередь благодаря прилагательному новые, которое по-русски всегда воспринимается в аспекте позитивной оценочности, соотносясь в плане содержания с молодой, весна, начало, будущее и противопоставляясь старому, надоевшему, обветшало-му, изношенному. И хотя такая эмоциональная окраска не всеобъемлюща (например, платье хорошо новое, а друг – старый), все же положительная оценочность преобладает. Но означает ли сочетание новые русские такую группу лиц, к которым мы на самом деле относимся только положительно? Чем по сути, а не по времени активного проявления характеризуются эти лица? Тем, что они очень богаты. Но богатые русские и новые русские – совсем не одно и то же, поскольку, хотя и все новые – богатые, но не все богатые – новые. Особенно сть богатства новых русских в том, что они получили его очень быстро. Эта формула, во многом благодаря своей нечеткости, на наших глазах уходит в пассив, сейчас все чаще слышим элита, ее противопоставляют замкаду, быдлу и пр.

В последние годы специалисты все чаще упоминают о некоем «языковом самоуправстве интеллигенции», которой по умолчанию принадлежит роль гаранта речи нормированной и выразительной. В недавней лингвистической работе приводится список самых частотных слов в среде современной столичной гуманитарной интеллигенции: Проект (проектирование – вместо слова “планирование”, которое, видимо, выглядит излишне совковым). Кейс. Фиксация (надо, оказывается, говорить не “Мне пришла в голову мысль о том, что...”, а так: “Моя последняя фиксация в том, что...”). Сеть. Пакет (употребляется относительно совершенно произвольно выбранного количества чего-то). Ресурс. Пилотный проект. Пионерские статьи. Перезагрузка. Схлопывание. Метаполитика. Прокачка.

Важно повнимательнее вглядываться в редко обсуждаемую и потому мало известную способность языка – использовать в целях повышения выразительности не только те средства, которые определены нормой, но и сочетание нормативных и ненормативных средств, средств, представляющих действующую и устаревшую норму, действующую и возникающую.

Умение пользоваться всеми возможностями языка, а не только теми, которые предоставляет нам литературно-языковая норма, – важнейшее условие хорошей речи, но не единственное. Умение хорошо говорить – это, кроме прочего, овладение навыками самоконтроля, в жизни вообще и в речи в частности; отсутствие самоуверенности – а отсюда наличие привычки сомневаться и проверять себя (и выработка главной привычки – заглядывать в словарь!), умение, выступая в роли говорящего, не забывать о позиции слушателя, только это позволяет всегда проявлять в процессе общения уважение к собеседнику, партнеру и вообще к любому человеку. Но главное, конечно же, – содержание.

Очень важно подчеркнуть, что ни профессионализм, ни языковое чутье, позволяющее использовать выразительные и стилистические возможности языка, не способны заменить (и не способны отменить) традиционного для русского языкового сознания нравственного аспекта общения.

Уже из выбранных нами отдельных случаев, когда обнаруживается связь наша с языком, хорошо видно, что язык – это социальный механизм, усваиваемый раньше других, и, уйдя в подсознание, он тем вернее владеет нами. А чуть что, немедленно нас наказывает, создавая проблемы для переживаний, иногда выставляя на посмешище. Вспомним, как изящно это иллюстрировал М. Зощенко: его сюжеты обыгрывают дефекты социальной интеграции персонажей, и прежде всего – проявления языковой несостоятельности; провал ухаживания за «аристократкой» венчают слова героя: «Ложь, говорю, взд!»

Поэтому уместно будет вспомнить в заключение суждение академика В.В. Виноградова: "...высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутьё родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием – самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надёжная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности».

Each word of a language contains the characteristic of native speakers. This article is devoted to the analysis of the aspects of awareness of social and moral significance of language information.

Key words: *cultural competence, cultural memory of a word, normalization*

Список литературы

1. Ахматова А. Избранное. М., 1974.
2. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.magis...>
3. Большой словарь иностранных слов. М., 2001.
4. Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1989.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
6. Словарь русского языка в 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1982.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. М., 1986.
8. Флоровский Г.В. Исход к Востоку. Прага, 1921.
9. Хомяков А.С. О современных влияниях в области философии. М., 1857.

Об авторе

Гехтляр С.Я. – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, sv_ge@mail.ru

УДК 413

ОБУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АББРЕВИАТУР В ПОДГОТОВЛЕННОЙ/НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ

А.М. Гришечкина, А.И. Пичевская

В данной статье речь идет о процессе обучения распространенному и в то же время мало изученному явлению аббревиации во французском и русском языках. Употребление аббревиатур в речи студентов при передаче информации с родного языка на изучаемый и наоборот осложняется по причине отсутствия конкретной методической концепции по усвоению данного явления. В этой связи в статье обозначены трудности работы с различными сокращениями, начиная с вопросов их семантизации и заканчивая проблемами их использования в продуктивных видах речевой деятельности, а также намечены пути по минимизации указанных трудностей при условии изучения данного явления в сопоставительном плане на основе различных видов дискурса. В статье предлагается авторское определение понятия дискурс, показано, почему именно дискурсивный контекст облегчает семантизацию аббревиатуры.

Ключевые слова: аббревиация, аббревиатуры, сокращения, семантизация аббревиатур, дискурс, подготовленная/неподготовленная речь, аутентичный язык.

Изучение иностранного языка вообще и в частности на специальных факультетах в настоящее время невозможно без учета такого явления как аббревиация, которую хотя и принято считать «...новым массовым явлением в языках, стремящимся сломать некоторые жесткие нормы, и тем самым стимулировать его развитие...» [10], мы все же рассматриваем как одно из самых давних явлений. Оно, по нашему мнению, наряду с другими явлениями лежало в основе создания языков, которые всегда подвергались аббревиации. Возникнув и сохраняясь по той причине, что во многих случаях при передаче информации носители языков во все времена стремились к лаконичности, это явление переживает сегодня очередной подъем, что связано с вполне объяснимыми причинами, о которых будет сказано ниже. Анализ частотности аббревиатур различной периодики позволяет утверждать, что в среднем на одну страницу печатного текста приходится порядка двух различных аббревиатур.

Безусловно, сокращения обогащают язык. При этом процесс образования нового слова на основе одного или нескольких слов до сих пор не имеет единой трактовки. Несмотря на разногласия по вопросу использования одного и того же термина аббревиация для обозначения различных процессов сокращения слов (сложение слов, упрощение лексических единиц, укорочение слов, пропуски отдельных букв, усечение слов с любой из его сторон, сокращение или опущение незначительных элементов названий, обозначение слов начальными буквами и даже условными знаками и т.д.), считаем, что данный термин вполне может быть применим для обозначения всех перечисленных действий, в результате которых появляется краткое наименование. Н.Н.Ракитина относит аббревиацию к процессу создания единиц вторичной номинации [5]. Однако в результате аббревиации появляется совершенно новая звуковая оболочка, чаще всего никак не связанная со звуковыми оболочками слов, послуживших основами для ее создания. Именно по этой причине в данном случае не может идти речь о вторичной номинации, и аббревиатуру следует рассматривать как новое слово. В языках немало примеров, когда аббревиатуру используют в качестве самостоятельного слова, забыв, а иногда и не зная о том, что слово является аббревиатурой (например, бомж – SDF и т.д.). И хотя новая лексическая единица связана с уже существующими, немало случаев, когда аббревиатура закрепляется в языке быстрее, нежели та лексика, на основе которой она произведена. Более того, истоки нового слова могут быть неизвестны широкому кругу пользователей-носителей того или другого языка: лавсан – лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук.

Таким образом, аббревиация – это процесс образования новой лексической единицы в результате комбинирования усеченных слов, обозначающих единый объект (фрагмент) действительности (явление). Мы сознательно не пользуемся термином языковая или речевая единица, считая методический термин лексическая единица наиболее приемлемым в данном определении.

В обучении иностранному языку феномен аббревиации необходимо рассматривать с позиций двух языков, родного и изучаемого, поскольку понимание процессов, происходящих внутри родного языка, безусловно, способствует осмыслению таковых при изучении иностранного. В наших предыдущих проектах, посвященных данной теме, в частности в выпускной квалификационной работе А.И.Пичевской, статье А.М.Гришечкиной «Аббревиация во французском языке и ее использование в различных видах дискурсов», указывалось, что «...Предлагаемая к рассмотрению тематика актуальна в связи с всё возрастающей тенденцией языка к сокращению лексических единиц, используемых как в печатной, так и в разговорной речи» [1; 3]. Сокращению подвержены названия самых различных предприятий, объединений, общественных организаций, партий, группировок и т.д., как официальных, так и неформальных: «Ни одна партия, ни одна фирма, ни одно учреждение или вуз не может успокоиться, пока не найдет себе сокращенного варианта названия – МИСИ, РИСИ, СГАП, МАИ» [10]. Рядом с полными названиями магазинов, клубов, лечебных учреждений во многих случаях имеется сокращенное их обозначение. Носители языка, например, для указания места нахождения того или другого учреждения употребляют именно эти сокращения. То же самое сле-

дует сказать и о марках автомобилей, которых существует множество, при этом практически все являются сокращенными названиями концернов-производителей (алфавитизмами или акронимами). Трудно представить, чтобы в разговорной и даже письменной речи вместо КамАЗ звучало бы, например, автомобиль Камского автомобильного завода пошел на обгон, или вместо привычного слова интернет использовался бы дословный перевод с английского языка – всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации. Сокращения появляются ежедневно и в немалом количестве. Благодаря аббревиации словарь постоянно пополняется новыми словами. Это позволяет оставаться языку живым. Таким образом, процесс словообразования, который мы вслед за многими определяем в целом как процесс создания новых лексических единиц, находится в перманентном разгаре в том числе благодаря процессу аббревиации. Новая лексика, в том числе и новые аббревиатуры обслуживают новые явления действительности. Исходя из этого изучающему иностранный язык должно быть понятно, что сокращения в иноязычной речи также естественны, как в родной. Использование более длинной лексической единицы аутентичном языке встречается гораздо реже даже в официальном стиле, например, подвижной состав вместо автобус. Это первое, что необходимо подчеркивать для понимания сути данного явления.

Второй важный момент, на который следует обращать внимание в процессе обучения иностранному языку это то, что аббревиации подвержены все без исключения стили языка от жаргонного до возвышенного: Возле школы № 3 в Брянске гаишники проверяют, как водители возят детей [7]. Мы хотим, чтобы молодые люди, выбирающие среднее специальное образование, не чувствовали себя ущемленными по отношению к их сверстникам, которые учатся в вузах [6]. Вряд ли сегодня имеются исследования, в которых указывается, какой из современных языков подвержен данному процессу в большей степени, в каком из языков самое большое количество сокращений в различные периоды его развития, или, какие из языковых стилей «лидируют» по количеству сокращений и т.п.. Для методики преподавания иностранных языков также важны параметры соответствия специфических характеристик сокращений в родном и изучаемом языках, поскольку таковая информация существенно облегчила бы запоминание и функционирование аббревиатур в речи изучающих иностранный язык. Подобных исследований явно недостаточно, либо они носят эпизодический характер, в основном в пояснениях к текстам учебников и учебных пособий. Но уже сегодня методистам и преподавателям необходимо учитывать, что если еще совсем недавно сокращению подвергались в основном громоздкие наименования, состоящие из нескольких слов, то в настоящее время все увеличивающийся темп жизни диктует свои правила, в том числе в общении, что обнаруживается в необходимости «быстрее» выражать мысль и устно, и в письменной форме, следовательно, во всех стилях. Образование аббревиатур происходит на основе как нескольких слов, так и одного слова во всех сферах такими быстрыми темпами, что мы называем это явление «новым языком в языках». Так, например, язык деловой бумаги избегает использования многократных повторений пространных названий организаций, явлений действительности и т.п. Язык научно-популярной и научной литературы изобилует «сжагой» терминологией – в пользу продуктивности аббревиации говорит тот факт, что без аббревиатур не обходится практически ни одна научная статья. Особенным языком в наше время становится виртуальное общение, которое, по сути, сводится к «использованию сокращений с небольшим количеством употребляемых полных лексических единиц» [1; 3]. Достаточно много их встречается в переписке на чатах и устном сленговом общении. Проводимые нами исследования виртуального языка, в том числе французского языка, доступного нам в «образе» СМС-переписки на различных форумах, позволяют утверждать, что аббревиатуры почти на треть заполняют самые различные сообщения. Сокращениям подвергаются даже сами аббревиатуры, в том числе в официальном языке, каковым является, например, язык дикторов центрального телевидения: интернет становится нетом, гидрометцентр – гидрометом и т.д. Происходит это в том числе и потому, что употребление сокращений в эфире экономит дорогостоящее время. Что касается СМС переписки с помощью мобильной связи и общения в чатах интернета, то до появления гибких тарифов данное общение долгое время оставалось также дорогостоящим. Употребление сокращений предоставляло пользователям возможность применять более доступный в ценовом отношении тариф. Таковую причину не принято озвучивать, но такова действительность – все новое в мире техники лишь со временем становится доступным для большинства пользователей. Так было и с мобильной связью, и с Интернетом, когда экономия трафика осуществлялась разными путями, в том числе и всеобщим сокращением используемой лексики. Позднее с переходом на безлимитный интернет, многие сокращаемые слова успевали приобрести «популярность», и, поскольку в обиход входит все, что удобно, привычка писать их кратко сохранилась. Таким образом, если А.Мартине в прошлом столетии одной из причин появления сокращений назвал закон «Экономии речевых средств», то в настоящее время вполне правомерными причинами их появления может быть и экономия временных или денежных ресурсов. С позиций лингвистической науки эта экономия интернеткоммуникационных лингворесурсов в эпоху техногенной коммуникации может быть обозначена как телекоммуникационное словообразование или телекоммуникационная аббревиация.

И третье звено в цепи наиболее значимого применительно к процессу обучения данному явлению – это то, что аббревиатуры неоднородны с точки зрения их дешифровки при употреблении в обществе. Так, общепринятые сокращения в основном из области экономики, политики, спорта, как правило, не расшифровываются ни в одном из языков: Их понимают в силу того, что они обозначают общеизвестные для носителей языка явления, и они «у всех на устах». В русском языке это такие сокращения как, например, РАН, РЖД, РИА, ИТАР-ТАСС, ВМС, МВД, ООН, АЭС, АО, АЭС, ВВС, ПВО, ГБ, СБ, ВГТРК, ГОСТ, ГО, МЭК, ЕГЭ, ЕС, ЗАГС, МИД, МЧС, НАТО, НИИ, РНФ, СМИ,

УЕФА, ЦПКиО, ЧФ РФ, ФГОС и т.д. Во французском языке – RF, CGT, la FSU, FO, ONU, OMS, OTAN, ВТР, PCF, FN, СЮ, JO, AFP, Web et TV, AFP, CEI, В.Е.Р., В.Т.А., ONISEP и т.д. Поскольку существуют интернациональные слова, имеются и интернациональные сокращения, для которых в большинстве случаев не требуется перевод: ICQ, SKYPE, COISM, PG, TEE, ABC, NASA, SOS, PC, PS, HR (Human Resources), Interpol, PR (пиар) и т.д. Чаще всего это названия известных компьютерных программ и различных международных институтов: Chaque année, un milliard de personnes sont infectées par des moustiques, des mouches, des tiques ou des gastéropodes. L'OMS tire la sonnette d'alarme (в данном случае это «ВОЗ» – Всемирная организация здравоохранения) [8]. Эксперимент, организованный Институтом медико-биологических проблем РАН (ИМБП РАН) в рамках долгосрочной совместной программы российского и японского космических агентств, начался 5 февраля 2014 года [9]. По понятным причинам не расшифровываются сокращения разговорного языка – для носителей языка они понимаемы в силу «пребывания в теме разговора». Для изучающих иностранный язык эти сокращения – целая проблема, поскольку именно они позже всего попадают в словари или не попадают в них вовсе. Не всегда расшифровываются и сокращения, используемые научными или профессиональными сообществами, в том числе виртуальными, предназначенными для специалистов, хотя некоторые особенности их языка даже пользователям этого языка могут быть неизвестны. Носителем языка-неспециалистом такие лексические единицы воспринимаются как термины из определенной области знаний. Кроме того, информация типа «В качестве стабилизаторов дисперсных систем, в том числе и суспензий, можно использовать только такие ВМС, которые являются ПАВами, и их надо было бы называть ПАВМС или ВМПАВ» вряд ли интересна неспециалисту.

В научно-популярной и популярной литературе, впервые появляющиеся сокращения обычно расшифровываются: Высушенные, но живые личинки комаров стали объектами российско-японского космического эксперимента Space Midge, проведенного на Международной космической станции (МКС) (Наука и жизнь) [9]. En milieu de travail, les secouristes formés peuvent intervenir, voire pratiquer, au besoin, RCR (reanimation cardio-respiratoire). Большая доля сокращений без расшифровки может быть непонятна даже носителю языка в силу узкой сферы их использования: L'acheteur potentiel de SFR n'a pas l'intention de revenir en France. En échange de cette aide financière, l'UVSQ, incapable de boucler ses fins de mois, doit prendre des mesures de réductions de coûts.

Все перечисленное выше следует отнести к основным трудностям, с которыми сталкиваются преподаватели и изучающие иностранный язык. Названные трудности мы условно делим на те, с которыми обучающийся сталкивается при формировании лексического навыка и трудности, которые появляются при формировании умений, хотя уже наличие самих аббревиатур в тексте является своего рода трудностью. Тем не менее, к первым относятся: выбор способа семантизации аббревиатур и организация тренировки, ко вторым – отсутствие строгого соответствия аббревиатур (далеко не всегда аббревиатура одного языка передается также аббревиатурой в другом языке: СМИ → mass media (masse-media, massmedia, mass-media)), определение стилевой принадлежности аббревиатур, передачу нерасшифрованных аббревиатур, а также аббревиатур, являющихся общеизвестными для носителей языка и неизвестными изучающему иностранный язык, использование сокращений, связанных с реалиями и некоторые другие трудности. Безусловно, названные трудности не ограничивают круг проблем, связанных с усвоением аббревиатур. Так, например, нередко приходится сталкиваться с множеством сокращений из разряда «всегда на слуху», расшифровка которых, как показывает практика преподавания, подчас вызывает затруднения, следовательно, студентам не всегда легко найти эквивалент. Это касается аббревиатур и родного и изучаемого языков, например, ОБСЕ (организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), NCNA (информационное агентство КНР), NAM (национальная ассоциация промышленников) и др. Многие сокращения связаны с определенными реалиями, перевод которых на иностранный язык также затруднителен: Au PSG, un million d'euros chacun en cas de victoire en Ligue des champions или ЕГЭ на Брянщине пройдет в режиме онлайн. В процессе обучения иностранному языку все это также необходимо учитывать.

Таким образом, понимание всех обозначенных процессов изучающими иностранный язык есть первая, при этом обязательная ступень на пути овладения столь специфическими лексическими единицами до уровня их употребления в подготовленной/неподготовленной речи. Поскольку явление аббревиации в языке многогранно, на этой ступени возможно расширенное знакомство с дополнительной теорией вопроса, а именно:

□ О «долговечности» аббревиатур в языке. Здесь уместна информация о том, что многие сокращения не укореняются в языке, что, прежде всего, относится к именам собственным. В настоящее время такие сокращения как Ватерпеежкосма (от «Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт»), Вектор (от слозунга «Великий коммунизм торжествует»), Велиор (от «Великая Октябрьская революция»), Видлен (от «великие идеи Ленина»), Одвар (от «Особая дальневосточная армия»), Орлетос (от лозунга «Октябрьская революция, Ленин, труд – основа социализма»), не используются в языке. Хотя в свое время данные имена нередко давали детям. В русском языке имели место и такие сокращения недавнего прошлого как, Ласмай (от сокращения названия группы «Ласковый май»), Смерш (смерть шпионам). Несмотря на то, что это не программный материал, данная информация полезна в плане понимания того, что подобного рода аббревиатуры могут существовать и в изучаемом языке, фигурировать на страницах книг, в периодических изданиях и в речи иностранцев. Что касается укоренившихся аббревиатур, то они держатся долго. Язык не спешит с ними расстаться. Так, значения аббревиатур в предложении Quelques perturbations sont

prévues dans le transport aérien, mais pas à la SNCF ni à la RATP можно найти в словаре сокращений за 1968 (!) год.

□ О множестве классификаций аббревиатур: наиболее распространенной классификации является сегодня классификация, подразделяющая аббревиатуры на апокопу, афезу и инициальные слова, в то же время в связи с новообразованиями в сокращениях, данная классификация явно недостаточна. При этом уже большое их количество не поддается никакой классификации. Это в основном относится к аббревиатурам Интернет-языка и СМС-сообщений, где немало так называемых комкастов (Comcast – согласный): *besoin* - *bsn*, *avoir* – *avt*. В наших более ранних работах нами было также отмечено, что «...тенденции, связанные с аббревиатурами, которые мы наблюдаем в языковом пространстве следующие: типы аббревиаций зависят в первую очередь от стиля речи. Так инициальные слова-сиглы присущи в большей степени официальному языку новостных программ, деловому стилю письма, технической документации и научному языку. Усечения и композитные аббревиатуры или слова из слогов свойственны в основном разговорному языку, в том числе языку чатов, который в настоящее время включает в себя фамильярную речь, просторечие и аргю. Все это важно, прежде всего, для вопросов обучения. Таким образом, аббревиатуры существенно помогают в узнавании и определении того или другого стиля речи.

□ О допустимых и недопустимых сокращениях с точки зрения норм языка. Интернет-источники по одному запросу выдают немалое количество правил сокращения, но даже они не могут угнаться за происходящими внутри языка изменениями. Так, к недопустимым сокращениям относятся, например, такие как *нес-ко* и *т.п.*, но даже для носителей языка слишком непредсказуемыми являются сокращения типа: *кста* – *кстати*, *СМС-ить* и многие другие. Их наличие позволяет говорить о том, что имеются тенденции сокращать слова по принципу: «кому как вздумается», что еще больше усложняет процесс обучения данному явлению.

□ Об отсутствии синонимов в лексическом поле аббревиатур и наличия большого количества омонимичных аббревиатур. Это явление распространено в обоих языках. Так аббревиатура *DS* во французском языке может быть расшифрована более чем тридцатью (!) вариантами. Вот наиболее распространенные из них:

- D.S. *lat. da, signa* – дай и обозначь (надпись на рецепте).
- ds dans eam*, в (предлог).
- D.S. *déclaration de séjour* – регистрация пребывания (иностранца).
- D.S. *déclaration de sortie* – декларация на экспорт.
- D.S. *déclaration spontanée* – добровольное признание.
- D.S. *déclaration de succession* – декларация о наследстве.
- D.S. *défense de stationner* – стоянка транспорта запрещена.
- D.S. *défense en surface* – наземная оборона (аэродромов).
- D.S. *dégradation spécifique de terres* – специфическая деградация почв.
- D.S. *délégations spéciales* – специальные полномочия.
- D.S. *département de la Seine* – департамент Сена.
- D.S.; *d.s. député sortant* – депутат, полномочия которого истекли.
- D.S. *derniers sacrements* – соборование.
- D.S. *dernier stade larvaire* – последняя личиночная стадия.
- D.S. *Deux-Sèvres* Дё-Севр (департамент).
- D.S. *dispositif de sécurité* – предохранитель, предохранительное устройство.
- DS dissociation* воен. – разделение; рассредоточение.
- D. S. *document secret* – секретный документ.
- D. S. *Documentation – scolaire* школьная документация.
- D. S. *Documentation – sociale* социальная документация.
- D.S. *donneur de sang* – донор.
- D.S. *dose surface* – поверхностная доза.
- D.S. *dossier scolaire* – личное дело учащегося.
- D.S. *droits de sortie* – экспортные пошлины.

Если аббревиатура омонимична, часто происходит то, что называют «накладками понятий», когда для понимания смысла могут подойти несколько вариантов дешифровки: ЦТ – центральное телевидение и цифровое телевидение. Усвоение подобных аббревиатур требует особого подхода. Однако, несмотря на наличие омонимичных аббревиатур, необходимо обращать внимание изучающих иностранный язык на то, что в основном аббревиатуры не могут иметь много значений, как это свойственно обычным лексическим единицам: практически каждая общеупотребительная аббревиатура относится лишь к одной области знаний.

Изучение теоретического материала, касающегося общих знаний об аббревиатурах, возможно на русском языке. Несмотря на то, что работа по усвоению аббревиатур имеет больше практическую направленность, однако, по завершению усвоения теоретических вопросов возможно проведение тестового контроля, который способствует обобщению пройденного материала и практически не забирает учебное время. Кроме того правильный ответ к тесту

– это по сути самостоятельно найденное правило, в чем мы видим, своего рода эффективность теста. Задания тестов теоретической направленности могут быть также составлены на русском языке и носить следующий характер:

К неизменяемым аббревиатурам относятся:

- А) сиглы
- Б) усеченные слова апокопы
- В) словослияния
- Г) усеченные слова афрезы

Не имеют множественного числа:

- А) сиглы
- Б) усеченные слова апокопы
- В) словослияния
- Г) усеченные слова афрезы

С прописных букв пишутся:

- А) инициальные сокращения, которые превратились в самостоятельные слова
- Б) инициальные сокращения
- В) сложносокращенные слова сложного типа
- Г) сложносокращенные слова смешанного образования

Следующей ступенью является семантизация аббревиатур. Удачная семантизация обеспечивает рецептивное узнавание, то есть узнавание при рецептивных видах речевой деятельности и в последующем использование в (ре)продуктивных видах речевой деятельности, то есть говорении, письме, передачи с одного языка на другой, переводе. В целом феномену семантизации лексических единиц учебники по методике обучения иностранным языкам уделяют достаточно внимания. Подробно описаны многие ее виды, от наименее трудоемких с точки зрения вложенного преподавательского труда, таких как перевод, до наиболее трудоемких в плане организации работы с обучаемыми, например, использование языковой догадки, в том числе контекстуальной.

Что же касается семантизации аббревиатур, то этот вопрос практически не рассмотрен. Из распространенных видов семантизации, каковыми являются: показ, перевод, описание, подбор синонимов или, наоборот, антонимов, подбор однокоренных, уже известных лексических единиц, использование контекста, ситуации, наиболее приемлемые средства – это перевод и описания. Но, как уже указано, не все аббревиатуры переводятся и тем более описываются в аутентичных источниках. Очевидно, что совершенно непригодны при введении аббревиатур и такие виды семантизации, как использование синонимов, антонимов, однокоренных слов. Необходим поиск новых приемов в процессе усвоения данной лексики. Из опыта работы нам известно, что заучивание аббревиатур списком также как и заучивание списком любой другой лексики более чем неэффективно. Составлять списки аббревиатур, которые не расшифровываются и, наоборот, списки тех аббревиатур, которые расшифровываются необходимо, скорее, для статистической информации, нежели в методических целях. Исключения могут составлять интернациональные аббревиатуры, так как они не нуждаются в переводе: I'UEFA, Web et TV. Поскольку аббревиатуры – это специфические лексические единицы, уже на данном этапе семантизации необходимы неординарные приемы, способствующие их произвольному запоминанию. Указание на то, что та или другая аббревиатура является распространенной в среде носителей языка, может «включить» произвольное запоминание, что в свою очередь является необходимым условием и благоприятной почвой для формирования навыка, а в дальнейшем и умений, в том числе хорошей основой для передачи аббревиатуры с одного языка на другой. Иногда для запоминания аббревиатур достаточно акцентировать внимание студентов на том, что носитель изучаемого вами языка быстрее поймет то, что вы хотите ему сказать, если вы употребите принятую в той или другой среде аббревиатуру. Быстро запомнится аббревиатура в оригинальной трактовке типа: НАТО – это ОТАН, то есть следует прочесть наоборот. Необходимым приемом в процессе усвоения сокращений является также поиск наиболее удачных соответствий аббревиатур изучаемого языка в родном.

В этой связи по-новому необходимо взглянуть на контекст. Контекст вообще достаточно часто способствует пониманию впервые встречаемого незнакомого слова. Что касается незнакомых аббревиатур, то благодаря контексту в родном языке их семантизация проходит легко. Немало случаев, когда именно контекст являлся сигналом к расшифровке неизвестной на первый взгляд аббревиатуры. Так, например, предлагаемые вне контекста русскоязычные аббревиатуры типа АПР, ОПК, АБС, АВМ, ББК, ЕСПЧ, ОВИР не расшифровываются пока их не предлагают в контексте: Полная приостановка сотрудничества с ОПК... грозит... «оборонке» катастрофой, уверен президент. «Родной» контекст помогает понять вначале смысл аббревиатуры, после чего происходит ее дешифровка. Для дешифровки аббревиатуры в иностранном языке необходим более широкий контекст. Так, например, аббревиатура UNEF, встречаемая в аутентичных газетных текстах, предлагается без пояснений, то есть, не расшифровывается. Ее поиск в GOOGLE обеспечивает знакомство с сайтом UNEF [12], где данная аббревиатура встречается практически на каждом

шагу, но при этом также без единой расшифровки. Однако из контекста типа: *UNEF est une organisation étudiante représentative fondée en 1907. Elle se donne pour but de défendre les intérêts des étudiants, d'exprimer leurs opinions sur la gestion des infrastructures universitaires, que ce soit la recherche scientifique, la restauration universitaire, les logements étudiants. Elle se considère et est considérée par les médias et l'opinion publique comme un syndicat étudiant et est souvent classée à gauche. Elle est actuellement présente dans la totalité des universités de France. Après une scission dans les années 1970, durant laquelle plusieurs organisations portent le nom «UNEF», l'unef est refondée en 2001 en réunissant une partie des deux organisations revendiquant ce nom...* понятно, что речь идет о студенческом союзе Франции. Поскольку аббревиатура «U», как правило, обозначает союз – union, «N» – national – национальный, аббревиатура «E», скорее всего связана со словом *étudiant-студент*, встречающимся в данном контексте четыре раза, то дешифровка аббревиатуры может быть *L'Union nationale des étudiants de France*. Для уточнения артиклей и предлогов студентам рекомендуется набрать полное название расшифрованной аббревиатуры в любой из поисковых систем...

Однако благодаря контексту, предлагаемому в качестве упражнения, и, следовательно, без соотнесения к конкретному высказыванию не всегда представляется возможным без расшифровки понять значение аббревиатуры. В этом случае без словаря не обойтись, хотя необходимо учитывать, что, далеко не все новые аббревиатуры могут быть занесены в словарь, а также то, что словари, предлагают в основном расшифровки аббревиатур и далеко не всегда предлагают их эквиваленты в родном языке по причине их отсутствия. Тем не менее, для лексической семантизации они вполне приемлемы. В то же время, поскольку далеко не все аббревиатуры фиксируются словарями – лексические единицы проходят своего рода проверку временем [1], поиск, как самих сокращений, так и их соответствий необходимо проводить в различных видах дискурса и в дискурсивном контексте продолжать усвоение аббревиатуры. Понятие дискурса относительно ново для лингвистики, и как все новое, несмотря на то, что им предпочитают пользоваться многие ученые в силу интуитивного понимания его уместности, пока не имеет полноценного определения. Определения от науки начинаются так: «дискурс – одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и особенно франкоязычных культурах...» [4]. Имеются более понятные определения, например, такие: «дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» [11]. Однако они не являются научными, тем более это не речь в чистом виде. Мы определяем дискурс как речевую действительность, зафиксированную в тексте. Это изображение речи, порожденной определенными событиями в условиях конкретного времени, речь, которую можно сравнить с фотографией, и если можно так выразиться, дискурс – это фоторечь или действительность, событие, отраженные в высказывании. Именно поэтому говорят о деловом, научном, публицистическом, бытовом, художественном дискурсах и многих других. Каждому дискурсу свойственны свои лексические единицы, обороты, терминология, неологизмы и т.д. И именно поэтому в нашем случае дискурсивный контекст существенно облегчает задачу семантизации аббревиатуры. Наиболее «наводящими на мысль» или аллюзивными являются такие дискурсивные контексты как политический, спортивный, экономический и телевизионный (имеются в виду названия телевизионных каналов). Например, спортивный дискурс подскажет, что есть УЕФА–UEFA, ЛЧ – *ligue des champions*, оборонно-промышленный дискурс даст подсказку, что такое ОПК, даже если в контексте аббревиатура не расшифрована: ОПК в структуре любой экономической системы имеет свою специфику, отличающую его от других секторов экономики. Нам нужен интегрированный в рыночную экономику и диверсифицированный ОПК, предприятия которого будут восприимчивы к высоким технологиям и стимулировать развитие отечественного научно-технического потенциала. Политический дискурс *Le président d'honneur du FN juge que les "adversaires" du président russe - américains et européens - se sont "trompés dans tous les domaines" sur l'Ukraine. Jean-Marie Le Pen, président d'honneur du Front national.* © Bertrand Guay / AFP. Кроме того всегда доступен такой способ семантизации как объяснение. В процессе обучения рассматриваемым лексическим единицам открытым остается вопрос, связанный с этимологией данной лексики, вернее, с возможностью поиска этимологии аббревиатур и необходимости сообщения данной информации обучаемым. С одной стороны по возможности такие знания желательны, поскольку известно, что безэквивалентная лексика усваивается намного хуже. С другой – как уже было отмечено, этимология остается иногда загадкой даже для «родных» аббревиатур.

Дальнейшая работа связана с формированием навыков употребления аббревиатур. Не следует забывать, что и рецептивные и репродуктивные виды речевой деятельности базируются на сформированных навыках, как фонетических, так и лексико-грамматических. Важным этапом в процессе формирования навыка являются стимулы, служащие запуском для функционирования лексического навыка [2, с.115]. Для появления стимулов необходимо задействовать различные виды связей. В основном это знаковые, денотативные, ситуационные, семантические и фоновые связи. В работе с аббревиатурными лексическими единицами, например, знаковая связь может выглядеть таким образом: французская аббревиатура – русский эквивалент-перевод – UNEF (национальный союз французских студентов), В.Ф.С.Е. – французский внешнеторговый банк. Подобные аббревиатуры не предполагают наличие однокоренных слов. Денотативные связи могут по возможности реализовываться через изображение, например, аббревиатура – картинка или кадр. Таким образом могут быть представлены периодические издания, учреждения: В.Ф.С.Е. (*Banque française du commerce extérieur*). В этом конкретном случае сложно использовать такой стимул как признак денотата или обозначение действия, но широко могут быть задействованы ситуационные связи в специально созданных учебных ситуациях, а также семантические связи на основе контекста, реже – фоновые. Задействование стимулов расши-

ряет кругозор обучаемых, что положительно сказывается при формировании наиболее сложного умения – передачи аббревиатур с языка на язык.

Таким образом, организация тренировки данных лексических единиц может выглядеть следующим образом: изображение, перевод в случае необходимости, упражнения на основе контекста, рецептивные упражнения, заучивание небольшого контекста за установленное преподавателем время, репродуктивные упражнения, ситуационное обыгрывание. Для быстрого формирования навыка мы рекомендуем заучивание небольших отрывков на уровне предложения или синтагмы взамен выполнения большого количества языковых упражнений, поскольку это не грамматический материал, при этом рецептивные и репродуктивные упражнения могут и даже должны наличествовать. Считаем, что заучивание как прием важен для становления навыка и его отличие от зазубривания заключается в полном понимании выученного и в умении применить выученное на практике в дальнейшем.

Формирование рецептивных и репродуктивных умений обязательно должны следовать друг за другом (рецепция и репродукция могут осуществляться параллельно). Обучение говорению с использованием аббревиатур не должно затмевать обучение другим видам речевой деятельности. Считаем, что рецептивная работа, то есть работа по формированию рецептивных умений – это не только вспомогательная работа по развитию умения говорения, но, прежде всего, полноценная работа, вследствие которой формируются сами рецептивные умения аудирования и чтения. Данная работа также требует системного подхода, о чем подробно было сказано (см. Технические средства обучения как фактор становления аудитивной компетенции студентов факультета иностранных языков Вестник Брянского государственного университета. №1, РИО БГУ, 2011). Будучи сформированными данные умения положительно скажутся на умении говорить. Формированию указанных умений способствуют следующие упражнения, как языкового плана (прочитайте аббревиатуры, выделите все аббревиатуры из прослушанного отрывка, воспользуйтесь справочной и энциклопедической информацией, выберите лучшие, на ваш, взгляд, соответствия аббревиатурам, выберите аналогичные контексты для аббревиатуры, в каком контексте может быть употреблена данная аббревиатура, наиболее сложное задание – соотнесите аббревиатуру с каким-либо из дискурсов, характеру аббревиатур определите стиль сообщений, охарактеризуйте аббревиатуру и полное названия с точки зрения логики их использования в языке), так и речевые (опишите ситуации, когда носитель языка употребит ту или другую аббревиатуру, расскажите своему французскому другу о наиболее часто встречающихся сокращениях языка СМС-сообщений, примите участие в дискуссии по употреблению сокращений языка чагов: «AMHA – à mon humble avis; «ASV» – age / sexe / ville ; «CAD» – c'est à dire; «LMM» – lire mon mail; «MP» – message personnel ou privé; «NMQPM» (ne me quitte pas maintenant); «PT» – pour toi; «RSTP» – répond. s'il te plaît; «RTC» (répète tout ça); «RAD» – rien à dire; «CELV» –

Таким образом, из сказанного выше вполне понятно, что осмысление и оперирование данным лексическим материалом, в том числе передача сокращений с одного языка на другой это сложный процесс, который требует как минимум внимания со стороны преподавателя. Несмотря на указанные трудности, игнорирование языка сокращений в процессе изучения иностранного языка недопустимо. Это означало бы, игнорирование большого языкового пласта в каждом из стилей, и, как следствие, утрату части смысла при рецептивных видах речевой деятельности (чтении, аудировании) и утрату некоторой доли аутентичности при продуктивных видах речевой деятельности (говорение, письмо, передача информации с одного языка на другой). Минимизировать вышеуказанные трудности, в том числе с помощью вышеуказанных приемов – задача преподавателей и методистов.

In this article it is a question of process of training in the widespread and at the same time a little studied phenomenon of abbreviation in the French and Russian languages. The use of abbreviations in the speech of students at information transfer from the native language to the studied one and vice versa becomes complicated because of absence of the concrete methodical concept on assimilation of this phenomenon. In this regard difficulties of work with various reductions are designated in this article, beginning with the questions of their semantization and finishing with the problems of their use in productive types of speech activity, and also ways on minimization of the specified difficulties on condition of studying of the given phenomenon in the comparative plan on the basis of different types of a discourse are planned. In the article the author's definition of concept of discourse is offered, it is shown why discursive context facilitates the semantization of abbreviation.

Key words: *abbreviation, abbreviations, reductions, semantization of abbreviations, discourse, prepared/ unprepared speech, authentic language.*

Список литературы

1. Гришечкина А.М. Аббревиация во французском языке и ее использование в различных видах дискурсов (на примере спортивного и виртуального дискурсов современной французской прессы и живого разговорного языка) // Вопросы современной филологии и методики преподавания иностранных языков в многопрофильном вузе. ФГБОУ ВПО БГУ им. акад. И.Г.Петровского», ООО «Издательство Курсив», 2013
2. Гришечкина А.М. Технические средства обучения как фактор становления аудитивной компетенции студентов факультета иностранных языков // Вестник Брянского государственного университета. №1, РИО БГУ, 2011
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. М., Просвещение, 1990, с.115
4. Пичевская А.И. ВКР «Аббревиация во французском языке и ее использование в различных видах дискурсов» // Библиотека БГУ им. акад. И.Г.Петровского

5. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337
6. <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskie-aspekty-funktsionirovaniya-abbreviatur-v-politicheskom-diskurse>
7. <http://www.km.ru/node/2290>
8. <http://www.kp.ru/>
<http://www.lepoint.fr/recherche/>
<http://www.nkj.ru/news/24150/>
9. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-549379.html?page=9>
10. <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>
11. <http://unef.fr/>

Об авторах

Гришечкина А.М. - доцент кафедры французского языка БГУ имени акад. И.Г.Петровского, grishana26@mail.ru

Пичевская А.И. - преподаватель г. Калининград.

УДК 811.112.2

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРРОГАТИВОВ В ДРЕВНЕНЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ

М.Н. Дмитриева, Н.В. Сафонова

В центре внимания данной статьи – текстообразующая функция вопросительных предложений-высказываний и особенности ее реализации в аргументирующих текстовых фрагментах на материале переведенного Ноткером Немецким трактата «Утешение Философией». Анализу подвергаются интеррогативы в первичной функции и риторические вопросы в составе вопросно-ответных текстовых блоков.

Ключевые слова: тип текста, трактат, вопросительное высказывание, древненемецкий, Ноткер Лабео.

Древненемецкие интеррогативы обладают большим разнообразием формальных типов и способны передавать самые разные оттенки вопросительных, а также и не вопросительных значений. Описанию формальных и прагматических особенностей вопросительных предложений древненемецкого посвящены ряд научных публикаций и диссертация М.Н.Дмитриевой, одного из авторов данной статьи [2]. Однако рассмотрение вопросительных высказываний с точки зрения тексто-типологического подхода позволяет наряду с формальными и интенциональными свойствами данных единиц обсудить на материале одного из широко распространенных текстов эпохи Раннего Средневековья «Утешения Философией» в переводе Ноткера их текстообразующую функцию с учетом особых типологических свойств «Утешения».

Жанр «Утешения Философией» Боэция а, соответственно, и его переводов на древние языки и диалекты традиционно определяется как трактат, тип текста, относящийся к аргументативному дискурсу. Общая прагматическая цель такого рода текстов состоит в том, чтобы посредством логических доводов и с помощью риторических приемов (пере)убедить собеседника, заставить его принять точку зрения, «навязываемую» автором трактата в качестве верной [4, с. 269-283; 5, с. 267]. Однако более детальное рассмотрение данного текста позволяет выявить новые аспекты его типологической проблематики.

Обсуждение классических текстотипов в новом ракурсе является сегодня общей тенденцией как литературоведения, так и лингвистики. Это можно объяснить, по-видимому, широко используемыми сегодня методологическими подходами, опирающимися на принципы прагматики и антропоцентризма. Прочно закрепившиеся на синхронном материале, они успешно переносятся и на историческое текстовое наследие. Результатом исследований данного направления является более дифференцированное обсуждение свойств того или иного текста, в том числе его жанрово-типологических характеристик.

Наглядным примером такого исследования может быть анализ элементов автобиографизма в памятниках древнерусской литературы [1]. Подробное описание материала «Поучения» Владимира Мономаха и «Моления» Даниила Заточника с привлечением множества примеров позволяет раскрыть важную черту этих текстов – наличие в памятниках жизнеописания самих авторов – и сопоставить тексты в данном ракурсе между собой. Как справедливо отмечает А.В. Антюхов, «Соединение духовного, нравоучительного и светского, автобиографического элементов составляет основное своеобразие произведения, что отражается в его стиле и языке» (курсив М.Д.) [1, с.182]. Тезис, выделенный нами курсивом, представляется весьма важным и может быть также проиллюстрирован на языковом материале «Утешения Философией» в переводе Ноткера Немецкого.

Ноткер Немецкий / Notker Labeo/ Notker Teutonicus / der Deutsche (954/955 – 1022) – яркая фигура как для немецкого языка, так и для немецкой культуры в целом. В литературе по истории немецкого языка Ноткер обозначен как основоположник традиций немецкоязычной философской прозы (die philosophische Prosa); с его именем связывается разработка немецкой абстрактной лексики и философско-теологических терминов. Переводческое наследие

Ноткера весьма обширно, важное место в нем занимает трактат «Утешение Философией».

Центральной для данного типа текста оказывается логико-лингвистическая категория аргументации. Коммуникативной цели убеждения подчинены и соответствующие языковые средства, используемые в данном текстотипе. В зарубежной германистике к таким относят коннекторные слова, чему посвящены, например, работы И. Деспорта, К. Аксель и др. В аргументацию также включены языковые средства, с помощью которых формируется модально-модальный план текста. Модальные компоненты рассматриваются в трудах профессора С.Т. Нефёдова, представителя Санкт-Петербургской лингвистической школы. Например, в его работе о языковых способах выражения значения уверенности обсуждается вопрос взаимодополнительности прагматических оснований языковых функций, которые присущи определенным структурам [3]. В данном контексте речь идет о структурах с включением модальных компонентов.

Вместе с тем следует отметить, что в трактате Боэция и его переводе Ноткером наиболее частотными являются иные средства аргументации: важная роль в стратегиях убеждения принадлежит здесь вопросительным предложениям как в первичных функциях, так и во вторичных. Однако текстообразующие функции интеррогативов оказываются различными.

С помощью вопросительных предложений в первичной функции, то есть функции запроса информации, говорящий формулирует свою мысль, но оставляет в ней элемент нерешенности, определенную информационную лауну. Форма вопроса побуждает слушающего дать свой вербальный ответ, сообщить требуемую информацию. Так происходит в стандартной ситуации общения. Но в обсуждаемом трактате диалог развивается иным образом: ответ на поставленный вопрос дает сам спрашивающий, то есть утешающая автора-рассказчика аллегорическая фигура Философия. Вопросно-ответные единства воспроизводят цепочку смысловых единств, что, в свою очередь, обеспечивает одно из главных свойств, присущих тексту, – связность его частей между собой, то есть когезию.

Примером участия в развертывании текста вопросов в первичной функции может быть следующий вопросно-ответный блок из первых параграфов II книги трактата. Желая напомнить Боэцию о непостоянстве Фортуны, Философия произносит речь от лица самой Фортуны. Пример (1) взят из этого фрагмента текста: (1) *Únde sól dir díu líeb sín sáment tír . díu áne tríuua mít tír íst . únde díu díh éteuénne ferlázendo sêregót? Ube sia nîoman geháben nemág . áfter sînemo uuíllen.* (N., II, 4, 8-12, 55) - И должна тебе быть дорогá рядом с тобой [та], которая неверна и которая тебя когда-нибудь покинет? Ибо она никому не может принадлежать, подчиняясь его воле. (Здесь и далее переводы на русский язык выполнены авторами данной статьи).

Подавая сведения таким способом, Философии получает возможность четко формулировать проблему и предлагать ее решение, вовлекая собеседника в ход своего рассуждения и заставляя его поступенчато следовать за своей мыслью.

За этим фрагментом следует отрывок, в котором, наоборот, наблюдается «всплеск» употребления вопросов во вторичных функциях. Хотя Философия и допускает, что её адресату неизвестны какие-либо (или все) из упоминаемых ею событий, но более вероятно, с ее точки зрения, обратное. Допущение же противоположного выражается вербально с помощью лексико-грамматических средств (двойных отрицаний, глаголов *verba cognoscendi*, модальных глаголов, инверсии предиката). (2) *Uuânist tu dehéina stâti gi uuêsen . án dero ménniskôn dínge? Tánne íoh sêlben den ménnisken chûtz uuíla ófto zeerlékke?* (N., II, 19, 9-12, 77) - Полагаешь ты, что постоянство присуще человеческой природе, если самого человека быстротечное время часто уничтожает?; (3) *Uuizíst táz tú ín is nîeht keuuízen nemáht.* (N., II, 21, 1-2, 79) - Знаешь ты, что ты ничего не можешь знать? Примерам (2) и (3) предшествует описание нескольких конкретных ситуаций, иллюстрирующих факты осуществления власти Фортуной.

Вопросы (2) и (3) «не нуждаются» в вербальных ответах. Ответ в них уже подсказан, он почти однозначно «читается» здесь между строк. Хотя данные предложения и обладают формальными признаками вопросительности, функционально они относятся к эмфатическим утверждениям «от противного». Ответы в виде самостоятельных предложений были бы в данном случае коммуникативно избыточны.

Таким образом, разные семантико-прагматические типы вопросительных предложений активно используются с целью реализации одной их доминантных характеристик текста – когезии – логической связности его частей между собой. Однако на текстообразующую роль интеррогативов накладывает свой модус глобальная интенция типа текста «трактат» – формирование определенного, «выгодного» автору мнения и подхода к решению поставленной когнитивной задачи.

The focus of this article is text function interrogative sentences statements and peculiarities of its realization in argue text fragments on the material translated by Notker Labeo treatise «The Consolation of Philosophy.» The analysis focuses on interrogatives in primary function and rhetorical questions in the composition of the question-answer text blocks.

Key words: the type of text, treatise, interrogative sentence, Old German, Notker Labeo.

Список литературы

1. Антюхов А.В. Проявление элементов автобиографизма в древнерусской литературе (на материале "Поучения" Владимира Мономаха и "Моления" Даниила Загочника) // Вестник Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. № 2. 2013. С. 179-184.
2. Дмитриева М.Н. Немецкие вопросительные предложения в сопоставительно-диахроническом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2011. – 236 с.; Дмитриева М.Н. Древненемецкие вопросительные предложения как составляющая «аргументативного дискурса» Ноткера // Немецкая филология в Санкт-Петербургском госу-

дарственном университете. Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С.Т. Нефёдова. СПб., 2013. С. 121-128.; Дмитриева М.Н. Семантик и функциональный потенциал вопросительных местоимений *uueg* (кто?) и *uuzaz* (что?) в древне- и средненемецких текстах // Научное мнение. Научный журнал. № 9. 2013. С. 17-22.

3. Нефёдов С.Т. Способы языковой категоризации модальности уверенности в древне- и средненемецких текстах // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып. 3. Ч. II. 2007. С. 194-197.

4. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. 335 с.

5. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin: Erich Schmidt, 2009. – 309 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения:

N. – Die Schriften Notkers und seiner Schule. In 3 Bänden. Bd. I. Schriften philosophischen Inhalts / Hrsg. von P. Piper. Freiburg I. B. und Tübingen, 1882.

Об авторах

Дмитриева М.Н. - кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, ahdbeshiza@yandex.ru

Сафонова Н.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка БГУ им. акад. И.Г.Петровского, saphonchik@mail.ru

УДК 81.255

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

С.В. Евтеев

На фоне основных положений системы моделирования лингвистических процессов рассматривается особенность моделирования переводческой деятельности. Подробно рассматривается модель перевода с учетом лингвокультурологического аспекта межъязыковой коммуникации.

Ключевые слова: модель перевода, репрезентация коммуникации, содержательная общность.

Процессы, изучаемые в лингвистических исследованиях, отличаются чрезвычайно высокой сложностью. Известно, что для исследований в этой области используются только наиболее совершенные компьютеры, способные производить максимальное количество операций с максимально возможной скоростью. Деятельность человека – это высокоинтеллектуальная деятельность. Компьютеризировать эту деятельность будет возможно только тогда, когда наконец будут созданы компьютеры с искусственным интеллектом, воссоздающие языковые способности человека.

Изучение лингвистических процессов в формализованном, то есть в «машинном», виде необходимо и возможно в виде создания приближенных к действительности моделей. Это направление в лингвистике в современном виде имеет небольшую историю, но подходы к нему были заложены, пожалуй, еще Л.Ельмслевом в 1943 году [1].

Мы представляем себе лингвистическую модель лишь графической или описательной упрощенной, но полностью логически последовательной репрезентацией языковых действий. Неизбежно модель идеализирована в своей сути и абстрактна в своей реализации. Модель – это гипотеза, которая объясняет исследуемый процесс одновременно как существующее, возможное и идеально стереотипное.

Область нашего моделирования относится к предметному полю переводоведения, которое усложнено по отношению к обычной коммуникативной деятельности наличием дополнительного звена – переводчика. При моделировании процесса перевода исследователи исходят из аксиоматического постулата о трех его участниках: создателе текста, переводчике (который одновременно является и рецептором, и текстопреобразователем) и читателе. Причем В.С.Виноградов отмечает, что все действующие лица выполняют различные функции и обладают разным уровнем рецепции действительности [2].

К сожалению, ни одна модель, ни одно абстрактное описание переводческой деятельности не в состоянии не только учесть но даже и просто перечислить всю гамму физиологических операций, составляющих физиологию высшей нервной деятельности, результатом которой и становится перевод – произведение на другом языке. Это и есть основная причина того, что уже существует множество моделей перевода, актуализирующих то или иное направление деятельности, но весь комплекс в едином целом: семантическая, ситуативная, трансформационная, психолингвистическая, коммуникативная, информативная и другие [3, 4].

Одной из важнейших проблем перевода в современном мире мы считаем сохранение лингвокультурологического аспекта исходного текста в процессе перевода. Методология современной лингвистики в этом плане достаточно ярко сформулирована А. Мийе: «нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке» [5, с.8]

Воспринимаемая информация связана с культурным контекстом деятельности человека и его опытом. Отношения между исходным и переводным текстами – это не только межъязыковые отношения, но и отношения между исходной и переводной культурами. Культура генерирует смыслы, которые должны транслироваться в переводе для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации и расширения объема познания действительности.

Итак, основными параметрами для построения нашей модели мы выделяем следующие:

- объект нашего изучения скрыт от непосредственного наблюдения.
- нет возможности проникнуть в мыслительную деятельность переводчика в процессе перевода.
- образ этого процесса должен обладать максимально приближенными к реальным объектам свойствами, он должен быть похож по устройству и функционированию на реальный объект.

Такой идеальный объект, называемый моделью, будет схематичен и будет иметь гипотетический характер. Адекватность модели ожидаемому результату подтверждает ее правильность и возможность применения для решения определенных переводческих задач.

Учет отмеченных нами ранее компонентов текста позволяет создать многокомпонентную лингвокультурологическую модель перевода. Данная модель ориентирована на учет лингвокультурной специфики при переводе. Единство языка и культуры, проявляющиеся в языковом пласте и культуре каждого народа, заставляют рассматривать языковые особенности с точки зрения культурологии, культурного опыта нации. Другими словами, с помощью языка, как важнейшей составляющей части культуры, кодируются определенные культурные явления, предметы, артефакты культуры. При этом способ и языковые средства кодирования могут быть подобными (схожими) или различными в разных культурах, представляя собой специфическую лингвокультурную сущность.

Особенностью перевода как вида речевой деятельности является создание переводного текста на основе заданности предмета деятельности автором исходного текста, принадлежащего определенной культуре. Процесс перевода представляет собой создание на основе лингвокультурного текста в исходной культуре иного, нового лингвокультурного текста в переводной культуре.

Переводчик передает на другом языке для получателей другой культуры выраженные автором в исходном тексте содержание, форму, культурологические доминанты и функцию (т.е. компоненты текста), обеспечивая коммуникацию, процесс познания и обогащая реципиента новыми знаниями. При этом переводчик выступает как промежуточное звено между автором и получателем текста в межязыковой и межкультурной коммуникации. Его задачей является декодирование компонентов ИТ, их понимание и интерпретация для реципиентов в другом языке и культуре. На основе ИТ переводчик выступает как автор вторичного (переводного) текста для вторичных получателей текста другой культуры на другом языке. Практика перевода подтверждает возможность преодоления межкультурного различия благодаря опыту межкультурного взаимодействия и тому, что любая культура не является полностью изолированным образованием. Конечно, степень сходства и отличия двух культур может быть различной, что потребует больше или меньше разъяснений лингвокультурологических лакун.

При этом должна достигаться эквивалентность, а именно:

- содержательная общность оригинала и перевода за счет инвариантности отображения действительности как объекта познания в процессе языкового информационного взаимодействия;
- общность формы текстового бытия (т.е. типических форм определенных текстов в национально-культурной общности);
- общность понимания культурологических доминант за счет расширения фоновых (энциклопедических) знаний получателя при сравнении двух культур путем комментариев переводчика и
- общность функции текста.

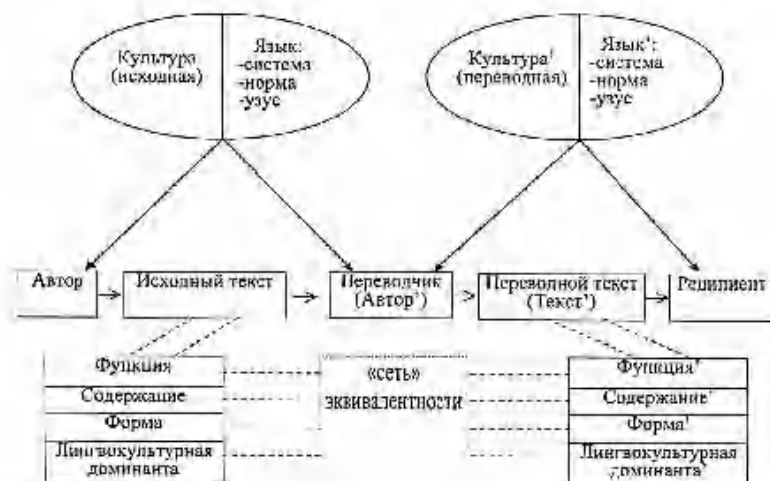
Таким образом, лингвокультурологическая модель перевода основывается на выделении функции (функций) исходного текста, элементов его содержания, формы и культурологических доминант при анализе оригинала, которые имеют лингвокультурологические особенности при передаче на другой язык и в другой культуре. При создании переводного текста переводчик добивается эквивалентности (общности) указанных компонентов двух текстов, используя другой языковой код и учитывая отмеченные при анализе ИТ лингвокультурологические особенности, требующие разъяснений и комментариев для реципиентов другой культуры.

Данная модель перевода связана с процессом порождения на основе ИТ иного, нового текста для другой лингвокультурной общности, представляет собой способ сопоставления языков и культур, позволяет объективно анализировать и объяснять причины и направления расхождений между исходным и переводным текстами, передавать реалии иноязычной культуры.

Согласно лингвокультурологической модели перевода, исходный текст создается автором для определенного языкового и культурного сообщества, обладающего фоновыми знаниями (как универсальными, так и специфическими), в определенном лингвокультурном пространстве, глобальными элементами которого являются исходная культура и исходный язык со своей системой, нормой языка и узусом. В тексте, имеющим функцию (функции), автором с помощью языковых средств осуществляется репрезентация содержания, формы и культурно специфических знаний (культурологической доминанты). Авторский текст опирается на конвенциональные, принятые в данном сообществе правила создания определенного типа текста.

Переводчик на основе исходного текста создает новый, переводной текст (Текст') для иного языкового и культурного сообщества (Культура' и Язык') с учетом принятых в другом сообществе правил создания подобного типа текста, добиваясь эквивалентной передачи функции, содержания, формы и культурологической доминанты с помощью средств другого языка (Языка' с его системой, нормой и узусом) и принимая во внимание различные структуры фоновых знаний представителей различных культур.

Схема лингвокультурологической модели перевода

Между ИТ и ПТ существует «сеть» эквивалентных отношений, которая включает в себя эквивалентность коммуникативной функции текстов, эквивалентность содержания текстов, эквивалентность формы текстов и эквивалентность культурологической доминанты.

Опираясь на «сеть» эквивалентных отношений, можно предложить последовательность аналитической работы переводчика в процессе перевода для достижения эквивалентности между двумя текстами. Подобный анализ представляет собой выработку переводческих стратегий. Переводчиком определяются:

- функция текста и связанный с ней тип текста;
- в зависимости от типа текста - приоритет содержания или формы текста;
- культурологические доминанты в исходном тексте, представляющие собой культурно специфические структуры содержания и формы, и, таким образом, переводческую проблему их передачи в переводном тексте. В отличие от «чисто» межкультурных исследований в переводе существует важная особенность, заключающаяся в том, что перевод – это не сравнение культур, а преодоление установленной переводчиком лингвокультурной специфики в исходном тексте, в частности, в виде разъяснений, комментариев и т.п.

The topic under review is characteristic feature of translation activity modeling with regard to key principles of linguistic processes modeling. Translation model is being studied in great detail, it takes into account the cross-cultural aspect of interlingual communication.

Key words: translation model, representation of communication, content commonness.

Список литературы

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М: КомКнига, 2006. – 248с.
2. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004. – 240с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М.: Изд-во «ЭТС», 1999. – 424с.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. – 280с.
5. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Издательство Иностранной литературы, 1954. 99с.

Об авторе

Евтеев С.В. - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, sergevt@inbox.ru

УДК 811.111

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРВИЧНОГО КОНТАКТУСТАНОВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

И.И. Икагова, Г.Н. Россихина

В статье предлагается методика прагмалингвистического анализа аутентичных речевых произведений и обосновывается выбор контекстов, существенно необходимых для осмысления комплекса воспринимаемых сведений и стратегий взаимодействия при контактоустановлении в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: прагмалингвистический анализ, контактоустановление, коммуникативная ситуация, диктета, рубрики информации.

Глобализация, развитие информационных технологий и, как следствие, рост международных контактов заставляют науку все интенсивнее искать стратегии и тактики успешного общения во многих отраслях человеческой деятельности: для проведения результативных переговоров, создания оптимальных моделей управления, организации маркетинга, рекламы, сетевой или правовой деятельности. Существенное место в этом контексте занимает понимание картины мира как ментальной репрезентации исследуемой культуры. В нашем случае речь идет о механизме вербализации сведений о мире, т.е. использование языка интерактантами для решения конкретных коммуникативных задач.

На сегодняшний день при лингвопрагматическом анализе примеров общения, взятых из произведений английских, американских, австралийских и других англоязычных авторов очень редко проводятся различия между теоретическими интерпретациями феномена и характеристиками, свойственными самому феномену. По нашему мнению, адекватное и корректное описание культурных закономерностей возможно лишь феноменологически (в отличие от гносеологических параметров, являющихся ведущими в некоторых науках, в том числе и когнитивной лингвистике). И одним из наиболее действенных инструментов, позволяющим ускорить исследование языка и многократно повысить его эффективность, является корпус аутентичных текстов.

Любой текст можно рассматривать с разных точек зрения: грамматической, лексической, синтаксической и т.д. Однако, анализом чисто языковых явлений объяснить воздействие на собеседника невозможно: большую роль здесь играют экстралингвистические факторы. Следовательно, для правильной интерпретации намерений говорящего при контактоустановлении и для изучения речевых действий, с помощью которых он достигает поставленных целей, необходима обоснованная процедура прагмалингвистического анализа. Итак, какова же методика работы с корпусом текстов (диалогами, письмами, текстовыми или электронными сообщениями) для выявления факторов успешного контактоустановления?

Во-первых, любой анализ в области прагмалингвистики должен осуществляться в антропоцентрическом ракурсе, поскольку центром изучения выступает субъект языкового общения и используемые им вербальные средства воздействия. И начинаться интерпретация речевого поведения должна с характеристики лингвокультуры, которой принадлежат говорящие.

Г.Ф. Почепцов, раскрывая сущность коммуникации, приводит следующие слова М. Фуко: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться.» [2, с.8]

Социально-культурные ценности находят свое отражение в ментальности языковой личности. Следовательно, на следующем уровне прагмалингвистического анализа должен стоять носитель и создатель этой культуры – языковая личность – с присущей ей картиной мира. Здесь исследователю необходимо иметь в виду следующее. С одной стороны, все средства вербального взаимодействия организованы в иерархические комплексы, формируя когнитивные структуры, которые служат базой для интеракции. Сложившиеся стереотипы сознания позволяют упорядочить процесс взаимодействия между людьми, способствуя функционированию общества как единого целого, что облегчает задачу для исследователя в плане интерпретации высказываний. С другой стороны, каждый член любого социума является одновременно и уникальным индивидом со своими мировоззренческими установками, ценностными приоритетами, а также комплексом психофизических свойств, что определяется, в свою очередь, не только его уровнем знаний, но и его эмоциями, логическими способностями, предшествующим опытом и т.д., поэтому следующим этапом анализа должны стать ситуационные параметры с конкретными интерактантами, когда коллективная идентичность уступает место личностной, и фокус с устойчивых и стабильных характеристик, присущих культуре в целом, смещается на изменчивые, краткосрочные, динамичные факторы в зависимости от ситуации общения. Оптимальными составляющими коммуникативной ситуации в нашем случае могут стать следующие: 1) адресат; 2) адресант; 3) отношения между ними; 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель общения; 6) место; 7) время; 8) средство общения (язык или его подсистема, а также параязыковые средства – жесты, мимика и т.д.). По поводу последнего параметра следует сразу оговориться, что, зачастую, несмотря на количественное доминирование в общении невербальных средств коммуникации, наиболее важная информация передается все-таки вербально. Таким образом, следующим этапом в иерархии смыслов становятся сами вербальные средства.

Социально обусловленной единицей коммуникации обычно считают дискурс, который охватывает три наиболее важных аспекта: лингвистический (использование языка), когнитивный (передачу/поиск/использование информации), социально-прагматический (взаимодействие коммуникантов в ситуации). Минимальной единицей дискурса является речевой акт, обладающий иллокутивной силой. В ней выражается цель, способ ее достижения, интенсивность иллокутивной силы, условия пропозиционального содержания, пресуппозиция, условия искренности и условия искренности данной иллокутивной силы. Однако многочисленные критики теории речевых актов справедливо отмечают, что она не объясняет логику построения разговора в целом, хотя и позволяет анализировать отдельные речевые акты достаточно подробно. Недостаточный учет контекста, а также других важных факторов коммуникации (например, культуры) заставляет нас выбрать в качестве минимальной единицы речемыслительной деятельности диктему, которая, являясь «интегративной единицей языкового выражения, выполняет функции номинации, предикации, тематизации и стилизации, и через них реализует комплекс информации, передаваемой от говорящего к слушающему» [1, с.58]. Поскольку посредством диктемы осуществляется действие текстовой пресуппозиции, гарантирующей необходимое раскрытие всех имплицативно-передаваемых смыслов сообщения, обеспечивается та необхо-

димая связь с контекстом, отсутствующая в теории речевых актов. Диктменно-текстовый комплекс информации содержит 11 рубрик, рассмотрение которых позволяет наиболее полно описать культурно специфические когнитивные, номинативные и дискурсивные стратегии, реализуемые говорящим в любом акте коммуникации. Это:

1. Коммуникативно-установочная, которая определяет тип рече-деятельностного сотрудничества слушающего, в зависимости от коммуникативной цели говорящего;
  2. Фактуальная общего типа, отражающая диктменную ситуацию в рамках фактов и их отношений;
  3. Фактуальная специального типа, передающая этнические, социально-культурные, терминологические и другие реалии;
  4. Интеллективная информация отражает движение познающей и оценивающей мысли говорящего;
  5. Эмотивная информация передает отношение говорящего к тому, о чем он говорит;
  6. Структурная дает информацию о синтаксической конструкции диктемы;
  7. Регистровая позволяет проследить различия между нейтральной и разговорной речью;
  8. Социально-стилевая, отражающая функциональный стиль текста;
  9. Диалектно-признаковая позволяет отнести высказывание к тому или иному диалекту;
  10. Импрессивная информация выявляет соответствие построения высказывания условию его коммуникативного успеха;
  11. Эстетическая, формирующая аспект художественно-образного выражения мысли. [1, с.65-66]
- В конечном итоге схема интерпретации высказываний будет выглядеть следующим образом:

КУЛЬТУРА

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

ДИКТЕМА

Выбрав один из наиболее типичных диалогов из имеющегося в нашем распоряжении корпуса (844 диалога между представителями английского среднего класса были записаны Икаговой И.И. в Великобритании с 2003 по 2011г. Класс коммуникантов определялся по их акценту - стандартное английское произношение), проведем прагматический анализ в соответствии с приведенной схемой.

В канун рождества в лифт магазина «Джон Льюис», где обычно делают покупки представители среднего класса Великобритании, заходит мужчина с маленькой подарочной сумочкой в руках. В лифте уже стоит женщина (кроме нее там находятся еще два человека) с 5-6 большими сумками. Осознавая, какой контраст они, должно быть, представляют, мужчина с улыбкой говорит:

- You`ve got more Christmas than me!

- (Улыбаясь в ответ) I`d say (definitely) more relatives! (после небольшой паузы) Or sometimes less common sense. (Оба смеются, лифт останавливается и женщина выходит).

Исходя из того, что оба коммуниканта принадлежат английской лингвокультуре, они имеют приблизительно одинаковое представление о принятых в данном социальном пространстве алгоритмов осуществления вербальной деятельности в различных ситуациях для достижения разнообразных целей. Исследователю также необходимо помнить, что Великобритания относит себя к индивидуалистской культуре и является классовым обществом. Данные факторы необходимо учитывать при анализе, так как представители разных культур и классов могут по-разному вступать в разговор.

Языковой личности «представитель английского среднего класса» присущи следующие коммуникативные стереотипы: юмор, умеренность в суждениях, «белая» ложь, гибкость мышления, коммуникативный пессимизм, классовость, соблюдение правил честной игры, учтивость, скромность [4, с.410]. Принадлежность собеседников к одному и тому же слою общества говорит об их равном социальном статусе.

Ситуативные параметры показывают, что поскольку адресат (женщина, около 50 лет) и адресант (мужчина, около 60 лет) не знакомы, психологическая дистанция между ними большая. Они обладают равным ролевым статусом, и придерживаются нейтральной тональности в разговоре. Время - четверг, первая половина дня. Место - празднично украшенный большой магазин.

Анализ рубрик информации диктемы, начинающей общение, показывает следующее:

1. Коммуникативно-установочная информация диктемы в форме ситуативного комментария позволяет слушающему интерпретировать ее как приглашение к общению, т.е. основной коммуникативной целью выступает социализация.
2. Фактуальная информация общего типа сообщает собеседнику очевидный факт: у женщины гораздо больше подарков, чем у мужчины;
3. Фактуальная информация специального типа отражает статус говорящего (в данном случае это коммуникант, принадлежащий английскому среднему классу), что предполагает знание им конвенций: в ситуации ожидания вполне уместно начать разговор с положительного комментария.

4. Интеллектуальная информация демонстрирует креативность говорящего: в узких рамках конвенций он оригинально интерпретирует ситуацию, прибегая к юмору.
5. Эмотивная информация, передает отношение говорящего к тому, что он говорит. Выражение положительных эмоций носит объединяющий характер, приглашая собеседника посмеяться над комичностью ситуации.
6. С точки зрения синтаксической конструкции начальная диктема представляет собой утвердительное предложение.
7. Регистровая информация позволяет отнести рассматриваемую диктему к нейтральному стилю.
8. Анализ социально-стилевой информации позволяет отнести ее к жанру фатического общения со всеми его жанровыделяющими признаками: отсутствие угрозы лицу (комментарий носит положительный характер), создание уз общности (смех, положительные эмоции обычно объединяют), взаимная признательность (в диктеме упоминается и адресант, и адресат).
9. Диалектно-признаковая информация свидетельствует о том, что коммуникант придерживаются общепринятого национального стандарта.
10. Реакция женщины (улыбка и быстрый ответ) свидетельствует о достаточной импрессивности начальной диктемы.
11. Что касается образности, то адресант в прагматических целях прибегает к гиперболе, т.е. говорит не о количестве подарков, а о масштабах празднования Рождества. Подобная образность демонстрирует способность мужчины к ассоциативному мышлению, позволяет ему подчеркнуть свою индивидуальность.

С помощью данного алгоритма можно проводить анализ корпусных диалогов с разной целью: классификацию типов идентичности личности, способы кодирования определенных сведений, выявление антропологической константы, повторяющегося и единичного, закономерного и случайного в вербальных действиях носителей определенной культуры и т.д. Нас же интересуют конкретные стратегии, которые обеспечивают адресанту успешное решение коммуникативных задач. Анализ в данном случае облегчается тем, что оба собеседника принадлежат английскому среднему классу, поэтому имеют приблизительно одинаковое представление о стандартных нормах, принятых в английском лингвокультурном обществе.

Прежде всего, ситуативный комментарий относится к специализированным вербальным средствам контактоустановления в английской лингвокультуре [4, с.39]. В отличие от вопроса или побуждения он представляет собой меньшую угрозу лицу, обеспечивая неимпозитивность общения.

Далее следует отметить многоцелевую природу начального высказывания. Рубрика фактуальной информации общего типа всего лишь дает сравнение количества подарков у коммуникантов. На имплицитном уровне – говорящий приглашает собеседника к вербальному сотрудничеству, сообщает о своем статусе, эмоциональном настрое, уровне коммуникативной компетенции, устанавливает психологическую дистанцию, демонстрирует определенные личностные качества, проявляет внимание к женщине и т.д. Очень важным фактором данного комментария является его позитивность, направленная на адресата. В отличие от нейтрального ситуативного комментария, который незначительно изменяет психологическую дистанцию между говорящим и слушающим, положительная оценка отражает вежливость сближения [3, с. 12-29] способствуя коммуникативной поддержке собеседника, демонстрируя заинтересованность и доброжелательность. Подобное сочетание личностных и межличностных целей позволяет обеспечить социально-ожидаемое поведение в соответствии с ситуацией и, следовательно, достижение коммуникативного компорта для обоих участников.

И, наконец, нужно отметить, что, с одной стороны, адресант не выходит за пределы общепринятых конвенций, а с другой - юмористическая интерпретация ситуации позволяет говорящему подчеркнуть свою индивидуальность. Подобная специфика речевого поведения «я – свой, но другой» является «визитной карточкой» высокообразованного английского среднего класса.

Предложенный алгоритм осмысления данного комплекса воспринимаемых сведений можно, безусловно, расширить (например, включить описание личностного статуса присутствующих при разговоре и, возможно, как-то влияющих на его содержание). Однако в нашем случае анализ вполне эффективно объясняет социальную приемлемость и закономерности, стоящие за прагматическим выбором начальной диктемы адресантом.

Располагая достаточным количеством аутентичных текстов, исследователь с помощью предложенной методики может изучить различные способы объективации сведений, образующих картину мира, установить, какие сведения и с какой регулярностью вербализуются в коммуникации конкретной лингвокультуры, способы кодирования соответствующих сведений и, в конечном счете, определить факторы, обеспечивающие социально приемлемое, ситуативно-детерминированное, эффективное контактоустановление.

The article offers a structure for pragmalinguistic interpretation when verbal communication between two English speakers is analysed. It establishes a number of contexts, necessary for understanding speaker's strategies when making a contact with a listener.

Key words: *pragmalinguistic analysis, contact making, communicative situation, dichteма, information layers.*

Список литературы

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. – Журн. «Вопросы языкознания», 2000, № 4. С.56-67
2. Почепцов Г.Ф. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001.
3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage.- Cambridge, CUP, 1987.

4. Fox, K. Watching the English. London, Hodder, 2005.

Об авторах

Икагова И.И. – старший преподаватель кафедры теории английского языка и переводоведения, БГУ,
ikatova_inna@mail.ru

Россихина Г.Н. – профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского,
gala.rossikhina@yandex.ru

УДК 811.133.1.42(043)

НАМЕКИ В РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ ДОМИНИРОВАНИЯ

М.М. Кадар

В статье рассматривается стратегия доминирования и ее реализация с помощью тактик намека. Стратегия Доминирование характеризуется повлиять на решение, воденение или мнение собеседника в процессе коммуникации. Целью настоящего исследования является показать, как намеки могут реализовывать стратегию доминирования для того, чтобы скрыть истинные намерения говорящего, задествуя для понимания ряд когнитивных операций слушателя. Намек помогает смягчить или усилить эффект воздействия, снять ответственность от отправителя намека, если цели не были достигнуты, и сценарий беседы вышел из-под контроля. Намеки маскируют цели говорящего, создавая неопределенность в разговоре. Для того чтобы понять намеки, мы должны рассмотреть цели собеседников, обстоятельства беседы и эмоциональную составляющую намека.

Ключевые слова: намеки, стратегия доминирования, тактики, теория эмотивности, анализ непрямой коммуникации

В данной статье мы определяем стратегию как «обусловленные коммуникативной целью общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [4: 14]. Стратегия общения реализуется в речевых тактиках, под которыми понимаются «речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [1: 200]. Стратегии и тактики являются независимыми компонентами коммуникации и традиционно рассматриваются в дискурс-анализе или не учитываются совсем, как, например, в теории фреймов.

Мы, вслед за В.И. Шляховым [7], выделяем три концептуальные стратегии речевого поведения: кооперации или сотрудничества, словесного доминирования и противостояния словесному воздействию. «Воздействие персуазивной стратегии направлено на изменение, деформацию информационной и эмоционально-волевой сфер личности» [8: 156]. К отличительным тактикам стратегии доминирования относятся критические замечания, демонстрация превосходства в знаниях или в социальной позиции, навязывание мнения собеседнику, несогласие с выводами и мнением партнера, демонстративная смена темы разговора, сюда же мы можем отнести умолчания и уклончивые ответы.

Стратегий немного, но они обслуживаются многочисленными тактиками, среди которых есть тактика намека. Намеки можно отнести к речевым средствам, реализующим стратегию доминирования, направленную на то, чтобы скрыть истинное намерение говорящего, зашифровать его, таким образом, чтобы оно было понято только после определенных когнитивных операций со стороны слушающего/наблюдателя. Намек связан с влиянием, стремлением вызвать ту или иную реакцию визави. Интенциональный спектр намека необычайно широк: мы намекаем, если нас не устраивают какие-то качества в поведении собеседника, если пытаемся обратить внимание на обстоятельства в социальном окружении, когда пытаемся воздействовать на эмоции адресата, вызвать соответствующие оценки тех или иных событий, знакомых или незнакомых людей. В этой связи можно выделить три основные цели доминирующего воздействия: изменение эмоций, целей и информативного поля собеседника.

Единого определения термина «намеки», удовлетворяющего всех лингвистов, на сегодняшний день нет. В толковых словарях доминантным значением является слово «догадка»: намек - это «слово или выражение, заставляющее догадываться о том, что имеет в виду говорящий, но не желает полностью высказать» (<http://poiskslov.com/word/намёк/>). Исходя из этого определения, мы относим намек к явлениям имплицитного речевого воздействия. Для понимания намека слушающий должен применять дополнительные когнитивные действия интерпретации, помогающие выявить скрытый смысл высказывания.

Эмоциональная составляющая намека недостаточно изучена в лингвистике. Мы отталкиваемся от теории эмотивности В. И. Шаховского. Под эмотивностью ученый понимал «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [6:24]. Таким образом, эмотивность является компонентом семантической структуры слова и, по мнению В.И.Шаховского, соотносится с коннотацией лексической единицы.

В своих исследованиях ученый разграничил термины «эмотив» и «эмотивность». Эмотив была классифицирована как структурная единица психологии, а на языковом уровне она трансформировалась в эмотивность. Это дает возможность трактовать намек двояко: намек – эмотив, и намек – речевой акт, провоцирующий изменение эмоционального фона адресата.

Для раскрытия смысла намека мы будем применять экспланаторные техники, принятые в лингвистике. За основу нами были взяты методы, предложенные А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, в книге «Аспекты теории фразеологии». Авторы говорят о четырех техниках раскрытия метасмысла высказывания: эксплицитной, имплицитной,

интегральной и когнитивного моделирования. В представленных примерах при анализе мы воспользовались эксплицитной, имплицитной и техникой когнитивного моделирования.

Цели намеков бывают самые разнообразные: указать на какие-то качества человека, повлиять на действия, изменить эмоциональное состояние, вызвать определенную реакцию и др. Ниже мы приведем ряд примеров, направленных на изменение представлений, чувств, поведения собеседника.

Покажем на отрывке из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», как реализуется персуазивность с помощью намека, направленного на изменение эмоционального фона адресата.

Обстоятельства общения. Разговор двух приятелей офицеров. Оба молоды. Один офицер - Гринев, только что приехал в новую часть, где влюбился в дочку капитана, начальника гарнизона, Марию Ивановну. Второй молодой человек, Швабрин, также влюблен в капитанскую дочку, но скрывает это от своего приятеля. Взаимная симпатия их обрывается, столкнувшись с ревностью обоих. Швабрин стремится унижить Гринева, надсмехаясь над ним и стараясь оклеветать доброе имя той, в которую Гринев влюблен.

«Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим, – сказал он, – сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

– Не твое дело, – отвечал я нахмуясь, – кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

– Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! – продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, – но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

– Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

– С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

Кровь моя закипела.

– А почему ты об ней такого мнения? – спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

– А потому, – отвечал он с адской усмешкою, – что знаю по опыту ее нрав и обычай.

– Ты лжешь, мерзавец! – вскричал я в бешенстве, – ты лжешь самым бесстыдным образом» [3:654].

Комментарий. С самого начала эпизода видно, как дружба рушится, лишь только между друзьями возникает соперничество. Внешне разыгрывается сценарий «Дружеской шутиливой беседы», но постепенно ситуация накаляется и один сценарий сменяется другим, на первый план выдвигается сценарий «Ссоры». Перед нами целая цепочка намеков.

Основная стратегия адресанта – персуазивная, цель которой вывести оппонента из себя, расстроить его, заставить ревновать и злиться. Мотив использования намека в этом случае связан с этикетом, прямое оскорбление в офицерской среде влекло за собой вызов на дуэль. Кроме того, в сценарии дружеской беседы невозможно отойти от роли «друга», пусть и мнимого. Поэтому Швабрин намекает на слабость характера Гринева, сравнивая стихотворчество с любовью начальника гарнизона пропустить стаканчик. Намек выражен вербально и достаточно прозрачен в прочтении.

Сложнее обстоит дело со вторым намеком. Это сложный намек, отягощенный, казалось бы, эксплицитным разъяснением. Все еще придерживаясь стратегии доминирования, Швабрин намекает на «легкомыслие» Марии Ивановны. Не давая Гриневу шанса возразить, он «советует» подарить девушке пару серег, подразумевая под этим, что покорить такую девушку не составляет труда. Это первая часть сложного намека.

Имея представление о доступности женщин легкого поведения, герою этого эпизода легко строить цепочку ассоциаций, вызывая из сознания адресата фрейм, отсылающий нас к представлению о проститутках, согласных за вознаграждение «ходить в сумерках» к мужчине. Мотив импликации связан с этикетом. Очевидно, что Швабрин не боится Гринева, скорее даже пытается спровоцировать его на скандал, ссору, дуэль, что и является главной целью стратегии доминирования.

Во второй части рассматриваемого фрагмента Швабрин намекает, что Мария Ивановна приходила к нему. Используя тактику дружеского совета, ссылаясь на личный опыт, он преследует цель вывести Гринева из себя. Учет эмоционального состояния собеседника, представление о психологии влюбленного человека приводят стратегию доминирования к успеху: адресант теряет самообладание и контроль над эмоциями.

Реализуясь в стратегии доминирования, намек часто является способом изменить цели собеседника, его стремления и намеченный сценарий беседы. Один из собеседников может, например, прервать коммуникацию, уйти от ответа или «оскорбить» собеседника. Проиллюстрировать это нам поможет эпизод из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Обстоятельства общения. Перед нами сцена приезда Остапа Бендера в Старгород. Мальчишка-беспризорник пытается выпросить у только что приехавшего пару монет. Добрый сердцем Бендер отдает бедняку яблоко, но, видя, что последний не перестает просить, резко осекает его.

«В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный.

– Дядя! – весело кричал он. – Дай десять копеек!

Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пе-

шеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и воскликнул:

– Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?

Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и немедленно отстал» [2:19].

Комментарий. Весь эпизод А пытается выпросить у Б деньги. Получив альтернативу деньгам – яблоко, А продолжает преследовать Б, уговаривая его дать денег. Устав от присутствия А, Б с помощью намека, выраженного косвенным вопросом, отвечает на просьбу о деньгах. Предложение ключа «от квартиры, где деньги лежат» равносильно отказу.

Во время этого речевого эпизода Остап меняет стратегию кооперации на стратегию доминирования. Если сначала он готов отдать попрошайке то небольшое, что у него есть, то после, устав от назойливого преследователя, он меняет сценарий и переходит в наступление. Стратегия доминирования в данном случае преследует цель остановить собеседника, изменить его планы, заставить отказаться от намеченных целей. Мальчик без труда понимает намек Бендера и оставляет последнего в покое.

В третьем примере мы бы хотели продемонстрировать, как с помощью стратегии речевого доминирования меняется информативное поле собеседника. Возьмем отрывок из «Заклинательницы змей» Ф. Сологуба.

Обстоятельства общения. Разговор матери с сыном. Сын – Николай Иванович Горелов, узнавший о любовных похождениях матери – Любви Николаевны – и шантажирующий ее. Любовь Николаевна понимает все ухищрения сына, но не хочет давать деньги за его молчание.

«<...> - Знаю, отец не расположен давать мне деньги. Даром, знаю, не даст. Но я ему продам кое-что. Дело, так сказать, коммерческое.

Он смеялся нагло и трусливо и смотрел на мать, стараясь придать лицу многозначительное выражение, но от этих стараний его лицо становилось напряженно-тупым и более обыкновенного глупым. <...> Он еще надеялся, что если намекнуть ей похитрее, в чем дело, и дать понять, что он не остановится перед разоблачением ее сердечной тайны, то она догадается, испугается, сделает вид, что уступила его просьбам, что вошла в его положение, и даст денег.

На лице Любви Николаевны была печаль и мука. Она давно уже поняла, к чему клонит Николай. Ей хотелось уйти, но уйти она почему-то не решалась» [5:309].

Комментарий. Николай всем своим видом, словами, интонацией и невербальным сопровождением (взглядом и смехом) старается подавить волю матери, испугать ее, заставить подчиниться его требованиям. Он надеется, что намек на ее связь и его сделку с отцом сделает мать стоворчливее. Он уверен в успехе своего замысла, своей победе.

Тактика намека позволяет адресанту усиливать стратегию доминирования: намек выражен неопределенно-личным местоимением кое-что, просодией и самодовольной улыбкой, как бы говорящей, что “я все знаю про твой секрет”, “у всякой вещи есть цена, и у тебя тоже”. Цели Николая ясно прочитываются через авторский комментарий. И желаемый эффект на время достигнут – мать подавлена, унижена и собирается дать ему денег.

В заключение заметим, что стратегия доминирования может реализовываться через тактики намека, которые имеют своей целью подействовать на эмоциональный настрой собеседника, его планы, цели и намерения. Намек позволяет, когда необходимо, смягчить или усилить эффект персуазивности, снять ответственность с отправителя намека, если поставленные цели не были достигнуты и сценарий беседы вышел из-под контроля; намеки маскируют цели говорящего, внося неопределенность в сценарий коммуникации, для их понимания требуются когнитивные действия перевода косвенного способа подачи информации в прямую трансляцию намерений собеседника.

The article deals with communicative strategies like cooperating, dominating and resistance to domination. Domination strategy is characterized by trying to maintain a credible image with the goal of winning in a conversation. Communicative strategies are implemented in speech tactics defined as speech techniques to achieve speakers goals in a particular situation. The purpose of the present study is to show that hints can implement strategy of domination in order to hide the true intention of the speaker, so it would be understood only after certain cognitive operations of the listener. Hint helps to mitigate or increase the effect of persuasiveness, remove responsibility from the sender of a hint if the goals were not achieved and the script conversations was out of control. Hints camouflage speaker's goal, introducing uncertainty into the communication. In order to understand them we need to consider the aims of the interlocutors, the conversation circumstances and the emotive component of the hint.

Key words: hints, strategy of domination, tactics, emotive theory, analysis of indirect speech act.

Список литературы

1. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М.: Высшая школа, 2007.
2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., АТС, 2007, С. 19.
3. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М., Изд. Олма-пресс, 2002, С. 654.
4. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж, 2001. С. 14-16.
5. Сологуб Ф. Заклинательница змей. М., Совет. Россия, 1991, С. 309
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико - семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
7. Шляхов В.И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам. Автореф. дисс. ... д-ра педагог. наук. М., 2009.
8. Шляхов В.И. «Речевая деятельность: феномен сценарности в общении». Изд. 3. М., 2013. С. 156.

Об авторе

Кадар М.М. – аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, kadarik@mail.ru

УДК 811.11

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ: ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А.А. Кожанов

Статья посвящена проблеме современного видения вопроса неоднозначности юридической терминологии. Автором рассмотрены точки зрения разных ученых, касающихся влияния полисемии и омонимии на юридическую терминологию. Анализ исследования показал, что необходимость установления различий специальной лексики от неспециальной и создание словарей для компетентного решения вопросов в юридической области актуальны.

Ключевые слова: полисемия, омонимия, специальная лексика, термин, юридическая терминология, право, политика.

На сегодняшний день современная международная ситуация характеризуется быстрым ростом и развитием политического, юридического и научного партнерства, что предполагает повсеместное и широкое изучение иностранных языков.

Политики и выдающиеся деятели права подчеркивают все большую необходимость овладения иностранными языками в связи с тесным сотрудничеством стран в поддержании международного мира и безопасности, социальной и экономической стабильности. В особенности стоит отметить широко распространенный во всем мире немецкий язык, являющийся языком мирового значения и используемый в Европейском Союзе, а также в различных международных и региональных организациях.

На современном этапе развития права мирового сообщества, политики, интеграции науки, экономики, производства, активного слияния капиталов и политических интересов, иностранный язык все чаще становится орудием обеспечения профессиональной коммуникативной компетенции специалиста. Закономерно, что при таком развитии событий терминология играет одну из важнейших ролей.

«Терминология – это совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению» [16, с. 122].

С развитием соответствующей специальной языковой коммуникативной сферы, составной частью которой является терминологическая система, участникам коммуникации приходится использовать не только специальную лексику отраслей (юридическую: die Garantie – гарантия, die Haftung – ответственность, die Schuld – вина, die Frist – срок; экономическую: das Darlehen – заем, der Kreditauftrag – поручение предоставить кредит третьему лицу, die Miete – аренда, das Wertpapier – ценная бумага; политическую: die Demokratie – демократия, das Quorum – кворум, die Gewalt – власть, der Kongress – конгресс, die Korruption – коррупция, die Deklaration – декларация), но и различные по происхождению лексические единицы.

Под специальной лексикой понимается вся совокупность лексических средств, кроме общенародных и общенаучных, употребляемых в специальных отраслях человеческой деятельности. Сам термин специальная лексика пришел из лексикологической практики по характеристике лексики ограниченного употребления. Специалисты в области терминологии эту же самую лексику именуют терминологической на том основании, что она обладает терминологическим значением. «Так произошло удвоение терминов из одного понятия. Исходя из этого, считаем термины специальная лексика и терминологическая лексика абсолютными синонимами» [10, с.6].

Следует отметить, что между терминами и нетерминами происходит постоянный обмен. В каждой терминологической системе, в том числе связанной с политической областью, есть определенная группа терминов, имеющих несколько значений. Например: die Argumentation (Synonymgruppen: Beweis, Beweisführung, Begründung), – аргументация, приведение доказательств (доводов), обоснование; der Prozess (Synonymgruppen: Rechtsstreit, Gerichtsverfahren, Vorgang, Verlauf) – процесс, ход развития, судебное дело, судебное разбирательство, тяжба. Данные термины могут быть результатом семантического развития общеупотребительных слов, либо межтерминотерминного заимствования. Попадая в сферу политики, они могут сохранять специализированное значение или по иному сочетаться с окружающими словами и реализовывать иные синтагматические и парадигматические связи, вступать в иные лексико-семантические отношения.

«Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и названия вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии» [16, с. 122]. Например: «die Propaganda, der Protest, das Protokoll, die Publikation» [4]. Термин – единица не только номинативная, но и коммуникативная, следовательно, должна рассматриваться и в функциональном аспекте как часть специального подъязыка, обслуживающего определенные типы коммуникации. Один и тот же термин может функционировать в профессиональной коммуникации в разных значениях, что может быть связано с необходимостью обслуживать коммуникацию лиц, имеющих неодинаково глубокое представление об объекте терминологической номинации: die Intervention – интервенция, вмешательство, вступление в гражданский процесс в качестве третьей стороны (wechselrechtliche Intervention – посредничество в вексельном праве, prozessuale Intervention – вступление третьего лица в гражданский процесс, bewaffnete Intervention – вооруженная интервенция); die Haftung – ответственность (zivilrechtliche Haftung – гражданско-правовая ответственность, Haftung des Beamten – ответственность служащего за нарушение служебных обязанностей, sachliche Haftung – имущественная ответственность, gesamtschuldnerische Haftung – солидарная ответственность, verwaltungsrechtliche Haftung – административно-

правовая ответственность).

Пулодова Н.Ю. отмечает характерные для терминов признаки: «1) смысловая точность, отсутствие омонимии, полисемии; 2) термин – объект определения; 3) термин лежит вне экспрессии; 4) обладание ограниченной сочетаемостью с другими словами» [15, с.139]. Но на практике не всегда носителю языка удается в процессе коммуникации сохранить своеобразие и четкое значение термина, что приводит во вхождение его в разные терминологии данного языка, представляя собой межнаучную терминологическую омонимию. Так, например, термин «Partei» трактуется по-разному: «1. politische Organisation, deren Mitglieder gemeinsame politische Interessen vertreten und ihre gemeinsamen politischen Ziele durchzusetzen suchen; 2. Gruppe Gleichgesinnter; 3. Gegner in einem Rechtsstreit; 4. Mieter einer Wohnung, Mietspartei» [21]. Видно, что кроме значения «сторона» в процессе, договоре, политической партии, также подразумевается «съемщик, жилец, квартирант».

«При современном понимании термина как явления динамического под терминологизацией понимается не только процесс перехода слова из общеязыковой лексики в специальную, но и последующее его развитие как термина. А это развитие, т.е. появление у термина новых значений приводит к возникновению полисемии» [19, с. 186]. Пример: 1. die Verfassung (конституция, устав, устройство; 16. Jahrhundert, mittelhochdeutsch «vervazunge» □ Vertrag, Abmachung) □ grundlegendes Gesetz eines Staates, das die gesellschaftliche und staatliche Ordnung, die Rechte und Pflichten der Bürger, das System und die Funktionen der Staatsorgane festlegt und juristisch sichert. 2. Die Verfassung (состояние, настроение, расположение духа) □ Zustand, in dem sich jemand. etwas befindet.[21]

Терминология – система достаточно самостоятельная в функциональном и структурном плане, теснейшим образом связана с национальным литературным языком во многих аспектах, и в первую очередь семантическом. Возникая на базе естественных средств коммуникации, язык науки, права, политики не может полностью освободиться от прошлого и сохраняет в своих слоях следы первоначального опыта. Полуфункциональность лексических единиц, возможность одним и тем же словом выразить сразу несколько значений служит определяющим фактором, лежащим в основе терминологической номинации. Одним из активных путей появления терминов является семантическое развитие общеупотребительного слова, или терминологизация. «Проблема формирования терминологического значения на основе общеупотребительного в последнее время все более привлекает внимание лингвистов» [11, с.42].

Исследование процесса терминологизации общеупотребительной лексики и ее употребления, семантический анализ терминов различных подязыков наук (употребляемые в современной лингвистике термины: «язык специальной области» или «специальный язык», «подязык», «субязык» «Fachsprache», «Sondersprachen», «Subsprache» и т.п. служат словесным выражением одного понятия «язык для специальных целей») являются актуальными, так как дают возможность установить содержательные различия между термином и общеупотребительным словом, провести параллель между термином и соотносимым с ним понятием, разграничить полисемию и омонимию в терминологии, рассмотреть степени развития значения.

В соответствии с определением специального языка Л. Хоффманом, специальный язык права можно рассматривать как «совокупность всех языковых средств, используемых в правовой области с целью успешной коммуникации среди работающих в данной области специалистов» [7, с. 21]. Однако язык права в значительно большей степени использует общий язык, чем все другие специальные языки. В этом кроется одна из основных причин характерных проблем языка права, поскольку «происходящие из общего языка правовые лексические единицы часто имеют другое значение в отличие от одинаково звучащих общеупотребительных слов: Vorgang = Akte, Erkenntnis = Urteil, beschweren = in seinen Rechten verletzt, ausheben = aussondern (ausgehobene Aktenstücke), erheben = einziehen (Steuer, Beiträge)» [7, с. 22]. Терминологическое значение, содержащееся в данных лексических единицах, различается с общепринятым и определяется в большинстве случаев через законодательные дефиниции. В связи с этим изучение терминологической лексики юриспруденции и ее функционирования в области политики особенно важны для дальнейшего продуктивного сотрудничества специалистов национального и международного права.

Проблемы терминологии и термина отражаются в трудах зарубежных и отечественных исследователей: Д.С. Лотте, К.А. Левковской, П.А. Флоренского, А.В. Суперанской, Т.М. Дементьевой, Е. Лампе, Г. Пауля, Г. Мюллер-Тохтермана, Т.Сайберта, Л. Хоффмана, Г. Штикеля и др. Проблематику взаимодействия права и языка затрагивают немецкие лингвисты: Е. Оксаар, Е. Гейл, К.Хайнц, К.Кеблер, Г.Гарстка, В.Райбле, О. Нюсслер.

Целью данной статьи является обобщение современного видения вопроса неоднозначности терминологии и подготовка к анализу лексико-семантического процесса полисемии, омонимии в немецкой юридической терминологии на примере политических текстов. Материалом исследования послужили немецкие юридические словари, немецкие терминологические словари правовой лексики, периодические издания (Die Frankfurter Allgemeine Zeitung, Die Welt, Die Zeit, Der Spiegel), немецкие толковые словари (Deutsches Universalwörterbuch, Das Herkunftswörterbuch), а также лексический материал политических текстов.

Исследование процесса употребления юридической терминологии в политическом тексте позволит выявить общие закономерности употребления терминов, открыть перспективы дальнейшего изучения терминологии в лингвистике.

Полисемия и омонимия в терминологии особо выделяются на фоне определения и закрепления огромного количества научных и общекультурных понятий в единицах языка, ярко изобличая отрицательное влияние семантической многозначности слов на развитие и укрепление сотрудничества в мировом сообществе в различных аспектах и уровнях жизнедеятельности. Сегодня существование омонимии и полисемии в терминологии свидетельствует об

отсутствии четкой унификации и стандартизации в терминологической системе выбранной отрасли науки.

В поисках «места» языка в мире, кажется убедительным мнение, что он «находится на языках, в умах и на кончике пера у его многочисленных индивидуальных носителей» [2, с. 23]. Это является подтверждением того, что слова с их значениями не «возникают и изменяются», а все это делают языковые личности, носители конкретных языков, выступающие в процессе коммуникации с индивидуальным мировоззрением.

Подобные явления способствуют созданию многозначности, например в немецкой юридической лексике, а также создают благоприятные условия для использования ее с различными стилистическими целями в художественной литературе. Авторское употребление тех или иных терминов в переносном значении позволяет сопоставить разнообразные правовые ситуации с внеправовыми, дать им личную, в частности, нравственную оценку, или, напротив, выразить авторскую иронию. Примером может послужить политический текст, например отрывок выступления в бундестаге Гернота Эрлера – координатора Федерального Правительства Германии по России и Центральной Азии, по вопросу неизбежности присоединения Крыма к России: «In Russland wird übrigens eher das Wort "Wiedervereinigung" verwendet. Dahinter steckt die Überzeugung, dass die sogenannte Schenkung der Krim an die Ukraine durch den damaligen Chef der KPdSU Chruschtschow 1954 eine widersinnige Entscheidung gewesen ist» [23]. Из контекста не понятно, о договоре дарения или передаче согласно иному нормативному акту идет речь или же данное действие совершено в нарушение прав.

Многозначность – явление типичное для языка, но традиционно отрицаемое для такого раздела лексики, как терминология. В литературе представлены различные точки зрения на данную проблему, в значительной степени исходя из точек зрения, как авторы трактуют понятия однозначности и многозначности.

«Unter Mehrdeutigkeit (Polysemie) versteht man die Fähigkeit eines Wortes (einer Wortform), mehrere miteinander zusammenhängende Bedeutungen zu haben» («Под многозначностью (полисемией) понимают способность слова (формы слова) иметь несколько связанных друг с другом значений») [14, с. 32].

Формирование терминологического значения представляет собой сложный процесс, затрагивающий не только семантику, но и системные связи лексической единицы, ее парадигматические и синтагматические свойства, словообразовательные отношения. Многообразие подходов и в некоторых случаях противоположных точек зрения на проблему полисемии термина обуславливает актуальность исследования вопросов, связанных с данной проблемой, особенно в новых, динамично развивающихся областях, к которым относится область права. Причины терминологической многозначности требуют тщательного изучения.

Ходакова А.Г. в статье: «Полисемия термина как следствие полисемии его общеупотребительного источника» определяет терминологическую многозначность как «обозначение термином разных денотатов, относящихся к одной или нескольким близким областям знания, отражающее логико-содержательные связи общих когнитивных признаков понятий данной области (областей) знания» [20, с. 121].

Число значений терминологической единицы определяется как экстралингвистическими факторами, такими как частотность употребления, важность термина для данной терминологии, так и внутрилингвистическими факторами.

На наш взгляд, возникновение полисемии как языкового явления во многом обуславливается экстралингвистическими факторами, а именно, особенностями человеческого сознания, свойством которого является стремление к познанию окружающей действительности путем установления ассоциативных отношений между предметами и явлениями. Но нельзя также исключать другие «нефундаментальные» причины, такие как историю, национально-культурную специфику менталитета в рамках определенного языкового общества.

Одним из основных факторов, определяющих своеобразие и особенность полисемии, является наличие семантической связи. При полисемии разные значения одного слова всегда связаны между собой по смыслу. Эта связь может быть различной: основанной либо на сходстве предметов, называемых одним словом, либо на смежности, либо на отношении «часть – целое». Например: die Einräumung» в значении «1) предоставления права, например, кредита, 2) уступки, допущения, не связанной с правовыми действиями; der Tenor □ 1) содержание (текста) документа, 2) резолютивная часть приговора; «das Sondergericht □ 1) специальный суд (по делам о судоходстве) 2) чрезвычайный суд» [13].

В научной литературе, наоборот, неоднократно подчеркивалось, что «терминологические системы отличаются от лексической системы общелитературного языка по характеру и специфике реализации семантических процессов» [12, с. 122]. Причиной отличия общезыковой лексики от специальной многими исследователями считается различная системная организация этих двух систем. Если для общезыковой системы характерны однозначные или многозначные отношения между знаком и содержанием, то для терминологической лексики характерны однозначные отношения: один знак – одно содержание (симметрия обозначающего и обозначаемого), однако не исключается общезыковая сущность термина (термин – это слово в особой функции выражения специального понятия), вследствие чего правомерным оказывается утверждение, что в терминологии происходят те же семантические процессы, что и в лексике общеупотребительного языка. Так, в своей статье «К вопросу о специфике термина» Котелова Н.З. утверждает, что «для полисемии терминов характерно расслоение значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знаний» [12, с. 122].

«Многозначность – свойство практически каждой единицы. Это делает данный лингвистический феномен не только объектом многих лингвистических исследований, но и эффективным приемом, применяемым политиками с целью манипулятивного воздействия» [17, с. 93]. Следовательно, полагаем, что специфика терминологии в том, что в

рамках обусловленного пласта лексики могут выделяться абсолютно особые разновидности многозначности. Под этим понимается явление так называемой межотраслевой многозначности: подразумевается тот факт, что, будучи определенными теми понятийными системами, в состав которых они входят, термины развивают узкоспециальные значения. Данное явление может описываться как омонимия, естественно, в тех случаях, в которых семантические связи ослабевают настолько, что применение понятия омонимии становится предпочтительней полисемии: die Verfassung □ 1. Eine republikanische, demokratische Verfassung. 2. Die körperliche, geistige Verfassung eines Menschen. [21]

Полагается, что важным аспектом трактовки таких явлений как полисемия, омонимия, является употребление их в текстах с различной информационной «насыщенностью» и характеризующимися соответствующими композиционно – стилистическими особенностями, целевой аудиторией (т.е. типом коммуниканта). Попадая в окружение общеупотребительных слов, семантика термина испытывает естественную для любого языкового знака тенденцию к изменению под влиянием контекстуальных условий. Возможно проявление определенных расширений, сужений, а иногда и более серьезные изменения терминологического значения.

И хотя отмечается, что многозначность для говорящих не представляет затруднений в связи с тем, что среди различных значений одной единицы легко опознаются необходимые с целью употребления в контексте, не всегда явление многозначности представляет собой рациональный способ фиксации человеческого опыта. Язык фиксирует и сохраняет такие культурно-правовые представления и знания об обществе, существовавшие в Германии, которые проявляются в семантической вариативности (полисемии) современных немецких юридических терминов. Например, die Schuld – zivilrechtliche Schuld – strafrechtliche Schuld (вина – вина в гражданском правонарушении – уголовно-правовая вина; также имеет значение обязательства, денежного долга).

Некоторые древнегерманские лексические единицы языка права были переосмыслены в другие исторические эпохи на разных территориях, сохранив при этом историческое значение, что и привело их к семантической вариантности в современных немецкоязычных правовых терминосистемах. Например: die Berufung – Berufung in einer Strafsache – Berufung zur Erbfolge (призвание – обжалование по уголовному делу – призывание к наследованию), «die Lizenz (Synonymgruppen: Autorisation, Autorisierung, Befugnis, Erlaubnis, Erlaubnisschein, rechtskräftige Genehmigung. Im 15. Jahrhundert als Wort der Behörden - und Kaufmannssprache entlehnt aus lateinischem Wort «licentia» □ Freiheit, Ungebundenheit, Erlaubnis, nach Belieben zu handeln)» [21]. Der Mord (vorsätzliche (heimliche) Tötung. 9. Jahrhundert, althochdeutsch «mord») □ умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Лексические единицы, принадлежавшие древнегерманской юридической лексике и в дальнейшем вошедшие в немецкоязычные юридические терминологии, аккумулировали информацию о судостроительстве, лицах юридической профессии и праве соответствующего периода, что сохранено в значениях историзмов современных юридических терминов. Например, das Gericht (veraltet Strafe) – kirchliches Gericht – Gericht für Handelssachen (наказание, суд, судебное разбирательство – церковный суд – суд по коммерческим делам).

«Язык способен выразить одно понятие разными лексическими единицами, начиная от простых слов и кончая целыми сложными оборотами и фразеологическими единицами» [15, с. 142]. «Термин – англ. term, terme, нем. Fachwort, исп. termino, tecnicismo. Слово или словосочетание специального языка (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначений специальных предметов» [3, с. 474]. На практике любое специальное понятие может быть выражено различными частями речи. Из общей теории номинации известно, что к номинативно значимым частям речи, т.е. таким, в рамках которых оформляются «новые содержания», создаются «новые наименования», относятся четыре части речи: существительное, прилагательное, наречие, глагол. Абсолютной номинативной значимостью обладают имена существительные, что, естественно, дает им право на преобладание, но не на исключительность.

Нельзя не учитывать и разницу синтаксических функций разных частей речи. У существительных с их синтаксической независимостью, естественно, больше возможностей для выражения самых разных смыслов, чем, например, у прилагательных, которые в отличие от первых выполняют всегда зависимую синтаксическую роль. Однако, синтаксическая зависимость прилагательных не опустошает их семантически. «На понятийно-содержательном уровне прилагательные (в составе терминологического словосочетания) выражают достаточный и необходимый признак видового отличия, который фактически оформляет новую номинативную единицу, конкретизируя и сужая содержание понятия, выраженного именем существительным» [5, с. 39]. Следовательно, элемент номинации (прилагательное) может быть признан носителем самостоятельного специального значения и содержательно независимым: «politisch – a) ein politisches Regime (политический режим); b) so verwerflich, dass es fast schon ein Verbrechen ist (так предосудительно, что это почти уже преступление)» [22].

Выделяя семантическую универсальность имени существительного, которая дополняется еще большими возможностями этой части речи в разных способах номинации, стоит отметить способность существительных к полисемии, омонимии, представляющую возможность использования формально одной и той же единицы номинации для выражения разных содержаний. Глаголы, в свою очередь, часто используются как производящие основы для соответствующих терминов-существительных с тем же значением. Роль наречных терминов обычно выражается в значении «признак признака», либо как образ действия. Пример: гл. klagen – die Klage – auf eine klagbare Klage erwidern – eine Klage anhängig machen (прошение; иск; жалоба – жаловаться; предъявлять иск, подавать в суд – отвечать по иску, подлежащему рассмотрению в суде – передавать иск в суд).

В настоящее время существует множество работ, посвященных исследованиям в сфере терминологической

семантики. Так, В.П. Даниленко в статье «Лексико-семантические и грамматические особенности слов – терминов» проанализировал лексико-семантические особенности терминов. В статье представлены взгляды терминоведа на полисемию, омонимию, синонимию, антонимию терминов. Автор показывает, что функционирование терминов, являющихся элементами общелитературного языка, порождает полисемию, синонимию, и другие семантические процессы, свойственные языку. Проблеме мотивированности термина посвящены статьи Т.Л. Канделаки «Семантика и мотивированность терминов», О.И. Блиновой «Термин и его мотивированность», а также работы В.М. Лейчика, А.В. Иванова, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской Н.В. Васильевой и др.» [8, с. 105].

Значимыми направлениями в исследованиях семантики термина является освоение таких семантических процессов, как полисемия, синонимия, антонимия и омонимия. Данному вопросу особый интерес уделен в работах Н.З. Котеловой, Л.Л. Кутиной, С.И. Щербиной, Л.А. Аваковой, М.С. Шумайловой, Ю.А. Чунтомовой, И.М. Чипан. Актуальным также является «одно из направлений в изучении семантики термина – это исследование таких процессов в области терминологии, как метафоризация и метонимизация» [8, с. 105].

Отмечается, что активность метафоры (в широком смысле) обуславливает активность полисемии: один и тот же образ способен порождать множественные и различные ассоциации и, следовательно, способен выражать множество значений. «Сигнификаты, построенные на основе метафорических ассоциаций, заключают в себе потенцию к расширению семантической структуры, поскольку количество значений в ней постоянно умножается» [18, с. 58].

Иллюстрацией данного явления могут служить примеры, произвольно выбранные нами из словаря немецкого языка. Так, например, существительное «Abschluss» имеет несколько значений: в разговорной (Abschluss machen – сдавать выпускные экзамены), коммерческой (gute Abschlüsse erzielen – заключить выгодные сделки), юридической (Abschluss eines Arbeitsvertrages – заключение трудового договора), бухгалтерской (zum Abschluss kommen – закончиться, завершиться), технической (unter luftdichtem Abschluss – герметически закрытый, der Abschluss der Tapete – бордюр обоев), сферах. В словаре немецкой юридической терминологии присутствуют следующие значения: окончание, завершение; заключение (договора); закрытие счета. Данный пример, на наш взгляд, демонстрирует продвижения новых значений или лексико-семантических вариантов слов в языке.

Явления полисемии и омонимии относятся к числу важнейших проблем лексикологии и постоянно находятся в центре внимания лингвистов, представляя собой важные объекты исследований частей лексики немецкого языка.

Рассмотрев ряд определений концептов «полисемия» и «омонимия», легко обнаружить, что соотношение между полисемией и омонимией представляются тесно связанными и сложными. Одним из главных факторов, определяющим пределы между полисемией и омонимией является наличие семантической связи. Нельзя не согласиться с тем, что омонимия и полисемия – понятия разные, также нельзя не признать и того, что понятия эти имеют общий признак – различие значений при тождестве формы. Даже в определенной степени можно считать, что это позволяет объединить их в более широкое понятие неоднозначности.

Современной лингвистикой выработаны различные способы разграничения омонимии и многозначности, такие как семантический, лексический, морфологический, синтагматический, этимологический, помогающие развести значения одного и того же слова и омонимов.

Как мы выяснили, явление полисемии и омонимии нежелательны в терминологии, поскольку одно из основных требований, которые предъявляются к научному термину – это однозначность (моносемия). Об этом писали Л.А. Булоховский, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Н.К. Сухов и многие другие. Д.С. Лотте предъявляет термину требование однозначности в рамках определенной терминосистемы, а также «подчеркивает необходимость соблюдения значений общетехнических и межотраслевых терминов при их использовании в узко специальных терминосистемах, что выливается в требование адекватного употребления термина в тексте» [9, с. 116]. Похожей точки зрения придерживается К.Я. Авербух, считающий, что полисемии в сфере терминов в собственном смысле нет, ибо термин как единица функциональная и имеющая тенденцию к однозначности в рамках данной терминосистемы не может иметь более одного значения в конкретном употреблении и в определенном контексте без ущерба для выполнения своей коммуникативной задачи: «все случаи отклонения от моносемичности термина описываются как явление его неверного употребления, а отнюдь не как возможное его свойство (полисемантность)» [1, с. 39]. Однако мнения специалистов, исследующих данный вопрос расходятся. С.П. Афанасьева ставит под сомнение положение о вредности многозначности в терминологии. Усатый Е.Б. в своей статье «полисемия терминов-названий частей речи» подтверждает существование терминологической полисемии. Даниленко В.П. утверждает, что «полисемия терминов – это естественное проявление естественных законов развития лексики» [6, с. 61]. Филиппова А.А. в статье «особенности полисемии в процессе терминологизации» делает вывод, что «в немецком методическом дискурсе наблюдается внутритраслевая полисемия термина» [19, с. 186]. Котелова Н.З. в статье «К вопросу о специфике термина» утверждает, что «для полисемии терминов характерно расслоение значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знаний» [12, с. 124].

В любом случае, активная дискуссия, касающаяся неоднозначности терминологии, свидетельствует об остром интересе как к явлению лингвистическому, прошедшему путь исторического развития и занявшему фиксированное место в словарях в рамках действующего языка.

Представляется справедливым, что в процессе исторического развития общепотребительные слова и юридические термины проникали в юридический и обиходный язык, соответственно, изменяя свое значение и обогащая немецкий язык в целом. Как пример можно привести слово «familie», обозначающее всех домочадцев и появившееся в XVIII веке под влиянием французского языка с широким толкованием латинского слова «familia», встречающегося

в лагунских текстах с обозначением челяди. В настоящее время слово «Familie» представлено в юридических словарях со значением «семья», а также закреплено в современном законодательстве Германии.

Подводя итог, можно сделать вывод, что попадая в окружение общеупотребительных слов, семантика термина испытывала естественную для любого языкового знака тенденцию к изменению под влиянием контекстуальных условий, согласно которым представляется возможным наблюдение определенных расширений, сужений, а иногда и более серьезных изменений «эталонного» терминологического значения. Многие семантические процессы и переходы (метафорический перенос, расширение или сужение значения, в синхронии и диахронии и т.д.) свойственные многозначным словам обиходного языка, четко прослеживаются в языке права, что требует анализа связи слов и их семантической организации. Право же, как особая сфера человеческой деятельности нуждается в особом способе выражения. Юридический язык подвержен влиянию прежде всего тех, кто говорит о праве (законодатель, политик, судья, прокурор, адвокат, федеральный канцлер и т.д.). Анализируя соотношение терминологического и обиходного значения слов в немецком и русском языках, можно отметить, что в русском языке границы между специальными юридическими словами более заметны, чем в немецком. Часто одному и тому же термину, употребляющемуся в обиходной речи и вместе с тем являющемуся юридическим термином, в русском языке соответствует два слова: der Schatzfund – обнаружение клада, der Klarierer – таможенный маклер, der Straforgan – карательный орган, die Verfassungskraft – конституционная сила, der Schädiger – лицо причинившее вред или ущерб.

За последние годы в политической и правовой областях произошли глубокие изменения, которые привели к новой и переосмыслению старой терминологии. Необходимость исследования юридической терминологии, ее толкования и употребления в современных политических и правовых реалиях, в политических текстах, очевидна. В связи со склонностью приписывать юридическим терминам коннотацию, присущую их нетерминологическим прототипам, все сильнее и актуальнее становится потребность в специальных словарях, способствующих помочь неспециалистам в области права принять правильное решение или выразить свое мнение в компетенции с решаемым вопросом.

The article is devoted to the problem of modern vision of question of polysemanticism of juristic terminology. The author has considered the points of view of scientists relating to the influence of polysemanticism and homonymy on juristic terminology. Analysis of research provides evidence that necessity of differentiation of special lexicon of nonspecial and creation dictionaries for competent decision of questions in juristic sector are urgent.

Key words: polysemanticism, homonymy, special lexicon, term, juristic terminology, right, policy.

Список литературы

1. Авербух, К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты / К.Я. Авербух // Вопросы языкознания. – 1986. – №6. – С.38-49.
2. Архипов, И.К. Новые тенденции анализа лексической полисемии / И.К. Архипов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – №544.– С.23-32.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Большой немецко-русский словарь. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – 1040 с.
5. Даниленко, В.П. Лингвистический аспект стандартизации терминологии/ В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1993. – 127с.
6. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. - М., 1977. – 246 с.
7. Дементьева, Т.М. Особенности образования терминологической лексики права Европейского Союза (на материале немецкого языка): дис. на соиск. учен.степ. канд. филол. наук / Дементьева Тамара Михайловна. – М., 1999. - 271 с.: ил.
8. Клепиковская, Н.В. Семантические исследования в терминологии / Н.В. Клепиковская // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-1. – С.105 -111.
9. Клестер, А.М. Специфика семантических связей немецких терминов инженерной психологии / А.М. Клестер // Омский научный вестник. – 2011. – № 4-99. – С. 114-117.
10. Комарова, З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И. Комарова. – Свердловск: Урал, 1991. – 156 с.
11. Косова, М.В. Терминологизация как лексико-семантический процесс / М.В. Косова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 2. – С.42-48.
12. Котелова, Н.З. К вопросу о специфике термина / Н.З. Котелова// Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 122-126.
13. Немецко-русский юридический словарь / под ред. П.И. Гришаева, М. Бенямина. – 6-е изд., стереотип. – М.: РУССО, 2000.– 624 с.
14. Ольшанский, И.Г. Lexikologie. Die deutsche Gegenwartssprache: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб.заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. □ М.: Издательский центр «Академия», 2005. □ 416с.
15. Пулодова, Н.Ю. Семантико-семиологический процесс в юридической терминологии / Н.Ю. Пулодова, Ш.М. Раупова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2010. – № 4. – С. 139-144.
16. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспент пресс, 1996. –536 с.

17. Середа, П.В. Многозначность как средство манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / П.В. Середа // Грани познания. – 2011. – №1. – С. 93-97.
18. Федосова, О.В. Синонимия и полисемия в разговорном стиле испанского языка / О.В. Федосова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С.53-60.
19. Филиппова, А.А. Особенности полисемии в процессе терминологизации / А.А. Филиппова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – №24(239). – Вып. 57. – С.184-186.
20. Ходакова, А.Г. Полисемия термина как следствие полисемии его общеупотребительного источника / А.Г. Ходакова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2009. – № 12. – С. 120-129.
21. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.dwds.de.
22. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. - 5, überarbeitete Auflage. - Mannheim, 2003. – Band 5. □ 832 S.
23. Gernot Erler befürchtet Teilung der Ukraine [Электронный ресурс] / Deutscher Bundestag. – Режим доступа : http://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2014/49963594_kw12_interview_erler/index.html.

Об авторе

Кожанов А.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Kozhanov32@yandex.ru

УДК 81'42

ТЮТЧЕВСКАЯ МЕТАФОРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ В. Я. БРЮСОВА

Ю.А. Лавошникова

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ
молодым ученым (МК-4247.2014.6)*

В статье рассматриваются вопросы литературной преемственности через имя, где оным оказывается значащим культурным и лингвистическим элементом, указывающим на восприятие или отторжение традиции, заданной носителем исходного именованного. Также автор обращает внимание на метафорическое переосмысление действительности, связанное с преломлением значений лингвистических единиц через призму имени.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, модернизм, символизм, В. Я. Брюсов, антропоморфная метафора

Имя Фёдора Ивановича Тютчева стало связующим звеном для века классической поэзии и эпохи литературно-модернизма. Именно он предстал непререкаемым авторитетом как для символистов, искавших истину в «умствовании» и обращении к скрытым смысловым возможностям слова, так и для акмеистов, стремившихся освободить поэзию от перенасыщения эффектными потаёнными смыслами. Даже футуристы, напрочь отвергавшие всякую возможность и необходимость проследить связь своих стихов с поэзией прошлого, трепетно относились именно к творческому наследию Тютчева. Поэтому рассуждения о важности Ф. И. Тютчева для русской поэзии мы можем найти практически у любого крупного поэта Серебряного века.

Принимая слово как «строительный материал», рассуждает о литературной преемственности Н. С. Гумилёв в статье «Наследие символизма и акмеизма». О. Э. Мандельштам в своём манифесте «Утро акмеизма» утверждает, что «акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания» [Мандельштам 1990: 178]. Таким образом, за Тютчевым закреплено особое место в акмеистическом понимании литературы: именно его поэзия есть то чистое слово, где тайна и сила рождается от многогранности понимания, а не от затемнения читательских мыслей туманными формулировками. О популярности Ф. И. Тютчева в рядах акмеистов говорит уже то, что до их прихода в поэтические круги, на него ссылаются и цитируют крайне редко. «Национальный корпус русского языка» указывает на 113 упоминаний имени Тютчева (из них 78 в именительном падеже), в это число включаются в основном обозначение автора эпиграфов стихотворений, а также появление фамилии в тексте произведения, где она чаще всего вписывается в ряд гениев, взвешивающих на пишущего со стороны или же вдохновляющих его. Характерно, что в основном упоминания (их более 100) датируются годами, начиная с 1895, то есть, временем начала развития модернистических течений, исключение составляют лишь единичные отсылки к Тютчеву его современника (А. А. Фет, 1888 год), земляка (А. К. Толстой, 1869 год) и злопыхателя (М. А. Дмитриев в эпиграмме на И. С. Аксакова, зятя поэта, 1866 год) [7]. Упоминание людьми, состоявшими в одном кругу с Тютчевым, постепенно и довольно быстро сходит на нет, и следующим этапом становится обращение к нему лишь как к направляющему творчество гению. При этом Л. Л. Шестакова справедливо отмечает, что «упоминание каким-либо поэтом имени другого поэта – это своего рода диалог, в котором просматриваются черты упоминаемого «культурного героя», особенности его личности и творчества. В то же время имя поэта – это конкретное слово, отдельная языковая единица, предполагающая разные формы использования» [Шестакова 2013: 359].

Маститый символист Валерий Яковлевич Брюсов занимался изучением тютчевской поэтики и утверждал, что «поэзия Тютчева принадлежит к самым значительным, самым замечательным созданиям русского духа» [Брюсов

1975: 193]. Такая восторженная оценка объясняет насыщенность поэзии самого Брюсова отсылками к Тютчеву, у которого заимствуются как отдельные метафоры, так и целые творческие мотивы. Особенно привлекала Брюсова умозрительность тютчевской поэтики: «...Его стихи всегда полны мысли. В каждом его стихотворении чувствуется не только острый глаз и чуткий слух художника, но и ум мыслителя» [Брюсов 1975: 193]. Брюсов из всех возможных схем взаимодействия с предшествующей традицией выбирает не противоборство и противоречие, а подтверждение своих мыслей авторитетным поэтическим опытом.

«В магическом саду» Валерия Брюсова открывается обширным эпиграфом из стихотворения Ф. И. Тютчева «Пошли, господь, свою отраду...». Мотив страдающего и одинокого нищего, в чертах которого можно угадать непонятого поэта, появляется ещё у М. Ю. Лермонтова (в одноимённом стихотворении «Нищий»), но лермонтовская трактовка связана с темой безответной и униженной любви. Брюсов посредством реминисценции из Тютчева уходит от ощущения одиозной трагической автобиографии поэта при сохранении действующего лирического героя, имеющего собственное «я» в стихотворении. Таким образом, абстрагирование и намеренное стирание личного начала средствами языка (абстрактная лексика (*отрада*), употребление библейских формул, требуемых при массовых богослужениях, типа «пошли, господь...») в тютчевском стихотворении помогает и произведение Брюсова рассмотреть шире.

Мотив отсутствия воды вполне перекликается с зароненной Тютчевым в «Безумии» мистической темой водоискательства, где в качестве обладателя дара выступает поэт, способный если не обуздать силы природы, то сравниться с ними своим разумом и духом. Антропоцентрическая парадигма тютчевского творчества здесь видна как нигде хорошо. Образ поэта, преодолевающего неподвластные простому человеку стихийные силы природы, становится не явно выраженным тютчевским идеалом. Н. Я. Берковский указывает на истоки появления образа водоискателя в творчестве Тютчева, связывая их с увлечением поэта философией Шеллинга: «Водоискатели и рудознатцы – люди особого значения в глазах Шеллинга и его приверженцев. Водоискатели – посвященные, доверенные лица самой природы. Тютчев мог слышать в Мюнхене о прославленном водоискателе Кампетти, в 1807 году призванном в этот город... О водоискателях Шеллинг писал в своих «Разысканиях о человеческой свободе» (1809), хорошо известных Тютчеву. Таким образом, последняя строфа «Безумия» – по сюжету своему «строфа Кампетти» – точно указывает, с каким миропониманием ведёт свой спор Тютчев» [Берковский 1985: 175]. Аллегория творческого начала, обыгранная в метафорическом плане, становится мощной творческой находкой, ведущей за собой реминисцентную поэтику Брюсова. В. В. Калмыкова указывает нам на связь тютчевских цитат с мышлением В. Я. Брюсова: «Цитируя, он показывает, что можно молиться – коль скоро речь идёт о молитве поэтической – Христу и Пану, искать гармонии и хаоса, и всё это – без противоречий – в пределах одной человеческой мысли и жизни (опять-таки тем более при том, что это жизнь и мысль поэта)» [6]. Таким образом, поэтический мотив Тютчева приводит к переосмыслению строк Брюсова в пантеистическом смысле.

В стихотворении «Дом видений» Брюсов распространяет ярчайшую и известнейшую тютчевскую метафору «Элизиум теней» не только на душу, но и на память, что похоже на высокое строение: «Видениями заселенный дом, / Моя растущая, как башня, память!» [Брюсов 1974: 119]. Как мы уже заметили, «Брюсов воспринимает тютчевскую поэзию как культурный импульс к собственному творчеству» [6]. Действительно, несмотря на то, что поэтом с наибольшей склонностью к архитектуре и соответствующей обусловленной архитектонике стиха считается О. Э. Мандельштам, В. Я. Брюсов умело пользуется метафорой человеческой деятельности, а именно, процесса строительства, для наращивания коннотативных сем внутри понятия «память». В сопоставлении с тютчевским представлением, ядро метафоры значительно изменяется, отесняется на периферию заложенный цитируемым поэтом компонент «душа», но в результате более полным становится ассоциативный ряд для понятия «память»: получаем своеобразное зеркало, память о духе, душе, её порывах, которая была утрачена с опытом и заменена холодным разумом и рассудительностью. Таким образом, тютчевская цитата указывает на «переоценку ценностей» лирического героя, потерявшего нечто важное в эмоционально-чувственном плане, но приобретшего мудрость и своеобразное мистическое предвидение. Обращение к прошлому, к душе, а не к сознанию, для лирического героя представляет собой лишь один из «кирпичиков» памяти нынешней, воссозданной, расширенной. Таким образом, одна из главных творческих находок В. Я. Брюсова – это умение пластически трансформировать исходную метафору-прообраз, превращая её порой в прямо противоположную за счёт увеличения числа коннотативных сем и сталкивания ассоциативных рядов, возникающих у читателя при сопоставлении двух стихотворений.

Огромное влияние на лирику В. Я. Брюсова оказывает чувственная сторона тютчевских стихотворений. Эмоциональный накал поэзии Ф. И. Тютчева объясняется традиционно острыми затронутыми темами (любовь, смерть), глубоким погружением лирического героя в свой внутренний мир, экспрессивностью лексики (прямое название эмоций, метафорический перенос) и грамматики (риторические вопросы, восклицания, фигура умолчания). Огромное влияние оказывает на чувственное восприятие и композиционная структура произведений: «чаще всего две композиционные части тютчевского стихотворения соотносятся путем параллелизма состояния природы и человеческих переживаний («Фонтан», «Поток стугустился и тускнеет...», «Когда в кругу убийственных забот...» и др.). Другой композиционный принцип тютчевской лирики – прямое изображение чувства (в стихотворениях «денисьевского цикла»), пейзажная зарисовка, «эпюд с натурь» (классический пример – «Есть в осени первоначальной...») или же прямое философское размышление («Природа – сфинкс...»). В любом из этих случаев стихотворение разворачивается однопланово, однолинейно» [Сухих 1985: 191]. В первом случае пересечение человеческих и природных состояний неизбежно влечёт широкое распространение метафор, в первую очередь, антропоморфных, во втором случае роль антропоморфизации менее явная, но, тем не менее, можно сказать, что она также играет важную роль, способствуя точной характеристике происхождения и влияния эмоций на личность.

Для своего стихотворения «Любовь, как властный недруг вяжет...» В. Я. Брюсов выбирает эпиграф «Но есть сильней очарованье» из стихотворения Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...». И если предшественник сталкивает в своём произведении разные понимания любви (любовь-дружба, любовь-страсть), то последователь при помощи антропоморфной метафоризации указывает на в целом отрицательное понимание сущности любви: «Любовь, как властный недруг, вяжет, / Любовь, смеясь, ведёт на казнь / И слов пощады нам не скажет...» [Брюсов 1974: 319]. Итак, действующий самостоятельный герой стихотворения – это живой, антропоморфный образ любви, своенравной, высокомерной и враждебной по отношению к слабому, простому человеку, попавшему в её сети и поэтому идущему на казнь. Прослеживается своеобразная двойная тютчевская реминисценция, ведь в этих строках присутствует явный намёк на «поединок роковой», то есть, категорическое представление поэта о невозможности спокойствия и мира в любви.

Понятие «любовь» в стихотворениях Тютчева развивает более разветвлённую систему значений, нежели «страсть», в силу понимания существования различных ипостасей этого понятия: от божественной до плотской – и практически все её бытийные варианты отражены в поэтических произведениях, отвечающих различным задачам. Так, ни для лексемы «страсть», ни для лексемы «любовь» не зарегистрировано значений, обозначающих увлечение чем-либо, занятие какой-либо деятельностью, следовательно, эти значения и не нужны были тютчевским текстам, так как не соответствуют поэтическим задачам.

Для существования «любовь» «Поэтический словарь Ф. И. Тютчева» регистрирует 4 значения, для первого значения «чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо» мы не обнаружим примеров, иллюстрирующих антропоморфную метафору, также как и для четвёртого «особое чувство доброты, привязанности, преданности; источник этих чувств»; это объясняется тем, что данные значения не выходят за рамки поэтической абстракции, и, существуя эфемерно, не могут быть конкретизированы в различных человеческих проявлениях, поэтому мы оставим их вне нашего рассмотрения. Тем не менее, несмотря на не менее отвлечённое толкование второго значения, оно иллюстрируется более обширным кругом метафор, в том числе и антропоморфных. Так, для этой лексемы в данном значении актуальным оказывается антитеза «зарождение-смерть», несущая чёткий отпечаток антропоморфности. На лингвистическом уровне это отражается антропоморфным образом умирающей любви, доказательством того, что любовь сравнивается именно с человеком, становится выбор языкового контекста: при сравнении с животным могло бы быть подобрано выражение, отражающее смерть зверя, – «околоть», «сдохнуть», при сравнении с растением – «засохнуть», «зачахнуть», но Тютчев выбирает именно «погибнуть», несущее дополнительный оттенок трагизма и неизбежной печали. Пример с *веряющей любовью* указывает нам на чёткое очеловечивание абстрактного чувственного объекта, представление его в виде отдельного яркого антропоморфного героя; также мы можем сказать о том, что любовь как человек отличается простотой и наивностью характера, потому как она без раздумий *веряет*, то есть доверяет, отдаёт своё существование и жизнь согласившихся быть с ней бурным волнам, непредсказуемым стихиям. Таким образом, любовь выделяется из мира природы, это чувство надприродное и надчеловеческое, но, в силу того, что подобные объекты (в силу отсутствия отдельной образной системы и сообразно культурной традиции) привычно описывают как люди, она оказывается вписана в антропоморфный ряд, несмотря на то, что обозначает большее, чем может познать человек.

Любовь. 2. Объективно существующее абстрактное явление живой природы, реализующееся в морально-нравственных отношениях, ощущениях, представлениях. ... *Всё, всё погибло – счастье и надежда, Надежда и любовь!* («Кораблекрушение») *И опять звезда играет В лёгкой зыби нежных волн, И опять любовь веряет Ей единственный свой челн* («На Неве») 3. Душевное и физическое влечение лиц разного пола друг к другу. ... *Всё обозначилось вновь... Твоя утраченная радость, Моя погибшая любовь!* («Двум сёстрам») *Любовь осталась за тобой, В слезах, с отчаяньем в груди* («Из края в край, из града в град...») [Голованевский 2009: 343-344].

Приобретая наиболее распространённое в нашем языке значение человеческих отношений, но в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» зарегистрированное только третьим, лексема «любовь» оказывается связана с трагедийным жизненным началом, слезами и страданием. Таким образом, отражается само тютчевское понимание сути любви как «поединка рокового», в котором нет победителя, а есть только боль и кровь души и сердца, подчас приводящая к гибели одного из любящих или его отречению от чувств, составлявших основу его жизни. Вновь перед нами предстаёт образ погибшей, умершей любви, в стихотворении «Двум сёстрам» он оборачивается панегириком, торжественным и печальным, это своеобразная ода павшему в бою, бою с чужим сердцем и собственной душой. Высокое значение приобретает за счёт подбора лексем (абстрактные существительные любовь, радость, определения, выраженные причастиями), традиционных культурно-контекстуальных переключек с русской литературой своего времени (всё... вновь). Создаётся оно и за счёт уже неоднократно рассматривавшегося нами антропоморфного образа погибшей любви. Проследив его распространение в довольно большом круге стихотворений, мы можем говорить о важности и закономерности этого образа: ни в одном другом состоянии, кроме этого пограничного состояния ухода, любовь нам не показана, для Тютчева практически не характерно представление её как счастливой и безмятежной поры человеческой жизни (в таком виде с ней традиционно связаны цветы, солнце и блеск, то есть, объекты природы, и, как следствие, природная метафорика), она представлена в трагедийном разрезе, поэтому и наделена чертами «несовершенного создания природой», то есть человека, и, следовательно, обладает довольно ярко выраженной антропоморфной семантикой.

Любовь в слезах – можно было бы понять это как определение самого состояния человека, в момент, когда его сердце сжимается от предчувствия расставания, но в контексте этого стихотворения, не отказываясь от уже выделенного понимания смысла, можно увидеть более широкое поэтическое полотно: любовь в данном случае – это не только условное антропоморфное создание, плачущее от осознания собственной ничтожности и ненужности, но и перифраз

самого образа оставленной возлюбленной. Таким образом, в одном контексте можно обнаружить ряд пересекающихся и нанизывающихся друг на друга смыслов, не исключаящих, а расширяющих и поясняющих друг друга. В стихотворении «Из края в край, из града в град...» любовь есть некая «матрёшка» смыслов: от простого, близкого к общезыковому, не скованному рамками контекста и метафоричности (любовь как состояние души), к более обширному, объясняемому тютчевским пониманием природы чувств, а потому антропоморфному (любовь – человекоподобное существо, оскорблённое в своих чувствах), а затем к цельному метафорическому значению, обусловленному перифразой.

Подобное расширение семантики – один из ярчайших приёмов тютчевской лирики, способствовавших её признанию как одной из наиболее сложных для понимания; впоследствии он будет унаследован поэтами Серебряного века, а в поэтике О. Э. Мандельштама превратится в своеобразное кредо, отличающее его от других поэтов. Валерия Яковлевич Брюсов в своих стихотворениях реализует ряд важнейших приёмов традиционной поэтики, в чертах которой можно проследить тютчевскую изобразительность. Основным из этих обращений к творчеству предшественника мы признаем именно продолжение, раскрытие заимствованного мотива, а не противоречие ему, отрицание основ. Именно поэтому мы можем сказать, что в ряду модернистических почитателей таланта Ф. И. Тютчева наиболее последовательным продолжателем традиции является именно В. Я. Брюсов.

The article examines the literary continuity through the name which is meaningful onim cultural and linguistic element indicating the perception of rejection or tradition, given the carrier source naming. The author also draws attention to the metaphorical reinterpretation of reality associated with refraction of linguistic units through the prism of the name.

Key words: Fedor Tyutchev, modernism, symbolism, Valery Bryusov, anthropomorphic metaphor

Список литературы

1. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Берковский Н.Я. О русской литературе. – Л., 1985. – С. 155–199
2. Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Том 3. Стихотворения 1918-1924. Поэма Египетские ночи. М., Художественная литература, 1974.
3. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 6. – М., Худож. лит., 1975. – С. 193–208.
4. Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева – Брянск: РИО БГУ, 2009.
5. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 2-х томах. – М., 1990.
6. Калмыкова Вера. Валерий Брюсов: В предчувствии науки XX (XXI?) века // Toronto Slavic Quarterly. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/05/kalmykova05.shtml> (дата обращения: 22.02.2014).
7. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс] URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.02.2014).
8. Сухих И. Н. Ф. Тютчев «От жизни той, что бушевала здесь...» Ф. И. Тютчева // Анализ одного стихотворения. – Л.: ЛГУ, 1985. С. 197 – 198.
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. - Л., Сов. писатель, 1987.
10. Шестакова Л. Л. Собственное имя Тютчев в поэзии Серебряного века // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Материалы Международной научной заочной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / Под ред. А. В. Антохова. – Брянск: Издательство «Курсив», 2013. – с. 359 – 370.

Об авторе

Лавошникова Ю.А. – аспирант Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, juliettlove@rambler.ru

УДК 81'374

ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ МАЛОГО ЯЗЫКА

А.Н. Ливанова

В статье описывается опыт создания учебного русско-норвежского идеографического словаря, предназначенного в первую очередь для использования в высших учебных заведениях. Предлагается ряд лексикографических решений, связанных со спецификой преподавания мало распространенных языков, востребованных тем не менее в связи с интернационализацией образования и ростом международных связей.

Ключевые слова: учебная лексикография, идеографический словарь, глоссарий, норвежский, пометы.

Трудно переоценить необходимость словарей при изучении языков; "словарь - основной учебник иностранного языка", писал выдающийся отечественный лексикограф В.П. Берков [2, с. 123]. При этом для обучения студентов высших учебных заведений необходимы не только общие двуязычные словари, но "словари для общения, способствующие развитию навыков понимания, говорения и письма, а именно учебные, идеографические, синонимические, словари для специальных целей и лингвострановедческие словари" [3, с. 132]. К сожалению, в цитируемой статье

отмечается недостаток учебных словарей и малая разработанность их канона даже для крупнейших мировых языков, какими являются английский и немецкий.

Ситуация со словарями менее распространенных языков, каким является, например, норвежский (на котором говорит около 5 миллионов человек), сложилась еще более удручающая, при том, что параллельно процессу глобализации расширяются международные связи, в Норвегии требуются врачи, инженеры-нефтяники, другие специалисты, подготовкой которых всегда славилась Россия; и в Брянском Государственном Университете имеется успешный опыт преподавания норвежского языка на специализации "Регионоведение".

Проблему составляет то, что существует мало даже общих двуязычных словарей, специализированных же, при большой в них потребности, единицы. Гораздо слабее, чем английские, представлены и одноязычные толковые и энциклопедические словари. Исчезающе мало учебных словарей для пары языков норвежский - русский, качество их оставляет желать лучшего. В 2009 г. в Норвегии вышел великолепно изданный норвежско-русский словарь в картинках *Mini visuell ordbok* [6]. Слово "мини" в названии указывает лишь на формат 14x17 см, так как словарь насчитывает более 600 стр. За основу была принята канадская разработка, видимо, слишком поспешно и недостаточно квалифицированно переведенная на норвежский и русский языки. В результате на стр.123 рисунок, изображающий похожий на мухомор гриб, снабжен норвежской подписью *keiserfluesopp*, что соответствует русскому "кесарев мухомор". Это съедобный гриб, встречающийся в Южной Европе и Северной Африке (ядом, добавленным в блюдо из этих грибов, отравили императора Клавдия), но очень редко в Норвегии и России; описания его всегда сопровождаются предупреждением о том, что на вид его легко спутать с ядовитым мухомором. Словарь дает перевод "маслёнок"... Остается надеяться, что изучающие язык по этому словарю не возьмут его с собой в лес. Многие русские эквиваленты неидеоматичны: *erålett* "погончик-хлястик" переведен как "наплечный хлястик", *bærestykke* "кокетка" (деталь кроя) - как "накладной кусок материи", *etersittende kjole* "облегающее платье" - как "платье в обтяжку", *plissé* "плиссе" - как "аккордеон", *gåfold* "шлица" - как шлиц. Кроме того, словарь по понятным причинам включает лишь существительные, то есть призван в первую очередь помочь найти нужное слово при устном общении. Поэтому ценность приведенных в словаре сведений снижается тем, что ни для норвежского, ни для русского слова не обозначены ударения (не говоря уже о норвежских словесных тонах), то есть для того, чтобы правильно слово прочитать, необходимо обращаться к какому-то дополнительному источнику информации, желательнее - к словарю произношения, а для норвежского языка таковые хотя и существуют, но малодоступны и давно не переиздавались.

Нехватка словарей усугубляется тем, что если изучающие в ВУЗе английский, французский, немецкий языки приходят на первый курс, получив базовые знания еще в школе, то обучение малым языкам начинается с нуля, что делает потребность в учебных словарях еще более насущной. Немногочисленные отечественные учебники норвежского языка дают, естественно, только важнейшую лексику по темам, норвежские же мало доступны и по большей части рассчитаны на обучение взрослых иммигрантов из далеких азиатских и африканских стран способности элементарно объясниться в бытовых ситуациях.

На кафедре скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ норвежский язык уже более полувека преподается как основной, так что недостаток учебных словарей ощущался болезненно, особенно с начала девяностых годов прошлого века, когда активизировались непосредственные контакты студентов с норвежцами. На кафедре было задумано пособие, призванное помочь студентам в расширении словарного запаса, и разработаны принципы его составления.

Пособие [4] представляет собой серию из нескольких выпусков, что соответствует современным веяниям в этой области: "учебные словари обычно издаются сериями из нескольких градуальных работ, объединенных общностью цели" [3, с. 132]. Каждый из выпусков посвящен определенной группе разговорных тем, объединенных в соответствии с порядком их изучения, принятым при обучении норвежскому языку как основному на кафедре скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ. Темы изучаются от простых к сложным. Всего задумано выпусков: "Повседневная жизнь", "Природа", "Культура", "Хозяйственная жизнь", "Социальная жизнь". Из них издано 3, 1-й выпуск вышел исправленным и дополненным изданием [5].

Идеографические словари "используют иерархическую понятийную классификацию словарного состава языка" [3, с. 134]), соответственно, в первом выпуске, "Повседневная жизнь", охвачены темы "Семья", "Внешность", "Одежда", "Жилище", "Еда", "Способности и работа", "Досуг", "Транспорт". Порядок расположения материала определяется тем, что параллельно с изучением лексики ведется изучение грамматики, тоже с нуля, потому первыми разбираются темы, вести беседу по которым можно, усвоив лишь самые начала грамматики. Глоссарии по темам разбиты далее на разделы; так, тема "Семья" включает разделы "Родня", "Возраст и пол", "Кровное родство", "Ухаживание", "Супружество", "Воспитание детей", а также такой замалчиваемый обычно в учебниках, но важный аспект как "Уход из жизни". Для каждой из тем, включенных в выпуск, русско-норвежский глоссарий в значительной степени охватывает лексику, не вошедшую в существующие двуязычные словари.

Особенно подробно разработаны темы, которые актуальны в свете российско-норвежских связей. Так, на работу в Норвегию охотно принимают российский медперсонал, а двуязычные медицинские словари по этой тематике отсутствуют. Поэтому во второй выпуск ("Природа") включен обширный глоссарий по теме "Здоровье" с подразделами "Медицинские учреждения", "Медперсонал и пациенты", "Временная нетрудоспособность", "Обследование больного", "Медтехника и инструменты", "Симптомы заболеваний", "Беременность и роды", "Типы заболеваний", "Вредные привычки", "Венерические болезни", "Возрастные заболевания", "Воспалительные заболевания", "Детские болезни", "Простудные заболевания", "Инфекционные заболевания", "Заболевания опорно-двигательного аппарата",

"Сердечно-сосудистые заболевания", "Гормональные заболевания", "Тяжелые заболевания", "Травмы", "Пороки развития", "Лечение", "Лекарства". Кроме того, глоссарий включает дополнительно крупный раздел "Анатомия" с подразделами "Строение тела человека", "Ткани", "Дыхательная система", "Кровеносная система", "Лимфатическая система", "Мочеполовая система", "Мышечная система", "Нервная система", "Скелет", "Пищеварительная система", "Половые органы", "Покровная система", "Эндокринная система", "Органы чувств". Так же подробно разработаны, например, глоссарии по темам "Способности и работа" в 1-м выпуске, "Спорт" - во 2-м; ведется работа над подготовкой подробного глоссария по теме "Нефтедобыча" для выпуска "Хозяйственная жизнь".

Необходимость в столь подробной разработке тем в учебном словаре объясняется еще и тем, что переводчиков для пары языков русский-норвежский очень мало, и поэтому, во-первых, начинать работать переводчиками приходится уже со студенческой скамьи, а во-вторых, в отличие от переводчиков, работающих с английским, немецким, французским языками, переводчики норвежского не могут позволить себе специализироваться на какой-либо одной области переводческой деятельности, поскольку объем работ значительно более ограничен, а быть специалистами во всех областях невозможно. Нам известно, что описываемым здесь глоссарием активно пользуются не только отечественные переводчики, но и норвежские переводчики-русисты.

В пособии учтены особенности норвежской фонетики: для норвежских слов в списках указан тонический акцент, а также специфическая сложность норвежской грамматики, состоящая в определении рода существительного. Принадлежность среднему роду обозначена пометой n, к женскому роду - пометой f, если слово чаще употребляется именно так, слова же мужского рода, каких большинство, не имеют пометы. При этом опущение любого знака позволяет сэкономить на типографских расходах; по этой же причине используемые в пособии грамматические и стилистические пометы (в русской части слова помечены по-норвежски) обозначены сокращенно и без точки:

ед - единственное число;
ирон - употребляется иронически;
мн - множественное число;
разг - разговорное;
спец - специальный термин;
устар - устарело;
шутл - шутливое.

Пометы используются только в том случае, если русское слово и его норвежский эквивалент различаются в соответствующем отношении. Поскольку при русских словах пометы даются латиницей (ведь они предназначены для норвежцев), а при норвежских - кириллицей, нет необходимости выделять их курсивом.

Знак ≈ показывает, что значение переводной норвежского эквивалента лишь приблизительно соответствует значению русского слова. При желании подробнее выяснить, в чем состоит расхождение значений в каждом конкретном случае, студент может задать вопрос преподавателю или обратиться к толковым одноязычным словарям.

Глоссарии строятся на базе русского языка, поскольку предназначены в первую очередь для русских студентов, которые будут искать "как это сказать по-норвежски". Однако для того, чтобы учесть такой важный для современной лексикографии императив как "синтез филологии и культуры" [3, с. 132], для ознакомления обучающихся с тем, как строится норвежскоязычный дискурс в рамках каждой темы, глоссарий сопровождает ряд оригинальных текстов разной степени сложности из современной норвежской прессы и художественной литературы, подвергшихся несущественным сокращениям. Наименее сложные тексты предварены одной звездочкой, наиболее сложные - тремя.

Далее, учитывая, что "в силу практических моментов подавляющее большинство двуязычных словарей имеет одновременно двух адресатов" [1, с. 9], для норвежского пользователя по особой системе (оговаривается, что не ставится знак ударения на словах, содержащих букву *ě*, а также тех, что содержат по одной из букв *ы*, *ю* и *я*) проставлено ударение на русских словах.

Первое издание трех выпусков разошлось в кратчайший срок, тем более что пособием могут пользоваться не только студенты, но и изучающие норвежский на языковых курсах и самостоятельно, а также переводчики - норвегисты и норвежские слависты.

В переиздание первого выпуска по просьбам читателей были добавлены упражнения, позволяющие активизировать накопленный словарный запас, что не требовалось для студентов СПбГУ, занимающихся под руководством опытных преподавателей. В настоящее время ведется работа над расширенным и дополненным изданием третьего выпуска, "Культура".

Представляется, что опыт работы над учебным идеографическим словарем норвежского языка будет полезен для составления учебных словарей других мало распространенных языков.

This article concerns an experience with working on a learners' Russian-Norwegian ideographic dictionary primarily for use at institutions of higher educational. There are proposed some lexicographic strategies which have to do with specific difficulties in teaching minor languages, such as a low number of both general and special dictionaries.

Key words: learners lexicography, ideographic dictionary, glossary, Norwegian, dictionary marks.

Список литературы

1. Берков В.П. Двуязычная лексикография. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 248 с.
2. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре. Таллинн, "Валгус", 1977. – 140 с.
3. Городный Л.И. Лексикография и ее роль в повышении качества вузовской подготовки по иностранным

языкам // Вестник БГУ. № 2. 2009. С. 131-139.

4. Ливанова А.Н., Е.А. Лавринойтис. Поговорим по-норвежски = La oss snakke norsk: Глоссарий и тексты. Вып. 1. СПб.: «Бельведер», 2000. – 208 с.; Ливанова А.Н., Е.А. Лавринойтис, Г.И. Милыева. Поговорим по-норвежски = La oss snakke norsk: Глоссарий и тексты. Вып. 2. СПб.: «Бельведер», 2003. – 252 с.; Ливанова А.Н. Поговорим по-норвежски = La oss snakke norsk: Глоссарий и тексты. Вып. 3. СПб.: «Бельведер», 1999. – 76 с.

5. Ливанова А.Н., Е.А. Лавринойтис. Поговорим по-норвежски. Повседневная жизнь. Базовый уровень. Учебное пособие по развитию речи. СПб.: КАРО, 2013. – 240 с.

6. Corbell J.-C., Archambault A. Mini visuell ordbok. – Oslo: Kunnskapsforlaget, 2009. – 602 s.

Об авторе

Ливанова А.Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, alex_livanova@yahoo.com

УДК 82-3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СКУКА» СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ СТРУКТУРНЫМИ СХЕМАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПИСЬМАХ А.П. ЧЕХОВА

Г.Е. Маханова

Рассматривается функционирование схем простых предложений как репрезентаций концепта «Скука», позволяющих объективировать его когнитивные признаки.

Ключевые слова: лингвокогнитология, концепт, средства объективации, специализированная структурная схема, когнитивный признак.

Возможность выражения концепта «Скука» равноуровневыми языковыми единицами позволяет изучать не только лексические, фразеологические, морфологические способы его репрезентации, но и синтаксические. Внутри-текстовые синтагматические свойства ядерной лексемы анализируемого концепта реализованы немалым количеством синтаксических конструкций, представленных словосочетаниями, предложениями, сложным синтаксическим целым. Значительный содержательный потенциал концепта выявлен нами путем анализа различных по своей морфологической природе словосочетаний: субстантивных (скука жизни, скучный взор), адъективных (немножко скучный), глагольных (скучающе взглянула, скучали об Оле), адverbиальных (невыносимо скучно). Несмотря на ведущую роль семантики лексических единиц в выявлении признаков компонентов концепта, именно семантическое сопряжение лексем на синтаксическом уровне позволяет дополнить номинант концепта частными характеристиками.

С позиций когнитивной лингвистики словосочетания выступают как вторичные структуры, формирующиеся в составе предложения. Анализ синтаксических средств репрезентации концепта основывается в первую очередь на структурных схемах простого предложения (ССПП), смысл которых концентрирует в структурированном виде знания о мире и языке [20, с.8]. В семантико-синтаксических когнитивных исследованиях Воронежской лингвокогнитологической школы ССПП рассматривается как языковой знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, или синтаксический концепт, а означаемыми являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [11, с.26].

Ядерная лексема-номинант анализируемого концепта в лингвистических словарях и психологической литературе определяется прежде всего как состояние: «эмоциональное состояние» [7], «психическое состояние» [14], «тягостное душевное состояние» [19]. Поэтому за объект нашего изучения мы взяли предложения, в которых условно названные синтаксические модели передают состояние скуки субъекта или окружающей среды в прямой номинации. В семантическом пространстве художественного мира А.П.Чехова концепт «Скука» синтаксически репрезентирован как *специализированными структурными схемами*, предназначенными для объективации анализируемого аспекта концепта [11, с.55] («кому есть какво», «где есть какво», «кому (не) быть в каком состоянии», «кто в состоянии от чего», «кто скучает по кому/чему», «кто скучает по ком», «кто скучает о ком», «кто скучает за кем», «кто скучает без кого/чего»), так и *неспециализированными* [11, с.157], которые, маркируя иные концепты («бытие объекта», «инобытие объекта»), «(не)бытие признака объекта» и др.), несут сему «состояние скуки» в результате наполнения предикатива соответствующими лексемами.

На основе анализа языкового материала нами были выделены следующие неспециализированные структурные схемы: «кто находится в каком состоянии», «кто есть какой по состоянию», «кто есть каков по состоянию», «кто действует в каком состоянии», «у кого есть какое состояние в какой части тела», «где есть какое состояние» и др.

В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении грамматической формы, лексического наполнения и речевой реализации специализированных синтаксических конструкций, означаемым которых выступает типовая пропозиция со значением состояния *скуки*.

Структурная схема «кому есть какво» трехкомпонентна. Позиция предикатива, эксплицирующая общее или конкретное психологическое состояние, в силу лексико-грамматической отнесенности представлена категорией состояния. Слово категории состояния *скучно*, обозначая пассивное состояние, независимое от воли его носителя, определяет форму выражения субъекта-пациенса: дательный падеж личного существительного или местоименный

субституент, если носителем состояния является сам говорящий: *Королеву стало скучно* (Случай из практики); *Мне скучно до смерти!* (Моя жизнь).

Отметим, что в синонимичных конструкциях типа *Я скучаю* и *Мне скучно*, «при субъекте в именительном падеже признак независимости от воли немаркирован, при субъекте в дательном – маркирован» [9, с. 17]. «Дательный субъекта – это наиболее типичный способ выражения носителя непроизвольного предикативного признака» [11, с.56]. Семантическое различие между указанными моделями связано с тем, что глагольное предложение указывает на внешнее обнаружение состояния, а наречно-предикативное предложение, в котором говорящий рассказывает о своем собственном состоянии, описывает его как бы «изнутри» [21, с. 178].

Лексическое наполнение позиции субъектива может быть представлено и личными местоимениями второго, третьего лица, если носитель состояния не принимает участие в общении или отсутствует. В таком случае заключение о характере состояния по внешним признакам делает наблюдающий со стороны [11, с.58]: *Стал я замечать, что ей тоже скучно и что всё она около забора похаживает и в щелки в мой двор смотрит* (Бабы).

Пациенс может быть эксплицирован и зоонимом, так как носителем состояния является любое живое существо: *Но Тетке было скучно, грустно и хотелось плакать* (Каштанка).

Третий компонент рассматриваемой ССПП «кому есть какво» – глагольная связка *есть* – устанавливает отношения между субъективом и предикативом, репрезентируя смысл «состояние» и выражая модально-временные отношения.

Каждая структурная схема в процессе речевой реализации подвергается различным видоизменениям в зависимости от оценки субъектом своего эмоционально-психического состояния, окружающей обстановки или характеристики состояния другого лица. Применительно к ССПП «кому есть какво», вербализующей пропозицию с исследуемой нами семантикой, можно выделить грамматические и структурно-семантические модификации.

Грамматическая модификация представлена модально-временной парадигмой структурообразующего компонента – глагольной связки. Самой частотной в текстах А.П.Чехова является модификация, отмеченная формой прошедшего времени бытийного или фазового глагола, что объясняется намерением говорящего сообщить о смене состояния или о психо-эмоциональном ощущении, которое уже было испытано. Это свидетельствует о таком признаке состояния, как *временная ограниченность*: *Ночью мне было холодно, больно и скучно, но днем я упивался жизнью, - лучшего выражения не придумаешь* (Рассказ неизвестного человека); *Всем стало скучно и грустно* (Волк). Имеют место и конструкции с темпоральной модификацией в форме будущего времени, в содержательной структуре которых заключена модальная сема «предположение» [11, с.60]: *Конечно, без мамы будет скучно, но я ведь буду ей письма писать!* (Житейская мелочь).

Единичны конструкции с предикативом в форме сослагательного наклонения, также несущие модальное значение «предположение наличия состояния» [11, с.63]: *Было бы скучно, если бы все окружающее не было так смешно* (М.П.Чеховой, 11 апреля 1887). Новый подход к сослагательному наклонению предлагает А.П.Бабушкин, рассматривая данную категорию с позиции «возможных миров», воспринимаемых через призму высказываний [4, с.27]. «Возможный мир» понимается как «возможное положение дел» или «как возможное направление развития событий» [4, с.6], в пределах которых степень возможности совершения тех или иных действий поддается определенной дифференциации [4, с.21]. Приведенная синтаксическая модель, устанавливающая условно-следственные отношения, описывает реальность состояния, возникновение которого опосредовано определенными условиями.

Помимо грамматической модификации, являющейся обязательной для любого предложения [21, с.169], ССПП «кому есть какво» свойственны структурно-семантические модификации, которые не влекут изменений ее типового значения и компонентного состава [11, с.51], а «как бы накладываются на грамматические, совмещаются с ними» [21, с.169]. Пропозиция состояния скуки, репрезентированная ССПП «кому есть какво», представлена фазовыми, неполными, вопросительными, отрицательными структурно-семантическими модификациями и реализацией абстрактности.

В нашем языковом материале частотной является неполная модификация с невербализованной связкой в настоящем времени и словоформой со значением пациенса. При этом пропозиция коммуникативной единицы сохраняет информативную полноту: «пациенс – состояние». Эллипсис субъектива может быть контекстуально восполняем: *Какие были деньги, свои и женины, он пролежал, кормиться было уже не на что, стало скучно без дела, и он решил, что, должно быть, надо ехать к себе домой, в деревню* (Мужики). Если же субъект речи и субъект состояния совпадают, то эллиптирование синтаксического компонента со значением субъекта ситуативно обусловлено: *Нижайший поклон и сердечный привет Анне Ивановне и всем Вашим. Дай Бог счастья и всего хорошего. Скучно.* (А.С.Суворину, 11 сентября 1890 г.).

Психо-эмоциональный мир человека во многом зависит от окружающей обстановки, взаимоотношений между людьми, которые оказывают непосредственное влияние. Поэтому предикатив позиционной схемы в творчестве А.П.Чехова может совмещать в себе двуплановость в объективации состояния скуки - «чувства человека» и «объект или обстановка, вызывающие у субъекта данное чувство» [18, с.1032-1033]: *Утолив голод, он повеселел и стал со смехом рассказывать что-то о семье Биришовых, но, заметив, что это скучно и что Зинаида Федоровна не смеется, замолчал. И как-то вдруг стало скучно* (Рассказ неизвестного человека). В данном случае отсутствие субъективной словоформы в речевой реализации структурной схемы семантически значимо и свидетельствует об обобщенности субъекта состояния [21, с.161].

Временный характер состояния отражен в фазисной модификации схемы с глаголом *стать*, обогащающей

пропозицию высказывания семантикой «начала» и «перехода из одного состояния в другое»: *При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья* (Степь); *Я поднимаюсь и жду, когда уйдет гость, а он стоит, смотрит на окно, теребит свою бородку и думает. Становится скучно* (Скучная история). Отмеченная модификация ССПП «кому есть каково» позволяет зафиксировать такой частный признак синтаксической репрезентации концепта «Скука», как *фазовость*. Добавим, что использование в качестве предикатива синтетической формы сравнительной степени категории состояния на –о (компаратива), а также наличие при предикативе адъективных лексем меры и степени свидетельствует об *интенсивности* испытываемого состояния: *Заплатил от скуки триста рублей, а как стал глядеть их раздирающую драму, то еще скучнее стало...* (Святая простота); *Без самовара в избе Чикильдеевых стало совсем скучно* (Мужики); *Я грустил и немножко скучал* (Огни).

Возможно пересечение вопросительной и отрицательной модификаций, которые осложняют пропозицию высказывания дополнительной семой «информации о состоянии субъекта»: *Когда вы видели в последний раз Ариадну Григорьевну? Здорова ли она? Я думаю ей там не скучно?* (Ариадна).

Если возникает необходимость подчеркнуть повторяемость, неоднократность испытываемых состояний, то это возможно благодаря абстрактной реализации наречно-предикативной модели. Выражение ситуации как обобщенного факта ведет к структурной перестройке предложения с включением в высказывание специальных вспомогательных слов [21, с.168]: *У меня работы по горло, но по обыкновению скучно и грустно* (Е. М. Линтваревой, 23 ноября 1888 г.); *Потому что мне скучно. Вам бывает скучно только без вашего друга, а мне всегда скучно* (Страх). Такие темпоральные распространители в ССПП «кому есть каково» служат конкретизации временного плана и подтверждают повторяемость состояния во времени при определенных условиях [11, с.66].

Способность состояния скуки периодически возникать, длиться, изменяться отражается усложнением синтаксической структуры высказывания детерминантами времени, причины, условия, места. Смена эмоционально-психического состояния происходит по какой-то причине, которую можно дифференцировать на внешнюю (физическая): отсутствие близких людей, удаленность от родных мест и др. – и внутреннюю (психическая): мысленные переживания: *Вам скучно без вашего друга* (Страх); *Конечно, каждый купец старается взять больше, но Яков почувствовал утомление оттого, что он торговец, ему захотелось уйти куда-нибудь подальше от этого порядка и стало скучно от мысли, что сегодня ему еще надо читать вечером* (Убийство). Объективация каузатора состояния происходит причинными словоформами – «от+Р.п.», «без+Р.п.». Таким образом, пропозиция высказывания представлена тремя смыслами: «пациент – состояние – причина».

Языковая структура модели «кому есть каково» может эксплицировать одновременно несколько дополнительных пропозиционных смыслов. Покажем на некоторых примерах их комплексное выражение.

В один пасмурный день, когда оба мы стояли у окна в моем номере и молча глядели на тучи, которые надвигались с моря, и на посиневший канал и ожидали, что сейчас хлынет дождь, и когда уж узкая, густая полоса дождя, как марля, закрыла взморье, нам обоим вдруг стало скучно (Рассказ неизвестного человека). Данная позиционная схема включает два темпоральных конкретизатора: адвербиальный указывает на характер возникновения состояния, а предикативная единица со значением времени имплицитно выражает и смысл «условие».

Смысл «условие» может дополняться значением локативного компонента, который репрезентируется словоформой «в(на)+П.п.»: *Одному (условие) на даче (локус) скучновато, особенно если кругом нет знакомых, которые симпатичны* (Н.А.Лейкину, 11 мая 1888 г.). Таким образом, состояние скуки характеризуется признаком *локализованности* в пространстве.

Ситуация, являющаяся источником состояния пациента, может быть объективирована и инфинитивом, который в нашем примере номинирует признак процессуальности происходящего действия, а состояние при этом сопровождает реальное действие: *Мне уже было скучно спорить и хотелось спать* (Ариадна). Такая позиционная схема образована слиянием двух ССПП: наречно-предикативной «кому есть каково» и глагольной «кто находится в каком положении» [11, с.74].

Если ССПП «кому есть каково» является центральной для представления пропозиции «состояния живого существа», то для пропозиции «состояние окружающей среды» специфическим знаком служит схема «где есть каково», в которой в качестве «не-личного, предметно-пространственного субъекта-носителя состояния» выступает компонент *где* [10, с.104]. Локативный субъектив чаще всего обозначается обстоятельственным наречием или предложно-именной формой со значением ограниченной части окружающего пространства, характеризуемого по состоянию: *Скучно здесь, ваше высокоблагородие* (Остров Сахалин); *В комнатах армянина не было ни ветра, ни пыли, но было так же неприятно, душно и скучно, как в степи и по дороге* (Красавицы); *В городе томительно скучно* (Палата №6). В безличных предложениях такого типа отмечается синкретичность семантики конститутивных компонентов: локатива, совмещающего обстоятельственное и субъектное значение [13, с.275] и предикатива, отражающего сложную ситуацию, в которой сопряженные семантические элементы «состояния живого существа» и «состояния среды» функционируют в контексте как созначения [16, с.35-36].

В случае, когда о состоянии среды сообщается участником ситуации, локативный конкретизатор нередко опускается «в силу смысловой избыточности» и замещается «по смысловой надобности соответствующей формой имени» [8, с.274-275]: *Приходим в церковь. Серо, мелко и скучно* (Чеховым, 7 апреля 1887г).

Обратимся к рассмотрению функционирования других специализированных схем для выражения состояния скуки, в формировании которых участвует статуальный глагол *скучать*.

Состояние как внутреннее психическое свойство живого существа, которое заключено в пределах своего но-

сителя, предопределило соответствующую организацию структурно-смысловых компонентов, эксплицирующих состояние в семантико-синтаксической конструкции. Антропоцентричность глаголов состояния предполагает обязательную ориентацию на сферу субъекта, в позиции которого должно быть одушевленное лицо, и объекта-источника состояния, так как любое психическое состояние причинно обусловлено. По мнению Ю.Д.Апресяна, для глаголов, обозначающих внутренние эмоциональные состояния человека, «причина является семантической валентностью: в русском языке такие состояния трактуются не как возникающие сами по себе, а как каузируемые той или иной оценкой события со стороны субъекта» [1, с.121]. Причинный компонент может быть актуализирован как эксплицитно, так и имплицитно, что отражается на компонентном составе глагольной ССПП: «субъектив-пациенс» – «предикатив-состояние» +/- «объектив-каузатор состояния».

Глагол *скучать*, репрезентирующий смысл «состояние скуки», участвует в формировании нескольких синтаксем в зависимости от лексического значения. Так, первое безобъектное значение глагола («испытывать скуку») маркировано несколькими схемами, среди которых выделяем специализированную «кому (не) быть в каком состоянии»: *Ольга Михайловна вспомнила, как она, чтобы не скучать одной дома, впервые месяцы замужества ездила в город на съезд...* (Именины). В инфинитивном предложении неназванный субъект-деятель в силу контекстуальной известности побуждаем к изменению предполагаемого состояния в лучшую сторону, что выражается отрицанием с частицей *не*.

Значение «испытывать скуку» также иллюстрируется словарями употреблением словоформы «от+Р.п.»: *скучать (от чего?)*. Позицию объекта-каузатора состояния в нашем материале занимает предикативная единица: *Святогорские впечатления стали уже воспоминаниями, и я видел новое: ровное поле, беловато-бурую даль, рощицу у дороги, а за нею ветряную мельницу, которая стояла не шевелясь и, казалось, **скачала оттого, что по случаю праздника ей не позволяют махать крыльями*** (Перекаати-поле). Придагочное раскрывает причину возникновения внутреннего состояния пациенса и имплицитно выражает дополнительный смысл «условие». Таким образом, проанализировав предикативные отношения, можем заключить, что выделяемый пропозиционный смысл «причины» репрезентируется специализированной ССПП «кто в состоянии от чего».

Причинная валентность глагола *скучать* может быть выражена косвенными способами [17, с. 78]:

1) «кто скачает когда»: *В августе, когда мама водила его на приемный экзамен, и в первые дни, когда начиналось учение, как он рвался в гимназию, как мечтал, как **скачал в праздники**, а теперь, в октябре, все это уже тяжело, сурово, холодно!* (Шульц);

2) «кто скачает где»: *Он **соскачился на выставке** и скоро вернется* (Три года);

3) «кто скачает за чем/ над чем/ на каком-либо мероприятии: *Он **скачал за картами*** (Ненужная победа);

4) «кто скачает с кем»: *«Почему она не гонит его от себя?» — возмутился я, хотя было очевидно, что она **скачала с ним*** (Рассказ неизвестного человека).

Семантическая валентность глагола *скучать* в значении «болезненно переживать отсутствие кого-либо, чего-либо; тосковать» определила построение следующих моделей синтаксических отношений, в которых предложно-падежная объектная словоформа источника состояния представлена одушевленными и неодушевленными существительными:

1) «кто скачает о ком/чем»: *У Егорова мы занимались только тем, что кутили, **скачали об Оле** и утешали Егорова* (Зеленая коса);

2) «кто скачает по кому/чему»: *Теперь я вижу жену не в окно, а вблизи себя, в обычной домашней обстановке, в той самой, которой недостает мне теперь в мои пожилые годы, и несмотря на ее ненависть ко мне, я скачаю по ней, как когда-то в детстве **скачал по матери и няне...*** (Жена); *Это оттого, вероятно, что за границей он сильно **соскачился по родине*** (Ариадна);

3) «кто скачает по ком/чем»: ***Соскачились по братце...*** (Хамелеон); *Бывают даже минуты, когда ему кажется, что ученый привязался к нему, привык, и если бранит его за опаздывания, то только потому, что **скачает по его батюшке** о тарантулах и о том, как на Дону ловят щеглят* (Иван Матвеев);

4) «кто скачает без кого/чего»: *Будь умницей, **не скачай без меня...*** (Рассказ неизвестного человека); *Я **соскачился без своего оркестра*** (Два скандала);

5) «кто скачает за кем/чем»: *За Мишуткой небось **соскачилась?*** (Живой товар).

Синонимичны структурные схемы с грамматической формой объекта «о+П.п.», «по+Д.п.» и «по+П.п.». Как отмечают Муравенко Е.В., Калюга М., изучив глагольные формы управления с данными предлогами, с 30-х гг. XIX века оба предлога начинают употребляться на равных правах, но постепенно дательный падеж вытесняет предложный. Современные же наблюдения показывают, что *скучать о ком/чем* «воспринимается скорее не как устарелое, а как менее точное, чем *скучать по кому/чему*», что, возможно, связано с более узким значением отсутствующего объекта, которое закреплено за предлогом *по* [17, с.81]. Добавим к этим замечаниям вывод Казариной В.И. о том, что объектив со значением каузатора состояния, выраженный словоформой «по+Д.п.», «сохраняет сему «направленность» психической реакции на нечто, вызвавшее эту реакцию» [11, с.136]. Что касается глагола *скучать* с управлением «по+П.п.», то в современном русском языке это употребление имеет устаревший характер и носит оттенок разговорности.

Кроме рассмотренного функционирования предложно-падежных словоформ, в этом же значении употребляется вариант управления с творительным падежом и предлогом *за*, который только в словаре под редакцией Д.Н.Ушакова дается с пометой «обл» и характерен для южных диалектов.

Причинная валентность рассматриваемого значения может также выражать участника ситуации косвенным способом в виде обстоятельственного придаточного времени: *В ее измене души не участвовала; она продолжает любить Лаевского, и это видно из того, что она ревнует его, жалеет и **скучает**, когда он не бывает дома* (Дуэль).

Выделенные структурные схемы чаще всего представлены формами прошедшего времени глагола и эллипсисом объектного компонента, что иногда вызывает затруднение при определении типа ССПП, лежащей в основе построения высказывания. Ср.: *Я, чтобы не мешать людям работать и ожидая каждую минуту, что мне предложат лечь в постель, **сидел** в стороне от стола на походной кривоногой кровати инженера и **скачал*** (Огни): О ком/чем?, по кому/чему?, без кого/чего?, от чего? В подобных случаях помогает контекст заполнению объектной позиции по смыслу.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности передачи психического состояния субъекта средствами синтаксиса, подчеркнем, что нареченно-предикативная структурная схема информирует о непроизвольном, пассивном состоянии субъекта, не зависящем от воли и желания его носителя, в то время как под глагольной моделью подразумевается эмоциональная активность субъекта (*Я скачаю*).

Все ССПП, вербализующие пропозицию состояния скуки, актуализируют определенные когнитивные признаки одноименного концепта, а именно: *временность, повторяемость, фазовость, неволевитивность* (Вежбицкая), *направленность, локализованность, обусловленность, каузированность, интенсивность, антропоморфность*.

Выявление структурно-семантической организации простых предложений, кодирующих концепт «Скука», в дальнейшем позволит смоделировать синтаксическое поле структурных схем с ранжированием когнитивных признаков.

In article functioning of schemes of simple sentences as representations of the concept "Boredom", allowing to objectify its cognitive signs is considered.

Key words: *cognitive science, concept, means of an objectivization, specialized structural scheme, cognitive sign.*

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избр. труды. Т. I. – М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М., 1976.
3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.
4. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж, 2001.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000. Режим доступа - <http://www.efremova.info/word/skuchat.html#UvNWLjU7Ots>
7. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. – М., 2012. Режим доступа - <http://vocabulary.ru/dictionary/978/word/skuka>
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
9. Золотова Г.А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под. ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобукова. – М., 1984.
10. Золотова Г.А. Понятие личности/безличности и его интерпретация / Г.А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – № 24. – С. 103–115.
11. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. – Елец, 2002.
12. Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж, 2010.
13. Лаврентьев В.А. Односоставные предложения с дезагенсным значением синтаксического лица / В.А. Лаврентьев // Вестник Тамбовского университета. – 2011. – Выпуск 5 (97). – С.272–278.
14. Лейбин В. Словарь-справочник по психоанализу. – М., 2010. Режим доступа - <http://vocabulary.ru/dictionary/881/word/skuka>
15. МАС - Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. Режим доступа - <http://slovari.ru>
16. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: Автореф. ... док. филол. наук. – СПб., 2002.
17. Муравенко Е.В., Калюга М. Система и узус в истории глагола *скучать* // Вестник ПСТГУ – 2008. – Филология, вып. 3 (13) — С.72–84.
18. НОСС - Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., исп. и доп./Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. – М., 2003.
19. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 1995. Режим доступа - <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=70719>
20. Федоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов: Автореф. ... док. филол. наук. – Воронеж, 2013.
21. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. – М., 1976.

22. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – Режим доступа - http://az.lib.ru/c/chehow_a_p

Об авторе

Маханова Г.Е. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, *ma-gaev-mge@yandex.ru*.

УДК 408.7

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ БИТЬ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ

Ю.В. Милютина

В статье анализируется семантика фразеологизмов брянских говоров с глагольным компонентом *бить* на материале наименований лиц. Привлекаются в сравнительно-сопоставительном плане факты других русских говоров, а также близкородственных восточнославянских языков. Делаются выводы об активных контактах брянских говоров с белорусским и украинским языками, что обусловлено историей Брянского края, о преобладании в данной тематической группе наименований с отрицательной коннотацией.

Ключевые слова: диалект, семантика, фразеологизм, междиалектное, межязыковое контактирование.

Русская диалектная фразеология в настоящее время активно исследуется в разных аспектах: изучаются особенности функционирования устойчивых словосочетаний в говорах, проблемы фразеологической синонимии, антонимии, омонимии и вариантности, определяется компонентный состав фразеологизмов и т.д. Диалектными фразеологизмами принято считать устойчивые словосочетания, не зафиксированные словарями литературного языка, имеющие лексическое отличие от литературного фразеологизма в компонентном составе и грамматическое отличие в структуре сочетаний [1, с. 149]. А.И. Молотков с полным основанием замечает, что относительная скудность наших сведений о фразеологизмах народных говоров и диалектов русского языка и почти полная неизученность их пока не дает достаточных оснований для обобщений о специфических чертах диалектной фразеологии [2, с. 7]. Вопрос о специфике диалектной фразеологии ставит Е.И. Диброва в работе «О фразеологии верхнедонских говоров» [3, с. 14]. На материале верхнедонских говоров автор производит подробный анализ одного из типов диалектных фразеологизмов – именных словосочетаний. К настоящему времени уточнена семантическая составляющая практически всех фразеологизмов, дана этимология многих фразеологизмов, предложены их различные классификации [4, с. 285].

Фразеологические единицы, как известно, формируются по различным категориальным признакам: эквивалентности слову (В.В. Виноградов), метафоричности (Б.Л. Ларин, Л.М. Бабкин, Р.Н. Попов, М.И. Сидоренко), сверхсловности и воспроизводимости (Н.М. Шанский), цельности номинации (О.С. Ахманова), лексическому значению и компонентному составу (А.И. Молотков). Уделяя серьезное внимание признакам устойчивости и идиоматичности, ряд языковедов связывает эти понятия и с предсказуемостью компонентов на лексическом уровне (В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко).

В свое время академик В.В. Виноградов писал о необходимости семантического описания фразеологизмов. Ученый дал образец представления такой классификации для глагольных фразеологизмов литературного языка [5, с. 47]. Однако здесь все еще много неразработанного и неисследованного. Что касается диалектной фразеологии, то адекватному осмыслению ее в определенной степени препятствует недостаток фразеологического материала в областных словарях русского языка.

Попытку наметить некоторые принципы семантической классификации диалектной фразеологии находим в статье В.И. Чагишевой «К изучению семантики диалектных фразеологизмов». Диалектолог выделяет два типа фразеологизмов: 1) устойчивые сочетания, не содержащие в себе экспрессивной окраски и при употреблении стилистически нейтральные; 2) устойчивые сочетания, обладающие экспрессией положительной или отрицательной оценки [1, с. 152].

В данной работе мы проведем лексико-семантический анализ диалектных устойчивых словосочетаний с глагольным компонентом *бить* на примере говоров Брянской области. Процессуальные фразеологизмы вторичны по образованию, но первичны по значению. Их внешняя форма в массовом материале представляет собой аналог модели словосочетания с типом синтаксической связи управления. Грамматическая оформленность анализируемых единиц обусловлена глагольным компонентом, который является также выразителем категориального значения, функционирующих морфологических категорий лица, залога, вида, времени, склонения и носителем синтаксических свойств всего фразеологизма [6, с. 8]. Семантика процессуального фразеологизма, как нового языкового образования, отражает дальнейшее углубление и расширение знаний человека о характере разнообразной деятельности, отношений, состояний, бытия. Движение от свободного словосочетания к фразеологизму проявляется в развитии у единиц новых значений, отличающихся более высокой степенью емкости, обобщенности, сложности и широты. В новом языковом образовании значение глагола динамически, скачкообразно изменяется. Движение происходит от номинации свободным словосочетанием конкретного физического действия к обозначению фразеологизмом деятельности, отношений, состояний, бытия, характеризующихся отвлеченностью и принадлежащих к социальной, духовной сферам жизни человека. Названные семантические изменения сопровождаются сменой образа и изменением лексико-семантической сочетаемости единицы [7, с. 44].

Рассмотрим диалектные фразеологизмы с глагольным компонентом *бить*, употребляемые на территории Брянской области. Глагол *бить* «ударять кого-либо чем-либо, заноса руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его с размаху на кого, что-либо» [8, с. 183] характеризуется наивысшей фразеобразовательной активностью. Вне фразеологизма он относится к семантической подгруппе нанесения удара и употребляется с конкретными именами существительными.

Образование процессуального фразеологизма является результатом диалектического скачка от свободного словосочетания, называющего конкретное физическое действие, к фразеологизму, обозначающему отвлеченное понятие. В новом языковом образовании глагол *бить* утрачивает субкатегориальную сему физического действия, групповую сему физического воздействия на объект, подгрупповую сему нанесения удара и сохраняет самые отвлеченные семы: категориальную процесса и субкатегориальную действия [7, с. 45].

Во «Фразеологическом словаре русского языка» А.И. Молоткова зафиксирован известный фразеологизм *бить баклуши* в значении «праздно проводить время, бездельничать» [9, с. 34]. Он первоначально означал «раскалывать, разбивать осиновый чурбан на баклуши (чурки) для изготовления из них мелких щепных изделий (ложек, поварешек и т.п.), т.е. делать очень несложное дело» [9, с. 36].

Человек, который не желает работать, тот, кто слоняется без дела, называется носителями говора в Мглинском р-не *бриндой* (фонетический вар. *бринда*). [*Ни работая, шляйца на хатам, бринда, бяздельница*] [10, с. 32]. Семантика брянского слова в какой-то мере соотносится с его семантикой в других говорах. Так, в вятских говорах – «девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая»; на Урале – «капризный, обидчивый человек» [11, III, с. 218-219].

В брянских говорах известен фразеологизмы *байды бить*, *брындзы бить* с фонетическим белорусским отглотком аффрикаты [дз] в значении «разгуливать по улице, ничего не делая». [*Буде вам брындзы бить, идите вечерэть*] [12, с. 47]. В территориально близких смоленских говорах известен фразеологизм *бринды бить*, что означает ничего не делать, праздно проводить время, бездельничать. СРНГ указывает единственно на смоленские говоры [11, III, с. 218-219]. Данный фразеологизм знают также носители русских говоров Гомельской области, однако семантика слова *брында* в словаре этих говоров не раскрывается [13, с. 17]. Зафиксирован номинатив в смоленских говорах в качестве названия широких рукавов крестьянской праздничной одежды [14, с. 42]. Сюда же, вероятно, следует отнести и *брындик*, *брынжибай* – «лодырь», которое можно сблизить с польским *brynda* – «шутка, баловство». В таком случае слово *брынжибай* М. Фасмер понимает как «пустобай» (*баять*), отмечая трудное установление связи с чеш. *brynda* «бурда, пойло» [15, I, с. 222-223].

В Трубчевском районе известен фразеологизм *лынды бить* – «бездельничать, избегать работы» [10, с. 196]. В брянских же говорах *лында* – «лодырь, бездельник». [*Сынок, займися дялами, ня будь лындай*]. В русских говорах Белоруссии фразеологизм отмечен в таком же значении [13, с. 112]. На Дону известны фразеологизмы *бить баглаи* – «бездельничать», *баглаи напали* – «лень напала» [16, с. 30].

В говоре Клинцовского и Климовского районов зафиксирован фразеологизм *кайсы бить* – «бездельничать» [10, с. 131]. Чрезвычайно интересны мысли В.И. Коваля относительно происхождения и данного фразеологизма, и других, очень близких по модели и семантике. Исследователь исходит из того, что глагольный компонент *бить* в этих выражениях десемантизирован и реализует не прямое значение «ударять», а категориальную функцию (*бить* – «выявлять, показывать»). Более того, с точки зрения автора, в этих выражениях нельзя не отметить более широкой устойчивой семантики именных слов-компонентов, «которые соотносятся со словами свободного употребления, обозначающими не конкретные предметы (объекты битья, ударов), а либо отвлеченные, негативно оцениваемые явления (болтовню, праздность), либо их носителей (болтунов и бездельников)» [17, с. 109]. Исследователь находит в лексикографических источниках немалое число семантических соответствий брянскому фразеологизму, однако в значении, близком к брянскому, – «заниматься пустыми разговорами»: в донских говорах *бить байки* – в том же значении [18, I, с. 12].

Рассмотренные выше брянские диалектные фразеологизмы с глаголом *бить*, как и фразеологизмы литературного языка, характеризуются определенным «опустошением», размытием его семантики. Е.И. Зиновьева отмечает использование глагола *бить* во фразеологизмах псковских говоров со значением «изготавливать что-либо особым образом» и возникновение на базе этого значения целого ряда фразеологизмов, специально выделяющих в языке «отрицательно маркированных в народном сознании качеств и действий человека». В составе фразеологизмов такой семантики автор приводит и фразеологизмы *банды бить* – «говорить от безделья, бездельничать»; *брынды бить* – «уклоняться от работы, бездельничать» и пр. [19, с. 8]. В донских говорах *бить баглаи* (*баглай* здесь – «бездельник») – «бездельничать», *бить байдаки* (*байдак* – «бездельник») или «килевое судно с одним парусом) – то же, *бить байки* (*байка* – «чучело для приманивания лисы или небольшой вымышленный устный рассказ») – то же; *бить байдики* (*байдик* – «посох, палка для опоры, палка вообще») – «бить баклуши, бездельничать» [16, с. 31-32], *бить в обморок* – «о наступлении обморочного состояния» [16, с. 45]. Очевидно, что лишь во фразеологизме *бить байдики* исходная семантика глагола еще сохраняется: «бить посохом, палкой по земле во время хождения». Во всех других фразеологизмах, в том числе и брянских, глагол выполняет уже чисто грамматическую функцию: может указывать на время действия, число деятелей. Семантическая структура глагольного компонента *бить* во фразеологизмах отличается особой сложностью и большим объемом. Большинство фразеологизмов с данным компонентом, обладая качественно новым значением, сохраняет живую связь со свободными словосочетаниями.

Диалектные фразеологизмы, в том числе и брянские, обладают более широкой, чем в литературном языке, за-

меняемостью их компонентов в пределах региональной фразеологии, которая создает большую вариативность, чем в литературном языке.

The author of the article analyzes semantics of phraseological units in Bryansk dialects on the basis of peoples names. Other Russian dialects and closely related east-slavonic languages are also used in the process of comparison. The author makes a conclusion about active contact of Bryansk dialects with the Belorussian and Ukrainian languages and about the predominance of names with negative connotation in this thematic group.

Key words: *dialect, semantics, phraseological unit, contacting of dialects, contacting of languages.*

Список литературы

1. Чагишева В.И. К изучению семантики диалектных фразеологизмов (на материале брянских говоров) // Брянские говоры: Сб. научных статей. – Вып.3 / ЛГПИ. Л., 1975.
2. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
3. Диброва Е.И. О фразеологии верхнедонских говоров. // Сб. Вопросы изучения русского языка. Тезисы V научно-методической конференции северокавказских зон. Ростов-на-Дону, 1962.
4. Гришечкина А.М. Фразеологизм как смыслообразующий феномен языковой системы и его влияние на языковую картину страны (на материале русского и французского языков) // Вестник Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. 2013. № 2. С.284-287.
5. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. Сб. статей под ред. акад. В.В.Виноградова. М., 1969.
6. Казачук И.Г. Управление объектных фразеологизмов: монография. Челябинск, 2006.
7. Радченко Е.В. Развитие значения глагольного компонента в процессуальном фразеологизме // Вестник ЮурГУ. 2011. № 22. С. 44-46.
8. Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1985. Т. 1.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.
10. Брянский областной словарь / Под ред. Н.И. Курганской. Брянск, 2007.
11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова М.-Л., 1965-2002. Вып. 1-35.
12. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного запаса говоров. Минск, 1973.
13. Манасенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковские говоры. Минск, 1989.
14. Добровольский, В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1994.
16. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
17. Коваль В.И. Диалектный брянский фразеологизм *кайсы бить*, его восточнославянские и балтийские параллели // Российско-белорусско-украинское пограничье: провинция как социокультурный феномен. Международная научно-практическая конференция. Брянск: РИО БГУ, 2009. С. 108-112.
18. Словарь русских донских говоров: В 2 тт. Ростов-на-Дону, 1999.
19. Зиновьева Е.И. Семантическая структура глагола бить по данным памятников русского языка и современных псковских говоров // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003.

Об авторе

Милютин Ю.В. – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

УДК 81'42

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПЕРВИЧНОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ЖАНРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Н.Д. Овчинникова

Данная статья рассматривает первый этап жанровой трансформации как изменения структурно-композиционного признака исследуемых жанров английских публичных выступлений и информационных газетных сообщений – первичную коммуникативную компрессию, исследуемую в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ванн Дейка. Особое внимание уделяется способам актуализации первичной компрессии – семантическим и структурным трансформациям.

Ключевые слова: *жанровая трансформация, первичная коммуникативная компрессия, ситуационная стратегическая модель, семантические трансформации, структурные трансформации.*

Осуществление жанровой трансформации обусловлено, прежде всего, современным состоянием функционально-стилевой системы английского языка. Новые эволюционные тенденции функционально-стилевой и жанровой дифференциации и интеграции (дифференциация мегастилей, интеграция макростилей в мегастили и др.) указывают

не только на соприкосновение, но и взаимопроникновение стилей и жанров, «наметившееся движение к огрублению всей стилиевой системы» [6, с.11], дают возможность выделить в системе функционального стиля множество «подвижных интегрированных подсистем» (термин К.М. Ирисхановой) [4], вступающих во взаимодействие.

Другим не менее важным, на наш взгляд, фактором, способствующим жанровой трансформации английского публицистического стиля, является общность коммуникативного контекста исследуемых жанров публичных выступлений (ПВ) и информационных газетных сообщений (ИГС), которая обусловлена их доминирующей функцией как жанров политического информирования.

Анализ системообразующих признаков ПВ и ИГС (коммуникативной цели, образа адресанта, образа адресата, событийного содержания), выявил респонсивный характер вторичного жанра ИГС по отношению к первичному жанру ПВ, что позволяет рассматривать информационные газетные сообщения как вторичный текст. Дифференцирующим признаком выступает языковая форма, - точнее структурно-композиционный признак – определяемая действием категории вариативности и подчиненными ей текстовыми категориями экономии и избыточности.

Трансформация как изменение структурно-композиционного признака исследуемых жанров происходит под действием текстовых категорий (экономии и избыточности) как обобщенной группы форм (варианта и инварианта), выражающих определенное понятие, в основе которых лежит закон/ принцип экономии, определяющий функционирование всех систем организма и проявляющийся в речевой деятельности.

Исследуемый материал показал, что экономия и избыточность ПВ связаны с такой их особенностью как развернутость, которая предполагает полное, точное изложение мысли с исчерпывающей характеристикой объекта речи. Являясь проявлением категории избыточности, развернутость обусловлена наличием компонентов эмоционального и рационального, пятичастной композиционной структурой, подготовленностью выступления, влиянием риторического аспекта изложения на структуру высказывания. Однако избыточные компоненты облегчают восприятие, способствуют экономии умственных усилий и выполняют воздействующую функцию.

В ИГС определяющей является категория экономии, что связано с исторически сложившейся тенденцией к краткому содержательному представлению ситуации в современной газете, а также со сформировавшимися конструктивными принципами газеты (стандартом и экспрессией) в зависимости от выполняемых ею функций (информативной, воздействия и убеждения). Композиционная структура ИГС, а также принцип «перевернутой пирамиды» при подаче материала свидетельствуют об избыточности.

Развернутость ПВ как проявление категории избыточности и краткость ИГС как манифестация категории экономии доминируют в исследуемых текстах. Однако избыточность занимает подчиненное положение по отношению к экономии, являясь экономной по своей природе.

Способом актуализации доминирующей категории экономии выступает компрессия, обусловленная линейностью и асимметрическим характером языкового знака. *Компрессия* как диалектическая категория единичного по отношению к общему (экономии) [7] понимается нами как обусловленный принципом языковой/ речевой экономии закономерный процесс, протекающий на всех уровнях языковой/ речевой структуры, имеющий результатом значительное сокращение плана выражения и плана содержания высказывания и обеспечивающий наиболее оптимальные условия обмена информацией между участниками коммуникации [5, с.7].

Системно-языковой подход к жанровой трансформации (рассмотрение результатов ее проявления на текстовом и пропозиционном уровне) впервые позволил выработать определенную закономерность ее осуществления: первичную и вторичную компрессию. Вслед за Н.С.Валгиной [2] представляется возможным трактовать первичную и вторичную компрессию как коммуникативную и семиотическую соответственно. В данной статье раскрывается механизм действия первичной компрессии.

Первичная коммуникативная компрессия, проявляющаяся на текстовом уровне, связана со свертыванием информации и определяется как процесс структурно-семантической трансформации ПВ в ИГС, связанный с изменением функционально-смысловых типов речи и исследуется в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка [3], которая объединяет разные дискурсивные аспекты текста: широкий коммуникативный контекст его производства и восприятия, а также прагматические, пресуппозиционные, стилистические, риторические и функциональные аспекты дискурса как фрагмента мира. Стратегический характер этой модели позволяет актуализировать такие смысловые грани дискурса, как понимание коммуникативной ситуации, прагматический и семантический аспекты дискурса, а также его структурно-стилистическую актуализацию.

Реализация первичной компрессии связывается с преобразованием тематической (семантической) и прагматической структуры текстов на основе изменения соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Взаимодействие информационного пространства ПВ с информационным пространством ИГС приводит к ряду семантических, структурных трансформаций и преобразованию функционально-смысловых типов речи. Рассмотрим трансформационный механизм: семантические и структурные трансформации.

Семантические трансформации – явления концептуального порядка. В основе функционирования компрессии в тексте лежат когнитивные структуры. Наличие глобальных тем, отражающих организацию информации на сюжетном концептуальном уровне, позволяет выделить когнитивные модели события, которые представляют собой сложные образования, модель ситуации, описываемой в ПВ и ИГС. Когнитивные модели имеют ядро и периферию с неопределенным множеством терминалов. Композиционная структура задает общую форму речевого произведения и его семантическое содержание. Проиллюстрируем воспроизведение когнитивных моделей ПВ в информационном пространстве ИГС на примере речи британского премьер-министра по проблеме терроризма [*Prime Minister's speech*

to the United States Congress – 1707/03] и соответствующего ей ИГС [*'History will forgive us'*. – 18/07/03].

В результате анализа в ПВ установлено 2 когнитивные модели события, актуализирующиеся во вступлении – угроза терроризма и средства борьбы с терроризмом. Каждая из них распадается на множество терминалов: 1 модель: *immediate threat, we have too much to lose, not all the world is free, a new virus – terrorism, it is not our power alone, but our beliefs*, и 2 модель: *the weapon of terrorism, inaction history will not forgive, alliance of Europe and America, functioning of the alliance*, что в целом составляет комплекс, соотносящийся с одной ситуацией. В ИГС присутствуют те же когнитивные модели события, но не все терминалы актуализируются в одинаковом объеме. Так, первая когнитивная модель события ИГС имеет меньшее количество терминалов: *terrorism, weapons of mass destruction, Iraq*.

Преобразование когнитивных моделей события при жанровой трансформации ПВ британского премьер-министра в соответствующее этому выступлению ИГС можно представить в виде следующей схемы:

Публичное выступление

Когнитивные модели события

Угроза терроризма

Средства борьбы с терроризмом

Терминалы

• immediate threat	* liberty	
• we have too much to lose	*the weapon of terrorism	
	• not all the world is free	* inaction history will not forgive
	• a new and deadly virus	* alliance of Europe and America
• it is not our power alone, but our beliefs	* функционирование союза	

Информационное газетное сообщение

Когнитивные модели события

Угроза терроризма

Средства борьбы с терроризмом

Терминалы

• terrorism	*the weapons of terrorism	
	• weapons of mass destruction	* inaction history will not forgive
	• Iraq	* alliance of Europe and America
	* функционирование союза	

Когнитивные модели вводят ключевую информацию, которая может уточняться и дополняться. Тот факт, что основные когнитивные модели события ПВ реализуются в тексте ИГС, свидетельствует о передаче глобальной темы. В работе выделены различные способы взаимодействия когнитивных моделей. Общеизвестно, что существуют различные формы выражения информации: полная, частичная и нулевая. Наиболее значимые из когнитивных моделей ПВ представлены в ИГС полностью. Частично передается повторяющаяся и дополнительная/ уточняющая информация. Избыточные элементы относятся к нулевой информации и в данном случае не передаются, хотя это не исключает введения дополнительной информации в ИГС в виде цитат политиков, конкретизации фактов.

Как известно, прагматическая имплицитная информация является «наслоением» на эксплицитную содержательно-фактуальную информацию и основана на концептуальном осмыслении автором текста сообщаемых событий, фактов, отношений. Одним из основополагающих факторов вариативности в выборе языковых средств выступает изменение прагматических задач в ИГС, что приводит к преломлению прагматических установок ПВ. В отличие от общей прагматической установки ПВ на интенсивное воздействие, рассчитанное на побуждение к действию, ИГС имеет две основные целеустановки: на наиболее оптимальную передачу информации и на ее оценку (в соответствии с функциями газеты). Частные целеустановки ПВ внутри общей прагматической установки на интенсивное воздействие могут частично передаваться в ИГС или существенно видоизменяться.

Анализируемый материал показал, что установки прямого воздействия ПВ при передаче в ИГС либо нейтрализуются в той или иной степени (установки на использование выразительных средств в целях наиболее эффективного воздействия, на использование элементов полемики и на побуждение к действию), либо существенно видоизменяются и становятся установками скрытого воздействия (установка на оценку). Установка скрытого воздействия на воздействие через информирование в ИГС становится самой актуальной коммуникативной задачей и достигается в результате взаимодействия установок производного текста на наиболее оптимальную передачу информации и на оценку.

Рассматривая соотношение эксплицитной и имплицитной информации при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте, мы приходим к выводу, что эксплицитно выраженная информация служит отправной точкой для адресата и является стимулом стилистических эффектов, с помощью которых автор направляет деятельность, формирует мнения адресата. Стилистические эффекты тесно связаны и с имплицитной информацией. Категория выделенности/ фоновости, материализуемая посредством сильных и слабых позиций в композиционной структуре, специальных фигур выдвижения, а также приписываемых предложению ролей [8], акцентирует внимание реципиента на тех участках текста, где закодирована имплицитная информация, с помощью которой автор передает свое видение мира.

Информация репрезентируется как когнитивные структуры в сознании реципиента, в языковом плане информация структурируется композиционно, поэтому семантические трансформации связаны со структурными изменениями в ИГС: изменением порядка следования частей ПВ под действием газетной прагматики.

Структурные трансформации

А) *Изменение композиционной структуры* предполагает трансформацию композиции ПВ в «перевернутую пирамиду» в ИГС.

Наблюдаются следующие закономерности трансформации композиционной структуры ПВ. Основные когнитивные модели события, актуализируемые в основной части ПВ, полностью передаются в основной части ИГС. Не является исключением и заключение ПВ: содержащаяся в нем информация передается в заключающем абзаце или основной части ИГС. Использование в ИГС вступления ПВ факультативно: оно передается частично во вводящем абзаце или основной части. Зачин и концовка ПВ в ИГС не передаются.

Б) *Преобразование высказывания ПВ в часть текста ИГС*

Абзац или несколько абзацев ПВ обычно заменяются предложением или фразой в ИГС.

Приведем несколько примеров структурных трансформаций. Например, когнитивная модель события «угроза терроризма», которой в ПВ соответствует абзац «*Members of Congress, I feel a most urgent sense of mission about today's world. September the 11th was not an isolated event, but a tragic prologue, Iraq another act, and many further struggles will be set upon this stage before it's over*» [17/07/03], передается в ИГС [18/07/03] частично лексемами: *terrorism, weapons of mass destruction, Iraq*.

Для доказательности и объективности возможно использование в ИГС полной или частичной цитации ПВ. Например, термин «*inaction history will not forgive*» представлен в ПВ несколькими абзацами, построенными на основе стилистической конвергенции:

This isn't fallacy, it is 21st-century reality, and it confronts us now. Can we be sure that terrorism and weapons of mass destruction will join together? Let us say one thing: If we are wrong we will have destroyed a threat that at its least is responsible for inhuman carnage and suffering. That is something I am confident history will forgive.

But if our critics are wrong, if we are right, as I believe with every fiber of instinct and conviction I have that we are, and we do not act, then we will have hesitated in the face of this menace when we should have given leadership. That is something history will not forgive.

But precisely because the threat is new, it isn't obvious. It turns upside-down our concepts of how we should act and when, and it crosses the frontiers of many nations. So just as it redefines our notions of security, so it must refine our notions of diplomacy [17/07/03].

В данном фрагменте основная информация выражена чрезвычайно экспрессивно: оратор использует приемы, характерные для публичной речи (синтаксический параллелизм, лексический повтор, метафору, градацию, гиперболизацию). Приведенным выше абзацам соответствует лишь одно предложение в газетном сообщении, подкрепленное цитатой, которое вводится речью автора с глаголом *insist*, что позволяет передать ключевую мысль ПВ, выделенную стилистически, благодаря цитированию речи оратора:

With critics likely to seize on his admission, Mr Blair insisted¹⁵ that he still believed he would be proved right. "If our critics are wrong, if we are right as I believe with every fibre of instinct and conviction I have that we are, and we do not act, then we will have hesitated in the face of this menace when we should have given leadership; that is something history will not forgive." [18/07/03]

В случае частичного цитирования автор статьи включает в свой текст ключевые, с его точки зрения, элементы из ПВ. Например: передавая выступление лидера либерально-демократической партии, обозначившего основные цели партии, автор ИГС приводит только частичные цитаты ("*post-Blair era*", "*a more liberal country*"):

Charles Kennedy set Liberal Democrat sights on the "post-Blair era" yesterday when disappointed voters will turn to his party to provide the kind of open and consensual government that "a more liberal country" like Britain wants [26/09/03].

Перечисленные семантические и структурные трансформации способствуют наиболее эффективной передаче информации и участвуют в создании оценки в производном тексте.

Таким образом, реализация первичной компрессии на основе сохранения ключевой фактуальной информации, составляющей основу построения концепта высказывания, предполагает передачу диктемого строения текста [1], но в языковом плане текст информационного газетного сообщения подвергается парафразовым трансформациям, т.е. происходит преобразование парадигматического и синтагматического содержания диктемы. Парафразовая трансформация основана на стилистически окрашенной грамматической вариативности и связана с различными языковыми формами передачи концепта высказывания: экономными конструкциями в ИГС и развернутыми или избыточными – в ПВ, что создает условия для семантико-стилистической дифференциации языковых единиц.

При первичной коммуникативной компрессии происходит одновременное уменьшение двух планов языка. Однако информативность текста ИГС не только уменьшается, но и повышается за счет употребления более кратких единиц языкового кода и их редукции.

This article highlights the first step of genre transformation – primary communicative compression which is considered within the framework of situational strategic model. Special attention is given to the forms of its actualization – semantic and syntactic transformations.

Key words: *genre transformation, primary communicative compression, situational strategic model, semantic transformation, syntactic transformation*

¹⁵ *Insist* – dwell at length or with emphasis on/ upon a matter; assert or maintain persistently, or positively (OED VII: 1030); say firmly and repeatedly that smth is true, especially when other people think it may not be true (LDCE: 736).

Список литературы

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка// Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: Сб. статей к юбилею проф. М.Я. Блоха. Часть 1. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2004. – с.10-31.
2. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280с.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация/ Пер.с англ. Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова – М.: Прогресс, 1989 – 311с.
4. Ирисханова К.М. Коммуникативные форманты стиля// Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации. Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1987 – Вып. 286. - с.26-33.
5. Куряков В.Н. Компрессия как особенность американского военного текста (на материале боевых приказов армии США): автореф. дисс...к.ф.н. – М., 1991 – 17с.
6. Наер В.Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции// Лингвостилистические особенности научного текста – М.: Наука, 1981 – с.3-13.
7. Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2003 – 735с.
8. Backlund J. Grounds for prominence// Studia neophilologica. – Amsterdam, 1988. – vol.60 № 2/1. – p.37-61.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd edition. – Oxford University Press, 1995. - (LDCE)
10. The Oxford English Dictionary. – 2nd edition. – Clarendon Press: Oxford, 1989. - (OED)

Цитируемые источники:

1. Prime Minister's speech to the United States Congress – 17/07/03
2. 'History will forgive us'. – 18/07/03
3. Kennedy rallies party with pledges for 'post-Blair era'. – 26/09/03

Об авторе

Овчинникова Н.Д. - кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), ovchinnikovand@mail.ru

УДК 81'44

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ-НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТОВ «PROFESIÓN» И «ПРОФЕССИЯ» В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Оганова

Статья посвящена диахроническому изучению происхождения и семантического развития лексем-номинантов концептов «profesión» и «профессия», основанном на анализе этимологических и толковых словарей русского и испанского языков.

Ключевые слова: концепт, лексема-номинант, этимология, история.

Термин «концепт» возник как понятие математической логики, однако с течением времени закрепился в психологии, культурологии, философии и когнитологии, став междисциплинарным термином или, по определению Е.С. Кубряковой, «зонтичным»: покрывающим предметные области нескольких научных направлений, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации [3, с. 7].

В языковой картине мира концепты отражают базовые, фундаментальные понятия культуры, в которых выражаются особенности менталитета этнических групп. Являясь единицей ментального мира человека, концепт становится более широкой категорией, нежели слово, поскольку соотносится более чем с одной лексической единицей, а также включает в себя ментальные признаки того или иного явления в том числе и невербальные.

Концепт «профессия», как и любой другой концепт, представляет собой многомерное, объемное ментальное образование. Концепт "профессия" является универсальным концептом, созданным человеком для описания его трудовой деятельности, рода занятий, способа зарабатывать на жизнь и рассматривается как ценностная доминанта в обществе. Данному социально-экономическому явлению посвящены отдельные исследования в области философии, социологии, психологии, политологии. Профессия как феномен получает множественное обозначение в русской и испанской языковой картине мира, однако, в основе понятия «профессия» лежит исходное основное значение лексемы «профессия», которое реализуется в следующем определении: основной род занятий, трудовой деятельности. Рассматриваемый концепт обладает сложной структурой и, на наш взгляд, трудно охватить все лексические единицы, которые отражают этот концепт в русском и испанском языках. Очевидным является факт соответствия лексем-номинантов данного концепта - «профессия» и «profesión» в исследуемых языках, что обусловлено их общим происхождением. Поэтому для полного определения, понимания и осмысления данного концепта обратимся к историко-этимологическому анализу слов-номинантов.

В первую очередь, стоит разграничить этимологию и историю слова. Этимология – одна из древнейших отраслей языкознания. Термин *ετυμολογία*, образованный из слов *ἐπί* 'истина' и *λογος* 'слово, учение' и имел следующие первоначальное значение – 'наука об истине', или об истинном значении слов. Этимологический анализ воссоздает забытое говорящим, неизвестное ему ранее значение слова, раскрывает его первоначальную основу, дает воз-

возможность восстановить иноязычное происхождение слов. История же помогает следить за историческими судьбами слова с любого момента его жизненного пути. История языка, как научная дисциплина, немислима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории общественной мысли. История и этимология языка неразделимо связаны между собой. Этимология, оторванная от реальной истории слова-вещи, теряет под собой твердую социально-бытовую почву и превращается в пустую игру воображения [1, с.19].

Прежде чем задумываться о происхождении слов «профессия» и «profesión», углубимся в историю для определения времени или эпохи, когда появились первые профессии. Скорее всего, процесс зарождения первых профессий происходил во время первобытнообщинного строя, ведь ранее каждому человеку приходилось самостоятельно выполнять все виды работ для своего жизнеобеспечения. Вследствие объединения людей в небольшие группы (общины) каждый член подобного общества начинал играть свою собственную роль для реализации общего блага: один занимался охотой, другой земледелием, третий собирательством. Так, появилось первое разделение труда и, возможно, первые профессии, ведь для выполнения множества работ необходимы были специальные навыки, большинство видов деятельности требовали особой подготовки и опыта для их реализации.

Однако здесь и стоит задуматься о сущности профессии и ее отличиях от рода занятий, ремесла, вида деятельности, специальности. В современном русском языке слово «профессия» выступает в следующих значениях: 'Род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки' [5, с. 845], 'характер трудовой деятельности, служащий источником существования' [7, с. 1023]. В русском языке чаще всего встречаются такие синонимы ядерной лексемы «профессия», как «специальность», «занятие», «дело», «ремесло».

Специальность – 1. отдельная отрасль науки, техники, мастерства или искусства.. 2. То же, что профессия [6, с. 504].

Занятие – 1. то, чем кто-н. занят, дело, труд, работа, а также вообще заполнение чем-н. своего времени. 2. Род занятий (род деятельности, характер работы, специальность) [Там же, С. 97].

Дело - работа, занятие, деятельность... сфера знаний, деятельности, работы [Там же, С. 54].

Ремесло – 1. требующая специальных навыков работа по изготовлению каких-н. изделий ручным, кустарным способом. 2. профессия, занятие [Там же, С. 453].

В испанском языке кроме лексемы-номинанта «profesión» - *empleo, facultad u oficio que alguien ejerce y por el que percibe una retribución* [12]; в ядерное поле концепта входит большое количество лексем-экспликантов:

Ocupación - trabajo, empleo, oficio. [Там же.].

Actividad - conjunto de operaciones o tareas propias de una persona o entidad. [Там же.].

Trabajo - 1. m. acción y efecto de trabajar. 2. m. ocupación retribuida.

Labor - acción y efecto de trabajar. [Там же.].

Oficio - 1. m. ocupación habitual. 2. m. cargo, ministerio. 3. m. profesión de algún arte mecánica. [Там же.].

В семантической структуре данных лексем, входящих в ядерное поле исследуемого концепта, выделяется компонент, связанный с родом занятий, видом деятельности. Мы согласимся с положением о том, что наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности определенного участка языковой системы, а следовательно, и об актуальности этого концепта для национальной картины мира [2, с. 111].

Некоторые определения практически ставят знак равенства между ручным трудом (ремеслом), и профессией, занятием вообще, т. е. «профессия» включает в себя понятие обо всяком труде, требующем умений и навыков. Однако дефиниция, предложенная социологическим словарем, все же качественно выделяет лексему «профессия» из ряда синонимов, подчеркивая, что профессия – это «род занятий, вид трудовой деятельности, требующий определенной подготовки, наличия необходимых знаний, умений, навыков, приобретаемых в результате специального обучения [11]. Этой точки зрения придерживается и Большая советская энциклопедия, определяющая профессию, как «вид трудовой деятельности (занятий) человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретённых в результате специальной подготовки» [10]. Интересным является тот факт, что подобный оттенок значения слова «profesión» не зафиксирован в испанском языке, где «profesión es un empleo, oficio o actividad que se realiza habitualmente a cambio de un salario» [16], «empleo, facultad u oficio que cada uno tiene y ejerce públicamente» [Там же.]. Из этого следует, что данная лексема имеет сходное значение со словом «trabajo» - labor, deber, relación y responsabilidad que debe realizarse para el logro de un fin determinado y por el cual se percibe una remuneración. Но обратившись к современным источникам информации, мы обнаружили, что в испанской лингвокультуре рассматриваемая нами лексема выходит далеко за рамки дела, занятия, приносящего заработок. Подобно соответствующей ей лексеме русского языка «профессия» приобретает новый смысл и становится широким понятием, включающим следующие значения: «trabajo u oficio a cambio de una remuneración, particularmente el que requiere estudios especiales», «las profesiones son ocupaciones que requieren de conocimiento especializado, formación profesional, control sobre el contenido del trabajo, autorregulación, espíritu de servicio a la comunidad (altruismo), y elevadas normas éticas» [15]. Таким образом, в современном испанском языке профессия подразумевает не только выполнение ряда обязанностей сотрудника, но и целый перечень квалификационных требований к нему, как представителю определенной профессии. В современном обществе в условиях рыночной экономики и финансового кризиса невероятно трудно найти свое место на рынке труда, поэтому для достижения большей конкурентоспособности необходимо получать качественное образование для последующего трудоустройства.

Таким образом, профессия все-таки предполагает образование более высокого уровня, приобретение навыков

решения проблем, а также наличие диплома, подтверждающего владение определенным багажом знаний. Освоить какое-либо ремесло сравнительно несложно, ведь характер работы со временем практически не меняется. Получить профессию значительно труднее; к тому же профессионалам необходимо постоянно практиковаться и повышать свою квалификацию. Рост значимости профессионализма обусловлен сменой профессиональных предпочтений и приоритетов в обществе. На сегодняшний день основным принципом трудовой деятельности является постоянное обновление знаний и освоение новых, востребованных профессий. В числе необходимых качеств работника выделяются широкий профессиональный профиль, динамизм, творчество, способность к грамотной оценке, социальная ответственность.

Однако столь актуальный для нынешнего общества концепт «профессия» появился задолго до индустриальной революции. Он эволюционировал во времени и стал продуктом исторического развития, в процессе которого создавались и обновлялись различные по своей природе виды деятельности, превращаясь в современные, специальности и профессии. О древних корнях лексемы-номинанта «profesión» свидетельствует одно из значений, которым обладает данное слово в испанском языке, а именно «acción de profesar en una orden religiosa, ceremonia realizada con ese objeto» [12], т.е. исповедовать некую религию, либо свершить обряд исповедания. Для определения связи между «профессией» и «религией» обратимся к этимологии слова. Этимологический анализ устанавливает анализ слова, его первоначальную структуру, значение, прежние словообразовательные связи. Этимологический анализ – важный инструмент анализа имени номинанта, который поможет нам выяснить в какой форме, с каким значением, на базе какого языка возникло интересующее нас имя.

Согласно этимологическому словарю Х. Короминаса «profesión» имеет латинские корни и восходит к глаголу «profiteor» – *открыто заявлять, прямо говорить, объявлять, признавать*, который в свою очередь берет начало от глагола «fateor» – *выказывать, показывать, указывать, обнаруживать* и префикса *pro-*(перед), в значении (перед всеми, на виду) [9, с. 477]. Изначально данный глагол употреблялся лишь в отношении служителей церкви, священников и монахов, которые зачитывали священные писания, говорили публично, перед всеми, доносили слово божье у всех на виду. Старшие, опытные епископы передавали свои навыки и умения ученикам, тем самым обучая их тайнствам своего ремесла. Исходя из этого, первой профессией можно считать профессию священника. Позже глагол «profiteor» получил новые значения, одним из которых стало «*публично говорить, заявлять о своей специальности, занятии, роде деятельности*» [13]. Образованное от него существительное «professio» надежно закрепилось в романских языках, так например, французское – profession, итальянское – professione, португальское – profissão, румынское – profesie. В испанской лингвокультуре это латинское слово приобрело свойственный испанским существительным суффикс – sión, надежно закрепившись в языке и по сей день. Слово «profesión» претерпело значительные изменения в семантике: от изначального «*изъявление, выражение, официальное объявление*» до современного «*вид деятельности, род занятий*».

По данным Nuevo Diccionario Histórico de la Lengua Española (RAE), первое упоминание лексемы «profesión» в письменных источниках датировано 1292 годом, в произведении «Castigos del rey don Sancho IV», автор которого не установлен [14]. Незадолго до этого, в XI – XII веках, в хозяйственной жизни Средневековой Европы произошли существенные изменения, связанные с ростом городов, появлением новых способов производства, развитием техники, различных видов ремесел и промыслов.

Что касается русского языка, обращает на себя внимание тот факт, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, отражающего в большей степени язык XIX века, слово «профессия» не зафиксировано, что свидетельствует о сравнительно недавнем появлении данной лексемы в русском языке (конец XIX начало XX века). Однако концепт, выражающий род занятий, вид трудовой деятельности, существовал в русской лингвокультуре и до активного внедрения лексемы «профессия» в русскую языковую традицию. Так, в словаре В. Даля отмечено слово «ремесло», выступающее в следующих значениях: «*рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб; само занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда*» [4, с.521]. Таким образом, ремесло нуждается в физической силе и подготовке, профессия же требует специального образования, знаний, полученных в процессе обучения. В Россию слово «профессия» пришло из старофранцузского языка на рубеже XIX и XX веков. Однако влияние французского языка стало ярко проявляться еще в XVIII веке, когда он превратился практически в официальный язык дворянства, пополнив русский язык десятками заимствований. Появление слова «профессия», очевидно, было связано с индустриальной революцией, окончательным вытеснением ремесел промышленным производством, использованием новых технологий, для овладения которыми необходимо было получать специальное образование.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что концепт «профессия» является особенно важным, ценным и актуальным для носителей обеих лингвокультур в настоящее время. Глобализация, развитие нанотехнологий, всемирная компьютеризация требуют появления новых профессий и специалистов высокого уровня. Все эти изменения отражаются и в языке, расширяя и дополняя лексико-семантическое поле исследуемого концепта. Будучи связанным с такими смежными концептами, как «человек», «труд», «лень», «образование», влияющими друг на друга и дополняющими друг друга, концепт «профессия» образует концептуальную картину мира, в которой взаимодействует человеческое, национальное и личностное.

The article is dedicated to diachronic study of the origin and semantic development of the representatives of the concepts "profesión" and "профессия", based on the analysis of etymological and explanatory dictionaries of the Spanish Language and Russian Language.

Key words: *concept, representative, etymology, history.*

Список литературы

1. Виноградов, В.В. История слов [Текст] / В.В. Виноградов. М.: Толк, 1994.
2. Карасик, В.И. Языковой круг [Текст] / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004.
3. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004, № 1.

Словари

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. - М.: Олма, 2007.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Текст] / Т.Ф. Ефремова. - М.: Дрофа, 2000.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И Ожегов, Н.Ю. Шведова. - 7-е изд. - М.: Русский язык, 1985.
7. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Текст]: В 3 т. Т. 3 / Д. Н. Ушаков. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. [Текст]: В 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. - М.: Изд-во Прогресс, 1987.
9. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana [Texto] / J. Corominas. - 3 ed. - Madrid: Gredos, 2008.

Электронные ресурсы

10. Большая советская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.sci-lib.com/>. (Дата обращения: 28.07.2013).
11. Социологический словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://vslovare.ru/slovo/sotziologicheskiijslovar/professija/>. (Дата обращения: 29.07.2013).
12. Diccionario de la lengua española (DRAE): [Электронный ресурс]. URL: <http://rae.es/recursos/diccionarios/drae/>. (Дата обращения: 24.07.2013).
13. Lingua Eterna. Русско-латинский словарь: [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=36501/>. (Дата обращения: 30.07.2013).
14. Nuevo diccionario histórico de la lengua española: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frl.es/Paginas/Corpusdiccionariohistorico.aspx#/>. (Дата обращения: 27.07.2013).
15. Profesiones: [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/miyelo25/que-es-la-profesion/>. (Дата обращения: 28.07.2013).
16. The free dictionary: [Электронный ресурс]. URL: <http://es.thefreedictionary.com/profesi%C3%B3n/>. (Дата обращения: 25.07.13).

Об авторе

Оганова А.А. – аспирантка Пятигорского государственного лингвистического университета, *melkumianchik@mail.ru*

УДК 811.112.2

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЛЕКСИКОНОВ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА XIX-XX ВЕКОВ

В.Н. Покура

В данной статье анализируется материал словарей немецкого молодежного жаргона XIX-XX веков с позиций гендерной лингвистики, что позволяет раскрыть гендерные асимметрии в языке и обществе рассматриваемого промежутка времени. Особое внимание уделяется анализу лексики словаря Г. Кюппера, который до сих пор представляет собой образец лексикографического источника.

Ключевые слова: *гендер, маскулинность, фемининность, лексикография, немецкий.*

Гендерный подход как теоретическое направление в науке представляет собой оппозицию традиционным исследованиям отношений между полами, основанным на дифференциации ролей и статусов мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности.

Гендерная лингвистика изучает и отражение гендера в языке (лексику, стереотипы фемининности, маскулинности, гендерные асимметрии), и речевое поведение представителей мужского и женского пола (контекст, языковые средства). На современном этапе интерес для ученых представляют «особенности гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадение, а также последствия этого несовпадения в межкультурной коммуникации» [2, с. 139].

Немецкие лексикографические источники XIX-XX веков дают исследователю возможность изучить распреде-

ление гендерных ролей в обществе в определенный период его развития. Стоит отметить, что для проведения исследования нами были отобраны словари жаргонизмов, встречающихся в языке молодежи. На наш взгляд, данные источники отражают подлинное распределение гендерных ролей в обществе.

Гендерные роли – это вид социальных ролей. Интерес к их специфике, классификации, возникший в первой половине XX столетия, можно объяснить тем, что именно исследование социальных ролей проясняет особенности поведения личности и ее взаимодействие с социальной средой. Термин «роль» впервые при изложении своих концепций ввели Дж. Мид и Р. Линтон. Понятие роли было заимствовано из сферы театра и использовалось как метафора для обозначения ряда феноменов социального поведения [3, с. 140].

Гендерные роли – это роли, обусловленные дифференциацией людей в обществе по признаку пола. На уровне культуры они существуют в контексте определенной системы половой символики и стереотипов маскулинности и фемининности. Гендерные «роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении» [5, с. 765].

Гендерные роли, происхождение и развитие, основные характеристики рассматриваются в рамках различных социологических, психологических и биосоциальных теорий. Проведенные исследования свидетельствуют, что на их формирование оказывают влияние общество и культура, закрепленные в них представления о содержании и специфике гендерных ролей. В ходе исторического развития общества содержание гендерных ролей подвергается изменениям. Удар по убеждению о том, что мужчины и женщины от природы созданы для выполнения определенных ролей, нанесла Маргарет Мид в своей книге "Пол и темперамент" [11, p.279]. Одна из идей, декларируемых женским движением 70-х годов, состояла в том, что традиционные гендерные роли сдерживают личностное развитие и реализацию имеющегося потенциала. Она послужила толчком для концепции Сандры Бем, в основе которой лежит понятие андрогинии, согласно которой любой человек, независимо от его биологического пола, может соединять в себе традиционно мужские и традиционно женские качества [8, p.165]. Это позволяет людям менее жестко придерживаться полоролевых норм и свободно переходить от традиционно женских занятий к традиционно мужским и наоборот. На современном этапе имеются данные о том, что выполнение многих ролей способствует психологическому благополучию человека.

Гендерные роли зависят не только от культуры, но и от исторической эпохи. И. С. Кон отметил, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов фемининности-маскулинности отличалась следующими характерными чертами: женские и мужские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; женские и мужские функции были не просто взаимодополняющими, но и иерархическими, женщине отводилась зависимая, подчиненная роль [3, с. 26-30].

Для рассмотрения в данной статье были выбраны лексиконы молодежного жаргона XIX века Л.Валлиса [15] и И. Фольмана [14], а также словарь XX века Г. Кюппера [10], из которых был отобран материал, интересующий нас в рамках гендерного подхода. Исследование позволило рассмотреть гендерные роли (нормы речевого поведения мужчин и женщин в XIX и XX веках).

Даниель Людвиг Валлис опубликовал в 1813 году пособие для молодого человека, которому предстоит учиться в Геттингене, университетском городе на юге земли Нижняя Саксония в Германии (*Der Göttinger Student, oder Bemerkungen, Rathschläge und Belehrungen über Göttingen und das Studentenleben*). Именно для «молодого человека», ведь в предисловии к словарю «Наиболее используемые выражения в речи студентов» читаем: «*Der Student, der durch sein ganzes Wesen sich von allen nicht studirenden Jünglingen unterscheidet...*» [15, S. 140], использование слов *der Student, der Jungling* исключает ориентированность данного словаря на женскую аудиторию, что вполне объяснимо, ведь в начале XIX века студентами являлись исключительно представители мужского пола.

В самом тексте словарной статьи находим (все примеры даются в оригинальной орфографии): «*Besen ist der Titel, den man jedem weiblichen Wesen bey legt. So gibt es nach den verschiedenen Ständen und Gewerben: Florbesen, Catunbesen, Waschbesen, Küchenbesen usw. Weil diese sich durch die Benennung aber nicht besonders geehrt fühlen, so läßt man es sie selten hören so wie es bey eigentlichen Damen fast ganz außer Gebrauch ist*». [15, S.149] Таким образом, понятие *Besen* относится ко всему женскому полу, в то время как непосредственно женщинами в речи не употребляется, поскольку является непочтительным.

Рассмотрим другой пример: «*Poussement ist das weibliche Wesen dem man vorzüglich den Hof macht. Jeder Student pflegt sich ein Poussement auszusuchen, dem er aber seltn treu zu bleiben denkt*». [15, S.169] *Poussement* – представительница женского пола, за которой «увивается» молодой человек. Автор отмечает, что несмотря на то, что каждый уважающий себя студент пытается найти себе *Poussement*, он все же редко хранит ей верность. Можем сделать вывод, что и данное понятие представляет собой пейоратив.

Отметим, что в приведенных выше примерах для раскрытия того или иного понятия использовалось слово среднего рода *das Wesen*, имеющее в современном языке значение «существо», с добавлением определения *weiblich*, то есть женского пола. Однако, при расшифровке определений, относящихся к мужскому полу, слово *das Wesen* не встретилося ни разу: «*Student In Göttingen ist kein Unterschied zwischen Burschen und Studenten. Auf Universitäten, wo Landsmannschaften existiren nennt man diejenigen Jünglinge...Im Ersten Semester heißen die Ankömmlinge Füchse. Im zweyten Brander. Im dritten Junge Burschen. Im vierten alte Burschen. Im fünften Bemooste Häupter. Im sechsten Philiftranden. Vor der Immatrikulirung heißen die Neuangekommenen Maulthiere, weil sie schon halb Studenten und noch halb Pennäle sind. Beym Abgange von der Universität wird aus dem Studenten ein Philister. Alle diese Titel sind Ehren Titel*

und keineswegs beleidigend. Es schämt sich deshalb auch Niemand derselben». [15, S. 181] Автор подчеркивает, что перечисленные выше «звания» являются почетными, и их не стоит стыдиться. Обращая внимание на словообразование стоит отметить использование суффиксов **-ling**, **-er**, являющихся показателями мужского рода.

Во вступлении к словарю 1846 года (*Burschicoses Wörterbuch*) И. Фольман также обращается к представителям мужского пола: «**Deutsche Burschen!** ... **Füchse**, die ihr nach der Kenntniss burschicoser Sprache... **Polytechniker**, die ihr dem *Cerevisius* fröhnt, **Gymnasiasten**, die ihr alle Hoffnung achten ... **Penaler**, die ihr euch an der nassen Form ergötzt euch allen zur Einleitung einen deutschen Stiefel vor...» [14, S.5] Но в данном словаре слов, обозначающих представительниц женского пола, на порядок больше, при этом стоит обратить внимание на то, что большинство слов являются заимствованиями из латинского и французского языков: *Actrice, Alte, die Mama, eine alte Philistresse, Fräulein, Jungfer, ein Buzapparat, das Hausbillard, das Hausklavier, die Flöte, die Mairaze, die Federbüchse, die Mappe, die Knallbüchse, die Pelzmühte, die Nabetreibe, die Coquette, die Pomadebüchse, die Glacéflöte, die Pariserstute, Madame, das Hausübel, die Puffhalterin, die Tante, Mademoisell, Madonna, eine Huldgöttin, eine liegende Göttin*. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что главная роль женщины – это, по-прежнему, роль жены, возлюбленной.

В словарной статье к понятию латинского происхождения *Sylva nuptialis* (в значении «*Hochzeitsmaterlalien, Hochzeitserfordernisse, Frauenattribute*») И. Фольман приводит стихотворное произведение, в котором перечисляются исключительно внешние характеристики, которыми должна обладать женщина. Если же таковых не имеется в наличии, она не сможет найти себе мужа и, следовательно, не исполнит свое единственное предназначение:

*Sollen, Mädchen, schön dich heissen Knaben,
Musst du diese dreissig Dinge haben;
Helena, ein flotter Griechenbesen,
Sagt man, sei von solcher Art gewesen.
Weisse Haut und weisse Zähne gefallen,
Blonde Haare stehen trefflich Allen,
Schwarze Augen, Foz und Augenbrauen,
Rothe Lippen, Nägel, Knie erbauen.
Lang sei Körper; Haar und Hand gerathen,
Zähne, Ohren, Fuss doch nicht gleich Latten,
Breit sei Brust und Arsch, die Augenbraunen
Solten nahe nicht zusammen zaunen.
Eng sei Eingang, Scheide für den Schweo,
Mund und Arsch und Scham sind leid nicht sehleo.
Feine Finger; Haare, Lippen zieren,
Kleine Nase, Brust und Kopf verführen.
Hat sie wenig, oder nichts von Allem
Taugt sie nichts und kann auch nicht gefallen [14, S. 440].*

Мужчина же у И. Фольмана – это *Adonis, Akademiker, ein Musensohn, Hausphilister, Herr*. Таким образом, в лексиконе подчеркивается превосходство мужского пола.

«Словарь немецкого молодежного языка» Г. Кюппера («*Jugenddeutsch von A bis Z*») до сих пор является образцом лексикографического источника. Как отмечает автор, жизненный и профессиональный опыт, атмосфера в семье, воспитание, образование, воздействие окружающей среды, а также возраст и пол находят отражение в словарном запасе человека и истинный исследователь языка обязан обращать внимание на вышеперечисленные пункты, чтобы «слепо не провозгласить частности действительными для всех».

Анализируя словарный состав данного лексикона, особое внимание мы уделяли словам, обозначающим пол, семейное положение, род занятий, характер, возраст, взаимоотношения, особенности образа жизни.

В рассмотренных словарных статьях встретилось всего 165 слов, относящихся к женскому роду, из них:

- 27% слов с суффиксом **-in/(-in)** (*Kellnerin, Chemiestudent(in)*);
- 20% слов, содержащих компоненты **-biene(-bienchen) /-maus(-mäuschen)/-hase/-ziege/-kuh** (*Labormäuschen, Motorbiene, Zimtziege, Tastenhäschen*);
- 17% слов с корнями **-frau/-fräulein/-weib/-mädchen/-dame/ -lady/-madam** (*Schokoladenfrau, Bardame, Tugendweib*);
- 12% слов с составляющими **-hexe/-najaде/-nymphe/-primadonna/-hydra/-fee/-baby/-bombe/-supergirl** (*Biernajade, Wasserstoffhexe, Bikini-bombe*);
- 12% слов с компонентом **-zahn** (*Bierzahn, Maizahn*);
- 6% составили субстантивированные прилагательные с окончанием **-e**. (*Dreißigjährige(r)*);
- 4% слов с корнями **-schwester/-tochter/-tante/-mutter/-mutti**. (*Saftschwester, Party-Tante*);
- 1,2% слова с пометой **(f)** (*Badende*).

Статистика употребления рассмотренных выше компонентов представлена в диаграмме 1.

Приступая к изучению материала словаря, мы выдвинули предположение о том, что представленные в нем слова для описания лиц мужского пола будут в большинстве своем связаны с учебой, работой и общением, а слова для женского пола будут относиться к концепту «семья». Приведенные ниже диаграммы отражают количественное соотношение слов, относящихся к мужскому и женскому полу, связанных с концептами «семья» и «учеба» (диаграммы 2,3).

Диаграмма 2

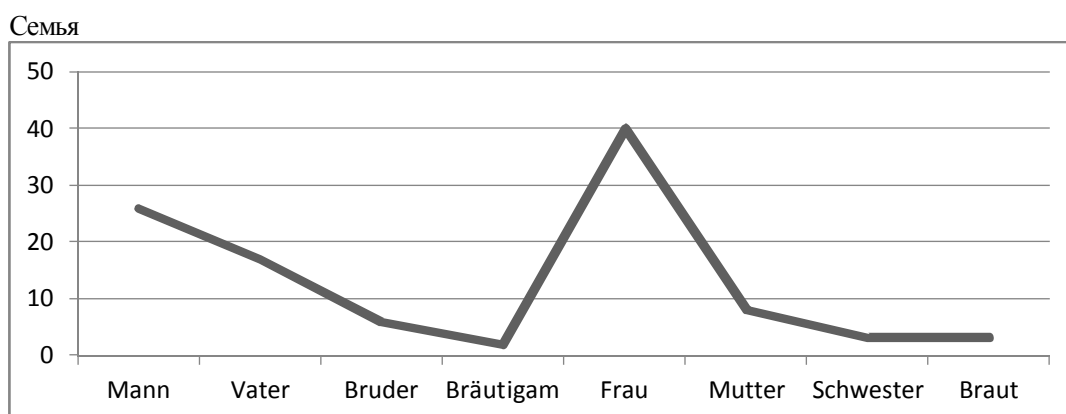
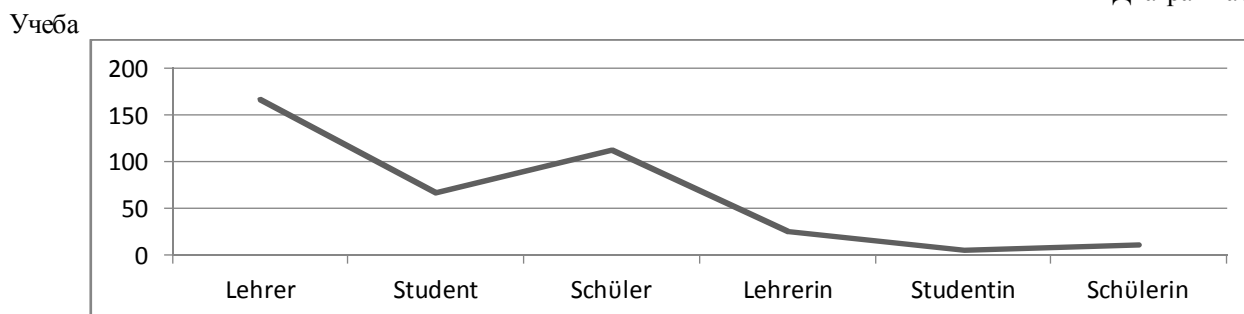

Диаграмма 3

Как следует из диаграмм, в сфере как семейных отношений, так и образования больше синонимов мужского рода, что свидетельствует о характерном для XX века распределении гендерных ролей. В то время как мужчина, исполняющий многообразие ролей, доминирует в сфере общественных отношений, женщине отводятся роли жены, матери, возлюбленной.

Стоит отметить сниженность лексических единиц, относящихся к женскому полу: *Fetlawine, Kotelettlokomotive, Ziege, Hüpfmadam, Hydra, Klubmaus*.

На примере устойчивых словосочетаний с компонентом **Zahn** (со значениями *Mädchen; intime Freundin; Prostituierte*), можем проследить, что из рассмотренных к пейоративной лексике относятся 18 из 30: *abgelaufener Zahn* = verlassenes Mädchen, *blonder Zahn* = blonde Freundin eines Halbwüchsigen, *dufter Zahn* = hübsches Mädchen, *falscher Zahn* = untreue Freundin, *fauler Zahn* = Mädchen, dessen Zuneigung man verliert; Mädchen, das seines Freundes überdrüssig ist, *flotter Zahn* = Mädchen, das sich von der Geselligkeit nicht ausschließt, *geiler Zahn* = Soldatenhure mit großen geschlechtlichen Ansprüchen, *geschaffter Zahn* = geschlechtlich sehr anziehendes Mädchen, *goldener Zahn* = reiche Freundin eines jungen Mannes, *jm einen Zahn ziehen* = jm ein Mädchen abspenstig machen, *einen Zahn reißen* = ein Mädchen erobern, *tippender Zahn* = Stenotypistin, *toller Zahn* = sehr nettes Mädchen, *toter Zahn* = hässliches Mädchen, *weicher Zahn* = nachgiebiges Mädchen, *neuer Zahn* = neues Mädchen in einer Gruppe, *satter Zahn* = sympathisches Mädchen, *saurer Zahn* = unleidliche weibliche Person, *scharfer Zahn* = liebesgieriges Mädchen, *schräger Zahn* = leichtes Mädchen, *spitzer Zahn* = sinnlich veranlagtes Mädchen, *ständiger Zahn* = fester Freund, *steiler Zahn* = sehr hübsches Mädchen in reizvoller Aufmachung, *irrer Zahn* = sehr anziehendes Mädchen, *leckerer Zahn* = nettes Mädchen, *lockerer (loser) Zahn* =

untreue Freundin, *mürber Zahn* = beischlafwilliges Mädchen, *nasser Zahn* = junges, geschlechtlich noch unerfahrenes Mädchen, *nervöser Zahn* = nettes, reizendes, anziehendes Mädchen [10 S. 936].

Многие лексические единицы, обозначающие лиц женского пола, появились в немецком языке еще в средневерхненемецкий период, например: *Weib* от дрененецкого *wip*; *Maget* от дрененецкого *magad* [13, с.249]. В 13 веке *wip* подвергается снижению социальной и этической оценки. Средневерхненемецкое *frouwe* («благородная дама») с 14 века преобразуется в общее обозначение женщины – *Frau*. В то время как *Jungfrouwe* («юная благородная дама») с синонимом *Magad* («молодая девушка») приобретает значение «молодая благородная дама, не состоящая в браке» (предположительно из-за применения этого слова по отношению к божьей матери), а значение *Magad* постепенно снижается до обозначения *Dienstmädchen* «прислуга» [3, с.141].

Проанализировав материал словарей, можно сделать вывод, что рассмотренные лексические единицы обладают следующими дифференцирующими семами: «внешность», «возраст», «поведение», «род занятий». Большая часть слов относится к пейоративной лексике, что свидетельствует о пренебрежительном отношении к женскому полу в XIX и XX веках. Эмпирические данные позволяют опровергнуть выдвинутое в начале исследования предположение о том, что большая часть слов, относящихся к женскому полу, связана с концептами «дом», «семья».

Можно сделать вывод, что в рассматриваемый нами период времени основными ролями женщины были роли жены, возлюбленной, обслуживающего персонала. Хотя стоит отметить, что в конце XX века с появлением таких понятий как *Anstandsbeleiterin*, *Bierkellnerin*, *Brillenträgerin*, *Chemiestudentin*, *Handarbeitslehrerin*, *Kumpelin*, *Labormäuschen*, *Motorbiene*, проявляется роль женщины-коллеги.

Традиционные гендерные роли сдерживают развитие личности и реализацию имеющегося потенциала. Эта идея явилась толчком к разработке Сандрой Бэм концепции андрогинии, согласно которой человек, независимо от своего биологического пола, может обладать как чертами маскулинности, так и фемининности, соединяя в себе как традиционно женские, так и традиционно мужские качества. Это позволяет выделить маскулинную, фемининную, андрогинную модели гендерных ролей. Таким образом, можно сделать вывод, что не существует единой мужской или женской роли.

The article provides the analysis of the German youth slang dictionaries of the XIX-XX centuries in terms of gender linguistics. The study reveals some gender asymmetry in the language and society of the considered time frame. Particular attention is paid to the analysis of G. Küpper's dictionary, which still represents an excellent sample of a lexicographical source.

Key words: gender; masculinity; femininity; lexicography; German.

Список литературы

1. Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989, № 5.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике. (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность, №4, 2000. Стр 138-143.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты (монография). М.: Институт социологии РАН, 1999.
5. Кон И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке: Материалы к симпозиуму. – М., 1975. – С. 763-776.
6. Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 562-606.
7. Москальская О.И. История немецкого языка = Deutsche Sprachgeschichte: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2003.
8. Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона: около 2000 слов и выражений/ Коломиец Е.А.. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005.
9. Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. 42. p. 165-172.
10. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. 6: Jugenddeutsch von A bis Z. Düsseldorf - Hamburg: Claassen Verlag, 1970.
11. Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. New York: Morrow, 1935.
12. Pleck J. The theory of male sex role identity: its rise and fall from 1936 to the present // The making of masculinities: the new men's studies. Boston: Allen & Unwin, 1987. p. 221-238.
13. Vollmann, J. Burschicoses Wörterbuch. Bd. 1-2 / J.Vollmann. Ragaz: Unteregger, 1846. - 520 S.
14. Wallis, L. Der Göttinger Student, oder Bemerkungen, Rathschläge und Belehrungen über Göttingen und das Studentenleben auf der Georgia Augusta, Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen 1813.
15. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1970.

Об авторе

Покора В.Н. – аспирант кафедры немецкого языка Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, ungwo@mail.ru

УДК 81-26 347.78.034

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.В. Раздуев

Публикация выполнена в рамках проекта «Когнитивистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О.А. Алимуратов).

Статья посвящена выявлению некоторых особенностей перевода англоязычных терминологических единиц сферы нанотехнологий на русский язык. Автор рассматривает теоретические аспекты перевода, уделяя внимание таким понятиям, как норма перевода, эквивалентность, адекватность, прагматика и т.д. На основе одной из существующих классификаций анализируются наиболее частотные способы и приемы перевода нанотехнологических терминов с английского языка на русский, в частности, калькирование, описательный перевод, подбор эквивалента/аналога, транскрипция и транслитерация. В статье делается вывод о том, что адекватный и эквивалентный перевод терминологии обеспечивает взаимопонимание и эффективное взаимодействие специалистов разных стран в области нанотехнологий.

Ключевые слова: перевод, термин, терминология, нанотехнология, оригинал, норма, эквивалентность.

Перевод представляет собой вид языкового посредничества, который, главным образом, ориентирован на внешнюю и внутреннюю форму иноязычного оригинала. Перевод может также рассматриваться как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале, а также как средство межъязыковой и межкультурной коммуникации. Межъязыковая коммуникация, осуществляемая посредством перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс прямого речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком [Комиссаров, 1990: 43; см. также: Алексеева, Бодрова-Гоженмос, 2007; Зайченко, 2009]. В контексте сказанного нас, прежде всего, интересует межкультурная коммуникация в профессиональной сфере.

Не секрет, что для осуществления перевода переводчик должен обладать определенными *знаниями, умениями и навыками* (и шире – компетенциями, в фокусе которых не только сам переводческий процесс, но и перевод как результат данного процесса). Прежде всего, он должен знать систему соответствий между языком оригинала и языком перевода, способы и методы перевода, уметь выбрать правильное соответствие и применить наиболее эффективный прием перевода сообразно условиям конкретного контекста, с учетом различных прагматических и экстралингвистических факторов.

В процессе работы определенные требования предъявляются как к работе переводчика, так и к самому переводу текста. Существует ряд критериев, по которым производится оценка результатов работы переводчика, определяется то, насколько полно и успешно он выполнил поставленную перед ним задачу. Совокупность различных по содержанию и по степени императивности требований, предъявляемых к качеству перевода, носит общее название *нормы перевода* [Комиссаров, 1990: 228]. При этом качество перевода определяется степенью соответствия последнего переводческой норме и степенью отклонений от нее, степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода.

Нормативные требования к переводу, сформулированные в виде концепций, принципов или правил перевода, могут быть *общими*, применяемыми к переводческому процессу в целом, и *частными*, относящимися к определенному виду переводов, например, как в нашем случае, – к переводу терминологии, т.е. специальному переводу.

Мы придерживаемся точки зрения В.Н. Комиссарова, который выделяет, по крайней мере, пять нормативных требований перевода:

- 1) *норма эквивалентности перевода* (коммуникативная равноценность текстов оригинала и перевода);
- 2) *жанрово-стилистическая норма перевода* (требование соответствия перевода доминантной функции, типу и стилистическим особенностям текста, к которому относится перевод);
- 3) *норма переводческой речи* (взаимодействие правил нормы и узуса языка);
- 4) *конвенциональная норма перевода* (требование максимальной близости перевода к оригиналу);
- 5) *прагматическая норма перевода* (требование обеспечения прагматической ценности перевода) [Комиссаров, 1990: 228-233].

Следует отметить, что качество перевода, а значит – и его соответствие переводческим нормам, может также оцениваться следующими терминами: «*адекватный перевод*» (перевод, который обеспечивает решение прагматических задач переводческого акта на максимально возможном для данного текста уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода), «*эквивалентный перевод*» (перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из пяти уровней эквивалентности [по Комиссаров, 1980: 59-100; см. также: Koller, 1979: 186-191]), «*точный перевод*» (перевод, в котором эквивалентно воспроизведена

лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления языка перевода), «*буквальный перевод*» (перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы и узус языка перевода, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала) и «*вольный перевод*» (перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта) [Комиссаров, 1990: 233-237].

В соответствии с приведенными выше нормами и положениями общей теории перевода, а также принимая во внимание требования [см. Судовцев, 1989; Комиссаров, 1990; Комиссаров, 2002] при переводе специальной лексики, в значительном объеме включающей терминологию [см. Алимуратов, Лагу, Раздубев, 2012], можно констатировать, что перед переводчиком стоит основная задача по нахождению в языке перевода *термина-эквивалента*.

Терминологический эквивалент представляет собой лексическую единицу языка перевода, максимально соответствующую лексеме исходного языка, описывающую то же специальное понятие и способную выполнять ту же функцию вне зависимости от контекста [см., в частности: Каганская, 2008]. Термин-оригинал и термин-эквивалент являются тождественными лексическими единицами с точки зрения их семантики. При наличии в языке перевода термина-эквивалента осуществляется прямой эквивалентный перевод: *atom* – *атом*, *carbon* – *углерод*, *genote* – *геном*, *graphite* – *графит* и т.д. (об общих закономерностях перевода терминологии см. также: [Бабалова, 2009; Батурьян, 2009]).

Трудности, связанные с подбором переводческого эквивалента при переводе терминов с одного языка на другой, в целом можно обобщить следующим образом:

- в языке перевода есть несколько словарных эквивалентов (синонимов) лексической единицы языка оригинала, при этом, как правило, анализ контекста помогает выбрать нужный эквивалент [о синонимии в терминологии см., в частности: Лагу, 2011; Лагу, Раздубев, 2011];

- в языке перевода отсутствует лексическая единица-эквивалент, зафиксированная в словаре, но в среде специалистов используется один или несколько вариантов профессионализмов. В таких случаях переводчик должен провести логико-понятийный анализ терминологической единицы и выбрать наиболее эффективный сценарий: воспользоваться одним из профессионализмов, произвести графическое заимствование, либо же применить один из способов перевода безэквивалентной лексики [Виноградов, 2004; Комиссаров, 1990; Комиссаров, 2002; Судовцев, 1989 и другие работы].

Следует отметить, что перевод – это один из источников пополнения терминологического корпуса любой науки. Не секрет, что такие способы передачи иноязычной лексической единицы, как транскрипция, транслитерация, калькирование, представляют собой еще и *пути заимствования иноязычной лексики*. Наличие большого количества синонимичных терминов и профессионализмов сферы нанотехнологий в русском языке обусловлено, в частности, использованием нескольких способов перевода одного и того термина стихийно, без предварительного согласования, унификации способов перевода и терминологии в целом. Некоторые лингвисты считают, что переводчик, работающий в области какой-либо научно-инновационной сферы, в рамках которой функционирует молодая, формирующаяся терминология, а также образуются много терминов-неологизмов, занимается не только и не столько переводом терминологической лексики, сколько *терминотворчеством*. При этом последний факт обязывает переводчика создавать такие неологизмы, которые бы максимально обладали признаками термина и вписывались в строй языка перевода.

Перевод терминологической лексики с английского языка на русский подразумевает замену англоязычного термина на соответствующий по смыслу русскоязычный термин. Среди основных способов перевода иноязычной лексики различают: *буквальный перевод*, подразумевающий не столько перевод, сколько передачу иноязычной единицы, включающий *транслитерацию*, *транскрипцию*, *калькирование*, а также образование *семантического неологизма*; *функциональный перевод*, включающий подбор эквивалента или функционального аналога, а также *эксplikацию* (*описательный перевод*); *лексические и лексико-грамматические трансформации*, включающие *дифференциацию значений*, *конкретизацию* или *генерализацию значения лексемы*, *контекстуальный (обертональный) перевод*, *антонимический перевод*, *целостное преобразование*, *компенсацию* и т.д.

Рассмотрим более подробно вышеперечисленные способы перевода применительно к англоязычной терминологической лексике сферы нанотехнологий. Материалом для анализа послужила выборка, состоящая из 10 200 терминологических единиц современного английского языка, относящихся к сфере нанотехнологий, отобранных из специализированных словарей, научных трудов по проблемам нанотехнологий, интернет-сайтов, посвященных разработке и производству наноматериалов, оборудования для наносинтеза, нанопроизводства и т.д. [<http://www.nanodic.com>; <http://www.nanotech-now.com>; <http://www.portalnano.ru>; <http://thesaurus.rusnano.com>; <http://www.nanowerk.com> и др.], а также из статей в научно-популярных изданиях по рассматриваемой проблематике.

Одними из распространенных способов перевода терминологии являются *транскрипция* и *транслитерация*, представляющие собой воссоздание формы иностранной лексической единицы средствами языка перевода [Комиссаров, 1990]. Мы считаем уместным объединить оба способа, поскольку в современной переводческой практике принято транскрибировать иноязычную лексему, сохраняя при этом некоторые элементы транслитерации. Кроме того, передача и формы, и звукового состава всегда условна и приближительна, поскольку фонетические и графические системы ИЯ и ПЯ, как правило, значительно различаются.

Наши наблюдения показывают, что *транслитерация* и *транскрипция* зачастую применяются для перевода

эпонимичных терминов (терминов, имеющих в составе имена собственные) (658 терминов из выборки в 10 200 единиц), например: *Bingel reaction* – реакция Бингеля, *Boltzmann distribution* – распределение Больцмана, *Born approximation* – аппроксимация Борна, *Auger system* – оже-система, *Bose-Einstein condensate* – конденсат Бозе-Эйнштейна, *Bradley-Harper theory* – теория Брэдли-Харпера, *Budker accelerator* – ускоритель Будкера, *Casimir effect* – эффект Казимира, *Casimir forces* – силы Казимира, *Coulomb scattering* – кулоновское рассеяние, *Doppler displacement* – смещение Доплера, *Ehrlich-Schwoebel barrier* – барьер Эрлиха-Швобеля, *Fourier number* – число Фурье, *Fresnel zone* – зона Френеля, *Langmuir-Blodgett deposition* – осаждение Ленгмюра-Блэджетта, *Mössbauer effect* – эффект Мёссбауэра, *Pechini method* – метод Печини, *Schottky barrier* – барьер Шоттки, *Taylor vortex* – вихрь Тейлора [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.]. Следует отметить, что при переводе эпонимический терминологический элемент (имя собственное) из препозиционного положения переходит в постпозицию по отношению к главному терминологическому элементу (**Нпроп.+N – Сущ.+Сущ.собств.**). Помимо этого, в русском языке соответствующий эпонимичный термин (транслитерат или транскрипт) зачастую осложняется типичными для русскоязычных прилагательных аффиксальными элементами (например, русскими суффиксами *-ск-*, *-ов-* и т.д.) и пишется со строчной буквы, например: *Bayesian method* – байесовский метод, *Bragg angle* – брэгговский угол, *Brownian ratchet* – броуновский храповик, *Coulomb barrier* – кулоновский барьер, *Hall probe* – холловский датчик, *Josephson junction* – джозефсоновский переход, *Raman spectrum* – рамановский спектр, *Van der Waals forces* – вандерваальсовы силы и т.д.

Значительно меньшее количество непонимичных англоязычных терминов сферы нанотехнологий переведено с помощью транскрипции и транслитерации (около 290 терминологических единиц), например: *cluster* – кластер, *colloid* – коллоид, *dendrimer* – дендример, *fullerite* – фуллерит, *fullerene* – фуллерен, *hadron* – адрон, *ion* – ион, *liposome* – липосома, *magnon* – магنون, *cation* – катион, *clathrate* – клатрат; *qubit* – кубит, *actuator* – актюатор/актуатор, *acceptor* – акцептор, *adsorbent* – адсорбент, *aerogel* – аэрогель, *ambigel* – амбигель, *block-copolymer* – блок-сополимер, *electrospinning* – электроспиннинг, *buckyball* – бужибол/бакибол [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.] и т.д.

Еще одним способом перевода нанотехнологической терминологии является калькирование, представляющее собой поморфемное воссоздание состава иностранного термина средствами языка перевода, а также пословный перевод терминологических словосочетаний. Данным способом переводится большинство однословных терминов (по крайней мере, с двумя терминологическими элементами, которые пишутся слитно) сферы нанотехнологий, образованных как при помощи приставки *nano-*, так и без нее (3754 термина из выборки в 10 200 единиц): *nanotube* – нанотрубка, *nanoparticle* – наночастица, *bionanobattery* – бионанобатарея, *bionanocomposite* – бионаноккомпозит, *bionanocapsule* – бионаноконтейнер, *bionanoelectronic* – бионаноэлектронный, *fluorinated nanotube* – флуоронанотрубка, *nanoparticle acceptor* – наноакцептор, *nanoparticle accelerator* – наноускоритель, *nanoparticle add* – нанодобавка, *nanoparticle agent* – наноагент, *nanoparticle alloy* – наносплав, *nanoparticle balance* – нановесы, *nanoparticle capsule* – нанобиокапсула, *nanoparticle capacitor* – наноконденсатор, *nanoparticle carbon* – наноуглерод; *nanoparticle cell* – наночайка; *nanoparticle chemistry* – нанохимия, *nanoparticle chip* – наночип, *nanoparticle fiber* – нановолокно, *nanoparticle flower* – наноцветок, *nanoparticle grass* – нанотрава, *nanoparticle manufacture* – нанопроизводство, *nanoparticle metal/ceramics* – нанометаллокерамика, *nanoparticle plant* – нанозавод, нанофабрика; *nanoparticle processing* – нанообработка, *ultra-nanotechnology* – ультрананотехнология, *nanoparticle replicator* – нанорепликатор, *nanoparticle emitter* – наноизлучатель, *nanoparticle filler* – наноуполнитель, *nanoparticle powder* – нанопорошок; *semiconductor* – полупроводник, *bilayer* – бислой, *cryomilling* – криомол, *antielelectron* – антиэлектрон [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.] и т.д. Очевидно явное и значительное преобладание терминов, образованных с помощью приставки *nano-* (*нано-*), являющейся своего рода индикатором отношения термина к нанотехнологической сфере (за исключением псевдотерминов [см. Лагу, 2012]). Кроме того, методом калькирования переведены терминологические единицы, образованные синтаксическим способом, – терминологические словосочетания (667 терминов из выборки в 10 200 единиц), например: *ballistic nanodevice* – баллистическое наноустройство, *biochemical nanodevice* – биохимическое наноустройство, *bioelectronic device* – биоэлектронное устройство, *biomolecular nanodevice* – биомолекулярное наноустройство, *biosensor device* – биосенсорное устройство, *molecular device* – молекулярный прибор [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.] и т.д.

Менее частотным является гибридный способ, сочетающий в себе транскрипцию, транслитерацию и калькирование (около 150 единиц из терминологической выборки): *actuation* – актюация/актуация, *aberration* – абберация, *ablation* – абляция, *assembling* – ассемблирование, *polarizing* – поляризирование, *nanohacking* – нанохакирование, *nanomodelling* – наномоделирование, *nanopolishing* – нанополирование, *nanopositioning* – нанопозиционирование, *nanotexturing* – нанотекстурирование и т.д.

Существует мнение, что само по себе обращение к калькированию – симптом слабости языка перевода или профессиональной подготовки переводчика [Каганская, 2008]. Однако мы склонны не согласиться с данной точкой зрения, указывая на то, что калькирование, в том числе и в комбинации с другими способами перевода, является весьма частотным и эффективным способом передачи англоязычного термина с сохранением, пусть и частичным, его внутренней семантической формы и (если таковые имеются) следов мотивации.

Такой способ перевода, как образование семантического неологизма – нового слова или словосочетания, придуманного переводчиком и позволяющего передать смысловое содержание языковой единицы при отсутствии этимологической связи с оригинальной лексемой, не представлен в рамках анализа выборки.

В целом, одним из самых частотных способов передачи англоязычных терминов на русский язык является функциональный перевод, предполагающий подбор эквивалентного термина или контекстуального аналога, а также

экспликацию англоязычной единицы средствами русского языка.

В нашем случае термины-эквиваленты – это слова или словосочетания, имеющие полное соответствие в английском и русском языках. Как известно, эквиваленты могут быть *полными* (полностью передающими семантику англоязычного слова) и *частичными* (аналоги – соответствие терминов относится только к одному из их значений); *абсолютными* (принадлежащими к одному и тому же функциональному стилю и выполняющими одну и ту же экспрессивную функцию), и *относительными* (соответствующими по своему значению, но различающимися в стилистическом и/или экспрессивном плане). (О лексическом значении см. также [Алимурадов, 2004; Алимурадов, 2006; Алимурадов, Чурсин, 2011]). При переводе терминологии можно применить поиск русскоязычного эквивалента или аналога, в том числе и профессионализма (1613 единиц терминологической выборки в 10200 единиц), например: *aberration* – *искажение*, *disintegrator* – *дробилка, мешалка*; *absorbent* – *поглотитель*, *actuator* – *исполнительное устройство*, *biocontrol* – *биорегулирование*, *bioimmobilization* – *биофиксация*, *bioinstruments* – *биоаппаратура*, *biont* – *индивидуальный организм*, *coalescence* – *слияние*, *nanopreparation* – *нанолекарство*, *nanoproduct* – *наноизделие*, *nanostucture* – *наноконструкция*, *disassembler* – *разборщик* [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.] и т.д. Наличие терминов-аналогов в обоих рассматриваемых языках, по нашему мнению, можно объяснить тем, что терминология нанотехнологий является молодой, формирующейся преимущественно на английском языке, что предполагает наличие у одного термина нескольких синонимичных/аналоговых вариантов перевода на русский язык.

Кроме вышеперечисленных способов перевода терминологии англоязычный нанотехнологический термин можно перевести посредством построения *описательной конструкции*. При отсутствии эквивалента и аналога, в том числе при их незнании, а также невозможности использования транскрипции и/или транслитерации термин переводится посредством описательного перевода, при котором происходит раскрытие значения иностранного слова при помощи развернутого словосочетания.

В связи с доминирующей ролью английского языка при образовании терминов сферы нанотехнологий в ПЯ, в частности, в русском языке, часто отсутствуют терминологические эквиваленты и аналоги, что способствует использованию именно экспликации как одного из основных способов перевода (порядка 2164 терминов выборки в 10 200 единиц). Приведем некоторые примеры: *actuation* – *приведение в действие*, *accelerometer* – *измеритель ускорений, датчик перегрузок*; *atomically-controlled* – *управляемый на атомарном уровне*, *beamsplitter* – *светоразделительное устройство*, *CVD-method* – *метод химического осаждения из паровой (газовой) фазы, метод газофазного химического осаждения*; *nanoperture* – *наноразмерная апертура*, *nanocomposite* – *нанокмпозиционный материал*, *nanodefekt* – *наноразмерный дефект, дефект на наноуровне*; *nanodrone* – *наноразмерный беспилотный летательный аппарат*, *nanodrug* – *лекарственный нанопрепарат* [http://www.nanodic.com; http://www.nanotech-now.com; http://www.portalnano.ru и др.] и т.д. Среди основных особенностей построения описательных конструкций при переводе именно нанотехнологической терминологии мы отмечаем, прежде всего, *расшифровку классифицирующего терминологического элемента*, зачастую усеченного, напрямую указывающего на принадлежность терминологической единицы к сфере нанотехнологий, в частности: *нано-* – *нанотехнологический* (*nanoscience* – *нанотехнологическая наука*), *наноразмерный* (*nanosavity* – *наноразмерная каверна*), *наношасситабный* (*nanosassembly* – *наношасситабная сборка*), *нанодиапазонный* (*nanodiffusion* – *нанодиапазонная диффузия*), *нанометровый* (*nanolayer* – *нанометровый слой*), *в наномасштабе* (*nanodefekt* – *дефект в наномасштабе*); *в нанодиапазоне, в нанометровом диапазоне* (*nanodiffraction* – *диффракция в нанодиапазоне*), *на наномасштабном уровне* (*nanoscratching* – *царапание на наномасштабном уровне*), *на наноразмерном уровне* (*nanodispersity* – *дисперсность на наноразмерном уровне*) и т.д. В случаях с терминами, в которых приведенный выше терминологический элемент отсутствует, *может происходить экспликация других классифицирующих терминологических элементов* (*ionic deposition* – *осаждение с помощью сфокусированного ионного пучка*, *molecular sensing* – *обнаружение на молекулярном уровне*, *cryogenic chemistry* – *химия низких температур*), что встречается гораздо чаще, чем описание основообразующего терминологического элемента (*molecular assembler* – *молекулярное сборочное устройство*, *molecular sampling* – *взятие молекулярной пробы*) или того и другого компонента (*Doppler broadening* – *расширение спектра частот вследствие доплеровского эффекта*).

Следует также отметить, что один и тот же термин разными переводчиками может быть передан по-разному, т.е. у англоязычного нанотехнологического термина встречается несколько вариантов перевода, например: *nanomachine* – *наномашина* (калька); *nanorobot*, *нанобот* (аналог); *nanoscale mechanical device* (экспликация) и т.д.

Во-первых, это обусловлено лакуарностью терминологических стандартов по нанотехнологиям в русском языке, а также отсутствием единого мнения по поводу определенных стандартных моделей терминообразования в данной научно-инновационной сфере. Во-вторых, выбор того или иного варианта зависит от вида перевода (ср. синхронный, устный и письменный виды перевода), типа и стиля текста, целевой аудитории и т.д. В специальных научных нанотехнологических текстах чаще всего предпочтение отдается калькированию, реже – транскрипции или транслитерации. Если осуществляется перевод статьи из обычного журнала, который не предназначен для специалистов-нанотехнологов, то возможен и описательный перевод, калька с пояснением либо в тексте, либо в соответствующем сноске.

Англоязычные аббревиатуры и сокращения сферы нанотехнологий (1510 терминов из выборки в 10 200 единиц) при переводе могут передаваться эквивалентными аббревиатурами (при их наличии) (*AI – ИИ* (*искусственный интеллект*), *CVD – ГФХО* (*газофазное химическое осаждение*)), но чаще всего такие лексические образования рас-

шифруются, т.е. эксплицируются (*CNT* – углеродная нанотрубка, *SWNT* – одностенная нанотрубка, *MWCNT* – многостенная углеродная нанотрубка, *adatom* – адсорбированный атом, *CVD-coated* – покрытый методом газовой фазы химическим осаждением), а в некоторых случаях остаются вообще без изменений, например: *CVD-процесс*, *MEMS технология* и т.д., составляя гибридные термины, образованные на смешанной, разноязыковой основе. Последняя особенность некоторых нанотехнологических текстов на русском языке обусловлена нежеланием переводчика прибегать к описательному переводу при переводе сокращенной единицы или использовать неудобную (малоизвестную по сравнению с английской аббревиатурой) русскую аббревиатуру в связи с общей тенденцией к языковой экономии.

Следует отметить также использование лексических и лексико-грамматических трансформаций как одного из частотных способов перевода терминологии. При дифференциации значений происходит передача значения широкого абстрактного понятия языка источника без его полного уточнения в языке перевода. При переводе терминов из выборки подобный вид трансформаций не представлен.

Генерализация, подразумевающая замену более частного понятия более общим, видового – родовым (например, перевод *nanotechnology* («нанотехнология») как «нанонаука», *nanoflower* («наноцветок») – *наноструктура*), и *конкретизация*, предполагающая обратное действие – замену общего понятия на более частное, родового на видовое (*nanodevice* («наноприбор») – *наноактюатор*), часто помогают переводчику избежать тавтологий, которые так свойственны англоязычному научному тексту и неприемлемы в текстах соответствующего стиля на русском языке. В целом, посредством конкретизации и генерализации значения терминологической лексики переведено около 650 англоязычных терминов.

Контекстуальный (обертональный) перевод представляет собой еще один способ перевода терминологической лексики, в рамках которого происходит замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, связанным с ним логически. В данном случае переводчик обращает внимание на контекст, в который помещен термин, и выбирает из вариантов перевода или ряда синонимов правильное соответствие. Сложность при переводе может также быть вызвана наличием междисциплинарной терминологической омонимии и полисемией терминов. Приведем несколько англоязычных терминологических единиц, при переводе которых может быть использован контекстуальный перевод (всего 454 термина из выборки в 10 200 единиц): *alpha* – *альфа-излучение*, *альфа-частица*, *альфа-функция*; *antiphase* – *противофаза*, *противофазный*; *nanocolloid* – *нанокolloид*, *нанокolloидный раствор*, *кolloидная наносистема*; *nanocarbon* – *наноглерод*, *наноглеродный* и т.д. Например, в случае с многокомпонентным термином *nanocarbon ferromagnet* терминологический элемент *nanocarbon* переводится на русский язык именем прилагательным «наноглеродный», а если взять термин *nanocarbon* отдельно, то, вероятнее всего, в русском языке он будет передаваться существительным «наноглерод».

Если нанотехнологический термин является многозначным, то логично при переводе выбирать наиболее подходящее по смыслу значение в языке перевода, например: *quantum wire* – *квантовая нить*, *квантовый провод*, *квантовая проволока*; *nanowire* – *нанонить*, *нанопровод*, *нанопроволока*; *superatom* – *суператом*, *сверхатом*; *biosensor* – *биосенсор*, *биодатчик*; *nanosystem assembly* – *наноассемблирование*, *трансляция наноассемблером*, *нанокомпоновка*, *насосборка*, *наномонтаж* и т.д.

Такие лексические и лексико-грамматические трансформации, как *антонимический перевод*, *целостное преобразование*, *компенсация*, *модуляция* (смысловое развитие) и другие способы перевода, скорее являются исключением, чем правилом при передаче англоязычных нанотехнологических терминов на русский язык. Данные способы скорее применимы для перевода предложений в целом, чем отдельных лексических единиц, в частности, терминов.

Процентное соотношение частотности использования способов и приемов перевода терминологических единиц сферы нанотехнологий наглядно показано на Диаграмме №1.

Диаграмма №1. Способы перевода англоязычных терминов сферы нанотехнологий на русский язык

Существует множество факторов, влияющих на эффективность межязыковой коммуникации в профессио-

нальной научно-информационной сфере. Так, адекватный англо-русский перевод специальной литературы предполагает, в частности, что текст перевода будет подчиняться законам грамматики русского языка и соответствовать нормам функциональной стилистики [см., например, Комиссаров, 1990]. Чтобы адекватно и эквивалентно передать термины одного языка, представляющие собой основную составляющую часть его специальной лексики, на другой язык используются определенные способы перевода. Анализ показал, что среди частотных приемов передачи англоязычных терминов сферы нанотехнологий на русский язык следует выделить, прежде всего, калькирование, описательный перевод, подбор эквивалента или аналога, транскрипцию и транслитерацию, конкретизацию и генерализацию, а также – и это будет гораздо менее частотный вариант переводческого решения – контекстуальный перевод.

Благодаря использованию перечисленных выше и подробно проанализированных переводческих приемов и способов передачи англоязычной нанотехнологической терминологии на русский язык возможно достижение точности и адекватности перевода. В связи с тем, что терминологические единицы несут основную информационную нагрузку в предложении, от корректности их перевода зависит правильность перевода текста в целом. Адекватный и эквивалентный перевод терминологии в конечном итоге обеспечивает взаимопонимание и эффективное взаимодействие специалистов разных стран в такой чрезвычайно значимой инновационной научно-технической области, как нанотехнологии.

The article is devoted to the analysis of some peculiarities of nanotechnology terminology translation from English into Russian. The author considers some theoretical aspects of translation paying attention to such notions as the norm of translation, equivalence, adequacy, pragmatics, etc. On the basis of one of the classifications the most frequently used means and methods of nanotechnology terms translation from English into Russian are analyzed, in particular, loan translation, descriptive translation, selection of equivalent/analogous terms, transcription and transliteration. It is concluded that the adequate and equivalent translation of terminology ensures understanding and effective interaction between specialists of different countries in the field of nanotechnology.

Key words: translation, terminological unit, terminology, nanotechnology, original, norm, equivalence.

Список литературы

1. Алексеева, Е.А., Бодрова-Гоженмос, Т.И. Перевод текста в свете интерпретативной теории перевода [Текст] / Е.А. Алексеева, Т.И. Гоженмос // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 3-4. – С. 102-106.
2. Алимуратов, О.А. Лингвистический смысл как феномен, производный от значения [Текст] / О.А. Алимуратов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 4. – С. 5-20.
3. Алимуратов, О.А. Функциональная природа лексического значения [Текст] / О.А. Алимуратов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2004. – № 4. – С. 77.
4. Алимуратов, О.А., Лагу, М.Н., Раздубев, А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лагу, А.В. Раздубев: монография. (2-е издание, исправленное и дополненное). – Пятигорск, 2012. – 128 с.
5. Алимуратов, О.А., Чурсин, О.В. Семантический анализ лексического корпуса: некоторые уточнения процедуры [Текст] / О.А. Алимуратов, О.В. Чурсин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 252-263.
6. Бабалова, Г.Г. Способы перевода устойчивых терминологических словосочетаний информатики [Текст] / Г.Г. Бабалова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 18-21.
7. Багурьян, М.А. Проблема перевода терминов социологии на русский язык [Текст] / М.А. Багурьян // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 21-24.
8. Виноградов, В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы [Текст] / В.С. Виноградов. – М., 2004. – 240 с.
9. Зайченко, А.А. Методические доминанты интегрированного обучения языку и переводу для специальных целей переводчиков в сфере профессиональной коммуникации [Текст] / А.А. Зайченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 339-341.
10. Каганская, Н.А. Современная рентгенохирургическая лексика: проблемы перевода и терминографии [Текст] / Н.А. Каганская // Диагностическая и интервенционная радиология. Гл. ред.: Л.С. Коков. – М.: Изд-во Радиология-Пресс, 2008. – Т. 2. – № 1. – С. 89-94.
11. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
12. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
13. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
14. Лагу, М.Н. Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной терминологии программирования) [Текст] / М.Н. Лагу // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 84-86.
15. Лагу, М.Н. Псевдонаучный дискурс и псевдотермины: постановка проблемы изучения [Текст] / М.Н. Лагу // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 76-79.
16. Лагу, М.Н., Раздубев, А.В. Причины и модели возникновения синонимии у терминов в сфере фиксации [Текст] / М.Н. Лагу, А.В. Раздубев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. –

№ 2. – С. 142-145.

17. Муравлева, Н.В. Границы возможного в переводе [Текст] / Н.В. Муравлева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 30-33.

18. Судовцев, В.А. Научно-техническая информация и перевод [Текст] / В.А. Судовцев. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 8-9.

19. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft [Текст] / W. Koller. – Heidelberg: Quelle and Meyer, 1979. – 290 p.

20. <http://www.nanodic.com> [Электронный ресурс].

21. <http://www.nanotech-now.com> [Электронный ресурс].

22. <http://www.portalnano.ru> [Электронный ресурс].

23. <http://www.thesaurus.rusnano.com> [Электронный ресурс].

24. <http://www.nanowerk.com> [Электронный ресурс].

Об авторе

Раздвев А.В. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики перевода Института переводоведения и многоязычия, редактор Управления научной работы ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», arazdnev@bk.ru

УДК 811.112.2

НЕМЕЦКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН XIX И XXI ВЕКОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

М.Ю. Росихина

В статье проводится сопоставительный анализ немецкого студенческого языка XIX века и немецкого молодежного языка XXI века. В результате проведенного сравнения выявляются аналогичные лексико-семантические группы, а также общие тенденции в способах пополнения словарного состава этих явлений: метафоризация, заимствования, словообразование. Все положения иллюстрируются примерами из словарей разных эпох.

Ключевые слова: жаргон, семантика, словообразование, заимствование, сопоставительный анализ.

Целью нашего исследования является сопоставление немецкого молодежного жаргона XIX в., который в германистике чаще всего называется историческим немецким студенческим языком (*historische deutsche Studentensprache*) [13] и современного немецкого молодежного жаргона (*moderne deutsche Jugendsprache*), выявление общего и различного в их лексическом составе. Несмотря на большой временной разрыв между жаргоном в прошлом и настоящем можно выявить определенные сходства в семантическом и словообразовательном отношении. Сравнительный анализ этих двух феноменов мы проводим на материале лексиконов студенческого языка XIX в. [16, 17, 18, 19] и словарей молодежного языка XXI в. Это лексиконы Г. Эмана [5, 6], словари издательств Duden [21], PONS [14, 15, 16] и Langenscheidt [8, 9, 10]. Кроме того для исследования современного молодежного социолекта привлекается лексика с соответствующих сайтов Интернета [22, 24].

Связь времен иллюстрирует общие идеографические пласты, понятия, связанные с учебой, межличностными отношениями, времяпрепровождением, вредными привычками и т.д. Рассмотрим конкретные примеры. Поскольку в XIX в. носителями молодежного жаргона являлась исключительно, а в XXI в. преимущественно учащаяся молодежь, целесообразно начать сопоставление с лексико-семантической группы «Учеба», в которую, на наш взгляд, входят прежде всего наименования учебных заведений, учащихся и учителей. Так, в лексиконах XIX в. учебные заведения именуются *Strafanstalt*, *Zuchthaus*, *Gefängnis*, *Paukschule*, *Pennäleranstalt*, *Alma Mater*, а в словарях XXI в. – *Bildungsschuppen*, *Kuckucksnest*, *Psychohaus*, *Knast*, *Kinderknast*, *Büffelbude*. При сравнении этих жаргонных названий прослеживаются одинаковые ассоциации молодых людей, разделенных целым столетием, и у тех, и у других образ учебного заведения часто ассоциируется с тюрьмой: *Strafanstalt*, *Zuchthaus*, *Gefängnis*, *Knast*, *Kinderknast*.

Из многочисленных названий студентов XIX столетия (*Musensohn*, *Bruder Studio*, *Maulesel*, *Jungbursch*, *Altbursch*, *Altes Haus* и др.) некоторые дошли до нашего времени (*Kamel*, *Fink*, *Fuchs*). Отметим, что жаргонизм *Fuchs* в значении «студент» был заимствован из немецкого студенческого языка в русский школьный жаргон XIX в. и употреблялся в оригинале как *фукс* [1, с.290] и в переводе как *лис* [1, с.149]. Встречаются в молодежных социолектах всех времен и жаргонные прозвища гимназистов и школьников. Так, гимназист в позапрошлом веке – это *Schulfuchs*, *Pennal*, *Halbmaulesel*, а современный школьник – *Schulbankglotzer*, *Schulbankwärmer*. Жаргонизм *Frosch* (лягушка) как прозвище учеников встречается практически во всех словарях молодежного жаргона с середины XIX в. и до наших дней. Употреблялся он и в русском школьном жаргоне XIX в. как *лягушка* или *лягушка в кармане*, обозначая насмешливое название гимназиста [1, с.152]. В современном русском студенческом жаргоне лягушкой шутивно-иронически называют преподавателя физиологии [2, с.232]. Учитель для современных немецких школьников это *Pauker*, *Gehirnquäler*, *Kreidekratzer*, *Hirnpimper*, *X-Mann* (учитель математики). В словарях XIX в. в этом значении зафиксированы *Pauker*, *Arschpauker*, *Brotfresser*, *Bildungsschuster*. Здесь проверку временем выдержал жаргонизм *Pauker*, который до сих пор по-пулярен среди немецкой учащейся молодежи.

Нельзя не упомянуть и глагольные лексемы, относящиеся к группе «Учеба». Это такие глаголы как *polen* „abschreiben, spicken“, *rallen* „verstehen“, *bläuen* „den Unterricht versäumen“, *peilen* „verstehen“, *mitmeißeln* „im Unterricht mitschreiben“, *abklemmen* „den Unterricht versäumen“ *ochsen* „fleißig studieren, ohne etwas zu lernen“, *pauken* „etwas auswenig lernen“, *büffeln* „fleißig studieren“, *froschen* „schülerhaft behandeln“, *abeseln* „mühevoll ablesen“, *durchfallen* „die Prüfung nicht bestehen“ *schwänzen* „ein Collegium versäumen, vernachlässigen“ и др. (XXIв.). Интересно отметить, что из последней группы студенческие жаргонизмы *ochsen*, *büffeln*, *pauken*, *durchfallen*, *schwänzen* перешли в разговорный немецкий язык [12], где употребляются до сих пор. С пометой *umg* (*umgangssprachlich*) они фиксируются также в словаре нормативного немецкого языка [4]. Отметим, что в XIXв. в немецких гимназиях и университетах существовали наказания, что естественно нашло отражение и в жаргоне учащихся, например: *Kurhotel* „Arrestlokal“, *Gasthof zur akademischen Freiheit* „Karzer“. Поскольку в учебных заведениях современной Германии такого типа наказаний не существует, то и провести параллели мы не смогли.

Мы видим, что лексико-семантическая группа «Учеба» довольно обширна как в XIXв., так и в XXIв., но она не так многочисленна, как группа «Времяпрепровождение», лексика которой для носителей молодежного социолекта была и остается, очевидно, более важной, о чем свидетельствует длина синонимических рядов. Бурши позапрошлого столетия проводили свободное время в основном в питейных заведениях, поэтому в их лексиконе было очень много слов и выражений со значением «пить алкоголь, напиваться»: *leeren*, *lanzen*, *knillen*, *knüllen*, *einsaugen*, *kneipen*, *zechen*, *posulieren*, *schmollieren*, *Schmollis trinken*, *einwimmen*, *pichen*, *anwerfen*, *einen über die Ochsenzunge gießen* и др., а также определений, обозначающих разную степень опьянения от «немного выпивши» до «пьяный в стельку»: *toll und voll*, *bespitzt*, *bespornt*, *beworfen*, *kanonendick*, *knill*, *sauvoll*, *beknüppelt*, *en canon*, *knäul*, *molum*, *bedämpft*, *knüll* и др.

Несмотря на то, что у современной молодежи более разнообразный досуг от дискотек до Интернет-кафе, количество жаргонной (алкогольной) лексики по-прежнему велико. Так, например, выглядят синонимические ряды со значением „sich betrinken“ (напиваться): *alken*, *sich abschädeln*, *bollern*, *keilen*, *zipowern*, *sich aus der Welt beamen*, *einbauen*, *pegeln*, *schoppen*, *tippeln*, *knorpeln*, *süppeln*, *pienen*; „betrunken sein“ (пьяный): *bedröhnt*, *betriefft*, *breit*, *bumzua*, *hacke*, *ralle*, *scholle*, *strack*, *beschnattert*, *übelbelichtet*, *knill*, *prall*, *mall*, *knüll* и др. Жаргонные прилагательные *knill* и *knüll* из исторического студенческого языка снова стали употребляться в современном молодежном жаргоне.

Лексико-семантическая группа «Времяпрепровождение» в молодежном жаргоне по сути дела переключается с темой «Вредные привычки» к которой кроме употребления алкоголя можно отнести и курение. Корпус жаргонной лексики, имеющей значение «курить» очень обширен, особенно в современном молодежном жаргоне, так как курение, к сожалению, «молодеет», все больше подростков страдает от этой привычки, что не может не находить отражение в их языке. Если в XIX в. «курить» - это *tabaken*, *dämpfen*, *plozen*, *qualmen*, то в XXIв. – это также *dämpfen* и *qualmen*, но еще *chiggen*, *knöseln*, *knörzen*, *Krebs füttern*, *lungenbräunen*, *quarzen*, *suchteln*, *twixen*, *smöggen*, *Steine sammeln*, *schloten*, *nebeln*, *rußen* и др. Сюда еще можно добавить многочисленные названия сигарет: *Lungenbrötchen*, *Lungentorpedo*, *Pauseninhalator*, *Ziggi*, *Tabakroulade*, *Ziese* и др. Кроме того, в современном молодежном социолекте имеются жаргонизмы со значением „einen Joint rauchen“ (курить травку): *kiffen*, *buffen*, *dübeln*, *harzen*, а также названия наркотиков: *Traumdroge*, *Lachtabak*, *Stoff*, *Superstoff*, *Traumschudel*. Подобная лексика полностью отсутствует в лексикографических источниках XIX в., так как там не существовало самих этих понятий. Нельзя провести и семантические параллели по теме «компьютер и Интернет», жаргонизмами по которой изобилует современный молодежный язык (*Compi* „Computer-Experte“, *daddeln* „auf dem PC spielen“, *Datenzäpfchen* „USB-Stick“, *Blogser* „Blogleser“, *Nickname* „Spitzname“, *Noob* „Beginner“, *boosten* „verstärken“, *Prog* „Programm“, *Boon* „Anfänger in einem Onlinespiel“ и др.) и которые отсутствуют в XIX в., поскольку не существовало самих реалий.

Как в прошлом, так и в настоящем богатством синонимов отличаются и ряды лексических единиц со значением «заниматься любовью». Ср.: XIXв. – *bürsten*, *puffen*, *vögeln*, *mausen*, *laichen*, *poppen*, *bügeln*, *feilen*, *leiern*, *loslegen*, *knallen*, *anbohren*, *abficken*, *buzen*, *spikern*, *dudeln*; XXIв. – *abchecken*, *laichen*, *buttern*, *connecten*, *parken*, *kämmen*, *knallen*, *mausen*, *igeln*, *klatschen*, *polen*, *lun-zen*, *knattern*, *ferkeln*, *stempeln*, *zipfeln*, *knuspern*, *klöppeln*, *polen*, *ökern* и др. В этих рядах еще больше лексики (*knallen*, *poppen*, *laichen*, *mausen*), которая на протяжении двух столетий употребляется не только в молодежном жаргоне, но и в немецком разговорном языке [12]. Дошли до наших дней и жаргонизмы *bügeln* и *bürsten*, но они употребляются сейчас в значении «бить, избить». В последнем значении жаргонизмы в изобилии встречаются как в историческом (*dreschen*, *holzen*, *knoten*, *hieben*, *knitteln*, *pauken* и др.), так и в современном молодежном социолекте (*coachen*, *abnudeln*, *crinchen*, *faxen*, *knechten*, *lackieren*, *punchen*, *zentrieren*, *eintopfen*, *wamsen* и др.). Длиной синонимических рядов отличаются также жаргонизмы с семантикой «красть, украсть». Ср.: XIXв. – *klemmen*, *schießen*, *stibitzen*, *taxieren*, *skitzen*, *einsacken*, *einschieben*, *klappern*, *buxen* и др., XXIв. – *klemmen*, *eintüten*, *flötzen*, *griffeln*, *klauen*, *rappen*, *stauchen*, *staxen*, *abziehen*, *abrippen*, *chosen*, *käufeln* и др. Самым «живучим» из всех оказался жаргонизм *klemmen*, который до сих пор встречается в молодежном [6, S.79] и разговорном [12, S.424] немецком языке.

Несмотря на такое большое количество жаргонных наименований для явлений, негативных с точки зрения морали и общественного мнения, молодежный жаргон был и остается позитивным. Нельзя не согласиться с мнением немецкого лингвиста П. Шлобински, выраженного в статье „Jugendsprache ist eine Bastelei“ [23], что молодые люди просто мастерят (*basteln*) свой язык. А поскольку они делают это не по принуждению, не по указке взрослых, то они вкладывают в него весь свой молодежный задор, позитивную энергетику и восторженность. Об этом свидетельствует большой арсенал жаргонных прилагательных со значением „sehr gut, klasse, super“ как в историческом студенческом, так и в современном молодежном социолекте. Ср.: XIXв. – *fix*, *flott*, *fidel*, *feinklötig*, *mollig*, *pomadig*, *anzüglich*, *imposant*, *famos* и др.; XXIв. – *geil*, *cool*, *fett*, *korall*, *porno*, *pomös*, *krass*, *granatenmäßig*, *bombig*, *tiffig*, *erdig*, *scharf*, *grell*,

krokofantös и др. По страницам словарей и сайтам Интернета нам встретилось более ста таких жаргонизмов. Конечно, есть здесь и прилагательные с негативной коннотацией, со значением «плохо, очень плохо, ужасно» (XIX в. – klamm, knonig, venerisch, ledern, saumäßig, gemein, läppisch и др.; XXI в. – keimig, endmadig, uncool, eklig, asslig, abtörn, minus, derb, ätzend и др.), но их значительно меньше.

Как показывает наш сопоставительный анализ, молодежный жаргон прошлого и настоящего использует лексический ресурс нормативного языка, трансформируя его экспрессивно и семантически. В жаргонной метафоризации наблюдаются общие для молодых людей разных столетий черты ассоциативного мышления. Конечно, в современном молодежном языке метафорика гораздо богаче, но тенденция переноса с нечеловека на человека сохраняется. Ср.: XIX в. – Ochse „Narr“, Camel „ein Student, der in keiner Verbindung ist“, Bieresel „Kellner“, Stockfisch „Dummkopf“, Lämmchen „ein zartes Mädchen“, Tonne „dicker Kerl“, Schraube „hässliches Mädchen“, Tulpe „ungeschickter Mensch“, Zecke „Blutsauger“, Faultier „Langweiler“, Streuselschnecke „Person mit Pickeln im Gesicht“, Rauschkugel „betrunkenener Mensch“ и др. Как видно из примеров, среди метафор встречается большое количество композитов. Традиция употребления сложных слов перешла в студенческий, а затем и школьный жаргон из нормативного немецкого языка.

Явление девиации в технике метафорической номинации, когда грамматический род антропологических существительных, обозначающих человека, не соответствует его биологическому полу, также имеет место и в историческом, и в современном молодежном жаргоне: XIX в. – der Besen „das Mädchen, das Fräulein“, der Backfisch „die Jungfer“, das Kalb „der Dummkopf“; XXI в. – der Hase „das Mädchen, die Frau“, das Weichei „der Angsthase“ die Weichwurst „der Schwächling“.

Стремясь к новизне, к необычным способам номинации, молодые люди всех времен прибегают также к использованию в своей речи иноязычных элементов. И если в XIX столетии немецкий студенческий язык испытывает в основном влияние латинского, греческого и французского языков (desperat (лат.) „verrückt“, embrassieren (франз.) „miteinander schlafen“, Errata (лат.) „Schulden“, Ethiker (греч.) „Sittenrichter“, Accolade (франз.) „Umarmung“, Annerie (франз.) „Dummheit“, Autonomie (греч.) „Freiheit“, Bibale (лат.) „Saus und Braus“, Canapé (франз.) „Unterhaltung“, Carnet (франз.) „Schuldbuch“, idyllisch (греч.) „gefällig“), то в XXI веке его захлестывает волна англицизмов (zupowern „sich betrinken, Drogen nehmen“, cruisen „sich rumtreiben“, chillen „sich erholen, sich entspannen“, Checker „Kumpel“, connecten „Geschlechtverkehr ausüben“, coachen „verprügeln“, cool „hervorragend“, upspaced „völlig erschöpft“, worken „arbeiten“).

Конечно, в современном молодежном языке встречаются заимствования и из других языков, например, французского (Message „Schlägerei“), греческого (hypertonisch „hervorragend“), латинского (fundu „super“), русского (robotern „arbeiten“), испанского (Gaucho „Abenteuer“), арабского (Mattsche „kurzzeitige Schwächepause“), турецкого (Tüsi „junges Mädchen“), но их абсолютное большинство заимствований поступает из английского языка.

Пополняя свой язык лексикой из других языков, немецкие бурши часто произвольно изменяют ее форму, наполняют новым комичным содержанием, например, komet вместо kommers, fitriol вместо fidel. В современном молодежном жаргоне как продукт языковой игры появляются такие креативные новообразования как smexu „smart+sexu“ (красивый и сексуальный), chillaxen „chill+laxen“ (отдыхать, расслабляться), smirten „smoke+flirten“ (флиртовать во время курения) и др.

Следует отметить также аналогичный для исторического студенческого и современного молодежного жаргона способ словообразования, при котором немецкий элемент сочетается с иноязычным. Заимствованные лексемы включаются в немецкое словообразование, получая немецкие суффиксы, префиксы, а также участвуя в создании композитов. Так, в словаре буршеского языка XIX в. И. Фольмана [20] находим жаргонизмы с пометами deutsch-lateinisch (Bierfama „der Ruf als Kneipheld“), lateinisch-deutsch (Anticensaal „Puff“), griechisch-deutsch (aromatisch „wohlriechend“ und „stinkend“), deutsch-französisch (einfemmen „sich eine Femme nehmen“) и др. В историческом студенческом языке распространены и макаронические образования, представляющие собой смесь немецкого с греческим (burschikos, studentikos) и латинским (Grobian, Schlendrian, Knüllität, Schwulität, Freundus, Pfiffikus, Kneipiade). Подобные конструкции создает и креативная современная молодежь. В качестве иллюстрации приведем примеры из словарей молодежного языка Г. Эмана [5,6] и рецакции PONS [14,15,16]: Mega-Deal (altgriechisch-englisch) „Riesengeschäft“, Nullchecker (lateinisch-englisch) „begriffsstutzige Person“, Gesichtstuning (deutsch-englisch) „Schönheitsoperation“, Gaystation (englisch-deutsch) „Schwulenbar“, anpesen (deutsch-lateinisch) „herbeieilen“, abchillen (deutsch-englisch) „sich entspannen“.

Как показывает наше исследование, в выборе языка заимствований и исторический студенческий язык, и современный молодежный жаргон следуют тенденциям, характерным для нормативного языка. В XIX в. немецкий нормативный язык испытывает влияние французского, а латинский и греческий изучаются в университетах; в XXI в. наблюдается приток большого количества англицизмов и американизмов. Только в отличие от нормативного языка, в жаргоне молодежи иноязычное влияние проявляется более ярко, иногда даже утрировано, в том числе и в словообразовании.

Общие черты в словообразовании молодежного социолекта наблюдаются не только при использовании иноязычных элементов. Оригинальность жаргонизмов приобретает сейчас, например, за счет образования слов, оканчивающихся на -о: Faschist – Fascho, peinlich – peino, geil – geilo, brutal – brutalo. В прошлом немецкие студенты охотно создавали жаргонизмы, оканчивающиеся на -ео: Bier – Beo, Kneipe – Kneo, schlecht – schleo. По этому поводу известный немецкий лингвист Л. Гаухат при описании исторического студенческого языка писал: „In Deutschland ist die Eosprache tief ins Burschikose eingedrungen“ [8, S. 170].

Молодые люди прошлого и настоящего пытаются разнообразить свою речь, заимствуя лексику не только из

других языков, но и из диалектов, а также из швейцарского и австрийского вариантов немецкого языка. В словарях студенческого языка XIX столетия мы находим пометы, указывающие на диалект, из которого заимствовано то или иное слово. В качестве подтверждения приведем примеры из словаря XIX в. И. Фольмана [20]: *dulten* (bair.) „kramen und nicht bezahlen“, Gaul (nied. deuts.) „Klepper“, *kesseln* (schweiz.) „sich günstig machen“, *lären* (schweiz.) „kneipen“.

С аналогичными пометами можно привести примеры и из современного молодежного языка: *beölen* (ostdtsch./norddtsch.) „jemanden an der Nase herumführen“ [6, S. 32], *Giftler* (A) „Drogensüchtiger“ [15, S.51], *verdeutschten* (A) „erklären“ [9, S. 140], *Gollum* (CH) „hässlicher Mensch“ [15, S.51], *verhängen* (CH) „vergessen“ [10, S. 140], где сокращение CH обозначает Schweizerisch, а A – Österreichisch.

Итак, проведенный сравнительный анализ немецкого студенческого языка XIX в. и немецкого молодежного языка XXI в. показывает, что зоны пересечения молодежного жаргона этих разных эпох прослеживается в идеографических пластах и переосмысленных лексемах, в свободном обращении с иноязычными элементами, в своеобразных способах словообразования. Сходство наблюдается и в самой природе сопоставляемых явлений. Все это свидетельствует о том, что исторический немецкий студенческий язык и современный немецкий молодежный язык являются разными стадиями одного и того же феномена – немецкого молодежного социолекта.

The article compares the slang used by German students in the XIXth century and the slang used by German youth in the XXIth century. The research findings are similarities in lexico-thematic groups and also common tendencies in the way the vocabulary is enriched (metaphors, borrowing and world-building). Every case is proved with examples from dictionaries published in different centuries.

Key words: *slang, semantics, word-building, borrowings, comparative analysis*

Список литературы

1. Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: ЭЛПИС, 2007. – 368 с.
2. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: Астрель, АСТ, 2009. – 1102 с.
3. Bühler-Niederberger D. Jugend in soziologischer Perspektive – Annäherung und Besonderung // Neuland E. (Hg.) *Jugendsprache – Jugendliteratur – Jugendkultur. Interdisziplinäre Beiträge zu sprachkulturellen Ausdrucksformen Jugendlicher.* – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. – S. 11-27.
4. *Deutsches Universalwörterbuch.* – Mannheim - Zürich: Dudenverlag, 2011. – 2112 S.
5. Ehmann H. *Völl konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache.* – München: Beck, 2001. – 160 S.
6. Ehmann H. *Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache.* – München: Beck, 2005. – 180 S.
7. Gauchat L. *Studentensprache.* In: *Rektoratsrede und Jahresbericht 1925/26.* Zürich, 1926 - S. 3-15 // *Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache.* Bd. 6. – Berlin - New-York: de Gruyter. –1984. S. 165-177.
8. *Hä?? Jugendsprache unplugged 2012. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch.* – Berlin und München: Langenscheidt, 2012. – 167 S.
9. *Hä?? Jugendsprache unplugged 2013. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch.* – Berlin und München: Langenscheidt, 2013. – 168 S.
10. *100% Jugendsprache 2014. Deutsch-Englisch.* – München: Langenscheidt, 2014. – 153 S.
11. Kluge F. *Deutsche Studentensprache.* – Straßburg: Trübner, 1895. – 136 S.
12. Küpper H. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache.* – Stuttgart: Klett, 1990. – 959 S.
13. Neuland E. *Jugendsprache.* – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2008. – 210 S.
14. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz.* – Stuttgart: PONS GmbH, 2012. – 142 S.
15. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Mit 1.500 Einträgen aus Deutschland, Österreich und der Schweiz.* – Stuttgart: PONS GmbH, 2013. – 142 S.
16. PONS. *Wörterbuch der Jugendsprache. Sammelband.* Stuttgart: PONS GmbH, 2011. – 288 S.
17. Ragotzky C.A. *Der flotte Bursch oder Neueste durchaus vollständige Sammlung von sämtlichen jetzt gebräuchlichsten burschicosen Redensarten und Wörtern.* Leipzig: Wilhelm Nauck 1831 // Henne H., Objartel G. (Hgg.) *Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache.* Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. – S. 191-304.
18. *Studentikoses Idiotikon oder Allgemeine deutsche Burschensprache.* Herausgegeben von einem bemoosten Haupte. Jena: C. Hochhausen, 1841 // Henne H., Objartel G. (Hgg.) *Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache.* Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. – S. 305-352.
19. Schuchardt. *Studentikoses Conversationslexicon oder Leben, Sitten, Einrichtungen, Verhältnisse und Redensarten der Studenten, beschrieben, erklärt und alphabetisch geordnet.* Leipzig: Paul Friedrich Vögel, 1825. – 72 S.
20. Vollmann J. *Burschicoses Wörterbuch.* Bd. 1-2. – Ragaz: Unteregger, 1846. – 520 S.
21. Wippermann P. (Hg.) *Das neue Wörterbuch der Szenesprachen.* – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2009. – 207 S.
22. www.jugendwort.de
23. www.schekker.de/content/„jugendsprache-ist-eine-bastelei“
24. www.szenesprachenwiki.de

Об авторе

Россихина М.Ю. – доцент кафедры иностранных языков департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», rosmira@yandex.ru

УДК 316.46

ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

А.В. Фонарев

Статья посвящена анализу основных особенностей и типов социального и политического лидерства. Автор определяет понятия лидера и лидерства, рассматривает несколько типологий социальных и политических имиджей, раскрывает их характеристики. В статье делается вывод о том, что, несмотря на значительное количество точек зрения по данному вопросу, в ключевых позициях классификации типов лидеров и лидерства соприкасаются между собой.

Ключевые слова: лидер, лидерство, политическое лидерство, социальное лидерство, политика, социум, лидерские качества.

Современное общество развивается чрезвычайно быстрыми темпами в самых различных областях, в том числе и в том, что касается социальных и политических систем. В социальной и политической сферах практически все подвержено постоянной динамике, что обусловлено непрекращающимся развитием общества, а также попытками расширить потенциальные возможности органов и институтов, обеспечивающих стабильность, порядок и нормальное функционирование отдельного государства [см. подробнее: Горбунов, 1999; Горбунов, 2005; Горбунов, 2007; Алимуратов, Хребина, 2010; Лаза, 2013 и др.]. Подобное положение дел во многом зависит от тех сил, которые определяют и направляют данный ход развития, предотвращают различное негативное влияние, специфические риски и их последствия. Существует определенная группа людей, которые при осуществлении своих непосредственных функций и обязанностей могут лучше остальных чувствовать, как поступить в той или иной ситуации, повести за собой людей, разработать меры, которые необходимо предпринять, чтобы быстро разрешить возникшую проблему, выйти из тяжелой ситуации с наименьшими потерями. Подобных людей принято называть *лидерами*, т.е. индивидами, пользующимися авторитетом, влиянием в том или ином коллективе и занимающий в нем ведущее положение.

Не секрет, что лидерство существует везде, где есть власть и организация. Слово «лидер» («leader») в переводе с английского означает «руководитель», «глава», «вождь», «правитель», «командир», «вожак» и т.д. [<http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/leader>] и с данными значениями сегодня употребляется по всему миру. Следует отметить, что в современных политических и социальных науках принято разграничивать понятия «руководитель» и «лидер». Если первый (руководитель) официально получает свои властные функции и полномочия путем назначения или выборов, то второй начинает играть определяющую роль в процессе принятия решений, т.е. становится лидером, стихийно, благодаря опыту, заслуженному авторитету, личностному влиянию, внутренним качествам. Лидер возникает в результате естественного отбора, в то время как руководитель получает свою должность вследствие сознательного выбора вышестоящего начальства. Как правило, лидерство менее стабильно по сравнению с руководством, авторитет лидера необходимо все время подтверждать. Общеизвестно, что лидер, по сравнению с руководителем, не имеет закрепленных законом прав и обязанностей, не может применить административные санкции по отношению к другим работникам.

Лидерство – это сложный и важный социальный феномен, истоки которого восходят к глубокой древности. Еще античные историки Геродот, Плутарх и другие проявляли интерес к лидерству и предпринимали попытки его описать и осмыслить. В частности, в трудах данных ученых политические лидеры – герои, монархи и полководцы – рассматривались в качестве творцов истории, им уделялось основное внимание.

Одним из ведущих исследователей политического лидерства считается Н. Макиавелли, который внес значительный вклад в исследование данной области. По мнению ученого, политический лидер – это государь, спланирующий и представляющий все общество, а также использующий любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своего господства. Макиавелли на основе эффективной комбинации силы и хитрости разработал практические рекомендации для правителей, которыми в своей политической деятельности использовали О. Кромвель, Наполеон Бонапарт и другие выдающиеся политики.

Лидерство предполагает наличие власти. «Лидерство - это власть, потому что оно состоит в способности одного лица (или нескольких лиц), находящегося «на вершине», заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы или, в конечном счете, могли бы не делать вообще. Но, разумеется, лидерством является не всякий род власти. Лидерством является власть, осуществляемая «сверху вниз»» [Blondel, 1987: 2-3].

Политический лидер – это лидер в области политики, авторитетный субъект политического процесса, личностное влияние которого позволяет ему объединять и повести за собой различные социальные группы для решения проблем общественного развития [<http://polituk.com/politicheskoe-liderstvo/89-opredelenie-politicheskogo-lidera.-lider-i.html>]. В целом, политический лидер обладает специфическими чертами, которые отличают его от других политических деятелей, в частности: харизма, умение профессионально пользоваться средствами вербальной и невербальной коммуникации, опыт, достаточный уровень компетенций (знаний, умений и навыков) в избранной управленческой сфере, организаторские способности и т.д. Обычно политический лидер представляет собой яркую политическую фигуру, обладающую различными навыками политической борьбы, умеющую быстро и верно анализировать политические события и прогнозировать их исход, принимать ответственные решения,

спланировать людей и организовывать деятельность социальных групп, вести их за собой.

По мнению Р. Медведева, политический лидер также характеризуется популярностью, наличием собственной политической программы, целеустремленностью и настойчивостью в борьбе за ее осуществление. Кроме того, настоящий лидер остается лидером вне зависимости от потери руководящего поста; официальной должности [Медведев, 1989].

Немаловажную роль в общественно-политической деятельности играет принадлежность политического лидера к той или иной политической партии, общественному движению, что создает вокруг него определенный образ стереотипных восприятий – политический имидж. Последний представляет собой совокупность факторов, оказывающих непосредственное влияние на субъективное восприятие того или иного политического деятеля или политической партии с использованием специфических механизмов воздействия [Петрова, 2004]. Политический имидж может быть присущ политическим движениям, организациям, политической системе государства в целом.

Политического лидера также характеризует наличие определенных *потребностей*, в частности, *во власти*, т.е. достижение высшей ценности, которой является власть (Г. Лассуэлл, А. Джордж); *в контроле над событиями и людьми*; *в достижении определенных политических высот*, т.е. забота о совершенстве, мастерстве, поведении, направленном на достижение успехов; *в аффилиации*, т.е. принадлежности к группе и получении одобрения своих действий от входящих в нее людей [Гозман, Шестопап, 1996].

Среди основных функций политического лидерства выделяются следующие:

- *интегративная функция*, которая подразумевает интеграцию общества, объединение народных масс;
- *программная функция*, которая направлена на определение и формулирование интересов социальных групп, целей в рамках социальной и политической деятельности, выявление способов и методов реализации интересов и достижения целей;
- *мобилизационная функция*, предполагающая мобилизацию масс на реализацию политических целей;
- *защитная функция*, т.е. поддержание порядка в обществе, защита людских масс от беззакония, самоуправства бюрократии, социальный арбитраж и патронаж;
- *управленческая функция*, подразумевающая нахождение и принятие эффективных политических решений;
- *коммуникативная функция*, посредством которой происходит коммуникация между властями и людскими массами, не допускается отчуждение граждан от политического руководства;
- *функция легитимации*, предполагающая легитимацию политического строя;
- *культурно-организационная (социокультурная) функция*, имеющая целью социализацию ценностной ориентации людей;
- *нормативно-регулятивная функция*, направленная на координацию и регулирование политических интересов [см. Тургаев, Хренов, 2005 и др.].

Политическое лидерство достаточно многообразно. Как уже упоминалось выше, имеющее место разграничение между руководителем и лидером на уровне лидерства приводит к выделению *формального* (влияние лидера на группу в силу занимаемого им руководящего поста) и *неформального* (реального, основывающегося на заслуженном авторитете лидера, на добровольном признании за ним права на руководство со стороны членов группы) лидерства (см. Рис. №1). Мы отмечаем, что формальный аспект политического лидерства является основным, определяющим, т.к. практически невозможно стать значимым политическим лидером, не достигнув определенного положения в государственных или общественных структурах, влиять на политические процессы без членства (а значит и поддержки) какой-либо организации или политической партии. Кроме того, важными аспектами для становления лидера в современном обществе являются поддержка соратников и средств массовой информации. Реальное и формальное политическое лидерство могут как совпадать (президент Российской Федерации и др.), так и различаться (например, президент и канцлер ФРГ).

Рис. №1. Виды политического лидерства

М. Вебер [см. Вебер, 1988; 1990; 2003] предложил классифицировать типы лидерства в соответствии с авторитетом лиц, осуществляющих власть. В рамках данного критерия лидерство может быть *традиционным*, *харизматическим* и *бюрократическим* (рационально-легальным). *Традиционное лидерство* опирается на имеющиеся традиции и ритуалы, при этом лидер представляет собой носителя и знатока последних. Подобный тип властвования является достаточно примитивным, отжившим, но еще встречающийся в общественно-политических отношениях (монархия). Данный тип лидерства характеризуется безальтернативным принятием лидера. *Харизматическое лидерство*, представляя собой личностный тип лидерства, целиком и полностью строится на личностных качествах лидера и его способности повести за собой людские массы на крутых поворотах истории. Следует подчеркнуть, что в харизматическом лидерстве имеет место особая связь между лидером и его последователями: он чувствует, что готов для осуществления какой-либо определенной цели, а его приверженцы убеждены в наличии у него особых исключительных качеств, способности преодолевать любые возникающие трудности, предвидеть дальнейший ход событий. *Бюрократическое* (рационально-легальное) лидерство, коренным образом отличающееся от харизматического лидерства, представляет собой лидерство по должности, положению, а не в результате наличия особых личностных качеств. Рационально-легальное лидерство опирается на законы, правила, нормы, существующие в обществе, в рамках которых властвование связано со знанием и регламентировано четким соблюдением норм политической деятельности, а также их активным использованием для достижения поставленных целей (президент, премьер-министр). Последние два вида лидерства весьма схожи с приведенными и описанными выше неформальным и формальным типами лидерства.

В зависимости от стиля руководства лидерство может быть *авторитарным* (т.е. ориентированным на самостоятельное, единоличное принятие решений, подразумевающим централизацию полномочий и «командование всем и вся») и *демократическим* (т.е. ориентированным на активизацию активности и инициативы последователей, подразумевающим децентрализацию полномочий и привлечение «массы» к процессу принятия решений). Авторитарный лидер в рамках своей деятельности стремится жестко пресекать инициативу партнеров по политической деятельности, строго контролировать их активность, максимально подчинить их своему влиянию. Демократический лидер, в отличие от авторитарного лидера, не ограничивает активность своих единомышленников строгими рамками и правилами, советуется с ними по наиболее важным вопросам в ходе политической деятельности, позволяет им проявлять творческую инициативу и креативность. *Либерально-попустительский* тип лидерства подразумевает минимальное участие лидера в организации и контроле работы группы, подчиненных.

Еще одним критерием выделения типов лидерства является характер деятельности, в зависимости от которого лидерство может быть *универсальным*, когда лидерские качества у человека проявляются постоянно, и *ситуационным*, когда эти качества проявляются только в определенной ситуации, требующей от человека максимальной мобилизации сил и возможностей, при определенных обстоятельствах. Здесь следует также упомянуть похожее деление на *рутинное* (каждодневное) и *кризисное* (в период кризисной ситуации) лидерство.

С точки зрения содержания активности традиционно различаются *лидеры-вдохновители*, самостоятельно разрабатывающие и предлагающие алгоритм действий для достижения определенной политической цели, инициаторы социального движения, вдохновители, «программисты» и *лидеры-исполнители*, организующие выполнение уже сформулированных задач, кем-то разработанной программы, продолжатели начатого дела. Иногда оба типа лидерства совмещаются в одном руководителе, когда политическая программа разрабатывается и выполняется в плане руководства одним лицом. В некоторых других классификациях данные виды политического лидерства в соответствии с их содержанием получили названия *творческого*, когда лидер разрабатывает и предлагает программу поведения, и *исполнительного*, когда лидер выступает лишь исполнителем уже заданной программы.

По количеству задействованных лиц в рамках политического лидерства можно выделить *групповое* (например, лидерство партии, партийного аппарата) и *индивидуальное* (единоличное) лидерство. В государственном масштабе индивидуальное лидерство становится *дистанционным*, т.е. таким, которое характеризуется отсутствием прямых контактов между лидером и его последователями, их отношения опосредуются массовыми коммуникациями, организациями и людьми, обслуживающими политическую систему; *многоролевым*, когда лидер ориентируется не только на ожидания своего непосредственного окружения, но и на ожидания бюрократической исполнительной иерархии, широких масс населения, и его задача состоит в том, чтобы поддерживать эти противоречивые роли в определенном равновесии; *корпоративным*, т.е. таким, при котором основная роль в выработке политики в целом, а также тех или иных практических решений принадлежит не самому лидеру, а «пирамиде лидера», при этом лидер нередко только озвучивает то, что выработано этой «пирамидой» [<http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politicheskoe-liderstvo.html>].

С точки зрения отношения к существующей социальной системе еще четырьмя типами лидерства, построенными на взаимной оппозиции, являются следующие: *функционалистское* и *дисфункционалистское*, *конформистское* и *нонконформистское*. Деятельность лидера-функционалиста способствует развитию социально-политической системы, однако не выходит за рамки тех обязанностей, которые предписаны ему правилами политической деятельности. Лидер-дисфункционалист пытается разрушить систему, не ограничиваясь в своей деятельности логикой и нормами функционирования политического процесса. Лидер-конформист принимает как должные господствующие в обществе нормы, правила и ценности, в то время как лидер-нонконформист стремится их изменить. Лидер-конформист – это лидер, который подчиняется воздействию своей политической системы.

Г. Лассуэлл [Lasswell, 1935; 1948; 1950] предлагает типологию лидерства в зависимости от склонности лидеров к определенной модели поведения, например: *агитационное*, которое подразумевает воздействие ораторским искусством, силой слова, а также личным примером; *организационное*, влияющее на политический процесс посредством использования возможностей структуры, организации; *теоретическое*, предполагающее воздействие силой интеллекта, логики, рассуждений (см. Рис. №2).

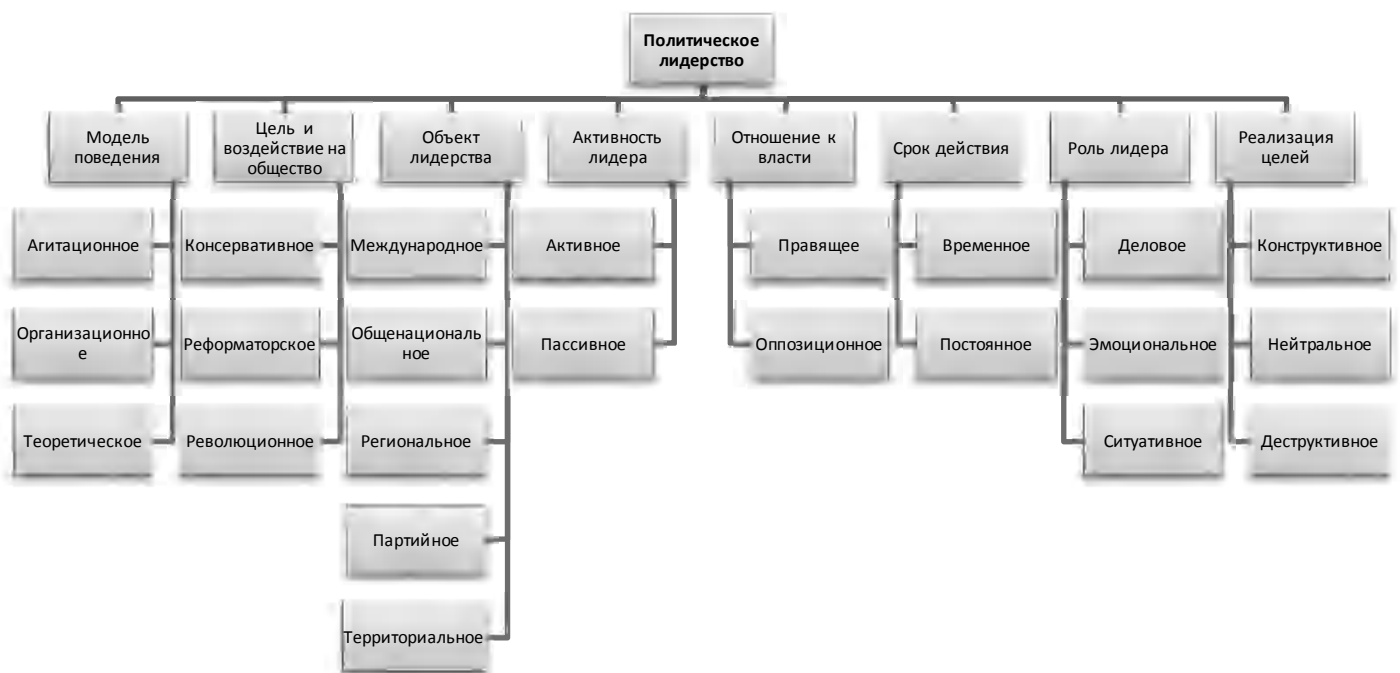

Рис. №2. Виды политического лидерства (продолжение)

В соответствии с типологией лидерства по Р. Такеру [Tucker, 1981], базирующейся на целях лидеров и их воздействии на общество, выделяются следующие его виды: *революционное*, имеющее целью радикальный пере-

ход к принципиально иной общественно-политической системе, к качественно новой ситуации; *реформаторское*, стремящееся к радикальному преобразованию общественно-политического устройства посредством проведения широкомасштабного изменения, прежде всего, в том, что касается властных структур; *консервативное*, базирующееся на обосновании необходимости сохранения общества в его традиционном, уже имеющемся, современном виде. Кроме того, в зависимости от объекта лидерства можно выделить *международное, общенациональное, региональное, партийное, территориальное*, лидерство в рамках определенного класса или тех или иных социальных групп и другие типы лидерства [см. также: Горбунов, 2012; Горбунов, Садчиков, 2006].

Следует отметить, что одним из важных подразделений лидерства по отношению к власти является его деление *правлящее*, находящееся у власти, и *оппозиционное* лидерство, выступающее против господствующей партии, мнения, поддерживаемого большинством. Политическое лидерство в зависимости от срока действия может быть *временным* (кратковременным, долговременным) и *постоянным*.

В соответствии с ролью лидера выделяют *деловое, эмоциональное* и *ситуативное* лидерство [http://www.dv-reclama.ru/others/articles/liderstvo/24354/tipologiya_liderstva_tipy_liderov_klassifikatsiya_liderstva_rol_i_lidera_delovoe_emotsionalnoe_situat/]. *Деловое* лидерство наиболее сильно влияет на эффективность руководства и главным образом характерно для групп, возникающих на основе производственных целей. Для данного типа лидерства основополагающими являются такие качества, как высокая компетентность, опыт, деловой авторитет, умение грамотно и быстро решать организационные задачи и т.д. *Эмоциональное* лидерство строится на основе возникающих человеческих симпатий, а также в результате притягательности межличностного общения в рамках социально-психологических групп. В целом, эмоциональный лидер характеризуется тем, что создает атмосферу психологического комфорта, излучает теплоту, вселяет уверенность, вызывает у людей доверие, снимает психологическую напряженность. *Ситуативное* лидерство по своей природе может сочетать черты и делового, и эмоционального типов лидерства, однако в отличие от них характеризуется неустойчивостью, временной ограниченностью, связью с конкретной ситуацией. В зависимости от активной или пассивной позиции лидера различаются *активный*, предполагающий активное участие в управленческой деятельности, и *пассивный*, подразумевающий незначительное задействование лидера, типы лидерства.

Каждая организация преследует определенные цели и в зависимости от направленности влияния на их реализацию лидерство делится на *конструктивное* (или функциональное), т.е. способствующее максимальному осуществлению целей организации; *нейтральное*, т.е. такое, которое не влияет непосредственным образом на эффективность, результат производственной деятельности (например, лидерство садоводов-огородников любителей, работающих в группе в одной организации); *деструктивное* (дисфункциональное), т.е. формирующееся на базе целей и стремлений, наносящих ущерб организации (например, лидерство в криминальной группе, группе воров или взяточников, сформировавшейся на фирме или предприятии).

С исторической точки зрения также следует указать на наличие *пролетарских* лидеров (а значит, и лидерства в целом), представляющих интересы рабочих, а также *мелкобуржуазных* и *буржуазных* лидеров, представляющих интересы зажиточных слоев населения.

Кроме того, лидерство может быть *эгоцентрическим*, т.е. таким, при котором лидер сосредоточен на себе, своем «я», своих целях и потребностях, и *социоцентрическим*, направленным на удовлетворение потребностей социальных групп, общества в целом.

Таким образом, мы постарались максимально подробно изложить основные типологии лидерства, существующие как в России, так и за ее пределами. Среди основных критериев классификации выделяются следующие: официальный/неофициальный характер, авторитет, стиль, роль и активность лидера, характер деятельности, содержание активности, количество задействованных лиц, отношение к социальной системе, модель поведения, цель и воздействие на общество, объект лидерства, отношение к власти, срок действия, реализация целей и т.д. В целом, разные типологии могут как сосуществовать параллельно (см. Рис. №1 и Рис. №2), так и пересекаться (например, лидерство может быть одновременно общенациональным, формальным, правящим, постоянным, быть реформаторским или революционным, индивидуальным и т.д.), так и частично совпадать (например, весьма близкими по своей сути являются формальное и правящее, ситуационное и кризисное, универсальное и рутинное, индивидуальное и авторитарное, ситуационное и временное, конструктивное и деловое лидерство).

The article is devoted to the analysis of main peculiarities and types of social and political leadership. The author defines the notions of leader and leadership, considers several typologies of sociopolitical images, reveals their characteristics, The article concludes that in spite of the fact that there are many points of view on this issue, the majority of classifications of leaders and leadership types is contiguous in key positions.

Key words: leader, leadership, political leadership, social leadership, politics, society, leader's qualities.

Список литературы

1. Алимуратов, О.А., Хребина, С.В. Политическая компонента постиндустриального общества // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 320-321.
2. Горбунов, А.П. Основы социального менеджмента / Под редакцией доктора экономических наук, профессора Б.Я. Гершковича. Пятигорск, 1999. – 788 с.

3. Горбунов, А.П. Как управлять миром, позитивно преобразовывая его: креационно-эволюционная транспарадигматика и транспараметрика, трансконсоциотика и транссинергетика единосмыслового мироустройства // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 9-20.
4. Горбунов, А.П. Становление отношений менеджмента в высшей школе России в 90-е гг. XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2005. – № 3. С. 70-76.
5. Горбунов, А.П. Инновационное управление как средство достижения нового качества университета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 3-4. – С. 129-131.
6. Горбунов, А.П., Садчиков, В.Н. Управленческая деятельность на региональном уровне: направления совершенствования системности и эффективности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 3. – С. 94-102.
7. Вебер, М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
8. Вебер, М. Политические работы, 1895 - 1919. – М.: Праксис, 2003. – 422 с.
9. Вебер, М. Харизматическое господство // Социс. – 1988. – № 5. – С. 139-147.
10. Гозман, Л.Я., Шестопал, Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону, 1996. – 448 с.
11. Лаза, В.Д. Социальные трансформации эпохи позднего модерна и постмодерна // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3. – С. 273-275.
12. Медведев, Р. Не каждый руководитель является политическим лидером // Общественные науки. – 1989. – № 2. – С. 111-112.
13. Петрова, Е. Имидж как фактор продуктивной политической коммуникации. Политическая имиджология: научно-прикладные основы: монография. Под ред. Л.Г. Лаптева, Е.Б. Перельгиной, Е.А. Петрова. – М.: РИЦ «РУСАКИ», 2004. – 248 с.
14. Политология: Учебное пособие / Под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – 560 с. - Серия «Учебное пособие».
15. Blondel, J. Political Leadership: Towards General Analysis. – L., 1987. – P. 2-3.
16. Lasswell, H.D. Power and personality. Westport (Conn.): Greenwood, 1948. – 262 p.
17. Lasswell, H.D. World politics and personal insecurity. – N.Y.: McGraw-Hill, 1935. – 307 p.
18. Lasswell, H.D., Kaplan, A. Power and society: a framework for political inquiry. – New Heaven: Yale Univ. Press, 1950. – 295 p.
19. Tucker, R.C. Politics as Leadership. – University of Missouri Press, 1981. – 224 p.
20. http://www.dv-reclama.ru/others/articles/liderstvo/24354/tipologiya_liderstva_tipy_liderov_klassifikatsiya_liderstva_rol_lidera_delovoe_emotsionalnoe_situat/
21. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politicheskoe-liderstvo.html>
22. <http://polituk.com/politicheskoe-liderstvo/89-opredelenie-politicheskogo-lidera.-lider-i.html>
23. <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/leader>

Об авторе

Фонарев А.В. – кандидат педагогических наук, доцент Новороссийского филиала ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», nf-pglu2005@yandex.ru

УДК 811.11'42

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹⁶

З.С. Хасанова, Е.В. Милетова, Н.П. Бугаенко

Статья посвящена анализу некоторых параметров и характеристик англоязычного специализированного искусствоведческого дискурса. Авторы уделяют внимание таким дискуссионным аспектам, как проблема определения степени терминологизации того или иного фрагмента профессионального дискурса, а также проблема отграничения одного вида профессионального дискурса от другого. Дискурс изобразительного искусства нацелен не просто на устное и письменное описание какого-либо произведения искусства, но также связан с немалым количеством различных видов дискурса: масс-медийным, рекламным, педагогическим, медицинским, юридическим, военным дискурсами, дискурсом маркетинга, PR дискурсом. В статье делается вывод о том, что дискурс изобразительного искусства представляет собой своеобразную сферу профессиональной коммуникации, в которой наблюдается интердискурсивность, и которая осуществляется через осознание невербального символического кода, предлагаемого художником, посредством индивидуальной когнитивной системы и интерпретационной оценки произведения искусства путем грамматических и стилистических, а также опорных лексических средств.

Ключевые слова: дискурс, искусствоведческий дискурс, терминологизация, интердискурсивность, изобразительное искусство, художник.

¹⁶ Публикация выполнена в рамках проекта «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014-2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор **О.А. Алимуратов**)

Профессиональный дискурс стал для современной лингвистики крайне популярным и, что немало важно, действительно ценным объектом для разностороннего изучения. Дискурсологов интересуют и вопросы асимметрии между поверхностным смыслом дискурсивных фрагментов и тем глубинным посылом, который вкладывал в высказывание говорящий [см. интереснейшую работу по данной теме: Гак, 2004], и теория и методология описания лингвистических особенностей и закономерностей построения профессионального (специализированного) дискурса, и специфические особенности дискурсивной деятельности, осуществляемой в новых условиях компьютерно-опосредованной коммуникации [см., в частности, Jones, 2011; Vaisman, 2011; Techniques, 1993], и многие другие аспекты.

Для терминоведов и лингвистов, так или иначе занимающихся проблемами статуса, семантики и образования терминологической лексики [см., например, Алимуратов, Лату, 2010; Алимуратов, Раздуб, 2011; Лату, Алимуратов, 2008; Лату, 2009; Раздуб, 2011; Раздуб, Алимуратов, 2011 и др.], а также ее корреляциями с лексикой общеупотребительной, несомненно важную роль имеет анализ того, каким образом термины функционируют в дискурсе, следовательно, изучение профессионального дискурса вносит заметный вклад в теорию и практику терминоведения в целом. Бесспорно, как и теоретическое терминоведение, изучение профессионального дискурса также характеризуется наличием определенных «вечных» вопросов, к ответу на которые лингвисты пока что могут лишь приблизиться. К таким дискуссионным аспектам, на наш взгляд, относится проблема определения степени терминологизации того или иного фрагмента профессионального дискурса, а также проблема отграничения одного вида профессионального дискурса от другого. В русле решения именно второй проблемы и выполнена настоящая статья.

Несмотря на большое количество исследований различных сфер профессионального дискурса, есть очень мало работ, посвященных изучению англоязычного искусствоведческого дискурса, а именно – дискурса, основной темой которого является изобразительное искусство. Вместе с тем, коммуникация в сфере искусства – интереснейшая тема для рассмотрения, т.к. именно в этой сфере ярко проявляется метаязыковая функция языка (ниже мы скажем об этом подробнее). Таким образом, мы считаем актуальным рассмотреть данный тип дискурса и понять, какими характерными дифференциальными особенностями он маркирован, что поможет определить то, какие изменения претерпевает данный дискурс на современном этапе его существования, и с какими другими типами профессионального дискурса он сосуществует или коррелирует. Вначале рассмотрим некоторые определения искусствоведческого дискурса, предлагаемые различными авторами.

У.А. Жаркова говорит об искусствоведческом дискурсе как об «аллюзии названия науки об искусстве»; иными словами, автор искусствоведческой статьи пытается осмыслить суть того или иного произведения и передать ее с точки зрения своего собственного понимания произведения [Жаркова, 2011].

А.П. Булатова определяет искусствоведческий дискурс как вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета, оценочности и других искусствоведческих стратегий [Булатова, 1999]. Здесь также примечательно мнение П.В. Лихолетовой о том, что дискурс изобразительной области «живопись» формируется как особый **синтетический интерпретационный дискурс**, состоящий из произведений живописи и их вербального сопровождения [Лихолетова, 2005].

Справедливо высказывание Е.А. Елиной о том, что изобразительные искусства принадлежат к уровню изображения, и, следовательно, линия, цвет, движение сочетаются друг с другом только с образованием единого целого, подчиняющегося своим собственным закономерностям. Это «единое целое», т.е. весь нечленимый текст-изображение, мы понимаем как знак [см., в частности, Бенвенист, 1974]. Но не членимый на отдельные, независимые знаки текст, тем не менее, должен быть разложен на отдельные взаимокоррелирующие компоненты [Елина, 2002].

Как показывают приведенные определения, многие дискурсологи сходятся на том, что искусствоведческий дискурс неизменно связан и интерпретацией, толкованием, при этом, как подчеркивают специалисты в области семантики текста и дискурса, «... процесс экспликации смысла текста (его основной мысли) зачастую носит **субъективный характер**» [Алимуратов, 2003: 43; см. также: Алимуратов, 2004; Алимуратов, 2006; Алимуратов, Реунова, 2006; Алимуратов, Григорьева, 2009; Лотман, 1992].

Размышляя об особенностях искусствоведческого дискурса, О.В. Коваль отмечает его ярко выраженный семиотический характер, говоря о том, что данная дискурсивная область «оперирует знаками единичного и всеобщего, сообщая, между тем, нечто и о языке, и о том, о чем при его помощи можно рассказать» [Коваль, 2008: 40]. Однако, по словам автора, рассматриваемый тип дискурса имеет двойственную природу, поскольку перенос знака, символа, изображения на вербальный уровень, реализация чего происходит за счет средств того или иного языка – весьма сложный и неоднозначный процесс. В результате этого искусствоведческий дискурс «как бы «зависает» между чистой визуальной ощутимостью пластической формы, и языковой дискурсией по ее поводу... это всегда балансирование между планом изображенного и планом изображения» [Коваль, 2008: 41].

В контексте рассмотрения статуса искусствоведческого дискурса нельзя не упомянуть точку зрения А.П. Миньяр-Белоручевой, в соответствии с которой язык искусства представляет собой «разновидность языка для специальных целей» [Миньяр-Белоручева, 2011: 58].

Прежде чем перейти к анализу некоторых существенных параметров дискурса изобразительного искусства, мы считаем целесообразным рассмотреть, что именно представляет собой изобразительное ис-

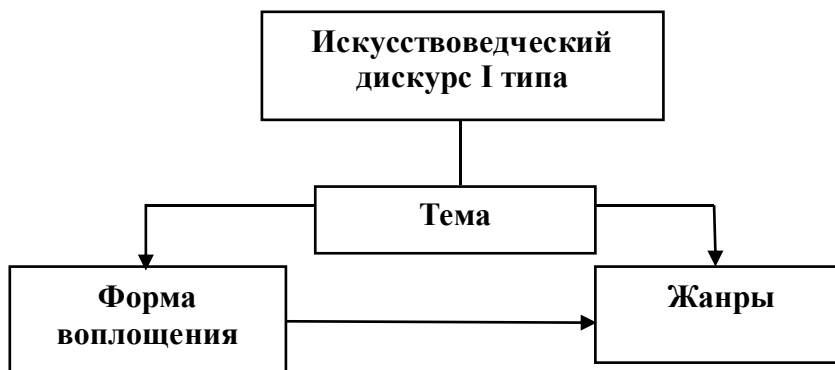
искусство, и какие именно сферы творческой или, как сейчас принято говорить, креативной деятельности оно включает. Согласимся с тем, что изобразительное искусство – это группа видов **визуального** художественного творчества, воспроизводящих визуально воспринятый и интерпретированный фрагмент реальной или воображаемой действительности. Произведения искусства имеют предметную форму, фиксированную однажды и не изменяющуюся во времени и/или пространстве [<http://festival.1september.ru/articles/517176/>].

Зачастую различные исследователи относят к изобразительному искусству как живопись, графику, так и скульптуру, архитектуру, декоративно-прикладное искусство, искусство фотографии [<http://www.bibliotekar.ru/isk/19.htm>; <http://festival.1september.ru/articles/517176/> и другие]. В настоящей статье основное внимание будет уделяться специализированному дискурсу изобразительного искусства в области живописи и, частично, графики, так как именно эти две дискурсивные сферы имеют основным предметом изобразительную деятельность человека и, на наш взгляд, недостаточно изучены в настоящее время с лингвистической точки зрения, в отличие, например, от дискурса архитектуры [см., в частности, наиболее фундаментальное, по нашему мнению, культурно-семиотическое исследование архитектурного дискурса в: Багрова, 2011, а также многие другие работы].

Прагматическая сторона искусствоведческого дискурса (ИД) является, на наш взгляд, главным критерием в пользу рассмотрения его как отдельного, независимого типа профессионального дискурса. Наиболее значимыми в данном контексте мы считаем эмотивную, воспитательную и информативную прагматические функции данного вида дискурса. В соответствии с первой функцией, искусствоведческий дискурс призван вызывать эмоции у зрителя / слушателя по отношению к тому или иному произведению искусства. При этом, как правило, когда речь идет об эмоциях, ключевой выступает оппозиции типа «нравится / не нравится», «хорошо / плохо». С другой стороны, ИД воздействует на зрителя посредством создания эстетического идеала, бытующего в сфере искусства. Наконец третья – информативная – функция представляет собой своего рода синтез передачи знания и ответной реакции на определенный интеллектуальный стимул, т.е. ИД – это не просто способ просветить ценителей и любителей искусства по интересующим их вопросам, а уникальный инструмент проекции реальной и / или воображаемой действительности. В этом заключается иллюкативный потенциал искусствоведческого дискурса.

Суммируя все сказанное выше, считаем возможным выделить два типа искусствоведческого дискурса: назовем их условно ИД I и II типов. Считаем возможным представить **невербальный искусствоведческий дискурс (I тип)** в виде следующей схемы.

Схема 1

Как видно из схемы, в рамках невербальной коммуникации в сфере искусства, когда речь идет о креолизованных или полностью невербальных текстах (произведениях), существуют определенные жанры (импрессионизм, модернизм и др.), темы (любовь, религия и т.д.) и формы воплощения (живопись, скульптура, фотография, видео, инсталляция и прочие).

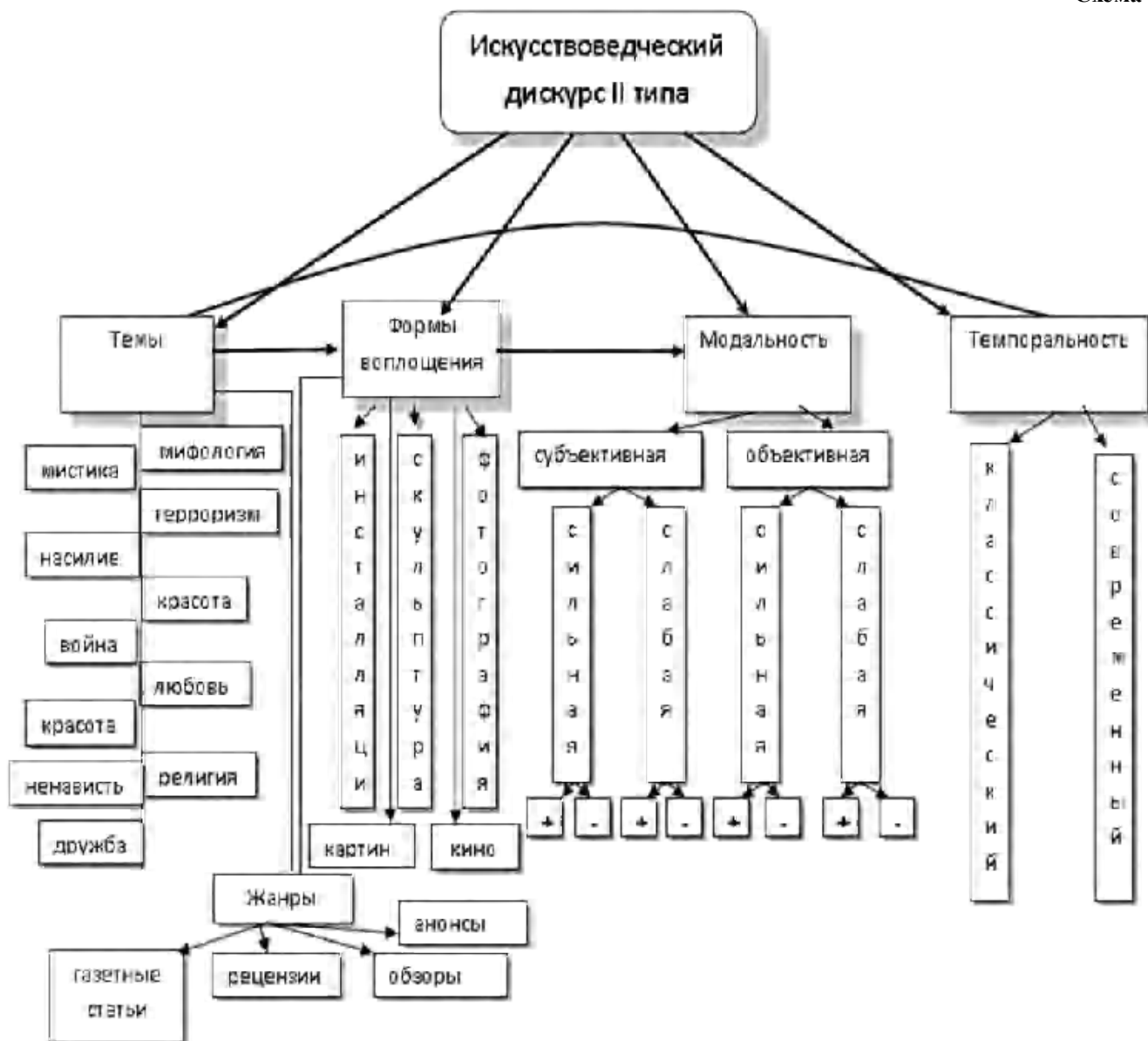
Отметим, что все звенья данной коммуникативной цепи находятся в тесном взаимодействии друг с другом, при этом ключевым элементом структуры искусствоведческого дискурса, реализуемого невербально, мы считаем тему, поскольку именно тема определяет жанры и форму воплощения. Безусловно, создавая произведение искусства, автор, прежде всего, обдумывает проблему, интересующую его, и по отношению к которой он не остается безучастным. Затем в рамках заданной темы реализуется некая идея, ограничивающая фокус внимания творца и замыкающаяся на более конкретном предмете, объекте, явлении и т.д. В последующем форма воплощения (картина, фотография, инсталляция и др.) определяет жанр произведения искусства, трактуемого как оригинальная семиотическая система, выполняющая коммуникативные функции [Лютман, 1992; Rusted, 2006].

В силу того, что в контексте нашего исследования, носящего лингвистический характер, особую значимость представляет собой коммуникация на вербальном уровне, обратим особое внимание на искусствоведческий дискурс второго типа. Данный вид ИД носит именно вербальный характер и, по сути своей, представляет уже коммуникацию на метауровне: в рамках ИД второго типа речь идет о произведениях, составляющих ИД первого типа. Конечно, следует отметить, что столь жесткое разграничение ИД первого и второго типов на самом деле весьма условно. Как отмечает Б. Растэд, существуют определенные виды изобразитель-

ного искусства (ИД первого типа в нашей классификации), роль вербального компонента в которых изначально довольно высока (он называет такое искусство *text-dominant art*) [Rusted, 2006: 118].

Вместе с тем, мы полагаем, что есть все основания разграничивать произведение искусства как первичный текст, имеющий невербальную природу и предназначенный для коммуникации с реципиентом, и вербальные тексты об искусстве, выполняющие метакоммуникативную роль. Изобразим структуру ИД второго типа графически и проанализируем ее более детально.

Схема 2

Как можно заключить из анализа приведенной схемы, мы наблюдаем тесное взаимодействие между основными элементами представленной модели. Подчеркнем, что ведущим звеном в цепи вербальной искусствоведческой коммуникации, как нам представляется, вновь является тема, которая определяет форму воплощения, жанры и модальность искусствоведческого текста, т.е. указанные элементы находятся в прямой зависимости от темы.

Следует сказать, что при анализе материала выборки фрагментов англоязычного ИД мы определили широкий спектр затрагиваемых коммуникантами тем. К числу основных мы относим следующие: красота, дружба, любовь, религия, мифология, мистика, ненависть, насилие, война, терроризм. Указанные темы воплощаются в соответствующих произведениях искусства, которые далее, в свою очередь, уже служат предметом ИД II типа. Полагаем, что в рамках вербального искусствоведческого дискурса можно говорить о наличии тех же самых форм воплощения рассматриваемых в исходном произведении тем, что и в невербальном искусствоведческом дискурсе I типа, а именно: картина, скульптура, фотография, инсталляция, видео и др.

Согласно схеме, в пределах вербального искусствоведческого дискурса мы выделяем несколько основополагающих жанров: газетная статья, рецензия, обзор и анонс, при этом каждый из этих жанров имеет свою уникальную специфику. Так, например, анонс характеризуется наличием воздействующей функции на адре-

сата и нацелен на то, чтобы заставить зрителя / читателя посетить, посмотреть и оценить то или иное событие или явление. В свою очередь, газетная статья и рецензия позволяют критику / автору тематического текста по искусству выразить свое отношение к рассматриваемому произведению и дать собственную оценку предмету обсуждения, которая, естественно, может быть как положительной, так и отрицательной. Искусствоведческий обзор, наоборот, повествует о явлении в общих чертах и не подразумевает передачи авторского отношения.

Из сказанного вытекает следующая особенность дискурса искусствоведа – **модальность** [Бабушкина, 2011: 27 и др.], выступающая в качестве механизма и средства передачи отношения к обсуждаемому предмету. Модальность может быть субъективной, подразумевающей отношение и оценку самого автора текста, и объективной, передающей отношение того или иного явления к действительности. Кроме того, по степени интенсивности и выраженности этого отношения можно говорить о сильной и слабой модальности, об отношении со знаком (+) и знаком (-).

Нельзя не отметить также, что рассматриваемый в настоящей статье тип дискурса по критерию темпоральности классифицируется на классический, датированный серединой и концом XX столетия и современный (с конца 90-х годов XX века по настоящее время).

Искусствоведческий дискурс как отдельная комплексная дискурсивная сфера, представляющая собой многоаспектную коммуникативную деятельность, охватывающую различные референтные области: живопись, скульптуру, архитектуру, театр, кино, музыку и др., имеет и другие лингвистические особенности, речь о которых пойдет далее.

Прежде всего, считаем целесообразным разграничить два понятия: классический искусствovedческий дискурс и современный (постклассический) искусствovedческий дискурс, при этом под «классическим» ИД мы подразумеваем тексты, написанные в традиционной научной форме, датированные серединой и концом XX столетия. Под «современным» искусствovedческим дискурсом понимаются работы молодого поколения критиков, относящиеся к периоду с конца 90-х годов XX века по настоящее время. Основное отличие обозначенных периодов видится нам в особенностях их терминосистем. Если «классический» период ознаменован употреблением значительного количества терминологических единиц, относящихся именно к сфере искусствovedения, различных пластов иноязычной и книжной лексики, то «современный» искусствovedческий дискурс более ориентирован на «массового» читателя и вербализует реалии повседневной жизни, используя широкий диапазон лексических единиц, от искусствovedческих терминов и специализированной лексики до общеупотребительных слов и выражений. Таким образом, можно утверждать, что на постклассическом этапе развития ИД его терминологичность заметно снижается, точнее – снижается насыщенность специальных текстов, посвященных изобразительному искусству, искусствovedческими терминами. Иными словами, происходит как бы «размывание» границ терминосистемы искусствovedения, вследствие того, что она начинает тесно коррелировать с терминосистемами смежных сфер профессиональной деятельности, чего не отмечалось ранее.

Художник нового поколения более прагматичен, отчасти циничен, он не является возвышенным творцом, воспевающим прекрасное, а тесно связан с реалиями повседневной жизни, диктующими ему свои правила игры [Козловская, 2003: 71-72]. В результате возникают деловые отношения между художником и зрителем (критиком), в которых материально-денежная составляющая выступает неотъемлемой частью, например:

(1) **The commercial value of art has usurped its spiritual value**, indeed, seems to determine it. **Art's esthetic, cognitive, emotional and moral value** – its value for the dialectical varieties of critical consciousness – **has been subsumed by the value of money**.

Art has never been independent of money, but now it has become a dependency of money. Consciousness of money is **all-pervasive**. It informs art – virtually everything in capitalist society – the way Absolute Spirit once did, as Hegel thought. **Money has always invested in art**, as though admiring, even worshipping, what it respected as its superior – the true treasure of civilization – but **today money's hyper-investment in art, implicitly an attempt to overwhelm it, to force it to surrender its supposedly higher values, strongly suggests that money regards itself as superior to art** [www.artnet.com].

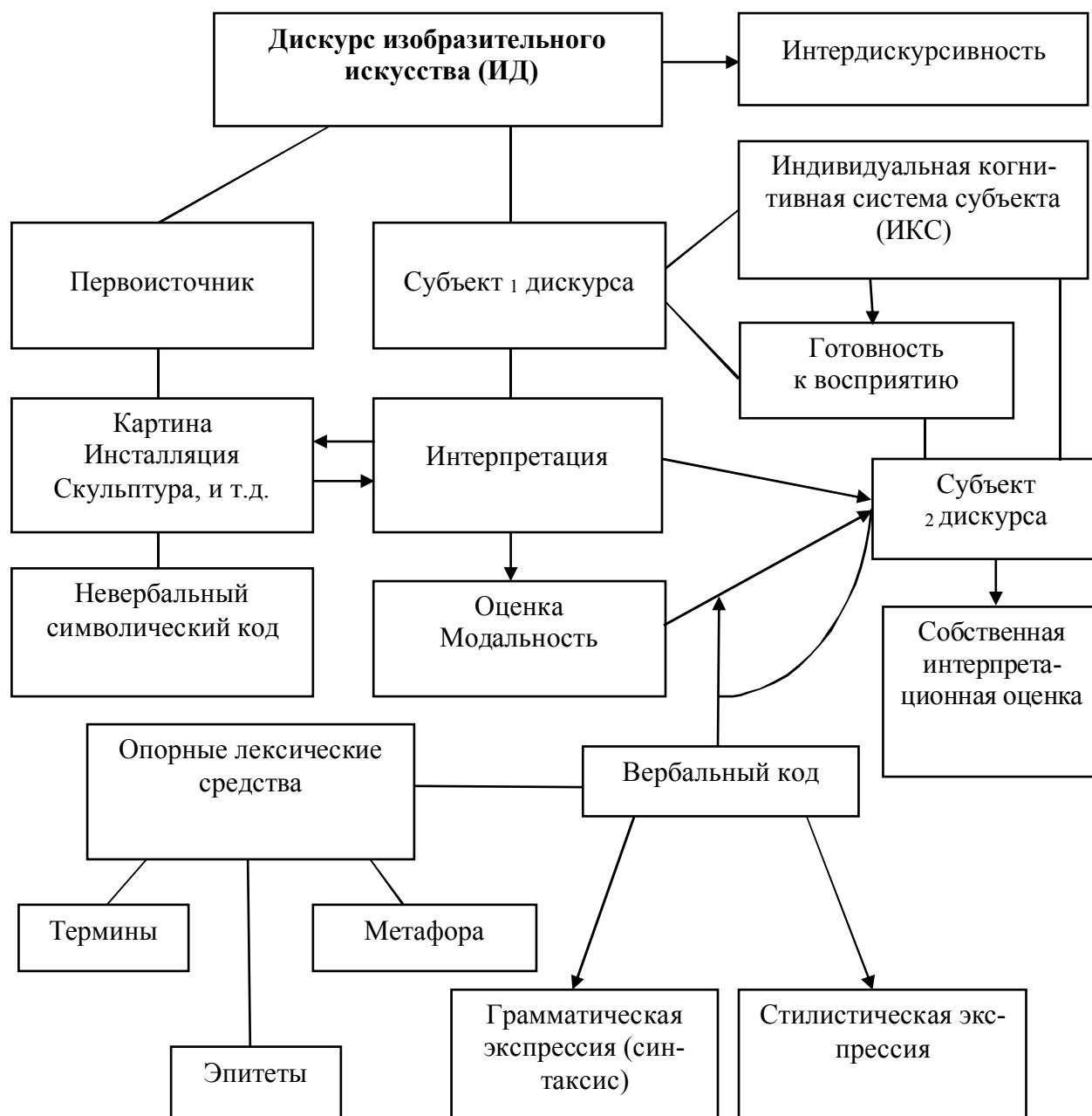
В данном случае критик размышляет о роли и ценности искусства в денежном эквиваленте (commercial value of art), пытаясь провести параллель между ними (Art's esthetic, cognitive, emotional and moral value ... has been subsumed by the value of money; Art has never been independent of money, but now it has become a dependency of money) и выявить более сильное звено в цепи, которым выступает денежный ресурс (today money's hyper-investment in art, implicitly an attempt to overwhelm it, to force it to surrender its supposedly higher values, strongly suggests that money regards itself as superior to art).

Рассмотрим далее такие лингвистически релевантные параметры искусствovedческого дискурса, как:

- 1) участники ИД;
- 2) ситуация общения в сфере изобразительного искусства (терминология изобразительного искусства, хронотоп, клише, фразеосхемы, и т.д.);
- 3) связь с другими видами профессионального дискурса (интердискурсивность).

Рассмотрим следующую схему, которая иллюстрирует процесс вербализации невербального кода в галереях или на выставке.

Схема 3

Как показано на схеме, участниками ИД в сфере изобразительного искусства (ИИ) являются художник (автор картины), искусствовед-интерпретатор, который знакомит присутствующих с выставляемыми картинами и их авторами, зрители (это любители ИИ или художники-профессионалы, которые пришли посмотреть на произведение со своей определенной целью, а также критики, для которых положительные или отрицательные комментарии представленного произведения являются профессиональным ремеслом).

Первоисточником рассматриваемого профессионального дискурса является художник, автор представленной вниманию зрителя картины (инсталляции и/или скульптуры). Данные произведения искусства оформлены с использованием невербального символического кода. Темой и формой обозначенного типа коммуникации служит непосредственно произведение искусства, вернее – вид его материализации (полотно, скульптура, графическое изображение и др.). Основной посыл при этом передается при помощи символов, образов, иконических знаков. В силу того, что процесс коммуникации в искусствоведческом дискурсе на начальном этапе носит невербальный характер, единственно возможным каналом связи в случае с произведениями изобразительного искусства выступает зрительное восприятие информации [Милетова, 2013].

Таким образом, зрительно восприняв увиденное, интерпретатор, обладающий индивидуальной когнитивной системой (ИКС), определяющей его собственное понимание данного творения, выступает как первичный субъект дискурсивного взаимодействия. Как известно, традиционно выделяются четыре подсистемы ИКС: язык, сознание, мышление и память; кратко охарактеризуем каждый уровень.

Непроизвольное умение человека управлять интенцией и рефлексией представляет собой сознание. Мышление же, являясь невербальным процессом получения и накопления знаний считается высшим уровнем

человеческого познания и ключевым элементом индивидуальной когнитивной системы [Микаелян, 2010]. Впервые справедливо о невербальности мышления сказал Л.С. Выготский, выразив мнение о том, что единицей, отражающей единство мышления и речи, является значение слова, которое одновременно является и феноменом речи, и феноменом мысли. Само отношение мысли к слову, по словам автора, – это, прежде всего, процесс движения от мысли к слову и обратно – от слова к мысли [Выготский, 1998].

Таким образом, как справедливо пишет П.В. Лихолетова, процесс интерпретации живописного произведения состоит из нескольких ступеней, среди которых первой ступенью является готовность человека к деятельности с использованием соответствующей ИКС. Вторая ступень – это привлечение к анализу жизненного опыта человека, реализуемого в ходе интерпретации через знания в соответствующей сфере. Следующей, третьей ступенью является оценка образа конкретного произведения, его пристрастное (в определенной степени) осмысление. Образ раскрывается через визуальное восприятие информации соответственно абстрактно-логическому мышлению и вербальной сфере субъекта. Как уже отмечалось выше, при описании произведения искусства субъект соответствующего вербального дискурса становится субъектом метаязыковой интерпретации, так как вербализует образный код [Лихолетова, 2005].

Искусствовед является неким проводником невербального дискурса в вербальное пространство путем раскрытия всех скрытых кодов изображения. В некоторых случаях искусствоведы пытаются объяснить публике, является ли та или иная картина, с их точки зрения, произведением искусства, и приводят доводы для доказательства своего мнения, в то время как зрители, являясь вторичными субъектами дискурса и обладая своей ИКС, в процессе интерпретации искусствоведом представленного произведения, впитывают воспринимаемую информацию и сопоставляют ее с выставленным объектом. Таким образом, у зрителя имеется свое видение и понимание картины, своя собственная интерпретационная оценка, реализуемая через устное выступление или статью в газете/искусствоведческом журнале, небольшой репортаж в выпуске новостей об искусстве с участием критика искусствоведения или без него. В данной ситуации общения очевиден хронотоп – место (в случае интерпретации произведения искусствоведом зрителю – это галерея ИИ, музей или любой другой выставочный зал, а в случае вербализации интерпретационной оценки зрителем – это, как сказано выше, статья, газета, журнал или телестудия) и время проведения выставки, выпуска журнала, газеты, статьи или выхода в эфир новостей.

В зависимости от ситуации общения меняются и участники дискурса ИИ. Так, например, если у картины появился покупатель, то покупатель может приобрести картину, связавшись с художником напрямую или через посредника. В данной ситуации вероятными участниками дискурса являются покупатель-посредник-художник, и в таких обстоятельствах общения используются клише, соответствующие как дискурсу об искусстве, так и дискурсу купли-продажи. Несколько иной пример, но суть дела от этого не меняется: художника уже нет в живых, а его жена или дочь захотели осуществить желание художника организовать выставку его работ, как произошло в случае с художником Матиссом. Здесь главным участником дискурса становится его дочь – Софи Матисс, которая рассказывает о том, как ее отец, сильно заболев, не мог больше заниматься живописью и реализовал себя как художник, вырезая, на первый взгляд, простые детали из различного материала, из которых впоследствии получалось своеобразное произведение искусства [[www.youtube.com Matisse exhibition impresses critics](http://www.youtube.com/Matisse%20exhibition%20impresses%20critics)].

В некоторых ситуациях источником ИД может стать человек, по сути, не имеющий никакого отношения к искусству. Рассмотрим следующий пример. Хорошо известный властям США преступник Джордж Зиммерман, неизвестным образом избежавший наказания, выставляет на аукционе Ебай свою картину, которая неожиданно приобретает популярность среди желающих ее купить. Так называемая «картина» изображает флаг США со словами “God-one nation-with-liberty and justice for all”. С помощью дефиса мы показываем, как расположены соответствующие лексемы на флаге сверху вниз. В выпуске новостей Нью-Йорка затронута нашумевшая тема, и ведущий вместе с известным местной публике критиком-искусствоведом Джерри Солтз пытается найти ответ на вопрос, является ли предложенная картина (она видна на мониторе) произведением искусства или нет, и почему эта работа заинтересовала публику. Приведем серию небольших отрывков из этой беседы:

(2) “Zimmerman’s first work of art **has been listed on Ebay being started at 99 cents. The last bid not the latest is now more than 100 000\$!** Why?! Is the painting even any good? Let’s spring in an expert, CNN art critic from New York magazine...”

“... **How can someone like this assumingly believe the worst about George Zimmerman? Not the first time we have seen this, have we?**”

“No. **Mass murderers** have made art and people tried to buy it and have bought it... **In my humble opinion this person got away with the crime and that is only reason that anybody would want to buy anything that he made.**”

“What have we seen in the turns of ‘Why’? What is the fascination? What is desired by the artwork of someone who has been **connected** or **convicted** for a **horrible crime**?”

“First of all we **needn’t call it a work of art**. It’s a **poster**, it’s a **placard**, and it’s a **kind of thing you might see outside in the protest**. I mean it’s a **bit of a confession to me**. It’s talking about **liberty, justice** for all and none of this ever happen. Also you have this (показывает на слово ‘God’). It’s funny a little, is there only strength to be your **cause**? And the **cause that I think is – is a travesty of justice, a crime**... It is not thought in it. **It’s needing to be in the centre of attention. I think it’s a bit psychotic.**”

“This is **your art criticism** of course, ’cause that is what you are. Tell us what are we looking at?” (на мониторе появляется фотография флага США по правую сторону и картина Зиммермана слева, видны явные сходства).

“It does matter that he copied it. So, that’s fine, look, I mean he find the most obvious image of a flag and does the exact same thing.... There is no thought in this person, he just needs attention...<...> What Zimmerman made is not an art, he is not an artist. To me what he made is a simpleton, copy, in my opinion as an art critic....”

“People want to pay a hundred dollars for this and what that speaks for you then?”

“... They are not buying this work of art, they buy the idea, the George Zimmerman...”

... “... More of the artists always make people think. This raises a lot of questions for us...”

“Not for me, but for you, this doesn’t make me think anything!” [CNN Art Critic... Youiwww.youtube.com/watch]

Для начала обратим внимание на то, что данный пример является ярким показателем такого явления, как **интердискурсивность**, которое иллюстрируется тесной связью следующих видов дискурса: дискурс масс-медиа, дискурс маркетинга, юридический дискурс и дискурс PR. В ходе анализа данного примера мы покажем, за счет каких факторов это происходит.

Данная тема изначально исходит от так называемого «художника» – первоисточника дискурса изобразительного искусства, невербального и, как нам видится, непрофессионального участника данной темы. Картина, о которой идет речь, натолкнула человеческое сознание на размышления о том, есть ли смысл в этом произведении. В этой связи данная тема затронута в утреннем выпуске передачи “New Day” на канале CNN, что уже указывает на факт дискурса масс-медиа. Для получения профессиональной интерпретационной оценки в студию приглашают субъекта₁ искусствоведческого дискурса, обладающего своей индивидуальной когнитивной оценкой обсуждаемой картины. Телеведущий также становится непрофессиональным участником дискурса искусствоведения, субъектом₂, готовым узнать мнение субъекта₁. Здесь также нужно учитывать и то, что в формате телепередачи присутствует большое количество невербальных участников – зрителей, среди которых могут быть как профессионалы так и непрофессионалы, которые могут стать альтернативными субъектами₂ и различным образом вербализовать собственную интерпретационную оценку. Далее в диалоге-обсуждении невербальный код вербализуется через различные опорные лексические средства, грамматическую и стилистическую экспрессию. Начиная свой вопрос с клишированных фраз, присущих дискурсу масс-медиа “... **How can someone like this assumingly believe the worst...**” телеведущий акцентирует свое ироническое отношение к сложившейся ситуации. Оценочная фраза-клише “**assumingly believe the worst**” раскрывает пренебрежительную оценку говорящего и к “**someone like this**”, т.к. целенаправленно используется неопределенное местоимение, имея в виду, что этот «некто, неопределенное лицо» не имеет никакого отношения к искусству. Джерри в своих ответах часто употребляет клише, которые также присущи масс-медийному дискурсу, в составе которых имеются личные и притяжательные местоимения и клишированные фразы, давая понять, что это лично его мнение, и он оставляет право другим на свое мнение, так например: “**In my humble opinion**”, “**to me**”, “**what I think is**”, “**in my opinion as an art critic**”, “...this doesn’t make **me think anything!**”

Искусствовед не воспринимает работу Джорджа как искусство, что маркировано через модальный глагол+not, которые указывают на отрицание данного «искусства», так например: “we **needn’t** call it a work of art”, через скрытое сравнение: “It’s **a poster**, it’s **a placard**” “he copied it”, “it’s **a bit psychotic**”, “what he made is **a simpleton**”, и через свою профессиональную ИКС понимает, что эта работа в реальности ничего не стоит, выражая свою оценку через отрицание - “What Zimmerman made is **not** an art, he is not an artist”, “this **doesn’t** make me think **anything**”.

Телеведущий, в свою очередь, обладая собственной ИКС, дает понять искусствоведу через опорные лексические средства, личные местоимения, что может быть и другое мнение, другая интерпретационная оценка “This is **your** art criticism of course, ‘cause that is what **you are**”.

Грамматическая экспрессия выражается в следующих случаях: “It **does** matter”, где вспомогательный глагол используется для придания дополнительной выразительности семантике основного глагола; “It’s **needing** to be in the centre of attention”, где модальный глагол использован в Present Continuous с той же целью; “Not the first time we have seen this, have we?” – нарушен порядок слов в главной части разделительного вопроса, также с целью придания экспрессии.

Связь с PR дискурсом вербализуется через такие лексические средства как protest, attention и клишированные фразы – “It’s **needing** to be in the centre of attention”, “he just needs attention”, “they buy the idea, the George Zimmerman”, которые говорят о том, что человек, написавший картину, решил привлечь внимание чем-то новым, сделать так, чтобы о нем узнало больше людей, что, возможно, и происходит, так как до этого случая вряд ли искусствоведы что-либо слышали о нем, а тем более публично выступали, называя его имя.

Юридический дискурс проявляется в юридических терминах и клише, таких как: “murderer”, “got away with the crime”, “connected or convicted for a horrible crime”, “confession”, “liberty”, “justice”, “a travesty of justice”, “a crime”, “cause”.

Дискурс маркетинга прослеживается в следующих лексических средствах, терминах и клише: “has been listed on Ebay being started at 99 cents”; “The last bid not the latest is now more than 100 000\$!”; “to buy”; “to pay a hundred dollars”.

Сфера маркетинга зачастую связана с рекламой, следовательно, ДИИ также коррелирует с рекламой.

ным дискурсом. В этой связи рассмотрим следующий пример:

(3) **Wonderful Example of Cuprien's early works in Italy! Very nicely done. Sunset on an Italien Garden. RARE!** [Artist and Art Research - Over 20 years of auction records www.askart.com/]

Краткие клише нацелены на привлечение внимания для того, чтобы найти покупателя. Здесь, как мы уже сказали, используются клише, шрифтовое выделение и знаки препинания, а именно восклицательный знак для придания экспрессивности.

В следующем примере наблюдается рекламирование не только произведений искусства, но и высоко-го профессионализма сотрудников галереи искусств.

(4) **Each oil painting is a one-of-a-kind creation. We do NOT sell any fakes or reproductions. Every single painting** showcased on this site **was examined and hand-selected by an experienced team of art professionals. We know how to find incredibly talented artists**, whether they're already famous or still waiting for the spotlight to find them.

Реклама качества проявляется в использовании таких словосочетаний по схеме прилагательные+существительное, как **each oil painting, every single painting**, в которых внимание реципиента обращается на качество и редкостную ценность картин, и **experienced team, incredibly talented artists**, в которых указывается на профессионализм специалистов, подбиривших коллекцию ценных картин; фразеосхема **one-of-a-kind creation** опять-таки говорит об уникальной ценности произведения; фразы **every single painting ... was examined and hand-selected by an experienced team of art professionals, we know how to find incredibly talented artists** – также говорят о компетентности людей, занимающихся отбором коллекций для повышения престижа данной галереи, что должно положительно повлиять на привлечение внимания как можно большего количества любителей искусства и покупателей.

Дискурс сферы изобразительного искусства также взаимосвязан и с такими видами дискурса, как педагогический, военный и медицинский дискурс, что мы и рассмотрим дальше.

Связь педагогического дискурса с дискурсом ИИ происходит через лексическую наполняемость, дидактический фрейм. Дидактический фрейм может выполнять в коммуникации нравственно-аксиологическую или обучающую функцию [см., в частности, об этом: Олешков, 2011].

Следующий пример, по нашему мнению, ярко иллюстрирует связь дискурса изобразительного искусства с медицинским дискурсом:

(5) ... I can't draw a figure without knowing all about the **bones** and **muscles** and **tendons** that are inside it. And I can't draw a **head** without knowing what goes on in that person's **brain** and **soul**. In order to paint life one must understand not only **anatomy**, but what people feel and think about the world they live in... [Беляцкая, 1974: 31].

Связь медицинского дискурса с дискурсом ИИ прослеживается в данном случае за счет таких терминологических единиц как **bones, muscles, head, anatomy**. Именно о таком «терминологическом размывании» и шла речь несколько ранее в нашей статье: несомненно, употребление медицинских терминов в тексте об искусстве не делает этот текст текстом о медицине, однако, вместе с тем, показывает, что искусствоведческий дискурс перестает быть «закрытой» сферой специализированной коммуникации профессионалов с профессионалами.

Нередко наблюдается корреляция ИД и с военным дискурсом, когда картина художника изображена в батальном жанре, и при ее описании интерпретатор использует соответствующую лексику, военную терминологию. Так, например:

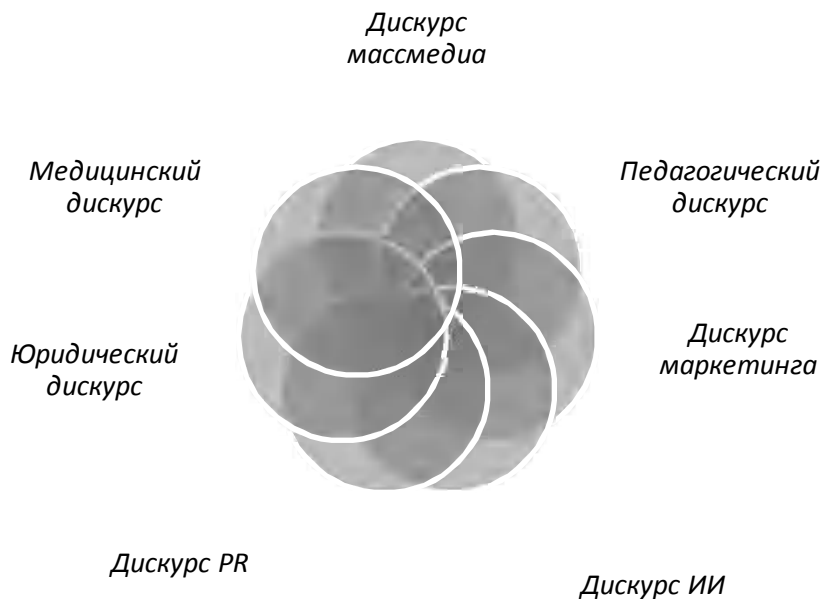
(6) Brown, grey and green waves of colour all converge towards three **soldiers** operating a **cannon**. ...Superimposed onto this dramatic image are words and phrases about **war** and **fighting**... This painting was one of a group which Severini made between 1917 and 1918, during the **First World War**... [Phaidon Press Limited, 2011: 423].

Еще один пример:

(7) ...Upon display of the painting in 1901, he **was attacked by critics** who could have noted that Vienna was leading the world in medical research under such figures as Theodor Billroth (1829–94), Frantisek Chvostek (1835–84), and Ludwig Türck (1810–68) [[www/google.ru](http://www.google.ru) Wikipedia,... Klimt University of Vien].

Данный пример хоть и не затрагивает тему батальной живописи, но показывает наличие военной метафоры, где “**was attacked**” не подразумевает вооруженного нападения, а лишь вербализует недовольство со стороны искусствоведов.

Основываясь на вышесказанном, рассмотрим следующую схему, показывающую корреляцию рассмотренных нами дискурсов.

Как видим, дискурс изобразительного искусства выражается через вербализацию невербальных знаков, предлагаемых художником, которая достигается через осознание, оценку и, впоследствии, интерпретацию скрытых кодов автора.

Рассмотрев примеры, мы выяснили, что дискурс изобразительного искусства функционирует не только для того, чтобы описать устно и письменно какое-либо произведение искусства; он также связан системой корреляций с немалым количеством различных видов дискурса, а именно с:

- 1) масс-медийным дискурсом за счет клише, применимых в телепередачах, газетных статьях, журналах, новостях;
- 2) рекламным дискурсом за счет употребляемых клише;
- 3) дискурсом маркетинга с помощью терминов, клише;
- 4) PR дискурсом через лексическое наполнение;
- 5) педагогическим дискурсом, за счет лексической наполняемости и дидактического фрейма;
- 6) медицинским дискурсом: связь достигается за счет изучения анатомии человека (дидактический фрейм) и использования терминов медицины;
- 7) юридическим дискурсом, через клише и термины;
- 8) военным дискурсом, за счет военной терминологии и военной метафоры.

Если рассматривать изобразительное искусство в более широком спектре его понимания (не только живопись), то можно выявить намного больше дискурсов, связанных с дискурсом ИИ, так как существует много смежных дисциплин – это и архитектура, и скульптура, и декоративно-прикладное искусство, и ландшафтный дизайн, дизайн интерьера, экстерьера, строительство и т.д., изучение которых не являлось целью нашей работы.

Также в нашей работе мы рассмотрели различные ситуации общения в искусствоведческом дискурсе и определили, что в ДИИ могут быть как вербальные, так и невербальные участники общения, первичные и вторичные субъекты интерпретации дискурса ИИ.

Итак, можно резюмировать, что дискурс изобразительного искусства – это своеобразная сфера профессиональной коммуникации, в которой наблюдается интердискурсивность, и которая осуществляется через осознание невербального символического кода, предлагаемого художником, посредством индивидуальной когнитивной системы и интерпретационной оценки произведения (или произведений) искусства путем грамматических и стилистических, а также опорных лексических средств.

The article is devoted to the analysis of some parameters and characteristics of the English-language specialized art criticism discourse. The authors pay attention to such topical aspects as the issue of the degree of terminologization of this or that fragment of the professional discourse and the issue of delimitation of one type of professional discourse from others. The art criticism discourse is not only aimed at the oral and written description of a work of art, but is also connected with a number of types of discourse: mass media, advertising, pedagogical, medical, juridical, military, marketing and PR discourse. The article concludes that the discourse of visual arts is a special sphere of professional communication that is characterized by interdiscursivity and is implemented through the perception of the non-verbal symbolic code offered by the artist by means of the individual cognitive system and interpretative assessment of the work of art by grammatical, stylistic and main lexical means.

Key words: *discourse, art criticism discourse, terminologization, interdiscursivity, visual arts, artist.*

Список литературы

1. Алимуратов, О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. 312 с.
2. Алимуратов, О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность (система корреляций): дис. ... доктора филол. наук. Ставрополь, 2004. 544 с.
3. Алимуратов, О.А. Лингвистический смысл как феномен, производный от значения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 5-20.
4. Алимуратов, О.А., Григорьева, Н.В. Интеракциональная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 31-37.
5. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н. Особенности моделирования семантики терминологических оппозиций (на материале англоязычной военной терминологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 6-15.
6. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н., Раздубов, А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография. Пятигорск: СНЕГ, 2011. 112 с.
7. Алимуратов, О.А., Раздубов, А.В. Термины-эпонимы в русском и английском подъязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 157-161.
8. Алимуратов, О.А., Реунова, О.И. О сущности процесса референции // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 79-89.
9. Бабушкина, О.Н. Оценочная модальность в профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №3 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 27-28.
10. Багрова, Н.В. Архитектурно-критический дискурс как феномен отечественной культуры XX века: Дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2011. 355 с.
11. Беляцкая, В.П. Пособие по английскому языку для художественных ВУЗов и факультетов // English for Art Students. М.: Высшая школа, 1974. 122 с.
12. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
13. Булагова, А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 4. С. 34-49.
14. Выготский, Л.С. Психология искусства. МН.: Современное Слово, 1998. 480 с.
15. Гак, В.Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 489-496.
16. Елина, Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект: монография. Волгоград; Саратов: Изд. центр. СГСЭУ, 2002. 256 с.
17. Жаркова, У.А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. № 60. С. 49-52.
18. Коваль, О.В. К методологии изучения лингвосемиотической и культурной специфики концептосферы «искусства/искусствознания» // Традиції та новації у вищій архітектурно-художній освіті. Харьков. Вып. 1, 2, 3. 2008. С. 40-43.
19. Козловская, М.В. Особенности искусствоведческого дискурса на английском языке в XX веке и на современном этапе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2003. 130 с.
20. Лату, М.Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.
21. Лату, М.Н., Алимуратов, О.А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 250-255.
22. Лихолетова, П.В. Когнитивно-прагматический анализ дискурса предметной области «живопись»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2005. 174 с.
23. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 270 с.
24. Микаелян, М.Е. Концепт CRIME в современной англоязычной картине мира: Структурно-репрезентационный и когнитивно-дискурсивный подходы (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2010. 16 с.
25. Милетова, Е.В. Англоязычный искусствоведческий дискурс: Природа и лексическое наполнение. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 114-119. Филологические науки. Вопросы теории и практики, №4 (22) 2013, часть 2.
26. Миньяр-Белоручева, А.П., Овчинникова, Н.А. К вопросу об изучении терминов искусствоведения как единиц языка для специальных целей // Вестник Южно-Уральского гос. унив. Серия: Лингвистика. № 22. 2011. С. 58-62.
27. Олешков, М.Ю. Ментальность дискурсивно-речевого пространства (на примере фреймов дидактической ситуации) // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия, 2011. № 3. С. 88-108.

28. Раздубев, А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подязыков сферы нанотехнологий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 167-170.

29. Раздубев, А.В., Алимуратов, О.А. Опыт когнитивного моделирования и лексико-графирования английского подязыка нанотехнологий // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 72-86.

30. Jones, R.N. Discourse, Technology, and "Bodies without Organs" // Digital Discourse. Language in a New Media / Ed. by C. Thurlow, K. Mroczek. NY: Oxford University Press, 2011. P. 321-339.

31. Phaidon Press Limited. The 20th-Century Art Book. 2011. P. 423.

32. Rusted, B. Performing Visual Discourse: Cowboy Art and Institutional Practice // Text and Performance Quarterly. Vol. 26. No. 2. 2006. P. 115-137.

33. Techniques of Description: Spoken and Written Discourse. A Festschrift for Malcolm Coulthard / Ed. by John M. Sinclair, Michael Hoey, Gwyneth Fox. NY: Routledge, 1993. 236 p.

34. Vaisman, C. Performing Girlhood through Typographic Play in Hebrew Blogs // Digital Discourse. Language in a New Media / Ed. by C. Thurlow, K. Mroczek. NY: Oxford University Press, 2011. P. 177-198.

35. http://en.wikipedia.org/wiki/Klimt_University_of_Vienna_Ceiling_Paintings

36. <http://festival.1september.ru/articles/517176/>

37. <http://www.artnet.com>

38. <http://www.askart.com>

39. <http://www.bibliotekar.ru/isk/19.htm>

40. <http://www.youtube.com/watch?v=E0B3uRPU2Io>

Об авторах

Хасанова З.С. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», khasanova_zareta@mail.ru

Милетова Е.В. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», katemiletova@rambler.ru

Бугаенко Н.П. – кандидат педагогических наук, профессор, директор Новороссийского филиала ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», nf-pglu2005@yandex.ru

УДК 81'367.628

ПРИКЛАДНАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ¹⁷

А.Г. Чернышенко, О.А. Алимуратов

Статья посвящена выявлению некоторых особенностей функционирования в дискурсе англоязычных терминологических единиц сферы медиации, составляющих в своей совокупности прикладную терминосистему. Авторы рассматривают теоретические аспекты медиации как способа внесудебного разрешения конфликтов, уделяя основное внимание ее терминологическому компоненту и доказывая прикладной характер соответствующей терминосистемы. Кроме того, подробно анализируются морфологическая структура, модели и семантика англоязычных терминов медиации. В статье делается вывод о том, что терминосистема медиации не является гомогенным образованием, так как в нее входят, например, терминыэлементы из сфер юриспруденции и психологии, а семантическая структура терминов медиации неоднородна и делима на ряд компонентов.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосистема, дискурс, медиация, прикладная терминосистема.

Медиация как способ внесудебного разрешения конфликтов не регулирует общественные и политические отношения в широком смысле, однако служит все более действенным инструментом достижения компромиссных решений без участия судебных органов и является официальной процедурой, результаты которой фиксируются в «медиативном соглашении». Для каждого этапа данного процесса характерны специфические термины, манифестирующие позиции участников, закрепляющие договоренности сторон и т.д. Эти термины выполняют функции строевых элементов дискурса медиации, обеспечивающих процесс коммуникативного взаимодействия и достижение основных прагматических ориентиров коммуницирующих партий. Иными словами, роль терминов в

¹⁷ Публикация выполнена в рамках проектов «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014–2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О.А. Алимуратов) и «Этимологический анализ юридической терминологии в медиации для обеспечения развития правовой грамотности граждан» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014–2016 гг. (руководитель проекта – кандидат юридических наук, доцент Е.И. Кобышева)

рассматриваемом виде дискурса не ограничивается чистой репрезентацией научного (или, говоря точнее, профессионального) знания [см., например, Раздубев, 2011]; к функции трансляции специального знания у терминов медиации добавляется функция достижения определенного прагматического эффекта, сводящегося в конечном счете к тому, что в ходе урегулирования конфликтной ситуации одна из сторон «одержит верх», ведь представить себе идеальный компромисс, к которому приходят собеседники, преследующие зачастую противоположные цели, крайне сложно. Таким образом, как это ни парадоксально, термины медиации могут рассматриваться не только с точки зрения содержания и структуры, как это традиционно и делается с терминами других областей специального знания [Акаева и др., 2013; Алимуратов, Лату, 2006; Алимуратов, Раздубев, 2011; Бугаенко, 2012; Мазнева, 2009; Никифорова, 2011], но и с позиций прагматического компонента, и возможность применения такого подхода можно считать дифференциальной чертой рассматриваемой терминосистемы.

Медиация – сравнительно новое явление, и фокус нашего исследования на изучении терминологической составляющей дискурса медиации обусловлен, в первую очередь, отсутствием в современной лингвистической литературе последовательного анализа компонентов этой молодой и активно развивающейся терминосистемы. Тесная связь данной терминологии с практической деятельностью человека позволяет нам в первом приближении квалифицировать терминосистему медиации как терминосистему *прикладного характера*, в противовес фундаментальным терминологиям, репрезентирующим структуры фундаментального научного знания. При такой дифференциации мы исходим из понимания фундаментальных наук как создающих основу для прикладных наук и опережающих их в своем развитии порой на десятилетия. Между тем, реальность современной жизни такова, что, согласно данным специалистов факультета социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, до 80-90% всех исследований и ассигнований на науку приходится на долю прикладных наук, в то время как фундаментальные исследования составляют лишь малую часть общего объема научных исследований.

Едва ли можно поставить под сомнение тот факт, что различные по определению факторы, лежащие в основе разграничения фундаментальных и прикладных наук, в том числе как чисто научные, так и социальные и экономические, ни могли не найти отражение в стратегии развития соответствующей отрасли научного или профессионального знания, в деятельности специалистов, в ней задействованных, в парадигмах их мышления и, наконец, что наиболее важно, на языковом уровне. Например, такие разные факторы, как перспективы коммерциализации научных исследований, влияние заказчика и правообладателя на результаты интеллектуальной деятельности при одновременном усилении роли и статуса индивидуального ученого, возможность серийного тиражирования продукции, конкуренция на рынке товаров и др. накладывают неповторимый отпечаток на средства и особенности научной и профессиональной коммуникации.

Думается, будет логичным предположить, что в сложившейся ситуации разграничения фундаментальных и прикладных наук правомерно было бы говорить не столько о критериях четкого разграничения прикладных и фундаментальных терминологий, а лишь о превалировании характеристик прикладного или фундаментального характера в рамках отдельной терминосистемы. Следовательно, необходимо выделение и учет определенного комплекса соответствующих индикаторов, поскольку, по-видимому, оценить характер терминологии правомерно будет при их совокупном рассмотрении и выведении среднего показателя. Такой подход позволяет уйти от категоричности и спекулятивности в оценке по какому-либо одному или группе критериев, определить статистику там, где это возможно, и количественно показать степень проявления прикладного или фундаментального характера терминосистемы, что зачастую отсутствует при разграничении фундаментальных и прикладных наук.

Таким образом, первым шагом, который необходимо сделать в этой связи, является определение перечня потенциально интересных для рассмотрения языковых сфер и областей, которые могли бы стать объектом для изучения и позволили ответить на вопрос о том, как именно фундаментальный или прикладной характер терминологий находит отражение на языковом уровне. Данный шаг необходим, поскольку можно предположить, что некоторые аспекты вербализации научного знания являются в целом справедливыми для большинства терминологий или в незначительной мере указывать на степень проявления признака. К таковым, пожалуй, можно было бы отнести процентное соотношение однокомпонентных и многокомпонентных терминов, поскольку увеличение числа терминов со сложной структурой, включающих порой не только несколько классифицирующих терминоэлементов, но и сложные основообразующие терминоэлементы, состоящие из более чем одного слова, представляет собой тенденцию, характерную для языка науки в целом [см. также: Раздубев, 2013]. Нам представляется, что терминосистема медиации, в силу специфики референтной сферы, имеющая явно прикладной характер, представляет интересный и до настоящего времени малоисследованный материал для осмысления того, какими же отличительными чертами может обладать прикладная терминосистема. Итак, охарактеризуем терминологию медиации более детально.

К сожалению, несмотря на продолжительную историю исследования вопроса, проблема определения понятия «термин» остается одной из самых острых не только в лингвистике, но и в актуальных сегодня исследованиях автоматизации процессов обработки информации. Современная теория термина рассматривает данное понятие с точки зрения различных подходов (функциональный, гносеологический и т.д.), ни один из которых, однако, не дает всеобъемлющей трактовки понятия, хотя в совокупности такие частнонаправленные исследования помогают определить основные онтологические характеристики термина.

В работах многих зарубежных и отечественных ученых (S. Ananladou (1994), J. Justeson, S. Katz (1995), Р.Г. Пиотровский (1951), Б.Н. Головин (1987) и др.) делается упор на обязательное соотношение термина с научным понятием. Р.Г. Пиотровский характеризует термин как «слово или словосочетание, обозначающее техническое понятие» [Пиотровский, 1951: 25]. С. Ананладу отмечает: «...*terms differ from general language words primarily by their nature of reference*» [Ananladou, 2003: 46]. Однако это не означает, что не существует проблемы вычленения термина, так как хорошо известно, что одна и та же словоформа может соотноситься с различными концептами в разных субъязыках, а в разговорной речи иметь совершенно другое значение (например, «person», обозначающее в неспециализированной речи «человек, персона», в медиационных документах является термином – «индивидуальный предприниматель, корпорация»).

В поисках приемлемого определения понятия «термин» некоторые исследователи обращаются к его функциям, выдвигая на первое место его способность выражать и формировать «профессиональное понятие, применяемое в процессе познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [Головин, 1987: 65]. Вопрос об универсальных характеристиках термина до сих пор остается спорным: так, например, О.А. Алимуратов подчеркивает, что «уже установленные и описанные признаки терминов должны быть в определенной мере пересмотрены» и уточнены [Алимуратов, 2011: 9-10]. Вместе с этим выделены и обоснованы *основополагающие* (системность, точность, тенденция к формированию терминологических оппозиций) и *желательные* (наличие словарной пометы, моносемичность и т.д.) онтологические характеристики термина.

Как явствует из изложенного выше, термин является основной строевой единицей научного дискурса и служит «средством познания окружающего мира» [Ивина, 2003: 79]. Однако у каждой науки своя специфическая объектно-предметная область изучения, свои методы и категории, соответственно – и термины также имеют тенденцию объединяться в группы и составлять определенные понятийные классы, образуя «терминосистему».

В контексте сказанного терминосистему медиации можно охарактеризовать как ряд терминов, сгруппированных по признаку существования между ними внутрисистемных структурных и понятийно-семантических связей, формирующих определенную семантико-функциональную структуру, тесно коррелирующую с референциальной прикладной сферой медиации. Требования к терминологии медиации, обеспечивающие ее информативную качественность, во многом напоминают имманентные характеристики юридической терминосистемы, что объясняется рассмотрением медиации в правовом контексте, однако с поправками на меньшую строгость регламента процесса, в отличие от судебной процедуры.

Специфической чертой терминологии медиации (ТМ) является максимальная краткость формулирования терминов без ущерба их точности и понятности. Термины медиации обычно создаются с учетом принципа компактности (*vesting, win-win, tort*), в то время как пролонгированные определительные конструкции встречаются довольно редко («*court-sponsored mediation programs*»). В медиации существует довольно большая группа терминов, образованных в ходе специализации значения общеупотребительных слов (*award, sign, avoidance, co-existence, confessions, dispute*). Такие термины нельзя путать с «размытыми» обозначениями понятий или терминами в переносном значении, что в ТМ является недопустимым.

Терминосистему медиации, в отличие от юридической, можно назвать лишь относительно стабильной, прежде всего, потому, что медиация только начинает внедрение в жизнь общества, и, следовательно, ее терминология продолжает неуклонно развиваться и пополняться новыми элементами. Однако стоит заметить, что идея нецелесообразности отказа от традиционных терминов, используемых в юридической сфере, прослеживается в ТМ совершенно отчетливо. Несмотря на то, что в медиации решение принимается на основе обоюдного согласия, а не нормативно-правового акта, предполагается, что термины, закрепляющее соглашение сторон, должны быть максимально доступными, «традиционными», и не должны вводить участников медиации в недоумение. Отсюда можно сделать вывод о том, что термины, которые являются «строительным материалом» для развертывания основных этапов дискурса медиации, – это в первую очередь активно употребляемые слова и фразы, известные большинству людей, решающихся на медиацию.

Терминосистема медиации образует множественные содержательные пересечения с терминосистемами различных сфер, не только заимствуя терминологические элементы смежных дискурсов, но и выступая для них в качестве «донора». Основные пересечения ТМ обнаруживает с терминосистемами смежных дискурсивных моделей сферы альтернативного урегулирования споров (ADR) – *negotiation* (переговоры с участием посредника), *arbitration* (арбитраж), и *conciliation* (согласительная процедура, примирение). При поверхностном рассмотрении языкового оформления данных альтернативных судебному разбирательству процедур можно прийти к выводу, что все четыре модели (*mediation, negotiation, arbitration, conciliation*) используют общую терминологию, однако наш анализ показывает, что у каждого направления есть целый пласт специфических терминов, отражающих особенности конкретной процедуры.

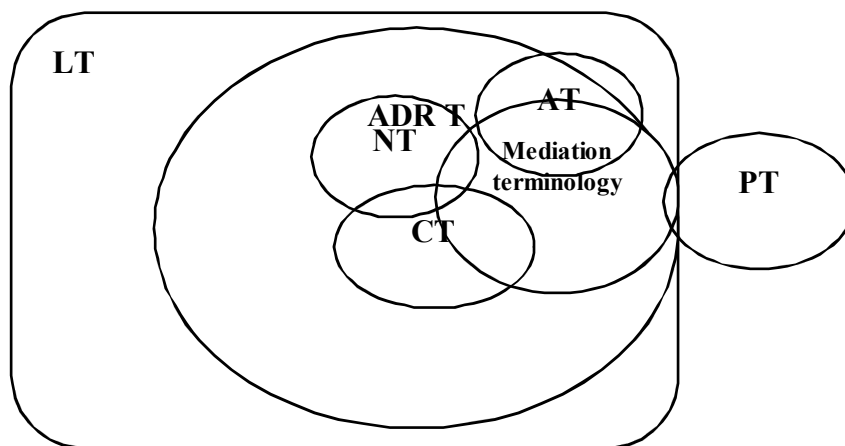

Рис. 1 Связь терминологии медиации с другими терминосистемами английского языка*.

* *ADR T* – *ADR Terminology*; *NT* – *Negotiation Terminology*; *CT* – *Conciliation Terminology*; *AT* – *Arbitration Terminology*; *LT* – *Legal Terminology*; *PT* – *Psychological Terminology*

На основе изученных медиативных речей и документов нами были выявлены следующие группы терминов, входящих в структуру терминосистемы медиации:

1) *Собственно медиативные термины* (например, «**caucus**» - закрытое собрание, на котором медиатор обсуждает проблему и определяет позиции индивидуально с каждым участником процесса; «**contingency fee**» непредвиденный взнос; договор с адвокатом-представителем в медиации, согласно которому он получает вознаграждение только в случае, если процесс успешно завершен (подписано медиативное соглашение); «**Data Conflict**» — конфликт противоречивой информации; «**Golden Bridge**» - «золотой мост», медиативный прием достижения компромисса; «**co-mediation**» — ко-медиация (медиация, в которой принимают участия два медиатора - специалиста в определенной области, например, семейный и медицинский медиаторы); «**opening statements**» - вступительные речи).

2) *Термины, принадлежащие сфере ADR* («**Multi-door Courthouse**» - «суд со множеством дверей» - альтернативная суду процедура, в которой рассматривается сразу несколько параметров конфликта; «**collaborative problem-solving**» — коллективное урегулирование; «**dispute review boards**» - комиссии по рассмотрению споров; «**a neutral**» - посредник; «**Solicitor**» - адвокат, юрисконсульт, «**court-sponsored ADR programs**» - спонсируемые судами программы альтернативного разрешения конфликтов, «**private ADR providers**» - частные посредники).

3) *Общеюридические термины*. Юридическая терминология, являясь конгломератом всех терминосистем, так или иначе связанных с правовыми отношениями, в медиации используется в основном для обозначения основных понятий, рассматриваемых в процессе и зачастую являющихся камнем преткновения. Например, «**custody**» - опека; «**judicial review**» — судебный контроль; «**legitimacy**» — законность; «**precedent**» — прецедент; «**mini-trial**» — мини-процесс; «**plaintiffs**» - истец;

4) Относительно большое пространство в терминосистеме медиации занимают *общеупотребительные слова*, имеющие в медиации более узкое специализированное значение, т.е. подвергшиеся терминологизации. Например, «**polarization**» — поляризация (в медиации – эскалация, расширение конфликта); «**position**» — позиция (в медиации – основания); «**practitioner**» — практикующий (в медиации – специалист-медиатор); «**force**» - сила (в медиации - принуждение посредством угрозы); «**interest**» - интерес (в медиации – претензии на что-либо).

5) Присутствие значительного количества *терминов психологии* в дискурсе медиации объясняется социально-психологическим характером самого процесса, в котором, в отличие от процедуры в суде, важно также снижение эмоционального и когнитивного напряжения конфликтующих [Sobel, 2005: 104]. («**communication channels**» - каналы коммуникации; «**cognitive dissonance**» - когнитивный диссонанс; «**Common courtesy**» - взаимная вежливость; «**intra-psyche conflict**» - интрапсихический конфликт; «**de-escalation**» - деэскалация (в медиации – постепенное сведение конфликта на нет); «**intolerance**» - нетерпимость (в медиации – нежелание признать, что у стороны-оппонента больше прав на что-либо).

Динамический характер ТМ, пополняемой новыми понятиями, образованными по определенным моделям, определяет необходимость рассмотрения структурно-семантических особенностей терминов медиации. Основанная на положении о неоднородности и делимости семантической структуры термина семантическая классификация, предложенная О.А. Алимуратовым и М.Н. Лату, вычленяет в смысловой структуре термина ядерную область (на неё идет основная смысловая нагрузка) и периферию (сообщает дополнительную семантическую информацию) [Алимуратов и др., 2011: 66-67]. Таким образом, выделяются следующие типы терминов: одноядерные, двоядерные, одноядерные с периферией, одноядерные с периферией и вспомогательной областью, одноядерные с подразумеваемой периферией (усеченные). Как показывает наш анализ, в

медиации наиболее распространенными являются ядерно-периферийные термины, в то время как двудерные встречаются крайне редко: данная тенденция может рассматриваться как значимая для разграничения прикладных и фундаментальных терминосистем. Рассмотрим следующий пример (school mediation):

(1) *Mediator*: Two students in your school have a conflict. Rather than turning this into an office situation requiring potential detention or suspension, the two **disputants** have agreed to try to work out their conflict in a **Peer Mediation session**. The goal is to work out a **WIN-WIN** outcome that both **disputants** can agree to so that this conflict will finally get resolved and not happen again. During any Peer Mediation session, there will be two trained Mediators and a responsible adults monitoring the session. The adult will only help out as needed; otherwise, the two Mediators will conduct the entire **session** [<http://adrr.com/adr3/long.htm>].

Данный отрывок представляет собой обращение медиатора к директору школы, в которой произошел конфликт между учениками. В примере (1) встречаем несколько терминов, введенных в речь для обозначения процедуры (*Peer Mediation session*), её участников (*disputants*) и предполагаемого результата (*WIN-WIN outcome*). В семантической структуре термина *Peer Mediation session* (медиация сотрудничества) ядерная смыслообразующая характеристика передана сочетанием «mediation session», а «peer» находится на периферии. Термин *disputants*, семантическое ядро которого «спорящие, дискутирующие» содержит признак «спорить, выяснять отношения», образован с помощью аффиксации и не содержит периферийной области. Следующий медиативный термин *WIN-WIN outcome* (беспроеигрышный, результат, при котором выигрывают обе стороны), имеет антоним *WIN-LOSE outcome*, который также является ядерно-периферийным (ядро – *outcome*, периферия – *WIN-WIN/WIN-LOSE*).

Несмотря на обязательный фокус (требование к медиатору) на создании дружелюбной атмосферы в процессе урегулирования, споры, выносимые на медиацию, нередко связаны с личностными отношениями, обидами и даже взаимной ненавистью, из-за чего переговоры приобретают агрессивный характер. В ТМ существует целый пласт терминов с негативной коннотацией для обозначения проблемных ситуаций, а также претензий сторон. Обратимся к примеру:

(2) *Party A*: My boss is cruel and indifferent. It is impossible to talk to him. I should be able to meet him at least once a day. He doesn't make any time for me and always ignores me.

Mediator: Do you mean you faced the **Hostile Environment** problem? You want regular access and communication with your boss and you want him to be considerate, is that right? Are those your **interests**?

Party B: That's **defamation!** I disagree! [<http://supremecourtfindia.nic.in/MEDIATION%20TRAINING%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf>].

Hostile Environment (недружелюбная атмосфера) - термин так называемой «Профессиональной медиации» (*Workplace Mediation*), призванной разрешать проблемы отдельных лиц с сотрудниками и начальством. В основе термина заложена идея о притеснении работника, о намеренном создании неприятной атмосферы на его рабочем месте, об игнорировании его интересов и т.д. Ядро данного ядерно-периферийного термина (*environment*) является также продуктивным термином элементом ТМ (*comfortable environment, positive work environment*). Другие термины данного примера (2) - *defamation* (диффамация; клевета) и *interests* (претензии) – содержат в ядерной области салиентные (основные) признаки «ложь» и «желаемое; то, на что кто-либо претендует» соответственно.

Салиентный признак, как отмечают О.А. Алимуратов и М.Н. Лату, может локализоваться не только в ядерной, но и в периферийной области семантики терминоединицы [Алимуратов, 2011: 68]. Так, например, в термине *Zipper Clause* (окончательный процесс; медиация, не допускающая начала новых переговоров после подписания соглашения), периферийная область указывает на характер ядерной: «процесс» (ядро) после подписания медиативного соглашения является «закрытым на молнию» (периферия), и новые переговоры невозможны.

Интересными с точки зрения семантической структуры являются редкие в медиации многокомпонентные термины. Приведем пример:

(3) *Mediator*: Okay, the fourth step of a **Multi-Step Dispute Resolution Clause** is to come up with a **WIN-WIN solution** that will please you both. To do that, you two will brainstorm some solutions to try to solve this problem. There are three rules to brainstorming. Rule #1: Say any idea that comes to mind, even if it might sound silly or hard to accomplish... [http://askdjlyons.com/pdf_peer_mediation_step_by_step_process.pdf].

Multi-Step Dispute Resolution Clause – одно из самых продуктивных направлений в медиации, которое подразумевает решение конфликта с помощью серии примирительных процедур. У данного термина существуют синонимы: «*progressive negotiation*», «*mutual escalation*». Ядерная область термина *Multi-Step Dispute Resolution Clause* содержит значение «процесс разрешения конфликта» и выражена тремя термином-элементами (*Dispute Resolution Clause*), а периферийная зона «многошаговый, многоуровневый» передана с помощью атрибутивного сочетания (*multi-step*).

Отсутствие строгой регламентации в медиации позволяет участникам обозначать свои позиции и высказывать требования, не прибегая к формальному стилю, поэтому присутствие терминологии в устной медиации довольно ограничено. Однако для медиативных документов, фиксирующих информацию, презентуемую в дискурсе медиации, существуют строгие правила в плане оформления и изложения. Именно эти документы находятся на первом месте по частотности использования терминов. Рассмотрим отрывок из заявления родителей ученика школы с просьбой о проведении процедуры медиации:

(4) We request **Rights-Based Mediation** in the matter of Brandon Johns to try to reach an agreement on some or all of the issues regarding educational services for the student. We have read and understand the written materials describing mediation services and have been fully informed that the mediator is not providing the parents, the school district, or the student with legal representation. We also understand that the mediator is not providing counseling or therapy services.

We choose to pursue mediation to try to reach an agreement on some or all of the issues regarding the students' educational program. We understand that the mediation process will involve the mediator, acting as a neutral **third party**, to help develop an **agreement** that is mutually satisfactory [<http://www.directionservice.org/cadre/sampleform16.cfm>].

В представленном фрагменте заявления (4) фиксируем ядерно-периферийные термины *Rights-Based Mediation*, *third party* и одноядерный термин *agreement*. Rights-Based Mediation – это медиация, которая наделяет посредника большим количеством прав, чем в стандартном процессе, делая его при этом относительно активным участником процедуры. Однако медиатор при этом обязуется следить, что соглашение учитывает права обеих сторон. В качестве ядра данного термина выступает существительное *Mediation*, на периферии располагается *Rights-Based*, несущее в себе информацию о характере процесса. Очевидно, что ядерная область термина *third party* (синонимы: *neutral*, *practitioner*, *intermediary*) содержит значение «участник», а периферийная – «третий, наблюдатель». У термина *agreement* присутствует только ядерная область со значением «соглашение».

Периферийная область, сообщающая медиативному термину дополнительную семантическую информацию, может быть выражена с помощью словоформ, которые вне терминосистемы медиации имеют несколько иное значение. Так, например, терминологическое словосочетание *capricious statement* в медиации не имеет ничего общего с «капризами». Рассмотрим пример его употребления в контексте спора двух адвокатов-представителей, отстаивающих в процессе медиации интересы своих клиентов:

(5) *Attorney 1*: Your client was negligent. Therefore, she owes my client compensation.

Attorney 2: Your client breached the contract. Therefore, my client is entitled to contract **damages**.

Mediator: Sorry, but I have to notice that both are **capricious statements**. Don't forget it's a **fact-based dispute** [<http://supremecourtfindia.nic.in/MEDIATION%20TRAINING%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf>].

В медиации *capricious statements* означает «необоснованные заявления», причем прилагательное *capricious* является продуктивным терминоэлементом (*capricious action/decision*). В термине *fact-based dispute* ядерную область содержит в себе второй терминоэлемент, в то время как первый относится к периферийной области, указывающей на характер медиации – «основанная на фактах».

На основе составленной нами выборки терминов дискурса медиации можно сделать вывод о том, что в пределах обозначенной терминосистемы функционируют в основном ядерные и ядерно-периферийные термины, обозначающие явления, организации, субъекты и объекты, а также процессы внутри процедуры. При этом ядерная область практически всегда выражена существительным, в то время как периферийное значение в большинстве случаев (91,4% в масштабах выборки) закреплено в семантике прилагательного (или прилагательных). Семантический анализ терминологии медиации показал, что чаще всего в рамках данной терминосистемы встречаются ядерно-периферийные термины (69,7% в масштабах выборки), а на долю ядерных терминов приходится 25,9% всей выборки. Третью позицию занимают двуядерные термины, встречающиеся в медиации крайне редко (4,4% от общего количества терминов в выборке).

Системное изучение терминов, опирающееся на принципы системности и детерминизма, невозможно без анализа их структурных особенностей. В соответствии с морфолого-синтаксическими способами терминообразования выделяют 7 типов терминов, среди которых простые, сложные, производные, сложнопроизводные, термины-словосочетания и термины с предикацией, аббревиация [Лату, 2009: 45]. Так, образование производных и сложнопроизводных терминов происходит по определённым деривационным моделям, среди которых можно выделить следующие наиболее продуктивные для медиации:

- 1) **NOUN + suffix (ing)** = *Anchoring* — фиксирование; попытка зафиксировать базисную точку (тезис), вокруг которой разворачиваются переговоры; *Bumping* — преимущественное обеспечение работой лиц с большей выслугой лет;
- 2) **NOUN+NOUN+ing** = *Featherbedding* — практика сохранения численности рабочей силы независимо от потребности в ней;
- 3) **ADJ+NOUN+suffix (ing)** = *Broadbanding* — широкая классификация работ; уменьшение количества тарифных разрядов, т. е. объединение прежних тарифных разрядов в несколько более крупных групп с единой ставкой заработной платы).

Для многокомпонентных терминов:

- 4) **VERB+suffix(ing)+NOUN** = *Bargaining Unit* — договаривающаяся сторона; сторона-представитель; *Disarming Strategies* — обезоруживающие стратегии; стратегии, направленные на разрушение в процессе медиации негативных стереотипов;
- 5) **ABBREVIATION** = *EDR* — (Effective Dispute Resolution); *GRIT* (Gradual Reduction in Tension); *ZOPA* — (Zone of Possible Agreement); *ODR* — (On-Line Dispute Resolution).

Менее распространенными в медиации являются семантические способы терминообразования: метафоризация («*Open Shop*» *agreement/settlement*– открытый цех; соглашение об открытом цехе; «*Framing*» -

определение проблемы внутри диспута; «*Frames*» - обнаруженные проблемы), метонимизация, специализация/расширение значения.

Опираясь на структурный анализ терминов медиации, приходим к следующим выводам. Безусловно, наиболее продуктивной моделью создания медиативных терминов является модель «*VERB+suffix(ing)+NOUN*», согласно которой образовано 39,2% всех терминов выборки. Производные термины, образованные по модели *NOUN + suffix (ing)* составляют 7,9%. Относительно высокая частотность терминов-аббревиатур в медиации (8,5%) объясняется стремлением к экономии языковых средств, а именно уходом от использования в речи сложных многокомпонентных терминов в пользу их сокращения до известных участникам процесса аббревиатур. На долю структурных моделей «*NOUN+NOUN+ing*» и «*ADJ+NOUN+suffix (ing)*» приходится 5,7% и 4,2% соответственно. Остальные 34,5% терминов выборки представляют собой примеры непродуктивного образования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что терминосистема медиации – это отнюдь не гомогенное образование. Помимо собственно медиативных терминов и терминов сферы ADR, в её структуру входят термины-элементы юриспруденции и психологии. На основании анализа приведенных выше терминов медиации, можно констатировать, что их семантическая структура неоднородна, и у большинства терминов делима на ряд компонентов, а в пределах терминосистемы функционируют ядерные и ядерно-периферийные термины.

The article is devoted to the analysis of some peculiarities of functioning of the English mediation terminological units in the discourse, that in total form an applied terminology system. The authors consider some theoretical aspects of mediation as a method of extrajudicial conflict solving, drawing special attention to its terminological component and proving the applied nature of the corresponding terminology system. Besides, the morphological structure, models and semantics of the English mediation terminological units are analyzed in detail. It is concluded that the mediation terminology system is not a homogenous formation due to the fact that, for example, it includes some terminological elements from the spheres of jurisprudence and psychology, and the semantic structure of terminological units of mediation is heterogeneous and divisible into several constituent parts.

Keywords: *terminological unit, terminology, terminology system, discourse, mediation, applied terminology system.*

Список литературы

1. Акаева Х.А. [и др.]. вопросу о возможных параметрах структурного и семантического описания терминологических систем: внутриязыковой и межъязыковой аспекты / Х.А. Акаева, Н.П. Бугаенко, Б.Б. Докуто, Е.В. Жуликов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 68-76.
2. Алимуратов О.А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату, А.В. Раздубев. Пятигорск, 2011. 112 с.
3. Алимуратов О.А., Лату М.Н. Метафоричность термина как переводческая проблема / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 4. С. 24-27.
4. Алимуратов О.А., Раздубев А.В. Термины-эпонимы в русском и английском подъязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты / О.А. Алимуратов, А.В. Раздубев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 157-161.
5. Бугаенко Н.П. Некоторые вопросы современной динамики терминообразования в русском языке / Н.П. Бугаенко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 38-41.
6. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Ю.Р. Кобрин. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
7. Ивина Л.В. Лингвокогнитивные основы анализа терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) / Л.В. Ивина. М.: Академический проспект, 2003. 302 с.
8. Лату М.Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты / М.Н. Лату: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2009. 191 с.
9. Мазнева Ю.А. К проблеме когнитивно-семантической характеристики юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке / Ю.А. Мазнева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 177-181.
10. Никифорова Ж.А. Понятийный потенциал термина «гипертекст» / Ж.А. Никифорова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 112-115.
11. Пиотровский Р.Г. К вопросу об изучении термина / Р.Г. Пиотровский. Л., 1951. С. 18-25.
12. Раздубев А.В. История возникновения и развития терминологии нанотехнологий / А.В. Раздубев // European Social Science Journal. 2011. № 8. С. 60-69.
13. Раздубев А.В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели / А.В. Раздубев: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013. 242 с.
14. Ananladou S.A Methodology for Automatic Term Recognition / S. Ananladou. Manchester Metropolitan University John Dalton Building, 2002. P. 1034-1038.
15. Mediator's Speech. Archive [Электронный ресурс]. URL: <http://adrr.com/adr3/long.htm> (дата обращения: 10.09.2013).
16. Mediation Training Manual [Электронный ресурс]. <http://supremecourtfindia.nic.in/MEDIATION%20TRAINING%20MANUAL%20OF%20INDIA.pdf> (дата обращения: 15.11.2013).

17. Mediation scripts [Электронный ресурс]. URL: http://askdjlyons.com/pdf_peer_mediation_step_by_step_process.pdf
<http://www.directionservice.org/cadre/sampleform16.cfm> (дата обращения: 15.05.2014).

18. Sobel, M. E. Discussion: the scientific model of causality / M.E. Sobel. *Sociological Methodology*, 2005. P. 99-133.

Об авторах

Чернышенко А.Г. – аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», alicha2002@mail.ru

Алимурадов О.А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения и многоязычия ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», alimuole@mail.ru

УДК 81'23

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ: СОМАТО-ЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С.А. Чугунова

Согласно сомато-центрическому подходу в современной когнитивной науке, познание неотделимо от телесного, чувственного опыта индивида, и разделение концептов на конкретные и абстрактные – это, скорее, условность. В статье, с опорой на феноменологический подход к темпоральному опыту человека (Evans, 2004) и теорию концептуальной метонимии (Barcelona, 2002), оспаривается вторичность концептуального домена времени по отношению к концептам пространства и движения (Lakoff & Johnson, 1980). Также, в структурировании концептуального домена времени огромное значение приобретают корпоральные оси «вперед–позади» и «верх–низ». Корпоральная ось «лево–право», как правило, игнорируются в исследованиях концептуализации времени.

Ключевые слова: концептуализация времени, темпоральные концепты, когнитивная модель, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, корпоральная (телесная) ось, (само)движение

С позиций сомато-центрического (телесного, корпорального) подхода (*embodied cognition*) в современной когнитивной науке, познание возможно только на основе опыта, который включает не просто смотрение подвижным глазом, а движение подвижным телом. Вместе с тем при исследовании процессов восприятия и мышления движение нередко рассматривается как вспомогательное средство на службе у восприятия или как нечто тривиальное, а то и вовсе исключается из предлагаемых моделей ума, притом, что жизнь любого человека начинается с движения и движений – глотания, зевания, плача и т.д. Первичное осмысление – это тактильно-кинестетическое осмысление. Мы не просто наблюдаем свое или чужое движение, мы ощущаем эти движения качественно и различаем их качественно: быстрые или медленные, напряженные или расслабленные, ограниченные или размашистые, плавные или порывистые, ритмичные или неровные [35]. Наблюдения за развитием младенцев показывают, что овладевая возможностями собственного тела, ребенок одновременно начинает мыслить определенными категориями – «тело учит мозг» [38: 90]. Г. Спенсер убедительно показал, что такие понятия, как пространство и время, открываются субъекту через самодвижение [37].

Особенность темпоральной лексики состоит в том, что зачастую она не является собственно темпоральной. Факты из разных языков демонстрируют, что выражение времени в терминах пространства и движения представляет языковую универсалию: **рус. яз.:** за *короткое время*, *через два часа*, *каникулы пролетели незаметно*; **англ. яз.:** *in the evening* ‘вечером’ (букв. *в вечер*), *time flies* ‘время летит’, *the moment has arrived* ‘подошел момент’; **нем. яз.:** *eine Woche lang* ‘в течение недели’, *in einem Moment, die Zeit fliegt* ‘время летит’, *für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller* ‘для стариков время проходит довольно быстро’; **фр. яз.:** *le temps file* ‘время бежит’, *le temps passe vite* ‘время быстро проходит’, *L'espace d'un matin* ‘в течение одного утра’ (букв. *пространство утра*), *d'ici en huit* ‘через неделю’ (букв. *отсюда через восемь*), *à deux heures* ‘в два часа’; **лат. яз.:** *ante diluvium* ‘перед потопом’; **итал. яз.:** *Partiremo per Pavia tra dieci mesi* ‘Мы поедим в Павию через (букв. *между*) десять месяцев’; **голланд. яз.:** *over twee uur* ‘через два часа’; **эстон. яз.:** *aeg lendab* ‘время летит’, *aeg möödub* ‘время идет’; **бурят. яз.:** *эхи захазуи* ‘время тянется’, *углоо удэрынь болобо* ‘наступил следующий день’, *урданай саг* ‘в старину’ (букв. *в передние годы*), *хойто жэздэ* ‘в следующем году’ (букв. *в заднем году*); **яз. чиндали** (банту): *liingá yaakwáana náyini* ‘когда подходит девятый месяц’; **лезгин. яз.:** *q'we wacra-laj* ‘через два месяца’; **турец. яз.:** *Zaman akıp gitti* (букв. *Время летело и шло*), *Zaman çok hızlı akıyor* ‘Время течет очень быстро’, *Gelecek elimden kaçiverdi* (букв. *Будущее выбежало вдруг из моих рук*); **кетс. яз.:** *kin'a bandiña* ‘до сегодняшнего времени’ (букв. *до этого места*), *en* ‘сейчас’ (букв. *здесь, тут*), *qoqas'ej* ‘в будущем’ (букв. *впереди там*); **кит. яз. мандарин:** *shengdanjie kuai dao le* ‘Рождество почти здесь’ (букв. *Рождество быстро прибывает*), *jiang-lai* ‘будущее’ (букв. *немедленно прийти*), *wei-lai* ‘будущее’ (букв. *еще прийти*), *lai-ri* ‘будущий день’ (букв. *приходящий день*) (примеры взяты из следующих источников: [2; 3; 5; 7; 10; 11; 14; 21; 30; 33]).

С позиций теории концептуальной метафоры [23], думать и говорить о времени, которое не воспринимается ни одним из органов чувств, мы можем благодаря метафоре – механизму мышления, связывающему концепты из

разных доменов, и, таким образом, обеспечивающему процесс абстрактного мышления и понимания. С этой точки зрения, уходящей корнями в философию Нового времени, время – это интеллектуальный конструкт (фикция, иллюзия), продукт вторичной концептуализации пространственных, построенных на чувственном опыте, концептов. Теория концептуальной метафоры выделяет в первую очередь две темпоральные метафоры, или когнитивные модели темпоральности, – ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ СУБЪЕКТА (*I'll be there in a minute* 'Я буду здесь через минуту') и ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ОБЪЕКТА (*The time for action has arrived* 'Пришло время действия'). Обе метафоры признаются базовыми (*primary*), поскольку построены на фундаментальном опыте зрительного восприятия движения в пространстве.

Иной взгляд на взаимоотношения пространства и времени в концептуальной системе человека предлагает феноменологический подход (см. [20]), опирающийся на достижения в области нейронауки, а также на идеи феноменологической философии, в частности идеи Э. Гуссерля и А. Бергсона. С позиций феноменологического подхода, темпоральный опыт – это реальный чувственный опыт, который может быть прослежен до когнитивных процессов и структур. Собственно темпоральные смыслы в когнитивных моделях темпоральности не рассматриваются как прямой метафорический перенос структуры из домена пространства в домен времени: в основе темпоральных концептов, составляющих эти более сложные комплексные концептуальные структуры, лежит внутренний темпоральный нейрокогнитивный опыт. Другое дело, что продукты внутреннего опыта (*response concepts*) практически не поддаются осознанию, поэтому они вынужденно прибегают к «услугам» продуктов внешнего сенсомоторного опыта (*imagery concepts*), имеющих прямую связь с концептуальной системой, а значит, с сознанием и языком; при этом на вооружение берется модель ума, предложенная Р. Джекендоффом [22].

Под когнитивными процессами и структурами понимаются нейронные ритмы, или темпоральные моменты, обеспечивающие «сборку» поступающей в мозг с различной скоростью разномодальной информации в единый перцепт восприятия. Данные нейронауки показывают, что черпаемая организмом из внешнего мира информация оказывается раздробленной, несвязанной, а процесс ее обработки в организме происходит медленнее скорости света или электрического заряда. Задача мозга состоит в том, чтобы помочь телу ориентироваться в изменчивой и полной неожиданностей окружающей среде. Чтобы на шаг опережать угрозу, мозг нуждается в выработке антиципирующих стратегий [16]. Одной из таких стратегий является «темпоральный код», представляющий собой временной интервал, в течение которого происходит одновременное колебание (вибрация) определенных нейронов, по которым поступает необходимая информация. Скоррелированное колебание (*oscillation*) нейронов с частотой от 20 до 80 Hz (Гц), известное как «перцептуальный момент» (*perceptual moment*), длится от доли секунды до 2–3 секунд. После некоторого затухания осцилляция повторяется. Синхронизированные колебания нейронов, или перцептуальные моменты, и являются тем связывающим механизмом (*binding*), который позволяет получить целостный перцепт из импульсов, идущим по разным нейронам. Отсюда отпадает необходимость в специальном участке мозга, где подобная «сборка» всегда имела бы место [15; 18; 19; 31; 40; 41].

Таким образом, речь идет о темпоральной основе процесса восприятия, о едином перцептуально-темпоральном нейрофизиологическом механизме и невозможности по большому счету разделить этот механизм на отдельно перцептивный и темпоральный. Со своей стороны добавим, что темпоральный код у человека фундаментально предопределен архитектурой человеческого тела, его кинестетическими особенностями и способностями, его двигательной активностью. Отсюда величина темпоральных моментов («кадров» в концепции Варелы), а значит скорость проживания (темпоральная шкала) у разных биологических видов, будет различной (см. [1]). Если говорить о генезисе концептов пространства и времени, то концепты пространства возникают в концептуальной системе не раньше концептов времени. И те и другие – это стороны одной медали – корпоральной организации человека.

Представляется, что феноменологический подход к проблеме концептуализации времени в определенном смысле оказывается близким теории концептуальной метонимии, согласно которой, практически все метафоры на более глубинном уровне мышления мотивированы концептуальной метонимией (см. [12; 13]). Имеется в виду, что концептуальные структуры в индивидуальном сознании, как правило, размыты и не имеют четких границ, вследствие чего нельзя быть уверенным, что два связывающихся проекцией домена являются изначально независимыми структурами и не могут входить в более общий домен концептуальной системы или включать общие подструктуры. У темпоральных метафор движения, как нам представляется, таким доменом может служить домен тела человека, а точнее, движущегося тела, если учесть фундаментально темпоральную природу восприятия, а также то, что сенсорно-темпоральный механизм у человека есть следствие специфики его телесной двигательной активности. С позиций набирающего силу корпорального подхода (*embodied cognition*), разделение концептов на конкретные и абстрактные – это, скорее, условность. Как таковых абстрактных концептов не существует, все дело в их сложности – отнесении к различным аспектам переживаемых в опыте ситуаций.

Если говорить о корпоральной организации человека и концептуализации времени, то на основании фактов из разных языков очевидно, что в структурировании концептуального домена времени и темпоральных концептов огромное значение приобретают корпоральные/телесные оси «вперед–позади» и «верх–низ». Весь мир вокруг и объекты в нем организуются для человека по фундаментальным осям его тела (см. [39]). При этом доминирующей в концептуализации времени следует, по-видимому, считать ось «вперед–позади»: *Serbia plunges back into the past* 'Сербия погружается назад в прошлое' / *Looking forward to seeing you* 'Надеюсь на встречу с тобой' (букв. «Смотрю вперед...») (примеры взяты из [32]). Горизонтальная ось «вперед–позади» рассекает среду на две неравноценные половины: доступную для созерцания и активных действий вперед и практически недоступную позади, хотя среда

сама по себе этой асимметрией не обладает. В психологии есть данные о том, что концепты «прошлое» и «будущее» не могут сформироваться у ребенка раньше осознания устройства собственного тела и его ося «верх–низ», «впереди–позади».

Группа Л. Майлза [26] провела эксперимент, в котором испытуемых просили вспоминать события из прошлого четырехлетней давности или представлять, что они будут делать через четыре года. При этом ко всем участникам эксперимента были присоединены сенсорные датчики движения. В результате датчики зафиксировали отклонение тела на 1,5–2 мм назад при мысленном обращении в прошлое и наклон тела на 3 мм вперед при мысленном обращении в будущее. Таким образом, корпоральная ось «впереди–позади» буквально приходит в движение при оперировании концептами «прошлое» и «будущее». Подтверждается гипотеза о том, что темпоральное мышление основывается на двигательной активности человека и на его способности перемещения в пространстве.

Небезынтересно, что в ряде языков выявлено обратное расположение дейктических времен относительно наблюдателя – с будущим позади и прошлым впереди. Необычная для европейца концептуализация времен зафиксирована в бурятском, китайском языках, в языках индейцев аймара, тоба, малагаси; есть данные о концептуализации будущего позади в культуре Древнего Египта (см. [3; 20; 24; 27; 28; 33]): **бурят. яз.**: *урда жэлынь* ‘в прошлом году’ (букв. *впереди году*), *хойто жэлдэ* ‘в следующем году’ (букв. *в заднем году, стоящем после данного года*), *тишгээн хойно* ‘затем, потом’ (букв. *назад после того, как это произошло*); **кит. яз.**: *ri.qian* ‘несколько дней назад’ (букв. *день.перед*), *ri.hou* ‘в будущем, с последующие дни’ (букв. *день.спина*); **аймара**: *naura tara* ‘прошлый год’ (букв. *год впереди*), *naura racha* ‘прошлое время’ (букв. *время впереди*), *qhiriñi* ‘будущий день’ (букв. *день позади*), *qhira racha* ‘будущее время’ (букв. *время позади*); имея в виду будущее, аймара машет назад через плечо, прошлое – указывает вперед. Такая концептуализация объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее – нет [20; 33].

Преобладание корпоральной оси «впереди–позади» в структурировании темпоральных концептов обусловлено биологически – человек изначально передвигается вдоль горизонтальной оси вперед к своей цели, и, следовательно, будущее оказывается перед ним. Тем не менее, есть языки, в которых время ассоциируется с вертикальным измерением: **бурят. яз.**: *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’; (букв. *быть выше на десять лет*), *энэ доро* ‘сразу, тотчас’ (букв. *под этим*); **кит. яз.**: *shànyuè* ‘прошлый месяц’ (букв. *верх.месяц*), *xìnyuè* ‘следующий месяц’ (букв. *низ.месяц*); **мандарин**: *shang-ban-tian* ‘утро’ (букв. *верх.половина.день*), *xia-ban-tian* ‘день’ (букв. *низ.половина.день*), *shang-ban-yuè* ‘первая половина месяца’ (букв. *верх.половина.месяц*), *xia-ban-yuè* ‘вторая половина месяца’ (букв. *низ.половина.месяц*); **яп. яз.**: *ima kara sanbyaku-ni sakanobori, Edo-jidai dearu* ‘Триста лет назад была эра Эдо’ (букв. *Если подняться на триста лет от сейчас, будет эра Эдо*), *Katakura-jidai kara yonhyaku-nen kudaru to* ‘За четыреста лет от эры Эдо была эра Камакура’ (букв. *Если опуститься на четыреста лет от эры Камакура, будет эра Эдо*) (примеры взяты из: [3; 20; 33; 36; 42]).

Очевидно, что в сознании носителей этих языков более раннее («старшее») событие оказывается «выше» более позднего («молодого»). Предполагается, что в основе такой концептуализации лежит визуальный опыт склонов (*slopes*). Когда мы находимся на возвышении, сила гравитации заставляет нас двигаться (катиться) вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в соотношении «выше → раньше / ниже → позже» [20; 36]. Есть также мнение, что в основе вертикальной концептуализации времени лежит механизм эмпирической корреляции: когда мы ложимся на живот и движемся вперед, наша голова оказывается впереди, при этом голова ассоциируется у нас с верхом [20: 235–236; 42: 111]. Асимметрия оси «верх–низ» объясняется действием физической гравитации [39].

Ось тела «лево–право» оказывается менее значимой по сравнению с остальными, поскольку она практически симметрична и потому менее выпукла в сознании [Op. cit.]. Эта ось не получает выражения в темпоральной семантике; исключения составляют жестовые языки ([34: 512] – со ссылкой на [17]). Однако есть данные, позволяющие усомниться в изначальной симметричности оси «лево–право». Сошлемся на «принцип симметрии» В.И. Вернадского, связанный с обрагимостью/необратимостью процессов, а значит, с временем. В кристаллах правизна и левизна тождественны, но в живых организмах это никогда не бывает так, что объясняется динамической средой живого организма, биогенной миграцией атомов. Неравенство правизны и левизны живого организма передается наследственно и является видовым признаком. Все белки обладают левым вращением плоскости света, как в животных, так и в растениях. Неравенство правизны и левизны охватывает всю морфологию живого тела, и больше того, ее динамику. Оно проявляется в редком проявлении «левшей», причем для некоторых организмов левши являются преобладающими и могут приниматься как видовой признак [4].

Жизненный опыт подсказывает, что отношения «лево–право» усваиваются индивидом позже отношений «впереди–позади» и «верх–низ». Но, как справедливо указывают авторы статьи [34], эти отношения должны репрезентироваться в семантической памяти, по крайней мере, грамотных представителей культур с традицией написания и чтения текста слева направо. В одном из экспериментов носителей испанского языка просили ответить на вопрос о референции предъявляемых на мониторе компьютера слов – означают ли они прошлое или будущее: *pasado* ‘прошлое’ – *futuro* ‘будущее’, *antes* ‘прежде’ – *después* ‘после’, *ayer* ‘вчера’ – *mañana* ‘завтра’, *dijo* ‘он сказал’ – *dirá* ‘он скажет’. При этом слово с семантикой прошлого или будущего могло появиться как слева на экране, так и справа. При ответах испытуемые использовали правую и левую руки. Как и прогнозировалось, испытуемые реагировали быстрее и допускали меньше неточностей, когда слово с семантикой прошлого помещалось слева на мониторе, а с семантикой будущего – справа.

Сопоставительное исследование с носителями испанского языка и иврита со сходным заданием наглядно по-

казало, что в когнитивном пространстве испаноязычного индивида в процессе переработки темпоральных концептов прошлое ассоциируется с левой стороной корпоральной оси «лево–право», а будущее – с правой стороной. В когнитивном пространстве носителя иврита, наоборот, прошлое есть право, а будущее есть лево. Результаты экспериментов демонстрируют не только действенность корпоральной оси «лево–право» в качестве концептуальной опоры в процессе понимания вербальных стимулов с темпоральной семантикой, они показывают связь этой оси с культурно-специфичной традицией написания и чтения текста. Известно, что в испанской и других европейских культурах текст репрезентируется слева направо, а в арабской, иудейской и некоторых других культурах – справа налево [Op. cit.].

Собственный эксперимент с носителями русского языка также продемонстрировал, что индивид опирается на корпоральную ось «лево–право» при понимании выражений с темпоральной семантикой, расставляя события относительно друг друга в своем сознании и, таким образом, наделяя их смыслом «раньше» и «позже». При этом событие «раньше» оказывается соотнесенной с левой стороной тела субъекта, а событие «позже» – с его правой стороной [8; 9]. Эксперимент заключался в том, что испытуемых просили определить день недели при переносе мероприятия (собрания) со среды на два дня вперед. Испытуемые, выбравшие «понедельник», порой указывали, что при ответе опирались на «стрелу времени», на которой они расставляли дни недели относительно друг друга. При этом «впереди» ассоциируется с «раньше», «раньше» ассоциируется с «лево», а «позже» – с «право». Результаты нашего эксперимента не согласуются с неэгоцентрической трактовкой темпоральной когнитивной «согласования времен» (*Monday comes before Tuesday* ‘Понедельник предшествует вторнику’), репрезентирующей темпоральные события (времена) в движении относительно друг друга без участия наблюдателя (см. [29]).

Обратимся вновь к экспериментам исследовательской группы под руководством Л. Майлза [25]. На этот раз англоязычные испытуемые соотносили время (в часах и минутах), появившееся на экране компьютера, относительно момента участия в эксперименте со словами *past* ‘прошлое’ или *future* ‘будущее’, которые также фигурировали на мониторе. В одних случаях «прошлое» было написано слева, а «будущее» – справа, в других – наоборот, «прошлое» помещалось справа, а «будущее» – слева. Результаты продемонстрировали, что траектория искривления руки увеличивалась именно при втором условии, т.е. когда «прошлое» помещалось справа, а «будущее» – слева. Авторы интерпретируют это так, что при выборе ответа рука индивида – носителя английского (американского) языка автоматически тянется вправо для «будущего» и влево – для «прошлого». В работу запускается корпоральная ось нашего тела «лево–право», которая выступает здесь в качестве опоры переработки информации о времени. Для авторов очевидно, что темпоральное мышление и процессы концептуализации времени «включают» сенсомоторную систему человека. Что не менее важно, результаты выявляют до-вербальную и до-концептуальную основу темпорального мышления – двигательную активность человека и архитектуру его тела.

В качестве вывода хотелось бы подчеркнуть, что осознание времени индивидом безусловно имеет корпоральную, телесную основу. М. Мерло-Понти как-то сказал: «Не обладай я телом, пространство для меня не существовало бы» [б: 141]. Думаем, что эту мысль можно было бы развить: без тела не было бы у человека ни пространства, ни времени. Время для человека связано с жизнью, которую он проживает. Человек, его тело, всегда остается точкой отчета для любого события, которое не безразлично для его мышления, сознания, эмоционально-оценочного переживания. Темпоральный опыт неразрывно связан с опытом движения и прежде всего самодвижения, кинестезии, проприоцепции. Признаки темпоральности как продукты переработки культурно-специфичного опыта вторичны, они обусловлены универсальным биологическим опытом (само)движения и восприятия.

Cognitive science today is in many ways embodied cognitive science. It holds that the nature of the human mind is largely determined by the form of the human body, and opposition of primary and secondary concepts is in many respects a convention. On the view of the Conceptual Metaphor framework pioneered by Lakoff and Johnson (1980) motion and spatial concepts metaphorically structure temporal concepts. From the phenomenological point, temporality constitutes a real experience. Cognition is temporal at base (Evans, 2004). Conceptualization of time is much dependent on the two body directions or axes: the front/back axis and the bottom/up axis. As a rule, the left/right body axis is ignored in temporal cognition research.

Key words: *conceptualization of time, temporal concepts, cognitive model, conceptual metaphor, conceptual metonymy, corporeal (body) axis, loco(motion)*

Список литературы

1. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Андреева О.А. Метафорические модели времени в кетском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4 (55). С. 181–185.
3. Бардамова Е.А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Архангельск: Поморский государственный университет, 2007. Вып. 3. С. 113–119.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 519 с.
5. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 123–130.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: Пер. с франц. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. 603 с.
7. РЭС – Русско-эстонский словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://poliglos.info/dict/dfind.php> (дата обращения 07.11.2008).

8. Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур: Монография. – Брянск: РИО Брянского госуниверситета; «Ладомир», 2009. 240 с.
9. Чугунова С.А. Время в языке и сознании: Интегративный подход Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 424 с.
10. АБВУ Lingvo – Электронные словари АБВУ Lingvo [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения 07.11.2008).
11. Ahrens K. & Huang Chu-Ren. Time passing is motion // *Language and Linguistics*. 2002. Vol. 3, № 3. Pp. 491–519.
12. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update // R. Dirven & R. Pörings (Eds.), *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 207–278.
13. Barcelona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // A. Barcelona (Ed.), *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 31–58.
14. Botne R. Cognitive schemas and motion verbs: Coming and going in Chindali (Eastern Bantu) // *Cognitive Linguistics*. 2005. Vol. 16, № 1. Pp. 43–80.
15. Crick F. & Koch C. Consciousness and neuroscience // *Cerebral Cortex*. 1998. Vol. 8. Pp. 97–107.
16. Dennet D. *Consciousness explained*. Boston, MA: Little Brown and Co., 1991. 511 p.
17. Emmorey K. Space on hand: The exploitation of signing space to illustrate abstract thought // M. Gattis (Ed.), *Spatial schemas and abstract thought*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. Pp. 147–174.
18. Engel A.K., König P. & Singer W. Direct physiological evidence for scene segmentation by temporal coding // *Proceedings of the National Academy of Sciences of U.S.A.*, 1991. Vol. 88. Pp. 9136–9140.
19. Engel A.K., König P., Kreiter A. K., Schillen T. B. & Singer W. Temporal coding in the visual cortex: New vistas on integration in the nervous system // *Trends in Neurosciences*. 1992. Vol. 15, № 6. Pp. 218–226.
20. Evans V. *The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. 286 p.
21. Haspelmath M. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. München; Newcastle: LINCOM EUROPA, 1997. 188 p.
22. Jackendoff R. *Languages of the mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 200 p.
23. Lakoff G. & Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003 (1st ed. 1980). 276 p.
24. Klein H.E.M. The future precedes the past: time in Toba // *Word*. 1987. Vol. 38. Pp. 173–185.
25. Miles L.K., Betka E., Pendry L.F. & Macrae C.N. Mapping temporal constructs: Actions reveal that time is a place // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2010. Vol. 63, № 11. Pp. 2113–2119.
26. Miles L.K., Nind L.K. & Macrae C.N. Moving through time // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21, № 2. Pp. 222–223.
27. Miracle A. & Yapita Moya J. Time and space in Aymara // M. Hardman (Ed.), *The Aymara language and its social and cultural context*. Gainesville, FL: University of Florida Press, 1981. Pp. 33–56.
28. Núñez R. & Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // *Cognitive Science*. 2006. Vol. 30, № 3. Pp. 401–450.
29. Núñez R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // *Metaphor and Symbol*. 2006. Vol. 21, № 3. Pp. 133–146.
30. Özçalışkan Ş. Metaphor meets typology: Ways of moving metaphorically in English and Turkish // *Cognitive Linguistics*. 2005. Vol. 16, № 1. Pp. 207–246.
31. Pöppel E. Temporal mechanisms in perception // O. Sporns & G. Tononi (Eds.), *Selectionism and the brain: International review of neurology*. San Diego, CA: Academic Press. 1994. Vol. 37. Pp. 185–201.
32. Ouellet M., Santiago J., Funes M. J., & Lupiáñez J. Thinking about the future moves attention to the right // *Journal of Experimental Psychology: Human, Perception and Performance*. 2010. Vol. 36, № 1. Pp. 17–24.
33. Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages // N. Baumgarten, C. Böttger, M. Motz & J. Probst, (eds.), *Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen. – Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]*. Mei, 2003. Jahrgang 8. № 2/3. S. 226–239.
34. Santiago J., Lupiáñez J., Pérez E. & Funes M.-J. Time (also) flies from left to right // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2007. Vol. 14, № 3. Pp. 512–516.
35. Sheets-Johnstone M. *The primacy of movement*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2011 (1st ed. 1999). 574 p.
36. Shinohara K. & Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Ed.), *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 2. Pp. 261–283.
37. Spencer H. *The principles of psychology*. Ch. XIII–XV. – London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855. 620 p. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1394
38. Thelen E. Time-scale dynamics in the development of an embodied cognition // R. Port & T. van Gelder (Ed.),

Mind in motion. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. Pp. 69–100.

39. Tversky B. Functional significance of visuospatial representations // P. Shah & A. Miyake (Eds.), Handbook of higher-level visuospatial thinking. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 1–34.

40. Varela F.J. Brain time, cognitive time // J. Montangero & A. Tryphon (Eds.), Psychologie génétique et sciences cognitive, 12th Piaget Symposium, Presses University Geneve, 1991. Pp. 195–209.

41. Varela F. J. The specious present: A neurophenomenology of time consciousness // J. Petitot, F.J. Varela, B. Pachoud & J.-M. Roy (Eds.), Naturalizing phenomenology: Issues in contemporary phenomenology and cognitive science, Stanford: Stanford University Press, 1999. Pp. 266–314 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.franzreichle.ch/images/Francisco_Varela/Human_Consciousness_Article02.htm

42. Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. Amsterdam: John Benjamins, 1998. 278 p.

Об авторе

Чугунова С.А. – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *chugunovasvetal@rambler.ru*

УДК 811.111'24

РУССКИЙ ИДИОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИОПАССИВНОГО ЗАЛОГА

Н.В. Щенникова

Статья посвящена вопросу влияния гомоморфных синтаксических структур английского и русского языков на выбор синтаксических структур русского идиома английского языка.

Ключевые слова: билингвизм, русский идиом английского языка, грамматический идиоэтизм, речевая норма, модели речевого поведения.

Формирование иноязычной лингвистической компетенции россиян происходит в основном в процессе формального, специально организованного обучения. По сравнению с языком, на котором говорит английский этнос (далее язык-источник), результат освоения английского языка в искусственных условиях педагогического дискурса представляет собой в той или иной степени видоизмененную форму английского языка и обладает рядом специфических черт. Вслед за проф. В.М. Савицким и его учениками [1, 2] мы считаем обоснованным определить модификацию английского языка, представленную в языковом сознании его русскоязычных пользователей, как *русский идиом английского языка* (РИАЯ). Это соотносится с определением, которое сформулировал В.А. Виноградов: «Идиом – общий термин для обозначения различных языковых образований – языка, диалекта, говора, литературного языка, его варианта и других форм существования языка. Термин «идиом» используется в тех случаях, когда определение точного лингвистического статуса языкового образования затруднено» [3]. Иноязычную компетенцию русскоязычных учащихся традиционно рассматривали с точки зрения лингводидактики как набор ошибок и девиаций и разрабатывали методические алгоритмы борьбы с ними. Одним из центральных понятий в этой учебно-методической и дидактической проблематике является понятие интерференции (от англ. interference – «вмешательство, помеха, препятствие»). Высоко оценивая достижения отечественной и зарубежной лингводидактики (Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Г.В. Рогова, Я.М. Колкер, Р.П. Мильруд, И. Л. Бим, Л.А. Карева, И.А. Дехерт, Б.А. Лапидус, Е.И. Пассов, И.А. Зимняя, L. Selinker, V. Cook, R. Ellis, S. Gass, D. Larsen-Freeman, M. Long, R. Mitchell, F. Myles, L. White и др.), мы считаем, что необходимо изучить модифицированную англоязычную компетенцию с точки зрения теоретической лингвистики на всех языковых уровнях. Это иной подход к данной проблематике: наше описание идиома носит констатирующий характер и не имеет целью отразить несовершенства лингводидактических усилий и индивидуальные огрехи учащихся и преподавателей. РИАЯ в нашем понимании – реальная, широко распространенная, достаточно эффективно функционирующая на международной арене и полноправная коммуникативная система, существующая параллельно с английским языком-источником. Идиом обладает рядом специфических черт по сравнению с аутентичным языком, а с теми его модификациями, которые используются носителями других языков (итальянский идиом английского языка, китайский идиом английского языка, немецкий идиом английского языка и проч.).

Цель нашего исследования – полиаспектное описание РИАЯ как самостоятельной коммуникативной системы, особенностей его структуры и функций по сравнению с языком-источником. Необходимость изучения международных коммуникативных систем, которые в глобальном масштабе приобретают всё большее значение, определяют актуальность исследования. Эта форма английского языка являет собой тот инструмент, с помощью которого современное российское общество может принимать участие в межкультурном общении и быть вовлеченным в качестве активного субъекта в процессы мировой глобализации и интеграции. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении РИАЯ не с учебно-методических и дидактических позиций, а под углом зрения кросс-культурной коммуникации. Это социо-, культурно- и психолингвистическая проблематика. В наши задачи входит выяснить, как общение на РИАЯ между носителями русского и английского языков способствует передаче особенностей российского менталитета; как происходит кодирование смысла на этом идиоме, представляющего собой гибрид двух ментальностей;

и что получается, когда участники коммуникации общаются на разных модификациях одного и того же языка.

Исследование проводится с 2005 и продолжается по настоящий момент. Участниками экспериментов и информантами являются студенты и выпускники факультета иностранных языков Пензенского государственного педагогического университета (210 человек), студенты отделения лингвистики пензенского филиала Современной гуманитарной академии (30 человек), преподавательский состав кафедры английского языка и методики его преподавания (12 человек) и кафедры перевода и переводоведения (14 человек) Пензенского государственного педагогического университета, носители английского языка (17 человек). Материалом исследования является корпус языковых образований (на настоящий момент 3.500), собранных в результате наблюдения за устной и письменной речью пользователей идиома, опроса русскоязычных и англоязычных информантов, экспериментов с участием пользователей РИАЯ. Для анализа этноспецифики процессов формирования и формулирования мысли на идиоме был использован индуктивный метод: конкретный корпус собранного речевого материала на идиоме является источником информации о сформированной аппроксимативной системе, в которой проявляются характерные для субординативных билингвов новые когнитивные и речевые структуры, не присущие их первичному языковому сознанию. Индуктивный метод, применяемый в настоящем исследовании, подразумевает два этапа анализа материала. **Ономасиологический этап:** при предполагаемой изоморфности в плане содержания выявляется гомоморфность в плане выражения и устанавливается своеобразный характер подбора материальных средств для вербализации мысли на РИАЯ по сравнению с языком-источником. Нормативные речевые произведения информантов-носителей английского языка являются эталоном сопоставления для выявления специфики речевой формы на идиоме. **Констатирующий этап:** массовые устойчивые отклонения или девиации от нормативных речевых произведений на языке-источнике объясняются влиянием системных и нормативных характеристик родного языка.

Идиоэтизм РИАЯ представляет собой сложный и объемный исследовательский объект, затрагивающий фонетический, грамматический, лексико-фразеологический аспекты. Среди факторов грамматического идиоэтизма мы выделяем этносоциокультурные, прагматические, структурно-языковые, когнитивные. В рамках статьи описан частный структурно-языковой аспект речи на идиоме, а именно о особенности употребления медиопассивного залога.

Отправной точкой рассмотрения специфики залоговых микросистем в РИАЯ является неоднократно постулируемая разница в структуре и значении залоговых конструкций в английском и русском языках. Отсутствие межязыкового изоморфизма в этой синтаксически значимой глагольной категории приводит к определенным отклонениям в РИАЯ от аутентичной английской нормы.

Проведенные исследования позволяют констатировать, что **в речи на РИАЯ меньше конструкций медиопассивного залога, чем в аутентичной английской речи.**

Английский язык богаче различными средствами передачи пассивности, чем русский. Особого внимания заслуживают средства передачи медиального значения с помощью некоторых непереходных глаголов, выражающих состояние неодушевленного объекта или его свойства. Медиальное значение передается с помощью медиопассивного залога, определенного Б.А. Ильишом как *middle voice* [4, с. 115]. Он употребляется в тех случаях, когда субъект действия не значим и поэтому эксплицитно не выражен; неодушевленный субъект выполняет действие, характерное для человека, а глагольная форма представляет действие как самопроизвольное и приобретает медиальное значение. Число глаголов, употребляющихся в медиопассивном залоге в английском языке невелико. Проблема медиопассивного залога связана с категорией переходности и непереходности английских глаголов. Следует отметить, что чисто переходных или чисто непереходных глаголов в английском языке немного, переходные глаголы могут приобретать непереходные значения или лексико-семантические варианты и наоборот. В смешанном характере глаголов легко убедиться, полистав словари. Многие глаголы содержат пометы *vi/vt* или *vt/vi* в зависимости от преобладания переходных или непереходных значений в их семантической структуре. Медиальное значение приобретают глаголы в непереходных значениях. Наши исследования показали, что у пользователей РИАЯ не возникает особых проблем с адекватным употреблением в активном и медиопассивном залогах таких частотных глаголов как *open, close, begin, start, finish, continue*, поскольку активная и медиопассивная формы английской речевой нормы согласуются с наличием или отсутствием возвратной частицы *-ся* у соответствующих русских глаголов. Кроме того, активная и медиопассивная формы примерно с равной частотностью употребляются в английском языке и относятся к пласту часто употребляемой лексики. Ср.: *The therapist began the session. – Доктор начал сеанс. The session began. – Сеанс начался.* В отношении этих немногочисленных глаголов можно утверждать, что норма речи на РИАЯ совпадает с аутентичной нормой. Однако существуют глаголы, широко употребляемые в медиопассивном залоге в английском языке, но не употребляющиеся в указанной форме на РИАЯ:

- *to pay* в значении “окупаться”: *It pays to advertise. – Расходы на рекламу всегда окупаются.*
- *to wash* в значении “отмываться, отстирываться”: *This fabric doesn't wash well. – Этот материал плохо стирается.*
- *to lock* в значении “запирается”: *The door will not lock. – Дверь не запирается.*
- *to iron* – “хорошо гладиться, утюжиться”, *This fabric irons well. – Этот материал хорошо гладится.*
- *to resume* – “продолжиться, возобновиться”: *The talks resumed in April – Переговоры продолжились в апреле.*
- *to apply* – “применяться; распространяться”: *This rule applies to all. – Это правило относится ко всем.*

Наше исследование показало нулевую частотность их употребления в подготовленной и спонтанной речи субъектов РИАЯ. Неупотребление указанных английских глаголов в медиопассивном залоге является маркером

идиотнизма речи русскоязычных билингов. С нашей точки зрения, среди причин этого отклонения РИАЯ от нормы аутентичной речи могут быть следующие:

1. Резкое преобладание активной формы глаголов по частотности употребления в нормативной речи по сравнению с медиопассивной формой. Например, *to pay* в значении “платить” ощутимо преобладает в речи по частотности над значением “окупаться”, *to build* в значении “строить” – над значением “застраиваться”, *to wash* в значении “мыть, стирать” – над значением “отмываться, отстирываться”, *to lock* в значении “запираеть” – над значением “запираеться”, *to iron* в значении “гладить, утюжить” – над значением “хорошо гладиться, утюжиться”.

2. Формальные различия у русских глаголов, соответствующих активной и медиопассивной формам английских глаголов. Например, английский глагол *to pay* соответствует разнокорневым русским глаголам *платить* и *окупаться*, *to show* – *показывать* и *проявляться*, *to sell* – *продавать* и *расходиться*, *to taste* – *пробовать на вкус* и *иметь вкус, воздействовать на вкусовые рецепторы*, *to smell* – *нюхать* и *иметь запах*, *to weigh* – *весить* и *взвешивать*, *to feel* – *чувствовать* и *быть на ощупь*, *to build* – *строить* и *формироваться*, *to read* – *читать* и *гласить*, *to give* – *давать* и *подаваться, сдаваться, ломаться*. В связи с формальными различиями в соответствующих русских глаголах имеет место выраженная диссоциативная тенденция на РИАЯ, т.е. пользователи РИАЯ склонны приписывать данные значения разным по формальным характеристикам английским языковым единицам. Как результат, в речи на РИАЯ медиопассивная форма таких глаголов почти не употребляется.

3. Низкая или нулевая осведомленность русских билингов о потенциале употребления английских глаголов в медиопассивном залоге. В рамках исследования респонденты получили задание перевести русские предложения с использованием предложенных глаголов. Все респонденты употребили пассивный залог и инфинитивные конструкции:

Русская речь	Речь на РИАЯ (предложенные варианты)	Аутентичная английская речь (непредложенные варианты)
Платье застегивается сзади (to button).	<i>The dress is buttoned in the back.</i>	<i>The dress buttons in back.</i>
Этим велосипедом легко управлять (to steer). Он легко управляется.	<i>It's easy to steer this bicycle. This bicycle is easy to steer.</i>	<i>This bicycle steers easily.</i>
Рубашка тяжело отстирывается (to wash).	<i>It's difficult to wash this shirt. This shirt is difficult to wash.</i>	<i>The shirt washes hard.</i>
Дверь запирается тяжело (to lock).	<i>It's hard to lock this door. This door is hard to lock.</i>	<i>The door locks hard.</i>
Эти брюки хорошо/легко гладятся (to iron).	<i>These trousers are easy to iron. It's easy to iron these trousers.</i>	<i>These trousers iron easily.</i>
Рис готовится быстро (to cook).	<i>Rice is cooked quickly. It's quick to cook rice.</i>	<i>Rice cooks quickly.</i>

Варианты 2 колонки не противоречат требованиям системы английского языка. В аутентичной английской речи встречаются варианты 2 и 3 колонок, тогда как в речи на РИАЯ – только 2, что является проецированием языковой специфики внутреннего кода русскоговорящих билингов. Неупотребление в речи на РИАЯ вариантов 3 колонки пополняет список отличий РИАЯ от языка-источника.

Итак, в статье кратко описаны некоторые аспекты специфики грамматического оформления речи РИАЯ, обусловленные гомоморфизмом медиопассивного залога. Они были установлены с помощью сопоставления речи на РИАЯ с изосемантической речью на аутентичном английском языке. Характер субъект-объектных отношений в залоговых конструкциях отражается в валентности глагола и определяет синтаксическую структуру предложения. Сложность адекватного употребления залоговых конструкций для пользователей РИАЯ состоит, во-первых, в недостаточной осведомленности о валентности глаголов, о значениях всех лексико-семантических вариантов многозначных глаголов, об устойчивых выражениях фразеологического характера, во-вторых, в переносе структурно-семантического потенциала глаголов родного языка на английские глаголы. В целом не нарушая требования языковой системы английского языка, пользователи РИАЯ в своей речи допускают массовые устойчивые отклонения в морфосинтаксическом аспекте от нормы и узуса аутентичной английской речи. Они подсознательно выбирают те грамматические конструкции английского языка, которые являются структурно-семантическими аналогами конструкций родного языка, и избегают тех конструкций, аналогов которым они не находят. Это демонстрирует основную закономерность порождения речи на неродном языке и определяет грамматический идиотнизм неаутентичной англоязычной речи в силу автоматизированного выбора семантико-синтаксических средств для вербализации мысли. Предпочтения одних способов объективации мысли на английском языке другим устанавливаются в языковом пространстве РИАЯ при корректирующем и интерферирующем влиянии системы, нормы и узуса русского языка как внутреннего кода пользователей РИАЯ.

Мы считаем, что синхроническое описание идиома как самостоятельной коммуникативной системы позволит определить его структурно-функциональные особенности по сравнению с языком-источником, с одной стороны, и другими его идиомами, с другой стороны. РИАЯ заслуживает научного внимания как реально функционирующий

субъект языкового континуума, в котором сосуществуют языковые образования разного генеза и разного функционального потенциала.

The paper specifies the influence of homomorphic syntactic structures of the English and Russian languages on the choice of syntactic structures of Russian idiom of the English language.

Keywords: *bilingualism, Russian idiom of the English language, grammatical idioethnism, speech norms, speech patterns.*

Список литературы

1. Савицкий В.М., Куровская А.Е. Национальная специфика английской речи (грамматический аспект) / В.М. Савицкий, А.Е. Куровская. – Москва: МГПУ, 2004. – 145 с.
2. Савицкий В.М., Плеханов А.Е. Идиоэтнизм речи (проблемы лексической сочетаемости): пособие для студентов и преподавателей / В.М. Савицкий, А.Е. Плеханов. – Москва: МГПУ, 2001. – 188 с.
3. Виноградов В.А. Идиом [Текст] // ЛЭС. – М.: Сов. Энци., 1990. – С. 171.
4. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / Б.А. Ильиш. – 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1971. – 365 с.

Об авторе

Щенникова Н.В. – доцент кафедры перевода и переводоведения, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный университет, schennikova@list.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный.

Статьи представляются в редколлегии серий в печатном и электронном виде с использованием Microsoft Word для Windows. Поля страницы: левое - 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал - одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются.

Статьи формируются редколлегиями серий и предоставляются в редакционно-издательский отдел для верстки. Периодичность выхода - №1 (январь-март), №2 (апрель-июнь), №3 (июль-сентябрь), №4 (октябрь-декабрь).

Объем статей, как правило, не должен превышать 12 страниц, включая список литературы. Список литературы формировать в порядке цитирования или в алфавитном порядке (в начале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. **Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках.** Подписи к рисункам, таблицам – шрифт Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, полужирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать инициалы и фамилии авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». П.7.4.2. (текст см.: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>)

Аннотация статьи не должна превышать 1200 знаков (с пробелами) и располагаться ниже на два пробела от последнего адреса места работы авторов – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по ширине. В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (5 – 7).

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Авторы, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Элементы схем и рисунков, выполняемые средствами MS Word, необходимо группировать в единый объект с расположением «В тексте». Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте.

Векторные величины выделяются **прямым полужирным шрифтом**. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки.

В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

В конце статьи на английском языке приводятся название, инициалы и фамилии авторов, адреса мест работы авторов, аннотация и ключевые слова с теми же правилами оформления, что и на русском языке.

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: Фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редколлегии серий направляют полученные статьи на рецензирование.

Редколлегии серий оставляют за собой право вернуть статью на доработку.

Контактная информация:

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционн-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ/ПРАВО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ//ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Учредитель ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

Главный редактор
доктор филологических наук,
профессор А.В.Антюхов

**Свидетельство о регистрации выдано Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия ПИ № ФС77-515557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Роспечать» -47075 годовая
Подписной индекс «Пресса России»- 40705 годовая

Адрес редакции:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать 23.06.2014. Формат 60x84/8.
Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 48,63 Тираж 500 экз. Свободная цена.

РИО ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Отпечатано в типографии РИО БГУ
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20